

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

1

стр.

5. Письма Ив. С. Ананова къ Н. А. Елагину. Сообщ. М. В. Безърь.
14. Къ исторіи Смоленска. Автобіографія І. Г. Тыртова. Съ введеніемъ и примѣчаніями Б. Модзалевскаго.
22. Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ. Письма Императора Николая I, Императора Александра II, Ф. М. Достоевскаго, И. А. Тургенева, А. Островскаго, И. Лажечникова, А. Потѣхина, Н. Некрасова, Апухтина, Я. Полонскаго, гр. М. Ю. Вельгорскаго.
31. Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. свящ. Николай Модестовъ.
49. Переписка кн. Д. И. Долгорукаго.
85. Къ двадцатипятилѣтнюю научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова. Адресъ, поднесенный Л. М. Савелову чинами Моск. отд. Общ. Архива Мин. Императорскаго двора.
86. Прусификація Германіи, ея исторія, цѣли и слѣдствія. Барона де Бая.
106. Рескриптъ Екатерины II-ой о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года. Сообщ. П. Л. Кдинъ.
111. Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру. Изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья В. Голубева.
117. Два Ивана или истребленіе Дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.

Внутри обложки. О книгахъ: Сборникъ въ память кн. П. П. Вяземскаго; Сборникъ статей, посвященныхъ Л. М. Савелову; В. З. Завитъевича, Русскіе Славнофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности; А. А. Глазунова, Матеріалы для исторіи Русской иконописи; Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1907 г.; Б. Старовърова. Нѣмецкое плѣненіе Харьковскаго университета. Вѣстникъ О-ва Ревнигелей исторіи, в. I.

Принимается подписка на 1915 годъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

**Сборникъ въ память князя
Павла Петровича Вяземскаго.**
П. 1915. Изданіе Имп. Общ. Люб.
Древней Письменности.

Главная часть изданныхъ здѣсь матеріаловъ говорить о первыхъ шагахъ основаннаго кн. Вяземскимъ Общества Любителей Древней Письменности. Они были сдѣланы такъ недавно, и потому матеріалы пестрятъ именами иногда только-что почившихъ членовъ Общества, иногда еще здравствующихъ. Это—письма кн. Вяземскаго и П. П. Барсукова къ гр. С. Д. Шереметеву. Сверхъ того, мы здѣсь находимъ воспоминанія г-жи Кавелиной о кн. Вяземскомъ и письмо П. П. Барсукова къ гр. Е. П. Шереметевой о кончинѣ и похоронахъ Вяземскаго (въ 1888 г.).

„Сборникъ статей посвященныхъ Л. М. Савелову“. Изданіе Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ подъ редакціей **И. Н. Бороздина, Н. В. Мятлева и Н. П. Чулкова.** 329 стр.

Историко-Родословное Общество постановило ознаменовать исполнившееся 8-го Февраля сего года двадцатипятилѣтіе научно-литературной дѣятельности Леонида Михайловича Савелова изданіемъ сборника статей въ честь его. Читателямъ Русскаго Архива вѣтъ нужды говорить о значеніи Л. М. Савелова, какъ выдающагося знатока исторіи отечественной, столь плодотворно потрудившагося въ области генеалогіи и родословія. Къ сборнику приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ Л. М., составленный Л. Хомецко, просматривая который невольно дивнись его необыкновенному трудолюбію, глубокой разносторонней учености. Не ограничивая дѣятельности своей одними научными розысканіями, Л. М. Савеловъ ясно сознавалъ необходимость установить живое общеніе между тѣми, кто любить родное прошлое и отдался изученію родословныхъ, и задумалъ осно-

вать въ Первопрестольной Историко-Родословное общество.

Утвержденное въ 1905-омъ году, когда темныя своей землѣ несвоезвѣныя силы пытались поколебать устои государства. Историко-Родословное общество самымъ возникновеніемъ своимъ показало, сколько жизненности, правды и мощи въ томъ, что тѣлились изобразить отживающимъ, лживымъ и устарѣлымъ. Весьма знаменательно, что двадцатипятилѣтіе научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова совпало съ десятилѣтіемъ Общества, на преусѣяніе коего онъ положилъ не мало труда и рачительной заботливости.

Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей слѣдуетъ отмѣтить: очеркъ Д. Савелова о Патріархѣ Іоакимѣ (Савеловѣ), гдѣ приведены всѣкія возраженія противъ различныхъ навѣтовъ на память святителя. „Семейныя Лѣтоисцы“ Б. Модзалевскаго. „Князь Бекевичъ-Черкасскіе“ С. Любимова (согласно преданіямъ семейнымъ слѣдовало бы писать Черкасскіе съ однимъ с), любопытнѣйшее изысканіе Н. Чулкова о родѣ де-Витте, Письма Императрицы Елисаветы Алексѣевны, сообщенныя Предсѣдателемъ Тульской Ученой Архивной Комиссіи В. Арсеньевымъ, гдѣ въ каждой строчкѣ сквозитъ чудное сердце и возвышенная душа скорбной супруги Александра Павловича. „Изъ семейныхъ преданій рода Загоскихъ“ М. Загокина, рассказъ о св. Серафимѣ Саровскомъ, М. Любавскій. „Къ толкованію 73 статьи „Русской Правды““, Н. Мятлевъ. „Къ родословію князей Мстиславскихъ“. И. Бороздинъ „Казаки въ Бельгіи въ 1814 году“, очень живо описавшій отношеніе Бельгійцевъ къ доблестнымъ воинамъ нашимъ.

Книга снабжена рисунками, гербомъ и портретомъ Л. М. Савелова и ласкаетъ глазъ скромнымъ изяществомъ изданія.

П. В. (младшій.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІИ АРХІВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спусти три мѣсяца со дня разсылки книжекъ контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартенева, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Пров. Н. П. Воголѣновъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминаніи 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О Русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Неверовскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки Сенатора И. В. Лопухина;—Письма Фельдмаршала Князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ Князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристины и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. И. Беэръ).—Записки Леонтьева;—Письмо Архимандрита Фотія къ Лэди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самофлорича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма Властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записки Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Занятія Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Паладія съ Генераль-Губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія Кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. Гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки Гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартенева о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алисова къ супругѣ; сообщ. Гр. Соллогубъ.—Страничка изъ исторіи Смутаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы Царевнъ Прасковьи Иоанновны и Екатерины Иоанновны управителю ихъ вотчинъ, Кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеневыхъ; сообщ. В. С. Арсеневымъ.—Письма Кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. П. С. Вѣляевъ.—Католикосъ Юсифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартенева (младшій).

**Отъ Комитета Ея Императорскаго Высочества
Великой Княжны ТАТІАНЫ НИКОЛАЕВНЫ для оказанія
временной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій.**

Наступилъ седьмой мѣсяць войны.

Велика нужда населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ кровавой чредой развернулись военныя дѣйствія. А мѣстъ этихъ все прибываетъ: къ Западнымъ губерніямъ нашимъ прибавились Черноморское и Балтійское побережья.

Звѣрскій врагъ не только въ конецъ разоряетъ мирныхъ жителей, безопасно громитъ ихъ жилища и расхищаетъ ихъ имущество, но, уводя въ плѣнъ или убивая главу семьи, неумолимо обрекаетъ сиротъ на голодную смерть.

Нужда жгучая—многія тысячи страдальцевъ остались безъ крова, одежды и хлѣба, а зима не ждетъ.

Комитетъ Ея Высочества взываетъ къ добрымъ чувствамъ русскихъ людей; велики жертвы ихъ на раненыхъ воиновъ, на доблестныхъ защитниковъ Отечества и на ихъ семьи. Но не отвернуть они милосердаго лица своего и отъ изстрадавшихся обнищавшихъ братіи своихъ, принявшихъ на грудь свою ударъ вражескій и неблагополучіемъ своимъ охраняющихъ благополучіе всей Земли Русской.

СЪ МИРА ПО НИТКѢ, ГОЛОМУ—РУБАШКА.

Пожертвованія направляются къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княжны ТАТІАНѢ НИКОЛАЕВНѢ въ Царское Село или въ Петроградъ, къ Предсѣдателю Комитета А. Б. Нейдгарту, Кирочная, 40, или въ Канцелярію Комитета, ул. Жуковского, 59.

ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА

И. И. Бартепневъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Дг Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ

1915

I

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

О вспомни свой удѣль высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Хомяковъ.

1915

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1915

ПИСЬМА ИВ. С. АКСАКОВА КЪ Н. А. ЕЛАГИНУ

Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Вижу по газетамъ, что Вы утверждены мировымъ посредникомъ. Богъ въ помощь! Я съ своей стороны могу Вамъ также сообщить добрую вѣсть: мнѣ разрѣшили издаваніе газеты, и я начну ее издавать съ 15 Сентября. Теперь къ дѣлу. У меня будетъ тамъ особый отдѣлъ, посвященный крестьянскому дѣлу, „свѣдѣніямъ о ходѣ мирового посредничества, разнымъ случаямъ мировой посреднической практики“ и пр., и пр. Внося эти слова въ программу, я надѣялся на Васъ, какъ на каменный столбъ, и надѣюсь. Заготовьте мнѣ статьи и письма, хоть отъ своего лица, хоть подъ вымышленнымъ именемъ; описывайте толки крестьянъ и вырабатывающіяся изъ этихъ толковъ возрѣнія и убѣжденія, слагающіяся понятія юридическія; также передавайте, что слагается въ головкахъ дворянскихъ. Теперь въ губерніи жить интересно. Жизнь проснулась, хоть для того, чтобы, проснувшись, увидѣть свою наготу, и какъ срамной непристойно спалось; есть движеніе, хотя бы оно и было движеніемъ разложенія. Старый порядокъ осѣлъ или осѣдаетъ, дезорганизация полная; тутъ то и любопытно приводитъ проявленіе силы организующей въ народѣ. Что тамъ стоитъ за всѣми этими надстройками и вѣрами? Какой тамъ материкъ окажется подъ всѣми этими слоями хлама? Какъ глубоко слой лжи и отупленія?—Я убѣжденъ, что намъ еще долго вращаться во всякомъ безобразіи. Вся мерзость, издавшаяся въ насъ отъ 150-лѣтней спячки народа, отъ реформы Петра, отъ этого слоя 150-лѣтней толщины всякой гнусности,—вся болѣзнь, однимъ словомъ, должна высыпать наружу, какъ сыпь, потомъ подсохнетъ и спрячется. Но красива будетъ Россія въ сыпи. Въ настоящую минуту высыпетъ наружу вся болѣзнь, которая засѣла глубоко въ самый народъ. Вся порча, которая до сихъ поръ была почти незамѣтна, даже смѣшна, болѣе чѣмъ опасна,—непремѣнно должна себя заявить. Долго придется намъ изживать ложь! Экъ, сколько ея накопилось!

Вотъ именно изслѣдованія, анализъ этой лжи, особенно важенъ теперь, такъ же, какъ и зоркое наблюденіе—не вырастаетъ ли гдѣ въ тиши, пока незамѣтно, свѣжая новая спасительная сила. Впрочемъ, что же Вамъ объ этомъ писать. Вы не хуже меня знаете въ настоящую минуту, что интересно. Только пишите! Пишите хоть въ формѣ писемъ, не стѣсняясь цензурой. Что Вамъ объ этомъ заботиться? Цензура себя не забудетъ.

Новостей никакихъ особенныхъ сообщить Вамъ не могу. Какія есть, Вы знаете. Ковалевскій, Министръ, выходитъ,..... и газеты, и университеты, на мѣсто его адмиралъ Графъ Путятинъ. Объ немъ говорятъ много хорошаго и много дурного. Хорошо то, что онъ чловѣкъ очень образованный, долго жилъ въ Англіи, женатъ на Англичанкѣ, слѣдовательно не долженъ стоять за цензуру. Дурно то, что онъ какой то фанатикъ православія въ худомъ смыслѣ;—онъ пріѣзжалъ сюда за благословіемъ Филарета; симптомъ опасный.—Кн. Горчаковъ Варшавскій умеръ; пока его должность исправляетъ Военный Министръ.....!!!—Государь съ женой и двумя дѣтьми въ Москвѣ, живетъ бариномъ, пьетъ семейно чай на Воробьевыхъ горахъ. Народъ вездѣ встрѣчаетъ его хорошо. Никакихъ демонстрацій не было, адресовъ также; предводители всѣ по уздамъ. Москва пуста.

Всѣ разъѣзжаются, но мы остаемся въ Москвѣ. У насъ есть хорошенькій садикъ и терасса при домѣ, замѣняющіе дачу. Къ тому же въ Іюль надо будетъ пріискивать квартиру. Публикаціи пуцу скоро, но еще не написалъ.

Нечего и говорить какъ трудно теперь мнѣ издавать газету, теперь, при отсутствіи не только сотрудниковъ, но цѣлой среды сочувственной, вдохновляющей, вразумляющей, ободряющей. Вы и Ваши всѣ Ал. должны быть мнѣ горячими сотрудниками. Неужели же будетъ не такъ?

Наши всѣ здоровы, кланяются Вамъ и Авдотѣ Петровнѣ, у которой цѣлую усердно ручки.

Обнимаю Васъ.

Весь Вашъ Ив. Аксаковъ.

22 Мая. 1861. Москва.

Правда, что В. Ал.¹⁾ идетъ въ посредники? Я уже давно не имѣю писемъ ни отъ него, ни отъ Кат. Ивановны; которая, впрочемъ, недавно писала.

¹⁾ Владиміръ Алексѣевичъ Елагинъ.

Москва, Понед., 10 Юля. 1861.

Спѣшу увѣдомить Васъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, что Дацiаро еще не получилъ Вашихъ картинъ, но говоритъ, что получить ихъ дня черезъ три. Какъ только получитъ, я самъ немедленно отправлю.

Ваше послѣднее письмо очень интересно. Это хорошо, что Вы передѣляли присягу по своему, но не хорошо, что Вы не ведете книги, не записываете всѣхъ случаевъ разбирательства. Вѣдь эти книги—драгоценнѣйшій матеріалъ для исторіи нашего времени, для опредѣленія степени и качества нравственнаго развитія—благороднаго дворянства, съ одной стороны, и простого народа. Мнѣ нуженъ отъ Васъ непременно отчетъ: имена—Богъ съ ними, но число случаевъ, категоріи случаевъ, съ обозначеніемъ числа душъ за помѣщикомъ и пр. Недавно я познакомился съ замѣчательнымъ феноменомъ, съ сыномъ Петра Ив. Трубецкого. Вообразите—у Петра Ив. Трубецкого есть меньшей сынъ—премилый, пречестный, добрый, умный молодой человекъ, преданный народу и чистѣйшій Славянофилъ! Откуда это берется?—Онъ здѣсь, въ самой Москвѣ мировымъ посредникомъ. Факты, имъ сообщенные, преинтересны, и признаться сказать—не въ пользу „образованнаго“ сословія.—Рѣшительно, Вы должны все записывать, и занимательное, и незанимательное и оригинальное, и пошлое.—

Вотъ Вамъ наши новости. Путятинъ¹⁾ вступилъ въ должность; ни въ чемъ еще не проявилъ себя, но, кажется, Кисловскій будетъ опять играть роль при немъ.—Поль получилъ разрѣшеніе издавать газету, но безъ политическаго отдѣла.—Крузе воротился изъ за границы, и остается въ Москвѣ. Слышно, и онъ хочетъ издавать газету.—Пріѣхалъ Чичеринъ, и говоритъ, что нѣтъ въ мірѣ лучше края, какъ Франція, и ползаетъ на колѣняхъ передъ государственностью, централизацией и проч.—Получаете ли Вы Акціонеръ? Тамъ была напечатана весьма неважная статейка Погодина (Три вечера въ Петербургѣ), гдѣ онъ рассказываетъ все, что слышалъ: о плохихъ дѣлахъ того и другого торговца или капиталиста, о состояніи торговли и т. д. Чижовъ имѣлъ неосторожность пропустить ее. Вообразите, что иностранные здѣсь биржевые корреспонденты тотчасъ дали знать по телеграфу выписки этой статьи во всѣ иностранныя биржи, вслѣдствіе чего курсъ нашъ упалъ, и остановленъ былъ переводъ денегъ на Россію. Петербургская биржа взволновалась, и надъ Акціонеромъ, и надъ цензоромъ (Гиляровскимъ) нависла туча. Чижовъ ускакалъ въ Петербургъ; мо-

¹⁾ Гр. Е. В. Путятинъ (1803—1883) назначенъ въ 1861 г. министромъ народнаго просвѣщенія. О немъ въ Русскомъ Архивѣ 1892 г. кн. 5 и 6-ая. П. Б. (младшій)

жетъ быть, и разсѣть ее.—Недавно получилъ я по почтѣ изъ Петербурга конвертъ на мое имя. Распечатываю, въ немъ безъ всякаго письма, 10 печатныхъ экземпляровъ какого то воззванія. Дѣло идетъ о конституціи, разумѣется, объ образованныхъ классахъ, которые должны взять въ свои руки кормило правленія, о „патріотахъ“, которые должны предупредить Пугачевщину и проч. Темно и глупо написано. И какая подлость, посылать по почтѣ, компрометировать такимъ образомъ людей. Я слышалъ, что въ Петербургѣ такихъ листовъ появились тысячи. Послалъ бы я Вамъ одинъ экземпляръ, да, пожалуй, обвинять въ распространеніи. Между прочимъ, сказано: „Мы не поляки и не мужики; въ насъ стрѣлять нельзя.“ Отчего же нельзя? Что вѣшать можно, этому имѣются доказательства. Кто это писалъ и гдѣ это печатано, догадаться не могутъ, и всѣ розыски полиціи въ Петербургѣ до сихъ поръ тщетны, говорятъ.

Прощайте. Обнимаю Васъ, цалую ручки у Авдотьи Петровны.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

Вы, вѣроятно, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, удивляетесь, что не имѣете такъ долго отвѣта отъ меня на Ваше дружеское письмо. Огвѣтъ замедлился по разнымъ причинамъ, между прочимъ, потому, что я все добивался отвѣта, и не добился,—отъ Ник. Ник. Павлова:¹⁾ не заставалъ его дома, да онъ, наконецъ, и уѣхалъ въ деревню. Благодарю Васъ за приглашеніе пріѣхать къ Вамъ. Очень бы хотѣлось это исполнить; можетъ быть, и исполню, но навѣрно не могу обѣщать. У меня на рукахъ нѣсколько изданій, которыя я непременно хочу окончить къ осени, т. е. до того срока, когда начну издавать свою газету. На дняхъ выпустилъ въ свѣтъ 4-ое изданіе Записокъ Руж. Охотника и тотчасъ же продалъ книгопродавцамъ столько, сколько нужно, чтобъ покрыть издержки печатанья: изданіе роскошное, но дешевле прежняго.—Историч. Сочиненій брата печатается уже 18 листъ; это будетъ 1 томъ полн. собр. сочиненій; вслѣдъ за тѣмъ приступлю къ печатанію 2-го тома—разныхъ статей, касающихся литературы, вопросовъ общественныхъ и проч., частію напечатанныхъ и большею частью ненапечатанныхъ. Также отпечатано уже 5 листовъ 1-го тома полнаго собр. сочин. Хомякова—статей разн. содержания. Вы и представить себѣ не можете, какъ много значить совокупность всѣхъ сочиненій, всѣхъ заявленій себя словомъ—умершаго человѣка: какъ живо возникаетъ весь внутренній образъ, какимъ цѣлостнымъ является

¹⁾ Былъ въ Редакціонной Комиссіи, женатъ на Вѣрѣ Васильевны Перевощико вой

воззрѣніе, какъ много, оказывается, пролито свѣта вокругъ, какъ много объяснено. Полное собраніе статей Хомякова вполне замѣняетъ догматическое изложеніе его ученія, о недостаткѣ котораго мы горевали. Статьи его мы большею частью позабыли. Кстати, не у Васъ ли статья о Старомъ и Новомъ? У меня есть статья подъ этимъ названіемъ, списанная рукой Ольги Фед. Кошелевой, но это статья объ Аристотелѣ и всемірной выставкѣ. Есть у меня также тетрадка, въ которой есть статья Хомякова и отвѣтъ на нее Ив. Вас. Кирѣевскаго; статья безъ заглавія и, очевидно, принадлежитъ къ самому первому періоду. Вѣроятно,—это та самая статья о Старомъ и Новомъ, о чемъ говорится въ біографіи П. В. Кирѣевскаго. Напечатанъ ли отвѣтъ послѣдняго въ его полныхъ сочиненіяхъ?—Признаюсь, я не нахожу такого полнаго противорѣчія между этою статьею Хомякова и возраженіемъ его П. В. Кирѣевскому въ 1852 году (ненапечатаннымъ); вездѣ узнаешь основную мысль Хомякова. одну и ту же. Кстати. По желанію Кошелева, біографія П. В. Кирѣевскаго напечатана мною въ корректурныхъ листахъ, въ 9 экз., и наборъ разсыпанъ. Эта продѣлка стоила ему 72 р. сер. Но онъ хотѣлъ непременно это сдѣлать, чтобы снабдить біографію нужными примѣчаніями, дополненіями и исправленіями. 1 экз. я отослалъ ему; другой—Нат. П. Кирѣевской; 3—отошлю Вамъ, Елагинымъ; 4—Погодину. Затѣмъ онъ хочетъ отдать еще Соболевскому, Максимовичу, Петерсону (гдѣ живетъ сей послѣдній?). Вашъ экземпляръ отошлю Вамъ съ первою почтой. вмѣстѣ съ посланіемъ къ Сербамъ—Вамъ и Вас. Алексѣевичу.

Затѣмъ—буду готовиться къ газетѣ. Страшная обуза,—и я уже не тотъ. Когда возишься цѣлый день съ сочиненіями П. В. Кирѣевскаго, да Хомякова, да брата, то, какъ предъ ихъ задушевымъ, исполненнымъ искреннѣйшаго убѣжденія, полнымъ глубокой мысли, свѣтоноснымъ словомъ,—кажется блѣднымъ нашъ теперешній лепетъ!—Страшно явиться представителемъ ихъ. занять ихъ мѣсто! Разумѣется. я этой претензіи и не имѣю, въ этомъ и увѣрять нечего, но de facto въ литературѣ моя газета является единственнымъ органомъ ихъ ученія—безъ нихъ!—Но, конечно, я буду вести дѣло скромно, братья за вопросы, которые мнѣ по силамъ, и дѣйствуя по крайнему своему разумнію, по крайней мѣрѣ, добречъ, донести знамя, сохранить до той поры, когда можно будетъ передать его достойнѣйшему.

Я думаю, Вы теперь очень заняты, и радуюсь за Васъ. Учрежденіе Мировыхъ Посредниковъ, во всякомъ случаѣ, если бы оно и не достигало своей цѣли вполне, вносить совершенно новый элементъ

въ нашу общественную и законодательную жизнь. Любопытно знать въ какия отношенія станетъ оно къ власти формальной, правительственной, напр., къ Губернатору?—Вы, конечно, обратите особенное вниманіе теперь—на юридическія понятія народа, вообще на его *common law*, столь мало намъ извѣстный, и безъ познанія котораго, однако же, невозможны никакія истинныя, дѣльныя преобразованія въ нашемъ судебномъ и гражданскомъ законодательствѣ. Помните же, мой дорогой Николай Алексѣевичъ,—Вы участвуете у меня съ 1-го N—всѣми видами дѣятельности литературной, —и разказами, и серьезнымъ отчетомъ о Мировомъ Вашемъ посредничествѣ, и сообщеніемъ Вашихъ практическихъ замѣчаній, и проч., и проч.—Пожалуйста, присылайте скорѣе, присылайте послѣ того, какъ статьи будутъ изготовляться: надобно имѣть ихъ мнѣ въ запасѣ. Вы должны мнѣ поставить не менѣе 15 статейекъ въ годъ.

Такъ то. Обнимаю Васъ крѣпко, цалую ручки у Авдотьи Петровны. Когда то увидимся.

Весь Вашъ Ив. Аксаковъ.

12 Юня. 1861 г. Москва.

Посылаемые корректурные листы не суть послѣдніе корректурные, т. е. не самые послѣдніе, исправленные. Я требовалъ три раза корректуру, всякій разъ въ 3-хъ экз. 1 экз. исправленъ

29 Юня 1861 г. Москва.

Сгѣшу отвѣчать Вамъ на Ваше письмо, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Я, кажется, объяснялъ, да, видно, плохо объяснилъ Вамъ еще въ прежнемъ письмѣ, что біографія набрана была, только исправленія ради, и напечатана въ корректурныхъ листахъ, всего въ 9 экземплярахъ: потому что типографія не могла бы долго держать такое огромное количество шрифта безъ употребленія. Вслѣдствіе сего наборъ былъ тотчасъ же рассыпанъ.—Вы не только можете, но обязаны сдѣлать всѣ нужныя исправленія и сообщить ихъ мнѣ или Кошелеву. Въ 1-омъ случаѣ я перешлю ихъ ему: онъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ исправленій. Біографія, особенно вторая половина, мнѣ очень и очень нравится, хотя между обѣими половинами нѣтъ равновѣсія: первая, самая неважная, слишкомъ пространна и ... (нрзб.) письма *in extenso*; вторая весьма бѣгло очерчиваетъ важнѣйшую эпоху жизни Ив. Васильевича.¹⁾

¹⁾ Кирѣевскій.

Тѣмъ не менѣе, этотъ бѣглый очеркъ очень хорошо написанъ, и многое, что говорится отъ лица самого автора біографіи—прекрасно.

Я не могу Вамъ прислать бѣлыхъ листовъ, потому что наборъ разсыпанъ. Возвращать біографію Вамъ нѣтъ надобности, а Вы всѣ замѣчанія напишите на особомъ листочкѣ, съ аккуратнымъ указаніемъ на страницы и строчки, и пришлите.

Я доставилъ біографію и Натальѣ Петровнѣ.¹⁾ У нея было дѣло въ палатѣ по случаю раздѣла или выдѣла сына, и я по этому случаю былъ у нея. Она весьма благоразумно относится къ біографіи: во 1-хъ, хвалитъ ее, во 2-хъ, считаетъ совершенно неумѣстнымъ, какъ того желалъ Кошелевъ, и писалъ въ ней,—разсказывать всю постепенность, весь ходъ, всю обстановку обращенія Ив. Вас. къ церкви: неумѣстнымъ потому, что переданныя бумагѣ—всѣ эти нѣжныя и тонкія черты грубѣютъ и могутъ даже казаться смѣшными, тогда какъ это святыня—которую профанировать не слѣдуетъ. Да нѣтъ и надобности, ибо это дѣло чисто индивидуальное, зависитъ отъ особенностей личнаго психическаго міра, отъ тысячи случайностей, и наставительнымъ образцомъ никому служить не можетъ. Ея участіе, какъ жены, въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно, но уловить всѣ черты этого участія, всю ежедневность участія—нѣтъ возможности. Вотъ ея мнѣніе.—Кошелевъ послалъ экземпляръ Погодину, Шевыреву, хочетъ послать Одоевскому, Соболевскому, Петерсону. По моему мнѣнію напрасно (этимъ четверемъ). Подробности, которыя они могутъ прибавить, ничтожны, и будутъ касаться 1-ой половины жизни.

Въ біографіи говорится про вечера 1839 года у Ив. Вас. На этихъ вечерахъ—сказано—Хомяковъ прочелъ двѣ статьи о Старомъ и Новомъ, противорѣчащія будто бы его позднѣйшему направленію, и потому неудобныя для печати.—Какія это двѣ статьи? Я знаю только одну, ту, на которую отвѣчалъ Ив. Васильевичъ. Эта статья, вмѣстѣ въ отвѣтомъ Ив. Вас., есть у меня, но на ней не стоитъ заглавія. Эта ли статья называется о Старомъ и Новомъ? Въ числѣ рукописей Хомякова, собираніемъ которыхъ занималась въ прошломъ году и О. Ѳед. Кошелева, есть статья, переписанная ея рукою, съ этимъ заглавіемъ. По ея словамъ (впрочемъ, она хорошенько не помнитъ), оригиналъ статьи долженъ быть у Васъ. Разсмотрѣвъ статью, я нашелъ, что это вовсе не статья о Старомъ и Новомъ, а статья, писанная въ концѣ 1851 года: „Аристотель и Всемирная выставка“, считавшаяся потерянною.—По всей вѣроятности, статья, имѣющаяся у меня,

¹⁾ Кирѣвская.

та, на которую отвѣчалъ Ив. Вас., и есть статья о Старомъ и Новомъ. Но у Васъ сказано въ біографіи: двѣ статьи. Какая же это другая статья? Ив. Вас. отвѣчалъ только на одну. Не ошиблись ли Вы?—Я не нахожу, чтобъ она противорѣчила его позднѣйшему взгляду: онъ весь тутъ въ зернѣ, и самый споръ съ Ив. Вас. предтеча позднѣйшаго спора въ 1852 году. Византія характеризуется такъ точно, какъ и въ его Истор. Запискахъ, какъ и въ позднѣйшемъ отвѣтѣ Ив. Васильевичу. Есть нѣкоторыя частности, гдѣ, видно, еще не вполне точно сложился его взглядъ, но это только частности. Къ тому же статья коротенькая, и многое не развито, не досказано: можно допустить только, что она имѣла характеръ вызывательный. Отвѣтъ Ив. Васильевича напечатанъ въ Полн. Собр. его сочиненій. Поэтому я напечатаю и самую статью Хомякова, но не въ 1-мъ отдѣлѣ, гдѣ у меня помѣщены капитальныя статьи, а во 2-мъ отдѣлѣ разныхъ мелкихъ статей, замѣчаній и Смѣси. При чемъ объясню ея происхожденіе. Все, что Вы объ этомъ дѣлѣ знаете, пожалуйста, сообщите мнѣ, да пришлите мнѣ всѣ статьи Хомякова, какія имѣете и какія можете предполагать, я не имѣю, или пришлите мнѣ списокъ, только немедленно.—Кстати: Вы говорили какъ то, что въ Полн. Собр. Сочин. Ив. Вас. нужно кое что перепечатать. Укажите—что. Непременно надобно осенью выпустить это собраніе, въ одно время съ первымъ томомъ Сочин. Хомякова и съ первыми двумя томами сочиненій брата. Не знаю, успѣю ли я выдать 2 тома сочиненій брата, но 1-го уже отпечатано 24 листа. Но цензура стала у насъ еще хуже, съ тѣхъ поръ, какъ ее облагодобрилъ Никита Петровичъ Гиляровъ.

Мамоновъ¹⁾ ѣдетъ съ женой и дѣтьми на счетъ Государя за границу. Какъ то и кто то ему это выхлопоталъ. Завтра они отправятся къ Рачинскимъ въ деревню, а въ половинѣ Августа пустятся въ путь, разумѣется, въ Италію.

Никогда я не переживалъ такого грустнаго, такого убійственно-томительнаго лѣта! Не знаю, какъ тамъ, у Васъ, а здѣсь уже три недѣли стоятъ жаркіе дни и душныя ночи. Москва пустехонька.

Для газеты я еще не дѣлалъ почти никакихъ приготовленій. Кругомъ такъ безлюдно, пусто, что даже помощника по части внѣшне-распорядительной найти не могу. Вы не знаете о чемъ писать? Да напишите именно—какого характера просьбы и жалобы, которыми Вы съ утра до вечера завалены? Какъ постепенно видоизмѣняются просьбы и требованія помѣщиковъ? Какъ видоизмѣняются онѣ по

¹⁾ Художникъ, женатъ на Рачинской.

состоянію, званію, происхожденію и мѣстности? Потомъ—старайтесь обратить вниманіе на юридическую сторону народнаго быта; дѣлайте сводъ его соmму loy. Непремѣнно изготовьте мнѣ статью. Если не буду имѣть Вашей статьи въ рукахъ, то и издавать не начну. Да что же Василій Алексѣевичъ?¹⁾ Онъ то будетъ ли писать?

Отвѣчалъ ли Вамъ Павловъ?

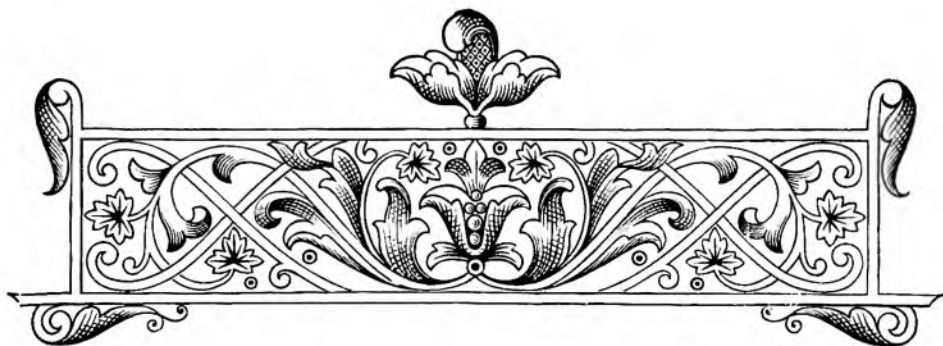
Прощайте покуда, дорогой Николай Алексѣевичъ, обнимаю Васъ и цалую ручки у Авдотьи Петровны. Если Катерина Ивановна²⁾ у Васъ, то и у ней также. Я писалъ ей, только адресовалъ прямо въ Орель.—Наши всѣ здоровы, въ Москвѣ всѣ Вамъ и Вашимъ очень кланяются.

Ив. Аксаковъ.

¹⁾ Елагинъ.

²⁾ Жена В. А. Елагина.

КЪ ИСТОРИИ СМОЛЕНСКА

(Автобіографія І. Г. Тыртова).

Рукопись автобіографической записки Юсифа Гавриловича Тыртова-Степанова найдена была мною въ остаткахъ бумагъ извѣстнаго поэта Дмитрія Петровича Ознобишина (род. 1804. ум. 1877)¹⁾, переданныхъ мнѣ внукомъ его—Д. И. Ознобишинымъ. Симбирякъ по рожденію, по земельнымъ владѣніямъ и по службѣ, Д. П. Ознобишинъ одно время жилъ въ Смоленскѣ и интересовался мѣстною стариною; такъ, въ „Памятной Книжкѣ Смоленской Губерніи“ на 1856 годъ онъ помѣстилъ (ч. II, стр. 11—26) статью: „Смоленская святыня. Листокъ изъ Смоленскаго дневника воспоминаній туриста 1854 года“²⁾; въ бытность свою въ Смоленскѣ, Д. П. Ознобишинъ, безъ сомнѣнія, услыхавъ и объ І. Г. Тыртовѣ, заинтересовался необычайною судьбою этого самоучки-актера и садовода, выработавшагося изъ простого, еле грамотнаго мясника, и побудилъ его рассказать на бумагѣ свою біографію,—что тотъ и исполнилъ, передавъ Ознобишину тетрадь съ исторіей своей жизни; въ концѣ этой тетради Дмитрій Петровичъ сдѣлалъ собственноручно выписку изъ Каталога георгинъ извѣстнаго садовника Озе, подтверждающую существованіе особой желтой георгины, которой присвоено было имя садовода Тыртова.

Наиболѣе любопытенъ въ автобіографіи Тыртова рассказъ его объ увлеченіи театромъ и о собственныхъ его попыткахъ,—повидимому

¹⁾ О немъ см. мою статью въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ Имп. Русскаго Историческаго Общества, С.-Пб. 1905, стр. 197—199.

²⁾ Въ „Памятной Книжкѣ Смоленской Губерніи“ на 1859 г. Д. П. Ознобишинъ помѣстилъ некрологъ Ю. И. Ахвердовой, жены Военнаго Губернатора г. Смоленска Н. А. Ахвердова.

не безуспѣшныхъ,—выступать на сценѣ. Для исторіи мѣстнаго театра разсказъ Тыртова, конечно, пригодится, и слѣдуетъ лишь пожалѣть, что переданъ онъ имъ съ такою лаконичностію: было-бы любопытно знать, изъ кого состояла вся труппа Тыртова, кто были его товарищами по сценѣ, каковъ былъ репертуаръ и т. под. Разсказъ автора мы сохранили въ полной неприкосновенности, поправивъ только орфографическія его ошибки.

Б. Модзалевскій.

Имя мое Іосифъ Стефановъ, я же и Тыртовъ. Происхожденіе мое—отъ древнихъ Смоленскихъ купцовъ, которые были коренные Русскіе. Это я говорю потому, что многіе называютъ Смолянъ Поляками. Дѣдъ мой, Смоленскій купецъ Григорій Гавриловъ Тыртовъ (который въ послѣдствіи фамилію эту перемѣнилъ, а почему, мнѣ не извѣстно), всю свою жизнь занимался мясною торговлею и имѣлъ твердый характеръ. Это видно изъ того, что во время скотскаго падежа (это было до 1812 года) пало у него 600 черкасскихъ скотинъ; чрезъ эту потерю онъ вынужденнымъ нашелся званіе свое перемѣнить, т. е. изъ купца сдѣлаться мѣщаниномъ, этотъ переходъ для другого былъ бы чувствителенъ, но онъ перенесъ его равнодушно и, сколько позволяло его состояніе, продолжалъ свою торговлю, въ каковомъ занятіи прожилъ на свѣтѣ 94 года.

Отецъ мой, Смоленскій мѣщанинъ Степанъ Григорьевъ Гавриловъ, тоже былъ мясникъ, отъ котораго родился я въ 1811 году 30 Марта, и въ 9-ый день моего рожденія мать моя умерла. Въ 1812 году, во время нашествія непріятели, отецъ мой принужденъ былъ изъ г. Смоленска выѣхать. Въ это время изъ собственнаго своего достоянія потерпѣлъ убытку болѣе, какъ на 13,000 руб. ассигн.; которое, разумѣется, погорѣло, а нѣкоторое досталось въ руки непріятели, за что вспомоствованія никакого, однако жъ, не получалъ. Во время этого путешествія меня, еще малютку, возили съ собою, а именно: въ г. Кашинъ, Тверь, Москву и въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ я былъ сильно боленъ и совершенно умиралъ, промыслу же Божію угодно было, что я выздоровѣлъ (все это я знаю по преданію моей кормилицы и моего отца). По прошествіи этого времени и по возвращеніи въ Смоленскъ, отецъ мой сдѣлался отъ понесенныхъ убытковъ бѣднякомъ, почему и не могъ дать мнѣ надлежащаго образованія, но, по возможности своей, сначала отдалъ меня для обученія Русской грамотѣ къ Дьячку Благовѣщенской церкви, у котораго я въ 1½ мѣсяца, бывши еще 6-ти лѣтъ, выучилъ букварь. Послѣ этого переданъ я былъ от-

помъ къ Дьякону Кресто-Воздвиженской церкви, у котораго я въ теченіе года выучилъ все то, что могъ учитель этотъ преподавать, который и убѣдилъ моего отца взять меня обратно, увѣряя, что у него болѣе учиться мнѣ нечему. Живши потомъ при отцѣ 2 года, я, разумѣется, занимался шалостями, приличными мальчику этого возраста. По прошествіи этихъ 2-хъ лѣтъ, отецъ мой вздумалъ какъ то меня позкзаменоватъ, застави что-то переписать, но я исполнить этого не могъ, потому что въ теченіе этого времени все позабылъ, почему онъ принужденъ былъ снова отдать меня для обученія въ Приходское училище, гдѣ я, пробывши $\frac{1}{2}$ года, былъ переведенъ въ 1-ый уѣздный классъ, въ которомъ, однако жъ, пробылъ я 2 года,—не потому, что не имѣлъ способности къ наукамъ, но по лѣности и разнымъ невольнымъ отлучкамъ. Поступивши же во 2-й уѣздный, я, по прошествіи 2-хъ или 3-хъ м-цовъ, продолжать наукъ рѣшительно не хотѣлъ, отецъ же мой, думая, что я довольно уже наученъ, къ этому меня болѣе не принуждалъ, чѣмъ я остался очень доволенъ.

Имѣвши въ то время не болѣе 13-ти лѣтъ, я занялся тѣмъ, что мнѣ болѣе нравилось, а именно: ловить птицъ, дѣлать клѣтки, вырѣзать изъ дерева куклы для такъ называемыхъ Вертеповъ, на что я былъ большой искусникъ. Болѣе же всего любилъ въ лѣтнее время бродить по лѣсамъ, лазить на самыя высокія деревья, старыя каменныя зданія, откуда снималъ птичьи гнѣзда. Не понимаю отчего, но только я ужасно любилъ наслаждаться природою; въ послѣдствіи страсть эта сдѣлалась со мною неразлучна. На 16-мъ году моего возраста отецъ мой сталъ приучать меня заниматься мясною торговлею и дѣлать парники, въ какомъ занятіи пробылъ я годъ, послѣ чего торговалъ я въ лавкѣ съѣстными припасами, на сумму менѣе 100 руб. серебр., которую получилъ отецъ мой изъ Сиротскаго Суда*). собственно для того, чтобы приучить меня къ торговлѣ; а какъ семейство наше состояло изъ 7-ми душъ и содержалось промысломъ отца и меня, слѣдовательно, торговля эта вполне расходовъ удовлетворить не могла, почему отецъ мой вторично получилъ изъ того жъ Суда до 70-ти руб. серебр. Тогда мы опять возобновили прекращенную нами мясную торговлю, каковую и продолжали до 1831 года. Въ этомъ году отъ существовавшей въ то время эпидемической болѣзни отецъ мой умеръ, оставя на мое попеченіе 4-хъ малолѣтнихъ (отъ 2-го брака) дочерей,—въ добавокъ къ этому въ неурожайный годъ. Оставшись хозяиномъ, я продолжалъ торговать одинъ и въ послѣдствіи времени сдѣлался въ оной довольно

*) Послѣ смерти моей матери продано было ея приданое за 1,650 руб. ассигн., которыя деньги и хранились въ Сиротскомъ Судѣ до моего возраста.

опытенъ. Приобрѣтя же довѣріе людей и получа изъ Сиротскаго Суда остальные деньги, я началъ торговать порядочно.

Въ 1833 году я женился на дочери бѣднаго Смоленскаго мѣщанина Павла Уксусникова, пренебрегши другими невѣстами. изъ которыхъ были и такія, которыя имѣли приданого до 8000 руб. ассигн. Несогласіе мое на такіе браки нельзя не причислить къ моей ошибкѣ. А какъ я былъ еще молодъ и неопытенъ, то и издержалъ, по Смоленскому обыкновению, на свадебные обряды большую половину бывшаго у меня капитала. Послѣ чего я болѣе поимѣлъ охоты заниматься парниками (не оставляя и мясной торговли), на которые и употребилъ всѣ остальные свои деньги, въ теченіе же года я возвратилъ почти все, что неблагоразумно издержалъ. Тутъ опять я употребилъ всѣ свои деньги на покупку дома, такъ что у меня не осталось ничего, кромѣ парниковыхъ рамъ, почему послѣдующую за тѣмъ весну принужденъ устраивать парники собственно самъ, съ помощью одной моей жены, каковое занятіе продолжалъ я года три, чѣмъ и приобрѣлъ 500 рублей серебр., каковые употребилъ на торговлю и первымъ долгомъ почелъ я съѣздить въ Брянскъ и другіе города на ярмарки для покупки разныхъ товаровъ.

Продолжая такимъ образомъ. я поимѣлъ страсть въ свободные часы зниматься чтеніемъ Русской Литературы, на каковой предметъ случилось мнѣ купить порядочную библіотеку. Около этого времени прибылъ въ Смоленскъ съ труппою актеровъ Г. Режановскій, и когда у него начались спектакли, то и я завлеченъ былъ пріятелемъ быть таковыхъ зрителемъ, о которыхъ прежде сего я никакого понятія не имѣлъ, а зналъ только изъ книгъ; когда же я увидѣлъ это представленіе, то мнѣ такъ понравилось. что я не зналъ, гдѣ и находился.

Съ этихъ поръ я поимѣлъ въ себѣ непреодолимое желаніе сыграть на театрѣ или, лучше сказать, испытать свою способность, но не имѣлъ къ этому случая. Для достиженія этой цѣли я началъ покупать театральныя книги: оставалось только исполнить мое желаніе на дѣлѣ, для чего я вздумалъ во что бы то ни стало устроить у себя домашній театръ и, при всемъ своемъ непонятіи о такомъ искусствѣ, я, съ помощію моихъ пріятелей, оный устроилъ и, что называется, поставилъ на своемъ. Товарищи мои тоже были мѣщане, а въ актрисы были ангажированы мною бѣдныя Дворяночки. Когда все было готово, начали дѣлать, разумѣется, репетиціи, и когда я увидѣлъ, что идетъ очень хорошо, то у меня вдругъ родилась мысль сыграть публично. Труппы Актеровъ въ то время въ Смоленскѣ не

было¹⁾. поэтому, не игравши ни одного спектакля на домашнемъ, я испросилъ позволенія начальства сыграть публично. Это было въ 1839 году. Получивши таковое, я немедленно устроилъ въ домѣ аптекаря Мегго (гдѣ нынѣ Клубъ), какъ должно, Театръ. Начали играть подъ названіемъ на Афишѣ: „Жители г. Смоленска“. 1-ый Спектакль поставленъ былъ мною: „Слѣпой, или двѣ сестры,“ Комедія-водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Соч. Ансело, въ коей я игралъ роль Бернарди, доктора²⁾. 2-й „Невѣста подъ замкомъ,“ водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Соколова, въ коей моя роль была Корюшкина³⁾, и „Бабушкины Попугаи“, опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Хмѣльницкаго: въ этой я игралъ Жеркура⁴⁾, и, наконецъ, „Женихи, или вѣкъ живи и вѣкъ учись,“ комедія въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Иванова⁵⁾; здѣсь я игралъ Стародума; въ заключеніе: „Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и свать“, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ⁶⁾, въ коей я игралъ Анкудина крестьянина.

За всѣ представленія публика осталась нами очень довольна. Черезъ это приобрѣлъ я себѣ много пріятелей и былъ принятъ (какъ говорится) въ общество ученыхъ людей, изъ числа которыхъ былъ нѣкто г. Сорокинъ; этотъ человекъ занимался Механикою и Химією и имѣлъ маленькую оранжерейку. Обстоятельства заставили его оставить г. Смоленскъ и продать домъ; поэтому бывшіе у него оранжерейные цвѣты онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе (въ томъ числѣ были: Магнолія, Камелія, Олія и Юкки), а лѣтніе подарилъ,—именно же: нѣсколько сортовъ Георгинъ, Розы и нѣсколько разныхъ сѣмянъ. Онъ первый подаль мнѣ мысль устроить у себя цвѣтники и далъ нѣкоторое понятіе, какъ съ ними обращаться. Можетъ быть совѣты его на меня и не подѣйствовали бы, потому что я до этихъ поръ къ цвѣтамъ имѣлъ большое отвращеніе, но, бывши однажды у него въ

¹⁾ О театрѣ въ Смоленскѣ въ болѣе раннее время упоминаетъ Н. П. Мурзакевичъ въ своей Автобіографіи. С.-Пб. 1889. стр. 45—46. В. М.

²⁾ „Слѣпой или сестры. Комедія-водевиль въ 3-хъ отдѣленіяхъ“, соч. Ансело, переводъ съ французскаго Н. М. Степанова, былъ издавъ въ Москвѣ въ 1838 году. В. М.

³⁾ Комедія-водевиль съ такимъ названіемъ, сочиненная Н. С. Соколовымъ, была издава въ Москвѣ также въ 1838 году. В. М.

⁴⁾ Опера-водевиль „Бабушкины попугаи,“ съ музыкою А. П. Верстовскаго, переведенная съ французскаго Николаемъ Ивановичемъ Хмельницкимъ (бывшимъ въ 1829—1837 г.г. Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ) была написана и впервые играна въ Петербургѣ въ 1819 году. В. М.

⁵⁾ Старинная комедія Осдора Оедоровича Иванова (ум. въ 1816 г.), издавшая въ Москвѣ въ 1808 г. В. М.

⁶⁾ Извѣстная комическая опера А. О. Аблесимова (ум. 1783 г.), поставленная впервые въ 1779 году. В. М.

домъ и увидѣвши его цвѣтникъ, я вдругъ почувствовалъ сильную охоту имѣть таковыя у себя.

Получивши отъ него, какъ выше сказано, цвѣты и сѣмена, я усердно принялся таковыя разводить, добиваясь собственными опытами узнавать, какое растеніе что болѣе любить, на какой землѣ лучше растетъ,—однимъ словомъ, я этого жаждалъ, и первый опытъ такъ мнѣ удался, что отданныя мнѣ Сорокинымъ Магноліи такъ у меня пере-мѣнились, что самъ г. Сорокинъ, по прибытіи чрезъ 1½ года въ Смоленскъ, таковыхъ не могъ узнать. За отводокъ отъ оныхъ, вырощенный мною въ короткое время до 6-ти футовъ, я взялъ 13 рублей серебромъ. Съ этихъ поръ я сдѣлался любителемъ цвѣтовъ.

Въ 1840 году прибыла опять въ г. Смоленскъ труппа актеровъ, которыхъ въ послѣдствіи содержателемъ былъ г. Ѳедоровъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ талантъ по драматическому искусству. Узнавши меня, просилъ убѣдительно участвовать въ его представленіяхъ. Но какъ у меня страсть къ этому еще не охладѣла, то я съ удовольствіемъ согласился и игралъ безъ возмездія нѣсколько разъ. Всего этого было мало: мнѣ непремѣнно хотѣлось испытать себя въ роляхъ Малороссійскихъ. Къ счастью моему, я купилъ пьесу: „Шельменко, волостный писарь,“ комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Котляревскаго¹⁾. А какъ я этого желалъ, то въ 3 или 4 дня роль Шельменко выучилъ. Въ 1842 году, по приглашенію г. Ѳедорова, роль эту игралъ съ прописью на афишѣ „Артиста“ (на театрѣ я именовался Степановъ). за что былъ вполнѣ одобренъ публикою, а г. Ѳедорову этимъ представленіемъ сдѣлалъ огромный сборъ. Послѣ того я игралъ и многія другія Малороссійскія роли, чѣмъ театральное мое поприще и кончилось.

Въ 1843 году я устроилъ у себя оранжерею и съ этихъ то поръ оставилъ я вовсе мясную торговлю, а преимущественно занялся цвѣтоводствомъ и ботаникою, на каковой предметъ имѣлъ книги: а какъ лучшія растенія получаютъ изъ-за границы и каталоги оныхъ высылаются на нѣмецкомъ діалектѣ, которому я, къ несчастью, не ученъ,—но это меня не затруднило: я принудилъ себя учиться этому языку и. благодаря моей способности, онаго достигъ. Могши на этомъ діалектѣ читать, я сталъ выписывать изъ-за границы растенія и получать каталоги: съ тѣхъ то поръ мнѣ сдѣлалось гораздо легче про-

¹⁾ Эта, извѣстная въ свое время комедія была написана не Котляревскимъ, а Г. Ѳ. Квиткою (Основьяненко) и издана въ Москвѣ въ 1831 г.

должать мое занятіе, которое и по сіе время продолжаю. Съ прекращенія же мясной торговли я приобрѣлъ земли около 3-хъ десятинъ, которыя всѣ засѣваются, а какое я въ настоящее время имѣю заведеніе, извѣстно многимъ, а именно: оранжерею на 7000 горшковъ большого и малаго формата, каковыя и наполнены сполна растеніями, какъ то: Розанами до 60-ти сортовъ, Шишконосными деревцами, Лимонами, Лаврами, Ново-Голландскими Акаціями, Камеліями, Рододендрами, Эриками, разными новѣйшими Фуксіями, Пеларгоніями новыхъ же сортовъ и прочими растеніями: теплицу съ нѣсколькими видами Кактусовъ, Стацимнеевъ, Фикусовъ и другихъ тепличныхъ же растеній; богатый ассортиментъ новѣйшихъ Георгинъ, болѣе 300 сортовъ, полученныхъ мною изъ Германіи. Въ полученномъ же на нынѣшній годъ заграничномъ каталогѣ видно, что знаменитымъ Германскимъ садовникомъ Озе удостоенъ я помѣщеніемъ въ Исторію Флоры, а именно: между другими новоизобрѣтенными имъ сортами Георгинъ названъ имъ одинъ моимъ именемъ и фамиліею, т. е., Іосифъ Гавриловъ Тыртовъ.

По части общественныхъ обязанностей я тоже забыть не былъ. Съ полученія моего совершеннолѣтія былъ избираемъ обществомъ въ разныя должности, а именно: въ 1-ый разъ Старшиною, во 2-ой Сборщикомъ казенныхъ податей, въ 3-й, въ 1848 году,—попечителемъ и Коммиссаромъ Холерной лѣчебницы, въ каковое бѣдственное время, по наставленію, однако жъ, медицины, я принималъ большое участіе въ страждущихъ, употреблялъ всѣ мѣры и подавалъ по силѣ возможности вспомошествованіе. для чего у меня въ домѣ была ежедневно и во всякое время готовая баня, спиртъ и все прочее для оттиранія; въ подобномъ пособіи я не отказывалъ никому, за что и самъ едва не пожертвовалъ жизнью, потому что въ теченіе этого времени у меня открывалась холера три раза. но, благодаря Бога, я съ лихвою награжденъ получившими мое пособіе и оставшимися въ живыхъ: въ знакъ признательности доставлено холерному попечителю г. Ангелато 28 свидѣтельствъ за подписомъ ихъ и священниковъ. духовныхъ ихъ отцовъ, каковыя и представлены имъ при рапортѣ въ холерный Комитетъ, а какое изъ того будетъ послѣдствіе, мнѣ неизвѣстно. Въ 1850 году, т. е., въ 4-ый разъ, былъ избранъ Городовымъ Старостою.— Въ каждой изъ этихъ должностей я былъ не менѣе года; въ настоящемъ же году былъ баллотированъ отъ общества Ратманомъ въ Городовой Магистратъ и Депутатомъ Квартирной Коммиссіи, на каковой должности и остался Кандидатомъ.

20 Октября 1853 года. Г. Смоленскъ.

Рукою Д. П. Ознобишина приписано: Въ Каталогѣ новыхъ Георгина за 1853-й годъ садовника Шарлотенбургскаго Н. Озе, вмѣстѣ съ именами царственныхъ особъ, министровъ и ученыхъ знаменитостей, красуется подъ № 875 Георгина подъ именемъ „Jos. Gawriloff Tirtoff. Ohse“,—желтая. цвѣта сѣры Георгина (gesättigt-schwefelgell), ростомъ 4 футовъ, совершенно правильнаго образованія цвѣтковъ, какъ совершенная въ своемъ родѣ, выросшая на чудесномъ, красивѣйшемъ штамбѣ. См.: 1853. Verzeichniss der neuesten und schönsten Georginen, remontirenden Nelken, Tuchsien, Verbenen, Pelargonien, Rosen etc. von Ohse, Kunst und Handelsgärtner in Scharlottenburg, Schloss-Strasse, № 16. 17. 18.

Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ

Императоръ Николай Павловичъ кн. Васильчикову.

26 Апрель. 1868.

Starskosélo le 4 Octobre 1841.

Je reçois ce soir votre lettre mon cher ami et me hate de vous enformer que non seulement je consent à ce que vous accordiez quelques jours de plus pour revoir votre famille, mais que je vous supplie de faire en cela tel arrangement qui pourra (sic) vous convenir. Je désire vivement que le retour des votres vous donne plus de sécurité sur la santé de votre fille, il parait que l'air natal lui est plus convenable que tout autre, et c'est déjà bon exemple pour croire qu'ils ne savent retrouver de la santé loin de chez eux.

Le bon Dieu má rendu cette nuit pour une seconde fois grand-père; ma fille est heureusement accouchée d'une fille; et vous comprendrez notre joie. Tout à vous mon cher ami en vous embrassant tendrement.

Votre affectionné N.

Императоръ Александръ Николаевичъ кн. Васильчикову.

Mon cher Prince.

Ma femme et moi nous sommes bien fâchés d'être privé du plaisir de vous posséder chez nous ce soire. mais d'un autre côté nous aurions été au désespoire si cette cource avait pu faire du mal à votre santé. Nous espérons que la cure que vous venez d'entreprendre vous fera du bien et raffermera vos forces.

Permettez moi, cher Prince, de vous réitérer à cette occasion l'assurance des sentiments d'estime et d'attachement cinsere que vous porte

Votre dévoué

Aleksandre. (sic.)

9 Января. 80 г.

Достоевскій гр. Толстой.

Многоуважаемая и дорогая

Софья Петровна¹⁾,

Простите ради Бога—прійти не могу. Готовлю къ завтраму отослать часть рукописи въ Русскій Вѣстникъ. Всю ночь на пролетъ буду сидѣть.—А конецъ еще и не дописанъ, трое сутокъ еще просижу въ работѣ и 15-го сдамъ, вѣроятно, и конецъ на почту.

Самъ хожу чуть не помѣшанный. Жена же простудилась 1-го Января, а 4-го слегла въ постель и теперь лежитъ, лечится, ѣздитъ докторъ, простудилась, кашель и лихорадка. И во всей моей жизни страшный безпорядокъ. Пока я и жена Вамъ кланяемся, скоро приду. Передайте Графинѣ все, что сами найдете сказать ей за меня лучшаго,—вполнѣ надѣюсь на Васъ. Часто о Васъ думаемъ.

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

Среда 29 Ав. 76 г.

1875. 2-го Марта.

Bougival les Trénes Châlet.

Милостивый Государь.

Я весьма виновать передъ Вами; я Воскресенье былъ въ Парижѣ и видѣлся съ двумя тремя мужами, которымъ я назначилъ свиданіе; но Ваше имя ускользнуло изъ моей памяти—и я не дождался Васъ.—Покорно прошу извинить мою забывчивость, которая производитъ во мнѣ тѣмъ больше смущенія, что, по Вашимъ словамъ Вы нарочно возвращались изъ Лондона для этого свиданія.—

Что касается до самага дѣла, т. е. до Вашего предпріятія—то считаю моимъ долгомъ высказать Вамъ мое откровенное мнѣніе....

¹⁾ Супруга поэта гр. А. К. Толстаго.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, не могу не прийти къ заключенію, что успѣха имѣть *оно не будетъ*—какіе бы таланты Вы не завербовали, какія бы деньги не истратили... Французы слишкомъ равнодушны ко всѣму, что не ихнее;— да и, говоря правду, они вовсе такъ насъ не любятъ и не интересуются нами.

Чепуха въ родѣ „Данишевской“ лишь можетъ имѣть 500 представлений, но серьезный французско-русскій журналъ не будетъ имѣть и пятисотъ подписчиковъ. Я желаю ошибиться: но—*jusqu'à preuve du contraire*—вогъ мое убѣжденіе.

Примите вмѣстѣ съ повторенными извиненіями увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Вашего преданнаго слуги.

И. Тургенева.

Тургеневъ кн. Васильчикову.

Mon cher ami,

Le porteur de ce billet, M-r Richard Whilney de New-York qui se trouve ici pour mener à fin la publication d'un ouvrage illustré sur la vie de Pierre le Grand désire se mettre en rapports avec les artistes, graveurs etc. de Petersbourg. Cet ouvrage est conçu dans le sens le plus favorable à la Russie, M-r Whilney a les meilleurs recommandations et ce serait une oeuvre patriotique que de lui faciliter son travail.—Je le r. commande à Vous comme à l'homme le plus compétent dans ces matieres et dont la complaisance égale l'amabilité. Je Vous recommande M-e Whilney avec toute la chaleur de notre vicille amitée et considérerais comme une obligation personnelle tous les services que Vous pouvez lui rendre et les renseignements que Vous voudrez lui donner.

Je Vous serre cordialement la main

A Vous tout dévoué

Iv. Tourgueneff.

St-Petersbourg

ce 16 Mars 1880

Директору Эрмитажа, автору Семейства Разумовскихъ, Грав. портрет. И. В. и, Словаря гравир. русскихъ портретовъ и другихъ худ. и ист. статей Васильчикову.

На углу Малой Морской и Невскаго, д. № 11, квар. 20. Понедѣльникъ.

Любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ,

Я третьяго дня, какъ говорятъ французы, разбилъ себѣ носъ о дверь Эрмитажа—и мнѣ отвѣтили, что неизвѣстно еще, когда онъ откроется. Не будете ли Вы такъ добры, не пришлете ли Вы мнѣ Вашу карточку съ разрѣшительнымъ словомъ, такъ какъ мнѣ, можетъ быть, нельзя будетъ дожидаться дня возобновленія открытія.—

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Среда, 29 Ав. 76.

Bougival Les Frères Châlet.

Среда, 2 Іюня 79.

Тургеневъ Григоровичу.

Любезный Григоровичъ.

Вы приглашаетесь прибыть въ пятницу 4-го Іюня ровно въ 3 часа къ воротамъ Père Lachaise, чтобы присутствовать при освященіи памятника постановленнаго надъ могилою Н. Ц. Ханькова.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

(циркулярно)

Островскій Гедеонову.

Милостивый Государь

Степанъ Александровичъ.

Изъ письма Кл. Назарова я не могъ не замѣтить, что Вамъ не совсѣмъ нравится сценаріумъ моей волшебной сказки, я и самъ имъ недоволенъ. Онъ составленъ наскоро въ Петербургѣ; какъ только я принялся за работу, я увидѣлъ его недостатки и уже хотѣлъ просить у Васъ извиненія за него. Теперь я работаю, не стѣсняясь прежнимъ планомъ, и смѣю увѣрить Васъ, употребляю всѣ свои силы, чтобы сдѣлать что нибудь порядочное. Согласно желанію Вашему, я постараюсь выслать Вамъ, какъ можно скорѣе образчикъ моей работы, хотя это обстоятельство для меня нѣсколько затруднительно; я пишу до-

волью эскизно (для того, чтобы поскорѣе записать всѣ мысли, которыя приходятъ мнѣ въ голову) и потомъ уже отдѣлываю и даю произведенію общій тонъ; но, во всякомъ случаѣ, я постараюсь особо отдѣлать сцены двѣ-три и прислать Вамъ до Вашего отъѣзда за границу.

Теперь у меня къ Вамъ покорнѣйшая и убѣдительнѣйшая просьба: если, по окончаніи мною труда моего, Вы будете мной не совсѣмъ довольны или хотя нѣсколько усомнитесь въ будущемъ его успѣхѣ, — сдѣлайте для меня одолженіе, бросьте его безъ церемоніи. Я не могу представить себѣ всей силы того огорченія, которое я испыталъ бы, если бѣ моя пьеса, стоящая дорого дирекціи не имѣла успѣха; для меня несравненно будетъ легче потерять даромъ *oleum et orega*, чѣмъ подвергнуться упрекамъ и дать случай торжествовать нашей литературной братіи. Я вообще не самолюбивъ, а въ этомъ случаѣ, если Вы не поставите мою сказку, Вы не оскорбите моего самолюбія уже и потому, что я пишу ее, нисколько не думая о славѣ, а единственно для того, чтобы, сдѣлать Вамъ угодное и доставить дирекціи возможно большіе сборы. Если пьеса и не пойдетъ, я все таки потеряю немного; куплеты и музыка могутъ пригодиться для другого дѣла, кромѣ того я приобрѣту навыкъ и мнѣ уже легче будетъ писать второе произведеніе подобнаго рода. Я теперь оставилъ всѣ другія дѣла, исключительно занимаюсь этой пьесой; если она мнѣ удастся, я буду очень радъ, — если не удастся я буду, по крайней мѣрѣ, тѣмъ утѣшенъ, что трудился добросовѣстно.

Обманувшись въ надеждѣ видѣть Васъ въ Москвѣ и разъѣзжаясь съ Вами надолго, я прошу Васъ не позабывать меня и не лишать Вашего прежняго расположенія. Пожелавъ Вамъ добраго здоровья, счастливаго пути и совершенія Вашихъ намѣреній, остаюсь

съ искреннимъ уваженіемъ сердечно преданный

Вашему Превосходительству

А. Островскій.

Лажечниковъ Гедеонову.

Милостивый Государь,

Степанъ Александровичъ;

Въ бытность мою въ Петербургѣ Ваше Превосходительство были такъ благосклонны ко мнѣ, что обѣщали взять подъ свое покрови-

тельство мою драму: „Матери Соперницы.“ Пользуясь этимъ обязательнымъ для меня заявленіемъ, беру смѣлость адресоваться къ Вамъ съ слѣдующими покорнѣйшими просьбами.

1-я. Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати піеса моя, какъ меня увѣдомляютъ, пропущена, только требуютъ еще одинъ экземпляръ ея для отсылки въ Театральную Дирекцію съ надлежащимъ засвидѣтельствованіемъ, что нѣтъ препятствій къ представленію ея на сценѣ. Экземпляръ этотъ будетъ на дняхъ доставленъ Управленію.

Я просилъ бы покорнѣйше Ваше Превосходительство заявить черезъ кого нибудь въ театральномъ комитетѣ, за которымъ остановилось дѣло, Ваше желаніе, чтобы драма моя была скорѣе рассмотрѣна.—

2-ая. Я забылъ заявить театальной Дирекціи озиціально условіе получать установленный театральнымъ положеніемъ иоспектакльнѣй гонорарій. Заявленіе это прошу покорнѣйше приказать вписать, гдѣ слѣдуетъ. Въ Москвѣ драма моя, съ моего согласія пойдетъ въ первый разъ въ бенефисъ артистки г-жи Васильевой 15-го Ноября.—

3-ая. Вы были такъ милостивы, что обѣщали для моей піесы новые костюмы и декорацию.

Смѣю надѣяться, что, при соображеніяхъ по этому предмету, Ваше Превосходительство не оставите удѣлить нѣкоторую сумму для постановки ея на московской сценѣ, на которой костюмы и декорация отъ частаго употребленія въ Смерти Грознаго, Опричникѣ и Василісѣ Мелентьевой выцвѣли и устарѣли.

Преставляю эти просьбы начальнику театровъ, который не только горячо любитъ искусство, но и глубоко понимаетъ его.

Счастливъ я, что моя драма попадаетъ на сцену въ такое время, которое будетъ считаться эрой процвѣтанія русскихъ театровъ.

Пользуюсь случаемъ просить Ваше Превосходительство принять увѣреніе глубокаго уваженія и совершенной преданности

Вашего покорнѣйшаго слуги

Ивана Лажечникова.

Москва 25 Сентября 1868. На Поварской, въ домѣ Николаева.

Потѣхинъ Гедеонову.

Милостивый Государь

Степанъ Александровичъ.

За отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я просилъ П. В. Васильева доставить Вашему Превосходительству мои комедіи *Отрѣзанный Ломоть* и *Братъ и сестра*, которая на сценѣ представлялась подъ названіемъ: „Хоть шуба овечья да душа человѣчья.“

Будьте добры, согласно Вашему обѣщанію просмотрите ихъ, потрудитесь сдѣлать, какія признаете нужными, сокращенія, и затѣмъ не откажите въ дозволеніи возобновить ихъ на сценѣ. При этомъ позвольте попросить, Ваше Превосходительство, роль Тявкина, которую исполнялъ въ Москвѣ Садовскій, отдать здѣсь П. В. Васильеву, а роль Николая въ *Отрѣзанномъ ломтѣ* и Панибратова въ *Шубѣ овечьей*, за отсутствіемъ исполнявшаго ихъ въ Петербургѣ актера Аграмова, предать Монахову: обѣ онѣ будутъ совершенно въ его средствахъ, и лучшаго исполнителя для нихъ, по моему мнѣнію, даже желать нельзя.

Принося Вашему Превосходительству искреннюю благодарность за любезность и вниманіе, которыхъ Вы меня удостоивали, съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ совершенною преданностью, имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Алексѣй Потѣхинъ.

26-го Ноября. 1867 г.

Некрасовъ Григоровичу.

4 Октября. Спб.

Любезнѣйшій другъ Дмитрій Васильевичъ,

Сегодня выпустилъ X книгу С. которая, по счастью, составила недурно,—и нынѣ напомнить Вамъ, что XI книжка ждетъ Вашей повѣсти. Напишите къ какому числу вышлите, а еще лучше вышлите сейчасъ по полученію сего письма.

Знаете ли, что Ваша школа гостепрїимства очень хороша, нельзя читать безъ смѣху этого живого и веселаго разсказа. Легкость его удивительна. Я пожалѣлъ, что онъ не попалъ въ Современникъ, это въ сущности, самой трудный родъ, но наконецъ, Вы имъ овладѣли и теперь совѣтую Вамъ не бросать его. Вы, безъ любезностей—можете дать нашей литературѣ русскаго Пиккъ-Вика

Весь Вашъ Некрасовъ.

P. S. Ждемъ сюда Василія Петровича. Пробылъ уже съ недѣлю Дружининъ. Посылаю Вамъ кусочекъ изъ объявленія Краевскаго. Для возбужденія задора въ подписчикахъ, онъ публикуетъ, что Вы взяли романъ этотъ (чтобы) придать ему возможное совершенство. Смотрите же! Вотъ что значить продавать товаръ неготовый; не шутя, велите Краевскому тотчасъ выкинуть эту глупость изъ объявленія, иначе будутъ ее повторять еще три мѣсяца.

Для успокоенія Вашей совѣсти сообщаю Вамъ, что Кр. купилъ еще романъ у Потѣхина, котораго неизвѣстно съ чего началъ тянуть въ геніи, а Кр. и повѣрилъ, и такъ вотъ вамъ цѣлый коробъ сплетень.

Вы, вѣроятно, полагаете, что я уже забылъ, среди столичныхъ развлеченій и берега Оки и наши станціи сельскія дубравы, напротивъ того часто. часто мы вспоминаемъ о тихой сельской нашей жизни—я и здѣсь впрочемъ живу, какъ въ деревнѣ, никуда не *выхожу*, потому что къ шеѣ прикладываются шпанскія мушки и мѣняются каждая 3 раза въ сутки. Это препятствуетъ туалету личному и проч.

Полагая, что мельница приходитъ къ концу, я къ вамъ пишу съ покорнѣйшею просьбою наставить на путь Бѣликова въ перестройкѣ тѣснаго домика, рисунки котораго, не помню, у васъ ли, или въ столѣ моемъ остались. Главное, чтобы лѣсъ приготовить посуше—также не помню какимъ образомъ будетъ подвѣска стѣнки, отдѣляющая заднюю *комнатку*—или это будетъ просто перегородка и проч. На счетъ матеріала прошу васъ нужное распоряженіе сообщить Бѣликову, который къ вамъ зайдетъ съ этимъ письмомъ.—Объ васъ мы вспоминаемъ съ Тургеневымъ и Сологубъ, послѣдній написалъ *комедію*—*Чиновникъ*, которая имѣла при чтеніи большой успѣхъ—*„c'est la réintégration de l'employé.“* Между тѣмъ Г. проѣхалъ и возвратился благополучно.

Тамъ Его принимали съ неимовѣрнымъ восторгомъ. Состояніемъ войскъ Онъ чрезвычайно былъ доволенъ, въ надеждѣ видѣть вскорѣ сына, который пріѣдетъ отдохнуть и побывать съ нами

вашъ преданный слуга

Г. М¹⁾.

Петербургъ Ноября 13.—25 г.

Апухтинъ Козлову.

И. П. Бартоломей и я хотѣли у тебя обѣдать въ субботу. Расположенъ ли ты насъ принять, и можно ли пріѣхать въ „особенномъ“ (surtout)? Дай отвѣтъ.

Апухтинъ.

Полонскій Козлову.

Многоуважаемый

Павель Васильевичъ.

Не могу быть у Васъ, потому что осужденъ на лежаніе. на прикладываніе припарокъ, и, что всего пріятнѣе, имѣю въ перспективѣ проколъ нарыва, который образовался у меня отъ сидячей жизни и недостатка движенія.

Обѣщанное стихотвореніе будетъ Вамъ доставлено по выздоровленіи—съ этимъ спѣшить еще некуда—недѣлю позже или недѣлю раньше, полагаю, все равно.

Очень страдаю, что не могу выѣхать и съ Вами видѣться

Остаюсь Вамъ преданный

Я. Полонской.

¹⁾ Гр. М. Ю. Вельгорскій.

Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы

(Изъ архива Оренбургской ученой архивной комиссіи.)

Списокъ русскимъ плѣннымъ прибывшимъ на Бердянско-Куралинскую
линію съ Бухарскимъ Караваномъ 17-го Ноября 1837 года.

1. Уральскаго войска полковника
Буренина крестьянинъ Василій
Ивановъ 120 лѣтъ отъ роду, взятъ изъ Уральска и
находился въ плѣну 17 лѣтъ.
2. Крестьянинъ графа Зубова Ва-
силій Никитинъ. 57 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Каспійскаго
моря и находился въ плѣну 36 лѣтъ.
3. Астраханскій мѣщанинъ Кон-
стантинъ Проловъ. 50 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Каспійскаго
моря и находился въ плѣну 8 лѣтъ.
4. Оренбургскаго войска Чебар-
кульской станицы казакъ Ва-
силій Коптягинъ 42 лѣтъ отъ роду, взятъ съ Оренбургской
линіи изъ Орловскаго отряда и находился
въ плѣну 55 лѣтъ.
5. Астраханской губерніи госу-
дарственный крестьянинъ
Иванъ Тимофеевъ 38 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну
2 года.
6. Астраханской губерніи удѣль-
ный крестьянинъ Иванъ Ере-
мѣевъ. 68 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну
28 лѣтъ.
7. Астраханской губерніи госу-
дарственный крестьянинъ Ва-
силій Никитинъ Червяковъ. 60 лѣтъ отъ роду, взятъ съ моря и былъ
въ плѣну 28 лѣтъ.

8.	2-го Тептярскаго полка казакъ Байбагушъ Янбалшевъ.	35 лѣтъ отъ роду, взятъ изъ отряда полковника Милорадовича, бывшаго въ киргизской степи и находился въ плѣну 14 лѣтъ.
9.	Города Астрахани отпущенникъ Петръ Васильевъ Старцевъ	76 лѣтъ, взятъ въ плѣнъ съ моря и находился въ плѣну 20 лѣтъ.
10.	Крестьянинъ князя Юсупова Никита Рулевъ	46 л. взятъ съ моря и были въ плѣну 14 л. 2 года.
11.	Сынъ его Григорій.	62 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 45 лѣтъ.
12.	Пензенской губерніи государственный крестьянинъ Михайла Артамоновъ.	36 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 7 лѣтъ.
13.	Пензенской губерніи г-на Батурина крестьянинъ Василій Игнатьевъ	60 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 37 лѣтъ.
14.	Саратовской губерніи г-на Апраксина крестьянинъ Антропъ Андреевъ.	52 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 27 лѣтъ.
15.	Астраханскій мѣщанинъ Дмитрій Филипповъ	68 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 4 года.
16.	Нижегородской губерніи г-на Шереметева крестьянинъ Василій Ильинъ.	63 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 36 лѣтъ.
17.	Астраханской губерніи г-на Зубова крестьянинъ Кузьма Глѣбовъ	30 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 4 года.
18.	Пензенской губерніи князя Долгорукова крестьянинъ Иванъ Резановъ.	60 лѣтъ, полагасть, что былъ въ плѣну 60 лѣтъ:
19.	Непомнящій родства, называющій себя Ивановъ.	50 лѣтъ, взятъ изъ города Уральска и былъ въ плѣну 15 лѣтъ.
20.	Симбирской губерніи г-на Орлова крестьянинъ Савелій Федоровъ Чунаевъ.	50 лѣтъ, взятъ изъ Орской крѣпости и былъ въ плѣну 34 года.
21.	Полякъ Якупъ Соколовскій.	70 лѣтъ, взятъ съ моря и былъ въ плѣну 40 лѣтъ.
22.	Симбирской губерніи пѣхотный солдатскій сынъ Илья Федоровъ.	
23.	Бѣжавшій въ Персію 1829 года изъ нарочной № 24 роты, бывшій въ Эривани и плѣн-	

- ный изъ персидскихъ войскъ
1832 года рядовой Василій Венедиктовъ 50 лѣтъ, находился въ плѣну 5 лѣтъ.
24. Орскаго баталіона унтеръ-офицеръ Иванъ Малышевъ. . . . 52 лѣтъ, взятъ изъ Губернскихъ горъ и былъ въ плѣну 16 лѣтъ.
25. Астраханскій матросъ 45 флотскаго экипажа Кузьма Лосевъ. 34 лѣтъ, взятъ съ моря и находился въ плѣну 1¹/₂ года.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 ноября 1837 года, стр. 18—20).

Письмо хивинскаго хана Алла-Кула къ Государю Императору, полученное оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ В. А. Перовскимъ въ Августъ 1839 года.

(Переводъ съ татарскаго).

Во имя всевышняго и всеблагаго Бога. Нѣтъ другаго божества, кромѣ единаго Бога и другаго Пророка, кромѣ Мухаммеда (стихъ изъ Алкорана).

Всепочтенному и Всемиловитому, въ великолѣпнѣи Уподобляющемуся Джеесишиду, въ силѣ и могуществѣ Афрасьябу, Средоточію Христіанской славы, правосудія и могущества, Великому Россійскому Государю Императору да будетъ вѣдомо, что купеческое сословіе, для распространенія между людьми всякаго рода обилія, странствуетъ по разнымъ Государствамъ, городамъ, крѣпостямъ и мѣстечкамъ.

Съ этой цѣлію особенно жители сего знаменитаго города съ давнихъ временъ до нынѣ ежегодно при добромъ расположеніи посѣщали Россію. Теперь же, во времена, знаменующія радостію, порядокъ этотъ измѣнился: купцы Хивинскіе задержаны, и освобожденіе ихъ зависитъ отъ высылки изъ Хивы русскихъ плѣнныхъ, которые нѣсколько уже разъ и были отсылаемы въ Россію; но изъ того никакого полезнаго слѣдствія не оказалось. Извѣстно, что войско какъ самой Царствующей Хивинской Державы (да охранить ее Господь отъ бѣдъ и напастей), такъ и окрестныхъ подвластныхъ ей народовъ никакихъ воинственныхъ признаковъ, набѣговъ и нападений на Россію никогда не оказывало. Что же касается до нѣкотораго числа плѣнниковъ недавно захваченныхъ Киргизами и Туркменами: то мы, получивши изъ

нихъ къ себѣ часть, и, присоединивъ къ ней прежде-бывшихъ у насъ всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, отправили всѣхъ ихъ съ Ишнїязъ Баемъ къ Вамъ. Если какая либо часть, или половина ихъ осталась еще здѣсь, и мы о томъ узнаемъ, то отыскавъ таковыхъ, опять препроводимъ. Такъ какъ русскіе плѣнные находятся не въ одномъ только Харезмскомъ Государствѣ, средоточіи Правовѣрія, но и въ другихъ владѣніяхъ: то Вы сами и требуйте ихъ отъ тѣхъ владѣльцевъ. Обязанность же наша состоитъ въ томъ, чтобы напоминать Вашему пресвѣтлomu сердцу, дабы наши купцы были освобождены съ вашей стороны, а Русскіе плѣнные съ нашей, такъ чтобы покончить это дѣло на такомъ условіи, основаніе котораго, утвердясъ на нелицепріятномъ дружествѣ и чистосердечной прїязни, осталось бы ненарушимо въ настоящей и будущей жизни. Тогда взаимныя отношенія между двухъ Государствъ къ общей пользѣ того и другого достигли бы желаемого совершенства—мы дружили бы Вашимъ друзьямъ а Вы нашимъ; мы враждовали бы съ Вашими врагами, а вы съ нашими. Съ этимъ чистымъ желаніемъ мы отправили къ изобилующей радостію особѣ Вашей упомянутого Ишнїязбая. Остальныя слова наши изъяснить онъ изустно. Сіе прїязненное письмо написано для означенія дружбы.

Перевель Титулярный Совѣтникъ Ивановъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комисіи. отдѣлъ пограничный. дѣло отъ 12 Августа 1839 года. стр. 11—13).

**Письмо оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго
къ графу Нессельроде¹⁾ отъ 21 Августа 1839 года за № 142²⁾.**

Милостивый Государь,

Графъ Карлъ Васильевичъ.

На дняхъ прибыли сюда два посланца Хивинскіе, съ письмомъ отъ Хана Аллг-Кула и съ восемьюдесятью Русскими плѣнниками: количество довольно значительное, но все еще ничтожное въ сравненіи съ числомъ оставшихся въ неволѣ. Письмо, которое имѣю честь приложить въ подлинникъ и въ переводѣ, было зашито въ ящикъ и

¹⁾ Графъ К. В. Нессельроде состоялъ въ это время министромъ иностранныхъ дѣлъ.—С. Н. М.

²⁾ „Черновикъ“ этого письма составленъ В. И. Далемъ.—С. Н. М.

по разсмотрѣніи оказалось написаннымъ на Высочайшее Государя Императора Имя. Содержаніе письма, какъ Ваше Сіятельство сами усмотрѣть изволите, по обыкновенію, ничтожно и заключается въ одномъ только напыщенномъ пустословіи. Замѣчательно въ письмѣ этомъ только одно: собственное признаніе Хана, что онъ получаетъ отъ хищниковъ морскихъ условленную долю. Признаніе это сдѣлано здѣсь безъ сомнѣнія только по глупости, потому что въ немъ не было никакой нужды; но не менѣе того, оно довольно важно. По всему видно, что отряды, выдвинутые нынѣ довольно далеко въ степь, возбуждали опасеніе хана Хивы, и что онъ снова пытается кончить дѣло присылкою 80-ти человекъ, какъ прежде думалъ отдѣлаться присылкою 25-ти. При такихъ обстоятельствахъ, я поступилъ, какъ полагаю, согласно съ видами Вашего Сіятельства, объявивъ присланнымъ Хивинцамъ, что они на основаніи прежнихъ объявленій, ханскими посланцами быть не могутъ, и далъ имъ письменное объявленіе не относящееся ни къ какому лицу, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ повторено все то, что было говорено хивинскому хану уже столько разъ прежде. Между тѣмъ однако же, какъ всѣ возвратившіеся плѣнники единогласно показали, что одинъ изъ такъ называемыхъ пословъ этихъ пріобрѣлъ отъ хищниковъ въ самый день отбытія своего изъ Хивы нѣсколькихъ плѣнниковъ Русскихъ и оставилъ ихъ у себя для работы, то я соображаясь съ прежними, одобренными Вами, Милостивый Государь, дѣйствіями своими, рѣшилъ задержать этого посланца, а другого отпустилъ обратно. Безстыдство и дерзость Хивинцевъ тѣмъ удивительнѣе, что они въ теченіе нынѣшняго года, послѣ двухъ спокойныхъ лѣтъ, захватили по крайней мѣрѣ вдвое болѣе промышленниковъ съ Каспійскаго моря, чѣмъ выслали нынѣ плѣнниковъ, изъ коихъ 37 человекъ взяты въ теченіе нынѣшняго лѣта, а 43—въ прежніе годы. Всѣ они снабжены будутъ всѣмъ необходимымъ и потомъ отправлены въ тѣ мѣста, куда принадлежать.

Имя честь сообщить Вашему Сіятельству свѣдѣнія сіи, я прошу Васъ, Милостивый Государь, покорнѣйше пріять увѣреніе въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности моей.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи. отдѣлъ пограничный. дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 15—16).

**Списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ
Оренбургъ въ 1839 году.**

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда от- правлены.	
1	Терентій Ярченко.	Отставной унтеръ-офицеръ 45-го флотскаго экипажа.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.	
2	Никита Ивановъ Шапошниковъ.	Астраханскій мѣщанинъ.		
3	Владимиръ Ивановъ.	Астраханскій мѣщанинъ.		
4	Егоръ Артемьевъ Еровой.	Астраханскій мѣщанинъ.		
5	Федоръ Павловъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, государственный крестьянинъ.		
6	Василій Ивановъ Третьяковъ.	Астраханской губерніи, Енотаевского уѣзда, села Селитринска, государственный крестьянинъ.		
7	Федоръ Михайловъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Макова, крестьянинъ г-жи Миланевой.		
8	Иванъ Ивановъ Рудыкинъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Никольскаго, крестьянинъ князя Юсупова.		
9	Петръ Васильевъ Штуховъ.	Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, села Джамбайскаго, крестьянинъ князя Юсупова.		
10	Иванъ Григорьевъ Солонинъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.		
11	Егоръ Петровъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.		
12	Александръ Никифоровъ Рулевъ.	Того же помѣщика и села крестьянинъ.		
13	Алексѣй Михайловъ.	Астраханскій мѣщанинъ.		Въ Астраханское Губернское Правленіе.
14	Матвѣй Романовъ Ереминъ.	Астраханскій мѣщанинъ.		

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда от- правлены.
15	Василій Андреевъ Савинъ.	Оренбургской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, крестьянинъ помѣщика Племянникова.	Въ Оренбургское Губери. Правленіе. Въ Илецкое Соляное Правленіе. Померъ въ Оренбургскомъ военномъ госпиталѣ.
16	Демьянъ Ивановъ Струковъ.	Оренбургской губерніи, помѣщичій крестьянинъ.	
17	Александръ Логиновъ Скворцовъ.	Илецкаго Солянаго промысла рабочій.	
18	Александръ Ивановъ.	Того же промысла рабочій.	Въ Нижегородское Губернское Правленіе.
19	Яковъ Никитинъ Рѣдкинъ.	Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Дуднева, крестьянинъ графа Шереметева.	
20	Василій Акимовъ Савинъ.	Той же губерніи и уѣзда, деревни Высоковой, крестьянинъ помѣщика Шереметева.	
21	Степанъ Яковлевъ Яйцовъ.	Нижегородской губерніи и уѣзда, села Безводнаго крестьянинъ князя Юсупова.	
22	Александръ Карповъ Псаковъ.	Той же губерніи и уѣзда, села Слободскаго, крестьянинъ помѣщика Лопухина.	
23	Илья Евстратовъ Поповъ.	Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, села Юрьева, крестьянинъ князя Голицына.	
24	Илья Михайловъ Бирюковъ.	Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Дуднева, крестьянинъ помѣщика Шереметева.	
25	Дукьянъ Васильевъ Бирюковъ.	Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, дер. Колодищевой, экономическіе крестьяне.	
26	Яковъ Васильевъ Бирюковъ.		
27	Иванъ Родионовъ Рѣпинъ.	Нижегородской губ. Балахнинскаго уѣзда, дер. Игумновой, казенный крестьянинъ.	
28	Захаръ Яковлевъ Чикуристовъ.	Той же губ. и уѣзда, селенія Чернаго, казенный крестьянинъ.	

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда от- правлены.
29	Абрамъ Никитинъ Тар- хуновъ.	Тамбовской губ., Темниковскаго уѣзда, дер. Досаевой, крестьянинъ г. Кончакова.	Въ Тамбовское Губернское Правленіе.
30	Иванъ Фроловъ Марты- новъ.	Нижегородской губ., Ломовскаго уѣзда, дер. Александровки, крестьянинъ помѣщ. Долгорукаго.	
31	Михаилъ Петровъ Кап- кановъ.	Той же губ. и уѣзда, села Беле- новскаго, крестьянинъ помѣщика Долгорукаго.	
32	Михаилъ Семеновъ Кат- ковъ.	Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, села Цынылги, экономиче- скій крестьянинъ.	Въ Саратов- ское Губери- ское Правле- ніе.
33	Степанъ Екимовъ Сидо- ровъ.	Той же губерніи, Царицынскаго уѣзда, дер. Чарлено-Разной, госу- дарственный крестьянинъ.	
34	Иванъ Николаевъ.	Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, сельца Выпеславцевой По- лянки, крестьянинъ подполковника Айгустова.	Въ Тамбов- ское Губери- ское Правле- ніе.
35	Василій Борисовъ Гро- мовъ.	Той же губерніи, города Шапка однодворецъ.	
36	Степанъ Дмитріевъ Яш- никовъ.	Той же губ., Елатомскаго уѣзда, дер. Ерши, крестьянинъ помѣщцы Шидревой.	
37	Максимъ Михайловъ Зи- новьевъ.	Той же губ. и уѣзда, селенія Блу- шевыхъ Погинокъ, крестьянинъ гг. Нестеровыхъ.	Въ Тамбовское Губернское Правленіе.
38	Филать Денисовъ Ми- трофановъ.	Московской губ., Коломенскаго уѣзда, села Съверскаго, крестья- нинъ графини Головкиной.	Въ Московское Губернское Правленіе.
39	Василій Харитоновъ Са- лудьянскій.	Воронежской губ., Богучарскаго уѣзда, д. Петропавловской, военно- обыватель.	Въ Воронеж- ское Губери- ское Правле- ніе.
40	Аѳанасій Рогазинскій.	Той же губерніи, Павловскаго уѣзда, села Николаевки, крестья- нинъ помѣщика Караулова.	

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда от- правлены.
41	Григорій Ивановъ Тороповъ.	Нижегородской губерніи и уѣзда, села Безводнаго, крестьянинъ князя Юсупова.	Въ Нижегородское Губернское Правленіе.
42	Мих. Григорьевъ Пантисинъ.	Той же губерніи, Балахнинскаго уѣзда, села Гнилицы экономическій крестьянинъ.	
43	Петръ Прокофьевъ Бутяевъ.	Нижегородской губ., Княгининскаго уѣзда, деревни Сосновки экономическій крестьянинъ.	
44	Козьма Васильевъ Потохановъ.	Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда, дер. Хабарсковоѣ, крестьянинъ князя Мустафина.	
45	Данила Яковлевъ Зодинъ.	Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, села Уварова, крестьянинъ г-жи Дивовой.	
46	Афанасій Ивановъ Пряловъ.	Нижегородской губ. и уѣзда, деревни Спириной, крест. г-жи Юдиной.	
47	Василій Романовъ.	Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда, села Сушкова, крестьянинъ г-жи Ессиной.	Въ Рязанское Губернское Правленіе.
48	Степанъ Ивановъ Грачевъ.	Саратовскій мѣщанинъ.	Въ Саратовское Губернское Правленіе.
49	Осипъ Григорьевъ Кербисковъ.	Пензенской губерніи. города Саранска однопворецъ.	Въ Пензенское Губернское Правленіе.
50	Козьма Тимофеевъ Швецовъ.	Той же губерніи. Саранскаго уѣзда, села Пособа, государственній крестьянинъ.	Въ Казанское Губернское Правленіе.
51	Михаилъ Ивановъ Копѣйкинъ.	Пензенской губ., Чембарскаго уѣзда, села Пойма, крестьянинъ графа Шереметева.	
52	Еф. Никифоровъ Мельниковъ	Пензенской губерніи. города Наровчатга мѣщанинъ.	
53	Ермолай Тимофьевъ Думовъ.	Казанской губ., Теплоиннскаго уѣзда, села Кирѣльскаго экономическій крестьянинъ.	Въ Казанское Губернское Правленіе.

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда отправлены.
54	Лаврентій Доримедонтовъ Самойловъ.	Симбирской губ., Корсунскаго уѣзда дер. Никеевки крестьянинъ помѣщика Назарьева.	Въ Симбирское Губернское Правленіе.
55	Василій Корсаковъ.	Жительствующаго въ Оренбургѣ подполковника Артихова крестьянинъ.	Отданы до распоряженія помѣщикамъ.
56	Григор. Михайловъ Пыхтинъ.	Оренбургской губ., крестьянинъ штабсъ-капитана Крапешникова.	
57	Иванъ Ефремовъ Лутковъ.	9-го егерскаго полка рядовой.	Въ Штабъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.
58	Никита Балабановъ.	Кавказскаго отдѣльнаго корпуса легкой артиллерійской гренадерской роты № 3 бомбардиръ.	
59	Никонъ Филиповъ Лихановскій.	20 дивизіи 39 егерскаго полка рядовой.	
60	Константинъ Ермиловъ Тарасовъ.	Сынъ рядового, бывшаго Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4.	
61	Иванъ Лукьяновъ.	Черноморскій казакъ.	Въ Оренбургскую Войсковую Канцелярію.
62	Петръ Ивановъ Литвиновъ.	Оренбургскаго войска Островной станицы казакъ.	
63	Аванасій Андреевъ Стрижевъ.	Оренбургскаго войска Нижне-Озерной станицы казакъ.	
64	Алексѣй Ларионовъ Самойловъ.	Оренбургскаго войска, Новой линіи, Андреевской станицы, казакъ.	Въ Оренбургскую Войсковую Канцелярію.
65	Аѳиногенъ Архиповъ Пеньковъ.	Оренбургскаго войска, Сухорѣченскаго отряда казачій малолѣтокъ.	
	<i>Оставленные при Комиссіи¹⁾ впродъ до распоряженія плѣнники:</i>		<i>По окончаніи надобности будутъ отосланы:</i>
66	Харитонъ Тимофеевъ Щегловъ.	Р е к р у т ь.	Въ Штабъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

¹⁾ Т. е. при Оренбургской пограничной комиссіи.—С. П. М.

№	Имена и прозванія.	Какого званія.	Куда от- правлены.	
67	Гаврила Михайловъ Ша- пошниковъ.	Астраханскіе мѣщане.	Въ Астраханское Губернское Правленіе.	
68	Иванъ Степановъ Ми- хайловъ.			
69	Василій Климовъ Бесѣ- динъ.	Астраханской губ., Красноярскаго уѣзда, деревни Мухоморской госу- дарственный крестьянинъ.		
70	Савелій Константиновъ Чаплыгинъ.	Той же губ. и уѣзда, села Ни- кольскаго крестьяне князи Юе- пова.		
71	Еф. Иван. Рудыкинъ.			
72	Акимъ Ивановъ Родіо- новъ.	Астраханской губ. и уѣзда, дерев. Житной крестьянинъ г. Милашева.		
73	Григорій Павловъ.	Астраханской губ. Красноярскаго уѣзда села Макова крестьянинъ помѣщика Саложникова.		Въ Астрахан- ское Губерн- ское Правле- ніе.
74	Павель Михайловъ.	Той же губерніи, уѣзда и села крестьянинъ г-жи Милашевой.		
75	Петръ Ильинъ Бушуевъ.	Астраханской губ., Енотаевского уѣзда, государствен. крестьянинъ.		Въ Пензенск. Губернское Правленіе.
76	Герасимъ Ильинъ Веле- нюхинъ.	Пензенской губ., Ломовскаго уѣзда, села Блиновки крест. князя Дол- горукова.		
77	Иванъ Федоровъ Лав- ровъ.	Той же губ., Чембарскаго уѣзда, села Пойма крестьянинъ графа Шереметева.	Въ Харьковское Губернское Правленіе.	
78	Семень Ивановъ Коло- мійцевъ.	Харьковской губ., Лебединскаго уѣзда, слободы Мизерницы войско- вой обыватель.		
79	Яковъ Пеледьевъ.	Тульской губ., Епифанскаго уѣзда, села Хованщины крестьянинъ кня- гини Голицыной.	Въ Тульское Губернское Правленіе.	
80	Максимъ Николаевъ Жу- равлевъ.	Саратовской губ. и уѣзда села Синицага казенный крестьянинъ.	Въ Саратовское Губернское Правленіе.	

Совѣтникъ Ваневъ.

Секретарь Родіоновъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный. дѣло отъ
11 Августа 1839 года, стр. 71—76).

Статья В. И. Даля для „Съверной Пчелы“ и „Московскихъ Вѣдомостей.“¹⁾

Слишкомъ сто лѣтъ прошло съ основанія и первоначальнаго заселенія Оренбургской линіи и въ новосозданномъ Русскомъ краю этомъ устройство, образованіе и самое заселеніе съ году на годъ подвигалось впередъ, несмотря ни на какія препятствія. Устроилась линія, почти въ двѣ тысячи верстъ длины, пролегающая по рубежу унылой и пустынной степи, какъ скалистый берегъ необозримаго взморья—и кочующія, хищныя толпы дикарей отражаются день и ночь отъ этого рубежа, какъ волны морекія отъ каменныхъ береговъ своихъ; образовались казачьи войска, заселившія все протяженіе линіи и служащія оплотомъ юговосточныхъ предѣловъ нашей Имперіи: переселенцы изъ двадцати малоземельныхъ губерній Россіи и Украйны перенесли въ край, обитаемый дотолѣ одними инородцами, живую Русь, ея языкъ, нравы, обычаи, вѣру и повѣрья. Цѣлые племена и народы вступили съ нами въ братство, имъ дано управленіе и устройство: рудныя богатства Урала и караванная торговля съ Средней Азіей привлекали тысячи промышленниковъ: словомъ здѣсь почти въ глазахъ нашихъ цѣлый край возникъ изъ ничтожества и превратился въ одну изъ существенныхъ частей Россіи.

Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ торговлѣ и въ рыбныхъ и тюленыхъ промыслахъ Каспійскаго моря была доселѣ Хива изъ всѣхъ областей Средней Азіи *самая грубая и невѣжественная*,²⁾ которая живетъ только разбоемъ и хищничествомъ, между тѣмъ какъ поля и сады ея обрабатываются руками рабовъ, несчастныхъ христіанъ или шинтовъ, которыхъ судьба предала въ руки звѣрскаго корыстнаго хищника. Изрѣдка только удавалось иному счастливцу спастись отъ пожизненнаго насилія и рабства удачнымъ побѣгомъ; остальные умираютъ подъ гнетомъ тяжелой работы, при недостаткѣ въ здоровой пищѣ

¹⁾ Статья эта, написанная рукою извѣстнаго писателя Владиміра Ивановича Даля, была исправлена самимъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который вмѣсто словъ: „для Съверной Пчелы и Московскихъ Вѣдомостей“ написалъ: „для помѣщенія въ Публичныхъ Вѣдомостяхъ.“ Гдѣ именно была помѣщена статья—намъ не удалось узнать, но, во всякомъ случаѣ, она не вошла въ „Полное собраніе сочиненій Даля“, изданія Вольфа 1898 года. Что же касается дальнѣйшихъ поправокъ Перовскаго, то своевременно мы отмѣтимъ ихъ. Правоиспаніе и пунктуация статьи оставлены нами безъ всякихъ измѣненій.—С. П. М.

²⁾ Отмѣчены курсивомъ вставки В. А. Перовскаго.—С. П. М.

и безчеловѣчномъ обращеніи, въ неволѣ и на чужбинѣ. Имъ нѣтъ свободы или, по крайней мѣрѣ—не было доселѣ ни выкупу, ни возврату: тому положительно противилась политика и изуверство Хивинцевъ.

Въ 1837 году возвращены были Хивою, въ первый разъ со времени существованія ея, 25 человекъ Русскихъ плѣнниковъ. Само собою разумѣется, что эти бѣдняки обязаны были благодушному Правительству за свою свободу. Плѣнники прибыли въ Оренбургъ 18 Ноября—день въ лѣтописяхъ Оренбургскаго края достопамятный—вмѣстѣ съ бухарскимъ караваномъ, къ которому примкнули на пути Хивинскіе посланцы. Весь городъ встрѣтилъ выходцевъ нашихъ за мѣновымъ дворомъ. Священство вышло съ крестами, окропило возвращенныхъ паствѣ своей сыновъ Св. водою и отслужило молебенъ. Глядя на эту пеструю праздничную толпу, съ лицами выражавшими въ каждой чертѣ, что здѣсь дѣется что нибудь необыкновенное, неслыханное и невиданное, глядя на крестъ и наложъ и горящія предъ нимъ, среди обширной, необъятной степи, свѣчи—а потомъ еще на земляковъ нашихъ въ азіатской одеждѣ и на колѣняхъ передъ крестомъ, нельзя было не жалеть, что не было здѣсь художника, который передалъ бы¹⁾ потомству этихъ рыдающихъ предъ Евангеліемъ выходцевъ съ того свѣта, эту иссмтную толпу²⁾ съ лицами, на коихъ выражается участие, радость, состраданіе, благодарность—все то мы видѣли, но видѣли словно во снѣ, въ минутной живой картинѣ. Въ числѣ плѣнниковъ этихъ былъ одинъ, который не молился передъ распятіемъ уже 55 лѣтъ, потому что 55 лѣтъ былъ въ неволѣ...³⁾ Слишкомъ полвѣка прошло—и первая горячая молитва за Царя; благо Царю тому и благо подданному.

Купечество угостило въ то время вновь народившихся на свѣтъ земляковъ своихъ, тутъ же подъ открытымъ небомъ, въ особо приготовленной кибиткѣ обѣдомъ, къ которому трехъ хилыхъ старцевъ понесли на рукахъ: третій ходить подпираясь клюкою на своихъ ногахъ, хотя ему было—120 лѣтъ.⁴⁾

1) Вставка В. А. Перовскаго.—С. II. М.

2) Тоже.—С. II. М.

3) Рѣчь идетъ объ оренбургскомъ казаки Чебаркульской станицы Василія Коптягинѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ съ Оренбургской линіи, изъ Орловскаго отряда.—С. II. М.

4) Рѣчь идетъ о крестьянинѣ уральскаго казачьяго полковника Буренина, Василіѣ Осодоровѣ Ивановѣ, который былъ взятъ въ плѣнъ на рѣкѣ Имбулатовкѣ, противъ Генварцевскаго форпоста, гдѣ онъ пасъ табунъ лошадей, принадлежавшихъ казакамъ и полковнику Буренину. Ивановъ былъ „вѣрнисповѣданія старообрядческаго“.—С. II. М.

Въ Августѣ мѣсяцѣ *нынѣшняго* ¹⁾ 1839 года, Хива выслала еще 80 человекъ. Это болѣею частію астраханскіе промышленники. Есть между ними нѣсколько солдатъ и есть между прочимъ Черноморскій казакъ, который взятъ въ плѣнъ Персіанами, подъ Эриванью, проданъ въ Астрабадъ, а оттуда туркменамъ и наконецъ въ Хиву. ²⁾

Г. Оренбургскій военный губернаторъ ³⁾ угостилъ возвращенныхъ родиной выходцевъ у себя въ саду ⁴⁾ обѣдомъ: это было 22 Августа, въ день коронованія ихъ императорскихъ величествъ, обѣдъ былъ данъ въ той же самой колоннадѣ, которая выстроена была въ стени за мѣновымъ дворомъ, для праздника, даннаго во время бытности здѣсь государя цесаревича, наследника, ⁵⁾ а впоследствии перенесена ⁶⁾ въ Губернаторскій садъ. Отецъ Стефанъ ⁷⁾ сказалъ предъ обѣдомъ нѣсколько простыхъ, назидательныхъ и благодарственныхъ словъ, прочелъ молитву, плѣнники сѣли за столъ, перекрестившись на Русской землѣ, а когда имъ налили по стакану вина, встали, и при музыкѣ: Боже, Царя храни, прокричали Ура, и выпили за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома. Во время обѣда весь генералитетъ, г. г. штабъ и офицеры и множество зрителей расхаживали между рядами гостей и спрашивали то того, то другого.

¹⁾ Вставка Перовскаго.—С. Н. М.

²⁾ Рѣчь идетъ о черноморскомъ казакѣ Иванѣ Лукьяновѣ, который находился въ войскѣ „генерала Паскевича-Эриванскаго“ и взятъ въ плѣнъ персами „во время фуражировки въ 1822-мъ году“.—С. Н. М.

³⁾ Т. е. Василій Алексѣевичъ Перовскій.—С. Н. М.

⁴⁾ Т. е. въ дачномъ саду, который находится въ Зауральной рощѣ.—С. Н. М.

⁵⁾ Т. е. Александра Николаевича, впоследствии Царя-Освободителя, который, будучи наследникомъ и совершая путешествіе по Россіи въ 1837 году, заѣзжалъ въ Оренбургъ и посѣтилъ гор. Уральскъ. „При проѣздѣ Государя Наслѣдника и нынѣшняго Царя нашего изъ Оренбурга въ Уральскъ,—писалъ впоследствии самъ Даль,—я тоже находился въ поѣздѣ.“ („Рус. Старина“ 1907 года, Октябрь, стр. 67).—С. Н. М.

⁶⁾ Здѣсь говорится, повидимому, о той самой колоннадѣ, которая находится теперь въ скверѣ гор. Оренбурга, противъ зданія городской думы. Хотя П. В. Черновъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что эта каменная бесѣдка была построена къ отъѣзду оренбургскаго военнаго губернатора Эссена („Труды“ О. У. А. Д., выш. XVIII, стр. 57), но, кажется, нужно отдать предпочтеніе свидѣтельству Даля, который утверждаетъ, что „колоннада“ была построена для праздника, даннаго во время бытности въ Оренбургѣ наследника-цесаревича. Даль писалъ свою статью въ 1839 году, т. е. вскорѣ же послѣ этого событія и, можно сказать, даже подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его, а Черновъ составлялъ свои „Записки“ уже на закатѣ дней своихъ, незадолго до смерти († 15 октября 1902 года).—С. Н. М.

⁷⁾ Т. е. настоятель Петропавловской военной церкви въ гор. Оренбургѣ, священникъ Стефанъ Созальскій.—С. Н. М.

Прислужники обносили медъ и пиво; въ заключеніе плѣнники были одарены¹⁾ довольно богато и между прочимъ здѣшнее Русское купечество роздало тутъ же по три рубля серебромъ. Во время этого праздника, многіе изъ плѣнниковъ всхлипывали и едва удерживались отъ рыданій; другіе горько плакали и молились вслухъ за здравіе Государя Императора.

Оренбургъ, 3 Сентября.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 138—139).

Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ директору Азіатскаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, генералу Л. Г. Сенявину.²⁾

М. Г.

Левъ Григорьевичъ.

Возвращеніе изъ Хивы плѣнниковъ Русскихъ не могло остаться тайной, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ есть крестьяне и мѣщане какихъ нибудъ десяти различныхъ губерній, возвратившіеся нынѣ на мѣста своего жительства. Съ другой стороны происшествіе это, какъ новая небывалая вещь, обратило на себя болѣе или менѣе вниманіе всякаго, списало въ кругу общества много участія. По симъ причинамъ я полагаю, что обнародованіе этого происшествія въ газетахъ нашихъ было бы нынѣ умѣстно и прилично: само собою разумѣется, что отношеній политическихъ при этомъ не для чего касаться. Если Вы, М. Г., изволите одобрить составленную съ этой цѣлью и прилагаемую при семъ статью, то я прошу Васъ покорнѣйше приказать сообщить ее для напечатанія въ редакцію Сѣверной Пчелы, Московскихъ Вѣдомостей, или куда, по усмотрѣнію своему, изволите считать приличнымъ.

¹⁾ Первоначально эта фраза была написана Далемъ въ такомъ видѣ: „въ заключеніе плѣнниковъ одарили“, Перовскій исправилъ ее такъ, какъ она помѣщена въ текстѣ.— С. И. М.

²⁾ „Черновикъ“ этого письма написанъ рукою В. И. Дали, который, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ, состоялъ въ то же время и личнымъ секретаремъ его.— С. И. М.

Прошу Васъ, М. Г., принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности моей.¹⁾

№ 1053. 6 Сентября 1839 года.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 139).

Секретно.

Рапортъ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго военному министру, графу Чернышеву, отъ 6 Сентября 1839 г. за № 158²⁾

Въ 1837 году я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству о прибывшихъ въ Оренбургъ изъ Хивы 25-ти Русскихъ плѣнникахъ. Присылка людей этихъ послѣдовала, какъ Вамъ, М. Г., извѣстно, влѣдствіе задержанія здѣсь Хивинскихъ купцовъ.³⁾ Ханъ Хивинскій полагалъ, что увѣреній его, будто Русскихъ плѣнниковъ болѣе въ Хивѣ не осталось, будетъ въ этомъ случаѣ достаточно и что купцы его будутъ освобождены. Нынѣ Алла-Куль сдѣлалъ вторичную, но конечно не болѣе удачную попытку высвободить подданныхъ своихъ, прислалъ еще 80 человекъ Русскихъ. Почти половина ихъ захвачена хищниками только въ нынѣшнемъ году на Каспійскомъ морѣ. Присылка плѣнниковъ главнымъ образомъ была слѣдствіемъ основанія при урочищѣ Чушка-Куль и на Эмбѣ складочнаго становища для извѣстнаго Вамъ, М. Г., предпріятія, почему и считаю долгомъ о происшествіи этомъ Вашему Сіятельству донести.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 150).

¹⁾ Въ отвѣтъ на это письмо Перовскаго генералъ Сепявинъ особымъ отношеніемъ отъ 30 Сентября 1839 года за № 2543-мъ увѣдомилъ его, что „Азіатскій департаментъ распорядился о помѣщеніи“ присланной статьи „въ Россійскихъ вѣдомостяхъ.“ Получивъ отношеніе, Перовскій сдѣлалъ такую замѣтку на немъ: „Сообщить Влад. Иван. (Далю) для прочтенія“ (А. О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 144).—С. Н. М.

²⁾ „Черновикъ“ этого рапорта составленъ В. И. Далемъ.—С. Н. М.

³⁾ Это задержаніе хивинскихъ купцовъ въ Оренбургѣ было сдѣлано Перовскимъ въ 1836-мъ году.—С. Н. М.

Секретно.

Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго къ директору Азіатскаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, генералу Л. Г. Сенявину, отъ 6 Сентября 1839 года за № 161¹⁾.

М. Г.

Левъ Григорьевичъ.

Прибывшіе ихъ Хивы 80 плѣнниковъ Русскихъ нынѣ распрошены въ подробности о разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ и хотя въ показаніяхъ ихъ ничего особеннаго вниманія достойнаго не заключается, я однако же не излишнимъ почитаю сообщить Вамъ, М. Г., для свѣдѣнія главнѣйшее.

Слухи въ Хивѣ о здѣшнихъ приготовленіяхъ были сбивчивы. Хивинцы имъ большею частію не вѣрятъ, но какъ они вообще привыкли принимать каждую дальнюю степную экспедицію на свой счетъ, то и думали, что передовой отрядъ нашъ, основаншій на Эмбѣ становище, былъ назначенъ въ Хиву, но не могъ дойти и потому оставился.

Туркмены и Адайцы, какъ увѣряютъ плѣнники, положительно возобновили въ этомъ году разбой свои на морѣ единственно по настоянію Хана Алла-Кула. Торговля въ Хивѣ со дня на день упадетъ, сбыту нѣтъ, а привозъ только вынужденный, потому что Бохарскій (sic) караванъ, обошедшій Хиву, по прямому пути, и незаплатившій по крайней мѣрѣ пошлины, былъ бы немедленно разграбленъ. Инахъ, младшій братъ и наслѣдникъ Ханскій, неоднократно совѣтовалъ Алла-Кулу покориться требованіямъ Россіи, исполнить ихъ и искать честнаго миру (sic), но Ханъ упорствуетъ и думаетъ еще провести и обмануть Русскихъ. Вообще плѣнники отзываются объ Инахѣ съ большой похвалой, а напротивъ винятъ во всемъ самого Хана и совѣтниковъ его, Кушъ-бегія и Ходжяшъ-махрема. Между плѣнниками есть одинъ, который былъ представленъ собственно къ убитымъ впоследствии двумъ англичанамъ;²⁾ онъ говоритъ, что путники эти при-

¹⁾ „Черновикъ“ этого письма составленъ В. И. Далемъ.—С. Н. М.

²⁾ Рѣчь идетъ о плѣнномъ крестьянинѣ Астраханской губерніи. Енотаевского уѣзда, Николаевской волости, Петръ Ильичъ Бушуевъ.—С. Н. М.

были моремъ, изъ Баку, въ Красноводскій заливъ и что съ ними былъ нашъ армянинъ, знавшій по Русски. Армянинъ этотъ также былъ убитъ.

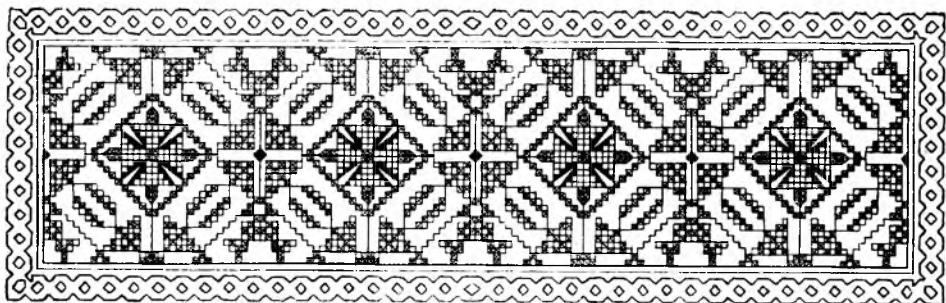
Послѣ прибытія плѣнниковъ были получены еще новыя извѣстія изъ Хивы, за достовѣрность коихъ впрочемъ нельзя поручиться. Увѣряютъ, что Ханъ послѣ положительнаго отказа Эмира Бохаріи въ помощи, обратился съ тою же просьбою къ владѣтелю Кокана, который будто бы и обѣщалъ выставить извѣстное число войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алла-Куль воспретилъ строжайше вывозъ хлѣба изъ Ханства и послалъ сверхъ сего собирать хлѣбъ у землепашателей (sic) и Кайсаковъ, на Сыръ-Дарью, для обезпеченія продовольствія своего и Коканскаго войска. Кромѣ того всюду идетъ починка укрѣпленій, особенно въ Хивѣ и въ Шаватѣ, чрезъ который пролегаютъ всѣ главнѣйшія дороги Ханства. Хаипъ-Галій, не смотря на всѣ старанія свои, все еще довольно безсиленъ, шайка его не только не растетъ, но даже разстраивается и держится только страхомъ и угрозами.

Имѣя честь сообщить Вамъ, М. Г., свѣдѣнія эти, я прошу Васъ принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности моей.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 августа 1839 года, стр. 152—153).

Сообщилъ Священникъ Николай Модестовъ.

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукий брату.

16 Августа, 1825 года.

Послѣдняя почта не принесла мнѣ вѣстей отъ тебя. дорогой другъ. Я приписываю это празднику, который долженъ былъ быть въ Луккѣ 15 сего мѣсяца, но не оправдываю вашей лѣни, которая на мой взглядъ въ подобныхъ случаяхъ всегда преступна. Пишу вамъ. хотя у меня и нѣтъ ничего ни любопытнаго, ни спѣшнаго, чтобы сообщить вамъ.

Скоро вы получите съ австрійскимъ курьеромъ. можетъ быть, въ нѣсколько пріемовъ, посылки на вашъ адресъ. Вы тотчасъ же предупредите гр. Бутурлину, потому что онѣ принадлежатъ ей. Любопытно знать подробности вашего возвращенія и пребыванія на водахъ, прошу васъ, пожалуйста, не водите меня за носъ слишкомъ долго и скажите мнѣ рѣшительно. *влюблены вы или нѣтъ?* Завтра у насъ, у неаполитанскаго посла, будетъ большой праздникъ:

„Фонтаны, бураки и пламенные рѣчи.“

Мое здоровье поправляется. Я имѣю виды на своего банкира, котораго рассчитываю взять лаской и льстивыми рѣчами для того, чтобы онъ ссудилъ мнѣ довольно крупную сумму денегъ для расплаты съ займодавцами. Это очень трудно сдѣлать! Выскочки часто на все соглашаются, если нѣсколько разъ ловко вернуть титулъ *Ваше Сіятельство*.—Все еще нѣтъ писемъ изъ Лозанны.

Неужели у графини все время лихорадка? Эта мысль удручаетъ меня. Передай мои привѣтствія любезнѣйшему изъ общества. Скажи

мадемуазель Аннетъ, что при первомъ удобномъ случаѣ она получитъ отъ меня колечко, не представляющее цѣнности, но замѣчательное по своей древности, привезенное изъ Неаполя антикваріемъ Висконти. нашедшемъ его во время раскопокъ Помпеи. Пусть оно будетъ хорошимъ знакомъ для мадемуазель Аннетъ, пусть принесетъ ей счастье. Прощай.

18 Августа 1825 года.

Я посылаю на почту узнать, принимаютъ ли письма съ маленькимъ кольцомъ внутри ихъ.

Римъ, 21 Августа.

Твоя военная хитрость доставила мнѣ большое удовольствіе. дорогой мой Рафаэль. Съ женщинами всегда я позволяю себѣ вести маленькую войну и употреблять хитрость въ борьбѣ съ ними. Письмо г-жи Лотцъ прелестно. и нужно быть созданнымъ изъ льда, чтобы не почувствовать подобныхъ выражений дружбы. Передай ей это отъ меня. Вотъ итальянскіе стихи, которые прошу ее принять не какъ награду, а какъ простой знакъ памяти и преданности. Они въ ея вкусѣ. Я въ этомъ увѣренъ.

Ты знаешь, что завтра день моего рожденія. Такъ вотъ, идя благодарить Небо, я не премину помолиться также и за этихъ женщинъ.

Флоренція меня нисколько не удивляетъ. Вѣтеръ необходимъ для воздушнаго пространства, интриги, козни—для этрусскаго общества, но твой планъ очень разуменъ: не нужно поощрять злословія; я увѣренъ, что гр. въ восторгѣ отъ злобныхъ замѣчаній толпы, но нельзя не считаться съ мнѣніемъ общества, которое слишкомъ часто вымѣщаетъ это на такихъ людяхъ вещами. *Она* прекрасна, но въ то же время долгъ еще прекраснѣе.

Хочешь скрыть свою игру? Ухаживай за нѣсколькими изъ *этихъ дамъ* и такимъ способомъ уничтожь сплетню, отвлеки ее отъ той, къ кому она относится. *Аннетъ* очень млада; ея привѣтливыя и полныя простоты манеры могутъ дать еще больше пищи ложнымъ догадкамъ—и, наконецъ, ты такъ же хорошо, какъ и я. можешь избѣжать неприятностей, которыя тебѣ встрѣчаются.

Г. возвратился. Мы опять въ лучшихъ отношеніяхъ. До Мая разлука сближаетъ людей; та же откровенность; то же обращеніе, ко-

торое меня больше не обманывают. Слухи о его планахъ переселить жену и дѣтей въ *Сиенну* оказались вѣрными, и ты можешь говорить объ этомъ со всѣми, здѣсь это болѣе чѣмъ извѣстно. К. все упустилъ. Новыя письма гр. Н. къ Г. гласятъ, что мѣсто уже занято другимъ. — Говорятъ, временно, но дипломатія не знаетъ вздорныхъ слуховъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, каждый разъ сообщай номера дошедшія по назначенію, и отдавай мнѣ точный отчетъ во всемъ, что происходитъ въ домѣ В... Прощай. Сегодня я обѣдаю у своего банкира и надѣюсь уладить свои денежные дѣла. — Посылаю еще письма въ Лозанну, потому что ихъ молчаніе меня тревожить. Съ австрійскимъ гонцомъ ты получишь на свой адресъ большую посылку № 1. Это табакъ для графа Бутурлина. Оставь его такъ, какъ онъ есть, не распечатывая.

1-го Сентября.

Еще только 5 часовъ утра, а я уже сижу за маленькимъ столомъ. Вчера у меня до того болѣли зубы, что пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству. Зубной врачъ, хорошенько помучивъ меня, навсегда избавилъ меня отъ больного зуба. Это обстоятельство заставило меня весь вчерашній вечеръ просидѣть дома; я рано легъ спать — и вотъ я уже у окна, наблюдаю великолѣпное зрѣлище восходящаго солнца.

По утрамъ бываютъ минуты, когда свѣжій осенній воздухъ возвращаетъ меня къ жизни и даетъ ощущеніе счастья; но онѣ рѣдки, безплодны, и могутъ сказать не больше, чѣмъ говоритъ падающая звѣзда.

Въ понедѣльникъ почта ничего не принесла мнѣ ни изъ Флоренціи, ни изъ Лукки, мой добрый другъ, но я не злопамятенъ, и снова пишу тебѣ скучное письмо. Изъ него ты узнаешь, что мое здоровье въ томъ же состояніи, и что съ каждой недѣлей я все больше и больше устаю отъ служебныхъ занятій и своего бесполезнаго пребыванія въ Римѣ. Третьяго дня мы цѣлымъ обществомъ обѣдали у французскаго посланника въ Альбано, маленькомъ городкѣ возлѣ Рима, построенномъ на склонахъ горъ, съ красивымъ озеромъ, прелестными уголками и великолѣпными роцами. Но за городомъ, даже избранное общество, дѣйствительно привлекательно только тогда, когда состоитъ изъ людей, близкихъ между собою. Городъ требуетъ принужденности, деревня хороша только своей свободой, и нѣтъ ничего болѣе неподхо-

дящаго, чѣмъ дипломатъ въ деревнѣ. Изъ Альбано мы вернулись очень поздно.

Свѣтила полная луна: она имѣетъ удивительно величественный видъ, когда появляется надъ безводными равнинами Лаціума и озаряетъ блѣднымъ и въ то же время яркимъ свѣтомъ гробницы Аппіевой дороги. Тогда обширныя и пустынныя римскія поля кажутся мнѣ моремъ, поглотившимъ знаменитую *Армаду* и затѣмъ успокоившимся надъ обломками непобѣдимаго флота. Ночи нигдѣ такъ не напоминаютъ Оссіана, какъ среди развалинъ римскаго величія. *Все это описаніе предназначено для мадемуазель Лотцъ.* Моя жизнь до такой степени однообразна, что для того, чтобы сказать что нибудь, мнѣ нужно перенестись или въ прошлое, или же въ будущее. Но такъ какъ на послѣднее почти всегда вліяетъ наше настоящее, то послѣднее не предвѣщаетъ мнѣ ничего особенно благопріятнаго. Среди хорошихъ книгъ, полный цѣлаго ряда счастливыхъ воспоминаній, я возвращаюсь лишь въ общество знаменитыхъ и мудрыхъ мертвецовъ.— Читалъ ли ты когда нибудь прекрасное сочиненіе *Виллера* о духѣ и значеніи реформаціи Лютера?— Вотъ отрывокъ изъ произведенія этого писателя: „*Серьезный (Иисусъ Христосъ), осторожный въ своихъ поступкахъ, непринужденный, простой и величавый въ рѣчахъ, съ душой, казавшейся спокойной, ясной и глубокой, какъ синевы небесъ.*“

Эта маленькая выдержка предназначается для мадемуазель Аннетъ, которая, надѣюсь, еще не забыла меня, что легко могло бы произойти, ввиду ея дружбы съ прелестнымъ *Дарлингтомъ*. Собаки этой породы— мои опасные соперники.

Виллеръ весь на сторонѣ реформаціи и съ большимъ краснорѣчіемъ и правдивостью доказываетъ, что она дала много хорошаго. Здѣсь вышло предписаніе, совершенно воспреещающее ввозъ иностранныхъ книгъ, и строгости по отношенію къ этому новому указу такъ велики, что даже путешественники могутъ оставлять у себя книги для частнаго пользованья только при томъ условіи, если запишутъ свое имя, названіе книги и дадутъ честное слово (гдѣ же?—въ таможнѣ!) въ томъ, что никому не отдадутъ книгу и не примутъ ее снова черезъ границу.— Вотъ въ какую страну пришлось мнѣ удалиться! Вотъ что называется распространять просвѣщеніе и покровительствовать наукамъ!— Я не могу сообщить тебѣ ничего новаго. Италинскій чувствуетъ себя хорошо и очень добръ ко мнѣ. Меня хотятъ избрать членомъ Академіи Св. Луки и сдѣлаютъ меня *пастыремъ Академіи*.

Затѣмъ одинъ изъ моихъ друзей посвятить мнѣ небольшое сочиненіе, на которомъ поставитъ мое имя, употребивши всѣ мои титулы. Отъ скуки дѣлаешься суетнымъ. Такимъ образомъ я, ничего не зная, буду членомъ трехъ или четырехъ академій.

Только что получилъ твое послѣднее письмо: оно блещетъ, какъ солнце—а мое, увы! это полная луна! Согласись съ этимъ, мой добрый другъ. твои успѣхи и жалобы восхищаютъ меня. Отправляясь сегодня въ канцелярію, я покажу доброму старику нѣкоторыя мѣста твоего письма, оно очень позабавитъ его. Только твое описаніе слишкомъ длинно для развлеченій на водахъ. за что я вдвое благодаренъ тебѣ.

Падаю къ ногамъ Воронцовой. Совѣсть упрекаетъ меня за то, что я не писалъ ей, но я положительно напишу ей со слѣдующей почтой. Чувствую безконечную признательность къ этимъ добрымъ женщинамъ, которымъ угодно помнить обо мнѣ. Осмотрительность мучаетъ меня, а копія никогда не сравнится съ подлинникомъ.

Кромѣ того, я знаю все, что требуется этикетомъ и порядкомъ—и одобряю это, порой даже на свою шею. Ваше письмо согрѣетъ меня лучше солнца. Откладываю до слѣдующаго раза подробный отвѣтъ и да здравствуетъ *крань!* и да здравствуетъ *источникъ!* и да здравствуетъ *ловкость!* Я ничего не заплатилъ Бутурлину.

Скажи, передалъ ли ты мое письмо Демидову, потому что для меня важно было написать его по возвращеніи въ Римъ? Невозможно кончить это письмо, не сказавши еще пары словъ нашимъ дамамъ. Привѣтствую ихъ отъ всей души, воспоминаніе о нихъ связано у меня съ множествомъ мелочей, и когда мнѣ случается за чтеніемъ или среди разговора вспомнить о нихъ, я долженъ оставить книгу или прекратить бесѣду.—Ахъ, если бы воспоминаніе было одинаково устойчиво во всѣхъ отношеніяхъ,—тогда легко можно было бы обойтись безъ воображенія.—

23 Октября.

Прошло цѣлое столѣтіе. мой добрый другъ, съ тѣхъ поръ, какъ имя принцессы саксонской попало въ нашу переписку, и новый государь вступилъ на баварскій тронъ послѣ твоего послѣдняго письма. Ты намѣревался написать мнѣ изъ Лукки, но обманулъ меня въ ожи-

даніяхъ, а доклады, которые ты одинъ за другимъ посылалъ Италлинскому, извѣщали меня о всѣхъ вашихъ развлеченияхъ, такъ что я освобождаю тебя отъ новаго ихъ описанія, но писемъ твоихъ я жду съ нетерпѣніемъ. Гр. Гагарина съ дѣтьми уѣхала въ Сиенну, грустная, раздосадованная, что приходится покидать Римъ, гдѣ она хотя вела и очень уединенный образъ жизни, но всегда имѣла небольшой кружокъ монаховъ и священниковъ.—Будь наготовѣ, потому что сегодня гонецъ былъ вызванъ въ Неаполь, чтобы оттуда тотчасъ же отправиться на сѣверъ, и не забудь прислать мнѣ копіи съ депешъ, о которыхъ тебя просило посольство, и которыя, хотя всѣ и помѣчены Римомъ, все таки должны находиться во Флоренціи.

Меня просили предупредить тебя, что для каждаго отдѣльнаго русскаго путешественника ты можешь безпрепятственно испрашивать пропуска, потому что римское правительство не дѣлаетъ никакихъ затрудненій для ихъ получения. Это разрѣшеніе дастъ тебѣ возможность сдѣлать имъ пріятное, а не надо упускать этого случая по отношенію къ любезнымъ нашимъ соотечественникамъ. Благодарю тебя за письмо Пери, которое ты передалъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя своими записочками, и которое было написано наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Лозанны. Съ англійскими путешественниками она прислала мнѣ „коронованіе“ короля, написанное Ламартиномъ, содержаніе и изображеніе которыхъ есть оскорбленіе генія. Съ той же Англичанкой добрая гр. Шувалова прислала мнѣ маленькій альтиграфій, со швейцарскими видами и костюмами. Я необыкновенно тронутъ этими знаками дружбы, и я особенно признателенъ Пери, этому вѣрному другу. Наши дамы уже въ Парижѣ, и я уже отправилъ вслѣдъ за ними посланіе.

Пери сыграла роль Жанны д'Аркъ, такъ удачно примиривъ добро Кулеваева съ Кассандрой, и нужно признаться, что женщины очень ловки въ переговорахъ и непреклонны въ желаніяхъ. Эта новость восхищаетъ меня, потому что съ отъѣздомъ Кулеваева Пери была совершенно одинока, и все таки у нея есть забота и поддержка чловѣка, который можетъ защищать ее и отъ другихъ, и отъ ея собственныхъ волненій.

Появилась, мой добрый другъ, новая книга Поттера объ ученіи Риччи, епископа Пистойи, о которой много говорятъ и которую невозможно достать въ Римѣ, такъ какъ Риччи, жившій въ царствованіи Великаго Герцога Леопольда, впоследствии императора Австрійскаго, былъ возведенъ въ преобразователи и осужденъ папскимъ пре-

столомъ. Говорять, эта книга есть во Флоренціи. Такъ, сдѣлай мнѣ одолженіе, розыщи ее поскорѣе и пришли съ первымъ же русскимъ путешественникомъ или съ австрійскимъ гонцомъ, что еще лучше.

Я обращаюсь къ тебѣ съ этой настоятельной просьбой. надѣясь что ты не откажешься отъ нея. Здѣсь мое письмо къ Антонинѣ, которое я попрошу тебя переслать ей.

У насъ отвратительная погода. Провливые дожди, и этотъ переходъ отъ осени къ зимѣ изнуряетъ меня. Что подблываютъ пока наши прекрасныя дѣвицы и наши добрыя дамы? Тотъ Англичанинъ все такъ же ли счастливъ, какъ былъ нѣсколько недѣль тому назадъ. и думаешь ли ты, что свадьба состоится? Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и мадемуазель Аннетъ и скажи имъ, что, если по полученіи этого письма онѣ замѣтятъ на небѣ тучи, пусть знаютъ, что это вѣстники моихъ пожеланій. потому что я желаю имъ всего наилучшаго на свѣтѣ. Повидимому Матрона совсѣмъ не хочетъ мнѣ отвѣчать?—Коссакъ..... проводить зиму въ Римѣ...

Возвращеніе Сверъ позволить тебѣ пріѣхать посмотрѣть Римъ къ концу года: это будетъ время нашихъ религіозныхъ обрядовъ и я съ одной стороны надѣюсь, что кранъ будетъ благоволить намъ и что Ит. не будетъ противиться этому маленькому путешествію. Вотъ наконецъ послѣдняя надежда, способная вывести меня изъ удручающей тоски. гнетущей мой умъ, какъ преступленіе гнететь совѣсть. А какъ подвигается итальянскій языкъ? Выглянуло солнце, и день снова лучезарно красивъ. Ахъ!... Прощай.

2 Октября.

Милліонъ разъ благодарю тебя за посылки, дорогой мой другъ. Книги, полученныя черезъ австрійскаго гонца, доставили мнѣ большое удовольствіе, а имя прелестной Пери присоединилось ко всѣмъ прекраснымъ мыслямъ, ко всѣмъ удачнымъ выраженіямъ. Вчера я получилъ отъ нея длинное письмо, кузина повидимому окончательно рѣшила провести зиму въ Парижѣ, и такъ какъ около 10-го числа этого мѣсяца она уѣзжаетъ изъ Лозанны, я прервалъ всякую переписку съ Швейцаріей, до новыхъ предписаній. Пери сообщаетъ мнѣ о письмѣ кузины. Мое здоровье плохо. Сегодня ночью у меня была лихорадка—и сновидѣнія. Корабль разсѣкалъ небеса, а лучи солнца.

заходившаго въ огненное море, падали на его паруса. Зрѣлище было волшебное. Мадемуазель Аннетъ садилась на корабль, а я протягивалъ ей руку, чтобы помочь прыгнуть въ лодку.

Sono tutti i sogni
Immagine del di, qualfe e carrotte.

Врачъ только что ушелъ отъ меня, онъ сказалъ, что это маленькая простуда. Это вполне понятно, у насъ былъ такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду, что никакое здоровье не устоитъ противъ такого рѣзкаго измѣненія атмосферы. Я уже надѣвалъ свой великолѣпный плащъ, но только связанныя съ нимъ воспоминанія дѣлаютъ эту зимнюю одежду болѣе теплой.

Мой *песъ* тебѣ кланяется. Замѣтно, какъ онъ растетъ, онъ будетъ такой же большой, какъ ньюфаундлэндъ Демидова. Онъ будетъ спутникомъ моей жизни.

Я нахожу, что вторая часть путешествія вокругъ моей комнаты не такъ блестяще написана, какъ первая. Ночное путешествіе находится въ большой зависимости отъ вліянія луны, въ то время, какъ первое путешествіе вдохновлялось всецѣло солнцемъ. Я раньше зналъ повѣсть о Каскамбѣ и о молодой сибирячкѣ. Сегодня утромъ я написалъ графу де Мэстръ, и жалею на его молчаніе. Скажи многое мадемуазель Лотцъ. У меня нѣтъ никакой надежды увидѣть ее еще разъ. Небо искушаетъ меня. Оно приближаетъ ко мнѣ людей, которыхъ я люблю, и въ то же время похищаетъ ихъ у меня. Въ нравственномъ отношеніи это Танталовы муки. Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ, которая, соединившись со своей подругой, должно быть, опять очень счастлива. Не можетъ ли она оказать мнѣ нѣкоторые знаки дружбы? Не можетъ ли луна служить ей зеркаломъ? Сразу замѣтно, что у меня лихорадка. Я люблю ее отъ всего сердца (пусть она проститъ мнѣ откровенность философа). Когда я вновь смогу сѣсть за столъ рядомъ съ нею и объявить ей войну? Она опасный противникъ, часто выбивавшій меня изъ окоповъ, за которыми я считалъ себя въ безопасности... Особенно однажды, за обѣдомъ у Поггенполь.—Прощай, дорогой другъ. Отъ души цѣлую тебя. Во вторникъ ты получишь продолженіе моихъ вѣстей. Ась! какъ скучно.

3-го Октября.

Напрасныя опасенія, дорогой мой Рафаэль. Дѣло золотого крана идетъ какъ нельзя лучше и хотя я не согласенъ съ тобою относительно быстрого оглашенія его, увѣренъ ли ты, по крайней мѣрѣ, въ томъ,

что твоя страсть, заглошная во время пребыванія въ Петербургѣ, возобновится во Флоренціи. Это открытіе восхищаетъ меня. Сердиться бесполезно. „Представьте себѣ, что человѣкъ, который вамъ препятствуетъ или надоѣдаетъ вамъ, оказывается гранитной скалой, которая лежитъ на вашей дорогѣ и которую нужно обойти съ осторожностью. Это истины, которымъ я, къ величайшему моему сожалѣнію, не слѣдовалъ, и я васъ увѣряю, что къ нимъ можно очень хорошо приноровиться, соблюдая свое достоинство и чистую совѣсть“. Вотъ что сказалъ мнѣ однажды гр. де Мэстръ въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ писемъ, съ которыми я не разставался нигдѣ, и которыя, какъ въ Константинополь, такъ и въ Римѣ, способствовали радости моего существованія. Къ тому же время все сглаживаетъ. Развѣ совѣсть меньше мучаетъ насъ, когда толпа заимодавцевъ стучится у нашихъ дверей, а мы не имѣемъ никакой возможности удовлетворить ихъ справедливымъ требованіямъ, чѣмъ когда мы готовы разорваться, чтобы помочь другимъ? Демидовъ родственникъ. Вотъ первое положеніе. Мы бѣдны, и всѣ это знаютъ. Вотъ второе. Будемъ держаться и того, и другого. Итакъ, не огорчайся, и пусть все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ письмо, только что полученное оттуда. Въ немъ есть мѣста, которыя могутъ заинтересовать тебя. Новость Поля доставила мнѣ большое удовольствіе и я надѣюсь, что императоръ не откажется дать ему хорошее мѣсто. Но возможно ли, чтобы подобныя извѣстія сообщались намъ газетами? Поль относится очень небрежно къ своей семьѣ, и я тоже начинаю сердиться на него. Я скоро напишу ему, а ты перешлешь ему мое письмо черезъ Москву.

Слово *умницы* преслѣдуетъ меня и мнѣ уже кажется, что даже судьба смѣется при этомъ названіи. Ты жалѣешь о близкомъ отъѣздѣ г-жи Лотцъ. Такъ я тебѣ скажу, что она поселится въ домѣ Льва Погоцкаго, гдѣ ей будетъ поручено воспитаніе его дочери, такъ какъ воспитаніе мадемуазель Аннеть уже кончено. Это было мнѣ извѣстно *подъ секретомъ* со словъ самой г-жи Лотцъ. Нельзя не восхищаться этой уважаемой женщиной.—Просьба о протекторатѣ со стороны Грековъ дѣло еще совсѣмъ нерѣшенное, и Англія никакъ не можетъ вступить въ переговоры, которые до такой степени не соотвѣтствовали бы всѣмъ видамъ Священнаго Союза. Должно быть Греція, была одной изъ весьма важныхъ причинъ, почему англійское министерство, во время занятія войсками испанскихъ владѣній Америки, обезпечило европейскій миръ. Во Франціи дѣлается все возможное для того, чтобы возбудить общественное мнѣніе и заставить Францію раньше Англіи взять на себя починъ въ дѣлахъ Греціи.

Но это правительство безсильно, и мнѣ кажется, что все это опровергаетъ распускаемые газетами слухи. По моему одно только Небо можетъ судить Священный Союзъ, потому что онъ поставленъ на такую высоту, что человѣку невозможно возвыситься до него. Въ сравненіи съ этимъ политическимъ божествомъ мы подобны жителямъ пустыни передъ гигантской статуей Мемнона.—До завтра, цѣлую тебя. Завтра буду продолжать свое письмо.—

4 Октября.

Мое здоровье, дорогой другъ, прекрасно, лихорадка оказалась легкой простудой, прекратившейся вмѣстѣ съ холодомъ. Какъ же ты хочешь, чтобы мои книги пришли къ тебѣ черезъ Болонью, когда этотъ городъ стоитъ сѣвернѣе Флоренціи. Посылка можетъ прійти только изъ Россіи или изъ Лозанны. Бумага гр. Бутурлиной была послана съ Обрѣзковымъ, и я не ошибся, говоря, что за пересылку пакета гр. Бутурлиной на почтѣ хотѣли получить 3 эку. и что я совершенно не заслуживаю ея упрековъ, ни устныхъ, ни письменныхъ, потому что, если бы я имѣлъ возможность, я предпочелъ бы всякое общество ей, и считалъ бы высшей для себя честью жить вблизи ея. Правда ли, что братъ гр. Авроры женился на сестрѣ нашего Коссаковского?

Я замѣтилъ, что шотландскій принцъ начинаетъ очень хорошо обходиться съ золотымъ краномъ, который нарочито въ Пизу поѣдетъ. Вотъ случай побывать въ семь достопамятномъ мѣстѣ, гдѣ умерла бѣдная к. Долгорукая, гдѣ похоронена Шувалова и гдѣ показываютъ кладбище архитектуры среднихъ вѣковъ, и земля коего вся нанесена крестоносцами изъ Палестины. Въ самомъ кладбищѣ существуютъ монументы великихъ мужей Италіи. Крѣпко держись за золотой кранъ. Онъ тебѣ будетъ во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезенъ. Не слушай злословія другихъ. Многіе, а особливо Бутурлины, въ враждѣ съ Д... за что? Богъ знаетъ. Тверди имъ почаще, что ты родственникъ золотого крана, и подъ симъ предлогомъ многое можетъ тебѣ съ рукъ сойти. Нашъ старикъ любитъ Демидова. Гагара ненавидитъ, потому что онъ ему не далъ денегъ займа. О люди! О люди! Они вѣчно и любятъ и ненавидятъ... смотря по тому, что выгоднѣе. Здѣшній патриархъ все еще очень боленъ. Быть скоро новому конклаву.

Здѣсь находятъ, что ты слишкомъ рѣдко величаешь Италійскаго *Превосходительствомъ*, и употребляешь въ докладахъ *Вы*,

слово, котораго здѣсь вовсе не желаютъ слышать. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо¹⁾ и за приложенія. Письмо Антонины доставило мнѣ большое удовольствіе и извѣстіе о томъ, что у насъ въ Москвѣ всѣ находятся въ добромъ здоровьѣ, успокаиваетъ меня по отношенію къ тому, что всего дороже моему сердцу. Я пришло тебѣ ея письмо, но съ просьбой вернуть его послѣ того, какъ ты отвѣтишь, для того, чтобы мой отвѣтъ былъ похожъ на Ея письмо.—Вотъ отвѣтъ Бутурлиной: онъ познакомитъ тебя съ ея взглядами на вещи, взглядами, я увѣренъ, совершенно не соответствующими твоимъ намѣреніямъ. Ты найдешь здѣсь маленькое приложеніе—нѣсколько словъ отъ мадемуазель Тизенгаузенъ: прошу тебя уважить ея просьбу и немедленно дать мнѣ отвѣтъ. Валентинъ имѣетъ право давать пропуска въ папскія владѣнія. Попробуй этотъ способъ, чтобы каждый разъ не обращаться въ римское посольство. Это озиціальное предложеніе. Нашъ гонецъ отправляется обратно въ четвергъ, и для того, чтобы наказать тебя за молчаніе, я внушилъ Италинскому мысль спросить у тебя депеши, которыхъ не доставало нашимъ архивамъ. О нихъ никто и не думалъ. Прошу прощенія за это милое плутовство. Какой позоръ! У нашего викарія кардинала Зурла, архіерейскій насморкъ! Весь городъ ходитъ за нимъ слѣдомъ, и говорятъ, что самъ папа смѣялся надъ нимъ! Будь милостивъ! На твое имя придетъ изъ Милана большая связка книгъ. Тотъ часъ же пришли мнѣ ее съ какимъ нибудь путешественникомъ, имѣющимъ пропускъ.

Чѣмъ кончилось дѣло Новосильцева и что такое Новосильцевъ? Вотъ что намъ всѣмъ было бы любопытно знать. Было бы недурно съ твоей стороны если бы ты время отъ времени писалъ кн. Гагарину. Сверчковъ всегда это дѣлалъ и я знаю, что князь очень любитъ получать письма. Демидовъ сказалъ мнѣ о свадьбѣ мадемуазель Аннеть съ г-номъ Бару.

Прощай, сегодня я буду обѣдать со своимъ докторомъ въ тавернѣ. Будь здоровъ—какъ я.

Римъ, 25 Октября. 1825 года.

Я говорю съ Демидовымъ о денежныхъ дѣлахъ, но только *между прочимъ*.

Все еще не одного письма изъ Парижа!

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

Распечаталъ свое письмо, дорогой мой другъ, чтобы сказать тебѣ, что прилагаю къ нему оду на смерть Наполеона, написанную однимъ Итальянцемъ, пріобрѣтшую громкую извѣстность въ Италіи. Она этого заслуживаетъ. потому что это дѣйствительно самое лучшее, что было написано на эту тему, и Лавинъ и Ламартинъ никакъ не могутъ похвастаться тѣмъ, что превзошли *Манцони*. Говорятъ, что Гете перевелъ эту прекрасную оду. *Она очень трудна.*

Немедленно ¹⁾ отвѣчаю на твое письмо № 1 б. описывающее добрыя отношенія къ тебѣ Сверчкова. Мнѣ кажется, это дѣло мудреное, потому что, что скажетъ Италинскій при дворѣ, не зная того, чего хочетъ Сверчковъ, и *не имья отъ него никакихъ данныхъ по этому вопросу.*—Я могу ему рассказать, но это дѣло очень щекотливое. именно потому, что ты мой братъ. Съ другой стороны я совѣтую тебѣ не просить чина. потому что *невозможно.* чтобы тебѣ его дали. Стало бытъ лучше хлопотать о мѣстѣ при дворѣ. что тебѣ гораздо легче получить. Признаюсь, что твое заявленіе взволновало меня до глубины души и что переговоры, которые ты мнѣ поручаешь, кажутся мнѣ очень трудными. Для меня—дѣло не въ представленіи, и я ни слова не скажу до тѣхъ поръ, пока со мной не будутъ говорить. Въ такое время говорить о тебѣ,—значитъ и самому выставяться на показъ?? Пожалуйста пришли мнѣ книгу, т. е. Поттера. Прощай.

25 Окт. ²⁾ Сдѣлай одолженіе, дорогой мой другъ, возьми на себя трудъ похлопотать о томъ, чтобы пропускъ, о которомъ Италинскій просилъ сегодня утромъ. безъ малѣйшей задержки прибылъ на границу въ *Перуджію*. Онъ нуженъ Обрѣзкову, который во вторникъ выѣзжаетъ лошадьми, но, ради Бога, не ошибитесь, потому что одна почта отправляется въ Римъ черезъ *Перуджію*, а другая—другимъ путемъ. Поручите передачу его самому начальнику почты. У меня нѣтъ положительно ничего новаго. Папѣ ни лучше, ни хуже, но погода великолѣпна. Конецъ мѣсяца приближается, и я надѣюсь, что гр. Воронцова не замедлитъ возвратиться въ городъ, тогда ты сообщишь мнѣ новости о нихъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе. сообщи, каковъ долженъ быть послѣдній номеръ табака?

Я такъ часто ошибаюсь, что у меня является желаніе быть точнымъ. Прощай.

Д. Д.

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

²⁾ Тоже.

Отъ Италинскаго ты получишь приказъ съ просьбой о пропускѣ для Обрѣзкова, того самого, о которомъ тебѣ однажды говорилъ Маріотти, и которому ты отвѣтилъ, что дѣло Бутурлиныхъ еще слишкомъ свѣжо въ памяти, и такъ возмутилъ тосканскаго министра, чтобы ты вообще не думалъ въ скоромъ времени получить у него пропускъ для кого бы то ни было. Я читалъ это письмо Маріотти и упоминаю о немъ для того, чтобы ты зналъ, что, благодаря ему, дѣло Бутурлиныхъ обнаружилось въ Римѣ и въ Неаполѣ. Не желая, чтобы Италинскій узналъ объ этомъ косвеннымъ путемъ, и видя, что больше нельзя было молчать объ этомъ, и поспѣшилъ пойти къ добродушному старику, и увидя, что онъ еще ничего не знаетъ, я ему передалъ отъ твоего имени, секретнымъ образомъ, все, что имѣетъ отношеніе къ этому скверному дѣлу. Онъ одобрилъ такой способъ передачи, и былъ возмущенъ Бутурлиными.— Возвратимся къ главному. Ты, можетъ быть, знаешь, что Обрѣзковъ, о которомъ сегодня идетъ рѣчь, женатъ на одной изъ дочерей Василя Сергѣевича Шереметева, и что онъ въ восторгѣ оттого, что можетъ называть насъ кузенами.— И мужъ и жена отнеслись ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью, и узнавъ о нашихъ печальныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, они рѣшительно желаютъ поговорить о нихъ, черезъ ихъ отца, съ молодымъ Шереметевымъ. Вмѣшательство ихъ отца можетъ имѣть огромное значеніе, и хотя я и подозреваю, что изъ этого ничего не выйдетъ, все таки не нужно пренебрегать случаемъ, а тотъ, который представляется сейчасъ, конечно, одинъ изъ благопріятнѣйшихъ. Вотъ почему я прошу тебя предварительно оказать нѣкоторыя любезности по отношенію къ Обрѣзковымъ, которые, вообще, милѣйшіе люди. Я даже постараюсь завязать съ ними переписку.

14 Сент.

Благодарю тебя за письмо, хотя оно и очень коротенькое. Сожалею, что ты настаиваешь на своемъ, читая книгу Ласказа¹⁾ столь же мало полезную, сколько не стоящую вниманія. Дамъ очень любопытный. Его исторія Венеціанской республики—превосходное сочиненіе. Обрати особое вниманіе на войну съ Кіоджіей²⁾, а въ концѣ тома есть списокъ съ конституціи Венеціи. Его святѣйшество чувствуетъ себя лучше. Я получилъ письма изъ Лозанны, прелестныя, восхити-

¹⁾ Графъ Ласказъ, французскій историкъ, сопровождалъ Наполеона въ изгнаніи, и выпустилъ въ свѣтъ „Меморіалъ Святой Елены“. П. Б. (младшій).

²⁾ Портъ въ устьѣ Бренты, предѣлахъ Венеційскихъ.

гельныя! Пери пишетъ, какъ могла бы писать настоящая Пери! Я послалъ письма въ Лозанну и написалъ Гойэ. Вчера ночью у насъ былъ пожаръ. Сгорѣлъ хуторъ. Ничего не спасли. Коровы, куры, ослы, лошади—все сдѣлалось добычей пламени. Изъ людей никто не пострадалъ. Я скоро займусь посылкой въ Москву. Какъ хороша старшая Огинская, и какъ она похожа на мою Пери, это понятно.— Но что она заставляетъ тебя думать обо мнѣ.—эту загадку ты мнѣ объясни. Ужъ не мольба ли какая!—Господи, какой ужасъ. Небо! Боже упаси! Поскорѣ пришли мнѣ посылку, которую Голицыны должны мнѣ передать. Вотъ письмо, которое я прошу тебя поручить любезности гр. Бутурлиной, матери или дочери, все равно! Вчера былъ несчастный день. Какой то каменьчикъ упалъ съ крыши и не прожилъ ни минуты послѣ своего паденія. Мясникъ, разрѣзывая бычачью тушу, отрѣзалъ руку тому, кто ее держалъ. На ступеняхъ церкви Иисуса замѣтили кровь. Думаютъ, что какая нибудь женщина тамъ родила. Молодая дѣвушка, въ припадкѣ безумія, бросилась съ четвертаго этажа.

13 Сентября, вторникъ.

Я писалъ разсужденіе о *Данте*, и остановился на такомъ предложени: „Развращенность есть школа челоѣчества, и ничто, выходящее изъ рукъ зла, не можетъ быть дѣйствительно красиво“, какъ твое письмо пришло ко мнѣ. Только въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія отъ тебя или изъ Лозанны, я замѣчаю, что существую, такъ подавляетъ меня скука, которую я испытываю. Когда Венеціанцы отправляли пословъ на востокъ, они старались дать имъ вторую родину, и считали имъ годъ службы за два. Нужно было бы ввести такой обычай по отношенію къ тѣмъ, кто ѣдетъ въ Римъ, потому что обѣ древнія римскія столицы одинаково печальны и дики, и я предпочелъ бы видѣть каждый день лучше Турокъ, чѣмъ священниковъ. Твой номеръ 7 содержитъ очень любопытныя вещи, а статья, которую ты ввѣряешь моему благоразумію, заслуживаетъ зрѣлыхъ разсужденій. Такъ какъ дѣло зашло такъ далеко, я безконечно сожалѣю о томъ, что не знаю всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и ничего не могу сообщить тебѣ ни объ отказѣ, ни о согласіи. Это такой трудный и такой рѣшительный жизненный шагъ, что онъ долженъ быть только слѣдствіемъ глубокаго внутренняго убѣжденія въ полезности и счастья. Поступи же, дорогой Рафаэль, такъ, какъ тебѣ подскажетъ разумъ, и позволь мнѣ хранить молчаніе по вопросу, который такъ трудно рѣшить.—Кромѣ того, въ своемъ письмѣ ты

говоришь только о своемъ окончательномъ рѣшеніи. не объясняя мнѣ никакихъ причинъ, почему ты отказываешься отъ этого брака, и это молчаніе сгущаетъ тьму окружающую этотъ. столь интересующій меня, вопросъ. Между тѣмъ выслушай одно мое возраженіе, а именно, если молодая особа заслуживаетъ уваженіе и обладаетъ свойствами, способными сдѣлать изъ нея хорошую жену. то ты плохо поступишь, если откажешься отъ ея руки. Извѣстно ли тебѣ, какъ велико ея состояніе? Но такъ какъ эта новость исходитъ отъ кузины, узнай ея мнѣніе: она строю судитъ лицъ своего пола: очень расположена къ тебѣ, она знаетъ твой нравъ, можетъ быть знаетъ и характеръ молодой особы. она сумѣетъ разрѣшить твои сомнѣнія. согласится или отмѣнитъ твое рѣшеніе; наконецъ, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что провидѣніе руководитъ всѣми такими рѣшительными минутами и я вручаю тебя его попеченію. Отвѣтъ кн. Ильѣ, который, какъ ты говоришь, лишаетъ тебя бодрости, но онъ развязываетъ мнѣ руки, и такъ какъ дѣло обстоитъ такъ, то твоя совѣсть можетъ оставаться спокойной по отношенію къ валагаемымъ дружбой обязанностямъ, которыя ты такъ честно несъ передъ этимъ уважаемымъ семействомъ. Не стану тебѣ повторять о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести это скверное дѣло на Италинскаго. я даже не буду напоминать ему о немъ, потому что обидно видѣть, что подъ именемъ внушающимъ уваженіе, скрывается недостатокъ порядочности. Ты не можешь совершенно отказаться и не идти на свадьбу вмѣстѣ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. это невозможно. поэтому я тебѣ совѣтую предварительно написать Италинскому, и въ частномъ письмѣ изложить ему то затрудненіе, въ которомъ ты находишься. *Дѣло это* дѣйствительно слишкомъ недостойно богатыхъ и честныхъ людей, и такихъ злоупотребленій правительство не должно терпѣть. Я ничего не говорилъ объ этомъ Италинскому. потому что онъ отъ природы вовсе не скрытный человѣкъ, я не хотѣлъ бы, чтобы объ этой исторіи знали по всему городу; есть люди, которымъ доставляло удовольствіе распускать такіе слухи и возмущаться неприличіемъ подобнаго поведения; кромѣ того, если ты думаешь, что эту исторію *нужно* доложить Италинскому, я разсѣю недоумѣніе и даже постараюсь сдѣлать это безъ свидѣтелей. Жду отъ тебя рѣшительнаго отвѣта. Испанское пѣніе и русское, конечно, должны имѣть большое сходство; и то, и другое—дѣти рабства, и звуки, печальные и неопредѣленные, одни и тѣ же въ странахъ, гдѣ чужія руки отняли покой и свободу. Такъ тебя разлучили съ милымъ ребенкомъ! А я лишенъ удовольствія говорить имъ пріятныя вещи.—Вотъ, дорогой другъ, письмо къ сестрѣ Антонинѣ. отправь его вмѣстѣ съ тѣмъ, которое ты ей напишешь

пятнадцатаго. Можетъ быть, я слишкомъ распространился на серьезныя темы, но это все было написано въ одинъ присѣсть. Погода у насъ прекрасная, но у меня нѣтъ охоты гулять, и я усталъ любоваться прекрасными развалинами Рима, я почти весь день провожу дома, гдѣ безъ конца занимаюсь чтеніемъ. Битва при Лютценѣ замѣчательно описана Шиллеромъ. У этого великаго писателя жизненно все, что ни выходило изъ подъ его пера, а моментъ, когда Густавъ Адольфъ падаетъ, сраженный ударами, достоинъ полного восхищенія. „Bald entdeckte sein ledig fliehendes, im Blute gebadetes Ross der schwedischen Reiteres ihres Königs Fall, und wüthend dringt sie herbei, dem gierigen Feind diese heilige Beute zu entreisen. Um seinen Leiknam entbrennt ein mörderishes Gefecht, und der entstellte Körper wird unter einen Hügel von Todten begraben“.

Мнѣ очень досадно, что за нѣкоторыя мои издержки тебѣ пришлось заплатить, и если ты хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то оставь у себя носовые платки, они твои. Я пришлю бумагу гр. Бутурлиной, но какимъ путемъ? Сейчасъ такое время года, что путешественниковъ совсѣмъ нѣтъ, и даже пересылка табаку сильно затрудняетъ меня. Маленькіе Голицыны должны скоро пріѣхать во Флоренцію. Отъ прелестной, отъ обожаемой Пери они привезутъ мнѣ книги: стихотворенія Ламартина. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай мнѣ ихъ тотчасъ же. Я устрою дѣла съ *Бальзани*, каретникомъ, и пришлю тебѣ ящикъ съ книгами, которыя могутъ быть тебѣ полезными для занятій, и заранѣе предупреждаю тебя объ этой посылкѣ. Сдѣлай то же самое. Вотъ маленькій медальонъ папы, онъ очень похожъ. *Кокошкинъ* ѣдетъ въ посольство въ Парижъ. Я положительно не знаю, какъ это посольства находятъ возможнымъ такъ легко переводить его, или это незначительность ихъ службы, которыя имъ лестно замѣстить: или подлость помогаетъ имъ пользоваться преимуществами—чортъ знаетъ!!....

8 Сент.

Сію минуту почта доставила мнѣ твое письмо отъ 6-го Сентября. дорогой мой Рафаэль. Спѣшу тебѣ отвѣтить и начну съ того, что у меня есть свѣжія новости отъ Пери, которая, среди подробнаго описанія ихъ развлеченій и прогулокъ на водахъ, пишетъ мнѣ и о планахъ кухни. Дѣло идетъ о томъ, гдѣ провести зиму, въ Парижѣ, Марселѣ или въ Ниццѣ. Она писала императору о своихъ дѣтяхъ и о тѣхъ заботахъ, въ которыхъ нуждается старшій, говоря, что въ Парижѣ имѣются всѣ средства для выполненія плановъ, намѣченныхъ

въ этомъ отношеніи ея покойнымъ мужемъ. Между тѣмъ окончательно еще ничего не рѣшено, и отъѣздъ, если онъ состоится, совершится въ концѣ этого мѣсяца, или въ началѣ Октября. Пери была больна, и отъѣздъ К., который окончательно разстался съ графиней, нанесъ ей вредъ. Ея письмо прелестно.

Распространеніе твоихъ лишаевъ беспокоитъ меня, тебѣ нужно избѣгать слишкомъ рѣзкихъ движеній, на примѣръ танцевъ, которые въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть очень вредными. Мое здоровье опять прекрасно, мои опасенія разсѣялись, и только скука пустила ростки въ глубинѣ моего сердца. Вотъ и ваши увеселенія на водахъ пришли къ концу. Теперь тосканскому дворцу пришла очередь сказать свое слово. Замѣчаніе Бутурлиной о моемъ характерѣ забавно, но я думаю, что она ошиблась безъ дурного намѣренія. Она думаетъ, что знаетъ меня, а на самомъ дѣлѣ знаетъ только мои слабыя стороны. Кромѣ того, услуги оказанныя мнѣ этимъ уважаемымъ семействомъ, дружба, (которой я связанъ) съ сыномъ и его женою и доказательства расположенія, неоднократно выраженные всѣми ими, позволяютъ мнѣ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ неразборчивость въ выраженіяхъ. Я искренно преданъ имъ. Наша жизнь идетъ обычнымъ порядкомъ. Италинскій пьетъ за четверыхъ, Гагаринъ разговариваетъ самъ съ собою, Коссаковский пытается ловить рыбу въ мутной водѣ. Ахъ, какъ мало у нихъ права называться людьми въ полномъ значеніи этого слова, и какое было бы для насъ несчастіе, если бы на этомъ свѣтѣ намъ было суждено сталкиваться только съ ними. Газеты сообщили мнѣ, что маленькій *Горчаковъ* уѣхалъ изъ Лондона и что его послали гонцомъ изъ Парижа въ Петербургъ. Бьюсь объ закладъ, что онъ мѣтитъ на мѣсто перваго секретаря въ Римъ, но тогда я и двухъ минутъ не останусь на своемъ посту. Вотъ уже 18 мѣсяцевъ, какъ мое дѣло не имѣетъ никакихъ послѣдствій, и что то въ глубинѣ души подсказываетъ мнѣ, что не нужно писать Северину во второй разъ. Стало быть, прости меня за то, что я не могу согласиться на твою неотступную просьбу, время покажетъ, и чѣмъ медленнѣе исполняются наши желанія, тѣмъ лучше это дѣлается. Съ послѣдней почтой я послалъ гр. Воронцовой письмо, въ которомъ я смѣюсь надъ г-жей де Мену и потѣшаюсь надъ женой министра. Истинное чувство слишкомъ опошилось бы, если бы оно проявлялось по отношенію ко всѣмъ, а языкъ сердца почти всегда становится смѣшенъ при официальныхъ свѣтскихъ прошеніяхъ. Мое сердце нашло себѣ мѣсто, моему уму всегда будетъ тѣсно. Въ самомъ послѣднемъ своемъ письмѣ я кажется говорилъ тебѣ о древней лампѣ, предназначенной для маде-

муазель Елизаветы. Я передумалъ и прошу тебя оставить ее.—Мадемуазель Аннетъ получить ту, которая была ей обѣщана, потому что у меня ихъ двѣ: одна—историческая, а другая просто старинная.—Знаешь ли ты, что я больше не одинъ въ своей комнатѣ; что у меня есть существо, которое постоянно смотритъ мнѣ въ глаза, старается угадать мои мысли и исполняетъ малѣйшія мои желанія,—которое очень интересуется моими книгами и готово было бы съ утра до ночи заниматься ими, если бы не мой хозяйскій глазъ. Это всегда вѣрный, всегда чистосердечный другъ, который любитъ меня одного и чья душа, если можно вѣрить въ переселеніе душъ, жила прежде въ рѣкѣ знаменитаго *персидскаго* поэта *Сиди*.—Скажи же мнѣ хоть одно слово о табакѣ, получилъ ты его, или нѣтъ. Эта статья меня живо интересуетъ. Я кончилъ сочиненіе *Виллера*, но прочиталъ его два раза. Найдется немного книгъ съ такимъ любопытнымъ содержаніемъ. Много краснорѣчія, а въ основѣ правда, много душевнаго огня и сильное желаніе быть справедливымъ, безпристрастнымъ,—таковы отличительныя черты этого образцоваго произведенія. Въ настоящее время я изучаю „Вліяніе крестовыхъ походовъ“ Герена¹⁾. Эта книга служить дополненіемъ первой, такъ какъ одни и тѣ же событія являются содержаніемъ обѣихъ. Между прочимъ *Маріотти* написалъ Гагарину, жалуется на Италинскаго по извѣстному тебѣ дѣлу. Онъ хочетъ протестовать и даже лично отправиться въ Петербургъ, что было бы недопустимо. Я вызвался по этому случаю, и сказалъ Италинскому, что ты зналъ объ этомъ дѣлѣ и что не замедлилъ *частнымъ образомъ* написать объ этомъ князю *Иль*. Во всякомъ случаѣ *здѣсь* дѣло не приметъ ни официальнаго, ни плохого оборота; Гагаринъ готовъ любезно услужить, а Италинскій кончитъ тѣмъ, что самъ напишетъ Николаю, чтобы тайно предупредить его объ ожидающихъ его неприятностяхъ, если онъ не захочетъ подчиниться справедливымъ требованіямъ *Маріотти*.—Не безпокойся о судьбѣ моего письма у *золотоу крана*, я надѣюсь поправить это дѣло. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ книги и пропускъ, ты долженъ знать для кого. Говорятъ, что Бенкендорфъ, министръ, окончательно сошелъ съ ума. Вотъ новое свободное мѣсто!

Прощай, дорогой и милый Рафаэль. Передай мои привѣтствія очаровательнымъ дѣвицамъ, которыхъ я съ каждымъ днемъ люблю все сильнѣе. Я предполагаю на одинъ день уѣхать въ деревню недалеко отъ Рима. Я буду жить воспоминаніями; посѣщу мѣста, гдѣ мы бро-

¹⁾ Нѣмецкій историкъ 1760—1842.

дили съ кузиной и прелестной Пери и можетъ быть буду переживать тѣ же ощущенія, которыя мы испытывали тамъ... когда то!

Совѣтую тебѣ заимствовать форму моихъ посылокъ и давать подобныя условныя имена лицамъ, о которыхъ намъ такъ часто приходится говорить въ нашихъ письмахъ. При этомъ письмѣ я прилагаю тебѣ образецъ.

Посылаю свою визитную карточку для мадемуазель Аннетъ, ихъ только сегодня принесли мнѣ изъ печатни—по этому случаю я сразу иду въ гости ко многимъ. чего я не хотѣлъ дѣлать безъ карточекъ.

3 Сентября.

Предвидя¹⁾ на завтра много занятій, я начинаю свое письмо сегодня вечеромъ, дорогой мой другъ. Но что же я могу тебѣ сказать? Ваши многочисленныя и шумныя удовольствія отнимаютъ у меня всякую охоту говорить о нашемъ однообразномъ существованіи, превосходящемъ всякое вѣроятіе. Подобное времяпрепровожденіе не можетъ назваться праведнымъ, главная причина этого—общество, потому что въ Римѣ нѣтъ ни одной дѣйствительно любезной личности, и повседневные разговоры вращаются только вокругъ глупостей. Наконецъ, я никогда не видалъ большей политической, литературной и общественной среды, чѣмъ та, среди которой я нахожусь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если съ одной стороны ты добился желательнаго успѣха у Д. ..., то и я добился многого у своего банкира, и, сознаюсь тебѣ, никогда въ жизни я лучше не сыгралъ своей роли. Онъ далъ мнѣ взаймы 3,500 франковъ. Эта сумма прекрасно меня устроила и дала мнѣ внутреннее удовлетвореніе, такъ необходимое во время бездѣйствія и покоя. Вотъ письмо, которое написалъ мнѣ Демидовъ. Есть мѣста, касающіяся тебя, которыя покажутъ тебѣ, что твои дѣла принимаютъ хорошій оборотъ. Мой отвѣтъ приложенъ здѣсь. Передай его по назначенію. Онъ серьезно говорилъ мнѣ о твоей предполагаемой любви къ Аннетъ. Такъ постарайся поправить дѣло и дать другое направленіе этой болтовнѣ, потому что тебѣ суждено жить всегда съ одними и тѣми же людьми, и если ты объяснишься съ Аннетъ, тебѣ придется или рѣзко измѣнить свое поведеніе, что всегда плохо,—или *стать законнымъ ухаживателемъ*. Ты правъ, полагая, что время выясняетъ все, но зачѣмъ же полагаться на будущее, когда настоящее

¹⁾ Писано симпатическими чернилами.

даетъ такіе хорошіе способы прійти къ тѣмъ же результатамъ!—Что Аннетъ прелестна, что у нея золотое сердце и серьезный умъ—это неоспоримо, но она не знаетъ жизни и безъ малѣйшаго расчета ѳтдается тому, кто ее увлечетъ. Съ другой стороны, ея тетка, желая соблюсти приличія или же дать другую окраску твоимъ частымъ посѣщеніямъ, въ которыхъ она не видитъ ничего дурного, убѣждаетъ общество въ томъ, что это чистая дружба и что вы слишкомъ молоды для того, чтобы ваша привязанность могла имѣть существенныя послѣдствія.—По моему мнѣнію, это самое ложное положеніе и нужно выйти изъ него какъ можно скорѣе.—Г-жа де Мену необычайно глупа для Француженки. Съ самаго ея появленія на водахъ въ Луккѣ ей многого не хватало, а теперь ей остается только переходить отъ одной глупости къ другой. Я въ восторгѣ отъ предположеній г-жи Бомбель, полныхъ такой увѣренности.—Видишь, какъ мы хорошо уладили наши дѣла съ Д...? Развѣ не стоило поднять цѣну и быть хозяиномъ у себя дома, чѣмъ жить въ чужомъ домѣ и быть рабомъ послѣдняго изъ рабовъ?—Напишите мнѣ пожалуйста, получили ли вы два пакета табаку?—Изъ Лозанны нѣтъ извѣстій, и Пери не исполняетъ своихъ обѣщаній. Я здоровъ и опасенія мои разсѣялись. Вотъ такъ задача.

Тысячу привѣтствій мадемуазель Аннетъ.—Скажите ей, что ея записка доставила мнѣ большое удовольствіе, но что я удивляюсь, какъ она умудрилась надѣть себѣ на палецъ мое кольцо? что луна навела меня на *тѣ же мысли* и растрогала меня.

Мой самый сердечный привѣтъ г-жѣ Лотцъ. Вѣдь она же знаетъ, что греческія дѣла идутъ удивительно хорошо? Она—сама любезность, но мое самолюбіе, не знающее пощады, отказывается вѣрить всеѣмъ тѣмъ учтивостямъ, о которыхъ она говоритъ въ *своемъ письмѣ*.

Скажите пожалуйста мадемуазель Елизаветѣ, что я предназначаю ей прелестную маленькую лампу. Кабинетная вещь, достойная украсить ея хорошенькій столъ во Флоренціи. Это одна изъ тѣхъ лампъ, которыя зажигались во времена Августа, и на которой стоитъ имя племянника и пріемнаго сына этого императора.

Здѣсь все очень недовольны *патой*.

27 Августа.

По системѣ обожаемой Пери.

Я получилъ твои два длинныя и милыя письма, одно отъ 21-го, другое отъ 23 Августа. №№ 3 и 4.

Вотъ мой отвѣтъ. Я боленъ и въ то же время великолѣпно себя чувствую. „Оно хорошо-то, а не хорошо-то!“ т. е. что есть очень дурныя признаки. Мой врачъ, очень знающій человѣкъ, уже поставилъ мнѣ нарывной пластырь на руку, которой я пишу тебѣ, между прочимъ, не зная самъ, нужно ли еще лѣчить меня отъ дурной болѣзни.— Первый вопросъ будетъ о *Пери*. Она прислала мнѣ прелестное письмо, въ которомъ я вовсе не замѣтилъ той грусти, причину которой ты, вѣроятно, угадываешь. Этотъ предметъ слишкомъ живо интересуешь меня, для того, чтобы я могъ удержаться и не попросить тебя помочь мнѣ разобраться въ догадкахъ? Въ Лозаннѣ развлекаются, а отъѣздъ Кулеваева, очевидно, безповоротно рѣшенъ. Пери отъ этого страдаетъ, потому что онъ высказывалъ ей знаки дружбы и былъ единственнымъ человѣкомъ, который хотѣлъ съ своей стороны все уладить. Какъ тяжело видѣть, что въ самыхъ тѣсныхъ кружкахъ имѣетъ мѣсто духъ партійности и распрей. Вотъ что, я думаю, печалитъ доброе персидское божество? Получи мое полное согласіе на предметъ моего письма къ г-жѣ де Мену. Конечно лучше, чтобы думали, что она на меня сердилась, а не я на нее, но не будемъ больше говорить объ этомъ въ нашей перепискѣ. Обдуманное кокетство вещь предосудительная для женщины; оно соблазняетъ неопытныхъ людей и глупцовъ. Кромѣ того, въ мои расчеты не входитъ ухаживать ни на свой счетъ, ни на счетъ другихъ. Въ этомъ отношеніи я ученикъ Платона.

Въ любви есть извѣстная прелесть, которая не зависитъ ни отъ чего земного, и чтобы сильно любить, нужно, чтобы душа не зависѣла отъ тѣла. Я не удивляюсь твоему разговору съ двумя дамами; Голландка— большая хохотунья, г-жа Б. не менѣе любезна. Чтобы какъ слѣдуетъ судить объ умѣ и его пріятности, нужно имѣть образецъ этой пріятности среди женщинъ, и имѣть этотъ образецъ не въ нашемъ воображеніи, но въ дѣйствительности. Ахъ, сколько разъ мы одѣвали и раздѣвали парижаночку и бросали преступные взоры на ея маленькую фигурку. Ухаживай за г-жей Б., чтобы уничтожить сплетни относительно мадемуазель А., и не обманывайся на счетъ ея тетки, которая, и въ этомъ увѣренъ, слишкомъ сочувствуетъ ухаживаніямъ за ея племянницей. Будь вполне чистосердечнымъ съ г-жей Лотцъ; она не

злоупотребить твоимъ довѣріемъ, и ея душа, полная огня и добродѣтели, раскрывается лишь для разговоровъ, вполне чуждыхъ тѣмъ, которые хорошо устраиваются на этомъ свѣтѣ. Вообще не избѣгай общества, которое является школой для насъ и забавляй его, какъ ловкій менестрель, играя на всѣхъ струнахъ своей лиры. никогда не касаясь тѣхъ, которыя выражаютъ состояніе твоей души. Пусть болтливая графиня думаетъ, что я увлеченъ ея чарами, въ будущемъ я рассчитываю извлечь изъ этого пользу; если хочешь, даже содѣйствуй, но только ловко, такому мнѣнію обо мнѣ, которое, въ сущности, не пойдетъ дальше болтовни, потому что я когда либо и гдѣ либо сумѣю его использовать. Демидовъ сумасшедшій! Онъ хорошо знаетъ людей только тогда, когда они имѣютъ дѣло съ его кошелькомъ. и онъ хорошо поступаетъ, угадывая ихъ такъ. Знаешь ли ты, что однажды онъ признался мнѣ, что онъ намѣревался жениться на кузинѣ изъ Лазанны, а черезъ минуту—что ему стоитъ только захотѣть, и завтра же его сдѣлаютъ... *кардиналомъ!* Пусть же планы послужатъ тебѣ примѣромъ для бесѣды съ этимъ человѣкомъ, который заслуживаетъ того, чтобы изучать его характеръ и странныя правила. Увы, я не предвидѣлъ другихъ средствъ кромѣ *просьбы*, къ тому же—*непосредственной*; но къ ней нужны *приготовленія*: именно: рѣчи, постоянно касающіяся печальнаго положенія нашей семьи; откровенный разговоръ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ, безъ малѣйшей утайки, такъ какъ этаго человѣка страннымъ образомъ раздражаетъ всякая *хитрость*, а такъ какъ онъ считаетъ, что міръ существуетъ только для того, чтобы его обманывать, онъ умѣетъ вывертываться самыми ловкими рѣчами. Вслѣдствіе политическихъ условій, Н. не въ состояніи ничего сдѣлать въ настоящую минуту, такимъ образомъ, самый дѣйствительный способъ—косвенные намеки—сводится на нѣтъ. Мое настроеніе духа съ каждымъ днемъ падаетъ, я постоянно одинъ и это уединеніе, вмѣстѣ съ воспоминаніями, внушаетъ мнѣ отвращеніе къ настоящему—дѣлаетъ мою жизнь въ тягость. Ничего не бойся относительно Ит., оставайся въ Луккѣ сколько тебѣ захочется и предоставь мнѣ заботиться и думать о твоихъ благахъ въ Римѣ, гдѣ по большей части все спитъ въ объятіяхъ косности.—Гагаринъ ухаживаетъ за мной, но я ни на волосъ не измѣню своего поведения по отношенію къ этому человѣку, рабу своихъ нервовъ. Жена Сверчкова, вопреки всякому вѣроятію. шлетъ очень благоприятныя вѣсти, относительно своего мужа, который ѣдетъ на зиму въ Пизу. Касс. мягко стелеть, и увѣряетъ меня, что я въ лучшемъ положеніи у Ит. У очень умныхъ людей хитрость любопытна, она смѣшна у маленькихъ людей. Узы, все крѣпче и крѣпче связывающія тебя съ почтеннымъ домомъ Бутур-

линыхъ, доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, потому что мнѣ не нужно напоминать тебѣ, какой огромной поддержкой будетъ для тебя эта семья въ странѣ, гдѣ тебѣ суждено прожить нѣсколько лѣтъ. Какъ только тебя узнаютъ, ты будешь въ домѣ своимъ человѣкомъ, и эта увѣренность успокаиваетъ меня на твой счетъ.—Затѣмъ—порученія, которыя я откладываю на завтра.

29-го. Мнѣ лучше и мои опасенія разсѣялись. Это нарывъ помѣшалъ мнѣ писать тебѣ двѣ почты подрядъ; ибо я твердо рѣшилъ, постоянно извѣщать тебя о себѣ.—Я кончилъ воспоминанія кардинала де Ретцъ, и прочитавши рѣчь Платона о безсмертіи души, началъ сочиненіе Villers о реформациі. Дѣйствительно чудная вещь—занятія! Пожалуйста, скажи мадемуазель Аннетъ, что воспоминаніе о ней преслѣдуетъ меня, какъ тѣнь, и что луна постоянно освѣщаетъ мою комнату. Я предназначаю ей прелестную древнюю лампу изъ терракоты, которую она зажжетъ *на свои именины*. Хорошенько поблагодари мадемуазель Лотцъ за память и скажи ей, что я занимаюсь краткимъ извлеченіемъ изъ Данте, которое въ одинъ прекрасный день попрошу ее принять. Ты передашь мое нижайшее почтеніе графинѣ Воронцовой, а также и г-жѣ Бомбелль. Купанья представляются въ моемъ воображеніи земнымъ раемъ, землей обѣтованной.—Это третья часть, Данте, а Римъ, это первая.—Кстати. Поручаю тебѣ передать графинѣ Бутурлиной, что я у ея ногъ. Ты сумѣешь разсказать ей, до какой степени я былъ огорченъ тѣмъ, что не попалъ въ Ливорно, что не было никакой возможности удовлетворить мои задушевные желанія. Напиши мнѣ о бѣдномъ Брунsvикѣ. Напомни, кому слѣдуетъ, о письмѣ де Мэстра и развлекайся погоней за почеркомъ Шатобріана, который Пери прислала мнѣ изъ Лозанны. Чудная Пери! Еще разъ, не забудь объяснить мнѣ причины!—Боюсь, что все сказанное обо мнѣ Демидовымъ, было издѣвательствомъ:—итакъ, двигай мои дѣла.

Цѣлую Дарлинга.

6 Октября.

„Любезный другъ, я здоровъ, но сердце тоскуетъ среди развалинь и подъ жаркимъ небомъ Италіи. Я даже ни на одну минуту не ласкаю себя надеждой съѣздить снова во Флоренцію. Моя скука обременительна, скука другихъ завѣтлива: и потому наслаждайся обществомъ, живи для себя и для тѣхъ, кто тебя любитъ—моя очередь впереди. Твое разсужденіе о послѣднемъ сочиненіи гр. Мэстра, справедливо, и

мнѣ весьма нравится. Перечту Ночное Странствованіе и посмотрю, сходны ли мои мысли съ твоими. Между тѣмъ не худо было бы прислать мнѣ мои книги: т. е. Аксилона и карту.—Спасибо Демидову. Что ему стоитъ прислать мнѣ сто піастровъ. Я бы не помедлилъ минутой, поѣхалъ бы странствовать по ближайшимъ окрестностямъ Рима?—Нельзя ли внушить ему сію мысль благую?—Пери, милая Пери не пишетъ! А мысли мои все странствуютъ по высотамъ горъ Персидскихъ.—Воображаю, что я новый плѣнникъ... саѣдуетъ кумысъ и проч. и проч. при случаѣ письмо отъ Gobier. Умничаетъ безъ ума, пишетъ безъ правописанія!“ Я въ восторгѣ отъ извѣстій, которыя ты шлешь мнѣ о мадемуазель Аннетъ, лишь бы только ея женихъ былъ хорошимъ и богатымъ человѣкомъ,—въ остальномъ у его жены не будетъ недостатка. Скажи ей это отъ меня, если у тебя хватитъ смѣлости. Нужно, чтобы все, что окружаетъ тебя въ эту минуту, было на самомъ дѣлѣ хорошо, умно и почтительно, потому что наши мысли сталкиваются со всѣми людьми и предметами. Дай Богъ, чтобы это всегда было такъ. Папа очень боленъ, врядъ ли встанетъ онъ съ постели. Г-жа Хитрово имѣетъ видъ сѣраго жидовскаго торгаша, который ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ, чтобы за хорошую цѣну продать свой товаръ, который заключается въ двухъ очаровательныхъ дочеряхъ.—Жена опасная приговорница! Такъ ли прелестна мадемуазель Генриетта, какъ ты говоришь? Удостоверь меня въ полученіи табаку, № 4 и 5?

Прощай.

Ты еще долго напрасно будешь мечтать о свиданіи со мной во Флоренціи, дорогой мой Рафаэль. Никакой отъѣздъ невозможенъ для меня, особенно теперь, когда Коссаковскій ѣдетъ въ Неаполь, а Гагаринъ опять въ Сиенну, чтобы окончательно уладить тамъ свои дѣла въ Коллегии. Мнѣ доступны единственно только загородныя прогулки въ окрестностяхъ Рима.

Меня только что сдѣлали *пастыремъ Академіи*, т. е. членомъ литературной Академіи. Вступая въ члены, тебѣ дають имя пастуха, которое сохраняется на все время, пока ты остаешься въ этой академіи: мое имя—Эдоръ де Ланакль. Теперь прошу тебя, впредь называй меня въ письмахъ этимъ именемъ.—Ты, конечно, будешь въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ французскимъ поэтомъ: нельзя ли *со временемъ* пригласить его участвовать въ моемъ сборникѣ автографовъ и дать мнѣ нѣсколько подписей знаменитыхъ мужей Франціи, съ которыми онъ, конечно, не разъ сталкивался.—Если ты увидишь г-на

Кіанджи, поблагодари его за посылку. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вступать съ нимъ въ переписку, тѣмъ болѣе, что старикъ нисколько не интересуется его особой, а Кіампи, наоборотъ, всячески ищетъ случая поговорить со мною о своихъ дѣлахъ, вмѣшиваться въ которыя я не имѣю ни малѣйшей охоты. Узнай, пожалуйста, получилъ ли Піатити 5-ый томъ Аксиліона?—Нельзя ли написать въ Ст.-Петербургъ и попросить прислать намъ путешествіе въ Китай Тимковскаго, великолѣпное сочиненіе, переведенное на многіе языки; Италинскій только что получилъ его.—Цѣлую тебя.

Твое письмо и приложенія къ нему пришли ко мнѣ во время, но ради Бога, объясни мнѣ, какимъ образомъ письмо, адресованное въ Богодуховъ въ Февралѣ мѣсяцѣ, которое я послалъ тебѣ въ надеждѣ, что ты отправишь его по назначенію, пришло ко мнѣ обратно въ Римъ. Это письмо отъ бѣднаго русскаго ветерана, оно священно, потому что оно было передано и ввѣрено мнѣ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, который нѣсколько лѣтъ не получалъ извѣстій отъ своихъ родителей и вполнѣ надѣется получить ихъ при моемъ посредничествѣ. Что же теперь дѣлать съ этимъ письмомъ? Я думаю, лучше всего будетъ передать его Бутурлину, который дастъ ему ходъ, будучи заинтересованъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ наравнѣ со мной. Извѣстія изъ Москвы, хотя и очень давнія, доставили мнѣ удовольствіе; но что за жизненная пустота въ нашемъ семейномъ склепѣ, и я начинаю думать, что въ нравственномъ отношеніи иногда бываетъ нужно перемѣнить семью, какъ нужно бываетъ перемѣнить климатъ въ физическомъ отношеніи. Твои распоряженія мнѣ нравятся, и я постараюсь каждыя двѣ недѣли давать о нихъ свѣдѣнія; такимъ образомъ. всѣ письма, которыя я буду получать изъ Флоренціи, будутъ вѣрнѣ изложены въ тѣхъ, которыя я буду посылать изъ Рима, и я нисколько не сомнѣваюсь, что такой способъ переписки доставитъ большое удовольствіе въ Москвѣ, гдѣ всѣмъ уже пора собраться подъ одной кровлей. Я недавно прочиталъ въ энциклопедическомъ обзорѣннн, въ августовской книжкѣ, замѣтку этого журнала о произведеніяхъ нашего стпа. Его называютъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ. Его стихотворенія, сказано тамъ, дышатъ любовью къ родинѣ и къ правдѣ. Прекрасная похвала, выраженная въ столь немногихъ словахъ!... а когда же мы приступимъ къ новому изданію произведеній отца! Эта статья будетъ одной изъ главныхъ въ моей перепискѣ съ Петраркой, который упоминаетъ о Дмитріевѣ и его рѣчи. Та ли это самая, которую онъ задумалъ годъ тому назадъ и которую ему поручило

московское литературное общество? Въ письмѣ Гильфердина добрыя вѣсти, если только онѣ достовѣрны, но увы! подобнаго рода измѣненія совершаются съ трудомъ.—Я повѣрю въ свою судьбу, вѣря въ судьбу Дашкова, это челоѣкъ, полный знанія и достоинства.—Вернемся къ Флоренціи. Повидимому, Англичане сдѣлались хозяевами гостинныхъ. Охота была бы потеряннымъ трудомъ, надо удалиться, принявъ подобающій этому обстоятельству видъ, принудить Аннетъ вернуться назадъ. Гр. В.... сплетница и кумушка, она изо всѣхъ силъ ищетъ жениха своей племянницѣ и бросается на перваго встрѣчнаго, хорошъ ли онъ или плохъ, если только у него есть состояніе. Г-жа Лотцъ слишкомъ любить свою ученицу, чтобы не страдать отъ такого положенія вещей, она вѣритъ, что Аннетъ, получившая прекрасное воспитаніе, не утратитъ его въ объятіяхъ перваго встрѣчнаго, куда она попадетъ изъ за нетерпѣнія своей тетки. Передай ей мои привѣтствія и скажи ей, что нужно имѣть столько же мужества, чтобы бороться съ обстоятельствами, сколько проникательности для того, чтобы разбираться въ нихъ. Ты говоришь о полной благосклонности золотого крана и просишь моего вмѣшательства въ твои дѣла. О Боже! если бы я могъ оказать тебѣ столь же большія услуги, сколь велики мои пожеланія! Все было бы хорошо. Я все таки не забуду время отъ времени, и кстати, говорить съ нимъ о твоихъ финансахъ и надѣюсь попасть... на попутный вѣтеръ. Вчера я получилъ письмо отъ Кузины. Вотъ оно.—Но Пери, Пери ничего мнѣ не пишетъ!.. Что будешь дѣлать!—Кстати, скажи, пожалуйста, Бутурлипой-матери, что я получилъ отъ Пинелли три рисунка, заказанные мнѣ ея сыномъ, которые стоятъ ему 15 (сен.); что я прошу ее прислать мнѣ деньги и передать рисунки, которые нужно отправить въ Россію. Она получить свертокъ при первомъ удобномъ случаѣ. Это важное порученіе.—Гагаринъ проситъ тебя объ одолженіи—передать ему съ австрійскимъ гонцомъ пакетъ, который будетъ присланъ изъ Милана по его адресу. Что касается скульптора, которому я заказалъ бюстъ императора и который писалъ мнѣ по этому поводу, ты будешь такъ любезенъ, что объяснишь ему, что *все* поручено Гуерали. Прощай, здоровье мое недурно, но я продолжаю принимать лѣкарство. Кланяйся всѣмъ, а я тебя цѣлую. Папѣ лучше.

27 Сент.

Можешь представить себѣ, дорогой мой другъ, какъ я былъ радъ, получивъ твою посылку, гдѣ были вложены два прелестныя письма отъ Пери, вмѣстѣ съ маленькимъ ящичкомъ, въ которомъ находились два шнурка ея работы. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть ея прекрасную

душу, чтобы находить удовольствіе въ такихъ вѣжныхъ выраженіяхъ дружбы и памяти, и ты не можешь себѣ представить, до какой степени я ей признателенъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, какъ можно скорѣе перешли мнѣ мои книги. Ламартина я получилъ отъ Кассандры, путешествіе вокругъ своей комнаты—отъ моей Пери. Кулеваевъ въ Парижѣ, и мечтаетъ только о спектакляхъ. Богъ знаетъ, когда онъ отправится въ Россію, а пока я благодарю тебя за *твои извѣстія*. Я получилъ отъ Демидова письмо, въ которомъ онъ говоритъ мнѣ объ одномъ Англичанинѣ, богатомъ и красивомъ, который ухаживаетъ за Аннетъ. Скажешь ли ты мнѣ, въ чемъ дѣло, и можетъ ли это дѣло принять брачный оборотъ? Сегодня утромъ я ему отвѣчу, попрошу у него книгу. Мы до сихъ поръ живемъ въ полнѣйшемъ спокойствіи; а перемѣны, которыя мы предвидимъ издалека, пока еще не вліяютъ на обычный ходъ вещей.—Я никогда не былъ въ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми этими господами, особенно съ Г..., который имѣетъ видъ побѣжденнаго. Вотъ письмо, только что полученное мною отъ Свѣчиной, очень любопытное письмо по уму и живости мыслей.— Возврати мнѣ его поскорѣе, потому что мнѣ нужно на него отвѣтить. Я во время получилъ чекъ и не замедлю поблагодарить Василевскаго, любезность котораго, дѣйствительно, превзошла всѣ мои ожиданія, но скажи мнѣ, пожалуйста, какъ его зовутъ?—Если ты будешь ему писать, сдѣлай мнѣ удовольствіе, передай ему, чтобы онъ прислалъ 50 рублей нянѣ Катеринѣ за сентябрьскую треть, на адресъ сестры, которую я въ началѣ мѣсяца предупреджу о посылкѣ. Въ настоящее время я могу прибавить къ этому еще 25 рублей, которые я предназначаю обѣдному *Терентьевичу*, что въ общемъ составитъ 75 *рублей*. Мнѣ ничего не говорятъ о твоихъ дѣлахъ съ краномъ. Представился ли тебѣ случай почувствовать удовлетвореніе по случаю его возвращенія во Флоренцію?... а Нар.... все еще въ домѣ. а его кредитъ всплылъ ли на поверхность послѣ знаменитой бури въ Н.? Эти сплетни мнѣ любопытны въ связи съ моими отношеніями къ Д..., съ которымъ, какъ мнѣ кажется, и опять какъ нельзя лучше. Что дѣлать, дорогой другъ? Нужно изучать обстоятельства, и лучше сдѣлать обходъ, чѣмъ разбить голову объ стѣну, которая не сдвинется съ мѣста. Бумага Бутурлиной совсѣмъ готова, но на почтѣ съ меня спросили 3 экю, чтобы она дошла по назначенію, такъ что я подыскивалъ удобный случай вмѣсто того, чтобы тратить такую крупную сумму на посылку, которая стоитъ только десять п.... Объясни все это милой дамѣ. Елизавета прелестна, но я ничего къ ней не чувствую и не женюсь на ней, если мнѣ даже это предложить.... Посмотрите, пожалуйста, получилъ ли книготорговецъ пятый томъ Аксиліона, и нѣтъ

ли у него *Кювье*, Рѣчи объ измѣненіяхъ земного шара,—въ такомъ случаѣ можно *попросить* Демидова немедленно купить ихъ во Флоренціи, вмѣсто того, чтобы выписывать изъ Паркуса. Похлопочи объ этомъ полученіи, которое очень близко меня касается. а особенно посылка книгъ въ Лозанну. Прощай. Поблагодари отъ меня Голицыныхъ за ихъ любезность по пересылкѣ моего пакета и спроси ихъ, нѣтъ ли у нихъ порученій ко мнѣ.

Я получилъ письмо, написанное рукой твоего лакея, и рѣшилъ, что отправка гонца привела тебя къ такому странному способу пересылки. Я только что написалъ въ Парижъ, прошу распоряженій о многихъ посылкахъ, но до сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Пери. молчаніе, которое очень огорчаетъ меня. Д... предлагаетъ мнѣ жениться на Англичанкѣ, богатой наслѣдницѣ, и я рѣшительно отвѣтилъ ему на этотъ такъ близко меня касающійся, вопросъ.—сказавъ, что, проведя лучшую часть своей жизни въ бѣдности, я ужъ достаточно привыкъ къ ней, чтобы отказаться отъ *любого брака по расчету*. Онъ предложилъ мнѣ уѣхать въ Россію и принимаетъ денежные затрудненія по путешествію. Я съ благодарностью принялъ бы это предложеніе, если бы не боялся, что онъ захочетъ снабдить меня множествомъ контрабанды, которую мнѣ будетъ очень трудно провести на родину. Вчера я обѣдалъ съ тремя французскими послами, *Блаки, Лаваль и Латуръ*. Сегодня поѣду смотрѣть Альбано, Фраскади. Тиволи, *Тускулумъ*, а можетъ быть *Палестрино*. Погода великолѣпная, можно подумать, что Іюнь мѣсяць: почти слишкомъ жарко.—Вотъ милый мой другъ, маленькая просьба секретаря французскаго посольства, онъ проситъ у меня книгъ. Нужно сдѣлать одолженіе товарищу. Посмотрите, пожалуйста, есть ли эта книга у *Питти*? Прощай, я здоровъ и прошу тебя, береги свое здоровье.

6 Ноября 1825 года.

Гонецъ пріѣхалъ, мои занятія, на этотъ разъ многочисленныя, подходятъ къ концу. Я слышу на досугъ подробно отвѣтить тебѣ на послѣднее письмо № 19: оно опять говоритъ мнѣ о твоёмъ недоразумѣніи съ Б.....ми, и я въ качествѣ ловкаго дипломата нахожу, что тебѣ остается только постараться сблизиться съ гр. *Анной*, хоть бы въ ущербъ твоему самолюбію; потому что я считаю невозможнымъ бороться съ двумя женщинами, съ которыми ты постоянно встрѣчаешься. Было время, когда я точно также поссорился съ гр. Б. женщиной съ невыносимымъ характеромъ, что признано всѣми. Мы дошли до фор-

мальнаго разрыва. одинъ разъ я даже дерзко обошелся съ нею. Но затѣмъ я настолько сблизился съ гр. Анной, что говорилъ ей все, что мнѣ приходило въ голову. и наконецъ сталъ ей жаловаться на поведеніе ея сестры. Тогда то я и открылъ, что ее совсѣмъ не любятъ въ семьѣ: это открытіе развязало мнѣ руки.—Повѣрь мнѣ, что гр. Анна прекрасный человѣкъ. Единственный способъ ее покорить—это усердно ухаживать за ней и держаться съ ней просто и откровенно.—Что касается Барру—какое странное имя!—то мнѣ кажется, что съ нимъ необходимо обращаться наравнѣ съ другими, разъ онъ на положеніи жениха въ домѣ; тѣмъ болѣе, что люди, не видѣвшіе, какъ онъ ходитъ по пятамъ за мадемуазель Аннетъ, дѣйствительно могутъ подумать, что въ твои отношенія къ Англичанину примѣшивается досада. Итакъ, нужно *доказать* обществу, что предположенія эти ложны или лишены основанія. Быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми—этому правилу необходимо слѣдовать. Потому что въ сущности, что изъ того, женится этотъ Англичанинъ на Аннетъ или не женится, глупъ онъ или умень, скученъ или забавенъ? Что тебѣ выгоднѣе, отвѣчать грубостью или *совершенно не замѣчать* его? Какъ вести себя въ домѣ, гдѣ его хорошо принимаютъ, гдѣ тебѣ *нѣкоторымъ образомъ* приходится играть роль своего человѣка и соотечественника и вмѣстѣ со всѣми покровительствовать ему. вмѣсто того, чтобы давать ему почувствовать, что онъ ниже тебя? Великое правило жизни состоитъ въ томъ, чтобы никогда не грубить младшимъ и съ достоинствомъ держать себя передъ старшими. Кромѣ того то положеніе, въ которомъ ты находишься, не можетъ долго продолжаться. Пріѣздъ молодой Бутурлиной, которая властно царитъ въ домѣ, сейчасъ же измѣнитъ его обликъ: она мой другъ! она вернетъ тебя на то мѣсто, которое ты потерялъ, благодаря сплетнямъ и недоброжелательству. До того дня—терпѣніе, и ради Бога обдумай мои совѣты.

Дорогой другъ, извини меня, потому что я ничего не сказалъ Италинскому, прекрасно видя, что это было не во время и не къ мѣсту. Гонецъ уѣхалъ, а въ Министерствѣ никто ни слова не шепнулъ обо мнѣ, хотя ужъ пора было бы подумать объ этомъ.—Я конечно желаю, чтобы твое представленіе удалось, но сомнѣваюсь въ этомъ. С. рѣдко желаетъ людямъ добра, ты хорошо сдѣлалъ, что написалъ ему. а единственная моя надежда—это вліяніе и довѣріе моего зятя. Но скажи же, чего ты просилъ? Чинъ ли это, котораго ты хотѣлъ, орденъ или придворное званіе, какъ я тебѣ совѣтовалъ?

Д. для насъ истая находка. Онъ только что прислалъ мнѣ сто экю въ отвѣтъ на одну единственную жалобу на мои денежные

обстоятельства, которую я помѣстилъ въ своемъ письмѣ. Вотъ я и развлекаюсь немножко, посѣтивъ окрестности Рима и особенно новыя раскопки Тиситмана.

Есть нѣсколько вопросовъ, которые я задалъ—тебѣ, дорогой мой Мишель, и на которые я до сихъ поръ не получалъ никакого отвѣта: а именно:

- 1) *Книги Риччи.*
- 2) Почеркъ Ламартина.
- 3) Плата за рисунки Бутурлиныхъ.
- 4) Кончая какимъ номеромъ ты получилъ *табакъ*.

Гагаринъ говорилъ мнѣ о твоёмъ письмѣ, онъ вовсе не навязчивъ но любитъ узнавать все раньше другихъ. Такъ для твоей собственной выгоды было бы хорошо, чтобы ты почаще писалъ ему и сообщалъ ему всѣ новости.—

Пожалуйста скажите Пятти, чтобы онъ перевелъ на римскій книжный магазинъ *Romanio плату* за книгу, которую я прошу у него,—пусть онъ пришлетъ мнѣ также де походѣ Сегюръ и Бутурлина, *Avete capito?* поняли Вы?

Увы, дорогой другъ, все еще никакихъ извѣстій изъ Парижа; и я люблю Пери больше всего на свѣтѣ и бываю до такой степени счастливъ всякій разъ, какъ получаю отъ нея письма, что отсутствіе ихъ причиняетъ мнѣ горе, равное и радости.—Здоровье гр. Шуваловой меня беспокоитъ: она такъ хорошо чувствовала себя въ Римѣ! Ей слѣдовало пріѣхать на зиму въ Италію, а главное въ Римъ, гдѣ мягкость воздуха—лучшее лѣкарство для слабогрудыхъ.—

Не знаю какъ и почему, но объясненіе нашлось только послѣ отъѣзда Мюллера.

Прощай.

1 Ноября 1825 года.

Благодарю тебя, дорогой другъ, за твое письмо. Изъ Лозанны все еще нѣтъ писемъ. Эта непріятность настолько же огорчаетъ меня, насколько извѣстія отъ тебя доставляютъ мнѣ удовольствіе. Планъ моего путешествія въ Россію, который кажется тебѣ такимъ легкимъ, встрѣтитъ непреодолимыя препятствія съ той самой минуты, какъ

придется приступить къ его осуществленію.—Получить отпускъ у Италинскаго вещь совѣсмъ невыполнимая, безъ достаточно вѣскихъ причинъ. У Кн. Гагарина, повидимому, тѣ же планы, а какъ же тутъ получить назначеніе гонцомъ въ такое время, совершенно лишенное политическихъ событій?...*былъ одинъ способъ*...но сначала я хочу навѣрное узнать, какую сумму даетъ мнѣ этотъ милый человѣкъ; потому что дѣло заключается не въ томъ, чтобы пріѣхать въ Петербургъ, нужно прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть поѣхать въ Москву (600 р.!!) и удовлетворить другія необходимыя потребности.... Это вновь открывающаяся дверь кажется мнѣ очень узкой, но весьма пригодной для того, чтобы помочь моимъ видамъ политическимъ, частнымъ, литературнымъ и *сердечнымъ*. Такъ я тебѣ поручаю или, вѣришь, довѣряю твоему умѣнью узнать, каковы возможности...—потому что это *одна* изъ важнѣйшихъ вещей....Ты очень хорошо сдѣлалъ, что предпочелъ званіе камеръ-юнкера чину, поелику тебѣ никакъ не дали послѣдняго... іерархію нарушать по произволу трудно. Но зачѣмъ ты говорилъ о денежномъ награжденіи?—было бы право на мундиръ!—галуны пришлось бы вѣроятно *даромъ*.—Пугать министерство двумя прошеніями разомъ. Увы! очень неосторожно.—Я ни слова не говорилъ объ этомъ Италинскому, даже и Гагарину; потому что предвидѣлъ, что это можетъ быть имъ непріятно: твой предшественникъ былъ представленъ только самимъ старикомъ, а ему никогда ни въ чемъ не отказываютъ.—

Я могу сильно упрекнуть тебя въ томъ что ты ни слова не сказалъ мнѣ о табакѣ. Получилъ ли ты номера 4 и 5, и два огромныхъ пакета, порученныхъ охотнику Мюллеру?—Вотъ записка секретаря французскаго посольства. Ради Бога, исполни это порученіе. Ты будешь такъ добръ, что заранѣе предупредишь меня объ отъѣздѣ Голицыныхъ и передашь имъ всѣ мои книги, которыя остаются у тебя и у г-жи Б...—Обратись за ними къ милой г-жѣ Лотцъ. Это произведенія Биньонъ и Герена. Я совершенно не знаю рисунка, который мадемуазель Елизавета признаетъ за произведеніе Брюлова. Рисунки *Пинелли* были посланы ея брату съ Мюллеромъ, и я прошу вернуть 15 экю, потому что мои финансы въ ужасномъ состояніи,—а также одинъ піастръ за бумагу. Хилковъ каждое утро приходитъ ко мнѣ и совершенно не даетъ времени сдѣлать ему отвѣтный визитъ. Онъ говоритъ много, хорошо, и на парижскій ладъ; беретъ у меня книги и бродитъ по улицамъ....Блестящая мысль! не можешь ли ты замѣнить меня во время моего отсутствія въ Римѣ, и однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ! Мои комнаты были бы въ твоемъ распоряженіи?—

Увы, дорогой мой другъ, по поводу плохого здоровья Голицыныхъ, я сильно опасаюсь за кузину, потому что Англичане, видѣвшіе ее въ Лозаннѣ, не видятъ ничего хорошаго въ томъ, что тоска съ каждымъ днемъ все сильнѣе овладѣваетъ ея несчастнымъ характеромъ.—У меня два раза былъ въ гостяхъ знаменитый римскій живописецъ *Камуччини*. Онъ обѣщаль достать мнѣ костюмъ сѣвернаго поэта, для портрета, который я предназначаю моему отцу. Наконецъ то я получилъ столь желательную книгу *Кювье*, но видя ее у меня въ рукахъ, Италійскій такъ плохо скрылъ свою радость, что я съ *удовольствіемъ* уступилъ ее ему.—„Ты, братъ, всеѣмъ кравъ настаиваешь!—везеть!—и слава Богу!—“

Передай мои привѣтствія милой г-жѣ Лотцъ, которую я люблю отъ всей души и всеѣми силами стараюсь помнить о ней (скажи ей это).

Вотъ еще одна важная статья, о которой я говорилъ тебѣ однажды, но мимоходомъ. Я очень хотѣлъ бы просить у Кузины, по совѣту Кулеваева, нельзя ли будетъ получить мнѣ пенсію впередъ за два года, чтобы прійти на помощь моимъ финансамъ? Возможная ли это вещь?—Я боюсь не отказа, но обвиненія въ назойливости.—Успѣхъ подобнаго поступка далъ бы мнѣ возможность настаивать на моей повѣздкѣ въ Россію... а тогда... Да здравствуетъ Императоръ!—

Е. В. принцъ Луккскій, о которомъ ты такъ мало говорилъ мнѣ, при новой встрѣчѣ со мною осыпалъ меня любезностями. Онъ и его свита такъ много говорили о твоей особѣ, что можно было подумать, что это родные.—Нельзя быть лучше Е. К. В. и я тронутъ благосклонностью, съ которой онъ обращается со мной. Это письмо, дорогой мой Рафаэль, какъ видишь, содержитъ много статей, требующихъ того, чтобы быть взвѣшенными. Неблагополучные роды и *выкидышъ* ребенка г-жи Дини ничуть меня не удивляютъ. Футляръ слишкомъ малъ въ сравненіи съ драгоценностью! Пусть это минувшее несчастье докажетъ нашимъ дамамъ, что католическій Богъ такъ же строгъ какъ и греческій и что для того, чтобы быть спокойнѣе и счастливѣе не нужно мѣнять вѣроисповѣданія. Старикъ со своей истинно-глубокой ученостью—довелъ меня до совершенно христіанскаго невѣрія! Прощай!

10-го Ноября 1825 года.

А послѣднее письмо Антонины? Слѣлай мнѣ одолженіе, вспомни, вспомни, не видалъ ли ты среди разныхъ батюшкиныхъ бумагъ печатныхъ афишъ *Ростопчинъ*?—Пришли мнѣ съ первымъ путешественникомъ книгу Нектаріи Борисовны.—Цѣлую тебя:—

Ледь сломанъ. Дѣло идетъ о моемъ представленіи и мнѣ очень хочется быть камеръ-юнкеромъ. Что ты объ этомъ думаешь, дорогой другъ Мишель? Думаешь ли ты, что это можно сдѣлать, если Италинскій, которому ни въ чемъ не отказываютъ, захочетъ попросить объ этомъ? Теперь, больше чѣмъ когда либо, мнѣ хотѣлось бы узнать, къ чему тебя представилъ зять, чтобы знать, не просимъ ли мы одного и того же. Мнѣ кажется, что къ тебѣ онъ тоже очень расположенъ, но что все вниманіе направлено на денежную награду. Постарайтесь выяснить дѣло со Сверчковымъ, а пока я займусь здѣсь, потому что ты знаешь, какъ тебѣ было бы выгодно, если бы сей послѣдній и нашъ добрый старикъ просили для тебя одного и того же?—А пока вотъ письмо Демидова, съ совершенно неожиданнымъ заключеніемъ. Оно исполнѣ въ его духѣ, и я прошу тебя не разглашать ничего, изъ того, что тамъ написано, чтобы не разрушить такъ хорошо наладившійся порядокъ вещей. Изложеніе всего этого требуетъ большой осторожности. Почти рѣшено, что скоро мы отправимъ гонца въ Петербургъ; но окончательно обдумавъ поѣздку, на которую ты смотришь съ самой лучшей точки зрѣнія, я рѣшилъ не уѣзжать изъ Рима. Эта поѣздка вызоветъ слишкомъ большія затрудненія и внесетъ безпорядокъ въ мои денежные дѣла, которыя и такъ въ плохомъ состояніи. Нужно быть благо-разумнымъ. Итакъ, я оставляю поле сраженіе Коссаковскому или Гернасси, которымъ, кажется, хочется поѣхать въ Россію.—Счастливаго пути!—

Предестное письмо отъ Пери, съ помѣткою „Парижъ“ въ первый день пріѣзда въ этотъ городъ, сдѣлало меня совсѣмъ счастливымъ. Она пишетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ первыхъ впечатлѣній при пріѣздѣ, и даетъ удовлетворительныя извѣстія о здоровьи кузины. Между прочимъ, она пишетъ, что г-жа де Комонъ говорила имъ, что я причисленъ къ Посольству въ Парижъ. Богъ знаетъ, откуда эта дама взяла эту неписанную сплетню, потому что она узнала это изъ одного письма, присланнаго изъ Рима,—кто же могъ прислать ей такое письмо изъ Рима, гдѣ я, конечно, первый узналъ бы объ этомъ? Это какая нибудь ошибка, источникъ которой—мое письмо къ Свѣчиной. Строгановъ въ Римѣ. Онъ имѣетъ видъ дипломатической куклы. Лѣнь въ фигурѣ! лѣнь въ мысляхъ! ничтожество въ характерѣ! Онъ пришелъ ко мнѣ на другой день своего пріѣзда, но его бесѣда до того бессодержательна, что мнѣ было очень не по себѣ все время, пока онъ оставался у меня въ комнатѣ. Я не зналъ, что сказать.—Мнѣ кажется, что его здоровье очень плохо. Время отъ времени я буду проводить вечера у г-жи де Сентъ-Олэръ. Ея мужъ какъ то разъ

вкратцѣ рассказывалъ намъ о дуэли Сегюра и Гурганъ. Онъ былъ секундантомъ перваго. Прощай. До слѣдующей почты. Мое здоровье превосходно.

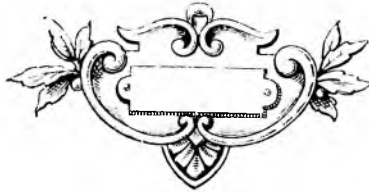
15-го Ноября 1825 года.

29-ю. Большое спасибо, дорогой другъ, за твое хорошее и длинное письмо. Отвѣчаю тебѣ сегодня утромъ послѣ того, какъ почта уже ушла, потому что до двухъ часовъ я былъ частью у Италинскаго, частью у Гагарина, который уѣхалъ въ Сіенну на именины своей жены, онъ пробудетъ тамъ десять дней. Вотъ нѣкоторыя окончательныя рѣшенія по вопросамъ, интересующимъ насъ обоихъ. Вчера во второй разъ былъ возбужденъ вопросъ о твоёмъ представленіи. Я ожидалъ этого новаго открытія, и заранѣе приготовился отвѣчать. Я заявилъ, что твоимъ желаніемъ было сдѣлаться камеръ-юнкеромъ. Гагаринъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что подобная попытка не встрѣтитъ отказа ни со стороны Италинскаго, ни со стороны того, для кого о ней просятъ. Рѣчь была также и о чинѣ, потому что мой товарищъ необычайно склоненъ оказывать намъ всевозможныя услуги. Мой отвѣтъ на послѣдній вопросъ былъ такой же самый, какой я далъ тебѣ самому. Я почти увѣренъ, что тебѣ откажутъ по той причинѣ, что прошло слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ данъ послѣдній чинъ (*Conseiller honoraire*), и можно предвидѣть, что вмѣсто него Министерство дастъ тебѣ маленькій крестикъ св. Анны. Досадная вещь, которой нужно хорошенько избѣгать!—Гагаринъ рукоплескалъ въ отвѣтъ на мои разсужденія и повидимому рѣшено, что для тебя будутъ просить званія придворнаго.—Теперь появляется одно обстоятельство, котораго нужно ловко избѣгать и которое потребуетъ величайшей (*grandissima*) осторожности. Представленіе должно состояться только послѣ возвращенія Сверчкова, а вѣрно то, что раньше, чѣмъ оно состоится, тебя захотятъ свести съ нимъ. Такъ нужно, чтобы онъ не подалъ и вида, и не сказалъ ни слова на счетъ своей непосредственной рекомендаціи, потому что это погубило бы ходъ всего дѣла. Во 1-хъ, потому, что Италинскій не замедлил бы пожаловаться и тотчасъ перемѣнилъ бы мнѣніе, во 2-хъ, потому, что князь нашелъ бы наше поведеніе по отношенію къ нему неискреннимъ и достойнымъ порицанія; потому что первое, что онъ сказалъ бы мнѣ, узнавъ о представленіи Сверчкова:—Вы, стало быть, знали объ этомъ? Вы могли бы меня предупредить?—А это недостатокъ довѣрія, въ которомъ мнѣ невозможно было бы оправдаться.—Я ужъ говорилъ тебѣ это: твой предшественникъ получалъ чины и кресты, но всегда черезъ Римъ, а это самый лучший и самый вѣрный путь. Два представленія не при-

носить вреда тому, кого они касаются, но Италинскій одинъ имѣеть право ихъ сдѣлать.—Сегодня его денеша насчетъ тебя подкрѣпить депешу Сверчкова и дѣло пойдетъ еще лучше, но, ради Бога, постарайся предупредить выступленія сего послѣдняго, потому что они могутъ принять необычайно вредный характеръ. Между прочимъ, если этою окольный образъ дѣйствій не въ твоёмъ икусѣ, вотъ другое средство. Напиши письмо Гагарину. Скажи ему, что я говорилъ тебѣ о его любезныхъ намѣреніяхъ: поблагодари его и изобрази поступки Сверчкова, какъ попытки, кажуціяся тебѣ совершенно бесполезными и не могущими имѣть ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока Италинскій не будетъ говорить объ этомъ въ Министерствѣ. Вотъ два способа.—Выборъ предоставляю тебѣ, но нужно окончательно рѣшиться, который выбрать. Теперь о томъ, что касается собственно моихъ выгодъ. Было сказано безповоротно, что я буду просить только о чинѣ. Во 1-ыхъ, для того, чтобы получить желаемое, я хочу опираться на авторитетъ старика; во 2-хъ, потому, что скоро три года, какъ я въ томъ же чинѣ; въ 3-хъ, потому, что не слѣдуетъ, чтобы мы оба просили одного и того же; въ 4-хъ, не имѣя никакого аттестата, я надѣюсь, что рекомендація Италинскаго замѣнитъ мнѣ его и, въ 5-хъ, потому, что министерство, будучи въ долгу передо мною, на этотъ разъ не замедлитъ дать мнѣ доказательство своего сердечнаго расположенія. Таково положеніе вещей. Ничего еще не рѣшено, стало быть, можешь писать прямо Гагарину и высказать ему твои желанія, твою благодарность и твои надежды. Путь вѣрный и опредѣленный. Такъ какъ тебѣ суждено долго прожить въ столицѣ, гдѣ есть дворъ, не такъ ужъ непріятно носить мундиръ, который отличалъ бы тебя отъ другихъ, а можно быть увѣреннымъ въ томъ, что кранъ снабдитъ тебя галунами и всѣмъ, что можетъ быть тебѣ необходимо.

Письмо, только что полученное мною отъ Свѣчиной въ отвѣтъ на мое, въ которомъ я спрашивалъ у нея совѣта относительно плановъ моей поѣздки въ Парижъ, показываетъ мнѣ, что мнѣ нужно вооружиться большимъ терпѣніемъ. Она утверждаетъ, что мнѣ необходимо рѣшиться провести всю эту зиму въ Римѣ и опредѣленно доказываетъ, что мое переселеніе въ Парижъ вещь мало полезная и почти невозможная. Стало быть мнѣ нужно принять соответственные мѣры. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже идутъ мои дѣла и я наконецъ вынужденъ ограничиться четырьмя дырявыми сорочками и такимъ же числомъ носовыхъ платковъ. Все остальное въ томъ же количествѣ, и я не вижу иного способа, какъ обратиться за помощью къ гр. Шуваловой. но чувствую, что никогда не буду въ силахъ просить ее самъ, и я умоляю

тебя, дорогой Мишель, помоги мнѣ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Тебѣ хорошо извѣстно, въ чемъ оно заключается. Я никогда не говорилъ съ кузиной о своихъ финансахъ. Во время своего пребыванія въ Римѣ, она осыпала меня подарками, но у меня никогда не хватало смѣлости сказать ей хоть слово о деньгахъ.—Сдѣлай мнѣ одолженіе, шепни ей словечко объ этомъ. Пенсіи за два года хватило бы мнѣ на все необходимое. Но не откладывай этого дѣла. Ты употребишь все свое умѣнье, которое потребуетъ это дѣло, и если я не надѣюсь на успѣхъ, то увѣренъ, что просьба не внесетъ измѣненій въ наши родственныя отношенія.

Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова

Адресъ, поднесенный Л. М. Савелову чинами Москов. Отд.
Общ. Архива Мин. Императорскаго Двора.

Вѣдомо намъ учинилось, Господине, знающимъ Тебя, яко исполнися нынѣ полъ третіяго десятка лѣтъ трудовъ Твоихъ къ познанію древле-русскихъ именитыхъ родовъ и къ вящшему процвѣтанію красоты языка русскаго положенныхъ. Толь сладостный день исполненія въ мѣру совершенну трудовъ Твоихъ воспоминаая, сослуживцы Твои, въ Книгохранительницѣ Царской Московской съ Тобою купно сущіе, радостно о Тебѣ веселятся, душевное привѣтствіе Тебѣ творять и желаніе свое глаголютъ, и въ будущія лѣта столь же славно и похвально Тебѣ, здраву сущу, потрудитися пользы ради любезныхъ сердцу Твоему хитростей книжныхъ и лѣпоты словесныя.

Да сохранится при семь и доброта сердца Твоего къ знаемымъ Тебѣ людямъ, извѣчная намъ въ Тебѣ отъ дней купнаго служенія нашего подъ началомъ Твоимъ, и доселѣ намъ свѣтло въ сердцѣ Твоемъ сіяющая.

Да преуспѣеть же и Лѣтописное Общебратство Родословія, Тобою десять лѣтъ честно руководимое и нынѣ достойно достигшее десятилѣтія дѣланія своего.

Прими-же, Господине, на добрую о насъ память и Твоего къ намъ ласкосердія сію малую грамотицу, къ ней-же сослуживцы Твои, по обычаю, отъ лѣтъ древнихъ идущему, и руки своя приложили.

Лѣта отъ сотворенія міра 7423, отъ Рождества-же Христова 1915, мѣсяца Генуарія въ 8 день, въ годину юбилейнаго сборища въ честь трудовъ Твоихъ.

La prussification de l'Allemagne, son histoire, son but, ses résultats.

Parlant de la prussification de l'Allemagne mise en oeuvre dès le commencement du XIX-e siècle, M. Deschanel touchait un point de l'histoire qui est aujourd'hui d'une émouvante actualité. L'année 1914 n'est pas seulement mémorable par l'explosion d'une guerre géante imposée à des nations pénétrées de sentiments et de tendances pacifiques; guerre précédée par une menace soigneusement méditée et perfidement hypocrite; guerre voulue par une puissance donnant aussitôt à l'Europe en spectacle sa monstrueuse barbarie et son dédain du droit. Quel surprenant anachronisme au XX-e siècle! L'oeuvre actuelle de Guillaume II est en même temps l'oeuvre de ses généraux, de sa soldatesque. Il l'a faite nationale et ses obéissants intellectuels l'ont sanctionnée. La force militaire qui asservit, a asservi et subjugué le peuple et déformé ses cerveaux.

De plus, l'année 1914 est un centenaire et nous qui sommes les témoins du grand drame d'aujourd'hui, nous en trouvons les symptômes générateurs dans les événements de 1814. Il y avait déjà une fermentation, un prélude de ce drame. En 1870, il en a été donné, sur la scène de l'Europe, un premier acte consistant en un terrible duel devant des témoins muets. La Prusse sut alors grouper autour d'elle les autres puissances allemandes, leur commander et, grâce à leur passive obédience, elle fût victorieuse. Elle amputa sa victime pour faire saigner son coeur dont les battements ne furent pas étouffés par son étreinte. La vitalité de l'immortelle France n'était pas atteinte; le coup n'était pas mortel; il laissait une plaie béante. Cet acte se termine par l'apothéose de l'Allemagne unifiée, la soumission passive de royaumes et de principautés. Le passé, l'histoire, l'individualité de ces Etats étaient sacrifiés pour accomplir le rêve de Bismark: la Prusse maîtresse absolue de l'Allemagne. La décentralisation de l'Allemagne sacrifiée à la Prusse. Sur la fin de cet acte tomba un rideau, un voile de deuil. Et l'Europe specta-

Пруссификація Германіи, ея історія, цѣли и слѣдствія.

Говоря о пруссификаціи Германіи, осуществившейся въ самомъ началѣ XIX столѣтія, Дешанель коснулся историческаго взгляда, представляющаго въ настоящій моментъ живѣйшій интересъ. 1914 годъ памятенъ, не только благодаря вспыскѣ исполинской войны, которая была навязана національностямъ, проникшимся миролюбивыми чувствами и намѣреніями, войной, предшествуемой угрозами тщательно обдуманнѣмъ и лицемѣрнымъ коварствомъ; войной, задуманной властью, не замедлившей явить Европѣ зрѣлище чудовищнаго варварства и попранія всѣхъ правъ. Что за неожиданный анахронизмъ въ XX вѣкѣ! Современное дѣяніе Вильгельма II есть въ то же самое время дѣло его генераловъ и солдатъ. Онъ сдѣлалъ это національной задачей, а покорные ему подданные одобрили его. Покоряющая военная сила поработила и подчинила себѣ народъ и произвела переворотъ въ умахъ его.

Кромѣ того, 1914 годъ является столѣтней годовщиной, и мы, зрители великой драмы нашихъ дней, находимъ начальныя признаки ея въ событіяхъ 1814 года. Тогда уже начиналось броженіе, прелюдія этой драмы. Въ 1870 году разыгралось первое ея дѣйствіе, состоявшее изъ ужаснаго поединка въ присутствіи нѣмыхъ свидѣтелей. Тогда Пруссія сумѣла объединить вокругъ себя остальные нѣмецкія силы государства и повелѣвала ими, а благодаря ихъ безпрекословному послушанію она вышла побѣдительницей. Она терзала свою жертву для того, чтобы заставить обливаться кровью ея сердце, біеніе котораго она не могла задушить въ своихъ объятіяхъ. Жизненная сила безсмертной Франціи не была подорвана; ударъ былъ не смертельный, осталось только зіяющая рана. Дѣйствіе кончается апофеозомъ объединенной Германіи, пассивнымъ подчиненіемъ королевствъ и княжествъ.

trice resta silencieuse. Pour elle, avec la constitution du nouvel Empire d'Allemagne, avait surgi un danger.

En 1914 commence le second acte sur la scène, non plus seulement de l'Europe, mais on peut dire du monde entier. Il débute par l'imposition de la guerre à l'Europe pacifique, par la destruction des traités, par la violation de neutralités, par des actes de la barbarie la plus féroce. C'est l'Allemagne prussifiée qui entre ainsi en scène, incarnant le génie du mal. Ses vassaux obéissent à sa voix et participent à son oeuvre. La voilà l'Allemagne prussifiée tout entière complice de son macabre maître et tyran; elle s'élance à l'assaut de la civilisation. Et anxieux, nous assistons à ce grand et dernier acte du drame, nous attendons son dénouement.

Cette guerre de légitime défense s'est transformée en guerre de libération. Notre France figure sur la scène non plus isolée comme précédemment, mais unie aux puissances résolues à mettre un frein à l'orgueil et à l'ambition sans bornes de cette Allemagne moderne pervertie au point de célébrer ses crimes et de s'en montrer fière. N'oublions pas, n'oublions jamais, quel fut Celui qui tira la France de son isolement et la prépara ainsi à partager avec la Russie le rôle le plus beau qu'une nation puisse jouer: celui de soutien du droit, de la liberté et de l'honneur. L'Empereur Alexandre III, précurseur de l'Alliance Franco-Russe, a compris le danger pour l'Europe d'une Allemagne omnipotente. Appréciateur avisé des qualités de la France, grand facteur des idées généreuses et instruit des errements de l'Allemagne, Il a inauguré une politique loyale et fait surgir une réciproque sympathie qui rapprocha l'Occident de l'Orient. Sa conception élevée trouva un écho chaleureux en France.

L'Auguste Fils d'Alexandre III transforma le rapprochement en une féconde Alliance. L'Angleterre, revendiquant l'honneur de sauvegarder le droit attaqué, se joignit à nous et le Japon voulut, lui aussi, se montrer le champion de la civilisation moderne. Se joignant à cette croisade pour la justice, l'héroïque Belgique s'est sacrifiée pour sauver les alliés et par eux cette noble victime doit être et sera vengée.

Cette union est le rempart de l'Europe contre la catastrophe qui la menace d'une épouvantable ruine. Le monde ému attend le dénouement de ces scènes terribles où le carnage des batailles est accompagné d'immolations de victimes innocentes et éclairé des lueurs d'incendies sacri-

Прошлое, исторія и индивидуальность этихъ государствъ были принесены въ жертву для того, чтобы осуществить мечту Бисмарка: Пруссія полная владычица Германіи. Децентрализація Германіи, принесена въ жертву Пруссіи. Въ концѣ этого дѣйствія падаетъ занавѣсъ изъ траурнаго крѣпа. А Европа осталась безмолвной зрительницей. Съ образованіемъ новой Германской Имперіи для нея возникла опасность.

Въ 1914 году начинается разыгрываться второе дѣйствіе, и не только на европейскихъ подмосткахъ, а можно сказать на подмосткахъ всего свѣта. Оно открывается вспышкой войны въ мирной Европѣ, уничтоженіемъ договоровъ, нарушеніемъ нейтралитетовъ, самыми явными звѣрствами. Такимъ образомъ, пруссификованная Германія, проявляется на сценѣ, воплощая въ себѣ генія зла. Ея вассалы идутъ на ея призывъ и принимаютъ участіе въ ея дѣлѣ. Вотъ она, пруссификованная Германія, сообщница своего повелителя, убійцы и тирана: она приступомъ идетъ на цивилизацію. И мы съ тревогой присутствуемъ при великомъ и послѣднемъ дѣйствіи этой драмы, мы ждемъ ея развязки.

Эта законно оборонительная война превратилась въ войну освободительную. Наша Франція выступаетъ на сцену не въ одиночествѣ, какъ это было раньше, но въ союзѣ съ государствами, рѣшившими положить конецъ безграничному высокомерію и заносчивости современной Германіи, до того развращенной, что она способна прославлять свои преступления и гордиться ими. Не забудемъ, никогда не забудемъ Того, кто вывелъ Францію изъ ея одиночества и, такимъ образомъ, приготовилъ ее, вмѣстѣ съ Россіей, сыграть самую прекрасную роль, которая когда либо выпадала на долю націи: а именно, быть опорой права, свободы и чести. Императоръ Александръ III, предвѣстникъ Франко-Русскаго Союза, понялъ, какъ опасна Европѣ всемогущая Германія. Тонкій цѣнитель достоинствъ Франціи, большой знатокъ гуманныхъ идей и германскихъ заблужденій, онъ держался законной политики и вызвалъ взаимную симпатію, сблизившую Западъ съ Востокомъ. Такой возвышенный образъ мыслей встрѣтилъ во Франціи живой откликъ.

Это сближеніе Августѣйшій Сынъ Александра III преобразовалъ въ плодотворный Союзъ. Отстаивая честь поправныхъ правъ, Англія присоединилась къ намъ, а Японія тоже пожелала показать себя борцомъ за современную цивилизацію. Присоединившись къ этому крестовому походу въ защиту правды, героическая Бельгія принесла себя въ жертву, чтобы спасти союзниковъ и они должны отомстить и отомстятъ врагу за это благородное самопожертвованіе.

lèges. Cet acte non achevé, le drame de 1914—1915 a déjà prouvé à quel degré de décadence morale et de retour à la sauvagerie l'Allemagne prussifiée est descendue.

Pour bien saisir cette défiguration de l'Allemagne subjuguée par la Prusse, il ne s'agit pas de défendre individuellement les différentes puissances qui formaient la confédération de l'Allemagne du Nord formée en 1867 de 21 Etats qui déjà ne conservaient qu'une apparence d'autonomie mais dont la réalité du pouvoir appartenait à la Prusse. Des lors ces Etats perdirent leurs caractères, leurs tendances individuelles abandonnant leur destinée à des mains peu sûres. Après les événements de la guerre de 1870, à la constitution de la confédération de l'Allemagne du Nord, la Prusse fit succéder le 1er Avril 1871, la constitution de l'Empire Allemand qui lui assurait le gouvernement de l'Allemagne tout entière.

Maintenant il faut démontrer que 1914 est un centenaire et comme une préface à l'action constante qui, après les phases de 1867 et de 1871, a conduit au bouleversement actuel. C'est en 1814 que s'affirme devant l'Europe la volonté prussienne de s'imposer au reste de l'Allemagne pour se l'assimiler, lui imposer sa „Kultur“ et étouffer toute indépendance.

Pour bien saisir l'omnipotence du militarisme prussien, devenu le militarisme allemand, il faut connaître son processus et c'est sur ce point que je désire insister. De 1808 à 1814 les universités allemandes rompirent avec la culture françaises pour préconiser une „Kultur“ uniquement germanique.

En 1814 un correspondant de Vienne écrivait à Madame de Staël: „On entrevoit bien des choses à craindre et l'on apprend à se consoler d'être français en tremblant pour les Allemands.“ Evidemment ce correspondant craignait pour l'Allemagne la domination de la Prusse. Il ajoute: „ce qui me paraît plus rassurant, c'est la division de l'Allemagne en petits Etats qui peuvent rompre l'unanimité révolutionnaire et surtout le caractère du peuple qui paraît ami de l'ordre et de la tranquillité. Cependant ce peuple peut devenir terrible: il est moins facile à agiter que le nôtre; mais aussi est-il moins facile à calmer.¹⁾“ La révolution en question s'est l'unification de l'Allemagne par la Prusse; la sauvegarde de l'Allemagne s'est sa division en petits Etats.

1) A. Chuquet. L'année 1814, p. 463.

Для Европы союзъ является оплотомъ противъ катастрофы, грозящей ей гибельнымъ разрушеніемъ. Потрясенный міръ ждетъ развязки этихъ ужасныхъ сценъ, когда опустошенія во время боя сопровождаются убійствомъ невинныхъ жертвъ и освѣщаются заревомъ кощунственныхъ пожаровъ. Последнее дѣйствіе еще не кончено, а драма 1914—1915 гг. уже показала, до какой степени нравственнаго паденія и возврата къ дикости дошла пруссификованная Германія.

Чтобы какъ слѣдуетъ усвоить себѣ измѣненіе, происшедшее въ Германіи подъ давленіемъ Пруссіи, недостаточно знать, что нужно охранять отдѣльно каждое изъ 21-го государства, образовавшихъ союзъ въ 1867 году. Они сохранили лишь внѣшніе признаки самоуправленія, а на самомъ дѣлѣ власть надъ ними принадлежала Пруссіи. Съ тѣхъ поръ эти государства утратили свой характеръ, свои особыя свойства, и отдали свою судьбу въ ненадежныя руки. Послѣ военныхъ событій 1870 года, когда былъ учрежденъ сѣверо-германскій союзъ, 1-го Апрѣля 1871 года Прусія явилась наслѣдницей вновь образованной Германской Имперіи, давшей ей власть надъ всею Германіей.

Теперь слѣдуетъ указать, что 1914 годъ является годовщиной, и какъ на предисловіе къ создавшемуся положенію укажемъ на перемены 1867 и 1871 гг., которыя и повели къ теперешнему потрясенію. Именно въ 1814 году въ Европѣ утвердилась прусская власть, взявшая на себя первую роль, чтобы подчинить себѣ всю остальную Германію, предписать ей свою „Kultur“ и задуть всякую независимость.

Чтобы усвоить себѣ всемогущество прусскаго милитаризма, ставшаго германскимъ милитаризмомъ, нужно знать, какъ онъ сложился, и я хочу остановиться именно на этомъ вопросѣ. Съ 1808 до 1814 г. нѣмецкіе университеты порвали всякую связь съ французской культурой для того, чтобы провозгласить исключительно германскую „Kultur“.

Въ 1814 году одно лицо пишетъ изъ Вѣны къ Г-жѣ де Сталь: „Въ будущемъ можно многого опасаться, но можно успокоиться, чувствуя себя Французомъ и трепетать за Нѣмцевъ“. Очевидно это лицо боялось за Германію, имѣя въ виду господство Пруссіи. Оно прибавляетъ: „что меня утѣшаетъ, такъ это раздѣленіе Германіи на мелкія государства, которыя сумѣютъ сломить революціонное единогласіе, а особенно характеръ народа, повидимому любящаго порядокъ и спокойствіе. Но все таки этотъ народъ можетъ сдѣлаться страшнымъ: его нельзя такъ легко взволновать, какъ нашъ, но зато его нельзя такъ скоро успокоить“. ¹⁾ Революція, о которой идетъ рѣчь, есть объеди-

¹⁾ А. Шюкэ. 1814 годъ. Стр. 463.

Le danger prussien apparaît avec une admirable clareté dans les instructions que Louis XVIII remit à Talleyrand pour les Ambassadeurs du Roi au Congrès de Vienne. Elles sont très suggestives et pleines de prévoyance. En voici un passage: „En Italie, c'est l'Autriche qu'il faut empêcher de dominer; en Allemagne, c'est la Prusse. La construction physique de sa monarchie lui fait de l'ambition une sorte de nécessité. Tout prétexte lui est bon. Nul scrupule ne l'arrête. La convenance est son droit. C'est ainsi que dans un cours de soixante trois années, elle a porté sa population de moins de quatre millions de sujets à dix millions, et qu'elle est parvenue à se former, si l'on peut ainsi parler un cadre de monarchie immense, acquérant çà et là, des territoires épars, qu'elle tend à réunir en s'incorporant ceux qui les séparent. La chute terrible que lui a attirée son ambition ne l'en a pas corrigée. En ce moment, ses émissaires et ses partisans agitent l'Allemagne, lui peignant la France comme prête à l'envahir encore, la Prusse comme seule en état de la défendre et demandant qu'on la lui livre pour la préserver. Elle aurait voulu avoir la Belgique. Elle veut avoir tout ce qui est entre les frontières actuelles de la France, la Meuse et le Rhin. Elle veut de Luxembourg. Tout est perdu si Mayence ne lui est pas donné. Elle ne peut avoir de sécurité si elle ne possède pas la Saxe. Les alliés ont, dit-on, pris l'arrangement de la replacer dans le même état de puissance où elle était avant sa chute, c'est à dire avec dix millions de sujets. Qu'on la laissât faire, bientôt elle en aurait vingt et l'Allemagne tout entière lui serait soumise. Il est donc nécessaire de mettre un frein à son ambition, en restreignant d'abord, autant qu'il est possible, son état de possession en Allemagne, et ensuite en restreignant son influence par l'organisation fédérale.“¹⁾

Les visées de la Prusse sont démasquées dans ce factum de 1814 et c'est en 1914 que le Roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, tente le couronnement des projets ambicieux ci dessus énoncés.

Les ambassadeurs de Louis XVIII au Congrès de Vienne adressèrent au Ministre des Affaires Etrangères à Paris un aperçu fort instructif qui indique ce qu'était la caste militaire de Prusse en 1814.

„Il y a une autre considération qui nous détermine à engager le Roi à refuser sa sanction et à faire offrir des secours efficaces pour empêcher l'anéantissement de la maison de Saxe et la réunion de ce pays à la Prusse. Cette considération est puisée dans l'esprit révolution-

¹⁾ Mémoires du Prince de Talleyrand., II., p. 243.

неніе Германіи подѣ властью Пруссіи; спасеніе Германіи—это раздѣлъ ея на мелкія государства.

Прусская опасность съ поразительной ясностью выступаетъ въ указахъ Людовика XVIII. переданныхъ Талейрану для представителей короля на вѣнскомъ конгрессѣ. Они очень поучительны и полны предусмотрительности. Вотъ одинъ отрывокъ: „въ Италіи нужно препятствовать господству Австріи; въ Германіи Пруссіи. По вѣдшему устройству этой державы властолюбіе является для нея своего рода необходимостью. Ей годится всякая отговорка. Ее не остановитъ никакое сомнѣніе. Выгода ея право. Такимъ образомъ въ теченіе 63 лѣтъ она увеличила свое населеніе меньше чѣмъ съ 4 милліоновъ до 10 милліоновъ подданныхъ, и ей удалось составить, если можно такъ выразиться, планъ обширной монархіи, то тамъ, то здѣсь пріобрѣтающей разрозненныя территоріи, которыя она стремится объединить, присоединяя къ себѣ раздѣляющія ихъ области. Ужасное крушеніе, къ которому привело ее такое властолюбіе, не исправило ее. Въ настоящую минуту ея развѣдчики и добровольцы возбуждаютъ Германію, изображая Францію почти завоеванной, а Пруссію ея единственной защитницей, и просятъ отдать Францію въ руки Пруссіи для ея же спасенія. Ей хотѣлось завладѣть Бельгіей. Она хотеть имѣть все, заключающееся между теперешними границами Франціи, Маасомъ и Рейномъ. Она хотеть имѣть Люксембургъ. Все будетъ потеряно, если ей не дадутъ Майнца. Она не успокоится, если не будетъ владѣть Саксоніей. Говорятъ, союзники рѣшили вернуть ее къ той самой власти, которая у нея была до ея паденія, а именно—къ десяти милліонамъ подданныхъ. Пусть ее предоставятъ самой себѣ, и скоро ихъ будетъ двадцать и вся Германія ей подчинится. Значить, прежде всего нужно обуздать ея властолюбіе, на сколько возможно сокративши ея владычество въ Германіи, а затѣмъ ограничивъ ея вліяніе посредствомъ союзныхъ организацій“¹⁾).

Намѣренія Пруссіи были разоблачены событіями 1814 г., а въ 1914 г. король Пруссіи, императоръ германскій пытается увѣнчать успѣхомъ вышеупомянутые честолюбивые замыслы.

На вѣнскомъ конгрессѣ представители Людовика XVIII представили министру иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ очень поучительный обзоръ, показывающій, чѣмъ была военная каста въ 1814 году.

„Мы по другому соображенію рѣшаемся предложить королю отказать отъ своего согласія и предложить дѣйствительную помощь для того, чтобы помѣшать уничтоженію саксонскаго дома и присоеди-

¹⁾ Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 243.

naire que nous observons en Allemagne et qui porte un caractère tout particulier. Ici ce n'est point la lutte du tiers état avec les classes privilégiées, qui fait naître la fermentation. Ce sont les prétentions de l'amour-propre d'une noblesse militaire et autrefois indépendante, qui, préparant le foyer et les éléments d'une révolution, préférerait obtenir une existence dans un grand Etat et ne pas appartenir à des pays morcelés et à des souverains qu'elle regarde comme des égaux. A la tête de ce parti se trouvent tous les princes et nobles médiatisés; ils cherchent à fondre l'Allemagne en une seule monarchie, pour y entrer dans le rôle d'une grande représentation aristocratique. La Prusse qui a fort habilement flatté tout ce parti, l'a rattaché à son char, en lui faisant espérer une partie des anciens privilèges dont il jouissait. On peut donc être persuadé que si la Prusse parvenait à réunir la Saxe et à s'approprier de côté et d'autre des territoires isolés, elle formerait, en peu d'années, une monarchie militaire fort dangereuse pour ses voisins; et rien, dans cette supposition, ne la servirait mieux que ce grand nombre de têtes exaltées qui, sous le prétexte de chercher une patrie, la créeraient par les plus funestes bouleversements. Il est du plus grand intérêt d'empêcher ces projets et de seconder l'Autriche pour pouvoir s'y opposer avec succès. Cette détermination de la part du Roi aidera encore à faire rompre à l'Autriche, à la Bavière, les liens qui les tiennent attachées à la coalition, et cette considération est bien importante dans la situation actuelle de la France.¹⁾

En méditant aujourd'hui ces lignes qui datent de cent ans, on éprouve le sentiment que le danger se montrait dès lors sans dissimulation et dans toute son étendue. Maintenant la Prusse a formé cette monarchie militaire dangereuse pour ses voisins et le grand nombre de têtes exaltées existe toujours, mais avec des ambitions agrandies. Jadis les Teutons pronostiquaient ce que Bülow affirmait récemment à savoir: „La Prusse est le soubassement de l'Empire allemand... elle est l'Etat national allemand.“

L'Europe a laissé en 1870 et depuis se parachever l'oeuvre qu'elle est obligée de combattre actuellement. L'Europe entière était sournoisement soumise à une infiltration méthodique d'éléments dissimulés sous toutes les formes de l'espionnage. Cette oeuvre c'est le règne absolu de la force brutale armée contre le droit et la civilisation. Pour cela, tout est mis au service d'une ambition démesurée ayant atteint un tel degré que dans ses manifestations, elle dégénère en folie.

¹⁾ Mémoires du Prince de Talleyrand, II. p. 360.

ненію къ Пруссіи этой страны. Это соображеніе основывается на революціонномъ духѣ, наблюдаемомъ нами въ Германіи и носящемъ совершенно своеобразный характеръ. Здѣсь броженіе порождаетъ вовсе не борьба третьяго сословія съ привилегированными классами. Это честолюбивые замыслы когда то независимой, военной аристократіи, которая, готова очаги и элементы революціи, предпочла бы существованіе въ великомъ государствѣ жизни въ разрозненной странѣ государей, которыхъ она считаетъ себѣ равными. Во главѣ этой партіи стоятъ всѣ принцы и присоединившаяся къ государству знать; они стараются сковать Германію въ единую монархію, чтобы играть въ ней роль великихъ представителей аристократіи. Пруссія, сумѣвшая ловко льстить всей этой партіи, привлекла ее къ своей побѣдной колесницѣ, давъ ей возможность надѣяться на возстановленіе старинныхъ привилегій, которыми она когда то пользовалась. Значить можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы Пруссіи удалось присоединить Саксонію и съ двухъ сторонъ овладѣть разрозненными территориями, она въ нѣсколько лѣтъ образовала бы очень опасную для сосѣдей военную монархію; а допуская это, ничто не могло бы лучше служить ей, какъ такое большое количество горячихъ головъ, которыя, подъ предлогомъ поисковъ родины, путемъ самыхъ печальныхъ переворотовъ создали бы эту монархію. Поэтому представляется большой интересъ въ томъ, чтобы разрушить эти планы и помочь Австріи, чтобы имѣть возможность успѣшно бороться съ нею. Такое рѣшеніе короля еще разъ поможетъ Австріи и Баваріи порвать узы, соединяющія ихъ съ коалиціей, и это рѣшеніе очень важно при современномъ положеніи Франціи¹⁾

Въ наши дни, размышляя объ этихъ строкахъ, которымъ исполнилось ровно сто лѣтъ, чувствуешь, что и тогда мерещилась опасность, непритворная и въ полномъ своемъ объемѣ. Теперь Пруссія основала опасную для сосѣдей военную монархію, а большое количество горячихъ головъ существуетъ и теперь, но съ повышеннымъ честолюбіемъ. Когда то тевтоны предрекли то, что недавно утверждалъ Бюловъ, а именно: „Пруссія есть фундаментъ германской имперіи... она есть національное нѣмецкое государство.“

Въ 1870 г. у Европы осталась задача, которую она обязана завершить и за которую борется въ настоящее время. Вся Европа была втайнѣ подчинена послѣдовательной инфильтраціи элементовъ, скрытыхъ подъ всѣми видами шпіонства. Эта задача есть безграничная власть вооруженной грубой силы надъ правомъ и цивилизаціей. По-

¹ Мемуары кн. Талейрана, II, стр. 360.

Cet état moral a été très bien défini par M. André Beaunier: ¹⁾ „Eh! bien, tandis qu' Ostwald et Lasson proclament éperdument la sur-humanité germanique et se démènent au service d'une sauvage absurdité, nos philosophes examinent très posément ce cas d'aliénation mentale, cet accident psychologique et historique: un peuple entier, depuis son empereur jusqu'au dernier de ses négociants, pris de déraison et qui devient le fléau du genre humain tant qu'on ne l'a pas maîtrisé.“

Comme l'a si bien exprimé M. Charles Benoist, membre de l'Institut et député de Paris, il y a un lien intime entre le cerveau qui dicte et la main qui agit sous son impulsion, l'un et l'autre obéissant à un fanatisme malfaisant. Les intellectuels d'outre Rhin, dit-il, ne se trompent pas et ne trompent plus personne quand ils racrochent la Kultur allemande au militarisme allemand et l'identifient avec lui. ²⁾

La Kultur allemande est la docile servante, l'humble esclave du militarisme allemand qui, dès le temps de paix ou dès le premier jour de la guerre, pour le succès de ses plans, mobilise tout, ses espions comme ses cuistres. Ceux-ci entrent dans nos académies comme ceux là dans nos cuisines, obséquieux et l'échine pliée.

Il faut ajouter que cette „Kultur“ allemande a été prussifiée: elle fait corps avec le militarisme allemand prussifié; elle a obéi parce que le roi de Prusse, Empereur d'Allemagne, le désirait, son ami Harnack le demandait, l'Etat major l'exigeait et si pour tous Guillaume II est le maître, pour tel ou tel, il est, de plus, le bienfaiteur.

Après avoir créé l'hégémonie de l'Allemagne, celle-ci voudrait organiser l'Europe, c'est M. Ostwald qui le déclare. Comme l'Europe rétrograde, selon lui, n'entend pas se laisser organiser par elle, l'Allemagne est bien obligée de lui imposer l'organisation par la force et c'est pour cela qu'elle a créé de toutes pièces son colossal militarisme que M. Ostwald, ce soi disant pacifiste, ne désavoue pas, bien au contraire, puisqu'il le proclame l'instrument nécessaire pour atteindre le but visé par sa patrie.

Nous savons par les derniers mois de guerre ce que cache ce mot: organiser. Nous connaissons les actions criminelles multipliées par les armées allemandes et nous connaissons par les cerveaux allemands la pensée, l'idéologie allemande.

¹⁾ Nos intellectuel et les leurs. Figaro. 14 Déc. 1914.

²⁾ Charles Benoist. 93 intellectuels d'Outre-Rhin. (Echo de Paris).

этому все должно служить безграничному властолюбію, достигшему такой степени развитія, что въ томъ, какъ она проявляется, она вы- рождается уже въ безуміе.

Это нравственное состояніе очень хорошо опредѣлилъ Андре Бонье: ¹⁾ „Такъ вотъ, когда Оствальдъ и Лассонъ страстно проповѣдуютъ сверхъ-человѣчность германизма и посвящаютъ себя служенію дико-му безсмыслию, наши философы степенно изучаютъ этотъ случай умоизступленія, этотъ историко-психологическій случай; цѣлый народъ, начиная съ императора и кончая послѣднимъ торговцемъ, впадаетъ въ безуміе и становится бичемъ рода человѣческаго до тѣхъ поръ, пока не удастся его побѣдить.“

По удачному опредѣленію Шарля Бенуа, члена института и депутата Парижа, существуетъ тѣснѣйшая связь между мозгомъ, направляющимъ руку и исполняющею его приказанія рукою, когда и тотъ, и другая дѣйствуютъ подъ вліяніемъ зловреднаго фанатизма. Онъ говоритъ, что „находящіеся по ту сторону Рейна интеллигенты не обманываются и никого больше не обманутъ, когда пристегиваютъ нѣмецкую Kultur къ нѣмецкому милитаризму и отождествляютъ ихъ.“ ²⁾

Нѣмецкая Kultur—это скромная служанка, покорная раба нѣмецкаго милитаризма, она какъ въ мирное время, такъ и въ первые же дни войны для успѣшнаго выполненія своихъ плановъ мобилизуетъ все, начиная со шпионовъ и кончая училищными сторожами. Рабски-почтительно сгибая спины, первые проникаютъ въ наши академія, а послѣдніе—въ наши кухни.

Нужно прибавить, что эта нѣмецкая „Kultur“ была пруссифи-кована; она срослась съ пруссификованнымъ нѣмецкимъ милитаризмомъ; она подчинилась, потому что этого хотѣлъ прусскій король, императоръ Германіи, потому что объ этомъ просилъ другъ его, Гарнакъ, а генеральный штабъ требовалъ этого, и если для всѣхъ Вильгельмъ II есть государь, то для иныхъ онъ, кромѣ того, еще и благодѣтель.

Германія, создавшая эту гегемонію, захотѣла перестроить Европу, а Оствальдъ заявилъ объ этомъ открыто. Такъ какъ, по его мнѣнію, отсталая Европа сама не допускаетъ этого переустройства, Германія вынуждена силой заставить ее принять это его переустройство, и для этого то она и создала изъ отдѣльныхъ своихъ государствъ тотъ чудовищный милитаризмъ, котораго не отрицаетъ и Оствальдъ, этотъ мнимый пасифистъ; онъ, наоборотъ, открыто считаетъ милита-

¹⁾ Наши и ихъ интеллигенты, Фигаро, 14 Дек. 1914.

²⁾ Ш. Бенуа. 93 интеллигента изъ-за Рейна (Echo de Paris).

Ces intellectuels ont déchaîné les atrocités de la présente guerre; ils ont empoisonné l'esprit public allemand. Cette théorie que „la force crée le droit“ est le produit de l'enseignement des universités allemandes comme la théorie du „droit de nécessité“ d'où découle cette odieuse maxime „que la guerre ne saurait être * conduite d'une manière contraire à ses fins.“

Le docteur Eliot, l'éminent président honoraire de l'université Harvard, a fort bien fait ressortir dans le „New-York Times“ que pendant quarante ans les directeurs de l'éducation allemande ont mis en valeur cette idée que la force était la source de toute grandeur personnelle et nationale. L'objet de l'adoration de l'Allemagne devint: la force, le courage, l'énergie; que les faibles périssent. que les doux et les humbles s'inclinent devant les forts et les orgueilleux. Le monde est toujours avec le plus fort; le plus fort doit être le maître.

A la religion de la force tout allemand doit une obéissance absolue et le sacrifice de sa liberté individuelle. L'allemand moderne est toujours contrôlé, dirigé, commandé et aspire à son tour à commander et à discipliner ceux qui sont plus faibles que lui.

Et le D-r Eliot termine en estimant que toutes les nations doivent souhaiter la défaite de l'Allemagne en lui enlevant le désir de dominer le monde.

De cette collaboration de la caste militaire et de la caste enseignante est né l'état moral de nos ennemis. Les générations actuelles ont été formées dans cet esprit. En somme, un bien-être matériel, protégé par une force armée puissante, semblait caractériser la situation de l'Allemagne qui avait étendu partout son activité dévorante. Etant donné cette prépondérance commerciale et industrielle, nous nous demandions qu'elle était la signification de la guerre actuelle. M. Henri Bergson dans la séance publique de l'Académie des sciences morales, a magnifiquement dépeint cette signification. Dans un magistral exposé, il montre ce qui s'est passé depuis un demi siècle au de là du Rhin et il constate que „le jour où le militarisme prussien devenu militarisme allemand fût allé rejoindre l'industrialisme. c'étaient l'industrie et le commerce de l'ennemi, sources de sa richesse, que la guerre devait viser en même temps que sa puissance militaire.“ Et le philosophe d'ajouter: nous avons sous les yeux une barbarie scientifique et une barbarie systématique qui s'est renforcée en captant les forces de la civilisation.

ризмъ необходимымъ орудіемъ для достиженія цѣлей, намѣченныхъ родиной.

Въ послѣдніе мѣсяцы войны мы поняли, что скрывается подъ словомъ „перестроить“; мы знаемъ множество преступленій, совершенныхъ германскими полчищами и знаемъ нѣмецкій образъ мыслей, нѣмецкую идеологію.

Эти-то интеллигенты и выпустили на свободу всѣ дикости теперешней войны; они отравили нѣмецкое общественное мнѣніе. Теорія, по которой „сила создаетъ право“, возникла, какъ послѣдствіе преподаванія въ нѣмецкихъ университетахъ, вмѣстѣ съ теоріей „права необходимости“. изъ которой вытекаетъ ужасающее правило: „что война не можегъ быть ведена способами, противорѣчащими ей цѣлямъ.“

Въ „New-York Times“ ѣ докторъ Эліотъ, знаменитый почетный предсѣдатель Гарвардскаго университета, очень хорошо опредѣлилъ, что руководители нѣмецкаго воспитанія въ теченіи сорока лѣтъ больше всего настаивали на той мысли, что сила является источникомъ всякаго личнаго и національнаго величія. Въ Германіи сила, храбрость, энергія становятся предметами поклоненія; пусть слабые погибнуть, пусть нѣжные и кроткіе преклонятся передъ сильными и гордыми. Жизнь остается за сильнѣйшими, господствовать долженъ сильнѣйшій.

Этой то религіи силы каждый нѣмецъ долженъ нести полное послушаніе и жертвовать ей свою личную свободу. Современнаго нѣмца всегда провѣряютъ, направляютъ, имъ руководятъ и требуютъ, чтобы онъ въ свою очередь направлялъ и подчинялъ тѣхъ, кто слабѣе его.

Д-ръ Эліотъ кончаетъ, предполагая, что всѣ народности должны желать пораженія Германіи, отнявъ у нея желаніе властвовать надъ міромъ.

Отъ такой совмѣстной работы военнаго класса и класса преподавателей и сложился нравственный обликъ нашихъ враговъ. Современныя поколѣнія развились въ этомъ направленіи. Въ итогъ отличительной чертой современнаго положенія Германіи, повсюду распространившей свою всепоглащающую дѣятельность, является матеріальное благосостояніе, защищаемое могущественной вооруженной силой. Указавъ на это торговое и промышленное преимущество, спрашивается, каково же значеніе современной войны. На публичномъ засѣданіи Академіи нравственныхъ наукъ Анри Бергсонъ великолѣпно опредѣлилъ это значеніе. Въ своемъ поучительномъ сообщеніи, дѣлая обзоръ того, что произошло по ту сторону Рейна за послѣдніе полстолѣтія, онъ указываетъ, что „въ тотъ день, когда прусскій милитаризмъ, ставшій милитаризмомъ германскимъ, заключилъ союзъ съ торговлей и промышленностью врага, этими источниками его богатства, вотъ что

Puis il pose cette question: Que serait une humanité où la force brutale tiendrait lieu de force morale? Et il y répond.

„Pour tenter l'expérience, il y avait un peuple prédestiné. La Prusse avait été militarisée par ses Rois: l'Allemagne avait été militarisée par la Prusse: une nation puissante était là, marchant à la mécanique. Mécanisme administratif et mécanisme militaire n'attendaient que l'application du mécanisme industriel pour se combiner avec lui. La combinaison une fois faite, une machine formidable se dresserait. Elle n'aurait qu'à se déclencher pour entraîner les autres peuples à la suite de l'Allemagne, assujettis au même mouvement, prisonniers du même mécanisme. Telle serait la signification de la guerre, le jour où l'Allemagne se déciderait à la déclarer.“

„Elle s'y décida; mais le résultat fut bien différent de ce qui avait été prévu. Car les forces morales qu'il s'agissait de soumettre aux puissances les plus voisines de la matière se révélèrent subitement créatrices de force matérielle. Une simple idée, la conception héroïque qu'un petit peuple s'était faite de l'honneur, lui permettait de tenir tête à un puissant empire. Au cri de la justice outragée, on vit sortir de terre, dans un pays qui s'était reposé sur sa flotte, un million, deux millions de soldats. Miracle plus grand encore: dans une nation qui s'était crue mortellement divisée avec elle-même, du jour au lendemain tous étaient redevenus frères.“¹⁾

L'Allemagne prussifiée s'est trompée. Elle a rêvé pour l'Europe une ère de despotisme sous sa férule et l'Europe lutte pour son salut.

L'Allemagne moderne pour les Anglais, pour les Russes, pour les Italiens, pour les Américains, pour nous, était, à cette date de 1914, une nation laborieuse et lourde, disciplinée et grossière que des hasards heureux, merveilleusement utilisés par un homme de génie, avaient conduite à une hégémonie toute guerrière. Il y a eu de grands écrivains, de grands artistes, des penseurs de premier ordre outre-Rhin avant l'Empire. Mais de son triomphe, l'Allemagne n'a tiré que des résultats d'ordre matériel. M. Paul Bourget, après avoir montré cette décadence morale des Allemands d'aujourd'hui, ajoute: „quel étonnement quand nous avons découvert l'étrange arrogance dans la quelle vivaient ces demi-barbares et qu'ils prenaient leur vigoureuse mais brutale puissance

¹⁾ Le Figaro du 13 Décembre 1914.

стало цѣлью войны наравнѣ съ военнымъ ея могуществомъ.“ И философъ прибавляетъ: „на нашихъ глазахъ происходитъ научное варварство, варварство планомѣрное, достигшее большого развитія, поглотивъ всѣ культурныя силы.“

Затѣмъ онъ ставитъ такой вопросъ: Что будетъ съ человѣчествомъ, если грубая сила займетъ мѣсто силы нравственной? И отвѣчаетъ на вопросъ этотъ:

„Провѣрка этого опыта была предназначена одному народу. Пруссія была милитаризована королями: Германія была милитаризована Пруссіей: тамъ была сильная нація, дѣйствовавшая механически. Механизмы—административный и военный ждали лишь примѣненія промышленнаго механизма для того, чтобы дѣйствовать согласованно. Разъ это сліяніе состоялось, передъ нами воздвигалось значительное сооруженіе. Ему оставалось только открыть двери, чтобы увлечь вслѣдъ за Германіей другіе народы, подчиненные тому же движенію, находящіеся въ плѣну у того же самаго механизма. Таково будетъ значеніе войны въ тотъ день, когда Германія рѣшится ее объявить.“

„На это она рѣшилась; но послѣдствія были совсѣмъ не такія, какъ она предполагала. Ибо внезапно возстали нравственныя силы, которыя требовалось подчинить матеріальной власти, и сами создали эту матеріальную силу. Простая мысль, героическое понятіе о чести у маленькаго народа, дала ему возможность сопротивляться могущественной имперіи. На призывъ оскорбленнаго правосудія въ странѣ, опирающейся на одинъ флотъ, словно изъ подъ земли выросъ миллионъ, два миллиона солдатъ. Еще бѣльшее чудо: въ странѣ, гдѣ повидимому, всѣ навѣки отвернулись другъ отъ друга, въ одинъ день всѣ вновь стали братьями.“¹⁾

Пруссификованная Германія ошиблась. Подъ своимъ началомъ она мечтала создать въ Европѣ эру деспотизма, но Европа борется за свое спасеніе.

Для Англичанъ, для Русскихъ, Итальянцевъ, Американцевъ, для насъ въ 1914 году современная Германія была націей трудолюбивой, но тяжелой, выдержанной и грубой; благодаря счастливымъ случаямъ, которыми прекрасно воспользовался гениальный человѣкъ, она достигла чисто военнаго главенства. До имперіи по ту сторону Рейна были великіе писатели, великіе актеры, первоклассные мыслители. Но послѣ своихъ побѣдъ Германія дала результаты только матеріальнаго характера. Показавъ нравственное паденіе современныхъ нѣмцевъ, Поль Бурже прибавляетъ: „Какъ мы удивились, открывъ

¹⁾ Фигаро 13 Дек. 1914.

pour un type nouveau de civilisation!¹⁾ Sa conclusion est telle: „Les Allemands ont rêvé une hégémonie non plus européenne mais mondiale. Il n'abdiqueront leur rêve que matés par une force qu'ils devront avouer supérieure.“¹⁾

Pour lui imposer cette hégémonie mondiale les Allemands ont pensé que l'Europe courberait la tête et serait matée par leurs forces invincibles. Pour substituer leur Kultur à celles qui n'étaient pas la leur, ils ont détruit pour anéantir ce qui n'était pas d'eux; ils ont volé pour s'approprier et soumettre à leur bon vouloir ce qui, par la beauté de son origine étrangère à eux, ne devait subsister que comme conquêtes ou trophées.

Le cambriolage avec effraction, à main armée, a été l'accompagnement voulu des massacres et des incendies. Ici une satisfaction sadique de la bestialité; là une opération avantageuse au point de vue profit.

„Nous savons maintenant, dit M. Montorgueil,²⁾ que cette armée allemande où rien n'est livré au hasard a tout organisé même la barbarie de la guerre: qu'elle est suivie de fourgons pour les cambriolages et d'équipes d'incendiaires; qu'elle a rétabli l'antique et cruelle loi des captifs: qu'elle méconnaît le caractère sacré des blessés; qu'elle place devant le front de ses armées pour s'en couvrir devant le feu de l'ennemi, des femmes et des enfants. Et maintenant les Allemands ne nient plus, ils se glorifient de ce qui fait leur honte.“

Les témoignages abondent de la volonté préventive des barbares d'imprimer à leur guerre un caractère conforme à leurs instincts.

M. S. Pichon³⁾ l'affirme: „Ce qu'il y a de spécialement abominable dans ces manifestations de la barbarie germanique, c'est la préméditation et la méthode avec les quelles elles sont organisées. Elles ne surgissent pas de l'exaltation passagère de la bataille et de la surexaltation des soldats dévoyés par la violence du combat, elles sont le produit d'un état d'âme, résultant d'un mot d'ordre, elles ont été soigneusement préparées, et pourvues des moyens d'action sans lesquels elles ne pourraient s'épanouir et se multiplier à ce degré.“

¹⁾ Paul Bourget. Les leçons de la guerre. XVII. L'Erreur Allemande. (Echo de Paris).

²⁾ L'Éclair du 14 Décembre 1914.

³⁾ Les preuves de la préméditation (Petit Journal).

странную надменность, въ которой жили эти полудикари, считая свое сильное, но грубое государство за новый видъ цивилизаціи!¹⁾ Его выводъ таковъ: „Нѣмцы мечтали не о европейскомъ, а о всемірномъ владычествѣ. Они откажутся отъ своей мечты только склонившись передъ силой, которую должны будутъ признать высшей.“¹⁾

Нѣмцы полагали, что по достиженіи этой всемірной гегемоніи Европа преклонится передъ ними и что они сокрушатъ ее своими непобѣдимыми силами. Чтобы насадить свою Kultur тамъ, гдѣ ее нѣтъ, они разрушили и уничтожили то, что имъ не принадлежало; для того, чтобы пріобрѣсти, они воровали то, что въ силу своей красоты, столь чуждой имъ, должно было существовать только какъ добыча или трофей.

Кража со взломомъ и съ оружіемъ въ рукахъ была желанной принадлежностью убійствъ и пожаровъ. Здѣсь—садическое удовлетвореніе животныхъ чувствъ; тамъ предпріятіе, удачное съ точки зрѣнія его выгоды.

„Теперь, говоритъ М. Монторгейль²⁾, мы, знаемъ, что въ германской арміи, гдѣ ничто не предоставляется случайности, создались всѣ жестокости войны: что за нею ѣдутъ фургоны для награбленнаго и всѣ приспособленія для поджоговъ; что она возродила древніе жестокіе законы для плѣнныхъ; что она отрицаетъ священныя права раненыхъ; что для прикрытія отъ непріятельскаго огня она ставитъ на фронтъ своихъ армій женщинъ и дѣтей. И теперь нѣмцы ужъ не возмущаются, они гордятся тѣмъ, что составляетъ ихъ позоръ.“

Есть безчисленныя доказательства того, что варвары умышленно придаютъ этой войнѣ характеръ, свойственный ихъ природнымъ задаткамъ.

С. Пишонъ³⁾ утверждаетъ: „Что особенно ужасно въ проявленіяхъ германскаго верварства, такъ это та обдуманность и стройность, съ которыми оно проводится въ жизнь. Оно не возникаетъ подъ вліяніемъ вызваннаго битвой мимолетнаго возбужденія или чрезмѣрнаго напряженія силъ солдатъ, отдавшихъ насилію сраженія. нѣтъ, оно является продуктомъ душевнаго состоянія, вызваннаго приказомъ, оно тщательно подготовлено, иначе такой образъ дѣйствій никогда не могъ бы развиться и умножиться до такой степени.

¹⁾ П. Бурже. Уроки войны. XVIII. Ошибка Германіи. (Echo de Paris).

²⁾ L'Esclair, 14 Дек. 1914.

³⁾ Доказательства преднамѣренности. (Petit journal).

„On sait que les soldats allemands sont porteurs de tous les instruments de destruction nécessaires pour exécuter leur oeuvre de dévastation et de carnage: récipients de pétrole, bombes incendiaires, etc... On sait que toutes les mesures ont été prises par les officiers qui les commandent et les autorités qui les gouvernent pour assurer le pillage systématique des habitations privées, des magasins, des usines, et le transport en Allemagne des objets volés.“

Rien n'ayant été fait dans cette guerre sans ordre de la volonté suprême de Guillaume II, il demeure le grand inspirateur de tous ces actes criminels en général et des pillages en particulier. Sa famille s'est distinguée dans cet ordre d'idées. Des Princes pillards au XX-e siècle! Quel anachronisme! Tel est le résultat de la prussification. Que cette famille impériale des Hohenzolern, qui s'est appropriée militairement le bien d'autrui, méconnaissant les droits de la propriété et les lois de la guerre, abandonne sa devise: *suum cuique*—„à chacun son bien.“ Quand on fait mentir sa devise, on n'en est plus digne. Des richesses d'art ont été pillées en Belgique, en Pologne, en France et tous ceux qui en ont été dépouillés crient aux spoliateurs: *suum cuique*!

Aux yeux de l'Univers: Belges, Anglais, Français, Russes et Serbes étroitement unis contre le militarisme allemand prussifié, représentent *la conscience de l'humanité*, selon l'expressiou éloquente de l'Académicien Emile Faguet. ¹⁾

Nous vivons de l'adhésion des consciences humaines et de l'espérance dont le rayonnement, comme une couronne triomphale, brille au front de chacun des champions de la civilisation et du droit.

Baron de Baye.

¹⁾ Honnêtes gens par Emile Faguet.—Le Gaulois du 27 Décembre 1914.

„Извѣстно, что у всѣхъ нѣмецкихъ солдатъ есть всѣ необходимыя орудія для разрушенія и грабежа: сосуды съ керосиномъ, бомбы для поджога и т. д.... Извѣстно, что отдающими приказанія офицерами и ихъ высшими начальниками были приняты всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить планомѣрный грабежъ частныхъ жилищъ, магазиновъ, фабрикъ и переправлять въ Германію награбленныя вещи.“

Въ этой войнѣ ничто не было сдѣлано безъ приказа отъ высшей власти—Вильгельма II, онъ остается великимъ руководителемъ всѣхъ этихъ преступныхъ дѣлъ вообще, а въ частности—грабежей. Его семья отличилась въ этомъ направленіи. Въ XX вѣкѣ—принцы-грабители! Какой анахронизмъ! Таковы послѣдствія пруссификаціи. Пусть императорская фамилія Гогенцоллерновъ, военнымъ путемъ присвоившая себѣ чужое добро, поправшая законы собственности и правила войны, откажется отъ своего девиза: *sunt cuique*—„каждому свое.“ Когда девизъ становится лживымъ, люди ужъ не достойны носить его. Сокровища искусствъ были награблены въ Бельгіи, въ Польшѣ, во Франціи, и всѣ ограбленные взываютъ къ грабителямъ: *sunt cuique!*

На глазахъ всей Вселенной Бельгіицы, Англичане, Французы Русскіе и Сербы, въ тѣсномъ союзѣ противъ германскаго пруссификованнаго милитаризма, представляютъ изъ себя, по краснорѣчивому опредѣленію академика Эмиля Фугэ, *человѣческую совѣсть*.¹⁾

Мы живемъ, не отступая отъ челоуѣческой совѣсти, и надежда, какъ побѣдный вѣнецъ, блеститъ на челѣ у каждаго борца за цивилизацію и право.

Баронъ де Бай.

¹⁾ Честные люди, Эмиля Фугэ—*Le Gaulois* 27 Декабря 1914.

Рескриптъ о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей, 1769 года*)

Секретно.

Божіею милостію Мы, Екатерина вторая, императрица и Самодержица Всероссийская, и проч., и проч., и прочая.

Нашему астраханскому губернатору генераль-маіору Бекетову.

Обстоятельство войны настоящей между нашею Имперіею и Портою Отоманскою производитъ нужду мыслить, чтобы Турки не предусѣли какихъ либо предосудительныхъ видовъ произвести буде не въ разсужденіи цѣлой Персіи, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи живущихъ при Турецкихъ или при здѣшнихъ границахъ, сего государства подданныхъ.

Персія сама по себѣ терзаема своевольствами, обыкновеннымъ безъ начальства слѣдствіемъ, кажется, неудобна къ важнымъ предпріятіямъ.

Изъ полученнаго въ нашей Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ находящагося въ Зинзилинскомъ Каспійскаго моря портѣ консула

*) Не смотря на вѣронснѣдныя столкновенія и вѣковую вражду Персіи съ Турціей, камнемъ преткновенія которой служили расположенныя между ними страны Арменіи, Грузіи и Имеретіи, — Османское правительство при всѣхъ своихъ воинственныхъ съ Россіей дѣйствіяхъ обращало взоры на сосѣднихъ Персовъ и путемъ подговоровъ посылаемыхъ туда агентовъ (какъ это дѣлаетъ она и въ нынѣшнюю войну) старалось настроить ихъ враждебно противъ Русскихъ, хотя попытки эти не всегда удавались. Впервые такія дѣйствія были обнаружены въ первую Екатерининскихъ временъ войну съ Турціей, что и вызвало посылку настоящаго рескрипта, отысканнаго въ дѣлахъ Астрах. губ. архива. — П. Ю.

Боголюбова, отъ 15-го Октября прошлаго года, доношенія видно, что нынѣшней Персидской такъ называемой верховной повелитель, или Векиль-Керимъ-Ханъ, довольно упражненъ быть можетъ и дома усмиреніемъ мятежниковъ.

Между тѣмъ и самое положеніе границъ нашихъ съ Персією непреодоленные полагаютъ препятствія въ произведеніи съ персидской стороны войны формальной: отъ Кизляра до Царицынской линіи простирается пустыня, по Волгѣ селеній очень немного, но всѣ по большей части укрѣпленные, отъ завладѣнія которыми, причитая къ тому и Кизляръ съ Гребенскими городками, никакого пріобрѣтенія для Персіянъ быть не можетъ, но удержаніе которыхъ и черезъ короткое время трудно. Астрахань—одинъ въ сей сторонѣ городъ, отъ котораго пожитку имѣть было бь можно въ разсужденіи тамошняго купечества, окружены водою въ лѣтнее время, когда осаду производить надлежало бь и персіяне не имѣютъ такихъ судовъ, чтобъ. не смотря на сопротивленіе войти въ устье Волское.

Но какъ неуройство Персіи дѣлаетъ сообщеніе ея съ Портою, при нынѣшней нашей войнѣ, не только невѣроятнымъ, но и невозможнымъ, а предворительное удостовѣреніе о худыхъ успѣхахъ и въ всякое время для персидскаго владѣтеля, каковъ бы онъ беспокоенъ и предприимчивъ ни былъ и сколько бы въ произведеніи внѣшней войны собственной своей пользы и безопасности ни находилъ,—великимъ предудержаніемъ вступать съ нами въ разрывъ и по причинамъ, составляющимся изъ взаимныхъ между нашею Имперією и Персією дѣлъ, а только паче для угодности посторонней державы, что все и дѣйствительно въ 1743-мъ году доказалось, бесплоднымъ черезъ нѣкоторое время стояніемъ близко Кизляра съ сильнымъ войскомъ Персидскаго шаха Надира, который, наконецъ, однакожь, дальновидные свои замыслы оставить принужденъ былъ, несмотря, что противу его почти горсть здѣшнихъ войскъ выставлена была. Такъ теперь Порта, не имѣя уже ни малѣйшей нужды поступки свои относительно Персіи располагать, но уваженіе ко двору нашему, но получа всю свободу пользоваться настоящимъ сего государства смущеніемъ и малымъ тамошнему правителю подчиненіемъ, а въ протчемъ натуральнымъ образомъ должна будучи и всѣ способы употреблять къ благоуспѣшному съ своей стороны войны произведенію, статья можетъ, что и соблазнить подущеніями своими изъ персидскихъ подданныхъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ турецкихъ границъ, вступить въ свое подданство, а живущихъ въ сосѣдствѣ здѣшнихъ границъ и къ дѣйствительному

принятію въ войнѣ участія, потому что, начиная отъ Дербента до самого Кумыскаго народа, въ здѣшнемъ подданствѣ считающагося и живущаго блиско Кизляра,—пребываютъ не Персіяне, но персицкіе только подданные Дагестанцы, къ хищеніямъ склонные, никогда въ точномъ персидскомъ послушаніи, по крѣпости горъ, не бывшіе, а въ законѣ съ Турками безъ всякаго изъятія единогласные и по сей причинѣ къ нимъ и къ крымскимъ Татарамъ склонные.

Приобрѣтеніе Турками нѣкоторыхъ персидскихъ начальниковъ съ принадлежащими имъ мѣстами, предполагаемое не инако жь. но по достовѣрнымъ ея свѣдѣніи, что она не наведетъ на себя хлопотъ отъ Керимъ-Хана и отъ всѣхъ отечеству своему доброжелательныхъ Персіянъ, могущихъ съ ними согласиться въ сопротивленіи ея замысламъ, есть такой случай, которой со здѣшной стороны, при настоящемъ состояніи дѣла, отвратить, однако же, нѣтъ способовъ. Совсѣмъ тѣмъ оной нисколько и дѣйствовать не будетъ въ нашей съ Портою войнѣ.

Ежели одинъ знатный Персіянинъ друруго вступленіемъ своимъ въ Турецкое подданство и соблазнилъ бы, и Порта потому предупѣла бы и нѣсколькихъ къ себѣ преклонить, и Керимъ-Ханъ, смотря на такія происшествія, остался бы спокойнымъ по небреженію или по невозможности, но по крайней мѣрѣ Персіянъ въ свою службу Порта тотчасъ употребить не могла бы, а должна была бъ и свои въ тамошней сторонѣ войска, когда не умножить, для содержанія новыхъ подданныхъ въ порядкѣ, то, которые нынѣ тамъ, оставить неподвижными.

Такимъ образомъ, сколько ни важно для будущаго времени распространеніе турецкаго владѣнія въ Персію, въ сторонѣ отъ нашей Имперіи и отдаленной; но теперь не составляетъ еще сіе обстоятельство такой работы, какая настоятъ въ разсужденіи могущаго быти отъ нея другаго покушенія—склонить Дагестанцевъ, непосредственное по горамъ сообщеніе имѣющихъ съ Кубанскими народами, къ способствованію къ хану крымскому, тѣмъ больше, что по доношенію въ нашу Коллегію иностр. дѣлъ кизлярскаго коменданта ген.-м. Потапова отъ 20-го Генваря сего года и *дѣйствительно нарочной отъ Порты къ нимъ чрезъ хана Крымскаго уже отправленъ.*

Въ Дагестаніи знатнѣйшіе владѣльцы: Тарковскій шекааль, Хайдатской усмей и еще нѣкоторые, а народовъ множество, и всѣ храбрые.

Сія владѣльцы буде бы способны были согласиться между собою въ планъ общаго движенія, и имѣли всѣ дагестанскіе народы въ без-

прекословномъ подчиненіи; они по множеству ихъ, по крѣпкому ихъ состоянію, и по природной ихъ храбрости, великія дѣла произвести могли бѣ; но несообразность ихъ напротивъ того служить какъ бы оплотомъ всѣмъ важнымъ предпріятіямъ. Владѣльцы легкомысленны, въ намѣреніяхъ непостоянны, одинъ предъ другимъ кичливы, недовѣрчивы и собственную свою пользу всему предпочитаютъ. А народы тамошніе отдають послушаніе владѣльцамъ ограниченное собственнымъ своимъ произволеніемъ, или только древностію утвержденное, несмѣя владѣлецъ съ своимъ подчиненнымъ новаго и прежде небывалаго предпріять, храбрость ихъ терпѣніемъ не сопровождается, но истощается отложеніемъ случая. А языки въ Дагестаніи употребляются разные; ибо многіе народы внутри горъ находятся, хотя и въ близости между собою живущіе, но другъ друга неразумѣющіе.

Нѣтъ потому причины опасаться, чтобъ и дагестанцы въ угодность туркамъ составили порядочное войско и ополчась пошли производить осаду нашимъ пограничнымъ крѣпостямъ, а по полученіи перваго успѣха устремились совокупно и къ дальнѣйшимъ подвигамъ и предпріятіямъ, однимъ словомъ произвели и нанесли съ своей стороны войну не въ мелочи состоящую, они не такъ предуготовлены и не такъ расположены,—но весь плодъ турецкихъ поддѣуценій и дѣйствіе къ нимъ и татарамъ ихъ усердія, не смотря на внушенную дагестанцамъ и магометанскимъ закономъ къ христіанамъ ненависть, въ томъ состоятъ можетъ, что они шайками на помощь къ Кубанскимъ и Горскимъ на Кубанѣ же живущимъ народамъ ходить будутъ, и сверхъ того и подъ здѣшнія мѣста для воровства подбѣгать, ежели только кумыки—потому что жилищъ и мѣстъ ихъ, производя дагестанцамъ послѣднее намѣреніе, миновать можно,—въ томъ имъ не воспрепятствуютъ.

Кумыки, хотя и магометане, но приобыкшіе издавна считать себя Россійскими подданными, довольно спокойны были въ послѣднюю турецкую войну; равнымъ образомъ и вообще всѣ Дагестанцы въ оной отнюдь не участвовали, но едва ли тогда Порта Отоманская и мыслила приводить первыхъ въ развратъ противъ здѣшней стороны, а послѣднихъ въ подвижность въ свою пользу.

Трудно повѣрить, не смотря на всѣ турецкіе происки, чтобъ и нынѣ кумыки явнымъ образомъ оказали себя противными, пока въ тамошней сторонѣ дѣла остаются будутъ небольшие, какъ только въ равновѣсіи съ обоихъ сторонъ. Положеніе ихъ жилищъ, блиско Кизлярской крѣпости, отнюдь не дозволяетъ имъ поступать всѣмъ вообще

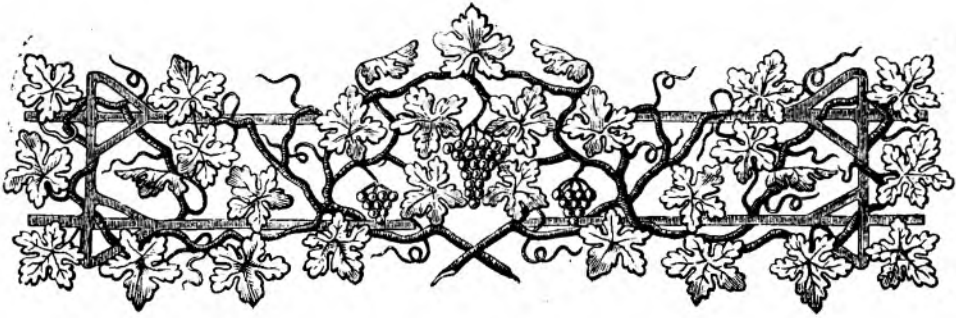
по намѣреніямъ здѣшняго непріятеля, когда находится оной въ состояніи привести ихъ на всегда въ безопасность отъ послѣдующаго потомъ за нарушенія вѣрности возмездія, но желательно, чтобъ они неспособствовали ему ни въ чемъ и непосредственнымъ образомъ, и чтобъ и дегестанцы, по прежнему, остались безъ сообщенія съ живущими на Кубани турецкими подданными, ибо сперва поползновенность къ тому и немногихъ дагестанцовъ, которые на Кубанѣ безъ сумнѣнія будутъ ласкаемы и всевозможные способы имъ доставляемы къ полученію добычи отъ нашихъ подданныхъ,—можетъ, наконецъ, какъ нѣкоторая прилипчивость, и множество изъ нихъ заразить и собрать на Кубань въ подрѣшеніе тамошнихъ народовъ.

Дано уже повелѣніе отъ нашей коллегіи иностр. дѣлъ еще 30-го Ноября прошлаго 1768-го года обоимъ, находящимся въ Персіи консуламъ, Боголюбову и Сулякову освѣдомляться и сюда доносить объ отъѣздахъ Персіянъ по случаю происходящей у насъ съ Портою войны и о получаемыхъ съ Турецкихъ границъ извѣстіяхъ: а поступки кумыкъ и дагестанцевъ остается наблюдать Кизлярскому коменданту, посылая къ тѣмъ и другимъ время отъ времени подъ причными предлогами нарочныхъ для развѣдываніевъ, и утверждая первыхъ въ должной вѣрности, а послѣднихъ сколько возможно стараясь содержать къ нашей сторонѣ въ доброжелательствѣ и хотя черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ надежнѣйшихъ кумыкъ отводить, чтобъ они съ Кубанцами блиско не познакомились.

Вы сообщите съ сего рескрипта коменданту для исполненія точную копію, а при томъ и консуламъ, по содержанію онаго, повторите о всемъ томъ, чтобъ ни происходило при Турецкихъ границахъ, или въ близкихъ мѣстахъ отъ нашихъ. Сія самая должность равнымъ образомъ лежитъ и на васъ, но колику въ Астрахани отъ пріѣзжающихъ туда о чемъ либо также увѣдомляться будетъ можно.

Данъ въ Санктъ Петербургѣ 28-го Марта 1769-го года по Ея І. В-ва указу: гр. Н. Панинъ. к. А. Голицынъ.

Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру

(Эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877-78 гг.)

Въ великую историческую эпоху, переживаемую нами, считаемъ не безполезнымъ вспомнить подвиги нашихъ моряковъ въ послѣднюю войну нашу съ Турціей. Нижеприводимыя данныя намъ кажутся достойными вниманія не только потому, что опубликовываются впервые, но и по личности руководителя нападенія на турецкую эскадру, генераль-адъютанта Дубасова¹⁾, бывшаго тогда простымъ лейтенантомъ. Впечатлѣніе неустрашимости, съ коей Дубасовъ рѣшился на обыкновенныхъ шлюпкахъ атаковать непріятельскую эскадру, усиливается еще какъ увидить читатель, тѣмъ обстоятельствомъ, что турки предусматривали это нападеніе, принявъ противъ него своевременно всѣ возможныя мѣры. Нижеописываемое событіе интересно еще и потому, что даетъ представленіе о томъ, какъ нужно пользоваться минами— не употреблять ихъ безъ разбора, что мы наблюдаемъ въ настоящей войнѣ, гдѣ онѣ направляются даже противъ странъ нейтральныхъ, а только противъ непріятели, и притомъ только вооруженнаго. Даемъ описаніе атаки со словъ самого Дубасова въ рапортъ его главнокомандующему²⁾.

„Планъ атаки, объявленный мною участникамъ экспедиціи былъ таковъ. Всѣмъ 4 катерамъ по вступленіи въ Мачинскій рукавъ (Дунай)

¹⁾ Извѣстнаго участника Парижской слѣдственной комиссіи по улаженію Гульскаго инцидента на Доггеръ-банкѣ. Его самоотверженная и искусная защита русскихъ интересовъ въ столь тяжелое для насъ время еще ждетъ своего обнародованія; материалы, содержащіяся въ Петроградскомъ морскомъ архивѣ проливаютъ яркій свѣтъ на эту дѣятельность Дубасова.

²⁾ Центральный Черноморскій Военно-морской Архивъ, дѣла Николаевской призовой комиссіи, вѣзка № 12, стр. 10 слѣд.

идти строемъ кильватера (т. е. другъ за другомъ) подь берегомъ, пока не увидятъ непріятеля. Порядокъ строя былъ слѣдующій. Катеръ „Царевичъ“—я, впереди, за нимъ катеръ „Ксенія“—лейтенантъ Шестаковъ, далѣе „Джигитъ“—мичманъ Персонъ, и послѣднимъ „Царевна“—мичманъ Баль. Въ моментъ, когда, увидѣвъ непріятеля, я уменьшу ходъ и нѣсколько отойду отъ берега на середину рукава, катера представляются въ строй колонны, по два въ рядъ Впереди „Царевичъ“ и „Ксенія“, позади „Джигитъ“ и „Царевна“.

Отъ самаго устья рукава и до момента атаки приказано было идти малымъ ходомъ, для того, чтобы довести до минимума шумъ отъ машины и отъ воды. По приближеніи къ непріятелю я прибавляю ходъ и нападаю первымъ; поддерживаеьт нападеніе Шестаковъ; Персонъ оказываетъ помощь въ случаѣ несчастія съ нападающей шлюпкой и Баль остается въ резервѣ.—Если первое атакуемое судно послѣ взрыва окажется для насъ безвреднымъ, то лейтенантъ Шестаковъ, не ранѣе впрочемъ, какъ получивъ мое согласіе, нападетъ на второе судно; мичманъ Персонъ тогда поддерживаетъ нападеніе; Баль подаетъ помощь и я остаюсь въ резервѣ.

Послѣ второго удачнаго взрыва такимъ же образомъ атакуютъ третье судно, мичманъ Персонъ, поддерживаетъ нападеніе мичманъ Баль, подаю помощь я, и находится въ резервѣ Шестаковъ. Ночь съ 13-го на 14-ое Мая была хотя и облачная, но не совсѣмъ темна, т. к. луна почти во все время экспедиціи находилась надъ горизонтомъ; легкій вѣтерокъ дулъ отъ насъ, и такимъ образомъ, относя шумъ движущихся шлюпокъ по направленію къ непріятелю—скорѣе вредилъ, чѣмъ содѣйствовалъ успѣху дѣла. Катера впрочемъ подвигались впередъ безъ всякаго шума и только мнѣ приходилось въ этомъ отношеніи испытывать большія затрудненія.—На катерѣ „Царевичъ“ (взятымъ отъ румынскаго правительства) отработавшій паръ, проведенный въ теплый ящикъ служить частью для питанія котла, частью же выпускается въ дымовую трубу и усиливаетъ этимъ тягу въ топку; выходя въ трубу, онъ, какъ и всегда, при подобнаго рода устройствѣ, довольно громко вторитъ движеніямъ поршня парового цилиндра и черезъ то производитъ хорошо извѣстный шумъ. Есть возможность приостанавливать этотъ шумъ, на нѣкоторое время прекращая доступъ пара въ дымовую трубу, но тогда паръ въ котлѣ быстро падаетъ, и чтобы поднять его, нужно, или останавливать машину, или снова, чтобы усилить тягу пустить въ трубу отработавшій паръ.—Еще засвѣтло, 13-го числа, мы хорошо осмотрѣли съ береговыхъ высотъ положеніе непріятеля. Прибли-

жившись къ предполагаемому мѣсту ихъ стоянки. я приказалъ прекратить выпускъ пара въ дымовую трубу—и сталъ подвигаться впередъ безъ всякаго шума, но паръ скоро упалъ до 32 фунтовъ, и я вынужденъ былъ на время остановить машину.—Впослѣдствіи, уже увидѣвъ турецкія суда, я вынужденъ былъ останавливать машину еще четыре раза, и т. к. эти задержки могли возбудить вниманіе и вообще вызвать весьма вредныя послѣдствія. то послѣ послѣдней остановки, во время которой я объявилъ Шестакову, что начинаю нападеніе, я приказалъ пустить отработавшій паръ въ трубу, прибавить ходу и пошелъ на ближайшій изъ турецкихъ мониторовъ. истребленіе котораго было нашей главнѣйшей задачей. Разстояніе отъ него было въ это время приблизительно до 60-ти сажень. но несмотря на шумъ моей машины окликъ часового послѣдовалъ не ранѣе какъ на разстояніи 35-ти сажень. Я теперь узналъ, что отвѣтъ мой былъ сдѣланъ неправильно, и что военныя шлюпки на окликъ часового отвѣчаютъ совершенно иначе, такъ что появленіе мое тотчасъ же вызвало тревогу.—Прислуга отъ орудій спала, очевидно, на верхней палубѣ и поднялась на ноги тотъ часъ же послѣ перваго сигнальнаго выстрѣла изъ ружья. Я подозреваю, что наша экскурсія въ предшествующую ночь была замѣчена, и что на всѣхъ трехъ турецкихъ судахъ еще съ вечера была пробита полная тревога. Справедливость этого предположенія подтверждается еще тѣмъ, что всѣ три судна, какъ оказалось впослѣдствіи, передвинулись отъ обыкновеннаго мѣста своей стоянки, уже послѣ того, какъ стемнѣло, значительно ближе къ Мачиву. Слѣдовательно нападеніе наше, если не ожидалось, то, во всякомъ случаѣ, допускалось. Мониторъ стоялъ подъ парами, и замѣтивъ насъ, могъ нанести больше всего вреда огнемъ своихъ кормовыхъ орудій, стоящихъ на верхней палубѣ. Я рѣшился поэтому нанести ему ударъ въ кормовую часть и тѣмъ лишить его одновременно двигателя и возможности наносить намъ вредъ. Взявъ направленіе на его лѣвую кормовую раковину, я направилъ ударъ правой носовой шестовой мины¹⁾ нѣсколько выше этой раковины, т. е. ближе къ серединѣ судна. Проводники отъ автоматическаго замыканія я приказалъ примкнуть къ батареѣ, а проводники для взрыва по желанію имѣть въ рукѣ и быть готовымъ замкнуть токъ во всякій моментъ. Расчетъ мой скоро оправдался:—почти вслѣдъ за сигнальнымъ выстрѣломъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ кормоваго орудія, но произошла осѣчка, за первой осѣчкой послѣдовала вторая и третья: послѣ третьей я уже нанесъ монитору ударъ и

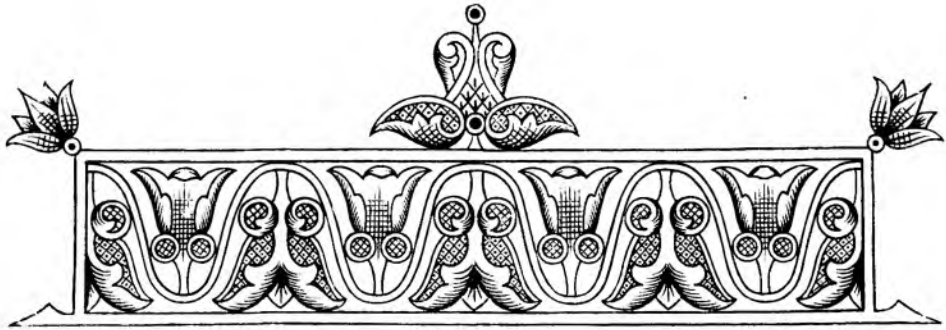
¹⁾ Мины старой конструкціи, бывшія въ употребленіи до изобрѣтенія самодвижущихся торпедъ Уайтхеда.

кормовая часть его была взорвана. Взрывъ послѣдовалъ отъ автоматическаго замыканія цѣпи, и мина, очевидно, ударила о подводную часть, около кила, впереди передняго ахтеръ-штевня.—Обнаженіе кормовой подводной части монитора, очевидно, способствовало всплеску воды вверхъ и этимъ всплескомъ катеръ залило.—Черный столбъ дыма и мелкихъ обломковъ поднялся приблизительно до высоты 20 фут. Мелкіе обломки мебели попавшіе въ катеръ, очевидно, свидѣтельствовали, что пороховые газы прорвались вверхъ сквозь обшивку судна и всѣ палубы.—Команда монитора быстро бросилась съ кормы на носъ, и дифферентъ его сталъ быстро измѣняться.—Я сначала принялъ мѣры къ спасенію своихъ людей, но убѣдившись, что катеръ не погружается болѣе того, какъ онъ сѣлъ въ первый моментъ послѣ взрыва—я приказалъ употребить всѣ старанія, чтобы дать задній ходъ—и пустить въ ходъ паровой эжекторъ для выкачиванія воды. Въ это время, поврежденный мониторъ, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ одного изъ башенныхъ орудій; тогда я предложилъ лейтенанту Шестакову нанести ему второй ударъ.—Давши тотчасъ же полный ходъ впередъ—онъ нанесъ этотъ ударъ почти противъ самой башни, нѣсколько позади ея, и одновременно со вторымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ опять изъ башеннаго орудія. Лейтенантъ Шестаковъ взорвалъ свою мину по желанію и подвелъ ее, какъ нужно предположить, подъ самый киль, т. к. носомъ своимъ онъ уперся въ бортъ монитора, и мина находясь отъ форштевня катера на разстояніи 20-ти фут., была какъ разъ подъ половиною ширины судна. Результатомъ взрыва былъ такой же сильный прорывъ газовъ, какъ и въ первомъ случаѣ; доказательствомъ того могло послужить паденіе вмѣстѣ съ прочими обломками каютнаго щита, упавшаго тотчасъ же за кормою катера „Ксенія“.—Послѣ второго взрыва мониторъ не могъ уже продолжать артиллерійскій огонь и тѣмъ съ болшей энергіей продолжалъ ружейную стрѣльбу такъ, что ни мой, ни Шестакова катера не могли быстро отойти отъ него:—у Шестакова запутался въ обломкахъ винтъ, а мой катеръ былъ полонъ воды; я обратилъ всю команду на откачиваніе воды ведрами, пока мѣсть не пустили въ ходъ парового эжектора, и потому всѣмъ велѣлъ положить ружья; Шестаковъ же—во все время работы съ винтомъ и до самаго момента погруженія въ воду башни монитора, поддерживалъ противъ непріятеля самый дѣятельный ружейный огонь. Съ прочихъ судовъ, т. е. съ другого монитора и съ парохода, огонь начался одновременно съ тѣмъ, какъ его открылъ мониторъ, избранный нами для потопленія.—На пароходѣ, очевидно, поставлены только однѣ гладкостѣнные пушки и прислуга его не особенно бойко управляется у орудій. Артиллерійскій огонь его былъ весьма слабый, быть можетъ, еще и потому, что онъ

стоя ближе къ намъ, нежели второй мониторъ (около 60-ти сажень) и имѣя палубу значительно болѣе поднятую надъ водою, не могъ хорошо наводить на насъ орудіе.—Второй мониторъ занималъ относительно насъ положеніе очень выгодное и батарея его могла обстрѣливать насъ безъ всякаго затрудненія; орудія ихъ, очевидно, были наведены заранѣе, т. к. въ то время, когда мы находились у самага взорваннаго монитора, снаряды ложились у насъ большею частью за кормовою, а потомъ, когда теченіемъ насъ отнесло нѣсколько назадъ, то они перелетали надъ самыми головами нашими.—Ружейный огонь съ обоихъ судовъ былъ тоже чрезвычайно дѣятельный и очень можетъ быть, что онъ своимъ принесъ больше вреда, чѣмъ намъ, такъ какъ пули ложились около погибшаго монитора въ то время, когда мы не могли отойти отъ него“.

В. Голубевъ.

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКОГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

I.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій...

А. Пушкинъ.

Послѣдній часъ 1831-го года былъ на исходѣ. Наступилъ 1832-й годъ. Отрядъ лѣваго фланга Кавказской линіи былъ расположенъ по тремъ горнымъ ступенямъ, на которыхъ раскинутъ огромный Ауховскій аулъ, такъ называемый *Араксу Аухъ*.

Сакли, покинутыя жителями, служили кровомъ нашимъ воинамъ: по всѣмъ улицамъ лежали замерзшіе трупы туземцевъ; аулъ взятъ на копье: по всѣмъ окрестностямъ, въ кустахъ, скрывался непріятель. Въ продолженіи цѣлаго дня русское войско занималось прибираніемъ убитыхъ и раненыхъ своихъ соотчичей.

Въ 9 часовъ утра, генералы, штабъ и оберъ офицеры стали съѣзжаться къ саклѣ, занятой отряднымъ начальникомъ для поздравленія съ наступившимъ новымъ годомъ. Иные не доѣхали, будучи свалены дорогою съ коней мѣткими пулями скрывавшагося непріятеля: другіе уже на сборномъ мѣстѣ падали отъ вражескихъ выстрѣловъ. Раненыхъ тотчасъ уносили въ полковые лазареты.

Чуденъ былъ нарядъ съѣхавшихся съ поздравительнымъ визитомъ. На сюртукахъ иныхъ видѣлись свѣжіе слѣды крови, у другихъ— пороховой сажи; у нѣкоторыхъ они были истерты и даже изодраны отъ трудныхъ походовъ, либо прожжены у бивуачныхъ огней; эполетъ ни на комъ не было; многіе вмѣсто сапогъ носили безобразную войлочную обувь, которая доказывала, что ноги ихъ пострадали отъ морозовъ во время прокладыванія тропъ по нетоптаннымъ снѣгамъ.

Отворилась дверь отряднаго начальника, и Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ вышелъ. Снявъ свою кабардинскую шапку, онъ всемъ поклонился и сказалъ: „Благодарю покорно, господа, и я васъ также поздравляю съ новымъ годомъ! Кто со мною проходитъ этотъ годъ, тотъ вѣкъ меня не забудеть!“ Послѣ того онъ надѣлъ шапку и вошелъ опять въ саклю.

Начались толки между присутствующими.

„Видно они намѣренъ насъ поводить нынѣшній годъ!“—говорилъ одинъ.

— Э, братъ!—отвѣчалъ бѣлоусый старый капитанъ, служившій уже 90 лѣтъ на Кавказѣ—страшенъ сонъ, милостивъ Богъ! Кашу масломъ не испортишь, а солдата походомъ, давай только вѣрону крови, на то созданы!

„Жены или дѣти у насъ что ли? Волкъ меня зарѣжь!“ воскликнулъ пятидесятилѣтній плѣшивый маіоръ.

— Ну да, все прекрасно!—замѣтилъ одинъ полковой командиръ: „да, больно холодно, пора бы выпить водки.“

„Правда, правда ваша!“—закричали новые голоса. „Мы идемъ къ вамъ выпить водки, у насъ вся вышла.“

— Милости просимъ, господа, сколько можетъ васъ помѣстить моя сакля, прошу пожаловать.—

„Я ручаюсь что у него нѣтъ мѣста и для трехъ“, замѣтилъ насмѣшливо одинъ артиллерійскій полковникъ. „У этого хлѣбосола есть особый даръ находить клѣтку вмѣсто сакли, строить одиночный себѣ балаганъ; а о палаткѣ нечего ужъ и говорить,—чудо, какъ онъ въ нее влѣзаетъ.“

— Ну да, да, господа! Я держусь пословицъ: скупость не глупость: въ походѣ хлѣбъ соль пополамъ, а табачокъ и водочка врозь.

„Хорошо вамъ шутить, господа!“ замѣтилъ другой, высокій, рѣдковолосый, женатый полковой командиръ: „а право пора на линію, хотя бы на нѣсколько дней, люди совсѣмъ оборвались, босые, провизіи истощены, даже сухарей остается очень мало.“

— А дѣло-то въ томъ—прибавилъ казачій полковникъ, курляндскій уроженецъ—что у нѣкоторыхъ жены на линіи скучаютъ.

„Полно шутить, старый гусарь“, отвѣчалъ женатый полковникъ: „не объ женахъ идетъ рѣчь, а о солдатахъ.“

— Все пустое!—возразилъ Курлянецъ—въ чемъ бѣдны люди? Можеть ли положеніе быть хуже линейнаго казака: вѣчно на конѣ, бурка ему и кровь, и палатка, и шуба. А спросите моихъ орловъ, они скажутъ вамъ, что нѣтъ жизни лучше походной, мяса вкуснѣе отбитой баранты.

„Ну такъ!“ сказалъ скупой командиръ полка, „гусару легко плакать надъ положеніемъ своего казака; а посмотрите-ка на пѣхотнаго солдата, хоть, на примѣръ, на часоваго отряднаго начальника, жалость да и только!“

Всѣ обратились къ указываемому солдату, на головѣ котораго была полусгерѣвшая кабардинская мохнатая шапка, а на амуниціи накинута въ видѣ бурки старый, изодранный коверъ, отнятый у непріятеля; два войлочные мѣшка съ дырками, подвязанные сыромятными ремнями, составляли обувь этого продрогшаго часоваго. Онъ ходилъ съжившись взадъ и впередъ очень быстро, дабы быстротою движенія сохранить должную теплоту въ замерзающихъ членахъ.

Всѣ молчали, одинъ толстый докторъ, завернутый въ пушистую енотовую шубу, покрытую тонкимъ сукномъ, скоро прервалъ это молчаніе.

„Воля ваша, господа!“—сказалъ онъ: „а мнѣ право кажется, что вы любите преувеличить трудности походовъ. Правду сказать, я уроженецъ сѣверной Германіи, а потому и не боюсь морозовъ. Вы всѣ жалуетесь на теперешнюю стужу, а по мнѣ, такъ температура прекрасная и здоровая; вотъ вамъ примѣръ я самъ: до похода я вынужденъ былъ отказывать себѣ въ двухъ любимыхъ вещахъ—кюнель-вассеръ и голландскія сельди. Теперь всякое утро я сѣдаю цѣлую селедку и выпиваю по чаркѣ кюнель-вассера; между тѣмъ, благодаря Бога, чувствую себя прездоровеховымъ.“

— Да, да, потому что ты Нѣмецъ—возразилъ съ замѣтною досадою скупой полковникъ.

„Прошу не забываться“ отвѣчалъ ему докторъ: „иначе я пожелаю отрядному начальнику, онъ васъ арестуетъ.“

— Ахъ ты негодный! Какъ смѣешь клеветать на Алексѣя Александровича—съ жаромъ произнесъ полковой командиръ, подходя ближе къ доктору и сжимая кулаки.—Развѣ ты забылъ, что онъ Русскій, а не Нѣмецъ, твой братъ? Понимаешь!—

Въ эту минуту провизжала пуля; одинъ офицеръ упалъ раненый. Нашъ эскулапъ, нагнувшись отъ визга пули поскользнулся и запутавшись въ шубѣ упалъ. Увидѣвъ кровь, текущую изъ раны офицера, онъ обезумѣлъ и отчаяннымъ голосомъ кричалъ собранію: „помогите, помогите, я раненъ.“ Всѣ хохотали, даже и самъ раненый. Однако испуганнаго доктора подняли на ноги. Вечеромъ по отряду пронесся слухъ, будто его поднимая презрѣдно пощипали, даже поколотили.

День кончился, какъ обыкновенно водится, на стоянкахъ, карточною игрою и разговорами. Всѣ повторяли слова отряднаго начальника: „кто со мной проходитъ нынѣшній годъ, тотъ вѣкъ меня не забудетъ!“ Многіе старались разгадать загадку этихъ словъ: думалъ ли онъ положить конецъ войнѣ въ этомъ краю, или предвѣщалъ неслыханные труды и небывалое еще кровопролитіе? Кто готовился погибнуть въ бояхъ того года, а кто быть изувѣчену; но къ чести отряда замѣтимъ, что никто и не думалъ перетолковать словъ начальника въ свою пользу, т. е. что подчиненные его не забудутъ за награды, которые онъ намѣренъ въ этотъ годъ имъ доставить. Правда, всѣ знали разборчивость и справедливость Алексѣя Александровича Вельямина, да при томъ всякій зналъ что не отстанетъ отъ товарищей при случаѣ отличиться.

Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ отрядъ, перенесшій всѣ ужасы зимняго похода: стужу, голодъ, всякаго рода лишенія, ознакомясь съ мясомъ кошекъ и собакъ, блуждавшихъ по покинутымъ жителями ауламъ, въ половинѣ марта отрядъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Терека. Несмотря на все это, веселость и безпечность русскаго кавказскаго солдата ни на минуту его не покидала; самыя жестокія лишенія не измѣнили его характера. Цѣлые батальоны, втаскивая артиллерію на крутизну горъ, покрытыхъ облаками, по глубокимъ

снѣгамъ, увѣряли, что отрядный начальникъ хочетъ вести ихъ ближе къ Богу. Проведя нѣсколько дней не ѣвши, въ числѣ солдатъ находились такіе, которые шли переходы, приплясываячи, увѣряя товарищей, что они сдѣлались такъ легки, что иначе не могутъ идти—и батальоны хохотали. Возвратясь изъ столь труднаго похода, эти истинно праведныя созданія изливали свою радость волокитствомъ, ухаживали за казачками, выѣзжавшими къ нимъ съ чихиремъ, булками и пр. Каждый наперерывъ старался разсмѣшить другихъ какимъ либо острымъ двусмысленнымъ словомъ или пошlostію, сказанною булошницамъ и чихирницамъ; но эти рѣдко отвѣчали войнамъ веселою улыбкою, большею частію они ворчали и прятали деньги, получаемыя за сбытый товаръ.

Наконецъ истомленныя роты расположились по квартирамъ въ станицахъ. Кто можетъ себѣ представить блаженство уцѣлѣвшихъ воиновъ, незнавшихъ отдыха, согрѣтыхъ теперь въ теплыхъ домахъ горячими объятіями милыхъ, привѣтливыхъ терекскихъ казачекъ? Не разбирая чиновъ, всякій стремился къ одной и той же цѣли, правда, незамысловатой и немудреной, не требующей ни познаній, ни ума, однако необходимой для рода человѣческаго!

„Кому ума не доставало...“

говорить нашъ покойный Грибоѣдовъ.

Сначала нѣкоторыя казачки вооружились твердостію и цѣломудріемъ: но это продолжалось только съ недѣлю или много двѣ: а потомъ когда появились на станичныхъ лѣвицахъ новые наряды и украшенія—это потрясло всю рѣшительность степенныхъ дочерей Терека! Таковы женщины! Та, которую не поколеблетъ и стремленіе сердца, ни жаръ полуденной крови, ни честолюбіе, словомъ никакія страсти души и сердца, та не можетъ устоять противъ искушеній новаго наряда. Увы! такова женская добродѣтель! разумѣется, я говорю о добродѣтели казачьихъ женъ и дочерей.

Былъ великій постъ. Унылый торжественный колоколъ ежедневно сзывалъ православныхъ къ молитвѣ и покаянію. Сколь глубоки впечатлѣнія, производимыя заунывнымъ, великопостнымъ звономъ, особливо, когда долгое время его не слышишь! Пробужденный христіанинъ невольно крестился: въ душѣ его отзывалось какое-то глубокое, сильное чувство. Творецъ, молитва, покаяніе, будущая жизнь—все это роится въ мысляхъ его и наполняетъ душу кроткимъ смиреніемъ. Онъ знаетъ,

что этотъ звукъ пробуждаетъ во всѣхъ одно и то же чувство; онъ любить ближнихъ своихъ, какъ братьевъ, какъ дѣтей единаго Отца; даже бремя существенной жизни дѣлается ему сноснымъ, почти легкимъ.

Однако распущенному отряду не удалось и поговѣть. Проскакала какъ вихрь тройка. Она мчалась такъ быстро, что колокольчикъ едва звенѣлъ. Молодой офицеръ подскакивалъ къ квартирамъ военнаго и станичнаго начальниковъ, выбѣгалъ, опять садился на свѣжую тройку и въ станицѣ все кипѣло, все суетилось. Гдѣ-бъ солдаты ни были, что бы ни дѣлали, были ли въ церкви или спали дома, ихъ поспѣшно выгоняли; всюду слышалось магическое приказаніе: „скорѣй, выходи!“ и прибавлялось:—въ походъ! Станичные начальники съ атаманами своими и десятниками выгоняли солдатскій провіантъ. Велѣно идти форсированнымъ маршемъ.

Въ одинъ день дорога вверхъ по Тереку, на протяженіи болѣе ста верстъ, оживилась множествомъ войскъ, загромодилась пушками съ ихъ ящиками, повозками съ провіантомъ и пр. Адъютанты неслись на курьерскихъ сломя голову, безъ нужды и цѣли.

Причина всей тревоги была та, что Газы-Мулла, собравъ многочисленныя толпы, пошелъ на Низрановское племя, которое не соглашалось принять его таригата [догмата вѣры] и оставалось вѣрнымъ Русскимъ. Онъ хотѣлъ силою увлечь за собою Низрановцевъ; но встрѣтилъ съ ихъ стороны неожиданный отпоръ. Племя это мужественно боролось съ многочисленнѣйшимъ непріателемъ, поджидая помощи отъ нашихъ войскъ. Отрядъ долженъ былъ спѣшить къ нему на выручку.

Газы-Мулла съ полчищами отступилъ, когда увидѣлъ приближеніе русскаго войска. Терекскому отряду только оставалось возвратиться, хотя на короткое время, на свои квартиры, гдѣ ему необходимо было обшиться и обуться.

II.

Son Dieu était la volonté! La puissance son idéal! La force son élément de vie!

Spiridion de Georges Sand.

По переправѣ русскаго отряда на лѣвый берегъ Терека. Газы-Мулла не отдыхалъ. Этотъ предприимчивый Мулла, воинъ и законодатель не терялъ времени. Онъ раздувалъ мятежъ, разжигалъ фанатизмъ дикихъ племенъ Кавказа, призывалъ ихъ къ *козиветту* [священной

войнѣ] и независимости. Между тѣмъ онъ порабощалъ умы, заковывая ихъ страхомъ казней, страхомъ будущей жизни и неизбѣжной, неумолимой кары Божіей; обольщалъ ихъ корыстолюбіе льстивыми обѣщаніями, сулилъ имъ имущества *муртатовъ*,¹⁾ падшихъ во власть *мюрридовъ*²⁾, распространяя это и на женъ муртатовъ, ведущихъ хлѣбъ соль съ гяурами. Однимъ словомъ онъ созидалъ себѣ державу, избравъ главнымъ мѣстомъ пребыванія крѣпость *Агачь-Калу*.³⁾

Газы-Мулла посвящалъ дни свои проповѣдыванію новаго ученія, молился торжественно Творцу вселенной, предсказывалъ будущее и тѣмъ заслужилъ въ суевѣрномъ мнѣніи народа почетныя прозвища: *муришати* [учителя], *имани* [апостола] и *пегамбари* [пророка]. Этого мало, онъ творилъ судъ и расправу въ подвластныхъ ему племенахъ, издавалъ законы, безпрестанно писалъ къ горнымъ обществамъ, настаивалъ ихъ мятежу и возстанію противъ Русскихъ, распредѣлялъ мѣста подь укрѣпленія, укрѣплялъ ихъ, чтобы предупредить всякое погущеніе русскихъ отрядовъ, посылалъ наказывать деревни, отказывающіяся отъ его *торната*, штрафовалъ цѣлыя общества, казнилъ и рѣзалъ головы провинившимся, и когда краснорѣчіе его не убѣждало, тогда прибѣгалъ къ огню и мечу, обращалъ все въ пепелъ и потоки крови; однимъ словомъ, бралъ силою то, чего не могъ покорить убѣжденіемъ. Случалось, что Газы-Мулла внезапно исчезнетъ; всѣ поиски останутся тщетны; но вскорѣ онъ вдругъ, неожиданно появится съ новыми нравственными силами, съ новою твердостію, съ новою предпримчивостію и часто съ новыми идеями. Это заставляло народъ

1) *Муртатъ*, вѣроотступникъ, *général*.

2) *Мюрридъ*, ученикъ. Газы-Мулла называлъ такъ послѣдователей своего ученія.

3) *Агачь-Кала* была первой крѣпостію Газы-Муллы и первымъ пристомъ мюрридовъ. Она находилась на вершинѣ Карапайскаго хребта, по дорогѣ отъ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуры къ укрѣпленію Зирани и была окружена высокими деревянными стѣнами. Въ 1832 году крѣпость эта была взята съ бои русскимъ войскомъ и уничтожена. Пронесеніе это сливается съ горестнымъ воспоминаніемъ о смерти храбраго полковника Миклашевскаго, который вскочилъ первый на стѣны, желая подать примѣръ мужества командующему имъ полку. Онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, оплакиваемый тѣми, которые его знали и уважали. Щадимый въ послѣднихъ войнахъ гибельныхъ климатомъ Персіи и кровопролитными боями Турціи, онъ легъ наповаль на деревянныхъ стѣнахъ Агачь-Кала, въ дремучихъ лѣсахъ Дагестана. Храбрый мужъ! ты разстался съ жизнію въ порывѣ мужества, не чувствуя предсмертной тоски! Но что осталось послѣ тебя? По дорогѣ этой ежедневно проѣзжаютъ путешественники, проходятъ цѣлыя отряды, — и проводникъ — Дагестанецъ, указывая пальцемъ на остатки рва, говоритъ зѣвая: „вонъ тамъ была Агачь-Кала, крѣпость Газы-Муллы!“ Но никто не скажетъ: „тутъ погибъ Миклашевскій съ горстію храбрыхъ!“ Остались ли, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ твоихъ сподвижники, свидѣтели твоего геройства? Увы! вотъ слава Кавказа!...

думать, что *Иманъ* бесѣдовалъ съ Аллахомъ или по крайней мѣрѣ съ Магометомъ. Чѣмъ сильнѣе были его отлучки, тѣмъ сильнѣе вкоренились баснословныя вѣрованія посреди этихъ суевѣрныхъ племенъ, тѣмъ таинственнѣе дѣлался характеръ *Имана*.

По возвращеніи съ одной изъ этихъ отлучекъ, *Иманъ* объявилъ, что Аллахъ повелѣлъ ему воздвигнуть въ горахъ первопрестольный храмъ, гдѣ духовенство, поставленное этою мечетью, одно будетъ признано истиннымъ, правовѣрнымъ; что всѣ прочіе—лжецы, обманщики, богоотступники, что Аллахъ повелѣваетъ каждому мюриду, правовѣрному истреблять, умерщвлять муртатовъ, и въ награду даетъ имъ все имущество убіенныхъ. Этотъ храмъ былъ заложенъ въ Ново-Андреевской деревнѣ: но въ зимній походъ 1832-го года генерала Вельяминова былъ срытъ и стѣны его опрокинуты. Газы-Мулла покинулъ на нѣкоторое время намѣреніе закладывать новую первопрестольную мечеть: но въ настоящую пору—его положеніе измѣнялось, власть увеличилась, онъ видѣлъ себя властелиномъ, у него было имущество. Иману нужна была уже не ничтожная крѣпость Агачь-Кала; но мѣсто, гдѣ было бы защищено, какъ отъ поисковъ русскихъ войскъ, такъ и отъ кичливости его соотчичей, нетвердыхъ въ преданности своей, необузданныхъ дѣтей горъ. Для этого онъ избираетъ селеніе Гимры, лежащее въ неприступныхъ тѣснинахъ горъ; единственную тропу ведущую къ владѣніямъ Русскихъ заграждаетъ тремя рядами огромныхъ, каменныхъ, заваловъ, вѣнчаныхъ заостреннымъ частоколомъ; упираютъ эти завалы въ отвѣсныя скалы Кавказа, и вооружаетъ ихъ укрѣпленными башнями. Окончивъ это, онъ перевозитъ въ Гимры свои сокровища, своихъ плѣнныхъ и плѣнницъ. Да, у него есть и плѣнницы: но онъ мало объ нихъ помышляетъ; одна лишь Армянка служитъ исключеніемъ. Оторванная отъ богатаго семейства въ Кизлярѣ, съ перваго дня плѣна, она отдѣлена отъ прочихъ, не раздѣляла звѣрскаго насилія, не служила насыщеніемъ грубымъ, сластолюбивымъ похитителямъ своимъ подобно подругамъ, которыя клянутъ жизнь, сберегаемую врагами для насыщенія звѣрскихъ страстей своихъ, даже родная сестра ея не ушла отъ общей участи, отъ общаго позора. Взятая юною дѣвой, Армянка дѣва и теперь; она оплакиваетъ разлуку съ родными, плѣнь, окруженный вѣгою, покуда другія въ рубищахъ истомляются въ самыхъ трудныхъ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Окруженная многочисленной прислугой, она видитъ лишь угожденіе и любовь окружающихъ ее. Газы-Мулла къ ней не ходитъ: одинокъ и цѣломудренъ, онъ презираетъ наслажденіе плоти, по крайней мѣрѣ, такова народная молва; однако онъ часто спрашиваетъ объ Армянкѣ, испол-

няетъ всѣ ея просьбы, доходящія до нея чрезъ посланцевъ: народъ только дивится его набожности. Молодая плѣнница знаетъ кумыкскій языкъ, какъ и всѣ кизлярскіе ея единовѣрцы; *Иманъ* приставилъ къ ней кумыкского стараго Алла, боязливаго муллу, который преподаетъ ей коранъ, и старается обратить армянку въ правовѣріе, однако все напрасно. Она остается непоколебима и тверда даже на всѣ доводы и убѣжденія одного краснорѣчиваго старика, русскаго отступника и бѣглеца, который представляетъ ей, что никакой выкупъ не возвратитъ ее семейству, что ей не видать болѣе страны родной. слѣдовательно, и не почерпать никогда утѣшенія въ обязанностяхъ своей церкви. Между тѣмъ Газы-Мулла отправляется въ походъ, причинившій тревогу въ станицахъ, описанную въ предыдущей главѣ.

Иманъ въ землѣ Назрановцевъ, въ своемъ станѣ, ведетъ ту же дѣятельную жизнь, какъ и дома. Лазутчики непрестанно привозятъ ему извѣстія о движеніи русскихъ войскъ, о готовности такихъ-то племенъ присоединиться къ нему, о нерѣшительности и сомнѣніи другихъ, объ упорствѣ третьихъ. Газы-Мулла все слушаетъ важно; его лицо пребываетъ неизмѣнно, какъ у истаго азіатца, между тѣмъ онъ рассылаетъ во всѣ стороны гонцевъ съ приказаніями, убѣжденіями, наставленіями и письмами къ разнымъ кадямъ; послѣ того принимается за чтеніе корана и молитву.

Однажды, ночью, *Иманъ* сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, посреди сиящаго стана: открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, освѣщенный огнемъ костра; его вѣрный, неразлучный слуга, Кара-Иса, вошелъ къ нему съ полузаспанными глазами и объявилъ, что какой-то Гимріецъ пріѣхалъ къ *Иману*. Его вводятъ, но прежде чѣмъ впустить пріѣзжаго, вошли два часовые съ ружьями на изготовѣ, съ возведенными курками: пріѣзжій былъ совершенно обезоруженъ. Газы-Мулла узнаетъ въ немъ одного изъ своихъ домочадцевъ: тогда отпустивъ караулъ и Кара-Ису, онъ спрашиваетъ: „что новаго въ Гимрахъ?“ Послѣ подробнаго отчета во всемъ ему порученномъ для передачи Муршату, домочадецъ *Имана* объявилъ, что армянская дѣва готова принять правовѣріе. Необычайный, неизъяснимый лучъ радости прояснилъ строгое чело Газы-Муллы, онъ не смѣетъ вѣрить этому извѣстію, заставляетъ домочадца повторять его нѣсколько разъ, и наконецъ убѣдясь въ истинѣ, восклицаетъ: „великъ Аллахъ, многомилостивъ къ рабу своему!“ Послѣ того *Иманъ*, наградивъ пріѣзжаго, отпустилъ его отдыхать, а самъ принялся опять за чтеніе корана; но глубокая, трепетная дума наполняла его смущенную душу.

Около шатра муршата былъ поставленъ высокій треножникъ, служившій минаретомъ. На разсвѣтѣ на него взбирается муэzzинъ и плаксивымъ, протяжнымъ голосомъ провозглашаетъ на весь станъ: „Да иль Алла. Мухметъ риуль-иль Алла. вставайте правовѣрные на Ирти-Намазъ Джюнгѣ¹⁾), молитва бо есть лучше сна!“ Это воззваніе застало Газы-Муллу еще бдящимъ. Онъ всталъ съ своего мѣста, совершилъ домашнее омовеніе и вышелъ къ треножнику. Ему постлали бурку, тутъ онъ разулся, умылъ ноги, руки и бороду, потомъ сталъ торжественно на колѣни и началъ читать въ полголоса молитвы. Старѣйшины и духовенство повторяли молитвы, стоя также на колѣняхъ на своихъ буркахъ въ нѣсколько рядовъ позади первосвященника: прочіе слѣдовали ихъ примѣру, но у своихъ ложбищъ, по всему стану. Молитва продолжалась долго, съ разными тѣлодвиженіями. Правовѣрные кланялись усердно въ землю, неоднократно вставали на ноги, чтобы опять пасть на колѣни, словомъ сказать, не упустили ни одного наружнаго признака, обыкновенно сопровождающихъ молитву магометанъ. Наконецъ ирты-намазъ кончился; всѣ обулись, надѣли свои черкески и важно, по азіатски, поздоровались съ Иманомъ. Газы-Мулла, отдавъ имъ поклонъ, торжественно произнесъ слѣдующую рѣчь: „Правовѣрные! да утвердить васъ Аллахъ на путяхъ своихъ! Сообщаю вамъ, что нынѣшнюю ночь Всемудрый ниспослалъ на меня, покорнаго раба своего, вдохновеніе. Возрадуйтея милостямъ, посылаемымъ Всесвятымъ на избраннаго своего! Хвала имени Его! Хвала щедротамъ Всемилосердаго! Да, правовѣрные! Покуда вы покоились среди ночной тиши благодѣтельнымъ сномъ, я былъ углубленъ въ чтеніе премудрой книги. Внушенный Всевѣдущимъ я предавался слѣдующимъ размышленіямъ: по истинному ученію, многоженство ненавистно Аллаху, тѣмъ паче ненавистенъ тотъ, кто предается наложницамъ²⁾): а потому отвяртыся отъ пола радостей, я вель самую строгую, цѣломудренную жизнь, и въ гордости своей думалъ идти по стезямъ, угоднымъ Всемудрому; но это была лишь надмѣнная самонадѣянность. Могу ли я, твореніе ничтожное, идти противъ законовъ природы? Могу ли я быть премудрѣе Создавшаго меня? Аллахъ создалъ насъ для того, чтобы мы плодили землю и населяли ее, меня также какъ и другихъ. Для этого Аллахъ учредилъ бракъ и далъ обоимъ поламъ взаимныя желанія, итакъ человѣку должно, необходимо жениться! Таково было мнѣ внушеніе Всевышняго нынѣшнюю ночь, когда я получилъ извѣстіе, что моя Кизлярская плѣнница освѣщена лучемъ Аллаха и жаждетъ при-

1) *Джюнга*, пятница, празднуемая магометанами вмѣсто нашего воскресенія.

2) Это одно изъ главныхъ правилъ юридикства.

нять правовѣріе. Изъ этого я вижу, что она предназначена мнѣ въ жены; покорный велѣнію Всемогущаго, прошу васъ избрать между себя трехъ духовныхъ особъ, въ присутствіи которыхъ кизлярская Армянка, нареченная супруга Газы-Муллы приметъ правовѣріе Великаго Пророка!⁴

Между тѣмъ русскія войска приближались; Назрановцы оказывали лишь сильнѣйшій отпоръ; съѣстные припасы горцевъ истощались; Газы-Мулла рѣшился распустить свои полчища и возвратиться въ Гимры. Тутъ онъ засталъ свою Армянку уже мусульманкою; въ присутствіи трехъ почетныхъ эфенди, она поклялась на раскрытомъ коранѣ, держанномъ гимрійскимъ кадиемъ, что отрекается отъ вѣры предковъ своихъ и вступаетъ въ магометанство. Газы-Мулла этого только и ждалъ: онъ назначилъ день для брака, разослалъ повсюду въ горы сзывать народъ на свадебный пиръ и отрядилъ нѣсколько отрядовъ барантовать сосѣдственныя русскія области, чтобы имѣть нужное количество скота для угощенія ожидаемыхъ гостей. Въ горахъ распространился слухъ о дивномъ обращеніи Армянки въ мусльманство; изъ устъ въ уста переходили баснословные рассказы о великолѣпныхъ приготовленіяхъ Имана къ брачному пиру, вещь еще дотолеъ неслыханная въ краю, гдѣ стоическіе нравы не освящали обыкновеніемъ своимъ таковыя празднества.

Разныя племена съѣзжались. Газы-Мулла привѣтствовалъ всѣхъ съ необычайнымъ радушіемъ; льстилъ старѣйшинамъ и людямъ почетнымъ, только лишь на кааедрѣ мечети, когда послѣ молитвы, онъ проповѣдывалъ коранъ, Иманъ являлся прежнимъ строгимъ, угрюмымъ, непоколебимымъ мужемъ. Страшны были въ его устахъ угрозы въ мести Аллаха, ужасны были его проклятія на тѣхъ, которые дерзнуть измѣнить святому ученію, ими нынѣ принятому! Въ эти торжественныя минуты, Иманъ говорилъ, что близокъ часъ отчаянной борьбы съ Русскими: счастливъ тотъ, кто погибнетъ за святое дѣло; вѣнецъ безсмертія, вѣчныя радости и безпрестанныя наслажденія будутъ его наградою въ высшемъ небѣ. Тутъ Газы-Мулла самъ сознавался, что самъ жаждетъ славной смерти боевой, и говорилъ, что, когда его не станеть, онъ избираетъ по себѣ преемникомъ первосвященства, одного изъ двухъ своихъ мюридовъ: Аварскаго ченку¹⁾ Гамзатъ Искендера или Гимрійца Шамиля, что Аллахъ долженъ указать, кото-

¹⁾ Ченка, родившійся отъ брака исправныхъ состояній. Это среднее положеніе между сыномъ законнымъ и побочнымъ. Когда отецъ Узденъ (дворянинъ), а мать простая поселница или мать княжна, а отецъ Узденъ, и такъ даѣе, тогда сыновья ченки.

рому изъ двухъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Иманъ увѣщавалъ народы къ покорности его наслѣднику.

Это было раннею весной. По всему берегу Аварскаго Кой-су, въ окрестностяхъ Гимръ, лежали группами горцы и съ свойственной имъ лѣнью, машинально, смотрѣли на бѣшеный потокъ, который крутился, вздувался отъ потоковъ, стремящихся съ выси горъ, гдѣ таяли снѣга и взворачивалъ въ шумномъ руслѣ своемъ громады камней. Въ окрестныхъ садахъ соловьи своими трелями вторили ропотному журчанью водъ; птички въ кустахъ пересказывали другъ другу взаимную любовь, горлицы нѣжно ворковали, гуляя по юной муравѣ, испещренной цвѣтами; могучіе орлы перекликались на вершинахъ скалъ; но горцы не обращали вниманія на эту дивную картину природы: одна мысль наполняли умы, одинъ разговоръ занималъ всѣхъ—это Газы-Мудла! Въ частныхъ бесѣдахъ разсыпались хвалами Иману, дивились его привѣтливости, гостепріимству, мудрости, святости. однимъ словомъ, Газы-Мудла никогда не былъ такъ могучъ и силенъ, какъ въ эту пору. Прежде страшились его казни, теперь его привѣтствіе побѣждало всѣ сердца.

III.

Je viens après mille ans changer ces lois grossières
Il faut un nouveau culte, de nouveaux fers,
Il faut un nouveau Dieu pour l'aveugle univers.

Mahomed de Voltaire.

Чѣмъ скрытнѣе человѣкъ, чѣмъ молчаливѣе онъ въ кругу людей, тѣмъ необходимѣе ему изрѣдка изліяніе чувствъ, совершенная откровенность: онъ отдыхаетъ, сбросивъ съ себя личину, въ которую облекается въ обществѣ. Но къ чему же эта личина, спросите вы? Причины, побуждающія носить ее столько же различны, сколько и свойства людей. Иной носить ее изъ желанія казаться умнѣе, чѣмъ есть; другой хочетъ скрыть подъ ней свои пороки; третій изъ робости не желаетъ показывать отвращенія или презрѣнія, которое чувствуетъ къ ближнимъ своимъ, къ ихъ пошлостямъ или низостямъ; четвертый боится быть смѣшнымъ и надѣваетъ личину; но цѣль ея всегда одна—заслужить уваженіе себѣ подобныхъ и пользоваться преимуществами этого уваженія.

Личина эта у людей просвѣщенныхъ бываетъ разнообразна и зависитъ отъ склонностей, воспитанія, ума и даже круга, въ кото-

ромъ человѣкъ живетъ. Необразованные, грубые азіатцы скрываютъ все стремленія необузданныхъ страстей своихъ подъ личиною важности и глубокаго молчанія. По законамъ вѣры и обычаямъ, магометанинъ долженъ находиться въ вѣчной борьбѣ съ самыми сильными влеченіями каждаго человѣка. Переступивъ изъ за домашняго порога, мусульманинъ долженъ забыть даже о существованіи другого пола, кромѣ его собственнаго; всякое возвышенное чувство какъ напримѣръ: сыновняя или родительская любовь, нѣжность къ супругѣ или сестрѣ— все это слабость, позоръ, преступленіе для кавказскаго магометанина; а пуще всего позорны для него порывы человѣколюбія. Чтобы заслужить общее уваженіе въ горахъ, онъ долженъ казаться суровымъ, жестокимъ и совершенно одинокимъ на свѣтѣ, быть чуждъ всякаго рода привязанности. А потому, кавказскій мусульманинъ, опасаясь обнаружить какія либо чувства и тѣмъ измѣнить собственному характеру, носитъ непроницаемую маску суровости и притворнаго, глубокаго молчанія. Чѣмъ искуснѣе онъ разыгрываетъ эту роль, тѣмъ необходимѣй для него отдыхъ. Перейдя за высокія стѣны своего дома, гдѣ ни одно окно не пробито на улицу, онъ запираетъ крѣпко свои двери, разоблачается тѣлесно и нравственно, ласкаетъ жену, дѣтей, становится разговорчивъ, чувствителенъ, веселъ и только сохраняетъ отъ внѣшней личины своей непреклонное самовластіе, нетерпящее противорѣчія. Такая двоякая роль дѣлаетъ его ревнивымъ, какъ физически, такъ и нравственно: ему страшно и подумать, что жена его, полюбивъ другого, раскроетъ любовнику настоящій нравъ своего мужа. Вотъ причина, внушившая магометанамъ мысль запираеть женскій полъ. Но это нисколько не дѣлаетъ женщинъ несчастными, какъ полагаютъ европейскіе филантропы: онѣ имѣютъ свои радости, свои наслажденія, правда, непонятныя для образованныхъ дамъ, однако не менѣе того существенныя: даже власть ихъ на мужей, хотя скрытнѣе, но не менѣе сильна европейскихъ женъ.

Газы-Мулла былъ магометанинъ, и по принятому имъ на себя характеру, долженъ былъ носить личину, еще болѣе непроницаемую, чѣмъ другіе его единовѣрцы, которыхъ онъ имѣлъ цѣлью обманывать. Поэтому понятно, что онъ нуждался въ женѣ и предпочелъ взять ее изъ плѣнницъ, не имѣвшихъ около себя никого близкаго, кому бы передать тайны мужа: понятно также и счастье Газы-Муллы, когда бракъ его совершился.

Пиршества долго не прекращались; Иманъ являлся передъ народомъ все по прежнему: его жизнь, повидимому, ничѣмъ не измѣнилась.

Покорный обычаемъ горцевъ. онъ засыпалъ поздно ночью въ своей кунакской, наполненной старѣйшинами, учеными и людьми духовными, которые расходились тогда только, когда Газы-Мулла послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, предавался сну.

Едва уходили всѣ, какъ Иманъ переходилъ потаенною дверью въ комнату жены, гдѣ наслаждался всѣмъ счастьемъ, которое мусульманинъ можетъ найти въ бракѣ.

Покой, куда Газы-Мулла являлся любовникомъ и мужемъ, была довольно просторная, продолговатая комната, въ углубленіи которой, на богатыхъ коврахъ, лежали перины, служившія постелью и покрытыя парчевыми одѣялами, стеганными на ватѣ; въ изголовьи были огромныя пуховыя подушки въ штофныхъ чехлахъ. Неподалеку отъ постели, въ другой стѣнѣ, находился каминъ, гдѣ всегда горѣлъ веселый огонь; у противоположной стѣны, четвероугольные каменные столбы, суживающіеся кверху, поддерживали полки, закладенныя тюфяками, подушками, коврами и тому подобнымъ; на столбахъ висѣли зеркала и разная луженая посуда, между ими на полу стояли большіе, пестрые тюменскіе сундуки; позади одного изъ нихъ скрывалась потаенная дверь, въ которую входилъ каждую ночь Газы-Мулла. Комната эта была выкрашена бѣложелтоватою краскою, а каминъ и столбы, желтою вохрою. Кругомъ камина, столбовъ, наружной двери и единственнаго окна, залѣпленнаго бумагою, натертою жиромъ, были проведены широкія черныя полосы, въ видѣ украшеній; окно запиралось на ночь дубовыми створчатыми ставнями. На день постель прибиралась и на этомъ самомъ мѣстѣ, на разостланныхъ богатыхъ коврахъ, посреди роскошныхъ подушекъ, въ богатомъ нарядѣ, жена Газы-Муллы, окруженная почетнѣйшими женами Гимрійскими, ткала позументы и принимала старѣйшинъ и людей заслуженныхъ. На ночь все запиралось кругомъ, и она предавалась тайнымъ наслажденіямъ первыхъ брачныхъ ночей.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, ужасная буря стонала ночью извнѣ, врываясь вихремъ въ щели дверей и окна брачнаго покоя. Иманъ всталъ съ ложа, совершилъ омовеніе, надѣлъ бешметъ и подпоясалъ его поясомъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ, заткнулъ пистолетъ сбоку и сѣлъ противъ камина, гдѣ горѣлъ яркій огонь, освѣщавшій всю комнату. Армянка вѣроотступница лежала бокомъ на сянѣ парчевомъ одѣялѣ, подложивъ подъ локоть круглую подушку, крытую краснымъ штофомъ. Она поддерживала рукою лицо; большіе

и выразительные глаза ея, полные истомы наслажденій, съ любовью покоились на Иманѣ. Двадцать четыре тоненькія черныя косы, сплетенныя на затылкѣ, небрежно падали по плечамъ; спереди, волосы ея были обстрижены коротко и ровно, какъ у русскихъ мужиковъ; на головѣ находился маленькій платочекъ яркаго цвѣта; въ ушахъ блестя алмазныя серьги, а бѣлую шею обвивала нитка крупнаго жемчуга—добыча Кизляра. Вся одежда ея состояла изъ длинной, бѣлой рубашки, застегнутой у воротника небольшою, бирюзовою запонкой: рукава широкіе къ низу обнажали совершенно ея руки; рубашка въ прихотливыхъ складкахъ лежала по недавно еще дѣвственному, юному тѣлу; изъ подъ нея розовые ногти ногъ выглядывали наружу. Армянка не была красавица, но необычайная свѣжесть и огненное, пламенное выраженіе глазъ, дѣлало изъ нея существо, привлекающее самихъ красавиць. Газы-Мулла, проведя важно рукою по бородѣ и пробормотавъ обыкновенное ежечасное призваніе *Ла иль Алла*, зѣвнулъ протяжно и сказалъ:

„Я нарочно днемъ выспался, чтобы долѣе съ тобою побесѣдовать.“
—Мнѣ самой не хочется спать—отвѣчала Армянка. Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавила:—Чѣмъ больше смотрю на тебя, тѣмъ тверже вспоминаю твои черты; я гдѣ то тебя встрѣчала. Сдержи, *джани* (мой милый, мой другъ), свое обѣщаніе, расскажи, гдѣ мы съ тобою впервые встрѣтились?

Иманъ задумался, нахмурилъ брови, взглянулъ нѣсколько разъ на жену, потомъ сказалъ: „рассказать тебѣ это, значить открыть всю жизнь мою; но знай, что я вѣрю тебѣ тайну важную—вотъ это будетъ мнѣ порукою въ твоемъ молчаніи.“ И Газы-Мулла, сведя опять брови, указалъ на кинжалъ. Немного спустя, онъ продолжалъ:

„Слушай же, что каждую ночь просишь тебѣ рассказать. Родители назначали меня въ духовное званіе, а потому и отдали учиться арабской грамотѣ. Окончивъ ученіе, я былъ посвященъ въ Муллы и отправился въ Кизляръ, гдѣ открылъ школу, въ татарскомъ предмѣстіи, для дѣтей правовѣрныхъ; но это доставляло мнѣ лишь скудныя средства къ пропитанію; между тѣмъ дѣятельность моего нрава съ каждымъ днемъ развивалась болѣе, я жаждалъ трудовъ, кровь во мнѣ бушевала, избытокъ жизни томилъ, чтеніе арабскихъ книгъ возмущало воображеніе: жаждалъ чего-то и самъ не зналъ, что мнѣ нужно, сдѣлался несносенъ самъ себѣ, скучалъ всѣмъ, тосковалъ, между тѣмъ какая-то невѣдомая потребность всюду меня преслѣдовала, сама жизнь

была мнѣ въ тягость. Въ это время, потерявъ терпѣніе надъ собою, я рѣшился истомою тѣла заглушать непонятныя терзанія души. Послѣ двухъ-лѣтняго степеннаго управленія школою, я вдругъ предался распутству, промоталъ и пропилъ все, что имѣлъ для существованія. Родители моихъ учениковъ, оскорбленные моимъ соблазнительнымъ поведеніемъ, отняли у меня дѣтей, тогда я вынужденъ былъ искать дневное пропитаніе въ трудахъ поденщика, подъ именемъ Муллы-Магмета...“

—Мулла-Магметъ!—первала вѣроотступница:—мнѣ что-то памятно это имя.—

„Да, Мулла-Магметъ нанимался двумъ у кизлярскихъ Армянъ работать въ ихъ виноградникахъ, а вечеромъ, на заработанныя деньги, съѣдалъ укромный кусокъ хлѣба и напивался пьянъ. О, какъ горьки были мнѣ эти деньги! Не удивительно, что я искалъ въ пьянствѣ средство усыпить огорченное самолюбіе. Мало того, что я зарабатывалъ ихъ по́томъ лица своего, но еще когда приходилъ часъ расплаты, надменные кизлярскіе Армяне, разными неправдами, хитростями удерживали одну часть слѣдующихъ мнѣ денегъ, а остальную выдавали съ дерзкимъ презрѣніемъ. Просить на нихъ было бы глупо; я очень хорошо зналъ, что все кругомъ имъ предано изъ корыстолюбія; а потому безпрерывно переходилъ отъ одного къ другому. Наконецъ я поцалъ къ отцу твоему: онъ былъ еще хитрѣе своихъ единовѣрцевъ, но обходился ласково съ работниками; я работалъ у него уже два мѣсяца.“

—Такъ это тамъ я тебя видала?—спросила жена Газы-Муллы.

„Да, ты меня видала въ саду отца своего; я часто издали любовался тобою, ты мнѣ нравилась: съ этой поры я сталъ тебя желать.“

—Желать, а не любить?—замѣтила армянка.

„Да, желать“ отвѣчалъ Иманъ, нахмуря брови. Послѣ короткаго молчанія, онъ опять провелъ по бородѣ и продолжалъ: „наконецъ утро окончательнаго разчета настало; отецъ твой безсовѣстно меня обчиталъ; я заспорилъ и онъ ударилъ меня. Я было кинулся на него; но онъ, ударомъ палки по головѣ, повергъ меня безъ чувствъ на землю. Товарищи меня вынесли, обмыли холодною водою, и я опомнился: мечь, ужасная мечь кишѣла во мнѣ, насилиу дождался я вечера. Когда смерклось, съ кинжаломъ у пояса, я пошелъ къ дому отца твоего съ намѣреніемъ его убить, а тебя украсть и изнасилъствовать.“

Если же ты не согласишься бѣжать со мною въ горы, то умертвить и тебя. Ночь была темная; дождь ливня лилъ, кое-когда перемежаясь градомъ; я стоялъ около крыльца вашего дома; собаки всё укрылись отъ непогоды, а если-бъ и бѣгали по двору, то они меня знали; терзанія души моей были ужасны въ этѣ минуты. Прозрогъ я отъ мокроты, но меня оживляло чувство страха, если меня поймають на преступленіи; жажда мести надъ твоимъ отцомъ и наслажденія съ тобою противоборствовали холоду осенней ночи и согрѣвали мою кровь. Я зналъ, что въ вашемъ большомъ домѣ, кромѣ твоего отца, матери, сестры твоей и тебя, никого не было, стало быть, умертвивъ главу семьи внезапно, нетрудно было бы довершить и остальное. Наконецъ дождь пересталъ; но темнота ночи еще болѣе усилилась; небо было черно и страшно; громы вдали перекатывались и лишь изрѣдка красная полоса молніи пересѣкала нависшія тучи. Колоколь пробилъ девять разъ; загремѣли солдатскіе барабаны; дверь крыльца отворилась и предметъ моей мести вышелъ. Я далъ ему сдѣлать нѣсколько шаговъ; потомъ вдругъ закрылъ ему крѣпко шапкою ротъ, и лезвее остраго кинжала, настоящаго Базалая,¹⁾ пронзила ему сердце. Онъ упалъ на землю; молнія блеснула и что же увидѣлъ я? Не отца твоего я зарѣзалъ, но какого-то неизвѣстнаго мнѣ армянина.“

—О! я помню какъ это всёхъ насъ перепугало!—прервала армянка:—но никто не могъ отгадать убійцы.—

Газы-Мулла молчалъ. Досада, злость выразились на лицѣ его. Немного спустя онъ продолжалъ:

„Дѣлать мнѣ въ Кизлярѣ уже было нечего; оставаться въ этомъ городѣ, гдѣ никто не понялъ бы, что я не могъ иначе поступить послѣ нанесенной мнѣ обиды—было опасно; я воспользовался темнотою ночи и пошелъ прямо къ Тереку; переплывъ черезъ эту рѣку, вышелъ на Казы-юртскую дорогу, шелъ по ней, днемъ скрываясь въ камышахъ, а ночью продолжая путь. Такимъ образомъ я добрался до деревни Мятли, гдѣ нашель гостепрѣимство и пріютъ у кунака (пріятеля, друга); тутъ уже никакая опасность не грозила мнѣ. Я сталъ помышлять о томъ, что бы мнѣ предпринять: съ одной стороны, я видѣлъ необходимость обезпечить свое существованіе, не имѣя ровно ничего; съ другой, я не могъ покинуть замысла мести надъ отцомъ твоимъ, не могъ и отказаться навсегда отъ тебя. Подстрекаемый этими чувствами, я

¹⁾ *Базалай*, славный оружейникъ въ Дагестанѣ, извѣстный по всему Кавказу.

рѣшился пристать къ извѣстной шайкѣ абрековъ Ичкиринской земли; но прежде всего захотѣлъ побывать въ Гимрахъ, на родинѣ своей. Когда пришелъ туда, во мнѣ родилось новое желаніе повидаться съ учителемъ моимъ, славнымъ Алимомъ¹⁾ Казіемъ-Магометомъ-Муллою; но это было не легко. Всѣ знали, что онъ живъ и живетъ отшельникомъ въ какой-то пещерѣ; но гдѣ именно, никто не могъ указать: это еще болѣе подстрекнуло мое желаніе. Я отправился въ верхній Табасаравъ, къ одному Муллѣ, бывшему нѣкогда любимымъ ученикомъ нашего наставника и нашелъ въ немъ строгаго блюстителя ученія Великаго Пророка, во всемъ смыслѣ праведнаго мужа. Онъ принялъ меня радушно; я рассказалъ ему о намѣреніи своемъ пристать къ абрекамъ и о желаніи видѣться прежде съ нашимъ учителемъ: просилъ его помочь въ послѣднемъ: онъ ничего на это не отвѣчалъ. На слѣдующій день, поздно вечеромъ, онъ меня разбудилъ и спросилъ, все ли я желаю видѣть Муршата Магметъ-Муллу; я отвѣчалъ утвердительно; тогда онъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою. Мы навьючили двухъ ословъ пищею и отправились безъ дорогъ и тропъ, по ужаснымъ чащамъ, то взбираясь на крутую гору, то карабкаясь на скалу, по камнямъ и розсыпямъ. Наконецъ къ полуночи, мы взобрались съ большимъ трудомъ на превысокую гору, имѣющую съ одной стороны отвѣсную скалу; въ полускалѣ было отверстіе, мы спустились туда по аркану и очутились въ пространной, высокой пещерѣ. Въ одномъ углу сидѣлъ худой и строгаго вида старецъ, который передъ огнемъ варилъ себѣ кушанье; неподалеку отъ него, разостланный на камнѣ коверъ, бурка и деревянная колода въ изголовьѣ, составляли его постель. Въ стѣнѣ пещеры, выходя изъ трещины, журчала водяная струя и уходила въ другую трещину. Магметъ-Мулла принялъ меня строго, но благосклонно: онъ объявилъ, что я долженъ пробыть съ нимъ нѣсколько времени. Мы спустили также съѣстные припасы; я прибралъ ихъ; тогда мой спутникъ простился съ нами, вышелъ изъ пещеры, подобралъ арканъ и пошелъ назадъ въ свое селеніе. Я же остался съ Муршатомъ, который началъ меня испытывать: мое испытаніе продолжалось всю эту луну. Наконецъ, въ одно утро, послѣ ирты-намаза, Магметъ-Мулла объявилъ, что онъ избираетъ меня въ проповѣдники исправительнаго таригата, въ служители Аллаха, которому поклоненіе страшно упадаетъ среди нашихъ горныхъ племенъ; но что прежде этого, онъ долженъ еще посвятить меня въ великія тайны. Такимъ образомъ прошелъ годъ: этотъ муд-

1) *Алимъ*, всякій человѣкъ, извѣстный своей ученостію и пользующійся особеннымъ уваженіемъ народа.

рець пояснялъ мнѣ смыслъ правовѣрія, открывалъ тайны таригата, разсуждалъ о предметахъ шаріата, о способѣ привлекать, убѣждать и повелѣвать соотчичами. Бывало, по зорямъ, мы сиживали у отверстія пещеры и смотрѣли въ ущелье. Уединеніе, отшельническая жизнь, заставляла Магметъ-Муллу обращать на все окружающее созерцательное вниманіе—это обратилось ему въ привычку и потребность: онъ видѣлъ во всемъ символы. сиючасъ читать ихъ смыслъ¹⁾ и старался научить меня тому же. Съ какою любовью къ природѣ онъ смотрѣлъ на оленя, ходившаго по зеленой полянѣ, на пташекъ, перелетавшихъ съ дерева на дерево, покуда дикій котъ коварно подкрадывался къ нимъ; иногда хищный волкъ или хитрая лисица, сторожившіе добычу, обращали вниманіе мудраго старца, то орлы, парившіе въ синевѣ небесъ, то медвѣдь, карабкавшійся на скалу и занимавшійся паденіемъ столкнутыхъ имъ камней, летѣвшихъ на дно пропасти; то медвѣдица, кормившая своихъ птенцовъ, иногда ласково ихъ облизывая, а иногда прихотливо дававшая имъ оплеухи богатырскою лапой. Но больше всего, его занимали облака, когда, спустившись на уровень пещеры, они изрыгали молніи и громъ разражался на окрестныхъ горахъ, раскидывая кругомъ обломки вѣковыхъ гранитовъ, а молніи огненными шарами клубились внизъ по скаламъ. Муршатъ вслушивался въ перекаты грома, въ ревъ бури и силился понять языкъ перуновъ. Вечеромъ, когда закатъ солнца производилъ тѣни, то старецъ, указывая на нихъ, повторялъ 50-й стихъ XVI-й главы Корана: *все созданное Аллахомъ склоняетъ тѣнь свою направо и нѣлѣво, дабы поклониться Ему и повернуться предъ Нимъ*. Когда же въ тихую, лѣтнюю ночь, свѣтила луна и пѣлъ соловей, онъ уныло внималъ его трелямъ, задумывался, и порою слеза выкатывалась изъ потускнѣвшихъ глазъ мудреца: онъ будто понималъ говоръ буль-буля и оплакивалъ грѣхи человѣческаго рода, лишившіе его правъ говорить чистымъ, благозвучнымъ языкомъ пернатата пѣвца и небожителя. Кромѣ товарища моего, который привелъ меня къ Магметъ-Муллѣ и который доставлялъ намъ изрѣдка по ночамъ пищу и дрова, никто насъ не посѣщалъ. Иногда онъ бесѣдовалъ съ нами цо нѣскольку часовъ, отдавалъ Муршату подробный отчетъ во всемъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ; для этого онъ разсылалъ повсюду вѣрныхъ людей, которые доставляли ему нужныя свѣдѣнія. Однажды ночью, среди зимы, наставникъ мой сидѣлъ задумчиво у входа пещеры, свѣтъ луны ослѣпительно отражался на высяхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, отвердѣ-

¹⁾ *Писла* (заглавіе XVI главы Корана) гласитъ, что каждая вещь въ природѣ имѣетъ свое значеніе.

лыхъ отъ сильнаго мороза; наконецъ Магметъ-Мулла, пересѣвъ къ камину, углубился совершенно въ чтеніе Корана, а я между тѣмъ заснулъ. Настала полночь; я проснулся отъ непонятнаго шума: скалы ужасно трещали, все подо мной колебалось; смотрю въ страхъ кругомъ себя и что же вижу я? Передо мной стоитъ Муршатъ, окруженный дивнымъ блескомъ; сѣдая борода его блестяла какъ ледъ, а глаза сверкали страннымъ огнемъ; онъ держалъ въ одной рукѣ Коранъ, другую простеръ ко мнѣ, и твердымъ, громкимъ голосомъ, который ясно отдѣлялся отъ подземнаго гула, произнесъ: *Именемъ Аллаха, подвизаю тебя на священную войну за правосудіе и да будешь ты нареченъ Газы¹⁾-Муллою!* Я повергся къ его стопамъ и съ трепетомъ слушалъ страшное пророчество вдохновеннаго мудреца. Наконецъ онъ умолкъ и я поднималъ голову; передо мной стоялъ уже не вдохновенный прорицатель, но старецъ, изнемогающій отъ истомы душевной. Послѣ того онъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ обезсиленный; между тѣмъ товарищъ мой по прежнему посѣщалъ насъ, снабжая скудными съѣстными припасами: онъ приносилъ намъ извѣстія, что русскіе отряды собираются, а горцы ополчаются. „Все предвѣщаетъ борьбу близкую, долгую, кровопролитную!“ говорилъ мудрецъ.

Послѣ одного такого посѣщенія товарища моего, когда мы остались одни, Магметъ-Мулла сказалъ мнѣ:—Ступай, Газы-Мулла, стань главою своихъ соотчичей, такова воля Аллаха! Проповѣдывай Его ученіе, прославляй Его, и оправдай имя Газы, данное тебѣ Его святымъ внушеніемъ. Будь справедливъ, твердъ, какъ левъ, проворенъ и лукавъ, какъ барсъ, и да рука Аллаха пребываетъ надъ тобою! Веди соотчичей на брань за правосудіе; управляй ими по шаріату и таригату, и избери вѣрнаго слугу, котораго могъ бы присылать ко мнѣ, когда понадобится тебѣ мой совѣтъ: но самъ рѣдко посѣщай меня.—Нѣсколько дней спустя, къ намъ явился опять мой товарищъ, и я обвязавъ мѣхъ своей шапки бѣлою чалмой, вышелъ съ нимъ изъ пещеры, гдѣ столь долгое время скрывался. Намѣреніе пристать къ абрекамъ я совершенно покинулъ и сталъ ходить изъ одного селенія въ другое, проповѣдуя по джонгамъ въ мечетяхъ новое ученіе. Народъ любилъ меня слушать, а муллы не враждовали на меня, потому что я представлялъ имъ всѣ денежныя сборы, самъ довольствуясь однимъ пропитаніемъ. Между тѣмъ все готовилось къ борьбѣ съ гяурами: русскій отрядъ собирался; горцы также стекались.—вся надежда соотчичей лежала на Бикъ-Булатъ, Чеченцъ, давно уже прославившемся

¹⁾ *Газы*, ведущій священную войну, сражающійся за правосудіе.

въ бояхъ: но онъ былъ изувѣченъ ранами, удрученъ годами и къ тому-жъ предавался пьянству: а что хуже всего, онъ жилъ съ нѣкотораго времени въ мирѣ съ Русскими, стало быть. лишился довѣренности единовѣрцевъ; сподвижникъ его, Ауфъ-Мулла, искусный убѣждать народы къ возстанію, не имѣлъ дара управлять ими и предводительствовать ихъ на войнѣ. Я явился въ станъ: молва о моемъ проповѣдованіи быстро разнеслась по ополченіямъ; первую джонгу, послѣ молитвы, я сталъ проповѣдывать свое ученіе, и весь станъ стекся слушать меня. Съ этой поры началась истинная власть моя: удачное дѣло Атлубуюма покорило мнѣ весь народъ, рядъ военныхъ успѣховъ, болѣе или менѣе значительныхъ. пріобрѣлъ мнѣ довѣренность соотечей, а даръ предсказанія вселилъ въ нихъ благоговѣніе къ моей особѣ. Всѣ надѣли бѣлыя чалмы въ доказательство, что они сдѣлались мюридами. Нуждаясь въ средоточіи для своего мюридства, я избралъ мѣсто Агачъ-Кала, окружилъ его высокими, крѣпкими, деревянными стѣнами и поселился тамъ съ избранными своими учениками. Тутъ мы были укрыты отъ нападеній враговъ, отъ покушеній подкупленныхъ убійць. Наши враги были гяуры, противъ которыхъ мы подвизались на брань. Дагестанскіе властелины, которыхъ мы избличали въ порокахъ и несправедливостяхъ, муллы, которые уличены были въ непростительномъ корыстолюбіи, и наконецъ муртаты, которыхъ мы преслѣдовали за вѣроотступничество. Я самъ дивился, какъ все предсказанное въ страшную ночь Магметъ-Муллою сбывалось, и помышлялъ объ исполненіи его приказанія. выбрать себѣ двухъ преемниковъ. Выборъ мой палъ на мюридовъ Гамзатъ-Искендера, уроженца хутохскаго и Шамиля: первый преисполненный честолюбія—ченка богатой и сильной семьи Аварскихъ Бековъ; онъ пріобрѣлъ большую славу и извѣстность въ горахъ своей храбростію, дикою предприимчивостію и наконецъ воинскимъ счастіемъ во время его набѣговъ на Кахетію. Другой, простой, бѣдный Гимріецъ, мой родной племянникъ: онъ замѣчательнъ своимъ умомъ, ученостію и лукавствомъ; на него я имѣю большія надежды; онъ наслѣдуетъ первому. Гамзатъ силою меча воцарить мое ученіе; но Шамиль, послѣ него, своимъ умомъ и витійствомъ убѣдитъ народы въ томъ, чему слѣдовали они дотолѣ изъ страха, и тогда Мюридство пуститъ уже настоящіе, надежныя корни; глѣмя за глѣменемъ будетъ присоединяться къ нему, и послѣднее предсказаніе Муршата сбудется. Хвала Аллаху! Премудрому, Всевѣдущему, Всесильному Аллаху! Я былъ могучъ, богатъ, счастливъ; смотря на это, я все помнилъ о дерзкомъ поступкѣ отца твоего и кипѣлъ местію, помнилъ тебя и желалъ. Все это вмѣстѣ подстрекнуло меня на смѣлое предпріятіе напасть на Кизляръ: я не отмстилъ отцу твоему, но получилъ тебя;

желалъ видѣть въ тебѣ правовѣрную, и Аллахъ просвѣтилъ тебя лучемъ свѣта. Великъ Аллахъ въ премудрости своей!“

Иманъ умолкъ. Послѣ короткаго молчанія, онъ продолжалъ: „теперь мое единственное желаніе умереть славно, съ оружіемъ въ рукахъ—смертію, достойною *Газы*. Я такъ полонъ счастья, что страшусь впасть опять въ бѣдствія; мое счастье не можетъ продолжаться долго: я первый властелинъ среди горцевъ; они теперь находятся подъ вліяніемъ новизны и моихъ успѣховъ; но при первой неудачѣ. они опомнятся и захотятъ стряхнуть иго. которое, съ помощью Аллаха, я на нихъ наложилъ,—и тогда всѣ труды мои обратятся въ прахъ. Не то ожидаетъ Гамзата: наслѣдуя мнѣ, онъ будетъ пользоваться моимъ опытомъ и избѣгать ошибокъ, которыя я дѣлалъ по невѣдѣнію, онъ станетъ главою народа не по прихоти обстоятельствъ, какъ я, но обдуманно и согласно съ моею волей, нѣкоторымъ образомъ уже священной для горцевъ. Шамилю будетъ еще легче,—тогда народы привыкнутъ уже къ нововведенію и къ власти Имановъ!“

Газы-Мулла опять замолкъ и погрузился въ глубокое размышленіе. „О, власть, святая власть!“ воскликнулъ онъ потомъ: „единое благо на землѣ! Ты даешь богатство, радости, уваженіе ближнихъ. счастье! Ты мнѣ дала и эту милую жену!“ Тутъ онъ прилегъ къ вѣроотступницѣ и сталъ ее ласкать: но она полусвоенравно, полу-нехотя оттолкнула его. „Ты меня желалъ, а не любилъ“—сказала она—„оставь. не трогай меня.“ Глаза Имана засверкали звѣрскимъ гнѣвомъ; ставъ на колѣни, онъ поднялъ надъ ней руку, вооруженную кинжаломъ. „Слушай!“—возопилъ онъ: „дочь собаки, гяура! не забывай, что сказано въ премудрой книгѣ *„жены ваши—ваше поле! Орите поле свое, когда и какъ хотите¹⁾“*.“ Руки армянки въ мигъ очутились кругомъ шеи Газы-Муллы: „джана, джана!“ произнесла она голосомъ нѣжнымъ и умоляющимъ... Въ эту минуту послышался ударъ въ потаенную дверь; вѣроотступница вздрогнула; Иманъ вкладывая спокойно кинжалъ въ ножны, спросилъ: кто тамъ! „Твой вѣрный Кара-Иса“, отвѣчали ему за дверью.

Когда Иманъ вышелъ: Армянка заслонила потаенную дверь сундукомъ, завернулася въ одѣяло и преспокойно заснула, не помышляя вовсе о лезвѣ кинжала, только-что сверкавшемъ надъ нею. Таковы всѣ женщины на Терекѣ и Кубани! Онѣ родились среди непрерывно

¹⁾ Коранъ, глава II, Корова. Стихъ 223.

грозившихъ имъ опасностей; первыя впечатлѣнія ихъ дѣтства—впечатлѣнія ужасныя, кровавыя: среди ихъ онѣ растутъ, свыкаются съ ними, и, потомъ возмужавъ, тогда только трепещуть, когда опасность въ ихъ глазахъ; лишь она миновалась, онѣ и не думаютъ о ней. Впрочемъ не таковъ ли вообще женскій нравъ! Не готова ли большая часть женщинъ жертвовать всею изъ тщеславія: а Армянка не была ли женою славнаго Газы-Муллы! кровавое оружіе, которое грозило ей на ложѣ радости, было только возданіемъ за почетный титулъ жены Имана, которымъ она дорожила выше всего.

Возвратясь въ свой покой, Газы-Мулла прочелъ письмо, поданное ему Кара-Исою отъ Магметъ-Муллы, къ которому онъ былъ тайно посланъ. Старецъ извѣщалъ ученика о приготовленіяхъ Русскихъ къ экспедиціи и передавалъ ему подробно все свѣдѣнія, полученныя имъ. Иманъ задумался, потомъ приказалъ Кара-Исѣ пробить скрытно весь слѣдующій день, такъ, чтобы никто не могъ и подозрѣвать его присутствія; самъ же легъ въ постель и заснулъ.

Муэззинъ на минаретѣ сзывалъ правоверныхъ къ молитвѣ; народъ стекался со всехъ сторонъ въ нагольныхъ тулупахъ, накинутыхъ на плеча, и въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ. Муллы важно шли въ мечеть въ длинныхъ кафтанахъ, съ длинными тростями въ рукахъ и мѣдными персидскими чернильницами, заткнутыми за поясъ. Явился и Гимрійскій кади съ нѣсколькими эфендіями; одинъ Иманъ не шелъ. Изъ мечети послали къ нему почетныхъ лицъ просить приказанія, не начинать ли службу безъ него? Посланные застали Газы-Муллу посреди просторнаго двора, прикипшаго головою къ землѣ и молящагося: открытый коранъ лежалъ передъ нимъ, онъ изрѣдка въ него смотрѣлъ и потомъ опять предавался молитвѣ, возвращаясь къ прежнему положенію тѣла. Старѣйшины объявили, что Имана не возможно оторвать отъ молитвы и рассказали, какъ его застали; народъ перевозносилъ его набожность: старшій эфенди началъ службу; по окончаніи ея, все собралось на дворъ Имана; Газы-Мулла все продолжалъ молиться не внимая ничему, что происходило вокругъ него. Приверженцы его рассказывали между тѣмъ присутствующимъ, что это бываетъ съ Иманомъ каждый разъ, когда Аллахъ раскрываетъ передъ нимъ завѣсы будущаго, говорили, что должно ожидать изъ устъ его пророчества. Народъ благоговѣлъ передъ властелиномъ своимъ и въ торжественномъ молчаніи ожидалъ. Наконецъ Газы-Мулла вздохнувъ тяжело приподнялъ голову и, стоя на колѣняхъ, лицомъ къ югу, съ зажмуренными глазами, началъ говорить тихо, протяжно и внятно слѣдую-

щее: „Я, Аллахъ Всевѣдующій и Всесильный. глаголю Газы-Муллѣ, Иману моему—молитва да крѣпитъ человѣка, возвѣсти это Правовѣрнымъ! Имъ нужна сила и крѣпость, гяуры стекаются отовсюду и готовятся на брань; даже Сардарь¹⁾ съ многочисленными ратями поднялся уже на снѣги горъ—это ополченіе враговъ идетъ на меня и избранныхъ моихъ, любимыхъ племень! Мужайтесь и вооружитесь, борьба сильная предстоить! Счастливы тотъ, кто погибнетъ въ страшной брани! Ему вѣчное ликованіе въ небѣ моего Пророка! Но не все останутся вѣрны мнѣ; многіе будутъ обольщены гяурами и покинуть меня, и твое знамя, мой Избранный Иманъ! Да ляжетъ на нихъ проклятіе, твоя и преемниковъ твоихъ кара! Послѣ многихъ бѣдствій, ужасныхъ кровопролитій, они возвратятся къ тебѣ: истина бо лучше лжи!“

Газы-Мулла умолокъ. Вся толпа съ благоговѣніемъ въ полголоса повторила: „Да иль Алла. Мухметъ резуль Алла, Газы-Мулла Иманъ Гагазамъ!²⁾“

Иманъ послѣ того всталъ и обратясь къ народу сказалъ: „Правовѣрные! Вы слышали голосъ Аллаха! Враги собираются, они многочисленны и сильны; но мы сильнѣе, потому что Аллахъ съ нами. Вы знаете, что гласить вамъ пророкъ въ истинной книгѣ о помощи Всесильнаго своимъ воинамъ: горсть побѣждала многочисленныя рати невѣрныхъ, незримыя полчища небожителей были ихъ союзниками. Молитесь и надѣйтесь. Ступайте теперь въ свои деревни, вооружайте ихъ и будьте готовы идти, куда я васъ поведу. Помните, что проклятіе Аллаха, кара моя и моихъ преемниковъ ляжетъ на измѣнниковъ—такова воля Премудраго! Прежде чѣмъ разойтись, поклонитесь мнѣ и другъ другу не измѣнять, быть вѣрну святому дѣлу.“ Тутъ Иманъ громко закричалъ: „Шамиль! Знамя на крышу моего дома!“ И въ мигъ оно развѣвалось въ воздухѣ на кровлѣ дома Газы-Муллы. Увидѣвъ этотъ призывъ къ брани, весь народъ закипѣлъ воинскимъ рвеніемъ и воздухъ огласился клятвами всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ того всѣ разошлись и стали собираться, чтобы ѣхать каждый во свояси.

¹⁾ Такъ называютъ горцы командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

²⁾ *Иманъ Гагазамъ*, святой, великій, мудрый апостолъ.

IV.

No uselejs coffin emlosed his breast
 Not in sheet or in shroud we wound him,
 But he lay like a warrior taking his rest,
 With his martial cloak around him.

(On the death of Sir John Moore.)

Со всѣхъ концовъ Кавказа и Закавказья войска сходились въ Чечню: русскій отрядъ весело готовился къ бою въ этомъ роскошномъ краю. Горцы съ своей стороны сбѣгались къ извѣстному знамени Имана Газы-Муллы; но не долго оставались въ сборѣ: муршаты, наставивъ ихъ, какимъ образомъ вести отечественный коззаветъ (священную войну), распустилъ по домамъ. Онъ училъ ихъ, какъ пользоваться лѣсами, горами и сражаться въ одиночку; нападать преимущественно во время фуражировокъ и частныхъ поисковъ Русскихъ; но строго запретилъ толпами выходить на брань съ гяурами. предупредивъ, что, когда наступитъ тому пора, онъ извѣститъ всѣ племена.—и тогда, согласно предписанію Корана, всякій, могущій нести оружіе долженъ явиться къ назначенному сборному мѣсту. Самъ же Газы-Мулла съ горстію избранныхъ не возвратился въ Гимры; но, шатаясь вокругъ русскаго отряда, слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и предпріятіями, заводилъ при всякомъ удобномъ случаѣ перестрѣлки, или, усиливъ мгновенно свой отрядъ, являлся внезапно въ предѣлахъ линіи, грабилъ, рѣзалъ, истреблялъ все, попадающееся ему, и еще скорѣе, чѣмъ пришелъ, возвращался къ себѣ, скрывая свои слѣды въ лѣсныхъ трупцахъ отъ преслѣдованія линейныхъ казаковъ. Съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, подвиги и предпріимчивости ознаменовали каждый день. Къ числу ихъ принадлежитъ славная смерть полковника Волженскаго, шестидесятилѣтняго почтеннаго старца, русскаго витязя на Кавказѣ. Съ горстію храбрыхъ казаковъ Гребенскаго полка, онъ ворвался въ Шавдонскую деревню Ичкиринскаго племени; вытѣсненный оттуда, онъ былъ опрокинутъ на пространное поле и тамъ окруженъ толпами горцевъ, предводительствуемыхъ самимъ начальникомъ кавалеріи Газы-Муллы—Костиковскимъ, ханомъ Актоллоивомъ, бывшимъ поручикомъ храбраго 43-го егерскаго полка. Во время общаго волненія умовъ посреди Кавказцевъ, произведеннаго ученіемъ Газы-Муллы, Актолловъ покинулъ русскія знамена и присоединился къ мюридамъ. Волженскій, окруженный горцами, бралъ съ боя каждую пядь земли, по которой отступалъ; посреди неустрашимыхъ казаковъ своихъ, онъ хладногровоно распоряжался однимъ линейнымъ казачьимъ орудіемъ, бывшимъ у него, и не

обращалъ вниманія на двѣ ружейныя раны, которыя только-что получилъ: одна пуля пробила ему насквозь спину и грудь, другая ударила на вылетъ въ обѣ щеки, этѣ раны не были даже перевязаны. Между тѣмъ ряды казаковъ ежеминутно рѣдѣли; у орудія оставалось только двѣ лошади; но горсть храбрыхъ не унывала. Вдругъ одна изъ этихъ двухъ лошадей падаетъ убитая; непріятель, увидѣвъ это, испускаетъ дикіе, радостные крики и бросается на казаковъ въ штыки; эти твердо его встрѣчаютъ. Волженскій не потерялся: онъ своеручно изрубаетъ трехъ горцевъ, подбѣжавшихъ къ нему одинъ за другимъ; три мюрида нападаютъ на него, однимъ ударомъ шашки раскаиваетъ правое плечо старика—и рука отваливается, шашка выпадаетъ. Полковникъ дѣлаетъ шагъ къ орудію, лѣвою рукою перекидываетъ чрезъ единорогъ висящую руку свою и обнимаетъ орудіе. Въ эту минуту его изрубаютъ до смерти: на немъ насчитали сорокъ четыре раны. Сподвижники его всѣ погибли; съча была ужасная; съ обѣихъ сторонъ утрата людей значительная, но ни раненаго, ни плѣннаго не было ни одинаго, какъ у Русскихъ, такъ и у горцевъ; трупы нашихъ оставались нѣсколько дней добычею волковъ и орловъ. Недалеко отъ этого поля, въ станицѣ Червленной оставался старикъ, денщикъ Волженскаго, который всюду сопутствовалъ господину своему въ продолженіе всей долгой и трудной боевой его жизни. Вѣсть о погибели полковника доходить до него, денщикъ со слезами отчаянія молить найти трупъ Волженскаго, но никто не беретъ его доставить; онъ самъ рѣшается идти за нимъ, но его не пускаютъ. Ужасная мысль приводитъ въ содроганіе всѣ чувства благочестиваго старика: полковникъ не будетъ отпѣтъ священникомъ, его тѣло не ляжетъ въ освященную землю, между тѣмъ зной Августа мѣсяца великъ, тѣло скоро истлѣетъ, такъ что его и не узнаешь; да вотъ и орлы летятъ уже къ роковому полю: ужели трупъ храбраго и достойнаго полковника достанется въ пищу хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, которые, слюзя между собой, станутъ рвать эту благородную грудь и разбросаютъ кости? Нѣтъ, это не должно быть! Этого не будетъ! Денщикъ не допуститъ! И дряхлый старикъ пошелъ считать деньги, которыя онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ грошами и копейками накоплялъ—это была вся его надежда на будущее существованіе, когда удрученнаго годами и трудами, его выпустятъ въ отставку на родину, гдѣ, бездомный, онъ найдетъ лишь могилы тѣхъ, которые могли бы и захотѣли его призрѣть. Онъ засыпалъ всякую ночь спокойно, зная, что у него есть, по крайней мѣрѣ, чѣмъ прокормиться съ годъ, не скитаясь по міру. Но теперь онъ пересчиталъ свои деньги; у него пятьдесятъ рублей серебромъ собственныхъ, да двѣсти рублей серебромъ Волженскаго; на послѣдніе онъ не

имѣть права, притомъ надо полковника похоронить и поминки ему справить. Денщикъ идетъ къ лавочнику-Армянину и просить его уговорить какого-нибудь мирнаго чеченца ѣхать за тѣломъ убитаго. Послѣ долгаго торга, одинъ молодой горецъ взялся за пятьдесятъ рублей серебромъ исполнить просьбу вѣрнаго слуги. Онъ отправился на мѣсто, гдѣ погибъ храбрый воинъ, смѣло выдержалъ нападеніе волковъ и чекалокъ, съ остервенѣніемъ оспаривавшихъ добычу, побѣдилъ ихъ съ помощію непріятельскаго разъѣзда, который стерегъ, не поѣдетъ ли гяуръ за какимъ-нибудь валявшимся тѣломъ, и къ свѣту привезъ изрубленный, изгрызенный трупъ Волженскаго благородному, чувствительному денщику. Этотъ, полный благодарности, обнимаетъ Чеченца и выдаетъ ему тотчасъ деньги; потомъ бросается, обнимаетъ тѣло храбраго полковника, приговаривая: „Ну, Ваше Высокоблагородіе, Иванъ Дмитріевичъ, слава Богу, васъ теперь откоуютъ и положатъ съ честію въ святую землю, похоронятъ съ народомъ и со всѣмъ причтомъ; мнѣ же не нажить другого такого отца!“ У Волженскаго не было другой родни на свѣтѣ, кромѣ старухи-сестры, которая жила гдѣ-то въ Курской губерніи помощію, получаемую отъ брата. Дошли ли до нея всѣ эти подробности? Едва ли... А если-бъ и дошли, то, вѣрно, теперь никто уже объ этомъ не помнитъ, или вовсе не знаетъ. И вотъ, человѣкъ, вся твоя слава, за которою ты гоняешься всю жизнь, для которой всѣмъ жертвуешь!... Ты сталъ холоднымъ трупомъ—и всѣ тебя забыли!—Счастливъ еще тотъ, кто умѣлъ заслужить любовь вѣрнаго слуги, который изъ привязанности пожертвуетъ всѣмъ достояніемъ своимъ, чтобы отдать тебѣ послѣдній долгъ!...

Да! въ подобныхъ простыхъ быляхъ гораздо болѣе поучительнаго для мыслящаго существа, чѣмъ въ вѣковыхъ скрижаляхъ или въ цѣлыхъ томахъ нравоучительныхъ преній, въ которыхъ всякій силится лишь блеснуть умомъ и витійствомъ. И что случилось со всѣми гордецами, проповѣдывавшими добродѣтели, которыя сами не всегда исполняли? Иныхъ и слѣдъ простылъ, а другихъ, какой-нибудь автоматъ—наборщикъ книгопечатанія, перепечатывая каталогъ гордой библиотеки, лишь набираетъ имена, вовсе не помышляя о людяхъ, ихъ носившихъ! Удивительно ли это? Но можно ли роптать на такую участь, когда даже всѣ бывшіе вѣнценосные вцтязи, благодѣтели своихъ народовъ или ихъ бичи, ихъ Набуходоносоры, когда Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Скопичъ Шуйскій, Батый, Мамай, ничто иное, какъ имена, которыя каждый образованный человѣкъ произноситъ разъ въ жизни, когда въ дѣтствѣ за школьнымъ столомъ, проходитъ Отечественную Исторію; между тѣмъ, какъ большая часть народа и не по-

дозрѣваетъ, что существовали когда-нибудь эти люди? Многіе ли изъ толпящихся въ Кремлѣ нашей Бѣлокаменной помышляютъ о томъ, что многія изъ этихъ зданій воздвигнуты Годуновымъ во время страшнаго голода, чтобы доставлять пропитаніе народу, не отучивая его приобрѣтать хлѣбъ трудами? Кто, свѣсивъ все дѣянія Годунова, сдѣлаетъ ему приговоръ въ своемъ мнѣніи? Вѣрно, никто. Что все прошлое на землѣ? Гордость и суета! Нравственное, духовное—вотъ одно истинное, существенное, приносящее плоды въ лучшемъ мірѣ, куда мы все идемъ равно, гдѣ правосудіе и возмездіе по дѣяніямъ ожидаетъ насъ!...

Но не о томъ думалъ русскій отрядъ въ Чечнѣ: привычка и ежедневное упражненіе въ бояхъ научили его не знать опасностей; дни текли въ трудахъ и подвигахъ, въ воинственныхъ разсказахъ, какъ гореть изувѣровъ, рѣшась не даваться гяурамъ, заперлась въ мечеть и отчаянно защищалась; потомъ съ засученными рукавами, съ обнаженной пашкою въ одной рукѣ и голымъ кинжаломъ въ другой. какъ они кидались посреди осаждающихъ батальоновъ, напѣвая стихи изъ корана и погибая мужественно, безъ стона, безъ вопля. на русскихъ штыкахъ, рубя встрѣчнаго и поперечнаго: подобныя-то повѣствованія занимали лагерь. Вечеромъ заревая ракета вздымалась высоко въ небо и въ то мгновеніе, когда она лопалась въ воздухъ, раздавался выстрѣлъ заревой пушки, эхо перекатывалось еще въ горахъ, когда по всему обширному лагерю начинали бить вечернюю зарю. Печальные унылые звуки, особенно въ военномъ ставѣ! Они будто оплакиваютъ погибшихъ въ этотъ день, а въ живыхъ рождаютъ мысль: „я живъ еще; но, быть можетъ, послѣднюю зарю слышу я!“ Заря пробита и весь лагерь прославляетъ единаго Бога на разныхъ языкахъ, многоразличными обрядами. И солдаты Рускаго Царя, набранные изъ всѣхъ областей исполинскаго государства, изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ милицій, изъ чужестранцевъ, христіане, и мусульмане—все вмѣстѣ молятся на столькихъ же языкахъ, сколько тутъ различныхъ племенъ. Но все ли они искренни, все ли дружны между собой? О. нѣтъ, далеко нѣтъ! Сколько тутъ противорѣчій въ—страстяхъ, убѣжденійхъ, видахъ и расчетахъ! Посреди этой массы бушуетъ вражда кровная, вражда наслѣдственная, вражда религіозная! Вчера, быть можетъ, они рѣзались: нельзя поручиться, что и завтра не пойдутъ другъ на друга! Странно, подумать, сколько сѣмянъ раздора посеяно въ родѣ человѣческомъ! И все это развиваетъ столь сильныя вражды, вражды непримиримыя! Странно, подумаешь, какъ человѣческій умъ напрягается, чтобы изобрѣсть средства истреблять себѣ подобныхъ! Какъ

будто бы мы не созданы безъ того для смерти и забвенія; какъ будто челоуѣку нѣтъ мѣста ислѣтъ тамъ, гдѣ онъ родился. Зачѣмъ искать другой смерти, чѣмъ той, которую опредѣлила сама природа, и могилу далеко отъ роины!...

Но теперь, среди стана, всѣ частныя ненависти молчатъ передъ властію Сардаря, передъ надеждой на чины, награды и добычу въ грабежѣ: всѣ ложатся спать, многіе въ послѣдній разъ! Лишь цѣпные часовые перекликаются между собой, да чекалки вдали имъ вторить, и сова, испуганная подкрадывающимся врагомъ или украдкою уходящимъ дезертиромъ, слетаетъ шумно съ вѣтви и разглашаетъ по воздуху злоушій крикъ свой. Часа два уже весь лагерь покоится сномъ; одинъ Сардаръ сидитъ въ своей палаткѣ передъ столомъ, на которомъ раскинута карта, освѣщенная множествомъ свѣчъ; нѣсколько офицеровъ разныхъ чиновъ стоятъ передъ нимъ, въ числѣ ихъ находится избранный на эту почъ: онъ начальникъ отряда, посылаемаго въ набѣгъ. Сардаръ отдалъ приказаніе—и всѣ выходятъ. По лагерь разсыпались ординарцы и адъютанты: они передаютъ шопотомъ приказаніе. Наряженные батальоны становятся въ ружье, къ нимъ присоединяется артиллерія со спрятанными фитилями, съ подвернутыми цѣпами, и весь отрядъ, молча, выступаетъ; идетъ онъ такъ тихо, что даже птицы лѣсовъ, около которыхъ проходитъ, не пробуждаются; лишь собаки въ окрестныхъ аулахъ, чуя въ воздухѣ движеніе враговъ, протяжнымъ воемъ прерываютъ глубокую тишину природы.

Передъ разсвѣтомъ, отрядъ ложится въ скрытомъ мѣстѣ, недоходя до аула назначеннаго на истребленіе: идти далѣе ночной темнотою опасно; ну, какъ проводники измѣнили—вѣдь они иноземцы! Да и непріятель могъ открыть движеніе колонны и притаиться: дождаться свѣта всего вѣрнѣе, по крайней мѣрѣ, не попадешь въ засаду! Солдаты лежатъ съ ружьями своими, двадцатипятилѣтними неразлучными спутниками въ рукахъ и слушаютъ, сквозь дремоту, какъ поютъ цѣтухи въ аулѣ; многіе готовятъ свои желудки на одну лакомую добычу, которая должна будетъ доставить имъ на слѣдующій день вкусную пищу. Между тѣмъ кое-когда слышался лай собакъ и воины про себя занимались разгадываніемъ причинъ лая псовъ; воображеніе рисовало имъ: то вора, крадущагося по улицамъ деревни, то героя любовнаго приключенія, возвращающагося домой съ истомою наслажденія, или тщетнаго ожиданія. Наконецъ и заря стала заниматься. Шопотъ пронесся по рядамъ войскъ: „становись.“ Опытный солдатъ, вставая, смотритъ на полку своего ружья, не высыпался ли порохъ, и вытираетъ ее отъ ночной

росы. Вотъ колонна рушилась: войско идетъ полудремля; иному снятся разные сновидѣнія,—но вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ—и все пробудилось. Непрiятельскiй караулъ дажъ знаетъ о приближенiи опасности; неугомонный лай псовъ доказываетъ суету на улицахъ близъ лежащаго аула. Вотъ и лихiе, безстрашные линейные казаки повелись обскакать деревню: артиллерiя построилась противу нея и очищаетъ непрiятельскiе завалы. Едва умолкла она, какъ батальонъ бѣжить уже на приступъ съ ружьемъ на перевѣсъ и съ дикими криками „ура!“ Между тѣмъ казаки доскакали; поднялась стрѣльба; враги встрѣтились; съ обѣихъ сторонъ валятся убитые и раненые, но Чеченцевъ болѣе, чѣмъ Русскихъ: они бѣгутъ, ихъ преслѣдуютъ. Казаки въ изступленiи не чувствуютъ себя, кровь ихъ кипитъ. лица побагровѣли—это сдѣлались не люди, а лютые звѣри, имъ нужна кровь, необходимы трупы! Линейцы рубятъ все что имъ попадется, всѣхъ кого могутъ догнать: здѣсь упалъ маститый старецъ. „смерть ему! онъ разжигалъ мятежъ въ сердцахъ юношей!“ Тутъ лежитъ женщина съ груднымъ ребенкомъ: „смерть обѣимъ! одна вскармливала врага, другой со временемъ сражался бы.“ Тамъ простертъ изрубленный юноша: „смерть ему! однимъ врагомъ на свѣтъ меньше.“ Далѣе валяется прелестная дѣва: „смерть ей! она была бы матерью нѣсколькихъ враговъ.“ Но вотъ казакъ въ кровавомъ влеченiи своемъ прiостановился надъ нею: ея богатый уборъ прельстилъ его: онъ обдираетъ прекрасный этотъ трупъ. Въ аулѣ вторятъ битвѣ поля: но тамъ дерутся одни воины, здѣсь защищается все—мужчины, женщины и дѣти: всякой штыгъ колетъ, всякiй прикладъ ломитъ: на улицахъ валяются трупы разныхъ половъ и возрастовъ, разбитые сундуки и разные пожитки. Когда не стало враговъ, не въ кого стрѣлять, тогда солдаты принялись истреблять съ тѣмъ же остервененiемъ домашнюю птицу на сучьяхъ садовыхъ деревьевъ.

Бой прекратился. Батальоны становятся на привалъ и варятъ въ котлахъ добычу. Окончивъ трапезу и отдохнувъ, бьется подъемъ: деревня зажигается, а колонна уходитъ назадъ, гоня передъ собою плѣнныхъ и барабату, забравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Возвратясь уже поздно къ главному отряду, это войско располагается на ночной отдыхъ, а другое паряжается на подобный поискъ, если не предназначено движенiя плѣннымъ отрядомъ.

На слѣдующее утро стоялъ парадъ. Изъ церковной ставки вынесли трупы убитыхъ наканунѣ и умершихъ отъ ранъ, зашитые въ боевыхъ плащахъ. Духовенство въ полномъ облаченiи пошло впередъ, поючи погребальныя молитвы; позади военная музыка уныло играла

похоронный маршъ; за нею весь парадъ слѣдоваль безмолвно съ опрокинутыми ружьями. Раздались залпы, и храбрые легли въ землю: послѣднія почести отданы христіанину и воину. Музыка возвратилась назадъ и воздухъ наполнялся веселыми ея звуками. Никто въ лагерь не помнилъ болѣе о похороненныхъ, и къ чему бъ послужило это воспоминаніе? Умъ человѣческой, никакія познанія, никакое имущество не въ силахъ ихъ воскресить! Они совершили земное поприще, каждый по своимъ склонностямъ, убѣжденіямъ, страстямъ; слѣдственно они должны были покориться и послѣднему назначенію природы, служить пищею могильному червю, утучнить землю, въ которую легли.

Грустно, даже отвратительно помышлять о тлѣніи посреди нѣги и роскоши, избрѣтенныхъ богатствомъ; но на Кавказѣ истинный воинъ видитъ въ смерти давно желанный отдыхъ отъ трудовъ и лишеній, непонятныхъ баловнямъ природы. Онъ не заботится о томъ, что станетъ съ его трупомъ; опытъ говорить ему, что рѣдкій возвращается изъ этого воинственнаго, кроваваго края, слѣдственно, ему все равно умереть сегодня или послѣзавтра. Когда же поразмыслить, то еще предпочитаетъ погибнуть сегодня, чтобы избѣгнуть завтрашнихъ трудовъ; поэтому, покорный долгу чести, если умѣютъ ему внушить это возвышенное чувство, онъ пренебрегаетъ опасностями и творитъ геройскіе подвиги безъ всякаго тщеславія. Чеченцу, въ свою очередь, досталась въ удѣлъ жизнь суровая, безъ радостей, полная нуждъ и лишеній, горестей, трудовъ и опасностей; вѣра въ предопредѣленіе непоколебима въ немъ; наконецъ, если погибнетъ онъ въ бою противъ гяуровъ, его ожидаетъ почеть, которой онъ цѣлою жизнью домогается: на его могилѣ поставится высокій шестъ съ развѣвающимся флюгеромъ—это служить ему наградою за земныя доблести и передаетъ въ потомство его геройскіе подвиги, свидѣтельствуешь о немъ, какъ о вѣрномъ, ревностномъ мусульманинѣ—единственныхъ гражданскія добродѣтели, существующія посреди этихъ племянъ! Чтобы удостоиться такого надгробнаго памятника, который долженъ передавать его имя изъ рода въ родъ, онъ совершаетъ при жизни изумительные примѣры мужества—вотъ тайна, изъ которой проистекаетъ неимовѣрная храбрость кавказскихъ природныхъ жителей.

Каждога животнаго водятъ какою либо приманкой: волка—падалью, чеченца—надгробнымъ памятникомъ и такъ далѣе!!..

ОТЪ РОМАНОВСКАГО КОМИТЕТА

*И изже иже напоитъ единого отъ
малыхъ чашъ чашею студены воды
тоже, во имя ученика, аминь гла-
голю вамъ, не погубитъ мзды своен.*

(Ев. отъ Мате. гл. 10, ст. 42).

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-богатыри наши отдають свою жизнь на защиту родины отъ кроваваго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣтъ воспитательныхъ учреждений, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшимъ вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учрежденіями.

Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ добродѣтельныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣритъ, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностью, будетъ израсходована съ строгою бережливостію и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (по Романовскому Комитету)—Петроградъ ул. Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.
2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.
3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленныя денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковскаго, 59).

Открыта подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Редакторъ-издатель **И. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. Матеріалы по исторіи Русской литературы и культуры.

2. Въ Россіи и за границей. (Обзоры и замѣтки). Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. Критическое Обзорѣніе. (Библиографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обзорѣнію прилагается расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на Русскомъ языкѣ книгъ.

Постоянное участіе въ Русской Мысли принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ө. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыначевъ, ин. Евг. Н. Трубецной, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго года Русская Мысль удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи.	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу.	17 „	12 „ 25 „	8 „ 50 „	4 „ 25 „

На одинъ мѣсяць для иногородн. внутри Россіи **1 р. 52 к.**

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1 р. 50 к.**

Принимается подписка и производится розничная продажа ММЖ журнала въ Петроградѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостинный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Изданія
годъ IX-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

Изданія
годъ IX-й.

на еженедѣльный библиографическій журналъ

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:

- I. а) Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, какъ на Русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ.
- б) Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и т. д.
- в) Предметный указатель, представляющій собою сводъ всего напечатаннаго за недѣлю.
- II. Частныя объявленія.
- III. „Алфавитный перечень запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ изданій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО:

„Алфавитный списокъ сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранной цензурою.“

ДВА РАЗА ВЪ ГОДЪ:

- а) Указатель авторовъ за 6 мѣсяцевъ.
- б) Сводный предметный указатель за то же время.

ЕЖЕГОДНО:

- а) Сводный (годовой) систематическій предметный указатель къ журналу.
- б) Сводный алфавитный указатель запрещеннымъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ за истекшій годъ.

Подписка на журналъ принимается въ предѣлахъ одного года; на полугодіе же— съ 1-го января или съ 1-го іюня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Внутри Имперіи: за годъ 6 руб. | За границу: за годъ 10 руб.
" " за 1/2 года 3 руб. | " " за 1/2 года 5 руб.

Отдѣльный номеръ (безъ пересылки) 15 коп.

Перемѣна адреса—28 коп.

Для библиотекъ и любителей печатается съ одной стороны. Подписка только годовая—цѣна 9 руб., за границу—14 руб., въ розницу не продается.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1 страница . . . 15 руб. ☞ 1/2 страницы . . . 8 руб. ☞ 1/4 страницы . . . 4 руб.

ЗАЯВЛЕНІЯ о неполученіи номеровъ журнала должны дѣлаться вслѣдъ за получениемъ слѣдующаго номера; болѣе же позднія заявленія оставляются безъ послѣдствій.

Подписка и объявленія принимаются при конторѣ редакціи (Петроградъ, Театральная ул., 3).

При конторѣ редакціи принимается также подписка и на отдѣльные оттиски изъ журнала: а) „Алфавитные перечни запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ книгъ)—50 еженедѣльныхъ выпусковъ въ годъ и б) „Алфавитные списки сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранною цензурою“ (12 ежемѣсячныхъ выпусковъ въ годъ), по цѣнѣ ОДИНЪ рубль въ годъ за каждое изданіе названныхъ оттисковъ журнала. Въ розницу означенные оттиски не продаются.

1915

3-й

ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семеновскаго.

1915

3-й

ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГОЛОСЪ МИНУЩАГО

Журналь иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами.

Журналь посвященъ исторіи и исторіи литературы Русской и всеобщей и имѣеть въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращающае вниманіе въ ближайшее время на темы, способствующія историческому пониманію текущей войны.

Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи **СЛАВЯНСТВА** (Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Турціи за послѣдніе 50 лѣтъ и рядъ биографій (Вильгельмъ II, Косцюшко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ).

Въ 1915 будетъ печататься

Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи.

Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена переписка ген. А. П. Ермолова, А. Н. Гончарова, Софьи Новалевской, кн. Д. М. Волконскаго, гр. А. А. Аранчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова, декабристовъ: Розена, Янушкина, Пущина, фонъ-Визина; дѣятели освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора Шульца и др.

Кромѣ того предложены статьи и воспоминанія *Д. Н. Анучина, К. К. Арсеньева, В. Я. Богучарскаго, И. П. Бьллоконскаго, Е. Н. Водовозовой, Ч. Вьтринскаго, Н. В. Давыдова, С. А. Ефремова, И. Н. Игнатова, А. А. Кизеветтера, П. С. Когана, Л. С. Козловскаго, П. А. Кропоткина, Е. Д. Кусковой, Н. К. Морозова, Л. О. Пантелева, М. Н. Покровскаго, Г. В. Плеханова, С. Н. Прокоповича, А. С. Пругавина, Н. И. Романова, И. Е. Рьпина, В. И. Семеновскаго, Е. В. Тарле, В. Г. Тана, В. Н. Фигнеръ, В. М. Фриче, Р. М. Хинъ* и др.

Обозрѣніе текущихъ иностранныхъ журналовъ ведется: *А. М. Васютинскиль, В. Н. Перцевиль, В. Керженцевиль* (Лондонъ), *И. М. Херасковиль* (Парижъ), *Г. И. Шрейдероль* (Римъ).

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи въ 1914 году приняло участіе болѣе 80 авторовъ.

Подписчики на 1915 годъ имѣютъ право приобрести въ конторѣ Журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія

ЗА ДРУГА.

Подробный проспектъ высылается бесплатно.

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 10 руб.: на 6 мѣс. — 5 руб.; для парод. учителей разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29.

Книгоиздательство ЗАДРУГА.

4 р.въ годъ
за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОД ПИСКА
на
1914—15
годъ
(6-й г. изд.).

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. **большого формата**. За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). * «Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ периодич. такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. * Главная задача журн.— всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. * «Бюллетени»—это коллективная литер. памятка наиболее выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросы и задачи современности. Поэтому они могутъ служить **настоящею книгою** для каждого, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. * За истекшій годъ въ «Бюл.» напеч. 226 ст. по самымъ разнообраз. вѣд. Кроме того даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 сов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльных вопросовъ. * Библиографія въ «Бюлл.» ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самое широкаго круга читателей.

Трагическимъ событіямъ современной **ВОЙНЫ** «Бюлл.» уделяютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

Отзывы печати. Утро Россіи.» Жур. заслуживаетъ особаго вниманія». * Рус. Вѣд.: «Бюлл. знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни»... * Рус. Шк.: «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же «Бюлл.» оказываютъ огромную услугу»... * Огни: «Трудно представить себѣ челоѣка, съ известными культур. зап., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.»... * Рус. Сл.: «Въ журн. запечатлана вся литер. жизнь года»... * Совр. Сл.: «Задача журн. изъять, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе»... * Голось: «Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли».

Илл. Обзор. Гол.: «Бюлл.» (серия) страстно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ». * Нов. Ж. для Вс.: «Бюлл.» незамѣнимы, особенно въ провинціи». * Ряз. Вѣст.: «Бюлл.» умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни»... * Сѣв. У.: «Журн. въ дѣльных, обстоят. ст. даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ»... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго»... * Рус. Молва: «Все то важное, что терялось въ густь журн.

и пестромъ содерж. газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ самые широкіе круги читателей»... * Киев. Мысль: «Бюлл.» могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющие возможность сдѣлать за литературой по «первоисточникамъ», а для провин. читателей, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляютъ интересъ сугубый». * Ран. Утро: «самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться «Бюлл.»». * Вѣст. Восп.: «...Изданіе, заслуживающее вниманія широкихъ круговъ читателей»... Мы... относимся съ сочувствіемъ въ этому полезному и интересному изд.»... * Жатва: «Хорошую культурную работу выполняютъ «Бюлл.»»... * Нижегород. Лист.: «...Изданіе, очень интересное по своему характеру... избавляетъ отъ перечитыванія всѣхъ журналовъ»... * Курск. Газ.: «...Вотъ журн., которому по праву будетъ принадлежать будущее и самое изд. котораго —отраднѣвшее литер. явл. современности»... * Изв. Одес. Библиогр. О-ва: «Для библиографовъ въ этомъ изданіи представл. большой интересъ отд. отзывы о книгахъ»...

Сибирь: «Титъ «Бюлл.»... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и действительно, даетъ отраженіе идейной, дух. жизни современности»...

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 5 р. Для сельск. учпт. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 3 р. 50 к. Подписна примим. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты «Бюлл.» Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4. р. въ перепл.; за 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Грандievскій и В. Носенковъ. * Редакторъ: В. Грандievскій.

Открыта подписка на 1915 г. на журналъ:

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи

— Годъ изданія—ТРЕТІЙ.—

Выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками, около 3 печатныхъ листовъ каждая.

(По мѣрѣ надобности помѣщаются иллюстраціи и карты).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и доклады по изученію края, преимущественно въ отношеніи историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ, а также по выясненію условій его всесторонняго развитія; научные вопросы, связанные съ изученіемъ края въ указанныхъ отношеніяхъ. Текущая дѣятельность Общества изученія Олонецкой губерніи. Хроника правительственной, общественной и частной инициативы въ дѣлѣ изученія губерніи, развитія ея производительныхъ силъ и условій жизни населенія. Отдѣльныя статьи, замѣтки и сообщенія о жизни края и его изученіи. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Указатель литературы по всеѣмъ вопросамъ, касающимся края. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Отвѣты редакціи. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА, съ доставкой и пересылкой:

	На годъ:	На $\frac{1}{2}$ года:	На $\frac{1}{4}$ года:	На 1 мѣс.:
для членовъ О-ва:	8 кн.—2 р.	4 кн.—1 р.—к.	2 кн.—50 к.	1 кн.—25 к.
для прочихъ подписчиковъ:	„ —3 р.	„ —1 р. 50 к.	„ —75 к.	„ —50 к.

Съ пересылкой за границу 4 руб. въ годъ.

Періодич. изданія и объяв. о нихъ охотно принимаются въ обмѣнъ.

Всякаго рода запросы должны снабжаться почтовыми марками или открытыми письмами для отвѣта.

Подписка и объявленія въ Петрозаводскѣ принимаются: въ Правленіи О-ва (въ помѣщеніи Губернскаго Правленія); въ Губ. Типографіи, въ книжномъ маг. Мазилова, въ Гостинномъ дворѣ.

Гг. иногородніе подписчики и публикаторы благоволятъ обращаться по адресу:

Петрозаводскъ, Правленіе Общества Изученія Олонецкой губ. (По редакціи).

Доставляемая въ редакцію статья должна быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи безъ обозначенія условій, считаются безплатными и могутъ быть оплачены по усмотрѣнію редакціи.

Пробные ЛѢЛѢ высылаются за 5 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются въ уплату. За перемѣну адреса просимъ высылать 4 семикоп. марки.

Отв. издатель:

Предсѣд. Правленія О-ва изученія Олонецкой губ.

А. Ѳ. Шидловскій.

Редакторы: { И. И. Благовѣщенскій.
Горн. Инж. Б. Н. Михайловъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 г.

на СТАРѢЙШІЙ изъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ журналовъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

51-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ неофициальной части 1913 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: Я. Н. Кугаревъ. Вопросы религіи и морали въ Русской художественной литературѣ. Алексѣй Барсовъ. Разборы словесныхъ произведеній съ точки зрѣнія теоріи словесности. М. Н. Писаревъ. Изъ отчета начинающаго преподавателя исторіи. Н. Дрентельнъ. Рядъ «комбинированныхъ» опытовъ на самодѣльныхъ приборахъ для начальнаго преподаванія и практическихъ занятій. А. А. Зонненштраль. Общій строй французской школы и преподаваніе физики во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н. Самохваловъ. Къ постановкѣ курса анализа безконечно-малыхъ въ кадетскихъ корпусахъ и др.

Въ неофициальной части 1914 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: Алексѣй Барсовъ. Литература послѣ Гоголя; Чеховъ. К. Евсѣевъ. Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ Русской педагогической литературѣ. Флеровъ Алексѣй. Замѣтки личнаго опыта. Н. Дрентельнъ. Ученіескіе вопросы. В. Л. Розенбергъ. О динамическомъ измѣреніи силъ и принципъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. А. М. Шеталова. Юношескій возрастъ, его особенности и охрана. Евгений Лозинскій. Воспитаніе въ борьбѣ съ вырожденіемъ. А. Щепинскій. Кинематографъ съ школьной точки зрѣнія. Н. Каменьщиковъ. Астрономическія задачи изъ литературныхъ произведеній. К. Лѣниловъ. Педагогическое рисованіе. К. Житомирскій. Классификація глагольныхъ формъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. А. Полторацкій. Международный конгрессъ по физическому воспитанію въ Даніи въ 1911 году. М. Г. Попруженко. Второй Всероссійскій съѣздъ преподавателей математики. В. Вольницевъ. Новости иностранной педагогической литературы. Н. Бахтинъ. Война и внѣклассное чтеніе. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ф. Кантерева, Ан. Ник. Макарова, А. Постникова, М. Гр. Попруженко, Н. С. Дрентельна, А. С. Рождествина, Б. Л. Розенберга, Н. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. П. Бахтина, К. Лѣнилова, В. П. Буданова, С. Берштейна, Н. Саввина, А. Налимова, А. П. Флерова, М. Д. Приселкова, С. А. Переселенкова, П. П. Покотило, Евг. Лозинскаго, К. Житомирскаго, Вл. Шидловскаго, Е. Е. Семашкевича, Н. К. Михайловскаго, Б. Флейшера, А. С. Азарьева, С. Транлина и др. Въ приложеніи къ журналу печатается „Краткій отчетъ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній“ за очередной годъ, включающій работы отдѣловъ: 1) Русскаго языка, 2) Математики, 3) Физики, механики и космографіи, 4) Естествовѣдѣнія, 5) Географіи, 6) Графическихъ искусствъ и 7) иностранныхъ языковъ (разборъ учебныхъ программъ, пособій и книгъ, объѣмъ мнѣній (преподавателей-практиковъ и ученыхъ-специалистовъ) вообще по всѣмъ вопросамъ преподаванія въ средней школѣ.)

Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуются въ редакцію: *Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.*

Редакторъ: **И. С. Симоновъ.**

Открыта подписка на 1915 г. на журналъ

СООБЩЕНІЯ

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ

(*Двадцатъ шестой годъ изданія*).

«Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества»—единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ.

Его задача—изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи, вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія-Византія, Египетъ, Аѳонъ, Синай—вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію въ журналѣ, причѣмъ преимущественное вниманіе удѣляется Святой Землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, географія, топографія, богослуженіе, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, отдѣлахъ и вопросахъ—вотъ центральные пункты журнальной программы. Въ частности, въ журналѣ помѣщаются—ислѣдованія по различнымъ научнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики Русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь Русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣдѣнію, критика и библиографія Русскихъ и иностранныхъ изданій, официальные отчеты и сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Статьи носятъ частью научный, частью популярный характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ снабжаются иллюстраціями.

Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ пользу жизнненности и важности назначенія журнала выразительно говоритъ и одинъ фактъ вступленія его въ 26-й годъ изданія.

Въ журналѣ участвуютъ профессора нашихъ духовныхъ академій и университетовъ. Для работъ въ журналѣ приглашены и новые сотрудники изъ среды дѣятелей на православномъ Востокѣ, поставившіе своей задачей знакомить Русское общество съ современною церковно-общественною жизнью Востока на основаніи непосредственнаго ея изученія, въ связи съ предстоящими и отчасти уже совершившимися реформами.

Въ новомъ 1915 году въ журналѣ будутъ помѣщены: очерки изъ прошлой и современной исторіи Иерусалимской и Антиохійской церквей, очерки дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, изслѣдованія изъ области новѣйшихъ археологическихъ разысканій и открытій въ Святой Землѣ и т. д.; будетъ, въ частности, расширенъ критико-библиографическій отдѣлъ.

Въ теченіе 1915 года «Сообщенія ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества» будутъ изданы въ **четыре**хъ выпускахъ, до **десяти** печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна на «Сообщенія» въ 1915 году—**три рубля съ пересылою**.

Подписка принимается исключительно въ Канцеляріи ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества: Петроградъ, Вознесенскій просп., д. № 36.

Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: Петроградъ, Невскій пр., д. № 173, кв. 1.

Редакторъ: профессоръ *Ив. Ив. Соколовъ*.

Открыта подписка на 1915 г.

на

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

НАША СТАРИНА

Близкое и далекое прошлое Россіи, Запада и Востока въ историческихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, очеркахъ, воспоминаніяхъ, изслѣдованіяхъ и т. п. Приложенія—Лѣтопись великой Отечественной войны.

Интересъ къ исторической беллетристикѣ и къ исторической литературѣ вообще съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Существующіе историческіе журналы не удовлетворяютъ въ достаточной мѣрѣ этого спроса: число ихъ весьма ограничено, одни для многихъ читателей недоступны по цѣнѣ, другіе узко-спеціальны по содержанію. Восполнить пробѣлъ въ подобномъ общедоступномъ по цѣнѣ историческомъ ежемѣсячникѣ, который давалъ бы живой, интересный и къ тому же вполне литературный матеріалъ, составляетъ задачу журнала „НАША СТАРИНА“. Девизъ его — историческая правда. Партийныя цѣли совершенно исключаются. Журналъ выходитъ 1-го числа cadaго мѣсяца книжками большого формата на плотной бумагѣ, съ иллюстраціями. Къ участию въ журналѣ приглашены лучшія литературныя и научныя силы.

Подписная цѣна въ годъ — ПЯТЬ руб.; на полгода — 2 руб. 80 коп.

Перемѣна адреса: 25 коп. (можно марками).

Подписка принимается: въ редакціи журнала, Петроградъ, Мойка, 32 (отъ 11 до 5 часовъ), въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ, а также во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ.

Иногороднимъ по почтѣ подписную плату слѣдуетъ направлять исключительно по адресу: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26, Редактору-Издателю журнала Н. Н. Сергіевскому. По этому же адресу слѣдуетъ направлять всякую корреспонденцію (въ томъ числѣ и денежную).

Личные переговоры съ редакторомъ: Мойка, 32, отъ 1—4 час., по средамъ. Телефонъ 619—59.

Редакторъ-издатель **Н. Сергіевскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русский
иллюстрированный ПИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ еженедельникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставившій себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ. нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ принципиальные споры, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ не менѣе двухъ большихъ разсказовъ и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Бруснына, Б. Верхоустинаго, З. Н. Гиппиусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му іюня—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. И гоева, В. Я. Ирещнаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедельные обзоры войны Георгіевскаго (Г. П.), а также письма съ войны собств. кор респонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ уделено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатается отдѣлъ „Объ искусствахъ и литературѣ. Вѣсти и мнѣнія“, составленный изъ сообщений, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральныхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Зейсснера и др., а также многочисленныя фототюды и фотографии собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

— ГОДЪ ИЗДАНІЯ 50-Й. —

„Астраханскій Листокъ“

— ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ. —

„Астраханскій Листокъ“

будеть выходить въ 1915 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„Астраханскій Листокъ“

газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ.

„Астраханскій Листокъ“

систематически иллюстрируетъ газетный текстъ рисунками, портретами, чертежами и проч., для чего оборудована собственная фото-цинкографія, обставленная новѣйшими приспособленіями.

„Астраханскій Листокъ“

выходитъ въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ (отъ 6 до 10 страницъ ЕЖЕДНЕВНО) и расходится въ двойномъ количествѣ экземпляровъ, по сравненію со всеми остальными мѣстными газетами, взятыми вмѣстѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

принимаются непосредственно конторою редакціи—(Астрахань, Мало-Демидовская, соб. д.) и конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова).

Подписная цѣна съ пересылкой: 1 годъ—7 р. 50 к., 1/2 года—3 р. 75 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—1 р.

Редакторъ-издатель: В. И. Склабинскій.

ТОРГОВОЕ ДѢЛО

Ежемѣсячн. журналъ для организаціи и веденія торгово-промышленныхъ предпріятій. Въ 1915 году за 6 руб. подписчики получаютъ:

ЕЖЕМѢС. ЖУРНАЛЬ, содер. статьи по устройству и веденію торгово-промышл. предпріятій по новѣйшимъ методамъ торговли.

12 ПРИЛОЖЕНІЙ, стоящія отдѣльно около двадцати рублей: 1-3. Указатель Готовыхъ Платъ за перевозку товаровъ по жел. дор., 3 книги—3 руб. 50 коп. 4. Указатель Покупателей С.-Хоз. Продуктовъ—1 р. 50 коп. 5. Адресная книга «Вся Европа»—3 р. 75 к. 6. Практическіе Совѣты изъ Торговой Практики—1 руб. 75 коп. 7. Искусство рекламировать—75 к. 8. Искусство вояжировать—75 к. 9. Искусство продавать—75 коп. 10. Какъ найти хорошую службу или агентуру—50 коп. 11. Какъ организовать Торговлю для Иногороднихъ по почтѣ—75 к. 12. «Вся Оптовая Россія»—3 руб. 75 коп. Подробный проспектъ высылается бесплатно.

Первыя 8 книжекъ и 11 приложеній уже готовы и высылаются сейчасъ же по полученіи денегъ или наложеннымъ плат. на 6 руб. 20 к. Приложенія высылаются нал. пл. и отдѣльно по указаннымъ цѣнамъ.

Редакт.-Изд. Секретарь Гофъ-Маклера Одесской Биржи Э. С. Гальперинъ. Адресъ: Въ к-ру журнала «ТОРГОВОЕ ДѢЛО» Одесса, Соборная 2.

Комплектъ Счетоводныхъ книгъ, изданныхъ редакціей «Торг. ДѢла» для веденія счетоводства безъ помощи бухгалтера—20 руб. Проспекты высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1915 годъ

на издающуюся въ Ярославль ежедневную безпартійную прогрессивную газету
сѣвернаго края

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА является прогрессивнымъ безпартійнымъ независимымъ органомъ печати. Она стремится къ широкому ознакомленію своихъ читателей съ событіями заграничной и внутренней жизни.

Особое вниманіе ея удѣляется возможно полному и всестороннему освѣщенію общественныхъ и экономическихъ вопросовъ сѣвернаго края.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА даѣтъ въ 1915 году бесплатно своимъ годовымъ подписчикамъ 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ литературныхъ приложеній, состоящихъ изъ произведеній современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Подписная плата на СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на 1 годъ 4 р. 50 к., 6 мѣс. 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 20 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 июля 1 р. 50 к. и 1 сентяб. 1 р.

Священники и сельскіе учителя пользуются при годовой подпискѣ скидкою въ 50 коп. съ экземпляра.

Годовые подписчики, внесшіе подписную плату теперь, получаютъ СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ со дня подписки до 1 января 1915 г. бесплатно.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Бонтора и редакція СѢВЕРНОЙ ГАЗЕТЫ: Ярославль, Власьевская ул., 52.

Издательница Ю. А. Торгова.

Редакторъ В. И. Малышевъ.

ОТКРЫТА на 1915 годъ ПОДПИСКА

(третій годъ изданія)

на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на $\frac{1}{2}$ года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ «Кооперативная Жизнь» выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная Жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1. ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. Въ текущемъ году были помѣщены статьи на темы: Съѣзды по сельскохозяйственной кооперации, Сохраненіе единства кооперации въ Россіи, Кооперация и областничество, О союзномъ строительствѣ, Торговый договоръ съ Германіей и Россійская кооперация, Годичное собраніе акціонеровъ Московскаго Народнаго Банка, Теорія и практика въ кооперативномъ дѣлѣ. Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи и др. 2. ЖИЗНЬ КООПЕРАТИВОВЪ НА МѢСТАХЪ. 3. КООПЕРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ. 4. ВЗАИМООТНОШЕНІЯ ЗЕМСТВА И КООПЕРАТИВОВЪ. 5. КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ. 6. ИНСТРУКТОРСКІЙ ОТДѢЛЪ. 7. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКАГО НАРОДНАГО БАНКА. 8. КОНСУЛЬТАЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 9. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ. 10. ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ. 11. ХРОНИКА КОМИТЕТА О СЕЛЬСКИХЪ ССУДО-СБЕРЕГ. И ПРОМ. Т-ВАХЪ.

Большое мѣсто удѣляется корреспонденціямъ съ мѣстъ.

Періодически журналъ производитъ обследованія—анкеты, имѣющія цѣлью освѣщать разныя стороны кооперативной практики. Такъ, въ текущемъ году на страницахъ журнала въ рядѣ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи разсматривалось положеніе товарищескихъ операций съ хлѣбами въ 1913 году. Помѣщались также статьи читателей по вопросу о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ и по вопросу о союзномъ строительствѣ. Кроме того всѣмъ подписчикамъ въ 1914 году были разосланы бесплатныя приложенія: Первый и второй сборники статей: „Библиотека Кооперативной Жизни“. Статья Н. Полянскаго, прис. нов., Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ кооперативныхъ товариществъ. Статья А. И. Переса, прис. нов., Обь организаціи волостныхъ и земскихъ попечительствъ. Съ № 21-го при журналѣ всѣмъ подписчикамъ прилагаются: „Труды Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.

Цѣна журнала за 1914 годъ (24 №№ и приложенія) 5 руб., безъ приложеній 3 руб. Цѣна журнала за 1913 годъ 3 р. (24 №№). Остальные №№ журнала за 1913 и 1914 и. по 20 коп. Сборники „Библиотека Кооперативной Жизни“ по 1 рублю.

Редакціонный комитетъ:

М. П. Авсарисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ,

В. А. Кильчевскій, А. Е. Нулыжный, Г. А. Мартюшинъ,

Н. П. Огановскій, А. В. Чайновъ и кн. Д. И. Шаховской.

Проспектъ объ изданіяхъ „Кооперативной жизни“ высылается по требованію бесплатно.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопѣчныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“.

Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

(22-й годъ изданія)

РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

(съ приложеніемъ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ЛИСТНА).

Сотрудниками „РМГ.“ состоятъ **В. Акименко**, **П. Бебутовъ** (Тифлисъ), **Викт. Вальтеръ**, **В. Васильевъ**, **Рост. Геника** (Харьковъ), **А. Григорьянцъ** (Баку), **Евг. Гунстъ**, **Р. Ивановъ** (Иркутскъ), **И. Изюмовъ**, **М. Кальвокореси** (Парижъ), **Л. Караффа-Корбутъ** (Варшава), **проф. Н. Кашкинъ**, **Д. Кулыгинъ** (Саратовъ), **Ю. Курдюмовъ**, **свящ. В. Лебедевъ** (Тамбовъ), **проф. Ф. Либерманъ**, **Ив. Липаевъ** (Саратовъ), **Н. Малковъ**, **проф. В. И. Петръ**, **Бор. Поповъ** (Чермъ), **Н. Приваловъ**, **Гр. Прокофьевъ** (Москва), **В. Ребиновъ**, **С. Рыбаковъ**, **Н. Саввинъ** (Н.-Новгородъ), **проф. Л. Саккети**, **Б. Тютчевъ**, **Н. Фатовъ** (Москва), **Р. Энгель** (Одесса), и др. Собственные корреспонденты въ главныхъ музык. городахъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Редакція предполагаетъ выпустить въ 1915 г. слѣдующіе спеціальныя №№, посвященные современнымъ русскимъ и соврем. испанскимъ композиторамъ, церковной музыкѣ и соврем. русскимъ духовнымъ композиторамъ. **С. И. Танцеву**, памяти **М. А. Балакирева** и др. №№.

Одинъ изъ № (выйдетъ къ 1-му апрѣля) съ карриатурами и статьями на музыкальныя злобы дня.

Съ № 1-го начнется печатаніе историко-критическаго очерка **Нин. Финдейзена** **СЮЖЕТЪ ФАУСТА ВЪ МУЗЫКѢ**.

Въ видѣ особаго приложенія въ 1915 г. начнется печатаніе цѣнныхъ историческихъ **Матеріаловъ къ биографіи Н. А. РИМСКАГО-КОРСАКОВА** по личнымъ воспоминаніямъ **В. В. ЯСТРЕБИЦЕВА**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ съ дост. и перес. въ годъ—5 руб. (за границу—6 руб.) на 6 мѣсяцевъ (съ 1 янв.)—3 руб.

На другіе сроки подписка не принимается.

Объявленія: за строку петита впереди текста 50 коп., позади текста 30 коп.

Редакція и Главная Контора: **ПЕТРОГРАДЪ, 2 рота, 16 (тел. 507-64).**

Редакторъ-Издатель *Ник. Финдейзенъ*.

Открыта подписка на 1915 годъ
на ежедневную, большую, прогрессивную, **КРАЕВУЮ** газету

„СЪВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ“

Въ газетѣ принимаютъ участіе приглашенные столичные литераторы а также мѣстные и краевые общественные дѣятели и литераторы.

Собствен. корреспон. во всѣхъ городахъ и мѣстечк. С. З. Края.

Подписная цѣна:

Въ Минскѣ: На годъ—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 50 коп., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—60 к.

Въ другихъ городахъ: На годъ—6 р., на 6 м.—3 р., на 3 м.—1 р. 85 к., на 1 м.—85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ опускается разсрочка: При подпискѣ—2 р., къ 1 марта 2 руб. и 1 мая для городекихъ—1 руб., для вногороднихъ—2 руб. Учит., дугов. лицамъ, военнымъ и учащимся при годовой подпискѣ скидка—15% при полугодовой 10%.

Адресъ редакціи и конторы: **Минскъ губ. Преображенская, 23.**

Редакторъ **С. ЗУСЕРЬ**.

ОБЩЕСТВО „ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ“.

Поставивъ себя задачей придти на помощь всѣмъ желающимъ работать на нивѣ экономическаго возрожденія нашей родины и желая объединить капиталъ, знаніе и трудъ въ цѣляхъ развитія самостоятельности силъ страны, Общество съ 20 декабря сего года, приступаетъ къ изданію собственнаго журнала:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

Журналъ будетъ заключать въ себя слѣдующіе отдѣлы:

1. Правительственныя распоряженія и торговое законодательство.	6. Химическій.
2. Экономическій.	7. Фармацевтический.
3. Торгово-промышленный.	8. Сельскохозяйственный.
4. Фабрично-заводскій.	9. Научный.
5. Фотографическій.	10. Биржа и рынки.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры существующихъ и вновь возникающихъ отраслей отечественной промышленности, торговли, а также и обзоры природныхъ богатствъ Россіи. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ справокъ и отвѣтовъ гг. членамъ Общества и подписчикамъ.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедѣльный журналъ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Петроградѣ съ 1 іюля 1912 г.

Задачею журнала служить безпристрастное, правдивое, научно-обоснованное и чуждое партійной односторонности освѣщеніе вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. К. М. Агеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, К. Н. Брянчаниновъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, проф. А. Е. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, А. А. Палковъ, В. П. Соколовъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, проф. П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубицкой, проф. В. И. Экземплярскій и другіе.

Годовые подписчики журнала „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ получаютъ въ 1915 году (въ Январѣ) въ качествѣ бесплатнаго приложенія изд. въ 1914 году кн.: Г. А. Василевскаго „Бaptизмъ и свобода воли“. Природа Церкви. Основы баптизма. Догматы. Культъ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ СЛОВО,

которое издается ближайшимъ сотрудникомъ журнала „Ц.-О. В.“ В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. Агеева.

Подписная цѣна на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ на годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р., на 3 мѣсяца—1 р. 25 коп., на мѣсяць—65 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна №-а въ прод. 10 коп., съ перес. 15 к.

Подписная цѣна на „Проповѣд. Слово“—2 р. въ годъ, а подпис. цѣна на „Ц.-О. В.“ и „Проп. Слово“ вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Вновь подписавшіеся на весь 1915 годъ въ теченіи Ноября получаютъ бесплатно Декабрскіе №№ журнала.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—Петроградъ, Вас. Остр., Больш. пр. 56, кв. 62, въ кн. маг. „Нового Времени“, Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

Контора журналовъ открыта ежед. кромѣ праздн. дней, отъ 11 до 4 ч. дня.

Иногородныхъ просятъ адресовать всю корреспонденцію по адр. Птгр. В. О. Бол. пр. 56, кв. 62.

Пробный № ж. „Ц.-О. В.“ высылается бесплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель А. Н. Брянчаниновъ.

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета.

До окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ. Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» ставитъ своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ и обо всемъ интересно, гдѣ бы и что бы ни совершалось, сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсациями читателямъ не сообщалось непровѣренныя, вздорныя слухи.

Исключительное вниманіе «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальныя корреспонденты въ дѣйствующую армию и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробные номера газеты для ознакомленія высылаются **БЕЗПЛАТНО** по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 75 к. на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р. и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

Льготная подписка въ Россіи: для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ: въ годъ 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. и на 1 мѣс. 75 к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к. къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р. 2) для полугодовыхъ при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ «ГОЛОСЪ МОСКВЫ».—Москва, Филипповскій пер., 11, во всѣхъ нининыхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г. (IV-й годъ изданія)

На Еженедѣльный Иллюстрированный Художественно-Литературный Журналъ

ЖИЗНЬ

выходяцій
въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущія событія въ Россіи и за границей.

Въ Литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены произведенія: Ан. Амнуэль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковского, Д-ра В. Бѣляева, Д-ра В. Бузунова, Волгаря, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, И. Ивина, Б. Ильшева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Ледницкаго, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловичъ, И. Морозова, Милорадъ Петровичъ (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), Кн. Н. Отяева, Пшебышевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, Кн. С. Трубецкаго, Тюбьякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чирикова, Ю. Юшкова, А. Шевалье, (бельг. пис.), Я. Эрнстонъ (англ. пис.)

Въ Художественномъ отдѣлѣ: Б. Анисфельдъ, А. Бенуа, И. Билибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Звѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Костанди, Г. Лукомскаго, Е. Лансере, Н. Лансере, Д. Митрохина, С. Милорадовичъ, А. Мантель, К. Петрова, Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновой, Н. Самокишъ, А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ,

Собственныя корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняетъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ 2 р. 50 к. На 3 мѣсяца 70 к.

На 6 мѣсяцевъ . 1 р. 35 к. На 1 мѣсяць 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проломная, 27.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІИ АРХІВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, упомянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

В. З. ЗАВИТНЕВИЧЪ. Русские славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Кіевъ, 1915. Ц. 35 к.

Рѣчь проф. Завитневича, произнесенная на торжественномъ актѣ Кіевской Д. Ак. полна интереса и заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію она, какъ всѣ рѣчи, ограниченные временемъ и обстоятельствами момента, слишкомъ кратка, сообщаетъ меньше фактовъ, чѣмъ нужно, и вообще освѣщаетъ значеніе славянофиловъ меньше, чѣмъ можно. Представителемъ славянофильства выставляется Н. Я. Данилевскій.

А. А. ГЛАЗУНОВЪ. Матеріалы для исторіи русской иконописи. Выпускъ I. Два изображенія св. Алексія Человѣка Божія, ангела царя Алексѣя Михайловича, въ Звенигородскомъ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. М. 1914.

Брошюрка Глазунова, иконописца, заключаетъ въ себѣ два снимка: 1) съ фрески въ Саввиномъ монастырѣ, работы царскихъ мастеровъ половины XVII в., и 2) съ иконы въ томъ же монастырѣ, работы тѣхъ же мастеровъ, и краткое описаніе фрески и иконы. Снимки слабого исполненія (цинкографіей).

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1907 г. Спб. 1914.

Отчетъ сильно запоздалъ: видно, что Имп. б-ка не спѣшитъ знакомить публику съ своими приобрѣтеніями. Жаль. Приобрѣтеній у нея немало и цѣнныхъ между ними большая часть. Собраніе рукописей библиофила П. Н. Тиханова, числомъ свыше 900, отъ XV до XIX в., заключаетъ въ себѣ, между пр., одно соч. Григ. Сковороды въ автографѣ, копіи съ секретныхъ записокъ архим. Фотія Имп. Александрѣ I и бумаги М. Е. Лобанова, съ автографами Батюшкова, Жуковского, Козлова, Плетнева. Въ собраніи рукописей проф. И. В. Помя-

ловскаго, гл. обр., XVIII—XIX вв., огромное количество автографовъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей (по преимущ. ученыхъ). Письма разныхъ лицъ къ Помяловскому, къ проф. А. А. Кстляревскому, къ ген. П. О. Бобровскому, къ композ. М. А. Балакиреву, письма композит. П. И. Чайковского къ роднымъ и знакомымъ обещаютъ дать матеріалъ изслѣдователямъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

В. СТАРОВЪРОВЪ. Нѣмецкое плѣненіе Харьковскаго Университета. Харьков, 1915.

Книжка говоритъ о самомъ недавнемъ прошломъ и рисуетъ намъ въ яркомъ освѣщеніи усѣихи подпольной работы, направленной противъ русскаго государства и р. царода. Евреи, Грузины, Украинцы соединили свои силы и трудились совмѣстно, при благосклонномъ бездѣйствіи попечителя, ректора и проректора. Усердно рекомендуемъ прочесть книжку.

Вѣстникъ Общества Ревнителѣй исторіи. Вып. I (1914.), подъ редакціей замѣстителя председателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1914.

Изящно изданный томъ, надѣемся не первый въ длинномъ рядѣ томовъ, — содержитъ, м. проч., статьи: Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго — „Изъ записокъ о Россіи графа ф.-Герца прусскаго посланника при дворѣ Ек. II; П. П. Дурново — „Изъ дневника фл.-ад. Н. Д. Дурново“ († 1828 г.), П. И. Ковалевскаго — „Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ“; П. Н. Исакова — „Парижскій конгрессъ и Дунайскія княжества“; П. Ф. Булацеля — „Забывтый герой Отеч. войны ген.-м. кн. И. С. Гурьяловъ“; М. К. Соколовскаго — „Изъ военно-судебныхъ дѣлъ за 1812—14 гг.“; Т. О. Соколовскій — „Въ масонскихъ ложахъ, по неизд. дневнику масона полк. Л. А. Симанскаго“. Первый опытъ печатной дѣятельности молодого общества можно считать удавшимся.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей. для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (на дворѣ). и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: впереди текста, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно. Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

1915

2

стр.

147. Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**. Сообщ. **В. Крыжановскій**.
153. Къ исторіи Кракова. **С. Фарфоровскаго**.
159. Мелочи литературнаго прошлаго. (Сатира на **П. П. Свинына**; Нападки на **Н. А. Полеваго**; **Теньерь** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пронашедшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти). Замѣтки **Вл. Данилова**.
171. Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина**.
179. Дѣло о сектѣ, называемой «христовщиной». Изъ архива Св. Синода. Со введеніемъ и призываніями **Н. Г. Высоцкаго**.
230. Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. Замѣтка **М. Б.**
231. Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.
259. Переписка кн. **Д. Долгорукаго**.
275. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.

Внутри обложки. О книгахъ: Сочиненія **К. С. Аксакова**, т. I, подъ ред. **Е. А. Ляцкого**; Пушкинъ и его современники, вып. XIX—XX; Состоящая подъ Высочайшимъ **Е. П. В. Государя Императора** покровительствомъ Выставка «**Ломоносовъ и Елизаветинское время**», т. 4; Памяти **Н. А. Кулаковскаго**; **А. Л. Погодина**, Славинскій міръ; **Н. П. Серебрянскаго**. Древне-русскія княжескія житія; Сборникъ историко-филологическаго о-ва при Институтѣ кн. Безбородко въ Изяснѣ, т. IX; **С. П. Маслова**, Библіотека **Стефана Яворскаго**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

Сочиненія Константина Сергѣевича АКСАКОВА. Томъ I. Редакція и примѣчанія **Е. А. ЛЯЦКАГО.** Издательство „Огни“. Пгр. 1915. Ц. 3 р.

И. С. Аксаковъ, начавшій было издавать сочиненія своего старшаго брата, не успѣлъ довести ихъ дальше 3-го тома. Теперь дѣлается попытка новаго изданія, которое начинается съ беллетристики. Сперва идутъ стихотворенія, оригинальныя и переводныя, далѣе—драматическія сочиненія. Конечно, внесены и тѣ произведенія, которыя въ свое время К. Аксаковъ принужденъ былъ напечатать за границей. Р. Ляцкій сдѣлалъ свое дѣло вполне удовлетворительно; но издатели могли бы поставить бумагу лучше.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XIX—XX. Пгр. 1914.

Новая книга сборника заключаетъ въ себѣ продолженіе статьи А. С. Ганнибаль „Ганнибалы“, замѣтку г-жи Элиашъ о реминисценціяхъ Батюшкова у Пушкина, извлеченія изъ дневника М. П. Погодина, гдѣ говорится о Пушкинѣ, и еще нѣсколько мелкихъ статей скромнаго значенія. Книга начинается некрологами кн. Олега Константиновича и А. А. Пушкина.

Имп. Академія Наукъ. Стоящая подъ Высочайшимъ Е. И. В. Государя Императора покровительствомъ Выставка „Ломоносовъ и Елизаветинское время“. Т. IV. Изданія церковной печати времени Имп. Елизаветы Петровны. 1741—1771. Описали **В. И. СРЕЗНЕВСКІЙ** и **А. Л. БЕМЪ.** Пгр. 1914.

Первые три тома еще не вышли въ свѣтъ. Лежатъ передъ нами 4-й томъ представляетъ списокъ книгъ

церковной печати, вышедшихъ въ 1741—1761 годахъ изъ типографій Москвы, Петрограда, Кіева и Чернигова, иногда со снимками шрифта, заглавн. листовъ, заставницъ, концовокъ, гравюръ. Списокъ этотъ гораздо болѣе полный, чѣмъ извѣстный списокъ Ундольскаго, хотя все же, кажется, не совсѣмъ полный. Во всякомъ случаѣ мы замѣтили, что г. Срезневскій не пользовался бібліотекой Петрогр. ун., гдѣ много „Словъ“ въ изданіяхъ Елиз. времени.

Памяти Платона Андреевича Кулаковскаго. Пгр. 1915. Ц. 40 к.

Небольшая брошюра, содержащая въ себѣ рѣчи въ торжественномъ засѣданіи Петрогр. Славянскаго Общества въ память бывшаго товарища предсѣдателя Общества, слависта П. А. Кулаковскаго. Одна изъ рѣчей говорить о Кулаковскомъ, какъ объ ученомъ. Приложены бібліографич. указатель сочиненій Кулаковскаго и фототипич. снимокъ съ портрета.

А. Л. ПОГОДИНЪ. Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 г. М. 1915. Ц. 1 р. 75.

Книга проф. Погодина должна быть признана за полезный вкладъ въ русскую литературу. Написанная талантливо, хотя и не безъ поспѣшности, она изображаетъ намъ правовое и экономическое положеніе славянства (кроме Русскихъ въ Россіи) въ историческомъ освѣщеніи. Авторъ рѣдко высказываетъ свои симпатіи и антипатіи; онъ всегда объективенъ. Чтобы имѣть представленіе объ его трудѣ, вотъ заглавія нѣкоторыхъ его главъ. II. Австро-венгерскій дуализмъ, его происхожденіе и развитіе.—III.

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартенева, Речь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. П. П. Боголюбовъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (воспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описание перетни цари Михаила Осодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстеръ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. О. Романова;—Переписка П. Д. Игнатьева, посла въ Константинополь, съ А. П. Барцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки сенатора Н. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка П. Д. Голохвастова съ П. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Грестина и княжны Туркестановой;—Письмо П. Кавелина къ П. А. Елагину, (сообщ. М. Беэръ);—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ леди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. О. Кошъ, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кузузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. П. Кангеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московскои Духовнои семинаріи. Статья П. П. Кедрова.—Переписка начальника Невинской духовнои миссии, архимандрита Наладія съ генералъ-губернаторомъ Восточнои Сибиріи гр. П. П. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статьи Гр. П. С. Шереметева.—Описание рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Книжка Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Гѣббовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень злойвой, Е. Вадковской, рожд. гр. Черышневой; сообщ. А. А. Плещевымъ.—Изъ переписки гр. Л. П. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. П. Алисова къ супругѣ; сообщ. Гр. Солмогуль.—Страницка изъ исторіи Смутаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнѣ Прасковьи Иоанновнѣ и Екатерины Иоанновнѣ управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. П. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. П. Стрѣва къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отечестве, рѣчь Барона де Бай.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россоевъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолобцемъ Александромъ Духовичемъ; сообщ. О. О. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. П. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Иосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣбѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣласть уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартенева** (младшій).

ВЪ ПОЛЪЗУ РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

изданія состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО Комитета, для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., д. 27.

„Вторая отечественная война, по рассказамъ ея героев“.

Новое роскошное изданіе, популярно и правдиво излагающее событія текущей великой освободительной борьбы противъ германизма, выпавшей на долю исторической защитницъ и собирательницъ славныхъ нашей великой родины.—Россіи.

Крайне интересная, захватывающая по своему содержанию тексты изданія составляется по подлиннымъ рассказамъ участниковъ войны известными русскими литераторами, рисунки-же исполняются лучшими петроградскими художниками и иллюстраторами по имѣющимся въ распоряженіи Комитета фотографіямъ, наброскамъ и другимъ безспорнымъ документамъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Трудъ этотъ выходитъ отдельными выпусками. Цѣна выпуска—25 коп., на жед.-дор. станд.—30 коп.

Памяти М. Д. Скобелева. Популярный очеркъ жизни и дѣятельности Бллага Генерала. Сост. С. А. М. Иллюстраціи исполнены съ известныхъ историческихъ картинъ на отдельныхъ листахъ вѣленой бумаги. Съ портретомъ и видомъ памятника М. Д. Скобелева въ Москвѣ. Ц. 35 к.

Казачья пѣсня. Слова Агнивидца. Музыка Ю. Р. Кельберга. Ц. 40 к.

«Священный Стягъ». Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій, Дмитрія Цензора. Ц. 50 к.

Сказаніе про Люта Ворога «Аспида-Людотѣда». Посвящается ратнымъ людямъ земли Россійской, омолодившимся отъ мала до велика за Святую Русь. Цѣна въ плотной цвѣтной обложкѣ—10 к., безъ обложки—3 к.

Пѣсни и куплеты про 1914 г. Арсенковъ-Суринъ. Ц. 25 к.

Значеніе семьи и школы въ вопросѣ подготовки вооруженной силы государства. Штабсъ-капитана Карданченко. Ц. 40 к.

Роскошно-изданная портреты, размеры 18 на 24 см., наклеенныя на паспарту:

1) **Его Императорское Величество Государь Императоръ** въ дѣйствующей арміи.

2) **Е. И. В. Государь Императоръ и Е. И. В. Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ.**

3) **Е. И. В. Государь Императоръ** принимаетъ докладъ отъ **Е. И. В. Верховнаго Главнокомандующаго** въ дѣйствующей арміи о ходѣ военныхъ событій.

Некѣмочисленное право репродукціи этихъ портретовъ принадлежитъ Скобелевскому Комитету. Цѣна каждой картины—75 к.

Тѣ-же три снимка въ видѣ открытыхъ шпеевъ по—10 к.

Правила почтовыхъ сношеній частныхъ лицъ съ чинами дѣйствующей арміи ранеными и больными воинами. Съ приложеніемъ примѣрныхъ адресовъ и памятныхъ листовъ. Ц. 10 к.

Кромѣ того, подъ маркой **«Три флага согласія»** выпущены въ продажу въ роскошномъ изданіи, песторическія открытыя письма съ акварелей цвѣтныхъ художниковъ:

1. Гимны дружественныхъ державъ (7). Ц. 12 к. шт.

2. Портретъ казака Крючкова. Ц. 12 к. шт.

3. Открытыя письма «Три флага согласія». Ц. 6 к.

4. Траурная открытка «Памяти героя-воина». Ц. 10 к.

5. Почтовая бумага и конверты въ коробкахъ «Три флага согласія» Ц. 2 р. 50 к. коробка.

ВЪ ПОЛЪЗУ РАНЕНЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНОВЪ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

Отъ Комитета ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотерей 1914 года

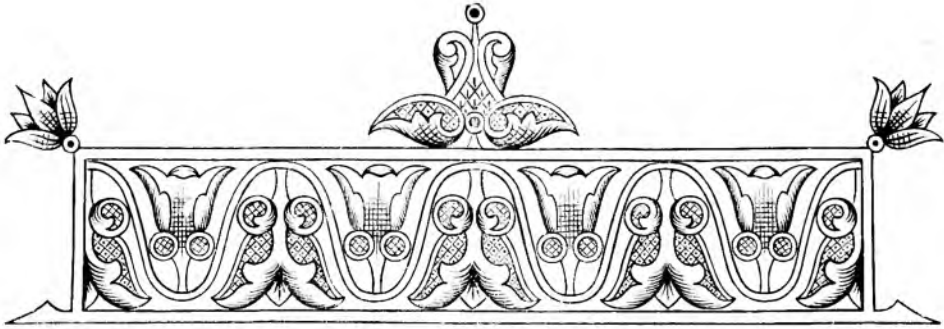
Комитетъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи открылъ 18 минувшаго Декабря продажу билетовъ. Вырученныя суммы пред- назначены на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, семьямъ лицъ, при- званныхъ на войну, и лицамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ бѣдствій. Потреб- ности эти—безиредѣльны. Помощь необходима безотлагательная и непрестан- ная; а для этого нужны средства. Между тѣмъ казна обременена огромными расходами на войну и на выдачу цайка семьямъ запасныхъ; приношенія же жертвователей обильны, но далеко недостаточны. Лотерея задумана для того, чтобы облегчить самую острую нужду. Тѣ 20.000.000 р., на которые выпущены билеты, а за вычетомъ 3.000.000 р., уже отчисленныхъ на выдачу выигрышей, только 17.000.000 р. пойдутъ для этой цѣли. Это поняли многіе русскіе люди: широкою рѣкою на всемъ огромномъ простраствѣ Россіи устремились они въ учрежденія, гдѣ продаются билеты. Розыгрышъ лотереи будетъ про- изведенъ въ Петроградѣ публично въ концѣ Марта этого года, а потому времени осталось немного и надо спѣшить приобрѣтать билеты и вносить лепту на святое дѣло помощи пострадавшимъ героямъ войны и ихъ семьямъ.

Билеты по 5 р. и части билетовъ по 1 р. продаются во всѣхъ учрежде- нійхъ Государственнаго Банка и казначействахъ, въ Государственныхъ Сбе- регательныхъ Кассахъ въ Москвѣ и Петроградѣ и при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и отдѣленіяхъ ихъ и въ болѣе крупныхъ обществахъ взаимнаго кре- дита. Кромѣ того, жители сельскихъ мѣстностей могутъ заказывать билеты у земскихъ начальниковъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и у податныхъ инспекторовъ. Билеты и части билетовъ по такимъ заказамъ будутъ немедленно доставлены.

ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ДВУХЪ ВЫПУСКАХЪ ЛОТЕРЕЙ БУДЕТЬ:

2	по 100.000 р.		200	по 1.000 р.
2	„ 50.000 „		400	„ 500 „
4	„ 25.000 „		2.000	„ 300 „
20	„ 10.000 „		6.000	„ 200 „
40	„ 5.000 „				

На билетъ въ 5 р. можно выиграть отъ 200 р. до 100.000 р., а на пятую часть билета въ 1 р.—отъ 40 р. до 20.000 р.

Всеподданнѣйшіе доклады тайнаго совѣтника М. Сперанскаго съ резолюціями императора Александра I-го

I

О корабляхъ. пришедшихъ въ Камчатку.

Съ послѣднею почтою получены изъ Камчатки и Охотска слѣдующія донесенія:

1) Извѣстный Добелль 8 Юля прибылъ изъ Макао на суднѣ его *Сильфъ*, переименованномъ *Санъ-Педро* подъ флагомъ Португальскимъ (извѣстно, что въ Макао никто не можетъ торговать, кромѣ Португальцовъ).

Фельдгесеря отправить, а разрешенія наводятся ниже сего. протаву вопросныхъ пунктовъ.

На семь суднѣ привезено: *жизненныхъ потребностей*: муки около 1000 пуд., соли до 1300 пуд., *състныхъ припасовъ*, какъ то: саго для лазарета, соленого мяса, сухарей, сыру и проч., *разныхъ товаровъ*, какъ то: шелковыхъ и бумажныхъ матерій, китайки, чаю, лаковыхъ и желѣзныхъ вещей значительное количество.—Какъ при общемъ запрещеніи иностранной торговли въ Камчаткѣ, Добеллу, яко Русскому подданному, сдѣлано изытіе: то грузъ сей принять и допустить къ распродажѣ; часть онаго отправлена въ Охотскъ.

Мука обошлась по 8 р. 50 к. пудъ, а ржаная мука изъ Иркутска по 14 р. пудъ; соль обошлась по 2 р. 50 к., а изъ Охотска она обходится до 10 р. пудъ.

2) Вскорѣ послѣ Сплѣфа и именно 15 Августа прибыло изъ *Сандвичевыхъ острововъ* отъ имени тамошняго Короля судно съ солью до 3000 пудъ. Оно допущено къ выгрузкѣ и соль куплена въ казну; судно готовится къ обратному отправленію. Прибытіе сего судна есть слѣдствіе сношенія Рикорда съ Королемъ, о коемъ однако же онъ нынѣ въ первый разъ доносить.—Сношеніе состояло въ томъ, что Рикордъ, отвѣчая миссіонерамъ на извѣстное ихъ письмо, приложилъ письмо и къ Королю, въ коемъ просилъ установить торговля съ Камчаткою сношенія и именно присылать соль, а отъ насъ брать рыбу и лѣсъ. Примѣтить должно, что тогда не было еще на иностранную торговлю запрещенія.

3) 18 Августа прибылъ *мореходный ботъ*, принадлежащій къ Экспедиціи нашихъ фрегатовъ, отправленныхъ для описи Берингова пролива и открытій на Сѣверѣ.

Ботъ сей отряженъ былъ Капитаномъ Васильевымъ изъ Ситхи для описи Американскаго берега: самъ же Васильевъ отправился съ фрегатами къ Сѣверу, приказавъ боту, по окончаніи порученнаго ему дѣла, слѣдовать въ Камчатку, гдѣ назначено всѣмъ соединиться. Фрегатовъ ожидаютъ туда въ половинѣ Сентября. Они зимовали въ Калифорніи.

4) Письмо Добелла, въ коемъ доносилъ о прибытіи своемъ въ Камчатку, пред-

лагаеть услуги свои 1) поставить на будущей годъ также изъ Макао въ Камчатку отъ 20 т. до 25 т. пудъ муки по такой же цѣнѣ; 2) поставлять и впредь всю потребность муки, но по цѣнѣ, которая можетъ быть нѣсколько будетъ превышать настоящую. Изъ письма Рикорда видно, что Добелль полагаетъ рѣшительно основаться въ Камчаткѣ.

5) Вмѣстѣ съ симъ получены донесенія къ Морскому Министру и къ Графу Нессельроду къ коимъ они и доставлены.

По содержанію всѣхъ сихъ донесеній нужно имѣть Высочайшія разрѣшенія на слѣдующіе вопросы:

1) Разрешить ли Добеллу поставку муки на слѣдующій годъ въ Камчатку.

2) Если дозволить: то разрѣшить ли употребленіе Португальскаго флага, безъ коего нельзя имѣть дѣлъ въ Макао, и наемъ Португальскаго судна; ибо на одномъ бриггѣ Сильфѣ 25 т. пудъ муки привезти не возможно.

3) Продолжать ли таковую же поставку и на будущее время, и если продолжить: то уполномочить ли Рикорда войти съ нимъ о семъ въ условія.

4) Принимать ли соль съ Сандвичевыхъ острововъ, если въ послѣдствіи она будетъ поставляема.

Всѣ сіи разрѣшенія нужно отправить нынѣ же съ нарочнымъ фельдъегеремъ, дабы могли они поспѣть въ Охотскъ къ концу Февраля. то есть къ послѣдней зимней почтѣ. Съ симъ же фельдъегеремъ отправлены будутъ до Иркутска и предписанія, слѣдующія къ Врангелю на Колыму и къ Анжу на Яну.

Дозволить.

Употребленіе Португальскаго Флага на Бриггъ Сильфѣ дозволить единственно при вхождѣ въ Портъ Макао. Допущеніе же Португальскихъ судовъ въ Камчатскія Порты не разрѣшать.

Продолжать, но на судахъ собственно Добеллу принадлежащихъ, или всякому другому Россійскому подданному. О чемъ Рикорду и дозволить войти въ условія съ Добеллою.

Принимать, и суда, Сандвичевыхъ Острововъ принадлежащія, доискуать въ наши Порты.

Александръ.

С. Петербургъ. Декабря 27-го
1821-го года.

О приготовленіи сего Фельдъ-Егеря вмѣстѣ съ сямъ отношусь къ Начальнику Главнаго Штаба.

М. Сперанскій.

II

О нарочномъ изъ Иркутска.

Я одобряю решение Комитета, и дозволяю отправить Курьеромъ, присланнаго къ вамъ Сотника.

С.-Петербургъ. Января 5-го
1822-го года.

Нарочный изъ Иркутска, сотникъ тамошней казацкой команды Чаусовъ, прислалъ съ представленіемъ отъ Губернатора о разрѣшеніи затрудненія, встрѣтившагося въ Кяхтинской пограничной Канцеляріи по поставкѣ для Медицинскаго управленія ревеня.

Затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ:

По истеченіи прежняго десяти-лѣтняго контракта на сію поставку, въ минувшемъ году заключенъ новый. При первоначальномъ его введеніи возникъ споръ о срокѣ, съ коего надлежитъ его считать. Контрактъ долженъ былъ начать свое дѣйствіе съ 1821; но по усиленнымъ просьбамъ Бухарцовъ въ 1820 году принята отъ нихъ впередъ, въ зачетъ будущей поставки, годовая онаго пропорція;—слѣдовательно въ 1821 г. ничего принимать отъ нихъ не надлежало и не принято. Но они настоятъ, чтобъ зачета сего не было, чтобъ дѣйствіе контракта считать съ 1820 года и чтобъ потому полная пропорція на 1821-й годъ была принята. Настоянія сіи съ начала состояли въ личныхъ прозбахъ и переговорахъ; но потомъ вступился въ сіе дѣло Дзаргучей и наконецъ Ургинскій Вань. По частнымъ свѣденіямъ найдено,

что чиновникъ сей самъ участвуетъ въ поставкѣ. Въ бытность его на границѣ онъ изъяснялся о семъ съ нашими пограничными чиновниками словесно; потомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Дзаргучея успилить свои настоянія и наконецъ въ видѣ довѣренности далъ примѣтить Директору Таможни, что дѣло сіе можетъ дойти до Пекинскаго Трибунала, который не оставитъ писать въ Сенатъ и можетъ быть не токмо прекратится поставка ревеня, но и въ прочихъ частяхъ торговли послѣдуетъ разстройство.

Изъясненія сіи были причиною послыжки нарочнаго.

Мѣстное начальство затруднилось удовлетворить настояніямъ Бухарповъ потому, что въ 1820 году, когда новый контрактъ не былъ еще заключенъ, ремень принятъ точно въ зачетъ будущаго, и слѣдовательно пріемъ онаго въ 1821 г. составлялъ бы уже двойную пропорцію; а какъ по свѣдѣніямъ, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ доставленнымъ, извѣстно, что расходъ на ремень въ Россіи уменьшился и знатные его запасы остаются здѣсь безъ продажи: то и нельзя было безъ разрѣшенія высшаго начальства поступить на такую мѣру, которая отяготила бы еще болѣе медицинскіе запасы.

Получивъ представленіе 29-го Декабря въ день Засѣданія Сибирскаго Комитета и признавъ нужнымъ предъявить оное сему Комитету тѣмъ болѣе, что дѣло сіе собственно принадлежитъ къ общему соображенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства Финансовъ.—Комитетъ принявъ въ уваженіе

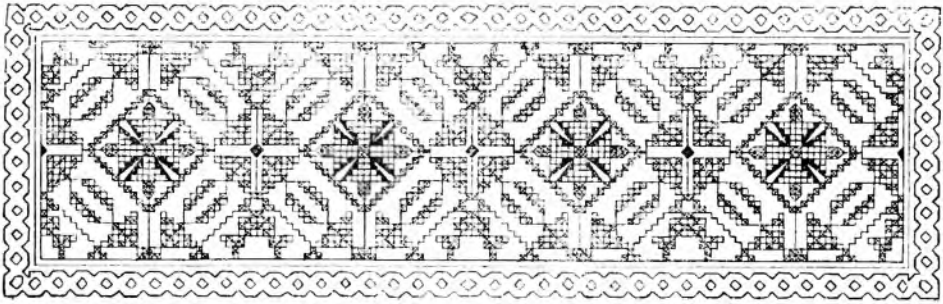
что хотя запасы ревеня здѣсь и весьма избыточны, но какъ со всемъ тѣмъ продается онъ не токмо безъ убытка, но и съ значительною прибылью: то и можно будетъ въ избѣжаніе непріятныхъ пограничныхъ изьясненій удовлетворить исканію Ургинскаго Вана, изьяснивъ однако же ему, что сіе допускается единственно по уваженію къ его ходатайству и во изьявленіе дружескихъ его съ Пограничнымъ нашимъ Начальствомъ сношеній. Комитетъ положилъ съ симъ разрѣшеніемъ нынѣ же возвратить нарочнаго.

3 Января 1822.

М. Сперанскій.

Сообщ. В. Крыжановскій.

КЪ ИСТОРИИ КРАКОВА

Основаніе Кракова приписываютъ кн. Кракусу, который, какъ говорятъ лѣтописцы, жилъ около 800 года, послѣ Р. Хр. По славянскому преданію онъ убилъ дракона, который, сидя въ пещерѣ, хваталъ, кого попало, и съѣдалъ. Благодарный народъ насыпалъ ему могилу, которая называется „Бурганомъ Кракуса“. По смерти Кракуса, осталась дочь его, Ванда, которая не хотѣла выйти замужъ за тевтонскаго князя Рыгымера, чтобы не отдать своего народа подъ власть Нѣмцевъ: когда же тотъ началъ угрожать войной, Ванда бросилась въ Вислу. На томъ мѣстѣ, гдѣ нашли ея тѣло, народъ насыпалъ курганъ, который называется „Могилой Ванды“. Во время Болеслава Храбраго Краковъ получилъ епископство и кастелянію. Съ этихъ поръ на него приходятъ разныя несчастія. Краковъ сталъ центромъ борьбы съ тевтонами.

Въ 1039 году, Бржетиславъ чешскій, напалъ на Краковъ и увезъ съ собою сокровища Болеслава Храбраго, которыя ему достались послѣ побѣды Кіева.

Въ 1241 году Татары перебили жителей, а городъ сожгли. Со временъ Вадислава Локетка и Казимира Великаго, Краковъ дѣлается все зажиточнѣе и люднѣе, такъ что уже при Сигизмундѣ первомъ насчитываютъ въ немъ около 80,000 жителей. Съ 1609 года Сигизмундъ Ваза переноситъ свою столицу въ Варшаву. При этомъ, конечно, Краковъ много потерялъ. Въ правленіе Яна Казимира, Шведы ограбили Краковъ, и его опустошила моровая язва. XVIII столѣтіе дѣлаетъ изъ Кракова открытыя ворота, черезъ которыя проходятъ Шведы, Русскіе, Австрійцы и Нѣмцы. По первому и второму раздѣлу Польши, Краковъ попалъ подъ власть Австрій. Уже послѣ паденія Польши, въ Краковѣ,

1794 года 24 Марта, Костюшко далъ торжественную присягу освободить народъ. Краковъ послѣ геройской обороны переходитъ въ руки Пруссаковъ. По третьему раздѣлу онъ снова достается подъ власть Австріи. Вѣнскій конгрессъ 1815 года, дѣлаетъ изъ Кракова, ближайшихъ трехъ городовъ и 244 деревень „вольный городъ“. Въ 1846 году Австрійцы вошли въ Краковъ, который отъ этого времени пересталъ существовать, какъ вольный. Во время „войны народовъ“, Краковъ не остался въ сторонѣ, и въ немъ было убито много жителей. Въ 1850 году большой пожаръ превращаетъ въ пепелъ почти половину города. Несмотря на несчастія, которыя испыталъ Краковъ, въ немъ еще осталось много цѣнныхъ памятниковъ древности. Среди нихъ первое мѣсто будетъ занимать Вавель—жилище польскихъ королей. Исторію Вавеля мы знаемъ только съ половины XII вѣка. Передъ тѣмъ стоялъ тамъ деревянный замокъ, въ которомъ, какъ говоритъ преданіе, жилъ Кракусъ. Когда былъ основанъ первый костелъ, тоже неизвѣстно, знаемъ только, что соборный кафедральный костелъ, основанный Владиславомъ Германомъ, около 1110 года, отчасти разрушился. Теперешняя каменная кафедральная церковь готическаго стиля, начатая епископомъ краковскимъ Нанкіеромъ 1320 года. оконченная Казиміромъ Великимъ, имѣетъ три башни. На высочайшей изъ нихъ помѣщены часы, отъ того она называется „Часовой“. Меньшая названа „Сигизмунтовской“ отъ того, что на ней находится прекраснѣйшій звонъ въ цѣлой Польшѣ, сдѣланный 1520 года, по приказанію короля Сигизмунда I. Этотъ звонъ производится въ рѣдкіе католическіе и народныя праздники¹⁾. Внутри костела находится 18 молельнь (часовень); по срединѣ стоитъ гробница Св. Станислава, первоначально выстроена Сигизмундомъ, а нынѣшняя Мартиномъ Шишковскимъ, епископомъ краковскимъ. Серебряный гробъ, въ которомъ находятся мощи святого, подарилъ епископъ Гембицкій, такъ какъ первый взяли Шведы. Изъ 18 молельнь заслуживаютъ вниманія Сигизмунтовская, Баторіевская и Святого Креста. Сигизмунтовская молельня, гениальное произведеніе средневѣкового ренессанса, начата при королѣ Сигизмундѣ Старомъ (1518 года). Прекрасныя стѣны украшены рѣзбою Итальянца Цинна ди Сянна. Въ ней помѣщены памятники Сигизмунда I. Сигизмунда II Августа и жены короля Стефана Баторія, Анны Ягеллонки. Въ этой молельнѣ интересенъ серебряный алтарь, служившій королямъ во время походовъ для церковной службы. Снаружи на немъ находятся рѣдкія картины живописцевъ Аугсбургской школы. При молельнѣ стоитъ гробъ и памятникъ королевы Ядвиги, выстроенный

¹⁾ Теперь эти башни обращены въ радиотелеграфныя станціи.

графомъ Ланцковскимъ. Въ его помѣщены портреты короля Сигизмунда Старого, королевы Боны и Анны Ягеллонокъ. Моделенья Святого Креста или „Русская“ выстроена въ 1461 г. Казиміромъ Ягеллончикомъ. Въ ней находятся памятники королей Владислава и Казиміра Ягеллончиковъ и кромѣ того, разныя старыя произведенія и живописныя картины XIX столѣтія. Моделенья Баторія интересна тѣмъ, что въ ней короли слушали обѣды; она была когда-то соединена съ королевскими комнатами. Въ ней находится памятникъ Баторію и королевскій престолъ. Кромѣ того въ каедрѣ осталось еще много разнаго рода памятниковъ,—королей, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, разныхъ знаменитыхъ людей, и очень много драгоценныхъ остатковъ скульптуры, архитектуры, живописи и т. д.

На Вавелѣ нѣтъ ничего прекраснѣе королевскихъ гробницъ. При воспоминаніи о нихъ волнуется сердце каждаго Поляка, каждаго сына Лехиты. Войдя въ подземелье, очутишься среди гробовъ тѣхъ людей, которые съ открытой грудью стояли за свою родину въ борьбѣ съ Тевтонами. Въ первомъ подземельѣ помѣщены гробы: Костюшки, князя Юсифа Понятовскаго; королей: Яна Собѣскаго, побѣдителя Турокъ, и его жены, Михаила Вишневецкаго, Владислава IV, его жены Кириллы Ренаты и ихъ дѣтей. Далѣе помѣщены гробы Сигизмунда III и его женъ, эрцъ-герцогинь австрійскихъ, королевича Александра, Карла; королей: Стефана Баторія, Сигизмунда Старого, Яна Казиміра, Сигизмунда Августа; королевы, Анны Ягеллонки, Варвары Запольской, жены Сигизмунда Старого, Маріи Людовики, жены Владислава IV и Яна-Казиміра. Кромѣ того, тутъ находится гробница знаменитѣйшаго польскаго поэта Адама Мицкевича съ гербами Польши, Литвы и Руси. Въ каедральной сокровищницѣ осталось еще много старинныхъ духовныхъ и свѣтскихъ рукописей, сверхъ того разныя цѣнныя книги.

Нынѣшній каменный замокъ Вавеля основанъ при послѣднихъ Пястахъ (Владислава Локеткѣ и Казиміръ Вел.). онъ интересенъ, какъ памятникъ средневѣковаго зодчества. Ранѣе на этомъ мѣстѣ былъ также замокъ съ укрѣпленіями, построенный на возвышенности, окруженный широкимъ ровомъ съ подъемнымъ мостомъ, для обороны передъ непріятелями. При первомъ набѣгѣ Татаръ, Болеславъ Стыдливый сдѣлалъ Вавель болѣе укрѣпленнымъ. Король Вацлавъ выстроилъ вмѣсто деревяннаго замка каменный. При королеві Ядвига и королѣ Владиславѣ Ягеллѣ было сдѣлано много разныхъ переменъ. Съ этого времени осталась небольшая башня, въ которой находилась спальня королевы. Башни, которыя еще существуютъ, говорятъ составилъ Казиміръ Ягеллончикъ, это: — „Сандомірская“, „Сенаторская“;

„Злодѣйская“ и „Любранка“, на которой остались слѣды винтовой лѣстницы, черезъ которую бѣжалъ во Францію Генрихъ Валуа. Пожары 1519 и 1595 г. очень разорили королевскую резиденцію, но Сигизмундъ III ее возобновилъ, и не далъ прійти въ упадокъ. Когда столица Польши была перенесена въ Варшаву, значеніе вавельскаго замка пало; пожары и грабежи (последній при Карлѣ XII, 1702 года) превращаютъ его почти въ развалины. Во время Станислава Августа и вольнаго города Кракова, старались снова возобновить Вавель, но занятіе Кракова Австріей прекратило эти усилія. Этотъ цѣнный для историка памятникъ былъ занятъ для помѣщенія войскового госпиталя и войска. Передъ занятіемъ Кракова, на Вавель еще существовали два костела, дворецъ Зебржидовскаго и помѣщенія для духовенства, но во время постройки госпиталя, все это было окончательно разорено.

Внутри города находится главная площадь, по срединѣ ея „Суконницы“, памятникъ средневѣковой торговли. Этотъ огромный каменный домъ, основанный въ 1257 г. при Болеславѣ Стыдливомъ, служилъ и служитъ для помѣщенія разнаго рода лавокъ. Въ немъ теперь находится Народный Музей, нѣсколько оставшихся памятниковъ живописи, скульптуры, архитектуры и гербы всѣхъ польскихъ городовъ. Отъ ратуши осталась высокая башня, передъ которой засѣдали короли для принятія поздравленій послѣ коронованія. Вблизи видно мѣсто, на которомъ присягалъ Өадей Костюшко. Вторымъ украшеніемъ площади является костелъ Марьяцкій, основанный около XIV вѣка, готическаго стиля. Въ немъ десять молельнь (выст. въ XV и XVI вѣкѣ) и двѣ башни; изъ нихъ высшая Марьяцкая (81 метр.) съ которой, отъ 14 Мая до конца Августа, утромъ играютъ „гейналы“ и черезъ каждый часъ маршъ польскаго войска. Внутри костела виденъ великій алтарь, превосходное произведеніе Вита Ствоша, 1477 года, и много разныхъ памятниковъ. При Марьяцкомъ костелѣ вблизи находится костелъ св. Варвары, основанный между 1394—1402 годами. Баторій въ 1583 году отдалъ его иезуитамъ. Недалеко видна малая церковь св. Войцѣха, стоявшая на этомъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ. Нынѣшняя перестроена въ 1611 и 1778 годахъ, но удержала свою первоначальную форму. Монастырь францисканцевъ, основанный Болеславомъ Стыдливомъ въ концѣ XIII ст., во время разныхъ несчастій много пострадалъ, такъ что теперь значительно перестроенъ. Въ немъ находятся памятники польскихъ поэтовъ, знаменитыхъ ученыхъ и плита основателя. Въ портникахъ его заслуживаютъ вниманія гробницы, портреты 26 епископовъ краковскихъ, которые очень цѣнны

въ отношеніи историческомъ и артистическомъ. Монастырь доминиканцевъ, одинъ изъ старѣйшихъ храмовъ Кракова, основанъ Иво Одровонжемъ около 1220 года. Во время пожара 1850 года въ немъ сгорѣло много памятниковъ старины, но до сихъ поръ остались еще разныя гробницы, Филиппа Вуонакоряго, пріятеля короля Альбрехта († 1496 г.), Лешка Чернаго († 1289 г.), гробница св. Яцка, памятникъ генералу Скржинецкому и много другихъ. Въ монастырѣ остались еще старыя памятники, восходящіе къ XIII ст. Костель Св. Петра основанъ Сигизмундомъ III, въ немъ находится гробница величайшаго польскаго проповѣдника Петра Скарги. Напротивъ костела стоитъ „Collegium juridicum“, въ которомъ былъ юридическій факультетъ, теперь въ немъ помѣщается земледѣльческое отдѣленіе. Костель св. Андрея, основанный въ 1100 году, принадлежалъ бенедиктинцамъ, которые въ XIV вѣкѣ уступили его монахинямъ ордена св. Франциска. Онъ когда-то былъ укрѣпленъ, такъ что во время перваго набѣга Татаръ 1241 года, далъ отпоръ ихъ силѣ. Соборъ евангелической, бывшій костель св. Мартина, основанный около XIII вѣка, раньше принадлежалъ монахинямъ Кармелитскаго ордена. Въ немъ находится чудная картина Семирадскаго, польскаго живописца, „Христось, усмиряющій бурю“. Храмъ Бернардинскій, въ стилѣ барокко; первый костель на этомъ мѣстѣ, учрежденный кардиналомъ и епископомъ Збигневомъ Олесницкимъ для монаховъ ордена св. Франциска. Во время войны со Шведами онъ былъ разоренъ, послѣ былъ исправленъ, но уже не удержалъ своего первоначального стиля. Въ немъ сохраняются драгоцѣнныя картины Рубенса и Лехшицкаго. Костель св. Михаила на Скалкѣ, славится гробницами знаменитыхъ людей. Длугоша, перваго польскаго лѣтописца, Крашевскаго, Асныка, Семирадскаго и другихъ. Въ этомъ костелѣ король Болеславъ Смѣлый убилъ епископа Станислава Щепановскаго за то, что онъ осуждалъ его королевскіе поступки. Храмъ Капуциновъ, учрежденный Войцѣхомъ Дембинскимъ въ 1694 году, славится своей красотой: въ немъ Костюшко и генералъ Водзицкій освящали свои сабли и клялись освободить народъ. Заслуживаютъ вниманія, памятникъ Водзицкому, погибшему въ сраженіи подъ Щчекоцинами, гробница конфедератовъ барскихъ, убитыхъ во время защиты Кракова 31 Іюля 1768 года.

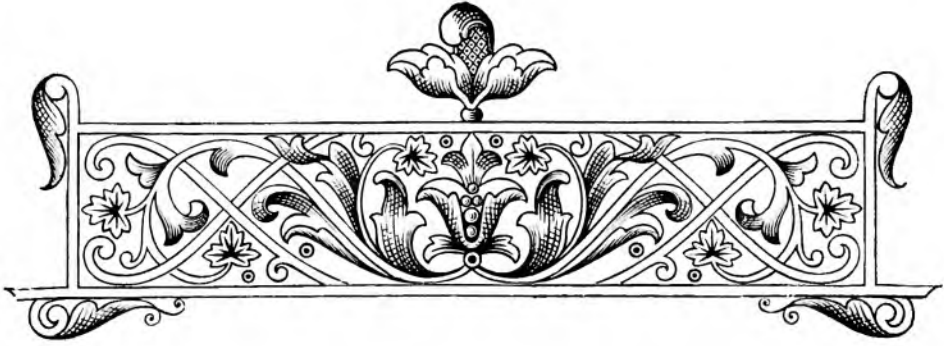
Кромѣ вышеуказанныхъ памятниковъ, въ Краковѣ находятся другія достопримѣчательности, какъ-то: каменный домъ подъ названіемъ „Съро“. Въ немъ спрятался славный Самуэль Зборовскій, по убіеніи костеляна Ваповскаго, во время коронованія Генриха Валуа; выстрѣлъ сдѣланный изъ этого дома, былъ началомъ возненія краковскихъ студен-

товъ, во время котораго произошла битва между Евреями. Въ 1794 году въ немъ пребывалъ Костюшко и въ 1846 г. диктаторъ Тышовскій. Вблизи „Съраго дома“ стоитъ старинное зданіе, въ которомъ вѣнчался Дмитрій Самозванецъ съ Мариной Мнишегъ. Дворецъ пріоровъ Потоцкихъ, въ которомъ пребывали въ 1701 году царевичъ Алексѣй Петровичъ, (1779 г.), князь Юсіѳъ Понятовскій, (1880) царь Францъ Юсіѳъ и эрцъ-герцогъ Рудольфъ (1886): „Крыптофоры“, которыхъ владѣльцами были: Морштинны, Казановскіе, Радзіевскіе и при концѣ XVIII вѣка Каіатанъ Солтыкъ, епископъ краковскій, который здѣсь жилъ 7 лѣтъ, послѣ возвращенія изъ изгнанія. Въ Криштофорахъ пребывали короли: Янъ Казиміръ, Михаилъ Кобытуть и Павелъ I. какъ наслѣдникъ русскаго престола, путешествовавшій по Европѣ (1782 г.). Во время отсутствія Солтыка (1868) солдаты ворвались въ здѣшніе погреба и выпили такъ много епископскаго вина, что остались тамъ навсегда.

Кромѣ указанныхъ монастырей и костеловъ, которыхъ осталось въ Краковѣ около 40 и нѣкоторыхъ свѣтскихъ зданій, которые заслуживаютъ вниманія, какъ памятники средневѣковой архитектуры, скульптуры, по которымъ можно судить, какъ богата была Польша, въ Краковѣ имѣется старѣйшій университетъ, основанный въ 1364 году Казиміромъ Великимъ (первоначально два факультета: юридическій и философскій), котораго колыбелью считается „Collegium majus“ или Ягеллонская бібліотека. Университетъ тотъ славится знамениыми математиками, богословами и астрономами, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій Войцѣхъ изъ Брезева, наставникъ Николая Коперника. Здѣшніе профессора выступали на папскихъ соборахъ и удачно защищали дѣла Польши. Поляки были знакомы въ далекіе времена съ инженернымъ искусствомъ, что доказываютъ краковскія укрѣпленія, со своими башнями или башнями, единственными образцами въ Европѣ строеній фортификаціи XIV и XV вѣковъ. Теперь всему этому угрожаютъ Нѣмцы.

С. Фарфоровскій.

МЕЛОЧИ ЛИТЕРАТУРНАГО ПРОШЛАГО

I.

Сатира на П. П. Свиньина.

Трудно въ настоящее время судить, что именно въ личности П. П. Свиньина, издателя „Отечественныхъ Записокъ“, археолога и этнографа, вызывало насмѣшки надъ нимъ въ литературныхъ кругахъ. Надъ нимъ смѣется Пушкинъ въ „Собраніи насѣкомыхъ“, называя его „россійскимъ жукомъ“, на него онъ написалъ сказочку „Маленькій лжецъ“: А. Е. Измайловъ высмѣиваетъ Свиньина подъ именемъ „Павлуши—мѣднаго лба“ въ баснѣ „Лгунъ“: кн. П. А. Вяземскій нищетъ на одно изъ стихотвореній Свиньина такую пародію.

..Что пользы, говорить разсчетливый Свиньинъ,
Мнѣ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмыры, Тронъ иль Аѳинъ?
Пусть дорожитъ Парнасса гражданинъ
Воспомянемъ благороднымъ.
И не поэтъ, а дворянинъ.
И лучше въ Грузію¹⁾ пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяся, могу я выкланяться въ чинъ“.

„Свиньинъ, прибавляетъ кн. Вяземскій, полоскается въ грязи и пишетъ стихи“ (Ост. Арх. I, 129—130). Пушкинъ, делѣвшій одно время мечту написать комедію на сюжетъ будущаго „Ревизора“ Гоголя, записалъ этотъ сюжетъ сначала въ такомъ видѣ: „Свиньинъ пріѣзжаетъ къ Н. В. на ярмонку губернію—его принимаютъ за Audazz (?). Губернаторъ честной дуракъ, губ(ернаторша) съ нимъ проказить. Крепс.

¹⁾ Помѣстье Аракчеева въ Новг. губ.

свагается за дочь“. Но затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ фамилію Свиньина и написалъ: Кристинъ—ходячее имя французскихъ комедій. Гоголь помѣщаетъ Свиньина среди именъ самыхъ захолустныхъ помѣщиковъ, сосѣдей Коробочки: „Бобровъ, Свиньинъ, Канаватьевъ, Харванинъ, Трепанинъ, Плѣшаковъ“,—перечисляетъ Коробочка своихъ сосѣдей. — „Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь“.

Въ дневникѣ П. М. Снегирева („Русская Старина“; 1914 г., Дек.) находимъ указаніе еще на одну сатирическую выходку противъ Свиньина.—„Заѣхалъ къ П. П. Свиньину, пишетъ Снегиревъ подь 22 Октября 1825 года, который подозрѣвалъ меня, будто я сочинилъ сатирической на счетъ его *разговоръ* для дамскаго Журнала. Я увѣрялъ, что никогда сего не дѣлалъ, онъ притворялся, будто не вѣритъ, зная меня“.

Непонятно, какъ Свиньинъ въ Октябрѣ уже знаетъ, что въ „Дамскомъ Журналѣ“ князя Шаликова въ № 22 за Ноябрь будетъ помѣщена сатира на него. Здѣсь мы находимъ діалогъ подь заглавіемъ; „Нормандскій Веззнай, или приключенія Маркиза N*** (Переводъ съ Французскаго). Подписано: А-инъ, Моздокъ, 1 Октября. Приводимъ первое приключеніе.

Приключеніе 1-е.

(Комната Маркиза N*** раздѣленная ширмами).

Маркизь и Графъ.

Графъ. Что подѣлываетъ, любезный С*** съ тѣхъ поръ, какъ возвратился изъ Азіи?¹⁾

Маркизь. Я занятъ трудомъ важнымъ.

Г. Какимъ это? или оканчиваете Археологію?

М. Нѣтъ.

Г. Или отыскалъ въ какой-нибудь корчмѣ Генія-Математика?²⁾

М. Нѣтъ.

Г. Что же за важное дѣло?

М. Я оканчиваю большую для двора картину—въ семь футовъ, три дюйма длины и въ три фута, четыре дюйма ширины. Соломонъ въ порфирѣ строгимъ взоромъ глядитъ изъ-подъ балдахина на палача,

1) Въ 1823–24 годахъ Свиньинъ совершилъ поѣздку по Россіи въ Западную Сибирь.

2) Намекъ на страсть Свиньина отыскивать русскіе таланты въ простомъ народѣ.

готоваго исполнить жестокой приговоръ. Мечъ занесенъ, подложная мать смотритъ съ притворнымъ отчаяніемъ, а настоящая удерживаетъ руку правосудія и спѣшитъ отречься отъ правъ своихъ.

Г. Прекрасно, прекрасно. Нельзя ли посмотрѣть?

М. Увидите, когда кончу. Тогда-то узнаютъ, что Парижскіе художники ничто передъ нами, жителями Сѣвера. Коликихъ трудовъ, коликихъ усилій стоило мнѣ...

„Тутъ кто-то застучалъ у наружной двери. Вѣрная ньюфаундланская собака Маркиза залаяла изъ-за ширмъ, бросилась и уронила ихъ.

„Стоитъ картина на станкѣ. Искусный, но бѣдный художникъ трудится надъ нею.

Графъ (береть футъ и мѣряетъ) 7 футовъ, 3 дюйма длины.—3 фута. 4 дюйма ширины. Прекрасно, прекрасно! Соломонъ, какъ живой, въ порфирѣ строгимъ взоромъ глядитъ изъ-подъ балдахина на палача, готоваго исполнить жестокой приговоръ. Мечъ занесенъ: подложная мать смотритъ съ притворнымъ отчаяніемъ, а настоящая удерживаетъ руку правосудія и спѣшитъ отречься отъ правъ своихъ.

„Маркизь и не покраснѣлся.“

Этимъ заканчивается первое приключеніе. Второе—состоитъ изъ разговора двухъ академикомъ живописи А. и Б. Маркизь „пишетъ“ картину для Двора: на фонѣ пейзажа человѣческія фигуры. Въ разговорѣ А. и Б. выясняютъ, что одинъ изъ нихъ написалъ для Маркиза пейзажъ, а другой—фигуры, при чемъ пейзажисту Маркизь и денегъ не заплатилъ.

П. П. Свинынь, по окончаніи Московскаго Благороднаго Пансіона, учился въ Академіи Художествъ. Въ 1810 году онъ представилъ въ Академію двѣ картины: одна—пейзажъ, другая изображаетъ казаковъ, ведущихъ плѣнныхъ турокъ. За картину, представленную въ 1811 году и изображающую Суворова, отдыхающаго послѣ сраженія у ручья на сѣнѣ, Свинынь получилъ званіе академика. Всѣ виды мѣстностей, помѣщенные въ его книгѣ „Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ“, а также въ „Отечественныхъ Запискахъ“, принадлежатъ самому Свиныну.

Еще разъ повторяемъ, что, составляя представленіе о Свинынѣ по его литературному наслѣдію, недоумѣваемъ, за что не любили его писатели и смѣялись надъ нимъ. Судя по его трудамъ, это былъ человѣкъ, любившій науку, живо интересовавшійся всѣмъ, доступнымъ его наблюденію, человѣкъ добрый и готовый помогать всякому, въ комъ онъ видѣлъ проблески мысли и талантности. Кс. Полевой

говорить также, что Свиньинъ былъ „плохой литераторъ“. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: описанія городовъ и достопримѣчательностей Россіи, составленныя Свиньиннымъ, даже теперь читаются не безъ занимательности, такъ какъ всюду въ нихъ виденъ живой, наблюдательный умъ.

II.

Нападки на Н. А. Полевого.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина (1830 г., ч. I, 294) нѣкто *Пиладъ Блугинъ* (псевдонимъ-пародія на *Ореста Сомова*) по поводу утверждения О. Мих. Сомова въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1830 г., что критическіе отзывы Н. А. Полевого *односторонни*, замѣчаетъ: „Не грѣхъ ли вамъ? Хотя бы сказали, что сужденія г. Полевого шарообразны. Это было бы и оригинально, и вѣрно: именно они настоящія жемчужины Зосимины: не останятся на точкѣ, и ко всему соприкасаясь, по выраженію нашего новаго историка, ко всему прилагаются“.

Что это за жемчужины Зосимины, которыми воспользовался Пиладъ Блугинъ для своего сатирическаго сравненія въ отношеніи Полевого, на литературную голову котораго такъ много сыпалось злыхъ шутокъ, стиховъ, эпиграммъ и проч.?

Бангышь-Каменскій въ своемъ „Путешествіи въ Молдавію, Валахію и Сербію“ (1810 г.) при описаніи проѣзда черезъ Нѣжинъ рассказываетъ о Грехахъ-купцахъ Зосимахъ: „Зосимы родомъ изъ города Іоаннинъ, что въ Эпирской провинціи. Они происходятъ изъ благородной греческой фамиліи. Два брата Анастасій и Николай имѣютъ мѣстопробываніе въ Нѣжинѣ, а Зой въ Москвѣ. Сей послѣдній собралъ знатный кабинетъ медалей. Достояна также любопытства находящаяся у него жемчужина, рѣдкая по своей округлости, величинѣ и бѣлизнѣ“.

Эта жемчужина, получившая за свои свойства названіе *перерини* (странствующей), подробно описана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1820 г. № 2 въ „Первомъ письмѣ изъ Москвы“.

„Теперь, — пишетъ авторъ письма, — какъ будто обращаясь къ пріятелю, познакомлю тебя съ первою московскою красавицею, съ красавицею, которая хранится за не меньшимъ числомъ затворовъ и замковъ и подъ столь же непроняцаемыми вуалями, какъ первая одалиска турецкаго султана“.

„Это---перегрипа Зоя Павловича Зосимы.

„Зосима хранить свое сокровище въ трехъ ящичкахъ. помѣщен-ныхъ одинъ въ другомъ. Первый украшенъ драгоценными камнями, другой серебряный, а третій, въ которомъ она лежитъ, есть уже сама по себѣ дорогая морская діадема, оправленная въ золото съ выпуклымъ стекломъ. Жемчужина сія представляется во всей красотѣ своей, когда, бывъ освобождена изъ своего заключенія, катается по листу веленовой бумаги, не останавливаясь нигдѣ отъ чрезвычайной своей круглости“.

И эта цѣнная красавица послужила для нецѣннаго въ отношеніи Полевого сравненія ея свойствъ съ его мнѣніями.

Вообще, противники издателя „Московского Телеграфа“—а ихъ было такъ много!—пользовались каждымъ случаемъ, чтобы чѣмъ-нибудь уколоть Полевого, и дѣлалось это не всегда безъ остроумія.

Въ извѣстномъ романѣ В. Т. Нарѣжнаго „Бурсакъ“ одинъ изъ героевъ, Діомидъ Король, рассказываетъ объ образѣ жизни, занятіяхъ, нравственныхъ понятіяхъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ такъ называемыхъ „плащеватыхъ“ или полевыхъ цыганъ. Эта этнографическая подробность такъ же легко была использована противъ Полевого, какъ и перегрипа Зосимы.

Въ отзывѣ о „Бурсакѣ“ въ „Дамскомъ Журналѣ“ (1825 г. № 3, Февр.) критикъ, говоря о различныхъ сторонахъ произведенія Нарѣжнаго, между прочимъ, замѣчаетъ: „Весьма любопытно описаніе невѣдомыхъ происхожденіемъ своимъ *Цыганъ*, а именно *Плащеватыми* или *Полевыми* называемыхъ, дикихъ, кочующихъ, не употребляющихъ почти никакой одежды и не имѣющихъ ни малѣйшаго нравственнаго чувства“.

„Дамскій Журналъ“ князя Шаликова всегда особенно преслѣдовалъ Полевого. Въ томъ же году здѣсь помѣщена такая эпиграмма на него подъ названіемъ „O tempora! o, mores!“:

Обмѣривъ и обвѣсивъ насъ,
Купцы засѣли на Парнасъ;
Купцы бренчать, трещать на лирахъ;
Купцы острять умы въ сагирахъ,
Купцы журналы издають,
И намъ вазиматю за бисеръ продають.
Любезные! берите вѣросъ:
Оставьте только вкусъ и уши намъ въ покоѣ.

Въ журналѣ тамъ же за 1826 годъ (1825. № 13, Июль) находимъ слѣдующую шараду:

На первомъ хлѣбъ произрастаетъ,
 Второе осенью въ лѣсахъ
 Паводитъ ужасъ намъ и страхъ;
 А цѣлое ужъ такъ надобдасть.

Шарада принадлежитъ А. Воейкову (1826 г. № 3, Ф.). Въ одномъ изъ номеровъ, повидимому, самъ князь Шаликовъ такъ смѣется надъ общественнымъ положеніемъ Полевого: читательницы „Московского Телеграфа“, говоритъ онъ, „безъ сомнѣнія, ищутъ (Полевого) въ лучшихъ нашихъ обществахъ, въ нашемъ Благородномъ Собраніи, на балахъ, на вечерахъ“. (1826 г. № 24.)

И вотъ, когда часть писателей считала удобнымъ потѣшаться надъ происхожденіемъ Полевого, П. П. Свининъ, напрасно осмѣянный Пушкинымъ, посвятилъ издателю „Московского Телеграфа“ въ „Огечественныхъ Запискахъ“ (1824 г. № 55) такія строки: „Бывъ искренними читателями способностей г. Полевого, пожелаемъ ему только терпѣнія, равнодушія и постоянства—качествъ, необходимыхъ для журналиста. Онъ достоинъ особеннаго вниманія и поощренія публики тѣмъ, что первый изъ своего сословія показался у насъ на семь скользкомъ, трудномъ поприщѣ“.

III.

Теньеръ въ русской литературѣ.

Въ XVIII вѣкѣ, въ пору французскаго классицизма, метафоры, опредѣляющія литературное значеніе того или иного писателя, заимствовались изъ классическаго міра. Тогда были у насъ свои Пиндары, Эсокрыты, Омиры и „Апеллы“ (Апеллесы). Въ XIX вѣкѣ, въ первой его четверти, послѣднимъ пришлось уступить свое мѣсто инымъ именамъ: поэтъ-крестьянинъ Слѣцкинъ—это русскій Блумфильдъ, Нарѣжный—русскій Теньеръ въ литературѣ, онъ же—Гогартъ, кн. П. А. Вяземскій—Нодье, Лажечниковъ—русскій Уоллтеръ-Скоттъ и проч.

Особенною популярностью пользовалось имя Теньера. Оно привлекается для опредѣленія характера творчества писателя, какъ реальнаго по направленію, бытового по содержанію. Теньеръ становится символомъ реализма въ русской литературѣ, и въ такомъ смыслѣ его имя доживаетъ до 40-хъ годовъ.

Любопытно отмѣтить, что въ то время, когда въ русской литературѣ еще нѣтъ настоящаго реализма, въ живописи общество прояв-

ляетъ интересъ къ произведеніямъ, рисующимъ бытъ, и картины художниковъ фламандской школы пользуются успѣхомъ.

П. П. Свиньинъ сообщаетъ о составѣ художественныхъ галлерей нѣкоторыхъ современниковъ и, между прочимъ, пишетъ, что „главное богатство галлерей князя Мих. Петровича Голицына состоитъ въ фламандской школѣ. „Рубенсъ, Ботъ, Рюисдаль, Ванъ-деръ-Нээръ; Тербургъ, Ванъ-деръ-Верфъ, Метцу, Ванъ-деръ-Гейденъ, Теньеръ, Міерисы и Жерардо суть жемчужины, служившія украшеніемъ тѣхъ славныхъ галлерей, коимъ онѣ прежде принадлежали, какъ-то: князя М. М. Голицына, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ, герцога Шуазеля и известнаго кабинета Пуллени. Прекраснѣйшій пейзажъ Ванъ-деръ-Верфа, представляющій зиму, вывезенъ изъ Франціи княземъ П. Г. Щербатовымъ“ (От. Зап. 1820 г., № 1). Въ московской, какъ и Голицынской, галлерей Власова тоже были картины Теньера. Въ галлерей Тучкова находились картины Бога и Теньера: „болѣе всего поражаетъ правдоподобностью прислужникъ, раскуривающій трубку“.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1821 года (№ 12) говорится, что имѣющіяся въ Эрмигажѣ „Теньеровы картины невольно приводятъ въ восхищеніе зрителя, особенно голландская кухня и два большія деревенскія празднества“. Въ слѣдующемъ году сообщается о распродажѣ картинной галлерей А. П. Корсакова, при чемъ нѣкому „г. Сапожникову достались всѣ три лучшіе Теньера: поклоненіе волхвовъ, деревенскій видъ и охотникъ съ ружьемъ и собакою, кажется, за 2000 руб.“

Интересъ къ картинамъ Теньера возбуждаетъ интересъ и къ его жизни.

Такъ, въ „Литературной Газетѣ“ (1831 г. № 32) сообщаются анекдоты изъ жизни Теньера: „Неудивительно, говорится здѣсь, что Теньеръ изображалъ столь вѣрно и живо праздники и бражничанье поселянъ: онъ самъ любилъ посѣщать кабаки и напивался въ нихъ на ряду съ тѣми людьми, коихъ онъ былъ замысловатымъ живописцемъ“. Дальше разсказывается, какъ Теньеру какъ-то нечѣмъ было уплатить въ трактирѣ. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ слѣпного флейтиста, нарисовалъ его портретъ и тутъ же продалъ англійскому путешественнику. Послѣдній оказался лордомъ Фельксономъ, обладателемъ цѣлой галлерей картинъ.

Къ имени Теньера прибѣгаютъ для указанія внутренняго комизма лица. Авторъ описанія московскаго гулянья подѣ Новинскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1822 г. разсказываетъ: „У волтижера Рабба паяцъ обратилъ на себя вниманіе. Онъ пожилыхъ лѣтъ, и не

имѣя въ себѣ ничего отъ природы карикатурпаго, безъ словъ и кривлянья смѣшилъ всѣхъ до умору. Въ немъ, какъ въ Теньеровой картинѣ, самая трубка, которую раскуриваетъ, заставляетъ уже невольно смѣяться зрителя“.

На Теньера ссылаются писатели для опредѣленія жанра, къ которому принадлежать ихъ произведенія.—„Дорого заплатилъ бы я умѣнье изобразить на холстѣ слѣдующую картину, достойную кисти Теньера!“—Такъ начинается „уѣздная быль“ Н. Ковалевскаго „Гоголь въ Малороссіи“ („Пантеонъ“, ред. Ѳ. А. Кони, 1841 г. ч. I, 16—29 стр.).—„Представьте себѣ, — продолжаетъ авторъ, — комнату чистенькую, свѣтлую; въ ней нѣтъ ни позолоты, ни мрамора; подлѣ стѣнъ стоятъ деревянные стулья съ высокими деревянными же спинками, на которыхъ прихотливая рука мастера вырѣзала какія-то мудренныя арабески. Такихъ стульевъ вы не увидите нигдѣ, кромѣ Малороссіи“.

Описывая дальше обстановку комнаты, авторъ останавливается на распространенной въ Малороссіи картинѣ, изображающей казака Мамаю, полагаая, что это изображеніе малороссійскаго гетмана: „Онъ сидитъ, поджавъ ноги, на привольномъ лугѣ Малороссіи, подъ тѣнью вѣкового дуба; въ рукѣ его бандура; онъ поетъ поэтическія пѣсни нашей родины, сопровождая звуки свои унылыми аккордами бандуры. На вѣтвяхъ дуба развѣшены его доспѣхи: кривая казацкая сабля, лукъ, колчанъ со стрѣлами и гербъ его, изображающій вольнаго сына степей украинскихъ, невзнузданнаго коня“.

„Подлѣ огня грѣтся старикъ почтенной наружности, держа въ рукѣ чубукъ“.

Вотъ жанръ, освящаемый авторитетомъ Теньера.

Даже еще И. С. Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ Полиѣ Віардо отъ 26 Окт. 1850 г. объясняетъ художественный смыслъ своихъ „Пѣвцовъ“ ссылкой на Теньера: „Состязаніе, пишетъ онъ, происходило въ кабачкѣ, и тамъ было много оригинальныхъ личностей, которыя я пытался зарисовать à la Teniers“ (Вѣстн. Евр. 1911 г., Авг., 182).

В. Г. Бѣлинскій указываетъ на Рафаэля и Теньера, какъ на противоположные полюсы художественнаго воспріятія жизни, но признаетъ за обоими одинаковую эстетическую цѣнность: „Не вѣрю я, — говоритъ критикъ, — эстетическому чувству и вкусу тѣхъ людей, которые съ удивленіемъ останавливаются передъ Мадонной Рафаэля и съ презрѣніемъ отворачиваются отъ картинъ Теньера, говоря: „это проза жизни, пошлость, грязь“; но также точно и не вѣрю я и эстетиче-

скому смыслу тѣхъ, которые съ иронической улыбкой посматриваютъ на Мадонну Рафаэля, говоря: „это идеалы: то, чего нѣтъ въ натурѣ!“ и съ умиленіемъ смотрятъ на картины Теньера, говоря: „вотъ натура, вотъ истина, вотъ дѣйствительность!“ Для этихъ людей не существуетъ искусства: новая форма—и они не узнаютъ его, какъ маленькія дѣти не узнаютъ знакомаго имъ человѣка, потому только, что онъ на сюртукъ надѣлъ шинель. въ которой они никогда его не видали. Имъ не расстолкуешь, что Мадонну и сцены мужиковъ, какъ ни различны эти явленія, произвелъ одинъ и тотъ же духъ искусства, что Рафаэль и Теньеръ—оба художники и оба нашли содержаніе своихъ произведеній въ той же дѣйствительности, безконечно разнообразной и всегда единой, какъ разнообразна и едина природа, какъ разнообразно и едино существо человѣка!“ („Отвѣтъ Москвитянину“.)

Вліяніе на русскую литературу, въ смыслѣ развитія въ ней бытового содержанія, Теньера и вообще фламандской школы, а также русскихъ отзвуковъ послѣдней въ лицѣ А. Г. Венеціанова, Лучанинова и др. художниковъ венеціановской школы—не подлежитъ сомнѣнію. Историки русской литературы этого вліянія совершенно не учитываютъ, а между тѣмъ, замѣчается очень тѣсное отношеніе между характерами живописнаго и литературнаго изображенія крестьянской жизни до выступленія Григоровича и Тургенева. Крестьяне Теньера пьютъ, пляшутъ, веселятся,—у Ѳ. Г. Слѣпушкина, Ѳ. Н. Глинки, даже Кольцова крестьянское веселье—обычный, излюбленный мотивъ. Фламандцы въ изображеніи крестьянской жизни не пошли дальше забавныхъ сценъ. Точно такъ же воспринимаетъ жизнь сельскаго люда и „русскій Теньеръ“—Нарѣжный: панъ Харитонъ, герой „Двухъ Ивановъ“,—„выѣхалъ изъ села Горбылей въ Полтаву весьма пасмурень и дикъ, и лишь очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подѣхалъ ближе и остановился. Приѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ другу чудныя были, кому-либо изъ нихъ приключившіяся; внутри мельницы раздавались *веселыя* зазыванія мельника. Для всякаго другого путешественника эта сельская картина показалась бы *забавною*“ (Соч. Нарѣжнаго, III, 131.). На такомъ отношеніи къ крестьянамъ, подѣ вліяніемъ живописи, литературы и сцены, гдѣ въ дивертисментахъ плясали крестьяне и крестьянки съ кокетными лицами, останавливались и представители вышнихъ классовъ. Характеренъ въ этомъ смыслѣ разговоръ между баринномъ села Кузьминскаго, изображеннымъ въ „Деревнѣ“ Д. В. Григоровича, и его женою: „По-

смотри, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на пыльную дорогу (по которой шла героиня повѣсти Акулина): какъ ошибаемся мы, думая, что ужь русскій простолюдинъ непременно долженъ быть дюжій и здоровый: взгляни хоть вонъ на эту дѣвку, еле-еле въ ней душонка держится... какая худая и желтая!.. Пстой, я подзову ее сюда!“—Пу, воть еще: Богъ съ ней!—„Ничего: я ужасно люблю говорить съ ними: ты не повѣришь, какъ люди эти бываютъ иногда *забавны*“.

Въ такомъ духѣ воспринималъ жизнь русскихъ крестьянъ и В. П. Даль.

IV.

Сюжетъ «Пропавшей грамоты» Гоголя во французской повѣсти.

Въ „Галатее“ 1830 года (ч. XIII, № 14, стр. 97—108) напечатана переводная французская повѣсть „Игра въ шахматы съ нечистымъ“, въ которой содержится основной эпизодъ повѣсти Гоголя „Пропавшая грамота“, написанной, по мнѣнiю Н. С. Тихонравова, въ 1831 году. Въ старинномъ замкѣ живетъ господинъ Клермаре со своею супругой. Когда онъ былъ на охотѣ, къ замку подъѣхалъ рыцарь Брудемеръ и попросился на ночлегъ.—„Если бы бѣдный крестьянинъ лежалъ при смерти на валу, передъ подъемнымъ мостомъ, и ради Бога и всѣхъ святыхъ просилъ помощи, то владѣтельница его бы не послушала; но рыцарь—совсѣмъ другое дѣло. Итакъ, она приказала отворить ворота и пустить его“

Брудемеръ тайно сообщаетъ госпожѣ Клермаре, что до замка его довелъ старикъ, открывшій ему тайну ея происхожденiя: она—не дочь графа Эрена, какъ она думаетъ, а этого простого старика. Жена послѣдняго была кормилицей дочери графа Эрена, но ея питомица умерла, и она подмѣнила покойную своей дочерью, такъ какъ этого никто не зналъ. Такимъ образомъ, дочь простого человѣка была воспитана, какъ дочь графа Эрена: „Если,—сказалъ старикъ,—эта тайна откроется, то господинъ Клермаре ни минуты не станетъ терпѣть у себя дочери человѣка низкаго званiя“. А старикъ хочетъ мстить своей дочери, такъ какъ она выгнала его изъ замка.

Брудемеръ убѣждаетъ г-жу Клермаре пойти вмѣстѣ съ нимъ и убить старика-отца, иначе ей придется быть служанкой у новой жены г-на Клермаре, и дочь убиваетъ своего отца. Но старикъ не сразу

умеръ и успѣлъ разсказать все возвращавшемуся съ охоты г-ну Клермаре.

Когда послѣдній вошелъ въ замокъ, увидѣвшій его Брудемеръ громко и злобно захохоталъ, хохотала и г-жа Клермаре.—„Сатана!—вскричалъ г-нъ Клермаре въ бѣшенствѣ и отчаяніи,—передъ тобою отцеубійца и замокъ, оскверненный ея преступленіемъ“.—„Я беру ихъ себѣ!—возразилъ Брудемеръ, и онъ обнялъ прекрасную женщину руками, на которыхъ выросли дьявольскіе когти“. Съ тѣхъ поръ злой духъ Брудемеръ поселился въ замокъ и всѣхъ, кто неосторожно проникалъ туда, заставлялъ играть съ собою въ шахматы на душу своего партнера. Но вотъ, въ замокъ пошелъ одинъ бенедектинскій монахъ и сталъ играть съ Брудемеромъ въ шахматы.

„Монаху почти данъ былъ матъ, Брудемеръ и дама (г-жа Клермаре) начали смѣяться. Монахъ началъ уже раскаиваться въ своей дерзости... Но онъ не отчаивался въ Божьемъ милосердіи и потихоньку читалъ молитву святому Бергину. Вдругъ ему пришло на мысль, что одинъ ходъ можетъ еще спасти его; онъ пошелъ съ пѣшки и выигралъ. Ядовитый смѣхъ превратился въ ужасный вой, и чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже ничего не видалъ и не слышалъ. Поутру на томъ мѣстѣ, гдѣ ночью стояла блѣдная дама, лежалъ остовъ, одѣтый въ богатое женское платье“.

Монахъ завладѣлъ замкомъ, устроилъ въ немъ монастырь и былъ его настоятелемъ: „Революція разрушила этотъ монастырь вмѣстѣ съ другими“.

Эпизодъ игры съ нечистымъ въ шахматы имѣетъ точки соприкосновенія съ эпизодомъ игры дѣда съ чертами въ дурня въ „Пропавшей грамотѣ“ Гоголя.

Брудемеръ играетъ на душу игрока; вѣдьма грозитъ дѣду, что, если онъ три раза останется дурнемъ, то и „свѣта больше не увидитъ“. Монахъ сначала все проигрываетъ, и только молитва спасаетъ его; дѣдъ тоже вначалѣ проигрываетъ и спасается крестнымъ знаменіемъ. Брудемеръ и его дама смѣются надъ монахомъ; при проигрышѣ дѣда „со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли. захрюкали морды: дурень, дурень, дурень!“ Когда монахъ выигралъ,—„ядовитый смѣхъ превратился въ унывный вой“: когда выигралъ дѣдъ, — „громъ пошелъ по пеклу“.

Гоголь могъ читать французскую повѣсть въ „Галатеѣ“, появившуюся за годъ до его „Пропавшей грамоты“. Но мы несклонны видѣть здѣсь какое-либо заимствованіе. Признаніемъ послѣдняго слишкомъ злоупотребляютъ наши историки литературы, возводя даже Островскаго къ иностраннымъ образцамъ. Указанное сопоставленіе для насъ любопытно въ смыслѣ выраженія сходства романтическаго творчества у различныхъ авторовъ.

Вл. Даниловъ.

Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году

(По новымъ архивнымъ даннымъ *).

Богатая и торговая Астрахань, расположенная на узлѣ двухъ дорогъ: водной и сухопутной изъ Европы въ Азію, издавна привлекала къ себѣ взоры сосѣднихъ туземныхъ владѣльцевъ: съ одной стороны султана турецкаго, съ другой—шаха персидскаго. Послѣдній имѣлъ на нее виды потому, что еще до монгольскаго и хозарскаго владычества, основалъ и построилъ ее персидскій царь Хозрой Великій. Притязанья же перваго основывались на томъ, что завладѣвшіе

*) Въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ („Древ. Россіи. Вивліонка“ 1791, ч. XX, стр. 213—319 и даже въ „Исторіи Россіи“ Соловьева) о походѣ въ 1569 г. турецкой арміи подъ Астрахань разсказывается, что будто войска, подъ начальствомъ Касимъ-бека и хана Деветъ-Гирей, поднялись вверхъ по Дону на судахъ до Переволочи, куда пришли къ половинѣ Августа этого года. Чтобы переправить суда и тяжелую артиллерию на Волгу, Касимъ началъ проводить каналъ для соединенія Дона съ Волгой, остатки котораго, подъ именемъ Селимовскаго, и до сихъ поръ сохранились ниже Камышина. Но вида невозможность въ скоромъ времени окончить это предпріятіе, паша бросилъ начатое сооруженіе и въ половинѣ Сентября направился къ Астрахани. Построивъ на старомъ городишѣ (гдѣ былъ ранѣе этотъ городъ, перенесенный послѣ покоренія въ 1558 году на настоящее мѣсто, на Высочій бугоръ) крѣпость, Касимъ отпустилъ хана въ Крымъ, а самъ съ турецкими полками рѣшилъ зимовать здѣсь. Но среди зимы начался ропотъ. Волненіе болѣе усилилось, когда стало извѣстно о приближеніи русскихъ войскъ, подъ начальствами кн. Петра Серебрянаго и Замятни-Сабурова. Кромѣ того, царь Іоаннъ Грозный вызвалъ съ Дибра изъ „Черкасъ“ 5 тыс. запорожскихъ казаковъ во главѣ съ кн. Дмит. Вишневецкимъ. „Совокулись съ Донцами, они одержали великую побѣду надъ Турками на сушѣ и на морѣ“.—Между тѣмъ въ такъ назыв. „Турецкихъ книгахъ“ (№ 2, въ Москов. архивѣ Иностр. дѣлъ) сохранились разсказы самихъ участниковъ этого похода, которые повѣствуютъ о томъ нѣсколько иначе. По случаю пачѣнней борьбы нашей съ Турціей, полагаю умѣстнымъ привести взгляды современниковъ какъ на организацію этого похода, положеніе Турціи, такъ и на силы и могущество Россіи.

Астраханью ханы золотой орды, исповѣдуя магометанство, считали его главою мусульманъ, какъ Халифа—наслѣдника пророка.

По словамъ нашего посла въ Константинополь Ивана Новосильцева¹⁾, поводомъ къ завладѣнію этимъ городомъ, какъ ни странно, выставлялась ссора султана турецкаго съ кизылбашскимъ²⁾ шахомъ изъ за того, что персидскимъ купцамъ разрѣшался свободный вѣздъ въ Россію для торговаго промысла въ Астрахани, тогда какъ турецкимъ людямъ вѣздъ въ послѣднюю со стороны русскаго двора былъ воспрещенъ, вслѣдствіе, будто бы, интригъ шаха Хунда-бендея. Между тѣмъ всѣ попытки турецкихъ войскъ пробраться для наказанія Персіи черезъ Кавказъ оканчивались почти всегда неудачами, такъ какъ путь лежалъ черезъ горы, въ узкихъ проходахъ конь наносили Туркамъ и Крымцамъ уроны исконные враги ихъ Черкесы.

Какъ разсказывалъ Новосильцеву слуга Касимъ-бека, еще султану Сулейману предлагалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вести войну съ Персіями чрезъ Астрахань, ибо оттуда удобнѣе было спустить на судахъ по Хвалынскому морю безъ урона войска, чтобы стройной, неизнуренной тяжелымъ походомъ, массой нагрянуть на прибрежныя кизылбашскія населенія. Но для этого, конечно, прежде всего надо было завладѣть Астраханью.

И въ письмѣ своемъ Селиму ханъ также похвалялся: „ты бѣ послалъ со мною войну свою на Астрахань да язь съ собою возьму своею рати тысячъ со сто и, шедъ, тебѣ Астрахань возьму одного часу, да и Казань твоя жъ будетъ: а не возьму язь Астрахани, и тогда ты меня не жалуй“. Съ своей стороны и Касимъ-бекъ Каѣнскій увѣрялъ молодого султана въ полномъ успѣхѣ предпріятія, если только повелитель правовѣрныхъ пошлетъ съ войсками именно его и хана Девлета.

Не мало способствовали этимъ замысламъ Ногайцы орды князя Уруса и нѣкоторые вліятельные астраханскіе татары, которые жаловались султану на претерпѣваемыя будто бы ими притѣсненія отъ воеводъ и московскихъ людей. Они писали и Касиму, — „велѣли ему

¹⁾ Новосильцевъ былъ отправленъ Іоанномъ Грознымъ къ султану Селиму въ качествѣ особаго почернаго гонца съ поздравленіемъ о вступленіи послѣдняго на турецкій престолъ и съ нимъ была послана грамота отъ 13 Ноября 7078 (1569) года, въ которой царь, между прочимъ, писалъ: „и сказывали намъ, что твои, брата нашего, люди изъ Кафи и изъ Азова пошли къ нашему городу къ Астрахани, и мы тому подивились“ („Древн. Рос. Вивліюѣ“. XX, стр. 213).

²⁾ Такимъ именемъ Турки называютъ Персовъ, потому что они красятъ волосы и бороду: кизылъ—красный, башъ—голова, т. е. красноголовые.

идти къ Астрахани, а Астрахань де возьмемъ мы до твоего прихода. И за кѣмъ-де будетъ Астрахань, мы того государя будемъ“.

Селимъ повѣрилъ ихъ клятвамъ и приказалъ готовить войска изъ Царьграда и Анатолиі. янычаръ, также бѣлогородскихъ и добринскихъ Татаръ (изъ Крыма) всего около 80 тыс. человекъ „съ припасами и со многими подкопнымъ и хлѣбнымъ запасомъ“. У Турокъ была такая увѣренность въ побѣдѣ, что султанъ повелѣлъ выдать отправляющимся изъ столицы „военнымъ людямъ“ впередъ за годъ жалованье и грамоты. „гдѣ кому на которомъ приказѣ быть, когда возьмутъ Астрахань“. Ликование и надежды были столь велики, что „у многихъ людей въ Царь-градѣ Турки имали передъ отъѣздомъ задатки деньгами за полонъ, который они обѣщали привести изъ Астрахани“.

По словамъ одного полоняника, набралось „турскихъ людей: голова Касимъ-бекъ Кафинскій да восемь санчаковъ¹⁾, а съ ними тысячь съ полтретьятцать²⁾, да крымской царь, а съ ними его царевичи: большой Магометь-Гирей калга³⁾, другой Алди-Гирей и третій Казы-Гирей, а Татаръ у нихъ было больше тысячь пятидесяти, и тѣ крымскіе Татарова многіе, не дошедъ Астрахани, назадъ ворочались съ нужи“⁴⁾.

Высказавъ, ничего не видя, твердую увѣренность въ побѣдѣ, Турки, оказывается, не знали, куда и какъ идти имъ. „Изъ Кафи шли они на коняхъ: нарядъ⁵⁾ и запасъ везли въ судахъ изъ Царь-града и иныхъ городовъ, которые были близко моря“. Но дойдя до Азова остановились, не вѣдая дальнѣйшаго направленія пути. Касимъ сталъ придумывать, какъ бы добыть проводниковъ. Кромѣ донскихъ казаковъ, не было по близости никого изъ Русскихъ или туземцевъ, знавшихъ на Астрахань дорогу. Турецкимъ развѣдчикамъ удалось перехватить двоихъ изъ нихъ на звѣриной ловлѣ. Однако вскорѣ, изъ подъ Азова же, одинъ донецъ успѣлъ скрыться безслѣдно, и повидимому, предупредилъ своихъ родичей о грозящей имъ и Россіи опасности. Другого хотя Турки удержали „крѣпко“ и по необходимости заставили быть ихъ „вожемъ“, но онъ повелъ ихъ такъ, что армія Константинопольская миновала донскіе казачьи городки, не причинивъ имъ „шкоды“ и не могла поэтому воспользоваться отъ казаковъ нужнымъ для продовольствія войскъ провіантамъ и живностью, хотя шла

¹⁾ Воеводы, по нынѣшнему наши.

²⁾ Т. е. 15 тысячь.

³⁾ Кама—предводитель, начальникъ войска.

⁴⁾ Турецкія книги, № 2, стр. 67.

⁵⁾ Артиллерию.

„вверхъ подлѣ Дона коньми же до Царицына рѣки, а нарядъ и запасъ везла Дономъ же на судахъ“.

Такимъ образомъ низовые донцы избѣгли столкновенія съ янычарами. но Крымская орда, слѣдовавшая на Сѣверный Донецъ, захватила въ верховьяхъ атамана Ивана Мотыгина съ 40 казаками. Девлетъ-Гирей былъ „вельми“ обрадованъ этой первой побѣдой своей 50 тысячной рати и немедленно отправилъ къ султану гонца съ донесеніемъ, что взялъ онъ на Дону большой казачій городокъ и въ немъ амановъ и казаковъ побить пять тысячъ. Получивъ такую вѣсть, „Селимъ сталъ больше веселъ“¹⁾.

Обѣ арміи—(турецкая и крымская) сошлись у Переволоки, гдѣ р. Донъ, дѣлая громадный изгибъ, приближается вереть на 40 къ Волгѣ. Сюда же прибылъ Казый-мурза съ тысячею кубанскихъ Татаръ. Ханъ Девлетъ-Гирей послалъ „царевичей добывать на Волгу и вверхъ по Дону языковъ и про государевыхъ, царевыхъ и великаго князя воинскихъ людей прѣдывать“. Они поймали только нѣсколько чело-вѣкъ Татаръ орды князя Уруса, которые повѣдали имъ, что „государевы воеводы многіе были на Волгѣ, на Царицынѣ островѣ²⁾ и пошли вверхъ“. По тѣмъ вѣстямъ ханъ и турецкіе люди стали собираться походомъ на Астрахань. Предстояло самое трудное дѣло—переправить суда и тяжелую артиллерію на Волгу.

Касимъ-бекъ распорядился все выгрузить на берегъ—и орудія, и хлѣбные и пороховые запасы и суда-каторги. Цѣлыхъ двѣ недѣли устраивали турки на донскомъ берегу „колеса и волоки“ подъ суда и артиллерійскій „нарядъ“, намѣревались перевалить ихъ на Волгу, чтобы этой рѣкой спуститься до Астрахани.

Устроивъ все, какъ быть должно, рассказываетъ очевидецъ. „прочъ пошли они отъ берега... Шли половину дня, и стали у нихъ волоки и колеса портиться.“ Бились долго съ поправкой, но ничего подлѣять не могли за отсутствіемъ лѣса. Тогда Касимъ приказалъ отобрать „немногія полковыя пушки,“ которыя вмѣстѣ съ „подкопомъ,“ судами, казной и судовымъ запасамъ отправилъ съ воеводой Капыдопомъ обратно въ Азовъ, давъ ему для провожанія въ конвой 900 Турокъ. Но немногіе изъ нихъ дошли по назначенію, а болѣе ихъ, сказываютъ, „померли съ нужи на Дону.“

¹⁾ Москов. арх. Иностр. дѣль, Турец. кн. № 2, стр. 103—106.

²⁾ Очевидно, на островѣ ниже устья р. Царицы, ибо города Царицына въ то время еще не существовало: онъ построенъ въ 1586 году.

Касинскій бекъ взялъ съ собой только три большія орудія, ядра у которыхъ „были поменьше головы человѣческой.“ И армія направилась черезъ степь прямо на Астрахань. Однако уже на этомъ пути Туркамъ и Крымцамъ причинился „урокъ,“ хотя и „не великой,“ вслѣдствіе недостатка продовольствія.

Рать остановилась на старомъ городищѣ, куда къ Касиму явились съ покорной головой Ногайцы и Татары астраханскіе, увѣряя его: „служили мы государю московскому, а теперь мы—люди султана турецкаго.“ И привозили Туркамъ „корму.“ „А иначе.—разсказываетъ слуга Касима,—тогда же подъ Астраханью многіе померли бы съ голоду.“

Измѣнники эти оказывали турецкому войску всевозможныя услуги для успѣшнаго завладѣнія городомъ, вѣдѣли „крымскаго Мустафу съ товарищи досматривать, какимъ приступомъ взять“ его. Но, къ ихъ несчастію, Астрахань стояла въ то время, какъ бы „на острову,“ окруженная со всѣхъ сторонъ водой, почему безъ судовъ и тяжелой артиллеріи приступиться къ ней было „не мочно.“

Мѣсяца черезъ четыре послѣ ухода арміи, султанъ получилъ печальную вѣсть, что крымскій ханъ и Касимъ-бекъ „съ воинскими людьми у Астрахани были и промышляли, чтобы взять ее подкопомъ, только подкопа сдѣлать было нельзя, потому—вода заняла. Хотѣли они посылать отъ стараго городища къ городу на приступъ людей, да изъ Астрахани учили по ихъ шатрамъ бити изъ пушекъ.“

„И стали говорити турецкіе межъ себя съ Крымцами: „къ Астрахани приступити нельзя, а людямъ ихъ чинится изронъ и корма людскаго у нихъ нѣтъ...“ Да и пошли всѣ прочь отъ Астрахани. А стояли подъ нею на Старомъ Городищѣ день съ десять.“

Возвращались они тѣмъ же путемъ, какимъ шли впередъ, только „на разнь, почему турецкимъ людямъ уронъ былъ великой, ибо лошадыми обмерли и мерзли Турки съ голода и нужи.“ До Азова не дошло ихъ и „трети“ всего войска. Если бы не помогли имъ Крымцы и казневскіе Татары, то они всѣ „перепропали бы.“ Послѣдніе терпѣли меньше потерь, такъ какъ „коня у нихъ были добрые, а кормились они конями же, кторые мерли подъ турецкими людьми.“

Какъ слышалъ отъ константинопольскихъ жителей посоль Новосильцевъ, на обратномъ пути погибло много санчуковъ, а изъ 3 тыс. янычаръ достигло Царьграда всего 700 человѣкъ, „да и тѣ были больны всѣ.“

По прибытіи въ свою столицу, оставшіеся солдаты подали султану жалобу, въ которой писали: „Намъ въ томъ Астраханскомъ городѣ сталъ великой убытокъ и людямъ уронъ, и казнѣ твоя большая

потеря. А буде станешь къ Астрахани впередъ насъ посылати, то лучше здѣсь вели казнити смертью, чѣмъ намъ тамъ напрасно помирати. Астрахань отъ Царя-грѣда не близко и приступити къ ней долго, хотя и самъ пойдешь. А ту твою казну и воинскихъ людей крымскій ханъ и Касымъ-бекъ потеряли напрасно. Царь Девлетъ-Гирей пошелъ напередъ отъ Астрахани съ своею ратью и насъ покинулъ. И мы просили его, чтобъ онъ насъ не металъ и тогда онъ велѣлъ намъ подвозиться. А то бы намъ къ Азову не дойти. Видно, случилось твоимъ государевымъ счастиемъ, что къ намъ на встрѣчу Московскіе люди не пришли, а то они бы всѣхъ остальныхъ побили. *Московскій царь людьми силенъ и тебѣ, султану, воевати съ нимъ не за что...*“

Селимъ очень „кручинился“ и гнѣвался на хана и Касима.

— Вы потеряли у меня казну и людей,—говорилъ онъ имъ,— и ввели меня „въ великій соромъ“ предъ другими государями...

Созвавъ своихъ чаушей, онъ приказалъ имъ „известить“ ихъ обоихъ.

Провѣдавъ о томъ, Девлетъ написалъ жившему въ Константинополь и пользовавшемуся расположеніемъ султана сыну своему, чтобы онъ „билъ челомъ“ Селимовой сестрѣ вдовѣ Неяитъ-царевнѣ, которая была замужемъ за Брастанъ-пашею, и просилъ бы также великаго визиря Магометъ-пашу, дабы султанъ „опалу отдалъ и не велѣлъ ихъ побивати.“ Царевна согласилась за нихъ хлопотать и говорила Селиму: „ежели не взяли они Астрахани, то, видно, такъ Аллахъ тому велѣлъ быти.“

Любя и почитая сестру, султанъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, но сказалъ ей:

— Все равно впередъ быть имъ отъ меня изведенными.

— Девлетъ-Гирей называетъ себя царемъ.—съ гнѣвомъ говорилъ онъ царевнѣ и визирю.—Онъ ставитъ себя больше меня, хотя посаженникъ отца моего. Онъ ссылается съ Московскимъ великимъ княземъ и послы и гонцы межъ ихъ ходятъ, а обо мнѣ забыли!...

За такое „вызволеніе“ ханъ и Касимъ прислали Магометъ-пашѣ „великія поминки.“ Однако и послѣ этого опальный полководецъ не рѣшался выѣзжать изъ Каѳы въ Константинополь. Онъ страшился не столько гнѣва султанскаго, сколько ненависти тѣхъ „турскихъ“ людей, которыхъ водилъ подъ Астрахань. Ему дошелъ слухъ, что они готовились убить его, какъ только онъ появится въ столицѣ.

Чтобы, должно быть, обѣлить себя предъ повелителемъ своимъ, Касимъ прислалъ великому визирю чертежъ Астрахани съ поясненіемъ, насколько силенъ и крѣпокъ городъ и почему нельзя было взять его.—

Лучше бы султанъ просилъ у московскаго царя добровольно отдать ему Астрахань,—при этомъ совѣтывалъ онъ Магомету.

— Видно Касимъ не во своемъ умѣ ходить,—вскипѣлъ Селимъ. когда визирь передалъ ему мнѣніе неудачливаго полководца,—онъ хочеть, должно быть, сдѣлать ссору между двумя государями. Или ему не жаль головы? Развѣ у него ихъ двѣ?...—Сердито добавилъ онъ и бросилъ рисунокъ на полъ.

И не только сами турки, но и другіе европейскіе народы были увѣрены въ томъ, что у московскаго государства никакъ невозможно отбить Астрахань. По разсказамъ Новосильцева, когда вѣсть о гибели селимовской арміи достигла французскихъ городовъ, то „Франки о томъ возрадовались и межъ себя учили говорить: *Государь де Московскій— великой, и кому противъ него стояти? Отъ невпрныхъ его Богъ обороняетъ...*“

Спустя лѣтъ пятнадцать, Ногайцы снова хотѣли втравить Турцію въ войну съ Россіей. Для этой цѣли въ 1584 году князь Урусъ посылалъ въ Константинополь своихъ пословъ Кутлабердыя и Оттинбая, которые жаловались султану Мурату, что терпятъ отъ Русскихъ большую „тѣсноту.“ По ихъ словамъ, царь Московскій „нарочито учинилъ на Волгѣ казаковъ,“ которые „улусы Ногайскіе погромили многіе, а нынѣ ходили казаки на Кайганъ за Бузанъ рѣку, да за Яикомъ днища три воевали по рѣку по Эмбу и имъ Московскихъ людей впредь прожить не мочно на Волгѣ, Яикѣ и Эмбѣ.“ потому что на нихъ „поставили городки многіе.“

Послы говорили еще, будто когда князь Урусъ отправилъ съ такимъ же челобитьемъ въ Москву отъ себя гонцовъ, то бояре и приказные люди „учинили имъ безчестье великое, мало не побили на смерть.“

Что отвѣтилъ на просьбу Муратъ, къ сожалѣнію, осталось не извѣстнымъ. Однако онъ открыто высказывалъ свое неудовольствіе распоряженіямъ Московскаго двора, завязавшаго дружественныя сношенія съ персидскимъ шахомъ Магометъ-Мирзой Худабендеемъ.¹⁾ который предлагалъ Россіи Дербентъ и Баку, если царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелитъ построить около нихъ укрѣпленные русскіе города, такъ какъ послѣ уничтоженія въ 1580 г. по настоянію султана и крымскаго хана острожка Терка, на устьѣ р. Сунжи, каша кавказская граница была совсѣмъ ничѣмъ не защищена отъ турецкихъ вторженій, причинявшихъ нерѣдко уроны и персидскимъ владѣніямъ.

¹⁾ Правившимъ персидскимъ государствомъ съ 1578 по 1587.

Только поселенные на этой рѣкѣ терекіе казаки да Доицы преграждали иногда пути турецкимъ военнымъ отрядамъ и торговымъ людямъ, направившимся изъ Азова къ желѣзнымъ воротамъ.¹⁾

По этому поводу одинъ изъ вліятельныхъ турецкихъ военачальниковъ Асманъ-паша говорилъ нашему послу Борису Благово: „если царь вашъ съ Дона и Терека казаковъ сослать не велить, то султанъ пошлетъ насъ всѣхъ съ крымскими и ногайскими людьми на царя вашего землю да и подъ Астрахань. И мы вѣдаемъ, какъ на Астрахань прійти и мочаги²⁾ воложскіе всѣ знаемъ. И того часа возьмемъ ее.“

— Чѣмъ ты похваляешься, то все дѣло въ рукѣ Божіей, — резонно отвѣтилъ ему Благово. — Кому что Богъ далъ, тѣмъ похвалиться не зачѣмъ. Нынѣ Астрахань у Государя нашего Божіимъ чудомъ укрѣплена и людей въ Астрахани воинскихъ много. А ты, паша, и самъ вѣдаешь, когда Астрахань была не въ добрѣ утверждена и вашего государя люди къ ней ходили, а что же тогда ей училили? Развѣ тебѣ не случалось слышать, какова нынѣ Астрахань? Да что говорить о томъ. Астрахань въ Божьей рукѣ; кому ея впередъ Богъ велить владѣть, тотъ ея и учнетъ владѣть!..

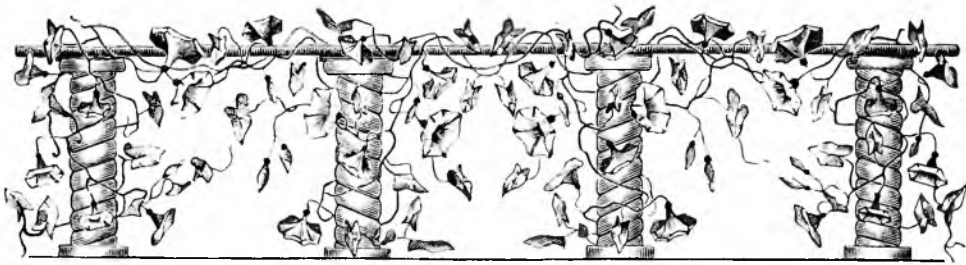
Асманъ-паша принужденъ былъ замолчать послѣ такихъ вѣскихъ словъ. Турція прекратила всякія попытки къ завладѣнію отдаленной татарской столицей. Но съ этого времени стала наносить намъ много вреда по кавказской границѣ, враждебно настраивая противъ насъ тамошнихъ горцевъ...

П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Такъ назывался Дербентъ.

²⁾ Стоянки, остановки, мѣста для водою и корма.

Дѣло о сектѣ, называемой „христовщиной“, коея послѣдователи оскопляютъ себя.

Ниже мы помѣщаемъ документы изъ „дѣла“¹⁾ объ открывшейся въ началѣ 19-го столѣтія, въ предѣлахъ Калужской и Московской губерній, среди лицъ духовнаго званія, хлыстовско-скопческой секты.

Въ „дѣлѣ“ сообщаются сравнительно раннія и довольно подробныя свѣдѣнія о богослужебномъ культѣ и ученіи хлыстовъ и скопцовъ. Такимъ образомъ, уже съ этой стороны оно представляетъ несомнѣнный интересъ для историческаго изученія русскихъ мистическихъ сектъ.

Не менѣе интересно это „дѣло“ и въ другомъ отношеніи. Оно вскрываетъ роль известнаго священника Калужской губ., села Забѣлина Ивана Сергѣева, которому приписывается первый опытъ систематическаго изложенія ученія и культа хлыстовъ и скопцовъ, подъ заглавіемъ: „Изъясненіе раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной“, а также представляетъ данныя для сужденія о степени значенія этого труда.

Хлыстовско-скопческое сообщество, о которомъ говорится въ „дѣлѣ“, было раскрыто усиліями этого именно священника. Получивъ предписаніе произвести негласное разслѣдованіе по поводу дошедшихъ до епархіальной власти слуховъ о хлыстовско-скопческой сектѣ, о. Иванъ Сергѣевъ хитростью сумѣлъ войти въ довѣріе одного изъ главныхъ сектантскихъ дѣятелей, священника Копетантина Иванова, отъ него узналъ ученіе сектантовъ и чрезъ него также получилъ доступъ въ ихъ богослужебныя собранія. Результатомъ этого частнаго розыска явилось „доношеніе“ о. Сергѣева епископу Калужскому Тео-

¹⁾ Дѣло хранится въ Архивѣ Св. Синода подъ № 671.

филакту, въ которомъ онъ подробно изложилъ свои наблюденія. Такимъ образомъ, о. Сергѣевъ былъ обыкновеннымъ, ловкимъ и находчивымъ православнымъ миссіонеромъ; но онъ никогда не раздѣлялъ сектантскаго ученія и никогда не былъ самъ хлыстомъ. Такая роль о. Сергѣева была обнаружена предъ сектантами довольно скоро: предъявляя имъ обвиненія, слѣдственная власть при допросахъ открыто указывала на его доношеніе, какъ на источникъ имѣющихся у нея свѣдѣній. Несомнѣнно, конечно, что послѣ этого о. Сергѣевъ не могъ уже пользоваться никакимъ довѣріемъ у нихъ. Поэтому, если справедливо, что впоследствии о. Сергѣевъ написалъ цѣлое сочиненіе о хлыстахъ и скопцахъ¹⁾, то вполне естественно думать, что онъ составлялъ его не на основаніи живыхъ и непосредственныхъ наблюденій и впечатлѣній, а на основаніи давнихъ воспоминаній, которыя отъ времени могли принять слишкомъ субъективную окраску, а также и перемѣшаться съ доходившими до него слухами, которыми онъ, конечно, не переставалъ интересоваться. Та разница, которую приходится наблюдать между его „доношеніемъ“ и его „сочиненіемъ“, какъ оно извѣстно въ печати, дѣлаетъ нашу догадку болѣе вѣроятной. Вотъ почему намъ кажется, что сочиненіе о. Сергѣева ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на то значеніе, которое обычно усвоится ему. вмѣстѣ съ тѣмъ становится сомнительнымъ и то утвержденіе, что о. Сергѣевъ находился въ письменныхъ сношеніяхъ съ самимъ Кондратіемъ [Селивановымъ]. Разъ „предательская“ роль его была выяснена, едва ли къ нему могъ писать глава скопческой секты такія теплыя и сердечныя письма, которыя приводятъ изслѣдователи. Вѣроятно, они предназначались другому лицу.²⁾

Но особенный интересъ нечитаемыхъ документовъ заключается въ томъ, что въ нихъ рѣчь идетъ о послѣдователяхъ сектантскаго ученія изъ лицъ, принадлежавшихъ къ духовному званію. Разслѣдованіемъ было установлено, что въ числѣ приверженцевъ хлыстовско-скопческой секты оказались слѣдующія лица: игуменъ Московскаго Угрѣшскаго монастыря Іоаннафанъ, іеромонахъ Московскаго Богоявленскаго монастыря Георгій, послушникъ Симонова монастыря Павелъ Аванасьевъ, священникъ Калужскаго уѣзда, села Князь-Иванова Константинъ Ивановъ съ женою Ксеньей Алексѣевой, пономарь того же села Петръ Семеновъ съ женою Марьей Ивановой, пономарь Лихвинскаго

¹⁾ Сочиненіе было представлено въ Св. Синодъ въ 1809 году, слѣдовательно и написано оно было около этого времени.

²⁾ Вопросъ о роли о. Сергѣева и о значеніи его сочиненія требуетъ подробной и тщательной разработки. Мы намѣреваемся посвятить ему особое разсужденіе.

узда, села Титова Николай Николаевъ съ женою Прасковьей Ивановой, сторожъ Московскаго Архангельскаго Собора Иванъ Кирилловъ, бывший дячекъ Тарусскаго узда, села Краснаго Аванасій Григорьевъ и др. При этомъ нѣкоторые изъ названныхъ лицъ играли видную роль въ сектантскомъ обществѣ, являясь ревностными пропатагандистами его ученія.

Принадлежность къ хлыстовско-скопческой сектѣ поименованныхъ выше лицъ представляется обстоятельствомъ, особенно интереснымъ для изслѣдователя русскихъ религіозныхъ движеній. Когда въ хлыстовщину и въ скопчество идутъ простые или, какъ называли ихъ въ старое время, „подлые“ люди,—это не такъ удивляетъ наблюдателя. Полное незнаніе основъ православнаго ученія можетъ быть названо въ такомъ случаѣ коренной и очевидной причиною увлеченія сектантствомъ. Но когда скопцами и хлыстами оказываются лица, по отношенію къ которымъ невѣдніе церковнаго ученія не должно быть допущено въ качествѣ причины уклоненія ихъ отъ православія, то это уже не можетъ не казаться страннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что побуждало всѣхъ этихъ духовныхъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые занимали видное и почетное положеніе, идти въ сектантство; какія причины толкали ихъ вступать на путь уклоненія отъ православія? Печатаемые документы не даютъ прямого и исчерпывающаго отвѣта на поставленный вопросъ: но въ нихъ, однако, есть данныя, которыя въ извѣстной степени уясняютъ его.

Не всѣ привлеченныя къ слѣдствію лица сознались въ своей принадлежности къ сектѣ; поэтому причины увлеченія сектантствомъ этихъ именно лицъ остаются совершенно невыясненными. Но многія изъ нихъ открыто признали себя послѣдователями хлыстовско-скопческаго ученія, и на вопросахъ свободно давали объясненія о причинахъ своего уклоненія въ секту.

Очень фанатичный послѣдователь скопчества, священникъ Константинъ Ивановъ вступилъ въ секту, по его выраженію „для спасенія своего“, „скопилъ онъ самъ себя Царствія ради Небеснаго“, такъ какъ былъ убѣжденъ, „что сей только есть путь Божій, приводящій ко спасенію“. Почему? Отвѣта на этотъ вопросъ въ его показаніи нѣтъ. Можно, однако, думать, что такъ онъ полагалъ потому, что сектантское ученіе ближе стояло къ буквѣ Св. Писанія: самъ себя онъ оскопилъ на основаніи буквальнаго пониманія извѣстныхъ словъ Евангелія. Скопчество, по представленію о. Иванова, было болѣе послѣдовательнымъ ученіемъ, и привлекало къ себѣ еще и потому, что предлагало способы спасенія, дѣйствовавшіе будто бы съ физическою принудительностью. Между тѣмъ, православное ученіе, по мысли этого священника, при указаніи

способовъ спасенія какъ будто останавливалось на пол-пути, и вопросъ о возможности спасенія въ церкви вѣлѣдствіе этого казался сомнительнымъ. Жена Константина Иванова Ксенія Алексѣева согласилась быть въ сектѣ потому, что сектантъ Аванасій Григорьевъ хвалилъ ей, что въ сей сектѣ вѣра хороша и въ ней душу спасти хорошо. Очевидно, Григорьевъ хотѣлъ сказать, что въ хлыстовщинѣ спасеніе достигается съ меньшими усиліями. при чемъ здѣсь воочію бываютъ видимы результаты непосредственнаго общенія съ Богомъ, что порождаетъ духовную радость, духовный восторгъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію сектантовъ, въ хлыстовщинѣ и скопчество предлагаются болѣе дѣйственные и болѣе вѣрные, болѣе послѣдовательные и болѣе соответствующіе буквѣ Евангелія способы спасенія.

Указанная причина влекла въ сектанство лицъ съ преобладающимъ мистическимъ настроеніемъ. Но къ хлыстовско-скопческой сектѣ принадлежали не только мистики, но и люди практическаго направленія. Пономарь Петръ Семеновъ согласился быть въ хлыстовщинѣ потому, что здѣсь учать вина не пить и съ женою не имѣть плотскаго соитія, что ему особенно полюбилось, ибо онъ, пономарь, весьма бѣденъ, а воспитаніе дѣтей и употребленіе хмельныхъ напитковъ его совершенно разорили бы. Въ этомъ объясненіи Семенова указывается уже чисто экономическій мотивъ, толкавшій людей въ хлыстовскую секту. Увеличеніе семьи дѣлало экономическое положеніе отца все болѣе и болѣе затруднительнымъ, а винопитіе положительно разоряло его. Какъ избавиться отъ всего этого? Внутренней рѣшимости воздерживаться отъ дѣторожденія и употребленія спиртныхъ напитковъ оказывалось недостаточнымъ. Нужна была виѣшняя узда, виѣшняя преграда для обузданія своей плоти. И вотъ хлыстовщина, а также и скопчество шли прямо навстрѣчу стремленіямъ такихъ немощныхъ людей: запрещеніе плотскаго соитія съ женою и употребленія вина здѣсь было главнымъ догматомъ. Такъ хлыстовско-скопческая секта, спасая людей, способствовала въ тоже время ихъ экономическому раскрѣпощенію, создаваемому семьей.

Итакъ, съ одной стороны, хлыстовско-скопческая секта являлась привлекательной потому, что ставила вопросъ о спасеніи въ условія наибольшей возможности его достиженія, а съ другой потому, что помимо этого, несомнѣнно болѣе главнаго, содѣйствовала еще и улучшенію виѣшнихъ условій существованія.

Таковы причины, побуждавшіе вышеупомянутыхъ лицъ идти въ сектанство. Первая изъ нихъ не представляетъ собой чего либо особеннаго. Въ данномъ случаѣ было собственно то же невѣжество, то же недостаточно отчетливое пониманіе церковнаго ученія, то же гру-

бое представленіе условій спасенія. Но вторая является обстоятельствомъ весьма большой важности въ вопросѣ о причинахъ распространенія хлыстовско-скопческой секты. Здѣсь главнымъ образомъ кроется объясненіе того, почему эта секта широкой волной разливается среди массъ простого народа, принимая иногда эпидемическій характеръ.

Въ „дѣлѣ“ есть немало и другихъ сторонъ, представляющихъ большой интересъ для исторіи хлыстовско-скопческой секты. Отмѣчать ихъ нѣтъ необходимости: всѣ онѣ выясняются сами собой при чтеніи ниже помѣщаемыхъ документовъ.

Н. Г. Высоцкій.

Донoшеніе Святѣйшему Присвѣтѣльному Синоду Теофилакта, епископа Калужскаго и Боровскаго, о впадшихъ въ заблужденіе секты, называемой „христовщина“: Калужскаго уѣзда, села Князь-Иванова священникъ Константинъ Ивановъ, того же села пономарь Петръ Семеновъ, Лихвинскою уѣзда, села Титова пономарь Николай Николаевъ съ женами ихъ: Л. л. 1—16.

Поданнымъ мнѣ Благочинный города Калуги Крестовоздвиженской церкви священникъ Иванъ Семеновъ рапортомъ представилъ: узналъ онъ по слуху еще въ прошломъ 1802-мъ году, что вѣдомства его, Калужскаго уѣзда, села Князь-Ивановскаго, церкви Іоанна Милостиваго священникъ Константинъ Ивановъ и той жъ церкви пономарь Петръ Семеновъ впади въ заблужденіе секты, называемой „христовщина“.

А хотя по словесному моему, на словесный же доносъ его, Благочиннаго, послѣдовавшему, приказанію, всепрілежитѣйше старался онъ, Благочинный, дойти до открытія того, но, живя отдаленно отъ нихъ, самъ собою дойти до того не могъ, то и поручилъ вѣдомства своего Благочинна Преображенской церкви, что въ Забѣлинѣ, священнику Ивану Сергѣеву, яко живущему по близости къ означенному селу Князь-Ивановскому, благоразумнымъ образомъ взойти съ вышеписаннымъ священникомъ въ тѣсное обращеніе (sic!), и черезъ то, развѣдавъ до точности заблужденія ихъ, немедленно о томъ его извѣстить.

Который, сего Сентября 3-го числа явился къ нему, Благочинному, объявилъ, что онъ, черезъ шесть мѣсяцевъ и болѣе изыскивая средства взойти къ тому священнику въ довѣренность, взошелъ съ нимъ въ тѣсное дружелюбіе, и, такъ сказать, сдѣлалъ ему видъ, какъ бы собственнымъ согласіемъ быть ихъ секты послѣдователемъ. Почему входя въ домъ его священника, свободно имѣлъ случай уже онъ, Сергѣевъ, быть и при собраніяхъ крестьянъ и дьячка села Титова Николая Николаева, въ той же сектѣ находящихся, которые съ тѣмъ Князь-Ивановскимъ священникомъ, пономаремъ его и съ женами ихъ дѣлали разныя, весьма противныя церкви, недѣлости, какъ то: имѣ-

ють у себя одну дѣвку, именуемую ими *книгою живою*, также и главнаго учителя своего—одного изъ мужиковъ, называемаго ими *великимъ святителемъ*, а нѣкоторые изъ нихъ называются *пророками* и учатъ тому, чтобъ мужьямъ съ женами супружескаго совокупленія не имѣть и себя скоплять, и, молясь другъ на друга, будучи въ длинныхъ рубахахъ, перепоясанные лентами, вертятся кругомъ посоловь и поютъ пѣсни до изнеможенія и паденія на землю.

Означенный же села Забѣлина священникъ Иванъ Сергѣевъ поданнымъ мнѣ доношеніемъ донесеніе Благочиннаго утвердилъ, что оно есть истинно; ибо онъ только по сведенной имъ съ тѣмъ Князь-Ивановскимъ священникомъ тѣсной связи, при собраніяхъ той секты послѣдователей: 1-мъ—у него, священника Иванова, въ домѣ, а 2-мъ—Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ, самъ видѣлъ и отъ нихъ слышалъ, о томъ и Благочинному доносилъ.

Заблужденіе же тѣхъ Князь-Ивановскихъ священника, пономаря, села Титова дьячка Николая Николаева, женъ ихъ и крестьянъ, той секты послѣдующихъ, въ томъ состоитъ: 1-е, хотя они въ грекороссійскую церковь и входятъ и таинства ея принимаютъ, но для того единственно, чтобъ сокрыть чрезъ то свою секту, а впрочемъ внутренно церковь и таинства ея почитаютъ недѣйствительными и ко спасенію человѣческому ни мало не служащими, утверждая, что ихъ только „христовщина“ или „христовщина“ есть одинъ путь Божій, ко спасенію ведущій; преданія святыя церкви отвергаютъ, а Священное Писаніе толкуютъ совсѣмъ въ противномъ святой церкви смыслѣ, какъ то: учатъ съ женами супружескаго сожитія не имѣть, приводя во основаніе оной Священнаго Писанія текстъ: „тайна сія (супружества) велика есть, Азъ же глаголю во Христа и во Церковь“, толкуя сіе, что должно жить съ женою духовно, такъ, какъ Христосъ сопряженъ съ церковью; и для того учатъ они еще тому, чтобъ себя скоплять, приводя также во основаніе сей текстъ: „суть скопцы, иже неказиша сами себе Царствія ради Небеснаго“; и таковыхъ скопцевъ своихъ именуютъ они *безплотными силами*, и тому подобный толкъ ихъ: 2-е, предержащимъ властямъ повинуются они токмо за страхъ, духовныхъ же пастырей и учителей почитаютъ поставленными не отъ Христа, а отъ міра: почему и имѣютъ у себя во образѣ Апостола или Святителя одного „главнаго учителя“ изъ мужиковъ, предъ которымъ весьма благоговѣютъ такъ, что нелѣпое ученіе его свято приѣмлютъ, и дѣвку, называемую ими „книгою живою“, какъ бы во образѣ Богородицы: но есть у нихъ и „пророки“, такіе жъ мужики, которые во время собраній ихъ всякому изъ нихъ пророчествуютъ то, что только въ сумасбродную голову взойдетъ; 3-е, послѣдователи сего заблужденія сіи по

именамъ суть: вышеписанные Князь-Ивановскіе священникъ и пономарь и села Титова дячекъ Николай съ женами ихъ, начальствующій „учитель“ или „святитель“ ихъ города Калуги приписной изъ выходцевъ прусскихъ мѣщанинъ Іустинъ Ивановъ, дѣвка, „книгою животною“ именуемая, Тульского уѣзда, деревни Янчеровой Татьяна Архипова.

„Пророковъ“ въ семь собраній въ домѣ того священника не было. А въ собраніи Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ, въ домѣ крестьянина Филиппа Степанова, сего года въ Юлѣ мѣсяцѣ, „учителемъ“ быть, по прещорученію того „главнаго учителя“ мѣщанина Иванова, мужикъ Родіонъ, а какой деревни и отчества его онъ, священникъ, не знаетъ, „книгою животною“ была крестьянская дѣвка, дочь означеннаго крестьянина Филиппа Степанова, Прасковья, „пророками“ были: помянутый мужикъ Родіонъ и деревни Крутиць Михайла Ивановъ: всѣхъ же во ономъ собраніи, кромѣ его, священника Сергѣева, и тѣхъ Князь-Ивановскихъ, священника и пономаря и женъ ихъ, было изъ крестьянъ мужеска и женска пола болѣе тридцати человекъ, а кто они по именамъ—не знаетъ.

И таковыя собранія ихъ бывають въ годъ раза два или три. А въ оныхъ собраніяхъ вышеписанные „христовщины“ послѣдователи мужеска и женска пола люди, будучи въ длинныхъ рубахахъ, мушны босые, и имѣя каждый при себѣ полотенце, зажегши предъ образомъ свѣчу, и, накадивши избу ладаномъ, ходять посолонь кругомъ дѣвки, именуемой „книгою животною“, вертящейся на одномъ мѣстѣ, что и называютъ „кругомъ небеснымъ“, и поютъ пѣсни нелѣпыя, смѣшанныя съ духовными, которыя онъ, священникъ Сергѣевъ, сколько могъ у нихъ списать, представилъ мнѣ. А вертятся они дотолѣ, доколѣ длинныя ихъ рубахи отъ пота сдѣлаются мокрыми, и сами они изнемогутъ, а многіе даже и упадутъ, и когда кто упадетъ, того называютъ они упившимся „пива духовнаго“. Но „главнѣйшій учитель“ или „святитель“ ихъ, правящій симъ, по ихъ названію, „кораблемъ“, въ сіе время то сидитъ, то также съ ними въ кругу ходитъ, и что ему вздумается, то и бредитъ, а они, крестясь на него и кланяясь ему, со умиленіемъ открываютъ за то благодарныя свои чувствія, а также, когда и „пророки“ начнутъ пророчествовать, то, крестясь, и имъ кланяются.

А какъ онъ, Забѣлинскій священникъ, слышался отъ означеннаго Князь-Ивановскаго священника, что и въ Москвѣ есть той же секты ихъ послѣдователи, и именно: Богоявленскаго монастыря іеромонахъ Георгій, Архангельскаго Собора сторожъ Иванъ Кирилловъ, Симона монастыря послушникъ Павелъ Аѳанасьевъ и отецъ онаго отставной солдатъ Аѳанасій Григорьевъ, отъ котораго-де онъ, Князь-Ивановскій священникъ, по бытности его, до вступленія въ военную службу,

Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ дьячкомъ, и введенъ въ ту секту: то онъ, Забѣлинскій священникъ, бывший въ Москвѣ, по надобности своей, сего года Юлѣ мѣсяцѣ, послѣ вышеозначеннаго въ селѣ Истоминонѣ собранія, заходилъ къ тому іеромонаху Георгію, съ которымъ разговаривая, узналъ, что онъ дѣйствительно находится въ той сектѣ, и отъ него, іеромонаха, и помянутаго послушника Павла Аѳанасьева, тутъ же случившагося, слышалъ также, что Московскою епархіею Угрѣшскаго монастыря игумень Іоаннафанъ въ той же состоитъ сектѣ, и при томъ еще „учителемъ“.

По учиненному же отъ меня Консисторіи предписанію, для произведенія о семъ слѣдствія, означенный священникъ Константинъ Ивановъ, пономари: Петръ Семеновъ и Николай Николаевъ съ женами ихъ, по сыску, въ Консисторіи допрашиваны и показали:

Во-первыхъ—села Князь-Иванова священникъ Константинъ Ивановъ. Вѣруеть онъ во Христа, и къ описуемой села Забѣлина священникомъ Ивановъ Сергѣевымъ сектѣ, которую онъ называетъ „христовщиною“, онъ принадлежитъ; введенъ во оную прежде бывшимъ Тарусскаго уѣзда, села Краснаго дьячкомъ, что нынѣ отставной солдатъ, Аѳанасьемъ Григорьевымъ, назадъ тому года съ четыре или болѣе, а согласился быть во оной для спасенія своего; сконилъ онъ самъ себя, будучи пономаремъ, третій годъ тому назадъ Царствія ради Небеснаго, основываясь на ономъ словѣ Божиѣмъ: „суть скопцы, иже сами себе исказиша Царствія ради Небеснаго“: собраніе было въ его священниковомъ домѣ однажды, въ Петровъ постъ, сего 1803-го года, на первой недѣлѣ, а другое собраніе было, Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Истоминонѣ въ домѣ крестьянина Филиппа, а отечества его не помнитъ, но домъ и въ лицо его самого знаетъ, вскорѣ послѣ Петрова дня, въ началѣ мѣсяца Юля сего года, въ воскресный день; собранія же въ годъ бывають раза два и три, по большей части въ селѣ Истоминонѣ. Въ первомъ собраніи, у него, священника, въ домѣ, были: Забѣлинскій священникъ, Князь-Ивановскій пономарь Петръ Семеновъ, Титовскій пономарь Николай Николаевъ, и онъ, священникъ Ивановъ, съ женами своими, а при томъ еще калужскій мѣщанинъ Іустинъ Ивановъ, „начальникъ“ онаго собранія, и дѣвка, Тульскаго уѣзда, деревни Янчеровой Татьяна Архипова, которая именуется „книгою слова животнаго“: кромѣ же вышеписанныхъ въ домѣ его никого не было. Во второмъ собраніи въ селѣ Истоминонѣ были: онъ, Ивановъ, и всѣ вышеписанные духовные съ женами своими, кромѣ одного Титовскаго пономаря, а жена его Прасковья Иванова была; „учителемъ“ былъ въ томъ собраніи села Кузмищева крестьянинъ Родіонъ, а по отечеству не знаетъ, а „книгою слова животнаго“ была дому хозяина, означеннаго крестьянина Фи-

липпа, дочь, дѣвка Параскева, „пророками“ были: оная дѣвка и крестьянинъ деревни Крутиць Родіонъ, а кто еще были при томъ по именамъ изъ крестьянъ мужеска и женска пола—не знаетъ; но всѣхъ въ ономъ собраніи было человекъ до тридцати. Въ оныхъ собраніяхъ служба продолжается цѣлыя сутки, въ продолженіи коихъ поются всѣми, въ собраніи находящимися, духовныя пѣсни, представленныя мнѣ отъ Забѣлинскаго священника, о коихъ „учитель“, означенный мѣщанинъ, говоритъ, что они „небесныя“, да и самъ онъ, священникъ, думаетъ, что ихъ нельзя сочинить человеку: а между тѣмъ, всѣ за „учителемъ“ онымъ ходятъ кругомъ дѣвки, именуемой „книгою слова животнаго“ до того, что рубахи у нихъ сдѣлаются мокрыми. Послѣ чего, оныя „учитель“ и дѣвка учатъ жить хорошо, плотскаго сожитія не имѣть съ женами, и скоплять себя за душеспасительное дѣло признаютъ. Послѣдователи той секты вѣруютъ тому, что на ту дѣвку во время службы ихъ нисходитъ Слово Божіе и она, ощутивъ силу онаго, нашедшую на нее, пророчествуетъ, а также вышеимянуемые „пророки“ предсказываютъ будущая по наптію, якобы на нихъ Духа Святаго. Жена его священника къ той же сектѣ принадлежитъ, и она въ одно время съ нимъ въ оную введена тѣмъ же, прежде бывшимъ села Краснаго дячкомъ, отставнымъ солдатомъ, и на пропитаніи тогда жившимъ города Тарусы, Воскресенской церкви, у священника Григорья Иванова, а нынѣ проживающимъ въ Москвѣ. Вышеозначенныхъ пономарей Князь-Ивановскаго и Титовскаго съ женами ихъ, по собственной ихъ просьбѣ, онъ, священникъ, училъ быть въ одномъ съ нимъ согласіи, а болѣе никого не училъ. Супружескаго сожитія съ женою своею не имѣетъ до вступленія его во оную секту еще за полгода. Слышалъ онъ отъ послушника, нынѣ находящагося въ Москвѣ въ Симоновѣ монастырѣ, Павла Аванасьева и отъ вышеозначеннаго солдата Аванасья Григорьева да и отъ самаго іеромонаха Георгія, въ Москвѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ находящагося, что онъ іеромонахъ скопецъ, и въ той находится. А кто еще въ оной сектѣ состоитъ—того онъ, священникъ, не знаетъ.

Во-вторыхъ—того жъ села Князь-Иванова пономарь Петръ Семеновъ. Къ сектѣ, именуемой „христовщина“, онъ принадлежитъ съ Сѣриной недѣли прошлаго 1802-го года: введенъ во оную того жъ села священникомъ Константиномъ Ивановымъ; согласился же быть въ оной для того, что въ сектѣ, называемой „христовщина“, учать вина не пить и съ женою не имѣть плотскаго сожитія, что ему и полюбілось; ибо онъ, пономарь, весьма бѣденъ, а воспитаніе дѣтей и употребленіе хмѣльныхъ напитковъ его совершенно бы разорили: себя не скопилъ, но былъ близокъ къ тому по внушенію вышеозначеннаго

священника, который скопилъ себя точно, а давно-ли и къмъ. въ томъ онъ, священникъ, ему, пономарю, не открылъ. Собранія той сектѣ послѣдующихъ у него въ домѣ не бывали, а были оныя: первое—въ домѣ вышеписаннаго священника Константина Иванова, сего года въ Петровъ постъ на первой недѣлѣ, а другое собраніе было Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ въ домѣ крестьянина, а имени и отчества его не упомнить, но домъ его и въ лицо его самого знаетъ. сего жъ года, въ началѣ мѣсяца Юли, въ воскресный день. Собранія бывають не одинако, а въ годъ раза два и три, и по большей части въ селѣ Истоминѣ въ домѣ означеннаго крестьянина. Въ оныя собранія входили вышеозначенный священникъ, села Забѣлина священникъ же Иванъ Сергѣевъ, села Титова пономарь Николай Николаевъ и онъ, пономарь Семеновъ, съ женами своими, калужскій мѣщанинъ Густивъ Ивановъ съ женою, села Истоминна вышеозначеннаго крестьянина дочь дѣвка Праскева, самъ онъ крестьянинъ, Тульскаго уѣзда деревни Инчеровой дѣвка Татьяна Архипова, крестьянинъ Родіонъ, а какой деревни и отчества его—не знаетъ, крестьянинъ же Михайла Ивановъ, а какой деревни онъ—неизвѣстенъ. Прочихъ же крестьянъ мужеска пола и женска, которые въ селѣ Истоминѣ въ собраніи были, человекъ двадцать, какъ ихъ звать и откуда они,—не свѣдуецъ, а въ лицо нѣкоторыхъ изъ нихъ узнать можетъ. Въ первомъ собраніи Князь-Ивановскаго священника былъ „главнымъ учителемъ“ вышеписанный мѣщанинъ калужскій, а „книгою животною“, какъ въ той сектѣ водится, была дѣвка означенная Татьяна Архипова, а въ томъ собраніи были всѣ вышеписанные священники, Титовскій пономарь и онъ, Семеновъ, съ женами своими, кромѣ жъ сихъ никого крестьянъ не было: а во второмъ собраніи въ селѣ Истоминѣ были: „учителемъ“ вышеозначенный крестьянинъ Родіонъ, за отлучкою настоящаго „учителя“, того мѣщанина, „книгою животною“ дѣвка того дому крестьянина дочь Праскева, „пророкомъ“ былъ крестьянинъ Михайла Ивановъ, а при ономъ были всѣ вышеписанные духовные и крестьяне, кромѣ мѣщанина и Титовскаго пономаря. Въ означенныхъ же собраніяхъ службы продолжаются не равно, иногда цѣлыя сутки, а иногда только день, въ продолженіи коихъ поются всѣми, въ собраніи находящимися, духовныя пѣсни, представленныя отъ Забѣлинскаго священника, о коихъ „учитель главный“, вышеписанный мѣщанинъ, говоритъ, что они съ неба испали: а между тѣмъ, ходять всѣ кругомъ дѣвки, именуемой „книгою животною“, до усталости, такъ что рубали на нихъ бывають мокрыя. Послѣ чего какъ „учитель“, такъ и дѣвка учать тому, что сей ихъ токмо одинъ путь есть нуть Божій, спасающій людей, чтобъ съ женами супружескаго сожитія не имѣть, и скоплять

себя за душеспасительное они признають, и то дѣлать другимъ совѣтуютъ. Послѣдователи сей секты вѣрують тому, что на ту дѣвку во время службы ихъ нисходитъ Слово Божіе и. она ощутивъ силу онаго, нашедшую на нее, пророчествуетъ, а также именуемые „пророками“ предсказываютъ будущая по наитію на нихъ якобы Духа Святаго. Жена его пономаря къ той же сектѣ принадлежитъ, и онъ ее въ оную своимъ совѣтомъ ввелъ прошлаго 1802-го года въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Супружескаго сожитія съ нею не имѣеть съ того самаго времени. какъ онъ взошелъ въ ту самую секту. Отъ вышеписаннаго священника своего Константина слышалъ онъ, что въ сей сектѣ находится Московскаго Богоявленскаго монастыря іеромонахъ Георгій да отставной солдатъ Аванасій Григорьевъ, который прежде сего былъ Тарусскаго уѣзда въ селѣ Красномъ дьячкомъ, и отъ онаго тотъ священникъ Ивановъ въ ту секту обращенъ, что слышалъ онъ. пономарь, отъ него, самого священника.

Въ *третьихъ—Духвинскаго уѣзда, Николіевской церкви. что въ селѣ Титовѣ, пономарь Николай Николаевъ.* Къ сектѣ, называемой „христовщина“, онъ теперь не принадлежитъ. а былъ во оной доселѣ, и введенъ въ оную родственникомъ его, шуриномъ, Калужскаго уѣзда села Князь-Иванова священникомъ Константиномъ Ивановымъ. мѣсяца Іюня въ Петровъ постъ. нынѣшняго 1803-го года. а согласился быть въ оной по убѣжденію онаго священника такими словами: „что сей только есть путь Божій, приводящій ко спасенію“. Не скопилъ онъ себя: а „главный учитель“ той секты, какъ онъ слышалъ, калужскій мѣщанинъ Іустинъ Ивановъ учить тому, чтобъ послѣдователямъ оной секты скоплять себя, что должно скопиться и ему, пономарю: онъ говорилъ: „а, впрочемъ, какъ хочешь“. И такъ онъ не захотѣлъ быть скопленнымъ. У него въ домѣ собранія той секты послѣдующихъ никогда не бывало. а было собраніе въ домѣ означеннаго Князь-Ивановскаго священника на первой недѣли Петрова поста сего 1803-го года; а жена его Прасковья Иванова сказывала ему, что таковое собраніе было Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Истоминѣ въ домѣ крестьянина. а какъ его звать—не знаетъ; сколько жъ разъ собранія бывають въ годъ. о томъ онъ еще неизвѣстенъ. Въ домѣ вышеозначеннаго Князь-Ивановскаго священника въ собранія были: священники—1^й—дому хозяинъ. 2^й—Забѣлина Иванъ Сергѣевъ, 3^й—Князь-Ивановскій пономарь Петръ Семеновъ, 4^й—онъ. пономарь, и жены, его и всѣхъ вышеписанныхъ, да еще „главный“ той секты „учитель“ вышеозначенный мѣщанинъ и „книга животная“, такъ по его учителя названію, дѣвка Тульскаго уѣзда, деревни Янчеровой. Татьяна Архипова, болѣе жъ никого не было; во второмъ собраніи, въ селѣ Истоминѣ, кто былъ,

того, по небытности своей во ономъ, не знаетъ. Служба въ томъ собраніи ихъ въ домѣ священника продолжалась съ половины дня до ночи, а въ прочихъ ихъ собраніяхъ сколько она продолжалась—онъ не свѣдуецъ. По собраніи вышепоказанныхъ священниковъ, пономаря и женъ съ „учителемъ“ и дѣвкой въ домъ священника Князь-Ивановскаго, происходило слѣдующее. По соглашеніи (?) означеннымъ Князь-Ивановскимъ священникомъ и по приходѣ его, Николаева, съ Забѣлинскимъ священникомъ, „учитель“, упоминаемой мѣщанинъ, поставилъ предъ образами свѣчи, засвѣтя, и, на кады избу ладаномъ, поставилъ Забѣлинскаго священника и его, пономаря, а жену онаго священника съ его, пономаря, женою рядомъ: и, давши имъ заповѣдь жить по его сектѣ и ученію, требовалъ себѣ въ томъ отъ нихъ поруку, въ чемъ и дали они ему порукою Николая Чудотворца, образъ коего взявши, онъ, „учитель“, съ мѣста, далъ ему, пономарю, съ священникомъ держать, а потомъ и женамъ ихъ; послѣ чего, принявши, онъ, „учитель“, образъ, велѣлъ всѣмъ приложиться къ нему, что они и исполнили, и по приказанію его всѣ уже въ собраніи тогда бывшіе сѣли на лавки и пѣли сначала праздничныя величанія; по окончаніи чего, дѣвка, имянуемая „книгою животною“, съ мѣста вставши, ходила кругомъ посолонь съ полчаса, что-то говоривши, чего онъ, пономарь, не упомянуть; а потомъ „главный учитель“, вставши, началъ ходить, а за нимъ и всѣ, въ собраніи бывшіе, ходили такъ же посолонь кругомъ той дѣвки, которая, стоя на одномъ мѣстѣ, вертѣлась кругомъ, и всѣ пѣли пѣсни, представленныя миѣ отъ Забѣлинскаго священника. И сіе они дѣлали до изнеможенія и смоченія отъ поту рубахъ. По каковомъ дѣйствіи, означенная дѣвка, стоя въ кругу, объявила всѣмъ, что на нее нисходитъ Сила и Слово Божіе, что, якобы ощутивши, она, въ себѣ, начинаетъ уже пророчествовать и пророчествовала ему, пономарю, такъ: „поживи, другъ, хорошенько, подарю тебѣ даромъ Духа Святаго“, а далъ что ему и другимъ говорила—того не упомянуть. Подобное пророчество и „главный учитель“, означенный мѣщанинъ, по наитію якобы на него Духа Святаго, говорилъ. И когда оныя дѣвка и мѣщанинъ что кому пророчествовали, то всякій, крестясь на нихъ, кланялся имъ и бывшему въ рукахъ учителя Кресту прикладывался. Чѣмъ и кончилось оное собраніе. Жена его, пономаря, принадлежитъ къ той сектѣ, въ которую она вмѣстѣ съ нимъ введена вышеозначеннымъ Князь-Ивановскимъ священникомъ въ Петровъ постъ сего года. Нынѣ онъ, пономарь, съ женою своею супружеское сожитіе имѣетъ, а во время бытности его въ той сектѣ не имѣлъ. Отъ Князь-Ивановскаго священника слышалъ онъ, пономарь, что въ той сектѣ находится отставной солдатъ Аванасій Григорьевъ, прежде бывший

дьячекъ Тарусскаго уѣзда въ селѣ Красномъ. отъ котораго-де онъ, священникъ, въ ту секту и введенъ.

А между прочимъ въ тѣхъ допросахъ всѣ они. Князь-Ивановскіе священникъ Константинъ и пономарь Петръ и Титовскій пономарь же Николай, показали: познавъ заблужденіе свое въ сектѣ „христовщинѣ“, желаютъ оставить ту секту и присоединиться къ святой церкви.

Въ-четвертыхъ—Князь-Ивановскаго священника Константина Иванова жена Ксения Алексеева. Къ сектѣ, именуемой „христовщина“, она принадлежитъ: въ оную секту введена мужемъ своимъ вышеписаннымъ священникомъ Константиномъ, согласясь быть въ оной сектѣ потому, что бывший Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ дьячекъ, что нынѣ отставной солдатъ, Аѳанасій Григорьевъ хвалилъ ей, что въ сей сектѣ вѣра хороша и въ ней душу спасать хорошо. Скопленія тѣлеснаго ни ею самою и никѣмъ другимъ надъ нею никакаго дѣлано не было. О прочемъ же показала то жъ, что и мужъ ее. Князь-Ивановскій священникъ, показалъ, во всемъ согласно, только съ тою разницею, что при собраніи, бывшемъ въ селѣ Истоминѣ, бывшихъ „учителя“ и „пророковъ“, кто они по именамъ, не знаетъ. Мужъ ея Князь-Ивановскій священникъ плотскаго сожитія съ нею не имѣетъ съ самаго рожденія послѣдняго сына, четвертой тому годъ, по приключившейся ей отъ родовъ въ животѣ болѣзни, по причинѣ которой она дала Богу обѣщаніе отъ плотскаго съ мужемъ сожитія удержаться. А находится ли въ сей сектѣ кромѣ вышеписанныхъ духовнаго и свѣтскаго званія людей—никого не знаетъ.

Въ-пятыхъ—того жъ села Князь-Иванова пономаря Петра Семенова жена Марья Иванова показала то жъ, что и мужъ ея пономарь Семеновъ, только съ тою разницею, что въ селѣ Истоминѣ кто въ собраніи былъ „учителемъ“ и „пророками“, по имени и отчеству не знаетъ; а пѣсни, пѣваемые на собраніяхъ, почитаютъ они „небесными“, а она не знаетъ, какъ ихъ называть. Находится ли кто еще въ сей сектѣ, кромѣ означенныхъ въ показаніи мужа ея, духовнаго и свѣтскаго званія людей, она не извѣстна.

Въ-шестыхъ—Лухвинскаго уѣзда, села Титова пономаря Николая Николаева жена Прасковья Иванова показала то жъ, что показали мужъ ея, пономарь Николаевъ и села Князь-Иванова пономаря Петра Семенова жена Марья Иванова во всемъ согласно.

Между тѣмъ, означеннаго села Князь-Иванова священника Константина Иванова отецъ престарѣлый и отъ должности уволенный священникъ Иванъ Понкратьевъ поданнымъ мнѣ прошеніемъ, между прочимъ, прописывалъ: оной сынъ его произведенъ на его мѣсто; священникъ Константинъ, не захотѣвъ жить вмѣстѣ съ нимъ, отцомъ

своимъ, построилъ особенный домъ, и его оставилъ безъ пропитанія, завелъ у себя пристань и скопище многимъ постороннимъ людямъ; на увѣщанія же его, чтобы онъ, Константинъ, у себя скопища не имѣлъ, отвѣтствовалъ ему, отцу, съ грубостію, что онъ старикъ и ничего не знаетъ, и что люди, собирающіеся къ нему, суть братья и сестры его по духу, и что для нихъ онъ только и живетъ, сказавъ при томъ, чтобъ о семъ онъ ему впредь ни слова не говорилъ; сіи и прочія многія оскорбленія претерпѣвая, ожидалъ онъ поправленія и не жаловался на него начальству: онъ же, сынъ его, забывъ обязанность свою къ нему, предался роскошной жизни, имѣя у себя скопище какой то родни по духу, вошелъ отъ того въ долги и прочія безпорядки, а, наконецъ, къ несчастію своему узналъ онъ, священникъ, что сынъ его не только его, отца, оставилъ, но и церкви Божіей отрекся быть сыномъ, а предался заблужденію какой то ереси или секты къ погубленію души своей; а посему и просилъ о понужденіи сына его къ выдачѣ ему, священнику, съ женою его извѣстной части нужнаго на пропитаніе.

Изъ каковыхъ обстоятельствъ и собственныхъ ихъ въ допросахъ показаній ясно усматривается, что означенный Князь-Ивановскій священникъ Константинъ Ивановъ, самъ долженствуя быть учителемъ сыновъ православія и наставникомъ заблудшихъ, впалъ по наученію отставного солдата въ секту заблужденія, называемую „христовщина“, такъ ревностно, что не щадилъ жизни своей, коей кончина весьма близка была при необыкновенномъ дѣйствіи скопленія самого себя, признавая сіе скопленіе за душеспасительное дѣло, и тѣмъ доказавъ твердость пребыть въ томъ заблужденіи навсегда. Принимать отъ мужиковъ и дѣвки предсказанія за пророчества и ихъ самихъ почитать за самыхъ пророковъ, вѣруя снисхожденію на нихъ Слова Божія и Духа Святаго, а нелѣпныя пѣсни „небесными“ научилъ онъ, священникъ, таковой ереси не только жену свою Агасиню Алексѣеву, но и родственниковъ своихъ, какъ изъ дѣла и справки видно, того жъ села пономаря Петра Семенова и села Титова пономаря жъ Николая Николаева съ женами ихъ, а можетъ быть и другихъ непросвѣщенныхъ ученіемъ людей отвратилъ отъ православія, толкуя тексты Священнаго Писанія такъ, какъ онъ самъ въ допросѣ своемъ показалъ, въ противную смысла сторону, наклоня къ доказательству лживаго своего ученія, превратя себя изъ пастыря православныя грекороссійскія церкви, устроенной Самимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и правой неоспоримыми святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ правилами, въ учителя секты называемой „христовщина“, а домъ свой обратилъ въ домъ сборища подобныхъ себѣ еретиковъ. Всѣми сими

дѣянiями по правиламъ святыхъ апостолъ: 5-му, 8-му, 23-му, 1-го Вселенскаго Собора 1-му, 6-го Вселенскаго жь Собора 12-му, и Помѣстнаго въ Лаодикии 35-му, учинился онъ, священникъ, священства недостойнымъ, а по силѣ Новыхъ Заповѣдей Іустинiана царя главы 14-й, Закона Градскаго 39-й грани 30 пункта и Уложенiя 22-й главы 24 статьи, подвергъ себя и жесточайшему наказанiю; хотя же онъ, священникъ, между прочимъ, въ допросѣ своемъ и показалъ, что онъ заблужденiе той секты оставляетъ и желаетъ быть присоединеннымъ къ православнои грекороссiйской церкви, но таковое его священника показанiе за истинное раскаянiе почестъ по вышепронисаннымъ его дѣянiямъ и твердости его въ сей сектѣ сумнительно; также и пономарь села Князь-Иванова Петръ Семеновъ, который находится въ той сектѣ „христовщинѣ“ прошлаго 1802-го года съ Сырной недѣли, и по внушенiю вышеписаннаго священника Константина близкокъ былъ къ скопленiю себя, хотя и показалъ въ допросѣ своемъ, что желаетъ оную оставить и присоединиться къ церкви; но по близости его къ скопленiю себя и потому, что и жену свою склонилъ къ той сектѣ, признается твердость его въ оной; равно и пономаря Лихвинскаго уѣзда, села Титова Николая Николаева, который въ допросѣ своемъ показалъ, что къ той сектѣ „христовщинѣ“ теперь не принадлежитъ, а былъ въ оной досель, и введенъ онъ съ своею женою Прасковьею Ивановой въ оную секту шуриномъ своимъ, Князь-Ивановскимъ священникомъ, и ту секту также оставить и присоединиться къ православнои церкви желаетъ; но таковое ихъ раскаянiе сомнительно же и опасно, дабы они и паки не стали въ оную секту другихъ совращать, а посему и они въ вѣдомствѣ духовномъ терпимы быть не могутъ.

Почему Калужская Духовная Консисторiя, представляя мнѣ докладокъ, заключила: какъ означенные священникъ Константинъ Ивановъ, пономари Петръ Семеновъ и Николай Николаевъ вышепронисанными своими законопротивными дѣянiями, какъ то: принятiемъ секты „христовщины“ за единый путь ко спасенiю служащей, а отъ мужиковъ и дѣвки предсказанiя за пророчества, и почитанiемъ ихъ самихъ за пророковъ, вѣруя спсхожденiю на нихъ Слова Божiя и Духа Святаго, а велѣныя иѣнии почитая „небесными“, и, наконецъ, священникъ скопленiемъ себя, оказались сихъ званiй, на основанiи вышеписанныхъ правилъ, недостойными и подлежащими изверженiю, что самое и слѣдовало бы съ ними учинить и отослать въ свѣтское правительство къ поступленiю съ ними по законамъ; но какъ указами Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1737-го Ноября 25-го и 1772-го годовъ Ноября 23-го даже и о самоналѣйшихъ суевѣрiяхъ, происходящихъ въ епархiяхъ, велѣно рапортовать Святѣйшему Синоду: сіе же проис-

шествіе есть немаловажное и заслуживающее по втеченію въ оное свѣтскаго званія людей особливаго вниманія; а сверхъ того и потому, что они, хотя и желаютъ оставить заблужденіе секты, называемой „христовщина“, но сумнительны и опасны быть въ обществѣ: то не приказано ли будетъ, не лишая ихъ званій, съ прописаніемъ вышеявляющихся обстоятельствъ заготовить отъ имени моего въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ доношеніе съ испрашиваніемъ въ разрѣшеніе, чтѣ повелѣно будетъ съ ними учинить, указаго предписанія; а дабы они, священникъ и пономари, до воспослѣдованія изъ Святѣйшаго Синода на сіе разрѣшенія не могли учинить побѣга, по неимѣнію при Консистоіи для содержанія ихъ удобнаго мѣста, отослать въ Калужское Губернское Правленіе, женъ же ихъ, яко имѣющихъ малолѣтныхъ дѣтей, требующихъ особливаго присмотра и воспитанія, а также и смотрѣнія за домами, отпустить въ оныя.

Каковой докладъ я, утвердивъ, Вашему Святѣйшеству симъ благопочтеннѣйше представляю съ таковымъ донесеніемъ, что Консистоіа слѣдовала только однихъ духовныхъ, принадлежащихъ къ моей епархіи, и присудила ихъ быть въ духовномъ званіи недостойными и подлежащими по силѣ вышепронисанныхъ правилъ изверженію, а до прочихъ послѣдователей сей секты свѣтскаго званія людей и духовныхъ, находящихся въ другихъ епархіяхъ, основываясь на указахъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1800-го Марта 22-го, 1801-го Апрѣля 17-го и циркулярнаго ко мнѣ отношенія синодальнаго члена высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, митрополита Новгородскаго и кавалера, отъ 15-го числа Ноября 1802-го года, не касались, да и я на то предписанія дать ей не могъ за силою тѣхъ же самыхъ указовъ и отношенія. Какія же въ собраніяхъ сей секты поются пѣсни, называемыя содержателями оной „небесными“, оныя предлагаю при семъ въ подлинникъ. Испрашивая на все вышеписанное разрѣшеніе,

Вашего Святѣйшества послужникъ Теофилактъ, Епископъ Калужскій и Боровскій.

Октября 3 дня 1803-го года.

Определеніе Святѣйшаго Синода по содержанію доношенія епископа Теофилакта: л. л. 25—35.

Епископу Калужскому предписать указомъ, что какъ означенный священникъ Константинъ Ивановъ, яко оставившій православную церковь и ученіе ея, основанное Самимъ Христомъ Спасителемъ и

апостолами Его, и прилѣпившійся къ упоминаемой сектѣ, называемой „христовщина“, выдуманной и поддерживаемой невѣждами, не разумѣющими силы Священнаго Писанія и толкующими оное въ противную смысла сторону, и подвергъ себя лишенію священническаго званія и отсылкѣ въ гражданское правительство для поступленія съ нимъ по законамъ, почему по силѣ вышеупоминаемыхъ святыхъ отецъ правилъ и законовъ и слѣдовало бы какъ съ нимъ, такъ и съ пономарями, яко недостойными быть служителями церкви святой, согласно мнѣнію его, епископа Калужскаго, поступить; но поелику изъ собственныхъ ихъ показаній и всѣхъ вышепрописанныхъ обстоятельствъ усматривается, что они оставили православное ученіе и вступили въ помянутую секту „христовщину“ единственно по крайнему невѣжеству своему, не разумѣя силы Священнаго Писанія, догматовъ и преданій святыя церкви, и не понимая неосновательности учителей и ученія сея секты „христовщины“, въ каковомъ случаѣ лжеучитель отставной солдатъ Аванасій Ивановъ легко могъ оболъстить ихъ внушеніемъ своимъ о приведеніи чрезъ сіе ихъ на лучшей и удобнѣйшій путь къ полученію спасенія, желаемого всѣми христіанами, нынѣ же, познавъ они то свое заблужденіе, желаютъ присоединиться къ православной церкви, а пономарь Николаевъ прежде начатія еще слѣдствія оставилъ уже ту секту; для того въ надеждѣ исправленія ихъ и признанія непротивнаго ихъ раскаянія въ своемъ заблужденіи, оставя ихъ въ настоящихъ званіяхъ, отослать ихъ въ монастыри по назначенію его, епископа Калужскаго, на годъ съ тѣмъ, чтобы поручены были тѣхъ монастырей искуснымъ іеромонахамъ, которые бы, наставляя ихъ закону Божію и напоминая имъ тяжесть содѣяннаго ими преступленія, старались кроткимъ образомъ вразумить ихъ въ бывшемъ заблужденіи открытіемъ имъ святости ученія православныя церкви и утверженіемъ въ догматахъ ея, и чрезъ то и внушеніе о безпримѣрномъ милосердіи Божіемъ къ кающимся, если только истинное и съ сокрушеннымъ сердцемъ принесено будетъ раскаяніе, обратитъ на путь истины. Какіе жъ они будутъ оказывать плоды покаянія и съ чистосердечнымъ ли сожалѣніемъ оное ими продолжаемо было, о томъ настоятелямъ оныхъ монастырей рапортовать ему, епископу Калужскому, ежемѣсячно. А ежели они по довольному испытанію, познавъ свое заблужденіе, окажутъ въ томъ истинное и чистосердечное раскаяніе, не подверженное никакому сомнѣнію, въ такомъ случаѣ предоставитъ Святѣйшему Синоду для опредѣленія ихъ къ должностямъ, поруча до того времени приходъ села Князь-Ивановскаго означенному отцу его, Иванова, священнику Понкратьеву. Буде жъ онъ, по старости лѣтъ своихъ, не въ состояніи исправлять священнослуженія и мірскихъ требъ, то

другому по близости священнику. Женъ же ихъ: Ксенію Алексѣеву, Марью Иванову и Прасковью Иванову, въ разсужденіи того, что онѣ приняли ученіе той секты „христовщины“ не по собственному убѣжденію совѣсти, но по совершенному невѣжеству, а болѣе слѣдуя мужьямъ своимъ, обязаны же семействомъ, требующимъ собственнаго ихъ надзора, поручить приходскому священнику, который бы кроткими совѣтами и увѣщаніями истребилъ въ нихъ сѣмена разврата и суевѣрія, обратилъ на путь истины; а дабы онѣ и семейства ихъ не могли остаться безъ пропитанія, производить имъ изъ доходовъ, слѣдующихъ мужьямъ ихъ, половинную часть. Что жъ слѣдуетъ до участвовавшихъ въ заблужденіи семь: мѣщанина Іустина Иванова, крестьянъ: Филиппа Степанова, Михаила Иванова и Родіона, по прозванію неизвѣстнаго, также и прочихъ, бывшихъ въ собраніяхъ, послѣдователей сей секты, по именамъ неизвѣстныхъ же, то ежели можно узнать объ нихъ, поручить приходскимъ священникамъ для увѣщанія ихъ и внушенія имъ о заблужденіи ихъ, при содѣйствіи гражданскаго правительства, обходясь съ ними со всякою кротостію и терпѣніемъ на основаніи послѣдовавшихъ о семь Высочайшихъ повелѣній и предписаній изъ Святѣйшаго Синода; а о вышеупомянутыхъ, пребывающихъ въ сей сектѣ, Богоявленскаго монастыря іеромонахъ Георгіи, Угрѣшскомъ пгуменѣ Іоанафанѣ, Архангельскаго Собора сторожѣ Кирилловѣ, Симоннова монастыря послушникѣ Аванасьевѣ и отцѣ его, отставномъ солдатѣ, Григорьевѣ, давъ знать синодальному члену Платону, митрополиту Московскому, предписать указомъ, чтобы, обратя на сіе свое пастырское вниманіе и отобравъ отъ нихъ о подлинности ихъ нахождения въ той сектѣ показанія, употребилъ надлежація мѣры къ обращенію ихъ на путь истины, и что по тому послѣдуетъ, рапортовать Святѣйшему Синоду. Донесеніе жъ о семь Его Императорскому Величеству для испрошенія Высочайшаго повелѣнія свѣтскому начальству о содѣйствіи его въ семь случаевъ и увѣдомленіи кого слѣдуетъ представить находящемуся при Его Императорскомъ Велиествѣ статсъ-секретарю, синодальному господину оберъ-прокурору, дѣйствительному камеръ-геру и кавалеру, князю Александру Николаевичу Голицыну, чего ради съ сего опредѣленія къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ дать копію.

Подлинное опредѣленіе было подписано 11 Ноября.

Отношеніе Канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора въ Канцелярію Св. Синода о присылкѣ копій сектантскихъ писемъ, записанныхъ свящ. Иваномъ Сергѣевымъ и приложенныхъ къ рапорту епископа Теофилакта:
л. 40.

Въ Канцелярію Его Сіятельства господина синодальнаго оберъ-прокурора и кавалера князя Александра Николаевича Голицына изъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода благоволено бѣ было доставить копіи съ приложенныхъ при рапортѣ отъ Теофилакта, епископа Калужскаго, поемыхъ въ собраніяхъ открывшейся, Калужскаго и Тарусскаго уѣздовъ, въ селахъ Князь-Ивановскомъ и Истоминѣ, раскольнической секты пѣсней, называемыхъ содержателями оной „небесными“.

Ноября 22 дня 1803-го года.

Отношеніе Канцеляріи Св. Синода съ препровожденіемъ скопированныхъ сектантскихъ писемъ: л. 41.

Изъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода въ Канцелярію Его Сіятельства господина синодальнаго оберъ-прокурора, статьи-секретаря, дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера, князя Александра Николаевича Голицына препровождаются при семь требованная въ оную копіи съ приложенныхъ при вступившемъ въ Святѣйшій Синодъ отъ Теофилакта, епископа Калужскаго, доношеніи поемыхъ въ собраніяхъ открывшейся, Калужскаго и Тарусскаго уѣздовъ, въ селахъ Князь-Ивановскомъ и Истоминѣ, раскольнической секты пѣсней, называемыхъ содержателями оной „небесными“.¹⁾

Ноября 26-го дня 1803-го года.

Объявленіе синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшему Синоду Высочайшаго соизволенія о привлеченіи къ дѣлу разслѣдованія урядовскаго начальства: л. 43.

Его Императорское Величество Государь Императоръ по всеподданнѣйшему представленію моему объ открывшейся, Калужскаго и Тарусскаго уѣздовъ, въ селахъ Князь-Ивановскомъ и Истоминѣ, рас-

¹⁾ Къ большому нашему сожалѣнію, въ „дѣлѣ“ не оказалось ни подлинника, ни копій сектантскихъ писемъ. Куда дѣвались эти пѣсни?

кольнической сектѣ, называемой „христовщиною“. Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ отнестись къ господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Кочубею для содѣйствія по гражданской части. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи для свѣдѣнія Святѣйшему Синоду и объявляю. На подлинномъ подписано: Князь Александръ Голицынъ.

Ноября 23-го дня 1803-го года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію Высочайшаго Указа, объявленнаго княземъ А. П. Голицынымъ: л. 44.

1803-го года, Ноября 23-го дня, по Именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному синодальнымъ оберъ-прокуроромъ[Св. Синодъ] приказали: для свѣдѣнія обь ономъ синодальномъ члену Платону, митрополиту Московскому, и Ѳеофилакту, епископу Калужскому, дать знать указами.

Репортъ Святѣйшему Синоду Платона, митрополита Московскаго, обь исполненіи имъ синодальнаго указа отъ 19-го Ноября 1803 года: лл. 51—53.

Присланнымъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1803 года, Ноября отъ 19-го дня, указомъ обь отгрывшейся, Калужскаго и Тарусскаго уѣздовъ, въ селахъ Князь-Ивановскомъ и Истоминѣ раскольнической сектѣ, именуемой „христовщина“, между прочимъ, предписано о пребывающихъ въ сей сектѣ: Московской епархіи, Богоявленскаго монастыря іеромонахѣ Георгіи, Угрѣшскаго монастыря игуменѣ Іоаннафанѣ, Архангельскаго Собора сторожѣ Иванѣ Кирилловѣ, Симонова монастыря о послушникѣ Павлѣ Аѳанасьевѣ и обь отцѣ его отставномъ солдатѣ Аѳанасѣ Григорьевѣ, обратить мнѣ на сіе свое пастырское вниманіе и, отобравъ отъ нихъ о подлинности ихъ нахождения въ той сектѣ показанія, употребить надлежащія мѣры къ обращенію ихъ на путь истины, и что по тому послѣдуетъ, рапортовать Святѣйшему Синоду.

Во исполненіе онаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода указа, они по довольномъ увѣщаніи, яко подъ присягою допрашиваны, и въ вопросахъ всеъ показали: 1) что они христіанскую вѣру и всеъ ея таинства и преданія за истинныя и богопреданныя приѣмлютъ, 2) что они не признають никакихъ другихъ догматовъ или обрядовъ,

кромѣ церковнаго ученія, 3) что они не признають другого пути ко спасенію кромѣ того, какой церковью преданъ, 4) что они Слово Божіе толкують въ томъ смыслѣ, въ какомъ пріемлетъ и толкуетъ церковь Христова, 5) что они признають духовныхъ и гражданскихъ властей за поставленныхъ отъ Бога, а не отъ міра, 6) что они признають, что властямъ духовнымъ и гражданскимъ повиноваться надлежитъ не отъ страха, но по совѣсти, 7) что изъ нихъ скопили себя: Богоявленскаго монастыря іеромонахъ Георгій назадъ тому лѣтъ десять на 18 или на 20 году отъ своего рожденія и отецъ его Архангельскаго Собора сторожъ Иванъ Кирилловъ, имѣя у себя жену; Симонова, что нынѣ Богоявленскаго монастыря, послушникъ Павелъ Афанасьевъ; а скопили себя для лучшаго житія и для спасенія души, и что они никѣмъ къ тому научены не были, а сами собой тайно то чинили, основываясь на словахъ евангельскихъ: *Суть скопцы, иже скопциа сами себе Царствія ради* и проч., 8) что они не знали, что церковью и святыми отцами таковое скопленіе признается богопротивнымъ, и что они раскаяваются въ сѣмъ богопротивномъ дѣлѣ; а игумень Угрѣшскій и отставной солдатъ себя не скопляли; 9) что они въ сектѣ сей, именуемой „христовщина“, не находятся, и что оная секта значить, совсѣмъ не знаютъ, и что совратилъ ли и совращаетъ ли вышеупомянутый отставной солдатъ Григорьевъ въ сію секту, того не знаютъ, да и онъ утверждаетъ, что никого къ тому не совращалъ; 10) что они Калужскаго Князь-Ивановскаго священника Константина Иванова не знаютъ, а іеромонахъ Георгій знаетъ его съ того времени, какъ онъ посвящался во священника, и потому, что онъ, священникъ, въ сіе время жилъ въ Калужскомъ архіерейскомъ домѣ у послушника Павла Афанасьева, а іеромонахъ Георгій въ то время былъ при домѣ преосвященнаго Калужскаго, раздавалъ ставленныя грамоты, миро и антиминсы; 11) что у него, іеромонаха, Забѣлинскій священникъ въ прошломъ 1803 годѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ не былъ, и что онъ, іеромонахъ, не сказывалъ Забѣлинскому священнику, что онъ находится въ той сектѣ, и доказать того онъ, священникъ, ничѣмъ не можетъ, и что онъ ему, священнику, не говорилъ, аки бы въ той сектѣ находится Угрѣшскій игумень Іоанафанъ и что онъ еще „учитель“ той секты. И все сіе показываютъ по совѣсти и сущей евангельской истинѣ, а ежели что они не такъ показали или утаили, а въ томъ будутъ доказаны, то подвергають себя наказанію духовному и гражданскому. Почему мною *опредѣлено*: Богоявленскаго монастыря іеромонаха Георгія, хотя по силѣ правила апостольскаго 23-го и Перваго Вселенскаго Собора правила 1-го и слѣдовало лишить священства, но какъ онъ скопиль себя еще въ младодѣтствѣ и послѣ того во іеродіакона посвя-

щенъ бывшымъ преосвященнымъ Дмитровскимъ, нынѣшнимъ митрополитомъ Кіевскимъ Серапіономъ, а послѣ въ бытность его при калужскомъ архіерейскомъ домѣ преосвященнымъ Калужскимъ и во іеромонахи посвященъ, и въ семь богопротивномъ себя скопленіи приноситъ раскаяніе, то не лишая его священства, отослать въ Пѣсношскій монастырь въ смотрѣнія того монастыря строителя, и ежели онъ будетъ себя вести честно, и въ томъ чистосердечное принесетъ раскаяніе, то его и до священнослуженія допустить; отца же его, сторожа Ивана Кириллова послать въ Высокопетровскій монастырь, а послушника Павла Аѳанасьева въ Коломенскій Бобреньевъ монастырь на годъ, коихъ препоручить тѣхъ монастырей искуснымъ іеромонахамъ, которые бы, наставляя ихъ закону Божию и напоминая имъ тяжесть содѣяннаго ими преступленія, старались вразумить ихъ въ бывшемъ заблужденіи открытіемъ имъ святости ученія православныя церкви и утвержденія въ догматахъ ея, а черезъ то и внушеніе о безпримѣрномъ милосердіи Божіемъ къ кающимся, если только истинное и съ сокрушеннымъ сердцемъ принесено будетъ раскаяніе, обратить на путь истины; какіе же они будутъ оказывать плоды покаянія и съ чистосердечнымъ ли сожалѣніемъ оное ими продолжаемо было, о томъ настоятелямъ оныхъ монастырей рапортовать мнѣ ежемѣсячно. А солдата Аѳанасья Григорьева, яко свѣтскаго человѣка, отослать въ свѣтское правительство, по прописаніи служащихъ къ сему обстоятельству, для надлежащаго о немъ разсмотрѣнія. Что же надлежитъ до Угрѣшскаго игумена Іоанафана, то хотя онъ, чтобъ въ той сектѣ былъ и не признается, и нынѣ прямо въ томъ не обличенъ, но какъ онъ по сему дѣлу нѣкоторое наводитъ на себя сумнѣніе, да и прежде нѣкоторые подобныя слухи о немъ происходили, въ чемъ онъ отъ меня и предостерегаемъ былъ, а наче, что онъ въ правленіи монастыря признается нерадивъ и въ монастырѣ не усматривается надлежащаго устройства, и лѣтъ престарѣлыхъ, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ его отъ должности уволить и опредѣлить въ монастырь, препоруча его вѣрному смотрѣнію, а на содержаніе его опредѣлить указанную повинную пенсію. О чемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду и рапортую. а о игуменѣ имѣю ожидать указаго предписанія.

Вашею святѣйшества послушникъ Платонъ, митрополитъ Московскій.

Генваря 12 дня 1804 года,

*Опредѣленіе Святейшаго Синода по содержанію рапорта Платона
митрополита Московскаго; лл. 55—58.*

О посылкѣ означенныхъ іеромонаха Георгія, сторожа Кириллова и послушника Павла Аѳанасьева въ монастыри и въ прочемъ во всемъ быть по представленному отъ него, синодальнаго члена митрополита Московскаго и кавалера, мнѣнію; относительно же солдата Григорьева, который въ привязанности къ той сектѣ „христовщинѣ“, скопленіи себя и совраченіи въ оную другихъ не признался, то, не отсылая его въ свѣтское правительство, дать на замѣчаніе отцу его духовному, чтобы онъ, кроткимъ образомъ испытывая совѣсть его, старался наставлять и утверждать въ Законѣ Божіемъ: что же слѣдуетъ до опредѣленія игумену Іоанафану пенсіона, который, хотя въ разсужденіи старости лѣтъ его и долговременнаго служенія слѣдовало бы, на основаніи Имѣннаго Высочайшаго указа, состоявшагося 1775 года Августа 14 дня, на подносимомъ отъ бывшей Коммисіи о церковныхъ имѣніяхъ докладѣ 3-го пункта, для содержанія его опредѣлить, но поелику онымъ указомъ повелѣно производить уволеннымъ отъ должностей настоятелямъ пенсіоны не иначе, какъ въ разсужденіи каждаго заслугъ и достоинства, онъ же, Іоанафанъ, въ правленіи монастыремъ, какъ выше значить, оказался нерадивымъ такъ, что въ немъ не было и надлежащаго устройства, то по сему и опредѣлять ему онаго не слѣдуетъ, но дабы онъ, Іоанафанъ, не могъ оставаться безъ пропитанія, то опредѣленіе его предоставить ему, митрополиту Московскому, въ Троицкую Сергіеву Лавру или другой монастырь, по своему разсмотрѣнію, на іеромонашескую вакансію съ тѣмъ, чтобы онъ поручень былъ тамъ подъ надзоръ такого іеромонаха, который бы могъ, ежели примѣтитъ въ немъ слѣды заблужденія, вразумлять и приводить его на путь истины. И о томъ къ нему, митрополиту Московскому и кавалеру, послать указъ.

Подлинное подписано Февраля 17 дня 1804 года.

Рапортъ Святейшему Синоду Теофилакта, еп. Калужскаго, объ освобожденіи отъ епитиміи пономаря Петра Семенова по причинѣ истосердечнаго его раскаянія; лл. 61—63.

Присланнымъ изъ Святейшаго Правительствующаго Синода отъ 19-го Ноября 1803 года мнѣ указомъ, послѣдовавшимъ по доношенію

моему объ открывшейся, Калужскаго и Тарусскаго уѣздовъ, въ селахъ Князь-Ивановскомъ и Истоминѣ, раскольнической сектѣ, называемой „христовщина,“ и къ оному заблужденію о присоединившихся онаго жъ села Ивановскаго, церкви Іоанна Милостиваго, священникъ Константинъ Ивановъ, пономаръ Петръ Семеновъ и села Титова Николаѣ Николаевъ съ женами ихъ, которые, познавъ свое заблужденіе, пожелали присоединиться къ православной церкви, предписано: въ надеждѣ исправленія ихъ и для узнанія непритворнаго ихъ раскаянія въ своемъ заблужденіи отослать въ монастыри, по назначенію моему, на годъ съ тѣмъ, чтобы поручены были тѣхъ монастырей искуснымъ іеромонахамъ, которые бы, наставляя ихъ Закону Божию и напоминая имъ тяжесть содѣяннаго ими преступленія, старались кроткимъ образомъ вразумить ихъ въ бывшемъ заблужденіи открытіемъ святости ученія православныя церкви и утверженіемъ въ догматахъ ея, и ежели они, по довольному испытанію, познавъ свое заблужденіе, окажутъ въ томъ истинное чистосердечное раскаяніе, не подверженное никакому сумнѣнію, въ такомъ случаѣ представить Святѣйшему Синоду для опредѣленія ихъ къ должностямъ.

И во исполненіе онаго указа, означенные церковнослужители, присоединившіеся къ сектѣ, называемой „христовщина“, въ надеждѣ исправленія ихъ и узнанія непритворнаго ихъ раскаянія въ своемъ заблужденіи, отосланы Декабря отъ 10-го дня въ монастыри на годъ: священникъ Константинъ Ивановъ—въ Лихвинскій Покровскій Добрый, пономаръ Петръ Семеновъ—въ Козельскую Введенскую Оптиную пустынь, а Николай Николаевъ—въ Перемышльскій Троицкій Лютиковъ монастырь, къ настоятелямъ, при указахъ съ таковымъ предписаніемъ, дабы настоятели тѣхъ монастырей, какіе они, священноцерковно-служители, будутъ оказывать плоды покаянія и съ чистосердечнымъ ли сожалѣніемъ оное ими продолжаемо будетъ, рапортовали мнѣ ежемѣсячно.

Изъ которыхъ Козельской Введенской Оптиной пустыни строитель игумень Аврамій рапортами мнѣ представилъ: первымъ—Генваря отъ 14 и вторымъ—Февраля отъ 14-го же, что находящійся въ оной пустыни на покаяніи села Князь-Иванова пономаръ Петръ Семеновъ оказываетъ плоды покаянія съ чистосердечіемъ, что онъ впалъ въ оказавшуюся секту о томъ весьма сожалѣеть, и третьимъ—Марта отъ 14-го, что оный пономаръ по примѣчанію его, игумена, раскаивается искренно и непринужденно и въ заблужденіи съ чистосердечіемъ сознание имѣеть.

Жена же онаго пономаря, оказавшаяся въ той же сектѣ, Марья Иванова поданнымъ мнѣ прошеніемъ объяснила, что они съ мужемъ своимъ, ослѣплены будучи умомъ, впали въ заблужденіе, именуемое

„хлыстовщина,“ и по признаніи ихъ въ ономъ расколѣ мужъ ея отосланъ въ Козельскую пустынь для увѣщанія на годъ, размышляя же они о семъ, увидѣли ясно живой обманъ помянутаго раскола, сознаются въ таковомъ согрѣшеніи ихъ предъ всею церковью Христовою и раскаяваются чистою совѣстью, желая вседушно присоединиться паки ко святѣй соборнѣй и апостольской церкви, и все ея преданія хранить по прежнему, а оную богопротивную секту, учителей ея, яко слугъ бѣсовскихъ, кругъ ихъ, таинства и все обычаи отвергаютъ и проклинаятъ и общаются по евангельской заповѣди впредь во оную не возвращаться, и просила сіе раскаяніе ихъ принять, и мужа ея отъ епитиміи уволить.

Принявъ сію ея, пономарихи, просьбу, и, зная, что мужъ ея еще при производимыхъ въ Калужской Консисто́рін, по вступленіи на нихъ доноса, допросахъ въ заблужденіи секты „христовщины“ прежде всехъ сознался, почелъ за нужное пономаря Семенова, вызвавъ въ Консисто́рію, и еще испытать лично его раскаяніе въ заблужденіи и обращеніи ко святой церкви; который, являсь въ Консисто́рію въ заблужденіи своемъ истинно раскаялся, и, оную проклиная, чистосердечно объявилъ желаніе быть вѣрнымъ сыномъ православныя грекороссійскія церкви до послѣдняго издыханія и сохранить свято и непоколебимо все ея таинства и преданія, и такое раскаяніе по крестному цѣлованіи письменно онъ утвердилъ.

Хотя указомъ Святѣйшаго Синода прежде истеченія годового срока и не велѣно представлять объ нихъ Святѣйшему Синоду, но какъ пономарь Семеновъ многими опытами доказалъ истинное свое и чистосердечное раскаяніе, не подверженное никакому сумнѣнію, а при томъ онъ, пономарь, по вступленіи доноса объ открывшейся сектѣ, называемой „христовщина,“ при производимыхъ еще допросахъ первый сознался и тѣмъ самымъ много мнѣ способствовалъ къ открытію послѣдователей оной, то, не видя еще прямого раскаяніа Князь-Ивановскаго священника и Титовскаго пономаря, и прежде назначеннаго годового срока, осмѣливаюсь Вашему Святѣйшеству представить помянутаго пономаря Семенова и жены его неопровержимое обращеніе ко святѣй церкви на благоразсмотрѣніе.

Вашего Святѣйшества послушникъ Феофилактъ, епископъ Калужскій и Боровскій.

Марта 26 дня 1804 года.

*Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію рипорта епископа
Феофилакты: лл. 64—65.*

Означеннаго пономаря Петра Семенова, въ разсужденіи оказаннаго имъ въ заблужденіи своемъ чистосердечнаго раскаянія, засвидѣтельствованнаго какъ настоятелемъ Козельской Введенской Оптиной пустыни, такъ и имъ, епископомъ Калужскимъ, усмотрѣннаго съ желаніемъ присоединиться по прежнему къ православной церкви, освобождая отъ пребыванія въ той пустыни, предоставитъ опредѣленіе его къ прежнему или другому какому мѣсту разсмотрѣнію его, епископа Калужскаго; и о томъ къ нему послать указъ.

Подлинное подписано Маія 28-го 1804 года.

*Отношеніе Канцеляріи синодальной оберъ-прокурора въ Канцелярію
Святѣйшаго Синода о присылкѣ свѣдѣній объ игуменѣ Іоаннафанѣ: л. 67.*

Въ Канцелярію Его Сіятельства господина синодальнаго оберъ-прокурора и кавалера князя Александра Николаевича Голицына изъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода благоволено бѣ было доставить списокъ бывшаго въ Московскомъ Николаевскомъ Угрѣшскомъ монастырѣ игумена Іоаннафана и свѣдѣніе, по какому случаю онъ отъ сея должности отставленъ, а предписано отъ Святѣйшаго Синода преосвященному Платону, митрополиту Московскому, опредѣлить его въ какой либо монастырь на іеромонашескую вакансію, не касалось ли до него какихъ дѣлъ, и почему онъ за долговременную службу не получаетъ пенсіона.¹⁾

Сентября 14 дня 1801 г.

Послужной списокъ игумена Іоаннафана: л. 74.

Въ присланной въ Святѣйшій Синодъ отъ синодальнаго члена Платона, митрополита Московскаго, о монастырскихъ настоятеляхъ за 1803 годъ вѣдомости показано:

¹⁾ На это требованіе Канцелярія Св. Синода препроводила къ оберъ-прокурору „выписки изъ дѣлъ“, а также и „послужной списокъ игумена Іоаннафана“. „Выписки“ не представляютъ ничего интереснаго; но „послужной списокъ“ игумена является довольно любопытнымъ документомъ для характеристики личности почтеннаго сектанта.

Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря игумень Іоанафанъ природою изъ великороссіянь, служительскій сынъ; обучался по россійски читать и писать; въ монашество постриженъ въ 775-мъ году въ Ставропигіальномъ Симоновѣ монастырѣ, гдѣ произведенъ былъ во іеродіакона и іеромонаха, исполняя въ ономъ разныя послушанія; былъ намѣстникомъ и присутствующимъ въ Звенигородскомъ Духовномъ Правленіи, а 797-го года произведенъ въ показанный Угрѣшскій монастырь во игумена. Отъ роду ему 65 лѣтъ. О способности его къ послушаніямъ въ вѣдомости не показано.

*Прошеніе на Высочайшее Имѣ. поданное бывшимъ игуменомъ Іоанафаномъ:
л. 73—74.*

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержавецъ Всероссійскій, Государь Всемилоствѣйшій.

Проситъ Московскои епархіи, Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря бывшій игумень Іоанафанъ, а о чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

1.

Присланнымъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ синодальному члену высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священноархимандриту и разныхъ орденовъ кавалеру, указомъ великоменя, по разсмотрѣнію его высокопреосвященства, опредѣлить въ какой монастырь на іеромонашескую вакансію, а пенсіона мнѣ не опредѣлено.

2.

И жь до постриженія меня въ монашество опредѣленъ Московскою Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторою въ 1772-мъ году въ Московскій Ставропигіальный Симоновъ монастырь въ число братства, и находился при покупкѣ матеріаловъ на возобновленіе въ ономъ монастырѣ, послѣ бывшаго во время заразительной болѣзни карантинна, келей, и при свидѣтельствѣ ризницы, я исправлялъ прочія разныя послушанія; 775-го Апрѣля 5-го по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода постриженъ въ томъ монастырѣ въ монашество,

и произведенъ Маія 31-го во іеродіакона, а Августа 6-го во іеромонаха: 776-го года съ Октября мѣсяца былъ два года и пять мѣсяцевъ ризничимъ; 779-го съ Марта же мѣсяца казначеемъ, а съ Маія намѣстникомъ; и между тѣмъ при строеніи и поставленіи въ томъ Симоновѣ монастырѣ на Соборной Успенской церкви новыхъ пяти главъ желѣзныхъ и при крытіи того Собора и паперти желѣзомъ и снаружи стѣннаго писанія былъ смотрителемъ; и въ присутственныхъ мѣстахъ для разныхъ монастырскихъ дѣлъ хожденіе имѣлъ; и по причинѣ переведеній архимандритовъ: Амвросія, Павла и Іосифа въ другіе монастыри, и случившейся архимандриту Дорофееу смерти, въ разные времена по указамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы управлялъ Симоновымъ монастыремъ шесть мѣсяцевъ; съ 788-го года по упраздненіи онаго Симонова монастыря, по волѣ его высокопреосвященства, опредѣленъ въ Саввинъ Сторожевскій монастырь намѣстникомъ же съ препорученіемъ при томъ въ смотрѣніе и храненіе всего церковнаго и монастырскаго имущества, и въ Звенигородское Духовное Правленіе присутствующимъ, и, за неимѣніемъ архимандрита, до опредѣленія и прибытія въ тотъ Саввинъ монастырь архимандрита Нектарія 789-го Марта по 23-е, всего пять мѣсяцевъ и пять дней, управлялъ; 791-го Декабря 25-го онымъ же высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Платономъ по исправности и способности моеи произведенъ въ предписанный Николаевскій Угрѣнскій монастырь во игумена, и съ того времени по нынѣ управлялъ онымъ монастыремъ по долгу настоятельскому исправно съ надлежащимъ раченіемъ о томъ монастырѣ, святыхъ церквахъ, братіи, служителяхъ, церковномъ и монастырскомъ имуществѣ, коего мною (sic!) въ бытность мою игуменомъ прибыло, и именно: пять разбившихся колоколовъ—1^{-н}) большой въ 301 пудъ, 2^{-н}) 120 пудъ, 3^{-н}) 66 и два малыхъ въ 12 пудъ—перелиты въ новые на полученные мною стараніемъ моимъ отъ добродотодателей деньги, не употребляя изъ монастырскаго сумми ничего, съ прибавкою въ нихъ сверхъ прежняго вѣса мѣди болѣе сорока трехъ пудъ: въ 794-мъ и 1803-мъ для украшенія обители и крѣпости на Соборной Николаевской церкви съ алтаремъ ризницы, паперти, колокольни и вокругъ оной надъ двумя площадями желѣзныя крыши починены и двоекратно оныя крыши въ тѣхъ годахъ крашены мѣдянкою и мумією на маслѣ, и стѣны оныхъ зданій на известной водѣ вохрою и известью; въ 1800-мъ году на братскихъ кельяхъ, по сорваніи сильнымъ вѣтромъ старой тесовой крышки на тридцати четырехъ сажняхъ, тѣмъ же лѣтомъ на штатную неокладную и попеченіемъ моимъ испрошенную мною отъ добродотодателей сумму покрылъ оныя кельи новымъ тесомъ со употребленіемъ стараго годнаго матеріала; а въ

1803-мъ оная крыша мумією и передніе воротныя затворы мѣдяною выкрашены на маслѣ, а стѣны у настоятельскихъ и у братскихъ келій, гдѣ слѣдуетъ, вохрою и известкою, ограда жъ внутри въ лице и снаружи вся и башни всѣ известью выбѣлены; въ разныя времена состоящее въ Москвѣ въ Мясницкой части того Угрѣшскаго монастыря подворье въ каменномъ и деревянномъ строеніи, пришедшее въ ветхость, исправилъ, и покрылъ каменный флигель желѣзомъ, и выкрасилъ на маслѣ; съ онаго жъ подворья съ начала всего въ Угрѣшскій монастырь вступленія доходу собиралось въ годъ только по триста по тридцати по пяти рублей, а по исправленіи мною его получается уже по тысячи по двѣсти по осмидесяти рублей въ годъ; при вступленіи мною (sic!) въ оный Угрѣшскій монастырь суммы монастырской вовсе ничего не было, а я оставшейся изъ вступившихъ въ бытность мою игуменомъ за всѣми бывшими расходами произведенному въ сей Угрѣшскій монастырь игумену Никандру сдать тысячу сорокъ одинъ рубль семнадцать копѣекъ; на всегдашнюю того Угрѣшскаго монастыря братіи пользу по испрошеніямъ моимъ отъ трехъ особъ положено въ 796-мъ, 802-мъ и 804-мъ Марта 1-го числа Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома въ сохранную казну всего двѣ тысячи семь сотъ рублей, для получанія съ нихъ въ монастырь на братію указныхъ процентовъ, и изъ нихъ отъ одного испрошены мною ризы, стихарь, спитрахиль, поясъ, орарь, поручи и воздухи парчевые и подризникъ бѣлой матеріи съ золотыми цвѣточками, стоящіе болѣе пятисотъ рублей, такожде и прочихъ паръ до пяти разныхъ ризъ, воздуховъ и пелень. Въ 797-мъ году всячески старался о отдачѣ оному монастырю упущенной прежними настоятелями, владѣемой Копотинской волости и Угрѣшской слободы крестьянами, земли у самой Угрѣшскаго монастыря ограды девяти (десятинъ), лежація къ Москвѣ-рѣкѣ изъ переднихъ монастырскихъ воротъ трехъ десятинь, о чемъ и дѣло по прошеніямъ моимъ въ Московской Казенной Палатѣ, и по предписанію ея, Земскомъ Судѣ производилось, и потомъ изъ Казенной Палаты сообщено было въ Московское Губернское Правленіе съ тѣмъ, чтобы оное повелѣно кому слѣдуетъ разсмотрѣть и рѣшить по законамъ, и по предписаніи о томъ изъ Губернскаго Правленія Московскому Уѣздному Суду; онымъ то дѣло въ Декабрѣ мѣсяцѣ 797-го года рѣшено, и по оному рѣшенію памятуая у ограды земля девять десятинь 798 года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ тому Угрѣшскому монастырю во владѣніе отдано, съ обмежеваніемъ ея уѣзднымъ землемѣромъ и съ означеніемъ межевыхъ признаковъ; и изъ того Суда съ дѣла и сочиненныхъ плановъ даны копии за скрѣпою и печатью, и за оную землю съ имѣющимся на ней строеніемъ получаемо было въ мона-

стырь дохода въ годъ по четыреста рублей; а о трехъ у монастырскихъ воротъ десятинахъ въ Серпуховскомъ Уѣздномъ Судѣ дѣло рѣшено въ пользу крестьянъ. и по апелляціонной моей жалобѣ то дѣло внесено въ Московскую Палату Гражданскаго Суда, но въ 1801-мъ году Капотинской волости крестьяне поданнымъ въ Московскую Казенную Палату прошеніемъ просили о возвращеніи имъ той отданной монастырю девяти десятинъ земли. напротивъ чего я къ пользѣ монастыря поданнымъ въ ту Палату прошеніемъ просилъ о оставленіи оной земли во владѣніи монастырскомъ и по докладамъ моимъ высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту Московскому и кавалеру, на основаніи послѣдовавшихъ отъ его высокопреосвященства резолюцій изъ Московской Духовной Консисторіи во Казенную Палату съ прописаніемъ надлежащихъ обстоятельствъ сообщено было. но въ сей Палатѣ 1802-го года Іюля 17 дня опредѣлено ту землю отдать крестьянамъ, почему я въ Правительствующій Сенатъ въ 1-й Департаментъ послалъ на почтѣ жалобу, и по представленіи по указу Правительствующаго Сената въ оный изъ той Палаты объясненія, въ коемъ не все изъ дѣла выписано, просилъ я господина генераль-прокурора и кавалера Гаврилу Романовича Державина, коимъ по оной моей просьбѣ о той всей двѣнадцати десятинной землѣ, отъ г-на Московскаго Губернскаго Прокурора, а послѣ сего Правительствующимъ Сенатомъ отъ его Сіятельства г-на генераль-фельдмаршала Московскаго Военнаго Губернатора, управлявшаго тогда въ Москвѣ и по гражданской части и кавалера, истребованы мнѣнія. чтобъ возвратить эту землю во владѣніе монастыря: и сверхъ всего вышеупомянутаго я когда монастырская надобность случилась въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ пользу монастыря имѣлъ всегдашнее стараніе: въ Московскихъ Соборахъ: Успенскомъ—исправлялъ по очереди священнослуженіе и въ крестныхъ изъ онаго Собора въ разные монастыри и церкви ходахъ по очереди жъ. и при исправленіи въ томъ Успенскомъ въ торжественные по табели дни молебновъ. и въ Архангельскомъ—государственныхъ панихидъ бывалъ: и въ 1801-мъ году по указу Московской Духовной Консисторіи во ономъ Архангельскомъ Соборѣ свидѣтельствовалъ ризницу.

3.

Хотя же я столько лѣтъ находился въ послушаніи и управлялъ монастыремъ, дѣлая оному пользу, и хотя за собою не имѣю никакихъ дѣлъ и подозрѣній. ни за что никогда не былъ штрафованъ, а равно онаго монастыря братія и штатные служители никому и нигдѣ

жалобъ ни въ чемъ на меня не приносили, однако, я отъ оной должности нынѣ отставленъ, а по какой причинѣ, по сіе время я не знаю.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Святѣйшемъ Синодѣ принять, и мнѣ за все мои послушанія и рачительное прохожденіе должности а также и за добропорядочное житіе мое при старости моей подобно прочимъ настоятелямъ опредѣлить пенсіонъ. о чемъ мнѣ просить позволено отъ его жъ высокопреосвященства Платона, митрополита Московскаго и кавалера, и отъ его высокопреосвященства Святѣйшему Правительствующему Синоду представлено было, и по опредѣленіи пенсіона дозволить мнѣ жить въ Московскомъ Ставропигіальномъ Симоновѣ монастырѣ, въ коемъ я и постриженъ.

Всемилоствѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Іюня 2-го дня 1804-го года. Къ поданію надлежитъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Прошеніе переписывалъ сенатскій регистраторъ Василій (фамилія неразборчива). По статьямъ прошенія собственноручная подпись самого игумена.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по поводу прошенія игумена Іоанафана: лл. 75—76.

Означенному игумену Іоанафану въ просьбѣ его о опредѣленіи ему пенсіона отказать по вышепронисаннымъ обстоятельствамъ, да и потому, что Святѣйшій Синодъ, по силѣ узаконеній, къ отмѣнѣ онаго своего опредѣленія не имѣя въ виду настоящихъ причинъ, побуждающихъ къ тому, приступить не сможетъ. Что жъ слѣдуетъ до показанія его о причинѣ отрѣшенія его отъ управленія Угрѣшскимъ монастыремъ, то синодальному члену Платону, митрополиту Московскому, объявить ему, Іоанафану, послѣдовавшій о семъ къ нему изъ Святѣйшаго Синода Февраля отъ 25-го дня указъ; и о томъ къ нему, преосвященному, послать указъ.

Подлинное опредѣленіе подписано 5-ю Октябрія 1804 года.

Означенный указъ былъ приведенъ въ исполненіе Московской Св. Синода Конторой, которая объявила шуму указъ и взыскала съ него деньги за три листа гербовой бумаги, такъ какъ прошеніе свое онъ написалъ на простой, а не на гербовой бумагѣ.

Изъ рапорта¹⁾ Святѣйшему Синоду Теофилакта, еп. Калужскаго, объ освобожденіи отъ епитиміи пономаря Николая Николаева по приципъ чистосердечною его раскаянію: лл. 81—82.

Перемышльскаго Троицкаго Лютовкова монастыря умершій игуменъ Филаретъ рапортами мнѣ представлялъ: 1-мъ—Февраля отъ 2-го, 2-мъ—Марта отъ 11-го, 3-мъ—Апрѣля отъ 1-го, 4-мъ—Маія отъ 3-го, 5-мъ—Іюля отъ 9-го, 6-мъ—Августа отъ 2-го, что находящійся въ ономъ монастырѣ на покаяніи села Титова пономарь Николаевъ оказываетъ плоды покаянія съ чистосердечнымъ сожалѣніемъ. Означенный же пономарь Николаевъ и жена его Прасковья Иванова поданнымъ мнѣ прошеніемъ объясняли, что они въ прошломъ 1803 году по убѣжденію родственника своего, Калужскаго уѣзда, села Князь-Иванова священника Константина Иванова склонились въ секту, называемую „христовщина“, въ которую и введены онымъ же священникомъ, и что они въ той сектѣ состояли, въ Калужской Духовной Консисторіи чистосердечно сознались и раскаялись; по произведеніи жъ слѣдствія, отославъ онъ, пономарь, для раскаянія на годъ въ Перемышльскій Троицкій Лютовковъ монастырь, а жена его препоручена приходскому священнику. А нынѣ чрезъ внушеніе имъ о семь заблужденіи усугубили свое раскаяніе и, узнавъ совершенное въ той сектѣ заблужденіе и обманъ, проклинають и обѣщаются по евангельской заповѣди Господней паки въ оную не обращаться и быть до кончины ихъ сынами грекороссійскія церкви, просили отъ возложенной на нихъ епитиміи уволить. Принявъ сію ихъ просьбу и, зная, что они при производимыхъ вопросахъ въ Калужской Консисторіи, по вступленіи на нихъ доноса, въ заблужденіи секты „христовщины“ сознались и показали, что они еще прежде начатія слѣдствія оную оставили, а послѣ и опытами доказали истинное свое раскаяніе, не подверженное никакому сумнѣнію, осмѣливаюсь и до истеченія годового срока Вашему Святѣйшеству представить помянутаго пономаря Николаева и жены

¹⁾ Начало рапорта такое жъ, какъ въ рапортѣ о пономарѣ Петрѣ Семеновѣ; поэтому, во избѣжаніе повторенія, опускаемъ его.

его непритворное обращеніе ко святой церкви на благоразсмотрѣніе.

Вашего Святѣйшества послушникъ Теофилактъ, Епископъ Калужскій и Боровскій.

Сентября 28 дни 1804.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанию рапорта Теофилакты, еп. Калужскаго: лл. 84—85.

Означеннаго пономаря Николаева въ разсужденіи оказаннаго имъ въ заблужденіи своемъ чистосердечнаго раскаянія, засвидѣтельствованнаго какъ настоятелемъ Перемышльскаго Троицкаго Лютикова монастыря, такъ и имъ, епископомъ Калужскимъ, усмотрѣннаго, съ желаніемъ присоединиться по прежнему къ православной церкви, освободить отъ монастырскаго пребыванія, предоставить опредѣленіе его, Николаева, къ прежнему или другому праздному мѣсту разсмотрѣнію его, епископа Калужскаго, и о томъ къ нему послать указъ.

Подлинное подписано Ноября 7-го дня 1804 года.

Изъ рапорта¹⁾ въ Святѣйшій Синодъ Теофилакты, еп. Калужскаго, о нераскаянности священника Константина Иванова и Калужскаго мѣщанина Іустина Иванова: лл. 87—88.

По указамъ изъ Святѣйшаго Синода, Маія отъ 23-го и Ноября отъ 10-го числѣ сего 1804 года, послѣдовавшимъ на доношенія мои, пономари Петръ Семеновъ и Николай Николаевъ, яко оказавшіе въ заблужденіи своимъ чистосердечное раскаяніе съ желаніемъ присоединиться по прежнему къ православной церкви, отъ монастырскаго содержанія освобождены, и изъ нихъ Князь-Ивановскій пономарь Петръ Семеновъ опредѣленъ Калужскаго уѣзда, въ село Бунаково во дьячка, Титовскій же пономарь еще не опредѣленъ за непріисканіемъ себѣ мѣста; что жъ касается до Князь-Ивановскаго священника Константина Иванова, отосланнаго въ Лихвинскій Покровскій Добрый монастырь и калужскаго мѣщанина Іустина Иванова, порученнаго города Калуги Одигитріевской церкви священнику Симеону, то о первомъ изъ нихъ

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

священникъ Ивановъ Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря архимандритъ Галактионъ рапортомъ мѣ представилъ въ теченіе цѣлаго года, что означенный священникъ Константій препорученъ по силѣ указа ризничему іеромонаху Пгнатію, и какъ онымъ ризничимъ, такъ и имъ, архимандритомъ, въ православномъ ученіи настаиваемъ былъ многократно, но онъ сказалъ: никакой де секты раскольнической „христовщины“ не знаетъ и къ таковой сектѣ никогда не присоединялся, ко всякому служенію въ церковь ходитъ, и въ продолженіи священнослуженіевъ стоитъ добропорядочно, жителство имѣетъ въ монастырѣ неисходное и трезвенное, о истинныхъ догматахъ святаго вѣры и милосердіи Божіемъ къ кающимся внушалось, но въ присоединеніи къ раскольнической сектѣ раскаянія не принесъ и впредь къ раскаянію надежды не подаетъ, а потому онъ и по протеченіи указомъ положеннаго годичнаго срока изъ монастыря еще не уволенъ и уволить, яко нераскаяннаго и скопившаго себя, безъ особеннаго указнаго предписанія не могу. И о калужскомъ мѣщанинѣ Одигитріеской священникъ Семень въ шести рапортахъ доносилъ, что чѣмъ болѣе онъ священникъ настоитъ внушеніями отвлечь его отъ заблужденій секты „христовщины“, тѣмъ болѣе онъ усиливается въ записательствѣ, что онъ не былъ участникомъ въ собраніяхъ и богословныхъ толкахъ оной секты, кромѣ того, что скопилъ себя; а въ послѣднемъ рапортѣ представилъ и то, что оный Ивановъ три недѣли сряду ни къ церкви не ходилъ, ни на домъ къ нему священнику не являлся. О чемъ Вашему Святѣйшеству симъ на благоразсмотрѣніе и представляю.

Вашего Святѣйшества послушникъ Теофилактъ, епископъ Калужскій и Боровскій.

Декабря 16 дня.

Определеніе Св. Синода по содержанію вышеприведеннаго рапорта Теофилакты, еп. Калужскаго: лл. 89—90.

Ему, епископу Калужскому и кавалеру, предписать указомъ, что какъ означенные священникъ и мѣщанинъ Ивановъ, при всемъ употребленномъ кротчайшемъ средствѣ къ присоединенію ихъ на путь истины, никакихъ плодовъ раскаянія въ присоединеніи своемъ къ вышеупомянутой раскольнической сектѣ не оказали, для того оставя ихъ въ настоящемъ положеніи, перваго—въ монастырѣ, а послѣдняго—подъ присмотромъ приходскаго священника до того времени, пока не

примѣчено въ нихъ будетъ чистосердечное признаніе заблужденія ихъ, и когда сіе усмотрѣно будетъ, тогда рапортовать Святѣйшему Синоду. А какъ по силѣ означеннаго указа изъ Святѣйшаго Синода долженъ поручень быть приходъ села Князь-Ивановскаго отцу его, Иванова, священнику Понкратьеву, а буде онъ, по старости лѣтъ своихъ, не въ состояніи исправлять священнослуженіе и мірскихъ требъ, другому по близости священнику, но кто нынѣ тѣ должности исправляетъ въ сѣмъ приходѣ, о томъ въ рапортѣ его, епископа Калужскаго, ни словомъ не упомянуто, то, чтобы въ ономъ не могло послѣдовать упущенія въ исправленіи требъ, опредѣлить въ то село Князь-Ивановское другого священника съ тѣмъ, чтобы на пропитаніе жены его, Иванова, производима была изъ доходовъ часть по назначенію его, епископа, ибо онъ, Ивановъ, ежели придетъ въ раскаяніе о своемъ заблужденіи, можетъ опредѣленъ быть къ другому праздному приходу.

Подлинное подписано Февраля 1 дня 1805 года.

Изъ рапорта Феофилакта, еп. Калужскаго, о раскаяніи священника Константина Иванова: лл. 97—98.

Настоятель Покровскаго Добраго монастыря архимандритъ Галактионъ присланнымъ въ Калужскую Консисторію Маія отъ 25-го дня рапортомъ донесъ, что означенный священникъ Ивановъ въ своемъ заблужденіи признался, и истинное съ сокрушеннымъ сердцемъ принесть раскаяніе, и обратился на путь истинный, и догматы христіанскія твердо содержитъ, при которомъ рапортѣ и самого онаго священника прислалъ. Сверхъ того почелъ я за нужное отъ него, священника, въ подтвержденіи чистосердечнаго его раскаянія, приказать въ Консисторіи отобрать письменное показаніе, въ коемъ онъ по крестному цѣлованію объявилъ, что онъ въ заблужденіи раскольнической секты „христовщины“ чистою совѣстью истинно раскаялся и, раскаяваясь, оную, яко богопротивную и лжевыдуманную, учителей ея, яко слугъ бѣсовскихъ, кругъ ихъ тайнства и всѣ обычаи, вонистинну чуждыя благочестивому христіанству, отвергаетъ, проклинаетъ и обѣщается по евангельской заповѣди Господней и по священству впредь во оную секту не возвращаться и стараться, гдѣ только можно, другихъ, такую секту содержащихъ, отъ того отвлекать и научать благочестивому проповѣданію вѣры, самимъ Спасителемъ основанныя, и желаетъ быть вѣрнымъ сыномъ и служителемъ православныя грекороссійскія церкви до послѣдняго своего издыханія, постановленія жъ ея, тайнства и преданія сохранять обязуется. Таковое его раскаяніе въ заблужденіи

на основаніи 1803 года Ноября отъ 19-го дня Святѣйшаго Синода указа Вашему Святѣйшеству симъ на благоразсмотрѣніе представляю.

Вашего Святѣйшества послушникъ Теофилактъ, епископъ Калужскій и Боровскій.

Маія 28 дня 1805 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію рапорта епископа Теофилакта: лл. 99—100.

Ему, епископу Калужскому, предписать указомъ, что какъ онъ, Ивановъ, въ томъ своемъ заблужденіи приносая раскаяніе, обязывается впредь не совращаться въ оное, но личнаго ему, Иванову, отъ него, епископа, испытанія не происходило, для того, исполня сіе ему нынѣ, и ежели въ томъ обращеніи его отъ заблужденія своего на путь истины не окажется никакого сомнѣнія и въ прямой приверженности его къ православной христіанской вѣрѣ найденъ будетъ твердымъ, въ такомъ случаѣ, разрѣша ему священнослуженіе, опредѣлить его къ приходу по своему разсмотрѣнію. И что учинено будетъ, рапортовать Святѣйшему Синоду.

Подлинное подписано Іюня 21-го дня 1805-го года.

Рапортъ Теофилакта, еп. Калужскаго, о опредѣленіи запрещеннаго священника Константина Иванова, находящагося въ раскольнической сектѣ, безъ разрѣшенія въ священнослуженіи, на причетническую вакансію въ село Вешняково, Калужскаго уѣзда: л. 103.

Присланнымъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Іюня отъ 26-го дня сего 1805-го года указомъ предписано мнѣ бывшаго, Калужскаго уѣзда, въ селѣ Князь-Ивановскомъ священника Константина Иванова, обратившагося изъ раскольнической секты, именуемой „христовщина,“ по разрѣшеніи ему священнослуженія, если по личному моему испытанію, въ прямой приверженности къ православной христіанской вѣрѣ найденъ будетъ твердымъ, опредѣлить къ приходу, по моему разсмотрѣнію, и что учинено будетъ, рапортовать Святѣйшему Синоду.

И во исполненіе онаго указа, означенный священникъ Константинъ Ивановъ, по вытребованіи его Калужскою Консисторіею изъ

Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря, для предписаннаго указомъ испытанія, представленъ былъ ко мнѣ, а какъ по неоднократно моимъ личнымъ испытаніямъ найденъ онъ въ приверженности къ церкви святой не только не твердымъ, но еще и сумнительнымъ, такъ, что весьма опасно разрѣшить ему священнодѣйствіе и поручить приходъ, а чтобы жена и дѣти его не остались безъ пропитанія, которымъ, хотя исправляющій отецъ, его Константина, въ селѣ Князь-Ивановскомъ священнослуженіе и обязался давать имъ изъ доходовъ часть на содержаніе, но удѣляетъ самую малую по бѣдности прихода, отъ чего происходятъ ссоры и жалобы, то, не разрѣшая ему священнослуженія, предписалъ я Консисторіи опредѣлить его на причетническую вакансію Калужскаго уѣзда, въ село Вешняково съ тѣмъ, чтобы онаго села священникъ особенно присматривалъ за его поведеніемъ и о послѣдующемъ рапортовалъ мнѣ по третямъ года. О чемъ Вашему Святѣйшеству симъ во извѣстіе благопочтеннѣйше и рапортую.

Вашею Святѣйшею послушникъ Теофилактъ, епископъ Калужскій и Боровскій.

Августа 12 дня 1805 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію рапорта епископа Теофилакта: л. 104.

Оный репортъ, принявъ во извѣстіе, сообщить къ дѣлу при копіи съ сего журнала.

Доповѣстіе Теофилакта, еп. Калужскаго, о калужскомъ мѣщанинѣ Лустинѣ, чинившемъ грѣбости своему цѣлцу при обращеніи его къ православной церкви отъ секты „христовщины“: лл. 107—109.

Его Императорскаго Величества указомъ, присланнымъ ко мнѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1803 года Ноября 19-го дня, между прочимъ, предписано: калужскаго мѣщанина Устина Иванова, участвовавшаго съ прочими въ раскольнической сектѣ, называемой „христовщина“, также и прочихъ, бывшихъ въ собраніяхъ, послѣдователей секты, поручить приходскимъ священникамъ для увѣщанія ихъ и внушенія имъ о заблужденіи ихъ, при содѣйствіи гражданскаго правительства, обходясь съ ними со всякою кротостію и терпѣніемъ. И во исполненіе онаго указаго предписанія,

означенный мѣщанинъ Устинъ Ивановъ маія 30-го дня 1804-го года, по истребованіи его черезъ Калужское Губернское Правленіе, поручень отъ меня города Калуги Одигитріевской церкви священнику Симеону Волкову съ тѣмъ, чтобы онъ писалъ его, Иванова, въ исповѣдныхъ росписяхъ, и о успѣхѣ въ обращеніи ко святѣй церкви рапортовалъ ежемѣсячно въ Консисторію. Вслѣдствіе чего, поминаемый священникъ Волковъ по Ноябрь мѣсяцъ текущаго 1806-го года Консисторіи рапортовалъ, что оный мѣщанинъ Ивановъ, по всевозможныхъ и многократныхъ отъ него, священника, увѣщаніяхъ, ни начальствующимъ въ собраніяхъ той секты, ниже участвовавшимъ въ такихъ заблужденіяхъ не признается, и всѣми клятвами запирается кромѣ того, что онъ скопилъ себя по невѣдѣнію; и чѣмъ болѣе онъ, священникъ, настоитъ внушеніями отвлечь отъ таковаго заблужденія, тѣмъ болѣе онъ мѣщанинъ усиливается въ запираательствѣ; впрочемъ же на предложенія его, священника, о обращеніи къ православной церкви онъ, мѣщанинъ, называетъ себя истиннымъ оныя сыномъ, и жалѣя, что скопилъ себя, признаетъ то за прегрѣшеніе противъ евангельскаго ученія, но все сіе сумнительно, ибо чрезъ все продолженіе таковаго времени оный мѣщанинъ ни малѣйшей не подалъ надежды къ признанію себя участвовавшимъ въ помянутой сектѣ „христовщина.“ Иногда уклоняясь отъ увѣщанія его, священника, проживалъ довольное время у сына своего здѣшной губерніи Тарусскаго уѣзда, въ приходѣ села Истомина. По явкѣ же его, мѣщанина, къ священнику, по побужденію гражданскаго начальства, паки оставался непреклоненъ къ признанію, по закоснѣлому его запираательству и упрямству. А минувшаго Ноября 27-го числа поминаемый священникъ Семень Волковъ рапортомъ донесъ, что означенный мѣщанинъ Устинъ Ивановъ въ запираательствѣ и непризнаніи своемъ, что онъ участвовалъ въ собраніяхъ секты называемой „христовщины,“ до того дошелъ упорства, что увѣщавать его находитъ для себя невозможнымъ, ибо чинимыя имъ, священникомъ, ему, Иванову, увѣщанія въ самомъ началѣ перебываетъ и останавливаетъ умысленнымъ, чтобъ онъ священникъ отсталъ отъ него. мѣщанина, грубіянствомъ, въ такихъ словахъ состоящимъ: „бабью плетницу плетешь ты, пакость на меня возносишь, которой и слышать не хочу: ты не великъ человекъ и мнѣ не судья, представляй меня къ кому повыше себя, когда не стаетъ разума у тебя имѣть со мною дѣло.“ Таковыя де и симъ подобныя многія грубыя слова тогда къ нему, священнику, болѣе произноситъ, когда онъ, священникъ, начинаетъ испытывать совѣсть его. мѣщанина Иванова, былъ ли онъ въ собраніяхъ оной секты. А о скопленіи де себя какъ и прежде будто жалѣетъ, отзывается, что то учинено имъ по невѣдѣнію,

что сіе противно евангельскому ученію. А при томъ онъ, священникъ, объясняетъ, что онъ и прежде сего многократно отъ его, Иванова, грубіяинства терпѣлъ огорченія, но по долгу званія своего хотѣлъ усмирить и усовѣстить его кроткимъ съ нимъ обхожденіемъ. А нынѣ за увеличивающимся отъ него, мѣщанина, грубіянствомъ продолжать ему увѣщанія опасается онъ, священникъ, дабы онъ, мѣщанинъ, не дошелъ до другаго какого озорничества.

О чемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду симъ благопочтениѣе рапортуя, испрашиваю въ разрѣшеніи указаго предписанія, какъ повелѣно будетъ съ онымъ мѣщаниномъ Ивановымъ поступить въ разсужденіи его грубіянствъ и нераскаянія.

Вашею Святѣйшества послужникъ Теофилактъ, епископъ Калужскій и Боровскій.

Декабря 16 дня 1806 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію рапорта еп. Теофилакты: д.д. 113—116.

Изъ доношенія епископа оказалось, что всѣ мѣры кротости, снисхожденія и терпѣнія, кои въ теченіе трехъ лѣтъ были приемлемы священникомъ Волковымъ къ обращенію на путь истины отступника отъ православія мѣщанина Устина Иванова, не произвели никакого дѣйствія и не могли побудить его къ сознанію въ распространеніи имъ заблужденія своего, въ чемъ онъ уличенъ былъ вышепомянутыми его послѣдователями. А какъ Именными Высочайшими указами повелѣно: 1-мъ, отъ 28 апрѣля 1722-го года, о такихъ отступникахъ отъ благочестія, которое по увѣщанія исправиться не похотятъ, сообщать Синоду въ Сенатъ вѣдѣніе, гдѣ имѣетъ быть, какъ съ такими поступать, Собственная Его Императорскаго Величества резолюція предложена, 2-мъ, отъ 8-го Генваря сего 1807-го года, въ случаѣ открытія впредь скопцовъ, дѣйствительно себя оскпившихъ, отдавать ихъ въ военную службу, зачтя помѣщикамъ ихъ и селеніямъ за рекруты: то, на основаніи сихъ Высочайшихъ повелѣній, объ ономъ мѣщанинѣ Устинѣ Ивановѣ, такъ какъ не предвидится уже болѣе никакой надежды ни къ смягченію, ни къ отведенію его отъ закоренѣлаго упорства, и напоследокъ такъ, какъ онъ самъ въ оскпленіи себя признался, сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніе для учиненія о немъ рѣшительнаго опредѣленія. Для свѣдѣнія же послать указъ и къ епископу Калужскому.

Подлинное подписано Апрѣля 1-го дня 1807 года.

*Извлеченіе изъ вѣдннй Правительствующаго Сннота въ Святѣйшій
Синодѣ: л. 118—119.*

Какъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именнымъ указомъ, состоявшимся 8-го Генваря сего 1807-го года, повелѣно: „въ случаѣ открытія впредь скопцовъ, дѣйствительно себя оскотпвшихъ, отдавать ихъ въ военную службу, зачтя помѣщикамъ ихъ п селеніямъ за рекрутъ“, то на основаніи сего Высочайшаго указа, означеннаго мѣщанина Иванова, признавшагося въ оскотпленіи себя, отдать въ воинскую службу, къ какой способенъ окажется, въ случаѣ жѣ негодности сослать его Архангельской губерніи въ городъ Колу съ тѣмъ, чтобы за поведеніемъ его имѣло наблюденіе мѣстное начальство. О чемъ къ надлежащему исполненію предписать указами Калужскому п Архангельскому Губернскимъ Правленіямъ, а Святѣйшему Синоду сообщить вѣдѣніе. Іюля 11-го дня 1807-го года.

Св. Синодѣ заслушавъ сіе вѣдннй постановилъ: съ прописаніемъ оного вѣдннй къ преосвященному Теофилактору, епископу Калужскому, послать указъ. [Журналъ Снода отъ 2 Августа 1807 года № 1.]

Допошеніе Святѣйшему Синоду Евлимія, епископа Калужскаго, о разрѣшеніи бывшему въ селѣ Князь-Ивановѣ, а нынѣ находящемуся въ селѣ Вешняковѣ на причетнической вакансіи, запрещенному священнику Константину Иванову священнослуженій и о прочемъ: лл. 125—130.

Минувшаго Марта 2 дня 1810-го года Калужская Консисторія, взошедъ ко мнѣ по данной отъ меня резолюціи со справкою о состоящемъ подъ запрещеніемъ бывомъ Калужской округи въ селѣ Князь-Ивановѣ, священникѣ Константинѣ Ивановѣ за скопленіе себя, представляетъ, что при произведеніи слѣдствія, начатаго въ Сентябрѣ 1803-го года съ рапорта города Калуги Крестовоздвиженскаго, что на Воробьевкѣ, священника Ивана Семенова, поданнаго къ предмѣстнику моему, что нынѣ Святѣйшаго Снода членъ, преосвященнѣйшему Теофилактору, архіепископу и кавалеру, обь открывшейся раскопнической сектѣ, называемой „христовщина“, оннй села Князь-Иванова священникѣ Константинѣ Ивановѣ въ допросѣ своемъ показалъ, между прочимъ: 1-е, что онъ къ той сектѣ, называемой „христовщина“ принадлежитъ и согласился быть въ пей для спасенія своего; 2-е, скопиль себя, будучи пономаремъ, Царствія ради

Небеснаго, основываясь на ономъ словѣ Божіи: „суть скопцы, иже сами себе исказиша Царствія ради Небеснаго“; 3-е, вѣрують они тому, что на дѣвку, въ собраніяхъ бывающую и „книгою слова животнаго“ называемую, во время службы ихъ нисходитъ Слово Божіе, и она, ощутивъ силу онаго, нашедшую на нее, пророчествуетъ, а также и бываемые въ собраніяхъ и почитаемые „пророками“, предсказываютъ будущая по наитію на нихъ якобы Духа Святаго; 4-е, жена его къ той же сектѣ принадлежитъ; 5-е, пономарей быть въ той сектѣ того жъ села Петра Семенова и Дихвинскаго уѣзда села Титова Николая Николаева съ женами ихъ онъ, священникъ, научилъ; 6-е, супружескаго сожитія съ женою не имѣеть со времени вступленія въ оную секту; 7-е, познавъ заблужденіе свое въ сей сектѣ и противность ея православной церкви, сердечнымъ раскаяніемъ оставляетъ и желаетъ быть присоединеннымъ ко святѣй православной грекороссійской церкви: почему Консисторію, между прочимъ, опредѣлено: какъ означенные священникъ Ивановъ и пономари Семеновъ и Николаевъ своими законопротивными дѣяніями, какъ то: принятіемъ секты „христовщины“ за единый путь ко спасенію служащей, а отъ мужиковъ и дѣвки предсказаніевъ за пророчества и почитаніемъ ихъ самихъ за „пророковъ“, вѣруя нисхожденію на нихъ Слова Божія и нелѣпныя пѣсни почитая „небесными“ и, наконецъ, скопленіемъ себя, оказались сего званія. на основаніи правилъ святыхъ апостолъ 5-го, 8-го, 21-го, 23-го, Перваго Вселенскаго Собора 6-го, Шестаго Вселенскаго Собора 12-го, Помѣстнаго въ Лаодикіи 35-го, недостойными и подлежащими изверженію, что самое и слѣдовало бы съ ними учинить и отослать въ свѣтское правительство къ поступленію съ ними по законамъ, но какъ указами изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 737-го Ноября 25-го и 772-го годовъ Ноября 23 числа даже и о самомалѣйшихъ суевѣріяхъ, пронесящихся въ епархіяхъ, велѣно рапортовать Святѣйшему Синоду, сіе же происшествіе есть немаловажное и заслуживающее по втеченію въ оное свѣтскаго званія людей особливаго вниманія, а сверхъ того и потому, что они, хотя желаютъ оставить заблужденіе секты, называемой „христовщина“, но сумнительны и опасны быть въ обществѣ, го. не лишая званій, не благоудно ли будетъ его преосвященству представить, съ прописаніемъ нужныхъ изъ дѣла обстоятельствъ, Святѣйшему Синоду доношеніемъ, съ испрашиваніемъ въ разрѣшеніе, что повелѣно будетъ съ ними учинить, указаго предписанія, о чемъ и представлено было отъ его преосвященства Святѣйшему Синоду, на которое представленіе присланнымъ изъ Святѣйшаго Синода Ноября 19 дня 1803-го года указомъ, между прочимъ, предписано: какъ означенный священникъ Константинъ Ивановъ, яко оставившій право-

славную церковь и ученіе ея, основанное Самимъ Христомъ Спасителемъ и апостолами его, и прилѣпившійся къ упоминаемой сектѣ, называемой „христовщина“, выдуманной и поддерживаемой невѣждами, неразумѣющими силы Священнаго Писанія и толкующими оное въ противную смысла сторону, подвергъ себя лишенію священническаго званія и отсылкѣ въ гражданское правительство для поступленія съ нимъ по законамъ, почему по силѣ упоминаемыхъ святыхъ отецъ правилъ и законовъ, и слѣдовало бы какъ съ нимъ, такъ и съ пономарями, яко недостойными быть служителями церкви святой, согласно мнѣнію его преосвященства, поступить, но поелику изъ собственныхъ ихъ показаній и всѣхъ прочихъ видимыхъ обстоятельствъ усматривается, что они оставили православное ученіе и вступили въ поманутую секту „христовщину“ единственно по крайнему невѣжеству своему, не разумѣя силы Священнаго Писанія, догматовъ и преданій святыя церкви, и не понимая неосновательности учителей и ученія сея секты „христовщины“, въ каковомъ случаѣ лжеучитель отставной солдатъ Аванасій Ивановъ легко могъ обольстить ихъ внушеніемъ своимъ о приведеніи чрезъ сіе ихъ на лучшій и удобнѣйшій путь къ полученію спасенія, желаемого всѣми христіанами, нынѣ же, познавъ то свое заблужденіе, желаютъ присоединиться къ православной церкви, а пономарь Николаевъ прежде начатія еще слѣдствія оставилъ уже ту секту, для того въ надеждѣ и исправленія ихъ и признанія непритворнаго ихъ раскаянія въ своемъ заблужденіи, оставя ихъ въ настоящихъ званіяхъ, отослать въ монастыри, по назначенію его преосвященства, на годъ съ тѣмъ, чтобы поручены были тѣхъ монастырей искуснымъ іеромонахамъ, которые бы, наставляя ихъ Закону Божию и напоминая имъ тяжесть содѣяннаго ими преступленія, старались кроткимъ образомъ вразумить ихъ въ бывшемъ заблужденіи открытіемъ имъ святости ученія православныя церкви и утверженіемъ въ догматахъ ея, и чрезъ то и внушеніе о безпримѣрномъ милосердіи Божию къ кающимся, если только истинное и съ сокрушеннымъ сердцемъ принесено будетъ раскаяніе, обратитъ на путь истины: какіе они будутъ оказывать плоды покаянія и съ чистосердечнымъ ли сожалѣніемъ оное ими провождаемо будетъ, о томъ настоятелямъ оныхъ монастырей рапортовать его преосвященству ежемѣсячно, а ежели они, по довольномъ испытаніи, познавъ свое заблужденіе, окажутъ въ томъ истинное и чистосердечное раскаяніе, не подверженное никакому сомнѣнію, въ такомъ случаѣ представить Святѣйшему Синоду для опредѣленія ихъ къ должностямъ. Почему, и во исполненіе его преосвященства резолюціи, священникъ Ивановъ и отосланъ былъ на прописанномъ въ указѣ основаніи въ Лихвинскій Покровскій Добрый монастырь къ архиманд-

риту Галактіону того жъ 1803 года отъ 10 дня при указѣ. И какъ оный архимандритъ Галактіонъ рапортами его преосвященству представлялъ въ теченіе года, что означенный священникъ Константинъ препорученъ по силѣ указа ризничему іеромонаху Игнатію и какъ онымъ ризничимъ, такъ и имъ, архимандритомъ, въ православномъ ученіи наставляемъ былъ многократно, но онъ сказалъ, „никакой-де секты раскольнической „христовщины“ не знаетъ и къ таковой сектѣ никогда не присоединялся“, ко всякому служенію въ церковь ходитъ и въ продолженіи священнослуженіевъ стоитъ добропорядочно, жителство имѣеть въ монастырѣ неисходное и трезвенное, о истинныхъ догматахъ святыхъ вѣры и милосердіи Божиемъ къ кающимся внушалось, но въ присоединеніи къ раскольнической сектѣ раскаяніа не принесъ и впредь къ раскаянію надежды не подаеть, то оной священникъ и по протеченіи положеннаго указомъ годичнаго срока изъ монастыря не уволенъ да и уволить, яко нераскаяннаго и скопившаго себя, безъ особеннаго указаго предписанія его преосвященство не могъ, и о томъ представлено было отъ его преосвященства Святѣйшему Синоду 1804 года Декабря отъ 16 числа рапортомъ. по которому изъ Святѣйшаго Синода 1805-го года Февраля отъ 6-го дня его преосвященству, между прочимъ, предписано: какъ означенный священникъ Ивановъ при всемъ употребленномъ кротчайшемъ средствѣ къ произведенію на путь истины никакихъ плодовъ раскаяніа въ присоединеніи своемъ къ вышепомянуемой раскольнической сектѣ не оказалъ. для того, оставя его въ настоящемъ положеніи въ монастырѣ до того времени, пока не примѣчено будетъ въ немъ чистосердечное признаніе заблужденія его, и когда сіе усмотрѣно будетъ, тогда рапортовать Святѣйшему Синоду, съ прописаніемъ коего Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря архимандриту Галактіону указъ посланъ марта 3-го числа 1805-го года, потомъ того жъ 1805 года Маія 25 дня оный архимандритъ рапортомъ Консисторіи донесъ, что означенный Ивановъ съ полученія того указа находился въ томъ монастырѣ безотлучно, почему и признался чистосердечно въ своемъ прежнемъ заблужденіи въ раскольнической сектѣ, называемой „христовщина“, и истинное и съ сокрушеннымъ сердцемъ принесъ раскаяніе, и обратился на путь истинный, и догматы христіанскія вѣры твердо содержитъ. при чемъ и оный священникъ въ Консисторію присланъ: по словесному же его преосвященства приказанію отъ означеннаго священника Константина въ подтвержденіе чистосердечнаго его раскаяніа въ Консисторіи отобрано показаніе, въ коемъ онъ по крестному цѣлованію показалъ въ заблужденіи секты, называемой „христовщина“. чистою совѣстію истинно раскаяваясь, оную богопротивную и лже-

выдуманную секту, учителей ея, яко слугъ бѣсовскихъ, кругъ ихъ, таинства и всѣ обычаи, вонстинну чуждые благочестивому христіанству, отвергаю и прокливаю и общаю по евангельской заповѣди Господней и по священству впредь въ оную не возвращаться и стараться, гдѣ только можно, другихъ, таковую секту содержащихъ, отъ того отвлекать и научать благочестивому проповѣданію вѣры, Самимъ Спасителемъ основанныя, и за таковымъ истиннымъ и чистосердечнымъ моимъ раскаяніемъ желаю быть вѣрнымъ сыномъ и служителемъ православныя грекороссійскія церкви до послѣдняго своего издыханія, за довольное ко спасенію почитая одни ея постановленія, таинства и преданія сохранять обязуюсь; потомъ оный священникъ Ивановъ отосланъ паки въ монастырь при указѣ съ нарочнымъ. Отъ его жъ преосвященства съ прописаніемъ рапорта архимандрита Галактіона и его, священника, показанія представлено Святѣйшему Синоду доношеніемъ, на которое указомъ отъ 26 Іюня 1805 года предписано: какъ онъ, Ивановъ, въ томъ своемъ заблужденіи принося раскаяніе, обязывается впредь не совращаться въ оное, но личнаго ему, Иванову, отъ его преосвященства испытанія не происходило, для того, исполня ему нынѣ, и ежели въ томъ обращеніи его отъ заблужденія своего на путь истины не окажется никакого сомнѣнія и въ прямой приверженности его къ православной христіанской вѣрѣ найденъ будетъ твердымъ, въ такомъ случаѣ, разрѣша ему священнослуженіе, опредѣлить его къ приходу, по разсмотрѣнію его преосвященства, и что учинено будетъ, рапортовать Святѣйшему Синоду. Во исполненіе онаго указа, означенный священникъ Константинъ Ивановъ, по вытребованіи указомъ въ Консисторію, представленъ былъ къ его преосвященству при докладѣ, на которомъ въ резолюціи его преосвященства изображено: „запрещенный священникъ Константинъ неоднократно былъ мною лично испытыванъ и найденъ не только не твердымъ въ приверженности къ церкви святой, но еще и сомнительнымъ такъ, что весьма опасно разрѣшать ему священнослуженіе и поручить приходъ; но чтобъ жена и дѣти его не остались безъ пропитанія, то опредѣлить его на причетническую вакансію, и именно въ село Вешняково. Калужскаго уѣзда, предписать новопроизведенному изъ ученыхъ священнику онаго особенно присматривать за его поведеніемъ и о послѣдующемъ рапортовать мнѣ по третямъ года, и если помянутый Константинъ не будетъ на то согласенъ, то отослать его въ Добринскій монастырь на прежнемъ основаніи, о чемъ за извѣстіе изготовить доношеніе въ Святѣйшій Синодъ и представить для подписанія“, которая резолюція оному запрещенному священнику Константину объявлена, и при томъ онъ сказкою показалъ, что онъ въ селѣ Вешняковѣ на причетнической вакансіи быть

желаеть, а потому, на основаніи его преосвященства резолюціи, ему, Иванову, о бытіи въ селѣ Вешняковѣ на причетнической вакансіи данъ указъ, о рапортованіи жъ по третямъ года того села священнику Ивану Никитину посланъ Августа 11 дня 1805-го года, а въ Святѣйшій Синодъ отъ его преосвященства донесено рапортомъ отъ 12-го Августа, и ставленная его, священника, грамота къ дѣлу представлена. А изъ третнихъ о немъ. Константинѣ, рапортовъ, села Вешнякова отъ священника Василья Иванова представляемыхъ, значить, что оный Константинъ усмотрѣвъ имъ состоянія и поведенія въ Сентябрѣ не худаго, въ Октябрѣ хорошаго, въ Декабрѣ 1806-го года ни въ чемъ по раскольнической сектѣ „христовщинѣ“ не замѣченъ, а состоянія и поведенія хорошаго, 1807 года въ третяхъ майской: повидимому съ сердечными чувствіями весьма много раскаявается въ учиненномъ имъ законопротивномъ поступкѣ и ведетъ себя во всемъ сообразно своему званію, и состоянія и поведенія хорошаго, въ сентябрьской: ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ не замѣченъ и ведетъ себя сообразно своему званію; 1808 и 1809 годовъ генварской, майской и сентябрьской третяхъ: ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ не замѣченъ и штрафованъ не былъ.

Я, разсматривая вышеписанную представленную отъ Консисторіи справку и нашедъ, что въ рапортѣ не упоминается о раскаяніи, причиненномъ (sic!) истово и о отвращеніи чистосердечномъ, далъ приказаніе, самымъ преискреннимъ духовнымъ образомъ испытать, рапортовать, чтобъ тогда и мнѣ лично усмотрѣть удобнѣе и освидѣтельствовать; въ сходство чего и посланъ былъ изъ Консисторіи Ноября 27 дня къ благочинному города Калуги, Казанскому священнику Ивану Петрову указъ. А между тѣмъ, приходскій села Вешнякова священникъ Василій Ивановъ рапортомъ того жъ Ноября 28 дня Консисторіи донесъ, что вышепоминаемый запрещенный священникъ Константинъ Ивановъ, бывшій въ раскольнической сектѣ, называемой „христовщина“, чистосердечно раскаялся и въ приверженности къ церкви святой сомнѣнія не имѣеть и ведетъ себя во всемъ сообразно своему званію, а состоянія и поведенія хорошаго. А затѣмъ и Благочинный Казанскій священникъ Иванъ на посланный къ нему указъ рапортовалъ мнѣ, что онъ, благочинный, того священника Иванова духовнымъ образомъ сколько могъ испытывалъ, и, кажется, истово приносить раскаяніе и чистосердечно въ заблужденіи. Почему, сообразя всѣ сіи обстоятельства, мнѣніемъ моимъ полагаю: какъ означенный запрещенный священникъ Константинъ Ивановъ послѣ личнаго преосвященнѣйшимъ Теофилактомъ, епископомъ бывымъ Калужскимъ, испытанія въ сумнительномъ раскаяніи съ 1805 года по сіе число

никакого на себя сумнѣнія, чтобъ онъ приверженъ былъ къ сектѣ называемой „христовщина“, что видно изъ рапортовъ села Вешнякова священника Василія Иванова, у коего онъ, Ивановъ, находится на причетнической вакансіи, и Благочиннаго города Калуги, Казанскаго священника Ивана, вѣдомостей, не навель, а, напротивъ, того священникъ Василій и Благочинный рапортами доносятъ о немъ Ивановѣ, что онъ приноситъ истовое раскаяніе, то и слѣдовало бы на основаніи указа изъ Святѣйшаго Синода, прошлаго 1805 года Іюня отъ 26 числа состоявшагося, разрѣшивъ ему священнослуженіе, опредѣлить къ приходу по моему разсмотрѣнію и отпрапортовать Святѣйшему Синоду: но поелику онъ, священникъ, при градской церкви по необязанію отличныхъ заслугъ священническаго мѣста не можетъ быть удостоенъ, а въ селѣ дать оное опасно, чтобъ чрезъ то не подать случая простодушнымъ поселянамъ къ порчѣ и развращенію нравовъ, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, въ 1807 году въ 8-й день Генваря состоявшимся, повелѣно всѣхъ скопцовъ, дѣйствительно себя оскопившихъ отдавать въ военную службу, то, примѣняясь къ сему Высочайшему повелѣнію, сужу, что приличнѣе ему, Константину Иванову, быть священникомъ въ какомъ ни есть полку, гдѣ, находясь при просвѣщенныхъ полковыхъ начальникахъ, не можетъ скопленіемъ себя бланзнить и рядовыхъ воиновъ, предохраняемыхъ отъ суевѣрій строгимъ за ними надзоромъ ихъ команды. О чемъ симъ благопочтенно представляя Святѣйшему Синоду въ главное благоразсмотрѣніе, имѣю ожидать въ разсмотрѣніе на то указаго предписанія.

Вашего Святѣйшества низжайшій послушникъ Евлампій, епископъ Калужскій и Боровскій.

Апрѣля 4 дня 1810 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по содержанію вышеприведеннаго доношенія Евлампія, еп. Калужскаго: 133—136.

Какъ изъ соображенія вышеизложенныхъ обстоятельствъ Святѣйшій Синодъ признаетъ опыты представляемаго священникомъ Константиномъ Ивановымъ раскаянія несовершенно удостовѣрительными, то посему преосвященному Калужскому предписать указомъ, дабы онъ, Ивановъ, оставленъ былъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онъ нынѣ находится, до дальнѣйшаго объ немъ разсмотрѣніи, и чтобы надзоръ за образомъ жизни его съ внимательнѣйшимъ замѣчаніемъ плодовъ раскаянія его въ заблужденіи былъ продолжаемъ.

Подлинное подписано 17 Августа 1810 года.

Прошеніе на Высочайшее Имя, поданное запрещеннымъ священникомъ Константиномъ Ивановымъ: лл. 138—141.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Все-милостивѣйшій.

Проситъ Калужскаго уѣзда, Крестовоздвиженской, что въ селѣ Вешняковѣ, церкви, находящейся на пономарской вакансіи, запрещенный священникъ, Константинъ Ивановъ, (а) о чемъ сіе мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1-е.

Находился я Калужскаго уѣзда въ селѣ Князь-Ивановѣ священникомъ, и по сектѣ по указу Святѣйшаго Синода, 1803 года Ноября 19-го дня послѣдовавшимъ, для исправленія и узнанія непритворнаго раскаянія, былъ заключенъ на годъ въ монастырь, а по выжитіи сего термина, по резолюціи преосвященнаго Теофилакта, бываго епископа Калужскаго и Боровскаго и кавалера, опредѣленъ Калужскаго уѣзда въ село Вешняково на пономарскую вакансію съ запрещеніемъ священнослуженія 1805 Августа 11 числа, съ предписаніемъ того села Вешнякова священнику присматривать за моимъ поведеніемъ и о послѣдующемъ рапортовать его преосвященству по третямъ года; въ каковой должности нахожусь и нынѣ. Означенный же Вешняковскій священникъ Василій Ивановъ и Благочинный Казанскій протоіерей Іоаннъ по предписаніямъ Консисторіи удостовѣрили, что я, священникъ Ивановъ, приношу истово и чистосердечно раскаяніе въ заблужденіи, почему 1810 года Апрѣля 4-го отъ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Евлампія, покойнаго епископа Калужскаго и Боровскаго и кавалера, представлено было Святѣйшему Синоду доношеніемъ съ мнѣніемъ его преосвященства, чтобъ мнѣ, Иванову, быть священникомъ въ какомъ ни есть полку, на которое доношеніе указомъ изъ Святѣйшаго Синода 1810-го года Сентября 2-го числа предписано его преосвященству, дабы я, Ивановъ, оставленъ былъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ и нынѣ нахожусь, до дальнѣйшаго обо мнѣ разсмотрѣнія, во исполненіе каковаго предписанія о продолженіи надо мною надзора къ Благочинному Казанскому протоіерею Іоанну посланъ былъ указъ, на который отъ него рапортовано 1811 Маія и 1812 Генваря 23-го: что противъ церкви святой заблужденія во мнѣ, также и никакихъ дурныхъ поступковъ не замѣчено, веду же себя честно,

грязенно и состоянія очень хорошаго, 1814 Генваря 29-го числа: что я ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ имѣ не замѣченъ и веду себя во всемъ сообразно своему званію: но по онымъ одобрительнымъ донесеніямъ никакой милости мнѣ не изъявлено, почему я поданными его преосвященству, преосвященнѣйшему Евгенію, епископу Калужскому и Боровскому, прошеніями просилъ о разрѣшеніи меня въ священнодѣйствіи и о опредѣленіи въ вышеписанное село Князь-Иваново на мѣсто умершаго отца моего священника, 1-мъ—1813 Октября 16-го, 2-мъ—того жъ года Декабря 3-го и 3-мъ—сего 1814 года жъ Генваря 19. но въ томъ мнѣ по резолюціямъ его преосвященства отказано, а на четвертое, поданное отъ меня того же Генваря 30 числа, въ резолюціи его преосвященства велѣно Консисторіи, выписавъ справку и законы, рассмотреть и представить мнѣніе, вслѣдствіе чего она же Консисторія по выписаніи справки, учиненнымъ сего 1814 года февраля 20, опредѣленіемъ заключила: „какъ де указомъ Святѣйшаго Синода отъ 2-го Сентября 1810 года велѣно меня, Иванова, оставить въ томъ же положеніи, въ какомъ я теперь нахожусь, до дальнѣйшаго обо мнѣ рассмотрѣніи съ тѣмъ, чтобъ надзоръ за образомъ жизни моею внимательнымъ замѣчаніемъ плодовъ раскаянія моего въ заблужденіи былъ продолжаемъ, а я де, не терпя будто и продолжаемаго надо мною надзора достовѣрнаго испытанія жизни моею, трижды утруждалъ начальство о разрѣшеніи меня въ священнодѣйствіи и опредѣленіи на прежнее въ село Князь-Иваново священническое мѣсто, въ чемъ де мнѣ было отказываемо по неудоствѣрительному будто испытанію плодовъ раскаянія моего, но и за симъ еще нынѣ въ четвертый разъ прошу о томъ же съ нетерпѣніемъ и нежеланіемъ будто быть пречетникомъ болѣе, чѣмъ оказываю будто явное ослушаніе и неповиновеніе начальству своему, то для вразумленія и наученія меня повиноваться своему начальству отослать въ Козельскую Оптину пустынь къ игумену Аврамію на двѣ недѣли при указѣ съ предписаніемъ, по выжитіи прописаннаго срока, возвратить меня въ Консисторію съ донесеніемъ, каково я себя велѣ, и потомъ обязавъ меня строжайшею подпискою въ повиновеніи начальству своему, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ поступленія со мною по всей строгости законовъ, отослать меня на прежнее пономарское мѣсто“: а резолюціею на семь опредѣленіи его преосвященства, преосвященнѣйшаго Евгенія, епископа Калужскаго и Боровскаго, сего Марта 3-го числа изволилъ повелѣть отослать меня въ монастырь безрочно: а какъ указомъ Святѣйшаго Синода было 1803 года Ноября 19 велѣно отослать меня въ монастырь на годъ, я же находился въ ономъ полтора года, а по выжитіи сего гермина, по резолюціи преосвященнѣйшаго Θεофилакта, бываго епи-

епископа Калужскаго и Боровскаго и кавалера. опредѣленъ въ село Вешняково на пономарскую вакансію съ запрещеніемъ священнослуженія, гдѣ и понынѣ нахожусь, чему протекаетъ одиннадцатый годъ. доходя во оной должности до крайняго изнеможенія; слѣдовательно, я уже за свою погрѣшность получилъ два наказанія, поелику жъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19-го Ноября 1810 года велѣно „оставить меня въ томъ же положеніи, въ какомъ я теперь нахожусь“, то есть на пономарскомъ мѣстѣ до дальнѣйшаго обо мнѣ разсмотрѣнія. о чемъ къ Благочинному Казанскому протоіерею Іоанну посланъ указъ. отъ котораго, какъ выше значить, рапортами одобренъ тѣмъ, что имъ во мнѣ противъ церкви святой заблужденія также и никакихъ дурныхъ поступковъ не замѣчено. веду же себя честно, трезвенно и во всемъ сообразно своему званію и состоянію очень хорошаго, слѣдовательно и имъ усмотрѣнъ къ священнодѣйствію несомнительнымъ и повелѣніемъ прописаннымъ указомъ Святѣйшаго Синода я выполнилъ, а посему и осмѣлился утруждать его преосвященство о разрѣшеніи меня въ священнодѣйствіи и опредѣленіи на прежнее въ село Князь-Иваново священническое мѣсто. но Консистоіею того одобренія меня Благочиннымъ Казанскимъ протоіереемъ Іоанномъ не принято, а мнѣ причтено за ослушаніе и неповиновеніе начальству своему, чего я вовсе не мыслилъ и мыслить не смѣю, но только просилъ одного. какъ начальства своего, себѣ прощенія и помилованія опредѣленіемъ на прежнее мѣсто, но сего не получалъ, а еще, какъ выше значить, долженъ по опредѣленію оной Консистоіи находиться подъ наказаніемъ въ Оптиной пустыни, потомъ находится паки на пономарскомъ мѣстѣ. какъ видно, до конца жизни моей, почему всеподданнѣйше прошу

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе. чрезъ почту посланное, въ Святѣйшемъ Синодѣ принять и меня, заблудшую овцу, покающуюся въ вышепоказанной погрѣшности, и яко блуднаго сына, простить и одѣть въ прежнюю одежду, поелику я съ пятидушнымъ семействомъ пришелъ въ великое разореніе и нищету. а опредѣленіе духовной Консистоіи, послѣдовавшую на оное отъ его преосвященства. преосвященнѣйшаго Евгенія, епископа Калужскаго и Боровскаго и кавалера. резолюцію по вышеописаннымъ обстоятельствамъ и по засвидѣтельствованнымъ отъ Благочиннаго Казанскаго протоіерея Іоанна одобрительнымъ обо мнѣ донесеніямъ отставить, а меня повелѣть опредѣлить въ какое ни есть село на священническое мѣсто и имѣть мнѣ священнодѣйствіе или соблаговолить, кому слѣдуетъ. приказать дать мнѣ на отбытіе изъ теперешняго мѣста моего жительства въ столичный городъ Санкт-Петербургъ. для личнаго предстанія предъ Правительствующимъ Сино-

домъ на усмотрѣніе и испытаніе давно уже исправившимся въ моемъ поведеніи, паспортъ, и о томъ учинить Вашего Императорскаго Величества резолюцію.

Всемплостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1814 года. Къ подаванію надлежитъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Прошеніе сіе набѣло переписывалъ съ сочиненія писателя Иванова канцеляристъ Александръ Алексѣевъ сынъ Серебряковъ.

По статьямъ прошенія собственноручная подпись просителя: „Къ сему прошенію запрещенный священникъ Константинъ Ивановъ руку приложилъ“.

*Опредѣленіе Св. Синода по содержанію прошенія священника Иванова:
л. 149—151.*

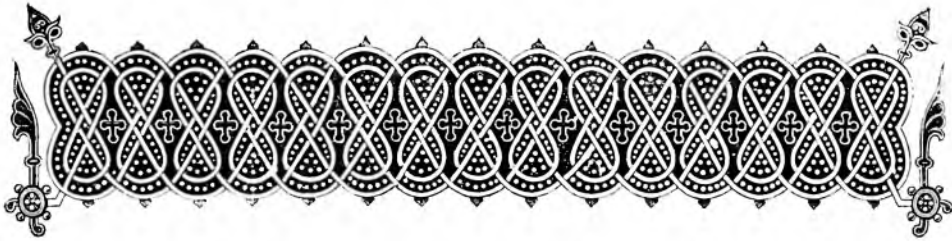
Преосвященному Евгению, епископу Калужскому, предписать указомъ, дабы означенный священникъ Ивановъ оставался въ причетнической должности подъ надзоромъ до достовѣрнѣйшаго усмотрѣнія въ немъ совершеннаго въ заблужденіи раскаянія, которое должно быть засвидѣтельствовано и плодами его жизни и личнымъ пастырскимъ отъ самого преосвященнаго испытаніемъ съ тѣмъ, чтобы преосвященный впоследствии донесъ объ немъ, Ивановъ, Святѣйшему Синоду съ своимъ мнѣніемъ. За немнѣніемъ здѣсь просителя и нечаею ни отъ кого гербовой бумагой, исполненіе по сему опредѣленію учинить на простой, а изысканіе съ него за гербовую, за сколько причтется листовъ, по указной цѣнѣ денегъ и печатныхъ пошлинъ и отсылку оныхъ куда слѣдуетъ по законамъ, предоставить Калужской Конспекторіи¹⁾.

Подлинное подписано Іюля 6-го дня 1814 года.

Н. Г. Высоцкій.

¹⁾ Злополучный о. Константинъ Ивановъ не выдержалъ назначеннаго начальствомъ испытанія и въ концѣ концовъ бѣжалъ къ сектантамъ. (См. *Калуж. Еп. Вѣд.* 1871 г., № 2.)

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

I

Первый клубъ въ Россіи.

Недавно въ нашей печати поднялся вопросъ о началѣ клубовъ въ Россіи. Одни изъ изслѣдователей, не зная архивныхъ документовъ, указывали на эпоху „великой французской революціи“, яко-бы развившей первые клубы и у насъ на родинѣ: другіе же изыскатели полагали, что „старѣйшимъ общественнымъ собраніемъ“ должно считать „Англійскій клубъ въ Москвѣ, учрежденный въ 1782 году“ (см. *Новое Время* 1914 г., № 13770).

Между тѣмъ есть одно любопытное современное свидѣтельство, которое точно устанавливаетъ годъ открытія перваго клуба въ Россіи. Оно принадлежитъ графу Владиміру Григорьевичу Орлову, который 27 Января 1769 года пишетъ слѣдующее изъ Петербурга своимъ братьямъ Алексѣю и Теодору Григорьевичамъ: „Новый родъ собранія называется клубъ. похожъ на кофе-гаусъ. уже болѣе 130 человекъ вписались: платитъ каждый по 30 рублей въ годъ: всякаго сорта люди есть въ немъ: большіе господа всѣ почти, средніе, ученые, художники и купцы. Можно въ оное ѣхать во всякое время, по-утру и послѣ обѣда“ (*Русскій Архивъ* 1908г., кн. 8, стр. 436).

Такимъ образомъ первымъ въ Россіи былъ открытъ клубъ въ Петербургѣ и—притомъ—еще въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія.

М. Б.

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКОГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

V.

L'heure approche où je vais mourir,
L'heure approche et la mort m'appelle.

Romanie de Mont-jourdain.

Въ Чечнѣ, деревни выдали русскихъ плѣнныхъ, представители аманатовъ заплатили подати и штрафы за участіе въ послѣднемъ мятежѣ, однимъ словомъ—покорились, слѣдственно, главному отряду тамъ дѣлать уже было нечего, онъ переступилъ въ сѣверный Дагестанъ. Депутаты богатыхъ Салатовцевъ (горныхъ дворянъ) встрѣчали Сардаря съ покорностію: главное ихъ селеніе, надменный и богатый Чиркей, ключъ горной торговли и промышленности, выслалъ къ отряду своего кадія и старѣйшину съ явствами и садовыми плодами. Замѣчательнѣйшій изъ ихъ представителей по уму, хитрости, богатству своему и многочисленности семейства, стало быть, и силѣ, былъ Джемаль-Мирзинъ. Любопытно было видѣть важность и торжественные виды этихъ депутатовъ вольныхъ деревень, съ бородами выкрашенными оранжевою краскою. За всѣхъ говорилъ съ азіятскою напыщенностію, съ краснорѣчіемъ, наполненнымъ аллегорій—Джемаль Мирзинъ, человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, высокій и голый мужчина, принимавшій прежде и послѣ этого живое участіе въ дѣлахъ Сѣвернаго Дагестана. Онъ постоянно держался одной системы—сохранять въ то же время вліяніе свое на единоземцевъ и получать денежныя награды съ Русскихъ, которые не скоро постигли этого типа кавказскихъ племенъ, и долго принимали его притворство за чистосердіе. На всѣ требованія русскаго начальства, старѣйшины отвѣчали, что сами собою ничего не могутъ

рѣшить. а передадутъ волю русскаго правительства своимъ обществамъ. Послѣ чего они собирали народъ и получивъ полномочіе принять всѣ условія Русскихъ, возвратились къ Сардарю, были имъ обласканы и щедро награждены; однако это не убѣдило ихъ покинуть обыкновеннаго мужества. До самой смерти Имана, не зная, какой оборотъ примутъ воинскія дѣла, они старались разными ложными увѣреніями поддерживать благосклонность Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали тайныя дружелюбныя сношенія съ мюридами. чтобы имѣть возможность сблизиться съ побѣдителемъ, кто бы онъ ни былъ. Впрочемъ такому двуличію служили нѣкоторымъ извиненіемъ самыя учрежденія ихъ обществъ, ибо посреди этихъ горныхъ племенъ политическая неограниченная власть ни на комъ не сосредоточивается; племена: Салатовское, Гумбетовское, Койсубулинское и Андійское не имѣютъ надъ собою владѣтельныхъ князей, а управляются избираемыми кадіями; слѣдственно временные правители должны быть всегда готовы отдать отчетъ народу въ своихъ поступкахъ.

Кадій дѣлаетъ судъ и расправу въ своемъ селеніи, разбираетъ тяжбы, опредѣляетъ наказанія по шеріату (закону, извлеченному изъ корана.) Всѣ повинуются ему безусловно, покуда судъ его признаетъ правильнымъ и согласенъ съ господствующимъ духомъ общества: но при малѣйшемъ отступленіи, народъ собирается и большинствомъ голосовъ кадія отрѣшаютъ, отнявъ у него трость—признакъ власти, которую передаютъ другому съ общаго согласія. Требования же какъ сосѣдственныхъ племенъ, такъ и русскаго правительства, онъ не имѣетъ права исполнить безъ предварительнаго согласія народа, который онъ въ такихъ случаяхъ сзываетъ посредствомъ двухъ или трехъ, такъ называемыхъ казаковъ, людей нанятыхъ деревнею для разсылокъ по дѣламъ общественнымъ. Званіе кадія не наследственно: горцы до того привязаны къ своей свободѣ, что при выборѣ на это достоинство, они избѣгаютъ членовъ сильныхъ и многочисленныхъ семействъ, опасаясь облечь властію человекъ, у котораго послѣ затруднительно будетъ отнять ее. Кадій, однако, всегда ищетъ дружбы старшихъ членовъ уважаемыхъ семействъ, потому что ихъ вліяніе можетъ его поддержать. Случается, что онъ выбирается изъ сосѣдственной деревни и никто не отказывается отъ этого почетнаго званія. Въ послѣднее время Иманы старались ставить на эти мѣста своихъ приверженцевъ въ тѣ селенія, въ которыхъ имѣли стяжаніе, но ихъ усилія рѣдко вѣнчались успѣхомъ, а потому Иманы начали убѣжденіемъ и разными хитростями привлекать на свою сторону поставленныхъ обществами кадіевъ—это почти всегда имъ удавалось. Оно было очень важно для ускоренія мю-

ридсва. потому что кадю, сверхъ временной власти, присвоено управленіе школою селенія, стало быть, онъ имѣть сильное вліяніе на умы юношества. Горецъ же, умѣющій читать и писать, всегда пользуется полнымъ довѣріемъ соотчичей, толкуя по своему коранъ, который читаетъ народу.

Неприкосновенность кадія священна, покуда онъ облеченъ властію. Газы-Мулла, поправъ ее въ минуту отчаянія, удалилъ отъ себя многихъ приверженцевъ. Когда горныя племена отлагались отъ него, убѣжденные силою русскаго оружія, онъ возвратился въ Гимры— послѣднее убѣжище утраченной власти; къ нему явилось много старѣйшинъ изъ дальнихъ горныхъ обществъ предложить помощь своихъ земляковъ, надѣясь на недоступность ихъ жилищъ. Между тѣмъ Гимрійскій кадій, Дагутуль-Магома, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ и не надѣясь отстоять свое селеніе, предложилъ народу, на сходѣ, покориться и выгнать Мюридовъ. Газы-Мулла, понявъ все отчаяніе такого мгновенія, обличаетъ кадія въ измѣнѣ, доказываетъ что онъ муртатъ, открываетъ коранъ, подводитъ смертный приговоръ за такое преступленіе и велитъ снять голову Дагутуль-Магомѣ. Казнь немедленно выполняется тѣлохранителями Имана, набранными изъ русскихъ бѣглецовъ, съ убѣжденіемъ, что крайность и личныя выгоды вынудятъ ихъ оставаться ему неизмѣнно вѣрными. Они-то содержатъ карауль Имана и служатъ палачами, исполняющими его приговоры. Ревностные мюриды и вообще гимрійцы, привыкшіе передъ властію Газы-Муллы, нашли его рѣшеніе справедливымъ; но гости старѣйшины безмолвно оставили мѣсто, сдѣлавшееся лобнымъ, и возвратились въ свои селенія съ твердымъ намѣреніемъ не подавать помощи самовластному извергу, поправшему власть, освященную вѣками посреди вольныхъ племенъ!

Покаместъ это происходило въ Гимрахъ, русское войско приблизилось къ селенію, преступая въ первый разъ за предѣлы Дагестанскихъ горъ. Каждый помышлялъ про себя объ опасности такого предпріятія, однако, довѣріе къ Алексѣю Александровичу Вельяминову, начальствовавшему надъ отрядомъ, успокоивало всѣ сомнѣнія. Всякую пядь земли, по которой спускались, надо было разрабатывать, прокладывая тропы въ самыхъ скалахъ, хоть для горной артиллеріи, взрывая ихъ порохомъ. Наконецъ послѣ трудовъ, равняющихся съ усиліями войскъ Аннибала, которые прокладывали себѣ путь чрезъ Альпы, отрядъ достигъ, по извиистой дорогѣ, до ключа, лежавшаго на полдорогѣ отъ подошвы горы. Но что значатъ эти труды въ сравненіи съ тѣми, которые ожидали войска въ слѣдующіе годы, по мѣрѣ того, какъ они

проникали далѣе въ эту горную страну?—Отъ ключа спускъ становился сноснѣе, грунтъ земли удобнѣе, а дорога дѣлалась широка. У самой подошвы горы, между двумя исполинскими скалами, упирающимися въ подоблачную страну, виднѣлось узкое ущелье, ведущее къ Гимрамъ. Входъ въ ущелье былъ защищенъ высокою, толстою каменною стѣной, въ которой пестрѣло множество ружейныхъ бойницъ, за первую стѣной, въ нѣкоторомъ разстояніи находилась другая еще крѣпче съ башнями: далѣе, третья превосходила крѣпостію обороны двѣ предыдущія; наконецъ лежали и Гимры—богатое селеніе, въ то время еще дѣвственное отъ русскихъ отрядовъ; за селеніемъ, по берегу аварскаго Койсу, стались роскошныя Гимрійскіе сады, славящіеся своими плодами.

Войско остановилось у ключа на ночлегъ: разставили цѣпь и секреты; назначили резервы въ случаѣ ночного нападенія: огней нигдѣ не было, потому что въ этомъ горномъ краю лѣсовъ уже нѣтъ. Изнуренные солдаты и офицеры, изгрызли свои сухари, ложились отдыхать тамъ, гдѣ стояли, и скоро засыпали сномъ безпечныхъ кавказскихъ воиновъ: многіе отдыхали въ послѣдній разъ! Все предвѣщало страшное кровопролитіе: орлы слетались со всѣхъ сторонъ: чекалки, чую близкую битву, сбѣгались стадами, нагло подходили къ цѣпнымъ часовымъ и оглашали воздухъ зловѣщимъ воемъ. Изрѣдка слышались въ цѣпи ружейные выстрѣлы для того только, чтобы удалить хищныхъ звѣрей; а сигналы и оклики часовыхъ свидѣтельствовали, что охранная стража бдительно стережетъ отдыхающихъ.

Гимрійцы, отправивъ семейства со всѣмъ имуществомъ за аварскій Кой-су, котораго бѣшенныя воды ручались за непроходимость, какъ скоро мостъ сломается—искали во снѣ и отдыхъ, новыхъ силъ для предстоявшаго боя. Ужасный бой для Гимрійцевъ! Имъ должна была рѣшиться ихъ участь, онъ грозилъ ихъ собственности, наслѣдію дѣтей, основанію мюрідства, стоившаго имъ уже столькихъ жертвъ и утратъ: онъ долженъ былъ лишить ихъ, быть можетъ, самобытности, независимости, столь драгоцѣнныхъ для горцевъ!

Всѣ спать, одинъ Газы-Мулла сидитъ передъ костромъ въ башнѣ ближайшей стѣны къ селенію: на колѣняхъ у него развернуть Коранъ: онъ то благочестиво читаетъ въ немъ, то творить съ благоговѣніемъ молитву, перебирая свои четки¹⁾: ничего земнаго, суетнаго, гордаго

¹⁾ Перебирать четки есть общее обыкновеніе всѣхъ благочестивыхъ мусульманъ на Кавказѣ.

не тревожить его мыслей: онъ знаетъ, онъ убѣждается, что пережилъ свое счастье: онъ покинуть всеми племенами: одни лишь Гимрійцы и горсть ревностныхъ мюридовъ еще борятся за введенный имъ расколь: но при первой удачѣ русскаго войска, и этотъ послѣдній останокъ его власти разсыпется въ прахъ, и послѣдніе вѣрные его послѣдователи покинуть своего Имана—таковъ уже характеръ горныхъ кавказскихъ племень! На счетъ жены и сокровищъ своихъ онъ спокоенъ—они въ Игалахъ, неприступномъ селеніи, далеко въ горахъ, у искренняго его друга и зятя по первой женѣ, Эракли-Магомы, эфендіа балаганскаго, человека ученаго, благочестиваго и сильнаго. Иманъ устроилъ все земное и теперь предпочитаетъ смерть униженію неудачи. Онъ рѣшился умереть на Гимрійскихъ завалахъ и готовится къ этой торжественной минутѣ. Кара-Иса вошелъ къ нему и объявляетъ, что полуночные пѣтухи поютъ въ деревнѣ: Иманъ слушаетъ и убѣждается, что роковой день для него наступилъ: онъ одобряетъ вѣрнаго слугу, который не проспалъ нужнаго мгновенія, и посылаетъ за Гамзатъ-Искендеромъ и племянникомъ своимъ Шамилемъ.

Вскорѣ пришелъ къ нему стройный, смуглый горецъ, лѣтъ около сорока, величавой и благородной осанки: въ звѣскомъ взглядѣ его изображалась кровожадная душа, которой людскія влеченія ничто не остановитъ: большіе черные глаза подъ нахмуренными густыми черными бровями, сверкали предприимчивостію и наглою храбростію—то былъ Гамзатъ. За нимъ вошелъ Шамиль, высокій и красивый мужчина, съ пріятнымъ лицомъ, обложеннымъ небольшою остроконечною бѣлокурою бородой: его наружность изобличала смиреніе, добродушіе, застѣнчивость и глубокій умъ. Оба были въ полномъ вооруженіи, съ бѣлыми чалмами, знаками мюридства, обернутыми вокругъ мѣха ихъ черкесскихъ шапокъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, Газы-Мулла сказалъ имъ: „Мюриды! я васъ призвалъ, чтобы объявить Волю Аллаха—да будетъ она свята! Нынѣ послѣдній день жизни моей. Азраилъ¹⁾ посетилъ меня. Тебя, Гамзатъ, Аллахъ назначаетъ моимъ преемникомъ: нынѣшній же день ты примешь названіе Муршата, Имана. Когда тебя не станетъ, Шамиль тебѣ наследуетъ. Вы оба изберете двухъ наследниковъ Шамилю: по моему шеріату каждый Иманъ долженъ при жизни назначить себѣ отъ двухъ до трехъ преемниковъ, чтобы въ случаѣ смерти одного, другой его тотчасъ замѣнялъ. Послѣ ирты-назама, я объявляю эту волю Аллаха всемъ Мюридамъ. Теперь, Гамзатъ-Искендеръ Хусохскій, слушай, что я тебѣ завѣщаю: покинь

1) *Азраилъ*—ангелъ смерти.

области, смежныя съ Русскими, дѣйствуй на нихъ лишь убѣжденіями и письмами—тамъ борьба не равна: мирюды слишкомъ еще малочисленны и слабы, чтобы бороться съ сильнымъ врагомъ. Но обрати коззаветь на жителей внутреннихъ горныхъ областей, гдѣ неприступность вертеповъ оградить тебя отъ преслѣдованій гяуровъ. Обращай ихъ силою убѣжденія и меча къ таригату, шеріату и мюридству: обличай владѣтелей передъ народомъ въ отступничество и развратъ: отвори передъ нимъ пьянство Сулиманъ Мирзы Суйнаккаго, Сурха-Хана, ченки Аварскаго и прочихъ: объяви народу, что все правовѣрные равны передъ Аллахомъ, что десятину платить не слѣдуетъ никому: казни, истребляй, разорай вѣроотступниковъ, предоставляй ихъ имущества мюридамъ: твоимъ мудрымъ совѣтникомъ будетъ Шамиль: обрати все усилія на Аваріюда, пусть будетъ истребленъ домъ Аварскихъ Хановъ! Они все муршаты, сообщники гяуровъ! Когда ты это исполнишь и войдешь побѣдителемъ въ Хунзакъ, тогда ты примешь названіе *Иманъ Азама* (намѣстника Пророка). Но повторяю, покуда ты не покоришь своему ученію горныя общества и ими не усилишься, не помышляй о русскихъ областяхъ: кинь набѣги въ эти страны: ты долженъ выполнить мое завѣщаніе для собственнаго величія, для пользы нашего ученія, для славы Аллаха; поклянись мнѣ въ томъ на этомъ Коранѣ.“

Гамзатъ далъ клятву.

„Теперь иди. Гамзатъ!“ продолжалъ Газы-Мулла: „осмотри часовыхъ на завалахъ и узнай, не слышно ли чего въ русскомъ станѣ?“

Когда Иманъ остался наединѣ съ Шамилемъ, краткое молчаніе воцарилось между ими: потомъ Газы-Мулла, какъ будто собравъ свои мысли, началъ говорить голосомъ тихимъ, полнымъ грусти, обдумывая слова: „Сегодня я погибну... прощай, Шамиль... Гамзата ждутъ завоеванія; тебѣ онъ оставитъ несравненно болѣе учениковъ, чѣмъ самъ получаетъ: мюридство сдѣлается тогда извѣстнѣе и уже пустить корни. Ты призванъ къ труднѣйшей обязанности: тебѣ предстоитъ управлять народами, учреждать новый порядокъ, хотя владычество двухъ Имановъ приучитъ уже племена покоряться ихъ власти: но горцы своевольны и не легко обуздываемы, они гордятся своей свободой. Порабощеніемъ вѣрѣ ты долженъ приучить ихъ къ безусловному повиновенію: суди и наказывай ихъ проступки по шеріату: ¹⁾

¹⁾ Коранъ заключаетъ въ себѣ Священное писаніе, законы церковные и общественные: эти послѣдніе мусульмане называютъ шеріатомъ. Въ магометанской религіи есть много толкованій этого шеріата: нынѣ самый уважаемый Дагестанцами шеріатъ истолкованъ и изданъ Газы-Муллою.

это единственные средства покорить ихъ твоей державѣ. Казни именемъ Корана и лишь тогда, когда поработишь ихъ вѣрѣ, начни покорять земной власти Имановъ, но для успѣха необходимо разжигать въ нихъ фанатизмъ и не давать охлаждаться религіозному чувству. Управляя многочисленными племенами, ты долженъ будешь въ то же время вести и коззаветъ съ Русскими, но это будетъ довольно легко: опытъ въ военныхъ дѣлахъ тебя научить; притомъ ты будешь имѣть возможность собирать полчища; удачи стануть утѣшать твои народы отъ неудачъ, неизбежныхъ въ войнѣ.—Самое затруднительное для тебя будетъ выборъ лицъ, посредствомъ которыхъ должно управлять племенами, содѣлавшимися слишкомъ уже многочисленными, чтобы ты могъ одинъ ими править. Выборъ этихъ Наибовъ чрезвычайно труденъ: личныя достоинства каждаго должны быть строго разсмотрѣны и оцѣнены. Съ одной стороны, ты долженъ безпрестанно остерегаться, чтобы кто нибудь изъ нихъ не похитилъ твоей власти и удаливъ тебя, не сдѣлался повелителемъ твоихъ послушниковъ: съ другой—тебѣ предстоитъ вѣчная борьба съ ними, чтобы отыскивать и покровительствовать способнымъ людямъ, которыхъ личная выгода Наибовъ будетъ истреблять, чернить передъ тобою, однимъ словомъ—затирать для того, чтобы ты, будучи недоволенъ своими правителями и не имѣя къ нимъ смѣнить, терпѣлъ ихъ изъ крайности на своихъ мѣстахъ. Наибы стануть служить тебѣ честно и съ пользою твоему дѣлу только въ такомъ случаѣ, когда ты будешь имѣть въ виду по нѣскольку человѣкъ, чтобы ихъ замѣнить; иначе не ожидай отъ нихъ ничего: они стануть служить не тебѣ, а соблюдать лишь твои собственные виды и при первомъ удобномъ случаѣ тебѣ измѣнять, при первой неудачѣ твоей обратятся противъ тебя—таковы всѣ люди, льстецы счастья, непримиримые враги въ бѣдствіи! Уклоняйся отъ мести—это гнусное чувство слабыхъ; въ сильныхъ же, оно есть доказательство низости душевной, и внушаетъ презрѣніе, ненависть въ современникахъ, а въ потомствѣ служитъ позоромъ. Могучій караетъ, казнить,—и всѣ благоговѣють передъ его приговорами; но казнь совершилась, и все кончено, все забыто, жертвы болѣе не преслѣдуй, иначе ты самъ ее возвышаешь во мнѣніи народномъ. Чѣмъ могучѣе гонитель, тѣмъ благороднѣе, тѣмъ священнѣе дѣлается его жертва передъ людьми. Но полное забвеніе послѣ кары содѣлываетъ сильнаго еще сильнѣе любовью и благоговѣніемъ къ нему повинующихся, онъ великъ и въ потомствѣ. Одни слабые, безпріютные ищутъ въ мести защиты отъ притѣсненій и оскорбленій себѣ подобныхъ—это единственное ихъ орудіе. Одинокій, простой чеченецъ—ревностный блюститель канлы, ищетъ жертву кровомщенія по отдаленнымъ тропамъ, въ дремучихъ

льсахъ; но владѣтель Тарковской повелѣваетъ убить виновнаго и приговоръ его немедленно выполняется передъ благоговѣющимъ народомъ. Не будь злопамятенъ, мстителемъ,—и ты будешь любимъ, почитаемъ какъ сильный и могучій Иманъ, а потомство будетъ благоговѣть предъ именемъ твоимъ. Лесть—обманъ, правда—груба: твой льстецъ тебя презираетъ въ душѣ, но ищетъ въ тебѣ, стало быть, ты ему нуженъ: видъ лести вселяетъ въ толпѣ уваженіе къ окруженному льстецами. Правда тебя обвиняетъ, спорить съ тобою. Кто говоритъ правду, тотъ тебѣ преданъ, но не боится тебя, ты надъ нимъ не имѣешь власти, если же онъ станетъ говорить суровую правду и на сонмищахъ, это умаляетъ къ тебѣ народное уваженіе: между тѣмъ правда необходима. Поощряй лесть: но презирай льстецовъ, ни въ чемъ не довѣрайся имъ, но берегись и оскорблять. Мужей правды держи далеко отъ себя, приучай ихъ говорить истину не по собственному влеченію, но по твоему требованію, почитай ихъ и имѣй къ нимъ слѣпое довѣреніе, ибо они люди чести. Ласкай и привязывай къ себѣ любимыхъ твоими обществами, покуда они тебѣ преданы: но, коль скоро ты убѣдишься, что они не доброжелательствуютъ твоему дѣлу, свергай ихъ однимъ мгновеніемъ, внезапно,—и тогда удивленный народъ, безъ своего любимца, будетъ еще пуще благоговѣть передъ властію твоей. Суди го шеріату и судъ твой будетъ справедливъ. Да внушаетъ, хранить и крѣпить тебя Аллахъ! Помни мое завѣщаніе, будь вѣренъ и покоренъ Гамзату. Теперь, ступай Шамилъ, къ Ирты-намазу, собери народъ въ мечети, я же отдохну, чтобы предстать передъ нимъ бодрствующимъ и не имѣть разстроеннаго вида отъ безсонной ночи. Я объявлю народу, что сегодня умираю, что Гамзатъ мой преемникъ, а ты будешь его наследникомъ. Никто не долженъ видѣть во мнѣ ничего другаго, кромѣ непоколебимаго спокойствія: иначе скажутъ, что Иманъ страшится предстать передъ судомъ Аллаха—да будетъ свято Имя Его!—что Муршатъ боится правосудія Всевѣдущаго и Премудраго,—подобные толки могутъ поколебать ихъ вѣру въ наше ученіе.“

Въ русскомъ лагерѣ, покуда войска отдыхали, начальники были заняты распросами у лазутчиковъ, прибывавшихъ съ извѣстіями отъ всюду изъ за Аварскаго Кой-су. Все единогласно утверждали, что защитники Гимръ хотятъ драться до послѣдней крайности, что Газы-Мулла съ своими мюридами находится въ Гимрахъ и повлялся на Коранъ живымъ не покидать завалы. Никто не показывался до этого времени, чтобы сохранить силы и порохъ для рѣшительнаго боя: горныя общества ожидали Гимрійскаго штурма, чтобы покориться побѣдителю. Когда распросы эти кончались, тогда призывали проводни-

ковъ, отъ которыхъ требовали самыхъ подробныхъ поясненій мѣстности и вѣхъ, незамѣтныхъ даже тропъ. Послѣ всего приступили къ распредѣленію порядка въ войскахъ для приступа.

Начало разсвѣтать. Густой туманъ покрывалъ весь лагерь, который оставался на прежнемъ мѣстѣ; русскіе солдаты вставали, умывались и обратясь къ востоку, творили благочестивую молитву: потомъ вытирали и осматривали ружья. Частныхъ начальниковъ призвали къ генералу Вельяминову: онъ отдалъ каждому изъ нихъ ясно и подробно приказаніе, что дѣлать и куда идти.

Съ разсвѣтомъ Газы-Мулла идетъ въ мечеть, гдѣ послѣ ирты-намаза входитъ на амвонъ и въ краткой рѣчи объявляетъ о близкой своей кончинѣ, о назначеніи Гамзата его преемникомъ, которому долженъ будетъ наследовать Шамиль и требуетъ отъ народа общаго не отступать отъ шеріата. Короткая и сильная рѣчь Имана воспламеняетъ духъ слушателей. Они постигли всю торжественность предстоящаго дня и не страшатся его; вѣра въ Предопредѣленіе лишь поощряетъ въ нихъ мужество и разжигаетъ воинское рвеніе. Иманъ кончаетъ рѣчь словами: „Гамзатъ! веди своихъ въ передовой заваль: Шамиль съ неотлучными мной мюридами будетъ въ среднемъ при мнѣ; и вы, гимрійцы, защищайте третій!“ Потомъ назначаетъ кому съ кѣмъ идти на утесы, обрамляющіе ущелье: приказываетъ не терять выстрѣловъ и не жертвовать собою понапрасну; за каждымъ заваломъ повелѣваетъ мулламъ читать молитвы, а когда начнется бигва, тогда, чтобы громкіе ихъ напѣвы стиховъ изъ Премудрой книги раздавались по заваламъ и напоминали защитникамъ о коззаветѣ, за который они сражаются, о вѣчномъ блаженствѣ, ожидающемъ храбрыхъ, объ адѣ и позорѣ грозящимъ трусамъ. Отданныя приказанія немедленно исполняются.

Русскіе воины стояли между тѣмъ въ рядахъ вольно и безопасно опершись на свои штыки: впереди батальоновъ собравшіеся въ кучки офицеры разговаривали между собой о предстоявшемъ сраженіи: иные, менѣе опытные, предполагали, что непріятель покинулъ деревню и завалы: старые офицеры оспаривали это мнѣніе, утверждая, что враги не показываются потому, что намѣрены защищаться отчаянно. Два молодые прапорщика—одинъ, пріятель адъютанта походнаго штаба, другой—другъ переводчика, разсказывали словоохотно вѣсти, пойманные ими на лету и старались убѣдить въ нихъ молодежь. Передъ этою группой, стояла немного далѣе другая—это были начальники

колоннъ, которые, пользуясь отсрочкой боя, совѣщались между собой о лучшемъ образѣ исполнить полученныя ими повелѣнія.

Наконецъ туманъ упалъ и солнце ясное проглянуло. Русскія колонны двинулись, и обреченные на смерть весело пошли впередъ подъ боевую музыку. Непрiятель все не показывался за завалами, покуда батальоны не подошли близко: но тутъ залпъ вражескихъ ружей повергъ многихъ на землю—упали кавказскіе солдаты безъ стона, не измѣняя своего вида! За ружейнымъ залпомъ услышались священныя пѣсни муллъ и защитники Правовѣрія показали надъ стѣной свои головы, обернутыя бѣлыми чалмами. Батальоны приостановились, отступили нѣсколько шаговъ. „Впередь!“—закричали повелительные голоса батальонныхъ командировъ и колонна пошла. „Ружье на перевѣсъ, ура!“—скомандовалъ опытный старый кавказецъ, колонный начальникъ, поймавшій то самое мгновеніе, когда войско готово лишь взять свой побѣдоносный полетъ, либо опять отступить—и тогда уже не скоро можно его двинуть впередъ: таковъ нравственный духъ этого тѣла, называемаго колонною. Барабаны всюду забили колонный маршъ и побѣдоносное войско, среди потоковъ крови, стало на первую стѣну. Все умолкло; лишь звуки шашекъ ударявшихся о штыки извѣщали о рукопашномъ истребленіи. Второй заваль защищался еще мужественнѣе: туда присоединился Гамзатъ съ уцѣлѣвшими защитниками перваго, но и тутъ русскіе штыки восторжествовали. Въ роковую минуту, когда первые гренадеры вскочили на заваль. Газы-Мулла вскричалъ: „Гамзатъ, Шамиль, спасайтесь! во имя Правовѣрія, для спасенія мюрдства!“ Первый исполнилъ это невредимо, второй, отступая, получилъ три глубокія раны штыкомъ въ ногу: но судьба, которая имѣла свои виды въ грядущемъ, спасла его—онъ скрылся. Наконецъ третій заваль и самыя Гимры были заняты, когда вдругъ, неожиданно, бой отчаянный возобновился въ среднемъ завалѣ. Нѣсколько оставшихъ солдатъ, шныряя всюду въ надеждѣ на какую либо добычу, сунулись было въ башню; но тамъ сидѣли семь духовныхъ мужей и въ полголоса пѣли отходныя мусульманскія молитвы. Лишь только завидѣли враговъ, они кинулись на нихъ; магометане вытѣснили христіанъ изъ башни и въ самозабвенномъ бѣшенствѣ выбѣжали за нпми; къ солдатамъ присоединились товарищи; послѣ упорнаго и неравнаго боя правовѣрные погибли, отдавъ дорого, очень дорого свою жизнь.

Наконецъ непріятельскія дѣйствія прекратились; батальоны побѣдителей отдыхали въ прекрасныхъ Гимрійскихъ садахъ, убирали своихъ раненыхъ, хоронили убитыхъ. Старшины со всѣхъ концовъ нагорнаго Дагестана спѣшили поздравить съ побѣдою, только что при-

ѣхавшаго въ Гимры Сардаря и принесли ему безусловную покорность своихъ обществъ. Лазутчики, разосланные по полумирной, полувраждебной странѣ, чтобы собрать свѣдѣнія объ Иманѣ и его скопищѣ, возвратились и единогласно рассказывали, что Гамзата и Шамиля раненаго видѣли съ небольшимъ числомъ мюридовъ, ѣхавшихъ по направленію къ Аваріи; объ Иманѣ никто ничего не зналъ, по занятіи Гимръ никто его не видѣлъ. Мирные туземцы, служившіе въ русскомъ отрядѣ и знавшіе Газы-Муллу, были посланы осмотрѣть мусульманскіе трупы. Вскорѣ нѣсколько человекъ возвратились къ Сардару съ торжествующими лицами и поздравили его со смертію Газы-Муллы, который лежалъ убитый съ шестью единовѣрцами посреди русскихъ труповъ у башни втораго завала. Покуда посылали изъ лагеря за тѣломъ Имана, эти мирные разослали гонцовъ въ горныя общества съ письмами слѣдующаго содержанія: „Любезные братья правовѣрные! Спѣшимъ извѣстить васъ, что Иманъ Газы-Мулла погибъ подъ Гимрами. Нѣтъ уже сомнѣнія, что его ученіе было истинное, ибо этотъ праведный мужъ не могъ проповѣдывать лжи и обмана; а что онъ дѣйствительно былъ святой, то доказываетъ его найденный трупъ: правою рукою, благословляеть Бога¹⁾, а указательнымъ пальцемъ лѣвой руки указываетъ на небеса. Кайтесь, правовѣрные, и молитесь Аллаху! Живите по шеріату Газы-Муллы, ибо Аллахъ далъ въ смерти Имана знаменованіе, что онъ былъ истинный Муршатъ и великій праведникъ. Истина бо есть лучше лжи! а онъ былъ наставникъ истины!“ На оборотѣ были приложены внизу печати тѣхъ, которые посылали письма, какъ это всегда водится между мусульманскихъ племенъ.

Въ лагерѣ все смотрѣли на исколотый штыками трупъ Газы-Муллы, котораго руки окостенѣли въ томъ положеніи, какое описывали горцы. Русскіе дивились фанатизму этого замѣчательнаго генія: при послѣднемъ издыханіи его тѣло повиновалось болѣе нравственной силѣ, чѣмъ физическимъ предсмертнымъ страданіямъ; онъ противуестественно не хватался руками за раны, виновныя въ его смерти, а положеніемъ рукъ своихъ свидѣтельствовалъ силу духа и вѣры своей. Старшины горныхъ обществъ съ благоговѣніемъ взирали на этотъ трупъ: тѣ, которые сомнѣвались еще въ истинѣ его ученія, слѣпо ему повѣрили. Возвратясь въ свои селенія, они рассказывали на сонмахъ имъ видѣнное, и старики-семьянины, приходя домой, требовали себѣ бѣлое полотно, которымъ обвязывали шапки въ видѣ чалмы; объявляли

¹⁾ Всею рукою провести отъ лица по бородѣ есть магометанскій благочестивый знакъ, который значить благословлять Бога.

женщинамъ. чтобы онѣ. подѣ опасеніемъ строгаго наказанія отнынѣ не осмѣливались показывать свои лица мужчинамъ, исключая отцовъ. мужей, братьевъ. дядей, а передъ другими закрывались бы чадрами (покрывалами): призывали своихъ сыновей, приказывали имъ надѣть тоже чалмы, жить цѣломудренно и воздержно; выкидывали табакъ и чеснокъ. ломали трубки и запрещали многоженство, которое было противно мюридству, по шеріату Газы-Муллы.

Въ то самое время, когда Русскіе радовались, что пресѣкли въ корнѣ самое враждебное для нихъ ученіе магометанства славнымъ Гимрійскимъ дѣломъ, и предавались обманчивымъ надеждамъ на будущее спокойствіе, тогда кровь Газы-Муллы укореняла въ горныхъ племенахъ введенный и развитый имъ расколъ.

Смотря на трудъ этого генія, сдѣлавшагося еще могучѣе послѣ смерти, чѣмъ при жизни, гордость свойственная человѣку находила поневолѣ краснорѣчивые доводы опровергать истину: что въ природѣ смерть человѣка не важнѣе паденія осенняго листа, смерти эфемернаго насѣкомаго или былъпки, унесенной потокомъ въ глубь морскую: ибо наша гордость, наше самолюбіе страдаютъ отъ убѣжденія, что вся наша суета, завоеванія, великія дѣянія, въ природѣ ничтожнѣе паденія дождя или созданія громовъ. Если углубиться въ этомъ помысленіи и разобрать его, то не глупо ли искать убѣжденія въ вымышленномъ величій нашихъ тлѣнныхъ дѣлъ, когда мы имѣемъ въ себѣ болѣе, чѣмъ вся природа въ совокупности, зародышъ безсмертнаго духа—частицы самаго Бога-Создателя?

VI.

Jéhu, sur les hauts lieux enfin osant offrir
Un téméraire emens que Dieu ne peut souffrir.
N'a pour servir sa cause et venger ses injures.
Ni le coeur assez droit, ni les mains assez pures.

Racine.

Штабъ Газы-Муллы не стало, но смерть перваго Имана упрочила его ученіе! Однако Русскіе, заблужденные обманчивымъ спокойствіемъ въ горахъ и извѣстіемъ, что Гамзатъ и Шамиль находятся въ селеніи Хутохъ, одни безъ мюридовъ, вообразили, что Кавказъ усмиренъ, и войска направились къ своимъ штабъ-квартирамъ. Это спокойствіе продолжалось мѣсяца четыре, покуда природные кавказцы отдыхали отъ минувшихъ кровопролитій, отъ утратъ, причиненныхъ боями, и занимались обезпеченіемъ своей будущности. Между тѣмъ мюриды

стекались мало по малу въ Хутоуъ, Аварскую деревню, гдѣ родился Гамзатъ и которою онъ долженъ былъ владѣть по праву, предоставленному ему завѣщаніемъ Газы-Муллы.

Отецъ новаго Имана былъ владѣтельнымъ бекомъ этой деревни, но въ пылу молодости полюбилъ простую поселянку, отдалъ себя въ полную ея власть и въ послѣдствіи времени женился на ней. Отъ этого брака родился Гамзатъ, который по обычаямъ горцевъ не могъ быть бекомъ, а былъ *Ченка*, слѣдовательно не имѣлъ наследственныхъ правъ своего отца. Само собою разумѣется, что владѣтельный домъ Аварскій стремился поддерживать ленныя обыкновенія своей страны, а потому желалъ бы изгнать Гамзата изъ родимаго селенія, но силою убѣжденія достигнуть цѣли было невозможно, потому что вся деревня наполнена была старыми слугами его отца; притомъ Гамзатъ умѣлъ заслужить общую любовь, посредствомъ родственниковъ матери своей, пользовавшейся большимъ уваженіемъ по уму, и наконецъ тутъ находились товарищи его юношества—его сподвижники въ славномъ набѣгѣ на Кахетію; а пуще всего селеніе было заражено духовнымъ ученіемъ Газы-Муллы. Народъ сравнивалъ строгую жизнь Гамзата съ распутною, безбожною жизнію—прочихъ Дагестанскихъ владѣтелей,—и это увлекало его на сторону ченки. Стало быть Аварскіе властелины не могли удалить изъ Хутона новаго Имана изгнаніемъ: они хорошо знали, что ихъ приказанія будутъ тщетны. Прибѣгнуть къ оружію тоже казалось опасно: во первыхъ ченка не подавалъ къ этому причинъ; во вторыхъ, нельзя было ручаться за успѣхъ: самое мѣстоположеніе селенія благопріятствовало оборонѣ; а жители, вѣроятно, взяли бы сторону своего любимца; притомъ мюриды при первомъ извѣстіи объ опасности грозящей Гамзату, стеклись бы со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь. Всѣ ожидали, чтобы обстоятельства положили развязку этому стеченію противоположныхъ видовъ и стремленій. Система выжидательная, всегда внушенная робостью, не долго продолжалась; но не владѣтели Аварскіе положили ей конецъ. Они проводили дни свои въ Хузакѣ среди нѣги, роскоши и лѣни и тѣмъ заглушали совѣсть, если она была у нихъ, что поставили себя въ столь сомнительное положеніе относительно къ подвластному; но гордость, упрямство и злоба не допускали ихъ исправить свои ошибки и смириться передъ обстоятельствами. Между тѣмъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Хузака, въ деревнѣ Хутохъ, Гамзатъ день и ночь искалъ въ молитвѣ, постѣ и смиреніи убѣжденія и силы, чтобы привлечь къ себѣ народъ. Успѣхи его были быстры. Едва опомнились горныя племена отъ ряда пораженій, встрѣченныхъ ими въ прошлагодней

экспедицій, какъ они стали собираться толпами къ Гамзату, котораго набожность и благочестіе молва всюду разносила. Наконецъ наступилъ день для Гамзата, когда онъ могъ снять личину, имъ дотолѣ носимую. Врагъ всѣхъ обычаевъ и постановленій, провозглашавшихъ его ченкою и отнимавшихъ у него всѣ преимущества отца, онъ ненавидѣлъ также домъ Аварскій, который поддерживалъ эти ленныя учрежденія и старался тайными происками, разглашеніями, толкованіями уронить его во мнѣніи народномъ. Гамзатъ презиралъ семейство Аварскихъ хановъ, у которыхъ не доставало духа, думалъ онъ, дѣйствовать явно и которые, подобно ворами, вели тихомолкомъ, украдкою заговоры противъ него.

Изъ Дагестана и *Тивліи* (горной страны) народъ стекался къ мечети Хутовской деревни. Гамзатъ является къ *азинъ*-намазу (полуденная молитва). Уцѣлѣвшіе мюриды, защитники Гимръ, обнародываютъ завѣщаніе покойнаго учителя и провозглашаютъ Гамзата Иманомъ, наследникомъ Газы-Муллы; народъ вторитъ имъ и пріемлетъ надъ собою властелина. Послѣ этого ченка идетъ на плоскую крышу мечети и, полный благоговѣнія, творитъ молитву; правовѣрные набожно слѣдуютъ его примѣру. Молитва кончена, и Гамзатъ, обратясь къ народу, обличаетъ передъ нимъ владѣтелей Аварскихъ, Тарковскихъ и Казыкумыкскихъ въ порокахъ, развратѣ, богоотступничествѣ; обвиняетъ ихъ въ несправедливомъ сборѣ десятинъ¹⁾ и неправильномъ присвоеніи земель и всѣхъ угодій; говорить, что все принадлежитъ одному Аллаху, ниспосылающему и богатыя жатвы, и урожай, и голодъ, и засухи, что лишь тотъ, кто силенъ даровать или лишать, есть истинный владыка всего; люди же всѣ одинаково рождаются и умираютъ, слѣдовательно всѣ равны передъ Аллахомъ, даровавшимъ книгу премудрости, гдѣ написаны всѣ законы духовные и житейскіе: въ нейто должны правовѣрные почерпать свои правила, ею управляться и ей безъ изъятія повиноваться; потомъ доказываетъ что Дагестанцы вѣроотступники, потому что они допускаютъ Сюнну²⁾, которая, льстя страстямъ и наклонностямъ народа, потворствуетъ порокамъ ихъ владѣтелей, расточающихъ труды подвластныхъ въ распутствѣ. Въ заключеніе всего Гамзатъ объявляетъ что не на гяуровъ поведетъ онъ козавветъ, но на муртатовъ-мусульманъ. Разумѣется, эта рѣчь воспламенила всѣхъ слушателей и скоро разнеслась по горамъ. Дагестанскіе владѣтели затрепетали, а Русскіе узнали тогда только, что борьба еще не кончена.

1) Десятинный сборъ повсюду существуетъ у кавказскихъ магометанъ.

2) *Сюнна*, истолкованіе Корана, считаемое изувѣрами ложнымъ.

Сардаръ требовалъ немедленно отъ владѣтельнаго князя Аваріи и его опекуниши, родной матери, выдачи подвластнаго имъ мятежника. Они тщетно увѣряли, что не могутъ исполнить этого, ибо Гамзатъ совершенно вышелъ изъ ихъ повиновенія; но Сардаръ не внималъ никакимъ отговоркамъ, и лишь подкрѣплялъ свои требованія угрозами. Опекуниша рѣшилась посредствомъ убійства избавиться ченки, грознаго уже по себѣ, но еще опаснѣйшаго по негодованію Сардаря, которое онъ на нее навлекалъ.

Семь человекъ хунзакскихъ жителей отправлены ею въ Хутона къ Аварцу, именемъ Казаневу, тайному приверженцу владѣтельнаго дома; они объявляютъ, что присланы Ханшею убить Имана. Сакля (домъ) Казанева находилась на улицѣ, ведущей отъ Гамзатова дома къ мечети. Заговорщики согласились выстрѣлить въ Имана изъ окна въ то время, когда онъ пойдетъ молиться. Настала Джюон-га; Гамзатъ отправился въ мечеть, сопровождаемый толпою правовѣрныхъ, окруженный своими мюридами, рядомъ съ нимъ несли Коранъ. Въ то время въ домъ Казанева, убійцы осмотрѣли ружья, насыпали на полки свѣжаго пороху и приготовились совершить преступленіе... Но они были кавказцы! Когда нѣтъ серьезныхъ дѣлъ, всякій вздоръ становится важнымъ вопросомъ: между ними возникъ споръ, кому первому стать къ окну и стрѣлять? Каждый требовалъ этого права себѣ, а когда люди заспорятъ; извѣстно, что всякій правъ—права каждого самыя сильныя! Между тѣмъ Гамзатъ, прошедъ невредимо роковую черту, останавливается, говорить, что въ этомъ домѣ сидятъ восемь убійць, которые рѣшились его умертвить и требуютъ, чтобы ихъ вывели. Народъ тотчасъ хлынулъ въ саклю и застаётъ заговорщиковъ съ обнаженными кинжалами: каждый доказывалъ, что ему одному слѣдуетъ право застрѣлить Имана. Ихъ вывели на судъ къ Гамзату; отпереться было невозможно; они громко кляли судьбу, которая не допустила ихъ совершить кровавое предпріятіе.

Иманъ открываетъ Коранъ и читаетъ стихъ, который перетолковываетъ, что Казаревъ долженъ быть преданъ смертной казни. Едва произнесъ, онъ приговоръ какъ двое мюридовъ схватываютъ присужденнаго за руки, а третій pistolетомъ въ упоръ прострѣливаетъ ему сердце, потомъ перерубаетъ кинжаломъ поясицу¹⁾). Остальнымъ семи Аварцамъ, тоже по истолкованію Корана, прорѣзываютъ ноздри и

¹⁾ Обыкновеніе Дагестанцевъ перерубать поясицу казненнымъ, вѣроятно, происходитъ отъ необходимости въ горной части этого края, не имѣющемъ другихъ дорогъ кромѣ узкихъ тропъ, навьючивать тропъ на сѣдло, чтобы отвести домой или къ родственникамъ.

заключаютъ въ тюрьму. Паху-Беке, Аварская Ханша и опекунша владѣтельнаго Хана, узнавъ объ этомъ, отправляется съ вѣрными Нукерами (тѣлохранителями) къ Хутону; не вѣзжая въ деревню вызываетъ Гамзата, выговариваетъ ему казни, которыя онъ чинить въ Аваріи, требуетъ арестованныхъ своихъ подвластныхъ, и получивъ ихъ, возвращается въ Хунзагъ.

Послѣ этой казни, власть Имана проявилась, народъ доказалъ свою готовность принять его иго; одинъ только мюридъ Эракли-Магома, Эфенди Балаканскій, дерзнулъ оспаривать Гамзатовы права и увлекъ за собою деревни Балакахъ, Цатанину, Моксохъ и многолюдный, сильный Унцукулъ. Эти деревни не признавали власти Гамзата и отказали ему въ своей помощи. Какія были намѣренія Эракли-Магомы— неизвѣстно; но, если онъ не успѣлъ потрясти совершенно владычества Имана, то сильно его ослабилъ, давъ поводъ столькимъ деревнямъ отказать ему въ воинскомъ соучастіи. Что же до Гамзата, то онъ выказалъ свою педальновидность, презрѣвъ расположеніемъ Эракли; онъ долженъ былъ или подавить его, или привлечь на свою сторону, но новый Иманъ не заботился ни о томъ, ни о другомъ. Въ такомъ положеніи находились Дагестанскія дѣла при наступленіи 1834 года.

Имѣя цѣлью приковать къ себѣ и увлечь горцевъ военною славою и побѣдами, столь гибельными всегда для человѣчества, Гамзатъ водрузилъ знамя на крышѣ своей сакли и объявилъ новый козавветъ. На этотъ призывъ къ брани толпы народа изъ всѣхъ горныхъ странъ стекались къ Иману. Цѣлыя полчища ринулись въ самое сердце горъ, направляясь къ Андалальцамъ; но эти кавказскіе великаны, изящнѣйшая порода людей на земномъ шарѣ, укрѣпясь въ неприступныхъ скалахъ, отражаютъ хищныя толпы. Гамзатъ отступаетъ съ потерей и налетаетъ на Акушу, но и тутъ встрѣчаетъ ту же участь. Въ изступленіи онъ идетъ на Цудакаринцевъ, гдѣ первыя воинскія покушенія Имана вѣнчаются совершеннымъ пораженіемъ и вынуждаютъ его вернуться въ свою деревню. Между тѣмъ вражда Эракли-Магомы не дремала: онъ разсылалъ повсюду гонцовъ съ письмами, наущающими побѣдителей дѣйствовать единодушно и достигъ наконецъ до того, что вольныя общества Андалальцевъ, Акатинцевъ и Цудакаринцевъ объявили верное¹⁾ Гамзату.

Иманъ, по возвращеніи своемъ въ Хутохъ, распускаетъ полчища, а деревню укрѣпляетъ, и предается опять молитвѣ. Мгновенная тишина

¹⁾ *Верное*, непримиримая брань.

воцаряется вновь въ горахъ и Дагестанскіе властелины засыпаютъ въ настоящемъ, не помышляя вовсе о будущемъ.

Гамзатъ, давъ время первымъ слухамъ о его неудачахъ остыть въ горахъ и пользуясь весною, открывшею свободное сообщеніе повсюду, сталъ сзывать своихъ послѣдователей на новыя военныя дѣла. Роковое знамя развѣвалось опять по произволу весенняго, животворнаго вѣтра, будто играя этимъ знакомъ сильныхъ страстей, ненасытной вражды и непомѣрнаго властолюбія. Собранныя скопища идутъ на Акушу и ханство Мехтулинское. Кадій Акушинскій и Ахметъ Ханъ Мехтулинскій, люди воинственные, постигаютъ, что борьбой съ Гамзатомъ, они защищаютъ свои права, свою собственность и самую жизнь, приглашаютъ на общее дѣло Абу Мусейлимъ Хана. Шахмала Тарковскаго, Валія Дагестанскаго владѣтеля Буйнакскаго, и встрѣчаютъ враговъ у селенія Ханства Мехтулинскаго, но всѣ ихъ усилія остаются тщетны: Иманъ разбиваетъ ихъ на голову и мюридство воскресаетъ въ горахъ. Слухъ о побѣдѣ Гамзата быстро разносится и, какъ водится среди жителей Кавказа, съ неимовѣрными преувеличеніями. Ожиданіе напрягаетъ всѣ умы; еще побѣда—и всѣ горныя общества принесутъ Иману покорную выю. Гамзатъ постигаетъ свое положеніе и ведетъ опять свои полчища на небольшое Цудохоринское общество; но побѣдитель трехъ надменныхъ Дагестанскихъ властелиновъ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ горсти вольныхъ людей. Цудохоринцы съ остервенѣніемъ отстаиваютъ каждую свою скалу неприступныхъ тѣснинъ кавказскаго становаго кряжа. Сначала Иманъ остановленъ; но онъ въ изступленіи гонитъ толпы свои на проломъ и разбитый, осрамленный, бѣглецомъ является въ свое селеніе, гдѣ и скрываетъ свой позоръ. Туда же ежедневно стекаются за нимъ остатки разбитыхъ его полчищъ. Эракли между тѣмъ не теряетъ времени: онъ рассыластъ всюду извѣстія о разбитіи Гамзата, доказываетъ, что это лишь справедливая кара Великаго Аллаха, которая тяготѣетъ на Иманѣ за то, что онъ возгордился первою побѣдой и не хотѣлъ отнести се могучей десницѣ Премудраго; провозглашаетъ его недостойнымъ званія Имана и хочетъ, чтобы Шамиль былъ немедленно призванъ въ это званіе, какъ родственникъ и любимый ученикъ Газы-Муллы.

Гамзатъ не заблуждается на счетъ своего невыгоднаго положенія; онъ понимаетъ, что неудачи войны лишили его довѣрія горныхъ племенъ, а вражда Эракли-Магомы порождаетъ опасное негодованіе. Зная нравы, легкомысліе, кичливость и сусвѣріе Дагестанцевъ, ему остается или отказаться совсѣмъ отъ надежды на власть, или поправить недобро-

желательство, обезоружить его до новых побѣдъ—и это безъ отлагательства. Вздумано и рѣшено.

Была Джюнга. Иманъ впервые послѣ пораженія своего является передъ народомъ и собравшимися остатками разсѣянныхъ полчищъ. Толпы встрѣчаютъ его съ глухимъ ропотомъ; на всѣхъ лицахъ изображается строгость и негодованіе, но Гамзатъ не обращаетъ на это вниманіе; онъ идетъ въ мечеть съ видомъ глубокаго благочестія. Молитва кончилась. Иманъ раскрываетъ коранъ и прочитываетъ стихъ, потомъ умолкаетъ и погружается въ глубокое размышленіе. Наконецъ обводитъ болѣзненный взглядъ кругомъ себя и, полный смиренія, перетолковываетъ прочтенный стихъ такъ: „Правовѣрные! Аллахъ въ премудрости своей—да будетъ Имя Его свято!—допустилъ величайшаго Пророка власть въ искушеніе, и онъ возгордился; ибо шайтанъ (сатана) бодрствуетъ всегда, особливо сторожитъ праведнаго; грѣшникъ же самъ служитъ злему духу!—Такъ искусился и я: Аллахъ даровалъ мнѣ побѣду надъ муртатами и я возгордился, призналъ себя за великаго и мудраго человѣка. Великъ и мудръ лишь единый Аллахъ! Да будетъ прославлено Имя Его! чтобы наказать меня за такой помысль, Премудрый ниспослалъ мнѣ пораженіе. Я преступникъ передъ Аллахомъ, и да шеріатъ Премудрой книги приговоритъ меня къ заслуженному наказанію!“

Сказавъ это, Иманъ опять помоллся и раскрывъ коранъ, прочелъ еще стихъ, который растолковалъ, что онъ, Гамзатъ, долженъ быть наказанъ 101 ударомъ палокъ и заключенъ на 25 дней. При возраженіи одного изъ его приверженцовъ, что онъ принимаетъ на себя это наказаніе, Иманъ вознегодовалъ и сказалъ, что люди передъ Аллахомъ всѣ равны въ своихъ преступленіяхъ. Ханы столько же ничтожны передъ Всемогущимъ, сколько и простолюдины, что лишь благочестіе и святость отличаютъ смертныхъ передъ Нимъ. Послѣ этого Гамзатъ заставилъ себя наказать палками, считая самъ удары и потомъ спустился на 25 дней въ заточеніе¹⁾.

Покуда хитрый и коварный Гамзатъ сидитъ заключенный, займемъ Аварскимъ владѣтельнымъ домомъ.

¹⁾ Въ Дагестанѣ и во всѣхъ вольныхъ обществахъ, тюрьму замѣняетъ яма въ видѣ колодца съ отвѣсными стѣнами, около 2-хъ сажень глубины и 2-хъ сажень ширины и длины. Ее замираютъ широкою и толстою каменною плитою, пишу же спускаютъ заточенному лишь самую необходимую для поддержанія жизни.

VII.

S'il a cru les conseils d'une aveugle puissance,
 Il est assez puni par son sort rigoureux,
 Et c'est être innocent que d'être malheureux.

Masque de fer.

На Кавказъ не только происхожденіе знатнѣйшихъ фамилій, но и самыхъ народовъ и племенъ покрыты глубокою тьмою, что представляетъ дивное поприще для ученыхъ споровъ. Предоставивъ розыскателямъ старипы корпѣть надъ происхожденіемъ Аварскаго народа и его владѣтельнаго дома, мы возьмемъ этотъ народъ въ настоящемъ его видѣ и скажемъ, что онъ обитаетъ тѣснины Кавказскаго становаго хребта, къ Каспійскому морю, исповѣдуетъ магометанскую вѣру, придерживаясь шітскаго раскола, говоритъ нарѣчіемъ лезгинскимъ, котораго звуки не сходны ни съ однимъ существующимъ языкомъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, ни даже на Кавказѣ. Аварцы имѣють бековъ или второстепенныхъ князей, но управляются владѣтельнымъ княземъ на подобіе ленной системы, разукрашенной всѣмъ азіатскимъ самовластіемъ, и платятъ ему десятину со всѣхъ произведеній. Живуть они въ сакляхъ, выстроенныхъ изъ дикаго камня, съ плоскими крышами. Хлѣбопашество Аварцевъ являетъ истинно гигантскіе труды: издали вы видите самыя высокія горы, представляющія отъ подошвы до вершины рядъ ступеней, образованныхъ изъ высокихъ каменныхъ стѣнъ, набитыхъ землею. Вблизи вы видите, что это сложные уступы, на которыхъ засѣвается хлѣбъ или разводятся сады; тропы ихъ проведены надъ ужасными безднами. Все вмѣстѣ не служить ли доказательствомъ, что эти горцы далеко не такъ дикі, какъ мы ихъ воображаемъ? Троны въ Аваріи ни что иное какъ воздушныя галереи изъ плитняка, насланнаго на жерди, поддерживаемыя кольями, вбитыми въ отвѣсную скалу, и это на протяженіи нѣсколькихъ верствъ, промежъ плитняка сквозить бездонная пропасть.

Аварцы, народъ предприимчивый и воинственный, какъ всѣ вообще горцы: но они невелики ростомъ и вовсе некрасивой породы. Этотъ народъ и всѣ Дагестанцы вообще прежде гордились тѣмъ, что никогда не подымали рукъ на своихъ Хановъ: они почитали верхомъ гнусности и безчестія запятнать себя кровью властелиновъ—высокое чувство, вѣроятно, непонятное инымъ народамъ, называющимся *просвѣщенными!*

Главное мѣсто Аваріи—Хунзакъ, котораго населеніе довольно многолюдно; тутъ находится Ханскій дворъ, обнесенный съ трехъ

сторонъ крѣпкою стѣной; четвертая образуется высокою отвѣсною скалой—Тарпейская скала Аваріи—которой подошву омываетъ Аварскій Кой-су, болѣе похожій на бѣшеный многоводный потокъ, чѣмъ на рѣку. Цинъ Ханскій дворъ обращенъ въ русскую цитадель, а стрелнія его въ казармы и лазаретъ гарнизона.

Когда и кѣмъ заложенъ Хунзакъ—не знаю и не стану надъ этимъ умствовать; только русскій отрядъ въ первый разъ проникъ туда въ 1834 году, а въ 1837 это мѣсто было занято гарнизономъ.

Происхожденіе Аварскаго владѣтельнаго дома покрыто также неизвѣстностію; достовѣрно только то, что въ 1801 году, по смерти Грузинскаго Царя Георгія XIII, когда русскія войска вступили въ Грузію, Омаръ, Ханъ Аварскій съ толпой изъ 18,000 человекъ, перешелъ черезъ становой хребетъ Кавказа и на южномъ его скатѣ раззорилъ и грабилъ предѣстную Кахетію, богатѣйшую изъ трехъ провинцій, составляющихъ собственно Грузію, т. е. часть древней Иверіи. Но русское войско, подоспѣвшее на помощь Кахетинцамъ, сразилось съ Аварцами при рѣкѣ Гурѣ, разбило ихъ и принудило оставить Кахетію. По вступленіи нашихъ отрядовъ въ Грузію, первымъ Ханомъ Аварскимъ былъ Умаханъ; сынъ Омара, также гроза Кахетин, которую онъ не разъ опустошалъ. Отъ Омара начинается для насъ извѣстность владѣтельнаго дома Аваріи, который приобрѣлъ безсмертіе славными подвигами, воинскими дѣлами нѣкоторыхъ изъ членовъ своихъ, и заслуживаетъ особенное вниманіе по кровавому крещенію бѣдствій его постигшихъ.

Умаханъ былъ жепать на Кистеманѣ, княжнѣ Казыгумькской. По обычаямъ горцевъ, ближайшій наследникъ, если холостъ, женится на вдовѣ умершаго владѣтеля. По смерти Умахаана, Кистемана доставалась Гебеку, брату покойнаго Хана. Онъ желалъ се всею силою Азіатской страсти; но былъ ненавистенъ ей: а пуще всего она опасалась за дочь свою и Умахаана, которая должна была лишиться надежды на Аварское ханство, если Гебекъ, женившись на Кистеманѣ, имѣлъ бы сына. Внутренная чувствомъ ненависти, а еще болѣе материнскою любовью къ Паху-Бекѣ, Кистемана откладывала бракъ подъ разными предлогами, между тѣмъ темными происками искала случая избавиться Гебека посредствомъ убійства. Наконецъ ее желаніе сбылось: во мракѣ тайны, онъ палъ жертвою княжала холопа¹⁾ покойнаго Умахаана. Кистемана осталась правительницею Аваріи за мало-

¹⁾ У Аварцевъ и вообще на Кавказѣ холопами называются плѣнные и ихъ потомство.

лѣтствомъ дочери своей, Ханши Паху-Беке. Она была еще молода и прекрасна собою, и высокимъ необыкновеннымъ умомъ своимъ постигла, что она не въ состояніи будетъ управиться съ буйными Аварцами, привыкшими къ могучей волѣ цѣлаго ряда героевъ, своихъ Хановъ. Юность, красота, мужество и предприимчивость Султанъ-Ахметъ-Хана, съ которымъ Амалать Бекъ насъ уже познакомилъ, обратили на себя вниманіе Кистеманы.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ родной племянникъ Умахана, по брату, и не имѣлъ никакихъ правъ на Аварское ханство: къ тому-жь онъ былъ слишкомъ гордъ и чувствовалъ всѣ достоинства, которыми надѣлила его природа, чтобы искать темными происками и каверзами присвоить себѣ право на владѣтельный санъ.

Послѣ Умахана остался другой племянникъ, по имени Сурхай, имѣвшій еще менѣе правъ на Ханское достоинство, потому что отецъ его хотя и былъ Аварскимъ княземъ, но мать была взята въ простомъ семействѣ, стало быть, какъ ченка, онъ лишился всѣхъ преимуществъ отцовскихъ.

Но неограниченное честолюбіе Сурхая опиралось на правило, что всѣ мѣры прекрасны когда приводятъ къ желаемой цѣли: къ тому-жь хитрый и коварный этотъ человекъ, котораго односторонній умъ былъ способенъ изобрѣсть лишь гнусныя и преступныя козни, ненавидѣлъ въ душѣ общественный порядокъ своего отечества, присуждающій его къ униженному положенію ченки. Питая вражду ко всѣмъ учрежденіямъ своей земли, онъ кипѣлъ местию, но местию гнусной, темной, постыдной, местию кота, который за трудъ, что поймалъ мышенка, хочетъ имъ позабавиться и, принимая на себя видъ, играетъ съ нимъ и холить его, а самъ незамѣтно запускаетъ въ него когти до тѣхъ поръ, пока природное стремленіе, врожденная склонность возьметъ свое и котъ богатырски смеетъ въ своихъ челюстяхъ черепъ несчастнаго мышенка. Зрители тогда ласкаютъ и хвалятъ кота за великодушіе, а потомъ за силу—жалкіе зрители! Они не постигаютъ, что могущество кота заключается въ слабости мышенка, а котъ остается все-таки котъ, гнусное и вредное животное, гордое и кровожадное съ слабѣйшими, ласковое и низкое съ сильнѣйшими. Но возвратимся къ своему предмету.

Таковъ былъ Сурхай, его умъ не простирался далѣе; зато мать его Шахъ-Беке была столько же умна, сколько зла; злоба ея еще усиливалась при настоящихъ обстоятельствахъ отъ униженія сына. Желаніе вывести его изъ этого положенія внушило ей мысль женить

Сурхая на правительницѣ; это представляло ему самое легкое средство достигнуть власти, къ которой онъ такъ сильно стремился. Сурхай нашелъ предложеніе матери совершенно сходнымъ съ его честолюбивыми видами, но сознался, что не можетъ придумать способовъ достичь этой цѣли. Шахъ-Беке взялась отстранить всѣ препоны съ тѣмъ только, чтобы сынъ ея не щадилъ своего состоянія на приобрѣтеніе общественнаго расположенія, на которое ни рожденіе, ни природныя качества не давали ему правъ. Наслѣдство Сурхая послѣ отца было значительно: всѣ члены Аварскаго дома были богаты и владѣли несмѣтными сокровищами, прибрѣтенными въ далекихъ странахъ, когда герон-предки ихъ грабили безпощадно въ своихъ воинскихъ поискахъ; сверхъ того они получали богатые подарки отъ Грузинскихъ Царей, которые покупали такимъ образомъ то военное воспомоществованіе, то конецъ опустошенія своихъ предѣловъ. Дары Персидскихъ шаховъ были также непоследними украшеніями сокровищницъ, хранившихся въ неприступномъ Хунзакѣ, куда стопа побѣдителя никогда еще не вступала.

Происки и внушенія Шахъ-Беке, дивно поддерживаемые краснорѣчіемъ подарковъ, расточаемыхъ щедрою рукой и съ большимъ умѣніемъ, составили въ Аваріи многочисленную партію, тѣмъ сильнѣйшую, что она состояла изъ Аварскихъ женъ, а какъ бы женскій полъ ни былъ поработченъ общественными законами, все-таки женщины найдутъ средства взять свое: если же онѣ не достигнутъ дальней цѣли, то отмстятъ, и отмстятъ ужасно.

Когда въ какой либо странѣ рождается партія, она всегда поражаетъ другую, себѣ противную, иначе партіи не можетъ существовать: такъ случилось и въ Аваріи. Подкупленные хвалы и любовь Сурхаемъ пробудили любовь и уваженіе къ добродѣтелямъ и блестящимъ дарованіямъ Султанъ-Ахметъ-Хана; но если партія его была многочисленна, не менѣе того, она была слаба, потому что состояла изъ людей храбрыхъ, безкорыстныхъ, достойныхъ, а подобные люди самонадѣянны, самосознательны въ своихъ достоинствахъ и идутъ къ цѣли путемъ прямымъ, между тѣмъ, какъ противники ихъ находятъ всѣ средства годными, доступными: поэтому честному человѣку труднѣе жить на свѣтѣ, ибо не всякому удастся далеко уйти, чѣмъ бездѣльнику, который тѣмъ или другимъ способомъ непременно достигаетъ цѣли, имъ себѣ предначертанной.

Но обѣ партіи имѣли точку, на которой сходились—это привязанность и уваженіе къ мудрой правительницѣ. Послѣ смерти Умахана,

въ самый годъ ея правленія, урожай былъ необыкновенно хорошъ, и народъ, какъ всѣ азіатцы, видѣлъ въ этомъ залогъ благоволенія Аллаха къ Кистеванѣ. Обѣ партіи желали, чтобы ея выборъ палъ на любимца: съ начала это были только разговоры, потомъ пренія, и наконецъ вышло общественное мнѣніе, которое не дозволяло ни отказа, ни отлагательства.

Кистевану предупредили, что чрезъ нѣсколько дней къ ней соберется Аварское духовенство, съ старшинами и людьми почетными умолять ее отъ имени всего народа взять себѣ мужа, и будутъ предлагать Султанъ-Ахметъ-Хана или Сурхайя. Хотя правительница сама уже нѣсколько разъ съ пріятностію о томъ помышляла, однако эта вѣсть сильно ее поразила. Таковъ женскій нравъ! Самая мудрая и самая твердая женщина не чужда противорѣчій, обыкновенно управляющихъ ихъ поступками и чувствами—эти противорѣчія происходятъ отъ свойственныхъ имъ нерѣшительности и робости, когда приходитъ часъ исполненія даже самыхъ пламенныхъ ихъ желаній. Кистевана, внушенная своимъ женскимъ нравомъ, въ порывѣ нѣжныхъ, материнскихъ чувствъ къ Паху-Беке, ежедневно разцвѣтавшей душою и сердцемъ, обрелась было на вдовство, чтобы не имѣть другихъ дѣтей, которыхъ, побужденныя честолюбіемъ, могли быть въ послѣдствіи виновниками смутъ и горестей среди правительственныхъ заботъ, для милой, страстно любимой его дочери. Но теперь дѣлать было нечего. Она поняла, что на Султанъ-Ахметъ-Хана можно положиться, а на Сурхайя никогда нельзя, знала, что первый ведетъ строгую, спартанскую жизнь, между тѣмъ, какъ второй расточителенъ и распутенъ подобно афинянину; притомъ женскій инстинктъ и воображеніе заставляли ее лицепріятствовать одному болѣе, чѣмъ другому. Оба искателя ея руки были въ цвѣтѣ молодости и нѣсколькими годами моложе ея. Сурхай хотя и былъ пригожъ собою, однако носилъ на себѣ отпечатокъ своего гнуснаго нрава, что дѣлало изъ него совершенную противоположность благородному и мужественному Султанъ-Ахметъ-Хану.

Наконецъ день пріема депутаціи наступилъ. Представители Аварскаго народа должны были предстать передъ правительницей и предложить ей выборъ мужа изъ двухъ соперниковъ. Когда мы вспомнимъ, что Сурхай былъ предложенъ ковомъ Аварскихъ женъ, что онъ былъ пригожъ, расточителенъ и богатъ, что наконецъ женщинѣ предстояло рѣшить этотъ вопросъ, важный для цѣлаго народа—тогда легко отгадать, что Сурхай будетъ предпочтенъ; но на этотъ разъ мы ошибемся и встрѣтимъ рѣдкое исключеніе изъ общаго порядка вещей и женскаго сердца.

Наканунѣ рокового дня по требованію правительницы Султанъ-Ахметъ-Ханъ явился къ ней. Кистемана, выславъ всѣхъ присутствующихъ, спросила. раздѣляетъ ли онъ желанія народа, которыя на слѣдующій день ей будутъ предлагаться? Короткое „раздѣляю“ было его отвѣтомъ.

„Если такъ, Султанъ!“—твердо сказала Кистемана и глаза ея заблестѣли дивнымъ огнемъ, черты лица озарились и приняли видъ вдохновенія—она была чудно хороша. „Такъ знай же, что я на свѣтѣ одну люблю, и одну буду любить! Для одной цѣли живу и желаю жить—это Паху-Беке. Сдѣлавшись моимъ мужемъ, ты будешь мужъ правительницы, но не правитель и не владѣтель. Если Аллахъ даруетъ намъ дѣтей, они никакого права на ханство не будутъ имѣть: одна наслѣдница—это дочь моя! Но знаю, что ковы и заговоры могутъ низложить самыя справедливыя права: ты одинъ можетъ быть опасенъ для Паху-Беке. Не стану грозить тебѣ своей властію, кинжаломъ, убійцами, которыми владѣю; для подтвержденія моихъ словъ могла бы напомнить объ участи Гебека... но нѣтъ, ты слишкомъ благороденъ чтобы съ тобою говорить подобнымъ языкомъ! Я требую отъ тебя только слова, что всегда и во всемъ ты будешь ревностный и добросовѣстный защитникъ Паху-Беке и ея правъ.“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, подъ видомъ суровости, старался скрыть тревоженіе пылкихъ чувствъ азіатца, взволнованныхъ высокимъ духомъ Кистеманы, ея сильной любовью къ дочери и лестью рѣчей; наконецъ инстинктъ челоуѣка въ немъ не дремалъ при видѣ прелестей изящнаго созданія, сидѣвшаго передъ нимъ на бархатныхъ коврахъ съ роскошно поджатыми ножками, которыхъ кончики плутовски выглядывали изъ подъ шелковыхъ тканей ея одежды; кончики лукаво манившіе желаніе видѣть болѣе... и все это безъ сознанія самой женщины, которая будучи подъ вліяніемъ своего высокаго духа во все не помышляла о тѣлѣ, не чувствовала своей плоти. Немного погодя Султанъ-Ахметъ-Ханъ нахмурилъ брови и смотря на нее изподлобья сказалъ твердымъ голосомъ: „Даю тебѣ, Ханша, слово, котораго отъ меня желаешь!“

Черты правительницы просіяли неизъяснимою радостію, подъ вліяніемъ этого чувства она возразила: „узнаю въ тебѣ чистую, благородную кровь князей Аварскихъ! Но требую еще одного и послѣдняго обѣщанія: ты будешь покровителемъ Паху-Беке? чтобы болѣе связать тебя съ этою обязанностію и вознаградить за твои добродѣтели, я хочу отъ тебя обѣта, что когда дочь моя достигнетъ возраста

замужества, ты со мною разведешься и женишься на ней. Она обѣщаетъ быть красавицей, умна и добронравна; кажется, съ моей стороны не жестоко требовать, чтобъ ты съ такою женой принялъ и Ханское достоинство?“

—Этого не будетъ!—отвѣчала Султанъ-Ахметъ-Ханъ.

„Увы! горька моя участь...“—сказала Кистемана въ глубокой тоскѣ. „Сурхай вѣрно согласится; надо себя преодолѣть и его выбрать въ мужа.“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ дрогнулъ. Ревность, буйная ревность, извѣстила его о страсти, которой онъ въ себѣ и не подозрѣвалъ. Внутренніемъ ея, у него сорвалось съ языка: „Время придетъ, увидимъ!“

Умная Кистемана, пользуясь благопріятной минутой, быстро спросила: „Согласенъ ли ты, князь, жениться на Паху-Беке? Отвѣчай.“

Юноша нехоти и глухо отвѣчалъ: „Да!“

Лицо правительницы блеснуло опять радостію: она была прелестна какъ сама надежда, ее волновавшая. Вдова съ жаромъ прибавила: „Дай же мнѣ въ этомъ слово, благородный мужъ!“

Султанъ-Ахметъ-Ханъ вскочилъ съ мѣста и почти выбѣгая, полный смуты, сказалъ:—Даю слово, когда придетъ время, разсмотрѣть: возможно ли будетъ мнѣ исполнить твое требованіе и жениться на Паху-Беке.—

Кистемана оставшись одна, улыбнулась лукаво, улыбкою женщины, довольной собою, что выхитрила свою волю, и молвила про себя: „О, храбрый и благородный Султанъ! Хотя самъ не знаешь, но ты далъ мнѣ слово жениться на Паху-Беке, а исполнить его—я въ томъ даю тебѣ слово, слово мое, слово женщины!“ Потомъ въ тоскѣ душевной, она захотѣла видѣть дочь, для счастья и величія которой только что призывала всѣ фаланги женскихъ соблазновъ: она приказала привести ее къ себѣ.

Милый, прекрасный ребенокъ вбѣжалъ, бросился на колѣни матери и сталъ играть ея черными, тоненькими и многочисленными косами, роскошно стлавшимися по лебяжьей груди вдовы. Кистемана еще подъ вліяніемъ душевнаго волненія въ истомѣ чувствъ, крѣпко обняла дитя и сказала: „Милая Паху-Беке! я счастлива теперь, цѣль моей жизни, моихъ желаній достигнута! Я устроила твою будущность! Цвѣти, милое созданіе!...“ и поцѣловавъ ее прибавила: „завтра, я

буду говорить, что желанія и счастье управляемаго мною народа есть одна цѣль моей жизни, моихъ заботъ и помышлений, потребность моего сердца—и все это будетъ ложь: да проститъ меня Аллахъ!“ Разумѣется, ребенокъ не понималъ этого говора страстей; иначе и мать, вѣроятно, не рѣшилась бы на такую откровенность съ дочерью; по крайней мѣрѣ, основываясь на такъ называемомъ *нашемъ просвѣщеніи*, это полагать должно.

На слѣдующій день въ кунакской (приемной комнатѣ) Хунзакскаго двора собралась народная депутація, впередъ которой шелъ маститый Эфенди (первосвященникъ), со всеѣмъ духовенствомъ. Когда все были въ сборѣ, тогда дали знать правительницѣ, соблюдая во всемъ самый строгій, азиатскій этикетъ. Хотя она сидѣла спокойно, всеѣмъ уже готовая, чтобы выйти при первомъ извѣстіи; но старухи Аварскаго двора ее остановили, замѣтивъ, что для большей важности, она должна заставить себя ждать. Кистемана язвительно улыбнулась, однако послѣдовала совѣту, поступая и цѣня всю его мудрость.

Вокругъ кунакской толпился многочисленный народъ, который вездѣ одинаковъ и всегда привлекаемъ зрѣлищами или происшествіями, выходящими изъ обыкновенной колеи. Эти толпы, пришедшія нынѣ зрѣть, какъ правительница пройдетъ въ кунакскую, чрезъ нѣсколько дней, съ тою же безчувственностію, соберутся на брачныя празднества, смотрѣть какъ Ахтинскій *пеклеванъ* (акробатъ), одѣтый пальсомъ, будетъ плясать на канатѣ, на которомъ послѣ, въ доказательство своего артистскаго искусства, будетъ рѣзать, соблюдая все правила, предписанныя кораномъ, 23 барановъ, потребныхъ для кухни новобрачныхъ.¹⁾ Но, виновать, послѣднее зрѣлище для него несравненно пріятнѣе, ибо оно кровавое. а что можетъ быть для толпы благовиднѣе, благоуханнѣе крови!!

Въ кунакской, по двумъ продольнымъ стѣнамъ и одной поперечной, примыкавшей къ наружному выходу, сидѣла многочисленная депутація на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, съ неподражаемою важностію мусульманъ.

Кунакская была длинная комната безъ всякихъ украшеній; потолокъ ея поддерживался двумя вальжными дубовыми столбами, побурѣвшими отъ древности и находящимися по срединѣ. Два большіе окна безъ рамъ освѣщали этотъ покой; на ночь и въ ненастье створчатые

¹⁾ Кавказскіе акробаты (пеклеваны) дѣйствительно это дѣлаютъ: самые искусные изъ нихъ въ Ахтинскомъ племени.

крѣпкіе дубовые ставни снару замькали эти отверстія; наконецъ каминъ и одна дверь довершала принадлежность кунакской. У поперечной стѣны, никѣмъ не занятой, стояло высокое, вальжное кресло, безъ дна, съ квадратную сажень объема, изъ дубоваго дерева, закопченное временемъ. На немъ рѣзчикъ и токарь истопили все свое искусство, цѣнимое въ ту пору очень высоко, но грубое и аляповатое для глазъ современника, привыкшаго къ инымъ размѣрамъ и изображеніямъ. Это было сѣдалище Аварскихъ хановъ, освященное властію вѣковъ.

На полу, посреди бездоннаго кресла, были настланы въ нѣсколько рядовъ тюфяки, покрытые богатымъ, шелковымъ ковромъ, на которомъ съ трехъ сторонъ были положены мягкія, пуховыя, круглыя и четверугольныя подушки въ парчевыхъ наволокахъ. Это мѣсто было теперь приготовлено для Кистеманы; хотя санъ правительницы не давалъ ей права на него, но званіе вдовы владѣльнаго хана, а еще болѣе любовь народа, предназначила ей единогласно сѣсть на ханское сѣдалище въ этотъ торжественный день—самая высокая почеть, извѣстная и постигаемая Аварцами!

Когда прошло время, необходимое для сохраненія важности, дверь терема отворилась и открылось шествіе въ кунакскую. Впереди шель статный аварецъ, съ звѣрскимъ взглядомъ: онъ несъ на плечѣ сѣкиру-азіатскій жезлъ, признакъ власти; за нимъ слѣдовалъ такъ называемый казакъ¹⁾, богато одѣтый и несшій на правомъ плечѣ заряженное ханское ружье, тщательно вычищенное и разукрашенное золотомъ и драгоценными камнями; шагахъ въ четырехъ шла Кистемана, закрытая съ головы до ногъ бѣлою перкалевою чадрой²⁾, которую она поддерживала руками вокругъ лица: прекрасныя, большіе, черныя глаза, обрамленные ослѣпительной бѣлизны покрываломъ, проглядывали одни наружу и потому самому казались еще чернѣе, и блестящѣе! Обутыя въ распещренныя шерстяныя персидскія карпетки, ея крошечныя ножки скрывались въ туфляхъ на высокіхъ каблукѣхъ.³⁾ Она шла медленно, важно, переваливаясь съ боку на бокъ, по милости неловкой обуви.

1) *Казакъ* или оруженосецъ у Дагестанскихъ владѣльцовъ есть крѣпостной чловѣкъ хана, который носитъ его оружіе—эти люди изъ самыхъ приближенныхъ къ владѣтелю. Жители Кавказа имѣютъ всегда ружья въ чехлахъ за плечами: передъ однимъ ханомъ обнаженное и заряженное ружье хана несутъ или везетъ казакъ на правомъ плечѣ, держа прикладъ въ рукѣ.

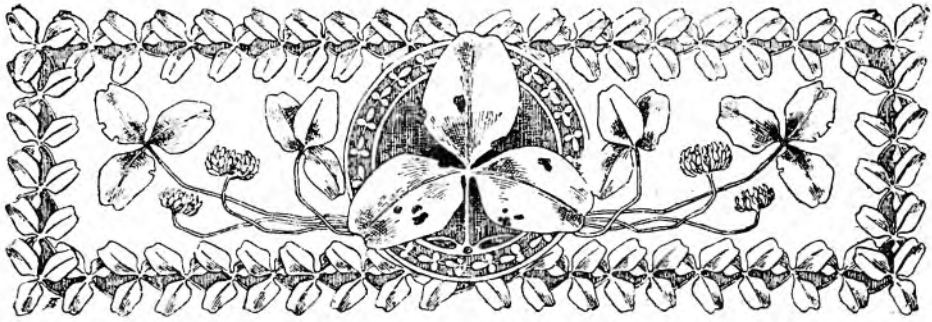
2) *Чадра*, огромная простыня, въ которую всѣ магометанки и придерживающіяся старинныя Армянки и Грузинки совершенно обертываются до самихъ глазъ, когда выходятъ изъ дому.

3) Въ Дагестанѣ женщины носятъ маленькія туфли на одномъ каблукѣ.

За нею шагахъ въ двухъ были четыре почетныя женщины въ одинаковомъ съ нею одѣяніи; только онѣ не скрывали своихъ лицъ въ чардахъ, потому что, переживъ года старости, ихъ сѣдина и морщины не могли болѣе соблазнять пылкость правовѣрныхъ, которые, вѣроятно, не только не всматривались въ безобразныя лица старыхъ азіятокъ, но скорѣе отворачивались; одна изъ нихъ даже не имѣла вовсе чарды, потому что была старая вдова. Съ обѣихъ сторонъ Кистеманы шло по три вооруженныхъ *нокюра*¹⁾, державшіе въ рукахъ заряженныя ружья на перевѣсъ съ возведенными курками; сзади находилось шесть человѣкъ съ обнаженными шашками.

¹⁾ *Нокюръ*—товарищъ. У азіятцевъ въ походахъ никто не называется начальникомъ или подчиненнымъ: всѣ нокюры или товарищи.

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукой брату.

24-го.

Вчера, дорогой мой другъ, мы были свидѣтелями очень прискорбнаго судебного происшествія... Казнили двухъ человекъ за принадлежность къ карбонаріямъ. Оба умерли съ изумительнымъ мужествомъ до послѣдней минуты и, несмотря на всѣ усилія священниковъ, отказались вышолнить свои религіозныя обязанности. Казнь эта была совершена на народной площади. Стеченіе толпы было необычайнымъ. Въ пограничной таможиѣ не должно предъавлять *больше одного* пропуска, предназначеннаго кузенамъ: другой нужно сохранить для римскихъ воротъ, называемыхъ воротами народа.

Потому что если они подѣдутъ къ заставѣ съ пустыми руками, ихъ непременно будутъ обыскивать.—*Ave te capito?*—(Поняли)?—

Вы не сомнѣваетесь въ томъ, дорогой другъ мой, что моя просьба будетъ имѣть у кузины успѣхъ, и такое отсутствіе сомнѣній и мнѣ подаетъ слабую надежду, потому что мое правило на всѣ жизненные случаи—вѣрить и надѣяться наполовину. Могу сказать навѣрное, что, какъ только я буду вполне увѣренъ, я возблагодарю небеса и землю и отправлюсь въ Петербургъ, а оттуда въ Москву. Этотъ планъ безпрестанно вертится у меня въ головѣ: онъ крѣпнеть съ каждымъ днемъ и, можно сказать, поглощаетъ всѣ мои мысли. Но знайте заранее, что ни шага я не сдѣлаю для того, чтобы получить другое мѣсто, и что, въ случаѣ успѣха, я твердо рѣшилъ прожить въ Римѣ, но крайней мѣрѣ, еще два года.

Говорятъ, лучшее врагъ хорошаго: я еще молодъ: я хорошо переношу жаркій климатъ, онъ даетъ мнѣ надежду достигъ того возраста, когда мнѣ уже не будетъ страшень ужасный недугъ, повидимому наследственный; кромѣ того, надежда еще разъ увидѣть кузину и прелестную *Коринну* подъ этимъ чуднымъ небомъ, среди великолѣпныхъ памятниковъ древности, эта надежда кружить мнѣ голову, а твое соѣдство, дорогой мой Мишель, мнѣ улыбается. Твое разсужденіе о второй части путешествія вокругъ своей комнаты заслужило полного одобренія гр. де Мэстра, но все таки, несмотря на всю мою привязанность къ автору этой книги, продолженіе этого сочиненія, повторяю, меня не удовлетворяетъ. Чѣмъ я восхищаюсь въ первомъ его путешествіи, такъ это громаднымъ разнообразіемъ картинъ:—трогательная простота вмѣстѣ съ самыми изящными шутками; самое замысловатое искусство наравнѣ съ легкой насмѣшкой; наконецъ, самая наивная правдивость, окрашенная романтизмомъ и сентиментальностью. таковы сцены съ чулкомъ, душою и звѣремъ, съ очаровательной альпійской пастушкой и засохшей розой. Эта первая часть полна благоуханіемъ цвѣтовъ, одна страница лучше другой. Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается *дѣйствительныя* достоинства ночного путешествія. На протяженіи длинныхъ главъ авторъ старается уловить прежнее свое вдохновеніе, которое очевидно ускользаетъ отъ него, отсюда получается нѣчто въ родѣ злоупотребленія остротами, которыя были такъ естественны и такъ легко давались ему въ началѣ его путешествія вокругъ своей комнаты. Сцена съ воромъ ничуть не забавна, въ міровой системѣ нѣтъ ничего смѣшного, а кавалькада—вещь почти дурного тона. Наконецъ, чтобы закончить свой обзоръ, я буду разсуждать о второй части по тому впечатлѣнію, которое она произвела на меня. Я тысячу разъ перечитывалъ первый томъ: то я не могъ удержаться отъ смѣха, то впадалъ въ легкую мечтательность. Я тысячу разъ просматривалъ второе путешествіе, но оно не вызвало ни смѣха, ни слезъ. Но несмотря на это, я особенно люблю это произведеніе, и всѣ его части *болѣе или менѣе* носятъ на себѣ отпечатокъ ума и чувствительности. Что касается Каскамбо, то, увы! это слабая вещь и хотя повѣсть гр. де Мэстра совсѣмъ нельзя сравнивать съ романомъ г-жи Котье, который, по моему, прямо невозможно прочесть, я нахожу, что природу нельзя изображать такою, какою она представляется нашимъ взорамъ, и что истину нужно прикрашивать, а не выставять напоказъ во всей ея наготѣ. Сравни знаменитаго *Прокаженнаго* съ его двумя послѣдними повѣстями. Первое всегда будетъ образцовымъ драматическимъ произведеніемъ; оно вылилось изъ глубины души, и несмотря на величайшую простоту, господствующую въ немъ, мы замѣчаемъ глубину мыс-

лей и чувствъ, достигшихъ совершенства.—Говорятъ, г-жа де Мену уже уѣхала изъ Флоренціи: мнѣ очень любопытно знать, какъ она будетъ держать себя со мною въ Римѣ. По поводу твоихъ колебаній изъ за чина можно предположить, что ты непременно хочешь, чтобы тебя упрашивали. Нѣтъ ничего проще, дорогой мой другъ. Но взвѣсь всѣ обстоятельства и пусть тебя въ послѣдній разъ попросятъ о томъ, на что ты *долженъ окончательно рѣшиться и что составляетъ исполненіе твоихъ заветныхъ стремленій*. Дай мнѣ также положительный отвѣтъ на вопросъ о Барантѣ и Ботта. Прощай. Какой же будетъ отвѣтъ относительно Голицыныхъ?

Хочу сказать тебѣ два слова, дорогой другъ. Я получилъ длинное, прелестное письмо отъ Пери. Всѣ здоровы. Она пишетъ слѣдующее. Мятлева ѣдетъ во Флоренцію для здоровья своей дочери Софи, и останется тамъ навсегда; сынъ Кляуфеля въ Парижѣ. Елена Строганова вышла замужъ за того Обрѣзкова, который въ Вѣнѣ. Кузина поселилась въ другомъ домѣ, гдѣ совсѣмъ не собирается дѣлать большихъ пріемовъ: она чувствуетъ себя гораздо лучше. Благодарю тебя за свѣдѣнія о моихъ книгахъ, но объясни мнѣ, почему, при такомъ благоприятномъ случаѣ, какъ отъѣздъ лицъ, имѣющихъ пропуски, вы поручили ихъ извозчику и адресовали живущимъ въ Римѣ? Развѣ вы не знаете о существованіи таможенъ и о необычайно строгихъ запрещеніяхъ? Я далеко не удовлетворенъ одними только обѣщаніями гр. Бутурлина: нужно, чтобы онъ немедленно прислалъ мнѣ ту книгу, о которой я прошу. Надо настоять на этомъ. Сегодня я пошлю письмо крану. Посмотримъ, каковы будутъ послѣдствія его благосклонности, надѣюсь, что новый годъ не обманетъ нашихъ хорошихъ предзнаменованій.

Пока еще ничего не сдѣлано для нашего производства, очевидно хотять воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ. Запоздалое возвращеніе Сверчкова должно поставить тебя въ очень затруднительное положеніе. Возможно ли, чтобы министерство хладнокровно выносило посланника, который, ничего не дѣлая, поглощаетъ огромное жалованіе, между тѣмъ, какъ его секретарь надрывается изъ за пяти тысячъ франковъ въ годъ?—Прощай.

20 Декабря 1825 года.

Государственный гонецъ, пробъжавшій здѣсь сегодня ночью, передалъ мнѣ твою записку, дорогой другъ. Онъ привезъ намъ подтвержденіе прискорбнаго извѣстія о кончинѣ императора Александра, слухъ о чемъ распространился здѣсь съ 24-го. Извѣстіе произвело впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ его жалѣютъ.—Сегодня съ утренней почтой ты получишь указъ Италинскаго, изъ котораго узнаешь, что въ настоящее время ничего не нужно предпринимать, а нужно ждать другаго гонца. Мы облеклись въ черное: кренъ на шляпѣ, черныя перчатки, черный костюмъ. Тебѣ нужно сдѣлать то же самое. Мы сообщили здѣшнему двору о смерти государевой, но подъ секретомъ. Мы не посѣщаемъ больше ни большихъ баловъ, ни театральныхъ представлений.—Благодарю тебя за сегодняшнее письмо, которое я получилъ вмѣстѣ со всѣми прибавленіями, но я очень беспокоюсь за твое здоровье и прошу тебя, насколько возможно, береги себя. Письмо Антонины очаровательно, и я сейчасъ же отвѣчу ей пространно и беззащѣнно. *Г-нъ Кіампи* начинаетъ надоѣдать Италинскому и мнѣ поручили сказать тебѣ на ушко, что было бы недурно дать ему почувствовать, что ему пора прекратить свои жалобы и мольбы. Онъ большой проныра.—Мы дожили до очень любопытнаго времени. Дай Богъ, чтобы Россія благоденствовала въ новое царствованіе. Да здравствуетъ Императоръ Константинъ! Я чувствую себя великолѣпно и отъ всей души цѣлую тебя. Не забудь о книгахъ Бутурлина. Вотъ письмо Демидова. Отвѣта отъ кузины нѣтъ. Что то пишетъ тебѣ моя милая Коринна?—

29 Декабря 1825 года.

Всѣ разговоры—въ гостиныхъ и среди народа—вращаются вокругъ одного предмета—вокругъ смерти благороднаго Александра. Вотъ нѣсколько новыхъ подробностей. Въ Крыму императоръ простудился: онъ два часа простоялъ на берегу рѣки въ ожиданіи парома, который долженъ былъ перевезти его на ту сторону и который находился на другомъ концѣ рѣки. Вернувшись въ Таганрогъ, онъ не захотѣлъ принять никакого лѣкарства до тѣхъ поръ, пока его духовникъ не исповѣдалъ его. „Сначала я приму Святыя Тайны“, отвѣтилъ ему императоръ, „а потомъ займемся лѣкарствами.“ Но было ужъ поздно: лѣкарство не подѣйствовало. За послѣдніе четыре дня своей жизни онъ безпрестанно звалъ къ себѣ императрицу, которая не отходила отъ него. „Елизавета! Елизавета!“ вотъ единственныя слова, которыя императоръ произносилъ послѣ долгихъ промежутковъ дремоты, и скончался, крѣпко держи императрицу за руку. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ она

серьезно заболѣла. Императоръ написалъ завѣщаніе. Черезъ каждыя 6 часовъ великій князь Константинъ принималъ гонца изъ Таганрога, наконецъ послѣдній, Гурьевъ, привезъ ему печальную вѣсть о кончинѣ Августѣйшаго брата. Константинъ лишился чувствъ и потомъ въ теченіи восьми дней не желалъ заниматься дѣлами. Онъ позвалъ своего адъютанта. „Государь, что угодно Вашему Величеству?“ спросилъ его тотъ. „Вы будете называть меня *такъ* тогда, когда и вамъ это разрѣшу“, отвѣчалъ ему новый императоръ.—

Ты получилъ указъ Италинскаго? Въ ектеніи ничего не нужно мѣнять до особаго указа изъ Синода.

Кн. Гагаринъ просить тебя сообщить ему, когда у насъ будетъ праздникъ Пасхи, потому что онъ хочетъ поѣхать во Флоренцію для того, чтобы его дѣти могли исполнить свой христіанскій долгъ. Не забудь аккуратно исполнить это порученіе.

И чувствую себя прекрасно. Гр. Мишо уѣхалъ сегодня утромъ. твои пропуски придутъ слишкомъ поздно.—Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій, чтобы узнать, какъ ты себя чувствуешь. Прощай, мой лучший другъ.

1 сего Января 1826 года.

Гонецъ отправится завтра послѣ обѣда, дорогой мой Мишель, но такъ какъ всѣ обязанности по снаряженію его лежатъ на мнѣ, можетъ быть, завтра я не буду имѣть возможности написать тебѣ. Такимъ образомъ, я дѣлаю это сегодня вечеромъ: и лягу спать поздно, послѣ того, какъ кончу письмо, полагая, что съ завтрашней почтой я могу получить извѣстія отъ Кузины и моей прелестной Пери.—Посылаю тебѣ десять луйдоровъ.

Одно письмо—къ Антонинѣ, ты потрудишься послать его съ гонцомъ, потому что, несмотря на то, что оно пойдетъ въ Петербургъ, она получитъ его скорѣе, чѣмъ по почтѣ, соединяющей Римъ съ Москвой.

Словари Альберти и книгу Ланци объ іероглифхъ я посылаю къ Бутурлинымъ. Это для того, чтобы поскорѣе получить свою книгу.

Тѣ, которыя были посланы съ пзвозчикомъ все еще въ таможиѣ. Я доведу это дѣло вплоть до Государственной Канцеляріи.

Суокойной ночи, мой милый другъ, сдѣлай одолженіе, пришли остальные мои книги и будь здоровъ.

Римъ. 4 Января.

Ты меня подвелъ, дорогой другъ, съ книгами, о которыхъ я такъ давно тебя просилъ и которыя ты заставилъ меня послать съ извозчикомъ. Оказывается, ихъ задержала римская таможня и мнѣ, *можетъ быть*, придется обойтись и безъ книгъ, и безъ денегъ! Теперь мнѣ придется начинать настоящее судебное дѣло, а ты хорошо знаешь, что нѣтъ ничего болѣе неприятнаго, чѣмъ возня съ присутственными мѣстами. А за послѣднее время у тебя были прекрасные случаи, чтобы прислать мнѣ все.—

Демидовъ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе, и я съ своей стороны примусь за свое. Гонецъ еще не возвратился изъ Неаполя, но я думаю, что онъ скоро будетъ здѣсь, и тебѣ не мѣшало бы заранѣе подумать о его снаряженіи. Съ нимъ я пришло тебѣ свое письмо къ Антонинѣ и словари, которыя я и постараюсь доставить тебѣ тѣмъ же путемъ.

Не забудь про мои книги у Бутурлина и дай мнѣ знать о доставкѣ послѣднихъ номеровъ табаку. А стихи Ламартина?—Прощай.

3-го Января 1826 года.

Для твоего успокоенія, дорогой другъ, скажу тебѣ, что Министерство Финансовъ возвратило мнѣ книги, задержанныя таможней. Но къ несчастью и Богъ знаетъ по какимъ соображеніямъ, Пятти, вмѣсто того, чтобы достать мнѣ парижское изданіе сочиненій *Баранты*, прислалъ мнѣ брюссельское изданіе, ужасное, которое никоимъ образомъ не можетъ возстановить испорченное моей собакой, и дополнить сочиненіе, которое было у Гагарина. Эга неудача, послѣ мѣсячнаго ожиданія, изводитъ меня. Какъ быть?

Какъ то въ обществѣ я встрѣтилъ двухъ дамъ Англичанокъ. Мать съ дочерью. Онѣ сказали мнѣ, что съ послѣдней ты часто танцовалъ. Я нахожу, что онѣ нехороши собой, болтливы и не считаются съ убѣжденіями другихъ. Г-жа де Сентъ-Олэръ очаровательная женщина. Какъ то разъ я бесѣдовалъ съ ней, и цѣлыхъ два часа прошли совершенно незамѣтно для насъ. Она очень привѣтлива, разсудительна и умна.—

Увы, милый другъ! Отъ Пери нѣтъ никакихъ вѣстей.—Отчасти я приписываю ихъ молчаніе впечатлѣнію, произведенному на кухню смертью императора. Знаешь ли ты, что молодой Брюловъ, изъ Неаполя, пишетъ мой портретъ, и онъ уже необычайно похожъ. Я назначаю его Марѣ Посадницѣ. Такимъ образомъ Пери, моя милая

Пери будетъ часто смотрѣть на него. Брюловъ прекрасный живописецъ, во время своего пребыванія въ Римѣ онъ написалъ 150 портретовъ, между прочимъ портретъ всей королевской семьи, не исключая и короля, который далъ ему рекомендательныя письма къ французскому двору.—

Портретъ батюшки, который мнѣ сдѣлали здѣсь, удивительно удачно передаетъ сходство. Я дарю тебѣ тотъ, который привезъ изъ Москвы и пришлю его при первомъ удобномъ случаѣ. А мои книги???... и т. д. Я чувствую себя прекрасно. Ради Бога не забудь, спроси у домового священника, когда у насъ будетъ Пасха?

4 Января 1826 года.

Я былъ очень огорченъ письмомъ Штильфердинга насчетъ тебя, дорогой другъ, и опять начинаю думать, что ни служба, ни флорентинское общество тебѣ не подходятъ. Къ дѣлу: это не должно тебя тревожить, но въ виду необходимости, я тебѣ совѣтую писать мнѣ насколько возможно просто, излагая одни только событія, и никогда не вступать ни въ какіе политическіе споры.

Къ тому же я думаю, что новое царствованіе вызоветъ крупныя перемѣны, и онѣ коснутся Флоренціи скорѣе, чѣмъ какого нибудь другого посольства. Это только предположенія, подсказанныя мнѣ моими собственными мыслями.

Теперь Италинскому было бы невозможно что либо предпринять для тебя: потому что только время можетъ освѣтить событія и дать имъ возможность войти въ свою колею. Будь покоенъ. Это единственное средство успѣть.

Завтра вѣроятно пріѣдутъ молодые Голицыны, и я заранѣе благодарю тебя за все, что ты пришлешь мнѣ съ ними.

Вотъ, милый другъ, мое новое и самое спѣшное порученіе. Тщательно разузнай, находится ли во Флоренціи нѣкій Англичанинъ, по имени Liegh (произносится *Ли*). Одна молодая особа должна выйти за него замужъ, а я ее наперсникъ и обѣщала ей провѣрить слухъ о томъ, что онъ пріѣхалъ во Флоренцію. Можно съ успѣхомъ навести объ этомъ справки въ домъ Демидова, гдѣ собираются все Англичане.

Сдѣлай мнѣ одолженіе, поскорѣе пришли мнѣ эти свѣдѣнія. потому что молодая Итальянка умираетъ отъ любви и безпокойства; къ концу будущей недѣли я буду ожидать результатовъ своей попытки и прошу тебя соблюдать на этотъ счетъ строжайшую тайну.

Ты пишешь мнѣ о Геренѣ и ничего не говоришь о моихъ книгахъ, находящихся у гр. Воронцовой, а именно: *Бильонъ* и *Геренъ*. Я нисколько не удивляюсь существующему между двумя сестрами непониманію, нужно умѣть имъ пользоваться....

Скажи, пожалуйста, г-жѣ Лотцъ, что теперь, когда такъ много лицъ сошло со сцены, она могла бы попросить гр. Мари уступить мнѣ автографъ *де Мэстра*. Шлю ей сердечный привѣтъ, также какъ и милой мадемуазель Аннетъ. Мадемуазель Лиза всегда требуетъ большаго, чѣмъ я ей обѣщала: пусть удовольствуется тѣмъ, что получила отъ Камуччини.

Увы! дорогой другъ. Прошло много времени, а я не получаю ничего отъ прелестной Перн. Ея молчаніе удручаетъ меня, потому что теперь ея письма болѣе чѣмъ когда либо нужны мнѣ. Кузина мнѣ вовсе не отвѣчаетъ, а съ другой стороны я боюсь, чтобы мои надежды не разсѣялись, какъ дымъ. Какъ быть тогда? Жестока неизвѣстность.

3 Генваря.

Голицыны пріѣхали и привезли книги, которыя ты имъ поручилъ, за исключеніемъ русской поэмы; ее у нихъ нѣтъ.

Я сейчасъ же повелъ этихъ милыхъ дѣтей къ Италинскому.

На твоёмъ предпоследнемъ письмѣ была подпись, не знаю, по какой причинѣ.

Молодые Голицыны предлагали мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ ними на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ, а затѣмъ возвратиться во Флоренцію. Это соблазнительный планъ. Я поговорю о немъ съ Италинскимъ.

Милый братъ. Я выхожу отъ Италинскаго, которому прочелъ въ слухъ депешу съ газетой, нынѣ полученную. Все очень хорошо и въ порядкѣ, старикъ доволенъ и къ тебѣ весьма благосклоннымъ себя чувствуетъ, что касается до титула, старикъ улыбнулся и отвѣчалъ: пускай называютъ, бѣды нѣтъ никакой. И такъ оставь вещи въ такомъ положеніи, въ какомъ они находятся. Но и тебѣ совѣтую партикулярно и шути о семъ объясниться съ Вѣной. Ибо надутый Сверчковъ весьма опаснѣ смиреннаго нашего схимника. Здѣсь ни я, ни меня въ иныхъ случаяхъ трудно сломить.

Донынѣ никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Курьеры сегодня ввечеру возвратятся изъ Неаполя и слѣдовательно отправятся отъ сюда, вѣроятно, послѣзавтра.

Голицыны пробыли здѣсь три дни. Я былъ боленъ четыре дни флюсомъ. или твоей болѣзнию, они навѣщали меня со своимъ лѣкаремъ и утромъ и вечеромъ.—Добрые дѣти!

Пишу тебѣ изъ канцеляріи.

Займусь потомъ отсылкою портрета и книгъ. Оставь ихъ до времени у себя, ежели Пятти не захочетъ взять ихъ обратно. Я хочу имѣть первое Парижское изданіе.

Между убитыми въ Петербургѣ находится *Фридрихъ* и нѣкоторые другіе... за доброе дѣло!

Я сегодня не получилъ никакихъ писемъ ни отъ тебя. ни изъ Парижа. Ахъ Пери, Пери!

Торвальдсенъ, сей знаменитый ваятель, подарилъ мнѣ Государевъ бюстъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе въ древней скульптурѣ, ничего похожаго съ новѣйшей. Онъ снятъ былъ для меня нарочно въ гибсѣ, съ оригинала и тѣмъ драгоцѣнное, ибо Торвальдсенъ не работаетъ въ мраморѣ, а оригиналъ имъ самимъ слѣпленъ. Какъ пріятно видѣть дышущаго въ вѣчномъ изображеніи,... великодушнаго Александра. Не забудь пожалуй моего любовнаго препорученія. Прости, будь здоровъ¹⁾.

Сего 7/19 Января 1826 года.

Надѣюсь, дорогой другъ, что вы останетесь довольны парюю словъ Италинскаго, которыя добрый старикъ посылаетъ съ гонцомъ, уѣзжающимъ сегодня вечеромъ.

Въ списокъ будетъ помѣщена посылка Строганову. если же его нѣтъ во Флоренціи, перешлите шкатулку въ Вѣну, адресъ на ней уже помѣченъ.

Сегодня утромъ я получилъ отъ моей Пери прелестное письмо, длинное, грустное. Ея братъ былъ при смерти, теперь опасность миновала.—Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю объ этомъ подробнѣе. Вотъ словечко отъ Голицыныхъ.

Здѣсь все очень хорошо къ тебѣ относятся. Старикъ поручилъ мнѣ тебѣ передать, чтобы ты хорошенько слѣдилъ за Австрійцемъ и частнымъ образомъ говорилъ ему обо всемъ, что ты сможешь *вполнѣ опредѣленно* узнать о томъ, что тотъ говоритъ и дѣлаетъ. Тебѣ слѣдовало бы *отдѣльно* поздравить старика съ новымъ годомъ.

Посылаю тебѣ портретъ. Въ пакетъ, гдѣ онъ лежитъ, находится также и стаганъ. Такъ распечатывай осторожно.—Твой вѣрный другъ.

¹⁾ Письмо писано по-русски. Орфографія подлинника.

Кстати. Ты можешь разъ—другой пойти на балъ, но не принимай дѣятельнаго участія въ танцахъ. Я повторяю слова старика.

Воскресенье, 8 часовъ вѣтера.

Четвергъ.

Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ никакихъ вѣстей отъ тебя, мой милый другъ, и у меня есть только маленькая генуэзская газетка, изъ которой, въ свою очередь, я не узнаю ничего новаго. Вчера я началъ католическій постъ, отобѣдавши у одной прекрасной дамы, Англичанки. Это былъ прощальный обѣдъ для г-жи де Сентъ-Олэръ, которая сегодня утромъ уѣзжаетъ изъ Рима. Мадамъ де Мену говорила мнѣ о вашихъ разногласіяхъ съ графиней Мари и открыла мнѣ одну тайну, которую тебѣ полезно знать, какъ руководство для обращенія съ женщинами, въ одно и то же время злыми, любезными и преданными.—Третьяго дня я обѣдалъ у французскаго посланника вмѣстѣ съ Казиміромъ де Лавинь. Глядя на Лавиня, никакъ нельзя сказать, что это величайшій во Франціи современный поэтъ. Красное личико, глаза довольно живые, но лишенная вдохновенія, виѣшность самая заурадная. Я получилъ отъ Толстого письмо въ стихахъ, гдѣ онъ жалуется на мою нелюдимость и въ своемъ посланіи касается современныхъ событій. Я очень затрудняюсь, какъ ему отвѣчать. Но все таки я это сдѣлаю. Увы! Недостатокъ вдохновенія, свойственный мнѣ отъ природы, поддался роковому вліянію злой судьбы. Стихи Толстого довольно плохи, такъ что тѣ, которые я напишу, будутъ, во всякомъ случаѣ, лучше. Прощай, мой Ангель. Я чувствую себя хорошо, но по обыкновенію, грущу.

Вчера я въ четыре часа утра возвращался домой съ бала португальскаго посланника. Отъ усталости мени стошнило. У насъ были прелестныя картины. Танцовали, но я не принималъ участія въ танцахъ. Сегодня утромъ я отправилъ длинное письмо къ Пери и буду отдыхать послѣ цѣлаго ряда шумныхъ римскихъ развлеченій. Мой портретъ, написанный Брюловымъ, необыкновенно похожъ. Слѣдствіе надъ 14-ью еще далеко не закончено, и—возможно ли? въ числѣ арестованныхъ, потомъ называютъ одного князя Долгорукаго. Кто же это? Въ списокѣ находятся Орловъ. Боже мой! Что же это за несчастное дѣло?—У меня голова идетъ кругомъ. Отъ всей души цѣлую тебя, ужъ поздно, спѣшу къ Италинскому, который наконецъ получилъ аккредитивъ.

Твой братъ Дмитрій.

Демидовъ тоже въ числѣ ихъ.

„Италианецъ во Флоренціи написалъ ругательную брошюру на покойнаго Государя. Италианецъ сей называется Канелла или что на это похожее. Какой то Англичанинъ заплатилъ ему нѣсколько лудировъ за эту брошюру. Австрійскій министръ въ Флоренціи жаловался о семъ Тѣсканскому Правительству, которое немедленно остановило сего Италианца и выгнало его немедленно изъ Тосканы.

Бомбелль далъ о семъ сюда знать и Италинскій сильно жаловался, что ты о семъ ничего не пишешь. Видишь ли, что такое австрійское посольство? Узнай, ради Бога, подробности все это и напиши сюда.

Еще другое дѣло. Жалуются здѣсь все, что ты ничего не сообщашь Енгельбасу. Какъ быть? Сейчасъ я отправилъ на почту еще одно письмо къ Кориннѣ и другое къ гр. Шуваловой. Между тѣмъ ты хранишь упорное молчаніе, дорогой другъ, молчаніе, которое я приписываю аккредитиву и твоимъ занятіямъ. Мнѣ всего интереснѣе знать, здоровъ ли ты, или по крайней мѣрѣ, что все согласуется съ твоими желаніями. Вчерашняя почта не принесла намъ ничего новаго, а въ нѣмецкой газетѣ есть ужасныя подробности русскаго заговора. Возможно ли, чтобы подобные козни замышлялись среди такого полнаго молчанія? Повидимому, каждый день открываются новыя преступленія. Я здоровъ. Прощай.“

Вторникъ.

По случаю твоего отъѣзда въ Лукку, дорогой другъ, я двѣ почты подъ рядъ не получаю отъ тебя писемъ, и сожалѣю объ этомъ, потому что самое большое мое удовольствіе—часто получать отъ тебя письма. Г-нъ Вимперъ передалъ тебѣ мое посланіе въ стихахъ и скажетъ тебѣ, что я чувствую себя хорошо, несмотря на то, что послѣ его отъѣзда я схватилъ сильный насморкъ. Гагаринъ все еще боленъ, а я съ каждымъ днемъ все больше сближаюсь съ Италинскимъ. Мое обращеніе, почти всегда ровное и спокойное, обезоруживаетъ секретаря посольства и это именно то, чего я достигъ молчаніемъ, которое прерывалъ время отъ времени, съ перваго же дня послѣ пріѣзда моего въ Римъ до сегодняшняго утра включительно. Меньшиковъ и *Кочубей* были спѣшно вызваны въ Петербургъ. Въ ангебургской газетѣ есть очень любопытная статья по этому случаю. Развѣ Кочубей, бывшій уже дважды вице-канцлеромъ, не можетъ стать настоящимъ канцлеромъ? Какъ бы это кстати для насъ было. Ахъ!—Ради Бога сообщи мнѣ чтонибудь, если ты въ состояніи чтонибудь узнать.—Кранъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жалуется, что ты корчишь изъ себя министра! Я отвѣтилъ ему очень вѣжливо.

не вдаваясь ни въ какія подробности. Ты можешь написать свои сообщенія Энгельбаху. потому что, все равно, черезъ два мѣсяца онъ получилъ бы всѣ бумаги изъ Петербурга. Ни одного письма ни отъ Пери, ни отъ кузины! Прощай.

Увѣряю тебя, милый другъ, что я не понимаю, почему во время такихъ любопытныхъ событій намъ пишутъ изъ Москвы, и ничего не сообщаютъ. Можно бы было каждый мѣсяць написать полъ-листа наполняя его восклицаніями, писать какъ можно крупнѣе, чтобы поскорѣе заполнить страницу. что совершенно бесполезно. Я видѣлъ письмо къ кн. Гагарину отъ его брата изъ Москвы, гдѣ онъ пишетъ о царящемъ тамъ спокойствіи, и опускаетъ подробности обо всѣхъ знакомыхъ.

P. S. Я узналъ, что Афросимова скончалась. А намъ ничего не пишутъ. Возвращаю тебѣ ихъ письмо.

И нездоровь. дорогой другъ, страданія меня одолеваютъ, лицо опухло, какъ полная луна, восходящая въ туманѣ, на рукѣ я ношу-фонтанель, а сегодня утромъ принялъ слабительное. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ не выхожу изъ дому. Занимаюсь то исторіей, то политикой, примѣняю настоящее къ прошедшему, будущее рисуется мнѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ, но, главнымъ образомъ, чужое будущее а не свое собственное. Наконецъ вчера, желая доставить себѣ развлеченіе—къ чему я прибѣгаю только въ исключительныхъ случаяхъ—я проглотилъ романъ. Это разсказъ о миссіонерѣ. Написанъ онъ очень хорошо, но замыселъ его опасенъ. Авторъ сопоставляетъ христіанство съ сектой Брамъ, и невольно увлекаешься индусскимъ культомъ. Герой этого романа—миссіонеръ-францисканецъ, влюбляется въ молодую жрицу-Индуску чудной красоты... Прочитай этотъ романъ, потому что, несмотря на тяжелое впечатлѣніе, которое остается послѣ чтенія, онъ необычайно любопытенъ. Описаніе Кашемира прелестно. Нетерпимость одинакова во всѣхъ сектахъ; любовь покоряетъ священника, какъ и жрицу.—Въ своемъ письмѣ ты говоришь мнѣ о намѣреніяхъ Гагарина поѣхать въ Россію, но ты не знаешь, какой это мечтатель, и то, что онъ намѣренъ сдѣлать сегодня вечеромъ, на другой день откладываетъ.—Мое намѣреніе поѣхать въ Россію не осуществится до тѣхъ поръ, пока я не получу отвѣта отъ кузины, отвѣта, повидимому не предвѣщающаго ничего хорошаго. Возможно, что Гагаринъ съ женой и дѣтьми будетъ проводить святую недѣлю во Флоренціи. Еще разъ особо поручаю тебѣ письмо гр. де Мэстра и автографъ Дамартина. Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ, которая,

очевидно, меня совсѣмъ забыла, и бѣдной Аннетъ. Прощай. Мишель. рука ужъ не двигается отъ усталости.

26-го Февраля.

Дорогой другъ. Я чувствую себя необыкновенно хорошо, но это не помѣшало мнѣ по этому же самому случаю написать отчаянное письмо золотому крану, а причину легко угадать. Но увы! я слишкомъ хорошо знаю этого человѣка: онъ сдѣлаетъ видъ, что не понимаетъ. Гагаринъ только что получилъ изъ министерства официальное и очень любезное разрѣшеніе ѣхать, куда ему заблагоразсудится. и, что лучше всего, съ сохраненіемъ полнаго содержанія. Онъ этимъ очень доволенъ. Значить, онъ не подозрѣваетъ, что видный атташе и посольство постепенно разстанутся съ нимъ. Мнѣ это тяжело, потому что, несмотря на свои княжескія замашки, онъ всегда былъ добрымъ, а иногда очень услужливымъ малымъ. Сегодня онъ написалъ г-жѣ Несс....: а утромъ прислалъ мнѣ записку, гдѣ сообщаетъ и мнѣ о банкротствѣ Ливіо. А я воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы напомнить г-жѣ Несс...., что для меня нѣтъ ни выгоды, ни необходимости оставаться далѣе при посольствѣ въ Римѣ. Я на самомъ дѣлѣ усталъ! Почти четыре года я занимаю мѣсто, не дающее мнѣ ни опыта, ни чести! Итакъ князь немедленно отправится въ путь, чтобы ѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ хочетъ говѣть и пожить нѣкоторое время. Затѣмъ онъ немедленно уѣдетъ на сѣверъ.

Во французскихъ газетахъ нѣтъ ничего любопытнаго, за исключеніемъ распрей Голландіи съ папскимъ престоломъ изъ за духовныхъ училищъ.—Кстати. Слово на смерть императора Александра, произнесенное однимъ маленькимъ поклонникомъ Данте, слабо.

Зачѣмъ понадобилось дѣлать его достояніемъ печати!—Если бы ты зналъ, какъ великолѣпенъ во всѣхъ своихъ частяхъ принадлежащій мнѣ бюстъ покойнаго императора, а такъ какъ онъ изъ мастерской великаго Торвальдсена, то главное его достоинство—то, что онъ сдѣланъ изъ гипса. Это неоцѣнимая вещь, потому что она служила образцомъ тому, кто его создалъ. Я предложилъ его кузинѣ, сказавши ей въ своемъ письмѣ, что я приплюсую его ей въ ея мирное убѣжище въ Лозаннѣ. Я увѣренъ, что такое вниманіе ее тронетъ. Коссаковскій будетъ здѣсь черезъ десять дней. Если онъ ничего не привезетъ мнѣ отъ Перу, я право буду и огорченъ, и встревоженъ. А пока небо такъ ясно, что мнѣ хочется гулять, а щека у меня распухла, чиріи не проходятъ и сегодня вечеромъ поставлю себѣ второй пластырь на лѣвую руку. Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя какъ нельзя лучше, я ѣмъ

столько, сколько мнѣ позволяютъ мои средства, и смѣюсь надъ всѣмъ свѣтомъ, въ окошко гляючи. и не имѣя ни малѣйшаго желанія видѣть кого либо. Сегодня утромъ я написалъ письмо молодымъ Голицынымъ: они подумаютъ, что я при смерти! Обѣдняя въ время болѣзни, не имѣя ни гроша ни на ѣду, ни на питье, ни на лѣкарства, ни на дѣвольскія мушки, я разрѣшаю себѣ вольность. Кузены прислали мнѣ изъ Неаполя денегъ. 12 луидоровъ. предназначавшихся для памятника, который еще не заказанъ. Я распечаталъ пачку. Увы! да! попросту. я ее началъ. Такъ сегодня я извѣщаю ихъ объ этомъ миломъ поступкѣ и думаю. что они слишкомъ молоды для того. чтобы обидѣться на меня за это; кромѣ того. я имъ заплачу... но когда? и гдѣ? и чѣмъ?— Богъ вѣсть! А пока я получилъ отъ нихъ письмо съ просьбой о пропускѣ, письмо. гдѣ они извѣщаютъ меня, что 5-го Марта пріѣдутъ въ Римъ. Я въ восторгѣ. Мы вмѣстѣ проживемъ и погуляемъ. Ахъ, если бы ты могъ пріѣхать на Пасху въ Римъ и послушать *misereere!* Было бы легко получить на это разрѣшеніе, если бы въ наше министерство не закралось новаго рода покровительство родственникамъ. однимъ позволяющее развлекаться на счетъ народнаго героя, а другимъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, сидѣть на бобахъ!

Что подѣлаешь? Всѣ же видятъ неприличіе подобнаго положенія вещей, объ этомъ всѣ говорятъ и никто не хочетъ ничего сдѣлать. Ничего не спрашивай у меня относительно моего повышенія: я въ восторгѣ. потому что это даетъ мнѣ возможность если не жаловаться. то хоть вздохнуть.—Говорить! ни за что на свѣтѣ.—Плумъ-пуддингъ отлично могъ бы догадаться!—

Отъ всей души цѣлую тебя. Ламартинъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы молчалъ, вмѣсто того, чтобы унижать такое дарованіе, какъ его поэтическій талантъ, говоря. что поэтъ можетъ говорить неправду и что преувеличеніе ему свойственно.—Правда-ли. что онъ дрался на дуэли?—

Вторникъ, 28 сего Февраля.

Твое сегодняшнее письмо. дорогой другъ, доставило мнѣ удовольствіе. безъ котораго я не могъ бы обойтись. и которое помогло моему существованію. Посылка отъ Пери! И желать передать мнѣ ее черезъ двѣ недѣли! несчастный!—Да! Пери божество, спустившееся съ высотъ персидскихъ для спасенія человѣчества, это свѣтило. направляющее его на стезю любви. Божество, удаляющее людей отъ толпы и приближающее ихъ къ небу! Мое послѣднее, длинное письмо дало тебѣ невѣрное

представленіе о моей болѣзни. То, которое я пишу тебѣ сегодня утромъ, извѣститъ тебя о полномъ выздоровленіи, о болѣе спокойномъ настроеніи духа, и о большемъ душевномъ равновѣсіи. Итал. остался очень доволенъ твоимъ докладомъ о дѣлѣ Ламартина; онъ даже приказалъ мнѣ отвѣтить тебѣ, но я отказался, сказавъ, что *не слѣдуетъ* это дѣлать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю свою книгу и вполнѣ одобряю твои предложенія золотому крану. Съ этимъ человѣкомъ нужно умѣть обращаться, держать его наготовѣ и бесѣдовать съ нимъ о царствованіи императрицы Екатерины, гдѣ и ему хотѣлось *что то* сказать! Это доставляетъ ему удовольствіе, потому что теперь онъ ничто. Кромѣ того, чтобы быть вполнѣ откровеннымъ... скажу тебѣ словечко: посылка отъ Пери!—Я приму Орлова согласно твоему желанію и такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Г. отправляется въ путь черезъ нѣсколько дней, изъ этого слѣдуетъ, что нужно хорошенько подмазать колеса и положить на волю Отца нашего небеснаго, въ милости у котораго, надѣюсь, ты долго будешь находиться. Итакъ, мы остаемся при Посольствѣ. Г. получилъ шестимѣсячный отпускъ! Твои финансы плохи, мои не лучше, но если пришлетъ графиня или золотой кранъ, то я брызну изъ него до Флоренціи. Между тѣмъ поговорю и съ послѣднимъ на счетъ твоего положенія.—Авось!—Я исполню порученія Е. В. Короля, потому что я въ восторгѣ оттого, что могу быть ему пріятнымъ.

Прощай. Посылка отъ Пери—я началъ плясать по комнатамъ и на радостяхъ стукнулся о стѣну—что, по мнѣнію людей опытныхъ, служить лучшимъ признакомъ удовольствія.

Четвергъ.

Моментъ полученія твоего письма отъ 4 Декабря совпалъ съ пріѣздомъ въ Римъ князя Щербатова. Такимъ образомъ, я тотчасъ же передалъ ему посылку, адресованную на его имя.

Кузены тоже возвратились изъ Неаполя, очарованные г-жей де Котталанъ и графиней де Сентъ-Олеръ. Они пробудутъ въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ, потому что для осмотра древностей этого города нужно время. Докторъ Альбини съ своей стороны поѣдетъ осматривать больницы, а я облегчая ему возможность все видѣть, предоставляю ему преимущества, недоступныя для другихъ. Такимъ образомъ я сдѣлаю новый осмотръ древностей и больницъ. Князь Гагаринъ дожидается только возвращенія гр. Коссаковскаго, и тогда немедленно отправится въ путь.

Его отъѣздъ меньше всего меня тревожитъ, но что меня бѣситъ, такъ это то, что я до сихъ поръ не могу получить посылку отъ Пери, потому что Орловъ еще не пріѣхалъ. Кормани прислалъ Италинскому

новый Календарь, и я замѣтилъ послѣднему, что на сей разъ весь орденъ были подъ нумерами, заставивъ его взглянуть на старинный календарь, гдѣ была помѣщена только четвертая ихъ часть. Это мелочи, но онѣ часто производятъ сильное впечатлѣніе. Старикъ остался доволенъ. Я угадалъ отвѣтъ крана: онъ притворяется непонимающимъ, и не говоритъ со мной о книгахъ. Но я не смущаюсь и опять черезъ нѣсколько дней возвращусь къ своей двойной должности. Къ чему приведетъ одновременная получка моихъ писемъ? Это происходитъ, должно быть, по небрежности вашей почты, у которой не хватаетъ времени для просмотра, или отъ Петра, который не вынулъ ихъ во время. Я чувствую себя чудесно и вполне согласенъ съ тобой, что при всякихъ жизненныхъ обстоятельствахъ здоровье есть первое условіе счастья. Г-жа де Сентъ Оларъ возвратится въ скоромъ времени. А вмѣстѣ съ нею вернутся и болтовня и религіозныя бесѣды, но глубокія и почерпнутыя изъ первыхъ источниковъ.

Я охотно исполню просьбу и при первомъ удобномъ случаѣ пришлю тебѣ поэму Чайльдъ Гарольдъ, несмотря на то, что въ немъ заключаются замѣтки Пери. Я увѣренъ, что ты не будешь ихъ вычеркивать, и если я удостоился узнать чувства этой чудной женщины, ты больше меня достоинъ этого. Взамѣнъ прошу тебя немедленно прислать мнѣ *по почте*, оба Оправданія Ламартина.

Лавинъ не одобряетъ его поведенія: Лавинъ, такой добрый и простой человекъ! Послѣ возвращенія кузеновъ моя жизнь стала разнообразнѣе, и я имѣю удовольствіе четверть дня кататься въ экипажѣ, радость, которую рѣдко приходится испытывать богатымъ людямъ, но которыя очень чувствительны для бѣдныхъ. Прощай, дорогой другъ. Кстати, Италинскій поручилъ мнѣ узнать у тебя одну вещь.— Я не такъ началъ фразу, нужно узнать, сколько стоитъ Италинскому послѣдній томъ *Кювье*.

Ты можешь отъ его имени навести справки у Пятти, его поставщика книгъ.

Я замѣчаю, что, несмотря на наступленіе новаго года, ты продолжаешь ставить цифры на депешахъ и на моихъ письмахъ. Когда же ты начнешь съ начала? Извѣсти меня о полученіи этого письма и будь здоровъ. Прощай.

Дмитрій.

Вторникъ.

Не нужно удивляться неудовольствію великой княгини по поводу ареста Княжевича. Это саксонская принцесса, а саксонская принцесса, мы знаемъ, не можетъ дать Россіи благополучія.

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЬНИЦЪ.

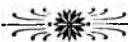
Д. Д. ЯЗЫКОВА.

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ...

Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

(Второе дополненное изданіе).

МОСКВА.
1915.

Первый выпускъ моего «Обзора жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», давно ставшій библиографическою рѣдкостью, недавно вышелъ вторымъ изданіемъ въ наиболѣе полномъ видѣ. Въ настоящее время и для второго выпуска моего «Обзора» дошла очередь вновь появиться со многими дополнительными свѣдѣніями на страницахъ Русскаго Архива, благодаря просвѣщенному вниманію издателя этого сборника Петра Юрьевича Бартенева, которому считаю долгомъ выразить за это самую глубокую признательность.

Дим. Языковъ.

Русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1882 году.

Адоратскій, Стефанъ Ивановичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ Казанской губерніи (1818 г.); учился въ мѣстной семинаріи и въ Кіевской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1843 г.)—священникъ и позже протоіерей при Покровской церкви въ Казани, гдѣ и умеръ 24 августа.—Его труды:

„Собраніе словъ, поученій и рѣчей“ съ присовокупленіемъ размышленій, изъясненій и замѣчаній на отдѣльные тексты Священнаго Писанія и на нѣкоторыя изреченія молитвъ церковныхъ, Казань 1863 г., V+ 507 стр.

„Слово, произнесенное 31 декабря 1867 года,“ Казань 1868 г., 17 стр.

„Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы“ (*Извѣстія по Казанской епархіи* 1876 г., № 20 и отдѣльно: Казань 1876 г., 7 стр.).

„Отчетъ о дѣятельности приходскаго попечительства Казанской Покровской церкви за 1877 годъ,“ Казань 1878 г., 7 стр.

Александровскій, Николай Семеновичъ²⁾, изъ духовнаго званія, высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1836 г.), онъ приобрѣлъ степень доктора медицины (1839 г.) и состоялъ врачомъ: при второй артиллерійской бригадѣ (1829—1843 гг.), при имѣніяхъ Сухово-Кобылина въ Ярославской и Тульской губерніяхъ (1843—1844 гг.), при Арбатской части, Театральной дирекціи и Попечительствѣ для бѣдныхъ въ Москвѣ, а также ординаторомъ при Старо-Екатерининской больницѣ для чернорабочихъ и директоромъ Маріинскаго дѣтскаго пріюта; † 27 октября въ Москвѣ.—Ему принадлежали:

¹⁾ О немъ: „Словари“—Русскій Биографическій (т. I, стр. 82) и Венгерова (т. I, стр. 127 и 915).—„Исторія Кіевской Духовной Академіи,“ В. Аскоченскаго, Спб. 1863 г., т. I, стр. 215.—„Русскія книги“ и „Источники словаря,“ С. Венгерова.—Брошюра; „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи,“ Кіевъ 1869 г., стр. 338 и 442.

²⁾ См. „Отчетъ Московскаго Университета за 1836 годъ,“ стр. 112.—„Лѣтопись Хирургическаго Общества,“ М. 1882 г.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 307.—Русскій Биографическій Словарь, т. I, стр. 122—123.—„Источники словаря,“ С. Венгерова, т. I, стр. 33.—„Русскіе врачи-писатели,“ Л. Змѣева, вып. I, стр. 3; вып. III, стр. 1.

„De harphalographia,“ диссертация на степень доктора медицины, М. 1839 г. Статьи въ *Литописнхъ Московскаго Хирургическаго Общества*: „О перевязываніи ранъ“ (1874—1875 гг.), „О благотворномъ вліяніи холодныхъ обертываній на септическую лихорадку“ (1875—1876 гг.), „О полезномъ дѣйствіи клистировъ съ хлористымъ потассіемъ въ дизентеріи у дѣтей“ (*тамъ же*), „Два случая консервативнаго лѣченія осложненныхъ переломовъ“ (1876—1877 гг.) и „Ліез, излѣченный большимъ клистиромъ“ (1880 г.).

Алексинскій, Евѣимій Михайловичъ¹⁾, сынъ протоіерея, родился 18 декабря 1813 года въ селѣ Ивановѣ (нынѣ—городъ Иваново-Вознесенскъ); воспитывался въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ, Владимірской семинаріи и Московской Духовной Академіи; по окончаніи курса магистромъ богословія (1838 г.) былъ преподавателемъ философіи и словесности въ Псковской семинаріи (1838—1839 г.), а затѣмъ профессоромъ логики и психологіи, латинскаго и еврейскаго языковъ, нравоучительнаго богословія, гомилетики и ученія о расколѣ въ Московской семинаріи (1839—1868 гг.), причемъ съ 25 декабря 1844 года служилъ въ священномъ санѣ; наконецъ—протоіерей при храмѣ Ремесленной богадѣльни и позже при Воскресенской церкви, что въ Гончарахъ (1869—1882 гг.); † 11 іюля въ Москвѣ.—Имъ напечатана магистерская диссертация: „Св. Амвросій, епископъ Медиоланскій“ (*Православное Обзорніе* 1861 г., кн. 4, стр. 465—502 и кн. 5, стр. 19—49).

Антоновскій, Николай Семеновичъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился въ Орловской губерніи (1837 г.) и высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи; по окончаніи курса лѣкаремъ съ серебряною медалью (1861 г.) былъ прикомандированъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю и получилъ степень доктора медицины (1864 г.); послѣ того служилъ врачомъ при 1-ой пѣшей резервной батарее, ординаторомъ въ Омскомъ военномъ госпиталѣ, главнымъ докторомъ Керчь-Эникальскаго военнаго госпиталя и Керченскаго мѣстнаго лазарета; † въ Керчи.—Его труды:

„Сравнительный взглядъ на употребительные способы искусственнаго возбужденія преждевременныхъ родовъ,“ докторская диссертация, Сиб. 1864 г., 63 стр.

¹⁾ О немъ: „Исторія Московской Духовной Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 239 и 546.—*Московскія Церковныя Вѣдомости* 1882 г., № 31, стр. 428—433.—*Православное Обзорніе* 1882 г., кн. 8, стр. 780—788.—„Исторія Шуйскаго дух. училища,“ Е. Правдина, Влад. 1887 г., стр. 193.—„Московская дух. семинарія,“ Н. Кедрова, М. 1889 г., стр. 19 (приложеніе).—„Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи,“ А. Смирнова, Влад. 1897 г., вып. II, стр. 195—201.—„Русскій Біографическій Словарь,“ Сиб. 1900 г., т. II, стр. 1.

²⁾ См. о немъ книгу Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели,“ Сиб. 1889 г., вып. IV, стр. 10.

„Кишечный камень“ (*Протоколы Петербургскаго Общества Русскихъ Врачей* 1867—1868 г.).

„Необыкновенно продолжительный и глубокий сонъ“ (*тамъ же* 1868—1869 г.)

Аристовъ, Николай Яковлевичъ¹⁾—русскій историкъ, сынъ сельскаго священника Тамбовской губерніи, родился въ 1834 году; воспитывался въ Тамбовской семинаріи и въ Казанской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса кандидатомъ богословія (1858 г.) состоялъ преподавателемъ математики и словесности въ Симбирской семинаріи (1858—1861 гг.); затѣмъ, выйдя въ отставку, жилъ въ Петербургѣ и, подъ руководствомъ академика Н. Г. Устрялова, специально изучалъ русскую исторію (1861—1866 гг.); послѣ экзамена и защиты диссертациі на степень магистра русской исторіи (а позже и доктора по той же наукѣ), занималъ кафедру русской исторіи въ Казанскомъ Университетѣ, какъ доцентъ (1867—1869 гг.) и какъ профессоръ Варшавскаго (1869—1883 гг.) и Харьковскаго (1873—1875 гг.) Университетовъ; наконецъ былъ ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института (1875—1882 гг.); † 26 августа въ Нѣжинѣ.—Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Взглядъ христіанства на сновидѣнія“ (*Тамбовскія Епарх. Вѣдомости* 1854 г.).

„Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра“ (*Православный Собесѣдникъ* 1859 г., кн. 5 и 12).

„Повѣсть о бражникахъ“ (*Русская Бесѣда* 1859 г., кн. 18).

„Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ“ (*Православный Собесѣдникъ* 1860 г., кн. 4—6).

„Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей“ (*Духъ Христіанства* 1861 г. кн. 2 и 3).

„О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ“ (*тамъ же*, кн. 4).

¹⁾ О немъ см. періодическія изданія 1882 года: *Вѣкъ*, кн. 11, отд. III, стр. 158—188; кн. 12, стр. 189—207; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, кн. 10, отд. IV, стр. 109—110; *Извѣстія Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ*, т. VII, отд. I, стр. 1—6; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 225; *Кіевлянинъ*, № 196; *Московскія Вѣдомости*, № 245; *Новое Время*, № 2333; *Свѣтъ*, № 193; *Церковно-Общественный Вѣстникъ*, № 115.—*Московскія Вѣдомости* 1883 г., № 257.—Брошюра В. К. Симанскаго: „Библиографія сочиненій проф. П. Я. Аристова“ (Спб. 1887 г., 16 стр.).—„Историческая записка о дѣятельности Импер. Московскаго Археологическаго Общества“ (М. 1890 г., приложение, стр. 112—114).—„Словари“ Березина, Брокгауза и Венгерова.—„Исторія Казанской Дух. Академіи“, П. Знаменскаго, Казань 1891—1892 гг., выш. I и III (по указателю).—„Русскія книги“ и „Источники словаря“, С. Венгерова.—„Русскій Биографическій Словарь“, Спб. 1900 г., т. II, стр. 283—288.—Книга: „Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, 1875—1900 гг., стр. 2—6.—„Биографическій словарь профессоровъ Казанскаго Университета“, Казань 1904 г., ч. I.—„Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія“, Харьковъ 1908 г.

- „По поводу новыхъ изданій о русскомъ расколѣ“ (*Время* 1862 г., кн. 1).
- „Очеркъ крестьянской свадьбы“ (*Воля* 1862 г., №№ 13—14 и 16).
- „О книгѣ Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ (*Библиотека для Чтенія* 1862 г., кн. 4 и *Свѣточъ* 1862 г., кн. 6).
- „Отживающія возрѣнія“ (*Библиотека для Чтенія* 1862 г., кн. 5, подъ псевдонимомъ: „Н. Я. Вѣтвицкій“).
- „Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала“ (*тамъ же*, кн. 6, подъ тѣмъ же псевдонимомъ).
- „Что нужно для русской исторіи въ настоящее время?“ (кн. 8, подъ указаннымъ псевдонимомъ).
- „Внутреннее обозрѣніе“ (кн. 10).
- „Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи“ (кн. 12, за подписью „Н. Вѣтвицкій“).
- „Разборъ“ книги Костомарова: „Сѣверно-русскія народонаравства“ (*Библиотека для Чтенія* 1863 г., кн. 3).
- „Раскольниковы дѣла XVIII столѣтія“ (*тамъ же*, кн. 4).
- „Русскіе города и ихъ администрація“ (кн. 6).
- „Разборъ“ книги Есипова: „Царица Евдокія Ѳеодоровна“ (*тамъ же*).
- „Устройство раскольниковыхъ общинъ“ (кн. 7).
- „О книгѣ Глѣбова: Психологія“ (кн. 10).
- „Преданія о разбойникахъ“ (*Сѣверное Сіяніе* 1864 г., № 2).
- „Посошковъ и Аврамовъ“ (*Библиотека для Чтенія* 1864 г., кн. 2).
- „Разборъ“ книги Устрялова: „Исторія царствованія Петра Великаго“ (кн. 6).
- „О сельскомъ управленіи“ (кн. 8).
- „Рецензія“ на книгу Костомарова: „Кто былъ первый Лжедмитрій?“ (*тамъ же*).
- „Разборъ“ сочиненія Добрякова: „Русская женщина въ домонгольскій періодъ“ (кн. 9).
- „Разбойники и бѣглецы временъ Петра Великаго“ (кн. 10 и 11).
- „Казнь Пугачева“ (*Сѣверное Сіяніе*) 1864 г., кн. III, вып. 6).
- „Промышленность древней Руси“ (*Библиотека для Чтенія* 1865 г., кн. 6—8). — Этотъ трудъ въ болѣе обширномъ видѣ вышелъ отдѣльною книгою подъ тѣмъ же заглавіемъ (Спб. 1866 г., 321 стр.) и послужилъ автору диссертациею на степень магистра русской исторіи.
- „Разборъ“ книги Барсова: „Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1865 г., № 319).
- „Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ“ (*Литературная Библиотека* 1866 г., кн. 4).
- „О сочиненіи Ѳирсова: Положеніе инородцевъ въ сѣверо-восточной Россіи“ (*Отечественныя Записки* 1866 г., кн. 11).
- „О Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи и Древностей“ (кн. 23).
- „Книга Посселята: Францъ Лефортъ“ (*Отечественныя Записки* 1867 г., кн. 1).
- „Объ Исторіи Россіи Соловьева“ (кн. 2).
- „Разборъ“ сочиненія Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія“ (кн. 3).
- „О Русскомъ Архивѣ Бартенева“ (кн. 6).
- „О Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи и Древностей“ (кн. 8, 14 и 20).
- „Записки по отдѣленію этнографіи Импер. Русскаго Географическаго Общества“ (кн. 8).

- „Преданія о кладахъ“ (*Записки Импер. Русск. Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи* 1867 г., т. I).
- „О книгѣ Дубровина: Закавказье“ (*Отечественныя Записки* 1867 г., кн. 9).
- „По поводу Памятной книжки Таврической губерніи“ (кн. 19).
- „О книгѣ Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты“ (кн. 20).
- „Разборъ“ сочиненія Хмырова: „Графиня Е. И. Головкина“ (кн. 22).
- „О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи,“ вступительная лекція (*Ученія Записки Казанскаго Университета* 1868 г., вып. I).
- „Описаніе города Тамбова и Верхоцескихъ областей“ (*Литотисъ занятій Археологической Коммисіи* 1868 г., вып. IV).
- „Объ отличительныхъ чертахъ древнерусской исторической жизни,“ вступительная лекція (*Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1870 г., кн. 1).
- „По поводу диспута г. Пильскаго“ (*Заря* 1870 г., кн. 11).
- „Хрестоматія по русской исторіи для изученія древнерусской жизни, письменности и литературы, отъ начала письменности до XVI вѣка,“ Варшава 1870 г., 800 стр.
- „Судьба русской женщины въ до-Петровское время“ (*Заря* 1871 г., кн. 2).
- „Разборъ“ книги Пловайскаго: Гродненскій сеймъ“ (кн. 5).
- „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“, диссертация на степень доктора русской исторіи, Варшава 1871 г., 128 + XLVI + 100. Первоначально этотъ трудъ былъ напечатанъ въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* (1871 г., кн. 1—4).
- „Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ вѣсепъ“ (*Филологическія Записки* 1874 г., вып. 3—5; 1875 г., вып. 1—2 и отдѣльно: Воронежъ 1875 г., 165 стр.).
- „Преданія о мѣстныхъ святыняхъ“ (*Древняя и Новая Россія* 1875 г. кн. 6).
- „Разборъ“ книги Владимірскаго-Буданова: „Государство и народное образованіе въ Россіи“ (кн. 9).
- „Повѣсть о Оумѣ и Еремѣ“ (*Древняя и Новая Россія* 1876 г., кн. 3).
- „Разборъ“ сочиненія Загоровскаго: „Историческій очеркъ займа по русскому праву“ (кн. 5).
- „О симбирскихъ раскольникахъ“ (*Православный Соборникъ* 1877 г., кн. 1).
- „О землѣ Половецкой“ (*Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко* 1877 г., т. I).
- „Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I“ (*тамъ же* т. III).
- „Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ“ (*Труды третьяго Археологическаго Съезда* 1878 г., т. I).
- „Замѣтка о поученіяхъ епископа Серапіона“ (*тамъ же*, т. II).
- „Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ“ (*Древняя и Новая Россія* 1878 г., кн. 5—9).
- „Александръ Григорьевичъ Ильинскій,“ некрологъ (*тамъ же*, кн. 5).
- „Названіе и гербъ города Рязжака“ (*Древняя и Новая Россія* 1879 г., кн. 6).
- „Разработка русской исторіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ“ (*Историческій Вѣстникъ* 1880 г., кн. 4).
- „Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ“ (кн. 9).
- „Симбирскіе юродивые“ (кн. 11).
- „Къ характеристикѣ Иоанна, бывшаго епископа Смоленскаго“ (кн. 12).
- „О Славянскихъ минеральныхъ водахъ“ (*Иедля* 1881 г., № 22).

„Гоголь, какъ націоналистъ“ (*Вѣкъ* 1882 г., кн. 2—4).

„Жизнь Аванасія Прокофьевича Щанова“ (*Историческій Вѣстникъ* 1882 г. кн. 10—12 и отдѣльно: Сиб. 1883 г., 192 стр.).

„Историческое значеніе сочиненій Гоголя“ (*Историческій Вѣстникъ* 1883 г., кн. 9).

Кромѣ названныхъ трудовъ, изъ-подъ пера Н. Я. Аристова вышли біографическіе очерки: „Андрей Іоанновъ Журавлевъ,“ „Андреянъ Сергѣевъ,“ „Иванъ Анкиндиновъ,“ „Арсеній Глухой,“ „Арсеній Грекъ,“ „Арсеній Сухановъ“ и „Расколучитель Евѣимій.“ Эти очерки были напечатаны въ „Энциклопедическомъ Словарѣ,“ составленномъ русскими учеными и писателями (Спб. 1861—1863 гг., т. IV и V).

Послѣ же смерти Н. Я. Аристова, появились слѣдующіе его труды: „Сочиненія Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки,“ Сиб. 1887 г., 148 стр. съ портретомъ Гоголя. — Это — перепечатка вышеуказанныхъ статей Аристова: „Гоголь, какъ націоналистъ“ и „Историческое значеніе сочиненій Гоголя.“

„Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанию русскихъ лѣтописей,“ Сиб. 1888 г., 188 стр.

„О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губерніи“ (*Труды четвертаго Археологическаго Съезда*, Казань 1891 г., т. II).

Артлебенъ, Николай Андреевичъ¹⁾, архитекторъ-археологъ, бывший редакторомъ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (съ № 43 за 1879 годъ до половины марта 1882 года), родился 13 марта 1827 года; умеръ 14 марта 1882 года во Владимірѣ. — Его труды:

„Кафельная печь въ архіерейскомъ домѣ въ Суздаль“ (*Владимірскія Губ. Вѣдомости* 1863 г., № 29 и *Извѣстія Импер. Археологическаго Общества*, т. IV, вып. 4).

„Древнія фрески, открытыя въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ“ (*Труды Владимірскаго губ. статистическаго Комитета* 1863 г., вып. I).

„Археологическое извѣстіе о Переяславскомъ Спасскомъ соборѣ“ (*Владимірскія Губ. Вѣдомости* 1864 г., № 28).

„Евангеліе 1544 года Боголюбова монастыря“ (*Древности — Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества* 1865 г., т. I).

„Храмозданная грамота 1684 года на постройку деревянной церкви въ селѣ Пговѣ, Меленковскаго уѣзда“ (*Владимірскія Губ. Вѣдомости* 1873 г., № 39).

„О рукописномъ синодикѣ 1672 года“ (*Древности — Труды Импер. Московскаго Археологическаго Общества* 1874 г., т. IV).

„Старинныя акты“ (*Владимірскія Губ. Вѣдомости* 1876 г., №№ 1 и 20; 1877 г., №№ 5 и 10; 1879 г., № 48; 1880 г., №№ 11, 12, 45, 46 и 51).

„Владимірскій кремль-городъ,“ 1625 г. (1877 г., №№ 1—3, 6 и 7).

„Сказка игуменіи Владимірскаго Успенскаго монастыря Неонилы“ (1877 г., № 13).

¹⁾ О немъ: *Владимірскія Епарх. Вѣдомости* 1882 г., № 8. — *Владимірскія Губ. Вѣдомости* 1882 г., № 13. — *Педьяи Строителя* 1882 г., № 11. — „Словарь“ и „Источники“ Венгерова. — „Русскій Біографическій Словарь,“ Сиб. 1900 г., т. II, стр. 330—331. — „Портретная галерея уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи.“ А. Смирнова. Владиміръ 1904 г., стр. 29—31 (съ портретомъ).

„Къ вопросу о такъ называемой Халдейской печи“ (*Древняя и Новая Россія* 1878 г., кн. 1 и *Историческій Вѣстникъ* 1899 г., кн. 9, стр. 1056).

„Древняя церковь XVII вѣка въ селѣ Драчевѣ, Меленковского уѣзда“ (*Владимірскія Губ. Видомости* 1879 г., № 45).

„Казанскій соборъ въ городѣ Вязникахъ“ (1880 г., № 2).

„О писце и оберточно-бумажныхъ фабрикахъ и картонныхъ заведеніяхъ“ (№ 6).

„Старинная деревянная церковь въ селѣ Глотовѣ, Юрьевского уѣзда“ (№ 28).

„Церкви въ селѣ Станкахъ, Вязниковскаго уѣзда“ (№ 32).

„Замѣтка о Переславскомъ Горницкомъ монастырѣ“ (№ 43).

„Указы Петра I Ефрему, митрополиту Суздальскому и Юрьевскому,“ 1709—1710 гг. (№ 44).

„Общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области“ (*Ежегодникъ* Владимирскаго Статистическаго Комитета за 1880 г.).

„Каталогъ старинныхъ рукописей, печатныхъ книгъ, грамотъ и актовъ, хранящихся въ библиотекѣ Флорищевой пустыни, въ Гороховецкомъ уѣздѣ“ (*Владимірскія Губ. Видомости* 1880 г., №№ 47—49, 51—52; 1881 г., №№ 2, 4—7).

Сверхъ указанныхъ статей, Н. А. Артлебенъ помѣстилъ нѣсколько археологическихъ замѣтокъ въ изданіи Импер. Московскаго Археологическаго Общества: „Матеріалы для археологическаго словаря“ (см. „Историческую Записку“ названнаго Общества, М. 1890 г., стр. 26, 33 и 38).

Бакунинъ, Алексѣй Александровичъ¹⁾, изъ дворянъ, сынъ тверскаго помѣщика, родился 22 марта 1823 года; высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента (1843 г.) состоялъ на гражданской службѣ, а во время войны 1854—1856 годовъ въ ополченіи отъ Тверской губерніи; съ 1860 до 1863 годовъ—предводитель дворянства Новоторжскаго уѣзда; † въ 1892 году.— Въ теченіе почти всей своей жизни онъ занимался, какъ любитель, мѣстной ботаникой и составилъ обширный трудъ: „Тверская флора,“ одна часть котораго—„Списокъ цвѣтковыхъ растений тверской флоры“—напечатана въ *Трудахъ* Петербургскаго Общества Естествоиспытателей (1889 г., т. X), а другая часть включена въ „Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи“, В. И. Покровскаго (Тверь 1870 г., ч. I).

Барскій, Авраамъ Андреевичъ, по происхожденію—еврей, окончилъ курсъ на математическомъ факультетѣ Новороссійскаго Университета и въ Цюрихскомъ Политехникумѣ, гдѣ получилъ званіе

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета за 1843 годъ,“ стр. 86.—*Русскія Старина* 1877 г., т. XX, стр. 335.—„Источники“ и „Русскія книги“ Венгерова.—„Энциклопедическій Словаръ“ Брокгауза, Сиб. 1905 г., первый дополнительный томъ, стр. 203.—„Новый энциклопедическій словарь“ его же, Сиб. 1911 г., т. IV, столб. 808.

инженера; послѣ участія въ прорытіи Сень-Готардскаго туннеля, вернулся въ Россію и напечаталъ рядъ статей по сврейскому вопросу въ *Разсвѣтъ* (1881—1882 гг.): онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1882 году, въ Петербургѣ (см. „Словарь“ Венгерова, т. II, стр. 155 и „Русскій Біографическій Словарь“, Спб. 1900 г., т. II, стр. 513).

Баршевъ, Сергѣй Ивановичъ¹⁾, сынъ священника, родился 17 сентября 1808 года; учился въ Московской семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую Духовную Академію (1835 г.), но пробылъ въ ней только три года; избранный для спеціального знакомства съ правовѣдніемъ при второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи (1829 г.), онъ подъ руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго изучалъ русское законодательство, а съ 1831 года былъ отправленъ въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ; по возвращеніи же въ Россію (1834 г.), удостоенный степени доктора законовѣднія, опредѣленъ съ 1835 года профессоромъ въ Московскій Университетъ, гдѣ и занималъ кафедру уголовного права до 14 февраля 1876 года вмѣстѣ съ должностью ректора (съ 1863 до 31 декабря 1870 г.); назначенный почетнымъ опекуномъ (1876 г.), онъ до дня смерти управлялъ Импер. Московскимъ Техническимъ Училищемъ, Дѣтскою больницею и Домомъ призрѣнія гр. Шереметева; † 7 марта въ Москвѣ.—Его труды:

„Положенія, извлеченныя изъ науки законовѣднія.“ Спб. 1835 г., IV стр.

„О мѣрѣ наказанія“, докторская диссертация, М. 1840 г., I—279 стр.

„О влѣненіи въ правѣ“, актовая рѣчь, М. 1840 г., 61 стр.

„Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ“, М. 1841 г., 107 | 250 стр.

„Состояніе вопроса о смертной казни въ государствахъ европейскіхъ въ наше время“ (*Юридическія Записки*, изд. Рѣдкимъ, 1841 г., т. I).

„О вліяніи народныхъ предразсудковъ на показаніе“ (*тамъ же*).

„О превосходствѣ процесса слѣдственнаго предъ обвинительнымъ“ (*тамъ же*).

„Французскій уголовный процессъ“ (*Москвитинъ* 1842 г., кн. 4).

¹⁾ О немъ: „Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета“, М. 1855 г., ч. I, стр. 63—66.—„Словари“ Березина, Брокгауза, Венгерова и Ключникова.—„Источники“ и Русскія книги, Венгерова.—*Современная Литотпись* 1866 г., № 1.—Газета *Москва* 1868 г., № 1.—*Русскій* Погодина 1868 г., №№ 3—4, 7—8.—*Московскія Видомости* 1868 г., №№ 38, 42 и 53.—*Русскія Видомости* 1868 г., №№ 45—46, 60—61, 65—68, 71—72 и 164.—„Исторія Московской Духовной Академіи“, С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 487.—*Современныя Извѣстія* 1881 г., № 288.—*Московскія Видомости* 1882 г., № 11.—*Новое Время* 1882 г., № 2165.—*Православное Обозрѣніе* 1881 г., кн. 3, стр. 524—528.—*Русская Старина* 1886 г., кн. 8, стр. 387—388.—*Сиверъ* 1889 г., № 15, стр. 291.—„Историческій очеркъ Московской дух. семинаріи“, М. 1889 г., приложение, стр. 53.—Сборникъ *Ночинъ*, М. 1896 г., стр. 13.—„Русскій Біографическій Словарь“, Спб. 1900 г., т. II, стр. 521—523.

- „О тюремныхъ и исправительныхъ заведеніяхъ“ (*тамъ же* 1844 г., кн. 1).
- „О злоупотребленіяхъ формальнаго защищенія“ (*Московскія Вѣдомости* 1854 г., № 27).
- „О мѣрѣ наказанія по мѣрѣ умысленности преступленія въ древнемъ русскомъ правѣ“ (*Москвитинъ* 1854 г., кн. 9).
- „С. Е. Десницкій“ (*Биографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*, М. 1855 г., ч. I, стр. 297—301).
- „Х. Ю. Штельцеръ“ (*тамъ же*, ч. II, стр. 633).
- „Ионаанъ Брадфордъ, жертва уголовного правосудія“ (*Русскій Вѣстникъ* 1856 г., кн. 7).
- „О правѣ помилванія“ (*Московскія Вѣдомости* 1856 г., № 119). Этотъ трудъ помѣщенъ еще въ брошюрѣ: „Рѣчи, стихи и изслѣдованія, написанныя ко дню коронаціи“ (М. 1856 г.) и также вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ (М. 1856 г., 12 стр.)
- „О судѣ присяжныхъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 9 и 10).
- „Объ устности и гласности уголовного судопроизводства“ (кн. 14).
- „Взглядъ на науку уголовного законовѣдѣнія“ (*Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія* 1858 г., т. ХСVIII, кн. 6).
- „О необходимыхъ гарантіяхъ уголовного суда“ (*Русскій Вѣстникъ* 1859 г., кн. 9).
- „Объ апелляціи въ области уголовного суда“ (*Журналъ Мин. Юстиціи* 1860 г., кн. 2).
- „О слѣдствіи“ (*тамъ же*, кн. 3).
- „Объ отдѣленіи слѣдствія спеціальнаго отъ предварительнаго“ (*Юридическій Журналъ* 1861 г., кн. 10).
- „О необходимыхъ условіяхъ плодотворнаго развитія института присяжныхъ“ (*тамъ же* 1862 г., кн. 11).
- „Задача присяжныхъ въ дѣлѣ уголовного суда“ (*Русскій Вѣстникъ* 1863 г., кн. 5).
- „Спорный юридическій вопросъ“ (*тамъ же* кн. 8).
- „Разборъ“ книги В. Спасовича: „Учебникъ уголовного права“ (1864 г., кн. 4).
- „Къ ученію о покушеніи“ (*Московскія Университетскія Извѣстія* 1865 г., кн. 4).
- „Памяти К. Я. Млодѣвскаго“ (*Московскія Вѣдомости* 1865 г., № 215). Этотъ некрологъ также вошелъ въ брошюру: „Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета“ (М. 1866 г.).
- „Рѣчь на Карамзинскомъ юбилеѣ“ (*Московскія Вѣдомости* 1866 г., № 255).
- „О подстрекательствѣ“ (*Журналъ Мин. Юстиціи* 1868 г., кн. 5).
- „Къ вопросу о вмѣняемости“ (*Русскій Вѣстникъ* 1868 г., кн. 12).
- „Объ обманѣ въ юридическомъ отношеніи“ (*тамъ же* 1871 г., кн. 5).
- „О существѣ власти и обязанности присяжныхъ“ (*Юридическій Вѣстникъ* 1874 г.).
- „Рѣчь въ засѣданіи перваго съѣзда русскихъ юристовъ“ (*Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія* 1875 г., кн. 10).
- Басистовъ, Павелъ Евѣимовичъ¹⁾, изъ мѣщанъ, родился

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1843 годъ, стр. 83 и 88—89. — „Словари“: Березина, Брокгауза, Венгерова, Ключникова и Толя. — Периодическія изда-

въ 1823 году; учился во 2-ой Московской гимназiи и на философскомъ факультетѣ Московскаго Университета; выпущенный изъ Университета со степенью перваго кандидата (1843 г.) и съ золотою медалью за сочиненіе: „Объ историческомъ развитіи риторики у древнихъ народовъ, примѣнительно къ нынѣшнему ея состоянію,“ онъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ Тверской и 1-ой Московской гимназiяхъ, Александровскомъ и Николаевскомъ институтахъ, во 2-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, Мѣщанскомъ и Театральномъ училищахъ въ Москвѣ (1843—1869 г.); послѣ временной отставки, когда ему пришлось состоять на службѣ въ правленіи одной изъ желѣзныхъ дорогъ, снова занялъ мѣсто учителя русскаго языка въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ; съ 1878 года—членъ училищнаго отдѣленія Московской городской управы, завѣдующій думскими городскими школами, членъ училищнаго городского совѣта и предѣдатель учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній; † 10 іюня въ Москвѣ.—Имъ напечатаны:

„Система синтаксиса,“ М. 1848 г.; второе изданіе: М. 1878 г.

„Объ историческомъ значеніи Платонова Симпосіона“ (*Отечеств. Записки* 1850 г., кн. 9).

„Давно ужъ мнѣ казались дикі...“, стихотвореніе (*Шансонъ* 1851 г., кн. 1).

„Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго,“ чтеніе для юношества, съ литографиров. картиной, М. 1854 г.; второе изданіе: М. 1883 г.

„Разборъ“ книги Кулиша: „Записки о жизни Гоголя“ (*Отечеств. Записки* 1856 г., кн. 9 и 11).

О „Губернскихъ очеркахъ“ Щедрина (1857 г., кн. 8).

О „Стихотвореніяхъ“ Полскаева (кн. 10).

„Разборы“ комедіи Тарасенкова: „Сплонъ да рядомъ“ и „Стихотвореніи“ Е. Вердеревскаго (кн. 11).

О „Драматическихъ очеркахъ“ М. Владыкина (кн. 12).

„Разборъ“ сочиненія Гута: „Мысли о нравственномъ воспитаніи“ (*Журналъ для воспитанія* 1857 г., т. III).

О „Грамматикѣ“ Кусовникова (1858 г., т. III).

нія 1882 года: *Газета Гатицка*, № 21; *Дружь женщинъ*, № 5; *Записки учителя*, № 9; *Московскія Видомости*, № 162; *Одесскій Вѣстникъ*, № 136; *Русскія Видомости*, №№ 175 и 300; *Стѣтъ*, № 132; *Современныя Извѣстія*, № 161.—„Историческая записка о пятидесятилѣтiи Московской 2-ой мужской гимназiи,“ М. 1885 г., стр. 255 и 289—290.—„Историческій очеркъ Московскаго Николаевскаго Сиротскаго Института,“ М. 1887 г., приложение, стр. 10.—*Русская Старина* 1889 г., кн. 9, стр. 621—622.—*Русскія Видомости*, 1895 г., № 266.—„Русскія книги“ и „Источники словаря,“ С. Венгерова.—„Русскій Біографическій Словарь,“ Спб. 1900 г., т. II, стр. 557—558.—*Вѣстникъ Воспитанія*, 1902 г., № 7.—„Столѣтіе Московской 1-ой мужской гимназiи,“ М. 1903 г., стр. 334, 341 и 389.—„Столѣтіе Тверской мужской гимназiи,“ Тверь 1904 г., стр. 185.—*Русскій Архивъ* 1909 г., кн. 11, стр. 251—252.—„Извѣстія Второго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ,“ 1911 г.

Разборъ „Уроковъ изъ русской грамматики“ Примѣрова (т. IV).

„Критика“ на сочиненіе Массе „О физическомъ воспитаніи дѣтей“ (т. V).

„Новый взглядъ на классическую трагедію французовъ“ (*Отечеств. Записки* 1858 г., кн. 1).

„Разборъ“ сочиненія Платона „Горгіасъ“, по изданію В. Карпова (*тамъ же*, кн. 3).

О сборникѣ М. П. Погодина: „Утро“ (1859 г., кн. 2).

„Разборъ“ сочиненія Констанжоло: „Современный человѣкъ“ (*Журналъ для воспитанія* 1859 г., т. V).

О драмѣ Писемскаго: „Горькая Судьбина“ (*Современность* 1860 г., № 1).

Объ „Исторіи Московской Практической Академіи“ (*Журналъ для воспитанія* 1860 г., т. II).

„Толки о томъ, что новаго въ романѣ Тургенева: „Наканунѣ“ (*Отечеств. Записки* 1860 г., кн. 5).

„Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія“ (*Воспитаніе* 1860 г., кн. 10).

„Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка:“ курсъ I для чтенія и разсказа, М. 1861, 1862, 1863, 1864, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1876, 1878, 1881, 1883, 1887, 1894, 1897 и 1900 г. (двадцать изданій); курсъ II для разборовъ и письменныхъ упражненій, М. 1868, 1870, 1871, 1872, 1874, 1875, 1876, 1878, 1880, 1882, 1885, 1888, 1890, 1894 и 1897 г. (пятнадцать изданій).

„Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка,“ М. 1868 г.; второе изданіе: М. 1878 г.

„Песторова лѣтопись“ съ примѣчаніемъ и словаремъ, М. 1869 г.; второе изданіе вмѣстѣ съ „Поученіемъ Мономаха,“ М. 1874 г.

„Разборъ“ книги: „Анекдоты о Балакиревѣ“ (*Athenaeum* 1869 г., № 2, 179).

„Письмо о переносѣ Г. И. Ростовцева“ (*Русскій Архивъ* 1873 г., кн. 4).

„Ифигенія въ Тавридѣ,“ трагедія Эврипида, перев. съ греческаго (*Классическая Библиотека*, изд. Исаковымъ, Сиб. 1876 г., вып. XI).

„Разборъ“ книги Гаврилова: „Темы для сочиненій“ (*Учебно-воспитательная Библиотека*, М. 1878 г., т. II).

Кромѣ того, въ бытность преподавателемъ Тверской гимназіи, П. Е. Васистовъ состоялъ редакторомъ неофициальной части „Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (со 2 января 1845 года).

Бетлингъ. Николай Павловичъ ¹⁾. сынъ дворянина, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ (1848 г.); учился въ Нижегородской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1870 г.) избралъ своею спеціальностью хирургию и недолго состоялъ ординаторомъ Московской Городской больницы, такъ какъ во время Франко-Прусской войны отправился помогать раненымъ французамъ; по возвращеніи въ Россію былъ врачомъ въ Москвѣ при Лепехинской больницѣ и ординаторомъ при гос-

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1870 годъ, стр. 50.— „Источники словаря,“ С. Венгерова.— *Московскія Вѣдомости* 1882 г., №№ 132 и 143.

питальной клиникѣ Екатерининской больницы; послѣ научнаго путешествія въ Австрію, онъ въ 1876 году поспѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Сербію, а съ 1877 года, до конца Русско-Турецкой войны, руководилъ летучимъ санитарнымъ отрядомъ на Кавказѣ, при корпусѣ генерала Тергукасова; вернувшись въ Москву, продолжалъ состоять консультантомъ при тамошнихъ чернорабочихъ больницахъ; † 11 мая въ своемъ имѣніи (Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи).—Имъ напечатаны „Записки“ о летучемъ санитарномъ отрядѣ въ войну 1877—1878 годовъ (М. 1878 г., 56 стр.), но ему не принадлежитъ брошюра: „О новообразованіяхъ сѣтчатой оболочки глаза,“ названная С. Венгеровымъ (*Русскія книги*, Спб. 1897 г., вып. XVI, стр. 288).

Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ¹⁾, извѣстный военный историкъ, родился 26 августа 1805 года въ городѣ Сумахъ (Харьковской губерніи) и воспитывался въ Дворянскомъ полку; произведенный въ артиллерійскіе офицеры (1823 г.), участвовалъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ (1831 г.), послѣ чего поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба; по окончаніи курса скоро былъ назначенъ преподавателемъ тактики въ Дворянскомъ полку и затѣмъ профессоромъ военной исторіи со стратегіей въ названной Академіи (1839 г.); въ послѣдней должности онъ состоялъ до кончины, имѣя чинъ генералъ-лейтенанта и званіе члена Военнаго Совѣта; † 25 іюля въ Ораніенбаумѣ.—Его труды:

„Очеркъ стратегіи“ (*Отечественныя Записки* 1839 г., кн. 9).

„Переходъ Суворова чрезъ Сень-Готардь и Чертовъ мостъ“ (*тамъ же* 1843 г., кн. 4).

„Походъ 1796 года Бонапарта въ Италію,“ Спб. 1845 г.—Второе изданіе: Спб. 1860 г., 113 стр.

„Походы Суворова въ Италію и Швейцарію“ (*Военный Журналъ* 1846 г., кн. 1—2 и отдѣльно: Спб. 1846 г.).

„Замѣчательные походы Петра Великаго и Суворова,“ публичныя лекціи военной исторіи, Спб. 1846 г. съ шестью картами и планами.

„Разборъ“ книги Силича: „Исторія Италійскихъ кампаній 1813—1814 годовъ“ (*Русскій Инвалидъ* 1846 г., № 206).

„Записки стратегіи, правила веденія войны, извлеченныя изъ сочиненій Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жюини и другихъ военныхъ писателей,“ Спб. 1847 г.—Этотъ трудъ, по рецензій барона Зедделера, удостоенъ преміи отъ Импер.

¹⁾ О немъ періодическія изданія: 1873 года—*Голосъ*, № 155; *Московскія Видомости*, № 141; *Петербургскій Листокъ*, № 109; 1882 года—*Историческій Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 226—227; *Ива*, № 34; *Новое Время*, № 2302; *Русская Старина*, кн. 12, стр. 715—717; *Русскій Инвалидъ*, № 168; *Русскія Видомости*, № 206.—„Знакомые,“ альбомъ Семейскаго, Спб. 1888 г., стр. 43 и 111.—„Словари“ Березина, Брокгауза, Венгерова, Старчевскаго и Толли.—*Русскія Видомости* 1893 г., № 172.—„Русскій Біографическій Словарь,“ Спб. 1908 г.

РУССКІИ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Аксакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бзерь.**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова.** со введениемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго.**—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ:** письма императора **Николая I,** императора **Александра II,** **Ф. М. Достоевскаго,** **И. А. Тургенева,** **А. Островскаго,** **И. Лажечникова,** **Н. Потѣхина,** **Н. Некрасова.** **Апухтина,** **Я. Полонскаго,** **гр. М. Ю. Вильгорскаго.**—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. **свящ. Н. Модестовъ.**—Переписка **кн. Д. И. Долгорукаго.**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова;** адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторіи, цѣли и слѣдствія. **Барона де Бая.**—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. **П. Юдинъ;**—Нанашеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТЪ РОМАНОВСКАГО КОМИТЕТА

*И уже аще напоитъ единая отъ,
малыя ситъ чашею студены воды
токмо, во имя учителя, аминь гла-
голю вамъ, не поубитъ мзды своея.
(Ев. отъ Мате. гл. 10. ст. 42).*

Неслыханна по своей жестокости пынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-богатыри наши отдають свою жизнь на защиту родины отъ кровожаднаго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣть воспитательныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половинныя средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учрежденіями.

Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ доброхотныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣритъ, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностью, будетъ израсходована съ строгою бережливостію и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (по Романовскому Комитету)—Петроградъ ул. Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.
2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.
3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленныя денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковскаго, 59).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ
выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многи-
ми иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обшир-
нымъ отдѣломъ „Русскаго Библюфила“ явится отдѣлъ историко-
литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неиздан-
ныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей.
Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ
воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ
продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**,
начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства гра-
фическаго, вмѣстѣ въ вопросами библюфилии и коллекціонерства
будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ
журнала. Въ библюграфическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги
по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь вы-
ходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться опи-
санія частныхъ собраній и библиотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦИЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪ И БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семей-
ныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній
Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ.
Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографіи
многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены
рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ
воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библюфила“.

Подписная цѣна **8 р. 50 к.** въ годъ съ пересылкой (за гра-
ницу **35 фр.**): безъ доставки **8 руб.** При подпискѣ въ конторѣ и
въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается разерочка.

Редакція: Петроградъ. Литейный, 51.

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип.—Сиріусъ—Тел. 583—67.

Редакторъ-Изд. **Н. В. Соловьевъ.**

Открыта подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. Матеріалы по исторіи Русской литературы и культуры.

2. Въ Россіи и за границей. (Обзоры и замѣтки). Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. Критическое Обзорѣніе. (Библиографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обзорѣнію прилагается расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на Русскомъ языкѣ книгъ.

Постоянное участіе въ Русской Мысли принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ө. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Низсветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Махлаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордзвъ, А. М. Обуховъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго года Русская Мысль удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ:	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи.	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу.	17 „	12 „ 25 „	8 „ 50 „	4 „ 25 „

На одинъ мѣсяць для иногородн. внутри Россіи 1 р. 52 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Петроградѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у П. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Изданія
годъ IX-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

Изданія
годъ IX-й.

на еженедѣльный библиографическій журналъ

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО:

- I. а) Перечень въ алфавитномъ порядкѣ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, какъ на Русскомъ, такъ и на другихъ языкахъ.
- б) Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и т. д.
- в) Предметный указатель, представляющій собою сводъ всего напечатаннаго за недѣлю.
- II. Частныя объявленія.
- III. „Алфавитный перечень запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ изданій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО:

„Алфавитный списокъ сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранной цензурою.“

ДВА РАЗА ВЪ ГОДЪ:

- а) Указатель авторовъ за 6 мѣсяцевъ.
- б) Сводный предметный указатель за то же время.

ЕЖЕГОДНО:

- а) Сводный (годовой) систематическій предметный указатель къ журналу.
- б) Сводный алфавитный указатель запрещеннымъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ за истекшій годъ.

Подписка на журналъ принимается въ предѣлахъ одного года; на полугодіе же— съ 1-го января или съ 1-го іюля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Внутри Имперіи: за годъ 6 руб. | За границу: за годъ 10 руб.
" " за 1/2 года 3 руб. | " " за 1/2 года 5 руб.

Отдѣльный номеръ (безъ пересылки) 15 коп.

Переѣзна адреса—28 коп.

Для библиотекъ и любителей печатается съ одной стороны. Подписка только годовая—цѣна 9 руб., за границу—14 руб., въ розницу не продается.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1 страница . . . 15 руб. ☞ 1/2 страницы . . . 8 руб. ☞ 1/4 страницы . . . 4 руб.

ЗАЯВЛЕНІЯ о неполученіи номеровъ журнала должны дѣлаться вслѣдъ за полученіемъ слѣдующаго номера; болѣе же позднія заявленія оставляются безъ послѣдствій.

Подписка и объявленія принимаются при конторѣ редакціи (Петроградъ, Театральная ул., 3).

При конторѣ редакціи принимается также подписка и на отдѣльные оттиски изъ журнала: а) „Алфавитные перечни запрещенныхъ изданій“ (добавленіе къ общему каталогу запрещенныхъ книгъ)—50 еженедѣльныхъ выпусковъ въ годъ и б) „Алфавитные списки сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранною цензурою“ (12 ежемѣсячныхъ выпусковъ въ годъ), по цѣнѣ ОДНѢ рубль въ годъ за каждое изданіе названныхъ оттисковъ журнала. Въ розницу означенные оттиски не продаются.

Открыта подписка на 1915 г.

на

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

НАША СТАРИНА

Близкое и далекое прошлое Россіи, Запада и Востока въ историческихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, очеркахъ, воспоминаніяхъ, изслѣдованіяхъ и т. п. Приложенія—Лѣтопись великой Отечественной войны.

Интересъ къ исторической беллетристикѣ и къ исторической литературѣ вообще съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Существующіе историческіе журналы не удовлетворяютъ въ достаточной мѣрѣ этого спроса: число ихъ весьма ограничено, одни для многихъ читателей недоступны по цѣнѣ, другіе узко-спеціальны по содержанію. Восполнить пробѣлъ въ подобномъ общедоступномъ по цѣнѣ историческомъ ежемѣсячникѣ, который давалъ бы живой, интересный и къ тому же вполне литературный матеріалъ, составляетъ задачу журнала „НАША СТАРИНА“. Девизъ его—историческая правда. Партийныя цѣли совершенно исключаются. Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками большого формата на плотной бумагѣ, съ иллюстраціями. Къ участию въ журналѣ приглашены лучшія литературныя и научныя силы.

Подписная цѣна въ годъ—ПЯТЬ руб.; на полгода—2 руб. 80 коп.

Переменная адреса: 25 коп. (можно марками).

Подписка принимается: въ редакціи журнала. Петроградъ. Мойка, 32 (отъ 11 до 5 часовъ), въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ, а также во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ.

Июгороднимъ по почтѣ подписную плату слѣдуетъ направлять исключительно по адресу: Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26. Редактору-Издателю журнала Н. Н. Сергіевскому. По этому же адресу слѣдуетъ направлять всякую корреспонденцію (въ томъ числѣ и денежную).

Личные переговоры съ редакторомъ: Мойка, 32, отъ 1—4 час., по средамъ. Телефонъ 619—59.

Редакторъ-издатель **Н. Сергіевскій.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русский
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ еженедельникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставившій себѣ целью—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ **прогрессивныя** начала въ **государственной** ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ **принципальные споры**, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ **не менѣ двухъ большихъ разсказовъ** и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Брусянина, Б. Верхоустинскаго, Э. Н. Гиппиусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кухановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. Изгоева, В. Я. Ирещнаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедельные **обзоры войны** Георгіевскаго (Г. П.), а также **письма съ войны** собств. кор. респонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ уделено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатается отдѣлъ **„Объ искусствахъ и литературѣ. Вѣсти и мнѣнія“**, составленный изъ сообщеній, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедельно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральныхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эйсснера и др., а также многочисленныя фототюды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣ 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му іюня—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

(22-й годъ изданія)

РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

(съ приложениемъ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ЛИСТКА).

Сотрудниками „РМГ.“ состоятъ: **Ө. Акименко**, **П. Бебутовъ** (Гифлисъ), **Викт. Вальтеръ**, **В. Васильевъ**, **Рост. Геника** (Харьковъ), **А. Григорьянцъ** (Баку), **Евг. Гунстъ**, **Р. Ивановъ** (Иркутскъ), **И. Изюмовъ**, **М. Кальвокореси** (Парижъ), **Л. Караффа-Корбутъ** (Варшава), **проф. Н. Кашкинъ**, **Д. Кулыгинъ** (Саратовъ), **Ю. Курдюмовъ**, **свящ. В. Лебедевъ** (Тамбовъ), **проф. Ф. Либерманъ**, **Ив. Липаевъ** (Саратовъ), **Н. Малковъ**, **проф. В. И. Петръ**, **Бор. Поповъ** (Пермь), **Н. Приваловъ**, **Гр. Прокофьевъ** (Москва), **В. Ребиновъ**, **С. Рыбаковъ**, **Н. Саввинъ** (Н.-Новгородъ), **проф. Л. Сакнети**, **Б. Тютчевъ**, **Н. Фатовъ** (Москва), **Р. Энгель** (Одесса), и др. Собственные корреспонденты въ главныхъ муз. городахъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Редакція предполагаетъ выпустить въ 1915 г. слѣдующіе спеціальныя №№, посвященные современному русскимъ и соврем. испанскимъ композиторамъ, церковной музыкѣ и соврем. русскимъ духовнымъ композиторамъ: **С. И. Танѣву**, памяти **М. А. Балакирева** и др. №№.

Одинъ изъ № (выйдетъ къ 1-му апрѣлю) съ картинками и статьями на музыкальныя злобы дня.

Съ № 1-го начнется печатаніе историко-критическаго очерка **Ник. Финдейзена СЮЖЕТЪ ФАУСТА ВЪ МУЗЫКѢ**.

Въ видѣ особаго приложенія въ 1915 г. начнется печатаніе цѣнныхъ историческихъ **Материаловъ къ біографіи Н. А. РИМСКАГО-КОРСАКОВА** по личнымъ воспоминаніямъ **В. В. ЯСТРЕБИЦЕВА**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ съ дост. и перес. въ годъ—5 руб. (за границу —6 руб.) на 6 мѣсяцевъ (съ 1 янв.)—3 руб.

На другіе сроки подписка не принимается.

Объявленія: за строку петита впереди текста 50 коп., позади текста 30 коп.

Редакція и Главная Контора: **ПЕТРОГРАДЪ**, 2 рота, 16 (тел. 507-64).

Редакторъ-Издатель: *Ник. Финдейзенъ*.

Открыта подписка на 1915 годъ

на ежедневную, большую, прогрессивную, **КРАЕВУЮ** газету

„СЪВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ“

Въ газетѣ принимаютъ участіе приглашенные столичные литераторы и также мѣстные и краевые общественныя дѣятели и литераторы.

Собствен. корреспон. во всѣхъ городахъ и мѣстечк. **С. З. Края**.

Подписная цѣна:

Въ Минскѣ: На годъ—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 50 коп., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—60 к.

Въ другихъ городахъ: На годъ—6 р., на 6 м.—3 р., на 3 м.—1 р. 85 к., на 1 м.—85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ опускается разсрочка: При подпискѣ 2 р., къ 1 марта 2 руб. и 1 мая для городскихъ—1 руб., для иногороднихъ—2 руб. Учит., дѣлов. лицамъ, военнымъ и учащимся при годовой подпискѣ скидка—15% при полугодовой 10%.

Адресъ редакціи и конторы: **Минскъ губ. Преображенская, 23.**

Редакторъ **С. ЗУСЕРЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ—ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.
ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОШЛИСЯ ПЬСКОЛЬКИМИ ИЗДАНИЯМИ

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войны отводятся мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: въ Петроградѣ. 11 руб. 50 коп. въ Россіи. 12 руб. 50 коп. за-границей 40 франк. Отд. №—85 коп. съ перес. Пробный. № высы-ляется за 30 коп. почтов. марками.

Редація—Каменн. остр. (прот. театра) соб. вилла. Тел. 145—25. Нонтора—Невскій д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невскаго (на подъемной машинѣ въ 3 этажъ) Тел. 260—51.

Изъ № 1. ...Вѣдь газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято.

У насъ печатають портреты интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе побѣда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не все же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать, особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англіи давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только о крестоносцахъ, походахъ, о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русской усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится дичше, а много жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльныхъ предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человекомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особы цѣлности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставятъ себѣ редакция. Всякая политичка, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу...

Изъ № 3. ...Надняхъ два художника, по просьбѣ нашей редакціи, обошли петербургскіе музеи, чтобы подыскать русскія картины для воспроизведенія въ краскахъ въ «Столицѣ и Усадьбѣ». Изъ дана была руководящая идея—

«Красивыя краски и радостное настроеніе».

Они вернулись съ перечнемъ всего четырехъ, пяти картинъ, и тѣ не совсѣмъ удовлетворяють указанной мысли...

«Картинъ съ радостнымъ настроеніемъ въ музеяхъ нѣтъ!»

Стали перебирать въ умѣ и по каталогамъ сотни картинъ—радостнаго настроенія нѣтъ, нѣтъ темъ изъ области красивой жизни! Заморенная лошадевка, лапти, сумерки души, сумерки жизни, сумерки осенняго дня... Убийство, просто портреты и портреты въ обстановкѣ и группахъ, горы Кавказа, Черное море—но нигдѣ веселаго пинкика, красиваго бала, залы театра въ спектакляхъ. Нѣтъ красивой жизни, нѣтъ танцевъ, нѣтъ веселаго поѣздка, нѣтъ даже влюбленной пары въ саду усадьбы, нѣтъ блестящаго раута или хотя бы, парфюрной охоты въ красныхъ фракахъ, что такъ красиво...

Великій постритъ—отреченіе отъ жизни; Самоубийствѣ Мясоѣдова—прекращеніе жизни; «Приговореніе» Маконскаго—печаль жизни; «Большая» В. Подбѣнова—копейка жизни; «Витязь на распутии»—куда ни поѣдешь всюду каюкъ, и т. п.

Почему нѣтъ нигдѣ ибры въ жизни, въ красоту жизни, подчеркиванія этой красоты?

Точно наши художники родились въ туманное осеннее утро, выросли и жили въ сплошномъ отчаяніи, презрѣнн къ жизни, только среди лаптей, рыцарскъ зинцунговъ и небритыхъ физиономій; точно они никогда не видали радостной жизни, не чувствовали радости бытія?! Почему ихъ влечетъ только къ отрицательнымъ сторонамъ жизни?—

...Отвѣты кругомъ: жизнь скверная, тяжела, уродлива...

Но нужно выскивать крупинки радостнаго, красиваго...

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблестно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностію въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы выбить изъ коленъ необъявляющую Русь...

Нашъ журналъ, по своей программѣ, по своему девизу «красивая жизнь», не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнить его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ чертъ русской жизни, другія проявившихся среди общаго подъема.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россію еще большее величіе, а въ теперешнія грудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ спокойно дѣлать свое дѣло...

Редакторъ ВЛ. КРЫМОВЪ.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедѣльный журналъ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Петроградѣ съ 1 іюля 1912 г.

Задачею журнала служить безпристрастное, правдивое, научно-обоснованное и чуждое партійной односторонности освѣщеніе вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. *К. М. Аггевъ*, проф. *И. Д. Андреевъ*, *К. Н. Брянчаниновъ*, проф. *Н. А. Заозерскій*, проф. *В. З. Завитиневичъ*, проф. *А. В. Карташовъ*, проф. *Н. Д. Кузнецовъ*, *А. А. Пилковъ*, *В. П. Соколовъ*, чл. *Г. Д. П. В. Титовъ*, проф. *П. В. Тихомировъ*, кн. *Е. Н. Трубецкой*, проф. *В. И. Экземплярскій* и другіе.

Годовые подписчики журнала „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ получаютъ въ 1915 году (въ Январѣ) въ качествѣ бесплатнаго приложенія изд. въ 1914 году кн.: *Г. А. Василевскаго* „Баптизмъ и свобода воли“. *Природа Церкви. Основы баптизма. Догматы. Культъ.*

ПРОПОВѢДНИЧЕСКОЕ СЛОВО,

которое издается ближайшимъ сотрудникомъ журнала „Ц.-О. В.“ *В. П. Соколовымъ* при участіи свящ. *К. Агеева*.

Подписная цѣна на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ на годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р., на 3 мѣсяца—1 р. 25 коп., на мѣсяць—65 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна №-а въ прод. 10 коп., съ перес. 15 к.

Подписная цѣна на „Проповѣд. Слово“—2 р. въ годъ, а подпис. цѣна на „Ц.-О. В.“ и „Проп. Слово“ вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Вновь подписавшіеся на весь 1915 годъ въ теченіи Ноября получаютъ бесплатно Денябрьскіе №№ журнала.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—Петроградъ, Вас. Остр., Больш. пр. 56, кв. 62. въ кн. маг. „Нового Времени“. Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

Контора журналовъ открыта ежед. кромѣ праздн. дней, отъ 11 до 4 ч. дня.

Иногородныхъ просятъ адресовать всю корреспонденцію по адр. Птгр. В. О. Бол. пр. 56, кв. 62.

Пробный № ж. „Ц.-О. В.“ высылается бесплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель *А. Н. Брянчаниновъ*.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССИИ..	10 р. 9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.	
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р. 19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.	

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ — во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ — *Agence Haras, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №: *Московскія Вѣдомости* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №: *Моск. Вид.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.**

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета.

До окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ. Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» ставитъ своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ **собственныхъ корреспондентовъ** и обо всемъ интересномъ, гдѣ бы и что бы ни совершалось, сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсациями читателямъ не сообщалось непровѣренныя, вздорныя слухи.

Исключительное вниманіе «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальныя корреспонденты въ дѣйствующую армію и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробныя номера газеты для ознакомленія высылаются **БЕЗПЛАТНО** по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 75 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р. и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

Льготная подписка въ Россіи: для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, железнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ: въ годъ 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. и на 1 мѣс. 75 к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к. къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р. 2) для полугодовыхъ при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписки принимаются: въ главной конторѣ «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» — Москва, Филипповскій пер., 11 во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г. (IV-й годъ изданія)

На Еженедѣльный Иллюстрированный Художественно-Литературный Журналъ

ЖИЗНЬ

выходящій
въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущія событія въ Россіи и за границей.

Въ Литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены произведенія: Ан. Амнуэль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковскаго, Д-ра В. Бѣлзева, Д-ра В. Бузунова, Волгаря, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, И. Ивина, Б. Ильшева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Ледницкаго, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловичъ, И. Морозова, Милорадъ Петровичъ (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), Кн. Н. Отяера, Пшебышевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, Кн. С. Трубецкаго, Тюбякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чирикова, Ю. Юшкова, А. Шевалье. (бельг. пис.), Я. Эристонъ (англ. пис.)

Въ Художественномъ отдѣлѣ: Б. Анисфельтъ, А. Бенуа, И. Билибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Звѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Костанди, Г. Лукомскаго-Е. Лансера, Н. Лансеръ, Д. Минтрохина, С. Милорадовичъ, А. Мантель, К. Петрова, Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновой, Н. Самокишъ, А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ.

Собственные корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняетъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ . . . 2 р. 50 к.

На 3 мѣсяца . . . 70 к.

На 6 мѣсяцевъ . 1 р. 35 к.

На 1 мѣсяць . . . 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проложная, 27.

ТОРГОВОЕ ДѢЛО

Ежемѣсячн. журналъ для организаціи и веденія торгово-промышленныхъ предпріятій. Въ 1915 году за 6 руб. подписчики получаютъ:

ЕЖЕМѢС. ЖУРНАЛЪ, содер. статьи по устройству и веденію торгово-промышл. предпріятій по новѣйшимъ методамъ торговли.

12 ПРИЛОЖЕНІЙ, стоющія отдѣльно около двадцати рублей: 1-3. Указатель Готовыхъ Платъ за перевозку товаровъ по жел. дор., 3 книги—3 руб. 50 коп. 4. Указатель Пѣкупателей С.-Хоз. Продуктовъ—1 р. 50 коп. 5. Адресная книга «Вся Европа»—3 р. 75 к. 6. Практическіе Совѣты изъ Торговой Практики—1 руб. 75 коп. 7. Искусство рекламировать—75 к. 8. Искусство вояжировать—75 к. 9. Искусство продавать—75 коп. 10. Какъ найти хорошую службу или агентуру—50 коп. 11. Какъ организовать Торговлю для Иногороднихъ по почтѣ—75 к. 12. «Вся Оптовая Россія»—3 руб. 75 коп. Подробный проспектъ высылается бесплатно.

Первые 8 книжекъ и 11 приложений уже готовы и высылаются сейчасъ же по полученіи денегъ или наложеннымъ плат. на 6 руб. 20 к. Приложенія высылаются нал. пл. и отдѣльно по указаннымъ цѣнамъ.

Редакт.-Изд. Секретарь Гофъ-Маклера Одесской Биржи Э. С. Гальперинъ. Адресъ: Въ к-ру журнала «ТОРГОВОЕ ДѢЛО» Одесса, Соборная 2.

Комплектъ Счетоводныхъ книгъ, издаваемыхъ редакціей «Торг. Дѣла» для веденія счетоводства безъ помощи бухгалтера—20 руб. Проспекты высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1915 годъ

на издающуюся въ Ярославль ежедневную безпартійную прогрессивную газету
сѣвернаго края

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА является прогрессивнымъ безпартійнымъ независимымъ органомъ печати. Она стремится къ широкому ознакомленію своихъ читателей съ событіями заграничной и внутренней жизни.

Особое вниманіе ея удѣляется возможно полному и всестороннему освѣщенію общественныхъ и экономическихъ вопросовъ сѣвернаго края.

СѢВЕРНАЯ ГАЗЕТА даетъ въ 1915 году бесплатно своимъ годовымъ подписчикамъ 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ литературныхъ приложений, состоящихъ изъ произведеній современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Подписная плата на СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россіи на 1 годъ 4 р. 50 к., 6 мѣс. 2 р. 30 к., 3 мѣс. 1 р. 20 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 іюля 1 р. 50 к. и 1 сентяб. 1 р.

Священники и сельскіе учителя пользуются при годовой подпискѣ скидкою въ 50 коп. съ экземпляра.

Годовые подписчики, внесшіе подписную плату теперь, получаютъ СѢВЕРНУЮ ГАЗЕТУ со дня подписки до 1 января 1915 г. бесплатно.

Подписка принимается во всехъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Контора и редакція СѢВЕРНОЙ ГАЗЕТЫ: Ярославль, Власьевская ул., 52.

Издательница Ю. А. Торгова.

Редакторъ В. И. Малышевъ.

ОБЩЕСТВО

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ“.

Поставивъ себя задачей придти на помощь всѣмъ желающимъ работать на нивѣ экономического возрожденія нашей родины и желая объединить капиталъ, знаніе и трудъ въ цѣляхъ развитія самостоятельности силъ страны. Общество съ 20 декабря сего года, приступаетъ къ изданію собственнаго журнала:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

Журналъ будетъ заключать въ себя слѣдующіе отдѣлы:

1. Правительственныя распоряженія и торговое законодательство.	6. Химическій.
2. Экономическій.	7. Фармацевтический.
3. Торгово-промышленный.	8. Сельскохозяйственный.
4. Фабрично-заводскій	9. Научный.
5. Фотографическій.	10. Биржа и рынки.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры существующихъ и вновь возникающихъ отраслей отечественной промышленности, торговли, а также и обзоры природныхъ богатствъ Россіи. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ справокъ и ответовъ гг. членамъ Общества и подписчикамъ.

Въ журналѣ выразили согласіе принять участіе слѣдующія лица:

В. А. Анзиіровъ; проф. В. Р. Вильямсъ; проф. А. Э. Вормсъ; В. П. Горячкинъ; В. А. Герцикъ; А. А. Евдокимовъ; маг.-фарм. И. И. Кальвингъ; проф. Н. М. Кулагинъ; проф. В. Н. Липинъ; А. П. Мертваго; В. Я. Назимовъ; проф. К. Х. Озеровъ; А. М. Паршинъ; инж. И. Я. Перельманъ; проф. С. А. Федоровъ; проф. А. Э. Фортунатовъ; И. Н. Холчевъ; проф. В. В. Челинцевъ; инж.-хим. А. Д. Штанге и другіе.

Редакторъ **В. В. Шипотовскій.**

Изд. Общ. Экономическое Возрожденіе Россіи .

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 3 рубля. на полгода 1 р. 75 к.

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ БЕЗПЛАТНО.

Адресъ конторы и редакціи: МОСКВА, Тверская, Настасьинскій пер., 4.

Телефонъ редактора **1-02-36.**

Секретаря редакціи **1-06-12.**

ОТКРЫТА на 1915 годъ ПОДПИСКА
(третій годъ изданія)

на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на $\frac{1}{2}$ года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА. Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ «Кооперативная Жизнь» выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная Жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1. ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. Въ текущемъ году были помѣщены статьи на темы: Съезды по сельскохозяйственной кооперации, Сохраненіе единства кооперации въ Россіи, Кооперация и областничество, О союзномъ строительствѣ, Торговый договоръ съ Германіей и Россійская кооперация, Годичное собраніе акціонеровъ Московскаго Народнаго Банка, Теорія и практика въ кооперативномъ дѣлѣ, Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи и др. 2. ЖИЗНЬ КООПЕРАТИВОВЪ НА МѢСТАХЪ. 3. КООПЕРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ. 4. ВЗАИМООТНОШЕНІЯ ЗЕМСТВА И КООПЕРАТИВОВЪ. 5. КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ. 6. ИНСТРУКТОРСКІЙ ОТДѢЛЪ. 7. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКАГО НАРОДНАГО БАНКА. 8. КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ОТДѢЛЪ (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 9. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ. 10. ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ. 11. ХРОНИКА КОМИТЕТА О СЕЛЬСКИХЪ ССУДО-СБЕРЕГ. И ПРОМ. Т-ВАХЪ.

Большое мѣсто уделяется корреспонденціямъ съ мѣстъ.

Періодически журналъ производитъ обследованія—анкеты, имѣющія цѣлью освѣщать разныя стороны кооперативной практики. Такъ, въ текущемъ году на страницахъ журнала въ рядѣ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи разсматривалось положеніе товарищескихъ операцій съ хлѣбами въ 1913 году. Помѣщались также статьи читателей по вопросу о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ и по вопросу о союзномъ строительствѣ. Кроме того всѣмъ подписчикамъ въ 1914 году были разсланы бесплатныя приложенія: Первый и второй сборникъ статей: „Библиотека Кооперативной Жизни“. Статьи Н. Полянскаго, присл. пов., Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ кооперативныхъ товариществъ. Статья А. И. Переса, присл. пов., Обь организаціи волостныхъ и земскихъ попечительствъ. Съ № 21-го при журналѣ всѣмъ подписчикамъ прилагаются: „Труды Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.

Цѣна журнала за 1914 годъ (24 №№ и приложенія) 5 руб., безъ приложеній 3 руб.

Цѣна журнала за 1913 годъ 3 р. (24 №№). Отдельные №№ журнала за 1913 и 1914 г. по 20 коп. Сборники „Библиотека Кооперативной Жизни“ по 1 рублю.

Редакціонный комитетъ:

М. П. Авсарнисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ,

В. А. Кильчевскій, А. Е. Кулыжный, Г. А. Мартюшинъ,

Н. П. Огановскій, А. В. Чайановъ и кн. Д. И. Шаховской.

Проспектъ объ изданіяхъ „Кооперативной жизни“ высылается по требованію бесплатно.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопѣчныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“.

Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

ИЗДАНИЯ РУССКАГО АРХИВА

И. И. Бартепевъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Д-р. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

Книгоиздательство К. Ф. НЕКРАСОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЦЕРКОВЬ ИЛИ ПРОРОКА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

ТЕКСТЪ Н. Г. ПЕРВУХИНА.

Книга печатается in folio и составитъ около четырехъ листовъ текста, иллюстрированнаго 75-ю фототипическими снимками.

Книга печатается въ количествѣ 450 нумерованныхъ экземпляровъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ 12 р. 50 к. (съ пересылкой).

Подписныя деньги адресовать: МОСКВА, Петровка, д. 25, къ 27. Издательству
К. Ф. НЕКРАСОВА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ДО 1 АПРѢЛЯ.

По выходѣ въ свѣтъ цѣна книги будетъ увеличена до 16 рублей.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ удостоился получить слѣдующую телеграмму отъ Министра Императорскаго Двора:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣтъ соизволилъ благодарить Васъ и составъ редакціи Русскаго Архива за принесенныя въ Вашей телеграммѣ поздравленія.

Министръ Императорскаго Двора

Графъ Фредериксъ.

Означенная депеша получена въ отвѣтъ на слѣдующую посланную изъ Русскаго Архива:

Царское Село Министру Императорскаго Двора.

Усерднѣйше прошу Ваше Сіятельство повергнуть къ СВЯЩЕННЫМЪ СТОПАМЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА нижеслѣдующую телеграмму:

ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ!

Взысканный щедротами ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и ДЕРЖАВНЫХЪ ПРЕДКОВЪ ВАШИХЪ Русскій Архивъ дерзаетъ повергнуть къ СВЯЩЕННЫМЪ СТОПАМЪ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданническія поздравленія со взятіемъ Перемышля, открывающимъ новую страницу въ исторіи Славянства

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрный подданный Составитель и издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.

II

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Юрьевичъ Бартенева былъ осчастливленъ депешей изъ ставки ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО:

Очень тронуть и сердечно благодарю Русскій Архивъ за поздравленія со взятіемъ Перемышля.

Генераль-Адъютантъ

Николай.

Означенная телеграмма получена въ отвѣтъ на слѣдующую отправленную изъ Русскаго Архива:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ. Русскій Архивъ пятидесятилетнимъ существованіемъ своимъ засвидѣтельствовавшей непоколебимую преданность ПРЕСТОЛУ и РОССИИ, а также не мало послужившей дѣлу Славянства, дерзаетъ днесь принести къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА горячія поздравленія со взятіемъ Перемышля, столь знаменательнымъ въ лѣтописяхъ освобожденія Славянъ отъ вражескаго ига.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

вѣрнопреданный Составитель и издатель Русскаго Архива
Петръ Бартенева.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартенева, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Богольцовъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня царя Михаила Феодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатьева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристины и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Беэръ).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ лѣди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Конн, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и дѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алисова къ сушурѣ; сообщ. Гр. Солдоубъ.—Страничка изъ исторіи Смутаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнъ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отецествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Л. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Бѣляевъ.—Каголикосъ Іосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ; передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартенева (младшій).

Національная проблема въ Австрій послѣ 1848 г. — IV. Поляки въ Пруссіи. Познань и Прусская Силезія. VI. Поляки въ Австро-Венгріи. Галиція и Силезія. Поляки въ Венгріи. — X. Чехи въ Чехіи и въ Моравіи. Чехи въ Силезіи. XII. Трїединое королевство. Хорватія, Славонія и Далмація. XIII. Сербь въ Венгріи. Боснія и Герцеговина. XIV. Сербское королевство. XVII. Болгарское царство.

Н. И. СЕРЕБРЯНСКІЙ.

Древне-русскія княжескія житія. Обзоръ редакцій и тексты. М. 1915.

Авторъ говоритъ только о житіяхъ древнихъ святыхъ князей и княгинь, начиная съ Ольги, Владиміра и Бориса съ Глѣбомъ. Имъ разсмотрѣны и обследованы сказанія о свв. Михаилѣ Черниговскомъ и его бояринѣ, Ѳеодорѣ, Ѳеодора Ярославскаго, Константина Муромскаго, Александра Невскаго, Довмонта Псковскаго, на основаніи обширнаго неизданнаго матеріала, съ приложеніемъ ряда текстовъ. Попутно онъ посвящаетъ по нѣскольку страницъ слову о погибели русской земли, лѣтописнымъ разсказамъ, Прологу. Житія свв. Петра и Февроніи Муромскихъ онъ намѣренъ коснуться впоследствии. Трудъ безусловно цѣнный

Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ IX. Нѣжинъ, 1914.

Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей, любопытныхъ для читателей Русскаго Архива. Во 1-хъ, статью Г. Ю. Федерса „Эволюція тина страннаго человѣка у Лермонтова по его драматич. произведеніямъ, поэмамъ и роману „Герой нашего времени“ въ связи съ мотивами личной жизни писателя“ (начало); затѣмъ

статьи: свящ. Н. Боголюбова: „Гоголь, психологическая характеристика его творчества“; П. А. Заболотскаго о переводахъ соч. Лермонтова на чешскій и словацк. языки; А. Т. Степовича: „Мысли объ оперѣ П. И. Чайковскаго „Опричникъ“, и наконецъ, Г. А. Максимовича: „О степени достоверности писцовыхъ книгъ“. Можно еще отмѣтить статью П. Е. Петрова о репертуарѣ малорусскихъ лириковъ (съ текстами).

С. И. МАСЛОВЪ. Библиотека Стефана Яворскаго. Кіевъ, 1914.

Книжка г. Маслова даетъ тексты старыхъ описей библиотеки Стефана съ присоединеніемъ нѣсколькихъ связанныхъ съ ними документовъ и кое-какихъ библиографич. объясненій. Описи составлены очень кратко и потому, безъ справки съ самими книгами (хранящимися въ Харьк. Дух. Семин.), часто трудно составить себѣ объ нихъ понятіе. Одно ясно: у такого библиографа, какъ Стефанъ, не было почти совсѣмъ рукописныхъ книгъ, т. е. литературныхъ произведеній древней и Моск. Россіи, и было очень мало вообще русскихъ книгъ. Любопытно, что Стефанъ не владелъ экземпляромъ тѣхъ лекцій, которыя въ молодости онъ читалъ въ Кіевск. Академіи.

Отчетъ Полтавской ученой архивной комиссіи за 1914 годъ. Сост. прав. дѣль **И. Ф. ПАВЛОВСКІЙ.** Полтава. 1915. Стр. 21+1 (нен.). Цѣна не означена.

Л. В. ПАДАЛКА. Происхождение и значеніе имени „Русь“. Отдѣльн. оттискъ изъ XII вып. Трудовъ Полтавск. уч. арх. комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 40. Ц 20 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг. по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

3

стр.

- Телеграмма Министра Императорскаго Двора отъ Имени Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Составителю и Издателю Русскаго Архива.
275. Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія по книгѣ В. Благовидова, Казань, 1889 года. Д. X.
296. Письмо Графа Николая Петровича Шереметева къ Аленсью Феодоровичу Малиновскому и его отвѣтъ.
299. Расколъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческая записка Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго Антонія. Сообщ. П. Л. Юдинъ.
328. Потѣшныя въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія Императора Николая I. Изъ всеподданнѣйшаго доклада А. С. Норова. Сообщ. К. А. Военскій.
330. Дѣло Вильгельма Барона де Бая.
358. Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.
384. Переписка кня. Д. И. Долгорукаго.
17. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. Д. Д. Языкова. Листъ второй.
Внутри обложки. О книгахъ: «Старина и Новизна» кн. XIX, П. Б. (младшій). И. Симоновъ. Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ. Библиологическій сборникъ. Памяти П. Д. Паренцова. Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Цевоструева. Составилъ Е. М. Витошинскій. В. Э. Завитневичъ. Банкротство началъ германской культуры и идеаль русской цивилизаціи.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память **Императора Александра III.** Книга девятнадцатая, съ портретомъ Великихъ Князей Николая, Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей, 330 стр., съ указателемъ именъ личныхъ и названій географическихъ.

Вышедшая книга, Старина и Новизны, полна значительности. Лишній разъ подтверждается мнѣніе Карамзина, что Исторія служитъ для правителей и законодателей какъ бы чертежами морей, руководствуясь коими они могутъ благополучно вести корабль государственный по волнамъ политической стихіи. Заставить голосъ прошлаго вѣщать о мимолетной дѣйствительности большое искусство, и слѣдуетъ признать, что разсматриваемая книга плодъ такового.

Письма А. Н. Карамзина къ матери отличаются тѣмъ же добродушнымъ благородствомъ слога, какъ и напечатанныя въ семнадцатой книгѣ сборника. Воспоминанія кн. Дондукова-Корсакова о компаніи 1855 года въ Азіатской Турціи чрезвычайно любопытны, особенно въ виду славныхъ событій и дѣлъ тамъ совершающихся. Ярko возстаетъ образъ Графа Н. Н. Муравьева (Нарскаго), коего доблести утѣшали современниковъ въ уронѣ, понесенномъ подъ Севастополемъ. „Почтительное приношеніе памяти создателя сближенія Франко-Русскаго Барона де Бай извлечено изъ IX-ой книжки Русскаго Архива 1914 г. (Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ). Замѣтка въ дополненіе къ статьѣ Барона де Бай повѣствуетъ о самомъ зарожденіи Франко-Русскаго союза вечеромъ въ Петергофскомъ Монплезирѣ, когда Импе-

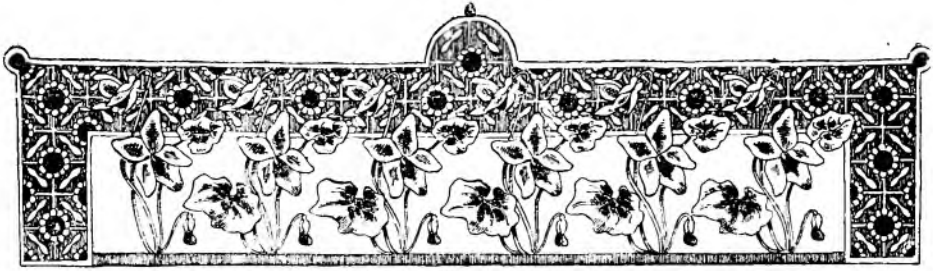
раторъ Александръ III принималъ у дворца депутацію Французскихъ моряковъ съ адмираломъ Жерве (Gervai) во главѣ. Замѣтка эта полна такой силой и теплотой чувства и такимъ проникновеніемъ въ исторію, какія даны въ удѣлъ немногимъ. Величавый Образъ Царя Миротворца сквозитъ и вѣетъ въ каждой строкѣ.

Дневникъ Сестренцевича, веденный имъ со тщательною щепетильностью, живописуетъ многія своеобразныя черты придворной жизни Павловскаго времени и тогдашняго управленія уніатской церкви.

Письмо А. Н. Муравьева къ Погдину и записки о преосвященномъ Иннокентіи архіепископѣ Камчатскомъ показываютъ воочію, какъ болѣлъ Андрей Николаевичъ о нуждахъ Православія; любопытно сравнить письмо къ Погдину съ напечатанной въ сей книжкѣ Русскаго Архива статьей Д. Х. „Къ Исторіи отечественной бюрократіи.“ О письмахъ Ѳ. И. Тютчева къ супругѣ нѣтъ нужды говорить: все, что выходитъ изъ подъ пера гения, должно быть лишь изучаемо и освѣщаемо, а не обсуждаемо.

П. В. (младшій).

Миссіонеръ - священникъ о. І. ПЕТРОВЪ. Бесѣда сельскаго священника со своими прихожанами въ день памяти св. блажен. Василія Московскаго чудотворца, 2 Августа. Тобольскъ. 1914. Стр. 16—рисунковъ. Ц 12 к.—**Переселенцы въ плѣну у шинкарей.** Оттискъ изъ № 24 Тобольск. Епарх. вѣдомостей 1913 года. Ц. не означена.—**Изъ міра ислама.** Оттискъ изъ №№ 14, 20 и 29 Тобольскаго Церковнаго Листка 1913 года. Стр. 5. Ц. не ozn.—**Изъ міра ислама.** Оттискъ изъ №№ 21—23

КЪ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтїа, по книгѣ В. Благовидова. Казань, 1899 года¹⁾.

Церковная жизнь въ древней Россіи была такъ тѣсно связана съ жизнью гражданской русскаго народа, что правительство церковное, такъ сказать, дѣйствовало на глазахъ у всѣхъ. Оно не составляло изъ себя таинственной среды, въ которую глазъ современниковъ и исторіи проникаеть съ трудомъ, и въ которой скрытыя отъ взоровъ теченія проявляютъ себя неудобопонятными внѣшними явленіями, уяснить происхожденіе коихъ не легко для самой ухищренной критики. Петровскія реформы разорвали органическую связь частей народнаго организма, къ числу которыхъ принадлежать и органы государственнаго и церковнаго управленія, и съ тѣхъ поръ всѣ они зажили своими отдѣльными жизнями, каждая сама для себя.

Также обособилась и церковная іерархія съ ея новымъ средоточіемъ С. Синодомъ; а самъ Синодъ еще обособился отъ іерархіи общепархіальной и образовалъ такую церковную корпорацію, въ дѣятельности которой главнымъ факторомъ явилась борьба между властью іерархической и властью представителей государства, приставленныхъ къ церковному правительству. сначала въ скромной роли охранителей государственныхъ интересовъ и законовъ отъ возможныхъ нарушеній таковыхъ церковною властью, а затѣмъ постепенно обратившихся въ попечителей о церковномъ благоустроеніи и, наконецъ, въ почти полновластныхъ заправителей благоустраиваемой ими Церкви. Эта внутренняя борьба въ Синодѣ двухъ властей, свѣтской и духовной, разрѣшив-

¹⁾ Разборъ книги В. Благовидова былъ написанъ еще въ 1904 г., но вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ отпечатанъ на правахъ рукописи. Нынѣ съ любезнаго разрѣшенія Автора, коему считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность, отзывъ сей печатается на страницахъ Русскаго Архива. П. В. (младшій).

шавшая за послѣднее время торжествомъ какого-то своеобразнаго гражданскаго клерикализма, была мало извѣстна въ ея исторической послѣдовательности; и едва ли кто изъ людей, даже интересующихся церковными вопросами и исторіей ихъ у насъ, зналъ, какимъ образомъ выработалась настоящая система церковнаго управления¹⁾. Очень полной справочной книгой въ этомъ отношеніи является вышедшая недавно²⁾ въ свѣтъ (въ Казани) книга г. Благовидова „Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія“. На самомъ заглавномъ листѣ книги выражено весьма ясно, къ какому выводу изъ полуторавѣковой исторіи института оберъ-прокуроровъ авторъ пришелъ. Подъ общимъ заглавіемъ поставлено въ скобкахъ: „Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ“.

Такимъ образомъ *фактъ развитія* этой власти и составляетъ предметъ изслѣдованія г. Благовидова; а слѣдовательно, таковой можетъ почитаться признаннымъ не а posteriori, на основаніи научныхъ изслѣдованій, а сознаннымъ а priori, и обращеннымъ въ предметъ изслѣдованія, какъ явленіе само по себѣ общеизвѣстное. Если же это усиленіе развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ фактъ общеизвѣстный, то не менѣе общеизвѣстно должно быть и умаленіе (противоположность развитію) власти іерархической въ Синодѣ: ибо предметъ вѣдѣнія Синода въ его цѣлости неизмѣненъ—Церковь, въ ея внѣшнемъ благоустройствѣ. Если же въ общемъ дѣлѣ участіе одной изъ заправляющихъ сторонъ увеличивается, то ясно, что участіе другой стороны на столько же уменьшается. Такимъ образомъ, исторія развитія власти об.-прокурорской въ С. Синодѣ непременно предполагаетъ и исторію умаленія власти Синода іерархическаго. Надо надѣяться, что г. Благовидовъ дастъ намъ со временемъ продолженіе своего труда въ этомъ направленіи. Умаленіе есть, конечно, само по себѣ понятіе отрицательное и, какъ таковое, неудобно укладывается въ форму положительнаго повѣствованія; но результаты умаленія сами по себѣ отлагаются въ формѣ положительныхъ явленій, по преимуществу связанныхъ съ изображеніемъ типовъ исполнителей умаляющей постепенно роли. Если противополжитъ исторіи постепенно крушающихся личностей оберъ-прокуроровъ, начиная съ почти горемычнаго Болтина, а кончая, какъ дѣлаетъ авторъ, абсолютно триумфаторской личностью гр. Протасова, таковую же первоприсутствующую

¹⁾ Въ средѣ церковниковъ распространено такое, шуточное, конечно, выраженіе: есть два Синода—Святѣйшій и Правительствующій: благословляться надо у перваго, а считаться со вторымъ.

²⁾ 1899 г.

щихъ и другихъ членовъ Синода, то исторія развитія современной синодальности получилась бы очень полная и живая.

Когда Петръ создавалъ свой Духовный Коллегіумъ, онъ, видимо, интересовался только однимъ—упразднить личный элементъ въ высшемъ церковномъ управленіи; а что выйдетъ на пользу дѣла отъ новаго коллегіальнаго учрежденія, поставленнаго на мѣсто Патріарха, это его очень мало занимало¹⁾. Духовный Регламентъ не столько законъ для руководства, сколько оправдательный актъ дѣлаемой реформы церковнаго управленія. Даже самое положеніе Синода въ ряду другихъ правительственныхъ учреждений было имъ неточно опредѣлено. Сначала Синодъ былъ поставленъ на одну линію съ Коллегіями, а затѣмъ, по представленію его же самого, уравниенъ съ Сенатомъ. Такое легкое удовлетвореніе ходатайства Синода Петромъ указываетъ явно на то, что ему нужно было только сломить Патріаршество; а разъ дѣло сдѣлано, торговаться съ Синодомъ о степени его важности—не стоитъ. Пускай онъ себя утѣшаетъ тѣмъ, что онъ важнѣе Коллегіи и равенъ Сенату! Отъ этого уже будетъ ни хуже, ни лучше.

Указомъ 11 Мая 1722 года учреждена была должность оберъ-прокурора въ лицѣ полковника Ивана Васильевича Болтина. Но, несмотря на существенное различіе между атрибутами Сената и Синода, для него не потрудились даже составить особой инструкціи, давъ лишь дословную копію съ генераль-прокурорскаго наказа, съ замѣной лишь названій самой должности и того высшаго государственнаго учрежденія, при которомъ ему состоятъ. Авторъ книги замѣчаетъ тутъ, что роль, какую играли синодальные оберъ-прокуроры въ церковномъ управленіи въ первое время послѣ учрежденія Синода, была далеко не похожа на ту, какую они получили возможность выполнять въ²⁾ первой половинѣ настоящаго (XIX) столѣтія. „Въ это время большинство об.-прокуроровъ фактически не располагало сильнымъ влияніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи... въ первой же половинѣ XIX столѣтія представители личнаго начала стали въ сильно измѣнившіяхся отношенія къ Синоду“. Постепенное развитіе этихъ измѣняющихся послѣдовательно отношеній авторъ излагаетъ при перечисленіи смѣнявшихся оберъ-прокуроровъ. Болтинъ занималъ должность свою съ 1722 по 1725 годъ. Во все это время онъ почти только спорилъ съ членами

1) „Отъ коллегіальнаго управленія нельзя ожидать мятежей, яковые происходятъ отъ единоличнаго собственнаго правителя духовнаго. А когда еще видятъ народъ, что соборное сіе Правительство Монаршимъ Указомъ и Сенатскимъ приговоромъ установлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей“... Ср. Д. Регл.—Что есть Дух. Коллегіумъ.

2) Точнѣе было бы сказать „съ“.

Синода о цифрѣ слѣдующаго имъ жалованья; но, не получая самъ никакого опредѣленнаго жалованья, онъ попалъ въ зависимость отъ Синода, располагавшаго денежными средствами; и наконецъ, вмѣшавшись въ ссору Теофана Прокоповича съ Θεодосіемъ Яновскимъ, былъ лишенъ должности, приговоренъ къ ссылке въ Сибирь, съ правомъ, впрочемъ, получить тамъ должность, каковую впоследствии и получилъ.

Болтинъ былъ замѣщенъ въ 1725 г. л.-г. капитаномъ Баскаковымъ. Его положеніе хотя и было нѣсколько возвеличено тѣмъ, что онъ являлся единственнымъ посредникомъ между Синодомъ и новоучрежденнымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, тогда какъ при Петрѣ часто сношенія между Государемъ и Синодомъ шли черезъ членовъ Синода самихъ; но и онъ продолжалъ быть въ матеріальной зависимости отъ Синода, ибо опредѣленнаго правительственнаго оклада ему еще не было назначено, а долженъ онъ былъ обращаться къ Синоду съ просьбой о назначеніи и выдачѣ ему содержанія.

Дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти въ области церковнаго управленія было еще такъ слабо и ничтожно, что нѣкоторыя предложенія оберъ-прокурора оставались безъ исполненія не только Синодомъ, но и низшими органами синодальнаго управленія. При такомъ зависимомъ положеніи, об.-прокуроръ не представлялъ для Синода чего-либо особенно стѣснительнаго; и даже наоборотъ: Синодъ видѣлъ въ немъ какъ бы символъ своего собственнаго первенствующаго значенія, и потому, когда указомъ 24 Іюня 1726 года, Екатерина I уничтожила эту должность и назначила на мѣсто Баскакова простаго прокурора въ лицѣ Раевского, то Синодъ не обратилъ на него вниманія, оставилъ Баскакова продолжать свои об.-прокурорскія функціи, а самъ, въ противность тоже указу, лишавшему его званія „Правительствующаго“, продолжалъ неуклонно титуловать себя таковымъ. Баскаковъ былъ окончательно отставленъ отъ должности только при Аннѣ Ивановнѣ, „за оплошку противъ должности прокурорской“, такъ какъ онъ не протестовалъ синодскаго рѣшенія о необязательности сенатскаго указа, основаннаго на указѣ Петра I.

Съ 1730 по 1740 годъ, *оберъ-прокурорская должность оставалась совершенно не замѣщенной*; и только въ этомъ году, когда въ Сенатѣ возстановлена была должность ген.-прокурора, Синодъ получилъ себѣ новаго оберъ-прокурора (но уже зависимаго отъ сенатскаго ген.-прокурора), въ лицѣ генераль-провіантмейстера Кречетникова. Ему однако не суждено было вступить въ должность, такъ какъ государственный переворотъ, свергнувшій Бирона, уничтожилъ и утвержденный имъ

законъ о преобразованіи прокуратуры; и только съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, восстановлена была прокуратура вообще и оберъ-прокурорская должность въ Синодѣ. въ лицѣ князя Я. П. Шаховскаго, избраннаго на оную ген.-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ. Это назначеніе, по мнѣнію г. Благовидова, знаменуетъ начало второго періода въ исторіи оберъ-прокурорства.

Хотя съ назначеніемъ князя Шаховскаго, высшій органъ церковнаго управленія по прежнему еще обнаруживалъ явное стремленіе парализовать фактическое вліяніе об.-прокурорской власти на ходъ дѣлъ; но въ отношеніяхъ Шаховскаго къ коллегіальному церковному учрежденію замѣтны новыя черты, не имѣвшія мѣста въ предшествовавшее время. Возстановленная въ лицѣ кн. Шаховскаго должность подпала не на долго зависимости отъ генераль-прокурора Сената, сдѣлавшаго даже распоряженіе о томъ, чтобы синодальный об.-прокуроръ представлялъ доклады не Государынѣ, а ему ген.-прокурору. Но Шаховской сумѣлъ пріобрѣсти личное расположеніе Елисаветы, и она велѣла ему непосредственно докладывать ей по дѣламъ синодальнымъ и получать отъ нея указы и словесныя распоряженія. Съ того времени, замѣчаетъ Шаховской, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, „рѣдко недѣля проходила безъ того, чтобъ я не имѣлъ счастья являться къ Государынѣ для личныхъ докладовъ“. Хотя появленіе его въ Синодѣ встрѣчено было членами онаго благосклонно, тѣмъ не менѣе вскорѣ начались между княземъ Шаховскимъ и ими большіе споры и несогласія, „къ чему онъ поучаться и пріуготовляться всеприлежно тщиться началъ“. Единственно съ этимъ, онъ однако убѣдился, что борьба ему не советѣмъ по силамъ такъ какъ „существующія въ Синодѣ духовныя особы превосходятъ его разумомъ и краснорѣчивымъ о своихъ дѣлахъ толкованіемъ“¹⁾. Кромѣ того и личное сношеніе многихъ изъ нихъ съ самой Государыней (по старинному преданной Церкви и радѣвшей о ней) и съ графомъ А. К. Разумовскимъ дѣлало борьбу съ ними очень трудной. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самой усердной работы и при неукоснительномъ стараніи вліять на всѣ отрасли церковной жизни, не только хозяйственныя, но и чисто церковно-административныя, князь Шаховской пришелъ къ заклю-

¹⁾ Такое признаніе несомнѣнно умнаго человѣка не говоритъ ли въ пользу того, что сравнительно свободно составившійся Синодъ состоялъ дѣйствительно въ лицѣ своихъ членовъ довольно высоко. При многолѣтнемъ отсутствіи прокурорскаго надзора, надо думать, что пополненіе синодальнаго присутствія дѣлалось болѣе или менѣе путемъ самовосполненія. Нельзя никакъ сочувствовать такому порядку; но несомнѣнно, что есть другой способъ восполненія, который еще хуже этого.

ченію, что Синодъ не придаетъ особо важнаго значенія его обширнымъ правамъ и полномочіямъ и весьма мало ими стѣсняется. „Чтобы дѣла въ Синодѣ въ надлежащее состояніе привести, возможности моей нѣтъ“, писалъ князь Шаховской Императрицѣ 15-го Іюня 1745 года. Но Государыня не имѣла видимо желанія усилить вліяніе своего представителя въ Синодѣ, а наоборотъ все болѣе высказывала свое довѣріе и расположеніе самому Синоду, возвративъ ему даже управленіе всѣми церковными имуществами, подчиненными дотошъ Сенату чрезъ Коллегію Экономіи. Въ достиженіи сего Синоду содѣйствовалъ самъ Шаховской, вѣроятно, потому, что подчиненіе Синоду всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ, по управленію церковными имуществами должно было увеличить и кругъ дѣятельности самого об.-прокурора. Но именно эта самая передача экономическихъ дѣлъ въ вѣдѣніе Синода послужила источникомъ новыхъ столкновеній между Синодомъ и об.-прокуроромъ, вызвавшихъ, наконецъ, любопытный инцидентъ *оставленія об.-прокурора Синодомъ безъ жалованія въ теченіе почти года*. Это дѣло интересно тѣмъ, что обнаруживаетъ настоящій взглядъ Елисаветы на роль своего представителя въ Синодѣ. Она видимо не считала себя абсолютно солидарной съ одной лишь стороною въ этомъ конфликтѣ, и даже какъ бы хотѣла отгнѣнить, что не придаетъ излишняго значенія роли прокурора, которую кн. Шаховской усиленно старался раздуть. Такое же возрѣніе выразила она по дѣлу о судѣ надъ однимъ архимандритомъ, кончившемся тѣмъ, что она велѣла сдѣлать строгое замѣчаніе об.-прокурору чрезъ генераль-прокурора, добавивъ, что слѣдуетъ строго наказывать тѣхъ, „кто тайности изъ Синода выносить“. Борьба Синода съ княземъ Шаховскимъ иногда обострялась до того, что синодальные члены колѣнопреклоненно умоляли Императрицу избавить ихъ отъ назойливаго оберъ-прокурора; и хотя кн. Шаховской не былъ удаленъ, но все таки ему не удалось добиться—ни настоящаго вліянія на ходъ дѣлъ, ни даже того, чтобы быть единственнымъ посредникомъ между верховной властью и Синодомъ. Въ 1735 году кн. Шаховской былъ переведенъ на должность генераль кригсъ-коммиссара.

Его преемники, въ теченіе царствованія Императрицы Елисаветы, хотѣли идти по его стопамъ: но ни Львовъ¹⁾, ни князь Козловскій

1) Въ прокурорство Львова, а именно въ 1754 году, былъ объявленъ Синоду указъ объ обязательномъ назначеніи и Велико-Россіянъ на каедры архіерейскія и архимандритскія. Впервые такое же распоряженіе было сдѣлано Анной Ивановной, но видимо силы малороссійской партіи были такъ велики, что только послѣ вторичнаго Высочайшаго повелѣнія уничтожился понемногу обычай, который имѣлъ такое важное вліяніе на судьбы нашей церкви, введеніемъ въ ученіе оной западныхъ понятій, свойственныхъ лицамъ, выходившимъ изъ школъ, пропитанныхъ латинно-протестантскимъ духомъ.

не сумѣли удержать въ своихъ рукахъ то фактическое вліяніе, которое пріобрѣлъ князь Шаховской своей энергіей и настойчивостью. Львова одинъ изъ членовъ Синода, епископъ переяславльскій Амвросій, официальной запиской обвинялъ въ томъ, что онъ „по своему лакомству“, ожидалъ отъ него взятокъ, при чемъ перечислялъ рядъ взятокъ его съ разныхъ монастырей его епархіи; и Синодъ подалъ по этому поводу на Высочайшее имя докладъ.

Львовъ былъ уволенъ, и на его мѣсто поручено было Сенату представить четырехъ кандидатовъ. Синодъ хотѣлъ было провести и своего кандидата, но это ему не удалось: назначенъ былъ премьеръ майоръ л.-гвардіи, князь Козловскій. Пока царствовала Елисавета, отношенія между Синодомъ и гражданскою властью не измѣнялись. Въ 1760-мъ году назначенный генераль-прокуроромъ, князь Шаховской началъ было опять вмѣшиваться въ церковныя дѣла, памятуя свое прежнее положеніе об.-прокурора, и желая вѣроятно своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Синода достигнуть распространенія своей власти и на дѣятельность оберъ-прокурора, какъ того хотѣлъ бывшій генераль-прокуроръ князь Трубецкой, когда онъ назначалъ самого князя Шаховского на эту должность. Но это обстоятельство имѣло болѣе между-чиновничье значеніе; а Синодъ самъ не почувствовалъ на себѣ никакихъ отъ сего послѣдствій. Елисавета была слишкомъ русскій человекъ, чтобы относиться подозрительно къ церковному управленію. Ее, пропитанную понятіями старинными, не могли пугать страхи передъ силой клерикализма, сочиненнаго у насъ воображеніемъ по западному преобразовавшемуся правительству; и только ея преемникамъ опять представилось необходимымъ систематически обуздывать Церковь, обезсиливая ее въ матеріальномъ отношеніи, подчиняя все болѣе правительственному контролю, и наконецъ постепенно обращая ея представителей въ государственныхъ чиновниковъ, каковыми ихъ впервые обозвала Екатерина, а въ такомъ званіи окончательно закрѣпилъ Павелъ I, въ этомъ единственномъ отношеніи, къ удивленію, явившись ея продолжателемъ. Князь Козловскій оставался оберъ-прокуроромъ при Петрѣ III и былъ свидѣтелемъ отнятія церковныхъ имуществъ Петромъ, временнаго возвращенія ихъ Екатериной и участникомъ въ ея мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью замаскировать окончательное отнятіе этихъ имуществъ согласіемъ и даже просьбой самихъ представителей Церкви. Отнятіе у Церкви имуществъ, кромѣ фискальной цѣли, имѣло, конечно, еще болѣе цѣлью отнятіе у церковнаго правительства всякой тѣни независимости, и дѣйствительно съ самаго начала своего царствованія Екатерина заявила официально, что

Синодъ „Нашъ“: „Нашему Синоду“¹⁾, такъ обращалась она къ нему. Члены его „государственныя особы“: и какъ особы эти, такъ и всѣ церковныя учрежденія, были переведены ею на казенное содержаніе, тогда какъ доселѣ они получали таковое изъ церковныхъ средствъ, лишь контролируемыхъ государственною властью.

Для проведенія екатерининскихъ мѣропріятій князь Козловскій оказался недостаточно энергичнымъ, и его замѣстилъ въ 1763 г. бывшій директоръ московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино, личность, по словамъ автора разсматриваемой нами книги, вполне раздѣлявшая воззрѣнія на религію и церковь, господствовавшія въ передовой части современнаго Екатерининскаго общества. Каковы были воззрѣнія этого новаго представителя Высочайшей власти въ Синодѣ, пользовавшагося и непосредственнымъ благоволеніемъ Императрицы, видно изъ его предложенія Синоду, по поводу предстоящаго избранія таковымъ депутата въ комиссію объ уложеніи, въ 1767 году. При этомъ предложеніи приложены были пункты въ формѣ вопросовъ, но составленные такъ, что вопросная форма, видимо, выражала и желательныя на оныя отвѣты. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ: „Не слѣдуетъ ли предоставить совершенную свободу вѣроисповѣданія иностранцамъ, приглашаемымъ правительствомъ?“— „Не слѣдуетъ ли предоставить раскольникамъ публично совершать свое богослуженіе и имѣть собственное духовенство?“— „Не слѣдуетъ ли въ „разсужденіи Св. Писанія“ позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ?“— „Не слѣдуетъ ли очистить Церковь отъ суевѣрія и всѣхъ притворныхъ чудесъ?“— „Не слѣдуетъ ли запретить ношеніе по домамъ церковныхъ иконъ?“²⁾— „Нельзя ли чего убавить изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ и отмѣнить многіе праздничные дни?“ Приводя слова Евангелія о неумѣстности языческаго многословія въ христіанскихъ молитвахъ и отмѣчая введеніе въ наше богослуженіе множества стихирь, тропарей и каноновъ, не имѣвшихъ мѣста въ первенствующей церкви, предлагается обсудить вопросъ: „не полезнѣе ли будетъ вмѣсто всенощень и вечерень установить чтеніе краткихъ молитвъ, съ обязательнымъ поученіемъ народа?“— „Не слѣдуетъ ли, по примѣру первенствующей церкви, дозволить и епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть?“— „Не слѣдуетъ ли разрѣшить духовенству ношеніе болѣе приличнаго платья?“— „Не благоразумнѣе ли будетъ совершенно отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ, имѣющаго цѣлью оказать извѣстное вліяніе

1) Такъ обращалась къ Синоду и Анна Ивановна. Ср. Полное Собр. Пост., и т. д. Св. Синода.

2) Такое запрещеніе было нѣкогда издано Петромъ I.

на ихъ загробную жизнь; такъ какъ подобный обычай даетъ только лишній поводъ духовенству къ вымогательству?“— „Не слѣдуетъ ли наконецъ ослабить строгость закона о незаключеніи браковъ въ близкомъ родствѣ и свойствѣ, установитъ причины для законнаго развода, кромѣ прелюбодѣйнаго случая: и не воспрепятать послѣ третьяго брака вступать снова въ бракъ?“ Но и Мелиссино, съ своимъ либеральнымъ воззрѣніемъ, не вполне выражалъ собою то направленіе, которое желала проявлять Екатерина въ отношеніяхъ къ Синоду.

Мелиссино былъ замѣненъ въ 1768 году бригадиромъ Петр. Петр. Чебышевымъ. не стѣснявшимся публично заявлять о своемъ атеистическомъ образѣ мыслей (Фонъ-Визинъ, изд. 1866 г., стр. 550), и въ отношеніи къ членамъ Синода допускавшимъ такую грубость и несдержанность, что свое неудовольствіе ихъ рѣшеніями сопровождалъ онъ „чуть слышно“ (а все-таки слышно) „гнилымъ словомъ“. Назначеніе такихъ лицъ на оберъ-прокурорскую должность, конечно, не могло быть случайнымъ. Но если Императрица и хотѣла этимъ намекнуть на свое собственное свободомысліе, для внушенія синодальнымъ членамъ, тѣмъ не менѣе она вовсе не стремилась усилить личную власть оберъ-прокурора и нерѣдко сносила съ Синодомъ помимо его, и даже часто принимала сторону синодальныхъ членовъ противъ своего же представителя.

Чебышевъ былъ устраненъ отъ должности въ 1774 году за денежные неурядки и замѣненъ стат. сов. Акчуринымъ. Акчуринъ игралъ совершенно пассивную роль въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своего оберъ-прокурорства и старался только угождать синодальнымъ членамъ, пользовавшимся благосклонностью Императрицы. Онъ былъ угодливъ и низкопоклоненъ передъ ними. за что, по ходатайству митрополитовъ Гавріила и Платона, получалъ солидныя награды.

Его преемникъ Наумовъ не внесъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ роль оберъ-прокурора. Въ своихъ отношеніяхъ къ Синоду онъ былъ непритязателенъ, а въ отношеніи къ гражданской власти не превозносилъ себя, а, наприм., относился къ генераль-прокурору, какъ лицо іерархически подчиненное, „рапортами“.

Въ 1791 году онъ былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Вліятельное положеніе синодальныхъ членовъ при Дворѣ дѣлало то, что дѣловитому человѣку, какимъ былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, не представлялось выгоднымъ вступать съ ними въ столкновенія, въ которыхъ Высочайшая власть не всегда поддерживала своего представителя. Екатерина, сломившая послѣдніе

устои церковной независимости отнятіемъ имущества и объявившая іерарховъ „государственными особами“, не находила нужнымъ стѣснять Синодъ въ чисто-церковныхъ вопросахъ. Посему графъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ лишь особое вниманіе на усиленіе своей роли въ отношеніи канцелярскомъ; иначе сказать, онъ первый началъ забирать въ руки дѣлопроизводство Синода и такимъ образомъ подготовилъ позднѣйшій переходъ всей внѣшней дѣятельности высшаго церковнаго управленія въ руки своихъ преемниковъ.

Павелъ Петровичъ смѣнилъ его въ 1797 году и замѣстилъ княземъ Хованскимъ, который пошелъ неуклонно по стопамъ своего предшественника, такъ что значеніе оберъ-прокурора и при немъ нисколько не умалилось, хотя Императоръ самъ не только не старался объ увеличеніи значенія прокуратуры, но напротивъ того, очень выдвигалъ самихъ синодальныхъ членовъ и особенно первенствующаго члена, митрополита Амвросія. Но чѣмъ менѣе сами государи стремились къ подавленію іерархическаго элемента въ дѣлахъ церковной администраціи, тѣмъ болѣе насажденное ими же свѣтско-канцелярское начало „само о себѣ заботилось“ и старалось всячески увеличивать свое участіе въ дѣлахъ церковной администраціи, незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе вплетаясь во всѣ дѣла, сначала центрального управленія, потомъ епархіальнаго, при посредствѣ секретарей консисторій и такимъ образомъ незримо и, можетъ быть, для самого себя безсознательно растя и развиваясь, вслѣдствіе внутренняго процесса развитія бюрократическаго начала, которое, разъ посаженное въ благопріятную почву, развивается и старается все оплестъ своими многочисленными вѣтвями и корнями. Въ синодальномъ устройствѣ была дана самая благопріятная почва для развитія бюрократизма, благодаря тому, что онъ выражался въ единоличномъ дѣятелѣ, противопоставленномъ коллективному учрежденію. Борьба между такими факторами непремѣнно должна кончиться побѣдой начала личнаго. Опасаясь личнаго начала въ іерархическомъ строѣ церкви, Петръ Великій устранилъ его и замѣнилъ его безвольнымъ, безличнымъ началомъ коллегиальности; но, вѣроятно, ни онъ, ни его преемники не имѣли сознательной цѣли замѣнить одну форму единоличности другой въ управленіи Церковью. Они довольствовались обезличеніемъ, въ виду западнаго представленія объ опасности Церкви для Государства, особенно если ея владѣетъ честолюбивый и властолюбивый іерархъ (Никонъ, напр.)¹⁾. Но эта цѣль вполне достигалась учрежденіемъ Синода. Приставленный къ

1) Ср. Дух. Регламентъ, часть первая.

нему, по общему петровскому шаблону оберъ-прокуроръ назначался лишь для наблюдательныхъ функцій, и ему вовсе не предполагалось дать активной власти. Эта власть сама по себѣ, безъ всякаго вчинательнаго участія въ этомъ Государей, перешла къ об.-прокурору, ибо иначе и быть не могло: администрація такое дѣло, которое требуетъ личной инициативы; она основана на началѣ личномъ. Единственный представитель начала личного, безотносительно къ вопросу о томъ, кого оно представляетъ, явился оберъ-прокуроръ: и вотъ уже черезъ 80 лѣтъ послѣ основанія Синода, эта должность начинаетъ себя заявлять, какъ очень и очень властная, съ тѣмъ, чтобы еще черезъ нѣсколько десятилѣтій занять ту самозданную роль, которую она играетъ въ настоящее время, и которую она уже болѣе не утратитъ никогда, если только самый порядокъ церковнаго управленія не будетъ измѣненъ когда нибудь въ духѣ настоящей церковности.

Князь Хованскій былъ, повидимому, человѣкъ не особенно властолюбивый и ничѣмъ особеннымъ не выдающійся. Онъ былъ хорошій, усердный чиновникъ,—не болѣе; но положеніе вещей настолько уже созрѣло само по себѣ, что онъ сразу явился въ такомъ властномъ положеніи въ Синодѣ, въ каковомъ не былъ еще никто изъ его предшественниковъ. Онъ первый является дѣйствительнымъ участникомъ въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, тогда какъ всѣ предшественники его ограничивались лишь участіемъ въ дѣлахъ собственно Синодскихъ, хотя они давно уже подготовляли себѣ почву для активнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальныя. Но при князѣ Хованскомъ это участие въ постоянномъ наблюденіи за ходомъ епархіальнаго управленія дошло до значительнаго развитія. „Получая официальные свѣдѣнія о состояніи епархіальнаго управленія посредствомъ ежемѣсячныхъ донесеній секретарей духовныхъ консисторій, оберъ-прокуроръ въ то же время имѣлъ еще возможность узнавать о различныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ представителей церковной администраціи, путемъ частныхъ донесеній и жалобъ, не рѣдко поступавшихъ къ князю Хованскому отъ епархіальныхъ преосвященныхъ и пострадавшихъ лицъ изъ низшаго духовенства; и Синодъ, въ большинствѣ случаевъ, поступалъ согласно съ предложеніями князя Хованскаго“. Такими словами, авторъ разсматриваемой книги опредѣляетъ роль оберъ-прокурора, какъ она выразилась въ началѣ настоящаго столѣтія, и въ ней уже ясно видно, какая огромная перемѣна совершилась въ положеніи этого лица, со времени основанія самой должности: и какъ близко было уже тогда появленіе оберъ-прокурора, по типу графа Протасова, типу, оставшемуся принадлежностью этой должности и впредь. До какой степени

мало желали сами государи создать въ лицѣ оберъ-прокурора власть, стѣснительную для самостоятельной дѣятельности Сѹнода въ церковныхъ дѣлахъ, явствуетъ особенно изъ того факта, что князь Хованскій былъ уволенъ въ 1799 году, по жалобамъ на него Сѹнода; и даже замѣщеніе должности оберъ-прокурора было предоставлено митрополиту Амвросію, по сѹнодальному представленію. Такой образъ дѣйствій Императора Павла явно указываетъ, что онъ вовсе не желалъ усилить ни власти, ни даже положенія об.-прокурора.

Графъ Д. И. Хвостовъ, утвержденный въ прокурорствѣ по представленію Сѹнода, былъ дѣйствительно менѣе вчинателенъ, чѣмъ его предмѣстникъ; но хотя графъ Хвостовъ и не имѣлъ личныхъ качествъ князя Хованскаго, тѣмъ не менѣе кругъ дѣятельности его самъ по себѣ не умалился, и онъ, такъ же какъ и его предшественникъ, входилъ во всѣ подробности церковнаго управленія, такъ какъ въ самомъ вѣдомствѣ духовномъ успѣла уже сложиться привычка, по которой дѣла сосредоточивались въ рукахъ об.-прокурора, на котораго стали смотрѣть какъ на настоящую движущую силу въ Сѹнодѣ.

Александръ Павловичъ замѣнилъ графа Хвостова Александромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ въ 1802 году. Въ немъ прокуратура нашла себѣ представителя, вполне способнаго воспользоваться всеми прерогативами, выработанными его предмѣстниками, и еще болѣе ихъ усилить. Назначеніе Яковлева было понято и членами Сѹнода въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ; почему они чрезъ митрополита Амвросія предложили было новому оберъ-прокурору соединить воедино интересы обѣихъ сторонъ. Яковлевъ отказался отъ такого союза и началъ, наоборотъ, сильно ратовать за значеніе своего поста; и хотя Государь и пожертвовалъ имъ, по настоянію объ его удаленіи членовъ Сѹнода, но все-таки за короткій срокъ своего оберъ-прокурорства Яковлевъ успѣлъ отвоевать такія привилегіи, которыя положили краеугольный камень всей дальнѣйшей дѣятельности этихъ сановниковъ. Ему удалось отнять у первенствующаго члена право сноситься съ кѣмъ-либо изъ гражданскихъ должностныхъ лицъ: вся переписка и производство были изъяты изъ вѣдѣнія сѹнодальнаго присутствія, до такой степени, что члены Сѹнода не могли уже болѣе получать справокъ изъ дѣлъ безъ разрѣшенія оберъ-прокурора. Епархіальное управленіе было тоже взято въ опеку оберъ-прокуроромъ, чрезъ предоставленіе ему исключительнаго права назначать секретарей консисторій; что вполне вознаградило за неудавшееся предположеніе о назначеніи въ каждую епархію прокуроровъ. Хотя Государь и утвердилъ этотъ послѣдній проектъ Яковлева, но по жалобѣ членовъ Сѹнода, онъ былъ отмѣненъ;

равно не было утверждено Государемъ предложеніе Яковлева объ измѣненіи порядка назначенія епископовъ. Краткое оберъ-прокурорство Яковлева можетъ почитаться эпохой начинавшагося полного торжества этого института; но опять-таки нельзя не видѣть, что усиленіе онаго шло не отъ непосредственной воли царской, а зависѣло главнымъ образомъ отъ общаго подъема бюрократизма въ эпоху Александра¹⁾. Созданіе министерствъ отразилось благопріятно на положеніи оберъ-прокурора, какъ бы тоже возведеннаго въ санъ министра духовныхъ дѣлъ; и хотя Яковлевъ этого званія себѣ не получилъ, но его преемникъ князь Голицынъ уже облачается официально этимъ титуломъ, главные атрибуты какового званія остаются затѣмъ принадлежностью оберъ-прокурорскаго поста, несмотря на то, что онъ не сохранилъ самаго наименованія министерскаго. Г. Благовидовъ очень вѣрно называетъ исторію прокуратуры Синодальной, „процессомъ развитія“ оной. „Ни многочисленные факты успѣшнаго противодѣйствія Синода прокуратурѣ, ни временное ослабленіе оберъ-прокурорской власти... не могли повліять отрицательнымъ образомъ на интересующій насъ процессъ и пріостановить его дальнѣйшее развитіе“, говоритъ онъ. „Прокуратура, въ лицѣ ея наиболѣе достойныхъ и энергическихъ представителей... хотя очень медленно и даже съ нѣкоторыми перерывами, но постепенно и неуклонно шла къ намѣченной цѣли“.

Въ 1803 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и въ его лицѣ осуществился впервые тотъ типъ оберъ-прокурора, который затѣмъ утвердился чрезъ графа Протасова, какъ неизмѣнный до нашихъ дней. Все значеніе князя Голицына заключалось въ его личныхъ отношеніяхъ къ Государю; а эти-то личные отношенія, на почвѣ выработанныхъ до него порядковъ, дали оберъ-прокурорству его окончательную окраску. Съ одной стороны Яковлевъ уже успѣлъ лишить Синодъ всякой „дѣловой“ независимости отнятіемъ у него какого-либо отношенія къ дѣлопроизводству; это было смертнымъ приговоромъ для возможности какой-либо административной инициативы. Князь Голицынъ получилъ еще, благодаря личнымъ отношеніямъ къ Государю, и возможность, посредствомъ

¹⁾ Французская революція создала видъ бюрократизма, который процвѣлъ въ нашъ вѣкъ. Посаженіе его у насъ совершилось чрезъ цѣлую плеяду молодыхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ духѣ началъ 1789 года, которымъ очень сочувствовать самъ Александръ Первый. Первымъ выразителемъ бюрократическаго начала былъ въ Россіи Дидеротъ, во время посѣщенія имъ Екатерины 2-й. Ср. Catherine II et Diderot... M. Tourneux, на стр. 569 онъ указываетъ ей какъ завести культуру въ Россіи; въ этомъ софѣтѣ резюмированы принципы бюрократизма.

впервые Павломъ введеннаго награжденія орденами духовенства и права вызывать или не вызывать въ Синодъ тѣхъ или другихъ архіереевъ, новую силу непосредственнаго вліянія на православныхъ іерарховъ, обратившую таковыхъ постепенно въ лицъ, столь же зависимыхъ отъ оберъ-прокурора, какъ зависѣли по другимъ вѣдомствамъ всѣ служащіе отъ воли своего министра. Личныя убѣжденія князя Голицына, перешедшія, въ теченіи 20-тилѣтняго управленія Синодомъ, отъ совершеннаго невѣрія къ крайнему религіозному мистицизму, не имѣли никакого вліянія на его административную дѣятельность. Все, что онъ дѣлалъ въ качествѣ оберъ-прокурора до 1817 г. и министра духовныхъ дѣлъ до 1824 года, основано было на чисто-бюрократическомъ началѣ, въ которомъ преслѣдованіе благихъ, по его мнѣнію, цѣлей не стѣснялось никакими соображеніями объ отношеніи ихъ къ существующему болѣе или менѣе органическому порядку и строю. Едва ли онъ сознательно хотѣлъ умалить значеніе Синода. Императоръ Александръ также никогда не проявлялъ желанія отнимать у Церкви ея, въ принципѣ признаваемую независимость въ области духовныхъ функцій. И Царь и его министръ просто забывали о существованіи активной церковной власти, когда они составляли, напр., уставы духовныхъ училищъ и учреждали комиссіи для завѣдыванія ими; лица же іерархическія, хотя и видѣли, что дѣло клонится все къ большому упраздненію іерархическаго управленія дѣлами церкви, постепенно пріучались мириться съ этимъ, убаюкиваемые различными видами личныхъ отличій и выгодъ, дѣйствительную цѣну которыхъ умѣли опредѣлять лишь немногіе выдающіеся іерархи, почитавшіеся посему болѣе или менѣе подозрительными. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ само по себѣ не имѣло большого значенія для Синода послѣ всего, что совершилось до этого. Дѣйствительнымъ прокуроромъ остался все-таки князь Голицынъ, а назначенный въ должность оберъ-прокурора, совершенно зависимый отъ министра, князь Мещерскій, являлся лишь исполнителемъ его велѣній. Это эфемерное министерство получило непреходящее значеніе для Синода лишь послѣ своего уничтоженія. По волѣ Александра въ вѣдѣніе оберъ-прокурора перешло I отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, упраздненнаго министерства. „Его Императорскому Величеству угодно“, писалъ Аракчеевъ къ князю Мещерскому, „чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ въ Синодѣ; а опредѣленія, увольненія и награды чиновникамъ производимы были на правилахъ общаго министерскаго учрежденія“. Въ этомъ отдѣленіи сосредоточивалась вся министерская дѣятельность князя Голицына по отношенію къ Синоду.

Съ этого времени министерское значеніе навсегда осталось за сѣнодальными оберъ-прокурорами; оно за ними еще болѣе укрѣпилось косвеннымъ приравненіемъ ихъ къ министрамъ по возлагаемымъ обязанностямъ и вытекающимъ изъ нихъ правамъ. Такое практическое значеніе оберъ-прокуроровъ постепенно переходило и въ юридическое. Такъ въ 1826 году, при составленіи новыхъ штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, поручено было и князю Мещерскому, оставшемуся оберъ-прокуроромъ послѣ упраздненія министерства духовныхъ дѣлъ, представить въ государственный совѣтъ „наравнѣ съ прочими *министрами*“ штатъ и по духовному вѣдомству, что имъ и было сдѣлано безъ ближайшаго участія Св. Сѣнода¹⁾.

Во время об.-прокурорства князя Мещерскаго бывали однако еще случаи непосредственныхъ отношеній членовъ Сѣнода къ Государю, а самъ Мещерскій далеко не всегда находилъ себѣ поддержку въ Государь, въ своихъ стараніяхъ объ усиленіи чиновничьяго элемента въ сѣнодальномъ управленіи. Напр., когда онъ хотѣлъ испросить себѣ втораго чиновника за оберъ-прокурорскій столъ, то Государь ему въ этомъ отказалъ, написавъ въ резолюціи, что: „должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ“.

Въ 1833 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Несмотря на кратковременное пребываніе въ должности, онъ успѣлъ, по словамъ г. Благовидова, „оказать довольно важныя услуги интересующему насъ процессу, и въ значительной степени усилить вліяніе оберъ-прокурорской власти на разнообразныя

¹⁾ Очень интересна резолюція Императора Николая Павловича на докладъ князя Мещерскаго, по дѣлу о бракѣ г.-ад. Клейнмихеля. Она характеризуетъ понятіе его о церковныхъ догматахъ, объ отношеніи къ нимъ церковной власти, объ отношеніи къ ней самой оберъ-прокурора; и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ здраво онъ понималъ нѣкоторыя вещи, которыя не всегда ясны даже для самихъ членовъ церковной іерархіи, какъ напр. неумѣстность принципа большинства и меньшинства въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ. „Въ догматахъ вѣры разногласіе быть не можетъ и не должно“, пишетъ Государь: „Вамъ, какъ блюстителю законовъ, должно вразумить членамъ Сѣнода (sic); и когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣ оно представить. Симвъ дѣломъ заняться не медля, ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который выходитъ изъ всякаго приличія“. Видимо, оберъ-прокуроръ уже твердо отвоёвывалъ себѣ значеніе *руководителя* Сѣнода; хотя въ данномъ случаѣ трудно уяснить себѣ, на основаніи какого государственнаго закона имѣлъ бы онъ право требовать отъ членовъ Сѣнода единогласнаго рѣшенія. Вѣроятно, Государь подразумѣвалъ законъ церковнаго единомыслія. Но въ такомъ случаѣ оберъ-прокуроръ получаетъ уже значеніе блюстителя церковныхъ законовъ, въ которыхъ онъ долженъ наставлять архіереевъ.

стороны церковной жизни⁴. Нечаевъ успѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ ввести контроль надъ всѣми синодальными и церковными суммами, зависящій непосредственно отъ оберъ-прокурора; ввести организованное жандармское негласное наблюденіе надъ архіереями, воспользовавшись дѣломъ нижегородскаго епископа Амвросія; и наконецъ ввести практику назначенія на вакантныя каѳедры кандидатовъ по своему представленію, минуя представленныхъ Синодомъ лицъ. Когда изъ-за этого послѣдняго обстоятельства вышло сильное пререканіе между синодальными членами и оберъ-прокуроромъ, Нечаевъ будто бы сказалъ въ присутствіи канцеляріи: „я докажу этимъ калугерамъ, что такое оберъ-прокуроръ“⁴. Но ему не удалось исполнить своей угрозы. Его преемнику, графу Протасову, предоставлено было дать ей настоящее примѣненіе, а послѣ него уже не представлялось болѣе нужды въ доказательствѣ того, что сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ.

Назначеніе графа Протасова 25-го Іюля 1836 года было встрѣчено съ радостью многими и самыми видными представителями іерархіи, въ числѣ коихъ воронежскій архіепископъ Антоній выражался такъ, по поводу назначенія графа, въ письмѣ, обращенномъ къ нему: „Не могу не воскликнуть Слава Богу! Слава Богу, сіятельный графъ, что Онъ внялъ молитвенному желанію рабовъ своихъ... Слава Богу, что промыслительная десница Его ввѣрила попеченіе о благѣ церкви мужу по сердцу Своему!“

Но замѣна Нечаева графомъ Протасовымъ оказалась лишь окончательнымъ фазисомъ борьбы іерархическаго начала съ бюрократическимъ: побѣда послѣдняго была полная.

Для облегченія Синода отъ дѣлъ второстепенныхъ и для того, чтобъ онъ могъ исключительно предаться высшему церковному служенію, а такжѣ и для усовершенствованія порядка въ дѣлахъ, при графѣ Протасовѣ введены были всѣ тѣ учрежденія для завѣдыванія различными отраслями церковнаго управленія, которыя передали ихъ въ руки оберъ-прокурора. 1-го Марта 1839 года Протасовъ представилъ Государю докладъ, вслѣдствіе коего учредились при Синодѣ: 1) канцелярія собственно Синода, 2) канцелярія оберъ-прокурора, 3) духовное учебное управленіе и 4) хозяйственное отдѣленіе, исключительно зависящее отъ оберъ-прокурора. 16-го же Декабря того же года оберъ-прокуроръ писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что „теперь всѣ его ожиданія блистательно оправдались по всѣмъ четыремъ центральнымъ учрежденіямъ, изъ коихъ каждое, по числу состоящихъ въ немъ отдѣленій и чиновниковъ, соответствуетъ департаментамъ министерствъ“;

и на этомъ основаніи просилъ о сравненіи жалованіемъ своихъ служащихъ съ таковыми же другихъ министерствъ.

Всѣ эти преобразованія привели къ тому, что синодальный оберъ-прокуроръ обратился въ фактическаго министра духовнаго вѣдомства. Но разъ такое положеніе было достигнуто, непременно должны были получиться и соотвѣтственныя послѣдствія въ отношеніяхъ этого фактическаго министра съ фактически ему подчиненными, хотя юридически независимыми членами Синода и архіереями. Министръ въ своемъ вѣдомствѣ не можетъ имѣть неподчиненныхъ себѣ лицъ¹⁾, отсюда успѣшное стремленіе къ подчиненію себѣ и синодальныхъ членовъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ, выраженное словами составителя записокъ объ этомъ времени, Измайлова такъ: „Если кто изъ синодальныхъ членовъ рѣшался возвышать голосъ въ защиту своихъ правъ или разсуждать несогласно со взглядами оберъ-прокурора, то неизбежно долженъ былъ считаться съ серіозною опасностью или быть устранившимся отъ присутствованія въ Св. Синодѣ, или даже оказаться переведеннымъ на худшую епархію, безъ суда и апелляціи. Если кто изъ канцелярскихъ чиновниковъ осмѣливался въ случаяхъ какихъ-либо недоразумѣній между прокуратурой и Синодомъ дѣйствовать не на противъ Синода..., то такого... или совершенно увольняли со службы или лишали всякихъ правъ на повышеніе. Ничто не оставалось неизвѣстнымъ оберъ-прокурору. Секретарямъ консисторіи было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходило въ епархіяхъ“. Митрополитъ Серафимъ, вспоминая не за долго до своей смерти обстоятельства, при которыхъ произошло назначеніе графа Протасова, говорилъ будто бы: „Вы послали тогда меня... просить вамъ царя... Выпросилъ его вамъ... Теперь—стяжайте въ терпѣнны души ваши“. Самъ же Протасовъ, объясняясь съ вызваннымъ имъ по дѣламъ учебнымъ, архимандритомъ Пикодимомъ, сказалъ ему: „Прошу знать меня и еще никого, ниже вашихъ архіереевъ: я вашъ заступникъ“.

Но окончательное торжество Протасова надъ іерархіей выразилось въ устраненіи имъ навсегда отъ присутствованія въ Синодѣ (въ 1842 году) обоихъ Филаретовъ, московскаго и кievскаго. Не столько фактъ невызыванія ихъ въ Синодъ съ этого времени важенъ *самъ по себѣ*,

¹⁾ Если независимый Сенатъ и считается въ вѣдомствѣ мин. юстиціи, то это явная натяжка, допущенная для порядка, по которому все должно быть росписано по вѣдомствамъ.

сколько *важенъ поводъ* къ пререканію съ ними представителя власти гражданской. Дѣло заключалось въ различіи взглядовъ на переводъ на русскій языкъ Св. Писанія. Надо было прокурорской власти дойти до крайнихъ предѣловъ вмѣшательства въ вопросы чисто-духовнаго свойства, чтобъ она могла и вопросъ о переводѣ Писанія включить въ кругъ своего законнаго вѣдѣнія. Кончиною графа Протасова, послѣдовавшей въ 1855 году, заканчивается свое изслѣдованіе г. Благовидовъ; и, конечно, онъ избралъ самый удобный моментъ въ исторіи разсматриваемаго имъ учрежденія, чтобы на немъ остановиться. Въ лицѣ и дѣятельности графа Протасова процессъ развитія оберъ-прокурорства закончился вполне: а послѣдующая за нимъ эпоха, не прибавляя ничего новаго къ сущности этого, уже вполне выработаннаго института, еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы служить предметомъ безпристрастнаго историческаго изслѣдованія.

Изъ того, что передано намъ г. Благовидовымъ въ его книгѣ, можно, кажется, сдѣлать довольно основательный и полный выводъ о томъ, чему поучаетъ исторія прокурорства за стотридцатилѣтній періодъ, протекшій со времени учрежденія оберъ-прокурорства до момента полнаго расцвѣта онаго. Всяческая же исторія имѣетъ цѣну только по степени ея назидательности въ настоящемъ, а слѣдовательно полезности для будущаго. Исторія оберъ-прокурорскаго института имѣетъ большой интересъ для уразумѣнія исторіи бюрократіи вообще и законовъ ея развитія. Бюрократія есть проявленіе живого, органическаго начала, принципа, который носитъ въ самомъ себѣ всѣ условія, необходимыя для роста и развитія, не только *какъ орудія служебнаго* въ рукахъ правительства, но какъ чего-то живущаго „само для себя“ и „само о себѣ“. Ей только нужна почва благоприятная и невмѣшательство высшей власти для того, чтобы изъ скромнаго саженца или даже сѣмени, разростись до исполинскихъ размѣровъ; и вовсе не вслѣдствіе потребности въ ней власти или подвластныхъ, но вслѣдствіе ей самой присущей способности развиваться изъ самой себя. Такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, что „учрежденію“ должности прокурора не придавалось особаго значенія. Преобразованное Петромъ по европейски государство вполне довольствовалось расшатаніемъ церковнаго строя посредствомъ обезличенія высшаго управленія его; но оно вовсе не гналось за тѣмъ, чтобы стать самому, въ лицѣ своего представителя на мѣсто упраздненнаго митрополита всероссійскаго или патріарха. Оно хотѣло отнять у церкви ея (по западному представленію) предполагаемую способность къ противугосударственной инициативѣ; но входитъ въ кругъ ея внутренняго вѣдѣнія—не составляло

никогда предмета пожеланій нашихъ государей. Не только они никогда не выказывали намѣренія „по собственному почину“ усиливать значеніе оберъ-прокурора, но, напротивъ того, скорѣе сдерживали попытки, дѣлаемыя самими прокурорами въ этомъ смыслѣ. Настоящее процвѣтаніе прокуратуры начинается вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ бюрократизма при Александрѣ I; и она, вмѣстѣ съ другими бюрократическими инстигугами, начинаетъ процвѣтать и развиваться только потому, что наступила эра общаго процвѣтанія этого принципа съ начала настоящаго столѣтія; и благодаря распространенію принциповъ французской революціи, настоящей родоначальницы бюрократизма, который есть ничто иное, какъ хроническое, длительное революціонное состояніе, стремящееся постоянно замѣнить органическое начало жизни, погоней болѣе или менѣе насильственной за *абстрактными, надуманными* цѣлями „отвлеченнаго блага“. Но такъ какъ „благо“ въ широкомъ смыслѣ очень трудно конкретизируемое нѣчто, то бюрократизмъ избралъ себѣ цѣлю одинъ лишь изъ его признаковъ, наиболѣе наглядныхъ, но ничего самъ по себѣ не стоящей (если взять его отдѣльно отъ всѣхъ другихъ)—„это *вплесній порядокъ*“. И вотъ на идеѣ заведенія этого вѣчно искомаго „порядка“ и улучшенія его, бюрократія стала развиваться не по днямъ, а по часамъ. Она не находила себѣ содѣйствія высшей власти въ насажденіи этого порядка, какъ какого-то идеала, но не находила въ ней и активнаго противодѣйствія, а лишь только *непротивленіе*: власть не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое бюрократія въ самой себѣ, внутренно все-таки ей не довѣряла, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала себя уловлять этимъ лживымъ призракомъ порядка, который ей бюрократія представляла „какъ нѣчто само по себѣ цѣнное“. Именно. этотъ-то процессъ саморазклубленія бюрократіи мы можемъ ясно прослѣдить въ спеціальной сферѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ, благодаря книгѣ г. Благовидова; и она тѣмъ и является особенно полезной, что разрушаетъ совершенно довольно распространенное у насъ представленіе о сознательномъ желаніи власти гражданской въ Россіи поработить себѣ церковные порядки. У насъ церковь подавляется не государствомъ, а такою силой, которая поработила себѣ и самое государство; и, конечно, для государства еще важнѣе отъ нея освободиться, чѣмъ для церкви, такъ какъ государство есть явленіе чисто земное, и потому могущее быть въ корень изведеннымъ; тогда какъ церковь только до нѣкоторой степени можетъ страдать отъ разныхъ земныхъ испытаній, ибо по существу и „врата адовы не одолѣютъ ей“. Тѣмъ не менѣе, конечно, нельзя легко смотрѣть и на переходящія испытанія, которымъ подвергается церковь въ ея временномъ проявленіи; ибо таковое не безразлично для ея земныхъ судебъ. Нельзя

смотрѣть совершенно спокойно и на этотъ чисто канцелярскій процессъ упорядоченія церкви у насъ. Древняя русская церковь дѣйствительно была полна неурядковъ; но она старалась ихъ устранить, сколько могла, не утрачивая того, что дороже во сто кратъ „самодовлѣющаго порядка“. Отъ того она была жива и дѣйствительно проникла во всѣ изгибы общественной и государственной жизни, не замыкаясь въ предѣлахъ узкихъ какого-либо „вѣдомства“. Въ настоящее время, конечно, порядка въ дѣлахъ церковныхъ сравнительно очень много; но соответствуетъ ли оному роль церкви и ея представителей въ жизни современной нашего народа и общества?

Нельзя не обратить вниманія, при чтеніи книги г. Благовидова, на одну очень странную черту его изложенія: это на совершенное неуясненіе имъ для читателя собственнаго взгляда на абсолютное достоинство тѣхъ двухъ началъ, борьбу которыхъ за преобладаніе онъ такъ послѣдовательно излагаетъ. На чьей сторонѣ его личныя симпатіи? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ какъ будто сочувствуетъ сохраненію іерархическихъ преимуществъ Синода, а въ другихъ и благоустроительная дѣятельность свѣтской власти ему по душѣ. Сначала кажется, что это есть какъ бы пробѣлъ въ его изложеніи. Но чѣмъ болѣе вдумываешься въ излагаемое имъ, тѣмъ болѣе и самъ приходишь къ заключенію, что въ сущности послѣдовательной симпатіи нельзя имѣть ни къ той, ни къ другой сторонѣ, какъ не имѣеть ея и авторъ книги. Въ дѣйствительности, ни та, ни другая сторона не представляютъ изъ себя началъ абсолютныхъ, а каждая имѣеть и достоинства, и недостатки только относительные. Кажется несомнѣннымъ, что для человѣка истинно русскаго (а слѣдовательно и православнаго) идея подчиненія церковной іерархіи свѣтской власти не можетъ не быть чуждой; и съ этой точки зрѣнія попытка къ подчиненію ея—не сочувственна. Но вѣдь съ другой стороны, та современная іерархія, которая выработала въ себѣ начало кастическое, отдѣленная отъ народа и его жизни, замкнутая въ себѣ самой—едва ли можетъ почитаться достаточной представительницей церкви, конечно не въ смыслѣ *сакраментальномъ*, а въ бытовомъ отношеніи. Церковь земная живетъ всесторонней жизнью, въ которой не мало есть мѣста и земнымъ интересамъ. Ее можетъ представлять всецѣло только такое духовенство, которое вполне едино съ самимъ народомъ и не отрѣшилось отъ него на почвѣ своихъ кастическихъ соображеній и интересовъ. До Петра у насъ не было духовнаго сословія¹⁾ и между народомъ церковнымъ и пастыремъ не

¹⁾ Ибо не было и вообще сословія, какъ ихъ понимаютъ теперь: ученіе о сословномъ основаніи всего нашего строя пушено въ ходъ пок. Пазухиннымъ, и могло войти во всеобщее употребленіе только благодаря совершенному непониманію нашему нашей же исторіи.

лежало средостѣніе *сословности*. Но разъ она образовалась, явилось непремѣнно и нѣкоторое различіе между *церковностью чистою* и *церковностью клерикальною*; и вотъ эта-то послѣдняя, начиная все болѣе и болѣе обрисовываться, вызываетъ органически себѣ отпоръ въ свѣтскомъ, гражданскомъ элементѣ, олицетворенномъ высшей властью и ея представителями. Такимъ образомъ тотъ самый оберъ-прокуроръ, который явился сначала представителемъ лишь элемента государственнаго въ широкомъ смыслѣ, теперь уже окрашивается совсѣмъ другимъ свѣтомъ: онъ является представителемъ антиклерикальнымъ (въ той, конечно, лишь средѣ, которая создала клерикализмъ), и, конечно, въ этой функціи онъ уже совсѣмъ не только то, чѣмъ онъ является въ качествѣ лишь *бюрократа*. Вотъ почему, вѣроятно, г. Благовидовъ и не имѣетъ опредѣленнаго взгляда для оцѣнки тѣхъ фактовъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Да и мы сами затруднились бы отдать наши симпатіи той или другой сторонѣ, сознавая, что самая описываемая борьба есть только продуктъ искаженія всего строя нашей жизни, которое не могло не отразиться и на внѣшнемъ строѣ нашей церковности¹⁾.

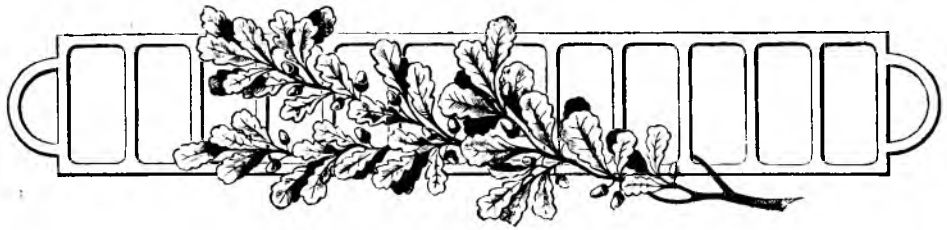
Книга г. Благовидова есть отдѣльный оттискъ статей, появившихся въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1897—1899 годы. Нельзя не поблагодарить за то, что онъ собралъ ихъ въ отдѣльный томъ и сдѣлалъ ихъ содержаніе общедоступнымъ.

Д. Х.

1899 года.

¹⁾ Конечно, эта борьба началъ свѣтскаго и іерархическаго должна разрешиться рано или поздно; но едва ли можно и даже едва ли должно желать этого разрешенія помимо общаго возрожденія нашего государственно-общественнаго строя *„на началахъ древне-русскихъ, нарушенныхъ съ начала XVIII вѣка“*. Стремленіе къ этому возрожденію, кажется даетъ себя чувствовать уже теперь; но пока оно не дозрѣло—желательно, чтобы какъ можно менѣе формально измѣнилось существующее: когда растаетъ ледъ естественно, онъ „во образѣ водномъ“ смываетъ накопившійся за зиму соръ. Искусственное преждевременное устраненіе льда дѣлаетъ то, что соръ не смывается; и оттого въ воздухѣ развиваются незамѣтные для глаза, а только для тонкаго обонянія миазмы. При возрожденіи Россіи отъ двухсотлѣтняго умственного сна общественнаго, если ему суждено быть, смются отжившія чуждыя формы; вѣроятно исчезнетъ и теперешній Синодъ и теперешнее оберъ-прокурорство. Но пока Синодъ—учрежденіе сословно-клерикальное—умѣреніе его сословности общегражданскими началами—необходимо.

Письмо Графа Николая Петровича Шереметева къ Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому и его отвѣтъ

Милостивый Государь мой

Алексѣй Ѳеодоровичъ.

Какое получилъ я письмо отъ К-ни Анны Николаевны Долгоруковой¹⁾ копію при семъ препровождаю для усмотрѣнія Вашего; надѣюсь, что его содержаніе столько-жъ Вамъ покажется страннымъ какъ и мнѣ. Претензія Княгини состоитъ—въ томъ что, будто бы родитель мой, получа имѣніе по наказу отъ дѣда моего, чему прошло уже около ста лѣтъ, выдавая въ замужество сестру свою Гр-ню Наталію Борисовну Шереметеву не выдѣлилъ изъ недвижимаго имѣнія принадлежащей ей части. Недовольно того, что при жизни родителя моего въ теченіе столькихъ лѣтъ не было никакой отъ сестры его по сему дѣлу претензіи; но и по кончинѣ его я, вступая въ наслѣдство, ничего касательно сего не слыхалъ и такъ цѣлое столѣтіе проходя въ молчаніи, нынѣ къ удивленію моему разсудила убѣдить меня очищать совѣсть отца и дѣда моего, требуя возвращенія дѣтямъ его имѣнія ея свекрови, не взирая, что я еще не родился во время, когда Графиня Наталія Борисовна выходила въ замужество за К-зя Долгорукова, а потому дѣло сіе покрыто для меня совершенной неизвѣстностью; предосудительно было бы съ моей стороны удовлетворить ея желанію и тѣмъ оскорбить память родителя моего и поддержать возводимую на него клевету. Копію съ отвѣта моего письма Княгинѣ при семъ прилагаю, изъ коего усмотрите, что я не ожесточая ее старался только уклониться вступить въ дѣло ни съ какой стороны до меня непринядающее: мнѣ бы очень желательно было, чтобы приложенное при семъ письмо къ Княгинѣ вручили по знакомству съ Вами и ежели она сама

¹⁾ Рожденная Баронесса Строганова, мать Д. И. Долгорукаго, письма коего печатаются въ Русскомъ Архивѣ. П. Б. (младшій).

вызовется и начнетъ съ Вами говорить касательно сего дѣла, то покорнѣйше прошу представить ей убѣдительнѣйшими словами сколько чувствительны для меня приписываемыя ею укоризны къ почтеннѣйшей памяти предковъ моихъ и сколько бы странно было, ежели бы подумалъ я склониться на ея предложеніе и тѣмъ предъ всѣми призналъ бы ложно приписываемый неправильный поступокъ отца моего и показалъ бы его притязателемъ ему не принадлежащаго, въ чемъ безъ сумнѣнія оправдываетъ его честность и правдолюбіе, столько всѣмъ уже извѣстныя.---Дѣлаемая мною пособіи бѣднымъ, созиданіе Гофшпиталя и тому подобное по изъясненію письма ея долженствующій непремѣнно подвигнуть меня къ возвращенію ей будто бы принадлежащаго, болѣе еще доказываетъ, что я, жертвуя собственнымъ своимъ къ благу другихъ безъ всякаго принужденія, далеко отстою отъ удержанія или присвоенія чужого, и готовъ бы былъ взойти въ состояніе дѣтей ея изъ одного человѣколюбія, ежели бы ни сама она отняла теперешнимъ случаемъ къ тому способы, въ протчемъ нескрыто предъ всевидящимъ Окомъ намѣреніе мое съ какимъ приступалъ къ построенію Гофшпиталя. Я не имѣлъ цѣлю тщеславіе, Богъ тому свидѣтель, слѣдственно не оскорбляюсь никакими выраженіями на сей счетъ. Въ заключеніе сего скажу согласно съ нею, по лѣтамъ ея предстоитъ она ближе другихъ къ дверямъ гроба; не удаленъ судъ вѣчности, гдѣ каждаго совѣсть обнажится, но я до тѣхъ поръ за грѣхъ поставляю себѣ быть судьей отца моего и принять за истину мрачную клевету, ищущую нарушить покой умершихъ; съ тѣмъ только прошу Васъ по пріязни Вашей взять на себя трудъ вручить лично приложенное письмо Княгинѣ ежели почтете сіе приличнымъ въ противномъ случаѣ прошу приказать отослать оное съ своимъ человѣкомъ. И говорить съ нею тогда только когда сама на сіе вызоветъ, а безъ сего почтеть она можетъ быть обидою себѣ что кто либо посторонній свѣдомъ о такомъ странномъ ея требованіи. Весьма пріятно будетъ мнѣ, ежели о семъ посовѣтуете съ Батюшкою можетъ быть онъ знакомъ и естли она его столько чтеть какъ я въ душѣ моей то не сумнѣваюсь о пользѣ истины.

Свидѣтельствую искренное мое почтеніе

Милостивый Государь мой Покорно-искреннѣйшій слуга Графъ Н. Шереметевъ.

29 Августа 1805 г.

Журналъ Исходящій особымъ письмамъ 1805 года

Письмо Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго отъ 7-го Сентября 1805 года.

По письму Его Сіят-ва отъ 29 Августа совершенно взошелъ въ смыслъ недѣльной претензіи отъ Княгини Долгоруковой. Княгиня была некогда дочерью духовною батюшки его, а потому и взялся онъ охотно быть вручителемъ письма Его Сіят-ва къ ней. Прочитавъ оное, она тотчасъ начала говорить о всѣхъ мнимыхъ притязаніяхъ своихъ. Батюшка легко опровергъ ихъ убѣжденіями въ письмѣ отъ Его Сіят-ва предка чертанными, добавивъ къ тому, что ближе всего было покойному Князь Михайлу Ивановичу самому исходатайствовать принадлежащее; а какъ Князь не принималъ сего, то и доказательно, что ея требованія теперь совсѣмъ не у мѣста. Однимъ словомъ не только Княгиня, но и обѣ Княжны остались убѣждены въ несправедливости своего поступка противъ Его Сіят-ва; добрая старушка даже призналась, что она не сама собою предприняла это. Не въ тонѣ претендательницы, а въ тонѣ уже просительницы изъяснилась она, не поможетъ ли Его Сіят-во въ убожествѣ ихъ по случаю помолвки младшей Княжны;—ее беретъ за себя подполковникъ Лисовскій.—Чтобы вразумиться въ дѣло сіе, то завелъ съ Смирновымъ разговоръ касательно сего и велѣлъ ему коротенько выписать изъ записи, о которой онъ упомянулъ предъ нимъ, данной отъ Княгини Натальи Борисовны покойному Графу Петру Борисовичу въ полученіи всего принадлежавшаго ей. Если сія очистка не была свѣдома, то оную прилагаетъ.

Батюшка за особенное удовольствіе вмѣняетъ для себя, что удалось ему исполнить волю Его Сіят-ва.

Журналъ входящихъ особымъ письмамъ 1805 года.

РАСКОЛЬ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ

Историческая записка епископа Оренбургскаго и Уфимскаго
Антонія ¹⁾

Расколъ, какъ отдѣленіе отъ единства церкви, или расторженіе союза церковнаго, составляетъ нѣ новое явленіе въ исторіи христіанской вѣры. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства уже не рѣдки были примѣры появленія расколовъ. Таковы между прочимъ расколы, волновавшіе церковь Коринѣскую еще въ первомъ вѣкѣ христіанства ²⁾. Таковы же раскольники, извѣстные подъ именемъ каеаровъ ³⁾, и далѣе новатіане и донатисты. Тѣ и другіе, несмотря на различіе ученія ихъ о Церкви, сходились въ одномъ имъ общемъ пунктѣ отступленія—неповиновеніи власти церковной.

Тоже неповиновеніе власти церковной, тоже расторженіе союза церковнаго составляетъ сущность и духъ русскаго раскола, принявшаго, впрочемъ, въ послѣдствіи характеръ открытаго возмущенія не только противъ власти церковной, но и гражданской.

¹⁾ Сочиненіе это, озаглавленное „Историческая записка о мѣстномъ расколѣ“, отыскано въ дѣлахъ Оренбург. цент. архива за 1857 г. Кому оно принадлежитъ, — неизвѣстно. Но прислано Оренбург. ген.-губернатору ген.-ад. А. А. Катенину изъ Уфы отъ пресвѣщ. Оренбург. и Уфимск. Антонія 1-го (бывшаго епископа Старорусскаго, викарія Новгородск., правилъ Оренбург. паствой съ 1853 по 1858 г. и въ Юлѣ перемѣщенъ на архіеписк. коседру въ Кипшиневъ). Судя по слогу, только первая часть сочиненія, видимо, написана имъ, а послѣднія двѣ части составлялись подъ его руководствомъ кѣмъ то другимъ. — Въ „запискѣ“ цѣлыя указанія о раскольническихъ поселеніяхъ въ заволжскомъ краѣ и путяхъ разитія раскола до 1838 года, а также интересны свѣдѣнія о колонизаціи этой окраины. Болѣе разработана первая часть объ Уральскихъ казакахъ. — П. Ю.

²⁾ Поученіе св. Климента Римскаго къ Коринѣянамъ, гл. 44. (см. „Христіанское Чтеніе“ за 1824 г., гл. 44.)

³⁾ Памятники Древней Христіанск. церкви, т. IV, гл. VII.

Не мѣсто здѣсь распространяться въ доказательствахъ этой мысли: довольно замѣтить, что исторія представляетъ не одинъ примѣръ возмущенія раскольниковъ сколько противъ власти церковной, столько и гражданской. Достаточно сослаться въ этомъ случаѣ на мятежи Стрѣлецкій и Соловецкій, на то ученіе нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ сектъ, которое отвергаетъ молитвы за царя и царствующій домъ, допускаетъ уклоненіе отъ исполненія многихъ гражданскихъ повинностей, дозволяетъ или, лучше, предписываетъ своимъ послѣдователямъ странническую или бродяжническую жизнь и т. п.

Эти и подобные факты говорятъ ясно, что расколъ по существу своему составляетъ зло сколько церковное, столько и государственное, которое тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что въ нѣкоторыхъ сектахъ открыто держатся ученія, что царствующій домъ, прежній и нынѣшній, есть антихристіанскій, что, слѣдовательно, служеніе такой царственной власти есть дѣло антихристіанское.

По характеру Оренбургскаго края, какъ мѣста постоянной русской колонизаціи, и до сихъ поръ еще продолжающейся, расколъ, какъ это само собою очевидно, не есть мѣстное явленіе. Начало его не здѣсь, а въ другихъ, и именно центральныхъ мѣстахъ Россіи. Причины же появленія и распространенія мѣстнаго раскола заключаются: 1-е, частію въ положеніи Оренбургскаго края, какъ мѣста постоянно продолжающейся русской колонизаціи,—этому обстоятельству должно приписать то, что вмѣстѣ съ совершавшимся или совершающимся переселеніемъ сюда изъ средне-русскихъ губерній, заносимы были и сѣмена раскола, производившія въ послѣдствіи свой гибельный плодъ; 2-е, частію въ томъ значеніи, какое имѣлъ Оренбургскій край въ общемъ составѣ Россійскихъ областей, какъ мѣсто ссылки гражданскихъ преступниковъ,—въ этомъ обстоятельстве кроется причина, почему вмѣстѣ съ ссылными преступниками происходило умноженіе и усиленіе раскола; 3-е, частію, наконецъ, въ той связи, которую имѣетъ Оренбургская губернія¹⁾ по своему географическому положенію, съ другими губерніями, болѣе или менѣе зараженными расколомъ.

Первая изъ сихъ причинъ требовала бы историческаго изложенія постепеннаго колонизованія Оренбургскаго края; но такъ какъ такое изложеніе сопряжено со многими частными подробностями, то оно оставляется²⁾.

¹⁾ Необходимо пояснить, что въ составъ ея въ то время входили нынѣшнія губерніи Оренбургская и Уфимская и области Тургайская и Уральская.—П. Ю.

²⁾ Впрочемъ историческое описаніе христіанскихъ поселеній въ Оренбургскомъ краѣ уже составлено и имѣется въ виду духовнымъ начальствомъ (оно было напечатано впоследствии въ Оренбургскихъ Губер. Вѣдомостяхъ за 1859 и 1860 гг. подъ заглавіемъ „Взглядъ на первые слѣды христіанства въ Оренбург. краѣ“.—П. Ю.).

Естественно (поэтому) ограничиться прямымъ показаніемъ, въ историческомъ порядкѣ, собственно раскольническихъ поселеній.

Первое мѣсто такимъ поселеніямъ, и по важности и по древности, и по значенію ихъ въ Оренбургской епархіи, принадлежитъ собственно такъ называемой Уральской линіи вмѣстѣ съ принадлежащею къ ней Оренбургской¹⁾.

I.

Заселеніе уральскаго края совпадаетъ почти съ заселеніемъ Уфы. Оно принадлежитъ вольнымъ сынамъ Дона, такъ называемымъ Яицкимъ, нынѣшнимъ Уральскимъ казакамъ.

Что Уральскіе казаки дѣйствительно происходятъ отъ Донскихъ, — на это есть много указаній. Доселѣ еще въ памяти Уральцевъ живо сохраняются преданія о позывныхъ кликахъ, коими атаманы и эсаулы чествовали казачье собраніе на войсковыхъ кругахъ. До сихъ поръ еще Уральцы говорятъ, что ихъ называли не иначе, какъ „славное войско Донское-Яицкое“.

Исторически извѣстно, что Терскіе, Волжскіе и Яицкіе казаки составляли какъ-бы особое отдѣленіе одной великой общины, которая первоначально укрѣпилась и расплодилась на Дону. Все у нихъ было одинаковое: и порядки, и расправа, и наклонности и занятія; но всякая отдѣльная группа управлялась своими наибольшими, своими атаманами, а связь между всѣми поддерживалась изстари, хотя каждое изъ этихъ отдѣленій и силилось образовать изъ себя самостоятельное и независимое отъ другихъ цѣлое.

Эта связь казачьихъ общинъ, и въ частности Донскихъ и Уральскихъ, была такъ крѣпка, что даже въ 1643 году, когда казаки болѣе или менѣе уже сдерживаемы были русскою властью, многіе Донцы похвалялись еще: „имъ-де на Дону нечего дожидаться, перейти-де намъ на иное мѣсто; на Яикѣ-де поставленъ городокъ на устьѣ Яиц-

¹⁾ Оренбургская епархіа, по своему географическому положенію, естественно можетъ быть раздѣлена на три отдѣла. Первый отдѣлъ составляетъ собственно, такъ называемый, край Уфимскій, обнимающій собою уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Стерлитамацкій и др. Второй — Уральскій край съ Оренбургской линіей и третій — за-Уральскій или, по мѣстному выраженію, Сибирскій. Каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свою исторію; въ іерархическомъ же управленіи зависѣли: первый сперва отъ Казанской, потомъ Вятской, наконецъ опять Казанской; второй отъ Астраханской; третій отъ Тобольской епархіи. Первый и второй отдѣлы имѣютъ почти одновременное историческое населеніе. Историческое же описаніе начинается со второго отдѣла, на основаніи важности и значенія его въ Оренбургской епархіи.

комъ, и они-де тотъ городокъ сродутъ и стануть жить на Яикѣ и на море учнутъ ходить¹⁾.

Первоначальное появленіе ихъ на р. Уралѣ можно отнести ко времени разгрома, понесеннаго Донской и Волжской вольницей при царѣ Грозномъ. Ища спасенія, они раскинулись всюду. Одни бѣжали вверхъ по Волгѣ и, свернувъ на Каму, пробрались въ Сибирь, другіе спустились внизъ Волгою, раскинулись тамъ по рыбнымъ рѣкамъ и столкнулись съ богатыми кочевьями ногайцевъ по р. Яику, долго скитались по степямъ, отбивались тамъ отъ невѣрныхъ и исподволь покоряли магометанскихъ владѣтелей подъ высокую царскую государеву руку²⁾.

Сколько можно судить по фактамъ, такое поселеніе ихъ послѣдовало въ 1576 году, когда одинъ изъ Донскихъ атамановъ нѣкто Василій Гугнинъ съ своими казаками пришелъ на р. Яикъ и основалъ тамъ свой станъ на урочищѣ, такъ называемомъ Кошъ-Яикъ³⁾. Вслѣдствіе этого происходили непрерывныя сношенія съ Дономъ. Такъ въ

1) Акт. Истор. III, № 296, 297. — (Очевидно, рѣчь идетъ о Гурьевѣ городкѣ, о сооруженіи коего на Яицкомъ устьѣ разсказывается ниже. — П. Ю.)

2) Большая часть казаковъ, Гребенскіе, Яицкіе или Уральскіе, Волжскіе, Азовскіе и Дунайскіе, такимъ образомъ получили свое начало. Всѣ они происходятъ отъ Донцовъ и удержали формы казачества, существовавшія на Дону. Недавно отыскана еще одна отрасль Донскихъ и гдѣ же? — въ Сѣверо-западной части Анатолиі, недалеко отъ Бруссы, на берегу Моныяскаго озера. Сюда они переселились собственно съ Дуная, на который перешли съ Дона за 280 лѣтъ. Замѣчательная черта ихъ: они гнушаются табакомъ, какъ курительнымъ и нюхательнымъ, не пьютъ изъ того же стакана или рюмки, изъ которыхъ прежде пилъ кто либо чужой, и если стаканъ принадлежитъ имъ самимъ, то въ этомъ случаѣ разбиваютъ его на куски и бросаютъ въ сорную яму, какъ нѣчто опоганенное и оскверненное. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ вовсе не имѣется, и во время своихъ празднествъ ноютъ хоромъ и пляшутъ подъ звуки пѣсенъ (См. „Русская колонія въ малой Азій“, „Вѣстникъ Географ. Общества“ 1855 г., кн. III). Очевидно, это наши раскольники. Другая колонія казаковъ въ Турціи азіатской существуетъ близъ Синопа, гдѣ русскій флотъ въ 1853 г. одержалъ большую морскую побѣду.

3) См. „Исторію о Донскихъ казакахъ“ Ригельмана, помѣщенную въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, № 3, 1846 г. — На Дону и до сихъ поръ существуетъ Зугнайская станица. (Къ сожалѣнію, сообщаемыя Ригельманомъ о казакахъ свѣдѣнія очень сбивчивы и неточны, потому что авторъ не пользовался архивными документами, а записалъ свои сказанія по преданіямъ и легендамъ, въ большинствѣ противорѣчающимъ историческимъ фактамъ. Между тѣмъ въ жалобѣ, принесенной въ 1584 г. Ногайцами кн. Уруса султану Мурату, ясно указывается, что на Яикѣ были не сбродные, воровскіе казаки, бѣжавшіе отъ погрома стольника Мураикина, а нарочито посланные туда царемъ русскимъ. И ходила войною казаки за Кайганъ за Бузанъ рѣку, да за Яикъ днища три, воевали по р. Эмбу. И отъ московскихъ людей, писали ногайцы, впередъ прожить не мочно на Волгѣ, Яикѣ и Эмбѣ, потому что на нихъ „поставили городки многіе“. Москов. архивъ иностр. дѣлъ, книги турецкія, № 2. — П. Ю.)

1614 году грамотою отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи „на Донѣ въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ атаманамъ и Донскимъ казакамъ, низовымъ и верховымъ предписывалось отписать „къ своей братьѣ и казакамъ къ Волжскимъ, и къ Терскимъ, и къ Яицкимъ о вѣрной службѣ государю“¹⁾.

И въ томъ же году Донцы дѣйствительно отписывали „Великія Россійскія державы и Московскія области оберегателямъ Волжскимъ, и Терскимъ, и Яицкимъ Атаманамъ и молодцамъ, и всему великому войску,“ какъ сказано въ адресѣ, или какъ выражено въ самой грамотѣ: „И великому и славному Рыцарскому Волжскому и Терскому, и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ преслоутымъ господамъ Атаманамъ и казакамъ и всему великому войску: прислалъ къ намъ Самодержавный Государь, Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ свои царскія грамоты и жалованное слово и жалованье денежное и селитру, и сукно и запашь... А мы къ вамъ, господа, много писывали прежде сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣту.“²⁾

Въ книгѣ „Большому чертежу“, свидѣтельствующей о рѣдкихъ топографическихъ познаніяхъ нашихъ предковъ и удивляющей насъ подробностію и вѣрностію свѣдѣній, указываются уже нѣкоторые пункты, занятые Яицкими казаками, напр., говорится о казачьемъ городкѣ на Кошъ-Яикѣ, у впаденія во Ураль р. Плека, въ сосѣдствѣ нынѣшняго Плецкаго городка. Сколько извѣстно, и до сихъ поръ существуетъ селеніе, которое носить названіе Кошъ-Яицкій, или по теперешнему, Кошъ-Уральскій, хотя, впрочемъ, оно лежитъ гораздо ниже, именно между Уральскомъ и Бударинскою (станницею?).

Въ послѣдствіи времени въ первой четверти XVII вѣка мы находимъ Уральцевъ полными обладателями многихъ мѣстъ: старинныя грамоты указываютъ намъ на старое городище въ низовьяхъ Урала, гдѣ казаки расположились станами; выше отсюда на Яикъ, на Бакасъ, опять были станы, гдѣ казаки „паслись рыбою и звѣрьемъ;“ далѣе отсюда на Яикъ, миновавъ такъ называемое Смыково урочище, былъ у нихъ Межвѣжій (Медвѣжій?) городокъ.³⁾

Въ 1614 году Уральцы рыбачили не только въ самомъ Уралѣ, но, какъ изъ грамотъ видно, занимались этимъ промысломъ и въ богатомъ Кумпукѣ и даже въ Волжскомъ протокѣ Бузанѣ, подь учугомъ. Такимъ образомъ еще въ первой четверти XVII вѣка Уральцы

¹⁾ Акты Истор., т. III, № 21.

²⁾ Акты Истор., т. III, № 22.

³⁾ См. Акт. Истор., III, № 23. Все эти свѣдѣнія А. И. Левшина и В. И. Даля. Они приводятся и въ „Замѣчаніяхъ объ Уральскихъ казакахъ“ Неболѣнна(?). См. Вѣстникъ Импер. Географ. Общества на 1851 г. кн. VI.

владѣли почти всѣмъ теченіемъ р. Урала, начиная отъ впаденія въ него р. Илека до моря.

Въ окрестностяхъ нынѣшняго Уральска, на р. Чаганѣ, они обыкновенно проводили зимнее время, такъ какъ по роду своихъ занятій они неминуемо должны вести, какъ и теперь отчасти ведутъ, жизнь почти что полукочевую, въ главныхъ своихъ основаніяхъ вовсе не похожую на жизнь совершенно осѣдлаго населенія.

Далѣе въ половинѣ XVII вѣка у Уральцевъ являются уже настоящіе города. Таковы Яицкій городокъ или городъ Каменный, выстроенный въ семи верстахъ выше впаденія Урала въ море. Это нынѣшній Гурьевъ городокъ. Торговый человекъ Гурій, съ сыновьями своими Иваномъ, Михайломъ и Андреемъ, въ 1630 году завели и устроили за моремъ на р. Яикѣ своими деньгами городъ каменный и для рыбной ловли сдѣлали учугъ¹⁾. Черезъ 7-мь лѣтъ признано нужнымъ устроенную Гурьемъ крѣпость распространить и перестроить, что и возложено было Государемъ Михайломъ Феодоровичемъ на сына Гурія, гостя Михаила Гурьева, котораго Государь за то каменное дѣло пожаловалъ—велѣлъ ему Яицкій учугъ и Енбинскія воды держать безоброчно семь лѣтъ²⁾. Въ городъ заложена и устроена была церковъ шатровая, во имя Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа, съ двумя придѣлами, во имя Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, и Алексѣя, человека Божія³⁾.

Это, сколько извѣстно, первая церковъ въ Уральскомъ краѣ; по крайней мѣрѣ, другой древнѣе ея мы не знаемъ. Высота этой церкви въ грамотѣ опредѣляется въ десять сажень съ половиною. Отъ имени этой церкви одни изъ четырехъ городскихъ воротъ назывались Спасскими⁴⁾. Городъ, какъ свидѣлствуютъ грамоты, состоялъ въ зависимости отъ главнаго Астраханскаго начальства⁵⁾; въ немъ содержались: постоянный гарнизонъ, царское войско, или, какъ выражаются грамоты, Астраханскіе стрѣльцы, Яицкіе годовальщики.

¹⁾ Полное Собр. законовъ № 732.

²⁾ Акты Истор., т. IV, № 40, стр. 135.—Государь указалъ устроить городъ каменный, мѣрою четырехъ сотъ сажень, четырехугольный; по угламъ сдѣлать четыре башни и между прясель также четыре башни, въ ширину, и толщину, и высоту сдѣлать противъ Астраханскаго каменнаго города и пр.

³⁾ Тамъ же, стр. 135.

⁴⁾ Рычковъ, II, 23 обр. Впрочемъ о наименованіи предѣльной церкви во имя Аѳанасія и Кирилла Арх. Александрійскихъ должно исправить согласно смыслу грамоты См. Акты Истор. т. IV, № 40.

⁵⁾ Для сличенія можно взять грамоту Ист. Акты IV, № 39 и № 202 ст. XXX.

Кромѣ Гурьева городка, къ концу XVII столѣтія можно отнести и построение нынѣшняго Уральска, который до Пугачевского бунта также назывался Яицкимъ городомъ. Рычковъ въ своей „Топографіи“¹⁾ построение Уральска относитъ къ концу XVI, или началу XVII столѣтія (за 150 лѣтъ до 1740 г.), на основаніи памятныхъ записей нѣкоторыхъ старожиловъ. Но это едва ли можетъ быть достовѣрно. Сколько извѣстно, даже въ Разино время (1667—1672) не было еще нынѣшняго Уральска; по крайней мѣрѣ нигдѣ о немъ не упоминается, а всюду говорится только о Яицкомъ или Гурьевѣ городкѣ.²⁾ Впрочемъ, судя по тому, что въ началѣ XVIII в. нынѣшній Уральскъ считался уже довольно многолюднымъ и богатымъ городомъ и даже во многихъ отношеніяхъ преимуществовалъ предъ Гурьевымъ—можно съ достовѣрностью отнести построение его къ концу XVII вѣка. О значительности населенія его можно судить по тому, что въ это время однихъ дворовъ считалось въ немъ до 3000,³⁾ церквей было пять, изъ которыхъ, впрочемъ, соборная, каменная, во имя Архистратига,⁴⁾ построена уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія.⁵⁾ Укрѣпленіе состояло изъ двойного плетня, между которымъ была земляная насыпь, укрѣпленная столбами впереди со рвомъ.

* * *

Вслѣдствіе происхожденія Уральскихъ казаковъ отъ Донскихъ было то, во 1-хъ, что Уральское управленіе было и теперь есть чистый отпечатокъ Донского: тѣ же обычаи и расправа, занятія, своего рода законы и у нихъ, что на Дону. Донское же казачество въ свою очередь, подобно другимъ отраслямъ его, было ничто иное, какъ родъ военнаго братства, враждебнаго всему неправославному, особенно Туркамъ и Татарамъ.

¹⁾ Т. е. „Топографіи Оренбургской губерніи“, составленной имъ въ 1748 году.— П. Ю.

²⁾ Напр. въ грамотѣ Истор. акт., IV, № 202, гдѣ слѣдовало бы упомянуть объ Уральскѣ, если бы онъ существовалъ. Правда одинъ собиратель древностей, занимавшійся разборкомъ грамотъ Астраханскаго Губернскаго Правленія, утверждаетъ, что въ числѣ разоренныхъ (Разинымъ?) городовъ находился и Уральскъ. Но это—ошибка, въ которую авторъ введенъ былъ словомъ: „Яицкій городокъ“, которое прилагалось и къ Гурьеву городку, и къ Уральску.

³⁾ Это видно изъ официальной записки Неплюева (Оренбург. губернатора.— П. Ю.) См. Рычковъ, II.

⁴⁾ Архистратига Михаила, нынѣ сохранившійся старый соборъ въ Уральскѣ.— П. Ю.

⁵⁾ Рычковъ, II.

Дѣйствительно въ пагубное время порабощенія Россіи, мы впервые видимъ образованіе этихъ обществъ на берегахъ Днѣпра, Дона, Буга и другихъ, впадающихъ въ нихъ, рѣкъ.¹⁾ Не бездомные это были пришельцы—безъ роду и племени, какъ стараются доказать нѣкоторые, и не случайная смѣсь разнаго рода выходцевъ съ разныхъ концовъ земель славянскихъ и не-славянскихъ; но община, имѣвшая опредѣленное назначеніе, своего рода законы и свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль—составить живой, вѣчно бодрствующій оплотъ противъ мусульманскаго владычества. Съ одной стороны страхъ этого владычества, т. е. опасенія бѣдствій, какія испытала Россія съ XIII по конецъ XV столѣтія, съ другой—страхъ возможнаго будущаго порабощенія,—вызвали этихъ славянскихъ витязей изъ ихъ жилищъ на защиту Св. Вѣры. Для сей цѣли всѣ мѣста, пограничныя съ мусульманскимъ населеніемъ, болѣе или менѣе заселялись казаками. Они оставляли свой домашній кровъ, свои богатые села и пажити и поселились въ безлюдныхъ и дикихъ степяхъ, чтобы быть всегда на стражѣ противъ хищныхъ завоевателей.

Нельзя не замѣтить, что во всемъ христіанскомъ мірѣ распространеніе мусульманства сопровождалось почти одинаковыми, противодействующими ему явленіями. На западѣ такимъ явленіемъ были рыцари, въ славянскомъ мірѣ—казаки, въ греческомъ—клефты. Всѣ они, при всемъ различіи ихъ національности и происхожденія и нравовъ, и времени появленія ихъ на поприщѣ политической дѣятельности, и самой вѣры (рыцари—католики) одушевлены были, однако жъ, общемою цѣлью—вездѣ и всегда ослаблять общаго врага христіанства²⁾.

Если на долю казаковъ Донскихъ, Бугскихъ, Черноморскихъ и др. досталось выдерживать патискъ Турокъ, то въ свою очередь Уральскимъ и Оренбургскимъ казакамъ предлежало имѣть дѣло съ мѣстнымъ средне-азіатскимъ мусульманствомъ и исподволь покорять ихъ подъ высокую царскую руку.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что съ первыхъ поръ появленія своего на Уралѣ казаки болѣе и(ли) менѣе находятся въ борьбѣ съ магометанскимъ населеніемъ. Въ концѣ XVI столѣтія у нихъ происходили неоднократныя стычки съ Татарами и Калмыками; въ первыхъ годахъ XVII столѣтія они предпринимали даже походы въ Бухару и Хиву, откуда или возвращались съ богатою добычею, или, по време-

¹⁾ Эти безмѣрныя равнины носили нѣкогда имя Казарин; отъ этого многіе писатели стараются доказать тождество казаковъ съ Казарами. Объ этомъ есть, между прочимъ, любопытная статья въ Виленскомъ сборникѣ *Atheneum* Изопольскаго.

²⁾ Скальковскій, „Исторія Запорожской Сѣчи“, т. I.

намъ, сами терпѣли пораженіе. Иногда случалось, что на Каспійскомъ морѣ они нападали на персидскія суда, и симъ подавали поводъ къ неоднократнымъ жалобамъ со стороны персидскаго двора. Единомышленники же ихъ, Донскіе казаки, подъ начальствомъ Ермака, съ частію Уральцевъ вторглись въ Сибирь и привели въ покорность Россіи это богатое царство.

Словомъ, вражда съ магометанствомъ—это наслѣдственная черта казачества, какъ вообще, такъ въ частности и Уральскаго. Правда, были случаи, когда эти враги исламизма являлись не совсѣмъ спокойными сосѣдями и русскаго населенія; особенно не мало столкновений произошло между ними и Астраханью; но это были исключенія, происходившія отъ вліянія постороннихъ причинъ и при томъ относящіяся ко временамъ большею частію смутнымъ въ Россіи. Съ того же времени, когда они формально признали свою зависимость отъ державы Россійской, казаки составляютъ передовую стражу къ обезопасенію границъ оренбургско-уральскаго края отъ нападенія средне-азиатскихъ ордъ.¹⁾

2) Другая черта сходства съ Донцами. Рано оторванные отъ общей семьи народа русскаго, казачество большею частію осталось при тѣхъ формахъ, какія вынесло оно при самомъ оставленіи домашняго крова. Въ общемъ поступленіи впередъ Россіи они мало принимали участія. Большею частію они удержали формы шестнадцати-вѣковаго быта Россіи. Отсюда даже въ настоящее время въ Уральской землѣ многое дышетъ еще шестнадцати-вѣковою или семнадцати-вѣковою Россіею. Тѣ же обычаи, наклонности, занятія, самая даже одежда у нихъ и теперь, что было изстари въ Россіи. Много отсюда хорошаго, но много и не совсѣмъ добраго. Таково особенно стремленіе ихъ къ удержанію несознанныхъ и неразумленныхъ ими древле-церковныхъ формъ управленія и обрядности, на ряду съ стремленіемъ къ средне-вѣковымъ обычаямъ въ гражданскомъ отношеніи. Отсюда между ними ревность въ старообрядчеству, принявшая форму раскола. Эта ревность и до сихъ поръ такъ сильна, что Уральское казачество какъ въ древнее время, такъ и въ нынѣшнее служило и служить мѣстомъ раскола въ Оренбургскомъ краѣ, едва смягчаемаго нынѣшними мѣрами правительства.²⁾ Отсюда происходитъ наконецъ и то, что между Уральцами даже въ нынѣшнее время очень мало отражаются успѣхи новѣйшей цивилизаціи.

¹⁾ Между всѣми отраслями казачества—Донскими, Черноморскими, Дунайскими и пр. господствуетъ расколъ. Въ этомъ заключается причина, почему нѣкоторыя общины казаковъ переселились даже въ европейскую и азиатскую Турцію.

²⁾ Ригельманъ, стр. 18.

Само собою теперь понятно, что, вмѣстѣ съ распространеніемъ Уральскихъ поселеній, распространялся и расколъ.

Выше было сказано, что Уральскіе казаки въ концѣ XVII-го вѣка имѣли нѣсколько своихъ поселеній по Уралу. Съ теченіемъ времени, — съ XVIII-го вѣка, они владѣли почти уже всею рѣкою Ураломъ, отъ устья Плека, или точнѣе, отъ той рѣки, которую они проименовали Рубежною (или какъ бы пограничною)¹⁾, до самаго Гурьевскаго учуга, который до половины прошлаго столѣтія принадлежалъ казнѣ. Въ жалобѣ своей, относящейся къ 1732 году и поданной въ военную коллегію, Уральцы писали, что при государѣ императорѣ Петрѣ 1-мъ пожаловано войску Яицкому милостивое награжденіе чтобы „никакимъ людямъ по Яику рѣкѣ, въ озерахъ и въ ерикахъ никто никакія изневоли не чинилъ. Но къ намъ, уральцамъ, пріѣзжали самарскіе жители на яицкія воды и на Яикѣ для рыбныхъ ловли... но только у насъ, говорятъ уральцы, съ оными самарянами состоялось побоище и смертное убійство. И блаженныя и вѣчно достойныя памяти императоръ Петръ 1-й намъ въ вину того не поставилъ, и приказалъ намъ на оной рѣкѣ Яикѣ рыбу ловить, а самарянамъ и Башкирцамъ и всякихъ чиновъ людямъ того не благоволилъ приказать“²⁾.

Въ 1743 году И. И. Неплюевъ³⁾ нашелъ нужнымъ для удержанія Киргизцевъ отъ набѣговъ на внутреннюю сторону, гдѣ тогда жили Калмыки, завести ниже нынѣшняго Уральска по рѣкѣ Уралу крѣпости и снабдить ихъ гарнизономъ. Когда предположеніе это было высочайше утверждено, то Уральцы вызвались устроить и содержать предполагаемые крѣпости на свой счетъ и просили только, чтобы, въ вознагражденіе чрезвычайныхъ на это съ ихъ стороны издержекъ, Гурьевскій казенный учугъ былъ разгороженъ съ обѣихъ сторонъ на восемь сажень. Это имъ разрѣшено и со временемъ Гурьевскій учугъ отдали имъ въ постоянное владѣніе. Такимъ образомъ съ 1752 года Уральцы явились полными хозяевами Урала.

Новыя крѣпости эти устроены: одна отъ Гурьева городка вверхъ по Яику при урочищѣ Кулагина Ярка, другая — выше Индерскихъ горъ при урочищѣ Калмыкова Яра.⁴⁾ Та и другая содержимы были гарнизономъ по 500 человекъ въ каждой изъ Уральскихъ казаковъ.

Около того времени заселены еще двѣ новыя станцы: Плецкая и Сакмарская.

1) На границѣ съ Оренбургск. войсками.

2) Указъ этотъ не напечатанъ. Въ (Уральскомъ) войсковомъ правленіи есть копія съ него.

3) Оренбургскій губернаторъ съ 1743 по 1761 г. — П. Ю.

4) Собран. законовъ, № 8720.

Первая (ее не должно смѣшивать съ крѣпостью того же имени, недалеко отъ Оренбурга: послѣдняя въ отличіе отъ первой называется защитою) заселена въ 1748 году, по плану Неплюева. Находится при впаденіи рѣки Илека въ Уралъ. Въ самомъ началѣ заселенія, здѣсь имѣли пребываніе атаманъ, есаулъ, пять сотниковъ, одинъ писарь и 424 рядовыхъ казаковъ.

Вторая заселена еще ранѣе первой и даже самаго Оренбурга, въ первой четверти XVIII вѣка¹⁾. На первыхъ порахъ здѣсь поселено 200 казаковъ и 50 иновѣрцевъ съ атаманомъ и старшинами²⁾. Болѣе подробный перечень занятыхъ казками въ половинѣ XVIII вѣка, причисляя сюда и прежнія заселенныя въ XVII вѣкѣ, (слѣдующія):

1. Гурьевъ городокъ съ форпостами: Сарачиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колонъ³⁾.

2. Кулагинъ городокъ, форпосты: Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ, Харакинъ, Красный Яръ.

3. Калмыковъ городокъ; форпосты его: Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки, Сахарный, Мергеневъ, Сундаевъ, Кижухаровъ, Бударинъ, Комъ-Яикъ, Чаганскій.

4. Городъ Яикъ и 5. Илекъ.

Впрочемъ, по характеру русскіе уральскіе казаки первыхъ двухъ станицъ: Илецкой и Сакмарской, значительно были отдалены съ самаго начала ихъ существованія отъ насущныхъ интересовъ коренныхъ Уральцевъ и теперь даже они разнятся отъ нихъ большею склонностью къ мирной жизни и другими болѣе или менѣе замѣтными чертами.

Цифра народонаселенія казаковъ за это время представляется различною. Въ 1723 году, когда произведено было первое счисленіе уральскихъ казаковъ полковникомъ Захаровымъ, ихъ насчитывали до 3196 ч. одного мужеского пола, и затѣмъ вновь принимать пришлыхъ людей въ это сословіе запрещено.⁴⁾ При И. И. Неплюевѣ Уральцамъ снова сдѣлана перепись, и въ это время число собственно войсковыхъ лицъ простиралось до 3,572 человекъ.⁵⁾

¹⁾ Стан. Сакмарская, или Сакмарскій городокъ, основана въ 1725 году.—П. Ю.

²⁾ Рычковъ, II, 32, 83.

³⁾ Форпостами въ Уральскомъ войскѣ называютъ казаки свои поселенія (станицы), которыя составляли прежде укрѣпленія.—П. Ю.

⁴⁾ Рычковъ, II, 81. Акт. Истор. т. IV, № 40.

⁵⁾ Тамъ же. Этому показанію, повидимому, противорѣчитъ то, что въ одномъ Уральскѣ насчитывали до 3000 дворовъ. Но должно замѣтить, что въ населеніи 1) показаны только войсковыя лица, несущія собственно обязанность военной службы, 2) исключены малолѣтки, старики, женскій полъ и все населеніе не чисто уральское, хотя принадлежащее къ одному вѣдомству съ ними.

Нынѣ Уральская земля естественнымъ образомъ можетъ быть раздѣлена на три неравные участка.

Первый, обширный, тянется болѣе или менѣе широкою полосою отъ самыхъ устій Урала вверхъ по его теченію, на протяженіи 670 верстъ, до того мѣста, гдѣ въ Уралѣ впадаетъ Илекъ. Другой участокъ, очень небольшой, примыкаетъ къ первому, тянется по правому берегу нижняго теченія р. Илека и представляетъ собою какъ бы вырѣзокъ узкой полосы изъ области земель Оренбургскаго казачьяго войска. Это именно Илецкая станица, вмѣщающая въ себѣ Илецкій Городокъ, съ принадлежащими къ нему форпостами и хуторами.

Третій участокъ, тоже небольшой, лежитъ уже совершенно въ далека отсюда, въ границахъ Оренбургской губерній. Это Сакмарская станица, вмѣщающая въ себѣ Сакмарскій городокъ, съ принадлежащими къ нему хуторами и выселками.

Каждый участокъ имѣетъ свои подраздѣленія; всѣхъ ихъ десять отдѣловъ, включая сюда и одно башкирское отдѣленіе, причисленное къ Уральскому войску. Ограничимся тѣми отдѣленіями, гдѣ по преимуществу, сгруппировалось раскольническое населеніе, хотя есть нѣкоторое количество и православнаго.

1. Городъ Уральскъ, подраздѣляющійся на 4 округа. 1-е. Округъ города Уральска, въ немъ считается:

90 мужескаго пола и	70 женскаго православныхъ,	
3,086	3,821	единовѣрцевъ,
1,128	1,463	пріемлющихъ священство. ¹⁾

1. Первый округъ съ двадцатью четырьмя хуторами,²⁾ двумя уметами;³⁾ въ немъ считается:

25 д. мужес. пола	31 жен. п.	православныхъ,
579	639	единовѣрцевъ,
6	6	перекрещиванцевъ,
786	851	пріемлющихъ священство.

3. Второй округъ съ тремя хуторами, десятью уметами, тремя скитами⁴⁾ и восемью зимовками⁵⁾; въ немъ считается:

¹⁾ Цифры заимствуемъ за 1850 г. изъ представленной записки Императорскому Географическому Обществу Небольсинныиъ. Эти цифры кажутся намъ болѣе вѣрными другихъ, потому что собраны на самомъ мѣстѣ—жилицѣ Уральцевъ.

²⁾ Хуторъ у Уральцевъ означаетъ всякое казачье селеніе по берегу Урала.

³⁾ Уметъ тоже самое, что и хуторъ, съ тою разницею, что лежитъ не по берегу Урала, а внутри округа по степнымъ рѣчкамъ.

⁴⁾ Скитъ—то же, что пустынь.

⁵⁾ Зимовка есть строеніе болѣе или менѣе обширное внѣ селеній; первоначальное назначеніе ихъ было давать пріютъ людямъ, имѣющимъ надзоръ за стадами на зимнихъ пастбищахъ.

459 д. мужес. п. 449 женс. п. единовѣрцевъ
642 736 приѣмлющихъ священство.

4. Третій округъ съ четырнадцатью хуторами и однимъ скитомъ, въ немъ: 1539 д. муж. п. 1674 жен. п. Единовѣрцевъ, 1270 м. п. и 1278 ж. п. приѣмлющихъ священство.

II. Сакмарская станица занимаетъ весь отрѣзокъ земли, по рѣкѣ Сакмарѣ, въ Оренбургской губерніи, ее составляютъ Сакмарскій городокъ, пять хуторовъ, два выселка: Янгизскій и Гребенской, и одна зимовка.¹⁾ Жителей христіанскаго исповѣданія: 1434 д. муж. п. и 1617 жен. пола.

III. Илецкая станица занимаетъ весь отрѣзокъ по нижнему теченію рѣки Илека и по самому Уралу на небольшое протяженіе. Въ ней находятся: Илецкій городокъ²⁾, шесть форпостовъ³⁾: Затонный, Сухорѣчинскій, Озерной, Киндалинскій, Студенскій и Мухрановскій и десять хуторовъ. Эта станица подраздѣляется на три отдѣла: 1. Илецкій городокъ, 2. Внутренняя дистанція и 3. Ново-Илецкая дистанція. Жителей въ станицѣ: 4466 д. муж. п., и 4428 жен. п.

IV. Верхняя дистанція начинается отъ границы Илецкой станицы и тянется по рѣкѣ Уралу до округа города Уральска. Ее составляютъ десять форпостовъ: Гниловскій, Рубежинскій, Генварцевъ, Кирсановскій, Благодарный, Царевичевъ и Царско-Никольскій, Жителей 2682 д. муж. п., 1745 жен. п.

V. Средняя дистанція тянется по берегу Уралу отъ границы города Уральска до Калмыковской крѣпости. Здѣсь считается четырнадцать форпостовъ, начиная отъ Кругло-озернаго до Котельнаго, и двѣ крѣпости: Сахарная и Калмыковская. Жителей христіанскихъ 5630 д. муж. п. и 5888 жен. п.

VI. Нижняя дистанція тянется по берегу рѣки Урала отъ границы Средней дистанціи до Гурьева городка. Ее составляютъ пять крѣпостей: Горская, Кулагинская, Тополинская, Бакайская и Сарайчиковская и одиннадцать форпостовъ по самому Уралу, начиная отъ Красноярскаго до Кандауровскаго. Жителей 2444 муж. п. и 2533 жен. п.

VII. Гурьевъ городокъ, къ этому относится какъ самый Гурьевъ городокъ, такъ и пространства, занимаемая ниже его устьями Урала безъ всякихъ однако жъ селеній. Жителей 886 муж. п., 930 жен. п.

1) Выселокъ, какъ самое слово показываетъ, есть вновь заведенное селеніе изъ прежнихъ многолюдныхъ селеній.

2) Городокъ—то же, что городъ, безъ приписной къ нему земли.

3) Форпостъ, по мѣстному выговору фѣрпостъ, селеніе по берегу рѣки, имѣвшее въ старину военное значеніе,

VIII. Внутренняя Уральская линия занимаетъ полосу земли по рр. Узенямъ между среднею дистанціею и степью Букеевскихъ Киргизовъ, ограничиваясь съ юга Нижнею дистанціею и Камышъ-Самарскими озерами, а съ сѣвера Новоузенскимъ уѣздомъ, Самарской губерніи. Этотъ отдѣлъ составляетъ семь форпостовъ: Кызыль-Абинскій, Кармановскій, Глиненскій, Мокренскій, Абинскій и Таловскій, три хутора и 174 кибитки¹⁾. Жителей 614 д. муж. п. и 590 жен. п.

IX. Чижевская дистанція занимаетъ сѣверо-западную полосу войсковою земли, въ ней три форпоста, одинъ кордонъ, два хутора, одинъ уметъ и четырнадцать зимовокъ. Жителей 426 д. муж. п. и 466 жен. пола.

Примѣчаніе. Изъ сихъ городовъ и крѣпостей одни, какъ-то: Гурьевъ и Уральскъ явились еще въ XVII вѣкѣ, другія, на примѣръ, Илецкая и Сакмарская—въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, третьи—Кулагинская и Калмыковская вообще въ половинѣ XVIII, четвертыя—большею частію во второй половинѣ того же столѣтія.

* * *

Казачество вездѣ и всегда, гдѣ только появлялось, большею частію или даже окончательно оставалось при тѣхъ формахъ раскола, какія явились въ XVII вѣкѣ. Уральское казачество въ свою очередь, какъ сказано выше, такъ же образуетъ собою расколъ подъ благовиднымъ названіемъ „старой вѣры“. До настоящаго столѣтія не было ни одной православной церкви между Уральцами. Обитавшія между ними въ самомъ незначительномъ количествѣ православныя чада церкви и то по происхожденію не принадлежавшіе къ казачеству должны были за двѣсти и болѣе верстъ обращаться къ православнымъ пастырямъ въ своихъ духовныхъ нуждахъ. Только вслѣдствіе неусыпныхъ мѣръ правительства и епархіальнаго начальства, расколъ началъ смягчаться и обнаруживать первые опыты къ сближенію съ православною церковію. Это сближеніе обнаруживалось и обнаруживается: 1) главнымъ и преимущественнымъ образомъ въ принятіи Уральцами единовѣрія, 2) частію въ переходѣ ихъ въ православную церковь.

1. До настоящаго столѣтія, даже въ первой четверти его, на всей осѣдлости Уральцевъ, простирающейся до 7,000,000 десятинъ земли, всего было только семь единовѣрческихъ церквей. Трудями и усердіемъ архипастырей Оренбургскихъ въ 1837 году образовались еще три,

¹⁾ Кибитка, переносный домъ, шатеръ кочевого человѣка.

изъ которыхъ, впрочемъ, одна въ самомъ Уральскѣ переименована въ православную во имя Благовѣрнаго князя Александра Невскаго.¹⁾

До 1842 году успѣхи единовѣрія ограничивались присоединеніемъ отдѣльныхъ лицъ или частныхъ семействъ. Въ этомъ же году, вознаградившемъ труды многихъ прежнихъ лѣтъ, обращались къ единовѣрію не отдѣльными уже семействами, а цѣлыми станицами. Въ одномъ Уральскѣ до 800 раскольниковъ изъявили желаніе принять единовѣріе. По распоряженію Святѣйшаго Синода, для нихъ тогда же назначенъ особый священникъ и отпущена сумма для передѣлки церкви. Всего же между Уральцами въ этомъ году оставило заблужденія 5396 человекъ.²⁾

Въ 1843 году вновь обратилось 241 чел. Въ 1844 году къ 800 Уральскихъ единовѣрцевъ присоединились еще 2617 человекъ, со времени опредѣленія къ нимъ священниковъ. Въ 1846 г. 336 ч., съ 1848 г. 301 ч., въ 1849 г. 35 ч. вновь оставили заблужденія и присоединились къ Св. Церкви на правахъ единовѣрія.³⁾

Такимъ образомъ, гдѣ искони былъ пріютъ раскола, видимъ большее и большее ослабленіе его, и можетъ быть, не далеко то время, когда заблудшія чада церкви всѣ соединятся съ нею и притекутъ подъ ея материнскій покровъ.

Нынѣ⁴⁾ въ землѣ Уральскихъ казаковъ единовѣрческихъ церквей считается шестнадцать; при нихъ прихожанъ мужскаго пола до 26,417 и женскаго 27,891. Въ 1850 г. число единовѣрцевъ простиралось до 19,000 мужскаго пола. Такимъ образомъ въ послѣдніе пять лѣтъ церковь пріобрѣла между Уральцами болѣе 6000 новыхъ чадъ. Дай Богъ, чтобы и остальные, коснѣющіе еще въ расколѣ, скорѣе почувствовали свое заблужденіе и снова возвратились подъ материнскій кровъ святой православной церкви.⁵⁾

2. До тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія между Уральцами не было ни одной православной церкви. Преосвященный Аркадій, бывшій епископъ Оренбургскій,⁶⁾ во время посѣщенія ввѣренной имъ епархіи и между прочимъ Самого Уральска, съ горестію замѣтилъ, что находящіеся въ самомъ городѣ православные сыны Церкви не

¹⁾ Изъ дѣлъ консисторій.

²⁾ Отчетъ консисторіи за 1842 г. и отчетъ оберъ-прокурора за тотъ же годъ.

³⁾ Отчеты, консисторіи и оберъ-прокурора за соответствующіе годы.

⁴⁾ Т. е. въ 1857 году, когда составлена эта записка.—П. Ю.

⁵⁾ Цифры заимствованы изъ клировыхъ вѣдомостей Оренбургской консисторіи.

⁶⁾ Пресв. Аркадій (Федоровъ), изъ архимандритовъ Пискаго монастыря Минской губерніи, правилъ Оренбургско-Уфимск. епархіей съ 1829 по 1831 г., перемѣщенъ архі-епископомъ въ Пермь.—П. Ю.

имѣютъ куда обратиться для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, потому что самая ближайшая отъ Уральска православная церковь отстояла слишкомъ на полтораста верстъ. Два раза по этому случаю преосвященный входилъ въ Св. Синодъ съ представленіемъ о необходимости устроенія въ Уральскѣ хотя одной православной на ряду съ единовѣрческими церквами.

10 Ноября 1830 года указомъ Св. Синода разрѣшено устроить православную церковь въ городѣ Уральскѣ сперва въ удобномъ для сего зданіи, съ подвижнымъ антиминсомъ. Такое опредѣленіе Св. Синода тогда же и было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ и сами Уральцы, движимые благочестивымъ чувствомъ, ходатайствовали предъ преосвященнымъ о переименованіи въ православную во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго одной изъ единовѣрческихъ церквей, возводимыхъ въ г. Уральскѣ еще съ 1831 года. Благочестивое желаніе было исполнено. Въ 1837 году въ присутствіи нынѣ царствующаго Государя Императора, тогда наслѣдника престола, совершена закладка новаго собора: собственными руками Августѣйшій первенецъ Императорскаго дома положилъ первый камень для новоустройства храма.¹⁾ Въ 1850 году совершено и самое освященіе преосвященнымъ Іосифомъ, бывшимъ епископомъ Оренбургскихъ и Уфимскимъ²⁾.

Нельзя не передать въ нѣсколькихъ словахъ событія самого освященія.—Весь народъ заранѣе еще ожидалъ сего торжества и съ радостью привѣтствовалъ пріѣздъ преосвященнаго, прибывшаго изъ Уфы чрезъ Оренбургъ къ Уральцамъ и объявившаго, что кромѣ освященія собора, онъ, по уставу, совершитъ всенощное моленіе и священную литургію по старымъ книгамъ и по древнимъ обычаямъ. Время, предшествовавшее этому событію, благочестивые Уральцы посвятили на поклоненіе архипастырю и на принятіе отъ него благословенія. Наплывъ народа около дома преосвященнаго былъ чрезвычайный: и уральскіе горожане, и жители сосѣднихъ и дальнихъ селеній стекались сюда толпами, чтобы взглянуть на архипастыря и возблагодарить его какъ за поставленіе имъ въ единовѣрческіе свя-

¹⁾ Императоръ Александръ Николаевичъ, во время своего путешествія по Россіи, еще Царевичемъ, посѣтилъ Уральскъ 16 Юня 1837 г. и заложилъ Александро-Невскій соборъ.—П. Ю.

²⁾ Преосв. Іосифъ, бывший до того епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, правилъ Оренбург. епархіей съ 1849 по 1853 г., откуда перемѣщенъ архіепископомъ воронежскимъ. При немъ состоялось тамъ обрѣтеніе мощей св. Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго.—Преосв. Іосифъ скончался на покоѣ въ Воронежск. Благовѣщенск. монастырѣ—П. Ю.

щенники одного изъ служивыхъ казаковъ, такъ и за духовное торжество, совершеніе котораго всѣ ожидали.

Въ старомъ Соборѣ¹⁾, гдѣ совершалась всенощная, стеченіе народа было чрезвычайное. Церковь полна была казаками, паперть, вся ограда и часть улицы кипѣла толпами богомольцевъ, занятыхъ и новостію зрѣлища, и великолѣпіемъ архіерейскаго служенія, и продолжительностію церковной службы, которая, начавшись въ 6 часовъ вечера, едва была окончена къ полуночи.

На массу народа эта продолжительность имѣла огромное нравственное вліяніе, особенно сильно подѣйствовала она на вѣрныхъ преданіямъ старины матерей семействъ, значеніе которыхъ на молодое поколѣніе весьма важно. Дай Богъ, чтобы это впечатлѣніе подвигло ихъ полному соединенію съ православною церковію! Между тѣмъ залогъ такого соединенія можетъ служить, кромѣ высказывающаго въ уральцахъ расположенія къ единовѣрію, нѣкоторое стремленіе ихъ, замѣчаемое въ послѣднее время, къ распространенію среди себя плодовъ образованія и просвѣщенія.

Выше имѣли мы случай замѣтить, что въ уральской землѣ много до сихъ поръ дышетъ еще семнадцати-вѣковою Россією. Между тѣмъ, несмотря на это, требованія вѣка и времени не осталось безъ вліянія и на нихъ. Во многихъ семействахъ уже замѣчается склонность къ усвоенію себѣ плодовъ современной образованности. Конечно, попытки эти еще очень незначительны, но и малое въ началѣ своемъ можетъ обѣщать богатые плоды въ будущемъ.

Въ настоящее время для образованія юношества существуетъ въ Уральскѣ войсковое училище, которое можетъ быть поставлено въ уровень съ средними классами нашихъ гимназій; число учениковъ достигаетъ иногда до 100. Кромѣ того, для Уральцевъ предоставлено нѣсколько вакансій: въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ корпусѣ—30 вак., столичныхъ корпусахъ 6, Московскомъ Коммерческомъ училищѣ 3, мѣстной²⁾ духовной семинаріи для дѣтей Уральского единовѣрскаго духовенства 10.

Послѣднее обстоятельство есть слѣдствіе состоявшагося предположенія преосвященнаго Аркадія, который еще въ 1829 году употреблялъ съ своей стороны мѣры къ убѣжденію единовѣрческихъ священниковъ о дозволеніи своимъ дѣтямъ получать воспитаніе въ духовныхъ училищахъ, котораго до сихъ поръ они не имѣли.

¹⁾ Михайловскомъ.—П. Ю.

²⁾ Т. е. Уфимской.—П. Ю.

Сверхъ сихъ училищъ, по мысли бывшаго военнаго Оренбургскаго губернатора Обручева¹⁾, учреждено въ самомъ Оренбургѣ дѣвичье училище для образованія дочерей Уральцевъ²⁾.

Припоминая то, что было за нѣсколько лѣтъ предъ симъ между Уральцами, какъ непривѣтливо смотрѣли они на все, сколько нибудъ отзывающееся просвѣщеніемъ, нельзя не признать, что учрежденіе дѣвичьяго училища составляетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ образованія Уральцевъ. Пусть до времени истые Уральцы и Уралки чуждаются всего, что сколько нибудъ отзывается образованіемъ, и въ своей внутренней жизни стараются подражать временамъ до-Петровской Руси,—въ настоящее время много значить и то, что начало доброму дѣлу уже положено и нѣтъ сомнѣнія, что время рано или поздно возьметъ свое.

II.

Второй отдѣлъ Оренбургской епархіи составляетъ край, собственно Уфимскій, въ составъ котораго входятъ уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Белебеевскій, Стерлитамацкій. По географическому своему положенію, характеру и способу населенія, этотъ отдѣлъ имѣетъ свои отличія сравнительно съ Уральскимъ краемъ. Въ послѣднемъ населеніе представляетъ сплошную, однохарактерную массу жителей, держащихся однихъ и тѣхъ же религіозныхъ вѣрованій, обычаевъ и своего рода частнаго управленія. При существованіи общаго законодательства гражданскаго, эта масса колонизовала занятую ею мѣстность не отдѣльными единицами или семействами, а цѣлою группою и почти одновременно. Потому и расколъ, котораго держится эта масса, имѣетъ свой общій единичный характеръ и почти остался въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ онъ на первомъ мѣстѣ своего появленія, на берегахъ Дона. Уфимскій же край заселялся постепенно и разновременно; насельники его перешли не изъ одной какой либо общей имъ мѣстности, а изъ разныхъ губерній Россіи. Потому и расколъ, заразившій нѣкоторыхъ жителей этого края, имѣетъ разныя формы, смотря по тому, изъ какихъ мѣстъ онъ заселенъ переселенцами.

Вслѣдствіе разновременности переселенія, происходившаго при томъ не цѣлыми массами, а отдѣльными семействами, и историческій ходъ раскола не можетъ быть доказанъ несомнѣнными историческими данными. Единственнымъ источникомъ возникновенія и распростране-

¹⁾ Ген.-отъ инфан. Владиміръ Афанасьевичъ, съ 1842 по 1851 г.—П. Ю.

²⁾ Нынѣ Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Оренбургѣ.—П. Ю.

нiя раскола могутъ служить только церковныя записи и отрывочныя свѣдѣнiя официальныхъ актовъ, пока еще не разобранныхъ и въ настоящее время только еще разбираемыхъ.

Первое звено христіанскаго населенiя Уфимскаго и вообще Оренбургскаго края положено въ Уфѣ. Несомнѣнно то, что между 1573 и 1586 гг. Уфа уже была заселена, укрѣплена и снабжена военною охраною.¹⁾ Первые жители ея были частію изъ великороссійскихъ городовъ, частію изъ польской шляхты, частію изъ стрѣльцовъ.²⁾ Въ 1584 г. здѣсь уже существовалъ храмъ во имя Казанскія иконы Божіей Матери,³⁾ вскорѣ перестроенный и освященный во имя Смоленской иконы Божіей Матери.⁴⁾

Въ слѣдъ за Уфою, по теченію рѣки Бѣлой, были заселены слѣдующія мѣста: 1) Красный Яръ (въ 20 верст. отъ Уфы) въ 1618 году⁵⁾ и имѣвшій въ 1635 г. въ своемъ составѣ такъ называемыхъ дворцовыхъ крестьянъ; 2) Бирскъ въ 1647 г., 3) Богородицкое село въ томъ же году, 4) Дуваней въ 1655, 5) Монастырскіе Дуваней и 6) Сорвиха въ 1678 году.

Около того же времени началась русская колонизація и по другой системѣ, р. Камѣ. Такъ въ 1586 г., между прочимъ, положено начало нынѣшнему Мензелинску, первоначальные жители котораго, какъ и г. Уфы, состояли изъ конныхъ стрѣльцовъ.⁶⁾ Въ половинѣ XVII вѣка заселенъ и нынѣшній Стерлитамакъ и нѣкоторыя другія мѣста, число которыхъ, однако жъ, очень незначительно.

Къ этому же времени, по крайней мѣрѣ приблизительно, можно относить и первое появленіе здѣшнихъ раскольниковъ. Въ половинѣ XVII в., когда расколъ составлялъ уже отдѣльное общество, видимо отдѣлившееся отъ церкви и враждебное ей, сѣмена раскола, по всей вѣроятности, были занесены и сюда. Такъ должно заключить изъ того, что значительную часть вышеуказанныхъ поселеній составляли, между прочимъ, стрѣльцы, которые, какъ извѣстно исторически, всегда были жаркими приверженцами раскола. Само собою разумѣется, что въ XVII в. расколъ не былъ и не могъ быть еще значителенъ въ здѣш-

1) Основателемъ города почитается Иванъ Нагай. См. Описан. Сибир. Царст. Миллера, стр. 77—84; Рычковъ II, 193; Карамзинъ, X, 40.

2) Рычковъ, II, 198—199. Акты Истор. т. II, 4. См. также копію съ грамоты въ Оренб. удѣльной конторѣ. Въ грамотѣ 7155 (1647) г. упоминаются Уфимскіе стрѣльцы, напр., Смиряшка, Кирилловъ, Зубцовъ и др.

3) Уфимскій лѣтописецъ въ „Оренб. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1852 г., № 21.

4) Тамъ же. Храмъ построенъ въ 1616 г.

5) Частная грамота 1741 г., хранящаяся у одного крестьянина Краснаго Яра.

6) Журн. Мин. Вн. дѣлъ, 1850, 1 кн.

немъ краѢ, когда и самое христіанское населеніе было еще вообще немногочисленно здѣсь. Но въ XVIII в., когда край началъ болѣе и болѣе заселяться и когда сюда начали приходить жители изъ разныхъ областей Россіи, и расколъ сталъ принимать болѣе значительные размѣры. Посему въ XVIII в. сѣмена раскола дѣлаются явственными какъ въ мѣстахъ, заселенныхъ въ предыдущее столѣтіе, такъ и въ другихъ, получившихъ начало только въ этомъ столѣтіи.

А) Въ самой Уфѣ раскольники находились хотя и въ незначительномъ количествѣ, — они были двухъ сектъ: еоодосіевцы и перекрещиванцы. Таковы же раскольники имѣлись въ Красномъ Яру, селѣ Богородскомъ и Дуваняхъ. Сѣмена раскола въ сихъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, посѣяны стрѣльцами.

Б) Въ первыхъ годахъ XVIII вѣка организовалось село Лавочное; поселенія: Важнино, Тарабердино, Медвѣдерова, Баскакова, Кадомцовъ, Каминская, Чесноковка—возникли въ первой половинѣ XVIII в., Касимово, Юрмашъ, Березовка, Каллиники, Благовѣщенскій заводъ—во второй половинѣ того же вѣка; заводы: Симскій, Катавъ-Ивановскій, Усть-Катаевскій, Юрязанскій и нѣкот. друг. въ первой половинѣ того же столѣтія.

Жители въ нихъ были переселены большею частію изъ внутреннихъ нынѣшнихъ губерній: Московской, Владимірской, Симбирской, Казанской, Пензенской.

Въ Бирскомъ уѣздѣ Еладянская крѣпость заселилась въ 1735 г., Касево, Гребени, Печенкино въ началѣ второй половины столѣтія. Въ уѣздѣ Стерлитамацкомъ: Табынскій пригородъ въ 1728, Воскресенскій заводъ въ 1745 г., заводы: Богоявленскій, Архангельскій, Верхотурскій, Авзяно-Петровскій—въ началѣ второй половины вѣка; селенія: Кучанакъ, Левашево, Васильевка—во второй половинѣ столѣтія; куда поселенцы переведены изъ губерній: Калужской, Тульской, Орловской и Нижегородской.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ: самый городъ Белебей возникъ въ первой половинѣ XVIII в., Нагайбакская крѣпость въ 1736 г., Бакалы около 1750 г., Надеждино и Верхне-Троицкій заводъ въ 1759 г., съ поселенцами изъ уѣздовъ: Чебоксарскаго, Васильсурскаго, Козмодемьянскаго, Балахновскаго, Юрьеveckаго и заводовъ Демидовскихъ и Юговскихъ.

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ: Шильны, Налимъ, Круглое поле, Елань, Березовые челны, Мысовые челны—основались въ первой половинѣ, Соболюкова, Сухарева, Орловская—во второй половинѣ XVIII в.

Въ большей части этихъ селеній тогда же началъ распростра- няться расколъ, занесенный сюда выходцами изъ внутреннихъ губер- ній Россіи.

Въ губернскомъ городѣ Уфѣ были и находятся раскольники по- морской (безпоповщинской) секты въ приходахъ Покровской церкви, частію—Успенской. Въ послѣднемъ особенно распространены еодо- сіевцы и перекрещиванцы, которыхъ въ одной пригородной слободѣ Нижегородкѣ ранѣе числилось болѣе 500 душъ мужскаго и женскаго пола, а теперъ гораздо болѣе.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ раскольники распространены въ приходѣ с. Вознесенскаго или Чесноковкѣ, Юрмашѣ Богородскомъ, Максимовкѣ, Белегѣсѣ. Въ Дуваняхъ расколъ, появившійся еще въ концѣ XVII в., поддерживается нынѣ преимущественно благовѣщенскими раскольни- ками. Тогда же проникъ расколъ и въ с. Красный Ярѣ. Въ заводѣ Благовѣщенскомъ распространился онъ вслѣдствіе коммерческихъ сно- шеній заводскихъ крестьянъ съ Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ. Главнымъ расколоучителемъ былъ (въ 1780 г.) помѣщичій крестьянинъ Муликовъ, вышедшій изъ Рязанской губерніи, который поддерживалъ поповщинскій толкъ, устроивъ тамъ часовню. Кромѣ него, какой то уфимскій казакъ распространялъ въ заводѣ поморщину. Такая же мо- лельня основана въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія въ дер. Начаткиной. Заводъ Усть-Катавскій позаимствовалъ раскольниковъ изъ внутреннихъ губерній. Около конца того же вѣка заразился сектан- ствомъ Кашевъ-Ивановскій заводъ, благодаря вліянію раскольниковъ заводовъ Саткинскаго и Златоустовскаго. Юрязанскій зав. Сакіази- Мясогутова и Ярославки наводнили лжеученіемъ пермяки и тоболь- скіе переселенцы. Тастуба и Дуваней пожлились расколомъ отъ пере- селенцевъ Кунгурскаго уѣзда, а Метели изъ Пермской губ. Тѣмъ же духомъ были заражены Юрматъ, Озерная, Кошелевка, Круши, Лю- баева, Ново-рождественская, Первушина, Карчинскій и Максимовскій починки.

Въ нынѣшнее время расколъ по г. Уфѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ уѣзда имѣетъ главную поддержку въ уфимскомъ купцѣ Калмацкомъ, который для поддержанія лжеученія не щадитъ ни тру- довъ, ни времени, ни денегъ.

Прочно укрѣпилось сектантство и во многихъ селеніяхъ Бирскаго уѣзда. Елдянская крѣпость заразилась расколомъ почти съ самыхъ первыхъ дней основанія ея около 1735 г., гдѣ въ 40-хъ гг. нынѣш- няго (т. е. XIX) столѣтія главнымъ вѣроучителемъ былъ мѣщанинъ Поповъ. Въ дер. Казинцеву, Ижбулатову, Киргизки, Карачево, Андре- евку, Аксину и Артакуль занесены сѣмена раздора въ 1780 г. изъ

Пермской губерніи; въ зав. Біявишевскій—изъ Верхотурья въ 1815 г., въ Ключи—въ 20-хъ гг. нынѣшняго вѣка между старовѣрами Касевой и Березовки были скопцы.

Уѣздъ Стерлитамацкій имѣлъ зараженными слѣдующія поселенія: самый гор. Стерлитамакъ, гдѣ расколъ существовалъ уже въ концѣ прошлаго (т. е. XVIII) столѣтія. Главными расколоучителями здѣсь были мѣщане Ряхины. Въ с. Куганакъ появился онъ послѣ Пугачевщины около 1790 г., занесенный какимъ то бѣглымъ чернецомъ Іосифомъ. Въ прежней крѣпости Табынской были раскольники съ самаго ея существованія въ 1728 г. Тутъ укрѣпленію раскола способствовалъ своимъ вліяніемъ, связями, богатствомъ и „извѣстностью правительству“ первый основатель крѣпости балахновскій купецъ Иванъ Утятниковъ. Распространителемъ раскола въ Васильевѣ былъ Стерлитамацкій мѣщанинъ Ряхинъ, внушеніями котораго были увлечены и крестившіеся мордвины. Въ заводахъ Воскресенскомъ, основ. въ 1745, Архангельскомъ въ 1753 и Верхотурскомъ,—около 1764 г., заводчиками Твердышевымъ и Пустынниковымъ¹⁾ расколъ появился въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Заводъ Авзяно-Петровск., осн. гр. Шуваловымъ въ 1653 г., и сел. Садеевки и Рѣзановка были заселены православными выходцами изъ губерніи Симбирской; большею частію крестившіеся мордвины, но вышеуказанный Ряхинъ заставилъ ихъ склониться въ расколъ и сдѣлаться жаркими его послѣдователями.

Въ гор. Белебей, крѣпость Нагайбакскую²⁾ и заводы Верхне-Троицкій и Нижне-Троицкій проникъ расколъ изъ Иргизскихъ монастырей помощью бѣглыхъ монаховъ, проживавшихъ между жителями около 1800 г. Существовали раскольники и въ Усть-Ивановскомъ заводѣ.

Такимъ образомъ, видно изъ этого перечня, что расколъ распространялся въ Уфимскомъ краѣ тремя путями: сначала стрѣльцами, потомъ переходомъ туда переселенцевъ изъ внутреннихъ и смежныхъ губерній и наконецъ нарочитыми лжеучителями и лжемонахами, здѣсь скрывавшимися.

Конечно, перечень этотъ далеко не полонъ, потому что имѣлось въ виду ограничиться пока древнѣйшими мѣстностями, зараженными расколомъ. Между тѣмъ опущены многія мѣста, гдѣ расколъ однако жъ

¹⁾ Въ „Справоч. книж. Уфимс. губер.“ 1883 г., стр. XII, Верхотурскій заводъ показанъ основанъ въ 1759 г. купцами Твердышевымъ и Мясниковымъ.—П. Ю.

²⁾ Нагайбаками называются тамъ крещеные инородцы, обыкновенно же калмыки.—П. Ю.

существуетъ, потому что появленіе его тамъ относится къ недавнему времени.

По вѣдомостямъ гражданскаго губернатора за 1838 г. раскольниковъ показывалось: въ г. Уфѣ, четырехъ заводахъ, десяти селахъ и осми деревняхъ этого уѣзда разныхъ сословіи 321 м. п., 367 ж. п. и помѣщичьихъ крестьянъ 820 м. и 1040 ж. п.; въ 6 селахъ и 19 деревн. уѣзда Бирскаго разн. сословіи 403 муж. п. и 501 ж. п.; Стерлитамакъ, одной крѣпости, 3-хъ заводахъ и 11 деревняхъ, разныхъ сослов. 154 м. п. и 180 жен.; помѣщичьихъ кр-нъ 360 м. и 388 ж. п.; г. Белебеѣ, 3-хъ заводахъ и одной дерев. первыхъ 48 м. и 56 ж. п., послѣднихъ 1763 м. 1860 женщ.; и наконецъ, въ 1 селѣ и 1 дерев. Мензелинск. у. было сектантовъ 52 м. п. и 68 жен.

Но и эти цифры далеко не вполнѣ точно опредѣляютъ численность приверженцевъ раскола, ибо по другимъ отчетамъ за то же приблизительно время ихъ показывается гораздо больше, напр. въ Уфимск. у. послѣдователей секты поповщинской 821 м. и 1014 ж. п. и безпоповщинской 382 м. и 421 жен., а въ Стерлитамацкомъ первыхъ 82 и 58, вторыхъ 629 и 700 душъ¹⁾.

III.

Третій отдѣлъ Оренбургской епархіи составляетъ край за-Уральскій или, по мѣстному выраженію, Сибирскій, съ уѣздами Челябинскимъ, Троицкимъ и Верхнеуральскимъ. Исторія представляетъ и здѣсь тотъ же способъ распространенія Св. Вѣры, какой и въ Уфимскомъ краѣ. Начало переселеній въ него принадлежитъ частію XVII, но большею частію XVIII вѣку.

Переселенцы были главнымъ образомъ изъ смежной за-Уральской же части Пермской губерніи, въ которой, сколько извѣстно, по рр. Турѣ, Нейвѣ, Ницѣ, Пышмѣ и Исети²⁾ еще въ концѣ XVI вѣка, слѣдовательно, гораздо ранѣе, чѣмъ въ за-Уральномъ краѣ обосновалась русская власть, русскіе города и селенія, а съ ними и христіанство.

Р. Исеть беретъ свое начало собственно въ Пермской губерніи,³⁾ но въ своемъ теченіи она обнимаетъ значительную часть нынѣшняго Челябинскаго уѣзда. По общему духу русской колонизаціи, слѣдовав-

¹⁾ На этомъ, къ сожалѣнію, кончается описаніе раскола 2-й части Оренб. епархіи. Повидимому, конецъ кѣмъ то вырванъ.—П. Ю.

²⁾ Это новое подтвержденіе прежде высказанной мысли, что русскія поселенія всегда слѣдовали теченію рѣкъ.

³⁾ Именно въ 20 вер. выше Екатеринбурга.

шей въ своемъ распространѣніи по теченію рѣкъ, естественно, что русскія поселенія должны были явиться и въ этомъ уѣздѣ.

По справкамъ, заимствованнымъ изъ прежней Исетской канцеляріи, въ 1650 году былъ построенъ такъ называемый Исетскій острогъ¹⁾. Вслѣдствіе удобства мѣстоположенія и богатства земли, остававшейся почти пустою, здѣсь явились много переселенцевъ какъ изъ Пермской, такъ и изъ другихъ губерній. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ острогѣ этомъ упоминаются двѣ церкви: одна во имя Богоявленія Господня, другая—Казанской ик. Божьей Матери. Черезъ 10 лѣтъ по теченію Исети устроенъ еще острогъ Мехонскій съ церковію во имя Рождества Богородицы.²⁾ Въ 1671 году положено основаніе новому Красногорскому острогу. Около того же времени являются слободы: Башкильская, основ. въ 1668 г., Терсготская—въ томъ же году и Игналинская въ 1676 г. При всѣхъ этихъ слободахъ и острогахъ въ XVII стол. значатся церкви и, какъ видно, было довольно многочисленное населеніе. Въ 1670 г. видимъ населеніе не по Исети только, но и по Міасу, рѣкъ уже собственно принадлежащей Челябинскому уѣзду. Такова—Усть-Міасская слобода, застроенная въ 1640 году.

Въ XVIII вѣкѣ заселеній является больше. Въ первой четверти основалась слобода Воскресенская, гдѣ, подъ веденіемъ Tobольской іерархіи, было учреждено Духовное Правленіе, существовавшее до 1783³⁾, коему было подчинено пятнадцать церквей въ острогѣ Окуневскомъ, Куртамышевскомъ пригородѣ, слободахъ: Чумляцкой, Таловской, Каминской, Воскресенской, Карачельскомъ форпостѣ и селахъ: Баклиномъ, Кислянскомъ, Петровскомъ, Долговскомъ, Птичьемъ, Леневи, Песчанскомъ и Введенскомъ.

Острогъ Окуневскій предполагалось заселить еще въ 1576 г.; но застроили его лишь въ первыхъ годахъ XVIII стол. Первоначальные жители въ немъ состояли изъ вольныхъ людей сибирскихъ и нѣкоторыхъ великороссійскихъ городовъ. Въ зависимости отъ него находились: форпостъ Карачельскій, засел. въ 1743 г., слободы: Чумляцкая, Теченская, Песчанская, Буткинская, Таловская (1747 г.), Каминская (1749 г.) и Куртамышевскій пригородъ (зас. въ 1745 году главнымъ образомъ переселенцами изъ Пермской губер.), съ дистриктомъ того же имени.

1) Рычковъ, II, 158.

2) Тамъ же.

3) Это видно изъ дѣлъ Челябинскаго духовн. правленія за 1783 годъ.

Второй разрядъ поселеній составляютъ крѣпости, причисленныя къ Уйской линіи: Челябинская (нынѣ уѣздный городъ), основаніе коей относится къ 1736 году, и Міяская съ церковію во имя пророка Іліи, основ. почти одновременно съ предыдущей, Эткульская, Чебаркульская, Уйская, Коельская, Санарская и Кигина. Всѣ онѣ уже существовали въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Въ уѣздѣ Челябинскомъ находился еще дистриктъ Увельскій съ подчиненными ему слободами Кундравинской, засел. въ 1758 г., Верхнеувельской—1751 г. и Нижне-Увельской—1749 г.

Къ третьему разряду заселеній должно отнести крѣпости собственно Уйской линіи: Верхне-Яицкую¹⁾, засел. еще въ 1734 г., Уклы-Карагайскую 1735 г., Петропавловскую, Степную, Троицкую съ 1743 г., переименованную указомъ 1784 г. въ уѣздный городъ,²⁾ Каракульскую, Крутоярскую, Усть-Уйскую и Звѣриноголовскую. Послѣднія получили свое начало также въ первой половинѣ XVIII стол. и во всѣхъ ихъ тогда же были учреждены церкви.

Какъ замѣчено выше, первоначальными жителями ихъ были переселенцы изъ Пермской и другихъ губерній. На что указываютъ существующія до сихъ поръ между крестьянами фамиліи—Кандиковыхъ, Ладыгиныхъ (Вологодск. губ.), Пинегиныхъ (Архангельской), Устьосиинныхъ (Пермс.) и т. д. Однако на ряду съ православными сынами церкви, сюда попадались нерѣдко и раскольники.

Къ тому же времени относится заселеніе и другихъ мѣстностей за-Уральскаго края, какъ напр. нынѣшняго округа Златоустовскихъ заводовъ и нѣкоторыхъ линейныхъ крѣпостей Троицкаго и Верхнеуральскаго уѣздовъ до р. Илека. Во всѣхъ ихъ христіанское населеніе появилось не ранѣе XVIII столѣтія, преимущественно около половины его.

Въ 1736 г. указомъ, даннымъ ген.-лейтенанту Румянцеву, велѣно было часть башкирскихъ земель укрѣпить за мещеряками, въ вознагражденіе ихъ вѣрности престолу, сохраненной ими во время бывшихъ передъ тѣмъ башкирскихъ возмущеній. Въ то же время разрѣшено покупать башкирскія земли и дано право основывать на нихъ заводы для произведенія горныхъ работъ. Этимъ правомъ не замедлили воспользоваться многіе русскіе промышленники и капиталисты, которыхъ давно привлекали богатства, скрытыя въ нѣдрахъ Урала и сдѣлавшіяся извѣстными со временъ Великаго Петра. Тульскіе купцы Мосоловы, по указанію башкирскихъ старшинъ, отыскивали мѣста прежнихъ чуд-

¹⁾ Нынѣ уѣзд. городъ Оренбург. губ. Верхнеуральск. — П. Ю.

²⁾ Указъ хранится въ (Уфимск.) губернск. правленіи.

скихъ разработокъ и въ 1751 г., заключивъ съ этими старшинами условія на владѣніе землями, выслали туда десять своихъ крестьянъ съ однимъ приказчикомъ для первоначальнаго занятія пріобрѣтенныхъ мѣстъ, и заготовленія матеріаловъ, нужныхъ для возведенія завода. Это были первые христіане, поселившіеся въ нынѣшнемъ Златоустовскомъ округѣ.

Слѣдомъ за возникновеніемъ первыхъ заводовъ были заведены деревни Кувшинская и нынѣшній заводъ Міясскій одновременно въ 1761 г.

Въ 1758 г. въ смежности съ ними графъ Строгановъ основалъ заводъ Саткинскій. За нимъ въ 1770 г. возведенъ на границѣ Пермской губерніи Артынскій. Оба вмѣстѣ съ Златоустовскими заводами перешли потомъ во владѣніе купца Лушнина и были совершенно разорены и разрушены во время Пугачевского бунта въ 1774 году.

Послѣ усмиренія мятежа немногіе жители снова начали собираться на пепелищахъ прежнихъ жилищъ. Возобновили производство только заводы Златоустовскій и Саткинскій, гдѣ были построены новыя церкви. Въ 1776 году возстановленъ заводъ Міясскій, вновь переселенными въ него 796 выходцами изъ губерній Тульской и Орловской. Въ 1787 г. основался заводъ Кусинскій, первоначальные жители котораго 300 душъ были переселенцы изъ Тульской и Костромской губерній. Въ 1791 г. число поселенцевъ насчитывалось уже въ Златоустовскомъ 1971 д., Саткинскомъ 1361, Міясскомъ 691, Кусинскомъ 460 душъ муж. пола. Съ 1811 г. заводы эти перешли въ казенное вѣдомство и въ 1818 г., по распоряженію начальства, населеніе завода Златоустовскаго увеличено 257 переселенцами изъ Нижне-Тагильскаго зав. Пермской губерніи.

Съ началомъ ихъ существованія начинается и расколъ. Въ Челябинскѣ онъ существовалъ по крайней мѣрѣ около 1760 г. Въ это время тамъ насчитывалось только 100 душъ сектантовъ, поддерживавшихъ связь съ Екатеринбургомъ. Въ 1780 г. здѣсь уже явно проповѣдуетъ лжеучитель Колосовъ, посланный сюда екатеринбургскими раскольниками. Въ концѣ XVIII в. появился расколъ въ слободахъ Чумляцкой и Карачельской. Около 30-хъ гг. нынѣшняго (XIX) вѣка тамъ было много сектантовъ, именуемыхъ „квасниками“. Село Птичье и слободы Окуневская и Таловская имѣли два толка раскольниковъ: часовенныхъ и поморцевъ. Первые явились здѣсь еще при началѣ заселенія Таловки въ 1750 г. изъ уѣздовъ Тюменскаго и Шадринскаго. Одновременно возникъ расколъ въ слоб. Куртамышской. Въ сс. Долговскомъ, Петровскомъ, Становскомъ и Кинельскомъ и слоб. Каминской распросранился онъ въ концѣ прошлаго столѣтія отъ Екатерин-

бургскихъ раскольниковъ. А отсюда проникъ въ крѣпости Крутоярскую, Звѣриноголовскую и друг. Старовѣры Таловскіе, Куртамышскіе, Долговскіе и Каминскіе питали особенное уваженіе къ раскольникамъ Екатеринбургскимъ, потому, должно быть, что первымъ ихъ вѣроучителемъ былъ крестьянинъ Тельминовъ. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ шайкѣ Пугачева, а послѣ проповѣдывалъ расколъ по указаннымъ селеніямъ и умеръ въ 1853 г. болѣе ста лѣтъ отъ рожденія.

Вообще по Челябинскому уѣзду расколъ съ прошлаго столѣтія распространился далеко. Многіе священники (напр., с. Петровскаго и Коельской крѣпости) не разъ жаловались на уклоненіе своихъ прихожанъ отъ Церкви Божіей. По временамъ расколъ достигалъ такихъ размѣровъ, что между послѣдователями являлись даже самосожигатели. Въ 1757 г. разомъ сожглось 172 человѣка. До 1761 г. такихъ случаевъ было нѣсколько. Въ 1771, 1780 и 1792 гг. они повторились.

Главными двигателями раскола, кромѣ указанныхъ причинъ, были скиты, обнаружившіеся въ первой четверти XVII столѣтія въ с. Введенскомъ и дерр. Слаткиной, Жуковой и Гагаринной. Группировавшіеся въ нихъ сектанты вовсе отвергали существованіе истинной церкви и даже въ Символѣ вѣры исключили 9-й членъ. Сколько извѣстно, это совершенно новая отрасль раскола, зашедшая въ своихъ заблужденіяхъ гораздо далѣе, чѣмъ всѣ до того существовавшія секты безпоповщины.

Изъ сихъ скитовъ то и частію изъ Пермской губерніи и выходили расколуучители совращать православныхъ чадъ. По дѣловымъ бумагамъ въ числѣ ихъ значутся, на примѣръ:

Въ 1762 г. монахъ Варлаамъ, преданный за распространеніе лжеученія гражданскому суду и успѣвшій скрыться, въ 1779 г. оперировалъ бѣглый монахъ Θεодотъ, въ 1780 г. расколуучитель Даниль, въ 1782 г. Колосовъ, прибывшій для преступной дѣятельности изъ Екатеринбурга и скрывавшійся у раскольниковъ Челябинска, того же года обнаруженъ потаенно жившій въ крѣпости Коельской проповѣдникъ Бѣгуновъ, основатель извѣстной секты того же названія; потомъ въ 1776 г. нѣсколько вѣроучителей проходили по крѣпостямъ Уйской линіи, оставивъ тамъ свои гибельные плоды.

Какъ видно по отчету гражданскаго губернатора, за 1838 г. числилось раскольниковъ въ г. Челябинскѣ, 1 крѣпости, 2 волостяхъ, 2 станицахъ, 5 селахъ и 15 деревняхъ разнаго сословія 2485 м. п. и 2787 ж. п., помѣщич. крестьянъ 47 м. 48 ж. п. Но это количество далеко не отвѣчало дѣйствительности. ибо по записямъ мѣстныхъ священно-церковно-служителей насчитывалось въ уѣздѣ послѣдователей

безпоповщинскихъ сектъ 2476 м. п. и 2729 ж. п., а поповщинской 1234 г. муж. и 1327 женщ.

Троицкъ имѣлъ немного раскольниковъ, за то значительное количество ихъ обитало въ с. Нижне-Кумляцкомъ, Кундравахъ, Нагушахъ, Емашинской, крѣпостяхъ Коельской и Уйской и заводѣ Златоустовскомъ. Сей послѣдній являлся разсадникомъ раскола и, по своему значенію между окрестными поселенцами, производилъ особенно сильное вліяніе, почему о томъ не лишне сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Съ самаго начала заселенія его въ 1754 г. начали появляться въ немъ сѣмена раздора. Сначала онѣ распространялись тихо, незамѣтно. Но въ 1775 г., какъ это видно изъ архива дѣлъ главной конторы, раскольники составляли тамъ уже отдѣльную общину и указомъ 10 Августа этого года были обложены пошлиною по 3 р. 85 к. Пугачевское возмущеніе еще болѣе способствовало усиленію раскола, ибо извѣстно, что Пугачевъ самъ принадлежалъ къ расколу. Затѣмъ послѣдній усилился вслѣдствіе переселенія изъ внутреннихъ губерній, уже зараженныхъ имъ. На это, между прочимъ, указываетъ усвоенное здѣшними раскольниками названіе „Кержакъ“, занесенное, повидимому, изъ Нижегородской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, существуютъ обширные Керженскіе скиты. Въ подраженіе послѣднимъ завелись раскольническіе скиты и по склонамъ Уральскихъ горъ, изъ которыхъ нѣкоторые существуютъ и до сихъ поръ.

Въ 1820 г. Златоустовскій расколъ усилился переселеніемъ сюда 227 мужчинъ и 239 женщинъ изъ Тагильскаго завода. Эти переселенцы успѣли заразить своимъ лжеученіемъ даже многихъ изъ православныхъ. Отъ нихъ и златоустовскіе раскольники получили общую кличку „тагильцевъ“. Вслѣдствіе такой неразрывной связи ихъ было то, что когда жители Тагильскаго завода приняли единовѣріе, то примѣру ихъ послѣдовали тогда же и златоустовскіе сектанты.

Число послѣднихъ въ 1838 г. показывалось 356 д. м. п. и 374 ж. п. Но въ 1844 г., послѣ принятія ими единовѣрія, количество ихъ спустилось до 254 муж. и 262 жен. Черезъ семь лѣтъ (въ 1851 г.), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, считалось 256 первыхъ и 278 послѣднихъ. Но, повидимому, ихъ было гораздо больше. По крайней мѣрѣ въ духовныхъ росписяхъ 1856 г. означалось не бывшихъ у исповѣди и Св. Причастія 5870 душъ златоустовцевъ. А такую цифру можно объяснить лишь тѣмъ, что въ ней безъ сомнѣнія находилось преимущественное количество раскольниковъ.

Вліяніемъ Златоустовскихъ сектантовъ поддерживается сей недугъ и въ заводахъ Міасскомъ, гдѣ почти одинъ и тотъ же духъ раскола,

Саткинскомъ и Кусинскомъ, куда лжеученіе занесено въ послѣдней четверти XVIII стол. частію изъ Тагильскаго завода, отчасти и изъ Нижегородской губерніи.

По отчетамъ гражданскаго начальства, за 1838 г. раскольниковъ считалось въ г. Троицкѣ, 3-хъ крѣпостяхъ, 2 волостяхъ, 1 селѣ, 4 заводахъ и 1 деревнѣ—1283 д. муж. п. и 1406 д. ж. п. По свѣдѣніямъ же церковнымъ, опредѣлилось разныхъ сектантовъ 1544 муж. и 1633 женщины. Очевидно, первая цифра уменьшена.

Менѣе зараженъ былъ расколомъ уѣздъ Верхнеуральскій. Сектанты находились только въ трехъ мѣстахъ: въ самомъ городѣ Верхнеуральскѣ и крѣпости Карагайской среди казаковъ Оренбургскаго войска и Бѣлорѣцкомъ заводѣ—между рабочими.

Въ городѣ были, и теперь, безъ сомнѣнія, есть такъ называемые „жидовствующіе“, принимающіе, вмѣсто крещенія, обрѣзаніе. Какъ распросгранялась и откуда явилась эта секта—неизвѣстно.

По отчету губернатора за 1838 г. старовѣровъ и жидовствующихъ числилось въ уѣздѣ всего 135 д. об. пола. Но едва ли цифра эта вѣрна, такъ какъ въ одномъ Бѣлорѣцкомъ уѣздѣ даже въ настоящее время ихъ насчитывается гораздо больше.

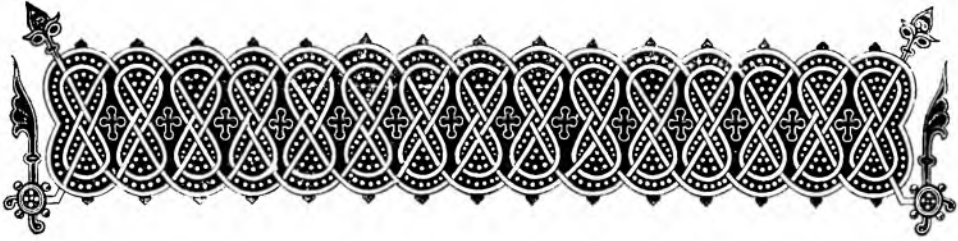
Въ заключеніе всего обзора необходимо было бы представить движеніе населенія раскольниковъ, но съ точностью сдѣлать этого пока трудно.

Предварительно этого изслѣдованія представляется только: цифра раскольниковъ (по всей Оренбургско-Уфимской епархіи) за 1856 годъ восходила до 47,577 душъ об. п.; въ томъ числѣ однихъ Уральцевъ считалось 31,642 д.

Если даже ограничиться этою цифрою, то, очевидно, расколъ еще слишкомъ многочисленъ въ Оренбургской губерніи и требуетъ дѣятельныхъ мѣръ къ его ослабленію. Какія мѣры признаются къ этому лучшими, объ этомъ въ свое время будетъ сказано.¹⁾

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшихъ перепискахъ не сохранилось послѣднихъ свѣдѣній и неизвѣстно, были ли присланы они Уфимскимъ владыкой Оренбургскому ген.-губернатору.—П. Ю.

Проект преподаванія военныхъ наукъ въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ въ исходъ царствованія Императора Николая I

(Изъ всеподданнѣйшаго доклада А. С. Норова Императору Николаю I.)

Поспѣшаю всеподданнѣйше донести, что повелѣнія Вашего Величества уже сего числа начали исполняться и съ новаго года получаютъ настоящее развитіе. Преподаваніе строевого устава пѣхотной службы, ротнаго и баталіоннаго пойдетъ весьма быстро, ибо уже *съ 1850 года во всѣхъ гимназіяхъ производится ученіе маршировки ежедневно послѣ классовъ*. Здѣшній Попечитель передъ праздникомъ былъ въ 1-ой Гимназіи и нашель, что 5-й, 6-й, и 7-й классы прекрасно маршировали рядами, шеренгами и фрунтомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго соизволенія *открыть въ факультетахъ физико-математическихъ обоихъ университетовъ преподаваніе артиллеріи и полевой фортификаціи*, что бывало допущено прежде при нѣкоторыхъ университетахъ.

Не излишнимъ считаю присовокупить, что въ царствованіе Императрицы Екатерины II-ой, съ Фоминой недѣли, т. е. съ весны, начинались по вечерамъ военныя экзерциціи. Студенты, наставляемые офицерами, дѣлили учениковъ по желанію ихъ на роты и учили ружейнымъ приемамъ, выправкѣ, маршировкѣ и строю.

Въ лѣтнюю вакацію эти занятія повторялись еще чаще и продолжались до Сентября. Осенью бывалъ *университетскому пѣхотному баталіону смотръ* въ присутствіи Московскаго Коменданта или шефа полка изъ стоявшихъ въ столицѣ.

Авраамъ Норовъ.

На этой всеподданнѣйшей запискѣ, рукою Императора Николая Павловича, карандашомъ написано:

Преподаванію артиллеріи и фортификаціи не вижу препятствія; ежели въ числѣ студентовъ найдутся теперь-же желающіе практически приоттовиться къ строевой службѣ при войскахъ, то легко можно будетъ сему желанію удовлетворить, прикомандировавъ ихъ къ образцовому пѣхотному полку. Учениковъ же гимназій можно, одинъ или два раза въ недѣлю, учить ротному ученію здѣсь въ манежѣ 1-го Кадетскаго Корпуса, о чемъ можно условиться съ Ею Высочествомъ Пасляникомъ.

27 Декабря 1854 г.

Сообщилъ **К. А. Военскій.**

Петроградъ 19 Февр. 1915 г.

Son oeuvre.

L'oeuvre de Guillaume II, de son armée, de ses intellectuels est une seule et même oeuvre. La voix omnipotente qui commande; la force obéissante qui agit comme instrument; les cerveaux qui professent, encouragent, sanctionnent, sont trois éléments formant une trinité puissante qui est le moteur de cette oeuvre. Oeuvre gigantesque, mise en action par la guerre actuelle et préparée de longue date avec une ténacité, une ingéniosité, une volonté déconcertantes, dignes d'une meilleure cause. A côté de ces moteurs, agissaient la perfidie, le mensonge, l'espionnage, l'hypocrisie, mis largement à contribution.

La conquête de l'Europe ou, si vous le préférez, la soumission absolue de l'Europe au joug allemand, que l'on nomme à Berlin „l'organisation“, était depuis des années l'objet d'une savante préméditation.

Ces longs préludes auraient dû révéler à nous, comme aux autres puissances, les symptômes du danger qui menaçait. Ce que nous tolérions en France, avec une générosité et une largesse aussi imprudentes qu'imprévoyantes, existait également avec intensité un peu partout en Europe et même au delà de ses frontières. Ici l'Allemagne s'imposait avec autorité; ici elle se montrait gracieusement utile; là elle se rendait avantageuse, insinuante, rampante, entrante, pénétrante, absorbante. L'Allemagne ne considérait—elle pas les divers Etats comme des colonies ouvertes à son expansion? Elle rayonnait, si je puis m'exprimer ainsi. Elle prenait possession du commerce, de l'industrie, des finances, inondait le monde de ses produits. Elle avait des agents dans tous les milieux et chacun d'eux approprié et dressé à son rôle. Ici la presse était son doyée. Là elle était ouvertement soumise. Ici la bourse était son temple. Là les banques étaient à sa dévotion. Ici elle était propriétaire. Là elle était locataire. Dans les hôtels elle avait des voyageurs,

Дѣло Вильгельма.

Дѣло Вильгельма II, его арміи и интеллигенціи—одно и то же дѣло. Полновластный голосъ, отдающій приказанія; послушная сила, дѣйствующая, какъ заведенная машина; умы наставляющіе, ободряющіе и утверждающіе—вотъ составныя части, изъ которыхъ слагается могущественная троица, двигательная сила этого дѣянія. Исполнительное дѣло, сдѣланное нынѣшней войной, дѣло, къ которому давно готовились, готовились съ упорствомъ, изобрѣтательностью и неуклонной волею, достойными болѣе высокой цѣли. Рука объ руку съ этими двигателями дѣйствовали предательство, ложь, лицемѣріе, шпіонство, и всѣмъ этимъ пользовались очень широко.

Завоеваніе Европы, или, если хотите, полнѣйшее Ея порабощеніе нѣмецкому игу, порабощеніе, которое въ Берлинѣ называли „организацией“, въ теченіе долгихъ лѣтъ было тщательно обдуманно.

Какъ намъ, такъ и другимъ государствамъ, эти долги сборы должны были открыть глаза на зловѣщіе признаки опасности. То, что съ такимъ великодушіемъ и съ терпимостью, съ легкомысліемъ и недальновидностью допускалось во Франціи, мало-по-малу также напряженно развивалось по всей Европѣ, и даже за ея предѣлами. Здѣсь Германія взяла въ свои руки власть; тамъ она была такъ мило полезна; тамъ она приносила выгоду, тамъ была доносящей, ползающей, вкрадчивой, всепроникающей, всепоглощающей. Развѣ Германія не считала разныя государства своими колоніями, открытыми для ея сбыта? Она излучалась, если можно такъ выразиться. Она овладѣла торговлей, промышленностью, денежнымъ рынкомъ, наводняла своими произведеніями весь міръ. У нея были доброты во всевозможныхъ слояхъ общества, и каждый изъ нихъ приспособлялся и входилъ въ свою роль. Тутъ заправилой была печать. Тамъ банки преданно служили дѣлу. Тутъ она была собственникомъ. Тамъ была наемникомъ. Въ

des directeurs, des domestiques, chacun d'eux remplissait ses fonctions d'espion.

La mode de la Société parisienne de se rassembler pour un thé qui ressemblait à un dîner, ou pour un dîner qui ressemblait à un souper, et cela dans la promiscuité de ces centres, faisait qu'au lieu de causer à la maison on causait dans un endroit public. Dans ces belles assemblées, on parlait beaucoup et de tout. On était porté à fréquenter là où il y avait le plus de monde. Naturellement les tables étaient si voisines et alors..... ceci est un détail entre mille.

Dans cette ville qu'elle désignait comme la Babylone moderne; l'Allemagne avait ses créatures dans le monde de la galanterie. Dans la haute société, elle spéculait sur l'engouement pour la musique exclusivement allemande, elle encourageait les cénacles où l'on la célébrait; elle forçait les portes de l'Opéra. Elle tentait aussi à répandre les oeuvres de ses écoles de peinture et de sculpture qui, chaque année plus nombreuses, pénétraient dans nos expositions. Large était l'hospitalité de nos artistes. Une statue refusée faisait si grand tapage que le scandale valut à son auteur une réclame de curiosité qui fit courir tout Paris. Et puis de l'atelier au salon, il n'y a qu'un pas.

On peut bien dire que l'art décadent, que l'on a eu le tort d'appeler art nouveau, est une importation allemande et je connais des pays où il a fait plus de ravages qu'en France. Moscou, pour ne citer qu'une ville, a subi les atteintes de cette dépravation du goût.

La Russie, autant que la France, a souffert de l'action souterraine et sournoise de l'Allemagne qui, par mille artifices, cherchait à se rendre nécessaire et à s'imposer un peu partout.

Combien de sujets allemands sont venus en Russie s'enrichir. En s'y installant, en y pullulant, ils introduisaient un peu de leur influence. Combien de sujets russes allaient en Allemagne faire des cures de toutes sortes, y achetaient des propriétés et y dépensaient leurs capitaux et leurs revenus. Sans doute, en elle même, la chose n'est pas blâmable, mais en agissant de la sorte. les russes ne fournissaient-ils pas à l'Allemagne et cela inconsciemment, des moyens d'étude et de pénétration? Je n'entends pas critiquer les contacts entre voisins, mais l'utilisation de ces contacts pour instruire l'un deux contre l'autre avait des dangers. Ces dangers consistaient à mettre l'Allemagne en mesure de connaître

гостинницахъ у нея были путешественники, управляющіе, слуги, и каждый изъ нихъ выполнялъ должность шпіона.

Парижскій обычай, чтобы Общество собиралось на чай, похожій на обѣдъ, и на обѣдъ, похожій на ужинъ, и дѣлано это въ самыхъ центрахъ нѣмецкаго засилья, сдѣлалъ то, что вмѣсто того, чтобы вести бесѣду у себя дома, люди дѣлали это въ общественныхъ мѣстахъ. На этихъ многолюдныхъ собраніяхъ говорили много, и обо всемъ. Мы привыкли бывать тамъ, гдѣ было самое многолюдное общество. Конечно, столики стояли очень тѣсно, и тогда.... это только одна изъ тысячи подробностей.

Въ городѣ, который Германія собиралась сдѣлать современнымъ Вавилономъ, у нея были свои творцы въ мірѣ изящества. Въ высшемъ обществѣ она играла на пристрастіи къ музыкѣ, главнымъ образомъ нѣмецкой, поощряла вечеринки, гдѣ торжествовала музыка; она открывала двери Оперѣ. Она также пыталась распространять произведенія своихъ школъ живописи и ваянія, и дѣлаясь все многочисленнѣе, они занимали все больше мѣста на нашихъ выставкахъ. Велико было гостепрѣимство нашихъ художниковъ. Непризнанная статуя дѣлала столько шума, что скандалъ служилъ заманкой для его создателя и любопытство охватывало весь Парижъ. А тамъ, отъ мастерской до гостиной—всего одинъ шагъ.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что декадентское искусство, ошибочно названное новымъ искусствомъ, было вывезено изъ Германіи, и я знаю страны, гдѣ оно произвело гораздо бѣльшее опустошеніе, чѣмъ во Франціи. Упомяну только объ одномъ городѣ—это Москва, она испытала на себѣ эту порчу вкуса.

Россія, также какъ и Франція, пострадала отъ скрытой подпольной дѣятельности Германіи, которая, съ помощью тысячи ухищреній, старалась сдѣлаться необходимой и мало-по-малу проникнуть повсюду.

Сколько нѣмецкихъ подданныхъ наѣхало въ Россію, чтобы разбогатѣть. Устроившись здѣсь, крѣпко пустивши здѣсь крѣпкіе корни, они понемногу начинали проявлять свое вліяніе. Какое множество русскихъ подданныхъ ѣздило въ Германію во всевозможныя лѣчебныя мѣста, пріобрѣтало тамъ собственность и тратило свои капиталы и доходы. Безъ сомнѣнія, сами по себѣ это поступки непредусудительныя, но развѣ, поступая такимъ образомъ, Русскіе безсознательно не снабжали Германію средствами для изученія Россіи и для распространенія своего вліянія? Я осуждаю не договоры между сосѣдями, но нахожу, что пользоваться этими договорами для того, чтобы возстановить од-

l'état moral, les tendances, les qualités, les côtés faibles, en un mot le caractère du voisin qu'il étudie. La méfiance n'est pas une vertu, mais elle est parfois une protection utile.

Du reste les traitements barbares, voir même les insultes infligés aux hôtes russes, y compris les plus augustes, surpris en Allemagne par la déclaration de la guerre, sont un éloquent témoignage des sentiments qu'elle professait vis à vis du voisins dont la présence cessait d'être productive.

Nous avons donc assisté, sans y porter l'attention qu'elle méritait, à l'élaboration de l'oeuvre de Guillaume II. Ses artisans étaient légion; ses moyens innombrables.

Nos imprévisions ont facilité la longue et savante préparation des Allemands. „Songeons, comme l'a si bien dit le sénateur Jénouvrier, que depuis quarante quatre ans toute la volonté allemande, toute la science allemande, tout le commerce, toute l'industrie allemande, toute la ruse et l'espionage allemands étaient tendus vers la guerre actuelle. Nous n'y pensions nous autres; eux ne pensaient qu'à cela. Nous leur donnions généreusement une place chez nous; ils se naturalisaient, ils semblaient devenir des Français; c'était pour mieux nous trahir“¹⁾.

Nous ajouterons que chose pareille existait en Russie, en Belgique et ailleurs. Sous cette forme, c'est à dire par la naturalisation, nos ennemis avaient toutes sortes de facilités pour servir leur vraie patrie au détriment de leur patrie d'emprunt. La révision des naturalisations au profit des Allemands est l'objet des préoccupations de notre parlement. Souhaitons que pareille mesure soit prise par nos chers alliés.

Les procédés variés et ingénieux de nos ennemis ne doivent pas passer sous silence et méritent d'être analysés, car ils forment un éloquent faisceau de preuves établissant leur volonté bien arrêtée de faire cette guerre. Pendant que tous ces moyens préparatoires étaient mis en oeuvre; pour les masquer aux yeux de la France et de la Russie, l'empereur d'Allemagne, avec une sinistre duplicité, parlait de paix. Il convient de citer ici quelques passages de ses retentissantes allocutions.

Il se lie formellement le 28 Juin 1888 dans son discours du trône au Reichstag.

¹⁾ Le Gaulois du 8 février 1915.

ного противъ другого, очень опасно. Эта опасность заключается въ томъ, что Германіи дается возможность изучить настроеніе умовъ, склонности, способности, слабости, словомъ, характеръ наблюдаемаго ею сосѣда. Недовѣрчивость не есть добродѣтель, но подчасъ она можетъ оказать важныя услуги.

Въ концѣ концовъ варварское обращеніе, а именно—оскорбленія, нанесенныя русскимъ гостямъ, включая сюда и самыхъ Высокихъ, гостямъ, которыхъ объявленіе войны застигло въ Германіи, служить краснорѣчивымъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя Германія питала по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, присутствіе которыхъ перестало быть ей выгоднымъ.

Словомъ, мы, не удѣляя этому должнаго вниманія, были свидѣтелями той внутренней работы, которая создавала дѣло Вильгельма II. У него былъ легионъ сотрудниковъ; средства его были несмѣтны.

Наша недалковидность облегчила долги и обдуманная приготовленія нѣмцевъ. „Подумаемъ о томъ.“ какъ прекрасно выразился сенаторъ Женувріе, „что въ теченіи сорока лѣтъ вся нѣмецкая наука, торговля, вся нѣмецкая промышленность, вся нѣмецкая хитрость и шпионство стремились къ вынѣшной войнѣ. Мы, всѣ остальные, не думали о ней; а они думали только о ней. Мы великодушно пріютили ихъ у себя; они у насъ освоились, на видъ они сдѣлались французами; и это было сдѣлано для того, чтобы предать насъ.“¹⁾

Прибавимъ, что то же самое происходило въ Россіи, Бельгіи и въ другихъ государствахъ. Такимъ образомъ, т. е. пріобрѣтая права гражданства, нашимъ врагамъ было очень легко служить своей настоящей родинѣ въ ущербъ родинѣ искусственной.

Теперь нашъ парламентъ занятъ пересмотромъ гражданскихъ правъ Нѣмцевъ. Выскажемъ пожеланіе, чтобы дорогіе союзники приняли такія же мѣры.

Нельзя обойти молчаніемъ различныя искусныя приготовленія нашихъ враговъ, они заслуживаютъ изученія, потому что являются краснорѣчивымъ собраніемъ доказательствъ, подтверждающихъ ихъ твердое намѣреніе затѣять эту войну. Пока были пущены въ ходъ всѣ эти подготовительныя средства, для того, чтобы отвести глаза Франціи и Россіи, германскій императоръ съ зловѣщимъ лукавствомъ говорилъ о мирѣ. Здѣсь не мѣшаетъ упомянуть о нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ его широковыщательныхъ рѣчей.

Онъ формально обязываетъ себя къ этому 28 Іюня 1888 года въ тронной рѣчи къ рейхстагу.

¹⁾ Le Gaulois, 8-го Февраля 1915 года.

„Je suis résolu à maintenir la paix avec tous les peuples autant que cela dépendra de moi. Mon amour pour l'armée, la place que j'y tiens, ne me feront jamais succomber à la tentation de priver le pays des bienfaits de la paix, si la guerre ne nous est pas nécessairement imposée par une attaque contre l'Empire ou contre nos alliés. Notre armée doit nous garantir la paix, et, s'il le faut, nous permettre de la reconquérir par les armes avec honneur. Nous le pourrons avec l'aide de Dieu, grâce à la force militaire que nous assure la dernière loi de défense nationale que vous avez votée à l'unanimité. Utiliser cette force pour une guerre offensive est loin de ma pensée. L'Empire allemand n'a besoin ni de gloire militaire nouvelle, ni de conquêtes. maintenant qu'il s'est conquis le droit de vivre comme une nation unie et indépendante“.

Le 18 Juin 1895, pour l'inauguration du canal de Kiel Guillaume II s'écriait:

„Tous les peuples demandent et désirent la paix. Ce n'est qu'en temps de paix que le commerce du monde peut se développer, ce n'est que par la paix qu'il peut prospérer; nous voulons maintenir la paix, et nous la maintiendrons. Puisse, grâce à cette paix, le commerce de Hambourg être florissant et prospère“.

Le discours prononcé le 22 mars 1905 à Brême est, si possible, plus affirmatif que les précédents.

„Je me suis juré, lorsque je suis monté sur le trône, après le puissant règne de mon grand-père, qu'autant que je le pourrais, je laisserais se reposer les baïonnettes et les canons, mais que les baïonnettes et les canons devraient être tenus affilés et en bon état, afin que la jalousie et l'envie du dehors ne puissent nous empêcher de cultiver notre jardin et d'arranger notre maison à l'intérieur. Je me suis promis, d'après mon expérience et les leçons de l'Histoire, de ne jamais songer à un vain empire du monde. Car que sont devenus ces soi-disant grands empires du monde? Alexandre le Grand, Napoléon I-er, tous les grands capitaines se sont baignés dans le sang et ont laissé des peuples asservis, qui aussitôt se sont soulevés et ont amené la ruine de l'empire.

„L'empire que j'ai rêvé, le voici: l'Empire allemand récemment né, doit avoir la confiance de tous, être considéré partout comme un tranquille, honête, paisible voisin: et si l'on parle peut être un jour, dans l'avenir, d'un empire mondial de l'Allemagne, ou d'une souveraineté

„Я рѣшилъ поддерживать миръ со всеми народами постольку, поскольку это отъ меня зависитъ. Моя любовь къ арміи, то мѣсто, которое я въ ней занимаю, никогда не заставятъ меня поддаться искушенію и лишить страну всѣхъ благъ мира, если только война не явится для насъ необходимостью вслѣдствіе нападенія на Имперію или на нашихъ союзниковъ. Наша армія должна обезпечить намъ миръ, или, если понадобится, вновь съ честью завоевать его оружіемъ. Мы сможемъ сдѣлать это съ Божьей помощью, благодаря той военной силѣ, которая намъ обезпечена послѣднимъ закономъ о національной оборонѣ, закономъ, который вы провели единогласно. Я далекъ отъ мысли использовать эту силу для наступательной войны. Теперь, когда Германская Имперія отвоевала себѣ права объединенной и независимой націи, ей больше не нужны ни побѣды, ни новая военная слава“.

18-го Іюня 1895 года, на открытіи Кильскаго канала, Вильгельмъ II восклицалъ:

„Всѣ народы просятъ и желаютъ мира. Только въ мирное время можетъ развиваться міровая торговля, она можетъ процвѣтать только благодаря миру. Мы желаемъ сохранить миръ, и мы его сохранимъ. Дай Богъ, чтобы благодаря этому миру счастливо процвѣтала гамбургская торговля.“

Рѣчь, произнесенная въ Бременѣ 22 Марта 1905 года, если это только возможно, еще болѣе подтверждаетъ эту мысль.

„Вступивъ на престолъ послѣ блестящаго царствованія моего дѣда, я поклялся въ томъ, что, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, оставлю въ покоѣ штыки и пушки, но штыки и пушки должны быть наготовѣ и въ хорошемъ состояніи, для того, чтобы извнѣ зависть не помѣшала намъ насаждать нашъ садъ и устраивать нашъ домъ. Наученный опытомъ и уроками исторіи, я далъ себѣ слово никогда не мечтать о суетной міровой державѣ. Потому что, что случилось съ этими, такъ-называемыми великими міровыми державами? Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ великіе полководцы купались въ морѣ крови и оставили поработанные народы, которые вскорѣ возстали и привели ихъ государства къ паденію.“

„Вотъ держава, о которой я мечталъ: недавно возникшая Германская Имперія должна внушать довѣріе всемъ, всѣ должны считать ее спокойнымъ, честнымъ, мирнымъ сосѣдомъ: и если когда-нибудь, въ будущемъ, зайдетъ рѣчь о міровой Германской Имперіи или о всемірномъ господствѣ Гогенцоллерновъ, то эта Имперія должна быть осно-

mondiale des Hohenzollern, elle ne doit pas être fondée sur des conquêtes de l'épée, mais sur la confiance réciproque des nations unies dans un même but¹.

Ces paroles trompeuses du souverain, la prospérité industrielle et commerciale de son empire, l'expansion de ses sujets un peu dans tous les pays, on pourrait presque dire pays colonisés par eux, tout cela semblait écarter l'idée de guerre. Bien des esprits ont été induits en erreur. En effet les discours pacifiques du Kaiser sont en contradiction avec toutes les mesures prises en vue d'une guerre voulue et préparée.

„En dépit de sa folie d'armement qui devait fatalement le conduire à la catastrophe finale, le Kaiser allemand semblait avoir compris que la paix était le meilleur auxiliaire de sa politique économique. L'Allemagne lui devait en grande partie le prodigieux essort de son commerce. Lorsqu'il employait ce mot orgueilleux de mondial qu'il a inventé, il ne disait rien d'excessif. L'Allemagne jouissait vraiment d'une sorte d'hégémonie qui s'étendait au monde entier. Elle ne dominait pas le monde par sa culture, ni par le rayonnement de son génie, comme le croyaient ses savants: mais le monde était vraiment tributaire de son activité“.

„Comment ce chef d'empire a-t-il risqué sa fortune et celle de son peuple dans une aventure aussi hasardeuse qu'une guerre générale? Quo modo cecidit potens? demande l'Écriture. Le puissant est tombé parce qu'il a perdu l'équilibre. C'est l'accident ordinaire et fatal qui attend et châtie tous les mégalomanes. La qualité la plus nécessaire aux conducteurs de peuples est la science des limites. Ils doivent savoir mesurer avec certitude le plan de leur entreprises; ils doivent savoir et prévoir que toute ambition qui le dépasse les voue à la culbute et à l'écrasement“¹).

Nous venons, en citant ses propres paroles, de montrer que Guillaume II a inauguré son oeuvre par le mensonge. L'action longue et persévérante de son peuple n'était que l'émanation de sa volonté. Ce labeur insatiable avait pour but l'assouvissement de l'orgueil sans borne de l'empereur voulant incarner en sa personne l'Allemagne mondiale. Ses critiques les plus mordants et les plus cruels ont qualifié son trait caractéristique de *néronisme*. Ce terme est bien approprié pour désigner son oeuvre.

¹) Jules Delafosse, député du Calvados. Impériale démence. Le Gaulois du 2 février 1915.

вана не на завоеваніяхъ, а на взаимномъ довѣрїи народовъ, объединившихся для одной общей цѣли.“

Эти лживыя слова государя, расцвѣтъ торговли и промышленности въ его имперїи, внѣдреніе его подданныхъ почти во всѣхъ странахъ, можно сказать, колонизованныхъ ими, все это, повидимому, исключало всякую мысль о войнѣ. Немало умовъ было введено въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, миролюбивыя рѣчи кайзера идутъ въ разрѣзъ со всѣми мѣрами, которыя имѣлись въ виду для желанной и подготавливаемой войны:

„Вопреки его страсти къ вооруженію, которая роковымъ образомъ должна была привести къ конечной рязвязкѣ, германскій кайзеръ какъ-будто понималъ, что миръ былъ лучшимъ приложеніемъ къ его экономической политикѣ. Главнымъ образомъ ему Германія обязана чудеснымъ расцвѣтомъ своей торговли. Употребляя придуманное имъ гордое слово міровая торговля, онъ не впадалъ въ крайность. Германія дѣйствительно пользовалась своего рода владычествомъ, распространявшимся на весь свѣтъ. Ни ея культура, ни свѣтъ ея генія не господствовали надъ міромъ, какъ это думали германскіе ученые: но міръ дѣйствительно платилъ дань ея дѣятельности.

„Какимъ образомъ глава имперїи могъ рисковать своей судьбой и судьбой своего народа, пустившись въ такую зависящую отъ случайностей авантюру, какъ міровая война? Quo modo cecidit potens? спрашиваетъ Писаніе. Владыка палъ, потому что онъ потерялъ равновѣсіе. Это обычная роковая случайность, ожидающая и карающая всѣхъ страдающихъ маніей величія. Самое необходимое качество для всѣхъ вождей народовъ есть искусство знать мѣру. Они должны умѣть точно взвѣшивать планъ своихъ предпріятій; они должны знать и предвидѣть, что всякое превышающее ихъ силы честолюбіе обрекаетъ ихъ на паденіе и гибель“. 1)

Мы только-что показали, приведя собственные слова Вильгельма II, что онъ построилъ свое дѣло на лжи. Настойчивый и упорный трудъ его народа былъ лишь выразителемъ его воли. Эта неутомимая работа имѣла цѣлью удовлетворить безграничное честолюбіе императора, который въ своемъ лицѣ хотѣлъ воплотить міровую Германію. Самые строгіе и безпощадные его критики отмѣтили свойственную ему черту неронизма. Это выраженіе очень подходитъ для опредѣленія его дѣянія.

1) Jules Delafosse, député de Calvados. Impériale démence. Le Caulois du 2 février 1915.

Tout ce qui précède esquisse à grands traits la préméditation par la préparation de son oeuvre.

Et lorsqu'il se juge prêt, que l'heure est propice, que ceux qu'il vise sont à ses yeux en mauvaise posture, c'est à dire murs pour la défaite et l'asservissement, le Kaiser ébranle l'Europe. En douze heures il a contredit ce qu'il avait voulu paraître durant 26 ans de règne. Sa puissance militaire formidable, il la croit supérieure à tout, invincible. Ses conquêtes économiques, industrielles, l'expansion de tant de forces matérielles, l'intrusion allemande chez ses voisins ne lui suffisent pas; il lui faut pour lui et par lui un triomphe par les armes.

Guillaume I a accompli une oeuvre: „La Prusse unifiant l'Allemagne asservie mais victorieuse“. Guillaume II veut, lui aussi, accomplir son oeuvre: „la suprématie mondiale de l'Allemagne“. Suprématie illimitée comme son ambition, géante comme son orgueil. Tyran de l'Allemagne, il rêve la tyrannie de l'Univers. Pour y parvenir, il a mis toutes ses énergies en mouvement. Selon lui la paix était à la fois un péril pour l'Allemagne et le salut de l'Europe. Il veut détruire ce péril et en même temps entraîner la perte de l'Europe.

De ses deux alliés un seul répond à son injonction: l'Autriche. Il saura s'en servir. Berlin est l'empire suzerain. Vienne est l'empire vassal. Si l'Autriche, après avoir pendant plusieurs siècles dominé l'Allemagne, est tombée de chute en chute, au rang de vassale de la Prusse, ce n'est pas faute d'avoir été avertie du péril qui la menaçait.

Dès 1609, le vice-chancelier d'Empire, Strahlendorf, adressa à l'empereur Rodolphe II un mémoire dans lequel il lui conseillait de briser la puissance brandebourgeoise tandis qu'elle n'était encore qu'en voie de formation. Il voyait les Hohenzollern à l'oeuvre, et prévoyait qu'après avoir réuni au Brandebourg le duché de Prusse, Clèves et Juliers, leur ambition croîtrait avec leur puissance, et, comme ils s'étaient convertis au protestantisme, qu'ils ne tarderaient pas à rallier autour d'eux tous les princes luthériens du Nord. Mais cet avertissement ne fut pas entendu et les destins s'accomplirent.

Si l'alliance austro-allemande était l'oeuvre de Bismark, Guillaume II a bien prouvé que l'inféodation actuelle de l'Autriche à l'Allemagne était son oeuvre. La mystérieuse tragédie de Meyerling délivra l'Allemagne des Hohenzollern d'une menace. Mais le drame de Serajévo

Все предыдущее крупными штрихами рисуетъ обдуманность и подготовленность его дѣла.

И когда онъ считаетъ себя готовымъ, когда его часъ пробилъ, когда тѣ, кого онъ намѣтилъ, находятся, по его мнѣнію, въ затруднительномъ положеніи, т. е. когда на нихъ удобно напасть и покорить ихъ, тогда кайзеръ потрясаетъ всю Европу. Въ теченіи двѣнадцати часовъ онъ отмѣняетъ все то, чѣмъ хотѣлъ казаться въ продолженіи двадцати-шестилѣтняго царствованія. Его военная сила—мощная сила, онъ считаетъ ее выше всего, считаетъ непобѣдимой. Ему мало экономическихъ побѣдъ и завоеваній промышленности, мало виѣдренія столькихъ промышленныхъ силъ, нѣмецкаго вторженія къ сосѣдямъ; ему нужно для него и черезъ него торжество его оружія.

Вильгельмъ I сдѣлалъ одно дѣло: „Пруссія, объединившая покоренную, но побѣдоносную Германію.“ Вильгельмъ II тоже хотеть сдѣлать свое дѣло: „Всемирное главенство Германіи.“ Главенство, такъ же безграничное, какъ и его честолюбіе, такое же исполинское, какъ и его гордыня. Германскій деспотъ мечтаетъ сдѣлаться деспотомъ мировымъ. Для того, чтобы достичь этого, онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы. По его мнѣнію миръ былъ гибелью для Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ спасеніемъ для Европы. Онъ хотеть уничтожить эту гибель и въ одно и то же время погубить Европу.

Изъ двухъ его союзниковъ только одинъ отзывается на его призывъ: это Австрія. Онъ сумѣетъ ее использовать. Берлинъ—государство господствующее, Вѣна—государство подручное. Если Австрія, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ владычества надъ Германіей, послѣ цѣлаго ряда поражений, опустилась до степени прусскаго подручника, она тѣмъ не менѣе была предупреждена объ угрожающей ей гибели.

Начиная съ 1609 года Штралендорфъ, вице-канцлеръ Имперіи, обратился къ императору Рудольфу II съ запиской, въ которой совѣтовалъ ему сокрушить бранденбургскую власть, пока она находится только на пути къ развитію. Онъ видѣлъ, что дѣлали Гогенцоллерны, и предвидѣлъ, что, разрушивъ для Бранденбурга Прусское Герцогство, (Clèves et Juliers), ихъ честолюбіе будетъ расти вмѣстѣ съ ихъ могуществомъ, а такъ какъ они перешли въ протестантскую вѣру, то и не замедлятъ объединить вокругъ себя всѣхъ сѣверныхъ принцевъ лютеранъ. Но его предсказанія не послушались, и роковое свершилось.

Если австро-германскій союзъ былъ дѣломъ Бисмарка, то Вильгельмъ II доказалъ, что нынѣшнее подчиненіе Австріи Германіи было его дѣломъ.

Таинственная Мейерлингская трагедія избавила Германію Гогенцоллерновъ отъ одной угрозы. Но Сараевская драма лишила Вильгельма II

priva Guillaume II d'un appui solide. Le vieillard immortel ne mourait peut être pas assez vite; sa survivance à tant de morts semblait contrarier le bouillant Guillaume et il a traité le vieillard allié comme trépassé d'avance. Il s'en est servi comme d'un jouet et s'est emparé du commandement de son armée. La diplomatie autrichienne fût trompée, mise sous séquestre et comme il a été écrit dans le Figaro¹⁾: „L'Autriche des Habsbourg suivit l'Allemagne des Hohenzollern dans son crime, le plus grand crime qui ait été commis contre l'Humanité“.

Guillaume II faisant de son allié, son esclave semblait, après s'être érigé en exécuteur testamentaire, réciter à ses côtés les prières des agonisants. L'octogénaire ne pourra pas mourir en paix, Guillaume II ne l'a pas voulu. C'est encore son oeuvre. Le projet de liquider lucrativement l'allié après s'en être servi sera probablement une phase de son oeuvre. Le Docteur allemand Martin, conseiller d'Empire, ne stipulait-il pas *ex cathedra*: „L'avenir de l'Allemagne exige l'absorption de l'Autriche-Hongrie“. Dans cette guerre la première victime du Kaiser a été l'Autriche.

Veut-il aussi liquider la Turquie? Il l'a dominée depuis des années; aujourd'hui il l'a voulue humblement soumise. Au début de la guerre, sur les rives de la Néva, un ambassadeur de la Porte, rencontrant son collègue de Belgique lui exprima ses condoléances au sujet de la prise de Bruxelles par les armées allemandes. Ce dernier de répondre: mais c'est à moi de vous exprimer des condoléances. Surpris le turc le demanda: pourquoi? C'est bien simple, répondit le belge, c'est parce que vous êtes vaincus par l'Allemagne.

La Turquie, Guillaume II s'en était déjà emparé dans ses voyages retentissants à Constantinople et à Jérusalem. Il préparait par sa présence impressionnante et théâtrale à plier la Porte à son joug. „L'avenir de l'Allemagne, écrivait le Docteur Martin précité, exige l'absorption des Etats balkaniques et de la Turquie“. Donc ordre à la Turquie de marcher contre la Russie est donné par Guillaume II; c'est encore son oeuvre.

Il passe du culte d'Odin, le bon vieux Dieu de la Germanie, à celui de Mahomet. Des forêts mystérieuses où il a encensé l'idole païenne, il passe allégrement à la mosquée et après avoir encensé l'idole, il encense le croissant. Il voudrait que sur son ordre l'Islam se soulevât pour la guerre sainte. Il donne sans compter à la Turquie des généraux

¹⁾ 25 Janvier 1915.

серьезной поддержки. Безсмертный старецъ, можетъ быть, слишкомъ долго не умираетъ; онъ пережилъ столько смертей, и это мѣшало неистовому Вильгельму, и онъ обращался со старикомъ союзникомъ, какъ съ заранѣе отпѣтымъ. Онъ обращался съ нимъ, какъ съ игрушкой, и взялъ въ свои руки командованіе его войсками. Австрійская дипломатія была обманута и отдана подъ надзоръ, какъ было написано въ Фигаро: ¹⁾ „Австрія Габсбурговъ вслѣдъ за Германіей Гогенцоллерновъ пошла по преступному пути, по пути величайшаго преступления противъ Человѣчества.“

Вильгельмъ II, превративъ своего союзника въ раба, поставивъ себя душеприказчикомъ, дѣлалъ видъ, что читаетъ по немъ отходную. Восьмидесятилѣтній старикъ теперь не можетъ умереть спокойно, Вильгельмъ II этого не пожелалъ—и это тоже его дѣло. Планъ выгодно устранить союзника, использовавъ все, что было нужно, будетъ вѣроятно, одной изъ слѣдующихъ ступеней его дѣла. Развѣ тайный совѣтникъ, нѣмецкій врачъ Мартинъ, не провозгласилъ *ex cathedra*: „Будущее Германіи требуетъ поглощенія Австро-Венгріи.“ Въ этой войнѣ Австрія была первой жертвой кайзера.

Хочетъ ли онъ раздѣлаться также и съ Турціей? Онъ властвовалъ тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; теперь онъ захотѣлъ, чтобы она покорила ему совсѣмъ. Въ началѣ войны, на берегахъ Невы, посланникъ Блистательной Порты, встрѣтивъ своего бельгійскаго сотоварища, выразилъ ему свое соболѣзнованіе по поводу занятія Брюсселя германскими войсками. Послѣдній отвѣчалъ: это я долженъ выражать вамъ сочувствіе. Удивленный Турокъ спросилъ: почему? Очень просто—отвѣчалъ бельгіецъ,—потому что Германія васъ побѣдила.

Вильгельмъ II ужъ завладѣлъ Турціей во время своихъ трескучихъ поѣздокъ въ Константинополь и въ Іерусалимъ. Своимъ внушительнымъ и театральнымъ поведеніемъ онъ подготовлялъ Порту къ тому, чтобы наложить на нее свое иго. „Будущее Германіи, писалъ вышеупомянутый докторъ Мартинъ, требуетъ поглощенія Балканскихъ государствъ и Турціи.“ Итакъ, приказъ выступить противъ Россіи отданъ Турціи Вильгельмомъ II; еще одно его дѣло.

Отъ культа Одина, отъ добраго стараго германскаго бога онъ переходитъ къ Магомету. Отъ таинственныхъ роцъ, гдѣ онъ курилъ виміамъ передъ языческимъ идоломъ, онъ весело направляется въ мечеть и, почтя идола, чтитъ полумѣсяцъ. Онъ хочетъ, чтобы по его приказу Исламъ возсталъ для Священной войны. Онъ безъ счету

¹⁾ 25 Января 1915 года.

non pas soldés mais en solde, des canons, des munitions, puis par dessus le marché des promesses et avant tout des ordres. Il fait brûler une lampe sur le tombeau de Saladin. Il commande aux Turcs de combattre à la fois la Russie et l'Angleterre. Cette folle entreprise les fait par elles deux fois vaincus. Reconnaissez là une des conceptions incensées de Guillaume II qui caractérisent son oeuvre.

Dès lors Autriche et Turquie jouent plutôt le rôle d'esclaves sacrifiés que d'alliées. Leur obédience est passive. Les généraux allemands commandent les armées autrichiennes et les armées turques et les ordres de Berlin les conduisent à la boucherie.

Revenons au début de la guerre. Le Kaiser veut la guerre, il est prêt. Son oeuvre préparatoire est achevée. L'Autriche est chargée de donner le signal. Elle sert de prétexte. Les livres de toutes les couleurs vous ont appris en détail ce qui se passa dans les chancelleries diplomatiques. Vous y avez constaté la dissimulation et les mensonges de celui qui veut la guerre; vous y avez admiré la loyauté de ceux qui veulent maintenir la paix.

Voilà que Guillaume II attend les déclarations de guerre des alliés, il entend qu'on la lui déclare et veut être attaqué. Mais, lui impatient se trouve obligé à rompre l'équilibre en lançant un défi à l'Europe.

La Russie d'abord. Il juge affaiblie par la guerre japonaise. Il croit que la vodka lui viendra en aide pour démoraliser les soldats. Il a soudoyé de son or des grèves pour créer un mouvement de révolte. Il s'est trompé. La Russie n'est pas ce qu'il croyait. Aussitôt la déclaration de la guerre, la vodka a été proscrite comme un poison. Ainsi a été supprimée l'ivresse. Quant aux grèves, elles ont cessé comme par enchantement. La guerre patriotique est populaire. Le salut de la Patrie réunit toutes les énergies. En Russie chaque coeur bat à l'unisson de celui de Son Tzar.

La France ensuite. Guillaume II la juge désunie, en proie à des luttes intestines; il la pense antimilitariste, esclave amoureuse du bien-être et incapable d'un effort soutenu. Il connaît le règne en France de cette boisson verte qui détruit les forces physiques et désorganise les facultés cérébrales. Il s'est trompé. Il a été la cause, par la prohibition de l'absinthe, d'une véritable régénération. La France n'était pas ce qu'il croyait. En lui déclarant la guerre, il a supprimé les partis pour l'éclo-

шлетъ Турціи своихъ генераловъ, не оплачиваемыхъ, но съ окладомъ; шлетъ пушки, вооруженіе, въ придачу даетъ обѣщанія, но прежде всего шлетъ приказы. Ежели нужно, зажигаетъ лампаду на могилѣ Саладина. Онъ приказалъ Туркамъ воевать одновременно съ Россіей и съ Англійей. Въ этомъ безумномъ предпріятіи они будутъ дважды побѣждены. Сознайтесь, что это одна изъ тѣхъ безмысленныхъ выдумокъ, которыми отлпчается дѣло Вильгельма II.

Съ этихъ поръ Австрія и Турція играютъ роль скорѣе принесенныхъ въ жертву рабовъ, чѣмъ союзниковъ. Они повинуются слѣпо. Германскіе генералы руководятъ австрійскими и турецкими войсками, а приказы изъ Берлина шлютъ ихъ на бойню.

Вернемся къ началу войны. Кайзеръ желаетъ войны, онъ готовъ къ ней. Подготовительный трудъ законченъ. Австріи поручено дать сигналъ. Она служитъ предлогомъ. Изъ разноцвѣтныхъ книгъ вы подробно узнали, что происходило въ дипломатическихъ канцеляріяхъ. Вы установили притворство и ложь того, кто хотѣлъ войны; вы наблюдали честность тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить миръ.

Итакъ Вильгельмъ II ждетъ объявленія войны союзниками, онъ хочетъ, чтобы ему объявили войну, хочетъ, чтобы на него напали. Но отъ нетерпѣнія онъ вынужденъ нарушить равновѣсіе, бросивъ вызовъ Европѣ.

Сначала Россіи. Онъ считаетъ, что она ослаблена японской войной. Онъ думаетъ, что водка поможетъ деморализаціи солдатъ. Своимъ золотомъ онъ подкупаетъ забастовщиковъ, чтобы вызвать мятежъ. Онъ ошибся. Россія оказалась не такою, какъ онъ ее считалъ. Какъ только война была объявлена, водку запретили, какъ ядъ. Такимъ образомъ пьянство было устранено. Что касается забастовокъ, то онѣ прекратились словно по волшебству. Патріотическая война есть война народная. Защита Родины объединила всѣ силы. Въ Россіи всѣ сердца бьются заодно съ сердцемъ Царевымъ.

Затѣмъ Франція. Ее Вильгельмъ II считалъ разрозненной, раздираемой междоусобными распрями; онъ считаетъ ее антимилитаристкой, рабой, влюбленной въ наслажденіе и неспособной къ напряженнымъ усиліямъ. Онъ знаетъ, что во Франціи царствуетъ зеленый напитокъ, истощающій тѣлесныя силы и разрушающій умственные способности. Онъ ошибся. Благодаря запрещенію абсента, Вильгельмъ самъ сталъ причиной истиннаго возрожденія. Франція была не такова, какою онъ ее считалъ. Объявляя ей войну, онъ не усчиталъ возможности расцвѣта и полнаго единенія, онъ самъ убилъ антимилитаризмъ; любовь

sion d'unité parfaite, il a tué l'antimilitarisme; il a remplacé l'amour du bien-être par l'amour du devoir. Il a transfiguré la France. Il a imprimé à nos compatriotes un élan sublime de fiéreté Nationale.

Guillaume II en spéculant sur les faiblesses des deux alliés ses ennemis les a fortifiés, les a plus étroitement unis et a doublé, triplé, quadruplé leurs forces morales. Telle est son oeuvre.

Il enfreint, il viole la neutralité de la Belgique. Il l'insulte par ses ultimatum. Ce petit royaume est pour lui une puissance négligeable, sans armée, destinée au servage. Il s'est trompé. La Belgique n'est pas ce qu'il croyait. Ce vaillant peuple a tenu en échec, durant plus d'un mois, les écrasantes hordes teutones et, tout entier, depuis son Roi jusqu'au dernier de ses sujets a formé une immortelle phalange de héros et de martyrs. Guillaume II en Belgique accomplit la plus infâme partie de son oeuvre.

Son oeuvre était un outrage à l'honneur de l'Europe. Cet outrage fit tressaillir l'Angleterre où le culte de l'honneur tient une si large place et avec nous, avec la Russie, avec la Belgique elle veut venger l'honneur menacé. Ici aussi Guillaume II s'est trompé. En Grande Bretagne comme en France, en Russie, et en Belgique il n'y eut qu'un cri: Sauvons le Droit, la Liberté, l'honneur. Guillaume II éprouve des surprises en accomplissant son oeuvre.

Férocity des généraux, des officiers, des soldats allemands; Servilité, hypocrisie des savants allemands; tels sont les résultats de l'action toxique des bacilles du bouillon de Kultur germanique soigneusement cultivés pour l'inoculation des volontés du néfaste souverain. L'influence exercée sur les fauteurs de son activité dévorante n'est pas un des moindres caractères de son oeuvre.

Comme l'a exprimé M. Delafosse, député: „La Kultur spéciale qui élabora ce programme de guerre, puis en ordonna l'exécution, est le plus monstrueux phénomène de barbarie qui ait jamais terrifié le monde.“¹⁾

Pour se disculper, nos ennemis se servent de ces mots: „c'est la guerre.“ Oui c'est la guerre, mais la guerre à la manière du milita-

¹⁾ Jules Delafosse. Les sanctions finales, Echo de Paris 16 Janvier 1915.

къ благамъ жизни онъ замѣнилъ чувствомъ долга. Онъ переродилъ Францію. Онъ внушилъ нашимъ соотечественникамъ чудесный порывъ Національной гордости.

Играя на слабыхъ струнахъ своихъ враговъ, обоихъ союзниковъ, Вильгельмъ II укрѣпилъ, тѣснѣе сблизилъ ихъ, удвоилъ, утроилъ, учтивилъ ихъ нравственныя силы. Вотъ его дѣло.

Онъ нарушаетъ, онъ насилуетъ право Бельгіи. Своими ультиматумами онъ ее оскорбляетъ. Для него это маленькое королевство—ничтожная величина, безъ войска, обреченная на рабство. Онъ ошибся. Бельгія не такова, какою онъ ее считалъ. Этотъ доблестный народъ въ теченіи мѣсяца слишкомъ сдерживалъ сокрушительныя тевтонскія полчища, и весь единый, начиная съ Короля и кончая послѣднимъ подданнымъ, создалъ безсмертный сонмъ богатырей и мучениковъ. Въ Бельгіи Вильгельмъ II совершилъ самую безчестную часть своего дѣла.

Его дѣло было оскорбленіемъ европейской чести. Отъ этого оскорбленія дрогнула Англія, гдѣ культъ чести стоитъ такъ высоко, и вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ Россіей и Бельгіей она хочетъ отомстить за угрожаемую честь. Здѣсь Вильгельмъ II опять ошибся. Въ Великобританіи, какъ во Франціи, Россіи и Бельгіи, вездѣ послышался одинъ призывъ: спасемъ Право, Свободу, Честь. Приводя въ исполненіе свое дѣло, Вильгельмъ II наталкивается на неожиданности.

Звѣрства нѣмецкихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, подлость и лицемеріе нѣмецкихъ ученыхъ, таковы послѣдствія ядовитаго вліянія микробовъ германской культуры, тщательно выращенныхъ для прививки повелѣній злополучнаго государя. Ихъ вліяніе на защитниковъ этой гибельной дѣятельности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ во всемъ его дѣлѣ.

Депутатъ Делафоссъ говоритъ такъ: „Особая kultur, выработавшая такой планъ войны и затѣмъ отдавшая приказъ начать ее, есть самое чудовищное проявленіе варварства, которое когда-либо видѣлъ міръ.“¹⁾

Чтобы оправдаться, наши враги пользуются словами: „это война.“ Да война, но война по образцу нѣмецкаго милитаризма, понимая такъ, какъ ее понимаетъ его верховный глава, а не та война, какъ ее пони-

1) Jules Delafosse. Les sanctions finales. Echo de Paris, 16 janvier 1915.

risme allemand, telle que la comprend son chef suprême et non la guerre telle que nous français, russes, anglais, belges, japonais, serbes nous la comprenons. Nous combattons pour l'honneur et avec honneur.

Le maréchal von Hindenburg va plus loin il a déclaré dans la Neue Freie Presse de Vienne: „on ne fait pas la guerre avec de la sentimentalité. Plus la guerre est faite impitoyablement plus elle est humaine, au fond, car elle prendra fin plus vite. Les méthodes de guerre qui amènent la paix avec plus de promptitude sont et demeurent les plus humaines.“

M. Hanotaux a brillamment réfuté cette erreur: „Eh bien les faits prouvent que sur ce point comme sur tant d'autres, les Allemands sont de médiocres psychologues. Ils ont dit une bêtise et parce qu'ils l'ont dite, ils veulent que tout le monde la croie: c'est une bêtise de plus, voilà tout. Il en est des affirmations de Hindenburg, comme de celles de Bethmann Hollweg sur le chiffon de papier.

A la façon dont ce dernier plaide sa cause. on voit qu'il la sent perdue: il a cette pancarte plaquée dans le dos jusqu'à la consommation des siècles. Un sort pareil attend la déclaration du maréchal.

Dire qu'on rend les guerres plus courtes en les faisant plus sangui- naires, c'est non seulement une chose affreuse, c'est aussi une erreur de jugement absolue. La violence poussée à ce point crée la fureur, développe l'esprit de vengeance, les haines inexpiables. les résolutions farouches. la volonté de lutter jusqu'à la mort. Les faits sont là.“¹⁾

Comme l'a écrit M. Barrès: „nos ennemis ont fabriqué une extraordinaire artillerie idéologique, si j'ose le dire, et des arguments de tous calibres.“

Ne l'oublions pas, ces généraux font la guerre d'une façon criminelle et ils écrivent aussi d'une façon criminelle. Ils déshonorent à la fois et leur épée et leur plume. Voyons en eux les porte-paroles de leur chef suprême et l'émanation de l'esprit qui le dirige dans son oeuvre. Loin de moi la pensée d'atténuer la responsabilité des hordes barbares et de ceux qui les conduisent. Cette bande de bourreaux serviles ne sera jamais assez honie et méprisée. Mais c'est à l'Empereur d'Allemagne

¹⁾ Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro 1-e février 1915

мають Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Японцы, Сербы. Мы воюемъ за честь и съ честью.

Фельдмаршалъ Гинденбургъ идетъ дальше и заявляетъ въ Вѣнской Neue Freie Presse: „Съ сантиментальностью нельзя воевать. Чѣмъ война безпощаднѣе, тѣмъ она въ сущности человѣчнѣе, потому что она скорѣе кончается. Способы веденія войны, какъ можно скорѣе приводящіе къ миру, были и останутся самыми человѣчными.“

Г-нъ Ханото блестяще опровергаетъ подобное заблужденіе: „Событія показываютъ, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нѣмцы являются плохими психологами. Они сказали глупость, и потому только, что они ее сказали, хотя бы всѣ ей повѣрили: вотъ еще одна глупость, только и всего. Сюда относятся заявленія Гинденбурга, а также и Бетманнъ-Гольвега о клочкѣ бумаги.

„По тому способу, какимъ послѣдній защищаетъ свое дѣло, ясно видно, что оно проиграно: эти слова до скончанія вѣковъ запечатлѣны на его спинѣ каторжнымъ клеймомъ. Подобная же участь ожидаетъ и заявленіе фельдмаршала.

„Говорить, что война тѣмъ скорѣе кончается, чѣмъ она кровопролитнѣе, значитъ не только сказать ужасную вещь, но также и сдѣлать громадную ошибку противъ правильнаго мышленія. Насиліе, доходящее до такой степени, создаетъ ярость, развиваетъ духъ мщенія, неизгладимую ненависть, жестокую рѣшимость, желаніе бороться не на жизнь, а на смерть. Таковы факты.“¹⁾

Баррэ пишетъ: „Наши враги выработали особую мыслительную артиллерію, если можно такъ выразиться, и приводятъ различныя доказательства всевозможныхъ образцовъ.“

Не забудемъ, что эти генералы ведутъ войну преступными способами, и пишутъ тоже преступнымъ образомъ. Они опозорили въ одно и то же время и свою шпагу, и свое перо. Въ нихъ мы видимъ лишь рупоры ихъ верховнаго вождя и развитія духа, направляющаго его дѣятельность. Я далекъ отъ мысли умалять отвѣтственность дикихъ ордъ и тѣхъ, кто ими руководитъ. Мало проклинать и презирать эту шайку подлыхъ палачей. Но нужно добратъся и до Германскаго Импе-

1) Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro, 1-er février 1915.

qu'il faut remonter, car il couvre de son autocratie l'aberration de tout son peuple. Il résume les responsabilités de ses agents en assumant celle de son oeuvre.

Le grand coupable qui se présente actuellement au jugement du monde entier occupera une terrible place dans l'histoire des souverains qui ont voulu par des hécatombes se créer une omnipotence aussi forte que redoutable. Il a préparé, il a causé un ébranlement et un bouleversement général. Il a agi sur le tempérament mondial tel qu'il était en 1914 comme agit un stupéfiant. Il a spéculé sur cet amour de la paix qui animait ses voisins, il a cherché à faire croire qu'il le partageait. Durant qu'il préparait la guerre, il encourageait incidieusement les tendances délétaires chez ceux qu'il allait attaquer. De la sorte il poursuivait son oeuvre.

Son oeuvre, Guillaume II la peint aux nations neutres sous un faux jour. Chez elles il entretient une campagne de mensonges, chez elles il a des agents. Ses diplomates font des efforts surhumains et multiplient des promesses sans bornes et sans avenir.

Guillaume II a tout prévu excepté l'encerclement de son empire, encerclement complet aujourd'hui, car il est entouré d'ennemis déclarés ou d'ennemis latents. Et l'on voit combien sage et prévoyante était la politique de M. Delcassé. Encerclement politique, militaire, économique et financier. „Le fauve est bien et irrémédiablement enfermé dans sa cage. Il n'en peut plus sortir. Il ne peut plus s'y nourrir que des restes de ses rapines.“¹⁾

Cette situation critique, c'est son oeuvre car elle dérive de la guerre. Or qui a déclaré la guerre à la Russie puis à la France? Qui, par la violation de la neutralité belge a contraint à la guerre la Grande Bretagne? Cette guerre mondiale qui l'a voulue, qui l'a cherchée si non Guillaume II?

Au mépris du droit, le blocus fictif des côtes anglaises est décrété par l'Allemagne. Ce n'est plus la guerre, s'est le brigandage de la grande route de la mer; c'est la piraterie; c'est une crise d'un orgueil colossal qui fait lancer par le Kaiser contre les nations neutres ce manifeste de provocation. Voilà une nouvelle phase de l'oeuvre de Guillaume II.

¹⁾ A. Fitz-Maurice. L'Encerclement. Figaro 11 février 1915.

ратора, потому что своей державной властью онъ прикрываетъ заблужденія своего народа. Онъ утверждаетъ дѣла своихъ чиновниковъ, принимая на себя отвѣтственность за свое дѣло.

Великій преступникъ, стоящій теперь передъ судомъ цѣлаго міра, займетъ страшное мѣсто въ исторіи государей, цѣною кровопролитія пожелавшихъ создать себѣ всемогущую власть, столь же сильную, сколь и опасную. Онъ подготовилъ, онъ создалъ всеобщее потрясеніе и переворотъ. Онъ воздѣйствовалъ на міровой темпераментъ, такой, какимъ онъ былъ 1914 году, такъ, какъ дѣйствуетъ только безумецъ. Онъ игралъ на той любви къ миру, которая вдохновляла его сосѣдей, онъ старался заставить ихъ повѣрить, что и онъ раздѣляетъ съ ними эту любовь. Подготавливая войну, онъ дѣятельно поощрялъ тлетворныя склонности тѣхъ, на кого хотѣлъ напасть. Такимъ образомъ онъ преслѣдовалъ свои цѣли.

Нейтральнымъ народамъ Вильгельмъ II представляетъ свое дѣло въ ложномъ свѣтѣ. У нихъ онъ ведетъ цѣлую кампанію лжи, для нихъ у него есть свои агенты. Его дипломаты употребляютъ сверхчеловѣческія усилія и не скупятся на безграничныя и безконечныя обѣщанія.

Вильгельмъ II предвидѣлъ все, кромѣ блокады своей Имперіи, блокады, теперь уже полной, потому что онъ окруженъ явными врагами и врагами тайными. Теперь ясно, насколько мудрой и дальновидной была политика Делькассэ: политика политической, военной, экономической и финансовой блокады. „Дикій звѣрь крѣпко и безнадежно запертъ въ клѣткѣ. Онъ не можетъ убѣжать. Онъ можетъ питаться только остатками отъ своихъ грабежей.“¹⁾

Это крайнее положеніе—его дѣло, потому что оно явилось послѣдствіемъ войны. Потому что, кто же объявилъ войну Россіи, а затѣмъ и Франціи? Кто же, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, втянулъ въ войну Великобританію? Кто же хотѣлъ, кто искалъ эту міровую войну, кромѣ Вильгельма II?

Вопреки праву, Германіей объявлена фиктивная блокада англійскихъ береговъ. Это уже не война, а разбой на большой дорогѣ и на морѣ: это пиратство; этотъ переломъ въ исполинской гордости, заставляющій кайзера бросить нейтральнымъ народамъ этотъ вызывающій приказъ. Вотъ новая ступень дѣятельности Вильгельма II.

1) A. Fitz-Maurice, L'Encerclement. Figaro, 11 février 1915.

Cette phase intéresse directement les neutres. Lorsqu'ils se croient à l'abri derrière leur craintive neutralité, on annonce qu'on coulera leurs vaisseaux corps et biens. Cet ultimatum brutal succède à la cour faite aux neutres pour obtenir leurs faveurs et leurs concours.

La campagne de Guillaume II pour gagner les neutres à sa cause a produit l'effet contraire à celui qu'il espérait. „Après avoir usé d'une feinte douceur, l'Allemagne passe à la terreur qu'elle répand parmi les neutres, puis elle tente de leur inspirer de la pitié. Elle montre son peuple de 70 millions d'âmes que les commerçants anglais cherchent à faire mourir de faim. Elle invoque à son profit les méthodes de guerre humanitaires.“¹⁾

Là ne se borne pas l'activité du Kaiser; dans une tentative suprême elle s'est appliquée à désunir les alliés. Or ses essais n'ont fait que rendre leurs rapports plus étroits, plus intimes, qu'affermir leur volonté d'écraser les barbares qui déshonorent le XX-e siècle.

Son oeuvre, avant d'être achevée, a déjà valu bien des malédictions au souverain néfaste. On l'a dit fou, malade, que sais-je encore? Alors, si il est fou, comment se fait-il que ses millions de sujets le conservent comme empereur? Aurait-il communiqué un désordre mental à tout son peuple? Les allemands sont-ils devenus fous d'orgueil et d'ambition à la ressemblance de leur monarque? Ce n'est pas impossible. Si il est malade, comment peut-il se promener constamment de l'Est à l'Ouest de l'Europe? Comment peut-il, en commandant suprême, diriger cette guerre formidable?

Puisqu'il est considéré comme fou et malade à la fois—à la folie, à la maladie—il faut opposer un remède radical et ce remède sera sans doute choisi par une consultation européenne.

Dans cette consultation, on examinera avec soin le cas de la personnalité soumise aux autorités compétentes; on examinera minutieusement comment elle s'est comportée depuis le début de la crise datant de Juillet 1914, et cela, après avoir analysé les symptômes qui l'ont précédé. On examinera sa conduite vis à vis de ses pairs, vis à vis de ses subordonnés. Suivra l'énumération des accès fiévreux du mal: l'excitation traduite par des colères, par des exigences désordonnées, par des mou-

¹⁾ Jean Herbette. A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris. 19 février 1915.

Эта ступень затрагиваетъ именно нейтральныя государства. Прячась за свой трусливый нейтралитетъ, они считаютъ себя въ безопасности, а имъ заявляютъ, что ихъ суда пустятъ ко дну вмѣстѣ съ грузомъ и людьми. Эготъ грубый ультиматумъ смѣнилъ ухаживанія за нейтральными государствами для того, чтобы снискать ихъ расположеніе и поддержку.

Походъ Вильгельма II на нейтральныя государства окончился совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. „Испробовавъ притворную нѣжность, Германія переходитъ къ запугиванію нейтральныхъ государствъ, потомъ она пытается взывать къ ихъ чувству жалости. Она старается показать, что англійскіе промышленники хотятъ умерить съ голоду все ихъ населеніе, 70 милліоновъ душъ. Для своей пользы она ссылается на человѣчные способы веденія войны“¹⁾.

Дѣятельность кайзера этимъ не ограничивается; онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку—старается посорить союзниковъ. Но всѣ эти усилія только сближаютъ ихъ, дѣлаютъ ихъ отношенія болѣе тѣсными, упрочиваютъ ихъ стремленія раздавить варваровъ, позорящихъ XX-й вѣкъ.

Его дѣло, еще не законченное, уже навлекло немало проклятій на голову злополучнаго государя. Его называли сумасшедшимъ, больнымъ, не знаю, какъ еще? Но если онъ сумасшедшій, какъ же милліоны его подданныхъ все еще считаютъ его своимъ императоромъ? Можетъ быть, онъ заразилъ безуміемъ весь свой народъ? Можетъ быть, нѣмцы помѣшались на гордости и честолюбіи, на подобіе своего владыки? Это не совсѣмъ невозможно. Но если онъ боленъ, какъ же онъ можетъ постоянно переѣзжать съ запада Европы на востокъ? Какъ же онъ можетъ, въ качествѣ высшаго вождя, руководить этой сложной войной?

Если его счптаютъ сумасшедшимъ и въ то же время больнымъ, то нужно найти исчерпывающее средство противъ безумія и противъ болѣзни, и, конечно, это лѣкарство будетъ избрано на европейскомъ совѣтѣ.

На этомъ совѣтѣ будетъ тщательно разсмотрѣно дѣяніе того, кто подлежитъ суду свѣдущихъ лицъ; будетъ внимательно изучено, какъ онъ велъ себя съ самаго начала рѣзкаго переворота въ іюлѣ 1914 года, и это будетъ сдѣлано послѣ того, какъ будутъ разсмотрѣны всѣ предшествующіе признаки болѣзни. Будутъ разсматривать его поведе-

¹⁾ Jean Herbet. A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris, 19 février 1915.

vements sacadés par des paroles terribles, par l'amour du bruit, par le manque de sommeil, par des visions et autres manifestations anormales.

La consultation portera sur les efforts du sujet soumis à l'expérience éprouvée des célébrités vouées aux sciences morales et politiques, efforts pour dominer et moyens employés dans ce but. Le sujet qu'on examine ne serait-il pas enragé? C'est-on demandé. Est-ce un homme ou un Sur-homme? Est-ce un possédé? Et les docteurs en diplomatie de discourir sur les diagnosties. Les phénomènes de la vie du patient, depuis qu'il se plaint de tout le monde et que tout le monde se plaint de lui, sont solennellement énoncés. Les voici:

oubli de la parole donnée;
destruction des chiffons de papier;
propension au mensonge;
fréquents accès de pillage;
soif de sang; hécatombes militaires;
sacrifices de victimes humaines, vieillards, femmes et enfants après mutilations;
achèvement des blessés;
besoin intermittent et fréquent d'incendier;
goût tout particulier pour multiplier les ruines;
dégoût prononcé de l'honneur.

L'assemblée unanime s'écrie: „horreur!“ Quelle oeuvre monstrueuse!“

Les consultants sont d'accord pour déclarer le cas comme étant très grave. Aucun d'eux n'en a observé de semblable depuis qu'il exerce. Aucun d'eux n'a pu, dans les annales, découvrir de situation similaire. Cas unique déclare la faculté. Alors quel remède opposer au mal?

Une carte géographique de l'Europe s'offre aux regards des membres de cette conférence sanitaire. D'un commun accord les consultants indiquent le centre de la carte. Là est le mal, disent-ils. Puis plus bas: Là sont les parties contaminées.

Les sommités imbues de leur grave responsabilité proposent tout d'abord des saignées successives et une diète rigoureuse. Finalement les plus autorisés par leur compétence tombent d'accord sur la nécessité subséquente d'une intervention chirurgicale. Quand y procéderez vous,

ніе по отношенію къ его сановникамъ, по отношенію къ его подчиненнымъ. Послѣдуетъ перечисленіе лихорадочныхъ приступовъ болѣзни: возбужденіе, выражаемое гнѣвомъ, беспорядочными приказами, порывистыми движеніями, грозными словами, пристрастіемъ къ шуму, безсонницей, галлюцинаціями и другими ненормальными явленіями.

Совѣщаніе сошлетса на усилія указаннаго лица, отданнаго подъ власть свѣтилъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, усилія, направленные къ тому, чтобы овладѣть собой, и тѣхъ средствъ, которыя употреблялись для достиженія этой цѣли. Развѣ испытуемое лицо не придетъ въ бѣшенство? спросите вы. Человѣкъ это, или сверхъ-человѣкъ? Или онъ одержимый? И докторамъ дипломатіи есть о чемъ побесѣдовать съ врачами—діагностами. Тогда будутъ торжественно оглашены нѣкоторыя явленія въ жизни паціента, съ тѣхъ поръ, какъ онъ жалуется на весь свѣтъ, а весь свѣтъ жалуется на него. Вотъ они:

Забытое честное слово.

Уничтоженіе клочковъ бумаги.

Склонность ко лжи.

Частые приступы разбоя.

Жажда крови; военныя гекатомбы.

Принесеніе человѣческихъ жертвъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, послѣ предварительнаго калѣченія ихъ.

Добиваніе раненыхъ.

Непреодолимая и частая потребность въ пожарахъ.

Особое пристрастіе къ умноженію числа развалинъ.

Ясно выраженное отвращеніе къ чести.

Собраніе единодушно восклицаетъ: „Ужасно! Что это за чудовищное дѣло!“

Совѣщающіеся согласны объявить этотъ случай очень тяжелымъ. За все время практики ни одному изъ нихъ не доводилось наблюдать ничего подобнаго. Въ лѣтописяхъ ни одинъ изъ нихъ не встрѣчалъ подобнаго положенія дѣлъ. Власти объявляютъ этотъ случай единичнымъ. Но какое же лѣкарство прописать противъ такой болѣзни?

Передъ глазами участниковъ этого санитарнаго совѣта находится карта Европы. По общему побужденію совѣщающіеся указываютъ на самую середину этой карты. Вотъ гдѣ зло, говорятъ они. Потомъ показываютъ немного ниже: здѣсь зараженные части.

Знаменитости, проникнутые важностью лежащей на нихъ ответственности, принимая во вниманіе все вышесказанное, прежде всего предлагаютъ по временамъ кровопусканія и соблюденіе строгой діеты. Подъ конецъ самые освѣдомленные изъ нихъ соглашаются, что послѣ этого необходимо хирургическое вмѣшательство. Когда же вы къ нему

maîtres? demandent quelques neutres et ils ajoutent: notre concours alors vous sera acquis.

A ce moment, le sujet soumis malgré sa volonté à cette consultation obligatoire rassemble ses forces déjà épuisées, foudroie d'un regard injecté de sang les émissaires de la santé publique et menaçant encore il leur crie: et moi!

Alors les sages docteurs se retirèrent se donnant mutuellement un prochain rendez vous. Ils rédigèrent un bulletin ainsi libellé:

„Cas grave. Symptômes morbides. Situation inquiétante. Intervention chirurgicale nécessaire. Avant d'y procéder une déperdition de forces chez le sujet en traitement est jugée indispensable. Les praticiens se trouveront prochainement réunis pour opérer lorsqu'ils jugeront le moment venu.“

„Le présent bulletin sera porté à la connaissance du public.“

L'oeuvre salutaire apportera, l'unique, l'irréductible remède pour mettre fin à l'oeuvre délétère de celui qui a voulu répandre partout le mal et la mort.

Alors Guillaume II, fléau de l'humanité, verra sombrer son oeuvre déjà sur son déclin. L'Europe Vengeresse rendra victorieux son honneur menacé. Le droit et la Liberté, meurtris par le joug barbare reprendront leur rôle immortel. Alors les alliés: Français, Russes, Anglais, Belges, Serbes et Japonais recevront des lauriers de la civilisation triomphante et reconnaissante.

Baron de Baye.

Pétrograd. Mars 1915.

приступите, господа? спрашиваютъ нѣкоторыя нейтральныя особы, и прибавляютъ: тогда и наша помощь будетъ вамъ обезпечена.

Въ эту минуту лицо, противъ своей воли подвергнутое неизбежной консультаціи, собирается съ послѣдними силами, и съ налитыми кровью глазами бросаетъ молніеносный взглядъ на публичное собраніе санитарнаго совѣта, и, все еще грозя, кричитъ имъ: А Я!

Тогда мудрые врачи удалились, давъ другъ другу слово собраться въ слѣдующій разъ. Они издали бюллетень, составленный такимъ образомъ:

„Случай тяжелый—признаки его смертельны. Положеніе опасное. Хирургическое вмѣшательство необходимо. Прежде чѣмъ приступить къ нему, для лѣченія считается необходимой потеря силъ у больного. Пользующіе врачи находятъ необходимымъ собраться для совмѣстной работы въ ближайшемъ будущемъ, когда найдутъ, что подходящее время наступило.“

„Этотъ бюллетень будетъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія.“

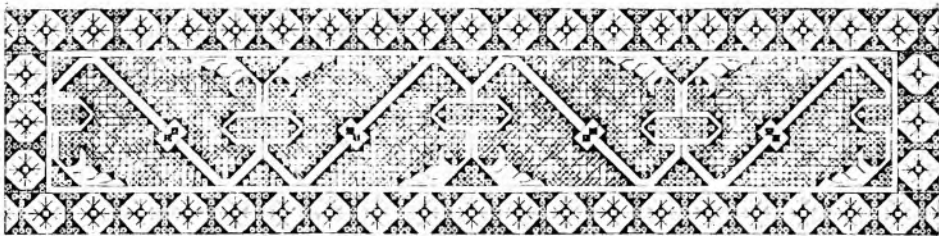
Спасительное дѣяніе дастъ единственное, неизмѣнное лѣкарство, чтобы положить конецъ смертельному дѣлу того, кто захотѣлъ повсюду разсѣять горе и смерть.

Тогда Вильгельмъ II, бичъ человѣчества, увидитъ, что его дѣло проиграно. Европа—Мстительница побѣдоносно вернетъ себѣ свою честь, которой онъ грозилъ. Право и Свобода, сдавленные варварскимъ игомъ, опять возьмутъ на себя свою бессмертную роль. Тогда союзники: Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Сербы и Японцы увѣнчаютъ себя лаврами торжествующей и благодарной цивилизаціи.

Баронъ де Бай

Петроградъ, Мартъ 1915 года.

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКАГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

Во время короткаго шествія правительницы, вся толпа любопытныхъ, состоящая разумѣется изъ однихъ мужчинъ,—иначе быть не можетъ въ мусульманскихъ странахъ,—преклоняла голову, прикладывая правую руку къ околышку шапки и говорила въ полголоса: „саламъ алекумъ Кистемана-Беке“¹⁾). Всѣ эти люди любили правительницу, которую большая часть изъ нихъ въ первый разъ видѣла или воображала, что видитъ. Какимъ это образомъ? спросите вы. Вотъ вамъ объясненіе: Умаханъ, покойный мужъ Кистеманы умѣлъ окружать себя людьми мудрыми, благонамѣренными и преданными родинѣ своей; онъ былъ бичъ и каратель корыстолюбцевъ, обогащающихся притѣсненіями, искателей почестей посредствомъ гнусныхъ происковъ. Изгнавъ и удаливъ изъ Аваріи всѣхъ иноплеменниковъ, онъ любилъ и цѣнилъ бековъ своей земли, которые помогали ему управлять народомъ, будучи съ малолѣтства приучены почитать своихъ предковъ и ихъ дѣянія. Молодые беки росли съ своимъ поколѣніемъ, и почерпая свѣдѣнія изъ преданій старины, постоянно, собственнымъ опытомъ, роднились съ нуждами, потребностями и чувствами соотчичей; такимъ образомъ любовь и взаимное движеніе было составомъ узъ, связывающихъ всѣ сословія въ Аваріи. Кистемана, умная и благородная женщина, придерживалась правилъ мужа, и слѣпо слѣдовала правительственному направленію, имъ данному; она до того опасалась чужестранцевъ, что даже своихъ родныхъ выпроваживала скорѣе изъ Хунзака. Сама же никогда ихъ не приглашала; по этому самому народная гордость Аварцевъ оставалась признательна, что ее не оскорбляютъ зависимою отъ пришлецовъ и насильниковъ. Аварцы тѣмъ болѣе цѣнили свое

¹⁾ *Беке*, титулъ ханскихъ женъ.

положеніе, что видѣли ежедневно примѣры противнаго въ сосѣдственныхъ ханствахъ, гдѣ искатели приключеній, желая обогатиться трудами чуждаго имъ племени, захватывали бразды правленія и, угнетая народъ, заставляли его терпѣть бѣдность и роптать. Аварцы сравнивали своихъ сосѣдей съ собою, и, разумѣется, любовь и благодарность были справедливымъ возмездіемъ мудрой Кистеманъ. Строгія, но справедливыя казни обезпечивали общественное спокойствіе. Къ довершенію всего, всѣ допускаемые до правительницы превозносили ея умъ, доброту, внимательность, справедливость и твердость духа, безъ мстительности и самоуправства. Все это заставляло даже тѣхъ, которые не видывали Кистеманы, любить ее съ благоговѣніемъ и благодарностію, теперь же привѣтствовать.

Вдова вошла въ Кувакскую, и всѣ присутствующіе съ благоговѣніемъ встали. Когда она дошла до Ханскаго сѣдалища, тогда Эеренди сдѣлалъ ей знакъ вступить на мѣсто, освященное властію. Снявъ туфли, она обернулась къ собранію; Эеренди просилъ ее сбросить чадру, ибо, говорилъ онъ, тутъ все люди, передъ которыми всякая женщина по заповѣди пророка, должна раскрыться; потомъ пригласилъ ее сѣсть—и все собраніе сѣло. ¹⁾ Кистимана также усѣлась на бархатный коверъ, сложивъ ноги подъ себя и облокотясь на парчевыя подушки. Спустивъ чадру, она показала присутствующимъ свое прекрасное лицо, еще въ полномъ цвѣтѣ молодости: необыкновенный умъ игралъ въ ея выраженіи; а роскошная шея красилась подъ тягостью драгоценныхъ камней и жемчуговъ. Ея женщины стали по обѣимъ сторонамъ ханскаго сѣдалища

Маститый Эеренди, славившійся даромъ слова, въ предлинной рѣчи, растянутой всеми цвѣтами аллегоріи азіатскаго краснорѣчія, высказалъ правительницѣ цѣль депутаціи и отъ имени всего народа просилъ ее выбрать одного изъ двухъ предлагаемыхъ жениховъ. Въ заключеніе объявилъ, что его грѣшными, беззвучными устами говорили всѣ присутствующіе, которые въ знакъ подтвержденія важно опустили головы, прикладывая правую руку къ сердцу. Умная и хитрая Кистемана съ достоинствомъ, смѣло отвѣчала слѣдующимъ образомъ:

„Достойный Эеренде и почтенные, мудрые Аварцы! да продлитъ Аллахъ дни ваши и до сохранитъ достоинства всѣхъ и cadaго! Аварскіе Ханы всегда считали свой народъ своимъ семействомъ,—и я, представительница юной нашей владѣтельницы, не могу иначе видѣть себя какъ посреди одного большаго семейства, называемаго Аварскимъ.

¹⁾ У азіатцевъ женщина тогда только можетъ сѣсть, когда всѣ мужчины сядутъ.

Среди своихъ. первымъ условіемъ должно быть чистосердечіе. Зачѣмъ же вы не скажете мнѣ прямо и просто свое желаніе? Зачѣмъ скрывать истину отъ родной своей? Зачѣмъ вынуждать меня ее переводить? Я вкратцѣ изложу вамъ настоящее. Аварія не довольна своей правительницей, а такъ какъ она мать юной ханши, вы опасаетесь найти слишкомъ сильное сопротивленіе во мнѣ, чтобы уступить бразды правленія другому; по этому вы хотите выдать меня замужъ, чтобы мужъ мой былъ вмѣстѣ и правителемъ! Но скажите, можете ли вы поручиться, что онъ со временемъ не содѣлается Ханомъ? А Паху-Беке, послѣдняя отрасль цѣлаго ряда доблестныхъ вашихъ князей, отцовъ Аварскаго народа, не будетъ изгнана? Вы забыли, что новое Ханское поколѣніе не будетъ имѣть богатѣйшаго наслѣдства Аварскаго дома—преданій о любви народной, о добродѣтеляхъ и преданности къ Отечеству Великихъ Хановъ, дѣдовъ и прадѣдовъ Паху—Беке! Вы забыли, что въ этомъ наслѣдіи таится залогъ блага подвластныхъ и отечества!... Пускай народъ требуетъ отъ меня всего что нужно ему для счастья своего, я сочту себя счастливою пожертвовать жизнью для него, съ радостію сложу съ себя власть и званіе правительницы, если онъ не доволенъ, несчастливъ моимъ правленіемъ; но я слишкомъ предана, слишкомъ привязана къ Аварскому народу, чтобы согласиться лишить Паху-Беке ея отцовскаго наслѣдія, а соотчичей—вѣрнѣйшаго залога ихъ грядущаго благоденствія.

Кистемана умолкла. Она приняла на себя видъ сильнаго душевнаго безпокойства, глубокой тоски, но непоколебимой твердости.

Не смотря на всѣ старанія сохранить должную степенность, весь сонмъ слушателей, къ концу ея рѣчи, оказывалъ признаки возрастающаго негодованія и нетерпѣнія. Самъ Эеренди провелъ неоднократно дряхлую рукою по длинной бородѣ своей такъ крѣпко, что еслибъ другой ему это сдѣлалъ, онъ сказалъ бы, что его выдрали за бороду.

Лишь только Кистемана замолчала, какъ со всѣхъ сторонъ послышались слова: „Эеренди! Увѣрь Кистеману Беке, что намъ правительницы лучше быть не можетъ; весь народъ ее благословляетъ и готовъ лечь за нее и за право Паху-Беке; одинъ врагъ отечеству можетъ покуситься на права юной Ханши! Изъясни нашу просьбу, желаніе народа!“

Словоохотный старикъ не заставилъ себя повторить; онъ началъ новую длинную рѣчь, въ которой исчислилъ всѣ доблести покойныхъ Хановъ и увѣрялъ въ привязанности народа къ ихъ памяти и поколѣнію, въ преданности его Паху-Беке, перебралъ всѣ рѣдкія качества

Кистеманы, выхваляя ея мудрое правленіе, говорилъ о любви и преданности къ ней всего народа, который желаетъ лишь устроить и упрочить ея счастье. Даже и замужемъ она должна оставаться правительницею, а мужъ ея будетъ только первымъ ея тѣлохранителемъ; другой владѣтельной особы они не примутъ, покуда Ханша жива; но еслибъ Аллахъ въ премудрости своей и ниспослалъ смерть на Паху-Беке, то и тогда они не захотятъ другаго владѣтеля, кромѣ Кистеманы, которая приметъ званіе Ханши. Эренди кончилъ рѣчь словами: „во всемъ сказанномъ мною клянусь передъ Аллахомъ четомъ и нечетомъ, утреннимъ и вечернимъ намазомъ, мечемъ своимъ!“ Всѣ присутствующіе въ восторгѣ повторили клятву.

Кистемана, слушавшая слова почтеннаго старца съ видомъ смущенія и застѣнчивости, внутренно торжествовала. Она нагнула милосердную свою головку въ знакъ признательности за клятву — и слеза благодарности къ зрителямъ, а по истинѣ — слеза изъ запаса женскаго лукавства, выкатилась изъ черныхъ длинныхъ ея рѣсницъ и пробѣжала по щекамъ, какъ *пелерина*¹⁾ Зосима перекатывалась по свѣтло-розовому атласу.

Эренди, оправясь отъ тревоженія чувствъ, продолжалъ опять, украшая рѣчь всевозможнымъ и невозможнымъ краснорѣчіемъ, и дошелъ еще разъ до предложенія одного изъ двухъ извѣстныхъ жениховъ.

Положенія вдовы становилось затруднительно: она должна была рѣшиться, и рѣшиться тотчасъ. Хотя ея выборъ былъ уже сдѣланъ; но она постигла, что оба предлагаемые жениха имѣли своихъ сообщниковъ и клеветовъ; слѣдственно назвавъ Султанъ-Ахметъ-Хома, она ставила противъ себя всѣхъ приверженцевъ Сурхая. Однако внезапное вдохновеніе, мгновенный, безотчетный изворотъ лукаваго женскаго ума, вывели ее изъ затрудненія.

Всѣ зрители ожидали рѣшительнаго отвѣта. Недобранная четки остановились въ рукахъ. Царствующая глубокая тишина прерывалась лишь однимъ бѣніемъ благородныхъ сердець стариковъ. Одно сердце не билось сильнѣе обыкновеннаго — это сердце Кистеманы.

Правительница помолчала немного, потомъ опустивъ голову, съ достоинствомъ, но голосомъ тихимъ и грустнымъ, внятно произнесла: „слабая горлица, оставшаяся одинокою, предназначена насытить льва²⁾“

¹⁾ *Пелерина*, превосходнѣйшая въ свѣтѣ жемчужина, принадлежавшая московскому жителю, Греку Зосиму. (См. выше, стр.)

²⁾ Левъ у азіатцевъ въ большомъ уваженіи и употребляется какъ аллегорія всѣхъ добродѣтелей мужскихъ; змѣя также презираема, какъ и вездѣ.

или змія, она предпочитаетъ могучаго! „Едва выговорила, какъ Эренди и за нимъ весь сонмъ вскричали: „счастливый Султанъ-Аметъ-Хамъ! Поздравляемъ тебя, Кистемана-Беке съ твоимъ выборомъ; да иначе тебѣ и не могло внушить твое благородное сердце!“

Вдова въ удивленіи подняла голову и какъ будто испуганная сказала: „Я никого не назвала!“ Эренди въ недоумѣніи, съ нѣкоторымъ негодованіемъ спросилъ: кого-же она разумѣетъ подъ названіемъ льва? „Вы всѣ пришли“ отвѣчала Кистемана „отъ имени народа просить меня выбрать въ мужа одного изъ двухъ соперниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой мнѣ совершенно неизвѣстны; достоинства ихъ должны быть равны, когда вы ставите ихъ ровно въ своемъ предложеніи. Стремясь во всемъ возможномъ предугадывать всегда нужды и исполнять желанія Аварцевъ, которые для меня милѣе всего на свѣтѣ, я въ настоящемъ случаѣ покоряюсь вашему стремленію. Полная довѣренности къ вамъ и къ каждому изъ васъ, достойные мужи! я представила вамъ выборъ, будучи увѣрена, что вы это сдѣлаете лучше чѣмъ я сама. Вы назвали Султанъ Ахметъ-Хана, да будетъ такъ! Черезъ три дня совершится нашъ бракъ. „Послѣ этого Кистемана почтительно поклонилась всему собранію. встала, одна изъ женщинъ подала ей чадру и она съ восторгомъ въ душѣ, пошла обратно къ себѣ.

Дѣло рѣшено. Султанъ-Ахметъ-Ханъ будетъ мужемъ правительницы и признанъ старшинами и людьми почетными львомъ, а Сурхай остался зміемъ. Кому станетъ онъ мстить за такое оскорбленіе? Цѣлому народу, котораго депутаты нанесли ему этотъ позоръ и своимъ необдуманнымъ восторгомъ разрушили всѣ его надежды, его партію, составленную цѣною сокровищъ, имъ расточенныхъ. Нѣтъ, не такъ думалъ Сурхай и не то объяснила ему мать! Вся вина на Кистеманѣ, на нее должны обрушиться его вражда и месть! Но слова правительницы безвредны, къ нимъ нельзя и придаться—тѣмъ хуже для нее! Подъ видомъ преданности и покорности, въ ея семьѣ будетъ скрываться лютой врагъ, поклявшійся ей мстить. мстить безпощадно: если не удастся ей такъ ея поколѣнію, всему, дорогому ея сердцу!

Здѣсь встрѣчается странное сближеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія, королева Марія Антонія оскорбляетъ во Франціи распутнаго Герцога Орлеанскаго, и скрижали исторіи осквернены бѣдствіями Мадамъ Вато и омерзительными дѣлами гражданина Эгалите. Среди кавказскихъ дебрей, въ Аварскомъ ханствѣ, прекрасная Ханша, мудрая правительница, оскорбляетъ Аварскаго ченку—и наступаетъ кровавый Аварскій эпизодъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что вездѣ пороки и страсти человѣческія одинаковы?

Бракъ совершился въ назначенный день.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, покорный своему предназначенію и воинскимъ склонностямъ, въ честныхъ и успѣшныхъ набѣгахъ скоро пріобрѣлъ себѣ славное имя въ горахъ.

Умная и хитрая Кистемана, вѣрная предначертанной себѣ цѣли, несмотря на любовь и преданность къ ней мужа, не смотря на страстные чувства, которыя сама къ нему питала, немедленно по достиженіи Паху-Беке лѣтъ замужества, убѣдила и вынудила Султанъ-Ахметъ Хана развестись съ собою и взять за себя дочь ея.

Разводъ и новый бракъ наконецъ совершилось, и бразды правленія перешли въ руки мужа юной Паху-Беке. Кистемана осталась въ Хунзакскомъ Ханскомъ дворѣ; чѣмъ сильнѣе страдали ея чувства, тѣмъ болѣе она старалась заглушить ихъ въ нѣжно-страстной любви къ дочери; но ни любовь эта, ни глубокое уваженіе къ ней зятя и всего народа, благословлявшаго ее, не могли исцѣлить глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ея чувствамъ. Она потухла искренно и всенародно обласкиваемая; даже и Сурхай жалѣлъ ее, однако не отчаявался смертію Кистеманы. Онъ жалѣлъ, потому что всѣ его старанія отмстить ей остались тщетны—случай не допустилъ его удовлетворить своей ненависти; а не отчаявался, потому что еще оставались Паху-Беке и Султанъ-Ахметъ-Ханъ, которыхъ покойная правительница любила съ самоотверженіемъ, всей силою благороднаго ея сердца.

Впрочемъ не завидна была доля Сурхая: послѣ рокового выбора мужа Кистеманю, почти всѣ купленные его приверженцы раскрыли глаза и мало по малу отъ него отстали, а имя змѣи осталось ему навсегда въ народѣ. Такъ часто въ свѣтѣ, самыя пресловутыя имена, достигшія до этой степени по безотчетной силѣ молвы, вдругъ однимъ счастливымъ словомъ ниспровергаются и предаются уже на всегда заслуженной брани и хулѣ. Сверхъ того, истощивъ большую часть своего наслѣдства, Сурхай не могъ болѣе покупать себѣ хвалы и приверженцевъ цѣною сокровищъ. Оставленный всѣми, этотъ ченка искалъ въ пьянствѣ и распутствѣ развлеченія чувствамъ злобы и кары, всюду его преслѣдующей столь же тяжело, сколько и совѣсть преступника. а потому служилъ соотчичамъ предметомъ соблазна, омерзения и посмѣянія. Не станемъ описывать Султанъ-Ахметъ-Хана; кто пожелаетъ съ нимъ познакомиться, тотъ можетъ прочесть прекрасную повѣсть Амалать-Бека.

Но пользуясь неограниченнымъ правомъ воздавать справедливое мертвымъ, постараемся доказать истинныя причины его коварныхъ

измѣнъ Россіи, столь несогласныхъ, повидимому, съ его врожденной храбростію—добродѣтелю служащей несомнѣннымъ доказательствомъ благородной и высокой души.

Во первыхъ, должно вспомнить, что лишь нравственное положеніе, называемое европейскимъ современнымъ просвѣщеніемъ, дѣлаетъ умъ человѣческой способнымъ понимать въ одно время различныя понятія и покорять противорѣчіе чувствъ разсудку. Человѣкъ же не передѣланный въ горнилѣ просвѣщенія, одностороненъ въ своихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ и поступкахъ—таковъ былъ и Султанъ-Ахметъ-Ханъ. Рожденный воиномъ, проведеній всю жизнь въ бояхъ, заслужившій уваженіе и любовь соотчичей посредствомъ воинскихъ подвиговъ, онъ былъ только воинъ, болѣе ничего, и путеводимъ одними воинскими правилами; слѣдственно, онъ не измѣнялъ имъ, когда подъ видомъ покорности Россіи, старался лишь усыпить ея бдѣніе для того, чтобы внезапно напасть на ея предѣлы и одержать выгоды въ сущности ничтожныя, но ласкавшія его самолюбіе и поддерживавшія воинскую его славу во мнѣніи народномъ. Онъ называлъ это военною хитростію.

Во вторыхъ, въ тѣ годы русскіе частные начальники, справедливо не довѣряясь ханамъ, старались всѣми мѣрами противопоставить имъ соперниковъ, которые, увлекаясь лестными надеждами, клеветали на своихъ владѣтелей, дѣлали на нихъ всевозможные извѣты и тѣмъ возставляли Русскихъ противъ нихъ. Это случилось и въ Аваріи, гдѣ палъ выборъ на Сурхая, чтобы противопоставить его Султанъ-Ахметъ-Хану. Само собою разумѣется, что ченка, кромѣ многихъ представлявшихся существенныхъ выгодъ, будучи заклятый врагъ хану и его семейству, не упустилъ случая отмстить ему.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, видѣвъ награды, которыя Русскіе съ свойственною имъ щедростію расточали на Сурхая; сравнивалъ свои достоинства съ его пороками, и тѣмъ терялась въ его глазахъ цѣна милостей, имъ самимъ получаемыхъ. Скоро потомъ онъ сталъ сильно оскорбляться отличіями, жалуемыми Сурхаю, который тогда уже слялъ всякую личину и явно оказывалъ хану безпредѣльную неваивсть, столь долго скрываемую непримиримую вражду. Хотя Султанъ-Ахметъ-Хану легко было приказать убить ченку, но проливая потоки крови въ битвахъ, ему никогда и на умъ не приходило гнусное убійство. Съ другой стороны народъ былъ доволея управленіемъ обожаемаго хана и не видя никакихъ залоговъ благополучія въ порокахъ Сурхая, состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ гяуровъ, проливалъ съ ожесточеніемъ свою кровь за Султанъ-Ахметъ-Хана противу Русскихъ.

Не объясняетъ ли это причину столь долгой войны Аваріи съ Россією, которой благодѣтельное покровительство ей было со всѣхъ сторонъ выгодно? Какъ защитница хановъ и существующихъ правъ, Россія никогда не требовала отъ Аваріи ни налоговъ, ни пожертвованій, между тѣмъ какъ давала ханамъ чины, жалованье, подарки, и всегда оказывала этой землѣ свое могучее покровительство.

Наконецъ Сурхай достигъ своего. За измѣны и набѣги, Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ отрѣшенъ Русскими отъ ханскаго достоинства, а Сурхай назначенъ правителемъ Аваріи до совершеннолѣтія юнаго Нусаль-Хана, старшаго сына Султанъ-Ахметъ-Хана.

Изгнанный ханъ бѣжалъ отъ своихъ приверженцевъ въ горы, чтобы не навлечь, говорилъ онъ, на свое отечество бѣдствій, кровопролитія и разоренія. Онъ зналъ, что многіе положили бы за него свои головы, но онъ берегъ этихъ людей какъ послѣднюю надежду Аваріи. Султанъ-Ахметъ-Ханъ вскорѣ послѣ того погибъ безъ вѣсти, что часто случается на Кавказѣ. Сурхай, въ Хунзагѣ, первый узналъ о его смерти и объявилъ о томъ народу!...

Однако ченка не долго управлялъ Аварією. Ненависть народа, личные пороки и лихоимство, а пуще всего коварство, дѣлавшее его неблагонадежнымъ, убѣдили кавказское высшее начальство, отрѣшить Сурхая и поручить бразды правленія Паху-Беке во имя малолѣтнаго сына ея Нусаль-Хана.

У Паху-Беке, по смерти мужа ея, Султанъ-Ахметъ-Хана, осталось трое сыновей: Нусаль—наслѣдный ханъ, Умаханъ и Булачь, и одна дочь—Султанета, возлюбленная Амалатъ-Бека, какъ мы видимъ изъ повѣсти Марлинскаго.

Султанета была второй женой Абу-Мусейлимъ-Хана, шамхала тарковскаго, валія дагестанскаго, владѣтеля буйнакскаго и пр., по удаленіи имъ первой жены, утратившей свою молодость и прелести въ его объятіяхъ и послѣ рожденія ею сына. Какъ шамхальша Султанета не была безгласна: въ ней замѣчались многія черты ума и твердости духа ея бабки Кистеманы; но необузданная ревнивость, самовластіе и корыстолюбіе—страсти совершенно ее поработившія, удалили отъ нея сердце шамхала; къ тому же оспа въ совершеннолѣтіи и выросшій зобъ измѣнили прежнюю красоту ея лица. Чувственный шамхаль помышлялъ уже о новомъ бракѣ, когда представился случай, благоприятствовавшій его видамъ. Предпріимчивый ханъ мехтулинскій сваталъ за брата своего прекрасную собою и неизъяснимой доброты

вдову Кигели Кафыркумыкскую; Абу-Мусейлимъ-Ханъ укралъ ее и женился на ней. Вскорѣ послѣ того, оставивъ при себѣ сына и двухъ дочерей Султанеты, прогналъ мать ихъ въ 1842 году.

Султанета проживаетъ нынѣ, недалеко отъ Дербента, гдѣ проводить грустные дни, оплакивая утраченную красоту, величіе и отнятыхъ дѣтей, истоцается въ бесполезной ревности и ненависти къ счастливой и кроткой Кигели-Беке Кафыркумыкской.

Паху-Беке управляла Аваріею счастливо и спокойно, умѣла заслужить народную любовь, но коротки были для нея дни счастія! Родилось мюридство, и Газы-Мулла взволновалъ всѣ умы, проповѣдая всеобщее возстаніе мусульманъ. Умная Паху-Беке постигла, что религія служитъ лишь предлогомъ честолюбцу, который стремится стать на обломкахъ владѣтельныхъ домовъ. Она спѣшила объявить себя противъ нововведенія и обмана; народъ послѣдовалъ ея примѣру. Правительница хотѣла изгнать изъ Аваріи Сурхай, который, она знала, имѣлъ тайныя сношенія съ мятежниками; но тщетны были ея старанія: обманутое русское начальство, видя въ этомъ вредныя замыслы Паху-Беке, требовало чтобы Сурхай оставался въ Хунзакѣ и даже имѣло съ нимъ постоянную переписку о дѣлахъ Дагестана.

Въ началѣ 1832-года, Газы-Мулла, привлеченный баснословными рассказами о сокровищахъ Аварскаго владѣтельнаго дома, подъ предлогомъ карать упорствующихъ въ вѣроотступничествѣ, пошелъ съ своими полчищами на Аварію и наконецъ обложилъ самый Хунзакъ.

Несмотря на слѣпое довѣріе и любовь Аварцевъ къ правительницѣ, Газы-Мулла нашелъ среди ихъ много послѣдователей. Съ одной стороны имъ представляли имана, какъ мужа угоднаго Аллаху, творящаго чудеса, муршата истины; самъ же онъ разжигаетъ рвеніе народа призывомъ къ священной войнѣ, доказывалъ кораномъ, что они обязаны идти на козавветъ и возбуждалъ фанатизмъ повторяя своимъ ратамъ 52-е стихъ IX главы Корана: „изъ двухъ достославныхъ жребіевъ насъ ожидаетъ одинъ—либо побѣда. либо мученическій вѣнецъ!“ Съ другой стороны гнусный Сурхай, тайными кознями подстрекалъ народъ покинуть своихъ хановъ и слѣдовать за возмутителемъ. Странно покажется, что всѣми презираемый этотъ человѣкъ находилъ послѣдователей коварнымъ своимъ совѣтамъ! Но когда поразмыслишь, тогда найдешь это довольно обыкновеннымъ и даже естественнымъ: возьмемъ примѣромъ *сатану*—всякой постигаетъ его и трепещетъ при мысли о наущеніи злого духа; многіе вѣрятъ въ его

существованіе, а очень, очень мало тѣхъ, которые ему не повинуются и не усердно служатъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. Газы-Мулла осаждалъ Хунзака. Паху-Беке, убѣдясь, что ея ратники защищаются не горячо, будто нехотя, поняла что это происходитъ отъ недоумѣнія совѣстей— за кого имъ сражаться, чтобы быть угодну Аллаху, и постигая всю опасность, грозившую какъ ея семейству, такъ и всей Аваріи, она немедленно повелѣваетъ защитникамъ Хунзака выступить за стѣны и разсѣять полчища мятежника, но ея войны остановились! Они не отказываются отъ ея повелѣнія; но не исполняютъ его. Паху-Беке схватываетъ топоръ и выбѣгаетъ за стѣны осажденнаго мѣстечка, несется на непріятельскія толпы и кричитъ своему народу: „смотрите, робкіе Аварцы, какъ старуха защищаетъ мѣстопробываніе вашихъ хановъ! Кровь вашей ханши, вдовы Султанъ-Ахметъ-Хана да ляжетъ на ваши же неподобныя головы!“ Ратники, пристыженные мужествомъ Паху-Беке, бѣгутъ въ бой, опереживаютъ ее, ударяютъ на непріятельскія толпы—и мюриды опрокинуты, обращены въ бѣгство. Прокламація русскаго Сардаря всюду провозглашала примѣрный поступокъ Аварской вдовствующей ханши.

Вскорѣ послѣ этого Нусаль-Ханъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Гебетъ-Беке, родной сестрѣ Абу-Мусейлимъ-Хана, шах-мала Тарковскаго, мужа Султанеты. Послѣ брака своего, онъ утвержденъ русскимъ Сардаремъ Аварскимъ ханомъ и введенъ въ управленіе ханства подъ руководствомъ матери его Паху-Беке, которая назначена его пѣстуномъ и совѣтницей.

Управленіе Нусаль-Хана было нѣкоторое время довольно спокойно; но когда Гамзатъ послѣдовалъ Газы-Муллѣ, тогда русскій Сардарь требовалъ отъ юнаго хана и отъ Паху-Беке выдачи подвластнаго имъ мятежника, какъ было выше сказано. Напрасно мать и сынъ клялись, что не въ состояніи этого исполнить, хотя оно совершенно согласно съ ихъ собственными выгодами. Сардарь, обманутый ближайшимъ военнымъ начальствомъ, который вѣрился наущеніямъ злонамѣреннаго Сурхая, не вѣрилъ клятвамъ Аварскаго владѣтеля и видѣлъ въ отказѣ лишь доказательство его соучастія въ мятежѣ, воздуваемомъ Гамзатомъ. Ченка старался всѣми мѣрами поддерживать эти подозрѣнія и былъ наконецъ виновникомъ, что русское начальство остановило выдачу пенсіона и жалованья, которое получали отъ правительства Паху-Беке и Нусаль-Ханъ.

Дѣла Аваріи принимали день отъ дня грознѣйшій видъ. Юный ханъ и мать его писали къ Сардарю и просили вспомошествованія

русскихъ войскъ, призывали шахмала тарковского. Ахметъ-Хана мехтулинскаго и хана казыкумыкскаго на помощь себѣ противъ общаго врага ихъ—Гамзата. Но Сардаръ, который не вѣрилъ грозившей опасности Аваріи, требовалъ прибытія Нусаль-Хана въ Тифлисъ; другіе же владѣтели Дагестанскіе—жалуясь на претерпѣнныя ими пораженія, отвѣчали, что, будучи вынуждены заботиться о самихъ себѣ, они не могутъ подать никакой помощи своимъ сосѣдямъ.

По обычаю Кавказа, владѣтелю удалиться изъ своихъ владѣній во время грозящей опасности есть позоръ, особенно когда хану восемнадцать лѣтъ, какъ было тогда Нусалу. Притомъ же самое положеніе Аваріи не позволяло ему оставить народъ, потрясенный сомнѣніемъ и колеблющійся рѣшить, чье дѣло правое—своихъ хановъ или имана? Въ подобныхъ обстоятельствахъ отъѣздъ владѣтеля къ гяурамъ служилъ бы поводомъ къ злонамѣреннымъ толкамъ и навѣрное рѣшилъ бы всѣ недоумѣнія въ пользу Гамзата,—и Аварцы конечно передались бы безъ всякаго отлагательства на сторону мюридовъ. Все это не укрылось отъ ума Паху-Беке, а чтобы угодить съ одной стороны Сардарю, а съ другой предупредить зло, она отправила въ Тифлисъ Умахана, второго сына своего, шестнадцатилѣтняго юношу съ описаніемъ опаснаго положенія Аваріи и прося убѣдительно немедленно прислать русское войско на помощь. Сама же зарыла большую часть семейныхъ сокровищъ въ землю, остальную отправила для храненія къ зятю своему шамхалу тарковскому и дочери—Султанеты.

Умахаль былъ принятъ въ Тифлисъ очень неблагосклонно за то, что пріѣхалъ онъ, а не владѣтель. Вскорѣ его отпустили назадъ въ Хунзакъ съ ничтожными подарками и многими наставленіями, какъ Аварскій Ханъ и мать его должны себя вести, чтобы доказать свою вѣрность Россіи, снабдили его письмами къ Нусаль-Хану, Паху-Беке и Сурхаю, въ которыхъ повторялись тѣ же постановленія и требованія выдачи мятежнаго Гамзата.

VIII.

Et de tous ces grands noms, profanateur sublime!
Tu jouas avec eux, comme la main du crime
Avec les vases de l'autel.

Lamartine: Ode à Napoléon.

По возвращеніи Умахана изъ Тифлиса въ Хунзакъ, двадцати пятидневное заточеніе Гамзата кончилось, а зловѣщее знамя Имана развѣвалось по прежнему на крышѣ его Хутокской сакли.

Народъ опять стекался отовсюду, благоговѣя передъ справедливостью и святостью своего учителя, который доказалъ, что въ благочестивой строгости своей онъ самъ себя не щадить. Умный и закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли-Магома, и этотъ на время умолкъ, предвидя, что всякое его слово противъ Имана, теперь лишь повредить ему самому.

Между тѣмъ злоба Сурхая не дремала: съ одной стороны, его гонцы отвозили къ ближайшему русскому начальнику извѣты на хана и на его мать; съ другой, онъ убѣждалъ Гамзата спѣшить воцареніемъ истиннаго ученія въ Хунзакѣ и призывалъ его карать все поколѣніе Аварскихъ хановъ за вѣроотступничество, за то, что они, изъ личныхъ видовъ, просятъ помощи гяуровъ противъ правовѣрныхъ Аварцевъ. Въ народѣ, Сурхай тайно распространялъ слухи, что ханы подкуплены гяурами и живутъ въ короткой съ ними связи, что они хотятъ уступить имъ своихъ подвластныхъ, которыхъ Русскіе будутъ брать въ солдаты, какъ они дѣлаютъ уже съ Казанскими татарами, и прочія нелѣпости. Онъ доказывалъ все это недавнею поѣздкою Умахана въ Тифлисъ и увѣрялъ, что изъ угожденія гяурамъ, Паху-Беке и сынъ ея призывали Аварцевъ на войну противъ праведнаго Гамзата и тѣмъ жертвовали какъ здѣсь, такъ и въ вѣчности своими соотчичами, ибо пророкъ въ *Премудрой Книгѣ* глаголетъ, что тотъ, кто падетъ на полѣ брани противъ поборниковъ истиннаго ученія, наслѣдуетъ адъ.

Наконецъ, въ половинѣ Іюля 1834 года, рати Имана ринулись изъ Хутона—жерла всѣхъ воинскихъ сборовъ Гамзата—и осадили Хунзакъ, тѣсно и крѣпко обложивъ мѣстечко. Уже семь дней древнее мѣсто пребываніе Аварскихъ Хановъ было осаждено; непріятель истреблялъ поспѣвшіе хлѣба и тѣмъ лишалъ несчастныхъ Аварцевъ надежды на годовое пропитаніе, съ такимъ трудомъ добываемое на искусственныхъ уступахъ ихъ горъ.

Паху-Беке съ отчаяніемъ видѣла бѣдствія своего народа, тщетно поджидала помощи изъ Дагестана. Она замѣчала, что духъ осажденныхъ съ каждымъ днемъ упадалъ, голодъ становился ощутителенъ, между тѣмъ доходили даже всюду зловѣщія слухи распространяемые Сурхаемъ. Соболезнуя о столькихъ бѣдствіяхъ, угнетающихъ Аварцевъ, она рѣшилась послать людей почетныхъ и вѣрныхъ усовѣстить Гамзата.

Иманъ притворился будто внимаетъ посланцамъ и обѣщалъ имъ войти въ переговоры съ мудрою Паху-Беке, говорить, что его требованія ограничатся однимъ возстановленіемъ истинной вѣры и тре-

буеть Булача, меньшаго брата Аварскаго Хана какъ залогъ, что на переговорахъ не будетъ измѣны.

Нѣжная мать со слезами обнимаетъ прекраснаго¹⁾ десятилѣтняго Булача и немедленно отправляетъ его заложникомъ къ Иману, который отсылаетъ ребенка въ Хутокъ.

Посланцы, отвезшіе оманата, получили дорогіе подарки отъ Гамзата и возвратились къ Нусаль-Хану съ увѣреніемъ, что Иманъ не забываетъ своего подданства Аварскимъ ханамъ и благоговѣетъ въ душѣ къ ихъ потомку. Но будучи теперь облеченъ Аллахомъ въ высокое званіе, онъ не можетъ быть уже подвластнымъ, а предлагаетъ юному хану свой союзъ и начальство надъ всѣми полчищами собираемыми подъ Иманское знамя. Гамзатъ велѣлъ также сказать, что онъ ожидаетъ самаго владѣтеля съ отвѣтомъ, имѣя переговорить съ нимъ еще о другихъ предметахъ, касающихся до Аваріи.

Благородный юноша закипѣлъ негодованіемъ, бѣшенствомъ за дерзкія предложенія гнуснаго ченки его Ханства. Въ изступленіи онъ вскричалъ, что этотъ разбойникъ [такъ называлъ онъ Гамзата] не удостоится союза даже съ его трупомъ.

Паху-Беке, предусмотрительная, согбенная подъ бременемъ собственныхъ и народныхъ бѣдствій, тщетно старалась укротить пылкость сына, напрасно умоляла его, для блага всей Аваріи, согласиться ѣхать къ мятежнику и выслушать всѣ его предложенія съ благоразуміемъ. Видя, что ея убѣжденія ни къ чему не ведутъ, старуха прибѣгнула къ послѣднему средству, сказала, что она понимаетъ хитрость юнаго хана: подъ притворнымъ гнѣвомъ его скрывается страхъ предстать предъ Гамзатомъ.

Едва произнесла Паху-Беке, какъ юный ханъ выскочилъ изъ комнаты, велѣлъ осѣдлатъ коня, вооружился и взявъ съ собою Умахана и восемь надежнѣйшихъ нукеровъ, отправился въ непріятельскій станъ.

Шатерь Гамзата былъ раскинутъ на курганѣ, въ шести стахъ шагахъ отъ Хунзака, передъ нимъ развѣвалось знамя Имана—хоругвь мюридства. Карауль изъ 40 самыхъ надежныхъ и отчаянныхъ изувѣровъ новаго ученія, въ неутомимомъ бдѣніи, стерегъ его день и ночь.

¹⁾ Замѣчательно на Кавказѣ то, что породы хаповъ, бековъ и узденей необыкновенно породисты: съ перваго взгляда ихъ можно узнать по правильности лица и благовидности. Не обязаны ли они этимъ князю, карающему за малѣйшее подозрѣніе, внушенное ревностію?

Ханъ со свитой своей поѣхалъ прямо къ шатру, слѣзъ съ лошади, спутники его сѣдлали тоже, и вошелъ въ шатеръ, который нашель пустымъ. Въ числѣ караульныхъ было много Аварцевъ изъ Хутокскаго селенія: они тотчасъ узнали пріѣзжихъ. Шамиль, будущій преемникъ Гамзата, Мурать-Бекъ и Чонанъ-Бекъ—оба племянники Имана, Магома Гаджи Ява Оглы—молочный братъ Нусаль-Хана¹⁾ и Деберсеуль Магома Ирганайской—первый мюридъ Гамзата, окружали ставку: всѣ эти люди отличались изступленнымъ своимъ фанатизмомъ.

Нусаль-Ханъ слышалъ изъ шатра какъ Деберсеуль-Магома Ирганайской нагло говорилъ брату его Умахану, оставшемуся извнѣ съ нукерами, что по шеріату, за ослушаніе противу Имана, должно наказать Аварскаго Хана и его брата сорока однимъ ударомъ палокъ; въ слѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ пистолета. пылкій юноша отвѣчалъ дерзкому мюриду, повергнувъ его мертваго на землю. Нусаль-Ханъ выбѣгаетъ изъ шатра и въ то же мгновеніе Магома-Гаджи-Ява-Оглы, питавшій кровавую месть къ молочному брату за смерть двухъ своихъ братьевъ, казненныхъ за измѣну, раскраиваетъ Хану, ударомъ шашки, лѣвую щеку съ частію челюсти, а Мурать-Бекъ кинжаломъ закалываетъ Умахана. между тѣмъ какъ Чонанъ-Бекъ доканчиваетъ раненаго. Юный Ханъ, поддерживая одною рукою отвалившуюся щеку, другою опрокидываетъ ружейнымъ выстрѣломъ Чонанъ-Бека смертельно раненаго, потомъ выхватываетъ пистолеть и убиваетъ на повалъ Мурать-Бека: наконецъ обнажаетъ шашку и съ помощію своихъ нукеровъ, красивый и стройный юноша, одаренный необычайною силой, изрубаетъ на смерть весь караулъ Имана. Выбѣжавшія изъ стана толпы, объята паническимъ страхомъ при этой отчаянной сѣчѣ, стоятъ вдали и не дерзаютъ принять участіе въ этомъ побоищѣ. Къ Хунзакъ все уже зашевелилось, собирались бѣжать на помощь юному герою—Нусанъ-Хану, который, изрубивъ всѣхъ окружающихъ, въ изступленіи бросается на толпу зрителей; она отступаетъ, удаляется и наконецъ обращается въ бѣгство. Но тутъ послышался голосъ Шамиля, остававшагося у шатра съ Магмедъ Гаджи-Ява-Оглы, который говорилъ: „Бѣгите. бѣгите скорѣе за веретенами, женоподобные трусы! авось ими удасться вамъ заколоть безбородаго²⁾ юношу. Срамники! Стрѣляйте же въ него изъ ружей, развѣ не видите, что у него только шашка!“ Магома-Гаджи-Ява-Оглы услышалъ голосъ, обличающій его товарищей въ позорной тру-

1) Молочный братъ или сестра считается на Кавказѣ наравнѣ съ самымъ близкимъ кровнымъ родствомъ.

2) Въ Азіи, покуда мужчины не имѣютъ бороды, они унодобляются женщинамъ.

сости, въ жадномъ влеченіи мести, онъ подбѣгаетъ къ Нусаль-Хану сзади и застрѣливаетъ его.—Тѣло Нусала, Умахана и восьми нукеровъ немедленно растерзаны, поруганы, посрамлены толпою, желающей отмстить на трупахъ свое бѣгство и свой позоръ.

Среди труповъ мюридовъ, одинъ еще шевелится—это Чопанъ-Бекъ; онъ требуетъ скорѣе своего отца; Имашъ—Алій подходитъ и нагибается къ сыну, который умирающимъ голосомъ говоритъ ему: „Отецъ! я совершилъ сей часъ тяжкій грѣхъ; ты одинъ можешь спасти меня отъ справедливой и неумолимой кары Аллаха! Я поднялъ руку на безвреднаго Умахана, ты сегодня лишаешься обѣихъ своихъ сыновей отъ руки Аварскаго Хана; по шеріату тебѣ принадлежитъ его меньшей братъ, а мой молочный—это Булачь. Возьми его, да замѣнить онъ тебѣ и матери моей, его кормилицъ, двухъ вашихъ сыновей! Всякія ласки ваши Булачу будутъ служить облегченіемъ моимъ замогильнымъ мученіямъ; поклянись, что исполнишь мое завѣщаніе!“ Отецъ далъ клятву, и Чопанъ-Бекъ испустилъ духъ. На другой же день Булачь замѣнилъ его мѣсто въ родительскомъ домѣ Хутоха.

Послѣ этой ужасной сѣчи, Гамзатъ, притворившись полнымъ негодованіемъ за убійство Аварскихъ Князей, вошелъ торжественно, безъ сопротивленія, въ Хунзакъ и занялъ Ханскій дворецъ. Паху—Беке, Гебетъ—Беке и Сурхай были арестованы, и обѣ ханши выведены изъ двора Аварскихъ Князей.

Хитрый Гамзатъ, чтобы угодить народу, который втайнѣ оплакивалъ своихъ Хановъ, казался глубоко огорченный кровавыми происшествіями, имъ самимъ подготовленными, чтобы сгладить себѣ всѣ пути и удовлетворить вполнѣ своему честолюбію.

На слѣдующій день по занятіи Хунзака, Гамзатъ собралъ свои полчища, все духовенство, старѣйшинъ и людей почетныхъ и торжественно принялъ названіе Имана-Азама, въ силу завѣщанія Газы-Муллы. Потомъ въ рѣчи полной лицемѣрія изъяснилъ въ жаркихъ выраженіяхъ печаль свою о убіеніи Аварскаго Хана, сообщилъ свое намѣреніе жениться на вдовѣ Нусала, какъ скоро она разрѣшится отъ бремени, прежде же было невозможно, ибо оно запрещалось Кораномъ. Иманъ просилъ все собраніе помочь ему принести утѣшеніе несчастной Паху-Беке, лишившейся столь ужасно своихъ двухъ сыновей и послалъ тотчасъ за нею двухъ мюридовъ изъ самыхъ надежныхъ; другихъ отправилъ за Сурхаемъ.

Гебетъ-Беке была внѣ всякой опасности: во первыхъ, беременность, въ которой она осталась послѣ Нусала, ограждала ее отъ злобы правовѣрныхъ; во вторыхъ, она была сестра сильнаго въ Дагестанѣ князя, Шамхала Тарковскаго. Гамзатъ, опасаясь ея брата, не смѣлъ покушаться на жизнь и свободу юной вдовы; при томъ Иманъ Азамъ, женившись на ней, имѣлъ въ виду безпрепятственно преступить послѣднюю ступень ведущую къ ханскому достоинству, хотя власть его была въ сущности уже признана. Будущій же сынъ Гебетъ-Беке не затруднял Гамзата: онъ зналъ, что жизнь не прочна и что есть много средствъ избавиться отъ лишняго ребенка. Всѣ этѣ причины заставляли его окружать Гебетъ-Беке всевозможнымъ вниманіемъ. Нельзя было разлучить и съ свекровкою, а между тѣмъ страшились вліянія твердаго духа и ума старухи на неопытную вдову; внѣшнихъ заступниковъ Паху-Беке не имѣла; любовь народа, испуганнаго недавними ужасами и мнимою властію Имана Азама, не представляла теперь никакого опасенія. Посланные Гамзата пришли звать старуху къ Иману. Паху-Беке, отъ всѣхъ бѣдствій перенесенныхъ ею столь внезапно, впадшая въ какое-то безчувственное оцѣпененіе, пошла, сама не зная куда и зачѣмъ. Ее повели мимо кручи, сравненной нами съ Тарпейскою скалою; тутъ одинъ изъ мюридовъ сорвалъ безъ сопротивленія чадру съ старухи, другой въ тоже мгновеніе ударомъ шашки снялъ съ нея голову, и, бросивъ ее вмѣстѣ съ трупомъ въ Аварскій Койсу, изувѣры пришли объявить, что, проходя мимо рѣки, вдовствующая ханша бросилась въ нее и погибла. Все собраніе не могло удержаться отъ изъясненія сильной печали; Гамзатъ не отсталъ отъ другихъ: всѣ видѣли, какъ онъ скорбѣлъ о плачевной участи несчастной ханши. Но вскорѣ это чувство было прервано приходомъ Сурхая. Развратъ совершенно измѣнилъ прежнюю благовидность ченки: его лицо опухло отъ чрезмернаго пьянства, глаза потускли, щеки и носъ побагровѣли, все вмѣстѣ дѣлало его видъ столь же отвратительнымъ, сколько дѣла его внушали омерзения и презрѣнія.

Гамзатъ спросилъ Сурхая, зачѣмъ онъ желалъ предстать предъ нимъ.

„Иманъ Азамъ!“ отвѣчалъ трепещущій ченка: „по правамъ наслѣдства, я теперь Ханъ Аварскій! Прошу тебя именемъ Аллаха вразумить меня, какъ управлять народомъ: въ залогъ моей вѣрности возьми аманатомъ мою мать—никого ближе не имѣю—и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю тебѣ всѣ сокровища Аварскаго владѣтельнаго дома!“

Гамзатъ окинулъ взоромъ все собраніе и увидѣвъ во взглядѣ всѣхъ сильное негодованіе, произведенное словами Сурхая, не скрывая своего гнѣва, ему молвилъ:

„Презрѣнный ченка! Какія твои права? Ты забываешь Булача Аварскаго и дѣтище храбраго Нусаль-Хана, скрывающесея еще въ чревѣ матери? Забываешь самую вдову? Или твои права основаны на твоей преступной жизни, на твоёмъ распутствѣ, постыдномъ предъ людьми, на измѣнахъ твоимъ ханамъ и родственникамъ, на гнусныхъ ковахъ, внушенныхъ дерзкимъ честолюбіемъ, на ненависти къ твоимъ братьямъ—противной Аллаху, или они основаны на дружбѣ твоей съ гиурами, свиноѣдами? Нѣтъ, Сурхай! Такая жизнь, по шеріату даетъ тебѣ право не на ханство Аварское, а на другое!“

Послѣ этого Иманъ открылъ коранъ, пробѣжалъ въ полголоса, невнятно, нѣсколько стиховъ, потомъ обратился къ Мюридамъ, приведшимъ ченку, громко и торжественно сказалъ имъ: „Именемъ Аллаха. Всесправедливаго, да будетъ прославлено Имя Его!—приказываю немедленно отрубить голову Сурхайю, Аварскому ченкѣ, а мать его Шахъ-Беке предать справедливой мести народа!“ Едва кончилъ Иманъ, какъ Мюриды схватили Сурхая, вывели его и за порогомъ ханскаго покоя исполнили смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ; потомъ тѣ же Мюриды спѣшили принять на себя обязанность народной кары и умертвили Шахъ-Беке. Оба эти трупы бросили въ Аварскій Койсу, съ той же самой скалы, откуда за полчаса передъ тѣмъ кинули обезглавленное тѣло Паху-Беке. Быть можетъ эти три тѣла, увлеченныя потокомъ рѣки въ Каспій, легли купно въ глубинѣ лона морскаго! И смерть соединила тѣхъ, которые не могли быть союзниками на землѣ!

IX.

Guerre aux tyrans, poussons le cri de délivrance,
Et la victoire y répondra.

Guerre aux tyrans! jamais en France
Jamais l'anglais ne règnera.

Casimir Delavigne. Charles VII.
A défaut de clarté, il nous compte un désir.
La voix qui crie Alla! la voix qui dit mon Père,
Lui portent l'emens pur et l'emens adultère:

A lui seul de choisir.

L a m a r t i n e .

Всѣ жители Хунзаба, обоихъ половъ, собирались къ Гебетъ-Беке, по туземному обычаю раздѣлить съ ней горе въ утратахъ, ее постигшихъ. Всѣ подходили къ порогу вдовы съ восклицаніями горести.

Переступивъ за порогъ, женщины рвали на себѣ косы, мужчины свои бороды; всё раздирали въ кровь щеки и лбы ногтями, при вопляхъ отчаянія и сильныхъ рыданіяхъ.

Лишь два молочные брата Умахана—Османъ и Аджи-Муартъ, извѣстные нелицемѣрною своей привязанностію къ покойному юному хану, одни не шли къ злосчастной вдовѣ. Оскорбленная такимъ поведеніемъ, столь противнымъ обыкновеніямъ ихъ страны, Гебекъ-Беке посылаетъ спросить причину этого непонятнаго поступка.

„Скажи Ханшѣ,“ отвѣчалъ Османъ посланцу въ неизяснимой скорби—„что брагъ и я—мы стыдимся¹⁾ видѣть, стыдимся и побазаться соотчичамъ, покуда по обычаямъ святой старины, кровь возлюбленныхъ нашихъ хановъ не отмщена.“

Эти слова разошлись тотчасъ по всему Хунзаку. дошли до Гамзата и возбудили въ немъ подозрѣнія. Иманъ поручаетъ немедленно надзоръ за Османомъ и Аджи-Муратомъ ихъ двоюродному брату Магомъ-Гаджи-Ява-Оглы.

Прошли два мѣсяца. Гамзатъ все это время только помышлялъ, какъ укорениться на ханствѣ Аваріи. Тщетно умолялъ онъ брата своего, Имать-Алія, выдать Булача подъ предлогомъ возвратить ему наследство предковъ; Имать-Алій, зная что у него просятъ питомца на закланіе, рѣшительно отказался отъ исполненія этой просьбы. Между тѣмъ закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли Магома пробудился отъ минутнаго летаргическаго сна: не теряя времени, онъ всюду разсылалъ въ горы гонцовъ, которые провозглашали Имана похитителемъ Аварскаго ханства и его сокровищъ, обличали его въ дерзостномъ властолюбіи, въ безбожномъ хапоубійствѣ и представляли всѣмъ горнымъ жителямъ, что они отвѣчаютъ передъ Аллахомъ за дѣянія Булача. Эти всѣ обстоятельства убѣдили Гамзата въ невозможности уничтожить послѣдняго изъ Аварскихъ Хановъ,—и онъ, отложивъ это намѣреніе до удобнѣйшаго времени, рѣшился всѣми мѣрами привязать къ себѣ Аварцевъ, пріучивъ ихъ мало по малу къ своей власти.

Иманъ видѣлъ необходимость изгладить изъ одной памяти недавнія убійства. Заглушить эти воспоминанія въ тревожной боевой жизни было бы совершенно согласно съ нравами этихъ людей: но какъ это сдѣлать? На призывъ Гамзата, Аварцы не подымутся на брань; на прежнихъ союзниковъ онъ не можетъ болѣе полагаться, послѣ неу-

¹⁾ У кавказцевъ стыдъ есть выраженіе самаго сильнаго, глубокаго ощущенія.

щеній Эраклы Магомы, который предалъ Имана всеобщему порицанію и ненависти. Гамзатъ прибѣгнулъ къ единственному оставшемуся средству: онъ занялъ Аварцевъ молитвою и старался раздуть въ нихъ, какъ можно сильнѣе, религіозный фанатизмъ.

Такимъ образомъ Иманъ силился утвердиться во власти, пріобрѣтенной имъ гнусною измѣной и постыднымъ рядомъ убійствъ, когда въ первыхъ числахъ Сентября, въ вечеру, Магома Гаджи-Ява-Оглы пришелъ извѣстить его, что Аджи-Муратъ съ братомъ рѣшились убить Гамзата и сами ему сознались въ томъ, приглашая и его участвовать въ заговорѣ, но когда намѣрены они совершить преступленіе—еще не рѣшено. Хотя Магома-Гаджи-Ява-Оглы говорилъ тихо, но нѣкоторыя слова его долетѣли до слуха Калишъ-Бека Аварскаго, стоявшаго за окномъ кунакской Гамзата и присланнаго тайно отъ Эраклы Магомы въ Хунзакъ съ тѣмъ, чтобы попытаться: нельзя-ли возбудить Хунзакцевъ къ возстанію и свергнуть иго, положенное на нихъ Иманомъ.

На слѣдующій день была джюнга. Всѣ правовѣрные должны были собраться въ мечеть на молитву. Первою мѣрой предосторожности, взятою Гамзатомъ, было запретить подъ опасеніемъ смертной казни, являться кому бы то ни было въ мечеть вооруженнымъ¹⁾.

Калишъ-Бекъ, простоявъ немного подъ окномъ Гамзата, спѣшитъ къ своему пріятелю Аджи-Мурату и находитъ его за трапезой въ семейномъ кругу, состоявшемъ изъ отца его, дряхлаго старика и Османа, брата Аджи-Мурата, старшаго его двумя годами. Пріятель Калишъ-Бека былъ юноша лѣтъ 20, статный и средняго роста: въ строгомъ выраженіи лица его, покрытаго теперь блѣдностію отъ заточенія, на которое онъ себя присудилъ съ дня смерти Нусалъ-Хана, замѣтна была глубокая скорбь. Оба брата были чрезвычайно сходны между собою какъ чертами, такъ и выраженіемъ лица. По приглашенію хозяевъ Калишъ-Бекъ сѣлъ за трапезу, послѣ которой они совершили омовеніе и тогда гость тихо разсказалъ Аджи-Мурату причину его посѣщенія. Онъ договаривалъ еще послѣднія слова, когда кто-то постучался у наружной двери; ее отперли и Магома-Гаджи-Ява-Оглы вошелъ. Сказавъ *саламъ олекумъ* онъ прибавилъ: „братья! я къ вамъ пришелъ шаушомъ (десятипкомъ) перъ едать приказаніе Имана, чтобы завтра никто не смѣлъ, подъ опасеніемъ смертной казни, являться въ мечеть вооруженный. Прошайте, уже поздно! а многимъ еще надо тоже объявить. Аджи-Муратъ, проводи меня.“ Когда оба вышли вмѣстѣ, шаушъ ска-

¹⁾ У кавказцевъ кинжалъ есть необходимость и не включается въ число вооруженія.

залъ двоюродному брату своему: „послушай, Аджі Муратъ! Не должно откладывать убійство ченки: видишь, онъ уже запрещаетъ носить храбрымъ Аварцамъ оружіе. хочеть сдѣлать изъ насъ бабъ: всѣ очень недовольны этимъ повелѣніемъ. Рѣшайся же скорѣй. право я теряю терпѣніе!“

—Какъ же ты хочешь меня торопить—отвѣчалъ Аджі Муратъ: вотъ уже два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ дому? теперь, когда выйду, все вниманіе будетъ обращено на меня, и, разумѣется, ничто не удастся; но погоди немного, если допустить Аллахъ, успѣемъ выполнить свое намѣреніе!

Магома Гаджи-Ява-Оглы стремглавъ побѣжалъ извѣстить Гамзата, что его жизнь еще не въ опасности; а Аджі Муратъ заперевъ крѣпко дверь не велѣлъ никого болѣе впускать. Вошедъ въ комнату, гдѣ оставались отецъ и братъ съ гостемъ Аджі-Муратъ разказалъ имъ свой разговоръ съ шаушемъ и передалъ отцу, сказанное ему Кометь-Беккомъ. Старикъ погрузился въ глубокое и грустное размышленіе. даже слеза блеснула въ его тусклыхъ очахъ. По вдругъ глаза просіяли, лице озарилось вдохновеніемъ и старикъ торжественно произнесъ: „Сыновья! опасность вамъ грозящая затмила было мой разумъ. и въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я думать, что совершивъ убійство, вы уцѣлѣли бы? Нѣтъ сомнѣнія, что окружающіе Имана васъ въ тоже мгновеніе растерзають. Нѣтъ, дѣти! не станемъ заблуждаться: какъ прежде, такъ и теперь—вы обречены на жертву! Но ожидающія васъ гоненія злобнаго Гамзата, да содѣлають мудрѣе и рѣшительнѣе, да ускорятъ исполненіе вашего замысла! Вы это должны для себя, чтобы не томиться въ ежечасныхъ опасеніяхъ! для чести и блага и родины своей! Какой позоръ покроетъ въ грядущемъ Аварію, если посреди ея сыновъ не найдется ни одного, кто-бъ отмстилъ за кровь хановъ, измѣннически пролитуую! Какой срамъ ляжетъ на родину нашу, если не найдется никто, кто-бъ подвинулся на священную комлу (кровомщеніе)! Подумайте! что будетъ съ Аварцами, если этотъ злодѣй хану-убійца, утвердится на всегда на ханскомъ сѣдалищѣ! Какія неисчисленныя бѣдствія стануть терзать Аварію! Откладывать нечего: спасенія на землѣ вамъ нѣтъ! Заклинаю васъ, завтра же кончить все, покуда Гамзатъ не успѣлъ принять всѣхъ мѣръ предосторожности! Послѣ завтра, быть можетъ, уже будетъ поздно, и вы погибнете безъ пользы для себя, безъ пользы для родины святой! И ужасъ вашей казни оцѣпнитъ всѣхъ замышляющихъ отмстить за кровь князей! Тебѣ спасибо, Калишъ-Бекъ, за извѣщеніе; но въ настоящее время, благоразуміе не позволяетъ ввѣряться никому; по этому ты не оставишь моего дома до

тѣхъ поръ, покуда дѣти мои не совершатъ убійства, возложеннаго на нихъ долгомъ и честію.⁴

Блѣдное лицо Аджи Мурата покрылось слабымъ румянцемъ. Взглянувъ на брата, онъ прочелъ во взорѣ его чувства, волновавшія юношу и съ жаромъ отвѣчалъ: „Отецъ! мудры слова твои и свято исполнена будетъ воля твоя! Давно уже это цѣль брата и моя: но когда насъ не станетъ, ты останешься одинокій: кто предастъ тебя, дряхлаго старца, землѣ—последнее убѣжище каждаго, когда смертный часъ твой наступитъ? Калишъ-Бекъ! ты давній другъ мнѣ: успокой меня и брата—покланись намъ призрѣть отца, когда насъ не будетъ!“

—Само собою разумѣется—отвѣчалъ спокойно гость, нисколько не измѣнивъ вида своего:—но если ты хочешь клятвы, даю ее тебѣ; только въ такомъ случаѣ даю, когда вамъ обоимъ удастся убить Гамзата, иначе я даю торжественный обѣтъ или отмстить за своихъ хановъ и за тебя,¹⁾ или самъ погибнуть.

Старикъ въ избыткѣ чувствъ всталъ и обнялъ гостя. Послѣ того всѣ разошлись спать, положивъ, что отецъ долженъ обдумать, какимъ образомъ исполнить убійство, или по выраженію его—справедливый приговоръ Аллаха. Молодые люди заснули спокойно, обреченные на неизбѣжную смерть; но они не страшились ея, не опасаясь гласности дѣла, доведшаго ихъ до плахи. Они покупали благодарность соотчичей, признательность потомства жизнию, которую съ восторгомъ жертвовали на славное по ихъ убѣжденію, и справедливое дѣло!

Не то было съ Гамзатомъ. Всю ночь валялся на постели онъ томимый бессонницей; тщетно искалъ онъ спокойствія отъ мыслей и не находилъ: открытіе заговора противъ его жизни пробудили властолюбца отъ упоенія величія. Какія противорѣчія должны были сталкиваться въ его умѣ! Какіе страшные вопросы онъ долженъ былъ себѣ дѣлать! Найдеть ли онъ защиту и убѣжище отъ злоумышленниковъ въ любви народной, въ преданности своихъ приверженцевъ и окружающихъ? Поклонники ли они его добродѣтелей или власти, достигнутой посредствомъ столькихъ злодѣйствъ? Но какія же его добродѣтели? Когда и въ чемъ онъ ихъ явилъ? А власть, съ какою цѣлью онъ ее стяжалъ

1) На Кавказѣ, всякій человѣкъ предпринимающій что либо, избираетъ себѣ товарища: оба обязываются взаимною клятвой помогать другъ другу и мстить одинъ за другого. На войнѣ, если одинъ убитъ, другой долженъ вынести изъ боя его трупъ, когда же онъ этого не выполнитъ, то подвергается всеобщему презрѣнію и негодованію. На него смотрятъ какъ на плѣнника.

и поддерживалъ столь многими казнями и гоненіями? Или мудрымъ управленіемъ, онъ основалъ благосостояніе народа, содѣлалъ его лучше и нравственнѣе? Нѣтъ! но онъ завѣрилъ, что наставляетъ его на стезю спасенія. Хорошо—если народъ повѣритъ этому: а какъ онъ постигнетъ, что ты, Иманъ Азамъ, проповѣдывалъ то, что самъ не исполняешь и чему самъ не вѣришь! что ты употребляешь вѣру, какъ средство достигнуть власти, которую въ свою очередь употребляешь не для блага ближняго, но чтобы обогатиться и насытить свое алчное властолюбіе, удовлетворить гнустнымъ влеченіямъ души твоей! Куда дѣнутся тогда, святой мужъ! призраки твоего величія, твоего благочестія, твоей мудрости. Скрыты ли еще довольно твои каверзы въ ряду преступленій, тобою внушенныхъ, чтобы достигъ теперяшняго твоего положенія? Вѣритъ ли народъ, что ты не участникъ въ пролитой крови!

Скажи. Гамзатъ, когда и гдѣ нанесется тебѣ смертный ударъ? Укажи, какую часть тѣла постигнетъ смертоносная рана? Ужасна твоя ночь, Гамзатъ! Но не заблуждайся, ты никого не обманываешь, кромѣ самаго себя, всѣ тебя видятъ, знаютъ, понимаютъ. Гнустность, пороки, низость твоего права всѣмъ извѣстны!

Первые лучи солнца едва освѣтили Хунзакъ. Османъ, Аджид-Муратъ и Калишъ-Бекъ уже сидѣли вмѣстѣ въ кунакской, гдѣ наканунѣ произнесенъ былъ смертный приговоръ Гамзату. Наконецъ и старикъ, согбенный лѣтами, вошелъ туда же: онъ несъ въ рукѣ тяжелый узелъ. Послѣ взаимнаго мусульманскаго привѣтствія, предать сыновьямъ все придуманное имъ въ ночь для исполненія угоднаго Аллаху дѣла; потомъ развязалъ узелъ, вынулъ изъ него блестящую колчугу и сказалъ:

„Вотъ родовой панцырь нашей семьи: много острыхъ лезвеевъ и мѣткихъ пуль на немъ останавливалось—одинъ онъ только и есть въ нашемъ родѣ! Одинъ изъ васъ, сыновья мои, долженъ сегодня его надѣть. Ты, Османъ, старшій въ родѣ послѣ меня: по законамъ наследства, панцырь принадлежитъ тебѣ. Надѣнь его, и да защититъ онъ тебя отъ вражескихъ ударовъ, какъ уже много разъ служилъ онъ твоимъ предкамъ!“

—Не мудры слова твои, отецъ!—отвѣчалъ Османъ.—Я жилъ на свѣтѣ больше брата: я старшій, слѣдственно послѣ тебя, мнѣ хранить два Аджид-Мурата. Отдай панцырь брату пускай онъ надѣнетъ его тотчасъ.—

„Нѣтъ! по справедливости законовъ. панцырь принадлежитъ Осману и я его не надѣну сказалъ твердымъ голосомъ Аджи-Муратъ.— Тѣмъ болѣе что братъ объявилъ уже мнѣ,—по праву старшинства ему должно нанести первый ударъ Гамзату, и онъ не уступитъ мнѣ этого права. а такъ какъ первый ударъ все рѣшить, то и панцырь мнѣ не нуженъ.“

—Отецъ и старшій братъ повелѣваютъ тебѣ облечься въ кольчугу—возразилъ старикъ—не ослушайся старшихъ, возьми и надѣнь сейчасъ панцырь; да спасетъ онъ нынѣшній день твою жизнь! Смотри, не попирай власти поставленной Богомъ надъ тобою въ тотъ день, когда ты готовишь руку на исполненіе приговора Великаго Аллаха!

Аджи-Муратъ покорился. Молча онъ снялъ съ себя черкеску и облекся въ кольчугу.¹⁾

Полдень приближался. Уже муэдзинъ на минаретѣ Хунзакской ханской мечети, протяженнымъ голосомъ, сзывалъ правовѣрныхъ къ Азанъ-намазу (полуденная молитва). Духовенство и народъ шли къ мечети: всѣ лица были строги и постны. какъ расколь, которому они приобщались.

Хунзакская ханская мечеть находилась на площади, не подалеку отъ воротъ ханскаго двора. Это длинное и узкое строеніе изъ дикаго камня, поросшаго мхомъ. Темныя стѣны, закоптѣлыя временемъ. и бурьянъ, растущій на плоской крышѣ, свидѣтельствуютъ о ея древности. Мечеть раздѣляется на двѣ узкія, длинныя галлерей посредствомъ двухъ вальжныхъ столбовъ, поддерживающихъ грубые своды потолка. Въ южной стѣнѣ прислоненъ возвышенный амвонъ для проповѣдника и вѣчно теплятся три лампы, прикрѣпленныя къ потолку. Окно весьма мало и тѣ сдѣланы бойницами. такъ что пропускаютъ очень немного свѣта. Стѣны выштукатурены глиною и покрыты красною краской подъ лакомъ. и во всѣхъ направленіяхъ написаны черными и золотыми буквами стихи изъ Корана. Одна дверь въ сѣверной стѣнѣ служитъ общимъ входомъ.

Народъ наполнялъ мечеть, благочестиво преклонивъ колѣно. Впереди были Османъ и Аджи Муратъ на лицахъ ихъ покрытыхъ не-

¹⁾ Кавказцы носятъ выше рубашки бешметъ. стеганный на ватѣ, а сверхъ всего черкеску изъ туземнаго сукна. Когда же они въ панцырѣ, то этотъ надѣвается на бешметъ подъ черкескою. Панцырьники никогда не снимаютъ кольчуги, даже и дома, вѣроятно, чтобы не отвыкнуть отъ ея тяжести.

обычайной блѣдностію, выражалось чувство совершенной покорности предопредѣленію. По обыкновенію принятому многими въ этой странѣ, они имѣли на плечахъ бурки, что очень способствуетъ скрытію оружія, когда въ томъ случается надобность.

Въ толпѣ пробѣжалъ шопоть: „Иманъ-Азамъ идетъ!“ И въ слѣдъ за тѣмъ дверь мечети распахнулась настежь, благовидный и стройный Гамзатъ вошелъ: онъ былъ въ бѣлой черкескѣ опушенной черною тесьмой; подъ черкескою, на бешметѣ его проглядывалъ поясъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ: голова Имана была обернута красною чалмой! Онъ шелъ, окруженный по обычаю Аварскихъ хановъ, какъ шла нѣкогда Кистемана-Бека изъ терема въ кунакскую, принимать народную депутацію. Подойдя ко входу, стража Гамзата остановилась, а онъ переступилъ за порогъ и продолжалъ идти къ южной сторонѣ, потушивъ взоръ съ притворнымъ благочестіемъ. Народъ въ глубокомъ молчаніи оставался на колѣняхъ.

Османъ одинъ всталъ и громко сказалъ собранію: „Развѣ не видите что идетъ великій мужъ? Вставайте же!“ Всѣ безмолвно встали.

Гамзатъ, вѣроятно занятый доносомъ, ему наканунѣ сдѣланнымъ, уподоблялся приговоренному, идущему на казнь, который по свойственному человѣку чувству, дѣлается крайне суевѣренъ и во всякой бездѣлицѣ видитъ благое предназначеніе, толкуя все въ свою пользу, и до самой послѣдней минуты, съ слѣпою вѣрою, ласкаетъ себя надеждою, что казнь его будетъ отмѣнена, хотя бы нѣкіимъ чудомъ давно истекшихъ вѣковъ. Услышавъ голосъ Османа, Иманъ невольно содрогнулся и поднялъ глаза на говорящаго: но услышавъ смыслъ словъ, онъ съ выраженіемъ ласковой благодарности опустилъ взоръ и продолжалъ идти къ своему мѣсту.

Впереди всѣхъ былъ посланъ длинный и узкій коверъ. Тамъ, снявъ черкеску, Иманъ остался въ бешметѣ и сѣлъ на коверъ, разувшись. онъ сталъ совершать предмолитвенное омовеніе¹⁾ въ поданномъ ему тазѣ. Османъ, который до нельзя откладывалъ свое намѣреніе, тутъ подошелъ къ нему и твердымъ голосомъ, громко сказалъ: „Гамзатъ! мы любили своихъ хановъ и были ими счастливы: ты измѣннически ихъ умертвилъ! ... „Въ это мгновеніе, онъ выхватилъ пистолетъ изъ подъ бурки; раздался выстрѣлъ, и властолюбецъ сначала тихо опустился, потомъ вдругъ своды повторили ударъ тѣла его объ полъ.

¹⁾ Магометанская молитва совершается съ босыми ногами: передъ молитвою правѣрные обязаны умыть себѣ лицо, руки, ноги и выполоскать ротъ.

Предсмертныя движенія повели члены. и Иманъ Азамъ былъ уже безжизненнымъ трупомъ.

Со всѣхъ сторонъ засверкали кинжалы, Османъ падаетъ отъ безчисленныхъ ударовъ: но крѣпкіе, острые базалаи тупятся о панцырь Аджи-Мурата, который напрасно спѣшитъ на выручку брата. Мюриды воспользовались первымъ оцѣненіемъ народа и хотѣли растерзать обоихъ юношей. но громкій голосъ Аджи-Мурата пробудилъ Аварцевъ. „Братья, Аварцы!“—кричитъ онъ имъ: „проснитесь! Смерть и гибель дерзкимъ мюридамъ!“—Смерть и гибель мюридамъ!—повторили сотни голосовъ. Мюриды въ числѣ 40 человекъ бросились опрометью изъ мечети, вбѣжали въ ханскій дворъ и заперлись въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ.

Жители Хунзака окружили домъ. гдѣ скрылись враги, управляшіе ими до этого времени силою наглости и предприимчивости. Туда приближалъ Калишъ-Бекъ: обнявъ Аджи-Мурата, который всемъ распоряжался, онъ оглядывается и видитъ около себя Магому Гаджи-Ява-Оглы, успѣвшаго въ суматохѣ сорвать съ головы своей чалму. Родство съ Османомъ и Аджи-Муратомъ дѣлало его неприкосновеннымъ: но Калишъ-Бекъ горя негодованіемъ при видѣ такой наглости, обличаетъ передъ народомъ Гамзатова шауша. напоминаетъ его ударъ Нусаль-Хану, и гнусный Магома Гаджи-Ява-Оглы падаетъ подъ ударами кинжаловъ озлобленной толпы.

Хунзакцы. видя невозможность вытѣснить мюридовъ изъ ихъ убѣжища. зажигаютъ домъ. Пламя распространяется и часть ханскаго двора весело горитъ. Ожесточенный народъ схватываетъ Магому-Гаджи-Ява-Оглы, котораго вся жизнь заключается теперь въ чувствительности многочисленныхъ ранъ, и бросаетъ его въ огонь. Шаушъ возвращенный пламенемъ къ жизненности, испускаетъ страшные вопли, клянетъ Гамзата и умираетъ полусожженный. Все стало безмолвно: лишь трескотня распространяющагося огня слышится: но вдругъ, внутри горящаго дома, мюриды отчаяннымъ напѣвомъ зашли предсмертную молитву. Еще мгновеніе и полусгорѣвшая дверь открывается: изъ среды пламени и густаго чернаго дыма, выбѣгаютъ мюриды съ засученными рукавами; звѣрское отчаяніе горитъ въ ихъ очахъ: съ обнаженными кинжалами въ рукахъ—послѣднія ихъ надежда—они съ остервенѣніемъ кидаются на Хунзакцевъ и ужасное побоище начинается. На мигъ все слилось въ хаосъ. трупы валятся, кровь течетъ, глазъ не можетъ поймать никакого предмета; наконецъ не стало болѣе враговъ! Озлобленный народъ присоединяетъ къ 40 убитымъ мюридамъ трупъ Гам-

зата, разрубаеъ ихъ на мелкія части и раскидываетъ по всѣмъ улицамъ Хунзака. Но Шамиль и нѣсколько спасшихся мюридовъ не дождались этого зрѣлища: они бѣжали изъ Хунзака и вскорѣ оставили самую Аварію.

X.

Hélas! et tu péris, jeune homme infortuné!

 Mais la mort t'a frappé sans pitié pour ses
 charmes.

Lamartine.

Когда все утихло къ Хунзаку, Аджи Муратъ принялъ на себя временное управленіе Аварією и защиту ханской вдовы, Гебетъ-Беке. о чемъ онъ немедленно извѣстилъ всѣхъ Дагестанскихъ владѣтелей и просилъ русскаго Сардаря назначить правителя.

Шамиль же, скрывшійся въ Унцукулъ—главной деревнѣ Койсубулинскаго общества, подъ кровъ Эракли-Магомы, родственника покойнаго дяди своего Газы-Муллы, нашелъ въ гонителѣ Гамзата—покровителя и ревностнаго защитника своихъ правъ. По завѣщанію перваго Имана, онъ провозгласилъ себя наследникомъ Гамзата и Иманомъ. Первымъ его дѣломъ было послать за Имашъ-Аліемъ, приемнымъ отцомъ Булача Аварскаго. Когда этотъ прибылъ на приглашеніе, Шамиль, выбравъ нѣсколько мюридовъ изъ самыхъ извѣстныхъ изуверовъ, послалъ ихъ тайно, въ деревню Карачи, куда незадолго передъ тѣмъ Имашъ-Алій переѣхалъ на житье съ женою и ювымъ Булачемъ.

Мюриды прибыли въ деревню ночью и спрятались до слѣдующаго дня, когда случай помогъ имъ подстеречь послѣдняго потомка Аварскихъ Хановъ, который игралъ съ сосѣдными дѣтьми на улицѣ. Они подошли къ нему, схватили и увлекли въ оврагъ, неподалеку отъ деревни, гдѣ и объявили, что хотятъ его убить. Напрасно невинный младенецъ молилъ о помилованіи, плакалъ, рыдалъ, упрекалъ мюридовъ въ истребленіи его семейства, обѣщалъ богатый выкупъ отъ оставшагося ближайшаго его родственника, Асманъ-Хана Казыкумышскаго, но все было тщетно. Изверги говорили младенцу, что на немъ мстятъ за кровъ Гамзата и своихъ единомышленниковъ; они придумывали терзанія, чтобы мучить невинную свою жертву. Сначала перерѣзали Булачу кинжаломъ верхнюю кожу горла, потомъ подъ пред-

логомъ, что кинжалъ тупъ, повторили это другой разъ. Болѣе полчаса продолжались истязанія, ребенокъ замеръ подъ ножомъ и тогда злодѣи сняли съ него голову. Эракли-Магома, который благопріятствовалъ Шамилю, молчалъ, притворяясь будто ничего не знаетъ о гнусномъ убійствѣ Булача.

И такъ не оставалось болѣе ни единого князя Аварскаго на землѣ.

По совершеніи этого злодѣянія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ преступленій, Шамиль созвалъ, сколько оставалось, мюридовъ и пошелъ на Хунзакъ съ намѣреніемъ возвратитъ себѣ принадлежавшее его предмѣстнику; но главной цѣлью его было овладѣть вдовою Ханшею; однако покушеніе это не состоялось. Воинственный Аджи-Муратъ, какъ этотъ разъ, такъ и позднѣе, вынудилъ Шамиля удалиться безъ успѣха отъ Хунзака.

Тѣмъ временемъ русское правительство вняло просьбамъ Аджи-Мурата и прислало войско, чтобы защититъ вдову ханскую и спасти Аварію. Русскій отрядъ вступилъ въ эту страну, взявъ съ боя деревню Хутохъ—гнѣздо всѣхъ ковъ и смуть, срылъ ее и вошелъ въ Хунзакъ, назначивъ правителемъ ближайшаго родственника Аварскаго дома Ахметъ-Хана Мехтулинскаго, который долженъ былъ управлять имениемъ вдовы Гебетъ-Беке.

Вскорѣ ханша разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ общей радости Аварцевъ, и такимъ образомъ потухшій родъ Аварскихъ князей опять воскресъ. Радость была такъ велика, что въ горахъ Дагестана, импровизаторы воспѣвали мать, скрывавшую въ своей утробѣ надежду цѣлаго народа отъ кровожадныхъ злодѣевъ.

Жаль, что истина помрачаетъ славный характеръ Аджи Мурата, проблеснувшій столь примѣрной преданностію къ законной власти, отвагою и безкорыстіемъ, почти равняющимся съ нашимъ незабвеннымъ Сусанинымъ—гордостью Россіи!—Увы! теперь Аджи-Муратъ сдѣлался мюридомъ и союзникомъ Шамиля! Что понудило его измѣнить своимъ прежнимъ убѣжденіямъ—неизвѣстно; но каковы бы ни были тому причины—его поступокъ непростителенъ и перевѣшиваетъ всѣ предыдущія доблестныя дѣла!

Единственный ханъ Аварскій, послѣдній потомокъ владѣтельнаго дома Аваріи находится нынѣ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ воспитывается подъ благодѣтельной сѣнью нашего Правительства, замѣнившаго ему попечительныхъ родителей.

Ему посвящается этот истинный рассказ о всѣхъ бѣдствіяхъ его дома, взятый изъ народныхъ преданій и повѣствованій стариковъ. Пускай мужаетъ онъ!—и всѣ ужасы, постигшіе его родъ, преисполненный замѣчательныхъ, великихъ и мудрыхъ нравовъ, наконецъ самое спасеніе, которымъ онъ обязанъ Правительству, да содѣлаютъ его достойнымъ и вѣрнымъ слугою Россіи!

К о н е ц ъ .

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

Я долженъ просить у тебя тысячу извиненій, милый другъ! Я получилъ всѣ твои письма, одно милѣе другаго, а въ первый разъ извѣщаю тебя объ этомъ. Г-нъ Дурново, уѣзжающій послѣзавтра, привезетъ тебѣ мой портретъ, который я тебѣ дарю. Чайльдъ Гарольда ты можешь оставить у себя, на сколько тебѣ вздумается, а также и поэму, изъ которой ты узнаешь много новаго. Итакъ, запасись терпѣнiемъ еще на одинъ день.

Пишу тебѣ уже въ мундирѣ, потому что сегодня первый день Пасхи, и я отправляюсь въ соборъ св. Петра посмотрѣть, какъ Папа будетъ служить обѣдню. Небу не было угодно, чтобы мы вмѣстѣ встрѣтили этотъ праздникъ, но, можетъ быть, оно чѣмъ нибудь другимъ вознаградитъ насъ за это. Я чувствую себя великолѣпно. Желаю тебѣ такого же хорошаго здоровья, какъ мое.

Воскресенье.

Чтобы доставить вамъ особое удовольствiе, дорогой другъ, могу сказать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Италинскій, въ письмѣ къ Нессельроде, написанномъ по настоянiю Гагарина, который хотѣлъ такимъ образомъ тоже поухаживать за Нессельроде, отказался отъ своей должности во Флоренціи и попросилъ, чтобы въ этомъ городѣ Сверчкова сдѣлали независимымъ отъ Рима посломъ.

Это частное письмо старика до сихъ поръ не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что покойный Императоръ никогда не хотѣлъ, чтобы во Флоренціи былъ посолъ. Такъ видишь, что поле сраженія осталось цѣликомъ за Гагаринымъ. Теперь выслушай мой планъ. Я только

что получилъ отъ графини Нессельроде письмо, въ которомъ находится такая фраза: „Повѣрьте, князь, что *о васъ думаютъ* (подчеркнуто). я надѣюсь, что въ теченіе этого лѣта, вы окончательно въ этомъ убѣдитесь“.

А такъ какъ я ей буду писать, то если ты хочешь получить мое мѣсто и избавиться отъ маленькаго городка, Флоренціи. и отъ высококомѣрія Гагарина, я буду просить его для тебя, потому что—честное слово—Флоренцію стоитъ промѣнять на Римъ, кромѣ того, твои денежные дѣла здѣсь поправятся, и, наконецъ, здѣшнее посольство имѣетъ будущее.

Въ настоящее время я нахожусь въ большой милости у своего начальника, который день и ночь твердитъ мнѣ о томъ, что онъ недоволенъ Нессельроде. Повидимому у старика есть долги, и онъ не знаетъ, какъ выйти изъ затрудненія!

Я восторгаюсь успѣхомъ своихъ депешъ о смерти Александра, и убѣжденъ, что въ первый же разъ, какъ будемъ представлены, мы безъ всякаго затрудненія получимъ все, о чемъ просили. Но когда? и какимъ образомъ? Чортъ знаетъ!

Возвращеніе гр. Коссаковскаго было мнѣ очень полезно, потому что кузина прислала мнѣ съ нимъ 1500 франковъ, о которыхъ ты ее просилъ; но что мнѣ было очень тяжело, такъ это то, что при этомъ она не удостоила написать мнѣ ни одного слова, а поручила Коссаковскому передать мнѣ деньги въ письмѣ, всѣ выраженія и обороты котораго носятъ характеръ официальной записки. Мнѣ было очень грустно въ тотъ день, когда получилъ эту сумму, и, кто знаетъ, стоитъ ли брать деньги безъ особой нужды, при тѣхъ денежныхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ я нахожусь? У кузины, несмотря на то, что она невысоко цѣнитъ людей. слишкомъ добрая душа для того, чтобы она могла уступить влиянію ума, и я не могу понять, да это и было бы слишкомъ тяжело, какъ только рѣшилась она поступить такимъ образомъ.

Но довольно объ этомъ; Смотря по обстоятельствамъ, мы часто разсуждаемъ сердцемъ, и тому, кто никогда не былъ бѣденъ, не суждено узнать всей глубины человѣческаго сердца.

Голицыны чудесные ребята, и насколько я могъ наблюдать, какъ они держатъ себя въ свѣтѣ, они умны. но молоды, у нихъ слишкомъ юношескіе взгляды; сразу видно, что они ни о чемъ серьезно

не размышляли. Они уѣдутъ черезъ недѣлю, потому что, несмотря на то, что разлука охлаждаетъ любовь, Мишель повидимому еще достаточно сильно любить глупую Бомбелль. Альбини, ищущій *прежде всего* своей собственной выгоды, на первомъ планѣ ставитъ здоровье Мишеля, но они черезчуръ молоды и смотрятъ на него, какъ на воспитателя, котораго нужно стыдиться и поэтому часто ставятъ его въ глупое положеніе. Въ концѣ концовъ вы знаете все это лучше меня.

Мы не на шутку составили планъ совмѣстнаго путешествія на югъ Франціи, и я поѣхалъ бы съ радостью, если бы не предпочли Гагарину дать отпускъ.

Г-жа де Сентъ-Оларъ уѣзжаетъ изъ Рима завтра, мы растаемся, какъ истинные друзья, увѣряю тебя, что это очень интересная женщина, настолько умная, добрая и привѣтливая, насколько это вообще возможно.

Орловъ добрый малый, онъ отчасти ударился въ либерализмъ. между тѣмъ, какъ я громко заявляю о своей преданности престолу. Кромѣ того, мы находимся въ столь счастливыхъ условіяхъ, что не можемъ возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно тѣхъ чувствъ, которыя исповѣдываемъ.—Мнѣ очень хочется пріѣхать во Флоренцію, повидаться съ тобой, но я заранѣе предвижу, что это не удастся. Возвращаю тебѣ письмо изъ Москвы, на этотъ разъ оно удовлетворительно и довольно подробно. Очевидно Поль находится въ большомъ затрудненіи, а его женитьба похожа на сухое дерево, не дающее плодовъ.—Отъ Италинскаго князя Гагаринъ получилъ полномочія говорить о своихъ частныхъ дѣлахъ и о дѣлахъ посольства, а такъ какъ эти полномочія даны ему письменно, то боюсь, что это можетъ намъ дорого обойтись, хотя я и не вполне убѣжденъ, что онъ можетъ поступить такъ дурно.....

Но этого не слѣдовало бы дѣлать. Сегодня у насъ большой *патриотическій* обѣдъ на 25 кувертовъ, на немъ Корсакова будетъ играть первую роль, потому что въ настоящее время она единственная въ Римѣ русская дама. Орлова больна.

Увидишь Гагарина, сдѣлай мнѣ одолженіе, подробно сообщи все, что онъ будетъ говорить обо мнѣ. Прощай, милый другъ. будь здоровъ.

Между прочимъ В. въ моемъ присутствіи попробовалъ получить для тебя разрѣшеніе пріѣхать на нѣсколько дней въ Римъ, чтобы повидаться съ мной. Просьба не имѣла успѣха.

Князь Гагаринъ ровно ничего не угадалъ. Конечно г-жа Сентъ-Олэръ—предметъ моего восхищенія, но я никогда не былъ въ нее влюбленъ. Письмо, написанное Дурново, то содержанію своему можетъ быть разсматриваемо, какъ обвиненіе въ молчаніи, и я надѣюсь, что ты остался имъ доволенъ.

Здѣсь предполагаютъ, что это ты влюбленъ, и въ нѣсколькихъ особъ сразу? Корсакова притворяется ученой, а ея дочери—наивными. Съ такимъ состояніемъ это можно себѣ позволить! Я чувствую, что обращаюсь съ ними чрезвычайно недружно. но что подѣлаешь! Ихъ дородность располагаетъ меня къ этому. Голицыны уѣзжаютъ изъ Рима въ началъ будущей недѣли. Но не пріѣдутъ ли они слишкомъ поздно, чтобы соблюсти приличія? Для нихъ создадутъ особыя. Я поддерживаю въ нихъ старый образъ мыслей; они противятся; но мои убѣжденія лишь крѣпнутъ изъ этого. Они меня тровули: хотятъ, чтобы я вмѣстѣ съ ними ѣхалъ во Францію: я даю неопредѣленные обѣщанія. Это невозможно, подумать объ этомъ было бы безуміемъ. Они хотятъ утащить меня во Флоренцію, это не невозможно, но очень трудно, необыкновенно трудно. Мнѣ очень хочется посмотрѣть твои новые покои. У меня въ комнатѣ—солнечный лучъ. Лучъ надежды!—

Я чувствую себя великолѣпно, но сильно тоскую. Г-жа де Капельянъ лежитъ въ постели. Она вовсе не такъ очаровательна, какъ могла бы быть.

Четвергъ. 30 Марта.

Мнѣ было совѣстно слишкомъ обременять посылками Дурново, и это помѣшало мнѣ, достойный другъ, прислать тебѣ съ нимъ мой портретъ, который до такой степени похожъ, какъ только можно этого желать. Провидѣнію угодно, чтобы Голицыны доставили его тебѣ, они уѣзжаютъ завтра, рано утромъ, но мой планъ—уѣхать вмѣстѣ съ ними. увы! не осуществился. Мишель, тотчасъ по пріѣздѣ во Флоренцію обѣщалъ прислать мнѣ кое-какія книги, а Теодоръ пришлетъ мнѣ изъ Ливурно портфель.

Сдѣлай одолженіе, постарайся переслать ихъ поскорѣе. Моя бібліотека увеличивается съ каждымъ днемъ, недавно я получилъ въ подарокъ отъ секретаря прусскаго посольства мемуары Манштейна о Германіи.

Но съ другой стороны, мое собраніе автографовъ не двигается съ мѣста. Вчера, мы посѣтили богослуженіе (Te Deum), гдѣ, по слу-

чаю выздоровленія австрійскаго императора, присутствовалъ самъ папа. Храмъ былъ украшенъ замѣчательно хорошо, но скопцы пѣли очень плохо. Корсакова смертельно скучна. Теперь я предлагаю тебѣ одну сдѣлку, требующую большой ловкости. Ты знаешь, что Бутурлинъ—отецъ поручилъ мнѣ переслать ему во Флоренцію огромное количество табаку. Черезъ Дурново я только что отправилъ ему послѣднюю часть этой клади, но вотъ въ чемъ бѣда! Для своего собственнаго употребленія я похитилъ двѣ коробки, въ общемъ одинъ фунтъ. Нельзя ли посвятить въ эту тайну добрую графиню Анну и упросить ее, на сколько возможно смягчить справедливый гнѣвъ графа Бутурлина, или же расположить въ мою пользу очаровательную мадемуазель Елизавету? Я получилъ еще письмо отъ князя Гагарина, но воздержусь и не сообщу тебѣ содержаніе его. Кромѣ портрета, Голицыны передадутъ тебѣ нѣсколько строкъ отъ меня. Ради Бога, не забудь сжечь мое письмо, посланное съ Дурново. Въ наше время никакая предосторожность не можетъ быть лишней. Я чувствую себя прекрасно, погода, хотя и хорошая, но холодно. Тысяча пожеланій, поклоновъ и поцѣлуевъ. Прощай, дорогой братъ.

Воскресенье, 2 сего Апрѣля 1826 года.

Извѣстно ли тебѣ, что Ливіо разорился и что я на самомъ дѣлѣ потерялъ треть своего содержанія? Вотъ какимъ образомъ судьба наказываетъ тѣхъ, кого любить!

Вторникъ.

Сегодня я заявилъ Италинскому о своемъ новомъ назначеніи. Ему было это непріятно. Старикъ привыкъ ко мнѣ. „Вотъ подходящий моментъ, чтобы предложить вашему брату пріѣхать ко мнѣ, если онъ хочетъ замѣнить васъ, напишите ему“. Таковы были слова уважаемаго старца. Рѣшай же, милый братъ. Съ одной стороны, тебѣ предстоитъ быть переписчикомъ и редакторомъ. Съ другой стороны, переписывать тебѣ придется рѣдко, но по крайней мѣрѣ ты будешь находиться подъ покровительствомъ ученаго и уважаемаго министра.

Римъ—чудное мѣстопробываніе для тѣхъ, кто любитъ древности, тамъ ты будешь въ полной безопасности отъ всякихъ сплетенъ, а кромѣ того я такъ хорошо знаю городъ и его обитателей, что твое пребываніе здѣсь будетъ лишь продолженіемъ моего. На что же, тебѣ надѣяться во время пребыванія въ Тосканѣ?—совсѣмъ не на что. Другое дѣло, если бы ты могъ смотрѣть на эту жизнь, какъ на

учебные годы; а здѣсь, кромѣ того, твои финансы были бы въ тысячу лучше, климатъ великолѣпно подходилъ бы для тебя, дружескія связи для тебя ужъ готовы, а въ *случаѣ надобности* я предоставилъ бы въ твое распоряженіе всѣ *необходимыя средства*. Такимъ образомъ, вотъ цѣлый милліонъ преимуществъ, и признаюсь, я былъ бы необыкновенно спокоенъ за тебя, зная, что ты устроился въ Римѣ. Но не нужно терять времени, и я прошу тебя, въ двухъ словахъ сообщи мнѣ свое окончательное рѣшеніе, и обязательно съ первой же почтой, потому что мнѣ, какъ можно скорѣе, нужно отвѣчать графинѣ Нессельроде, и я воспользовался бы этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы говорить съ нею о твоихъ пожеланіяхъ; а ты пока съ своей стороны сдѣлай подобные же шаги. Повторяю, единственное, что могло служить тебѣ препятствіемъ, это необходимость быть переписчикомъ, но какъ знать, не ожидаетъ ли тебя подобная же участь при первомъ же новомъ начальникѣ? Значить, нужно зрѣлое размысленіе,—такіе случаи не всегда бываютъ въ нашемъ распоряженіи. Тебѣ останутся мои комнаты, со всѣми моими книгами, съ мебелью и прекраснымъ, обширнымъ видомъ изъ оконъ. Пріѣзжай въ Римъ, милый другъ. Италинскій сейчасъ же написалъ бы ко Двору, чтобы просить для тебя мое мѣсто. Я еще не получалъ никакого официального извѣщенія о своемъ назначеніи. Обязательно нужно, чтобы кранъ пришелъ ко мнѣ на помощь и далъ бы мнѣ 2000 франковъ, если онъ не хочетъ, чтобы я истратилъ до послѣдней копѣйки всѣ свои деньги, предназначенныя для путешествія. Очень благодаренъ тебѣ за твое послѣднее письмо и за всѣ заключающіяся въ немъ новости. Ты какъ нельзя лучше употребилъ булавку Демидова, но я все таки полагаю, что лучше всего было бы обратить ее въ деньги. Я уѣду изъ Рима какъ только получу официальное назначеніе и уплачу свои долги, а пока нужно употребить всѣ усилія, чтобы задержать Голицыныхъ во Флоренціи, несмотря на то, что Альбини придетъ въ отчаяніе, а причина этого—любовь Мишеля къ г-жѣ де Бомбелль. Послѣдняя—между нами будь сказано—могла бы послужить прекраснымъ орудіемъ для выполненія моихъ плановъ.—Вотъ письмо къ Демидову. Но прежде чѣмъ отвѣчать ему, тебѣ необходимо посвятить въ мои планы Дурново-отца и хитреца Нарышкина. Въ своемъ письмѣ я не хочу ничего предрѣшать, потому что гораздо лучше предоставить свободу великодушію нашего ближняго, крана. Вотъ та сдѣлка, которую я тебѣ поручаю: она нелегка, но я уповаю на Господа Бога.—И все устроится.

Въ посылкѣ отъ Пери, дорогой мой Мишель, находится прелестный портфель, чудной работы и удивительно удобный. Я буду бранить

Пери за такую большую трату. При подаркѣ есть письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что весною де Мэстръ со всей семьей прїѣдетъ въ Италію. Слабое здоровье малютки заставляеть ихъ рѣшиться на это путешествіе, которое они начнутъ съ Ниццы. Такъ вотъ истинная причина молчанія де Мэстра; для меня этого вполне достаточно, чтобы успокоиться на счетъ того, помнить ли онъ меня.

Молодые Голицыны добрые ребята, но совершенныя дѣти. Они вовсе не созданы для путешествій, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, не извлекая изъ этого никакой пользы ни для своего образованія, ни для здоровья. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ или ясно выраженныхъ вкусовъ ни къ какому роду занятій; они любятъ женщинъ, но совершенно не умѣютъ выбирать самыхъ милыхъ. Г-жа Хитрово вчера вечеромъ прїѣхала въ Римъ, а въ воскресенье опять уѣдетъ во Флоренцію. Она ѣдетъ въ Москву на коронацію! Сдѣлай мнѣ одолженіе, дорогой Рафаэль, спроси у Піатти, есть ли у него перечисляемыя мною книги, и сколько онѣ могутъ стоить.—Руководство къ изученію политическаго устройства Европейскихъ государствъ и ихъ колоній *Геерена*. О вліяніи крестовыхъ походовъ, *Геерена*. О политикѣ и торговлѣ древнихъ народовъ *Геерена*. Опытъ изученія духа и вліянія реформации Лютера, *Карла Villers'a*. О созерцаніи природы, *Бонне*. Бесѣды объ измѣненіяхъ земного шара, *Кювье*. Исторія Папъ. Только что получилъ твое письмо. Вотъ пропуски для Огинскаго. Прощай. Отъ всей души цѣлую тебя.

Только время покажетъ, дорогой мой другъ, хорошо или дурно ты поступилъ, не захотѣвши замѣнить меня въ Римѣ: а пока я пишу графинѣ Нессельроде, ничего не упоминая о тебѣ, а старикъ, предложившій тебѣ мое мѣсто, легко успокоится. Я готовлюсь къ путешествію и читаю все, что попадетъ подъ руку, относительно страны, которую увижу. Я безъ малѣйшаго сожалѣнія покидаю Римъ, но тамъ остаются лица, дружескія отношенія которыхъ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Единственное, что дѣйствительно тревожитъ меня, это долги, которыхъ за четыре года набралось порядочно, а что ставить меня въ величайшее затрудненіе, такъ это паденіе Ливіо, несомнѣнное паденіе, благодаря которому я теряю цѣлую треть, за Сентябрь прошлаго года. Изъ этого слѣдуетъ, что парижская сумма не вывела меня изъ затрудненія, а 150 экю Демидова не хватаетъ, чтобы устроить всѣ мои дѣла. Ахъ, я очень боюсь, какъ бы кранъ въ эту рѣшительную минуту не отказалъ мнѣ въ помощи: тогда мнѣ придется поду-

мать о займѣ, а гдѣ же мнѣ, чортъ возьми, найти его? Планъ ѣхать до Парижа вмѣстѣ съ кузенами основанъ на крайней необходимости совершенно ничего не тратить отъ Рима до Парижа; стало быть необходимо, чтобы эти господа не уѣзжали изъ Флоренціи, до тѣхъ поръ, пока я не приѣду къ нимъ, потому что какъ только Итальянскій получить мое официальное назначеніе, я на слѣдующій же день уѣду изъ Рима. Я ничего не беру съ собой, кромѣ иконъ, писемъ Пери и нѣсколькихъ книгъ объ Испаніи, такъ что вся моя поклажа состоитъ изъ одного тощаго чемодапа и портфеля, въ которомъ находятся мои любимыя вещи. Ахъ, дорогой Мишель, понимаешь ли ты, какъ я счастливъ при мысли, что снова увижу своего милого друга Пери, увижу послѣ долгой и печальной разлуки, теперь, когда прочныя узы уже соединяють насъ. Въ Римѣ всѣ окружающіе разрываются на части, чтобы женить меня на одной изъ дочерей Корсаковой, всѣ, кончая Итальянскимъ, который сказалъ мнѣ однажды: „Право, она богатая невѣста, и лицомъ недурна.“ Но эти напрасныя усилія только убѣждаютъ ихъ въ непреодолимомъ моемъ отвращеніи къ тому, чтобы пожертвовать душевнымъ спокойствіемъ ради состоянія, на которое никогда нельзя рассчитывать.

Мое пребываніе во Флоренціи не можетъ не быть очень краткимъ, потому что я боюсь надолго задерживать кузеновъ въ сѣтяхъ г-жи де Бомбелль. Постарайся, на сколько возможно, расположить въ мою пользу доктора, дай ему почувствовать, какъ ему будетъ интересно, что я поѣду путешествовать вмѣстѣ съ *его востанниками*.

Повторяю, эту сдѣлку я поручаю именно тебѣ, она поможетъ тебѣ проявить всю свойственную твоему характеру ловкость. Немногіе имѣющіяся у меня книги я перешлю тебѣ съ извозчикомъ, а вмѣстѣ съ ними и прекрасный портретъ отца, сдѣланный карандашомъ для гравюры; потому что онъ немножко великъ для того, чтобы я могъ взять его съ собою; взамѣнъ я попрошу у тебя тотъ, съ котораго онъ былъ срисованъ. Въ Римѣ есть множество людей, жившихъ по долгу въ Мадридѣ: ихъ рассказы вовсе не ободряютъ меня, но и далеко не лишаютъ одушевляющей меня смѣлости, и положи руку на сердце я признаюсь, что по моему, Мадридъ я всегда предпочелъ бы Парижу и Лондону.—Какое огромное преимущество въ томъ, что я хорошо знаю характеръ своего будущаго начальника! То хорошее, что говорить о Мейндорфѣ заставляетъ меня забыть непріятности, которыя мнѣ пришлось услышать отъ злого Гагарина, а единственная вещь, которая, въ сущности, должна была бы доставить мнѣ большое удовольствіе, тревожитъ меня, а именно присутствіе *Папина*, у котораго

слишкомъ странные взгляды для того, чтобы они могли согласоваться съ моими. А между тѣмъ ты знаешь, какая тѣсная связь была между нами, и если я имѣю право жаловаться на его прежнее поведеніе, то вѣдь люди мѣняются, и на семь свѣтѣ мы можемъ быть увѣрены лишь въ настоящемъ.

Что касается рисунка, заказаннаго графиней Бутурлиной Брюлову, то я не перестаю подгонять художника, но онъ до такой степени занятъ работой надъ Рафаэлемъ въ Ватиканѣ, что это дѣло, повидимому, поглощаетъ все его время и всѣ его помыслы. Сдѣлай мнѣ еще одно одолженіе, спроси у Пиацци, сколько стоитъ сочиненіе Ботта, о народахъ Италіи: оно мнѣ очень нужно, и я надѣюсь, что ты не заставишь меня долго ждать отвѣта. Я съ такимъ огромнымъ нетерпѣніемъ жду своего официальнаго назначенія, что день кажется мнѣ вѣчностью. Невозможно себѣ представить, что здѣсь плетутъ о петербургскихъ безпорядкахъ, а самыя животрепещущія новости передаются изъ устъ въ уста во всѣхъ классахъ общества. Честное слово, итальянцы сошли съ ума. Смерть Матвѣя Монморанси произвела сильное впечатлѣніе на его двоюроднаго брата, находящагося въ Римѣ. Это былъ его близкій другъ и единственная его поддержка. Посланникъ уѣхалъ изъ Рима и на нѣсколько дней отправился въ *Пало*. Прощай, дорогой братъ, да благословить тебя Господь.

Римъ, 9 Апрѣля 1826 года.

Надѣюсь быть во Флоренціи черезъ двѣ недѣли. Знаешь, что въ Петербургѣ не на шутку разыскиваютъ общество зеленой лампы, членомъ котораго я состоялъ семь лѣтъ тому назадъ?—Это потому, что и Трубецкой былъ членомъ этого общества. Еще разъ прощай.

Вторникъ.

Я получилъ твое длинное письмо. достойный другъ мой, а съ сегодняшней почтой отправляю Демидову еще болѣе длинное, въ которомъ говорю, что ты на словахъ скажешь ему все, о чемъ я не пишу въ вышеупомянутомъ письмѣ, т. е. относительно суммы, которую я хотѣлъ бы получить отъ него для покрытія моихъ долговъ.

Безъ этого „*sine qua non*“ я не тронусь изъ Рима. Ты отлично видишь, что это лишь угроза. Вчера я получилъ отъ него сразу два письма; онъ косвеннымъ образомъ отказывается прійти мнѣ на помощь, и между прочимъ говоритъ: „конечно, я былъ бы очень радъ помочь вамъ, но *разумно*“, это значитъ, что онъ хочетъ отъѣхать на 500 рублѣхъ. Мало! слишкомъ мало! Въ настоящее время это единственная

вещь, которая меня беспокоитъ, и мучаетъ меня! Когда же кончится эта неизвѣстность и когда буду я на пути во Флоренцію? Я пробуду у васъ съ недѣлю, потому что боюсь, вопреки ихъ средствамъ, надолго задерживать кузеновъ въ объятіяхъ новой Армиды. Кошка, а не Армида! Не намекай мнѣ на Мадридъ, я увѣренъ, что еще вернусь въ Италію и вмѣстѣ съ тобою буду прогуливаться подъ сѣнью каштановъ или у римскихъ раскопокъ. Ты очень плохо поступаешь, задерживая посылку Гагарина; въ ней находятся письма графини Нессельроде, которыя могутъ быть нужны ему; такъ пошли же ее немедленно въ Сиенну. Наши московскія дамы проѣхали черезъ Флоренцію; мать ищетъ свою дочь; положеніе довольно забавное, вѣдь Ницца и Флоренція не по пути. Мужъ Лидіи горячая голова! Тутъ что то да есть. Я получилъ аккредитивы. Все будетъ исполнено. А пока стараю отъ нетерпѣнія узнать содержаніе письма Антонины, потому что я ужъ косвеннымъ путемъ кое что узналъ изъ устъ княгини. Плохо, очень плохо! Я рассчитываю на твое обѣщаніе—какъ можно дольше задержать Голицыныхъ во Флоренціи, потому что я вѣдь погибшее дитя, если упусти этотъ единственный, единственный благоприятный случай!

Путешествовать вмѣстѣ съ ними. *Avete capito?* (Поняли?) Мнѣ тяжело видѣть, что есть лица, искренно сожалѣющія о томъ, что я уѣзжаю изъ Рима и я обвиняю себя насчетъ тѣхъ, кто придерживается политики Макіавели. Въ сущности, что такое жизнь, люди, Мадридъ и Римъ? Картина, которая поблѣднѣетъ и отъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣда. Прощай. Про какія коші ты меня спрашивалъ? Какія письма къ Воссомдрони? Я ни слова не слышалъ о нихъ. Погода восхитительная! Пери, Пери! вотъ что никогда не померкнетъ въ моихъ глазахъ.

С. не жалѣю. Не въ свои сани садились,—а разума было не мало!—

Мое официальное назначеніе все еще не получено, дорогой другъ, но теперь оно ужъ не можетъ надолго запоздать. А пока я наслаждаюсь послѣдними днями своего пребыванія въ Римѣ и сегодня утромъ, пользуясь наилучшей въ мірѣ погодой, мы, кампаніей въ 25 человѣкъ, отправляемся на пикникъ въ Фраскати. Сдѣлай одолженіе, скажи кузенамъ, что рисунки Кэтъ и Пинелли совсѣмъ готовы, что два первыхъ стоятъ 10 луйдоровъ, а послѣдній 3 луйдора. Меня

торопяты, чтобы я ихъ взялъ, а у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Процай. А письмо Антонины? Мои привѣтствія мадемуазель Лотцъ.

Въ ожиданіи своего официальнаго назначенія я начинаю укладывать всѣ свои книги, и не дожидаясь своего отъѣзда изъ Рима, пошлю ихъ тебѣ съ первымъ же извозчикомъ, который согласится взять на себя это порученіе, и предупреждаю тебя объ этомъ для того, чтобы ты заранѣе могъ принять необходимыя мѣры. Моя библіотека невелика, но въ ней есть очень хорошія книги, и за все можно дать до 100 піастровъ. Благодарю тебя за выдержки изъ петербургскаго журнала. Мое назначеніе на мѣсто *второго* секретаря въ Мадридъ есть повышение; я замѣняю Панина, и откровенно сознаюсь тебѣ, что несмотря на искреннюю привязанность къ этому человѣку, при его характерѣ я не могу избавить себя отъ тысячи непріятностей. Такимъ образомъ, я почти доволенъ тѣмъ, что онъ отозванъ. Что касается чина, мнѣ сказали на ушко, что я буду представленъ передъ отъѣздомъ изъ Рима, а я не уѣду отсюда, не получивши также и твоего представленія, потому что, честное слово, мы оба этого заслуживаемъ. Чинъ—это самое лучшее, потому что въ настоящее время просить камеръ-юнкера значило бы, слишкомъ выставять себя на показъ, такъ сказать, воспользоваться своимъ обычнымъ положеніемъ, тогда какъ столькимъ лицамъ отрѣзаны всѣ пути къ почестямъ. Однимъ словомъ, ты меня поймешь. Довольно.

1. Исполнилъ ли ты порученіе на счетъ табаку, и достаточно ли ловко намекнулъ, что я оставилъ двѣ коробки для своего личнаго употребленія. Этотъ вопросъ непременно нужно освѣтить, потому что отчасти отъ него зависитъ, окажетъ ли мнѣ хорошій пріемъ семейство Бутурлиныхъ.

2. Сколько стоитъ Исторія народовъ Ботта? Здѣшній книготорговецъ представилъ мнѣ только общій счетъ и никакъ не могъ мнѣ сказать, сколько стоитъ каждая книга въ отдѣльности.

3. Повліяты на Голицыныхъ, чтобы они прислали изъ Ливурно въ Испанію портфель и нѣсколько книгъ.

4. Сообщи мнѣ содержаніе письма Антонины.

5. Сказать Строганову, что ему нѣтъ писемъ.

Письмо Охотникову было передано своевременно.

Всѣ они уѣхали въ Неаполь, и только Толстой остался въ Римѣ. Я обращаюсь съ нимъ необыкновенно небрежно, но ни съ кѣмъ не хочу сближаться, если только меня не обязываетъ къ этому извѣстный возрастъ или какія нибудь особыя заслуги. Отъ Демидова я получилъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что его со всѣхъ сторонъ осыпаютъ насмѣшками! Онъ не отказываетъ мнѣ въ денежной помощи, но ждетъ моего приѣзда во Флоренцію. чтобы устроить всѣ мои дѣла. Мнѣ не нравится. А пока я уплачу свои долги деньгами, предназначенными на дорогу и во что бы то ни стало тотчасъ же соберусь въ путь. Демидовъ предлагаетъ мнѣ прекрасное помѣщеніе у себя, но я остановлюсь только у тебя. Такъ будетъ вѣрнѣе. Я все еще не отвѣтилъ графинѣ Нессельроде, потому что я *на свой счетъ* заказалъ для нея нѣсколько рисунковъ, которые будутъ приложены къ моему письму. *Я сдѣлаю изъ нея покровительницу.*

Прощай, голубчикъ. Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и Аннетъ, которыхъ я увижу съ большимъ удовольствіемъ.

18 сего Апрѣля 1826 года.

Четвергъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ не могу не считать повышеніемъ свое новое назначеніе, дорогой мой Рафаэль. Панинъ занималъ мѣсто Второго Секретаря; если же Указъ гласитъ, что я назначенъ Вторымъ Секретаремъ, а Панинъ уѣзжаетъ изъ Мадрида, стало быть замѣняю его я; и же получу и жалованіе отъ общественныхъ щедротъ. Поэтому всѣ согласны съ тѣмъ, что мое новое мѣсто есть повышение. Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ ничего опредѣленнаго, и я боюсь, какъ бы Альбини не потерялъ терпѣнія и не принялъ крайнихъ мѣръ. Твоя ловкость доставила мнѣ удовольствіе; въ то же время и огорчила меня. Кузены говорили тебѣ о моихъ книгахъ, число ихъ очень ограничено, но это хорошія книги, а главное, въ очень хорошихъ изданіяхъ.

Вотъ главные изъ нихъ:

Исторія Варки	1 томъ	} великофолныя изданія in folio, за 50 франковъ.
„ Сегюи	1 томъ	
Данте, съ рисунками		} 5 томовъ, это изданіе стоило мнѣ больше 160 франковъ
Пинелли		
Исторія Гвигардини		
Исторія живописи Ланчи	3 тома	

и т. д. и т. д. Ахъ, если бы мнѣ дали жалованье за цѣлый годъ.— Ты не можешь себѣ представить, сколько мнѣ нужно заплатить передъ отъѣздомъ, а всѣ мелкіе подарки и награды, которыя я долженъ сдѣлать въ Римѣ тѣмъ, кто мнѣ служилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и имѣетъ право на эти знаки моей признательности. Мой слуга, слуги дома Италинскаго, его ключница, хозяйка дома, гдѣ я живу и т. д. У меня голова идетъ кругомъ. Сегодня вечеромъ меня выберутъ членомъ Академіи Св. Луки, прославившейся своими литературными и археологическими трудами; такимъ образомъ, до отъѣзда изъ Рима я сдѣлаюсь членомъ четырехъ академій. Для будущаго это хорошо. Я собралъ 6 великолѣпныхъ рисунковъ, которые не замедлю переслать по ихъ высокому назначенію, и которыя, надѣюсь, заслужатъ чины намъ обоимъ! Повторяю, я не уѣду отсюда раньше, чѣмъ не получу этой милости. Какъ только придетъ мое официальное назначеніе, для меня будутъ просить аудіенціи у папы, я найму экипажъ и поѣду съ прощальными визитами ко всѣмъ знакомымъ. А ты, тѣмъ временемъ, приложи всѣ усилія для того, чтобы Голицыны не уѣхали изъ Флоренціи до тѣхъ поръ, пока я не пріѣду туда. Велико мое желаніе совершить путь отсюда до Парижа съ *удобствами*, вдоволь насмотрѣться на югъ Франціи, а для меня это единственный въ мірѣ случай.

Толстой уѣхалъ во Флоренцію сегодня утромъ.

Назначенія все еще нѣтъ, дорогой мой другъ, я взбѣшенъ и не понимаю, что такое могло вызвать такую задержку и очень опасуюсь какъ бы мой предшественникъ самъ не пріѣхалъ извѣстить меня о днѣ моего отъѣзда. Ась! А пока сдѣлай мнѣ одолженіе, попроси для меня *пропуски* и пришли мнѣ сюда. Я укладываю свои книги и намѣреваюсь отправить ихъ до отъѣзда изъ Рима. Мы будемъ вмѣстѣ распаковывать ихъ.

„О вѣй попутный вѣтръ, вѣй мощными устами
„Въ вѣтрило кораблей.

„Прощай.

„Возстали злобныя народы.
„По Робеспіеровымъ стопамъ,
„Изъ полной чаши пьютъ свободы
„Преступну ненависть къ Царямъ!—

Четвергь.

Какъ быть? ангелъ мой. Было бы больше чѣмъ непростительно заставлять Голицыныхъ томиться въ объятіяхъ новой Армиды. Мое назначеніе, которое все не приходитъ, возобновившаяся лихорадка и безпокойство, справедливое безпокойство Альбини. слишкомъ уважительныя причины, для того, чтобы я могъ рассчитывать на ихъ дальнѣйшее пребываніе во Флоренціи. Сегодня утромъ я получилъ прелестное письмо отъ Свѣчиной, она извѣщаетъ меня о томъ, что мое жалованіе *будетъ увеличено больше, чѣмъ вдвое*. Она пишетъ объ успѣхѣ, который одержали нѣкоторыя мои размышленія о событіяхъ дня, изложенныя въ одномъ изъ моихъ писемъ. Правда, это были однѣ изъ самыхъ сокровенныхъ моихъ помышленій, а поведеніе Свѣчиной является блестящимъ доказательствомъ ея расположенія. Послѣ такого доказательства считаешь ли ты меня способнымъ цѣнить женщинъ и выбирать друзей? Чтобы ты могъ познакомиться съ содержаніемъ письма Свѣчиной, посылаю его тебѣ, и убѣдительно прошу тебя, съ первой же почтой возврати мнѣ его обратно вмѣстѣ съ письмомъ графа де Мэстра; потому что я никогда не разстанусь съ перепиской этихъ двухъ лицъ, и мнѣ пріятно всегда имѣть ее у себя. А вотъ новая сдѣлка.

Ко мнѣ явился молодой Итальянецъ, который долженъ былъ поступить ко мнѣ на службу; онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе, а въ домѣ министра его отлично знаютъ; потому что вѣдь отъ слугъ можно узнать самыя точныя свѣдѣнія о поведеніи и характерѣ имъ подобныхъ. Я не захотѣлъ упустить такого удобнаго случая; захотѣлъ принять его къ себѣ на службу; такъ хотѣлось бы узнать, можно ли мнѣ взять его съ собою. Поэтому только Голицыны могутъ рѣшить этотъ вопросъ; потому что, если я не смогу ухъать вмѣстѣ съ кузенами, мнѣ никакъ не обойтись безъ слуги. Однако слугу всегда необходимо имѣть. Я напишу нѣсколько благодарственныхъ словъ Нарышкину.

Подвиньте же немножко дѣло о портфелѣ, который становится мнѣ такъ необходимъ, такъ же какъ и путешествіе Лаборда, послѣднее, что было написано объ Испаніи. Я написалъ чрезвычайно удачное письмо въ Археологическую Академію, которая прислала мнѣ дипломъ вмѣстѣ съ посланіемъ ко мнѣ, необычайно льстиво написаннымъ. Завтра меня будутъ избирать членомъ въ *двухъ* новыхъ академіяхъ. И я уѣду изъ Рима съ пятью научными дипломами. Достаточно? Не слишкомъ ли много? Развѣ не лучше, чѣмъ ничего?—

Если моя родственная обязанность требует не задерживать больше кузеновъ, тогда намъ нужно назначить другъ другу свиданіе въ Генцѣ. Тогда они уѣдутъ изъ Флоренціи, а я послѣшу пріѣхать къ нимъ. Печальное стеченіе обстоятельствъ! Прощай.

Задержка моего официальнаго назначенія начинаетъ меня серьезно тревожить. Какъ же! Въ газетахъ было написано давнымъ давно, а изъ министерства до сихъ поръ ни единого слова? Развѣ мое замѣщеніе должно подкрасться незамѣтно и пріятно меня ошеломить? Послѣ своего назначенія въ Мадридъ, я съ каждымъ днемъ становлюсь все болѣе чуждымъ нашей канцеляріи, гдѣ первый секретарь заводитъ новые порядки, которые будутъ очень затруднительны для вновь поступившаго. Слишкомъ большого усердія не хватитъ на долю и черезчуръ яркій свѣтъ только сгуститъ сумерки, которые настанутъ, какъ только онъ погаснетъ. Знаешь, кранъ прислалъ мнѣ 200 экю, а его письмо начинается очень странно: „Вы никогда не угадаете, кто мнѣ сказалъ, что въ Римѣ вы надѣлали долговъ“. Не старикъ ли это, или Нарышкинъ, или Фанни? Я не могу догадаться. Наконецъ, исчерпавъ всѣ источники, я въ состояніи уѣхать изъ Рима и пріѣхать въ Мадридъ совершенно спокойно. У меня волосы становятся дыбомъ при мысли о долгахъ, которые накопились у меня въ Римѣ, можно ли повѣрить, ихъ вѣдь до 8000 франковъ! Ась? Признаюсь, что PROVIDENCE чудесно выручало меня, и я чувствую, что выздоровѣлъ совершенно, потому что нѣтъ болѣе тяжелой болѣзни, чѣмъ долги и болѣшаго мученія, чѣмъ чувство безденежья. Неудовольствіе путешественника нисколько меня не удивляетъ, а оно покажется тебѣ совсѣмъ обыкновеннымъ. когда, ты узнаешь, что у него были отняты всѣ полномочія, и что допросы, которые онъ долженъ былъ сдѣлать, выражены самымъ яснымъ образомъ, такъ что, потерявъ возможность поступать, какъ ему угодно, ему не оставалось ничего другаго: кромѣ, какъ дѣйствовать въ указанномъ ему смыслѣ. Кромѣ того онъ упорно просилъ объ отправкѣ гонца. и даже эта просьба не имѣла успѣха, потому что развѣ человекъ можетъ самъ управлять обстоятельствами или равносильными имъ побудительными причинами? Твоя сыпь меня очень огорчаетъ, дорогой другъ, и я думаю, что нужно потерпѣть, вѣдь есть травяной отваръ, тѣмъ болѣе, что время года самое благоприятное для его употребленія, затѣмъ купанье и полнѣйшее воздержаніе отъ женщинъ, вина и всякихъ чрезмѣрныхъ упражненій. все это можетъ дать быстрое выздоровленіе. Мое здоровье удивительно крѣпкое. Въ послѣднемъ письмѣ кранъ упрекаетъ меня въ томъ, что я

не использовалъ пребыванія кузеновъ въ Римѣ и не занялъ у нихъ денегъ! Тебѣ онъ ставитъ мнѣ въ примѣръ. Правда, я никогда ничего не просилъ у нихъ. но тѣмъ лучше, если я никогда не подумалъ объ источникѣ, который можетъ быть тебѣ полезенъ?

Судя по всему содержанию письма и особенно по заключительной припискѣ, онъ не сомнѣвается въ томъ, что именно *Альбини* такъ ловко услужилъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ краномъ, потому что его особое ко мнѣ благоволеніе есть настоящій даръ небесъ. Ты пишешь мнѣ о дипломѣ для Альбини, не говоря о томъ, кто обѣщаль ему это устроить и членомъ какой академіи онъ хочетъ, и надѣется быть?

Въ прошлый разъ я былъ громогласно *провозглашенъ* членомъ Археологической Академіи, и мнѣ рукоплескали въ *чрезвычайномъ* за сѣданіи, на которомъ присутствовало нѣсколько кардиналовъ. Со всѣхъ сторонъ меня поздравляли и мое избраніе не замедлило на другой же день появиться въ газетахъ. Вотъ что значитъ имѣть друзей! Графъ Бутурлинъ далеко не уйдетъ со своими строгими правилами, а я похитилъ для своего личнаго употребленія только двѣ жалкихъ коробки его превосходнаго табаку. У меня въ комнатахъ такъ хорошо пахло этимъ табакомъ, что я не выдержалъ искушенія, и если разговоры объ этомъ не прекратятся, я напишу прямо ему и дамъ ему почувствовать всю непристойность его правилъ. Ась! Каково! Я же виновать, да я же и дуоусь! Мой ящикъ совсѣмъ уложенъ; я пошлю его, какъ только моментъ покажется мнѣ благопріятнымъ и постараюсь освободить его отъ всякаго таможеннаго сбора. Тебѣ останется только открыть его. Мишель влюбленъ, это прекрасно, но, повторяю, въ порывѣ увлеченія не надо забывать объ обѣщанныхъ книгахъ про Испанію. а Теодоръ, ничѣмъ не занятый, отлично могъ бы прислать мнѣ десять лудировъ для передачи Кэтъ за два великолѣпныхъ рисунка—замка и бури.

Я также не прощу ему трехъ лудировъ за рисунокъ Пинелли. Ась! Если правда, что Панинъ, какъ второй секретарь посольства, получалъ 8 тысячъ франковъ, я думаю, что нѣтъ поводовъ къ тому, чтобы и мнѣ было въ нихъ отказано, а для того, чтобы мнѣ ихъ дали, есть тысяча причинъ.

Чего я совсѣмъ не предполагаю, такъ это того, что мнѣ соблаговолятъ дать *годовое* жалованіе на путевыя издержки, но если министръ дѣйствительно желаетъ мнѣ въ этомъ отношеніи добра, то те-

перъ я даю слово. что не заблуждаюсь на счетъ своихъ денежныхъ дѣлъ, и обещаю, что дамъ тебѣ тысячу франковъ на чрезвычайные расходы. Ась! Ахъ, милый другъ! наше блаженство увидѣть снова милую Пери! „Какое счастье возобновится послѣ годовой, тягостной разлуки, неразрывный союзъ дружества. Я встаю, засыпаю съ этимъ помышленіемъ и дни мнѣ кажутся годами съ тѣхъ поръ, какъ я въ надеждѣ скоро свидѣться съ нею въ Парижѣ. Заключаю мое письмо дружескимъ лобызаніемъ“.

Академіи Наукъ (См. брошюру: „XVII присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Сиб. 1848 г., стр. 139—184).

„Эрцгерцогъ Карлъ, какъ полководецъ и какъ военный писатель.“ (*Военный Журналъ* 1847 г., кн. 2).

„Описаніе походовъ графа Радецаго въ Италію“ (*тамъ же* 1849 г., кн. 5 и отдѣльный оттискъ: Сиб. 1849 г.).

„Алжирія въ новѣйшее время,“ Сиб. 1849 г., съ пятью картами и планами.

„Исторія военного искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ отъ начала войнъ до настоящаго времени“ (*Военный Журналъ* 1848 г., кн. 3 и 5; 1849 г., кн. 1; 1853 г. кн. 3 и 6).—Отдѣльное изданіе: Сиб. 1849—1853 гг., двѣ части съ планами и картами.

„Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ,“ перев. съ нѣмецкаго, Сиб. 1850 г.—Этотъ переводъ исполненъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Лебедевымъ.

„Разборъ“ книги полковника Карцова: „Тактика“ (*Русскій Инвалидъ* 1851 г., № 2).

„Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турцію“ (*Военный Журналъ* 1851 г., кн. 5 и 6; 1852 г., кн. 1).—Отдѣльное изданіе: Сиб. 1852 г., съ картою и планами.

„Королевство Вестфальское и разрушеніе его генераль-адъютантомъ Чернышевымъ,“ сочиненіе Фонъ-Шнехта, перев. съ нѣмецкаго, Сиб. 1852 г.—Въ этомъ переводѣ участвовалъ и капитанъ Казнаковъ.

„О книгѣ Милютина: „Исторія войны 1799 года“ (*Военный Журналъ* 1853 г., кн. 1 и 4).

„Описаніе Наполеонова похода 1806 года въ Пруссію“ (*Военный журналъ* 1854 г., кн. 1 и 2).

„О новѣйшихъ усовершенствованіяхъ ручного огнестрѣльнаго оружія“ (кн. 3).

„О сраженіяхъ въ стратегическомъ отношеніи,“ извлеченіе изъ сочиненія генерала Клаузеница: „О войнѣ“ (кн. 4).

„Оборона Пскова,“ 1581—1582 гг. (кн. 5).

„О вліяніи на тактику технической части военного дѣла“ (кн. 6).

„Оборона Азова донскими казаками въ 1641 году“ (*Сибирская Пчела* 1854 г., № 90).

„Объ изученіи военной исторіи“ (*Военный Журналъ* 1855 г., кн. 3).

„Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымъ 1854—1855 гг.“ (*Военный Журналъ* 1856 г., кн. 1—3).—Отдѣльный оттискъ: Сиб. 1856 г., 286 стр. съ картою и четырьмя планами.—Кромѣ того, были перепечатки изъ этого труда: въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1856 г., №№ 107 и 143 и въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1856 г., т. 120—123.

„Сраженіе при Лубинѣ,“ глава изъ сочиненія: „Исторія Отечественной войны“ (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 24). Этотъ отрывокъ былъ перепечатанъ въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1858 г., т. 131.

„Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи. батареею Раевского“ (*Военный Сборникъ* 1858 г., т. I).

„Послѣднее время предъ войною 1812 года“ (*Библиотека для Чтенія* 1858 г., кн. 3).

„Народная война 1812 года“ (*тамъ же*, кн. 11). Какъ эта статья, такъ и предыдущая, перепечатаны въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1859 г., т. 136 и 137.

- „Матеріалы для исторіи войны 1812 года“ (*Военный Журналъ* 1859 г., кн. 1).
- „Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ“ (*Военный Сборникъ* 1859 г., т. V).
- „Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовернымъ источникамъ, составлена по Высочайшему повелѣнію,“ Спб. 1859—1860 гг., три тома съ планами и картами. Этотъ трудъ, удостоенный преміи отъ Императорской Академіи Наукъ (см. „XXX присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1861 г., стр. 39—48), переведенъ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812» (Лейпцигъ 1863 г.) и по-чешски: «Dějny vlastenské války roku 1812» (Прага 1868 г.).
- „Занятіе Вильны русскими войсками въ 1812 году“ (*Русскій Инвалидъ* 1860 г., № 40).
- „Разборъ“ книги Журавскаго: „Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 по 1825 годъ“ (*Военный Сборникъ* 1860 г., т. XI).
- „Народныя вооруженія въ Пруссіи въ 1813 году“ (*Русскій Вѣстникъ* 1860 г., кн. 21).
- „Дѣло при Рейхенбахѣ“ (*Русскій Инвалидъ* 1861 г., № 1).
- „Воспоминаніе объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ“ (*тамъ же*, № 92).
- „Союзные полководцы во вторую кампанію 1813 года“ (*Русскій Вѣстникъ* 1861 г., кн. 9).—Эта статья перепечатана въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1862 г., т. 154.
- „Разборъ“ сочиненія сэра Роберта Вильсона: „Описаніе нашествія на Россію Наполеона Бонапарте“ (*Плоснерный Журналъ* 1862 г., кн. 1).
- „Исторія войны 1813 года за независимость Германіи,“ по достовернымъ источникамъ составлена по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1862—1863 гг., два тома. Это сочиненіе удостоено преміи (см. „XXXIII присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1864 г., стр. 108—145) и переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Krieges im Jahre 1813 für Deutschlands Unabhängigkeit» (Спб. 1865 г.).
- „О средствахъ къ распространенію просвѣщенія въ арміи“ (*Военный Сборникъ* 1863 г., т. XXIX). Эта статья перепечатана въ „Очеркахъ“ (1863 г., № 26).
- „Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи при открытіи похода во Францію 1814 года“ (*Военный Сборникъ* 1864 г., т. XXXV).
- „По поводу развитія и направленія военно-историческихъ знаній въ Россіи“ (*Русскій Инвалидъ* 1864 г., № 29).
- „Анекдотъ изъ жизни А. П. Ермолова“ (*тамъ же*, № 54).
- „Годовщина 19 марта 1814 года“ (№ 62). То же въ *Сынъ Отечества* 1864 г., № 68.
- „По поводу пятидесятилѣтняго юбилея барона Н. В. Медема“ (*Русскій Инвалидъ* 1864 г., № 73).
- „Графъ Петръ Петровичъ Фонъ-дерь-Паленъ,“ некрологъ (*тамъ же*, № 94).
- „Графъ Петръ Петровичъ Фонъ-дерь-Паленъ и его время“ (*Военный Сборникъ*, 1864 г., т. XXXVIII).
- „Александръ I въ Парижѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1865 г., кн. 1).
- „Смотръ при Вергѣ,“ 1815 г. (*Военный Журналъ* 1865 г., кн. 8).
- „Исторія войны 1814 года во Франціи и изложеніе Наполеона I,“ по достовернымъ источникамъ, составлена по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1865 г., два тома съ картами. Это сочиненіе переведено на нѣмецкій языкъ г. Баумгартеномъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Krieges 1814 in Frankreich und des Sturzes Napoleon's I» (Лейпцигъ 1866 г.).

- „Александръ I: его дѣтство и юность“ (*Русскій Вѣстникъ* 1866 г., кн. 1).
- „Первая эпоха преобразованій императора Александра I“ (*Вѣстникъ Европы* 1866 г., кн. 1 и 2).
- „Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева на прокладныхъ листахъ книги Св. Евангелія“ (*Русскій Архивъ* 1866 г., кн. 6).
- „Тильзитскій миръ“ (*Вѣстникъ Европы* 1867 г., кн. 1).
- „Письмо генерала Аракчеева къ императору Александру I“ (*Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества* 1867 г., т. I).
- „Учебныя книги и тетради великаго князя Александра Павловича“ (*тамъ же*).
- „Паденіе Сперанскаго“ (*Вѣстникъ Европы* 1868 г., кн. 12).
- „Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время,“ печатано по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1869—1871 гг., шесть томовъ. Этотъ трудъ удостоенъ Уваровской награды.
- „Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 года“ (*Вѣстникъ Европы* 1870 г., кн. 11.)
- „Журналистика графа Аракчеева“ (*Русскій Ивалидъ* 1870 г., № 29).
- „Переговоры князя Меншикова въ Константинополь,“ по подлиннымъ документамъ (*Вѣстникъ Европы* 1873 г., кн. 1).
- „Сраженіе при Баядурѣ и Башь-Кадыкларѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1873 г., кн. 2).
- „Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II“ (*Военный Сборникъ* 1873 г., кн. 12 и отдѣльно: Спб. 1873 г.).
- „Два письма военнаго туриста: Севастополь—Константинополь“ (*Вѣстникъ Европы* 1874 г., кн. 10).
- „Зима въ Севастополь съ ноября 1854 года по февраль 1855 года“ (*Русскій Вѣстникъ* 1875 г., кн. 2).
- „Первое бомбардированіе Севастополя 13 октября 1854 года“ (*Русская Старина* 1875 г., кн. 6).
- „Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ“, изъ сочиненія „Восточная война“ (*тамъ же* 1876 г., кн. 10).
- „Восточная война 1853—1856 годовъ, Спб. 1877 г., четыре тома.
- „Военная политика и военныя учрежденія въ современномъ ихъ состояніи“ (*Русская Старина* 1878 г., кн. 1).
- „Дневникъ осады Карса въ 1855 году доктора Сандвита“ (*Военный Сборникъ* 1878 г., кн. 2).
- „Дѣло при Денбе-Вельке, 19 марта 1831 г.“ (*Историческій Вѣстникъ* 1881 г., кн. 6.).
- „Князь Курбскій,“ драма, Спб. 1882 г., 77 стр.

Кромѣ названныхъ трудовъ, подъ редакціею М. И. Богдановича, вышли: „Военно-энциклопедическій лексиконъ“ (Спб. 1852—1858 гг., четырнадцать томовъ) и „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, въ первое двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича“ (Спб. 1879—1880 г., шесть томовъ). Послѣ же кончины Богдановича, напечатаны его „Два письма къ А. П. Ермолову,“ 1858—1859 гг. (см. *Русскую Старину* 1896 г., кн. 10, стр. 120).

Богоявленскій, Михаилъ Максимовичъ¹⁾ родился 15 октября 1818 года; высшее образованіе получилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; по окончаніи тамъ курса (1841 г.), состоялъ учителемъ исторіи въ 1-ой Московской мужской гимназій (1842—1851 гг.), директоромъ училищъ Могилевской губерніи, преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ Лицеѣ (съ 1861 г.) и директоромъ Петербургскаго Коммерческаго Училища (съ 1864 г.); † въ 1882 году.—Имъ напечатаны:

„О преподаваніи древней исторіи,“ рѣчь въ 1-ой Московской гимназій, М. 1846 г., 19 стр.

„Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова,“ Спб. 1855 г., 248 стр. съ таблицей.

„Историческій очеркъ Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища,“ Спб. 1872 г.

Покойный М. М. Богоявленскій доставилъ для напечатанія въ *Русской Старинѣ* (1872 г., кн. 1, стр. 85—117) „Неизданные отрывки и варианты изъ Мертвыхъ Душъ Гоголя,“ которые оказались „поддѣлкою Н. Ф. Ястржембскаго“ (см. книжку С. П. Пономарева: „Памяти Гоголя,“ Кіевъ 1882 г., стр. 32—33).

Болдыревъ, Николай Васильевичъ²⁾, родился въ 1814 году и былъ заслуженнымъ профессоромъ Николаевской Инженерной Академіи; † въ чинѣ инженеръ-генералъ-лейтенанта 22 марта, въ Петербургѣ.—Ему вмѣстѣ съ Ѳ. Ласковскимъ принадлежалъ „Курсъ фортификаціи,“ часть первая (долговременная фортификація), Спб. 1864 г., 215+VII стр. съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 28 чертежей.

Борисякъ, Никифоръ Дмитриевичъ³⁾, изъ дворянъ, родился въ 1817 году, въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи; высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ Университетѣ (1838 г.); послѣ командировки въ Петербургъ для подготовки къ профессурѣ и послѣ научнаго путешествія по Россіи. съ 1843 года занялъ кафедру минералогіи и геогнозіи въ родномъ Университетѣ и состоялъ на ней до 1868 года, когда былъ уволенъ съ званіемъ заслуженнаго профессора; † въ ночь съ 19 на 20 марта, въ городѣ Золотоношѣ (Полтав-

1) О немъ: „Памятная книжка Импер. Александровскаго Лицея,“ Спб. 1886 г., приложение, стр. 30.—„Русскія книги,“ „Словарь“ и „Источники словаря,“ С. Венгерова.—„Столѣтіе Московской 1-ой гимназій,“ очеркъ, М. 1903 г., стр. 345.

2) См. „Всеобщій календарь,“ изд. Гоппе, на 1883 годъ, стр. 452.—„Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества,“ Спб. 1887 г., т. LX, стр. 56.—„Источники словаря,“ С. Венгерова. Спб. 1900 г., т. I, стр. 309 (съ ошибкою въ годъ смерти).

3) О немъ: *Харьковскія губ. Видомости* 1882 г., №№ 90 и 116.—Книга: Физико-математическій факультетъ Импер. Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ,“ Харьковъ 1908 г.

ской губерніи).—Краткій перечень его печатныхъ работъ составленъ П. Отоцимъ, напечатанъ въ „Словарѣ“ Венгерова (т. V), но наиболѣе полный списокъ помѣщенъ въ книгѣ: „Физикоматематическій факультетъ Импер. Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ“ (Харьк. 1908 г.).

Боткинъ, Л....¹⁾, русскій по происхожденію, родился въ Парижѣ (1853 г.) и тамъ же получилъ образованіе: † 16 мая въ Гаврѣ.—Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

„Beowulf, analyse historique et géographique,» Paris, 1876 г.

„Beowulf, epopée Anglo-Saxonne, traduite en français, pour la première fois, d'après le texte original,» Havre, 1877 г.

„Chanson des Runes, texte Anglo-Saxon, traduction et notes,» Havre, 1879 г.

Буренинъ, Константинъ Петровичъ²⁾, окончилъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ по физико-математическому отдѣленію (1857 г.); состоялъ учителемъ математики и физики въ Смоленской гимназіи (1857—1859 гг.), а затѣмъ въ IV-ой Московской мужской гимназіи надзирателемъ (1859—1860 гг.) и преподавателемъ математики (1860—1873 гг.); съ сентября 1873 года вышелъ въ отставку и 8 сентября 1882 года умеръ въ Ялтѣ.—Онъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малининымъ составилъ:

„Собраніе ариметическихъ задачъ, М. 1866, 1868, 1869, 1870, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1879, 1880, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897, 1899, 1900, 1901, 1903, 1904, 1906, 1909 и 1912 (двадцать шесть изданій).

„Руководство къ ариметикѣ,“ М. 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1882, 1884, 1888, 1891, 1895, 1897, 1899, 1900, 1903 и 1904 гг. (двадцать три изданія).

„Руководство космографіи и физической географіи, М. 1867, 1869, 1870, 1873, 1878, 1880, 1884, 1888, 1892, 1896 и 1898 гг. (одинадцать изданій).

„Руководство къ физикѣ и собраніе физическихъ задачъ,“ М. 1868, 1870, 1873, 1876, 1878, 1880, 1883, 1887, 1891, 1896 и 1900 гг. (одинадцать изданій).

„Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ,“ М. 1870, 1872, 1873, 1876, 1879, 1881, 1884, 1891, 1897 и 1900 г. (десять изданій).

„Рѣшенія ариметическихъ задачъ,“ М. 1877 г.

Бутаковъ, Григорій Ивановичъ³⁾, извѣстный герой—

¹⁾ См. о немъ: *Anglia. Zeitschrift für Englische Philologie*, 1882 г., т. V, тетр. 3, стр. 501—502.—*Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія* 1882 г., ч. ССХХІІІ, кн. 10, отд. IV, стр. 110—112.

²⁾ О немъ: *Газета Гатцукъ*, 1882 г., № 38.—*Новое Время* 1882 г., № 2347.—„Словарь“ Брокгауза, Сиб. 1891 г., т. V, стр. 22 (съ ошибочнымъ свѣдѣніемъ о мѣстѣ воспитанія).—„Пятидесятилѣтіе Московской IV-ой гимназіи,“ очеркъ, М. 1899 г., стр. 164.—Броннора: „Памяти А. Ѳ. Малинина,“ М. 1888 г., стр. 51—53.

³⁾ О немъ: *Газета Гатцукъ* 1882 г., № 24.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., №№ 154 и 158.—*Морское Обозрѣніе* 1882 г., № 14.—*Русскій Бурьеръ* 1882 г., № 110.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Морской Сборникъ* 1883 г., т. 197, кн. 7, неоф. отд., стр. 1—99 (съ портретомъ).

морякъ, родился 27 сентября 1820 года въ Ригѣ и воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса, произведенный въ мичманы (1837 г.), началъ службу на Черномъ морѣ подъ руководствомъ адмирала М. П. Лазарева, который, между прочимъ, поручилъ ему и И. А. Шестакову собрать матеріалы для составленія подробной лоціи Чернаго моря, что и было выполнено двумя молодыми моряками; затѣмъ Г. И. былъ командированъ въ Англію для наблюденія за постройкой парохода „Дунай“, на которомъ возвратился на Черное море и скоро получилъ въ командованіе пароходо-фрегатъ „Владиміръ;“ на немъ Г. И. одержалъ блистательную побѣду надъ турецкимъ пароходомъ „Первасъ-Бахре“ (5 ноября 1853 г.) и потомъ принималъ участіе во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ при Севастопольской бухтѣ; по окончаніи Крымской кампаніи. произведенный въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Е. И. В., былъ опредѣленъ главнымъ командиромъ Николаевского порта до 1860 года, флагманомъ отряда винтовыхъ кораблей въ чинѣ вице-адмирала (1860—1868 гг.), старшимъ флагманомъ-командиромъ отряда мониторовъ въ Балтійскомъ морѣ (1868—1878 гг.) и начальникомъ морской защиты Свеаборга съ производствомъ въ адмиралы (1878—1881 гг.); послѣ того онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ С.-Петербуржскаго порта (1881 г.), а за упраздненіемъ этого поста—членомъ Государственнаго Совѣта (съ марта 1882 г); † 31 мая въ Петербургѣ.—Его труды:

- „Нѣсколько словъ о тендерахъ и управленіи ими“ (*Морской Сборникъ* 1849 г., № 9, стр. 575—590).
- „О названіяхъ румбовъ компаса“ (*Морской Сборникъ* 1851 г., № 1, стр. 75—76).
- „Компасъ съ наклонною стрѣлкою“ (*тамъ же*, № 10, стр. 288—294).
- „Свойство торсовъ и цѣпей,“ перев. съ англійскаго, Николаевъ 1852 г., 95 стр.
- „Скорость хода буеровъ“ (*Морской Сборникъ* 1852 г., № 5, стр. 506—507).
- „Наставленіе англійскаго Королевскаго Общества человеколюбія относительно захлебнувшихся,“ перев. съ англійскаго (*тамъ же*, № 10, стр. 321).
- „Заднѣпровскіе итальянцы—херсонскіе мореплаватели“ (№ 12, стр. 489—490).
- „О здоровьѣ на морѣ,“ перев. (*Морской Сборникъ* 1855 г., № 8, стр. 211—229).
- „Параллельная линейка съ двойнымъ транспортиромъ, капитана Тойнби“ (*тамъ же*, стр. 245—250).
- „Походныя исправленія котловъ парохода „Владиміръ“ (стр. 357—361).
- „Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ“ (№ 10, стр. 359—374):
- „Нѣсколько словъ о расширеніи запаловъ у чугунныхъ орудій“ (*тамъ же*, стр. 473—475).
- „Деревянная бомба“ (стр. 475).
- „Краткій обзоръ компасовъ разнаго устройства до 1851 года“ (*Морской Сборникъ* 1858 г., № 2, стр. 508—532).

„Инструкція для испытанія главнаго компаса на судахъ англійскаго флота,“ перев. (*тамъ же*, стр. 532—537).

„Нѣсколько наставленій о катаньяхъ на шлюпкахъ“ (*Морской Сборникъ* 1860 г., № 12, стр. 31—34).

„Обзоръ плаванія и дѣйствій практическаго отряда Балтійскаго флота въ 1860 году“ (*тамъ же*, стр. 83—107).

„Турецкая кочерма“ (кн. 7, стр. 51—52).

„Нѣсколько отрывковъ изъ опыта начальныхъ основаній азбуки пароходной тактики,“ Спб. 1861 г., 112 стр. и 18 таблицъ.

„Нѣсколько словъ о способахъ стаскиванія судовъ съ мели потапковскими костылями“ (*Морской Сборникъ* 1861 г., № 12, стр. 95—97).

„Нѣсколько соображеній относительно пароходовъ—тарановъ и измѣненія интерваловъ между паровыми судами во время перестроенія линій кильватера“ (*Морской Сборникъ* 1862 г., № 5, стр. 32—68 и отдѣльный оттискъ: Спб. 1862 г.).

„Лоцманскія замѣтки о Финляндскихъ шхерахъ“ (*тамъ же*, № 7, стр. 12—16).

„Обзоръ плаванія практической эскадры винтовыхъ лодокъ Балтійскаго флота въ кампанію 1861 года“ (стр. 54—104).

„Новыя основанія пароходной тактики,“ Спб. 1863 г., V+XV+239 стр. и 26 таблицъ. Это изслѣдованіе, удостоенное Демидовской награды, было переведено г. Де-ля-Планше на французскій языкъ. подъ заглавіемъ: «Nouvelles bases de tactique navale» (Paris, 1864 г.).

„Замѣтка объ англійскихъ башенныхъ судахъ“ (*Морской Сборникъ* 1863 г., № 1, стр. 131—136 и отдѣльный оттискъ: Спб. 1863 г.).

„Нѣсколько встрѣчъ съ нашей прибрежной пограничною стражей,“ изъ найденнаго дневника (*тамъ же*, № 4, стр. 157—164).

„Гидкій или греческій огонь“ (№ 12, стр. 267—283).

„Способъ г. Мартена измѣрять диаметры круговъ, описываемыхъ судами“ (*Морской Сборникъ* 1865 г., № 10, стр. 21).

„Шхерный лотъ“ (*тамъ же*, № 12, стр. 229—230).

„Приказы начальника эскадры броненосныхъ судовъ“ (*Морской Сборникъ* 1867 г., № 10, стр. 3—22; 1871 г., № 5, стр. 1—80; 1872 г., № 8, стр. 81—121).

„Историческій журналъ эскадры броненосныхъ судовъ:“ въ кампанію 1870 г. (*Морской Сборникъ* 1871 г., № 5, ч. оффич., стр. 1—80) и въ кампанію 1871 г. (*тамъ же*, 1872 г., № 8, стр. 1—183).

„Шлюпочная сигнальная книжка для взаимныхъ переговоровъ между военными и частными кораблями, шлюпками и береговыми сигнальными станціями,“ Спб. 1875 г.

„Важная для автора поправка“ (*Морской Сборникъ* 1876 г., № 3, стр. 188). Эта замѣтка касается неправильныхъ свѣдѣній, занесенныхъ въ „Указатель статей *Морскаго Сборника*“ (Спб. 1875 г.).

Кромѣ того, подъ руководствомъ Г. И. Бутакова, составленъ „Проектъ систематическаго собранія морскихъ эволюцій“ (Спб. 1868 и 1881 гг., 199 стр.).

Буткевичъ, Анна Алексѣевна¹⁾, въ дѣвичество Некра-

¹⁾ О ней: *Новое Время* 1882 г., № 2151.—*Отечественныя Записки* 1882 г., кн. 4, отд. II, стр. 301—302.—„Библиографическій словарь русскихъ писательницъ,“ кн. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 37—38.—*Вѣстникъ Европы* 1908 г., кн. 5, стр. 35 и 44:

сова, сестра извѣстнаго русскаго поэта Н. А. Некрасова; † 20 февраля 1882 года.—Кромѣ „Стихотвореній Н. А. Некрасова“ со своимъ предисловіемъ (Спб. 1879 г., четыре тома и Спб. 1882 г., одинъ томъ), она напечатала:

„Знаменитый докторъ Максъ,“ сочиненіе Эркмана-Шатриана, перев. съ французскаго (*Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей* 1871 г., кн. 3).

„Некрасовъ русскимъ дѣтямъ,“ иллюстрированное изданіе (Спб. 1881 г., 76 стр. и 16 картинъ).

Ея „Переписка съ М. М. Стасюлевичемъ объ изданіи сочиненій брата“ напечатана въ книгѣ: „М. М. Стасюлевичъ и его современники“ (Спб. 1913 г., т. V), а „Письма къ библиографу С. И. Пономареву“—въ „Голосъ Минувшаго“ (1913 г., кн. 10, стр. 25 и 39). Оригиналы послѣднихъ „Писемъ“ переданы покойнымъ Пономаревымъ въ бібліотеку Императорской Академіи Наукъ (съ 1912 г.).

Бѣлецкій, Николай Ѳеодоровичъ¹⁾, родился 9 мая 1851 года въ селѣ Воскресеновкѣ (Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи); воспитывался въ 1-ой Харьковской гимназіи и на естественномъ отдѣленіи Харьковскаго Университета: по окончаніи курса кандидатомъ (1872 г.) оставленъ былъ при Университетѣ, какъ профессорскій стипендіатъ, и затѣмъ опредѣленъ помощникомъ прозектора при кафедрѣ физиологіи (1875 г.), а послѣ полученія степени магистра (1876 г.) состоялъ доцентомъ зоологіи при томъ же Университетѣ до дня смерти—6 февраля 1882 года въ Софіи.—Имъ напечатаны слѣдующія работы въ „Трудахъ Общества Испытателей природы при Харьковскомъ Университетѣ“:

„Перечень видовъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ окрестностей города Харькова“ (1873 г., т. VII).

„Механизмъ дыханія птицъ“ (1876 г., т. X).—Отдѣльное изданіе—магистерская диссертация автора (Харьковъ 1886 г., 144+VIII стр. съ четырнадцатью таблицами).

„Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки“ и „Критическая замѣтка по поводу изслѣдованій Тителя о зависимости высоты мускульнаго сокращенія отъ силы раздражающаго электрическаго тока“ (1877 г., т. XI).

„Матеріалы для физиологіи глаза птицъ“ и „Соображенія о причинѣ движеній протоплазмы животныхъ клѣтокъ“ (1878 г., т. XII).

„Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ“ и „Къ вопросу о физиологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ“ (1879 г., т. XIII).

¹⁾ О немъ: *Новое Время* 1882 г., № 2141.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 43—*Южный Край* 1882 г., № 386.—„Русскія книги“ и „Источники“ Венгерова.—*Извѣстія Импер. Общества Любителей Естествознанія*, М. 1888 г., т. LV, л. 3 и табл. 6 (съ портретомъ).—Физико-математическій факультетъ Харьковскаго Университета за первый его лѣтъ его существованія“, Харьковъ 1908 г.

„О движеніяхъ поги и створокъ раковины у нашихъ Ишіо, какъ дыхательныхъ движеніяхъ“, „Пневмографическія изслѣдованія надъ мѣдьяницей“ и „Къ вопросу о причинѣ *aproc*“ (1881 г., т. XIV).

„Физиологическая замѣтка объ исполнскои саламандрѣ“ (1882 г., т. XV).

Послѣ смерти Н. Ѳ. Бѣлецкаго, появилась его работа: „Физиологія воздушнаго пузыря рыбъ“ (1883 г., т. XVII).

Варнекъ, Константинъ Александровичъ¹⁾, сынъ профессора портретной живописи А. Г. Варнека, родился въ 1828 году; воспитывался во 2-ой Петербургской гимназій и на камеральномъ отдѣленіи Петербургскаго Университета; по окончаніи курса кандидатомъ (1851 г.) состоялъ преподавателемъ русскаго языка при училищѣ Вольно-Экономическаго Общества и въ Павловскомъ институтѣ: послѣ путешествія за-границу, гдѣ особенно знакомился съ иностранными художественными музеями и картинными галереями (1859—1861 гг.) онъ отдался литературной дѣятельности, участвуя по части художественной критики въ „Настольномъ словарѣ“ Толля, „Русскомъ Инвалидѣ“, „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“, а въ 1867 году редактировалъ журналъ: „Русскій Ремесленникъ;“ † 11 сентября въ Петербургѣ. —Его статьи:

„Ходъ нашего умственнаго развитія въ послѣдніе годы“ (*Библиотка для Читенія* 1862 г., т. 171, кн. 5).

„Иностранцы-цивилизаторы“ (*тамъ же* 1863 г., т. 176, кн. 3 и 4).

„Малороссійскія книжки“ (*тамъ же*, т. 179, кн. 9).

„Профессоръ Худяковъ, какъ одинъ изъ представителей эстетіи въ нашемъ искусствѣ“ (*Сѣверное Сініе* 1863 г., т. II, вып. I, столб. 1—18).

„Академикъ Зичи“ (*тамъ же* 1864 г., т. III, вып. I, столб. 1—14).

„К. Е. Маковскій“ (*тамъ же*, столб. 51—54).

„Ѣздитъ ли намъ за-границу“ и „Наше будущее настроеніе“ (*Библиотка для Читенія* 1864 г., кн. 11).

„Старое время, сравнительно съ дѣятельностію профессора барона Клодта“ (*Сѣверное Сініе* 1864 г., т. III, вып. 12, столб. 705—722).

Венецкій, Александръ Ивановичъ, родился въ 1844 году и высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи: по окончаніи курса лѣваремъ (1866 г.) состоялъ при медицинскомъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣ полученія степени доктора медицины (1869 г.) служилъ врачомъ въ арміи; † въ 1882 году (см. о немъ книгу Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели.“ Спб. 1889 г., вып. IV, стр. 54). Покойному А. П. Венецкому принадлежала докторская диссертация: „О химическихъ противоядіяхъ при отравленіи стрихниномъ“ (Сбп. 1869 г., 31 стр.).

¹⁾ О немъ: „Петербургскій Университетъ“, В. Григорьева, Спб. 1870 г., стр. ХСIV. — „Словарь“ и „Источники“ Венгерова. — *Голосъ* 1882 г., № 248. — *Новое Время* 1882 г., № 2351.

Верховскій, Александръ Тимоѳеевичъ¹⁾, сынъ едино-вѣрческаго священника—Т. А. Верховскаго, родился въ 1827 году; учился въ Петербургской духовной семинаріи и въ Медико-Хирургической Академіи; удостоенный степени лѣкаря, онъ мало занимался медицинскою практикою и, за исключеніемъ двухлѣтней дѣятельности въ званіи полкового врача, болѣе отдавался учено-литературнымъ трудамъ; † въ мартѣ 1882 года.—Имъ изданы: „Библейскій словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности и хронологію“ (Спб. 1871—1876 гг., шесть выпусковъ) и „Церковно-историческій словарь“ (Спб. 1882 г., выпускъ первый).

Викторинъ, въ мѣрѣ Викторъ Дмитріевичъ Любимовъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился 17 апрѣля 1821 года въ селѣ Лисинѣ (Калужской губерніи) и учился въ Калужской семинаріи; по окончаніи курса былъ священникомъ въ той же губерніи (1843—1849 гг.) и затѣмъ, послѣ смерти жены, поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію, гдѣ принялъ монашество; удостоенный степени магистра (1853 г.), онъ состоялъ инспекторомъ въ Смоленской семинаріи, профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія въ родной Академіи, исполняя также и должность инспектора (1857—1858 гг.): послѣ того—ректоръ Костромской и Тифлисской семинарій (1858—1868 гг.), епископъ Чебоксарскій и викарій Казанской епархіи (1868—1874 гг.), епископъ Полоцкій и Витебскій (1874—1882 гг.), наконецъ, съ 6 марта 1882 года—епископъ Подольскій и Брянскій; † 21 августа въ Каменецъ-Подольскѣ.—Его труды:

„Истинный другъ духовнаго юноши,“ практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ (*Христіанское Чтеніе* 1858 г., т. I и отдѣльно: Спб. 1858 г.).

„Темы для поученій къ простому народу,“ Спб. 1858 г.

„Къ вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства въ Россіи“ (*Христіанское Чтеніе* 1864 г., кн. 3 и 4).

„Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ,“ Спб. 1867 г.—Второе изданіе: Каз. 1871 г.—Третье изданіе: Спб. 1874 г.—Четвертое изданіе: Спб. 1881 г.

„Соображенія о способахъ къ успѣшнѣйшему привлеченію некрещеныхъ ино-родцевъ къ вѣрѣ Христовой“ (*Православный Собесѣдникъ* 1871 г., ч. I).

„Слово о пособіи голодающимъ самарцамъ“ (*тамъ же* 1874 г., ч. I).

1) См. „Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—„Православная Богословская Энциклопедія,“ изд. А. Лоухина, Спб. 1902 г., т. III, стр. 313.

2) О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи,“ И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 456.—„Списки іерарховъ,“ П. Строева, Спб. 1877 г., стр. 291 и 498.—Періодическія изданія 1882 года: *Востокъ*, № 194—195; *Московскія Видомости*, № 238; *Новое Время*, № 2332; *Подольскія епарх. Видомости*, № 36, стр. 453—460 и № 37, стр. 467—470.—„Источники“ Венгерова и „Автобіографическія записки“ Тверскаго архіепископа Саввы, т. III—VI (по указателю).

„О превосходствѣ христіанства предъ мухаммеданствомъ“ (ч. III).

„Понятія о женщинѣ и бытъ ея у мухаммеданъ и у христіанъ“ (*Православный Собесѣдникъ* 1875 г., ч. I и отдѣльно: Казань 1875 г., 20 стр.).

Вороновъ, Петръ Степановичъ¹⁾, сынъ причетника Никольской, что на Стану, церкви (Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда), родился въ 1812 году; учился въ Вологодской семинаріи и въ Петербургской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1837 г.)—преподаватель латинскаго языка въ Тотемскомъ духовномъ училищѣ, смотритель Яренскаго и Вельскаго духовныхъ училищъ, священникъ и позже протоіерей при Вельскомъ Троицкомъ соборѣ; † 10 мая въ городѣ Вельскѣ.—Ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Устьинская волость или Устье Вельскаго уѣзда“ (*Вологодскія Губ. Вѣдомости* 1853 г., №№ 36 и 37).

„Городища близъ города Вельска“ и „Устькулуйскій погостъ“ (*Записки Импер. Археологическаго Общества* 1856 г., т. VIII).

„Вельскъ, уѣздный городъ Вологодской губерніи“ (*Вѣстникъ Импер. Русск. Географическаго Общества* 1859 г., ч. XXV, № 2. отд. II, стр. 95—118).

„Верховажскій посадъ, Вельскаго уѣзда“ (*тамъ же*, 1860 г., ч. XXIX, № 7, отд. II, стр. 121—150).

„Шадренскій погостъ“ (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества* 1861 г., т. III, вып. 6, стр. 474—479).

„Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ уѣздныхъ крестьянъ“ и „Вельскіе свадебные обряды и причеты“ (*Этнографическій Сборникъ*, изд. Импер. Русск. Географическаго Общества, 1862 г., вып. V).

„Георгиевская часовня въ Вельскомъ уѣздѣ“ (*Странникъ* 1862 г., кн. 10). То же съ дополненіями напечатано въ *Вологодскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* 1865 г., № 8.

„Роспись полевой мѣрѣ XVII вѣка“ (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества* 1863 г., т. V, вып. 1, стр. 58—64).

„Три описи церквей Вельскаго уѣзда XVII столѣтія и рядная записъ на иконописныя работы 1715 года“ (*тамъ же*, вып. 2, стр. 128—136).

„Описная книга Ростовской церкви, что на рѣкѣ Вели“ (1864 г., вып. 3, стр. 150—153).

„Слово вступительное на паству“ (*Вологодскія епарх. Вѣдомости* 1865 г., № 4).

„Рѣчь при открытіи Вельскаго духовнаго училищнаго правленія“ (*тамъ же* 1868 г., № 4).

Вороновъ свѣтлѣйшій князь, Семень Михайловичъ²⁾, родился 23 октября 1823 года; служилъ сначала по гражданскому вѣ-

¹⁾ О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи“, И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 450.—„Вологодскія епарх. Вѣдомости“ 1882 г., № 12.—„Вологжане-писатели“, П. Дилакторскаго, Вологда 1900 г., стр. 22—23 и 138.

²⁾ См. *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 128.—„Источники словаря“ Венгерова, Спб. 1900 г., стр. 646.

домству, а потомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, при чемъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Е. И. В. (1847 г.); послѣ того—командиръ Куринскаго полка (1849—1851 гг.), городской голова въ Одессѣ, во время же войны 1877—1878 годовъ состоялъ командиромъ войскъ, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ; † 6 мая въ Петроградѣ.—Онъ сообщилъ нѣсколько документовъ изъ своей библіотеки для напечатанія въ „Русскомъ Архивѣ“ (см. „Указатель“ къ этому журналу) и началъ на свои средства изданіе: „Архивъ князя Воронцова,“ подъ редакціей П. И. Бартенева (М. 1870—1895 гг., сорокъ книгъ и „Роспись“ къ нимъ, М. 1897 г., 240 стр.).

Воскобойниковъ, Николай Николаевичъ¹⁾, родился въ 1838 году и воспитывался въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія: по окончаніи курса, не увлекаясь выгодами инженерной службы, отправился съ графомъ М. Н. Муравьевымъ въ Вильну (1863 г.) и находился тамъ до прекращенія польскаго возстанія; затѣмъ поселился въ Москвѣ, гдѣ, между прочимъ, перестроилъ большой каменный мостъ черезъ Москву-рѣку; † 1 февраля въ Москвѣ.—Покойный долгое время состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ а послѣ кончины П. М. Леонтьева (1875 г.)—помощникомъ редактора М. Н. Каткова (1875—1882 гг.). Кромѣ многочисленныхъ корреспонденцій изъ Польши и большого ряда неподписанныхъ статей по текущимъ вопросамъ, помѣщенныхъ въ названную газетъ, имъ напечатаны:

„Ладожскій каналъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1858 г., г. XIV, кн. 7 и 8).

„Замѣтка объ отношеніяхъ правленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ акціонерамъ“ (*тамъ же* 1859 г., т. XXIII, кн. 17 и 18).

„Отвѣтъ инженеру Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 58).

„По поводу отчета Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ“ (*Русскій Инвалидъ* 1861 г., №№ 164—165).

„Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ (*тамъ же*, №№ 166—169, 172, 176, 186—188).

„О положеніи фабричныхъ преимущественно на петербургскихъ фабрикахъ“ (*Библіотека для Читанія* 1862 г., кн. 5 и 6).

„Общій характеръ притязаній польской партіи въ западномъ краѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1863 г., т. XLVI, кн. 8).

„Интересы русской народности въ западномъ краѣ“ (*тамъ же*, XLVII, кн. 9).

„Польское дѣло“ (*Библіотека для Читанія* 1863 г., кн. 4. 6. 7 и 12).

¹⁾ О немъ періодическія изданія 1882 года: *Московскія Вѣдомости*, № 33 и *Московскій Листокъ*, № 35.—*Голосъ Москвы* 1885 г., №№ 33 и 50.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Голосъ Минувшаго* 1913 г., кн. 2, стр. 194—197 („Воспоминанія П. Боборыкина“ съ неточными свѣдѣніями).

„Записка Поццо-ди-Борго о польскомъ вопросѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1866 г., т. LXI, кн. 1).

Гагаринъ князь, Иванъ Сергѣевичъ¹⁾, сынъ члена Государственнаго Совѣта Серг. Иван. Гагарина, родился 20 іюля 1814 года и получилъ блестящее образованіе; послѣ короткой дипломатической службы секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, онъ съ 1843 года навсегда оставилъ Россію, перешелъ въ католичество и присоединился къ іезуитскому ордену; † 8 (20) іюня въ Парижѣ.—Покойный, кромѣ устройства въ Парижѣ „Славянской бібліотеки“ съ русскимъ отдѣленіемъ, подъ общимъ названіемъ: „Musée Slave,“ вмѣстѣ съ Ш. Даньелемъ издавалъ въ Парижѣ, съ 1857 года „Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire,“ переименованныя съ 1862 года въ „Etudes religieuses, historiques et littéraires,“ и былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ богословскихъ, историческихъ и археологическихъ трудовъ, написанныхъ по-французски; на примѣръ, имъ напечатаны сочиненія: „Les starovères, l'église russe et le pape“ (Paris 1857 г.), „La Russie sera-t-elle catholique?“ (Paris 1857 г.) и „Les hymnes de l'église grecque“ (Paris 1868 г.). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ появились его „Полемическія письма“ (*День* 1866 г.) и „Оправданіе по поводу смерти Пушкина“ (*Русскій Архивъ* 1865 г., кн. 8; *Голосъ* 1865 г., № 197; *Виржевыя Вѣдомости* 1865 г., № 154; *Современный Листокъ* 1866 г., № 18).

Гауровицъ, Иванъ Самуиловичъ²⁾ родился въ Копенгагенѣ и поступилъ на русскую службу съ 1825-года; онъ состоялъ: врачомъ въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ и при Великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, генераль-штабъ-докторомъ Балтійскаго флота (1854—1859 гг.) и главнымъ инспекторомъ медицинской части Морского Вѣдомства (1859—1882 гг.); † 5 іюня въ Вѣнѣ.—Его труды:

„Извлеченіе изъ отчета“ (*Морской Сборникъ* 1854 г., № 1).

„Морскіе врачи въ Севастополѣ“ (1855 г., № 5).

„Обзоръ болѣзней и распоряженій по медицинской части на Балтійскомъ флотѣ, въ кампанію 1856 г.“ (*тамъ же* 1857 г.).

¹⁾ См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Историческій Вѣстникъ*, кн. 9, стр. 679; *Новое время*, № 2288; *Сѣнь*, № 157; *Современныя Извѣстія*, № 262.—*Историческій Вѣстникъ* 1887 г., кн. 8, стр. 269—273.—*Новое Слово* 1894 г., кн. 2, стр. 37—47.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Русская Старина* 1900 г., кн. 10, стр. 159—162.—„Православная Богословская Энциклопедія,“ Спб. 1903 г., т. IV, ч. 1, стр. 18—19.—*Русскій Біографическій Словарь*, Гаагъ—Гербель, М. 1914 г.

²⁾ О немъ: *Сѣнь* 1882 г., № 160. *Медицинскія прибавленія къ „Морскому Сборнику“* 1882 г., вып. XXII, сентябрь, стр. 76—81.—„Источники словаря“ Венгерова, Спб. 1900 г., стр. 780 (съ ошибкою во времени смерти).

„Краткое руководство морскимъ врачамъ для осмотра и освидѣтельствованія, преимущественно въ судебно медицинскомъ отношеніи.“ Спб. 1858 г.

„О шерстяныхъ фуфайкахъ на флотѣ“ (*Морской Сборникъ* 1859 г., № 9).

„О введеніи военной гимнастики на флотѣ“ (*тамъ же* 1860 г., № 12).

„Военно-санитарныя учрежденія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ во время послѣдней войны,“ Сиб. 1868 г.

„Воспоминаніе о Корфу“ (*Морской Сборникъ* 1872 г., № 7).

„Органическое развитіе человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ науки,“ переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1873 г.

Глаголевскій, Александръ Николаевичъ¹⁾, воспитанникъ Виенской семинаріи и Московской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1866 г.) принялъ священство и состоялъ законоучителемъ Московскаго Маріинскаго училища; † 15 марта въ Москвѣ.—Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Законъ Божій, ученіе вѣры, изложенное въ связи съ нравственными уроками, библейскою исторіею и богослуженіемъ“ (М. 1876 г., 140 стр.).

Головщиковъ, Николай Михайловичъ²⁾, сынъ священника, родился въ Ярославлѣ (1829 г.); воспитывался въ тамошней семинаріи и въ Московской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1852 г.) былъ учителемъ Ярославской семинаріи (1852—1858 гг.), чиновникомъ особыхъ порученій при Ярославскомъ губернаторѣ (1858—1860 гг.) и Угличскимъ окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ (1860 г.); оставленный за штатомъ въ послѣдней должности, онъ уѣхалъ за-границу, гдѣ состоялъ сотрудникомъ двухъ русскихъ газетъ; по возвращеніи же въ Россію, причисленный къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, служилъ помощникомъ исправника въ Пошехонѣ и Ярославлѣ, исправникомъ въ Угличѣ до 1868 года, когда снова получилъ отставку и опять уѣхалъ за-границу; воротившись оттуда нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ, а потомъ поступилъ учителемъ въ Олонецкую семинарію, изъ когорой перешелъ преподавателемъ въ Рыбинскую прогимназію (1880 г.), но незадолго до кончины вышелъ въ отставку и занимался частными уроками: † 4 октября въ Рыбинскѣ.—Онъ, съ семидесятихъ годовъ XIX вѣка, сотрудничалъ въ газетѣ „Современныя Извѣстія“ и въ журналѣ „Грамотей;“ ему же принадлежала статья: „Замѣтка о поѣздкѣ С. Маслова по Волгѣ“ (*Московскія Вѣдомости* 1859 г., № 246).

¹⁾ См. о немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 573.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 75.

²⁾ О немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 560.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 303.—*Ярославскія Губ. Вѣдомости* 1882 г., № 86.—*Русскій Архивъ* 1907 г., кн. 5, стр. 144.

Григорьевъ, Петръ Николаевичъ¹⁾, сотрудникъ газеты „Голосъ“ въ шестидесятыхъ годахъ; † 10 ноября въ Ярославлѣ.

Гринцевичъ, Иванъ Осиповичъ²⁾, высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1850 г.) былъ врачомъ въ 21-мъ флотскомъ экипажѣ и ординаторомъ въ Кронштадскомъ госпиталѣ, старшимъ судовымъ врачомъ 5-го, 11-го, 1-го, 1-го и 2-го флотскихъ экипажей, помощникомъ начальника медицинской части Кронштадтскаго порта и наконецъ—главнымъ докторамъ Кронштадтскаго морского госпиталя: уволенный отъ службы (1878 г.) жилъ въ отставкѣ; † весною 1882 г.—

Его труды:

„Нѣсколько словъ о Кронштадскомъ морскомъ госпиталѣ, въ сравненіи съ Рошфорскимъ“ (*Морской Сборникъ* 1858 г., ч. XXXVI, № 7, стр. 25—31).

„О притворныхъ и искусственныхъ болѣзняхъ“ (*Протоколы Общества Кронштадтскихъ врачей*, 1859 г.).

„О случаяхъ ранняго заболѣванія цынгой и о мѣрахъ къ предупрежденію болѣзни“ (*тамъ же*).

„О плаваніи съ отрядомъ судовъ Средиземнаго моря“ (*тамъ же* 1859—1860 г.).

„Описаніе инвалиднаго дома въ Гринвичѣ“ (*тамъ же*, 1860—1861 г.).

„О морскихъ госпиталяхъ въ Англии“ (*Морской Сборникъ* 1861 г., ч. LIV, № 8, стр. 265—281).

„Медицинскій журналъ съ винтовыхъ лодокъ, плававшихъ въ финляндскихъ шхерахъ“ (*Протоколы Общества Кронштадтскихъ врачей*, 1861—1862 г.).

„Краткій обзоръ дѣятельности Общества морскихъ врачей въ Кронштадтѣ, въ теченіе 1860—1861 г.“ („Медицинскія Прибавленія“ къ *Морскому Сборнику* 1862 г.).

„Медицинскій журналъ на фрегатѣ „Ослабъ“ съ октября 1862 г. по ноябрь 1864 г.“ (*тамъ же* 1866 г.).

Гро(у)зовъ, Павелъ Сергѣевичъ, сынъ священника. родился въ городѣ Дмитровѣ, Московской губерніи (1826 г.); учился въ Вианской духовной семинаріи; по окончаніи курса (1846 г.) посвященъ 2 февраля 1847 года „во діакона къ кафедральному Архангельскому собору съ прохожденіемъ иподіаконской должности при домѣ Московскаго митрополита“; 24 іюня 1865 года „рукоположенъ во священника“ къ Зачатіевскому женскому монастырю въ Москвѣ, гдѣ и служилъ до дня смерти—4 іюня 1882 года.—Имъ составлены „Записки бывшаго діакона при Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, о служеніяхъ послѣдняго въ Москвѣ и въ Московской епархіи“, изданныя послѣ кончины составителя, съ біографическими свѣдѣніями о немъ, свящ. Д. Ромашковымъ (М. 1904 г., 138 стр.).

¹⁾ О немъ періодическія изданія 1882 года: *Новое Время*, № 2426; *Русскія Вѣдомости*, № 326; *Свѣтъ*, № 269.

²⁾ См. *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 132 и книгу Л. Зытѣва: „Русскіе врачи-писатели,“ Спб. 1886 г., вып. I, стр. 78; вып. III, стр. 12.

Громовъ, Николай Яковлевичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, воспитывался въ Калужской семинаріи и въ Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1881 г.) былъ назначенъ въ Вѣрненскую гимназію преподавателемъ русскаго языка; † въ 1882 году.—Ему принадлежали два перевода: „Объяснительная и сравнительная этимологія церковно-славянскаго языка“, соч. А. Шлейхера (*Филологическія Записки* 1879 г., вып. II—V) и „Максъ Мюллеръ и Философія языка“, соч. Л. Пуаре (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г., кн. 7—8).

Гурій, въ мѣрѣ Григорій Платоновичъ Карповъ²⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1814 году: учился въ Саратовской семинаріи и въ Петербургской Духовной Академіи; выпущенный изъ послѣдней кандидатомъ богословія (1839 г.), онъ отправился въ Китай, гдѣ дѣйствовалъ, сначала какъ іеромонахъ—миссіонеръ, а затѣмъ, удостоенный степени магистра (1855 г.), какъ архимандритъ—начальникъ Пекинской духовной миссіи (1856—1864 гг.); по возвращеніи въ Россію—настоятель Московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря (1865—1866 гг.) и недолгое время—настоятель посольской церкви въ Римѣ (1866 г.); хиротонисанный въ архіерейскій санъ 5) іюня 1866 г.) состоялъ епископомъ Чебоксарскимъ и викаріемъ Казанской епархіи (1866—1867 гг.), а потомъ епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ (1867—1882 гг.), пожалованнымъ въ архіепископы (съ 15 апрѣля 1881 г.); † 17 марта въ Симферополѣ.—Кромѣ перевода на китайскій языкъ книгъ Св. Писанія и Катихизиса, ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Обѣты буддистовъ“ (*Труды членовъ Россійской дух. миссіи въ Пекинѣ*, Сиб. 1852 г.).

„Письма изъ Пекина объ успѣхахъ православія въ Китаѣ“ („Прибавленія“ къ *Иркутскимъ спарх. Вѣдомостямъ* 1863 г., №№ 9, 11, 13, 17 и 19).

„Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Пекинской миссіи въ теченіе 1859—1862 годовъ“ (*Христіанское Чтеніе* 1864 г., кн. 4). Отрывки изъ этого „Отчета“ пе-

¹⁾ См. о немъ „Памятную Книжку Импер. С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института,“ Сиб. 1887 г., стр. 87 и 110.

²⁾ О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи,“ И. Чистовича, Сиб. 1857 г., стр. 383—385.—Періодическія изданія 1882 года: *Всемирная Иллюстрація*, № 17, (съ портретомъ); *Московскія Вѣдомости*, №№ 79 и 82; *Московскія Церковныя Вѣдомости*, №№ 14 и 23; *Православное Обозрѣніе*, кн. 4, стр. 787—789; *Таврическія спарх. Вѣдомости*, №№ 8 и 10; *Церковный Вѣстникъ*, №№ 12—13.—„Словарь“ Брокгауза и „Песточники словаря“ Венгерова (съ ошибками въ годъ рожденія и мѣсяцъ кончины).—„Очерки по исторіи города Саратова,“ П. Хованскаго, Саратов. 1884 г., стр. 183—184.—*Русскій Архивъ* 1888 г., кн. 9, стр. 165—170.—„Автобіографическія записки“ архіепископа Тверскаго Саввы, т. V, стр. 677, 682—683.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Ансакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бзеръ**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго**.—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ**: письма императора **Николая I**, императора **Александра II**, **Ф. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Ламечнинова**, **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апхитина**, **Я. Полонскаго**, гр. **М. Ю. Вильгорскаго**.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы: сообщ. **свящ. Н. Модестовъ**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**—Къ двадцатипятилѣтнюю научно-литературную дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторіи, цѣли и слѣдствія, **Барона де Бая**.—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года: сообщ. **П. Юдинъ**;—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева**.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**: сообщ. **В. Крыжановскій**.—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго**.—Мелочи литературнаго прошлаго, замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свинына**; Нападки на **Н. А. Полевого**; Теньеръ въ русской литературѣ; Сюжеты «Пропавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина**.—Дѣло о сектѣ, называемой «христовщиной», коея послѣдователи окончляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго**.—Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. **М. Б.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго. —Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Язынова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ

выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библюфила“ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ въ вопросахъ библюфилии и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библюграфическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться описанія частныхъ собраний и библиотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРИОБРѢТЕНІИ И БУДЕТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, известной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдельныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и включаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свидѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библюфила“.

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой (за границу 35 фр.): безъ доставки 8 руб. При подпискѣ въ конторѣ и въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается расрочка.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51.

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип.—С и р і у с ъ—Тел. 583—67.

Редакторъ—Изд. П. В. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ-- ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.
ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОШЛИСЯ НѢСКОЛЬКИМИ ИЗДАНИЯМИ

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекционерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи тина, по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводится мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: въ Петроградѣ 11 руб. 50 коп. въ Россіи 12 руб. 50 коп. за-границей 40 франк. Отд. №—85 коп. съ перес. Пробный. Не высы-ляется за 30 коп. почтов. марками.

Редакція—Каменн. остр. (прот. театра) соб. вилла. Тел. 145—25. Контора—Невскій д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невского (на подъемной машинѣ въ 3 этажъ) Тел. 260—51.

Изъ № 1. ...Всѣ газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хороше, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято.

У насъ печатають портретъ интереснаго человѣка, его домъ, его изысканія вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ обществен-ныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе. Заграничная печать особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англии—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русской усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а иного жаль... Сколько погубило произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльных предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особыя цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая политика, партійность, классовая роль будутъ абсолютно чужды журналу...

Изъ № 3. ...Надняхъ два художника, по просьбѣ нашей редакціи, обошли петербургскіе музеи, чтобы подыскать русскія картины для воспроизведенія въ краскахъ въ «Столицѣ и Усадьбѣ». Имъ дана была руководящая идея—

«Красивыя краски и радостное настроеніе».

Они вернулись съ перечнемъ всего четырехъ, пяти картинъ, и тѣ не совсѣмъ удовлетворяють указанной мысли...

«Картины съ радостнымъ настроеніемъ въ музеяхъ нѣтъ!»

Стали перебирать въ умѣ и по каталогамъ сотни картинъ—радостнаго настроенія нѣтъ, нѣтъ темъ изъ области красивой жизни! Заморенная лошаденка, лапти, сумерки души, сумерки жизни, сумерки осенняго дня... Убийство, просто портреты и портреты въ обстановкѣ и группахъ, горы Кавказа, Черное море—но нигдѣ веселаго пикника, красиваго бала, залы театра въ спектакляхъ. Нѣтъ красивой жизни, нѣтъ танцевъ, нѣтъ веселаго поѣзду, нѣтъ даже влюбленной пары въ саду усадьбы, нѣтъ блестящаго раута или хотя бы, парфорской охоты въ красивыхъ фракахъ, что такъ красиво...

«Беликій постригъ»—отреченіе отъ жизни; «Самосожигатели» Мясоѣдова—прекращеніе жизни; «Приговоренные» Маковского—печаль жизни; «Большая» В. Полѣнова—конецъ жизни; «Витязя на распутѣ» куда ни поѣдешь всюду клоукъ, и т. п.

Почему нѣтъ нигдѣ вѣры въ жизнь, въ красоту жизни, подчеркиванія этой красоты?

Точно наши художники родились въ туманное осеннее утро, выросли и жили въ сплошномъ отчаяніи, презрѣннѣ къ жизни, только среди лаптей, рваныхъ зипунговъ и небритыхъ физиономій; точно они никогда не видали радостной жизни, не чувствовали радости бытія?! Почему ихъ влечетъ только къ отрицательнымъ сторонамъ жизни?—

...Отвѣты кругомъ: жизнь скверна, тяжело, уродлива...

Но нужно выискивать крупинки радостнаго, красиваго...

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблестно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностью въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы выбить изъ коленъ необъятную Русь...

Нашъ журналъ, по своей программѣ, по своему девизу красивая жизнь, не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнить его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ—чертъ русской жизни, вдругъ проявившихся среди общаго подъема.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россію еще большее величіе, а въ теперешнія трудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ спокойно дѣлать свое дѣло...

Редакторъ ВЛ. КРЫМОВЪ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССІИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадесятыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. нъ 1 Мая и 2 руб. нъ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Шименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ *Московскихъ Видомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вид.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРЕВСКІЙ.**

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета.

До окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ. Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» ставитъ своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ и обо всемъ интересномъ, гдѣ бы и что бы ни совершалось, сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсаціями читателямъ не сообщалось непровѣренныя, вздорныя слухи.

Исключительное вниманіе „ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальныя корреспонденты въ дѣйствующую армію и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробные номера газеты для ознакомленія высылаются **БЕЗПЛАТНО** по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 75 к. на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р. и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

Льготная подписка въ Россіи: для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ: въ годъ 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. и на 1 мѣс. 75 к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к. къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р. 2) для полугодовыхъ при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» — Москва, Филипповскій пер., 11; во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

Н. И. Бартепевъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Я. Брюль-Сербинъ. Dr. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

ОБЩЕСТВО

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ“.

Поставивъ себя задачей придти на помощь всѣмъ желающимъ работать на нивѣ экономическаго возрожденія нашей родины и желая объединить капиталъ, знаніе и трудъ въ цѣляхъ развитія самодѣятельности силъ страны, Общество съ 20 декабря сего года, приступаетъ къ изданію собственнаго Журнала:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1. Правительственныя распоряженія и торговое законодательство.	6. Химическій.
2. Экономическій.	7. Фармацевтический.
3. Торгово-промышленный.	8. Сельскохозяйственный.
4. Фабрично-заводскій.	9. Научный.
5. Фотографическій.	10. Биржа и рынки.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры существующихъ и вновь возникающихъ отраслей отечественной промышленности, торговли, а также и обзоры природныхъ богатствъ Россіи. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ справокъ и отѣтвъ гг. членамъ Общества и подписчикамъ.

Въ журналѣ выразили согласіе принять участіе слѣдующія лица:

В. А. Анзиміровъ; проф. В. Р. Вильямсъ; проф. А. Э. Вормсъ; В. П. Горячкинъ; В. А. Герцикъ; А. А. Евдокимовъ; маг.-фарм. И. И. Кальвингъ; проф. Н. М. Кулагинъ; проф. В. Н. Липинъ; А. П. Мертваго; В. Я. Назимовъ; проф. К. Х. Озеровъ; А. М. Паршинъ; инж. И. Я. Перельманъ; проф. С. А. Федоровъ; проф. А. Θ. Фортунатовъ; И. Н. Холчевъ; проф. В. В. Челинцевъ; инж.-хим. А. Д. Штанге и другіе.

Редакторъ **В. В. Шипотовскій.**

Изд. Общ. «Экономическое Возрожденіе Россіи».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 3 рубля, на полгода 1 р. 75 к.

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ БЕЗПЛАТНО.

Адресъ конторы и редакціи: МОСКВА, Тверская, Настасьинскій пер., 4.

Телефонъ редактора **1-02-36.**

Секретаря редакціи **1-06-12.**

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангелъ, Н. А. Габилевъ, Fiegens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергій Маковскій, Pierre Marcel (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Юля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митюрникова, Лебедева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, Образование и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., $\frac{1}{2}$ стр.—55 р., $\frac{1}{3}$ стр.—40 р. $\frac{1}{4}$ стр.—30 р., $\frac{1}{8}$ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составляютъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартенева, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголѣповъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (вспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Виземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описание перстни царя Михаила Феодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатъева, посла въ Константинополь, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Иерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристина и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Безърь).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ леди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинскои духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описание рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Строголазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень живой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алсова къ супругѣ; сообщ. Гр. Соллогубъ.—Страницка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевнѣ Прасковьи Иоанновнѣ и Екатерины Иоанновнѣ управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеневыхъ; сообщ. В. С. Арсеневымъ.—Письма кн. Д. П. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отецествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—„Пстинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Иосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартенева (младшій).

ПРОДАЖА

билетовъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій

ПРОДОЛЖАЕТСЯ и БУДЕТЬ ЗАКОНЧЕНА

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственного Банка, Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго Вѣдомства и частныхъ банкахъ—15 Мая 1915 года, а у земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и инспекторовъ мелкаго кредита и въ иныхъ учрежденіяхъ, принявшихъ на себя трудъ по размѣщенію билетовъ—1 Мая 1915 года.

Цѣна билета—5 рублей, а одной пятой части билета—1 рубль.

Выигрыши—отъ 200 р. до 100.000 р.

Всего выигрышей 8.668 на 3.000.000 р.

РОЗЫГРЫШЪ БИЛЕТОВЪ ЛОТЕРЕИ НАЧНЕТСЯ 1 ЮНЯ 1915 года и будетъ законченъ, ввиду значительнаго числа выигрышей, въ теченіе мѣсяца. Розыгрышъ будетъ произведенъ Совѣтомъ Государственного Банка въ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ Залѣ Петроградской Городской Думы публично, въ присутствіи Членовъ Комитета лотереи и депутатовъ отъ Петроградскихъ: Дворянства, Губернскаго Земскаго Собранія и Городскаго Общественнаго Управленія. Входъ для публики свободный.

Таблицы выигрышей для каждаго выпуска отдѣльно будутъ опубликованы по окончаніи лотереи въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Для справокъ владѣльцевъ билетовъ означенныя таблицы будутъ выставлены въ мѣстахъ продажи, а также продаваемы въ учрежденіяхъ Государственного Банка и Казначействахъ по 5 к. за экземпляръ.

Билеты лотереи и части ихъ, на которые пали выигрыши, должны быть представлены въ Петроградскую Контору Государственного Банка и выигрыши будутъ выдаваться названною Конторою не позднѣе 14 дней по полученіи билета. Лица, проживающія въ Петроградѣ, могутъ предъявлять билеты, на кои палъ выигрышъ, или ихъ части съ подписью на нихъ владѣльца въ мѣстныя учрежденія Государственного Банка и Казначейства. Означенныя учрежденія будутъ пересылать представленные билеты или части ихъ въ Петроградскую Контору для перевода выигрышей, при условіи застрахованія ихъ за счетъ владѣльцевъ въ суммѣ выигрышей.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ соотр. дниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Э. Г. Беренштамъ, И. Я. Бидибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ), L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fiegens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергій Маковскій, Pierre Marcel, (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А. В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

**Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 15 руб.,
безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.**

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Юля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митюрникова, Лебелева и Карбасникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образованіе» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгенія Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., ¹/₂ стр.—55 р., ¹/₃ стр.—40 р., ¹/₄ стр.—30 р., ¹/₈ стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель *П. П. Вейнеръ.*

Тобольскаго Церковнаго Листка. 1913 года. Стр. 6. Ц. не озн.

И. СИМОНОВЪ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Отд. оттискъ изъ журн. „Педагогическій Сборникъ“, №№ 11 и 12, 1913-го года. Сиб. 1914. Стр. 2 (нен.)+59+1 (нен.). Ц. 35 коп.

Педагогическій Сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ, 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ **И. С. СИМОНОВЪ.** Пгр. 1914. Изд. Гл. упр. военно-уч. заведеній. Стр. 2 (нен.)+85+7 портретовъ Ц. не означена.

Библиологическій сборникъ. Томъ I, вып. 1. **Русскія библиографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности.** Изданіе Русскаго библиологич. Общества. Пгр. 1915. Ц. 80 к.

Изъясню издаванна книжка даетъ краткія свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ библиографическихъ организаціяхъ, существующихъ въ Россіи—объ Русскомъ библиологическомъ Обществѣ, основанномъ въ 1899 г. въ Петроградѣ, объ Русскомъ библиографич. Обществѣ, основанномъ въ 1890 г. въ Москвѣ, объ Одесскомъ библиограф. Общ., осв. въ 1907 г., о „Бюро Международной библиографіи“ и объ той изумительной „Библиографіи славяновѣдѣнія“, о которой недавно (13 марта) говорило „Нов. Время“. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что всѣ эти организаціи далеки отъ процвѣтанія. Пользуемся случаемъ, чтобы обратить вниманіе гг. библиографовъ на необходимость составить указатель къ „Р. Вѣстнику“ Каткова и Берга.

Памяти Петра Дмитриевича Паренсова. Пгр. 1915. Ц. 40 к.

Петрогр. Слав. Общество издало сборникъ рѣчей, посвященныхъ своему бывшему предсѣдателю. Генераль Па-

ренсовъ, участникъ русско-турецкой войны и сподвижникъ Скобелева, потомъ военный министръ только-что созданной Болгаріи. былъ хорошимъ администраторомъ, и недурнымъ авторомъ. Его воспомнанія объ войнѣ съ Турціей и о жизни въ только-что освобожденной Болгаріи, хорошо написанныя, важны какъ историческій источникъ высокой достовѣрности. Рѣчи принадлежать А. А. Башмакову, А. И. Соболевскому, бывш. болг. министру А. К. Людканову и др.

Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, „Описание славянскихъ рукописей Моск. Синод. библиотеки“. Составилъ **Е. М. ВИТОШИНСКІЙ.** Варш. 1915. Ц. 1 р.

Трудъ Горскаго и Невоструева, вышедшій въ 1855—69 гг. въ пяти книгахъ, не былъ оконченъ и потому не былъ снабженъ указателемъ. Г. Витошинскій рѣшилъ пополнить недостатокъ и составилъ настоящую книгу. Работа его отличается тщательностью, но издана слишкомъ крупнымъ шрифтомъ, малоудобно и малоэкономно. Но большое спасибо за нее автору.

В. З. ЗАВИТНЕВИЧЪ. Банкротство началъ германской культуры и идеаль русской цивилизаціи. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.

Заглавіе книжки уже показываетъ отношеніе ученаго автора къ германской культурѣ. Самымъ блестящимъ выразителемъ нѣмецкой ученой тенденціозной прямолинейности и аморализма, по его мнѣнію, является новѣйшій философъ Фр. Ницше. Болѣе цѣннымъ кажется намъ то, что проф. Завитневичъ говоритъ о русскомъ идеалѣ, его объясненіе меланхолической русской поэзіи, русской „мягкотѣлости“, русскаго смиренія. Въ общемъ книжка вполне заслуживаетъ вниманія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправл на немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобы благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно. Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель Петръ Бартевъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

4

стр.

403. Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**; 12 Апрѣля 1865 года. Сообщ. Протоіерей **Іоаннъ Соловьевъ**.
409. Хлысть или параноикъ? (Сектантъ **Василій Радаевъ**). **Н. Г. Высоцнаго**.
427. Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденіи отсюда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году. Сообщ. дѣйств. чл. Оренб. уч. арх. ком. священникъ **Николай Модестовъ**.
458. Переписка **Н. П. Побѣдоносцева** съ преосвященнымъ **Никаноромъ** епископомъ Уфимскимъ. (Письма 1880—1883 годовъ). Сообщ. Протоіерей **Сергій Петровскій**.
474. Нѣмецкое заселеніе. I. Поволжскіе колонисты. II. Попытки колонизаціи Кавказа Нѣмцами. **П. Л. Юдина**.
495. Священной памяти Наслѣдника Цесаревича **Николая Александровича**. Протоіерея **Іоанна Соловьева**.
500. Мины въ русско-турецкой войнѣ 1887—78 гг. **В. Голубева**.
509. Переписка ин. **Д. И. Долгорукаго**.
527. О Мурманскомъ портѣ. **Б. С. П.**
529. Поправки.
33. Обзоръ жизни и трудовъ русскіихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**. Листъ третій.
Внутри обложки. О книгахъ: Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. 4; А. Чоловскаго, Львовъ во времена русскаго владычества; Евг. Никитина, Великая война и духовное возрожденіе Россіи; Отчетъ Имп. Россійск. Историческ. музея плени Имп. Александра III въ Москвѣ за 1913 г.; I. К. Линдемана, А. С. Пушкинъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ; А. А. Погодина, Краткій очеркъ исторіи славянъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1915.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. 4-й. Путешествіе **А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянскимъ землямъ въ 1804 г.** Подъ редакціей **В. М. Истрина.** Пгр. 1915. Ц. 60 к.

Оба русскихъ путешественника—люди съ наблюдательностью, и потому ихъ письма изъ Австрій и изъ Бѣлграда въ высокой степени интересны. Кто знакомъ съ положеніемъ австрійскихъ Сербовъ въ началѣ XX в., изъ писемъ Тургенева и Кайсанова можетъ видѣть, что оно было таково же и въ нач. XIX в. Много данныхъ о сербскихъ монастыряхъ на Фрушкѣйской горѣ, о сербскомъ митрополитѣ Стратимировичѣ, о Карагеоргіи и т. д. Любопытны письма Кайсанова къ историку Шлёцеру.

А. ЧОЛОВСКІЙ. Львовъ во времена русскаго владычества. Переводъ съ польскаго подъ редакціей **Д. Н. ЧИХАЧЕВА.** Пгр. 1915. Ц. 50 к.

Переводъ сдѣланъ съ текста, дополненнаго авторомъ. Тѣмъ не менѣе отъ книжки можно бы ожидать большаго, если бы въ ней была использована русская литература о Даниилѣ Галицкомъ, о Юріи II, объ обстоятельствахъ захвата Галиціи Казимиромъ Великимъ. Г. Чоловскій смотритъ на лица и событія какъ Полякъ-католикъ. О женѣ кн. Льва Даниловича онъ говоритъ, что она была ревностная католичка. Но какъ она могла быть католичкой, когда ея отецъ, венгерскій король Бела IV, былъ почитатель всего русскаго, былъ болѣе православнымъ, чѣмъ католикомъ? Венгрія XIII вѣка еще колебалась между православіемъ и католичествомъ, держась восточнаго церковнаго обряда и признавая надъ собою власть папы. Переводъ могъ бы быть лучше.

Евгеній НИКИТИНЪ. Великая война и духовное возрожденіе Россіи. М. 1915. Ц. 15 к.

Книжка г. Никитина—одно изъ чтеній для московскихъ фабричныхъ рабочихъ, но имѣетъ въ виду развитого читателя. Въ ней раскрывается внутреннее значеніе происходящей нынѣ мировой войны—значеніе жертвы очищенія и возрожденія. Авторъ обнаруживаетъ большую начитанность въ произведеніяхъ нашихъ славянофиловъ, поэтовъ и философовъ, и пользуется ею съ большимъ талантомъ.

Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ за 1913 г. М. 1914.

Кромѣ обычныхъ отчетныхъ свѣдѣній о подаркахъ, покупкахъ и посѣщеніяхъ, настоящей отчетъ заключаетъ въ себѣ статью: „Письма гр. В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ дуэли“, въ основаніе которой легли два черновыхъ письма гр. Соллогуба въ 1836 г. Г-жа Голубцова, авторъ статьи, даетъ небольшой комментарий къ этимъ письмамъ, освѣщая тотъ любопытный эпизодъ послѣдняго періода жизни Пушкина, о которомъ мы знали до сихъ поръ только изъ „Воспоминаній“ гр. Соллогуба.—Можно еще отмѣтить и „Библиографич. замѣтки“ П. Н. Кашина о двухъ рѣдкихъ изданіяхъ 80-хъ годовъ XVIII в., и описаніе принадлежащихъ Музею иркутабуль, числомъ 8, сдѣланное М. А. Петровскимъ.

А. С. ПУШКИНЪ. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Точная копія рукописи поэта. Съ 21 рис. въ текстѣ. Разборъ баллады и объяснительныя къ ней примѣчанія написалъ инсен. Моск. XI гимн. **І. К. Линдеманъ.** Для старш. класс. среднеуч. завед. М. 1915.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОДНОГО ДНЕВНИКА

(Изъ пятидесятилѣтію со дня кончины Наслѣдника Цесаревича
Николая Александровича — 12 Апрѣля 1865 года).

Подлинникъ печатаемаго нами дневника представляетъ собою небольшую въ $\frac{1}{4}$ д. листа тетрадь, переплетенную въ корешекъ. Изъ имѣющихся въ тетради 200 страницъ лишь первая десятъ исписаны мелкой, но разборчивой скорописью чернилами и заключаютъ въ себѣ ежедневную записъ занятій и времяпровожденія (тогда еще не Наслѣдника Цесаревича) Великаго Князя Николая Александровича съ 1-го Января 1852-го года по 26-е число того же мѣсяца. Судя по выбору предметовъ, характеру и нѣкоторымъ подробностямъ этихъ записей, нужно предполагать, онѣ принадлежатъ лицу, близко стоявшему къ Цесаревичу, хорошо знавшему окружающую его въ это время обстановку его домашней жизни, обычный порядокъ и характеръ его времяпровожденія и занятій, и изо дня въ день отмѣчавшему въ дневникѣ все, заслуживающее вниманія и имѣющее значеніе въ смыслъ характеристики юнаго Великаго Князя, которому въ это время не было еще и девяти лѣтъ (Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ родился 8 Сентября 1843 года). Кто было это лицо, положительно утверждать мы не можемъ, но потому, что въ дневникѣ передаются какъ подлинныя нѣкоторыя слова Цесаревича, сказанныя имъ во время уроковъ, на которыхъ кромѣ учителя всегда присутствовалъ только воспитатель его, какимъ былъ тогда генераль-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, и потому еще, что о воспитателѣ этомъ въ дневникѣ говорится въ третьемъ лицѣ, можно съ увѣренностію предполагать, что авторомъ дневника была супруга Николая Васильевича¹⁾.

¹⁾ Юлія Николаевна, рожденная Батюшкова, сестра Константина и Помпея Николаевичей Батюшковыхъ. П. Б. (младшій).

На это предположеніе наводитъ и то, что дневникъ оказался среди другихъ книгъ, несомнѣнно принадлежавшихъ семьѣ Батюшковыхъ.

При всей краткости заключающихся въ тетради записей и обнимаемаго ими времени, онѣ, думаемъ, имѣютъ большой интересъ, какъ живо и наглядно рисующія не только виѣшній образъ жизни девятилѣтняго Цесаревича, а и духовный обликъ его, поскольку онѣ сказывался въ отмѣченныхъ въ записяхъ отношеніи Цесаревича къ урокамъ и нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ и отвѣтахъ его на этихъ урокахъ.

По всему сказанному я считаю вполне благовременнымъ напечатаніе прибрѣтеннаго мною дневника и именно на страницахъ Русскаго Архива, гдѣ въ свое время печатались, можетъ быть, самыя цѣнныя для біографіи Цесаревича „Воспоминанія Θεодора Ад. Ооѣа. 1826—1865“. (Р. Арх. 1896-й годъ) и письма А. Θ. Тютчевой къ К. П. Побѣдоносцеву въ 1865 г. (Р. Арх. 1905 г.)

Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

1852-й годъ. Генварь.

1. Былъ выходъ во Дворецъ въ Малой Церкви. Великіе Князья катались по обыкновенію, несмотря на ужасную погоду (почти цѣлый день шелъ дождь), заѣзжали поздравить съ Новымъ Годомъ Принца Ольденбургскаго, который записался у В. Князя Николая Александровича. Николай Васильевичъ¹⁾ объявилъ это Наслѣднику²⁾ и просилъ Его согласія заплатить визитомъ за учтивость Принца Ольденбургскаго.

2. Былъ выходъ въ Малой Церкви по случаю рожденія В. Князя Алексѣя Александровича. Въ часъ пополудни Великіе Князья Николай и Александръ ѣздили въ 1-й Кадетскій Корпусъ для примѣра парада ко 6-му Генваря. Великій Князь Николай Александровичъ стоялъ въ средней шеренгѣ кадетъ и дѣлалъ очень прилежно и удачно ружейные приемы.

3. Былъ у Великаго Князя Николая Александровича учитель Закона Божія, Духовникъ Императорской фамиліи Василій Борисовичъ

¹⁾ Зиповьевъ, бывшій воспитателемъ Великаго Князя до его гражданскаго совершеннолѣтія, когда его замѣнилъ гр. С. Гр. Строгановъ. — Пр. I. С.

²⁾ Августѣйшій родитель Великаго Князя Николая Александровича, Великій Князь Александръ Николаевичъ, а 1856 г. Государь Императоръ. — Пр. I. С.

Бажановъ. Послѣ урока ѣздили опять для репетиціи парада въ 1-й Кадетскій Корпусъ. Николай Александровичъ чрезвычайно старался дѣлать хорошо ружейные приемы, даже былъ блѣденъ отъ внутренняго движенія.—Наслѣдникъ пріѣзжалъ смотрѣть ученье и спросилъ у Николая Александровича, стоящаго подъ ружьемъ: „не усталъ ли Ты?“. На что Тотъ отвѣчалъ: „никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество“.

4. Великій Князь Николай Александровичъ ѣздилъ верхомъ въ 11 часовъ утра въ Аничковскомъ Манежѣ, потомъ въ послѣобѣденное гулянье пѣшкомъ [Великая Княгиня¹⁾ приказала идти пѣшкомъ несмотря на одиннадцать градусовъ холода], зашли къ намъ въ домъ для полученія мѣсячныхъ денегъ для бѣдныхъ. Николай Васильевичъ имѣетъ сумму для пособія бѣднымъ отъ Великихъ Князей 140 руб. сер. въ мѣсяць и изъ нея онъ даетъ въ кошелекъ Великимъ Князьямъ, Николаю Александровичу 10 р., а Александру 5 р. сер. въ мѣсяць. Они часто останавливаются на улицѣ для подачи милостыни нищимъ.

5. Были въ Церкви на Водоосвященіи; кушанье постное, гуляли по обыкновенію.

6. Великій Князь Николай Александровичъ послѣ обѣдни въ Большой Церкви Зимняго Дворца, гдѣ былъ Выходъ, участвовалъ въ кадетскомъ парадѣ. Государь стоялъ прямо противъ Него, и когда Николай Александровичъ немного ранилъ себѣ руку ружьемъ и хотѣлъ обтереть показавшуюся кровь, то Государь сказалъ: „Оставь, это послѣ сдѣлаешь“. Николаю же Васильевичу, который, вѣроятно, слѣдилъ съ замѣтнымъ участіемъ за движеніями Великаго Князя Н. А., Государь сказалъ: „ты отеческимъ взглядомъ на Него смотришь“.

7. Въ 9 часовъ утра былъ у Великихъ Князей Николая и Александра Ал. учитель французскаго языка Courgiard. Николай Александровичъ получилъ одобреніе, а Александръ Ал. нѣтъ. Послѣ послѣобѣденной прогулки читалъ Николай Ал. Юрія Милославскаго съ восхищеніемъ, такъ что съ трудомъ заставили Его кончить, чтобы идти къ обѣду Наслѣдника, гдѣ они обыкновенно являются во время десерта. Сами же они обѣдаютъ около 2-хъ часовъ.

8. Смотрѣли изъ окошка на парадъ, который Государь дѣлалъ всѣмъ войскамъ, находящимся въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Наслѣдникъ пригласилъ Николая Васильевича ѣхать съ Нимъ на медвѣжью охоту по желѣзной дорогѣ 10-го Генваря. В. Князю Николаю Алексан-

¹⁾ Марія Александровна, августѣйшая мать Цесаревича.—Пр. I. С.

дровичу очень хотѣлось ѣхать также на охоту. Онъ страстно любитъ стрѣлять птицъ, и прошедшей осенью много истребилъ воробьевъ въ Царскомъ Селѣ.

9. Былъ учитель Фр. языка. Великій князь Александръ Ал. чувствовалъ себя нездоровымъ и не гулялъ съ старшимъ Братомъ.

10. Николай Васильевичъ ѣздилъ на медвѣжью охоту съ Наслѣдникомъ. Поѣхали по желѣзной дорогѣ въ 9 1/2 ч. утра за станцію Тосну, убили медвѣдя (Наслѣдникъ былъ побѣдителемъ), завтракали въ полѣ, на возвратномъ пути играли въ эролашъ (Н. М. Толстой, Ген.-Адъютантъ Мансуровъ, Принцъ Мекленбургскій и Ник. Вас.) и возвратились въ Петербургъ въ половинѣ 3-го пополудни.—Всѣ, участвующіе въ охотѣ, приглашены были къ обѣденному столу Наслѣдника. В. К. Николай Александровичъ говорилъ сегодня утромъ В. Н. Скрипичиной¹⁾: „знаете; я думаю, что Папа убьетъ медвѣдя“.—Отчего же? спросила Скр.—„Да такъ ужъ устроятъ“.—

11. Утромъ былъ учитель Фр. языка. Гуляли по обыкновенію. Александръ Ал. не выходилъ, и старшій Братъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Нимъ наверху, а не внизу съ меньшими братьями, какъ обыкновенно дѣлается.

12. Я поѣхала съ Николаемъ Вас. утромъ въ одиннадцать часовъ во Дворецъ навѣстить больного Александра Александровича.—Николая Александровича тамъ не было; Онъ былъ съ Хрѣновымъ (унтеръ-офицеръ, состоящій при Дѣтяхъ) у Родителей и у Императрицы²⁾ и при мнѣ воротился. Тутъ пришелъ также Духовникъ Государя для преподаванія урока въ Законѣ Божіемъ и на минуту зашелъ Флигель-Адъютантъ Графъ Николай А. Орловъ. Покуда Дѣти завтракали, я разговаривала съ Василіемъ Борисовичемъ. Онъ говорилъ, что надобно умѣрять въ Великомъ Князѣ Николаѣ Александровичѣ врожденную любовь ко власти и къ правамъ своимъ. Я же говорила, что то, что въ другомъ ребенкѣ было бы недостаткомъ, или по крайней мѣрѣ излишествомъ страсти, въ В. Князѣ есть, можетъ быть, Даръ Божій для будущихъ временъ.

13. Воскресенье. Были въ Церкви, не выѣзжали по случаю сильнаго мороза. Вечеромъ В. Кн. Николай Ал. приглашалъ къ Себѣ на вечеръ Павлика Козлова (племянника Ник. Вас.), а Николай Вас. былъ

1) Бывшей воспитательницѣ Цесаревича, послѣ которой и завѣдывалъ воспитаніемъ П. В. Зиновьевъ. —Пр. I. С.

2) Александра Теодоровна — супруга Импер. Николая Павловича. —Пр. I. С.

на вечерѣ у Великой Кн. Маріи Николаевны, игралъ въ эролашь съ Нею, Авророй Карл. Карамзиной и Бар. Ливепонтъ.

14. Былъ учитель Фр. языка. Никуда не выѣзжали по случаю большого холода.

15. Никуда не выѣзжали. У Дмитрія Вас.¹⁾ умеръ сынъ Вася одного года и 3-хъ мѣсяцевъ. Николай Вас. вечеромъ былъ у В. К. Маріи Николаевны.

16. Былъ учитель фр. языка. В. Князья нигде не выѣзжали. Вечеромъ мы были на паннихидѣ по маленькомъ Васѣ.

17. Въ одиннадцать часовъ утра былъ у В. К. учитель Закона Божія. На вопросъ Василія Борисовича, что хорошо ли отвѣчалъ Илій, сказавъ: „да будетъ Воля Господня“, на угрозы и предвѣщаніе пророка Самуила, что Богъ накажетъ его въ избалованныхъ имъ дѣтяхъ, В. К. Николай Александровичъ отвѣчалъ, что нѣтъ; лучше бы онъ сдѣлалъ, ежели бы общалъ Богу исправить наказаніями своихъ дѣтей. И когда Василій Бор. Его спросилъ: „на кого же должны жаловаться наказуемая справедливо родителями дѣти?“— „Только на самихъ себя“, отвѣчалъ В. Князь.—Вечеромъ еще была паннихида у Дмитрія Вас. и на другой день рано утромъ повезли родители тѣло младенца въ Копорье, чтобы положить его подлѣ дѣда. Вечеромъ Николай Васильевичъ былъ у Маріи Николаевны.

18. Утромъ былъ у Великихъ Князей учитель франц. языка, оч. былъ доволенъ Николаемъ Александровичемъ, у котораго большія способности къ орфографіи. Никуда не выѣзжали.

19. Въ 11 часовъ былъ урокъ Василія Борисовича. Никуда не выѣзжали. Читали послѣ обѣда Юрія Милославскаго. Николай Ал. сказалъ: „да, я также видѣлъ гробницу Годунова внѣ Церкви въ Троицкой Лаврѣ; этого злодѣя надобно было бы похоронить въ Угличѣ!“ Вечеромъ Ник. Вас. былъ у В. Кн. Маріи Николаевны.

20. Воскресенье. Были въ Церкви. Гуляли по эрмитажу. Вечеромъ приглашены были нѣкоторые дѣти, въ томъ числѣ и Павликъ Козловъ къ В. Князьямъ на игры.

21. Утромъ въ 9 ч. былъ учитель франц. языка. В. Князь Николай Ал. учился очень хорошо. Катались въ саняхъ.

22. 23. Учитель фр. языка. Гуляли по обыкновенію.

¹⁾ Брата П. В. Зиновьева.—Пр. I. С.

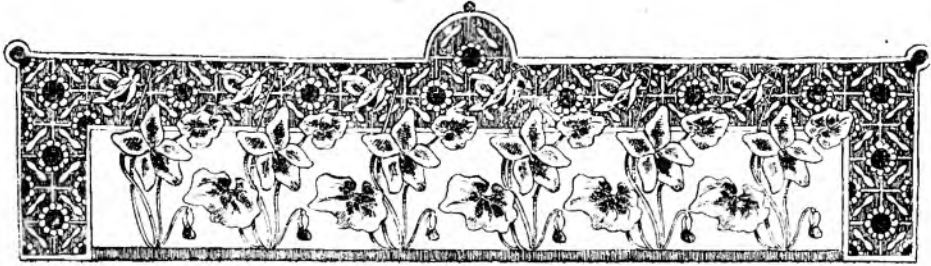
24. Въ 11 часовъ былъ Василій Борисовичъ. Екатерина Васильевна ѣздила передъ урокомъ Вел. Князей къ нимъ. В. Князь Николай Александровичъ ее прекрасно принялъ, показывалъ ей всѣ свои вещи и былъ очень любезенъ.

25. Урокъ фр. языка. В. Князь Николай Александровичъ говорилъ полковнику Гогелю¹⁾: „знаете, Григорій Ѳедоровичъ, я хочу непременно заставить Г. Cougiard сказать Мнѣ послѣ урока: tres bien“, и въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо учился, что заслужилъ желаемое одобрение.—Въ одиннадцать часовъ ѣздилъ верхомъ въ Аничковскомъ манежѣ на довольно большой и горячей лошади, и весьма красивъ. Гуляли въ каретѣ.

26. Урокъ Василя Борисовича. Гуляли.

¹⁾ Бывшему помощникомъ воспитателя Великаго Князя.—Пр. I. С.

ХЛЫСТЪ ИЛИ ПАРАНОИКЪ?

Лѣтомъ 1850 года до свѣдѣнія Нижегородскаго Военнаго Губернатора князя Урусова дошли слухи, что крестьянинъ села Волчихи, Арзамасскаго уѣзда, Василій Радаевъ распространяетъ ученіе, противное догматамъ православной вѣры. Князь Урусовъ немедленно сдѣлалъ предписаніе о производствѣ разслѣдованія. Началось подробное слѣдствіе, въ результатѣ котораго получилось обширное судебное дѣло о крестьянинѣ Василіи Радаевѣ.

Это дѣло хорошо извѣстно лицамъ, занимающимся изученіемъ русскаго мистическаго сектанства. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ очень часто можно встрѣчать ссылки и указанія на него, а иногда даже и обширныя подлинныя выдержки отсюда. Но въ полномъ видѣ это дѣло въ печати еще не появлялось.

О послѣднемъ приходится только пожалѣть, такъ какъ отсутствіе печатнаго изданія дѣла о Радаевѣ является причиной того, что люди разныхъ направленій смотрятъ на этого „вдохновеннаго учителя“ разными глазами и по разному трактуютъ вызванное имъ религиозное движеніе. Въ то время, какъ одни считаютъ его хлыстовскимъ пророкомъ, открыто освятившимъ развратъ въ хлыстовской сектѣ¹⁾, другіе представляютъ его религиозно-помѣшаннымъ энтузіастомъ, съ рѣзко выраженной эротической окраской, вызвавшимъ въ народныхъ массахъ религиозно-психическую эпидемію²⁾.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются небольшіе, но существенные отрывки изъ этого дѣла, которые заключаютъ въ себѣ матеріалъ для сужденія о томъ, кто былъ Радаевъ: хлыстъ или параноикъ. Эти частичные документы мы и предлагаемъ вниманію читателей.

Въ составъ предлагаемыхъ отрывковъ входятъ: а) показанія, данныя на слѣдствіи самимъ Радаевымъ и въ некоторыми его послѣдо-

1) Такъ смотрятъ на него Мельниковъ, Добротворскій и всѣ православно-церковные писатели и полемисты.

2) Такой взглядъ принадлежитъ извѣстному изслѣдователю мистическаго сектанства Д. Г. Коновалову.

вателей, б) нѣкоторыя произведенія Радаева и в) объясненія, представленныя духовною властью.

Показаніе Василія Радаева, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Отъ роду мнѣ 29 лѣтъ; грамотѣ читать и писать умѣю: вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія ежегодно бываю; подѣ судомъ же ни за что не находился; признаю, что во мнѣ своей воли нѣтъ, а во всемъ дѣйствуетъ во мнѣ духъ святой; сначала я сомнѣвался въ томъ, что не ошибочно ли думаю, что во мнѣ Божіе, полно: не вражіе-ли; но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ духъ: „молись Божіей Матери, читай канонъ“, и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то духъ сталъ мною водить; и когда случалось, что противился духу, то за это страдалъ недѣль по пяти; въ доказательство видимой благодати духа божія могу рассказать слѣдующій случай. Одинъ разъ сталъ я жить въ келѣ, въ лѣсу, на пчельникѣ, туда перетаскалъ и книги свои, вдругъ меня сильно двинуло и стало захватывать дыханіе и сталъ умирать, послѣ чего я ходилъ исповѣдываться къ священнику, но къ Причастію духъ меня не допустилъ, я сдѣлался боленъ на недѣлю, потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ духъ божій, говорящій: „вставай и иди причащаться;“ послѣ чего всталъ и былъ весь здоровъ, но воли своей уже во мнѣ не было; наконецъ, причастился и ободрился, и начало опять гонять и водить меня духомъ такъ, что иногда, когда ѣмъ, вдругъ руку у меня остановить. и вообще во всякихъ вещахъ своей воли больше уже не имѣю. Женищина одна хворала и пришла просить меня помазать ее масломъ изъ моей лампы; я сталъ брать изъ лампы масло, но духъ святой остановилъ меня и велѣлъ ей дать только свѣчей да ладана; когда же она ушла, то духъ божій послалъ меня къ ней, и когда я пришелъ и хотѣлъ подойти къ ней, то она говоритъ, что, оправившись отъ болѣзни, хочетъ жить жизнью лучшею; но духъ святой сказалъ мнѣ, что уже больше жить она не будетъ, и точно на утро умерла; имя ей было Евдокія, села Волчихи, крестьянка. У Ивана Васильева, села жъ Волчихи, Удѣльнаго Вѣдомства, была сестра, которая, собираясь въ путь, пришла къ нему проститься, а я ей сказалъ: „ей, Матрена, потише; пупокъ лопнетъ“; что я нерѣдко говорилъ ей и прежде, она же, не послушавшись, пошла и дорогой умерла. Все это предсказывалъ я по внушенію духа святаго. Къ этому же крестьянину Ивану Васильеву по прозванію Муха я въ другой разъ пришелъ и сталъ перебирать лучины въ рукахъ, и одну воткнулъ изъ нихъ въ полъ и сказалъ: „Иванъ Васильевъ! Одинъ останешься“;

черезъ четыре дня жена его умерла. Я приказывалъ всегда молиться съ зажженою лампадою; но нѣкоторыя дѣвушки изъ скупости сего не исполняли; когда же я приходилъ, то по духу святому это узнавалъ и всякій разъ за это масло у нихъ выливалъ. На Ваду хворала женщина, ее зовутъ Настасья Пашкова; я пришелъ къ ней, хворой, по внушенію духа, попросилъ у ней квасу съ намѣреніемъ не самому выпить, а ей дать, и когда она сказала, что идти сама не можетъ, я велѣлъ ей, хогь ползти, да самой принести, когда же она принесла квасъ, то я взялъ его какъ будто для того, чтобы самому напиться, потомъ перекрестилъ и далъ ей выпить: на другой день она сдѣлалась здорова. Въ Тарусскомъ споха Кузьмы Петрова была приведена ко мнѣ одной дѣвушкой и говоритъ, что третій годъ у нихъ нездорова женщина; на это духъ святой приказалъ мнѣ дать ей воды перекрестивши, что я исполнилъ; и тотчасъ она сдѣлалась здорова. Кто же приходилъ ко мнѣ съ невѣріемъ въ меня, а съ желаніемъ лишь испытать меня, съ тѣми я ничего не дѣлалъ, а выгонялъ ихъ: но во всемъ этомъ дѣйствовалъ не я, а духъ святой, всюду вода меня и повертывая; когда же я вдохновлялся, то чувствовалъ въ себѣ радость несказанную, слезы, умиленіе и смиреніе. Одинъ разъ въ церкви противъ дѣвушки Устиньи стояла вдова, къ которой она, Устинья, имѣла вражду, почему и чувствовала въ сердцѣ своемъ сильную на нее злобу; вдругъ все это открылъ мнѣ духъ святой и я вывелъ ее изъ церкви на паперть и сказалъ: „Устинья! Такъ въ церкви стоять не подобаетъ!“ Также правда и то, что духъ, во мнѣ находящійся, имѣетъ влеченіе ко мнѣ привязывать и притягивать людей; и въ доказательство привести могу то, что однажды шелъ я по дорогѣ отъ Волчихи къ Кріушѣ, вдругъ духъ божій остановилъ меня, и я стоялъ долго, какъ вкопанный; сестра же жены брата моего жала въ это время и была отъ меня такъ далеко, что видѣть меня не могла; но вдругъ оттолѣ привлекло ее ко мнѣ: но какъ это было дѣло для нее необычное, то она заревѣла, сказавши: что при всемъ усиліи противиться духу не могла; я же ее тутъ успокоилъ и отпустилъ. Духъ божій открывалъ мнѣ, и кто какой жизни: кто дурной и кто хорошей. Такъ, одинъ разъ я сидѣлъ въ кельѣ, и пришла ко мнѣ женщина, которая по духу была мнѣ непріятна, тогда я по волѣ духа ее выгналъ, потому что меня отъ нѣкоторыхъ людей отвращало. Я прихожу иногда въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголаннныя: и вообще случаевъ со мною видимой благодати духа святаго было много, но всѣхъ не припомню. Про Арину Лазаревну слышалъ, но когда она была жива, то я еще былъ малъ, и самъ ее не видалъ, Никифоръ же зналъ ее. Про Аѳанасія Ревезенскаго благочиннаго слышалъ тоже, что

онъ дѣйствительно жизни духовной, но лично его не знаю. Подобно тѣмъ видѣніямъ, которыя случались со мною, случались и съ Никифоромъ, и вообще благодать святаго духа и надъ нимъ большая, и все у насъ одно, разница лишь въ томъ, что я въ поступкахъ поблестательнѣе его. Объ Иркутскомъ же Искупителѣ и о Большомъ Успенскомъ колоколѣ я ничего не знаю. Духъ же божій кладетъ меня навзничъ крестомъ, иногда приводитъ меня въ восторженные тѣлодвиженія, во время которыхъ себя не помню. Съ Никифоромъ Майданскимъ случается все то же самое, только онъ прикидывается больше меня дурацимъ. Здѣсь же, въ острогѣ, хотя я все это чую, но не проявляю, потому что люди меня окружающіе не поймутъ меня. Изъ людей, преданныхъ моему ученію, самый близкій есть Никифоръ Майданскій, и духъ божій ставитъ его выше всѣхъ прочихъ; потомъ Иванъ Васильевъ Муха Волчишный, Иванъ Ивановъ Вторусскій, который отъ моего ученія чувствуетъ одну лишь радость, Ѳеодоръ Павловъ и братъ его, Зюзинскій мальчикъ 11 лѣтъ Иванъ, надъ которымъ видимо уже дѣйствуетъ благодать святаго духа. Изъ женщинъ и дѣвицъ, преданныхъ моему ученію, могу указать: на Екатерину и Матрену Кріушинскихъ, на Аграфену Зюзинскую Волчихинскую, на Евгенію Мотовиловскую, на Аксинью Надешеву, на Ѳеклу, на Марфу Волчихинскихъ, на Наталью Ѳеодора Павлова жену Вторусскую, на Ариану и Наталью Вторусскихъ же. Со всѣми съ ними я самъ сожитіе имѣлъ, но другихъ на это не разрѣшалъ. Соитіе съ ними имѣлъ я не по своей волѣ, а по волѣ духа святаго, во мнѣ во всемъ дѣйствующаго; и въ доказательство того, что дѣлалъ это по внушенію духа божія, привести могу то, что прежде нежели я получилъ благодать духа, то послѣ соитія чувствовалъ себя всегда изнуреннымъ и нечистымъ; послѣ же озаренія меня благодатью духа святаго я въ соитіи нечистоты не видалъ, а чувствовалъ отъ себя особенное благоуханіе, которое однакожь нерѣдко и безъ соитія на меня нисходило, такъ что и одежды мои благоухали; это слышно было и другимъ. Показанія мнѣ слѣдователемъ тетради дѣйствительно писаны моею рукою. Что все показалъ по самой сущей справедливости.

А по прочтеніи записаннаго показанія еще дополнилъ, что онъ такимъ, какъ описываетъ, сдѣлался года съ четыре: наставниковъ же къ этому у него не было, а онъ самъ съ давнихъ лѣтъ пристрастенъ къ чтенію священныхъ книгъ. А какъ имъ нѣсколько своихъ писанныхъ тетрадей роздано въ разныя селенія, то для вѣрнаго собранія ихъ, по указанію его, желаетъ быть взятымъ на слѣдствіе.

По окончаніи означеннаго допроса крестьянинъ Василій Максимовъ въ дополненіе показалъ, что сверхъ обнаруженныхъ имъ въ томъ

допросѣ ходившихъ къ нему слушать его ученіе людей, были еще, какъ теперь припомнить, дѣвки деревни Вторусской: Марфа Θεодорова и Авдотья Абрамова, съ коими тоже не по своей волѣ, а по внушенію духа божія имѣлъ прелюбодѣйную связь; а прежде объ нихъ не показалъ по запамятованію; тетрадей же его собственнаго писанія въ раздачѣ было, какъ припоминаетъ, четыре, именно: разныя назиданія духовныя, слово о истинномъ пути, слово зѣло полезное, и о Іисусовой молитвѣ, но у кого онѣ изъ его товарищей находятся, припомнить не можетъ.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Θεодора Павлова Митрюшкина.

Отъ роду ему не болѣе 27 лѣтъ; грамотѣ читать и писать умѣетъ; вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія бываетъ; подѣ судомъ не находился; крестьянинъ онъ села Мотовилова, княгини Шахаевой; села Волчихи крестьянинъ Василій Максимовъ (Радаевъ) есть ему коротко извѣстный человѣкъ потому, что онъ второй годъ, какъ вполнѣ слѣдуетъ его, Максимова, ученію и наставленію, для чего самаго взаимно одинъ къ другому и ходили въ дома, гдѣ занимались чтеніемъ духовныхъ книгъ и пѣніемъ разныхъ псалмовъ. Ученіе Максимова, сколько извѣстно ему, Митрюшкину, заключалось въ томъ, чтобъ безпрестанно твердить молитву Іисусову и жить по доброму; изъ ученія его помнить, что онъ толковалъ: „что если Богъ сотворитъ поступокъ самый скверный, то и тотъ поступокъ будетъ лучше чистоты людской, самой лучшей, въ миллионъ разъ,“ но сему ученію Максимова онъ, Митрюшкинъ, не вѣритъ; о Страшномъ же Судѣ разговора вовсе не было. При разговорахъ Василья, особенно, когда онъ толковалъ имъ свое ученіе, онъ, Митрюшкинъ, замѣчалъ, что онъ постепенно входилъ въ какую-то горячность разговора такъ, что наконецъ приходилъ въ какое-то затменіе ума и чувствовалъ, какъ онъ про то и самъ Максимовъ утверждалъ, особенное стѣсненіе въ груди, которое, по утверженію Максимова, происходитъ отъ дѣйствія святаго духа, и послѣ котораго онъ впадалъ въ какое-то безпамятство. Подобно симъ прападкамъ, дѣлавшимся съ Васильемъ Максимовымъ, впадалъ онъ, Митрюшкинъ, и съ Майданскимъ крестьяниномъ Никифоромъ. Цѣломудріе, по наставленію Василья, есть гордость, но если человѣкъ озаренъ благодатью духа святаго, то нѣтъ грѣха разрѣшить, и потому та женщина, которая повидимому съ нимъ. Васильемъ, поступаетъ хуже, лучше поступаетъ для души своей; но и этому ученію

Василья онъ, Митрюшкинъ, не слѣдовалъ. Народный это слухъ. что будто бы онъ, Василій, и его послѣдователи молятся около чану съ водою и хлыщутся съ произнесеніемъ словъ: „хлыщу, хлыщу, Христа ищущу,“ если и справедливъ, то ему, Митрюшкину, никогда видѣть не случилось. Отъ церкви онъ, Василій, учениковъ своихъ нисколько не отлучалъ, а, напротивъ того, толковалъ, что безпрестанно въ ней надо пребывать, и что вообще отъ бесѣды и поученія Василья онъ, Митрюшкинъ, чувствуетъ какое-то удовольственное наслажденіе. Показанныя ему, Митрюшкину, при семь двѣ записки дѣйствительно писаны его рукою, и въ этихъ запискахъ онъ, Митрюшкинъ, наименовалъ Максимова святымъ отцомъ собственно потому, что онъ называетъ себя дѣйствующимъ по благодати и духу святому, а не по своей волѣ; равно прочитанныя ему при семь же допросѣ тетради руки Василья онъ слышалъ прежде, при его ученіи, и что въ нихъ написано, то все имъ, Васильемъ, было ему толковано. Къ какой же вѣрѣ Василій принадлежитъ, онъ не знаетъ; враги же его, православные, называютъ его хлыстомъ, но кто именно его такъ называлъ, не помнитъ. Къ чтенію и поученію Василья ходили изъ крестьянъ: Иванъ Васильевъ, Никифоръ Михайловъ и многіе другіе, но кто именно, не припомнить, а изъ дѣвокъ: Кріушинская Матрена и Екатерина села Мотовилова, Евгенія села Волчихи, Аграфена Зюзина и многія другія, тоже въ настоящее время не упомянуть. Въ одной же изъ записокъ онъ, Митрюшкинъ, просилъ Василья разрѣшить отпускъ изъ ихъ артели дѣвокъ, собственно потому, что, будучи преданъ его, Васильеву, ученію, относился во всемъ къ нему, какъ къ старшему учителю или наставнику. Денегъ же имъ на дорогу въ Кіевъ хотѣлъ дать изъ своей собственности, отъ усердія. Все заключающееся въ семь показаніи онъ, Митрюшкинъ, утверждаетъ по самой сущей справедливости.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Ивана Иванова.

Отъ роду ему 33 года, грамотъ умѣеть, вѣры православной. на исповѣди и у святаго причастія ежегодно бываетъ, подъ судомъ же ни за что не находился. Приходскаго села Волчихи крестьянина Василья Максимова онъ хотя давно знаетъ, но одинъ къ другому въ домъ вхожи не были; а назадъ тому не болѣе съ годъ напередъ, онъ, Василій, прибылъ къ нему и сталъ дѣлать ему разное поученіе, въ особенности же въ безпрестанномъ твореніи Исусовой молитвы и чтеніи акафиста Божіей Матери, чрезъ что самое получается благодать святаго духа. каковую онъ, Василій, уже получилъ, и она

въ немъ дѣйствуетъ не по его волѣ; а послѣ того, онъ, Ивановъ, принявши таковой полезный совѣтъ, сталъ ходить къ нему Василию на чтение и назиданіе разными поученіями, для чего самаго къ нему ходили при немъ: Мотовиловской Феодоръ Митрюшкинъ, Иванъ Васильевъ, Круто-Майданскій Никифоръ Михайловъ, однодеревенскіе съ нимъ, Ивановымъ, Филиппъ Степановъ, Александръ Ивановъ, села Волчихи Савелій Зюзинъ съ своимъ семействомъ, изъ дѣвокъ же: деревни Кріуши Матрена и Екатерина, и Мотовиловская Евгенія. При поученіи времени Василій приходилъ въ какое-то затменіе ума и въ безпамятствѣ надалъ на полъ; подобно сему припадки таковыя случались и съ Никифоромъ Михайловымъ; но толкованія въ отверженіе отъ Церкви нехожденіемъ во оную—не было. Все ученіе Василья было по его разумнью, доброе, и что точно дѣйствуетъ онъ не по свой волѣ, а духомъ святымъ, то въ одно время представилось ему, Иванову, отъ него, Василья, происходившее хорошее благоуханіе. Но къ какой вѣрѣ Василій принадлежитъ, онъ не знаетъ, и объ ней никому не передавалъ; да и Василій отъ кого былъ наученъ таковому понятію—непзвѣстенъ; и онъ съ Васильемъ никакой переписки не имѣлъ. Что все показалъ по самой сущей истинѣ.

Показаніе послѣдователя В. Радаева крестьянина Никифора Михайлова Уланова.

Отъ роду мнѣ 72 года; грамотъ читать и писать не умѣю; вѣры православной, на исповѣди и у святаго причастія бываю; подъ судомъ не находился, крестьянинъ я Арзамасскаго уѣзда Казеннаго села Крутаго Майдана. Далѣе изъ разспросовъ оказалось, что онъ имѣетъ неясное понятіе объ Искупителѣ, грядущемъ отъ страны Иркутской ударить въ большой Московскій Успенскій колоколъ и что пойдутъ за нимъ люди полки полками и придеть въ Петербургъ сдѣлать тамъ Страшный Судъ. Имѣетъ понятіе, что каждое общество по вѣрѣ имѣетъ значеніе корабля, и что на ихъ золотомъ кораблѣ кормчій Василій, который и низвелъ на него, Никифора, духъ святой. Передъ тѣмъ, когда исходитъ духъ святой, то чувствуетъ затменіе въ умѣ и стѣсненіе въ груди. Объ огненномъ крещеніи (оскопленіи), совершенно не имѣетъ понятія, равнымъ образомъ не знаетъ и о раднїи, также не видалъ и золотого Христа въ видѣнїяхъ, какъ это всегда бываетъ у другихъ хлыстовъ. Молитва его, Никифора, состоитъ, крестясь трехперстнымъ сложеніемъ, въ слѣдующемъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. нынѣ и присно

и во вѣки вѣковъ. Аминь“; „Господи, прости великія согрѣшенія отца нашего Василія, во Христвѣ съ братіей,“ а въ другой такой же молитвѣ упоминаетъ Аванасья. На вопросъ, кто такой Аванасій, Никифоръ объяснилъ, что это Ревезенскій благочинный, который вмѣстѣ съ какою то Ариною Лазаревною, живши въ Зеленогорской общинѣ, еще прежде его знакомства съ Васильемъ, дѣлали ему наставленія. Ученіе же Лазаревны состояло въ ученіи о тайной милостыни, говоря, что это—ангелъ женскаго пола и показывала ему, Никифору, семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня чрезъ трубочку. Она же Лазаревна учила его, Никифора, и тому, что явная милостыня до Бога не доходитъ, но что въ случаѣ неимѣнія чего подать можно брать у богатаго и подавать. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ ученій, утверждаетъ Никифоръ, что сдѣлалось доступно и ему видѣть эти небеса и трубочку, чрезъ которую доходитъ тайная милостыня. А Василій дополнилъ это ученіе. Онъ же, Никифоръ, объяснилъ, что въ старину въ Волчишскомъ Майданѣ жили какіе-то духовницы. Былъ на похоронахъ у Арины Лазаревны, которую выносили въ окошко.

*Первое обличительное посланіе Василія Радаева къ отцу своему
духовному.*

Отче духовный! Что Вы обо мнѣ сумнѣваетеся? Спрашиваете мя, чтобы я Вамъ истинно открылъ вся въ себѣ? А когда я Вамъ хочу сказать отъ чистаго сердца всѣ вещи, что во мнѣ, то Вы не дадите мнѣ начать говорить рѣчь, першибаете мою, или уходите отъ меня и слушать не хотите. Развѣ тако узнаютъ истину! Какъ же Вы этакъ хотите во мнѣ узнать чтѣ? Вы должны бы хорошенько выслушать мя, хотя бы я Вамъ по Вашему понятію и противно сталъ говорить, или и глупо, или и больно Вамъ навстрѣчу и не по мысли; и то бы должно съ терпѣніемъ выслушать. Прости мя, отче! Не погнѣвайся! Какіе Вы духовные отцы! Развѣ Вамъ тако должно поступать, по свѣтски: что не показалось въ рѣчахъ, то и слушать не хотите, и рѣчей принять, скоро съ пышностью вскочить и убѣжать. Развѣ тако обращаютъ человѣка! Вы духовные отцы должны кротостію паче обращать, а не такъ, какъ Вы поступаете: вскочите, и убѣжите, и слушать не хотите. Аще Вы истинно бы пеклися мя обратить, видя мя въ заблужденіи, или бы и иного кого, то Вы должны бы всѣ рѣчи съ терпѣніемъ выслушать, хотя бы такъ или не такъ говорили Вамъ, хотя бы совѣмъ Вамъ обидно, и то бы Вы стерпѣли, только бы заблудшую овцу обратить ко Христу. Христось всякое страданіе и

распятіе ради сего претерпѣлъ, чтобы только людей спасти. Вы и слова противнаго не хотите стерпѣть, и глупого. Какъ же такъ? Развѣ Вы больше Христа? Онъ отъ насъ сноситъ всякія рѣчи. А Вы не хотите и малости понести отъ меня глупаго. А хотите будто обратиться къ мнѣ! Апостоли обращали людей, побои отъ нихъ примали; и то терпѣли! Симъ обратили! Аврамій захотѣлъ обратиться къ племяннику, то ради ея мясо ѣлъ. вино пилъ и весь видъ блуднической представилъ; который пятьдесятъ лѣтъ мало и хлѣба и воды принималъ. Онъ же обращалъ, вѣсть сколько побой и мученія отъ нихъ принялъ, которыхъ обращалъ: за симъ, знать, не гнался, только бы ихъ обратиться. Вамъ, чай, такоже должно поступать, Вы того же званія. А Вы не хотите и слушать, что Вамъ не покажется. А хотите обратиться: развѣ такъ обращаютъ, развѣ такой нравъ ради обращенія потребенъ. Аще бы Вашъ нравъ имѣли апостоли, не погибѣваете, ни единого не обратили бы. Примите мою рѣчь, хотя и глупа. Ради обращенія людей надо нравъ самый смиренный, самый мягкій, и милостивый, и терпѣливый. Развѣ гнать должно, кто согрѣшитъ, ненавидѣть, гнущаться и грозить тѣмъ да семъ. Развѣ тако обращаютъ къ Богу; разсудитесь-ка, кто ошибается: Вы-ли, я-ли? Которая душа впала бы въ какіе грѣхи, то Вы бы должны не знай какія тягости вынести, дабы ея обратиться. Вы на сіе поставлены. А Вы такъ обращаете, совсѣмъ въ отчаяніе гоните. Аще бы мя не сила Божія подкрѣпляла, то могъ бы я устоять противу всѣхъ Васъ. Подумайте: аще семейство возстанетъ на человѣка, и то како ему скорбно бываетъ. Како я себя не убилъ, стерпѣлъ толикое гоненіе отъ всего міра и начальства, или въ крайнее въ отчаяніе не пришелъ. Добро, ежели я въ ошибкѣ, сіе не дивно: единому человѣку ошибитися и не стыдно; но ежели Вы толикое множество въ ошибкѣ, не стыдно-ли Вамъ? Вы должны бы сострадать, помиловать, защитить мя, хотя бы я въ какихъ грѣхахъ находился, а не гнать и ненавидѣть. Сколь тяжело Вы Богу отвѣтъ дадите. аще по правдѣ Онъ поступитъ, за мя! Не столько сердце мое болитъ, что Вы мя тако гоните, сколько о томъ, что Вамъ велия вина будетъ отъ Бога. Всегда молю Господа моего, чтобы Онъ Вамъ не поставилъ во грѣхъ сего, потому что Вы отъ невѣдѣнія сіе творите. Аще Богъ поступитъ по правдѣ, горе Вамъ будетъ. Хотите—слушаете, хотите—нѣтъ, хотите—еще сильнѣе гоните. Азъ же правъ, Вамъ сказалъ. А меня хуже не сдѣлати. Я готовъ все терпѣть, потому что Вы мнѣ не вѣрите. Мнѣ уже что дѣлать; чай, не давиться отъ Васъ. Пусть какъ хотите гоните. Тамъ увидимъ, кто правъ будетъ, кто виноватъ предъ Судницею Христовымъ. А здѣсь гоните, какъ Вамъ угодно. Христосъ терпѣлъ безгрѣшенъ. А мы хотя и терпимъ,

мы не безгрѣшны; на насъ много грѣховъ всякихъ. Что же мнѣ не терпѣть: я не честнѣе Христа. А Вы говорите, что я спокоюсь; смотрите: Вамъ не спокаиться паче бы! Вы грозите временнымъ: Вамъ бы не получить вѣчно казнь. Кого, разсудите сами, паче послушать: Васъ или Бога. Лучше умереть, нежели Бога преслушать. Пусть лучше желѣзы, оковы, тюрьмы и даже смерть принять, нежели преслушать Бога, или скрыти данный мнѣ отъ Бога даръ. Заклинаю себя Богомъ Живымъ, и готовъ во адѣ тяжчайшїя муки терпѣть, ежели что я Вамъ неправду говорю. Имѣлъ много грѣховъ плотскихъ, нынѣ нѣсть сего. И со женою много иногда грѣшилъ не по времямъ; нынѣ такъ живу въ крайней чистотѣ, отъ крещенїя единожды только со женою согрѣшилъ. Господь мнѣ простилъ всѣ грѣхи давно и извѣстїе отъ Бога получилъ въ прощенїи; и дадеса ми благодать отъ Господа великая и дарованїя исцѣленїй. Только я себя строго веду, не открываю ясно никому; сего ради и подуриваю индѣ, дабы мя совѣмъ тѣ не узнали; гдѣ скажу или что сдѣлаю по дѣйствию духа, то ежели люди тѣ стануть догадываться, то я скоро что-нибудь загорожу избалмошно, дабы не познали мя вовсе тѣ. Лучше и много легче, аще хулять и считаютъ пустымъ человѣкомъ, нежели святымъ. Никакъ нельзя, чтобы не подуривать мѣстами. Истинно я Вамъ говорю, что Вы мя никакъ не разберете и не узнаете, хотя бы Васъ сошлось сто человѣкъ, ученыхъ въ богословіи. Или всѣ книги прочитайте и житїя святыхъ отецъ, и то не разберете и не узнаете, аще я Вамъ самъ не растолкую; премудро во мнѣ духъ поступаетъ: никакъ узнать не можно. А Вы говорите, что будто бы я.... не знаю; думаю, мя духъ Божїй водить, а совѣмъ діаволь обладаетъ и духъ злобы мной дѣйствуетъ. Вы сего не знаете; отъ того тако и помышляете; духъ святой когда вселится въ человѣка, то многіе явные знаки покажетъ, сначала личныя. того ради, чтобы человѣкъ узналъ ясно, что духъ святой имъ дѣйствуетъ, дабы ему не попротивился въ чемъ, опасавши(сь) обману отъ враги. Богъ ту душу не оставляетъ безъ прямого и явного извѣстїя, дабы она не преслушала его и казнь бы на себя не навела. (А Вы говорите:) духъ злобы тако дѣйствуетъ. Я Вамъ буду, якобы безумень, хвалиться: первое—очи мои просвѣщены душевныя, видятъ, кто какого житїя: худого-ли, доброго-ли; любовь къ Богу и къ брату своему великая, смиренїе и смиренномудріе глубокое; вѣра и преданїе къ Богу чистое; беззлобїе безмѣрное; беззестїе люблю паче всего, и хулу и гоненїе; молитва во мнѣ Иисусова наче дыханїя; страсти утолены, помыслы очищены, похоть плотская вовсе исчезла и увяла; радость, и сладость, и умиленїе неизреченное въ сердцѣ моемъ

всегда непрерывно кипить, бывають восхищеніе ума, откровенія въ дѣлахъ непрестанныя, восторги многіе въ молитвѣ, пьянство духовное тоже; посмотри, какія души апостольскія, въ книги; во мнѣ оно же.

Второе обличительное посланіе Василія Радиева къ отцу своему духовному.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ рекъ во Евангеліи: *ядый мою плоть и пій мойю кровь, во мнѣ сей пребываетъ, Азь же въ немъ.* Желаетъ и моя душа сего хлѣба животнаго. Ты же, отче мой, не слушай пустыхъ слѣного міра рѣчей, которыми мя пороками люди окладавають, міръ слѣпой; сихъ на мнѣ, благодарю Бога, нѣтъ. хотя такъ и виднѣется слѣпому міру. Ежели бы я то творилъ, то бы и казался по прежнему. Какъ это дѣло будетъ у насъ, Вы должны мя спросить искренно. Что тутъ мнѣ дѣлать: я Вамъ говорю истину, Вы почитаете ложью. Приходится мнѣ терпѣть до пришествія Праведнаго Судіи. Тогда мы явимся ему съ дѣлами нашими. Вы хотите мя постигнуть, чтѣ во мнѣ? Сего вамъ никакъ невозможно узнать, потому что выше Вашего много понятія. Ежели Откровеніе святаго апостола Іоанна можете поняти до точности, то и меня разберете. Вы мя смотрите со строгости закона и со стороны твари. Вамъ бы надо, когда Вы мя видите творяща что-то необыкновенное, выше Вашего понятія, то бы должно Вамъ меня подушевно, наединѣ, объ этомъ спросить. Я, вѣдь, знаю, что грѣхъ, что не грѣхъ, что добро, что не добро, что подобааетъ, что не должно творить. Вы говорите: сего нѣтъ писано, что я творю; то есть много дѣлъ моихъ несходно съ писаннымъ закономъ; точно такъ, много поступокъ будто противу закона писаннаго. Мои поступки несходны съ писаннымъ закономъ, и я въ томъ признаюсь; но только съ волею законодавца сходно. Вы и думаете, что я ослѣпъ, считаете мя погибшимъ и во обманѣ. Свидѣтельство Божіе, которое во мнѣ вѣрнѣе Вашего. Могъ ли я не смутиться, всякаго званія люди! Мнѣ обѣщаютъ погибель и адъ. Что же я стою непоколебимо? Потому, что во мнѣ ясное и явное дѣйствіе и милость Божія. Такъ во мнѣ, и мнѣ ясно сіе открыто, что сойди вси ангели съ небесъ и скажи: не такъ живеша; и то не послушаю. Ежели которы люди ко мнѣ ходятъ мужеска полу и женска и видятъ погибель, то, всѣхъ прошу ко мнѣ и не ходить, даже близъ не подходить: пусть я единъ погибаю, а не многи со мной. Не желаю. Не ходи ни одинаго человека. Ежели Вы мя пріимите, какъ безпорочнаго, воистинну я не знаю на себѣ ни одинаго порока. Господь Богъ мой мя оправдываетъ,

а Вы кто, мя осуждаете. Между Вами и мной велико разстаяніе. Вы мя почитаете во всякихъ порокахъ, азъ же сего не имѣю. Вы скажете: кайся! Я скажу: не въ чѣмъ. Какъ тутъ мнѣ съ Вами согласиться! Какъ Вы мя считаете? То есть, въ какомъ смыслѣ: порочнымъ? Въ этомъ смыслѣ и я знаю, что такъ точно. Я себя считаю безпорочнымъ. вѣдь, въ другомъ смыслѣ, единому Богу извѣстномъ. Въ какомъ Вы смыслѣ мя почитаете погибшимъ, и во обманѣ, и въ порокахъ, и діаволъ во мнѣ. И я на сіе согласенъ, что точно бы такъ было горе и бѣда мнѣ. Но я въ другомъ смыслѣ себя считаю право дѣющимъ во всемъ и безпорочнымъ, котораго Вы не можете помѣстить въ Ваше понятіе; отъ этого у меня съ Вами и не сходится; отъ этого и разница у насъ. А Вы думаете: я скрываюсь и не сказываю свои пороки, будто бы я боюсь Васъ, и не признаю отъ того. Знаю, что должно удалиться женскаго пола; даже и зрѣнія, а не только съ ними обращаться. Знаю, что блудъ и прелюбодѣяніе—тягчайшіе грѣхи. Знаю, что слова не должно соблазнительныя, а паче скверныя говорить. Даже отдадутъ челоуѣцы отвѣтъ и за праздное слово. И вся проч., закономъ запрещенное, не должно творить. Вѣрую въ Бога и во церковь, и принимаю и исповѣдь и Святыя Тайны Христа Бога нашего. Не только я отлучаюся святыя соборныя и апостольскія и восточныя церкви, но даже желаю всегда неотлучно въ ней быти и Святыхъ Тайнъ Христа Бога нашего каждую недѣлю принимали. Но Вы скажете: когда-де такъ, что же не ходишь ты ко всякой службѣ? Вы это вотъ знаете, что не хожу. Но можно-ли ходить мнѣ въ церковь: что весь народъ зрять на мя, аки на какое невидимое чудовище, и Вы также все смотрите, аки на сумашедшаго, срамите и клянете не только меня, даже и всѣхъ, которые ко мнѣ ходять. Сами разсудите, можно-ли ходить на срамъ единъ! Вы отцы, то и должно Вамъ бы по-отечески поступать съ нами. Духовные Вы отцы, то и должно бы Вамъ духомъ кротости исправляти. Хотя бы Вы вѣрили, или не вѣрили мнѣ, но не должно бы Вамъ такъ говор(ить), что діаволъ во мнѣ; кто такъ Васъ достовѣрно узналъ, что во мнѣ не Божіе. Когда Вы мя не разберете, то бы ни то, ни другое достовѣрно не должно утверждати. Такъ Вы дерзко утверждати много ошибетесь. Вы должны не по наружности судить и по порицанію всего міра. Должны внутренность мою узнать и также мое состояніе и мѣру степени. Хотите, примете, или не примете; только на счетъ меня всѣ Вы ошибаетесь. Азъ въ здоровомъ разсудкѣ, только многимъ покажусь сумашедшимъ. Какъ считаютъ, тако весь видъ и ношу. Безумнымъ считають, такъ и показуюся безумнымъ. Кто хочеть быти мудръ предъ Богомъ, предъ людьми буй да будетъ. Премудрость Божія у людей безуміе вмѣняетъ.

*Книга о разныхъ заповѣдяхъ и о молитвѣ Иисуса Христа, написанная
Василіемъ Радаевымъ.*

Разные совѣты и назиданія.

Первое: Возлюби Бога отъ всего сердца и души.

Второе: Возлюби брата своего, какъ себя.

Третье: Люби молитися почаще, молитву Иисусову творить непрестанно; жити возлюби во отверженіи себя въ каждую минуту; уповай на Господа, терпи всякія напасти; кто тя бранить или хулить и безчестить, не гнѣвайся на него; вѣруй Господу, что на тя находитъ, отъ Бога сіе посылается для спасенія души твоей; люби жить отъ всѣхъ въ презрѣніи, гоненіи, въ безчестіи у людей; люби обиды паче рая; возлюби скорби, аки покой, живи, много знай, говори менѣе, слушай со вниманіемъ Слово Божіе; люби укороеніе отъ людей; вездѣ и во всякихъ дѣлахъ себя укоряй, вездѣ себя осуждай и обвиняй; всякому уступай, отъ всякаго терпи, о всѣхъ Бога моли, обидящихъ тя; всякому слуху не вѣрь; всякому правду говори; чужіе грѣхи не суди; никого не оклеветывай: о всѣхъ людяхъ добро говори, всѣхъ святыми почитай, себя всѣхъ грѣшнѣе; братнинъ видя грѣхъ, покрой: твоя грѣхи Господь покроетъ; кто въ щеку ударить, правую подставь ему и лѣвую; кто станетъ скидати кафтанъ съ тебя, отдай ему и рубашку; кто скажетъ: „проводи мя версту,“ ты проводи двѣ; будь милостивъ ко всей твари; кто тя оскорбитъ, прости ему; кто что у тебя просить, дай ему; хотящему что заняты у тебя, не отврати ему, дай взаймы; всѣ дѣла добрыя твори въ тайнѣ; аще молишися много, не тщеславься молитвою и слезами въ молитвѣ не возносятся, смиреніемъ не гордися; бѣгай челоуѣкоугодія во всемъ; ежели чѣмъ ты тщеславить помыслъ, что-нибудь сдѣлай или скажи нехорошу предъ людьми вещь или слово; молчаніе люби, безмолвіе гони, то есть. безпопеченіе; люби враговъ, благословляй, кто тя прокликаетъ; добро твори, кто тя ненавидитъ, молися за тѣхъ людей, которые тя гонятъ и нападаютъ; радуйся во искушеніяхъ, а не унывай; терпи вождѣленія плоти твоя, терпи смущеніе отъ помысловъ; крайне сказати: аще хочещи спастися, то въ каждую минуту, паче дыханія, вои со вниманіемъ молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій. помилуй мя грѣшнаго; и будетъ душа твоя, яко ангелъ чистый. Были мнози грѣшники, блудники, прелюбодѣи, мерзкіе, скверные; возлюбили сію молитву вопити, содѣлалися святыми, чистыми, непорочными, и откровеній многихъ отъ

Бога сподобилися; сей молитвой, аки Ильиной колесницею на небо въздеси; сей молитвой, яко лѣствицею. на небо въздеси, сей молитвой умъ херувимскій получиши, сей молитвой любовь серафимскую въ сердце къ Богу стяжеша, сей молитвой умъ чистый отъ всѣхъ помысловъ стяжеша; сей молитвой. аки бритвой острой, изъ ума всѣ помыслы изчистиши; сей молитвой благодать святаго духа скоро получиши; сей молитвой дѣль грѣховныхъ, словъ, помысловъ свободишися въ конецъ; сей молитвой сквозѣ воздухъ, по смерть, яко сквозѣ воду пролетиши и на небо скоро въздеси и близь Бога станеша; сей молитвой безъ вреда мытарства пройдеши воздушныя; сей молитвой стѣпени святости скоро достигнеша; сей молитвой въ скорое время земныхъ всѣхъ пристрастій свободишися; сей молитвой умиленія и мыслей солнцобразныхъ премудрыхъ сподобленъ будеша; сей молитвой разумъ правый стяжеша; сей молитвой глубины Священнаго Писанія уразумѣши; сей молитвой во святая свитыхъ внидеша и откровеній дивныхъ сподобишися и Бога въ сердцѣ своемъ увидиши; сѧ молитва — Богъ всѣмъ добродѣтелямъ и дарованіямъ благодатнымъ; и царица сѧ молитва всѣмъ добрымъ, и глава, и корень, и источникъ всѣмъ добродѣтелямъ; коль сладка, вседобра. яснозрачна сѧ добродѣтель: вниманіе и молитва Иисусова; нѣтъ оружія есго крѣпчайше, ни на небеса, ни на земли, Имени Иисусова; сѧ Имя адъ разрушило, смерть умертвило, жало змѣино притупило, діавола связало, родъ человѣческій клятвы свободило, землю съ небомъ совокупило; Боже мой, коль мы достойны многихъ слезъ и плача всякаго, что не знаемъ драгость сей молитвы! Азъ же грѣшныхъ всѣхъ грѣшнѣйшій сѧ молитву искусомъ и опытомъ вошита познахъ, и въ чувствіи отъ нея сладость и драгость уразумѣхъ въ сердцѣ своемъ, и отъ нея рождающуюся въ сердцѣ любовь къ Богу узрѣхъ такую, что аки тамо сильный огонь нутренность всю будто бы пожигаетъ, и отъ отверженія сердца во мнѣ въ любовь Божію, аки пьяный симъ духовнымъ пьянствомъ упившійся, валяхся во изступленіи, аки безъ памяти, и всякихъ видѣній наслаждался; и отъ нея рождающуюся серафимскую любовь познахъ; толь сѧ любовь серафимскимъ огнемъ пылающая отъ молитвы сей Иисуса Сына Божія сильна, ежели бы Богъ самъ же не подкрѣплялъ такую имущихъ любовь людей, то бы умерли отъ сей любви. Я говорю,—азъ, недостойный о сихъ вещахъ и разсуждати, да не казнь отъ Бога мя постигнетъ. якоже Озію, хотящаго кивотъ Господній поддержати, да не упадетъ, смертію казненъ отъ Бога, потому что недостойнъ его коснуса,—азъ что тако вѣщаю? Но Вы мои любезніи мя тако понудите писати о толь странныхъ вещахъ, выше моего достоинства; любовь Ваша мя понуждаетъ сѧ писати; хотя мало и азъ отъ словъ осуждуся такихъ

и въ себя прииду, и горько отъ стыда и страха восплачу, и осуждаемый совѣстію моею, что толикаго тяжкаго. мерзкаго и сквернаго грѣшника сподобилъ мя Создатель мой Господь дара и знанія опытомъ, былъ я первый грѣшникъ, о Владыко мой, умолчу я свои грѣхи: не могу я ихъ даже писанію предати; истинно говорю, не лгу: возлюбихъ сію молитву вопити, сподобихся даровъ толь великихъ, тоже что и писанію предати не можно, яже не можно устами человѣческими изглаголати. Сего-то ради прошу и умоляю, припадше къ стопамъ ногъ Вашихъ честныхъ, азъ мерзкій, аки извергъ изъ изверговъ¹⁾: вопите сію молитву: Господи Иисусе Христе. Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго и грѣшную (женскаго пола). Прошу каждаго со многими слезами и припадше къ стопамъ ногъ Вашихъ: вопите непрестанно сію молитву. Лобызаю моими мерзкими и скверными устами стопы ногъ Вашихъ: вошите сію молитву. Простите мя, братія и сестры, что я такой недостойный, дерзнулъ учить. такой невѣжда. Вы же. мои любезніи, хотя я недостойнъ учить о такихъ великихъ вещахъ, послушайте мя окаяннаго и аки малоумнаго отрока, малосмысляща и глупыми словами Вамъ на подызу вѣщающа; можетъ Богъ и самую грязь на исцѣленіе употребити, такъ и малоумнаго премудро вѣщати научить въ пользу душъ, якоже Христось слѣпаго плюновеніемъ съ брениемъ просвѣтилъ и исцѣлилъ очи его; аще о тѣлесныхъ очахъ тако пекся Господь ихъ просвѣтитъ, кольми паче о душевныхъ попечется ихъ просвѣтитъ свѣтомъ благодати своея и исцѣлитъ отъ ложнаго знанія и даруетъ разумѣніе здравое на пользу душъ. Вошите сію молитву непрестанно, безпрерывно, ходя, сидя, лежа и во всяко время. Аминь.

Объясненіе по дѣлу В. Радаева священника Андрея Минервина.

Прихода села Волчихи крестьянинъ Василій Максимовъ Радаевъ первоначально, подъ благовидностью христіанскаго смиренія, взошелъ съ нѣкоторыми изъ прихожанъ моихъ въ близкое знакомство. Учащая посѣщенія свои въ дома ихъ, началъ приводить къ нимъ дѣвокъ и мужчинъ, набранныхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Читалъ книги, училъ молиться Богу и жить свято. Къ нему съ каждымъ днемъ тайно болѣе и болѣе стекалось желающихъ ученіе его слышать. Наконецъ, начали звать его отцемъ Васильемъ; и онъ безпрестанно имъ внушалъ о близости своей къ Богу и о тѣхъ дарахъ, какіе получилъ отъ Бога.

¹⁾ Въ подлинномъ послѣдняя фраза написана неудобопонятно: аки изверхъ и изверговти.

Ибо святыи духъ, говоритъ онъ, поставилъ его выше всякаго начала и власти; пишетъ онъ къ нимъ, что „душа, поставленная въ состояніе апостольское, заступаетъ мѣсто Христово (разумѣя себя); сія то душа надѣляется властію великою, что и повѣрить даже сомнительно, потому что она творитъ то же, что и Христосъ творитъ и можетъ свидѣтельствовать о себѣ, и свидѣтельство его истинно есть, какъ Христово“ и проч. Оставивъ домъ, отца, жену и дѣтей, ходитъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ дома въ домъ, и ищущіе его повергаются къ ногамъ его, говоря: „Отче великій Василій, спаси насъ!“ Имѣя падучую болѣзнь, а можетъ быть хитрое притворство, обмирая и опять приходя въ себя, объявляетъ, что въ это время обмертвленія ангелы берутъ его на небо и дивными восхищаютъ его видѣніями, видитъ лицомъ къ лицу Бога и славу Его, видитъ рай и муку погибшихъ и ликующихъ. Такими подобными обольщеніями увлекъ многихъ и овладѣлъ ихъ простыми сердцами. Наконецъ, началъ учить самостоятельно въ родѣ апостола или самаго Іисуса Христа. Ученіе его состоитъ въ чистомъ самоотверженіи, преданіи и уничтоженіи себя, что называетъ таинственною смертію; а самъ себя назвалъ, или представилъ таинственно воскресшимъ, такъ какъ онъ уже прошелъ всѣ степени самоотверженія, преданія и уничтоженія. Законъ и Церковь его уже ничѣмъ обязать не могутъ, хотя они и ведутъ къ Богу, но онъ уже достигъ въ мѣру духовнаго совершенства и пришелъ къ Нему (т. е. къ Богу). Слѣдственно, ему то уже не нужно, что прошелъ. Теперь онъ на совершенной свободѣ. Что ни дѣлаетъ и что ни говоритъ, хотя бы дѣла его были самыя предосудительныя и мерзкія и слова богохульныя, ему уже не вѣняется въ грѣхъ и не подлежитъ за то отвѣтственности. Богъ на него не гнѣвается, онъ все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, исполнившій волю отца, имѣетъ теперь свою волю, и на немъ отецъ взыскать ничего не можетъ, да и не хочетъ. Онъ уже не желаетъ ни царства, ни блаженства вѣчнаго, хотя бы послали его во адъ; но и тамъ его никакая сила коснуться не можетъ; хотя бы въ рай, но и тамъ радости больше не встрѣтитъ. И такимъ образомъ обольстя себя, послѣдователямъ своимъ говоритъ, что и вы того же достигнуть можете, и будете то же, что и я, если, какъ я васъ учу, пройдете всѣ степени самоотверженія, преданности и уничтоженія. Испытанія, какія онъ дѣлаетъ надъ послѣдующими: иди за нимъ, и куда онъ пошлетъ и велитъ что сдѣлать—дѣлай безъ размышленія; что потребуешь отъ твоей собственности, безъ жалѣнія подавай; и отнюдь никто воли своей не долженъ имѣть, и не долженъ дѣлать ничего безъ его воли и благословенія; у мужа беретъ жену, (если тотъ и другой въ чистомъ преданіи), или самъ съ нею спитъ, или другому

ее передаетъ; мужа сводить съ другою; дѣвушка или вдова дорожить честію и цѣломудріемъ: онъ лишаетъ ихъ, чтобъ онѣ не гордились и не занимались своими добродѣтелями; скромность превращаетъ въ безстыдство и охальство; умъ и благочестіе на богохульство; и ничѣмъ не велитъ дорожить и ничего не желать. Пишетъ онъ: „и сіе крайнее безуміе себя такой души сноравити, ей надо волю давати духу дѣйствовать; лучше духъ что сдѣлаетъ самое негодное, нежели мы самое хорошее“ и проч. Потомъ въ особенности къ женскому полу: „Съ которой повидимому я и хуже поступаю, та лучше устоитъ, потому что я за нее молиться буду; которая опасается и бережется, не устоитъ. Сколь велико безуміе дѣлаютъ тѣ, которые себя берегутъ: развѣ онѣ умнѣе Бога? Коль себѣ великій убытокъ дѣлаютъ душамъ своимъ. Вѣдь это мы Бога безразсуднымъ почитаемъ; мы это не вѣримъ Богу. Человѣкъ бранный учить Бога, какъ его спасти!“ Если онъ замѣчаетъ, что его кто-нибудь изъ послѣдующихъ зазираетъ или осуждаетъ, то онъ оправдывается слѣдующимъ: „О, слѣпота! о, безуміе! Ты ли умнѣе Бога, Его разсуждаеши, и Его уставляеши, какъ тебя спасти. Его поступокъ самый скверный лучше твоей чистоты милліонъ разъ. Богъ—атъ во едины сутки устроить въ такую степень святости, что ты своими добрыми поступками въ двадцать годовъ до того не доведи. Маловѣры!“ Однажды въ письмѣ своемъ, (которое, впрочемъ, получившимъ уничтожено изъ боязни подпасть строгой ответственности за содержаніе онаго), приказываетъ одному изъ числа приверженныхъ къ нему: „Рабъ Божій, такой-то, тщишь о умноженіи и распространеніи нашего братства, особенно влеки молодыхъ дѣвушекъ, любить ихъ Богъ, и если онѣ отъ чистаго сердца послѣдуютъ мнѣ, то я имъ приготовлю славные вѣнцы, тебѣ же—вышній горній градъ Іерусалимъ, Евгеніи (дѣвушка 16 лѣтъ) 6-ть серафимскихъ крылъ, и лице ея просвѣтится, какъ солнце.“

Пишетъ онъ посланіе въ званіи и духѣ апостольскомъ, подъ заглавіемъ Слово зѣло полезное. По всему вѣроятно, что оно писано тогда, какъ ему входъ въ село Мотовилово былъ чрезъ меня запрещенъ и никто не смѣлъ къ себѣ его принять. Желая и надѣясь удержать при себѣ обольщенныхъ и дѣйствовать въ нихъ и ими, пишетъ къ нимъ увѣщаніе съ примѣра Іисуса Христа, укоряя ихъ въ слабодушіи и легкомысліи, что они, желая спасти себя и другихъ, скоро уступили воспрещенію и измѣнились. „Мы же что себя великими ставимъ, говоритъ онъ, что хотимъ спастися и людей спасати, а гоненіе и всякое поруганіе отъ людей не хотимъ переносити. Развѣ мы сильнѣе Бога?“ и проч.

Наконецъ, я его отогналъ. И онъ, вѣроятно, жалѣя чрезвычайной потери и напрасныхъ трудовъ своихъ, пишетъ ко мнѣ признательное съ нѣкоторою укорительностью письмо, въ которомъ, оправдывая себя и ученіе свое, хвалится имѣющимъ духъ апостольскій и не своей волею ходящимъ, и желаетъ, чтобы я его позвалъ къ себѣ: „призови меня къ себѣ, писать, и давай бесѣдовать, сутки, мало, — двое или трое“. Сознаваясь въ богохульствѣ, оправдываетъ себя, что якобы его (или ихъ) тѣмъ Премудрость Духа Святаго покрываетъ отъ людей: „а которые вамъ доносятъ хулы, будто на Бога мы говоримъ, сего не можно поняти вамъ. тутъ Премудрость Духа Святаго насъ симъ покрываетъ отъ людей“.

И столько сильны дѣйствія его обольщенія, что оными пораженное сердце впадаетъ въ вѣрное страданіе тоски, и не могутъ съ нимъ переносить разлуки, въ особенности—женскаго пола! Если они удерживаются силою наказанія, или какою бы то ни было строгостію воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать.

Н. Г. Высоцкій.

Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскихъ плѣнныхъ въ 1821 году

(Изъ архива Оренбургской ученой архивной комиссіи).

Инструкція господину дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Негри отъ графа Нессельроде.

Бухарія издавна состоитъ въ дружественныхъ и торговыхъ сношеніяхъ, и не однократно присылала къ Высочайшему у Двору своихъ посланцевъ.

Мы не имѣемъ, однако ясныхъ и положительныхъ о сей землѣ свѣдѣній. Разныя, важнѣйшія предметы отвлекали вниманіе Правительства, и недопускали заняться оною въ особенности, и послать для сего предмета дипломатическаго чиновника.¹⁾

Бывшій здѣсь въ 1816 году Бухарскій Посланникъ настоятельно просилъ взаимнаго отправленія къ нимъ Россійской Миссіи. Тотъ же Посланникъ, въ семь году сюда пріѣзжавшій, возобновилъ прежнее свое домогательство, и ему дано удовлетворительное обѣщаніе.

Для сего нынѣ, не токмо по поводу онаго, но и по уваженію къ тѣмъ пользамъ, кои предстоятъ для Россіи отъ ближайшихъ и тѣснѣйшихъ сношеній съ Бухаріею, благоугодно было Государю Императору повелѣть отправить Ваше Превосходительство въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, къ Бухарскому Владѣльцу Миръ-Гейдеръ-Хану.

¹⁾ Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ документахъ нами удержаны пунктуация и правоисаніе подлинниковъ.—С. Н. М.

Изъ прилагаемаго при семь Штата Миссіи Вашей, усмотрите Вы, Милостивый Государь мой, какіе чиновники въ свиту Вашу назначаются, и опредѣленную на Ваше и ихъ содержаніе сумму, по принятіи коей и изготовясь сколь возможно поспѣшнѣе, отправитесь въ предназначенный Вамъ путь.

Въ Оренбургѣ, Вы явитесь къ тамошнему Военному Губернатору, Г. Генералу отъ Инфантеріи Эссену, которому дано Вы сочайшее повелѣніе снабдить Васъ и съ своей стороны наставленіями, какія онъ признаетъ пужными, и принять всѣ средства къ обезпеченію Миссіи Вашей, при проходѣ ея чрезъ Киргизскія степи: для чего и отрядить приличный конвой: подъ прикрытіемъ онаго, направите путь свой отъ границы нашей къ Бухаріи чрезъ тѣ урочища, которые назначить Г. Генералъ Эссенъ: ибо онъ будетъ извѣщенъ о намѣреніи изслѣдовать разныя мѣстоположенія, а наипаче теченіе рѣки Улутургая.

По прибытіи въ Бухарію, испросите обыкновеннымъ тамъ образомъ доступъ къ Владѣльцу той земли Миръ-Гейдеръ-Хану, и при первой у него аудіенціи, вручите ему Вы сочайшую грамоту, Вамъ ввѣренную, съ коей списокъ для свѣдѣнія Вашего при семь прилагается; а также и подарки, нынѣ съ Вами отправляемые. При случаѣ объявите оному Владѣльцу, что Вы присланы отъ Государя Императора для удостовѣренія въ дружественномъ расположеніи Августѣйшей Особы Его Императорскаго Величества, и въ неперемѣнномъ желаніи не только утвердить, но и распространить торговыя связи, между Россією и Бухарією до селѣ существовавшія, и что на сей конецъ поручено Вамъ войти съ тамошнимъ Правительствомъ въ дальнѣйшія объясненія и узнать отъ онаго о средствахъ, могущихъ наиболѣе способствовать къ достиженію означенной цѣли; то же самое сообщите, при свиданіи, и чиновникамъ, облеченнымъ властію по управленію.

Предполагать должно, что сіи будутъ Вамъ говорить о перемѣнѣ, сдѣланной у насъ въ Тарифѣ, по которому взымались прежде пошлины съ товаровъ, изъ Бухаріи привозимыхъ. На таковой случай, нужно Вамъ знать, что находившійся здѣсь въ нынѣшнемъ году Бухарскій Посланникъ, Диванъ-Беги-Азимжанъ Муминьхановъ, имѣлъ главнѣйшимъ порученіемъ отъ своего Правительства ходатайствовать объ отмѣнѣ существующаго нынѣ въ Россіи тарифа для азіатской торговли, и введеніи прежняго. Удовлетвореніе сего домогательства будучи найдено несомвѣстнымъ съ выгодами нашими, Посланнику отвѣтствовано нотою, у сего въ копіи прилагаемая, что отправится въ Бухарію отъ Импе-

раторскаго Двора дипломатическій Чиновникъ, которому въ особенности наказано будетъ, по предмету о тарифѣ, сообразить всѣ мѣстные обстоятельства и изыскать удобнѣйшія мѣры къ доставленію прямой пользы, какъ Россійскому, такъ и Бухарскому Купечеству.

Согласно съ симъ, вы и должны отвѣтствовать, что Министерство предписало Вамъ, на обратномъ проѣздѣ чрезъ границу, собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по тому предмету, и какъ объ оныхъ, такъ и о всѣхъ по торговлѣ объясненіяхъ вашихъ съ Бухарскимъ Правительствомъ донести, возвратясь въ Россію.

Ваше Превосходительство не оставите исполнить сіе въ самомъ дѣлѣ, вникнувъ въ состояніе народной въ Бухаріи промышленности и разсмотрѣть важнѣйшія отрасли тамошней торговли, удобства или неудобства Правительствомъ полагаемая оной; на какихъ правилахъ производится и на конецъ, нужны ли какія распоряженія со стороны нашей, дабы дать сей торговлѣ съ тѣми Краями большое расширеніе и прочность.

На таковыхъ свѣдѣніяхъ можете Вы, Милостивый Государь мой, основать справедливое сужденіе о настоящихъ видахъ Бухарцевъ по торговлѣ ихъ, и сообразить, для донесенія Министерству, тѣ выгоды, кои могли бы для насъ предстоять отъ какой либо съ нашей стороны податливости.

За симъ, къ объясненію Вашему съ Бухарскимъ Правительствомъ предстоитъ другой важнѣйшій предметъ, а именно, обезпеченіе каравановъ, идущихъ отъ насъ въ Бухарію и обратно. Предметъ сей съ давняго времени занималъ насъ, и въ 1816 году, при обратномъ отправленіи пріѣзжавшаго сюда тогожъ Посланника Азимжана настоятельно упомянуто было объ ономъ въ сообщенной ему по Вы сочашшему повелѣнію нотѣ, съ которой копія, для свѣдѣнія и соображенія Вашего у сего прилагается.

По сему обстоятельству, вы непременно употребить все возможное стараніе, чтобы со стороны Бухаріи были приняты самыя наилучшія мѣры для устраненія всякой опасности, кою обыкновенно угрожаются караваны при переходѣ оттуда до рѣки Сира.

Хивинцы, соединясь иногда съ Киргизами хищниками, нападаютъ на тѣ караваны, и взыскиваютъ съ купцовъ непомѣрные пошлины, или разграбляютъ оныя совершенно. Сіе полагало всегда препону тамошней торговлѣ достигать цвѣтущаго состоянія. Извѣстно однако, что Бухарское Правительство уважается Хивинскимъ Ханомъ,

какъ помогуществу своему, такъ и по связямъ вѣры; слѣдовательно и не затруднительно будетъ Правительству сему при благоразумныхъ внушеніяхъ вашихъ, изыскать способъ къ убѣжденію Хивинцевъ, воздержаться отъ грабежей. Ваше Превосходительство можете поставить на видъ, что тогда торговля, будучи обезпечена, безъ сомнѣнія гораздо больше распространится, и тѣмъ самымъ усугубить выгоды. какъ торгующихъ, такъ и самага Хана.

Владѣлецъ Хивинскій, не только позволяетъ своимъ поданнымъ нападать на караваны, но и самъ, въ нынѣшнемъ году сдѣлалъ вторженіе въ Киргизскіе аулы Султана Арунгазы.

Означенный Владѣлецъ, по свѣдѣніямъ до насъ доходящимъ, предприимчивостію и храбростію своею, весьма много усилился съ нѣкотораго времени.

Онъ ищетъ распространить еще вліяніе свое и даже владычество надъ Киргизцами Меньшой Орды, издавна признающихъ себя и нами признаваемыхъ за подданныхъ Россіи. Сіе обратило особенное вниманіе Министерства Его Императорскаго Величества и для того возлагается на Васъ, удостовѣриться на пути въ Киргизскихъ степяхъ о причинѣ побудившей его къ разграбленію улуса Султана Арунгазы, и какъ великъ вредъ имъ нанесенный, а также развѣдать о степени уваженія Киргизцевъ къ помянутому Хану, какія предстоятъ имъ опасенія, или выгоды отъ сближенія съ нимъ.

Приѣхавши же въ Бухарію, по частнымъ сношеніямъ того края съ Хивою, вы можете узнать о личныхъ качествахъ и могуществѣ Хана Хивинскаго, о образѣ коимъ управляетъ, и о прочности его Правленія. Если же, по близости рѣки Сира, по ту сторону оной, при шестви вашемъ въ Бухарію, будетъ находиться сей Ханъ Хивинскій, или какой либо отрядъ его войскъ, и если сіе возродитъ неизбѣжную пересылку Толмачей: то объясненія ваши должны состоять въ томъ, что Вы ѣдете въ Бухарію для совѣщанія о взаимной торговой промышленности и выцщаго утверженія дружественныхъ связей, которыя Государю Императору пріятно имѣть съ ближайшими къ Россіи Азіатскими Владѣльцами; для каковой цѣли былъ равномѣрно посыланъ и въ Хиву Полковникъ Муравьевъ¹⁾.

Положивъ симъ образомъ всѣ обязанности, на Васъ возлагаемыя, остается мнѣ въ заключеніе сказать, что кромѣ назначеннаго къ

¹⁾ Т. е. Николай Николаевичъ Муравьевъ, перу котораго принадлежитъ книга: „Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 годахъ“.—С. Н. М.

Миссіи Вашей Секретаря отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, будутъ при оной находиться четыре военныхъ Офицера для осмотра Киргизскихъ степей, рѣки Улутургая и Сира, а также самой Бухаріи; о чемъ получать они особое предписаніе отъ своего Начальства. Вы же съ своей стороны будете подавать имъ возможныя пособія къ успѣшнѣйшему исполненію возложеннаго на нихъ порученія, которое нужно сохранять въ тайнѣ.

Пребываніе Вашего Превосходительства въ Бухаріи продолжится по усмотрѣнію Вашему, до тѣхъ поръ, доколѣ Вы съ тамошнимъ Правительствомъ не произведете къ окончанію вышеописанныхъ объясненій, и не соберете, по возможности, вѣрныхъ свѣдѣній о землѣ сей, о образѣ Правленія и народной промышленности, преимущественно же въ разсужденіи торговли, о личныхъ достоинствахъ Миръ-Гейдеръ Хана, его наслѣдника и первыхъ чиновъ, коимъ ввѣрены разныя части управленія, какъ равно о подлинномъ всѣхъ расположеніи къ Россіи. Потомъ, по введенному тамъ обряду, откланявшись Владѣльцу. Вы предпримите обратный путь.

Долговременное нахожденіе Ваше между Азіатскими народами, знаніе языка Персидскаго и Турецкаго, употребляемыхъ въ Бухаріи, а наипаче отличное усердіе Ваше, служатъ не сомнительнымъ залогомъ, что возлагаемое на Васъ порученіе исполните удовлетворительнымъ образомъ, и тѣмъ самымъ приобрѣтете новое право на Высочайшую милость и благоволеніе.

Подписалъ Управляющій Министерствомъ Графъ Нессельроде.
Скрѣпилъ Директоръ Родофиникинъ.

Вѣрно: Столоначальникъ Шапошниковъ.

Іюля 15 дня 1820 года. № 651.

Копія съ грамоты къ Бухарскому Хану.

По большемъ Императорскомъ Титулѣ.

Обладателю Бухаріи Амиръ Хайдеръ Султану Наше Императорскаго Величества пріятное поздравленіе.

Присланный отъ Вашего Высочества посланникъ Диванъ Беги Азимжанъ Муминжановъ представилъ Намъ грамоту Вашу.

Мы съ удовольствіемъ усмотрѣли изъ оной желаніе Ваше видѣть преуспевающими дружественные и торговые связи издавна между Россією и Бухарією существующее.

Въ ознаменованіе взаимнаго Нашего по сему предмету вниманія отправили Мы къ Вашему Высочеству Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и кавалера Александра Негри, ему поручено удосто-вѣрить Васъ въ дружественномъ Нашемъ къ Особѣ Вашей благорасположеніи и объяснить обо всемъ относящемся къ наилучшему устройству и обезпеченію торговли между Россією и Бухарією.

Затѣмъ препоручаемъ Васъ Провиденію Всевышняго.

Вѣрно: Столоначальникъ Шапошиковъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной Комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 1—9).

Наставленія, данныя по Высочайшему повелѣнію господину дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Негри отъ генерала Эссена.

Государь Императоръ, Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ, при отправленіи Вашего Превосходительства въ Бухарію, снабдить Васъ наставленіями, которыхъ торговля здѣшняя и положеніе Пограничныхъ Дѣлъ требуютъ.

Я съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ бумаги, данныя Вамъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которыя Вы благоволили мнѣ доставить. Они заключаютъ въ себѣ весьма совершенное руководство въ изысканіяхъ Вамъ подлежащихъ. Но опытъ трехлѣтняго управленія здѣшнимъ Пограничнымъ краемъ и соображеніе видовъ, какіе Правительство имѣло во сношеніяхъ съ областями Верхней Азіи, руководствуютъ и меня въ сообщеніи Вамъ, Милостивый Государь мой, по Высочайшей волѣ Его Величества слѣдующихъ примѣчаній.

1-е.

Когда согласно инструкціи, данной Вамъ отъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Вы предложите въ Бухаріи о предметахъ ввѣренной Вамъ миссіи, и ознакомься съ духомъ тамошняго Правительства, найдете удобность войти съ онымъ въ ближайшія объясненія, внушивъ, что Россія ищетъ по торговлѣ однихъ только дружелюбныхъ связей и обоюдныхъ выгодъ; то представьте, что Бухарцы пользуются у насъ

неограниченною свободою торговать, селиться и производить всякой законной промыселъ, жить, не только въ пограничныхъ Крѣпостяхъ и Селеніяхъ, вступая въ брачные союзы съ нашими подданными, но по существующимъ нынѣ установленіямъ проникаютъ съ товарами во внутренніе города Имперіи, на знатнѣйшія Государственныя Ярмарки. Согласно съ симъ домогайтесь, чтобы взаимно даровано было и Россіянамъ право свободнаго пребыванія въ Бухаріи. Просите дозволенія Россійскому Купечеству построить тамъ своимъ иждивеніемъ свой Караванъ-Сарай, въ которомъ бы оно съ товарамъ помѣщаться могло. Предположеніе сіе подкрѣпите тѣмъ, что Правительство наше устроивъ для Бухарской торговли пространнѣйшій Мѣновой Дворъ въ Оренбургѣ, предназначаетъ устроить таковыя же въ Троицкѣ и Орской Крѣпости, т. е. на главныхъ пунктахъ, гдѣ сія торговля притекаетъ.

2-е.

Полагается, что шагъ къ сближенію Бухаріей, посредствомъ Вашей миссіи дѣлаемый, утвердитъ связи добраго сосѣдства и обезопаситъ движеніе торговли тѣми мѣрами, какія Вамъ предоставлено исходатайствовать. По сему можно льститься упованіемъ, что отечественная Торговля получитъ новое разширеніе, что у насъ пробудится духъ дѣятельности и предпріимчивости, и что Купечество Наше пожелаетъ испытать удачи въ непосредственной торговлѣ съ Кабуломъ, Кашемиромъ, Кандагаромъ, Тибетомъ и съ прочими прилежащими Индійскими и Персидскими владѣніями. Въ такомъ предположеніи Ваше Превосходительство, внушите Бухарскому Правительству, что Россійскій Государь полагаясь на усердіе къ Себѣ Хана, надѣется, что Россійское Купечество будетъ снабжаемо охранными листами, когда оно или особенно, или цѣлыми караванами вознамѣрится предпріять путь въ упомянутыя мѣста, чрезъ владѣнія Его Бухарскаго Высочества, чему первымъ примѣромъ служитъ предпріятіе Г-на Эверсмана въ видѣ купца туда отправляющагося. обнадживъ взаимно, что и Бухарцамъ, которые чрезъ Россію разсудятъ отправиться въ Европейскія Государства, такія же охраненія будутъ даваться. Сіе послѣднее предположеніе основывается на разрѣшеніи Министерства его Величества.

3-е.

Освобожденіе плѣнниковъ, Россійскихъ подданныхъ, похищенныхъ Киргизами и туда проданныхъ, равно и бѣглыхъ нашихъ изъ Татаръ Солдатъ, могло бы составить весьма нужный предметъ домогательствъ, но какъ Министерство Иностраннхъ Дѣлъ, въ наставленіи Вамъ (25 Іюля

№ 696) не признало удобнымъ возложить на Васъ рѣшительныхъ по сему обстоятельству требованій, ограничивъ оныя только нужными для будущаго времени соображеніями, то мнѣ остается поставить на видъ Вашему Превосходительству, не найдете-ли возможности частнымъ образомъ освободить нѣкоторыхъ изъ таковыхъ несчастныхъ, о коихъ прилагается у сего записка. Погравичная Коммиссія отпустить Вамъ для сего въ червонцахъ 12 т. рублей и особенно для искупленія Подканцеляриста Соколова 610 рублей, кои присланы ко мнѣ Сибирскимъ женскимъ обществомъ Христіанскаго Милосердія и собраны здѣсь подпискою отъ частныхъ Благотворителей. Цѣна установленная Привѣтствомъ для выкупа сихъ невольниковъ заключается въ 150 рубль за одно лицо *): но какъ нынѣ ограничиваясь сею цѣною по всей вѣроятности не возможно будетъ достигнуть никакого въ семь дѣлъ успѣха, то предлежитъ Вашему усмотрѣнію и благоразумію, согласить въ семь случаевъ установленіе Правительства съ пользою предмета. Мнѣ извѣстно также, что отправляющійся отсюда съ Вашимъ Превосходительствомъ Титулярный Совѣтникъ Шапошниковъ, имѣетъ порученіе отъ своего отца Коллежскаго Ассесора Шапошникова, рѣзвѣстнаго здѣсь подобными благотвореніями, содѣйствовать освобожденію въ Бухаріи нѣкоторыхъ невольниковъ: Вы, Милостивый Государь мой, не оставите споспѣшествовать сему похвальному намѣренію.

4-е.

Обращаясь къ видамъ торговли и желанію распространить оную, давайте Бухарцамъ чувствовать выгоды судоходства и пользу отъ того купечеству. Вамъ не трудно будетъ удостовѣриться, какъ на собственномъ путешествіи Вашемъ, такъ и чрезъ объясненія съ знающими людьми, что рѣки Аму и Сыръ Дарыи, вездѣ ли ниже Бухаріи удобны къ судоходству. Статся можетъ, что въ новѣйшее время проведенные изъ сихъ рѣкъ во множествѣ каналы, при коихъ построены города и селенія, могутъ уменьшить количество воды въ оныхъ и препятствовать плаванію: но въ противномъ случаѣ. Вы не оставите доказать Бухарцамъ несомнѣнное преимущество водяного пути, примѣчая имъ, что рѣки сіи текутъ въ Море Аральское, отъ котораго и Каспійское Море и Россійскія границы не въ дальнемъ разстояніи.

5-е.

Въ время пребыванія въ Бухаріи Ваше Превосходительство вникните въ существо тамошней торговли, во вкусъ жителей, какія

*) Куревъ нашъ.—С. Н. М.

иностранныя издѣлія имъ болѣе нравятся, которыя бы по дѣйствию новаго Европейскаго Тарифа, посредствомъ транзита съ выгодою къ нимъ можно доставлять? но привлечь ихъ желанія преимущественно къ нашимъ произведеніямъ, которыя и стараться поставить имъ въ сущую необходимость, особенно на обработанныя вещи изъ грубыхъ металловъ, чугуна, желѣза, мѣди, коими здѣшній сосѣдственный съ ними край изобилуетъ. При чемъ развѣдать: на какое употребленіе обращается вывозимая ими отсюда листовая и дощечная мѣдь? И до какого точно количества потребность ихъ въ семь матеріаллѣ простирается можетъ? Равномѣрнымъ образомъ, не оставите внушать имъ о умноженіи ихъ собственнаго рукодѣлья, посредствомъ машинъ и удобренія, дабы взаимно возрастающая торговля и усовершеніе продуктовъ умножили богатства ихъ Государства; особенно когда пути изъ Бухаріи чрезъ Киргизскую Степь сдѣлаются безопасны: что Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ весьма справедливо поставлено въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ Вашей Миссіи.

6-ое.

Вашему Превосходительству удобно будетъ развѣдать въ Бухаріи, какъ о томъ, что должно служить къ распространенію нашей тамъ торговли, такъ и о внутреннемъ изобиліи, промыслахъ и рукодѣльяхъ самой Бухаріи: ибо извѣстно, что сія нація связываетъ, такъ сказать, всѣ торговые пути въ Индію, Персію и Китай ведущіе. А по симъ уваженіямъ и нужно приобрѣсть свѣдѣнія: 1-ое). О числѣ Городовъ, селеній, народа, и о родѣ Правленія земли сей; 2-ое). О существѣ торговли Бухарской, какія главнѣйшія продукты и куда высылаются; какія и откуда привозятся. и съ какими въ томъ и другомъ случаѣ пошлинами; 3-ое). О дорогахъ вообще; и въ особенности о тѣхъ, кои ведутъ въ Индію и Персію; о безопасности, или опасности о удобствѣ и неудобствѣ оныхъ; о разстояніи Селеній, мимо коихъ производятся торговые отправленія; 4-ое). О свойствѣ и произведеніяхъ земли; 5-ое). Какія произведенія собственно принадлежатъ большой Бухаріи; 6-ое). Спокоенъ ли Народъ въ свойствѣ своемъ, не угнѣтенъ ли податями, къ рукодѣльямъ ли болѣе склоненъ, или земледѣліемъ отличается? и проч.

7-ое.

Поелику Бухарія не заслуживала бы сама по себѣ дальнѣйшаго вниманія, есть ли бы, какъ уже сказано, пунктъ соединенія путей,

къ Китайскому и Индейскому торгу ведущихъ, не дѣлалъ ея примѣчательною: то и нужно взять на замѣчаніе положеніе Кабульскаго владѣнія, свойство его, и въ какомъ оно сношеніи съ Персидскимъ Бабаханомъ? Равнымъ образомъ должно обратить вниманіе на то сношеніе, какое Бухарцы имѣютъ съ Китайцами и развѣдать о взаимномъ ихъ политическомъ положеніи. Поелику же Хорозанъ находится на Бухарской границѣ, то неизлишно развѣдать, какія причины возбудили тамъ недавно существовавшіе мятежи? Какія мѣры приняты къ укрощенію, и дѣйствительно ли возстановлено спокойствіе? Какіе Владѣтели содѣйствуютъ съ Бухаріею, въ мирѣ ли они или враждѣ между собой, и какія они питаютъ расположенія, и самъ Миръ-Хайдаръ, къ Персидскому Бабахану? Сихъ именно свѣдѣній требовало нѣкогда Министерство, и они ни въ какое время не могутъ быть бесполезны для Государственныхъ соображеній.

8-ое.

Извѣстно, что въ самомъ городѣ Бокгарѣ есть жидаы, живущіе особенною слободою заключающею въ себѣ болѣе 2000 домовъ. Сіи по всѣмъ примѣтамъ оставшіеся отъ Вавилонскаго переселенія Израильтяне, почитаются отъ самихъ Бухарцевъ за жителей древнѣйшихъ въ Бухаріи, исповѣдуютъ Моисеевъ законъ, говорятъ собственнымъ языкомъ, съ Магометанами не соединяются, но содержатся отъ нихъ въ крайнемъ презрѣніи, однако жъ безъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Евреи сіи, занимаясь въ тишинѣ одною торговлею, производя ея во всѣ страны и не вмѣшиваясь никогда ни въ воинскія ни въ гражданскія должности, сдѣлались весьма зажиточны, и въ Бухаріи почитаются самыми сильными капиталистами. Они весьма охотно вымѣниваютъ наши товары, недопускаютъ до пониженія цѣнъ оныхъ; равномерно и Азіятскія товары большею частію въ ихъ рукахъ. Вамъ предлежитъ развѣдать дальнѣйшія связи сихъ Евреевъ по торгу съ другими странами Азіи, по ихъ силѣ въ Бухаріи и мысляхъ на счетъ тамошняго Правительства, и какія бы можно было извлечь пользы, имѣя ихъ на нашей сторонѣ. Всѣ сіи развѣдыванія произвестъ нужно съ крайней осторожностью, дабы не подвергнуть сихъ Израильтянъ въ послѣдствіи жестокостямъ Бухарцевъ.

9-ое.

Изъ отзыва Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Бухарскому посланнику 1816 года, Вашему Превосходительству извѣстно о пред-

положеніи имѣть въ Бухаріи нашего Консула, котораго обязанность должна состоять сверхъ ходатайства по дѣламъ своихъ Купцовъ, имѣть попеченіе о взаимной пользѣ по торговымъ связямъ. Вы не оставите войти по сему предмету въ объясненіе и условиться о томъ, на какомъ основаніи признано будетъ пребываніе сего Консула въ Бухаріи удобнымъ и соотвѣтственнымъ цѣли?

10-ое.

Извѣстно предубѣжденіе Азіатцевъ противъ Европейцевъ. Есть ли оно существуетъ въ Бухаріи противъ Россіи: Вамъ остается вникнуть въ причины онаго. Предубѣжденіе родится обыкновенно отъ разности вѣры, обычаевъ и свойства народнаго. Но тутъ кажется вѣру въ счетъ поставить нельзя: ибо извѣстно, что Грузины въ Бухаріи свободно торгъ отправляютъ; да и въ Кабулѣ Христіанамъ по торговлѣ нѣтъ притѣсненія. Открывъ источникъ сего предубѣжденія, Вы можете Бухарцамъ изъяснить, съ какимъ великодушіемъ Россійской Монархъ пріемлетъ вѣру ихъ въ свое покровительство, и что въ новое доказательство того предположено нынѣ единственно по желанію Бухарскаго Купечества построить новую Мечеть при Оренбургскомъ Мѣновомъ Дворѣ. Слѣдствіемъ таковаго предубѣжденія, Азіатской недовѣрчивости и недостатка просвѣщенія можетъ статья будетъ, что Чиновники Миссіи и Ваше Превосходительство сами окружены будете въ Бухаріи неусыпными соглядатаями всѣхъ Вашихъ дѣйствій, или даже стражею. Въ такомъ положеніи собственная Ваша предусмотрительность и благоразуміе должны руководствовать Вашими поступками какъ въ усыпленіи азіатцевъ, такъ и въ сохраненіи достоинства, коимъ Вы облечены Монаршею довѣренностью.

Извѣстно, что Правительства непросвѣщенныхъ народовъ дѣйствуютъ часто несогласно съ пользою и самымъ мнѣніемъ Народнымъ: по сему нужно обратить на оное особенное вниманіе. Около 100 лѣтъ торгуя съ нами, Нація по всей вѣроятности не можетъ питать къ намъ непріязни. Удостоверясь въ томъ или противномъ, Вы не оставите примѣтить, какое вліяніе имѣетъ духъ народа на волю Правленія и на оборотъ?

11-е.

Не оставьте вникнуть о содержаніи между (sic) золота и серебра въ Бухаріи и откуда сіи металлы болѣе получаютъ. Извѣстно, что отъ насъ вывозятся червонцы, Ефимки и Піастры: передѣлываются ли

они въ собственную монету, или въ томъ же видѣ истекають за предѣлы владѣній и чѣмъ замѣняются? Въ какомъ состояніи вообще монетная система въ семь Государствѣ и добываются ли собственные драгоцѣнные металлы? Если по развѣдываніямъ Вашимъ узнаете, что въ тамошнихъ горахъ находятся руды, то отъ Вашего Превосходительства будетъ зависѣть возбудить желаніе въ Ханѣ просить у Государя способныхъ людей къ прискамъ.

12-е.

Къ немалому Вашему вниманію должно подлежать и то, что въ Бухаріи почти неизвѣстно врачебное искусство; между тѣмъ свирѣпствуютъ оспа и другія истребительныя болѣзни. Какое тутъ благодѣтельное откроется средство къ водворенію къ нимъ людей сего искусства! И какъ бы возрасла преданность ихъ, если бы они въ насъ же нашли своихъ цѣлителей и таковыхъ у Правительства Нашего просили!

Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, отправленъ былъ въ Хиву по просьбѣ тамошняго Хана глазной врачъ. Въ новѣйшее время Министерство Его Императорскаго Величества намѣкало здѣшнему Начальству о удобно-возможности такой мѣры.

13-е.

Изложивъ Вамъ Милостивый Государь мой, въ сихъ краткихъ чертахъ главные виды тѣхъ соображеній, какіе Правительство наше имѣло при сближеніи съ Бухаріей, не сомнѣваюсь, что Ваше Превосходительство дополните оныя всѣмъ, что Ваше собственное усердіе къ Государственной пользѣ, испытанные таланты и искусство въ сношеніяхъ съ восточными народами открыть Вамъ могутъ къ пользѣ важнаго порученія, Всемилоствѣйшимъ Государемъ на Васъ возложеннаго. Мнѣ остается присовокупить къ нимъ еще нѣкоторыя примѣчанія, касательно подлежащаго Вамъ пути и обстоятельствъ къ настоящему времени и случаю относящихся.

Вы уже увѣдомлены о нападеніяхъ Хивинскаго Хана на Киргизцевъ Султана Арунгази Абулгазіева кочевавшихъ по Караванной дорогѣ. Сіе ихъ удалило отъ обыкновеннаго ихъ пребыванія и приблизило на всю предбудущую зиму къ нашимъ границамъ. Со всѣмъ тѣмъ я прилагаю у сего записку о Киргизскихъ зимовьяхъ по всей дорогѣ.

Вамъ извѣстно съ другой стороны, что Хивинскій Ханъ возвелъ Султана Джангази Ширгазіева въ Ханское достоинство и что сильный Дюрткаринской и часть Чиклинскаго и Чумекейскаго родовъ состоятъ на сторонѣ Джангазія и вѣроятно занимають кочевье по обѣимъ сторонамъ Сыръ-Дарьи. Я прошу Ваше Превосходительство на пути развѣдать достовѣрно обо всѣхъ сихъ обстоятельствахъ; равнымъ образомъ имѣеть ли еще султанъ Арунгазіи вліяніе въ Ордѣ; или утратилъ оное совершенно, послѣ постигшихъ его нещастій. А при томъ узнать и каковы личныя качества Султана Джангазія и нельзя ли надѣяться, чтобы власть его сама собою въ скоромъ времени разрушилась. Или, чтобы онъ возвратился къ вѣрноподданническому долгу и принесъ раскаяніе въ содѣянномъ.

Я желалъ бы еще, чтобы Ваше Превосходительство успѣли развѣдать о истинныхъ причинахъ враждебныхъ расположеній къ намъ Хивинскаго Хана; онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ три раза нападалъ на Киргизцевъ, грабилъ Купеческіе Караваны и неистовымъ образомъ поступалъ съ чиновниками отсюда къ нему отправленными, оставя безъ отвѣта и письмо Графа Карла Васильевича Нессельрода, по Высочайшему повелѣнію къ нему посланное. Статься можетъ, что сей дерзкій Ханъ вознамѣрится затруднить и слѣдованіе Миссіи, угрожая нападеніями, обложеніемъ колодцевъ въ песчаныхъ пустыняхъ Кизыль-Кума и тому подобными насильственными мѣрами. Въ семъ положеніи *Командиру Вашего конвоя, состоящаго изъ двухъ сотъ человекъ пѣхоты двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Полка Капитану Цюлковскому*¹⁾ предписано дѣйствовать въ сопротивленіе, и охраненіе Миссіи всѣми средствами.

Относительно сего конвоя усмотрѣнію Вашего Превосходительства предлежитъ, вводить ли оный въ Бухарію, или остановить по удобности на границахъ сего владѣнія, дабы явленіемъ чужестранныхъ войскъ, не потревожить умы народа и не возбудить въ немъ опасеній и ропота. Во всякомъ случаѣ однакожь заботливости Вашего Превосходительства предоставляется попеченіе о продовольствіи сего отряда, для чего по примѣрнымъ цѣнамъ отпущена Командиру онаго достаточная сумма, въ употребленіи которой предписано ему поступать по Вашимъ разрѣшеніямъ.

Для объясненій Вашихъ съ Бухарскимъ Правительствомъ, на щегъ перемѣны тарифа, прилагаю я у сего, къ соображенію Вашему

¹⁾ Курсивъ нашъ.—С. П. М.

подъ литерами в, г и д копию съ представленія ко мнѣ по сему предмету Начальника Оренбургскаго Таможеннаго Округа, Коллежскаго Совѣтника Велички и двѣ при ономъ вѣдомости о привозныхъ и отвозныхъ товаровъ съ показаніемъ существовавшихъ цѣнъ, какъ до состоянія новаго тарифа за три года, такъ и по изданіи онаго за три года.

Можетъ статья, съ Вашимъ Превосходительствомъ объясняться будутъ въ Бухаріи о неудовлетворенной здѣсь просьбѣ нѣкоторыхъ Бухарцевъ, желавшихъ отсюда выѣхать съ женами и дѣтьми, прижитыми здѣсь въ бракѣ съ нашими татарками. Вы не оставите на сіе отозваться, что по сему предмету издано будетъ удовлетворительное общее постановленіе; а между тѣмъ домогайтесь, чтобы по содержанію отзыва Графа Карла Васильевича Нессельрода, Бухарскому посланнику въ 1816 году сообщеннаго, сдѣлано было и со стороны Хана надлежащее распоряженіе.

Въ прежнія времена Ханы Бухарскіе просили у нашего Правительства безденежнаго отпуска имъ мѣди, какъ то Вы усмотрите изъ приобщаемой у сего, къ соображенію же Вашему копии съ письма Графа Панина къ Хану Эбульгази Мухамметъ Бегадуру въ 1780 году¹⁾. Если и нынѣ сего домогаться будутъ, то Ваше Превосходительство общайте представить о семъ Министерству.

При войскахъ командированныхъ съ Миссіей будетъ находиться и Лѣкаръ; но кромѣ его съ Высочайшаго соизволенія отправляется въ Бухарію, въ видѣ Купца, еще и г. Докторъ Эверсманъ, котораго скрытное намѣреніе, какъ выше сказано, проникнуть въ дальнѣйшія области Верхней Азіи и послѣ ознакомить Европу съ плодами ученыхъ наблюденій своихъ. Онъ имѣетъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ особенную словесную инструкцію, удостоенную Высочайшаго утвержденія. Ваше Превосходительство не оставите оказать ему всякое возможное покровительство и расположить къ такому же Бухарскаго Владѣльца, способствуя сему молодому человѣку совершить подвигъ, достойный нашего просвѣщеннаго вѣка.

Въ заключеніе я поставляю долгомъ просить Ваше Превосходительство руководовать Г. Г. Офицеровъ Квартирмейстерской части и Натуралиста Пандера, дабы изслѣдованія свои производили они сколь возможно скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ, чтобы избытокъ усер-

¹⁾ Упомянутая воція съ письма графа Н. Панина приводится нами далѣе.—С. Н. М

дія ихъ не послужилъ имъ и вообще намъ во вредъ и не возбудилъ подозрѣній въ народѣ недовѣрчивомъ и необразованномъ.

Подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи Эссенъ.

18 Сентября 1820 года. № 167. Оренбургъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 263--278).

Выписка изъ описанія о зимовьяхъ ордынцевъ въ степи, сообщеннаго Пограничною Коммиссіею въ 1803-мъ году, отправлявшемуся въ Бухарію поручику Гавердовскому.¹⁾

Зимовья Меньшой Орды знатнѣйшія суть слѣдующія, а именно: отъ Оренбурга къ сторонѣ Орской Крѣпости: 1-е, По двумъ рѣкамъ называемымъ Камышламъ Иргизъ и Таимъ Иргизъ, которыя вышли отъ севера изъ за Орскихъ вершинъ и въпали въ рѣку Улу-Иргизъ, коя такожъ вышедъ съ сѣверной стороны въпала въ озеро Аксакаль. Вершины всѣхъ оныхъ отъ Орской крѣпости скорою ѣздою дней около трехъ. 2-е: По озерѣ Аксакалу, до котораго отъ Орской крѣпости въ правую сторону конной ѣзды дней съ семь; изъ онагожь озера вышли разные протоки и въпали въ рѣку Сыръ Дарью. 3-е. При урочищѣ, называемомъ Каракумъ, то есть: черный песокъ, которое есть по сю сторону Сыръ-Дарьи, а отъ Аксакала разстояніемъ въ одинъ день, а отъ Орской крѣпости дней съ восемь; отъ сюда по самую Сыръ-Дарью пошли пески и киргизцы, кочуя тутъ довольствуются водою изъ выкопанныхъ колодцевъ и изъ текущихъ ключей. 4. При урочищѣ Турканѣ. Турканъ же называется большой камень, которой лежитъ на самомъ Устьѣ Сыръ-Дарьи на берегу, сіе урочище отъ Оренбурга разстояніемъ конной ѣзды дней съ пятнадцать;—въ другую онъ то есть въ сторону Каспійскаго Моря. Сей же Меньшой Орды киргизцы зимуютъ по Эмбѣ и по текущимъ въ нѣе со обѣихъ сторонъ рѣчкамъ почти до самаго ея устья гдѣ она въ Каспійское морѣ въпала; ближайшее къ сей рѣкѣ разстояніе отъ Оренбурга дней восемь. 5-е. Поту

¹⁾ Посольство поручика Гавердовскаго въ Бухару, какъ извѣстно, не удалось: еще на дорогѣ въ Бухару оно подверглось нападенію хищныхъ киргизовъ и принуждено было вернуться въ Оренбургъ, не видавъ Бухары. О судьбѣ этого посольства можно читать въ статьѣ В. Водошнянова: „Неудавшееся посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго въ 1803 году.“ (Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи, вып. III, стр. 1—23).—С. Н. М.

сторону рѣки Эмбы при урочищахъ большомъ и Маломъ Барсукахъ, то есть: пескахъ, отъ Эмбы рѣки конной ѣзды дни четыре, отъ Оренбурга жъ прямо въ полдень дней двенадцать, гдѣ зимуя довольствуются снежною водою, а пока снегу нѣтъ, то изъ колодцевъ. 6-е. При озерѣ Каракулѣ, между Эмбы и Урала рѣкъ разстояніемъ отъ Уральскаго Антоновскаго фарпоста три дни. 7-е. По двумъ рѣкамъ Уилѣ и Кіилѣ, которыя текутъ съ западной стороны въ озеро Каракулѣ, разстояніемъ отъ Оренбурга до тѣхъ имѣеть дней шесть или семь. 8-е. По рѣчкамъ Галды—Гайты и Бултырды, которыя вышли съ полудневной стороны и впали однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ; казаки называютъ ихъ утвы, разстояніемъ они отъ Илецкаго городка въ низъ дни полтара; кромѣ означенныхъ урочищъ нередко случается, что оная орда за недостаткомъ кормовъ по самому Уралу зимуетъ, а иногда табуны ихъ лошадиные и на сю сторону Урала рѣки перепуцаются, но втакомъ случаѣ для спокойства ихъ каргизкайскаго берутся отъ нихъ аманаты, такожь и сіе случалось, что многіе улусы около Аральскаго моря, а иногда и въ каракалпацкомъ владѣніи зимовали.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный. дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 280—281).

Письмо графа Никиты Козьмича Панина къ бухарскому хану Абдулгази Мухаметъ-Бегадуру отъ 18 Августа 1780 года.

Ея Императорское Величество Всепресвѣтлѣйшая Всероссийской обширной и преславной Имперіи Самодержица, моя Всемилостивѣйшая Государыня съ особливою Монаршею Благоугодностію изволила возрѣть на отправленнаго къ Высочайшему своему Императорскому престолу отъ Васъ почтеннѣйшаго и Высокостепеннаго Хана, нарочнаго посланника, въ лицѣ знаменитаго Вашего чиновника Ирнезера сына Максютова, который хотя не имѣлъ ничего вновь представить и все препорученіе ему со стороны Вашей ограничивалось и при настоящемъ случаѣ прежними дѣлами, касающимися до Бухарскихъ исконъ, происшедшихъ отъ грабежей хищныхъ народовъ, и другихъ незапныхъ приключеній, и на что на все въ свое время дана уже была резолюція, достаточная и справедливая основанная на самыхъ бытіяхъ и обстоятельствахъ каждаго случая и обыкновенія всехъ народовъ, тѣмъ не меньше сей Посланикъ Вашъ допущенъ былъ къ Высочайшему Ея Император-

скаго Величества двору и содержанъ во всю бытность при ономъ съ довольствомъ и отличностію пристойною тому качеству въ кое онъ будучи облеченъ отъ Васъ предсталъ предъ Императорскимъ престоломъ на конецъ Семилюбовѣше угодно было Ея Императорскому Величеству по желанію и прошенію Вашему дать Высочайшій свой Монаршіи Указъ и о пропускѣ Вашего Посланника въ предѣлы Порты Оттоманской, съ препровожденіемъ до оныхъ такъ же съ возможнымъ удовольствіемъ и выгодами, куда онъ дѣйствительно и отправляется: а между тѣмъ и по другому Вашему прошенію о пожалованіи Вамъ знатнаго количества мѣди Высочайшая воля Семилюбовѣшей Монархини послѣдовала жъ; о чемъ равнымъ образомъ и дѣйствительное повелѣніе въ свое время дано будетъ.

Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ Вы почтеннѣйшій и Высочайшій Ханъ можете съ основаніемъ и справедливостію удостовѣрены быть, о продолжающейся къ Вамъ и къ области Вашей Семилюбовѣшей Ея Императорскаго Величества благоволеніи.

Бухарія, хотя земля и удаленная отъ Всероссійской Имперіи, но издавна однакожъ приверженость и почтеніе сохраняетъ къ Россійскому Императорскому престолу, собственная польза жителей ея по склонности ихъ къ купечеству и другимъ кроткимъ упражненіямъ, внушила имъ такое искательное повѣденіе, онажъ самая требуетъ и продолженія того, для приобрѣтенія со временемъ вящихъ выгодъ и прибытокъ отъ торговли ихъ при здѣшнихъ границахъ. и чемъ однимъ только они по своему положенію въ большое соотвѣтствіе съ здѣшними подданными вступить могутъ. А какъ Ея Императорское Величество Семилюбовѣшая моя Государыня, подобно Солнцу на всѣ Мира концы Блισταющему, Монаршія свои милости и благотвореніи не зливаетъ токмо, на народы племена и жительства одну Всероссійскую Имперію составляющія, но щедрота ея и великодушіе не имѣютъ предѣловъ, распространяясь полезными своими дѣйствіями по всюду на достойныя Монаршаго великаго призьніа и прибѣгающихъ подъ Ея Императорскаго Величества покровъ, то я могу не обинуюсь сказать Вамъ Высочайшій Ханъ, что когда Посланникъ Вашъ послѣ недавно бывшей его жъ присылки вторично принять при Императорскомъ дворѣ, дозволенъ былъ ему при ономъ свободной доступъ на равнѣ съ другими знатныхъ Государей посланниками, а не противъ примѣровъ бывшихъ на предъ сего въ разсужденіи Бухарскихъ, получилъ отпускъ и препровожденіе со всемъ удовольствіемъ и въ чужія предѣлы, безъ вся-

каго уже отношенія такой его поѣздки къ здѣшнимъ дѣламъ, и чему на предъ сего также примѣра не было, и прошеніе Ваше о томъ равно какъ и другое касающіеся до собственнаго Вашего снабдѣнія нужнымъ для Васъ и въ большомъ количествѣ металомъ приняты такимъ образомъ въ совершенное уваженіе. Такъ всѣ сіи снисхожденія толь для Васъ ласкательныя по большому ихъ распространенію нежели какихъ Бухарія ожидать и требовать могла, воздавая ей изъ великодушія Монаршаго за обыкновенную токмо жителей ея еще отъ предковъ перенятую подвижность къ торговлѣ при здѣшнихъ границахъ и долженствуетъ Васъ побудить не къ одной внутренней благодарности ощущенію свойственному всѣмъ Благомыслящимъ людямъ, но показывають Вамъ какъ бы очевидно и самымъ убѣдительнымъ образомъ, колікія для Васъ для Вашей земли и всѣхъ ея жителей отъ пособія благотворительной десницы великой Монархини открыты могутъ пользы, выгоды и преимущества, при приѣмлемомъ и начинаемомъ со стороны Вашей стараніи испытать и употребить всѣ зависимыя отъ Васъ средства къ устройству и умноженію на порядочныхъ и твердыхъ основаніяхъ сей производимой съ бухарской стороны при здѣшнихъ границахъ торговли, не довольствуясь тѣмъ, что по нынѣ упражняются въ ней по большей части одни Бухарцы и Хивинцы, но приглашая и другихъ охотниковъ изъ лежащихъ въ великой татаріи областей, съ показаніемъ имъ на первой случай нужной помощи, и не довольствуясь еще тѣмъ, какъ по нынѣ было, что караваны Ваши ходятъ на удачу, не имѣя ни малѣйшихъ сами въ себѣ силъ, и отпору отъ хищныхъ нападеній, но устанавливая, съ лучшимъ благоустройствомъ и ихъ отправленіе.

По мѣрѣ Вашихъ въ семь случаѣ стараній платимыхъ возрастающей вообще для Бухаріи пользою отъ возрастающей и умножающейся торговли, и собственному Вашему Высокостепенный Ханъ имани справедливая слава въ Будущее потомство предоставится.

Извѣстно изъ древнихъ исторій, что Бухарія была та область, которая многія вѣки служила и доставленію и препровожденію въ Европу азіатскихъ рукодѣлій и всякихъ натуральныхъ произведеній. Ни что не препятствуетъ возобновить сію дорогу, въ настоящее благополучное время, при великомъ царствованіи Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской моей Всемилостивѣйшей Государыни Милосердо призирающей на все безъ изытія похвальныя и добродѣтельныя дѣла, коль скоро оныя въ пользу рода человѣческаго идутъ, осталось только желать, чтобы Вы почтеннѣйшій и высокомѣстный ханъ, и другія сосѣдства Вашего, Владѣтели

умѣли воспользоваться сими представляющимися Вамъ удобствами и воспріятію мѣръ, творящихъ Васъ достойными союза и дружбы Всероссийской Имперіи, не по благоволенію уже токмо великой Монархини но я (и ?) по собственному Вашему тому соотвѣтствію.

Съ симъ письмомъ моимъ, извѣщающимъ Васъ о настоящихъ Вашего Посланника обстоятельствахъ и мнѣніяхъ здѣшнихъ, касающихся до поправленія Бухаріи и жребія тамошнихъ жителей отправленъ будетъ по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію во усугубленіе опытовъ Императорской къ Вамъ милости отъ Оренбургскаго Губернатора Господина Генерала Порутчика Рейнсдорпа¹⁾, нарочной, дабы такимъ образомъ Вы Высокостепенный Ханъ толь скорѣе въ состояніе приведены были сообщить сюда взаимно Ваши мнѣнія, колико можно будетъ ожидать со стороны Вашей дѣйствительныхъ исполненій по вышеозначеннымъ полезнымъ разсужденіямъ, и въ чемъ какъ я когда Вы съ Высочайшей Ея Императорскаго Величества стороны при томъ воспослуживаны быть можете.

Я ожидаю отъ Благоразумія Вашего свойственнаго Вамъ степени и природѣ, что Вы исполняя всенародныя права повсюду свято почитаемыя, и въ должное взаимство безъ опасности и свободы, каковыми Посланники Бухарскія всегда въ Имперіи всероссийской пользовались, чему нынѣ въ разсужденіи послѣдняго еще настоятъ примѣръ, особливо для Васъ ласкательной, а не меньше также и въ томъ уваженіи, что заводимая съ здѣшной стороны съ Вами пересылка, сверхъ Главнѣйшаго Ея предмета касающагося до распространенія торговли во взаимную пользу приумножить Вамъ знатности, между подобными Вамъ Владѣтелями, не приминитъ посылаемаго къ Вамъ съ здѣшной стороны нарочнаго принять съ пристойностію и возвратитъ обратно немедленно съ безопасностію сообщая сюда его способомъ все то, что Вы заблагоразсудите по Вашему положенію, силѣ и возможности къ успѣху въ предпріятіяхъ торговыхъ въ ожиданіи чего и остаюсь къ Вамъ доброжелательнымъ.

Подлинное подписалъ: Графъ Н. Панинъ.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 282—286).

¹⁾ Генераль и поручикъ Ив. Андреев. Рейнсдорпъ былъ оренб. губернаторомъ съ 29 Сентября 1768 года по 16 Февраля 1781 года. При немъ происходила осада Оренбурга Пугачевымъ съ 5 Октября 1773 года по 29 Марта 1774 года.—С. Н. М.

Выступление Экспедиціи въ Походъ.

Оренбургъ, 17 Октября 1820 года.

Октября 10 по Высочайшему повелѣнію, отправилась изъ Оренбурга Миссія въ Бухарію, подъ прикрытіемъ 200 человекъ пѣхоты, двухъ сотенъ Уральскихъ и Оренбургскихъ Казаковъ и двухъ Орудій Конной Артиллеріи. Начальство надъ Миссіей поручено въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Негри, извѣстному отличными свѣдѣніями своими, особенно въ восточныхъ языкахъ; а надъ прикрытіемъ Адъютанту Генерала отъ Инфантеріи Эссена, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Полка Капитану Цюлковскому. При Миссіи находятся Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Баронъ Мейндорфъ, Поручикъ Вольховской и Квартирмейстерской части Поручикъ Тимофеевъ; сверхъ того Докторъ Эверсманъ¹⁾ и Натуралистъ Пандеръ. Такое соединеніе людей отличныхъ талантами и знаніями, могло бы быть явленіемъ рѣдкимъ и не въ Киргизскихъ Степяхъ. Цѣль сей Миссіи достойна Правительства мудраго и просвѣщеннаго: она ограничивается предложеніемъ Бухаріи выгодной и безопасной торговли и пріобрѣтеніемъ разныхъ свѣдѣній о сей любопытной странѣ, сосѣдственной намъ, но отдаленной отъ насъ пустынями и песчаными Морями.

Картина выступления сей Экспедиціи въ походъ, по новости и разнообразію предметовъ, достойна мастерской кисти. Вотъ нѣкоторыя черты: 10-го Октября, въ прекрасное осеннее утро войска, составляющія конвой Миссіи, построились въ Крѣпости на вахтпарадномъ плацѣ; Оренбургскій Военный Губернаторъ, Генералъ отъ Инфантеріи Эссенъ, отслушавъ обѣдню, въ 10 часовъ къ нимъ со своимъ Штабомъ, Генералитетомъ и Штабъ и Оберъ-Офицерами Гарнизона; осмотрѣвъ войска и сказавъ имъ привѣтствіе, на которое воины отвѣчали благодарнымъ восклицаніемъ, Генералъ сошелъ съ лошади, и Кавалерія по командѣ слѣшила. Тогда войскамъ приказано на молитву; совершено на плацѣ молебствіе, и воины окроплены святою водою; всѣ чиновники Миссіи при томъ присутствовали, и весь городъ обратился въ зрителей. Между послѣдними весьма примѣчательны были любопытныя лица пребывающихъ здѣсь Бухарцевъ, Хивинцевъ, Киргизовъ и раз-

¹⁾ Докторъ Эдуардъ Эверсманъ, прусскій уроженецъ и подданный, до поѣздки въ Бухару служилъ врачомъ въ г. Златоустѣ. По возвращеніи изъ Бухары онъ состоялъ профессоромъ Казанскаго университета и составилъ книгу: „Естественная исторія Оренбургскаго края.“ Книга эта первоначально была издана на нѣмецкомъ языкѣ, а впоследствии переведена на русскій языкъ извѣстнымъ писателемъ В. Н. Далекомъ.—С. П. М.

ныхъ Татаръ, которые, казалось, боялись смигнуть малѣйшее движеніе сего новаго для нихъ феномена. Послѣ молебствія и водоосвѣщенія, войска, дифилируя мимо Генерала Эссена, вышли за крѣпость взводною колонною; перешли мостъ, приняли подъ прикрытіе свое транспорты Миссіи; отдѣлили Авангардъ, патрули и Аріергардъ, и отправились въ предназначенный имъ трудный и далекой походъ, бывъ напутствуемы добрыми желаніями и слезами родственниковъ, товарищей и всѣхъ благомыслящихъ людей. Здѣсь сія Картина получила новый интересъ: транспорты состояли изъ 30 фуръ и 473 навьюченныхъ верблюдовъ, которые тянулись между войсками одинъ за другимъ по два въ рядъ, вѣдомыя проводниками изъ Киргизцевъ въ національномъ ихъ нарядѣ: въ правой сторонѣ прекрасное строеніе Оренбургскаго Мѣноваго Двора, во вкусѣ Азіатскихъ Караванъ-Сараевъ; въ лѣвой единственная въ здѣшнихъ окрестностяхъ роща; впереди необозримая Степь; позади излучистый Уралъ и бастіоны Оренбургской Крѣпости, покрытыя любопытнымъ Народомъ. Погода была прекрасная; самое свѣтлое солнце отражалось на штыкахъ и пикахъ Конвоя; термометръ показывалъ 19 градусовъ тепла и лучшая публика выѣхала и вышла за городъ видѣть сіе явленіе: однихъ каретъ и колясокъ мы насчитали болѣе двадцати.

Заключаемъ сію статью выпискою изъ Инструкціи Командиру Конвоя, Гвардіи Капитану Цюлковскому.

„Въ заключеніе, долженъ я обратить вниманіе Ваше на то, что ежели строгое сохраненіе порядка и воинской дисциплины, согласіе съ жителями, благонравіе и честныя поступки солдатъ, составляютъ существенную и необходимую принадлежность добраго устройства въ войскахъ, когда они расположены въ предѣлахъ Отечества: колыми паче свойства сіи дѣлаются важнѣе и необходимѣе въ томъ случаѣ, когда пребываніе войскъ между чужеземцами, въ первый разъ должно ознакомлять ихъ съ достоинствомъ великодушнаго народа, предлагающаго имъ свою дружбу и связи сосѣдства. Уже войска наши имѣютъ справедливую причину гордиться славнымъ именемъ, пріобретеннымъ почти во всѣхъ странахъ просвѣщеннаго свѣта: теперь Вамъ предложить долгъ произвестъ въ умахъ народовъ полудикихъ и необразованныхъ стольже щастливое впечатленіе: пусть полудикая татарія и пустыни Азіи раздѣляютъ съ Европой понятія уваженія и благодарности къ нашему отечеству и пребываніе нашихъ войскъ вездѣ будетъ залогомъ благодати Государя и правоты Его народа!“

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года, стр. 461—464).

Письмо А. Негри генералу Эссену.

Милостивый Государь

Петръ Кирилловичъ.

Я извѣстилъ уже Ваше Высокопревосходительство, 27-го прошедшаго Ноября, что Миссія благополучно переправилась чрезъ рѣки Сыръ и Куванъ.—17-го Декабря приѣхали мы въ одну деревню въ 44 верстахъ отъ Бухары, и были встрѣчены нѣсколькими сотнями Бухарской Конницы. Въ этой деревнѣ я имѣлъ свиданіе съ Визиремъ. Нашъ конвой возбудилъ большія сомнѣнія въ здѣшнемъ Владѣтелѣ и окружающихъ его людяхъ: но я объяснилъ Визирю, что нельзя было иначе отправить Миссію въ столь отдаленное владѣніе, и предложилъ ему, чтобы конвой нашъ помѣщенъ былъ вблизи города, а не въ 44 верстахъ какъ они предполагали. Приѣхавъ потомъ въ деревню Базарче, которая почти соединяется съ городомъ я имѣлъ тутъ двухдневное преніе о церемоніяхъ, которымъ насъ хотѣли подчинить при вступленіи нашемъ въ городъ. Здѣшній дворъ чрезвычайно привязанъ къ своимъ обрядамъ, потому что Ханъ суевѣренъ и набоженъ до крайности; и я на все согласился. что не могло унижить Посланнаго Россійскаго Императора. Наконецъ Ханъ, прислалъ мнѣ письмо въ которомъ соглашался на всѣ мои требованія, и я вступилъ въ городъ 20-го Декабря, сопровождаемый Миссією и всѣмъ конвоемъ исключая Артиллерію. Вступленіе наше въ городъ было родъ народнаго праздника для его жителей. изумленныхъ видомъ Европейскаго войска.— У воротъ дворца мы слезли съ лошадей, прошедъ два двора наполненные вооруженными телохранителями Хана, я вступилъ въ приемную залу съ Г. г. Офицерами находящимися при Миссіи и съ Конвойнымъ Командиромъ. Сказавъ по Персидски привѣтственную рѣчь, я вручилъ Грамату Визирю и сѣлъ. Ханъ тотчасъ прочелъ ее, и сказалъ, что ему „очень пріятно узнать, что желанія Россійскаго Императора согласны съ его желаніями. и что непременно нужно чтобы съ той и другой стороны, караваны чаще приѣзжали.“ Потомъ я представилъ ему вошедшихъ сомною, которые такъ какъ и всѣ находившіеся при Ханѣ стояли.—Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о путешествіи нашемъ Ханъ захотѣлъ посмотреть нашихъ солдатъ. 30 человекъ изъ нихъ и были введены въ комнату находившуюся передъ залою.

Черезъ 10 дней послѣ етаго, я имѣлъ два свиданія съ Визиремъ. Первое предложеніе мое касалось до безопаснаго перехода каравановъ

черезъ степь. Ноту которую я вручилъ ему объ этомъ предметѣ онъ представилъ Хану, который изъяснилъ согласіе на мои предложенія. — Потомъ я предложилъ о необходимости имѣть въ Бухарѣ Русскаго Консула. Сначала они не приняли етаго предложенія, но послѣ отвѣчали что могутъ согласиться и на это.

Послѣ того я имѣлъ продолжительныя пренія съ этимъ Визиремъ о новомъ Тарифѣ. Примѣтя что онъ приготовился къ этому разговору я предупредилъ его сказавъ „что Бухарское Правительство поступаетъ весьма несправедливо съ Русскими, тогда какъ Россійскій Императоръ не дѣлаетъ различія между своими подданными и Бухарцами, и новый Тарифъ дѣйствуетъ одинаково, какъ на Русскихъ такъ и на всѣхъ иностранцевъ. Турки и Персіяне платятъ тоже что и Бухарцы и весьма несправедливо было бы дѣлать исключенія для послѣднихъ. Взявъ же въ сложности всѣ Бухарскіе товары въ Россію привозимые выдетъ что Бухарцы платятъ гораздо менѣе 10-го процента. Съ однихъ только вещей служащихъ для роскоши, и еще съ нѣкоторыхъ товаровъ, которыхъ привозится весьма мало, взимаются значительныя пошлины.“ Когда же онъ хотѣлъ найти оправданіе въ алкоранѣ я спросилъ его: „Почему же Турки берутъ одинаковыя пошлины какъ съ своихъ такъ и съ Рускихъ.—Потому отвѣчалъ онъ, что они слѣдуютъ въ этомъ случаѣ законамъ гражданскимъ а не заповѣдямъ алкорана!“ Наконецъ я сказалъ ему, что „Рускіе заплатятъ съ охотою требуемыя съ нихъ пошлины если будутъ торговать въ Бухаріи также счастливо, какъ Бухарцы въ Россіи находящіеся.“—Свидѣтелями етаго разговора были нѣкоторые Бухарскіе купцы, изъ числа торгующихъ съ Россіею. Послѣ етаго продолжительнаго пренія, въ которомъ я объяснилъ ему все покровительство и всѣ выгоды предоставленныя Россійскимъ Правительствомъ, Купцамъ Бухарскимъ. „Мы согласны! заключилъ Визирь, и не будемъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ.“

Послѣ того я изъяснилъ ему что я надѣюсь, что Его Высочество Ханъ, извѣстный своими высокими добродѣтелями и великодушіемъ, вѣрно сдѣлаетъ приятное Россійскому Императору, облегчивъ освобожденіе изъ неволи Русскихъ здѣсь находящихся. „Это будетъ подвигъ челоувѣколюбивый и богоугодный, сказалъ я, и увеличить высокое мнѣніе Государя Императора о знаменитомъ и великодушномъ Ханѣ!... До сихъ поръ не имѣю еще вѣрнаго извѣстія о числѣ всѣхъ Русскихъ находящихся здѣсь въ неволѣ. Иные говорятъ, что мужчинъ не болѣе 600; другіе сказывали что обоого пола съ дѣтьми несравненно болѣе. Участь ихъ ужасна и достойна всякаго сожалѣнія. Исключая небольшое число, они ведутъ мучительную жизнь

страдая отъ жестокихъ владѣльцевъ своихъ, которые часто или убиваютъ ихъ подѣ палочными ударами, или просто рѣжутъ горло. Небольшое число откупилось но имъ не позволяютъ возвращаться въ Россію; другіе же не смотря на то, что прослужили уже своимъ мучителямъ болѣе 25 лѣтъ до сихъ поръ въ неволѣ. Ихъ содержатъ болѣе по деревнямъ, особенно со времени нашего пріѣзда сюда, опасаясь требованія краденой покупки. Почти всѣ они сохранили Христіанскую вѣру“.

Бухарскій караванъ соединившійся съ нами у рѣки Сыръ благополучно прибылъ сюда, но два другіе изъ Оренбурга и Троицка слѣдовавшія въ дальнемъ разстояніи отъ насъ, нѣсколько дней тому назадъ ограблены Хивинцами въ пескахъ Кызыль. Эти случаи возбудили здѣсь ропотъ и неудовольствія на безпечнаго Хана, хладнокровно видащаго раззорѣніе своихъ подданныхъ.

Гарунгази¹⁾ находится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ караваны были ограблены. Въ надеждѣ отбить у Хивинцевъ ограбленное ими, онъ посылалъ свой отрядъ въ слѣдъ за ними; но послѣ нѣкоторыхъ ошибокъ въ которыхъ убито съ полсотни Киргизъ, Киргизы отступили а Хивинцы остались при своей добычѣ.

Большая часть киргизъ, тѣ особенно у которыхъ убиты родственники въ этихъ дракахъ, послѣ безполезныхъ требованій помощи отъ здѣшняго Хана, поклялись въ вѣчной ненависти къ Бухарцамъ, и объявили что они такіе же враги имъ какъ Хивинцы.—Что касается до Гарунгази, его все манятъ обѣщаніями, но я полагаю, что эти обѣщанія никогда не выполнятся при Миръ-Хайдаръ Ханѣ, занятымъ или своими удовольствіями, или преподаваніемъ уроковъ изъ Алкорана.

Все это не представляетъ однако опаснымъ возвращеніе наше; Небесное Провидѣніе видимо покровительствуетъ оружію Его Императорскаго Величества, оружію, внушающему трепетъ всѣмъ врагамъ его.

Я живу въ городѣ, въ одномъ изъ домовъ Визиря; со мною вся Миссія, и нѣсколько часовыхъ. Подозрѣнія здѣшняго Правительства отнимаютъ у меня совершенно свободу выѣзжать изъ дома тогда когда мнѣ захочется. Каждый разъ должно спрашиваться о томъ у Хана, который посылаетъ со мною чиновника „Для большей почести!“ говорить они—но Чиновникъ сей ни что иное какъ шпионъ.

Позвольте Ваше Высокопревосходительство, кончить письмо мое рассказомъ о невѣроятной низости Хана и его Визиря. Они ожидали, не знаю почему получить съ Миссіею, золотыя горы. Визирь нѣсколько

¹⁾ Киргизскій султанъ, сопровождавшій посольство.—С. П. М.

разъ повторялъ мнѣ, вѣроятно по повелѣнію своего Владѣтеля: „какъ такая блестящая Миссія привезла такіе мѣлкіе подарки и бездѣлки, которыя не разъ присылались здѣшнему Хану съ послами его возвращавшимися изъ Россіи?...“ на эти вопросы я давалъ отвѣты, такіе какіхъ они заслуживаютъ.—При первомъ же свиданіи моемъ съ Визиремъ, онъ сдѣлалъ мнѣ довольно забавное предложеніе: ему хотѣлось чтобы наши пушки были подарены Хану!

Считаю обязанностію извѣстить также Ваше Высокопревосходительство, что Визирь объяснилъ мнѣ, что Ханъ намѣренъ отправить Посланника съ подарками къ Государю Императору. Я старался всячески отклонить ихъ отъ того, зная что сіе Посольство не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той чтобъ получить обратно что нибудь.—Напрасно представлялъ я Визирю, что они лучше сдѣлаютъ если отправить Посланника послѣ возвращенія моего въ Россію, потому что я предувѣдомлю о томъ мое Правительство, и что въ противномъ случаѣ Посланникъ ихъ долженъ будетъ жить въ Оренбургѣ ожидая повелѣній Государя Императора. „Пусть его живетъ въ Оренбургѣ хоть годъ! отвѣчалъ Визирь; но мы его отправимъ съ вами. Это самый благопріятный случай!“

Ваше Высокопревосходительство, весьма много обязали бы всѣхъ насъ извѣстіемъ объ отдаленномъ отечествѣ нашемъ, но если отправленіе нарочнаго сопряжено съ издержками бесполезными, прошу Ваше Высокопревосходительство отправить обратно сюда киргиза отправляемаго съ этимъ письмомъ, на мой щетъ. Онъ охотно соглашается возвратиться сюда. Возвращеніе его, кромѣ извѣстій о Россіи, доставить намъ еще случай имѣть подробныя свѣдѣнія о подлежащемъ намъ пути.—Киргизъ сей—Илекбай получилъ отъ меня 30 червонцевъ съ тѣмъ чтобъ еще десять черв. получить отъ Вашего Высокопревосходительства, которыя и прошу усерднѣйше приказать выдать ему.—

Полагаемъ, что въ первыхъ числахъ Апрѣля мы отсюда выѣдемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю быть

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

покорнѣйшимъ слугою

А. Негри.

Бухара. Генваря 20 дня 1821 года.

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года. стр. 671—673)

Письмо капитана Цюлковскаго генералу Эссену.

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь

Петръ Кириловичъ.

Милостивое письмо Ваше отъ 3-го Ноября изъ Оренбурга я имѣлъ частіе получить 8-го Генваря въ бухаріи¹⁾ за которое все низайше прошу примите мою чувствительнѣйшую благодарность. и равно за Ваши добрыя ко мнѣ расположенія и за всѣ благодѣянія коими уже тринадцатый Годъ какъ имѣю честь пользоваться.

Прошлаго Года²⁾ Декабря 16-го дня прибыли Мы на границу бухарской державы Джигилбаши и остановились на малой площадки дункачи Кагатань, а оттоль тогоже месяца 18 числа до Города бухары.—На пути отъ Курань Дарій перетерпѣли несказанную нужду чрезъ безводныя, безкормныя и пещаныя мѣста. Я никогда не только не видалъ но и невоображалъ чтобы пески могли быть такъ легко носимы ветрами, большія пространства такъ волнистыя отъ навосовъ что великимъ трудомъ проехать можно, въдругъ встречаются бургры привысокія которые при одномъ вѣтрѣ формируются а при другомъ износятся. но Всевышній Создатель помогъ намъ переодолѣть все трудности и прибыть въ бухарію которая совсеми мѣстечками составляетъ какъ будто одинъ Городъ, ибо Строенія между Городомъ и мѣстечками непрерывная и пустыя мѣста ниже выгоновъ неимѣется. Что въ Оренбургѣ бухарцы называли своими деревнями то значить не больше какъ Домъ (наподобіе Крѣпостной цитадели) обведенъ какъ и всѣ прочія высокою Глиняною стѣною, при немъ садъ и несколько десятинъ земли изрѣзанной на мелкія части канавами для напуску воды, когда мы были еще только у Карагаташъ то уже таможенные пристава явились къ намъ съ почтеніемъ, а при Хотень Кудукъ встрѣтили Узбеки конные 200 человекъ довольно забавныхъ хотя отборныхъ. Въ Джигалбашъ приехалъ подъ видомъ для збора пошлинъ стоваровъ отъ Купцовъ Визирь Гакимбей Кушбеги Котораго въ Оренбургѣ называли Атоликошъ³⁾ но онъ гораздо болѣе власти имѣеть или лучше сказать Онъ владыка всей бухаріи, довольно умный, и пріятной человекъ, принялъ Нашъ въездъ въ границу, собравъ целый бухаріи ружья и молотки. коихъ

¹⁾ Авторъ этого письма, капитанъ Станиславъ Цюлковскій, польскаго происхожденія, чѣмъ и объясняются особенности его правописанія.—С. Н. М.

²⁾ Т. е. 1820 года.—С. Н. М.

³⁾ По другому документу, который приводится нами далѣе, Кушъ-беги называли въ Оренбургѣ „Аталышъ“.—С. Н. М.

набралось штукъ 500. уставилъ предъ своею палаткою вооруженную алѣю, по которой Г. Посланникъ и все офицеры къ нему проходили. принялъ Г-на Негри невставъ съ мѣста, впротчемъ весьма былъ привѣтливъ Трактаментъ намъ былъ поданъ: Кисмышъ, Манна пшеничная большая лепѣшка и по одной головѣ сахара, послѣ сего пиру мы простились. Я поѣхалъ къ Командѣ и началъ вводить оную съ барабаннымъ боемъ. Вы не поверитѣ какое сильное скопище народу было, во все три дни бѣжали бѣжали за нами и толпились такъ что нельзя было проходить. Полицейскіе чиновники разгоняли Людей и ужасными палками били, несмотря ни на званіе ни на лѣта. Съ етакою то церемоніею дошли мы близъ города въ домъ Визирской гдѣ я и теперь съ командою расположенъ, втотже самый день Ханъ прислалъ спросить какія подарки привезли, и на другой день еще нѣсколько разовъ присылалъ и требовалъ чтобы посланникъ съ подарками ехалъ, и послѣ самъ два письма писалъ дабы скорѣе къ нему ехать. Но Г-нъ Негри во все время торговался объ приѣмъ, настаивалъ чтобы Грамоту Государеву непременно Ханъ принялъ изъ его рукъ. Чтобы подарки поднесены Ханъ самъ осмотрѣлъ и чтобы¹⁾ поверенному въ дѣлахъ отъ Великаго Государя дозволено было сидеть но Ханъ никакъ несоглашался на это, (я ни когда не помышлялъ чтобы всемъ несчастномъ уголку могли быть такого роду претензія нацетъ церемоній). Негри отвѣчалъ ему торжественно, что не можетъ явится предъ Хана пока не будутъ все требования удовлетворены. Ханъ какъ и Его народъ низокъ, и къ интересу большое пристрастие имѣвшій, пишетъ еще одно письмо и начинается тѣмъ: Что Вы приехали воевать со мною, или разстроить меня съ Вашимъ Государемъ? но вслѣдъ за симъ грознымъ вопросомъ проситъ и дозволяетъ Г-ну Негри при себѣ сидѣть. Обѣщаетъ прибрать подарки, но Грамоту не иначе какъ чрезъ визиря, по той причинѣ что этимъ обидилъ бы турецкаго Султана потомка Калифовъ, от котораго принималъ Грамоту также чрезъ визиря—въ продолженій сего переговоровъ морили насъ три дни холодомъ и голодомъ, сами ничего не доставляли и Насъ не выпускали изъ Лагерья для закупки продовольствія. Къ щастію что я имѣлъ еще запасу на нѣсколько дней, иначе трудно бы было терпѣть, 21 числа пошли мы въ Городъ—Г-нъ Негри съ подарками а я съ солдатами и казаками. Артиллерія осталась ибо за тѣснотою въ городѣ нельзя провести улицы не болѣе двухъ съ половиною аршинъ а вредкихъ мѣстахъ три, прибыли ко дворцу который также гадко построенъ какъ и всѣ бухарскіе Дома съ палокъ глины, безъ крышекъ окошекъ и пѣчей. въвели Насъ къ Хану, подарки у дверей отняли, Грамоту Визирь при-

¹⁾ Здѣсь одно слово осталось неразобраннымъ нами.—С. Н. М.

нялъ и поднесъ Хану который втуже минуту громко читалъ, послѣ Спрашивалъ объ офицерахъ кто какою должностию занимается, мнѣ велелъ въвести нѣсколько солдатовъ и казаковъ, по вемотря коихъ сказалъ Якши¹⁾ и простился съ нами, Господина Негри отвелъ я на квартиру въ городѣ ему отведенную очень похожую на тюрьму а самъ возвратился въ лагерь въ надеждѣ что уже будетъ свобода въ закупѣ продовольствія, но тщетно льстили себя надеждою, не только не получили свободы но даже и меня и караулу въ городѣ не пропускали на третій день послѣ сего я узналъ отъ одново плѣннаго изъ русскихъ которой находится при Визире что Насъ до тѣхъ поръ не будутъ пускать въ городъ, пока не дадимъ Визирю я тотъ часъ поехалъ къ Негри проскочилъ насильно въ ворота искажалъ чтобы онъ поспѣшнѣе послалъ презенты принадлежащія Визирю, иначе мы не будемъ свободны, что вточности все и исполнилось. всемъ дана свобода и особенно мнѣ и моей командѣ. при Мисси же офицеры подмалымъ присмотромъ не могутъ вездѣ ходить и ѣздить свободно, а Господину Негри только вчерашній день разрѣшено выѣзжать и то недалеко какъ ко мнѣ въ лагерь, Онъ разъ выѣхалъ своевольно изквартиры его предъ дворцомъ остановили и воротили назадъ спотверженіемъ дабы въ городъ не смѣлъ безъ соизволенія Ханскаго выезжать Когда Г-нъ Негри былъ у Визиря для переговоровъ, и Кричатъ объ своей свободѣ, то пригласилъ меня и барона съ собою, и когда началъ говорить Г-нъ Негри о связяхъ въ дружбѣ Государей, о могуществѣ Нашего царя, о принятій посольства, то визирь всемъ случас отвѣчалъ весьма дурно, не сказалъ однакожъ Его именемъ своимъ а Ханскимъ „Что мы слышали якобы отВашего Государя едетъ великой Инераль, и везетъ для Хана драгоценные подарки а мы здѣсь находимъ противное“ но Г. Негри ужасно закричалъ на Визиря сказую „Стыдится Сударь говорить обподаркахъ, они дѣлаются для дружбы ане для обогащенія, и чемъ они маловажныѣ, тѣмъ достойнейе между Царей“ на дняхъ будемъ имѣть Аудиенцію у Хана, которого въ весь народъ нетерпять. Столь неустроеннаго Государства я никогда не видалъ, во всемъ недостатокъ, и ни вчемъ порядку нѣтъ. Я большую претерпѣлъ нужду въ продовольствованій Людей и Лошадей. ничего гуртомъ купить нельзя, а повсемъ базарамъ самыми малыми частичками, съ начала бухарцы за самыхъ простяковъ Насъ почитали, потому что солдаты и казаки бросились покупать всякую всячину не зная ни курсу денегъ ни ценъ, продавцы узнавъ что драли съ оныхъ что хотѣли, и давали здача какъ имъ разсудилось, идолгое время нельзя было совершенно ничего купить, наконецъ обзнакомились и здѣлалось дешче, атеперича еще лучше съ

¹⁾ „Якши“ — хорошо. — С. Н. М.

помогою Назарбая которою ко мнѣ Ханъ по прозвѣ при своей бумагѣ прислалъ. Жеребцовъ поприпорученію Вашему еще некупилъ Да и трудно будетъ купить здѣсь аргамаковъ хорошихъ весьма мало, но я постараюсь доказать что всегда готовъ Ваши приказанія исполнять. Кошекъ двохъ нашель, собакъ борзыхъ еще невидалъ. Давидовое Дерево, гранатовое ишепталовое привезу также. Визирь очень Ласковъ для меня, онъ ко мнѣ присылаетъ своихъ двохъ Любимыхъ Сыновъ, а самъ при каждой встречи со мною называетъ меня по имени иговоритъ „Что ты доброй человекъ когда при хорошемъ Начальникѣ столько летъ служишь“ третьяго дни прислалъ 45 мешковъ ячменя для моей команды исказалъ что въскоре пришлѣтъ еще 55. Я ездилъ благодарить Его и Самаго хана. Негри обидилса послалъ къ Визирю сказать что ежелибы была подобная милость отъ Хана то чтобъ къ нему посылали, онъ ко мнѣ, но ему Визирь велелъ сказать чтобы Г. Негри объ етомъ не беспокоился, ибо что здѣлано для Цюлковскаго, а недля Его“—вчерашній день Визирь прислалъ ко мнѣ своего человекъ дабы къ нему я прислалъ своего плясуна показать Женамъ, онъ ходилъ къ нему и получилъ за работу 2 бухарскихъ червонцовъ.

На обратну путь мнѣ тяжелій будетъ потому Воды большой недостатокъ: Зъ оренбурга шедши я имѣлъ набезводныхъ мѣстахъ много уже порожнихъ верблюдовъ атеперь надобно всей часъ изгороду запахать, иникакъ нельзя меньше ста верблюдовъ пустыхъ имѣть, для одной только Воды, бочки которые мнѣ дали для Воды на лето негодятся потому что тѣкутъ разъ оттого что въ Оренбургѣ когда вставляли дны сосновые мастера торопились издѣлали оные кое какъ, второе что когда нальютъ воды и увязываютъ одинъ на другомъ то Доски въ бочахъ по самой срединѣ такъ тонки что или сломается Доска или краемъ отдавится одругой и все зъ оной Вытечетъ, отъ етого Самаго я походомъ Лишился трехъ боченковъ Спирту, ничего непомогло ни столбики въ коихъ были бочки съ Спиртомъ, ни кошмы въ коихъ обвязаны были веревками, и по симъ причинамъ нужно будетъ отсудова купить мѣшковъ одну тангу и двѣ пули здѣшнихъ денегъ присемъ письмѣ посылаю, червончи же точно такие какъ турецкия Семѣнь¹⁾ Еще никакихъ не нашель, кромѣ бухарскихъ дынь и петлѣжановъ копъ въ молдавій множество было.

Прошлаго года 26 Ноября съ речки Кувану дарій я имѣлъ честь откровенно писать на щеть Г-на Арунгази²⁾ можетъ Вы етимъ недовольны, извинитѣ меня я привыкъ Вамъ всегда правду говорить, и потому все подробно описалъ, Г-нъ Негри верно такъ откровенно не-

¹⁾ Т. е. сѣмянъ.—С. П. М.

²⁾ Киргизскій султанъ, сопровождавшій посольство.—С. П. М.

пишетъ, ибо онъ полагаетъ что Вы его протижируеть: (какъ онъ мнѣ о семъ проговорился.) но я смѣю Вамъ еще жаловатся на его.—Онъ вооружилъ всехъ Киргизовъ чтобы они неповиновались особливо тогда когда бухарцы приехали, и когда онъ уже оставался на рекѣ Куванѣ то втотъ день онъ Намъ остановилъ посредствомъ бухарцовъ съ великими интригами. Киргизцы после Смерти Екаша Хайпова полагали что уже ихъ вся вселенна и что русские должны имъ повиноватся, Арунгази даже самъ мнѣ сказалъ что Вы теперь внашей земле должны то делать что мы делаемъ, и должны меня слушать—одного разу хотѣли и меня Киргизцы убить Собралось ихъ много съ топорами, пикими, ружеми, лопатами, и кто съ чемъ вздумалъ, здѣлался хаосъ въ лагере я закричалъ къ ружью, и петербургские Господа хотѣли непременно чтобы стрѣлять, но я удержался, и велѣлъ жокакамъ унимать ихъ которые вскоромъ времени прозогнали оныхъ, Арунгази Самъ инешелъ вовсе унимать оныхъ а Высылалъ Апій Солтана смотрѣть на все проишествие—послѣ котораго я послалъ Черкасова съ жалобою на Киргизцовъ, онъ отвечалъ что надо извинить они Людѣ Дикіе Степные—наконецъ богдалъ что мы снимъ растались, и тогда тишина спокойствія повиновения откиргизцовъ какъ лучше требовать нельзя было—и отсудова хотятъ охотно съ нами ехать—Ваше Превосходительство здѣлайте Милость и промолчитѣ Арунгази до нашего возвращенія, ато онъ намъ можетъ быть вреднымъ, онъ недели двѣ тому назадъ писалъ ко мнѣ увѣдомлялъ что хивинцы начальникомъ коихъ Манымбай шли къ Арунгази на дороги напали на часть Каравана Троицкаго и въ весь Оренбургской въ томъ числѣ и Екатеринбургскаго Купца Лазарева 50 верблюдовъ съ Чашами и что Орскою Караванъ остановился на Сырѣ дарій ждетъ благополучнаго времѣни, ето все правда: уминя былъ и прикащикъ Лазарева, Арунгази полагалъ что бухарцы будутъ съ Нимъ вмѣстѣ дратся противу Хивинцовъ, но тѣ подлые трусы и недумаютъ. ихъ хивинцы въ округъ режутъ народъ хочегъ вести войну а Ханъ противно, отъ етого то и Арунгази по сию пору Стоитъ въ Красныхъ пѣскахъ. Вотъ все что я могу Вамъ сообщить, атеперь примитѣ мою прозбу забывать моего Семейства, и долгъ истиннаго Высокопочитанія и преданности съ коими на всегда имѣю щастіе быть Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя всепокорнейшій Слуга

Станиславъ Цюлковскій.

Генваря 14-го дня 1821 года.

Лагерь базарчи.

Къ этому письму приложена на отдѣльномъ листкѣ слѣдующая, характерная для автора, приписка.

Вовсе время нашего похода погода весьма благопріятствовала, морозы сносныя. Снѣгу котораго мы Сами желали не было кромѣ одного разу при Колодцахъ Юсь-Кудукъ и тотъ только одни сутки лежалъ послѣ ищезъ. Здѣсь въ бухарій былъ снѣгъ малѣнькой 21 Декабря и въ четыре часа его неосталось—впротчемъ дни весьма хорошия точно какъ у насъ въ Сентебре бываетъ. бухарцы у себѣ не помнуть такой зимы видно всемогущій Богъ Насъ благословить—обратну путь нашу мы намѣренны предпринимать непрежде какъ вповинѣ Апреля. отсудова можна бы и раньше выступить по передния путь насъ будетъ останавливать, и такъ Збожею помощью надѣмся возвратится въ Любезную отчизну въ коньце Майя или недалше 10 июня. Вотъ еще моя покорнейшая прозьба *ежели меня произведутъ въ полковники тоиспробитъ Милость Государя чтобы меня оставить въ Гвардіи и оставить при Васъ и ежели послѣдняго неустпеть, то покрайней мѣре первое,¹⁾* я подамъ тогда въ отставку и буду оставленъ въ памѣть Вашихъ благодѣній съ Мундиромъ Гвардейскимъ.

бухарцы Нашего Курьера воротили но мы узнали и недопустили взять и распѣчатовать нашья конверты, въ рапортѣ моимъ и письмѣ я писалъ что недостача въ деньгахъ будетъ, извинитъ меня я неправду Вамъ написалъ. по примѣрному рашету которой здѣлалъ будетъ достаточно навсе—Мы полагали Выти непрежде 15-го Апреля но ето перемѣнится иверно выступимъ въ послѣднихъ числахъ Марта.²⁾

(Архивъ Оренбургской ученой архивной комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 27 Іюля 1820 года стр. 676—680).

Сообщ. священникъ Николай Модестовъ.

¹⁾ Курсивъ нашъ.—С. Н. М.

²⁾ На этомъ письмѣ капитана Цюлковскаго была положена П. К. Эссеномъ 21 марта 1821 года такая резолюція: „Донести Государю Императору, Начальнику Штаба Его В-ва, Графу Аракчееву, Министерству, и напечатать въ газетамъ.“ (Тамъ же, стр. 576). О самомъ авторѣ этого письма, Станиславѣ Тимоѣевичѣ Цюлковскомъ, мы можемъ сообщить здѣсь слѣдующее: въ данное время онъ состоялъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса въ чинѣ капитана лейбъ-гвардіи измайловскаго полка. Имѣлъ орденъ: Св. Анны 2-ой степени и Св. Владиміра 4-ой степ., съ бантомъ, и серебряную медаль за 1812 годъ. За командованіе конвоемъ при русскомъ посольствѣ въ Бухару былъ представленъ Эссеномъ къ пожалованію „аренды“. (Тамъ же, стр. 947). Впослѣдствіи Цюлковскій дослужился до чина генераль-майора и пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ Перовскаго („Рус. Старина“ 1896 года, Іюль, стр. 530). По ходатайству послѣдняго, Цюлковскій былъ высочайше пожалованъ въ 1839 году землею въ количествѣ 2500 десятинъ, (А. О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 4 Марта 1839 года, стр. I). Послѣ неудачнаго похода Перовскаго въ Хиву (зимой 1839 года) Цюлковскій потерялъ его довѣріе и былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія. Во время этого похода Цюлковскій приобрѣлъ себѣ неслестную славу „живодера.“ („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 91). Цюлковскій несчастно кончилъ свою жизнь: былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ поваромъ за жестокое обращеніе съ нимъ („Ист. Вѣстникъ“ 1899 года, Май, стр. 798), а трупъ его послѣ похоронъ былъ вырытъ крестьянами и подвергнутъ наказанію плетми. („Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 95). Насколько намъ извѣстно, Цюлковскій былъ женатъ на дочери оренбургскаго помѣщика Брашенинникова.—С. Н. М.

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЪДОНОСЦЕВА.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Собраніе писемъ знаменитаго Синодальнаго оберъ-прокурора Константина Петровича Побѣдоносцева, печатаемыхъ въ настоящее время на страницахъ Русскаго Архива, получено отъ протоіерея С. В. Петровскаго, изъ Одессы.

Въ собраніе входитъ переписка съ двумя лицами: 1) переписка К. П. Побѣдоносцева съ преосвященнымъ Никаноромъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ за г.г. 1880—1890, состоящая изъ 147 писемъ и 2) письма оберъ-прокурора преосвященному Иларіону, архіепископу Полтавскому за г.г. 1886—1898, числомъ 109.

Письма первой группы имѣютъ двустороннее историческое значеніе, поскольку проливаютъ новый свѣтъ на административную дѣятельность архіепископа Никанора въ Уфѣ и Одессѣ и представляютъ въ истинномъ, неискаженномъ видѣ его отношенія къ представителямъ государственной власти на востокъ и югъ Россіи; поскольку, съ другой стороны, обрисовываютъ крупную личность Константина Петровича Побѣдоносцева, какъ направителя и руководителя всей внутренней церковной политики.

Письма къ преосвященному Иларіону имѣютъ живой историческій интересъ, такъ какъ въ нихъ совершенно отчетливо и откровенно опредѣляются отношенія оберъ-прокурора къ дѣлу устройства въ Россіи церковно-приходскихъ школъ, въ цѣляхъ распространенія элементарнаго женскаго образованія, выступаютъ его воззрѣнія на штунду, устанавливается участіе оберъ-прокурора Синода въ сложномъ и не короткомъ дѣлѣ сооруженія памятника Полтавской побѣды. Дружественный, даже интимный характеръ этихъ писемъ освѣщаетъ личность К. П. Побѣдоносцева, какъ глубокаго мыслителя и добросердечнаго человѣка, чутко относившагося къ чужому горю и нуждѣ.

Оригиналы всѣхъ писемъ К. П. Побѣдоносцева сохранились среди бумагъ высокопреосвященнаго Никанора, коему были въ свое время написаны. Оригиналы писемъ архіепископа Никанора оберъ-прокурору были лично переданы К. П. Побѣдоносцевымъ нижеподписавшемуся въ Мартѣ 1902 г. при чемъ, вручая ихъ оберъ-прокуроръ замѣтилъ: „Когда придетъ время, вы ихъ напечатаете“. Наконецъ, оригиналы писемъ К. П. Побѣдоносцева преосвященному архіепископу Иларіону были доставлены для ознакомленія и скопированія ключаремъ Полтавскаго кафедральнаго собора, въ силу благосклоннаго содѣйствія высокопреосвященнаго Назарія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

Протоіерей Сергій Петровскій.

Одесса. 25 Марта 1915 года.

1880 г. 6 Декабря.

Ваше высокопревосходительство.

Въ силу отношенія отъ 2 Октября сего 1880 г. имѣю честь при семъ представить мою записку „Объ устройствѣ приходовъ и духовенства“.

Если гдѣ либо въ ней переусердствовано, сказано лишнее, прошу не вмѣнить въ вину. Одинокой мысли безъ удобства съ кѣмъ либо опытнѣйшимъ посовѣтоваться, естественно увлекаться собственнымъ теченіемъ; за то неровность мысли одного удобно можетъ быть уравнена сопоставленіемъ съ мыслями другихъ, болѣе солидныхъ умовъ.

Привѣтствуя ваше высокопревосходительство съ приближающимся праздникомъ Рождества Христова и новымъ годомъ, молю Бога, да управитъ и укрѣпитъ на многіе годы ваше служеніе святой своей церкви, во славу святого своего имени.

Призывая на васъ благословеніе Господне....

Никаноръ, епископъ Уфимскій.

1881 г. Августа 19.

Ваше высокопревосходительство.

На посланіе, которымъ ваше высокопревосходительство изволили почтить меня отъ 17 Іюля сего года, имѣю честь по справкѣ и донесеніи Уфимской д. консисторіи отвѣтствовать.

Относительно неслуженія протоіереемъ собора въ г. Бирскѣ, Іоанномъ Гуменскимъ паннихиды по почившемъ въ Бозѣ благочестивѣйшемъ великомъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ имѣю честь представить при семъ копію и объясненіе, которое по сему дѣлу затребовано было и получено отъ означеннаго протоіерея Гуменскаго. Въ достовѣрности излагаемыхъ въ этомъ объясненіи фактовъ, зная близко положеніе вещей, я со своей стороны не сомнѣваюсь. Тѣмъ не менѣе Уфимскимъ епархіальнымъ начальствомъ по сему предмету назначено формальное дознаніе, по полученіи и разсмотрѣніи котораго, о результатахъ его долгомъ сочту своевременно довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства.

Къ сему не излишнимъ считаю теперь же присовокупить только, что вѣкоторыя недоразумѣнія у священниковъ Уфимской епархіи, живущихъ внѣ губернскаго города, относительно правильнаго исполненія священническихъ обязанностей и по поводу потрясающаго событія 1-го Марта были неизбѣжны. Я въ губернскомъ городѣ руководствовалъ официальными сообщеніями отъ г. г. ревизовавшаго губернію сенатора и губернатора, на основаніи официальныхъ телеграммъ, получивъ, однако же, предостереженіе не вѣрить частнымъ телеграммамъ. А внѣ Уфѣ, въ этомъ слишкомъ важномъ обстоятельствѣ священники обязаны были, среди опаснаго настроенія въ народныхъ массахъ, съ наистрожайшей точностью руководствоваться только предписаніемъ отъ епархіальнаго начальства, которое по поводу первой официальной телеграммы, по соглашенію съ гражданскою властью, коснулось своимъ распоряженіемъ только приведенія къ присягѣ на вѣрноподданническую вѣрность, а затѣмъ всякій ложный шагъ въ этомъ случаѣ со стороны священника могъ подвергнуть его великой отвѣтственности. А самопроизвольные хотя бы и благовидные поступки, помимо начальственнаго предписанія, въ эти тревожные дни, хотя бы то торжественныя поминовенія мученика-Царя, священники не иначе, какъ съ тревожными колебаніями, могли предпринять развѣ только на свой страхъ.

О корыстолюбивыхъ поступкахъ протоіерея Бирскаго собора, Іоанна Гуменскаго никакихъ жалобъ или доносовъ изъ г. Бирска и Бирскаго уѣзда въ Уфимскую дух. консисторію не поступило, равно какъ и въ прежніе годы никакихъ дѣлъ по сему предмету о немъ—Гуменскомъ въ производствѣ этой консисторіи не было.

Ходатайство гражданъ г. Бирска объ устраниеніи прот. Гуменскаго отъ настоятельства въ соборѣ имѣло по Уфимской дух. консисторіи такой ходъ. Бирскій городской голова при отношеніи своемъ отъ 5 Мая с. г. препроводилъ ко мнѣ копію съ журнальнаго постановленія Бирской городской думы, состоявшагося 29 Апрѣля, изъ коего, между прочимъ, видно, что Бирская дума, выслушавъ заявленіе двухъ гласныхъ думы, гг. К-на (бывшаго соборнаго старосты) и Г-ва о неслуженіи якобы въ Бирскомъ соборѣ торжественныхъ панихидъ прот. Гуменскимъ по кончинѣ въ Бозѣ...

Уже эта самая редакція показываетъ, что епархіальное начальство не могло смотрѣть на разсужденіе Бирской думы о нежелательности имѣть настоятелемъ Гуменскаго, какъ на состоявшееся постановленіе думы. Между тѣмъ отношеніемъ отъ 18 Іюня сего года г. Уфимскій губернаторъ убѣждаетъ меня, что такое постановленіе—фактъ.

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что 1) къ этому заявленію, если оно получится вторично, въ установленномъ законѣмъ порядкѣ, я отнесусь съ полнымъ безпристрастіемъ, по духу закона и правды, въ направленіи къ благу и соблюденію чести церкви Божіей и что 2) до сего времени, какъ я, такъ и досточтимые предмѣстники мои, видѣли и отличали въ протоіереѣ Гуменскомъ одного изъ самыхъ способныхъ, исправныхъ, ревностныхъ и дѣятельныхъ, честныхъ и достопочтенныхъ священнослужителей Уфимской епархіи.

Нѣкоторымъ же ущербомъ его достоинствъ и способности къ службѣ я признаю его непреклонную прямоту характера, недостатокъ гибкости, требуемой не только условіями современной жизни, но и вѣковѣчною заповѣдью Христа Спасителя своимъ слугамъ—быть бѣлыми, яко голуби и мудрыми, яко зміи.

Достойно замѣчанія, что два, возникшія по Уфимской дух. консисторіи, въ послѣдніе дни, требованія прихожанъ объ устраненіи священниковъ коснулись честныхъ и исправныхъ, почтенныхъ и заслуженныхъ священнослужителей. Характерные пастыри, не ищущіе у своихъ словесныхъ овецъ; такихъ-то прихожанамъ и не надо.

Призывая на васъ благословеніе Господне....

Н и к а н о р ъ, еп. Уфимскій.

Петербургъ. 7 Января 1882 г.

Пресвященнѣйшій владыко.

Въ числѣ множества доносовъ и жалобъ, ежедневно отовсюду ко мнѣ поступающихъ, поступила вчера безымянная записка изъ Уфы, снятая посредствомъ гектографа. очевидно въ нѣсколькихъ экземплярахъ для разсылки въ разныя мѣста и разнымъ лицамъ. Я знаю, что такая же записка получена вчера и преосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ.

Опытъ уже показалъ мнѣ цѣну многихъ подобныхъ заявленій: если вѣрить имъ и погрузиться въ море сплетень, безразлично въ нихъ помѣщаемыхъ, то пришлось бы всѣхъ безъ исключенія дѣятелей признать черными и преступными людьми. Нѣтъ мѣста, откуда не присылались бы подобныя записки, въ коихъ по повѣркѣ оказывается наибольшая доля клеветы и лжи.

За всѣмъ тѣмъ и имѣя въ виду, что означенная записка при-слана не ко мнѣ одному и рассчитана, очевидно, на впечатлѣніе, кото-рое можетъ произвести на многихъ, я призналъ за лучшее препрово-дить ее въ подлинникѣ къ Вашему Преосвященству. Можетъ быть и Вы признаете за благо сообщить мнѣ нѣкоторыя по ней разъясненія, которыя я могъ бы при случаѣ передать и другимъ лицамъ, если до меня дойдетъ извѣстіе о полученіи ими той же записки. Я уже отмѣ-тилъ на поляхъ ея нѣкоторыя для меня несообразности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего преосвященства покорный слуга К. Побѣдоносцевъ.

Уфа. 19 Февраля, 1882 г.

Ваше высокопревосходительство.

По высоко-благосклонному посланію вашего высокопревосходи-тельства отъ 7 Января сего 1882 г., съ препровожденіемъ ко мнѣ безымянной записки изъ Уфы, имѣю честь при семъ представить первую тетрадь моего отвѣта: *„О шельфовости епископа Уфимскаго Никанора, издѣвательствъ надъ духовенствомъ, о фразныхъ его ревизіяхъ при обзорѣ епархіи“* и т. п.

Прошу прикрыть великодушною благоснисходительностью это отступленіе отъ принятаго порядка, эту мою смѣлость представить мой отвѣтъ по частямъ. Этотъ отвѣтственный взглядъ назадъ на мою 5-и лѣтнюю дѣятельность, въ званіи уфимскаго епархіальнаго архіерея, требуютъ съ моей стороны осмотрительности, изученія, справокъ съ официальными дѣлами. Затѣмъ слѣдуютъ составленіе отвѣта и двукрат-ная его переписка. А между тѣмъ въ начальственныхъ сферахъ тяго-тѣютъ надъ моимъ именемъ нареканія, какія только можно извергнуть незащѣпчивой, безотвѣтственной, спрятавшейся за уголь, злобѣ осо-бенно разнузданной въ наши тревожные дни... Отвѣты по другимъ нареканіямъ мой собственный, личный интересъ заставить представить въ возможной скорости.

При семъ долгомъ считаю изъясниться, что озабочиваясь сколько секрета соблюденіемъ до времени, столько жъ и возможной, согласной съ дѣйствительностью, точности, въ этомъ моемъ самозащитеніи, я даю внимательно прочитывать его двумъ членамъ и секретарю Уфимской д. консисторіи; а переписываетъ его испр. долж. секретаря моей канцеляріи, надворный совѣтникъ В. Щиголевъ.

Затѣмъ прошу ваше высокопревосходительство принять отъ меня выраженіе моего глубочайшаго къ вамъ уваженія за ваше благородство, моей глубочайшей признательности и отнынѣ душевной о Господѣ молитвенной преданности.

Вашего высокопревосходительства....

покорнѣйшій слуга, Никаноръ, епископъ Уфимскій.

Петербургъ. 8 Марта 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыка.

Усерднѣе благодарю Васъ за писаніе, сожалѣя при томъ, что посреди множества текущихъ дѣлъ и заботъ вашихъ, сталъ я для васъ—невольною, правда—причиною новаго обременительнаго труда. Все, что прочелъ я у васъ, крайне любопытно и поучительно. Прошу васъ однако не смущаться и не заботиться чрезчуръ о всѣхъ подробностяхъ безымянной записки. Я уже писалъ вамъ, что привыкнуть къ подобнымъ заявленіямъ, и знаю имъ цѣну и могу нерѣдко распознавать „ex ungue leonem“. Но помимо моей воли подобныя записки попадаютъ иногда въ другія руки, и въ такомъ случаѣ въ—интересахъ восстановленія истины—я вынужденъ бываю сообщать ихъ тому, противъ кого онѣ писаны. Дѣлаю это не безъ смущенія, ибо знаю, что неловко придавать значеніе безымянному доносу; но въ иныхъ случаяхъ,—когда онъ не ко мнѣ одному адресованъ, скрывать его, значить оставить въ умѣ у другихъ неразъясненнымъ дурное впечатлѣніе,—что всего хуже. Будьте увѣрены, что вы въ числѣ многихъ, подвергающихся нареканіямъ изъ-за дѣла. Вотъ недавно подобному же нареканію подвергся преосвященный Филаретъ Рижскій, и я зналъ, что нареканіе это внушено злобою; боюсь, что онъ слишкомъ горячо принялъ его къ сердцу, и что это впечатлѣніе подѣйствовало на его здоровье. Мы потеряли въ немъ горячаго и ревностнаго дѣятеля!

На первое ваше объясненіе „о гнѣвливости и о грозности епископа“ скажу: одно есть гнѣвъ, другое есть негодованіе, коего ни одна душа, ревнующая о домѣ Божіемъ, удержать въ себѣ не можетъ. Духовенство наше, къ несчастію, крѣпко распустилось, и нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, потребна грозная епископская власть. Эту я, съ своей стороны, всѣми силами стараюсь поддерживать. Въ Свят.

Синодъ нынѣ уже не дается поблажки кляузнымъ жалобамъ, коихъ развелось уже очень много.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью....

покорный слуга К. Побѣдоносцевъ.

16 Марта, 1882 г.

Ваше высокопревосходительство.

Съ сердечнымъ сочувствіемъ приношу вашему высокопревосходительству поздравленіе съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Примите отъ меня вмѣсто краснаго яйца, святаго символа нашей свѣтлой христіанской надежды, подноsimую при семь св. икону Пречистыя Владычицы Богородицы, точную копию съ особо чтимыя въ здѣшнемъ краѣ святыни, Табынскія иконы, въ знакъ моей молитвенной памяти и глубокаго вамъ и дому вашему признательнаго доброжелательства.

Достолюбезное посланіе ваше отъ 1 Марта сего 1882 г., въ которомъ звучитъ струна челоувѣчности, я имѣлъ сердечное удовольствіе получить. Глубоко жаль преосвященнаго епископа Филарета. Проживъ весь свой вѣкъ въ высоко-образованной и сравнительно высоко-благородной академической средѣ, онъ не привыкъ къ горю и оскорбленіямъ мерзостнаго качества.. Я говорю: лучше бы уже стрѣляли въ насъ, тогда мы знали бы, что честно умираемъ на своемъ исключительномъ посту; а то кидаютъ комки грязи изъ-за угла, не разбирая, что, быть можетъ, эти комки попадутъ и въ нашу могилу. Не только грустно, но и обидно. Я съ своимъ горемъ справился, потому что давно уже привыкъ къ бѣдамъ, къ злословію, къ злоумышленіямъ на наше печальное благосостояніе, потому что давно приготовилъ душу во искушеніе, твердя самому себѣ много лѣтъ, что Богъ помилуетъ, авось либо дальше монастыря не попаду. А монастыря монахъ, какъ мірянинъ тюрьмы и сумы, чуждаться не долженъ, зная что монастырь и колыбель и неизбѣжная могила на шею чернаго чина... черная по виду, по духу покаянія и ангельскаго назначенія.

Призывая на васъ и на домъ вашъ благословеніе Господне и освѣненіе небесной радостью въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, свидѣтельствую вамъ мое глубочайшее уваженіе....

Н и к а н о р ъ, епископъ Уфимскій.

Петербургъ. 21 Марта 1882 г.

Пресвященнѣйшій владыко.

Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить ваше пресвященство къ ордену Св. Владимира 2-ой степени.

Препровождая знаки сего ордена при копіи съ Высочайшей грамоты на имя ваше, долгомъ считаю увѣдомить, что подлинная грамота будетъ доставлена къ вамъ по контрастигнованіи и приложеніи къ ней орденской печати.

Вмѣняя себѣ въ пріятный долгъ привѣтствовать васъ, милостивый государь и архипастырь, съ симъ новымъ знакомъ Монаршаго вниманія къ заслугамъ вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть....

покорнѣйшимъ слугою. К. Побѣдоносцевъ.

Уфа. Марта, 1882 г.

Ваше высокопревосходительство.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что увѣдомленіе ваше отъ 21 Марта сего 1882 г. о Высочайшей милости сопричисленія меня къ ордену Св. Владимира 2-ой степени, какъ и знаки сего ордена мною получены.

За это глубокое утѣшеніе въ печали нашихъ дней, за утѣшительное ободреніе въ трудахъ, какъ и за привѣтствіе, которымъ ваше высокопревосходительство изволили почтить меня, долгомъ считаю выразить вамъ, милостивый государь, мою глубочайшую признательность.

Молю Господа, да осѣняетъ васъ милость Его во всѣ дни живота вашего, нынѣ и всегда.

Свидѣтельствуя вашему высокопревосходительству свое глубочайшее уваженіе, съ сердечною преданностію, имѣю честь быть.....

Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Петербургъ. 5 Апрѣля 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыка.

Сердечно благодарю Васъ за полученный отъ Васъ въ благословеніе даръ Св. Икону Богоматери Табынскую и прошу не оставить меня своею молитвою.

Радуюсь Высочайшему вниманію къ Вашей дѣятельности, и особливо драгоцѣнную для Васъ въ настоящую минуту. Не смущайтесь множествомъ навѣтовъ, никто отъ сего не избавленъ, особливо въ нынѣшнее смутное время. Я съ своей стороны, съ большимъ любопытствомъ читалъ обстоятельныя записки, вами присланныя, желая вамъ добраго успѣха.

Надѣюсь, что съ назначеніемъ въ Уфу И. П. Щепкина, Вы приобрѣтете себѣ опору.

Съ совершеннымъ почтеніемъ... К. Побѣдоносцевъ.

21 мая, 1882 г. Уфа.

Ваше высокопревосходительство.

Почтительно прошу принять въ благоснисходительное вниманіе сію послѣднюю (четвертую) тетрадь моей самозащиты противъ извѣстнаго анонима. Она была написана мною до Пасхи, но переписана только теперь вслѣдствіе того, что состоявшій при мнѣ въ должности секретаря подвергся недугу.

Не сталъ бы я беспокоить ваше высокопревосходительство личнымъ моимъ интересомъ послѣ того, какъ благосклонности вашей Высочайшая монаршая милость освѣтила для меня особой личной радостью свѣтлый день Христовой Пасхи, если бы сія послѣдняя тетрадь не касалась общаго церковнаго и весьма важнаго предмета, который заслуживаетъ высокаго вниманія, — особенно же вопроса о причинахъ начавшагося во всемъ нашемъ краѣ (въ Уфимской, Казанской и Вятской епархіяхъ) повальнаго совращенія крещеныхъ инородцевъ въ мусульманство. Думаю, что я въ этой послѣдней моей тетради самозащиты фотографически освѣтилъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ положеніе здѣшняго крещеннаго инородчества. А отъ частныхъ не трудно сдѣлать общее наведеніе.

Даже въ сей день, послѣ разностороннихъ, самыхъ конфиденціаль-ныхъ сообщеній, я все же убѣжденъ, что этотъ анонимъ составленъ ни большинствомъ, ни меньшинствомъ, а развѣ ничтожною по числу частью (двумя-тремя личностями) духовенства, главнымъ же образомъ Бирскими интриганами, номинально купцами, на дѣлѣ неимущими, промотавшимися бѣдняками, которые внушаются однимъ вліятельнымъ интриганомъ (я никогда его въ глаза не видалъ), а руководствуются ярыми бумагомарателями изъ писарей, адвокатовъ и политическихъ поднадзорныхъ лицъ.

Что подобныя лица въ интригѣ не задумываются надъ средствами, преслѣдуютъ людей безъ всякаго личнаго съ ними столкновенія,— потому что я не имѣлъ съ ними никакого дѣла, а вытерпѣлъ отъ нихъ безпрерывный рядъ оскорбленій изъ принципа,—разительнымъ этому доказательствомъ служить сообщенная изъ ихъ же лагеря клевета о томъ, будто я взялъ „заимообразно“ у протоіерея Гуменскаго 2 тыс. рублей. Года 3—4 назадъ они написали въ присланномъ мнѣ пасквилѣ, что я взялъ у Гуменскаго 300 руб. Теперь же въ первый разъ слышу и вижу въ печати, въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ, что я взялъ 2000 рублей.

По архіерейской чести свидѣтельствуюсь, что ни у кого, кромѣ своего келейника Артемія, которому я долженъ постоянно до мѣсячной расплаты, никогда не бралъ я, какъ никому и не давалъ денегъ заимообразно. Давалъ и отдаю и отъ избытка, и отъ скудости всегда безвозвратно. Капиталовъ не собиралъ и таковыхъ у меня не имѣется; въ прошломъ году только переслалъ единственному родному брату 300 руб. на случай смерти моей и 300 рублей положилъ въ три церкви, въ Крестовую, въ мужской монастырь и въ кафедральный соборъ, на поминъ души моей и моихъ родныхъ. А теперь 225 руб. выслалъ послѣдніе отъ прошлогодняго запаса на благотворенія по случаю полученія Высочайшей награды. А съ протоіерея Гуменскаго никакихъ денегъ не заимообразно, ни въ видѣ подарка, ни для себя, ни въ пользу Уфимскаго архіерейскаго дома никогда не бралъ и не просилъ, и не думалъ объ этомъ. И для этой клеветы не знаю, даже послѣ развѣдываній, никакого основанія.

Двукратное полученіе мною отъ сверстника по академическому воспитанію редактора Церковно-Общественнаго Вѣстника, предъ лицомъ всей Россіи, тяжкаго оскорбленія предоставляю милосердому Богу и вразумленію Божиему, не желая ни дать обидчику отвѣта, ни судиться

съ нимъ предъ внѣшними, слѣдуя заповѣди Христа Спасителя и апостола Христова Павла.

Засимъ, свидѣтельствуя вашему высокопревосходительству глубочайшее уваженіе, глубочайшую признательность.... имѣю честь пребыть навсегда....

Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Уфа. (Не датировано).

Ваше высокопревосходительство.

Благовниманію высшей власти беру смѣлость представить прилагаемые при семь листки, адреса обще-епархіального съѣзда Уфимскаго духовенства.

Въ другихъ обстоятельствахъ не только представленіе по начальству, но и обнародованіе въ печати сего документа я самъ счелъ бы безтактною нескромностью. Но въ моихъ обстоятельствахъ, когда меня поносятъ, и въ печати, и письменно—въ официальныхъ и частныхъ писаніяхъ, въ именныхъ и неименныхъ пасквиляхъ,—въ моихъ обстоятельствахъ это только скромный актъ сильной самозащиты стороннимъ компетентнымъ свидѣтельствомъ, не только разрѣшаемый, но даже вмѣняемый въ обязанность пастырямъ Церкви примѣрами Христа Спасителя и св. Апост. Павла (Іоан. 18, 23; I Корин. 9, 15).

Къ сему по архіерейской совѣсти присовокупляю, что ни въ побужденіи, ни въ составленіи сего адреса, ни прямо, ни косвенно, ни посредственно, ни непосредственно я не принималъ никакого участія. Въ другихъ обстоятельствахъ я, быть можетъ, даже помѣшалъ бы его предьявленію; но въ моихъ настоящихъ обстоятельствахъ уклонился отъ этого вмѣшательства.

Призывая на васъ благословеніе Господне....

Никаноръ, епископъ Уфимскій.

Петербургъ, 5 Іюня. 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Присланный на васъ пасквиль имѣлъ тѣ добрыя послѣдствія, что вызвалъ ваши любопытныя и поистинѣ поучительныя объясненія.

Сейчасъ читаю вашу послѣднюю записку съ живѣйшимъ интересомъ. Спѣшу сообщить къ вашему свѣдѣнію слѣдующее.

Не стѣсняйтесь открывать больше приходовъ. Всѣ ваши по сему предмету представленія будутъ удовлетворены. Приходится покуда вести это дѣло по частямъ. Несчастное положеніе 1869 года посѣяло драконовы зубы на нашемъ полѣ. Оно пустило корни не на высотахъ, а въ болотныхъ мѣстахъ нашей церкви. Тѣмъ не менѣе сразу невозможно было отмѣнить его. Надѣюсь, что приступятъ къ этому вскорѣ, дабы всѣ архіереи видѣли ясно, чего слѣдуетъ держаться.

Одна изъ фальшивыхъ задачъ его была требованіе повсюду ученыхъ священниковъ, кончившихъ семинарскій курсъ. Она совсѣмъ не по плечу условіямъ сельской жизни во многихъ мѣстностяхъ. Безъ священниковъ, не кончившихъ курса, намъ невозможно обойтись: иначе мы не выдержимъ состязаніе хоть бы съ расколомъ, который одолеваетъ насъ крайнею—правда грубою—простою ставленическаго дѣла и ограниченностью требованій. Разумѣется, дѣло архіерея—не безъ ума ставить и разбирать человѣка. Но безъ пониженія требованій школьныхъ мы не можемъ обойтись, особливо когда подумаешь, что новая школа развиваетъ у насъ непонятныя претензіи и не мало искусственныхъ и фальшивыхъ потребностей.

Что вы пишете объ отношеніяхъ администраціи гражданской къ иновѣрческому вопросу, совершенно справедливо. Слово правое, но нынче кто можетъ его послушать? Здороваго смысла не много осталось. Желалъ бы я, чтобы новый вашъ губернаторъ И. П. Щепкинъ вошелъ въ смыслъ вашего слова.

Душевно уважающій и преданный К. Повѣдоносцевъ.

Вы писали мнѣ по дѣлу Гуменскаго и Адамантова, прислали печатную брошюру и просили о справедливости. Съ тѣхъ поръ я справляюсь о дѣлѣ въ Синодѣ, а мнѣ все отвѣчаютъ, что не получено еще отъ васъ объясненій.

Уфа. Іюнь, 1882 г.

Ваше высокопревосходительство.

Съ глубокой признательностью имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что при отношеніи отъ 22 Апрѣля сего 1882 г. Высочайшую грамоту на сопричисленіе меня къ ордену

св. Владимира 2-ой степени я имѣлъ счастье получить и 225 руб. на богоугодныя дѣла въ капитулъ російскихъ, Императорскихъ и царскихъ орденовъ мною отъ нынѣшняго числа чрезъ государственный банкъ переведены.

Призывая на васъ, милостивый Государь, благословеніе Господне... имѣю честь быть... Никаноръ, епископъ Уфимскій и Мензелинскій.

Петербургъ. 21 Іюня. 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Нелишнимъ почитаю сообщить Вамъ для прочтенія имѣющуюся у меня записку, присланную мнѣ изъ Уфимской губерніи. Написана она умѣреннымъ тономъ и содержитъ въ себѣ, на мой взглядъ, дѣльныя замѣчанія¹⁾.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К. Повѣдоносцевъ.

Уфа. 23 Авг. 1882 г.

Ваше высокопревосходительство.

Въ №№ 191 и 192 газеты „Востокъ“ за сей годъ усматриваю, что ревнители римскаго католичества въ юго-западной Европѣ снова сдѣлали попытку призвать православныхъ славянъ къ обращенію въ латинство, и одинъ изъ австрійскихъ славянъ составилъ „Антиэнциклику.“ которую пустилъ въ ходъ и въ Россіи, при чемъ изумляется равнодушію и молчанію русскихъ православныхъ. При чемъ изъ дѣлаемаго имъ перечня „новѣйшихъ сочиненій“, написанныхъ въ наше время въ Россіи „въ опроверженіе римско-католическихъ притязаній“, оказывается, что о моемъ сочиненіи „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ Церкви“ и онъ не имѣетъ никакого понятія.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы представить этотъ трудъ мой, за который я, хоть и поздно, удостоенъ степени доктора богословія, благовниманію вашего высокопревосходительства, какъ и позднѣйшій трудъ мой „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“.

О первомъ позволяю себѣ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что онъ имѣетъ прямую связь съ энцикликами изъ

¹⁾ Имѣется въ виду письмо К. П. Повѣдоносцеву Н. В. Эннатскаго.

Рима. Именно, въ 1848 г. папа Пій ІХ обратился къ христіанамъ православнаго востока съ своею энцикликою. Святѣйшіе восточные патріархи отвѣчали ему отъ себя особымъ посланіемъ, которое переведено на русскій языкъ въ С.-Петербургской дух. академіи, въ 1849 г., какъ помнится (я самъ участвовалъ въ переводѣ), и напечатано тогда при „Христіанскомъ Чтеніи“. Святѣйшій синодъ, не довольствуясь этимъ, чрезъ почившаго въ Бозѣ, С.-Петербургскаго митрополита Никанора приглашалъ въ то время ректора петербургской дух. академіи, епископа Винницкаго Макарія, нынѣ въ Бозѣ почившаго митрополита Московскаго, написать ученый отвѣтъ на энциклику Пія ІХ. Поглощенный тогда капитальнымъ трудомъ составленія своего православнаго богословія, преосвященный епископъ Макарій, съ вѣднія и благословенія преосвященнаго митрополита Никанора, поручилъ мнѣ, тогда бакалавру полемическаго богословія при петербургской дух. академіи, заняться разсмотрѣніемъ вопроса именно о папскомъ главенствѣ. Результатомъ этого, лестнаго для меня порученія, былъ мой трудъ „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ“.....

По окончаніи этотъ трудъ былъ разсмотрѣнъ въ высшей степени заботливо великимъ знатокомъ дѣла и специалистомъ, въ Бозѣ почившимъ Константиномъ С—чемъ Сербиновичемъ, затѣмъ великимъ же специалистомъ дѣла, въ Бозѣ почившимъ, митрополитомъ Литовскимъ, Іосифомъ Сѣмашко, который далъ о немъ отличный отзывъ. Самые лестные отзывы дали о немъ и другіе, замѣчательные ученостью, люди, — Иннокентій Херсонскій, Андрей Николаевичъ Муравьевъ; вице-президентъ академіи наукъ, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ хотѣлъ рекомендовать его вниманію академіи наукъ. Мнѣ извѣстно, что этотъ трудъ сталъ нѣсколько извѣстенъ и въ Западной Европѣ: его увезъ въ Римъ кардиналъ Киджи. Вѣнскій протоіерей Раевскій бралъ его въ Австрію довольно экземпляровъ. Его цѣнили и употребляли во Франціи протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ и аббатъ, впоследствии православный священникъ, Гетти и т. д.

Но затѣмъ автора этого труда безъ нужды послали въ Ригу, въ Саратовъ и т. д., размѣняли его на мелочь. Перемѣнились лица и обстоятельства; настали новыя вѣянья и общественные интересы, — и этотъ трудъ, признанный солиднымъ, былъ забытъ надолго, пока уже въ 1868—1869 г., по инициативѣ знаменитаго архіепископа Макарія, не вспомнилъ его благоснѣйшій, почившій въ Бозѣ святитель Казанскій, Антоній также специалистъ, докторъ богословія. По его представленію, по приговору конференціи Казанской дух. академіи, по благосклоннымъ отзывамъ двухъ старѣйшихъ докторовъ богословія,

протоіерея Василія Борисовича Бажанова и протоіерея Михаила Измаиловича Богословскаго, смиренный авторъ этого забытаго труда. 15 лѣтъ спустя по его изданіи, удостоенъ чести стать докторомъ же богословія, послѣднимъ по старинному, весьма строгому порядку удостоенія.

Второго, дополненаго изданія этого моего труда у меня осталось безъ движенія немало экземпляровъ. Я могъ бы пожертвовать ихъ довольное количество даже даромъ, если бы ихъ потребовали за границу, въ Австрію, для славянскихъ нашихъ братьевъ.

Прошу продолженія вашей высокой благосклонности къ моему недостоинству.

Призывая на васъ и на домъ вашъ благословеніе Господне. съ чувствомъ глубочайшаго уваженія.....

Н и к а н о р ъ, епископъ Уфимскій.

Петербургъ. 4 Декабря, 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

На полученное отъ васъ еще осенью письмо я до сихъ поръ еще не отвѣтилъ. Прошу васъ приписать это не моему равнодушію, а крайнему моему недосугу и безусловной возможности, посреди безчисленныхъ заботъ, забывать вечеромъ о томъ, что предпринялъ исполнить утромъ.

Поспѣшаю сказать лишь вкратцѣ, искреннюю благодарность за предложеніе давно извѣстной книги вашей о главенствѣ папы. Мы съ благодарностью разошлемъ ее по семинаріямъ, гдѣ она несомнѣнно принесетъ пользу. Желательно было бы, чтобы и многіе—кому вѣдать надлежитъ—ближе съ нею ознакомились. Но не надѣюсь, чтобы книга эта и по объему своему, и по изложенію, наукъ свойственному, имѣла ходъ въ народѣ: народу доступны лишь небольшія книжки въ популярномъ изложеніи. И книги меньшаго размѣра, какъ „Антиэнциклика“ Платонова, народу не доступны. Несомнѣнно однако, что книга вашего преосвященства будетъ читаема между священниками юго-западнаго края, имѣющими интересъ къ предмету.

Со совершеннымъ почтеніемъ и преданностью.....

К. П о в ѣ д о н о с ц е в ъ.

Петербургъ. 28 Декабря, 1882 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ принести вашему преосвященству искреннюю мою благодарность за благожелательное поздравленіе ваше съ праздникомъ Рождества Христова и новымъ годомъ и взаимно привѣтствовать васъ, милостивый государь и архипастырь съ симъ великимъ торжествомъ св. Церкви и наступающимъ новолѣтіемъ.

Обновившій міръ рождествомъ своимъ да даруетъ Вамъ въ семь новомъ лѣтѣ Своя благиости обновленіе и укрѣпленіе силъ вашихъ на многія лѣта къ совершенію многотрудныхъ подвиговъ архипастырскаго служенія вашего св. Его Церкви.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью....

К. Побѣдоносцевъ.

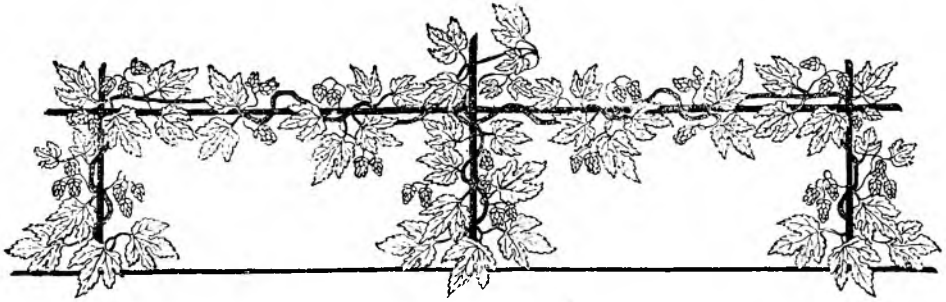
Петербургъ. 28 Апрѣля, 1883 г.

Преосвященнѣйшій владыко.

Получивъ телеграмму вашего Преосвященства отъ 18 текущаго Апрѣля съ поздравленіемъ меня по случаю празднества Свѣтлаго Христова Воскресенія и удостоенія меня высокой Монаршей милости, пріятнымъ долгомъ поставляю принести Вамъ искреннюю мою благодарность за ваше привѣтствіе и выраженные по сему случаю благожеланія.

Поручая себя.... К. Побѣдоносцевъ.

НѢМЕЦКОЕ ЗАСЕЛЕНІЕ

Поволжскіе колонисты.

I.

До царствованія императрицы Екатерины II заселеніе русскихъ окраинъ подвигалось довольно туго. Совсѣмъ безлюдными стояли громадныя пространства не только въ отдаленныхъ областяхъ Сибири и Кавказа, но даже въ ближайшихъ къ центру губерніяхъ Астраханской, Бѣлогородской и Оренбургской было много мѣстностей, лежащихъ „впустѣ“. Какъ видно изъ составленнаго сенатомъ перечня¹⁾, несмотря на переселеніе въ 1760 г. изъ провинціи Архангелогородской, Устюжской и Вятской до двухъ тыс. семей государственныхъ крестьянъ въ Сибирь и тысячи „россійскихъ подданныхъ“ на устьѣ р. большого Иргиза,—оставались незаселенными еще нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ „плодоносныхъ“ земель съ лѣсами, рѣками и рыбными ловлями близъ г. Тобольска, на Барабинской степи, и въ вѣдомствѣ Усть-Каменогородской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и Иртышу съ ихъ притоками. Кромѣ того, показывались пустовавшія мѣстности: въ Валуйскомъ уѣздѣ, Бѣлогородской губерніи, по рѣчкамъ Журавкѣ, Деркулу, Биткѣ и Осколу для поселенія „нѣсколько сотъ дворовъ“, въ губер. Оренбургской, по р. Сакмарѣ, въ 40 вер. отъ Оренбурга, да внизъ рѣки Самары до р. Кинели и ниже г. Самары по Волгѣ до устья рѣч. Иргиза—на нѣсколько тысячъ семей: и наконецъ въ Астраханской: отъ Саратова вверхъ по Волгѣ же урочище Раздоры, „гдѣ р. Караманъ раздѣляетъ свое теченіе на-двое“, у р.

¹⁾ Присланнаго въ Астрахан. губерн. канцелярію при указѣ 14 Декабря 1762 г. и озаглавленнаго: „Реэстръ определеннымъ къ поселенію выходящимъ изъ-за границы Россійскимъ раскольникамъ порожнимъ мѣстамъ“.

Теляузикѣ „при довольной пахотной землѣ“, сѣнокоса 5475 дес. А дровянымъ и годнымъ къ строенію лѣсомъ на 4467 десятинахъ; при урочищѣ Зауморской Рвойкѣ сѣнокоса 810, лѣса 1131 дес., на рѣч. Титанѣ перваго 469, втораго 496 дес., при рѣчкахъ: Вертубани сѣнокоса 2979 и годнаго къ строенію лѣса 3627 дес., бол. Иргизѣ 5418 д. сѣн., 2575 д. лѣс., Санзалѣ 1789 и 1711 дес., Березовкѣ 1325 д. с. и 1606 д. л., и Мал. Иргизѣ сѣнокоса 731, лѣса 712 дес. Отъ Саратова внизъ по Волгѣ, ниже рѣчки Мухарь-Тарлика, при довольной же пахотной землѣ, имѣлось сѣнокосныхъ мѣстъ 6366 дес. и лѣса дровяного и къ строенію годнаго 943 дес.; подлѣ рѣч. Безымянной 962 и 609 дес., на рѣч. „Меньшему“ Тарлику сѣн. 3509, лѣс. 840 д., у бол. Тарлика 4122 и 2118 дес.; между послѣднимъ и р. Каменнымъ буеракамъ сѣнокосовъ 3433, лѣсовъ 1828 дес.; при той же рѣчкѣ перваго 1751 и втораго 2254 дес., по Еруслану 1724 и 523 д., при устьѣ Нижняго Еруслана 1770 и 1104 дес. и на р. Яблонномъ буеракѣ сѣн. и лѣса 4003 дес. А всего по вѣдомости опредѣлялось въ Астрахан. губ. „способныхъ и удобныхъ къ поселенію“ мѣстъ болѣе 70 тыс. десят.

Сначала Манифестомъ 19 Іюля 1762 года предложено было возвратиться въ „свое отечество“ укрывавшимся въ королевствѣ Польскомъ и княжествѣ Литовскомъ подданнымъ нашимъ, особливо изъ крестьянства, съ освобожденіемъ ихъ отъ наказанія за учиненные побѣги. Когда же „многіе иностранные, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные били челомъ, чтобъ мы имъ позволили въ Имперіи нашей поселиться“, то слѣдующемъ манифестомъ 4 Декабря того же года было объявлено: „не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ Нашею Императорскою милостію на поселеніе въ Россію приедемъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться соизволяемъ“¹⁾.

Вслѣдствіе этого и послѣдовавшаго 14 Декабря сенатскаго указа, намѣчавшаго пустопорожнія земли, которыя желало заселить Правительство, въ слѣдующемъ году первыми прибыли въ Россію изъ Польши бѣжавшіе туда раскольникы. Они облюбовали самыя лучшія и укромныя урочища Нижняго Поволожья, на лѣвой сторонѣ Волги, по берегамъ рѣчки большого Иргиза, гдѣ на протяженіи болѣе 60 верстъ, устроили четыре поселенія; вверхъ по Иргизу, на островѣ омываемомъ озеромъ

¹⁾ Кромѣ манифеста 4 Декабря, то же подтверждалось еще манифестами 13 Мая и 22 Іюля 1763 г.

Калачь, съ дозволенія саратовской воеводской канцеляріи основаль скитъ нѣкто Исакій, именовавшій себя священникомъ, „съ братією“ изъ 25 иноковъ; въ двухъ верстахъ отъ него, на берегу того же озера, съ разрѣшенія управляющаго дворцовыми крестьянами, водворились, подь началомъ инокины Маргариты, монашествующія сестры, разбросанныя по округности отдѣльными келіями; на 15 версть ниже по Иргизу, около слободы удѣльнаго вѣдомства Мечетной, поселился іеромонахъ Пахомій съ 17 товарищами; еще ниже въ трехъ верстахъ выстроили свои кельи старица Анфиса съ сестрами и, наконецъ, въ 45 вер. отъ послѣднихъ, на самомъ устьѣ Иргиза, близъ слоб. Криволучье¹⁾, завелъ свой скитъ старецъ Авраамій.

Первое время новые поселенцы пользовались землями и угодьями „общее“ съ указанными слободами, будучи уволены на 6 лѣтъ отъ всякихъ повинностей, и только въ 1797 году, когда количество скитскихъ иноковъ возросло до 165 человекъ, высочайшимъ указомъ 31 Августа, ихъ освободили навсегда отъ повинности рекрутской съ надѣленіемъ до 11 т. десятинъ хорошо сбереженнаго лѣса по двумъ рѣкамъ съ богатыми рыбой озерами.

Оставалось свободнымъ еще громадное пространство плодородныхъ со всякими угодьями земель по обѣимъ странамъ Волги отъ Иргизскаго устья до Сарпинскаго острова, растянувшагося на протяженіи 12 верствъ ниже Царицына. Должно быть, охотниковъ изъ русскихъ крестьянъ заселить эти благодатныя мѣста не нашлось въ то время, что правительство не только бесплатно пожертвовало ихъ выходцамъ изъ различныхъ европейскихъ странъ, но даже снабдило послѣднихъ деньгами, лошадьми, сѣменами и прочимъ инвентаремъ для необходимаго устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Первое время на мѣстахъ управляли колонистами комиссары, но въ 1766 году открыли въ Петровскѣ и Саратовѣ отдѣльныя конторы „межевыхъ дѣлъ къ поселенію иностранныхъ“, изъ коихъ при каждой, очевидно, на случай провозанія поселенцевъ въ область водвореній, находились особыя отряды изъ 70 казаковъ волжскаго войска, во главѣ съ походными атаманами и прочей „старшиною“. Кроме того, еще 40 человекъ тѣхъ же казаковъ наряжалось въ Саратовъ „для охраненія поселявшихся иностранцевъ отъ разбойническихъ нападений“²⁾. Такъ оберегало покой иностранцевъ наше правительство!

¹⁾ Обѣ эти слободы, повидимому, основались послѣ сенат. указа въ 1760 году изъ тысячи переселившихся туда семей удѣльныхъ крестьянъ.

²⁾ Изъ мѣсячнаго „рапорта“ войсков. атамана Макара Персидскаго астраханскому губернатору 6 Марта 1767 года.

Помимо добровольно приходившихъ поселенцевъ, желавшихъ обезпечить свое незавидное положеніе въ благодатной Россіи, большая половина колонистовъ была завербована безъ всякаго разбора нарочито посланными за границу комиссарами, которые, обѣщаніемъ разныхъ вольностей и преимуществъ, привлекли множество людей ни къ чему негодныхъ, представлявшихъ собой обнищавшій и нравственно-распутный сбродъ. Тутъ были офицеры, художники, студенты, ремесленники, купцы и даже бѣжавшіе отъ наказанія преступники.

Въ зависимости отъ способа ихъ вербовки, колонисты дѣлились на двѣ основныя группы: такъ называемыхъ „коронныхъ“, которые были приглашены правительственными агентами, и „вызывательскихъ“, кои устраивались сами, подъ руководствомъ ими же избранныхъ посредниковъ.

Въ теченіе какихъ нибудь 4—5 лѣтъ они переполнили нижнеповолжскій край, занявъ безъ остатка всѣ тѣ урочища, которыя сенатскимъ указомъ 14 Декабря 1762 г. предназначались для поселенія русскихъ выходцевъ изъ Польши и Литвы. Какъ можно судить по вѣдомости, составленной 9 Марта 1769 года, Канцеляріей Опекунства иностранныхъ¹⁾ было переселено ихъ сюда 6431 семья въ количествѣ 12145 душъ муж. пола и 10964 д. жен., которые основали по обѣимъ сторонамъ Волги 104 селенія.

Изъ нихъ „коронныя“ заняли нынѣшніе уѣзды: Аткарскій, Камышинскій и Саратовскій, въ числѣ 2747 семей „способныхъ“ и 199, „по свидѣтельству“ самихъ жителей, неспособныхъ, съ 10984 колонистами всѣхъ возрастовъ и половъ. Скота у нихъ исчислялось: лошадей 6647 гол., воловъ рабочихъ 370, коровъ и телятъ 6610, овецъ 2013 и свиней 816. „Изъ нажатаго въ прошломъ лѣтѣ хлѣба по перемолотъ“ было 34691 четв. 1 четк.; прошлой осенью посеяно ржи 6264 четв. 1½ четк. Построено для нихъ правительствомъ на счетъ казны 2186 домовъ жилыхъ, 1184 амбара и 1458 конюшенъ.

Изъ этого числа 629 способныхъ и 97 неспособныхъ семей съ 2647 поселенцами основали въ теченіе 1764—66 гг. въ уѣздахъ Аткарскомъ и Саратовскомъ колоніи: Гречихину Луку. Гутовую Грязнуху, Звонаревку, Звонаревъ Куть. Краснояровку, Кресто-Медвѣдицкій бугоракъ, Песковатку, Подстепную, Старицу, Телязузу. Усть-Караманъ и Ягодную поляну. Но поселенія въ Камышинскомъ уѣздѣ почти всѣ были переименованы колонистами на нѣмецкій ладъ. Селеніе Буйдаковъ

¹⁾ Труды Саратов. учен. архив. комиссіи 1889, в. 1, стр. 147.

буеракъ или Кулалы, гдѣ поселились германскіе лютеране, было названо „Швабъ“. Верхняя Добринка получила названіе „Дрейшпицъ“; хотя въ ней были выходцы изъ Пруссіи, Швеціи, Швейцаріи, Французы и даже Поляки, но всѣ потомъ слились въ одно нѣмецкое начало съ лютеранскимъ исповѣданіемъ. Верхнюю Кулалинку такого же вѣрванія поселенцы разныхъ странъ прозвали „Гольдштейнъ“. Гессенъ-дармштадтскіе лютеране передѣляли селеніе Водяной буеракъ въ колонію „Штефанъ“. Гнилушку или Фейфертъ заняли католики изъ Бадена и Вюртемберга; Гололобовку (старую) основали лютеране послѣдняго и Шлезвигъ-Гольдштейнскіе, прозвавъ ее „Донгофъ“. Тѣ же поселились еще въ Голомъ Карамышъ, названномъ „Бальцеръ“ или Панцырь, и Грязнухъ (Верхней)—по нѣмецки „Крафтъ“. Католики изъ Баваріи, Саксоніи, Эльзаса, Лотарингіи и другихъ прирейнскихъ провинцій основали Елшанку, прозванную „Гусарами“, ибо тамъ была поселена часть Грековъ изъ отставныхъ солдатъ гусарскихъ полковъ; Иловлю, она же Рѣзовка, или „Лейхтингъ“, Каменку и Караульный Буеракъ „Келеръ“ тожь. Колоніи Ключи—„Мооръ“, Крестовый Буеракъ (по просту Кресты)—„Миллеръ“, Липово Озеро, а по нѣмецки „Гуссенбахъ“ или Устенбахъ, Лѣсной Карамышъ—„Гриммъ“, и Нижнюю Добринку образовали лютеране изъ мелкихъ германскихъ княжествъ; только въ Карамышѣ было нѣсколько Французовъ, да въ Добринку пробрались баптисты. Норку взяли реформаторы. Пановка, или „Гильтманъ“ пріютила католиковъ изъ Гессенъ-Дармштадта. Въ Поповкѣ (Бреннингъ или Нейманъ) и Севастьяновкѣ (Литонъ тожь) устроились кальвинисты изъ Германіи и Швейцаріи. Семеновку заселили католики. Сосновку или „Шиллингъ“—лютеране и Славнуху—„Гукъ“ реформаторы изъ германскихъ земель. Въ Таловкѣ (Бейдекъ) были поселены саксонскіе лютеране, въ Усть-Грязнухъ (Нижней), иначе „Гебель“, католики австрійскіе и въ Усть-Залихъ—„Мессеръ“—реформаторы и частію германскіе баптисты. Послѣдніе съ лютеранами завели еще Усть-Кулалинку (Нижнюю), названную ими „Галкой“, и Щербакровку. Никто изъ нихъ не утратилъ ни исповѣданій, ни языка своего: многіе даже до сихъ поръ не научились говорить по русски, за исключеніемъ Елшанскихъ Грековъ, которые обрусѣли теперь совсѣмъ и забыли давно родное нарѣчіе.

Въ томъ же уѣздѣ поселилась и часть „вызывательскихъ“ колонистовъ, прибывшихъ въ Россію по „вызову“ какого то „Де-Боера съ товарищами“. Очевидно, судя по фамиліи, онъ принадлежалъ къ французской національности, однако большая половина собранныхъ имъ поселенцевъ происходила изъ Бадена, Гамбурга, Дрездена, Пфальца,

Мекленбурга, Вюртемберга, Саксоніи и только немногіе изъ Эльзасцевъ и Поляковъ замѣшались среди нихъ. Выходцы католическаго исповѣданія заняли Верховье (Зеевальдъ) въ количествѣ 134 душъ об. п., Грязноватку, иначе Шухъ, 124 чел., Каменный Оврагъ, или Дейготтъ, 42 д., Копенку, она же Луговой, а по нѣмецки Фольмеръ, 177 чел. и Памятную, или Ротгаммель съ 107 душ., въ числѣ коихъ было много Французовъ. Также въ колоніи Россоши, извѣстной среди русскихъ жителей подъ именемъ „Французы“, основались исключительно французскіе эмигранты съ частью Поляковъ, въ числѣ 169 душъ, однако потомъ сосѣднее лютеранство подчинило ихъ себѣ и совершенно онемечило, съ утратой ими языка, характера, одежды и обычаевъ предковъ.

Всѣ они имѣли къ 1769 году 403 семьи способныхъ и 31 неспособныхъ, мужскаго пола 863, женскаго 723, лошадей 877, воловъ рабочихъ 159, коровъ съ телятами 927, овецъ 58, свиней 83, обмолоченнаго хлѣба 4489 четв. 6 чк., посѣянной ржи 820 четв. 3 чк., построенныхъ казной жилыхъ покоевъ 269, амбаровъ 95 и конюшенъ 85.

Другой отрядъ „вызывательскихъ“ барона де-Барегарда занялъ урочища по лѣвой сторонѣ Волги въ нынѣшнемъ Новоузенскомъ уѣздѣ. Тутъ были заядлые Нѣмцы, показывшіе съ первыхъ же дней своего сюда перехода полную германскую обособленность. Изъ 27 основанныхъ ими селеній, только шесть носили русскія названія; Баратаевка¹⁾, Баскаковка (очевидно, по фамиліи предсѣдателя канцеляріи опекунства ипостраанныхъ Василія Баскакова), Орловская (въ честь, должно быть, гр. Орлова), Паульская (видимо, въ честь царевича Павла Петровича), Панинская (по имени государственнаго канцлера гр. Ник. Ив. Панина, очень много способствовавшаго дѣлу переселенія колонистовъ въ Россію) и Рѣзановка. А остальные всѣ были окрещены на нѣмецкій „шгиль“ въ воспоминаніе прежнихъ своихъ мѣстечекъ и городовъ, откуда они вышли. Такъ произошли въ Заволжьѣ: Базель, Варегардъ (въ память самого вызывателя), Боару, Брокгаузенъ, Гокеръ-Бергъ, Екатериненштадтъ (въ честь императрицы Екатерины II), гдѣ находилось средоточіе управленія колонистами этой партіи и жилъ самъ баронъ де-Варегардъ, почему съ той поры до настоящаго времени

¹⁾ Очевидно, въ честь какого нибудь изъ Баратовыхъ. Фамилія эта грузинская. Въ Россіи она начала свое существованіе съ 1724 года, когда вмѣстѣ съ царевичемъ Вахтангомъ Леоновичемъ прибылъ князь Мельхиседекъ (Михаилъ) Баратовъ. Онъ имѣлъ 4-хъ сыновей: Петра (бывшаго въ 1777—1789 гг. Симбирскимъ губернаторомъ), Ивана (Саратов. губер. предводитель дворянства съ 1804 по 1807 г.), Семена (Казанск. губернаторъ, 1789—1796 г.) и Андрея.

селеніе это, имѣвшее при основаніи 812 душъ поселенцевъ, а теперь около 11 т. об. п., извѣстно болѣе подъ именемъ Баронска.

Дальнѣйшія названія колоній идутъ въ такомъ порядкѣ: Золотурнъ, Кено, Кларисъ, Лудернъ, Нидеръ-Манжу, Оберъ-Манжу, Сусанталь, Филипсфельдъ, Унтеръ-Вальденъ, Цесарфельдъ, Цугъ, Цырхъ, Шафгаузенъ и Эрнестинендорфъ.

Отрядъ этихъ селеній состоялъ изъ 1357 способныхъ и 166 неспособныхъ семей съ 2820 поселенцами муж. п. и 2470 жен. п. Хотя имъ, какъ и прочимъ колонистамъ, были отпущены обычныя на подъемъ и обзаведенія суммы по 250 руб. на каждую семью (не считая расходовъ на перевозку), но лишь немногіе успѣли обзавестись достаточнымъ количествомъ скота и сельско-хозяйственныхъ приспособленій. Въ 1768 г. насчитывалось у нихъ лошадей 3139 головъ; рабочіе волю имѣлись въ 4 селеніяхъ 22 штуки, коровъ и телятъ было 1588 гол., овецъ въ 2-хъ колоніяхъ 40 и свиней въ 3 поселеніяхъ 65-ть. Въ 10 колонкахъ оказалось обмолоченнаго хлѣба лишь 2792 четв. 3 четк., а остальные довольствовались казеннымъ пайкомъ. Ржи засѣяли они 3737 четв. 5 $\frac{1}{2}$ чек., т. е. менѣе четверти на душу. На все количество семей успѣли построить жилыхъ покоевъ 901, а въ колоніи Унтеръ-Вальдекъ не было еще ни одного дома. Амбаровъ существовало въ 9 колоніяхъ—390, конюшенъ въ 11 селен. 473.

Послѣдняя группа колонистовъ вызова Леруа и Питета, преимущественно католическаго исповѣданія, заняла 28 урочищъ частію въ Николаевскомъ, но больше въ Новоузенскомъ уѣздахъ, давши имъ исключительно русскія наименованія, изъ которыхъ немногія приняли потомъ нѣмецкія клички. Официально назывались онѣ такъ: Березовка, Вольская (нынѣ Веценфельдъ), Зауморье, Казицкая, Кочетная, Краснополе. Краснориновка, Крутояровка, Кустарева, Липовка, Липовый кустъ, Осиновка, Отроговка, Поповка, Привольная иначе Вагенбургъ, названная, видимо, потому, что здѣсь имѣли пребываніе организаторы партіи и въ ней было больше жителей 149 семей съ 524 душ. об. п.: Раскаты, Ровная (имѣвшая сначала 229 поселенцевъ, а нынѣ до 8 тыс., съ довольно обширной хлѣбной пристанью), Стакатовка, Степное, Суслы, Тарлыковка, Тарлыкъ, Тонкошуровка, Хайсоль и Яблоновка.

Способныхъ семей въ этой группѣ было 1347, неспособныхъ 183, съ 2792 посел. муж. п. и 2547 жен. п.; лошадей 3179, воловъ 153, коровъ и телятъ 2427, овецъ (въ 7 селен.) 78, свиней (въ 7 колонкахъ) 55; намолоченнаго хлѣба 4533 четв. 1 четк., засѣянной

осенью ржи 3803 четв. $7\frac{1}{2}$ четк.; жилыхъ строеній 1204, амбаровъ 417, конюшень 628.

Такимъ образомъ на всѣхъ 5854 способныхъ и 579 неспособныхъ семей съ 23109 обитателями¹⁾ приходилось 4860 жилыхъ „покоевъ“, благодаря чему въ нѣкоторыхъ домахъ и хатахъ должны были помѣститься по 2—3 семьи съ 5—6 челов. въ одной комнатѣ. При такомъ положеніи, конечно, не могло быть и рѣчи о возведеніи на первыхъ порахъ какихъ либо болѣе солидныхъ сооружений для удовлетворенія религіозныхъ и духовно-просвѣтительныхъ потребностей этихъ выходцевъ, едва ли въ полной мѣрѣ пользовавшихся ими и на своей родинѣ, какъ увѣряетъ въ своей брошюрѣ „Наши Колоніи“ (Спб. 1869) А. Клаусъ, показывая почти во всѣхъ колоніяхъ Камышинскаго уѣзда существованіе нѣмецкихъ школъ и лютеранскихъ кирокъ съ первыхъ дней основанія ихъ во 1764—66 гг. Между тѣмъ въ архивныхъ документахъ указывается неопровержимо, что только лѣтомъ 1768 года было построено въ колонкахъ четыре магазина „для поклажи“, да двѣ кирки съ пасторскими домами и школами²⁾.

По закону 19 Марта 1764 г. новыхъ поселенцевъ обезпечили всякими преимуществами и вольностями, какихъ не имѣли коренные жители. Ихъ освободили „на вѣчно“ отъ повинностей рекрутской и военно-постоянной, дали на 6 лѣтъ льготу отъ всякихъ иныхъ обязанностей и, кромѣ казеннаго вспоможенія, надѣлили по 30 дес. на семью, что на всѣхъ составило довольно солидный клочекъ въ 192,930 десят. Поэтому была захвачена не только вся земля, ранѣе показанная по приволжскимъ берегамъ для новыхъ поселеній, но пришлось углубиться дальше — въ Астраханскія и Самарскія степи и занять урочища, смежныя съ Донскимъ войскомъ, по рр. Иловлѣ, Медвѣдицѣ и Карамышу, добавивъ слишкомъ 130 тыс. десятинъ новыхъ мѣстъ изъ участковъ дворцоваго вѣдомства, потѣснивши нѣсколько угодья казаковъ донскихъ и крестьянъ государственныхъ.

Благодаря мотовству, праздности и разврату поселенцевъ и корысти вѣдавшихъ дѣломъ колонизаціи мѣстныхъ властей, водвореніе ихъ на Волгѣ обошлось государству около 5 мил. руб., изъ коихъ 3 мил. р.

¹⁾ Кромѣ того 77 мужч. и 60 женщ. проживали въ г. Саратовѣ.

²⁾ Нелишнимъ будетъ отмѣтить еще, что Клаусъ, а за нимъ А. Н. Минхъ (въ „Истор.-Геогр. словарь Саратов. губ.“, т. I, стр. 417) утверждаютъ первоначальное число поселенныхъ на Волгѣ колонистовъ въ 8 тыс. семей съ 27 тыс. душъ. Однако, если прибавить даже 200 Сарептскихъ поселянъ къ числу, показанному въ вѣдомости Опекунской Канцеляріи, то и тогда не выйдетъ этого количества.

подлежали возврату въ казну послѣ 6 лѣтней льготы со дня окончательнаго ихъ устройства въ 1769 году. Долга этого приходилось на каждую ревизскую мужскую душу свыше 250 руб. Наступилъ срокъ платежа, но колонисты ничуть не заботились о томъ, старались всѣми мѣрами оттянуть уплату недоимокъ на неопредѣленное время. Одной изъ причинъ своего якобы тягостнаго положенія выставляли они пугачевское возмущеніе. Но послѣднее совсѣмъ не коснулось заволжскихъ поселенцевъ, а на правой сторонѣ Волги шайки мятежниковъ слѣдовали по самому берегу чрезъ селенія крестьянъ помѣщичьихъ и казачьи городки Волжскаго войска, задѣвъ только нѣкоторыя нѣмецкія колонки. Болѣе другихъ пострадала находившаяся ниже Царицына, на Астраханскомъ трактѣ, Сарепта. Тѣмъ не менѣе правительство и на этотъ разъ спусило къ нимъ своей милостью, отсрочивъ уплату долга до 1786 года, когда они были обложены годичнымъ платежомъ по 3 руб. съ каждаго работника. Но дальнѣйшую колонизацію приволжскихъ окраинъ такими тунейдцами прекратило¹⁾, переселивъ въ 1778 г. на оставшіеся послѣ перевода на Кавказъ Волжскаго войска земли уже 2000 семей неимущихъ экономическихъ крестьянъ, которые были надѣлены только 15 десятинной пропорціей на душу.

Послѣ учрежденія въ 1780 г. Саратовскаго намѣстничества, канцелярія опекунства иностранныхъ и подчиненная ей въ Саратовѣ контора съ комиссарами были упразднены въ 1782 г., а колонистовъ наравнѣ съ казенными крестьянами подчинили общимъ губернскимъ учрежденіямъ. Но и эта мѣра не понудила ихъ къ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Поселенцы жаловались на различныя злоупотребленія и всяческія притѣсненія со стороны земскихъ исправниковъ и уѣздныхъ судовъ. Чтобы отдѣлить овецъ отъ козлищъ, снова были устроены въ 1797 г. конторы Саратовская и Новороссійская, подчиненныя „Экспедиціи Государственнаго хозяйства опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства“, продержавшіяся до 1801 г., когда колонистовъ передали въ вѣдѣніе министерства внутр. дѣлъ, а съ 1837 г. вновь учрежденному министерству государственныхъ имуществъ.

Назначенный съ нихъ 3-хъ рублевый сборъ сталъ поступать немного исправнѣе лишь съ 1797 года. Тѣмъ не менѣе къ 1809 году

¹⁾ А. Н. Мишихъ (стр. 117) увѣряетъ, что „вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ-за границы былъ временно пріостановленъ и вообще притокъ колонистовъ въ Саратовское Поволжье совершенно прекратился, вслѣдствіе турецкихъ и польскихъ войнъ въ 1770 году“. Но, какъ увидимъ ниже, причина была другая: главнымъ образомъ, тунейдство, лѣность и безпечность колонистовъ.

за ними все еще оставалась громадная недоимка въ 2,765,356 руб. Такимъ образомъ за 23 года успѣли они уплатить только 234,644 руб., что въ среднемъ приходилось менѣе 2 руб. на душу въ лѣто. Однако, вмѣсто настойчивыхъ понужденій, какія обыкновенно предъявлялись къ русскимъ недоимщикамъ—крестьянамъ, правительство и тутъ отнеслось къ нимъ весьма снисходительно, уменьшивъ дальнѣйшую уплату по 1 руб. въ годъ съ работника. Но лишь черезъ 37 лѣтъ послѣ этого, когда уже многіе изъ прежнихъ выходцевъ отошли въ вѣчность, колонисты кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ погасили свой долгъ, числящійся за ними въ продолженіи 72 лѣтъ, хотя съ ежегодно увеличивавшимся числомъ работниковъ, благодаря приросту населенія, платить имъ его за послѣдній періодъ было гораздо легче.

Болѣе ста лѣтъ жили они на особливомъ льготномъ положеніи, подѣ постояннымъ попеченіемъ центрального и мѣстнаго начальствъ. Въ 1797 г. къ ранѣ отведеннымъ 30 дес. на каждую семью, дали имъ дополнительные надѣлы на вновь родившихся по 20 дес. на каждую ревизскую душу. Въ 1740 г. отмежевали еще по 15 дес. на душу по 8 ревизіи. Однако у нѣкоторыхъ колонистовъ оказалось земли менѣе послѣдней нормы. Тогда въ такой же пропорціи сдѣлали имъ прирѣзки за р. Волгой въ Новоузенской степи. Отводъ дополнительныхъ участковъ закончился въ 1859 г., когда число саратовскихъ колонистовъ достигло 52395 душъ муж. и 49856 жен. п., такъ что пришлось добавить на прибылыхъ еще 260 тыс. дес. не тронутыхъ земель.

Послѣ этого правительство уже не надѣляло ихъ болѣе изъ своего кармана. Тогда они стали прикупать участки сами, для чего приволжскіе нѣмцы обложили себя пропорціональнымъ сборомъ на составленіе особаго капитала, который и до сихъ поръ хранится въ одномъ изъ существующихъ въ Россіи банковъ, только по названію именующимся „Русскимъ“. Земли покупались отдѣльными участками не менѣе 3 тыс. десят. въ одномъ мѣстѣ, чтобы можно было бы разомъ организовать тутъ цѣлое селеніе въ сто семей, и преимущественно въ южной части Россіи, потому что тамъ зимы были короче и климатъ мягче. А это въ сельскомъ хозяйствѣ имѣло большое значеніе для аккуратныхъ и расчетливыхъ Тевтоновъ.

Направлялись они преимущественно въ Новоузенскія степи, въ губерніи Оренбургскую и Екатеринославскую и въ области Кубанскую и Терскую (на Кавказѣ). Иные стали переселяться даже въ Южную Америку.

Особенно усилилось выселеніе послѣ того, какъ, по реформѣ 1871 г., ихъ, подѣ именемъ „поселянъ собственниковъ“, уравнили съ

русскими крестьянами и слѣдомъ въ 1874 г. распространили на нихъ обязательное отбываніе воинской повинности.

Послѣднее положеніе ударило ихъ, какъ обухомъ по головѣ. Колонисты были увѣрены, что, переселяя на благодатныя земли въ дикую „Московію“ ихъ предковъ, правительство закрѣпило за ними эту льготу „на вѣчно“, т. е. на нескончаемыя времена. По крайней мѣрѣ такъ высказывало большинство ихъ на словахъ, и въ такомъ же духѣ были поданы ихъ представителями мѣстнымъ властямъ жалобы. Но начальство чиномъ пониже весьма резонно разъяснило имъ этотъ вопросъ.

—Пустыя ваши башки,—говорили имъ становые,—конечно, на вѣчно! Ну, а вѣкъ то сколько имѣеть лѣтъ?

—Сто...

—Считайте теперь: предки ваши перешли сюда въ 1764 году, говорите вы, а теперь 1874-й годъ! Сколько же времени прошло съ тѣхъ поръ? Какія же вамъ еще льготы?!

Заядлые Новоузенскіе колонисты грозили уйти съ насиженныхъ мѣсть въ Европу, въ Америку и дѣйствительно нѣкоторые ушли. Но имъ отвѣчали спокойно.

—Пожалуйста! Мы даже рады будемъ..

Попрыгали, попрыгали они и остались по прежнему въ „варварской“ Россіи.

Сильнѣе другихъ проявилось злобствование среди поселенцевъ Екатерининштадта (Баронска), гдѣ былъ воздвигнутъ благодарными предками памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II за ея материнское о нихъ попеченіе. Современные потомки бранили на чѣмъ свѣтъ стоитъ царицу за то, что якобы она обманула ихъ дѣдовъ, плевали на ея фигуру, бросали въ нее грязью, палками, камнями. Въ своей злости культурные дикари дошли до того, что, какъ рассказывали мнѣ, въ одну изъ темныхъ ночей обратили подножіе памятника въ отхожее мѣсто...

Увы, въ свое время объ этомъ фактѣ писать было „можно“!..

II.

Попытки колонизаціи Кавказа Нѣмцами.

Попытки западно-европейскихъ предпринимателей къ завладѣнію природными богатствами Кавказа начались еще тогда, когда большая

часть этого края находилась внѣ вліянія русской власти и когда русское правительство не могло, конечно, помышлять о колонизаціи тамошнихъ урочищъ иноземными выходцами. Первымъ явился для этой цѣли туда какой то „докторъ“ Иванъ Вандинъ, неизвѣстной національности. Какъ видно по перепискамъ Астраханскаго губернскаго архива, имъ былъ заключенъ съ Канцеляріей Опекунства иностранныхъ контрактъ, коимъ „велѣно вызвать въ Россію 200 семей иностранцевъ изъ Италіи и другихъ тамошнихъ мѣстъ и привести ихъ въ Гамбургъ и Данескъ“¹⁾.

Точнаго мѣста для поселеній этихъ выходцевъ Вандинъ не указалъ, и правительство было вполне увѣрено, что оснуется онъ съ ними въ тѣхъ приволжскихъ урочищахъ Астраханской губерніи, которыя были предназначены для иностранной колонизаціи, но его товарищамъ, видимо, мѣста эти были не подходящими, такъ какъ, вслѣдствіе климатическихъ условій, тамъ не представлялось возможности заниматься виноградарствомъ, садоводствомъ, разводить маслину, шелковичныя деревья (тутовникъ) и проч., къ чему болѣе привычны были Итальянцы. Поэтому онъ направился въ южную часть Астраханскаго края, въ составъ котораго входили тогда всѣ наши владѣнія на Сѣверномъ Кавказѣ.

Сначала Вандинъ побывалъ въ Астрахани, откуда съ даннымъ отъ губернской канцеляріи „сношеніемъ“, отъ 14 Сентября 1765 года, отправился въ Кизляръ. Обѣхавъ въ теченіе мѣсяца передовую кавказскую линію до самаго крайняго пункта нашихъ владѣній по границѣ съ Кабардой, Моздока, только что заведеннаго въ 1763 году для поселенія крещеныхъ горцевъ, — онъ возвратился опять въ Кизляръ, гдѣ сообщилъ коменданту ген.-м. Потапову, что „мѣсто подъ поселеніе иностранцевъ имъ избрано“, но гдѣ и на какое количество поселяемыхъ, того почему то онъ не хотѣлъ сказать, отвѣтивъ только: „а когда сколько либо семей сюда приведетъ, тогда и объ урочищѣ назначеннаго имъ мѣста, яко же и объ отдачѣ ему онаго для поселенія колоніи его, объявить имѣеть“. При этомъ просилъ коменданта, „ради полученія христіанъ-Грузинцевъ и Армянъ, отпустить его въ Персію“.

Такое требованіе было предъявлено имъ еще въ Астрахани, поданнымъ 1-го Сентября въ губернскую канцелярію „допошеніемъ“. Но губернаторъ отказался исполнить эту просьбу безъ разрѣшенія Канцеляріи Опекунства иностранныхъ, такъ какъ, по выданному ему изъ

1) Данцинъ, очевидно.

последней паспорту, онъ былъ „отпущенъ для нѣкоторой надобности только во всѣ Россійскіе города“, а не за границу, и ему не было предписано вызывать „тѣ народы“.

Повидимому, имѣлась у него какая то другая цѣль достичь этой страны за счетъ русской казны и съ нѣкоторыми отъ подлежащихъ властей полномочіями, хотя бы въ видѣ правительственнаго разрѣшенія или паспорта, а также назначенія соответствующаго конвоя для его провожанія по безпокойнымъ чеченскимъ и кумыцкимъ ауламъ, лежавшимъ за р. Тереконъ по дорогѣ въ Персію. Для этого обѣщаніемъ переселить въ Россію итальянцевъ и „другихъ“, онъ обманулъ сначала Опекунскую Канцелярію, потомъ получилъ незаконное дозволеніе отъ астраханскаго губернатора пробраться на Кавказъ, а тамъ, очевидно, думалъ онъ, не трудно будетъ такимъ же обманнымъ способомъ усыпить бдительность пограничныхъ властей, чтобы проникнуть въ персидскія предѣлы, благо они находились не далеко отъ Кизляра. Но какъ разъ тутъ именно, когда онъ чуть не достигъ своей цѣли, раскусили его затаенный замыселъ.

Не имѣя власти дать ему просимое дозволеніе, генералъ Потаповъ (19 Октября) адресовался за разрѣшеніемъ къ губернатору Бекетову. Но послѣдній отвѣтивъ, что, такъ какъ на сдѣланное еще 10 Сентября по поводу просьбы его представленіе изъ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ разъясненія не послѣдовало, то „отпускомъ его за границу удержать“. Не дождавшись результата своимъ домогательствамъ, Вандинъ поспѣшилъ улізнуть изъ Кизляра и больше на горизонтѣ кавказской колонизаціи не показывался.

Для чего и по какому порученію дѣйствовалъ онъ такъ подозрительно,—архивныя свѣдѣнія не указываютъ. Можно лишь догадываться, что первоначальная миссія его имѣла нѣкоторую связь съ поселеніемъ на далекой и плохо еще закрѣпленной русской властью южной крайнѣ такъ называемыхъ „евангельскихъ братьевъ“ (Brudershität) съ цѣлью распространенія среди туземцевъ лютеранской проповѣди.

Какъ извѣстно, общество этихъ братьевъ сформировалось, подъ покровительствомъ графа Цинцендорфа, въ верхней Саксонской Лузаціи, гдѣ Мораво-Богемскіе братья основали въ 1722 году колонію „Гернгутъ“. Въ 1727 г. завели они у себя общинно-церковный порядокъ управленія и положили тѣмъ начало „Братскаго евангелическаго общества“, въ составъ котораго вскорѣ вошло немало другихъ подобныхъ общинъ, вслѣдствіе чего около 1760 г. для управленія всеми ими была избрана

особая Дирекція (Directorium), подъ отвѣтственности „Синодальнаго собранія“, какъ высшей представительной власти всего братства.

Главной цѣлью послѣдняго было обращеніе язычниковъ въ христіанство. Ради этого, прослышавъ объ изданномъ императрицей Екатериной II манифестѣ, приглашавшемъ всѣхъ иностранцевъ селиться на пустопорожнихъ земляхъ въ Россіи и задумывая насадить евангелическую проповѣдь среди разнообразныхъ обитателей обширной Астраханской губерніи,—въ Октябрѣ 1763 г. уполномоченные Дирекціей Лаприцъ и Лорецъ прибыли въ Петербургъ и представили лично государынѣ и Св. Синоду письменныя свѣдѣнія о своей вѣрѣ и о положеніи братства. Разсмотрѣвъ ихъ, послѣдній нашель, что „ученіе сего общества съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ сходствуетъ съ малою только отмѣною; въ обрядахъ же они и честномъ обхожденіи христіанскомъ уподобяють себя цервенствующимъ христіанамъ и называются Обществомъ Евангелическимъ“. Въ виду этого, высочайшимъ указомъ 11 Февраля 1764 года имъ было дозволено устроить въ Россійской имперіи поселеніе по ихъ выбору.

Въ томъ же году Синодальное собраніе братства одобрило мысль объ учрежденіи центрального миссіонерскаго пункта для обращенія язычниковъ между Царицыномъ и Астраханью, командировавъ для заключенія окончательнаго съ русскимъ правительствомъ договора Магистра Петра-Конрадо Фриза и духовно-гражданскаго главу будущаго поселенія—„форштенгера-привитера“¹⁾ Даніэля Фика. Выговоренныя условія были для нихъ весьма выгодными. Имъ предоставлялось право выбора лучшаго качества земли не менѣе 4 тыс. десятинъ, имѣть собственное управленіе, свою полицію, не подчиняясь воинскимъ и гражданскимъ управленіямъ губерніи, и чинить свой судъ и расправу, хотя по русскимъ законамъ и „подъ единственнымъ надзираніемъ астраханскаго губернатора“. Кромѣ того, они безпрепятственно и безъ всякаго разрѣшенія мѣстнаго начальства могли производить свободную торговлю, заводить фабрики и заводы, заниматься винокурениемъ и варкой пива для собственного употребленія и невозбранно пользоваться рыбными и звѣринными ловлями. Имъ дана была еще 30-лѣтняя льгота отъ всякихъ податей и натуральной повинности, изытіе на всегда отъ повинности рекрутской и свободный выѣздъ изъ Россіи, съ отдачей $\frac{1}{5}$ части всего нажитого въ казну, въ случаѣ окончательнаго прекращенія тамъ всѣхъ своихъ дѣлъ.

1) Очевидно, пресвитера, т. е. священника.

Въ Іюнѣ слѣдующаго года прибыли въ Петербургъ изъ Гернгута пять первыхъ поселенцевъ подъ руководствомъ брата Вестмана и, получивъ изъ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ надлежащія бумаги, подтверждавшія дарованныя привилегіи, тронулись чрезъ Москву, Нижній-Новгородъ, по Волгѣ въ Саратовъ. Отъ дирекціи поручено было имъ избрать окончательно мѣсто для поселенія.

Саратовскій воевода отпустилъ съ ними землемѣра и далъ для провозенія казачій конвой. Въ Августѣ братья прибыли въ Царицынъ и въ 28 верстахъ отъ послѣдняго, при впаденіи р. Сарпы въ Волгу, около горнаго края Эргеней, облюбовали себѣ урочище въ степной и безлѣсной равнинѣ, гдѣ отмежевали имъ 4443 дес. удобной и 11378 дес. неудобной земли съ примыкающимъ къ ней Сарпинскимъ островомъ въ 1000 десят. поемныхъ луговъ и лѣса.

Выбрали они это безлюдное мѣсто и прозвали его Сарептой потому, должно быть, что оно напоминало имъ о библейской Сарептѣ, куда, чрезъ пустыню, посланъ былъ Богомъ пророкъ Ілія увѣрить вдовицу сидонскую, что „мука ея не оскудѣетъ и елей не умалится“. Почему на общественной печати и высочайше утвержденномъ въ 1804 г. гербѣ своего селенія они изобразили на одной сторонѣ сосудъ съ колосьями пшеницы, а на другой масляное дерево съ елейной кружкой подъ нимъ.

Слѣдомъ за ними въ концѣ того же Августа приплылъ плотъ казеннаго лѣса, и командированные братья приступили къ необходимымъ для помѣщенія будущихъ поселенцевъ постройкамъ съ помощью наряженныхъ отъ царицынскихъ властей плотниковъ и рабочихъ; устроили на р. Сарпѣ запруду, разбили огородъ, засѣяли озимую рожь и подняли часть стени подъ яровые посѣвы.

На слѣдующій годъ въ Сентябрѣ явился первый транспортъ поселенцевъ въ 50 братьевъ и сестеръ, а въ 1768—69 гг. остальные три транспорта до 160 душъ об. п. Помимо частныхъ и общественныхъ домовъ, эти пришельцы открыли магазинъ, табачную фабрику, гостиницу съ постоялымъ дворомъ и кондитерскую съ пряничнымъ печенемъ (сарептскіе пряники).

Для огражденія отъ нападенія кочевниковъ, съ осени 1768 г. колонисты приступили на свой счетъ къ укрѣпленію мѣстечка, окопали его съ трехъ сторонъ, подъ руководствомъ присланнаго военнаго инженера, глубокими рвами и обнесли валомъ съ палисадомъ и шестью батареями, 12 орудій для которыхъ отпустили имъ изъ Царицына съ прислугой и полуротой солдатъ, составившей тамъ постоянный гарнизонъ.

Въ послѣдующіе три года завели они свѣчной и кожевенный заводы, лѣсопильную и мукомольную мельницы на р. Сарпѣ, красильню бойню, винокуренный заводъ съ конюшней для откармливанія бардой скота, провели изъ сосѣднихъ горъ родниковую воду и устроили на церковной площади фонтанъ, откуда провели ее во всѣ квартиры семейныхъ поселенцевъ; соорудили молитвенный домъ и школу. Наконецъ, въ 1772 г. докторъ Виръ открылъ въ 8 верс. отъ Сарепты родникъ съ цѣлебной водой, окрестивъ его въ честь Царицы Екатерининскимъ источникомъ, который до начала прошлаго столѣтія служилъ доходной для Сарептянъ статейю, привлекая къ себѣ страждущихъ и больныхъ изъ окрестныхъ русскихъ поселеній, — пока славу его не затмили Кавказскіе курорты.

Обезпечивъ такимъ образомъ себя со всѣхъ сторонъ, братья евангелисты стали помышлять и о захватѣ лучшихъ и болѣе доходныхъ мѣстъ кавказской окраины. Съ этой цѣлью въ томъ же 1772 г. они возбудили предъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ завести селеніе на р. Терекѣ, „пославъ туда прежде повѣренныхъ своихъ осмотрѣть тѣ страны и найденные тамо цѣлительныхъ водъ колодези“, и „просили при этомъ ея императорское величество, дабы имъ при семъ осмотрѣ доставить безопасность“.

Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ духовные общинники, проводившіе время только въ душеспасительныхъ трудахъ и молитвѣ, показали ясно истинныя намѣренія своего въ Россію переселенія. — Не проповѣданіе слова Божія и распространеніе среди инородцевъ Христова Евангелія привлекло ихъ сюда, а исключительно нажива и захватъ мѣстъ обогащенія.

Имъ извѣстно было, что недалеко отъ Червленскаго казачьяго городка, по лѣвой сторонѣ Терека, во владѣніяхъ подвластнаго намъ князя Брагунскаго, близъ нынѣ существующей станицы Барятинской (по прежнему Горяченсточинской), въ 18 вер. отъ г. Грознаго, находились такъ называемые „Теплые колодцы“ или, по старинному „Теплая рѣчка“, гдѣ купался и Петръ Великій, по возвращеніи въ 1722 г. изъ Персидскаго похода, (почему они были названы потомъ „Теплицами св. Петра“), привлекавшими больныхъ почти со всей заволяжской сторонны¹⁾, ибо другихъ источниковъ на Кавказѣ въ то время открыто

1) Эти горячіи воды называются нынѣ Гребенскими и состоятъ изъ двухъ источниковъ: западный св. Екатерины обслуживаетъ устроенную тутъ на 150 мѣствъ для больныхъ нижнихъ чиновъ лѣчебно-санитарную станцію и восточный-железистый — расноложенную близъ станцію барятинскую и частныхъ лицъ. По химическому составу, воды эти относятся къ серно-соляно-щелочнымъ, а по количеству остатка (1,0023 грамма на

еще не было, вслѣдствіе того, что нынѣшняя пятигорская группа водъ, именуемая тогда урочищемъ Бештау (Пять Горъ), входила въ владѣнія неподчиненной намъ Большой Кабарды.

Очевидно, евангелистики рассчитывали прибрать къ своимъ загребистымъ рукамъ и эти колодцы. Желаніе ихъ не только милостиво уважили, но высочайшимъ повелѣніемъ 31 Іюля того же 1772 года предписано было астраханскому губернатору Бекетову—„въ намѣренномъ ими предпріятіи учинить имъ всякое вспоможеніе, подать лутчіе къ тому способы и потребною безопасностію ихъ на сей случай снабдить“. „Что же касается до учрежденія и образа будущей тамо ихъ селитьбы, то, по избраніи мѣста, соглася о семъ съ оными всѣ обстоятельства“,—губернатору повелѣвалось представить на благоусмотрѣніе самой императрицы, „дабы ся императорское величество могла впредь и отъ покушенія иногда къ нашествію въ тѣ страны неблагопріязненныхъ и неустросненныхъ тамошнихъ народовъ ихъ вовсе обезпечить“. Иначе говоря, на избранномъ для поселенія и эксплуатаціи мѣстѣ, правительство обѣщало соорудить даже крѣпость съ надежнымъ гарнизаномъ ради охраны этихъ пришельцевъ, чтобы, подъ покровительствомъ пограничныхъ властей, лучше могли они обирать окружныхъ поселенцевъ, и русскихъ и туземныхъ.

Въ Апрѣлѣ слѣдующаго (1773) года, съ письмомъ отъ форштенгера сарептской колоніи Данилы-Ендрика Фика, прибыли въ Астрахань четверо повѣренныхъ: Фридрихъ Ребели, Лоренцъ Берхъ, Кондаръ Нейцъ и Готфридъ Грабша за „препровоженіемъ“ царицынскаго батальона 2-й роты солдата Козьмы Засосова. Они подали губернатору „доношеніе“, объявляя въ немъ, что будутъ „слѣдовать для осмотра имѣющихся за Терекомъ обоихъ горячихъ колодцевъ и вдоль до Моздока“ для отысканія мѣстъ къ „предбудущему поселенію“. Обратнo въ Сарепту уполномоченные предполагали, если возможно, возвратиться чрезъ Кубанскую степь, которая въ ту пору находилась во власти крымскаго хана. „Но какъ они слышали, что въ тѣхъ мѣстахъ нѣкоторые случайныя опасности имѣются и тамошніе командиры о ихъ братьяхъ и о ихъ предпріятіяхъ знанія не имѣютъ“, то просили губернатора „во исполненіе изъясненнаго“ послать съ ними же въ тѣ мѣста повелѣнія,

1 литръ)—къ индифферентнымъ термальнымъ источникамъ. Температура воды западной группы при выходѣ изъ родника=96° по Цельсію. Дебетъ ея—400 тыс. ведеръ въ сутки. Для пользованія водами имѣются два бассейна, выложенные камнемъ и питающіеся прямо изъ источника. Въ верхнемъ прудѣ температура 45—31° Цел., въ нижнемъ—33—23° Цел. Источники эти излѣчиваютъ: ревматизмъ, сифилисъ, воспаления почекъ и сѣдалищнаго нерва, многія женскія болѣзни и накожныя: экзему, псоріозъ.

и снабдить их паспортами и „рекомендаціями“, также конвоемъ и проводниками для охраненія, „а паче для того, какъ они иностранцы, которые безъ онаго и обойтись не могутъ“.

По распоряженію губернатора, отправили ихъ изъ Астрахани до Кизляра на трехъ татарскихъ пароконныхъ подводахъ, „съ платежомъ собственныхъ ихъ прогоновъ по 1 коп. за версту на лошадь“, подъ конвоемъ того же Засосова и 4-хъ астраханскихъ казаковъ, „конныхъ и оружейныхъ“, а дальше до Моздока и для обратнаго слѣдованія въ Сарепту строжайше было предписано комендантамъ пограничныхъ крѣпостей давать имъ въ охрану казаковъ „сколько по тамошнимъ обстоятельствамъ безопасность требовать будетъ“.

Такъ берегли у насъ всякихъ иностранцевъ, назначая иной разъ цѣлые отряды пѣхоты и конницы, даже съ артиллеріей ради ихъ спокойствія, нисколько не заботясь о тягости и отдыхѣ и безъ того обремененныхъ разными командировками, караулами и безпрестанными отъ набѣговъ горцевъ охраненіями немногочисленныхъ линейныхъ войскъ.

Къ счастью нашему, попытка эта не удалась. Надвинувшіяся въ слѣдующемъ году шайки Пугачева разорили Сарепту, и братьямъ-евангелистамъ пришлось думать не о переселеніи на благодатный Кавказъ, а о возстановленіи своихъ разграбленныхъ жилищъ и заводовъ.

Однако на этотъ разъ и само правительство не прочь было воспользоваться возбужденной ими мыслию о заселеніи пустующихъ степей этого края. Осуществить ее хотѣли вскорѣ послѣ устройства въ 1778 году новой сторожевой линіи между Моздокомъ и Азовомъ, которая прикрывала своими десятью крѣпостями Придонскія и Кумскую степи отъ вторженія горцевъ со стороны Кабарды и Кубани. На первыхъ порахъ предполагалось поселить тамъ 4322 нѣмецкихъ семьи для того, главнымъ образомъ, чтобы обезпечить на будущее время расположеннымъ на этой линіи войскамъ скорую и дешевую доставку провіанта и фуража, такъ какъ перевозка послѣднихъ изъ Астрахани моремъ на судахъ, а дальше отъ Фельдшанской пристани на татарскихъ арбахъ, была сопряжена съ большими трудностями и расходами. Съ поселеніемъ же тамъ колонистовъ и развитіемъ у нихъ въ широкихъ размѣрахъ хлѣбопашества, въ чемъ правительство наше, увы! не проявляло ни малѣйшаго сомнѣнія, — все это де будетъ находится подъ руками.

Безусловно, затѣя казалась очень выгодной... но только на бумагѣ, ибо на дѣлѣ она была совершенно неосуществимой, особенно

при условіи колонизаціи этого района неопытными иностранцами, которыхъ къ тому же пришлось бы еще защищать особыми командами во время ихъ полевыхъ и сельско-хозяйственныхъ работъ.

Если при первомъ поселеніи на Волгѣ не сумѣли они устроить себя прилично и безбѣдно съ большой правительственной поддержкой и цѣлымъ штатомъ приставленныхъ къ нимъ опекуновъ, обязанныхъ такъ иначе заботиться о нуждахъ и печаляхъ,—то среди глухихъ дебрей Кавказа, въ отдаленности отъ столичной опеки и отсутствіи надлежащаго надзора со стороны мѣстныхъ властей, гдѣ часто приходилось испытывать тяжелую нужду въ продовольствіи и предметахъ сельско-хозяйственнаго обихода даже издавна поселеннымъ тамъ и уже привыкшимъ къ суровой боевой обстановкѣ казакамъ,—колонисты эти по своей неопытности и безпечности, неминуемо должны были бы впасть въ нищету, а не только помогать правительству въ хлѣбномъ довольствіи тамошнихъ командъ. Напротивъ пришлось бы, пожалуй, ихъ еще снабжать хлѣбомъ и скотомъ, чтобы не умереть имъ съ голоду. А это навязало бы лишнюю обузу на пограничныхъ властей, уже и такъ обремененныхъ непосильными обязанностями.

Страннѣ всего то, что намѣревались перевести на Кавказъ тѣхъ изъ нихъ, которые не успѣли обзавестись основательно въ Саратовскомъ краѣ и не могли уплатить числящагося за ними по вызову ихъ изъ-за границы долга. Во избѣжаніе „излишнихъ расходовъ“,—послѣ полученныхъ ими „довольныхъ милостей“, астраханскій губернаторъ въ составленной имъ смѣтѣ предполагалъ ограничить на этотъ разъ сумму пособій имъ въ томъ размѣрѣ, кака была выдана только что переведеннымъ въ 1778 году съ Волги на Терекъ казакамъ, а именно: до 20 руб. на семью, думая, что колонисты могутъ переѣхать въ отдаленный кавказскій край на тѣхъ же лошадяхъ и съ тѣми же пожитками, какія у нихъ имѣлись. Но, доносилъ онъ 29 Октября 1780 г. генераль-прокурору кн. Александру Алексѣевичу Вяземскому,—„во время моего объѣзда колоній, самолично могъ я замѣтить, что колонисты, сверхъ всей своей безпечности, нисколько не умѣютъ обращаться съ лошадьми, которыхъ я положилъ дать только тѣмъ, у кого ихъ доставать не будетъ на теперешнемъ мѣстѣ“. „Не имѣя ни порядочной упряжи, ни зная, какимъ образомъ ее поправить, едва ли,—говорилъ онъ,—могли они соблюсти свопхъ лошадей чрезъ такой дальній путь и доведутъ ли ихъ туда по незаселенной и дикой степи, или по крайней мѣрѣ придутъ туда съ чувствительнымъ урономъ“. Въ виду этого, въ дополненіе къ прежнему исчисленію, онъ предлагалъ князю: „Если угодно будетъ приказать перевести ихъ на тѣхъ лошадяхъ, которыя имъ назначаются

въ работу, то, какъ онѣ всѣ будутъ дикія и невыѣзженные изъ калмыцкихъ заводовъ, — легко станется, что въ пути они ихъ перепортятъ и многихъ до мѣста не доведутъ“. А „по приходѣ на новыя мѣста, по причинѣ переменнаго климата, должно ожидать большаго упадка въ лошадахъ, на мѣсто коихъ придется снабжать хозяевъ новыми“. Чтобы избѣжать такого расхода, Якоби совѣтовалъ перевести колонистовъ наймомъ, полагая для этого на каждую семью не менѣе 25 руб., что на всѣхъ 4322 семьи, включая въ то число поселенцевъ и отдаленныхъ колоній, потребовалось бы съ небольшимъ 108 тыс. руб. И только по прибытіи на Кавказъ въ районѣ ихъ селеній снабдить ихъ лошадами, на что, по его мнѣнію, исчисляя стоимость каждой въ 12 руб., слѣдовало добавить еще около 80 тыс. руб. Да надо оставить въ запасъ, писалъ онъ, „хотя бы третью долю противъ смѣты“, на случай упадка у нихъ рогатаго и мелкаго скота.

Первыя партіи колонистовъ предполагалось отправить ранней весной, „когда протоки въ берегахъ своихъ установятся“. Онѣ могли пройти пространство отъ Саратова до Кавказа не ранѣе шести недѣль. Значить прибыть туда уже тогда, когда весенній сѣвъ тамъ кончался. Чтобы не оставаться имъ лѣто бесполезными и безъ сѣва, губернаторъ „полагалъ до ихъ прихода распахать на каждую семью по одной десятинѣ и засѣять ихъ яровымъ хлѣбомъ, дабы по прибытіи своемъ они нашли свои нивы готовыми“. Это необходимо было сдѣлать потому еще, что сами колонисты не могли „въ скорости“ обработать на заморенныхъ лошадахъ кавказскія новыя, нетронутыя, твердыя земли, которыя поддавались только воловьею пахотѣ. Обработка одной десятины такимъ способомъ стоила тогда 4 руб., а на всѣхъ 4322 нужно было затратить 17,288 руб.

Но этого мало. Пока то они успѣють обзавестись всѣмъ необходимымъ, чѣмъ нибудь имъ надо было питаться, ибо на старыхъ мѣстахъ запасовъ у нихъ не оказалось. Поэтому, говорилъ Якоби, придется выдавать имъ казенный провіантъ по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Наконецъ, писалъ онъ князю въ заключеніе: „сосѣди тамошніе никогда не бываютъ спокойны. Хотя Кабардинцы довольно усмирены, но Кубанцы и прочіе народы, зависящіе отъ управления Крымскаго Шаганъ-Гирея хана, столь наглы, что нерѣдко нападеніями своими простираются до самыхъ донскихъ предѣловъ, и ни одного лѣта и осени не проходитъ, чтобы они спокойно пробыли. При переводѣ на линію колонистовъ, не оставляютъ они сдѣлать на нихъ своего покушенія.

Ежели они отгонять табунъ, или случится моровое повѣтріе, то необходимо будетъ въ первые годы поселенія снабдить ихъ скотомъ отъ казны“. Почему просилъ онъ, для такихъ случаевъ назначить еще въ запасъ сумму, „какая заблагоразсудится“. передавъ ее въ его губернаторское распоряженіе.

Къ сожалѣнію, въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось данныхъ, была ли исчислена необходимая на переселеніе колонистовъ сумма и въ какомъ размѣрѣ. Повидимому, кн. Вяземскій не сообщилъ ее Якоби, въ виду отказа правительства отъ этой безумной затѣи, которая не могла бы принести ни какой пользы краю, кромѣ вреда и непомѣрныхъ затратъ.

Если принять во вниманіе всѣ сдѣланныя губернаторомъ предположенія, то пришлось бы употребить на это дѣло одновременно не менѣе милліона руб. да на ежегодное пополненіе скотской убыли, хотя бы по 25 руб. на семью, около 100 тыс. руб. Но въ теченіе какого времени потребовалось бы производить послѣдній расходъ, того, конечно, никто не могъ опредѣлить точно, вслѣдствіе постоянного неспокойствія на Кавказѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ враждебно настроенными воровскими племенами.

Прекратиться такой расходъ могъ тогда только, когда была бы покорена эта страна, что, какъ извѣстно, совершилось лишь въ 1864 году, т. е. спустя 80 лѣтъ послѣ замышленного предположенія. Судите сами, во сколько бы обошлась за это время государству такая „широкая“ колонизація?...

Это обстоятельство, видимо, и удержало правительство продолжать дальнѣйшія попытки къ заселенію Кавказа на государственный счетъ европейскими выходцами. Съ усмиреніемъ горцевъ и наступленіемъ сравнительнаго тамъ спокойствія, они сами добровольно не замедлили заполнить лучшія мѣста въ Кубанской и Терской областяхъ, стѣснивъ своими обширными колоніями земельное пользованіе коренныхъ жителей—инородцевъ и особенно казаковъ, имѣющихъ нынѣ 5—7 дес. надѣла, хотя у нихъ требуется являться на службу во всей исправности и на своемъ конѣ, чего избавлены колонисты, обладающіе участками и теперь отъ 20 до 30 дес. на душу. Справедливо ли это?...

П. Л. Юдинъ.

Священной памяти Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича

Къ пятидесятилѣтію со дня Его кончины—12 Апрѣля 1865 года.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ—12 Апрѣля 1865 г. въ г. Ниццѣ, въ виллѣ Берпонтъ, послѣ еще въ дни отрочества начавшейся и въ послѣдніе лишь мѣсяцы жизни осложнившейся менингитомъ болѣзни, напутствованный Св. Тайнами, въ присутствіи окружавшихъ смертный одръ Августѣйшихъ Родителей—Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны, Брата, впоследствии Государя Императора Александра Александровича и высоконазванной невѣсты, датской принцессы Дагмары, нынѣ вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны,—скончался бывший тогда Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола, Великій Князь Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Да помянетъ Его Господь Богъ во Царствіи Своемъ!

„Тотъ, чье имя носить мѣсто вашего воспитанія,—такъ говорилъ покойный М. Н. Катковъ воспитанникамъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на годичномъ актѣ въ 1870—71 учебномъ году,—едва переступилъ предѣлъ вашего возраста¹⁾, въ которомъ вы находитесь²⁾, и въ народной памяти запечатлѣлся подъ свѣтлымъ образомъ юноши. Въ немъ олицетворяется судьба нашего отечества; въ немъ заключалось то будущее, къ которому вы готовитесь. Онъ пламенно любилъ свой народъ и готовился вести его путемъ добра и славы. Онъ вѣровалъ въ его призваніе, и патриотическія думы, которыми были озарены послѣдніе дни его жизни,—лучшій завѣтъ для зрѣющихъ поколѣній. Русская душа Его отзывалась на все человѣческое. Онъ былъ весь стремленіе чистое и еще ничѣмъ не возмущенное къ добру и свѣту“.

¹⁾ Великій Князь Николай Александровичъ родился 8 Сентября 1843 года; слѣд., предъ кончиной Его Ему было всего 21 годъ и 7 мѣсяцевъ.

²⁾ Разумѣются воспитанники старшихъ классовъ Лицея.

„Лучшаго идеала для юныхъ поколѣній,—такъ говорилъ тотъ же М. Н. Катковъ въ другой разъ,—не могло бы создать и созерцаніе поэта“.

Нѣтъ ничего. поэтому, удивительнаго, что никѣмъ до самыхъ послѣднихъ дней жизни Цесаревича неожиданная кончина Его, на зарѣ юности, въ полномъ расцвѣтѣ недюжинныхъ, поражающихъ его знаменитыхъ учителей, духовныхъ дарованій, по окончаніи имъ многосторонняго, особенно глубокаго въ философско-историческомъ и художественномъ отношеніяхъ и въ строго національномъ направленіи образованія¹⁾, во время Его путешествія по Россіи (двукратнаго) и Европѣ, какъ бы закрѣпленнаго практическимъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что Онъ изучилъ и полюбилъ, и въ заключеніе спустя лишь полгода послѣ помолвки съ любимой и, какъ утрення заря, прекрасной принцессой,—нѣтъ ничего удивительнаго, что эта кончина Его громовымъ ударомъ отозвалась въ сердцѣ всего русскаго народа и оплаканная въ молитвахъ и пѣсняхъ церковныхъ и нецерковныхъ сказала въ многочисленныхъ благотворительныхъ и духовно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ въ память Его, къ числу которыхъ въ нашей Москвѣ принадлежатъ Императорскій Лицей Его имени и Братство Святителя Николая.

Чтобы глубоко и живѣе представить себѣ такое въ буквальномъ смыслѣ обаятельное впечатлѣніе духовнаго облика въ Божѣ почившаго Цесаревича и хоть отчасти уяснить себѣ этотъ обликъ, нужно читать посвященныя памяти Цесаревича сказанія о Немъ лицъ не только бывшихъ съ Нимъ въ близкомъ общеніи и отношеніи, а и случайно и не надолго соприкасавшихся съ Нимъ,—сказанія, какихъ немало въ „Воспоминаніяхъ Э. А. Оома“, состоявшаго при воспитателяхъ Августѣйшихъ Дѣтей во все время жизни Цесаревича, въ „Воспоминаніяхъ кн. Вл. П. Мещерскаго“, бывшаго особенно близкимъ къ Нему въ послѣдніе пять лѣтъ Его жизни, въ „Письмахъ о путешествіи Гесударя Наслѣдника Цесаревича по Россіи“ К. П. Побѣдоносцева и П. К. Бабста. въ „Воспоминаніяхъ Э. П. Буслаева“, въ

¹⁾ Чтобы оцѣнить это по достоинству, нужно помнить, что среднимъ образованіемъ Наслѣдника Цесаревича руководилъ извѣстный академикъ Я. К. Гротъ, а высшимъ— гр. С. Гр. Строгановъ, по указанію котораго въ числѣ учителей Цесаревича были такіе корифеи философской, исторической и юридической наукъ, какъ проф. В. Д. Кудрявцевъ, Б. Н. Чичеринъ, М. М. Стасюлевичъ, С. М. Соловьевъ, О. П. Буслаевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, И. К. Бабеть, а законоучителями прот. В. Б. Важановъ и І. В. Рождественскій.

письмахъ и статьяхъ М. М. Стасюлевича, Б. Н. Чичерина, А. О. Тютчевой, кн. П. А. Вяземскаго и многихъ другихъ, печатавшихся или въ отдѣльныхъ книгахъ, или въ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ *Русскомъ Архивѣ*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Ивнлѣдѣ*, въ книгахъ Н. П. Барсукова (*Жизнь и труды Полюдина*) и мн. др.

„Умъ Великаго Князя,—такъ писалъ о Немъ человекъ, лично и близко знавшій Его (*Моск. Вѣд.* 1868 г.),—былъ пронидательнъ, любознательнъ и воспріимчивъ: въ то же время Онъ былъ весьма взыскателенъ, требуя всегда самаго полнаго и всесторонняго разъясненія предмета, съ которымъ знакомился. Эти свойства ума Его свѣтили въ Его прекрасныхъ глазахъ, съ ихъ живымъ, слегка задумчивымъ, глубоко-пронидательнымъ и вѣжно вопрошающимъ взоромъ“.

Это относительно умственной жизнедѣятельности почившаго; а вотъ черты Его нравственнаго образа и характера, отмѣченныя тѣмъ же лицомъ: „Онъ—Цесаревичъ постоянно обдумывалъ себя; Онъ хотѣлъ познать себя. Это обдумываніе себя въ Немъ всегда происходило въ живой и тѣсной связи съ обдумываніемъ своего положенія и своихъ обязанностей къ людямъ, Его окружавшимъ“...

Въ этомъ обдумываніи и самопознаніи, отражавшихся въ Его дневникахъ, столько свѣтилось любви къ людямъ, доброжелательства и инстинктивнаго отвращенія ко всякой лжи и лести! А какъ любилъ Онъ все родное русское въ памятникахъ старины, которые зналъ въ совершенствѣ, относились ли они къ литературѣ, искусству и т. п.

Но особенное и, можно сказать, исключительное,—не историческое или теоретическое только, а и жизненно-практическое, не частное только и личное, а общественно-государственное значеніе выдающаяся по своимъ духовнымъ дарованіямъ и талантамъ личность Цесаревича Николая Александровича имѣть и должна имѣть не сама только въ себѣ, какъ сказала она въ промелькнувшей мимолетнымъ видѣніемъ жизни этого Царственнаго Юноши. а и въ Его отношеніи къ Августѣйшему Брату-„Другу“ Сашѣ, который замѣнилъ Его на всероссійскомъ Престолѣ—въ воздѣйствіи и вліяніи Его на послѣдняго: потому что, по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ обоихъ Братьевъ-Друзей, одинъ всѣ пріобрѣтенныя Имъ знанія, вырабатывавшіеся взгляды и убѣжденія, завѣтныя думы и даже сердечныя чувства. вслѣдствіе экспансивности своей природы, съ мѣткостью остраго ума и непосредственною искренностью чувства передавалъ, а другой. въ силу замк-

нutoй цѣлостности характера, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и беззавѣтной вѣрностію воспринималъ...¹⁾

И мы знаемъ и исповѣдуемъ, что истинно это свидѣтельство... Благодатную правду его мы видѣли въ славныхъ, всѣмъ міромъ прославленныхъ царственныхъ дѣяніяхъ Царя-Миротворца...

Что-то поистинѣ великое видится во всемъ этомъ, имѣющее дѣйствительно не частное и личное только значеніе, а общегосударственное и даже больше—общечеловѣческое!

Въ самомъ дѣлѣ, не дивно ли то, что хотя Цесаревичъ, какъ человѣкъ не отъ міра сего, въ силу хрустальной хрупкости своей психофизической природы, взятъ былъ отъ среды этого міра въ ту самую пору, когда долженъ былъ внести въ этотъ міръ сокровища своего духа, но, уходя въ сродный Ему міръ идеаловъ, Онъ не унесъ ихъ съ собою, а какъ бы перенесъ въ духъ своего Брата-Друга и въ царственныхъ дѣяніяхъ Его воплотилъ ихъ на благо и славу всей Россіи, и ея ли одной!

Поистинѣ чудны дѣла твои, Господи!

Въ этихъ-то всѣхъ, лишь схематически отмѣченныхъ нами событіяхъ и явленіяхъ жизни этой нашей славы-Цесаревича и Его трагической на зарѣ юности кончины, правдиво, въ хронологической послѣдовательности и прагматической связи изображенныхъ, показать развитіе и расцвѣтъ духовныхъ дарованій этой хрустально-чистой и тонкой, и въ полетахъ своей просвѣщенной мысли и порывахъ чуткаго сердца до идеальности высокой природы, какъ сказочнаго витязя, насквозь пропитаннаго свято-русскими идеалами и въ этомъ смыслѣ не только способнаго вдохновить къ нимъ, а и дѣйствительно вдохновившаго собой своего преемника,—но вмѣстѣ съ тѣмъ показать это въ истинномъ свѣтѣ Христовой вѣры,—такъ, чтобы въ этой на самомъ расцвѣтѣ прерванной жизни въ ея отношеніи къ послѣдующему видны были пути Промысла Божія,—вотъ задача для біографа этой исключительной по своимъ дарованіямъ, положенію и судьбѣ личности пятидесяти лѣтъ тому назадъ скончавшагося Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

Нѣтъ сомнѣнія, что задача эта—высокая, святая и жизненно-насушная по своему значенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ—задача трудная и

¹⁾ Знаменательно въ этомъ отношеніи даже то, что уже на смертномъ одрѣ Юноша-Женякъ говорилъ стоявшему около него Брату своему Самѣ, указывая на оставленную Имъ невѣсту Свою: „полюби ее“, и Братъ исполнилъ предсмертный завѣтъ Его, и мы знаемъ благодать этого исполненнаго завѣта.

не всякому сильная. Она требует для ея выполненія широкой освѣдомленности не только съ фактами и событіями жизни самого Цесаревича, а и со всѣмъ строемъ жизни нашего Царствующаго Дома, съ положеніемъ, значеніемъ и характеромъ окружавшихъ Великаго Князя и имѣвшихъ такое или иное къ нему отношеніе или воздѣйствіе на него лицъ. Но и это все касается лишь внѣшней исторіи, которая не всегда даетъ ясное и правильное представленіе о внутреннемъ духовномъ облигѣ изображаемой личности, а этотъ-то облигъ и составляетъ въ данномъ случаѣ самое цѣнное и дорогое въ біографіи Цесаревича: и онъ-то—этотъ облигъ менѣе всего и уловимъ и изобразимъ, потому что „развитіе внутреннее, —какъ говоритъ объ этомъ въ своей замѣткѣ къ портрету именно Цесаревича Николая П. И. Бартеньевъ (*Русск. Арх.* 1899 г., кн. 10, стр. 304),—не оглашается“. Объ этомъ развитіи и такъ-сказать содержаніи духовныхъ дарованій Цесаревича, переданномъ Имъ своему Брату, мы можемъ узнавать лишь по случайно появившимъ въ печать даннымъ этого рода.¹⁾ Но и этимъ еще, какъ говорить далѣе тотъ же П. И. Бартеньевъ, не удовлетворяется справедливая любознательность русскаго человѣка. Мы говоримъ о полной біографіи Цесаревича, которая можетъ составить цѣлую книгу и украситься произведеніями его пера. Когда пишущему эти строки посчастливилось говорить о томъ почившему Государю Александру Александровичу, то Его Величество не только одобрилъ мысль о собраніи и печатаніи писемъ Его Брата, по изволилъ сказать, что „Самъ бы желалъ заняться ихъ изданіемъ“...

Не потому ли досель такой полной, какъ характеризуетъ ее П. И. Бартеньевъ, біографіи Цесаревича и не написано еще никѣмъ, хотя не мало есть лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ и даже занимающихся имъ?

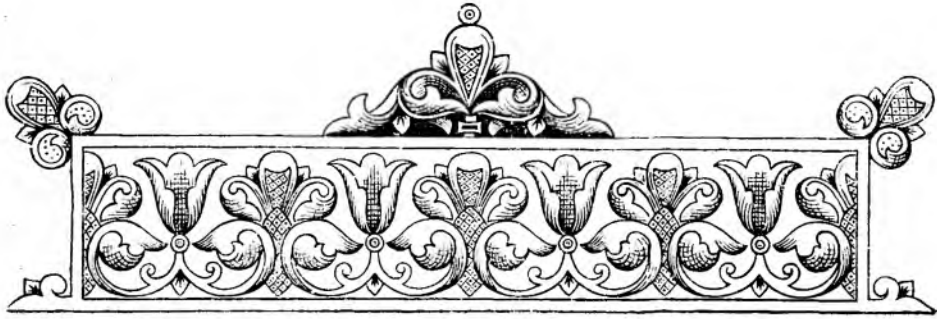
Можетъ-быть, пятидесятилѣтняя давность развяжетъ нѣкоторымъ руки, и мы скоро увидимъ въ печати если не самую эту „полную“ біографію Наслѣдника Цесаревича, то, по крайней мѣрѣ, указанные выше и необходимые для нея матеріалы.

Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

(*Московскія Вѣдомости.* 12 Апрѣля 1915; № 13).

¹⁾ См. выше.

Мины въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг.

Пользованіе минами наравнѣ съ другими средствами истребленія противника, и притомъ только вооруженнаго, казалось-бы, должно имѣть въ виду лишь эту послѣднюю цѣль, но въ современной войнѣ оставляется нашими противниками безъ вниманія столь несомнѣнное правило. Почительный же примѣръ въ отношеніи минной войны даетъ намъ эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг., покрывшій славой русское оружіе¹⁾.

Осенью 1877 г. начальнику отряда судовъ въ устьяхъ Дуная, капитанъ-лейтенанту Дикову²⁾, было поручено идти къ Сулину и вступить въ бой съ находящимися тамъ 4 турецкими броненосцами. Отрядъ Дикова состоялъ изъ шхунъ „Воронъ“³⁾, „Утка“ и „Лебедь“, пароходовъ „Сестрица“ и „Опытъ“, mortarной баржи и 6 минныхъ катеровъ. Планъ атаки турецкихъ броненосцевъ въ Сулинѣ былъ основанъ на томъ, чтобы, пользуясь безпечностью Турокъ⁴⁾, незамѣтно провести нашу флотилію по Сулинскому рукаву Дуная отъ румынскаго города Тульчи⁵⁾ къ Сулину, гдѣ съ помощью минныхъ загражденій лишить непріятельскую эскадру возможности подняться вверхъ по Дунаю и,

¹⁾ Черноморскій Центральнй Военно-Морской Архивъ, дѣла Николаевской призової комисіи, вѣзка № 11, стр. 15 слѣд.

²⁾ Сравнительно недавно бывшему Морскимъ Министромъ, назначенному загѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта, — генералъ-адъютанту и полному адмиралу.

³⁾ На которомъ находился самъ начальникъ отряда.

⁴⁾ Турки считали загражденіе Сулинскаго рукава Дуная непроходимымъ; однако наши суда, какъ увидимъ далѣе, прошли черезъ него безирепитвенно. Любопытная подробность: загражденіе это было устроено *немцами* генераломъ Циммерманомъ, достойнымъ предшественникомъ современныхъ фонъ деръ Гольцъ и фонъ Лиманъ-пашей.

⁵⁾ Занятої въ Іюль 1877 г. отрядомъ Янова. Впослѣдствіи подступъ къ ней отъ Сулина былъ совершенно претражденъ турецкому флоту путемъ затопленныхъ судовъ.

такимъ образомъ, сохранить преимущество надъ непріателемъ въ расположеніи мѣста боя. Слѣдовательно, пользуясь „качествомъ“¹⁾ мортиръ и орудій, которыми можно „дѣйствовать подь значительнымъ угломъ возвышенія“²⁾, отрядъ Дикова былъ въ состояніи поражать непріателя съ большого разстоянія и въ то же время не позволять послѣднему приближаться къ нашимъ судамъ на прицѣльный выстрѣлъ своихъ орудій.

Подходимъ теперь къ темѣ нашего изслѣдованія. Диковъ былъ убѣжденъ (и дальнѣйшія событія исполнѣ подтвердили это убѣжденіе), что успѣхъ всей операціи противъ Турокъ долженъ былъ зависѣть исключительно отъ удачной постановки миннаго загражденія, по возможности, ближе къ Сулину, и само собой разумѣется, отъ благонадежности самихъ минъ³⁾. Чтобы гарантировать этотъ успѣхъ, Диковъ еще до возложеннаго на него порученія въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, когда отрядъ его находился у острова Лети⁴⁾, производилъ практическія ученія. Благопріятный результатъ послѣднихъ проявился въ полной мѣрѣ, ибо, когда наступило время дѣйствовать, у Дикова все было предусмотрено до мелочей, — имъ были приняты мѣры даже противъ разныхъ случайностей. Такъ на буксирѣ изъ минныхъ катеровъ пошли двѣ большихъ лодки съ 30 охотниками, нижними чинами пѣхотнаго Дорогобужскаго полка „съ цѣлью отгѣспить турецкій постъ, если бы онъ случился близъ знака 2-ой мили⁵⁾, гдѣ слѣдовало поставить мины“. Мало того, для той-же цѣли по правому берегу было послано 60 человекъ изъ того-же Дорогобужскаго полка⁶⁾.

Вслѣдъ за катеромъ подь командой лейтенанта Крусворфа⁷⁾ отправились остальные катера съ минными плотами на буксирахъ—

1) Какъ выражается Диковъ въ своемъ донесеніи на имя Главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Замѣтимъ кстати, что донесеніе это написано такимъ блестящимъ языкомъ, такъ живо схватываетъ мельчайшія детали порученной Дикову операціи, что мы невольно остановили на немъ свое вниманіе среди многихъ другихъ, порой весьма неясныхъ.

2) Ibidem.

3) Въ указанной книгѣ мы находимъ и указанія, какого рода мины были въ распоряженіи нашего отряда и кто ихъ изготовлялъ. Какъ увидитъ далѣе читатель, это были такъ называемыя гальваноударныя мины, изготовленныя поручникомъ 10 сапернаго батальона Пгнатъевымъ и лейтенантомъ Лоцинскимъ. Снаряжены мины были пироксилиномъ и „запальными зарядами“, приготовленными въ Николаевѣ.

4) На этомъ низменномъ и болотистомъ островѣ въ устьяхъ Дуная жили потомки запорожцевъ, переселившихся послѣ разоренія Сѣчи въ 1775 г. въ Турцію.

5) Считаю отъ Сулина внизъ по Дунаю.

6) Эти 60 человекъ дошли только до 5 мили отъ Сулина въ виду толкости береговъ.

7) Которому Диковъ поручилъ распоряжаться постановкой минъ, какъ старшему.

каждый изъ нихъ долженъ былъ поставить по двѣ мины. Диковъ предполагалъ, что катера окончатъ работу къ часу ночи и что остальная флотилія перейдетъ на боевую „диспозицію“ къ разсвѣту. Поэтому, чтобы не встрѣтить препятствій въ отысканіи якорной стоянки, лейтенантамъ Крускорфу и Фридрихсу¹⁾ Диковъ приказалъ ожидать остальную флотилію между 3 и 4 милями отъ Сулина, а лейтенанту Скрягину²⁾—около 6-ой мили, гдѣ должно было остановиться и санитарное судно для раненыхъ. Тщательно учитывая всякія затрудненія, которыя неожиданно могли явиться при приведеніи въ исполненіе задуманнаго предпріятія. Диковъ принялъ мѣры и къ тому, чтобы облегчить катерамъ отысканіе вышеуказаннаго мѣста постановки минъ въ разстояніи 2 миль отъ Сулина. Задача эта была поручена Диковымъ указаннымъ 30 охотникамъ, которые, отдѣлившись отъ буксировавшаго ихъ на лодкахъ катера, должны были высадиться на берегъ противъ намѣченнаго мѣста постановки минъ. Но здѣсь, такъ сказать, стихійныя силы, до нѣкоторой степени разстроили безъ особаго впрочемъ вреда³⁾ расчеты Дикова. Дѣло въ томъ, что въ виду очень темной ночи катера потеряли много времени, пока нашли мѣсто высадки охотниковъ. И такъ какъ охотники не могли найти знака, указывающаго 2 миль⁴⁾, то катера подошли слишкомъ близко къ Сулину и ихъ теченіемъ занесло на турецкій бонъ⁵⁾, гдѣ они были замѣчены неприятелемъ: съ большими усиліями отойдя отъ бона, командиры катеровъ бросили дрэпъ (якоря) и начали постановку минъ подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Несмотря на то, что офицеры и нижніе чины на катерахъ были первый разъ въ огнѣ, мины были поставлены „безъ суеты и хорошо, какъ показали послѣдствія“. При постановкѣ минъ случилось однако „непріятное“ обстоятельство: у мичмана Рабецкаго⁶⁾ оборвался буксиръ отъ миннаго плота. вслѣдствіе чего плотъ, мины и находящійся на плоту матросъ поплыли внизъ по теченію. Матросъ вплавъ достигъ берега и подтащилъ плотъ къ камышу. Онъ хотѣлъ потопить или испортить мины, но не успѣлъ этого сдѣлать⁷⁾. Когда Диковъ

1) Командиру одного изъ катеровъ.

2) Командиру одного изъ катеровъ.

3) Лишній разъ, какъ увидимъ ниже, подтвердивъ молодецкую работу нашихъ морчковъ.

4) Очевидно, предусмотрительно убраннымъ турками.

5) Передъ которымъ находились фугасы, соединенныя съ гальванической батареей, находившейся на одномъ изъ турецкихъ броненосцевъ.

6) Командира одного изъ катеровъ.

7) Матроса этого на другой день удалось взять на флотилію, плотъ-же, по предположенію Дикова, попалъ въ руки турокъ.

получилъ увѣдомленіе, что постановка минъ окончена; онъ пошелъ съ отрядомъ къ Сулину, пустивъ впередъ изъ предосторожности¹⁾ пароходъ „Опытъ“, на которомъ находились приспособленія для отысканія и траленія минъ.

Теперь, указавъ вскользь какими узкими и единственно правильными предѣлами съ гуманной точки зрѣнія ограничивалось въ эту войну примѣненіе минъ нашими войсками, — пользуясь новымъ архивнымъ матеріаломъ²⁾, остановимся на этомъ эпизодѣ подробнѣе. Какъ сейчасъ увидитъ читатель, пользованіе минами только противъ вооруженнаго противника, а не его мирнаго населенія³⁾, нисколько не уменьшаетъ общихъ результатовъ нанесенія послѣднему наибольшаго вреда, и въ рассматриваемомъ случаѣ дало возможность нашей слабой эскадрѣ, подъ предводительствомъ недавно скончавшагося генераль-адъютанта Дикова⁴⁾, атаковать турецкій линейный флотъ, въ результатѣ чего два броненосца были выведены изъ строя. Слѣдуетъ-ли упоминать, что и родъ минъ, бывшихъ въ распоряженіи Дикова, совершенно не походилъ на современные, о страшномъ разрушительномъ дѣйствиіи коихъ такъ скорбятъ теперешніе гуманисты войны⁵⁾, позволяя себѣ высказывать только пожеланіе о замѣнѣ ихъ такими, надъ которыми возможенъ контроль. Какъ убѣдится самъ читатель, Диковъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, помимо предварительныхъ практическихъ занятій разработалъ планъ нападенія въ мельчайшихъ деталяхъ, а то, что невозможно было заранѣе предусмотрѣть, онъ исправилъ, благодаря своей находчивости.

По приказанію генераль-лейтенанта *Веревкина*⁶⁾ идти къ Сулину и вступить въ бой съ находящимися тамъ съ 4 турецкими броненосцами, Диковъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ судовъ, состоящимъ изъ шхунъ: „Воронъ“, „Утка“, „Лебедь“, пароходовъ: „Сестрица“ и „Опытъ“, мортирной баржи и 6-ти миноносныхъ катеровъ, 25 Октября 1877 г. прошелъ загражденіе Сулинскаго рукава Дуная, устроенные генераломъ Циммерманомъ, а 26 Октября къ вечеру подошелъ къ нашему мин-

¹⁾ Такъ какъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, турки тоже разставили минныя загражденія.

²⁾ Черноморскій Центральній Военно-Морской Архивъ дѣло № 12 Николаевской призовой комиссіи.

³⁾ Какъ это, къ сожалѣнію, практикуется въ настоящей нашей войнѣ Германіей.

⁴⁾ Тогда еще простого капитанъ-лейтенанта.

⁵⁾ Шапринъ, Dupuis, *Le droit de la guerre maritime d'après les conférences de la Haye et de Londres*, Paris 1911, стр. 581 слѣд.

⁶⁾ На немъ лежало высшее наблюденіе за постановкой минъ.

ному загражденію у 12-ой мили отъ устья въ того же рукава. Вотъ свѣдѣнія изъ рапорта главному командиру черноморскаго флота и портовъ, поданнаго Диковымъ 30 Октября 1877 года за № 321.

Планъ атаки турецкихъ броненосцевъ въ Сулинѣ былъ основанъ на томъ, чтобы, пользуясь безпечностью Турокъ, считавшихъ, какъ кажется, загражденіе, устроенное генераломъ Циммерманомъ, непроходимымъ, провести флотилію, незамѣченною непріателемъ по Сулинскому рукаву Дуная отъ Тульчи къ Сулину, гдѣ съ помощью минныхъ загражденій, лишить непріательскую эскадру возможности подниматься вверхъ по Дунаю и, такимъ образомъ, сохранить за собой преимущество располагать боемъ, т. е. пользуясь качествомъ мортиръ и орудій, которыми можно дѣйствовать подъ значительнымъ угломъ возвышенія, поражать непріателя съ большого разстоянія и не позволять ему приближаться къ нашимъ судамъ на прицѣльный выстрѣлъ его орудій. Вѣроятность успѣха атаки турецкой эскадры и безопасность ввѣренной Дикову флотиліи, подошедшей вечеромъ 26 Сентября на близкое уже разстояніе къ Сулину, совершенно зависѣла отъ удачной постановки миннаго загражденія по возможности ближе къ Сулину и отъ благонадежности самыхъ минъ. Испытаніе гальваноударныхъ минъ новаго устройства и практическія ученія постановки ихъ, производимыя во время двухмѣсячнаго нахожденія, ввѣреннаго Дикову отряда судовъ у о-ва Лети, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что при малѣйшей оплошности со стороны непріателя, мины будутъ поставлены хорошо и что загражденіе также достигнетъ цѣли, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, пока непріатель не узнаетъ о мѣстѣ загражденія и не рѣшится форсировать его. Мины изготовлялись 10 сапернаго баталіона поручикомъ Игнатьевымъ при содѣйствіи лейтенанта Лощинскаго. Онѣ были снаряжены пироксилиномъ и запальными снарядами, приготовленными въ Николаевѣ. Постановку минъ у Сулина Диковъ поручилъ командирамъ миноносныхъ катеровъ, *лейтенантамъ*: Крускорфу, Лощинскому, Фридрихсу и Скрягину, мичману Рабецкому и гардемарину графу Строганову. Распоряженіе по постановкѣ минъ поручилъ лейтенанту Крускорфу, какъ старшему въ чинѣ. Гардемаринъ графъ Строгановъ назначенъ былъ для наблюденія за непріателемъ во время постановки минъ. Ему же было поручено предупредить Дикова объ окончаніи устройства загражденія и вообще обо всемъ, что могло случиться при исполненіи этой работы. Въ 10 ч. вечера отправился внизъ по Сулинскому рукаву Лейтенантъ Крускорфъ, имѣя проводникомъ Сулинскаго жителя Георгія, предложившаго свои услуги какъ волонтеръ и безвозмездно. На буксирахъ миноноснаго катера пошли

двѣ большихъ лодки съ 30 ч. охотниковъ, изъ Дорогобужскаго полка, съ цѣлью отгнать турецкій постъ, если бы онъ случился близъ знака 2 мили, гдѣ слѣдовало поставить мины. Для этой же цѣли по правому берегу было послано 60 ч. охотниковъ изъ того же Дорогобужскаго полка. Эти 60 ч. дошли только до 5 мили, потому что далѣе не было возможности подвигаться впередъ по непроходимости плавней. Вслѣдъ за катеромъ лейтенанта Крускорфа отправились остальные катера съ минными плотами на буксиряхъ—каждый изъ нихъ долженъ былъ поставить по двѣ мины.

Предполагалось, что катера окончатъ работу къ 1 ч. ночи, и что флотилія перейдетъ на боевую диспозицію къ разсвѣту, поэтому для того, чтобы можно было въ темнотѣ отыскать якорныя мѣста судовъ, лейтенантамъ Крускорфу и Фридрихсу было приказано ожидать флотилію между 3 и 4 милями, а Лейтенанту Скрягину около 6-ой мили, гдѣ должно было остановиться санитарное судно. Ночь на 27 Сентября была очень темна и потому катера потеряли много времени, пока опредѣлили мѣсто высадки охотниковъ. Не найдя знака 2 мили, катера подошли слишкомъ близко къ Сулину и ихъ теченіемъ понесло на бонъ (т. е. загражденіе изъ бревень), гдѣ они были замѣчены непріателемъ. Съ большими успіями отойдя отъ бона, командиры катеровъ бросили дреки и начали постановку минъ подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Несмотря на то, что офицеры и нижніе чины на катерахъ были въ первый разъ въ огнѣ, мины были поставлены безъ суеты и хорошо, какъ и показали послѣдствія. При постановкѣ минъ случилось однако непріятное обстоятельство: у мичмана Рабецкаго оборвался буксиръ отъ миннаго плота, вслѣдствіе чего плотъ, мины и одинъ матросъ поплыли внизъ по теченію. Матросъ вплавъ достигъ берега и подтащилъ плотъ къ камышу. Онъ хотѣлъ потопить или испортить мины, но не сумѣлъ этого сдѣлать. Надо предполагать, что плотъ этотъ попалъ въ руки непріятеля, человекъ же на другой день былъ взятъ изъ плавней на отрядъ. Получивъ увѣдомленіе объ окончаніи миннаго загражденія, Диковъ въ 6 ч. утр. 27 Сентября пошелъ съ отрядомъ судовъ къ Сулину. Подходя къ 6 милѣ, было замѣчено, что одинъ изъ броненосцевъ „Хевзиль-Рахманъ“ поднялъ на стеньгахъ боевые флаги и готовится сняться съ якоря и что на встрѣчу намъ вышли уже изъ Сулина 2 парохода: „Карталь“ и другой деревянный, трехмачтовый. „Карталь“, сидящій не болѣе 3 фут., прошелъ наше минное загражденіе безъ вреда для себя и, замѣтивъ въ камышахъ охотниковъ и катера, бывшіе впереди, открылъ по нимъ картечный огонь. Флотилія подвигалась впередъ, осторожно, предполагая (на

основаніи словъ лазутчиковъ) непріятельскія минныя загражденія Поэтому впереди судовъ шель пароходъ „Опытъ“ съ приспособленіемъ для отысканія минъ. Замѣтя критическое положеніе катеровъ и нашихъ охотниковъ на правомъ и на лѣвомъ берегахъ рукава, которые были совершенно открыты и не имѣли возможности отступить, т. к. сзади нихъ находились глубокія плавни, Диковъ приказалъ „Опытъ“ возвратиться, а самъ пошелъ на „Воронъ“ полнымъ ходомъ навстрѣчу турецкимъ судамъ. Движенію Дикова слѣдовали шкуны: „Утка“ и „Лебедь“. „Карталь“ послѣ первыхъ выстрѣловъ съ „Ворона“ повернулъ назадъ, а большой пароходъ продолжалъ приближаться. „Воронъ“ и „Утка“ завязали уже съ нимъ перестрѣлку, довольно удачную, т. к. два снаряда попали въ него, какъ вдругъ показался большой столбъ воды и пароходъ потонулъ, взорванный одной изъ минъ, поставленныхъ въ предшествующую ночь. Послѣ взрыва турецкаго парохода, „Карталь“ скрылся въ Сулинъ, а броненосецъ „Хевзиль-Рахманъ“ остался на мѣстѣ, измѣнивъ, повидимому, принятое прежде намѣреніе выйти къ намъ навстрѣчу. Избавившись такъ легко отъ сравнительно сильнаго противника, отрядъ судовъ, въ 8^{1/4} утра, занялъ позицію между 3—4 милями отъ устья Сулинскаго рукава и началъ перестрѣлку съ броненосцами, „Хевзиль-Рахманомъ“, и „Мукаденъ Хаиромъ“¹⁾. Снаряды „Мукаденъ Хаира“ ложились отъ судовъ не ближе 250—300 сажень, бомбы же носового орудія „Хевзиль-Рахмана“ разрывались все ближе и ближе. Послѣ взрыва одной изъ нихъ у самого борта „Ворона“ Диковъ счелъ благоразумнымъ нѣсколько отойти, тѣмъ болѣе, что наши снаряды во многихъ случаяхъ перелетали. Въ 1 часъ пополудни сдѣлался туманъ и перестрѣлка прекратилась. Снаряды наши ложились хотя и недурно, но броненосцы остались на прежнихъ мѣстахъ. Къ вечеру суда флотилии отошли отъ боевой диспозиціи къ 5 милѣ. Ночью загражденіе было усилено постановкой новыхъ гальваноударныхъ минъ. 28 Сентября въ 7 ч. утра, какъ только утренняя мгла разсѣялась, отрядъ судовъ занялъ прежнюю диспозицію, но, замѣтивъ, что броненосцы нѣсколько отодвинулись, Диковъ приказалъ шкунамъ и мортирной баржѣ приблизиться къ Сулину. Въ 9^{1/2} утра удачный выстрѣлъ съ кормового орудія „Ворона“, повредилъ самого опаснаго для насъ изъ ближайшихъ къ намъ броненосцевъ „Хевзиль-Рахмана“. Немедленно послѣ этого броненосецъ спустился по теченію къ выходу въ море, остановился тамъ борть о борть съ другимъ броненосцемъ и прекратилъ пары.

¹⁾ Диковъ зналъ названія этихъ броненосцевъ, основываясь на показаніяхъ лазутчиковъ и бывшихъ въ его отрядѣ лодмановъ.

Поврежденіе и отступленіе „Хевзиль-Рахмана“ встрѣченное командой шкуны „Воронъ“ громкимъ „ура“, которое раздалось затѣмъ на всей эскадрѣ, случилось въ присутствіи генералъ-лейтенанта Веревкина, который поздравилъ съ успѣхомъ Дикова командира шкуны и команду и наградилъ послѣднюю деньгами за хорошую стрѣльбу.

Съ отступленіемъ „Хевзиль-Рахмана“ отрядъ судовъ могъ совершенно безъ риска подойти къ нашему минному загражденію для болѣе успѣшнаго дѣйствія противъ оставшагося еще въ бою броненосца первой линіи, который впрочемъ ограничился только немногими выстрѣлами, ложившимися гораздо правѣ нашихъ судовъ. Сперва это обстоятельство казалось Дикову чрезвычайно страннымъ, тѣмъ болѣе, что снаряды наши, особенно съ „Ворона“, ложились очень хорошо и одинъ изъ нихъ даже попалъ въ броненосецъ, но потомъ Диковъ замѣтилъ, что „Мукаденъ-Хаиръ“ стоитъ за насыпью¹⁾, которая совершенно скрывала его отъ насъ. Эти кучи мусора, прикрывавшіе броненосецъ отъ нашего прицѣльнаго огня, въ то же время мѣшали и ему стрѣлять въ насъ.

Результаты бомбардировки 28 Октября были болѣе удачны, чѣмъ можно было надѣяться, взвѣсивая наши и непріятельскія средства. Если намъ удалось сбить съ позиціи одного изъ броненосцевъ и заставить отступить другого, то это отчасти объясняется непонятной непредпріимчивостью непріятеля, который, подъ влияніемъ ли паническаго страха отъ взрыва одного изъ своихъ пароходовъ, или по другой причинѣ, послѣ первой же неудачи съ высланными къ намъ на встрѣчу судами поставилъ себя въ положеніе слабѣйшаго противника и даже ничего не дѣлалъ для того, чтобы отнять у насъ возможность пристрѣляться къ нему. Съ отступленіемъ броненосца „Мукаденъ Хаира“ фугасы, уложенные впереди перваго бона, сдѣлались недействительными, потому что гальваническая батарея, по словамъ лазутчиковъ, находилась на немъ. По мнѣнію Дикова, окончательное пораженіе турецкой эскадры, стоявшей въ Сулинѣ, могло быть достигнуто только атакой миноносныхъ катеровъ, давно уже готовившихся къ этому рѣшительному дѣйствію. Для успѣшной атаки миноносцевъ необходимо было взять батарею на правомъ берегу Сулинскаго рукава, такъ какъ картечный огонь 8 гладкоствольныхъ орудій этой батареи былъ опаснѣе для катеровъ, нежели огонь большихъ орудій всѣхъ 4 броненосцевъ.

Послѣдніе, кромѣ того, могли стрѣлять по нашимъ катерамъ, не попадая въ своихъ же или въ городъ. Отъ дальнѣйшей бомбарди-

¹⁾ Образованной изъ выгруженнаго съ судовъ балласта.

ровки (безъ атаки миноносцами непріятельской эскадры) безъ особой счастливой случайности, не было основанія ожидать рѣшительныхъ результатовъ, потому что наши суда подошли уже къ минному загражденію, поставленному въ ночь съ 27-го на 28-ое сентября, откуда, однако, нельзя было дѣйствовать по броненосцамъ, стоящимъ слишкомъ далеко: въ $2\frac{3}{4}$ миляхъ отъ боевой позиціи нашихъ судовъ.

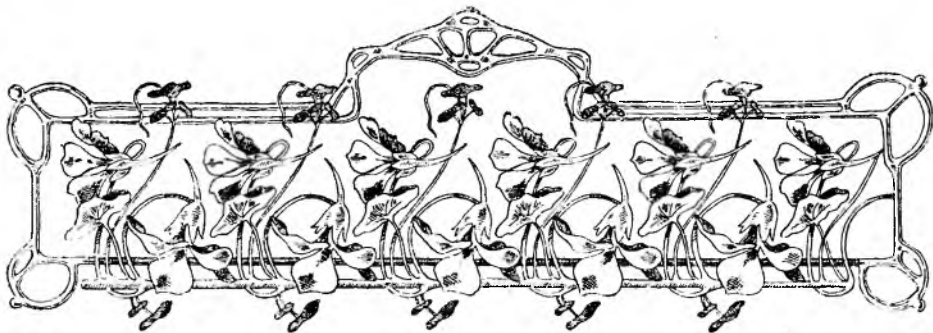
Кромѣ того, продолжая бомбардировку, слѣдовало разобрать наше минное загражденіе, выловить турецкія мины, поставленныя у боновъ, и пройти съ флотиліей въ самую Сулицкую гавань, откуда можно было бы завязать перестрѣлку съ броненосцами. Но эта новая позиція значительно ухудшила бы наше положеніе, т. е. на ней мы не имѣли бы впереди себя преграды, наводящей страхъ на непріятели. Турецкій адмиралъ, имѣвшій флагъ сперва на „Мукаденъ-Хаиръ“, и затѣмъ перенесшій его на другой броненосецъ, вѣроятно, понялъ бы невыгоду нашей новой позиціи и на этотъ разъ не позволилъ бы стрѣлять по судамъ своей эскадры безнаказанно.

29-го Диковъ получилъ приказаніе отойти отъ Сулина съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Уходя отъ Сулина, Диковъ приказалъ окончательно взорвать затонувшій турецкій пароходъ, что было успѣшно сдѣлано лейтенантомъ Фридрихсомъ, при содѣйствіи лейтенанта Скрыгина и гардемарина графа Строганова. Кормовой флагъ съ затонувшаго парохода снялъ лейтенантъ Фридрихсъ, а стеньговые капитанъ-лейтенантъ Сашинъ и гардемаринъ графъ Строгановъ.

Придя въ Тульчу, Диковъ съ разрѣшенія генералъ-лейтенанта Веревкина послалъ пароходъ „Опытъ“ исправить минное загражденіе въ Георгіевскомъ рукавѣ Дуная около селенія Махмудіе и поручилъ 10-го сапернаго баталіона поручику Пгнатьеву поставить новыя гальваническія мины въ Сулинскомъ рукавѣ. 2-го Октября, вслѣдствіе полученнаго приказанія возвратиться въ Николаевъ, Диковъ сдалъ командованіе отрядомъ капитанъ-лейтенанту Юнгу.

В. Голубевъ.

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукой брату.

28-го Апрѣля 1862 года.

Ради того, чтобы Голицыны не соскучились долгимъ ожиданіемъ, умоляю васъ, ставьте имъ въ примѣръ императора Александра.

И ѣду, ѣду, милый другъ. Мое назначеніе прибыло, всѣ бумаги въ порядкѣ и получено разрѣшеніе на выѣздъ изъ Рима. Свѣчина была права: мнѣ назначено 1,800 рублей въ годъ и годовое содержаніе на путевые расходы. Завтра я начинаю расплачиваться съ долгами, а въ четвергъ окончательно покидаю Римъ; мѣсто уже взято, и въ субботу, на разсвѣтѣ я буду въ твоихъ объятіяхъ. Ахъ, если бы кузены еще не уѣхали и если бы они захотѣли пробыть еще нѣсколько дней въ Флоренціи и подождать моего пріѣзда. Въ случаѣ, если они уже уѣхали, умоляю тебя, ради Бога напиши имъ сейчасъ же и скажи, что я во что бы то ни стало догоню ихъ въ Генуѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Портфель еще не полученъ, и я право не знаю, куда положить свои бумаги. Вопросъ о слугѣ рѣшенъ окончательно, если я поѣду съ Голицыными, то не возьму его съ собою. Я буду испытывать отчаяніе Калипсо, если они уже въ дорогѣ. Благодарю тебя за пропуски, они пришли какъ разъ во время. Кстати. Что это значитъ, что Василевскій не счелъ нужнымъ прислать мнѣ треть жалованья за сентябрь? „Уже не въ Мадридѣ ли промахнулъ! куда бы глупо сотворилъ“.—Съ безпокойствомъ жду отъ тебя писемъ, пишу тебѣ это письмо вечеромъ, для того, чтобы быть совершенно свободнымъ завтра утромъ, въ воскресенье и идти съ прощальными визитами.—Свой ящикъ съ книгами

я отправлю послѣзавтра. Мое прощаніе со старикомъ вышло очень трогательно. Я увижу Пери. До свиданія. Прощай.

29 Апрѣля.

Ради Бога напиши, что ты получилъ это письмо и въ двухъ словахъ сообщи мнѣ рѣшеніе Голицыныхъ, еще пришли мнѣ портфель.

Я распечаталъ это письмо, чтобы приписать эти слова.

Генуя, 20 Мая 1826 года.

Генуя восхитительна! Какіе дворцы! какія картины! какія устрицы! Мы пріѣхали сюда вчера вечеромъ, довольно поздно; городскія ворота были еще открыты. Сегодня, какъ только я проснулся и подошелъ къ окну, я увидѣлъ знаменитую генуэзскую гавань. Море, это воплощеніе безконечности, корабли, нагруженные товарами всего міра, корабли, качающіеся на волнахъ, суетня матросовъ, благоуханіе моря—все это произвело на меня самое лучшее впечатлѣніе. Король въ Генуѣ, и улицы запружены нарядной толпой, которая—увы, только въ Генуѣ—считаетъ себя владычицей міра.

Мы совершенно благополучно доѣхали сюда, дорогой другъ. Мои спутники чудные ребята. Мишель все еще вздыхаетъ, а Теодоръ по прежнему не сходится съ нимъ во мнѣніяхъ по этому вопросу.

Путь отъ Лукки до Генуи, восхитителенъ, особенно та часть его, которая идетъ по берегу Средиземнаго моря, почтари везутъ довольно быстро и гостиницы не такъ плохи.

Оба брата ѣдутъ въ каретѣ, а я съ Альбини—сзади въ коляскѣ. Улицы Генуи такъ узки, что изъ одного окна въ другое можно подать другъ другу руку, и то, что я сказалъ далеко не преувеличено: генуэзскія женщины, славящіяся зазорнымъ личикомъ, носятъ на головѣ прозрачное покрывало, а населеніе Генуи кажется громаднѣе послѣ очаровательной Флоренціи. Со стороны моря видъ великолѣпенъ. Сегодня утромъ я былъ въ гостяхъ у знаменитаго графа Чиконьора, написавшаго сочиненіе по исторіи итальянской скульптуры, онъ живетъ въ той же гостинницѣ, гдѣ и мы. Окна нашихъ комнатъ выходятъ на море, и по вечерамъ два маяка, означающіе гавань, бросаютъ нѣжный свѣтъ на миллионы кораблей, стоящихъ въ генуэзскихъ водахъ.

Въ настоящее время, пока я тебѣ пишу, между Мишелемъ и Альбини происходитъ жаркій споръ; каждый хочетъ одержать верхъ, дѣло касается того, по какой дорогѣ ѣхать отсюда въ Ниццу: ѣхать ли моремъ, береговымъ путемъ или какимъ нибудь инымъ способомъ. Дворцы генуэцкихъ вельможъ необычайно красивы и роскошны.

Окрестности города усыяны дачами; вездѣ царить достатокъ. не смотря на то, что какъ только мы выѣхали на сардинскую дорогу, она была сплошь покрыта нищами. Я нигдѣ не видѣлъ такого множества ихъ. Мое здоровье прекрасно. Какъ то твое, дорогой мой другъ. Напишешь ли ты мнѣ въ своемъ первомъ же письмѣ, что ты ужъ не одинокъ. не одинъ въ своихъ комнатахъ? Ахъ, Мишель, какими бы удовольствіями я не пожертвовалъ для того, чтобы всегда видѣть тебя въ добромъ здоровьѣ! Мы уѣдемъ изъ Генуи черезъ 3—4 дня, не считая того, когда я тебѣ пишу. Сегодня утромъ мы осмотрѣли нѣсколько великолѣпныхъ картинныхъ галлерей и церквей, въ которыхъ находятся знаменитыя картины. но имъ все таки никогда не сравниться съ галлерейми Рима, который всегда и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ владыкою міра. Мишель считаетъ, что здѣсь нѣтъ ничего хорошаго, нѣтъ одного существа, и міръ для него пустъ.

Вторую ночь мы ночевали въ *Spezia*, самой красивой гавани на Средиземномъ морѣ. Недалеко отъ берега, посреди моря находится прѣсный источникъ, бьющій съ такой силой, что воду можно пить, не чувствуя никакой соленой примѣси.

Вокругъ берега идетъ чудная дорога для гулянья. и прежде чѣмъ выйти въ городъ, окруженный горами. нужно пересѣчь великолѣпный лугъ. Нѣтъ ничего живописнѣе этой части приморскихъ Аппенинъ! Прощай мой дорогой. мой чудный другъ!

Поскорѣ пришли мнѣ извѣстія о себѣ. Я буду ждать ихъ въ Парижѣ.

Генуя, 22 Мая 1826 года.

Немного было нужно для того, дорогой мой другъ, чтобы я оставилъ своихъ молодыхъ спутниковъ, и дойдя до крайности послѣ одного совершенно безпорядочнаго спора, продолжалъ свой путь до Парижа въ дилижансѣ. Теперь не время знакомить тебя съ подробностями всей этой исторіи: могу только сказать, что боязнъ, какъ бы

моя разлука съ ними не произвела слишкомъ сильнаго впечатлѣнія въ свѣтъ, принудила меня простить имъ одну глупость и что, по настоянію одного изъ братьевъ, я долженъ былъ быть снисходительнѣе къ нимъ. Говорятъ, что завтра мы покидаемъ Геную, и что рѣшено ѣхать моремъ до Ниццы, на фелюгахъ. Вотъ какъ все мѣняется. Путешествіе, отъ котораго я ожидалъ столько удовольствій, сдѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ нравственнымъ утомленіемъ, котораго я вовсе не ожидалъ, и только мысль о близкомъ свиданіи съ Пери способна вознаграждать меня за все. Я все время гуляю и люблюсь генуэзскими дворцами, представляющими изъ себя нѣчто изумительное. Мы сдѣлали двѣ чудныхъ морскихъ прогулки, но въ первый же разъ, какъ вышли въ открытое море, оно такъ разбушевалось, что мы были принуждены возвратиться въ гавань, такъ какъ нашу лодку слишкомъ сильно качало. Нѣтъ ничего болѣе страшнаго, какъ ощущать силу волнъ морскихъ, сидя въ деревянной скорлупкѣ, плавающей на поверхности только потому, что море кажется спокойнымъ и презираетъ такой слабый грузъ. Мы два раза были на театральномъ представленіи, король посѣщаетъ ихъ ежедневно. Даютъ *Крестоносцы въ Египтъ*, музыка чудесная, но исполняется ужасно плохо. Въ Генуѣ всѣ мѣста въ театрѣ, всѣ улицы и площади полны военными. Мимо ложъ ходятъ, и во всемъ театрѣ такая духота, что съ трудомъ можно выдержать. Народъ не станетъ выражать своего одобренія до тѣхъ поръ, пока король не начнетъ аплодировать. Эта принужденность въ порицаніи и восторгѣ производитъ странное впечатлѣніе. Мѣста для прогулокъ въ окрестностяхъ Генуи прелестны, но генуэзскіе вельможи такъ же скупы, какъ флорентійская и римская знать.—Нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ!—Нашъ консулъ, живущій въ Ниццѣ, братъ генерала Мишо, въ настоящее время находится въ Генуѣ; онъ, повидимому, человекъ вполне „comme il faut“. Онъ первый посѣтилъ меня, и я немедленно отдамъ ему визитъ. Вотъ все, что я могу сообщить тебѣ сегодня, дорогой другъ, надѣюсь, ты будешь въ восторгѣ отъ той точности, съ которой я начинаю свою новую переписку. Я и въ будущемъ не измѣню этому правилу. Обѣщаю писать очень аккуратно. Какъ только приѣду въ Парижъ, пошлю на почту, я увѣренъ, что тамъ есть отъ тебя письма. Ахъ, какъ пріятно было бы узнать о полномъ твоёмъ выздоровленіи и о томъ, что ты снова выѣзжаешь въ свѣтъ! Чтобы подѣлиться съ тобой, я увлекся изученіемъ Генуи въ политическомъ, литературномъ и торговомъ отношеніи; въ послѣднемъ отношеніи мало что могло дать мнѣ выгодное впечатлѣніе отъ этого города; все остальное въ очень жалкомъ состояніи. Увѣряю тебя, ты живешь въ самой лучшей странѣ на землѣ, потому что, согласишься, что флорентинцы и

всѣ вы, вы живете при правительствѣ, которое относится къ вамъ отечески. Мнѣ горько было разставаться съ оживленными холмами Этрурии, гдѣ все говоритъ о благополучіи и счастіи. Ахъ, какъ непохожъ на Тоскану весь остальной міръ! Генуя построена въ видѣ амфитеатра, и морской горизонтъ такъ широкъ, что при видѣ его мысль человѣческая становится совершенно свободной. Если ты когда нибудь будешь въ Генуѣ, поднимись на ступени виллы Дураццо; ты увидишь тамъ рощу, изъ которой открывается необозримый видъ на море, на городъ и на тысячи судовъ, сливающихся въ одну точку. Я видѣлъ церковь, гдѣ покоятся останки великаго Андрея Доріа. На фасадѣ можно прочесть великолѣпную надпись, выраженіе признательности, достойное генуэзскаго краснорѣчія:

Majorem nostrorum memoria: Andreas Doria afflictam patriam non deservit.

Могила его въ самомъ жалкомъ состояніи: сырость разъѣдаетъ мраморъ. Революціонная ярость окровавленной и дикой рукой стерла имя и образъ освободителя родины, эти варвары не пощадили даже имени, которое нѣкогда было вырѣзано на мраморѣ! имени, этого простого украшенія его гробницы. Ахъ, какъ безразсудна бываетъ душа человѣческая въ проявленіи страстей, въ слѣпой ярости! Въ генуэзскихъ галереяхъ есть прекрасныя картины, но главнымъ образомъ фламандской школы, здѣсь есть великолѣпныя Ванъ Дики и Рубенсы. Куда ни оглянись, вездѣ найдешь слѣды позорной революціи 1777 года. Здѣсь есть принадлежащій знатному генуэзцу садикъ, въ немъ заключаются всѣ чудеса свѣта. Здѣсь видишь ты кофейное дерево вмѣстѣ съ бенгальской розой, тамъ китайская роза растетъ рядомъ съ сахарнымъ тростникомъ, на одномъ и томъ же клочкѣ земли. По мѣрѣ того, какъ идешь вглубь этого пустыннаго убѣжища, видъ становится все обширнѣе и все живописнѣе, воздухъ напоенъ благоуханіемъ тысячи цвѣтовъ, ползущихъ подъ ногами и вьющихся надъ головой: время отъ времени попадаются кипы апельсиновыхъ деревьевъ, среди которыхъ стоятъ изображенія великихъ людей Италіи. Вездѣ это религіозное поклоненіе, это возрожденіе современной скульптуры! Владѣлецъ этого философскаго уголка человѣкъ весьма любезный, хорошо знакомый съ литературой родной страны. Зовутъ его Ди Негро. Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ и вѣрь мнѣ, что ничто такъ не напоминаетъ намъ нашихъ друзей, какъ красивое мѣстоположеніе или запахъ прекраснаго цвѣтка. Прощай. Пери забыла мнѣ написать.

8 декабря.

Прошло ужъ двѣ недѣли, какъ я не получалъ писемъ отъ Перп. Ея молчаніе тревожить и огорчаетъ меня. Здоровье кузины опять плохо, а парижскій климатъ вовсе ей не годится. Мое одиночество было бы невыносимо безъ частыхъ вѣстей отъ существа, которое мы оба такъ нѣжно любимъ и которое нельзя не любить. Кн. Гагаринъ вернулся изъ Сіенны, онъ привезъ мнѣ громадный пряникъ; мы въ наилучшихъ отношеніяхъ, намъ это необходимо. Что касается нашего представленія, вообрази, насъ обоихъ хотятъ сдѣлать камеръ-юнкерами. Будь, что будетъ, я всецѣло отдаюсь на волю провидѣнія, если только оно вмѣшивается въ наши дѣла. Что доставляетъ мнѣ удовольствіе, такъ это существующее между нами внутреннее согласіе, потому что, увѣряю тебя, нѣтъ большаго счастья, чѣмъ жить въ мирѣ со всѣми. Скажи мнѣ, пожалуйста, живутъ ли на широкую ногу наши юные кузены, и гдѣ бы они хотѣли поселиться въ Римѣ, потому что, если они заранѣе не предупредятъ меня о пріѣздѣ, они могутъ не найти себѣ помѣщенія, ввиду того, что городъ полонъ иностранцами. Что они предпочитаютъ, гостиницу или частный домъ; много ли комнатъ имъ нужно: эти вопросы непременно нужно рѣшить. Они пріѣдутъ въ любопытное, шумное время, и несмотря на то, что они богаты, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они за все платили вдвое. Для меня будетъ сущимъ праздникомъ показать имъ красоты бывшей столицы міра и я обѣщаю имъ много удовольствій, но, какъ я уже говорилъ тебѣ, они должны меня слушаться и отдать себя подъ мое особое покровительство. Если бы они пріѣхали сюда около 25 числа этого мѣсяца, они могли бы присутствовать на торжествѣ, которое можно видѣть одинъ разъ въ 25 лѣтъ: это закрытіе царскихъ вратъ въ храмѣ святого Петра.

Въ энциклопедическомъ ежемѣсячникѣ, издаваемомъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ лучшихъ французскихъ ученыхъ, я пробѣжалъ глазами статью о полномъ собраніи сочиненій графа де Мэстра. Тамъ его строго критикуютъ, но по совѣсти говоря, отчасти вѣрно: вторая часть не стоитъ первой. Между прочимъ тамъ сказано, что въ предисловіи къ Каскамбо онъ защищаетъ доступъ этого сочиненія въ Россію. Критикъ говоритъ, что эта страна дала пріютъ автору *путешествія вокругъ своей комнаты*, и что поэтому о ней нельзя говорить такъ неблагоклонно. Изъ всѣхъ дамъ-Француженокъ, съ которыми я былъ до сихъ поръ знакомъ, г-жа де Сентъ Олэръ самая хорошенькая и самая любезная. Она живетъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя

занимала кухня во время своего пребывания въ Римѣ, такимъ образомъ, все, что ее окружаетъ, связано для меня съ прекрасными воспоминаніями. Г-жа де Сентъ-Олеръ обожаетъ нѣмецкую поэзію; она знаетъ наизусть Шиллера и Гёте. Ея мужъ, очень важное лицо, перевелъ Фауста и заслужилъ во Франціи успѣхъ огромный. Я рѣдко бываю у нихъ, но всегда провожу очень пріятные вечера, и мы будемъ собираться въ тѣсномъ кругу, членомъ котораго я тебѣ назову, для того, чтобы изучать *Данте*, а одинъ профессоръ-Итальянецъ будетъ давать намъ объясненія. Я въ восторгѣ отъ этого занятія. Да! г-жа де Сентъ-Олеръ достойна того, чтобы обитать въ комнатахъ, гдѣ Пери оставила неизгладимые слѣды. Хилковъ неутомимый болтунъ, онъ трещитъ, какъ мельница, и рѣдко самъ знаетъ о чемъ говорить. Должно быть таковъ былъ спутникъ отца моего, о которомъ онъ говоритъ, описывая въ стихахъ сельскій праздникъ; я говорю о его предестномъ разсказѣ подъ заглавіемъ „Пиръ“. Я получилъ письмо съ острова Корфу отъ бѣдняги *Пицциmano*, онъ при смерти, и обвиняетъ въ этомъ меня; это потому, что онъ опять заболѣлъ послѣ одной слишкомъ длинной и слишкомъ оживленной бесѣды, о происхожденіи гербовъ, которую мы затѣяли въ тѣсномъ кругу у кухни. Его письмо является своего рода духовнымъ завѣщаніемъ, и можетъ быть его ужь нѣтъ въ живыхъ въ настоящую минуту, когда я пишу тебѣ о немъ.

Was sind Hoffnungen, was sind Entwürfe,
Die der Mensch, der vergängliche, baut?

Г-жа де Сентъ-Олеръ одолжила мнѣ новую нѣмецкую трагедію Бэра, озаглавленную *Парія*. Тамъ есть прекрасные стихи:

Des Weibes Herz kennt nur ein Glück auf Erden;
Dies Glück heisst: lieben und geliebt zu sein.

Разумнай у графа Бутурлина относительно компаніи Сегюра, а я поручилъ де Романи написать Платти, что послѣдній получить здѣсь отъ меня деньги, которыя я долженъ флорентійскому книготорговцу за сочиненія Баранта и Ботта.... Сейчасъ я получилъ твое письмо № 30, и огорченъ, что общество тебѣ наскучило, и что ты стараешься погрузиться въ воспоминанія. На мой счетъ успокойся: въ Римѣ сердце мое не будетъ связано, не предполагай ничего плохого относительно моего здоровья, оно въ наилучшемъ состояніи. Что касается Демидова, то ты знаешь, что къ новому году онъ обѣщаль опять прислать мнѣ денегъ. Мы раздѣлимъ ихъ, а если я получу благопріятный отвѣтъ отъ кухни, я обѣщаю дать тебѣ 600 франковъ. Давай вмѣстѣ помолимся о благопріятномъ исходѣ нашего дѣла, а я съ своей стороны не забуду написать крану и сдѣлать ему соотвѣт-

ственное внушеніе; успѣхъ представляется мнѣ сомнительнымъ, если не совсѣмъ безнадежнымъ. Кромѣ того, если изъ Петербурга придетъ на мое имя вексель, распорядись имъ по своему усмотрѣнію.... я подожду. Нужно тебѣ сказать, что теперь мнѣ удалось получить отъ Италінскаго пропуски для Голицыныхъ, но что странно было бы просить о нихъ для такого мальчика, какъ Толстой, у него нѣтъ ни жены, ни собственнаго дома. Старикъ скорчилъ гримасу даже когда дѣло шло о кузенахъ, но на всякій случай, я попытаюсь обратиться къ нему и съ послѣднею просьбой. Маленькій Бутурлинъ очень мало значить. Прощай.... какъ быть, мой добрый Мишель?... Ни одного письма отъ моей милой Каролины.—

Получено во Флоренціи 6 Юня.

Лионъ, 29 Мая 1826 года.

Ты будешь восхищаться моей аккуратностью, дорогой Мишель, когда получишь письмо отсюда, изъ Лиона, гдѣ мы остановились на два дня. Я сдѣлалъ блестящій шагъ; убѣдилъ своихъ спутниковъ бросить югъ Франціи и немедленно отправиться въ Парижъ. Мы перешли черезъ гору Кони. Какъ чудесно и какъ страшно! Намъ понадобилось пять часовъ для того, чтобы подняться на вершину горы; тамъ все покрыто снѣгомъ, а горное озеро замерзло. Окутанные облаками, мы переносили снѣгъ, градъ и дождь; между тѣмъ у подножія горы мы задыхались отъ жары. Что за волшебство—вдругъ перенестись на сѣверъ! Въ своемъ дневникѣ, который я до сихъ поръ веду очень послѣдовательно, я расскажу все, что видѣлъ и чувствовалъ на альпійскихъ высотахъ. Мы совершаемъ наше путешествіе какъ нельзя лучше и черезъ четыре дня я увижу новый Вавилонъ. Лионъ великолѣпный городъ. Сегодня все полно оживленной толпою, потому что нынче праздникъ Тѣла Христова. Чѣмъ я ближе къ Парижу, тѣмъ сильнѣе сгораю отъ нетерпѣнія увидѣть ее. Сегодня утромъ я читалъ газеты; Порта согласилась на всѣ требованія Россіи, дала свободу сербскимъ депутатамъ и назначила полномочнаго министра для переговоровъ съ русскимъ уполномоченнымъ. Но по моему мнѣнію это только начало. посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.—Это очень важная новость.—Почта отправится сегодня въ часъ дня, и тогда мы сядемъ въ карету и поѣдемъ осматривать городъ и его древности. Прощай же, мой милый другъ, да хранить тебя Богъ. Какъ можно скорѣе напиши. дай о себѣ знать. Кланяюсь всѣмъ.

Получено 8 Іюня 1826 г.

Шалонъ на Сонъ.

Пишу тебѣ, мой ангелъ, изъ одного французскаго города, славящагося прекрасными гостиницами, живописными мѣстами для прогулокъ и т. д. Все время стоитъ плохая погода, все время, пока мы въ королевствѣ, идетъ дождь, но даже и сквозь тучи видно, какъ Франція прекрасна, и нельзя не признаться, что это самая чудная страна въ Европѣ. Мы два дня пробыли въ Ліонѣ, осматривали знаменитыя фабрики этого города, музей, гдѣ есть хорошія вещи, и бібліотеку, которую намъ показывалъ угольщикъ и его жена, оба черные, какъ самъ уголь. Мы благополучно продолжаемъ нашъ путь и черезъ два дня будемъ въ Парижѣ. Въ Ліонѣ я нашелъ много новыхъ книгъ, между прочимъ второй томъ воспоминаній Сегюра съ портретомъ нашей великой Императрицы. Сегюръ отдаетъ должное этой Государынѣ и еще больше—русскому народу, къ нему онъ сохранилъ привязанность и благодарность, которыя дѣлаютъ ему великую честь. Этотъ томъ его воспоминаній написанъ съ большимъ достоинствомъ и безпристрастіемъ. Какъ только я приѣду въ Парижъ, пришлю тебѣ съ Голицыными этотъ томъ, а также и другія вещи. Мы прекрасно путешествуемъ, потому что во Франціи вездѣ отличныя гостиницы; женщины тамъ лѣнны; на сѣверѣ Франціи принято пользоваться мужской прислугой; они отлично справляются со своимъ дѣломъ. Мы побывали въ Ліонскомъ театрѣ; это самое худшее, что только можетъ быть въ этомъ родѣ. Въ партерѣ кричатъ, клянутся, свистятъ и это называется *конституціонной свободой*.—Во время путешествія я получилъ уже четвертое письмо. Прощай, смертельно хочется спать; мы выѣхали изъ Ліона сегодня въ пять часовъ утра, собирались ѣхать въ Дижонъ, но сильнѣйшая гроза заставила насъ переночевать въ Шалонѣ. Отъ всей души цѣлую тебя. А какъ твое здоровье?

30 Мая 1826 года.

Получено 10 іюня 1826 г.

Аваллонъ.

Пишу еще разъ, но только коротенькое письмо, милый другъ. Завтра буду въ Парижѣ, гдѣ и начну серьезные переговоры. Завтра увижу Пери и всѣхъ, кого такъ хочется видѣть! Мы ѣдемъ очень скоро, для развлечения я читаю новый романъ Уоллтеръ Скотта, *Вуд-творскій замокъ*, а приѣзжая въ чудную гостиницу, принимаюсь дурачиться. Въ настоящую минуту я сражаюсь съ очаровательной дѣвоч-

кой, которая подаетъ намъ завтракъ; она, какъ всѣ французенки, очень задорная особа. Прощай. Какъ только прїѣду въ Парижъ, дамъ о себѣ знать. Прощай.

1-го Юня 1826 года.

Получено 15-го во Флоренціи.

Сообщить въ Москву при 24 № (другой рукой).

3 Августа 1826 г.

Парижъ.

Въ настоящую минуту, милый другъ, ты ужъ долженъ получить вексель и сопровождающую его записку. Нѣтъ ни одного новаго письма, которое успокоило бы меня насчетъ тебя, а мое безпокойство, вмѣсто того, чтобы утихнуть, растетъ по мѣрѣ того, какъ ты хранишь упорное молчаніе. Я все еще въ Парижѣ, и Богъ вѣсть, когда уѣду. Долгъ зоветъ меня въ Испанію, а посольство задерживаетъ меня здѣсь. Сердце мое вполне удовлетворено, потому что ему нечего желать подлѣ Пери, съ которой я вижу каждый день и которая съ каждымъ днемъ становится все милѣе и любезнѣе. Въ настоящее время въ Парижѣ всѣ скучаютъ. Теперь каникулярное время, публичныя лекціи закрыты, высшее общество на дачѣ, а жара на солнцѣ доходитъ до 30 градусовъ. Вчера я началъ брать уроки плаванія, и дней черезъ восемь займусь лягушачьимъ ремесломъ. Сегодня утромъ Лиза съ теткой возвращается изъ Лондона; она обѣщала Каролинѣ вести для нея дневникъ, подробно описывая свое пребываніе въ Англіи. Если его можно будетъ сообщить мнѣ, я буду подробно извѣщать тебя обо всемъ, что окажется достойнымъ справедливыхъ твоихъ наблюденій надъ мадемуазель Лизой. Съ Пери у нея прочная дружба, а та нѣжно называетъ ее *сестренкой*. Когда она уѣзжала въ Лондонъ, я подарилъ ей книгу; она дала мнѣ взаменъ маленькій портфель для визитныхъ карточекъ, а мнѣ пришлось претерпѣть всѣ мытарства для того, чтобы его получить. Бѣдная Лиза! Она будетъ очень огорчена, узнавъ отъ меня печальныя новости о твоёмъ здоровьѣ, потому что она тебя очень любитъ. Все остальное идетъ своимъ чередомъ. Мы сходимся все ближе и ближе и меня такъ мало стѣсняются, что я начинаю играть довольно неблаговидную роль, сопротивляться которой у меня, къ несчастью, нѣтъ никакихъ силъ. Итакъ, черезъ два мѣсяца переѣдутъ на новую квартиру и уѣдутъ съ улицы Шантрень, гдѣ было прелестно. Передъ домомъ есть маленькій садикъ, великолѣпно устроенный, въ немъ растутъ всевозможныя деревья. Мы будемъ проводить тамъ цѣлые вечера. Кузены иногда быва-

ютъ согласны со мною, но они очень неуживчивы, что они и сами замѣчаютъ, и что, къ несчастью, имъ трудно это скрыть. Они умираютъ отъ скуки, а ихъ разговоры до безнадежности пусты. Третьяго дня я былъ въ Этиолъ: это имѣніе г-жи де Сентъ-Олэръ. Равнина; вдали по непривлекательной мѣстности лѣниво извивается Сена, растительность вся выжжена солнцемъ, луга безъ цвѣтовъ, запущенныя тропинки въ печальной и мрачной рощицѣ; домъ въ довольно хорошемъ состояніи: вотъ что называется имѣніемъ въ окрестностяхъ Парижа. Я нашелъ эту даму, когда то столь любезную, въ полнѣйшемъ уныніи, а скандальная лѣтопись гласитъ, что измѣна такъ сильно повліяла на ея подвижной характеръ. Мнѣ совсѣмъ не охота углубляться въ причины. Такія дѣла—достояніе всѣхъ классовъ общества, потому что въ подобныхъ случаяхъ самые невѣжественные люди вмѣшиваются и въ политику, и въ такія вещи, которыя ихъ совершенно не касаются. Иногда я отъ 11 до 2 ч. дня занимаюсь въ канцеляріи. Всѣ эти господа въ восторгѣ оттого, что нашли усерднаго сотрудника, съ которымъ они нисколько не стѣсняются. Между собой они всѣ на ты, а Ломоносовъ нерѣдко выходитъ въ канцелярію въ халатѣ и босикомъ. Вотъ какая у насъ распушенность въ парижскомъ посольствѣ. Самъ не знаю почему, но самый шумный городъ въ мірѣ, Парижъ, до сихъ поръ не доставилъ мнѣ настоящаго удовольствія, у меня нѣтъ даже желанія посмотрѣть то, что привлекаетъ всеобщее любопытство. Можно сказать, что я всѣмъ пресытился. Планъ поѣздки въ Америку съ каждымъ днемъ все больше привлекаетъ меня, мнѣ хочется увидать новый свѣтъ, страну, гдѣ люди еще не единственные земные обитатели и гдѣ еще остались великодушныя львы и жаждущіе крови тигры. Наши радушные берега ужъ не удовлетворяютъ меня, а карриатура на бульвары ничего больше не говоритъ моему уму. Мнѣ нужна другая обстановка и болѣе величественная природа. До сихъ поръ свѣтскія развлечения нисколько не повліяли на мой характеръ, и если бы Пери время отъ времени не отрывала меня отъ книгъ, я до сихъ поръ сидѣлъ бы, запершись, наединѣ съ самимъ собою. Ты понимаешь, что я хочу этимъ сказать? Пока прощай, пойду на урокъ плаванія. Потомъ кончу это письмо.—

4 Августа.

Письмо, которое нашъ милый другъ получила вчера отъ мадемуазель Ташиинки, гласитъ, что нашъ прекрасный графъ де Мэстръ со всей семьей пріѣдетъ въ Италію и поселится по сосѣдству съ тобой. Я вижу въ этомъ персть Провидѣнія, потому что ты, конечно, будешь счастливъ, опять увидя графа. Онъ вѣроятно уже пріѣхалъ въ Пизу.

Зачѣмъ я еще не подѣ прекраснымъ небомъ Италіи! Потому что я считалъ бы величайшимъ счастьемъ встрѣтить еще разъ въ жизни, передъ тѣмъ, какъ уѣду въ Испанію и появлюсь въ политическомъ туманѣ Иберіи, графа де Мэстра, котораго считаю своимъ благодѣтелемъ, и имѣю основаніе думать, что послѣ тебя, мой милый Мишель, онъ лучшій изъ всѣхъ моихъ друзей, которыхъ я только зналъ. Мадемуазель Лиза все еще не пріѣхала. А пока у меня совсѣмъ нѣтъ извѣстій изъ Флоренціи, а такъ какъ ты меня любишь, то долженъ понять, дорогой мой Рафаэль, до какой степени меня терзаетъ твое молчаніе и сколько безпокойства оно мнѣ причиняетъ. Ради Бога прерви же его. Я продолжаю брать уроки испанскаго языка и начинаю уже довольно бѣгло читать восхитительнаго Донъ-Кихота. Ни одинъ переводъ не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Въ Мадридѣ я постараюсь усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ, и можетъ быть мнѣ удастся изучить всѣ живые языки. Панинъ давно уѣхалъ въ Петербургъ. Богъ знаетъ, что онъ будетъ дѣлать съ собой. Прощай, дорогой Рафаэль. Я каждый день молюсь Богу, чтобы онъ послалъ тебѣ здоровья. Напиши мнѣ какъ можно скорѣе, я умоляю тебя.

Получено во Флоренціи 19 Августа.

Парижъ, 7 Августа 1826 г.

Сообщить въ Москву, то же 24 № (другой рукой.)

Твое молчаніе убиваетъ меня, дорогой Рафаэль, и не могу его понять. Неужели ты считаешь меня такимъ безчувственнымъ по отношенію къ горестямъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, зная, что я неуверенъ относительно того положенія, въ которомъ ты дѣйствительно находишься. Вчера мы были въ Версаль, видѣли короля, всѣхъ дѣтей Франціи и водопады, которые пускаютъ въ ходъ только нѣсколько разъ въ годъ. Это очень красивое зрѣлище, и мы очень веселились. Каролина тебѣ кланяется. Поговариваютъ о великихъ перемѣнахъ: дай Богъ, чтобы онѣ осуществились. Кузина собирается поѣхать на зиму въ Италію, ей хочется быть вмѣстѣ съ княгиней Еленой и де-Мэстрами и избѣжать вреднаго для ея здоровья парижскаго климата. Отъ этого плана я въ восторгѣ. Это единственный способъ избѣжать парижскихъ сплетенъ, и выйти изъ оскорбительнаго и тяжелаго положенія п ей, и всѣмъ окружающимъ. Лиза возвратилась, вчера я видѣлъ ее мелькомъ на балконѣ въ ту минуту, когда мы уѣзжали въ Версаль; Каролинѣ она писала, что очень довольна Лондономъ, но повидимому

не забыла и Флоренцію, и все ея очарованіе. Сегодня я пойду къ ней. О моемъ отъѣздѣ нѣтъ и рѣчи, а такая задержка сильно разстраиываетъ мои финансы, потому что ты можешь себѣ представить, что значить двухмѣсячное пребываніе въ Парижѣ съ такимъ тощимъ кошелькомъ, какъ мой. Вчера я написалъ длинное письмо графу Ксавье и послалъ его во Флоренцію на имя посланника. Возможно, что графъ де Мэстръ прежде чѣмъ ѣхать въ Пизу остановится на нѣкоторое время въ Пьемонтѣ, и я прошу тебя—перешли мое письмо тотчасъ же, какъ только узнаешь, гдѣ онъ поселился. Такимъ образомъ, дорогой Мишель, Провидѣніе уже приготовило тебѣ утѣшеніе, потому что можно чувствовать себя безконечно хорошо, имѣя около себя такихъ знакомыхъ, а если кузина на самомъ дѣлѣ осуществить свои планы, я буду считать, что, находясь въ обществѣ моего *дивнаго друга*, ты счастливѣйшій изъ смертныхъ. Но пока, до рѣшительнаго признанія, молчи о планахъ кузины. Я цѣликомъ обновилъ свой гардеробъ, теперь онъ въ полномъ порядкѣ. Въ этомъ отношеніи Пери сдѣлала меня заботливымъ и даже кокетливымъ, потому что я одѣваюсь, какъ всѣ. Желаніе ей нравится сильнѣе разсудка, но во всемъ остальномъ побѣждаетъ этотъ послѣдній, потому что можно чувствовать себя спокойно только подъ покровительствомъ Минервы. Вотъ два письма, умоляю тебя, направь ихъ по адресамъ. Прощай, потому что больше писать не о чемъ. Ради Бога сообщи всѣ новости о себѣ и не выдавай того, что знаешь обо мнѣ. Дня черезъ 4—5 я опять напишу тебѣ. Прощай, мой чудный другъ. Да хранить тебя Господь.

Я не получаю писемъ.

Мадридъ, 27 Августа 1826 г. № 1.

Получено 12 Сентября.

Наконецъ то я въ Мадридѣ, дорогой мой Рафаэль! Первымъ настоящимъ удовольствіемъ, которое я испыталъ на новомъ мѣстѣ жительства, была полученная мною толстая пачка твоихъ писемъ, которыхъ я былъ лишенъ столько времени, лишеніе, превратившееся для меня въ настоящее мученіе. Хотя я и не доволенъ извѣстіями о твоей лихорадкѣ, но все таки благодарю тебя за нихъ. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность какъ бы прискорбна она ни была, всегда лучше неизвѣстности. Господь поможетъ тебѣ, милый Рафаэль. Ты находишься въ такомъ цвѣтущемъ возрастѣ, когда физическія потрясенія часто только укрѣпляютъ здоровье. Кромѣ того, ты ужъ такъ долго хворалъ,

что скоро долженъ выздоровѣть. Нужно потерпѣть еще немножко. Меня очень огорчили печальныя извѣстія изъ Москвы, мнѣ жаль главнымъ образомъ Антонину, а не ея ребенка, котораго я почти не зналъ. Дай Богъ, чтобы религіозное смиреніе и на этотъ разъ помогло Антонинѣ, какъ это всегда бывало съ ней въ жизни, потому что Провидѣніе никому не посылаетъ столько мужества и силъ, сколько дается сердцу, убитому горемъ. Поведеніе молодца *Теллина* тронуло меня до слезъ. Развѣ онъ не выражалъ глубокой привязанности къ отцу моему и горькихъ сожалѣній послѣ его смерти? Я, какъ и ты, цѣню такую рѣдкую привязанность и благородное поведеніе по отношенію къ нашей семьѣ; такія чувства рѣдко встрѣчаются на этомъ свѣтѣ. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня въ пять часовъ утра, послѣ необыкновенно быстрого шестидневнаго путешествія, такъ какъ нужно почти 8 дней для того, чтобы проѣхать то же разстояніе. Но П. посовѣтывалъ мнѣ ѣхать поскорѣе, потому что за мною по пятамъ ѣхалъ французскій гонецъ, а онъ не долженъ былъ перегнать меня. Путь, по которому я ѣхалъ, очень опасенъ: воры грабятъ проѣзжихъ почти у самыхъ воротъ Мадрида, а главное въ горахъ; но чего мнѣ было бояться? Твои молитвы, милый мой Рафаэль, и молитвы Каролины всегда охраняютъ меня. Первые впечатлѣнія отъ страны, которую мнѣ пришлось проѣзжать, пока очень тяжелыя. Испанія—это пустыня. Жители—въ полномъ униженіи; нищета всеобщая.—На первый взглядъ Мадридъ кажется безотраднымъ призракомъ. Горизонтъ плоскій, какъ поверхность моря, ни растительности, ни одного пригорка, ни одного деревца! Мои ощущенія были еще неприятнѣе потому, что я только что покинулъ богатѣйшую въ Европѣ страну, Францію, гдѣ достатокъ и культура являются въ полномъ блескѣ.—А разлука съ Пери! Какихъ усилій она мнѣ стоила! Дорогой Мишель. Къ чему скрывать, до какой степени я люблю этого земного ангела?—За послѣдніе три мѣсяца, проведенные мною вблизи нея, дня не было, чтобы я не открылъ какого нибудь новаго качества въ ея добромъ сердцѣ или вообще чего нибудь возвышеннаго въ ея характерѣ. Счастье, которое я ощущалъ близъ нея, было такъ полно! Около нея мои мысли становились чистыми и плодотворными, душа находила силы, которыя казались утраченными на вѣки! Во время моего отъѣзда планъ поѣздки въ Италію, а именно въ Пизу, былъ еще слишкомъ неопредѣленнымъ, но о немъ много говорили. Единственное затрудненіе, представляющееся такому плану—это дѣти требующія систематическихъ занятій, и графинѣ не совѣтовали брать ихъ съ собою. Но какъ такое путешествіе было бы необходимо кузинѣ и полезно ея репутаціи. На свѣтѣ нѣтъ ничего злѣе русской колоніи въ Парижѣ. Всѣ эти дамы просто дикіе звѣри, а

супруга Михаила Голицына—первая въ свѣтѣ сплетница. Въ первомъ своемъ письмѣ изъ Парижа я дамъ тебѣ слишкомъ подробныя свѣдѣнія о поведеніи кузины для того, чтобы говорить и сегодня о томъ же непріятномъ предметѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Франціи, не произошло еще никакихъ переменъ. Но, если не ошибаюсь, она не способна на продолжительное чувство; скука скоро придетъ на смѣну минутной фантазіи и первая же разлука разрушитъ то, что какъ будто прочно создано слабостью и привычкой. Я истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить ее въ необходимости путешествія, а мой совѣтъ долженъ быть казаться ей тѣмъ болѣе искреннимъ, что я давалъ ей его какъ разъ въ то время, когда самъ долженъ былъ уѣхать отъ нихъ. Но на самомъ дѣлѣ это касается меня гораздо ближе, чѣмъ когонибудь другого. Каролинѣ нужно уѣхать изъ Парижа, гдѣ всѣ ей льстятъ, не понимая ее, ей нужно въ горы, ей нужно звѣздное небо и искреннихъ друзей. Въ настоящее время все это можно найти въ Италіи. Парижъ истощаетъ ея умъ и сушитъ ея сердце. Она въ опасномъ и ложномъ положеніи. Ей нужно изъ него выйти. Около нея есть настоящій врагъ—*это аббатъ*. У этого человѣка подъ маской смиренія таится самое испорченное сердце и самая податливая совѣсть. Это онъ распускалъ сплетни во время моего пребыванія въ Парижѣ и подтверждалъ ихъ въ средѣ русскихъ дамъ, говоря, что Пери со мной въ близкихъ отношеніяхъ, онъ старался нарушить спокойствіе ея совѣсти. Поэтому то я и дѣйствовалъ въ такомъ направленіи, и думаю, что хорошо сдѣлалъ. Каролина когданибудь расскажетъ тебѣ все остальное. Вернемся къ Мадриду.—

Пріемъ, оказанный мнѣ новымъ моимъ начальникомъ, общаетъ мнѣ счастливую будничную жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, всѣ спѣшатъ прійти мнѣ на помощь. Штофрегень кажется очень хорошіи малый. Майендорфъ, не будучи со мной знакомъ, держитъ себя очень предупредительно. Въ настоящее время его нѣтъ въ Мадридѣ. Какъ только я сюда пріѣхалъ, мнѣ передали отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ предлагаетъ поселиться въ его квартирѣ. Я прожилъ тамъ одинъ день, а такъ какъ онъ скоро вернется, я нанялъ хорошенькое помѣщеніе на той же улицѣ, на которой живетъ д'Убри. Конечно, все это только временно, потому что у меня будетъ квартира при посольствѣ. Это главное. и я непреклоненъ.

Г-нъ д'Убри тебя помнитъ, спрашивалъ о тебѣ. Его жена только что благополучно разрѣшилась отъ бремени. Мы обѣдаемъ каждый день всѣ вмѣстѣ. Завтра подъ управленіемъ знаменитаго *Меркаданта* открывается итальянская опера, для начала это большое удовольствіе.

Я не измѣню своего рѣшенія писать тебѣ каждый понедѣльникъ, а твои письма, милый Мишель, необходимы теперь для меня, такъ какъ я оторванъ и далекъ отъ всего, что мнѣ дорого. Скоро вокругъ тебя объединятся всѣ лица, одинаково близкія намъ обоимъ, и переписка съ тобой должна вознаградить меня за все, что я утратилъ, уѣхавъ въ Испанію.

Здѣсь есть русская часовня, а нашъ домовый священникъ живетъ здѣсь уже семь лѣтъ, по словамъ всѣхъ, это человѣкъ достойный уваженія. Онъ немедленно представился мнѣ, и сегодня я завтракаю у него. Въ Мадридѣ я останусь единственнымъ православнымъ человѣкомъ. Въ мадридскомъ обществѣ мой предшественникъ оставилъ по себѣ самую хорошую память. Мнѣ будетъ трудно заслужить такіе же похвальные отзывы. Сегодня я начну дѣлать дипломатическіе визиты. Въ твоихъ письмахъ мнѣ не хватаетъ № 7, напиши мнѣ, по разсѣянности ли его не оказалось среди твоей переписки, или же оно не дошло до меня по небрежности почты? Я буду молчать объ окончательномъ результатѣ справокъ. Наказаніе было заслужено. Пока довольно съ тебя этихъ шести страницъ, дорогой мой другъ. Пока все еще въ полномъ безпорядкѣ и вокругъ, и въ головѣ у меня. Сумѣю ли выразить тебѣ нетерпѣніе, любопытство и страхъ, съ которыми я жду твоихъ писемъ? О, ради Бога, милый другъ, присылай мнѣ хорошія извѣстія о твоемъ здоровьѣ. Мое—какъ нельзя лучше. Будь остороженъ, будь умницей! Медленное выздоровленіе тягостно, но зато оно не влечетъ за собой возобновленія болѣзни. Въ Италіи начинается лучшее время года. При видѣ ея чуднаго неба вспоминай своего друга, того, кому ты такъ дорогъ, что онъ не можетъ выразить этого на словахъ, а самъ безпрестанно думаетъ о тебѣ.

Мадридъ, 31 Августа.

Получено во Флоренціи 16 Сентября.

Твои письма совсѣмъ неутѣшительны, дорогой мой Мишель, въ нихъ нѣтъ даже никакихъ подробностей о твоей болѣзни. Твои письма—сегодняшнее и отъ 12 Августа—говорятъ объ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находится Поль. Увы! чѣмъ можно помочь при такомъ положеніи вещей!

Гораздо лучше страдать одному, чѣмъ вмѣстѣ съ женой. Богъ знаетъ, почему дорогая наша Антонина такъ часто измѣняетъ своему слову: ей было бы такъ легко писать намъ *in extenso*, потому что на

такомъ далекомъ разстояніи всякая новость была бы очень любопытна какъ во Флоренціи, такъ и въ Мадридѣ. Пери еще не разу не написала мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Парижа, и я начинаю опасаться, нѣтъ ли какой нибудь серьезной причины ея молчанія.

Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ о твоей болѣзни, я рѣшилъ писать тебѣ съ каждой почтой.

До сихъ поръ я все еще не обремененъ работой, а мальпость уходитъ только въ 11 ч. вечера, такимъ образомъ, даже проведя на службѣ все утро, вечеръ у меня свободенъ. До сихъ поръ я только присматриваюсь къ своему новому положенію: здѣсь все имѣетъ такой печальный видъ, что нѣтъ никакой возможности избѣжать *мрачнаго настроенія*, а твои письма, письма изъ Москвы и молчаніе моей Каролины разстраиваютъ меня окончательно. Какъ быть? Ничто не можетъ измѣнить моего положенія. Вчера я былъ на театральномъ представленіи.

Меркадантъ давалъ свою новую оперу. Труппа недурная, но аудиторія невѣжественна до неприличія, и пылаетъ страстью къ музыкѣ.

Утро я провожу дома, потому что мои комнаты восхитительны, конечно, въ испанскомъ родѣ. Мой туалетный столикъ весь покрытъ вещами, которыя дала мнѣ та, которую ты такъ хорошо знаешь, и воспоминаніе о которой скрашиваетъ мое существованіе. Въ маленькой шкатулкѣ, чудной работы, лежатъ ея письма; стоитъ самый модный подсвѣчникъ, который Лиза привезла ей изъ Лондона: много разъ читанныя книги въ порядкѣ разставлены на этомъ столикѣ. Я дорожу бездѣлушками: прежде всего это все подарки друга, разрѣшающаго мнѣ имѣть собственность, потому что при моихъ взглядахъ на свободу, и при моей расточительности, которая, въ концѣ концовъ, не что иное, какъ слабость, я могъ бы отдать и послѣднюю рубашку.

„Увы! Я вѣчно, вѣчно останусь Кузей!“—Въ послѣднемъ письмѣ я ничего не отвѣтилъ ей по поводу твоихъ упрековъ. Лиза очаровательна, она заслуживаетъ того, чтобы знакомство съ нею больше цѣнили. Она очень чувствительна и *страшно* любитъ Пери. Тетка ея, возвратившись изъ Лондона, и составивъ планъ поѣхать въ Италію, увивалась передо мной, но ни я, ни кузина, мы оба ни разу откровенно не поговорили относительно Лизы.

Не скрою отъ тебя, мой нѣжный другъ, что это дѣло встрѣчаетъ большія затрудненія. и хотя я восхищаюсь твоимъ благоразуміемъ по

отношенію къ молодой особѣ, еще разъ совѣтую тебѣ потрудиться узнать ее поближе.

Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы отдать должное той, которая этого заслуживаетъ. Развѣ этого не достаточно?—Пока не спрашивай меня ни о Мадридѣ, ни о Лопэ де Вега, ни объ обществѣ, ни о Веласкецѣ, ни о чемъ—потому что у меня ни умъ, ни сердце еще не способны ни о чемъ судить, не способны ни на какое чувство кромѣ тѣхъ, которыя касаются твоего положенія и молчанія Пери. Да, Мишель, я дорого расплачиваюсь за удовольствіе видѣть столько странъ—и въ глубинѣ души тяжело страдаю. Благодарю тебя за то, что ты такъ аккуратенъ, несмотря на слабость ты не забываешь, что отъ твоихъ писемъ зависить мой покой. Съ своей стороны обѣщаю тебѣ, что и я буду платить тебѣ тѣмъ же. Мое здоровье превосходно. Скоро пять часовъ, и мнѣ нужно немножко пріодѣться, чтобы идти къ Убри. Прощай, ради Бога, береги свое здоровье.—Дорогой Рафаэль! Провидѣніе не заботится о насъ; оно ужъ смочило нашими слезами столько смертныхъ одровъ, такъ нужно, чтобы надежда, которую оно же поселило въ нашихъ сердцахъ, была непоколебима. У меня здоровье очень крѣпкое, дай же мнѣ узнать и о твоемъ выздоровленіи, и тогда и я дамъ балъ—дѣтямъ Убри.

Кланяюсь Петру.

**Извѣстія Общества Изуче-
нія Олонецкой губерніи. 1915.
№ 1.**

Въ первомъ выпускѣ „Извѣстій о-ва изученія Олонецкой губерніи“ за нынѣшній годъ находимъ весьма любопытныя данныя, касательно торговли Бѣломорскаго побережья въ настоящее время, а также дѣятельности Архангельскаго порта во время царствованія государыни Екатерины Великой въ связи съ ея „новымъ тарифомъ 1793-го года“. Къ Архангельскому порту теперь обращены взоры всей Россіи, ибо это единственный выходъ русскимъ судамъ въ свободный океанъ, не прегражденный непріятельскими силами. Но г. Левитскій, авторъ статьи „Путь къ океану“ весьма убѣдительно доказываетъ своему читателю, что необычайное вниманіе, которыми дарится наша Бѣломорская окраина, вполне несправедливо и ею никакъ не заслужено. Въ настоящее время многое уже сдѣлано для усовершенствованія Астраханскаго порта и желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ его со Россіей, такъ какъ количество грузовъ, пришедшихъ на послѣднее время въ Архангельскъ и вышедшихъ изъ него лишь за три мѣсяца, Августъ, Сентябрь и Октябрь минувшаго года превысило его обычный годовою оборотъ въ четыре раза. Но Архангельскій портъ самъ по себѣ недостаточно удобенъ, онъ замерзаетъ горло, Бѣлаго моря, въ которомъ встрѣчаются два противоположныхъ теченія, долгое время не пропускаетъ судовъ. Въ виду этого теперь начаты работы по изысканіямъ для прокладки рельсоваго пути Петрозаводскъ—бухта Сорока, къ Мурманскому побережью.

Климатъ Мурманскаго края не холоденъ, но благодаря снѣжнымъ выгомамъ и долгой полярной ночи все же суровъ. Однако благоприятныя условія для навигаціи, создаваемыя Гольфштремомъ и большія природныя богатства дѣлаютъ этотъ край въ высшей степени замѣчательнымъ. Промысловыя богатства Мурмана столь велики, что въ состояніи удовлетворить рыбой не только весь сѣверъ Россіи, но и часть центральныхъ губерній. Въ концѣ Марта у береговъ западнаго Мурмана появляются густыя стаи трески, занимающія площадь въ 90 верстъ длиной и 70 шириной. Въ концѣ Мая главныя стаи трески появляются на восточномъ Мурманѣ, за ними идетъ и сельдь. Сельдь идетъ такими густыми массами, что море рябитъ на линіи ея хода, а чайки держатся на рыбѣ, какъ на твердой землѣ. Но въ это время лова уже нѣтъ, такъ какъ прекращаются пароходные рейсы. Если же была бы возможность продолжать ловъ далѣе, добыча рыбы удесятерилась бы. Къ сожалѣнію, главное количество вылавливаемой рыбы приходится на долю не русскихъ добытчиковъ. Громадное количество трески и сельди ввозится къ намъ изъ Норвегіи черезъ Балтійское море (до 350 тыс. п. въ годъ) и вся эта рыба вылавливается въ русскихъ же Мурманскихъ водахъ, при чемъ нужно замѣтить, что количество вылавливаемой рыбы русскими промышленниками все уменьшается, тогда какъ уловъ Норвежцевъ ежегодно повышается. Такъ, въ 1906 году уловъ Русскихъ составлялъ 79, 72%, и Норвежцевъ—20, 28%, а въ 1911 году уловъ Русскихъ составлялъ уже лишь 19, 15% всего улова и уже 80, 85%

падало на долю Норвежцевъ. Въ результатъ мы переплачиваемъ теперь ежегодно Норвежцамъ за нашу собственную рыбу болѣе милліона рублей, изъ за чего полезная и питательная треска не играетъ въ продовольствіи населенія той роли, которую могла бы играть. Теперь Мурманская рыба, чтобы попасть въ Россію, отправляется кругомъ Скандинавіи, черезъ Ледовитый океанъ, Сѣверное море, Каттегатъ и Балту, т. е. совершаетъ путь около 4800 верстъ, сопряженный со значительными опасностями плаванія по бурнымъ Ледовитому и Сѣверному морямъ. Это поднимаетъ цѣну рыбы до 1 р. 60 к. на пудъ. Если же Мурманъ былъ бы присоединенъ къ общерусской сѣти желѣзныхъ дорогъ, треска продавалась бы вмѣсто теперешнихъ 2 р. 50 к., по 1 р. 40 к. за пудъ. Кромѣ того рельсовый путь помогъ бы разработкѣ иныхъ Мурманскихъ богатствъ, а также поднялъ бы и благосостояніе края. Теперь часто на Мурманѣ не хватаетъ соли для высаливанія рыбы; наша прекрасная пермская соль не доходитъ туда вовсе, а имѣется въ недостаточныхъ количествахъ соль „ливерпулька“, въ коей собственно консервирующаго вещества лишь 60%, остальное суть негодныя примѣси, придающія рыбѣ горьковатый вкусъ, и мѣшающіе рыбѣ засаливаться, отчего наша треска всегда имѣетъ гнилой привкусъ. Кромѣ того на Мурманѣ есть желѣзная руда въ громадныхъ количествахъ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ есть мѣдь, серебро и свинецъ: особенно богаты серебросвинцовыя мѣсторожденія. Все это совершенно не разрабатывается, такъ какъ никакая руда не въ состояніи выдержать гужевою перевозку, въ настоящее время единственно возмож-

ную въ краѣ. По р. Выгу находятся Воицкіе рудники, гдѣ во времена Петра Великаго добывалось золото. Съ проведеніемъ же желѣзной дороги*) при дешевомъ топливѣ и даровой силѣ водопадовъ и быстротекущихъ рѣкъ горное дѣло быстро развилось бы. Въ недалекомъ разстояніи отъ проектируемой желѣзной дороги оказались бы и знаменитыя Тивдійскія и Бѣлогорскія мраморныя ломки. Г. Левитскій кромѣ всего этого указываетъ, что направленіе жел. дор. на Сороку выбрано очень неудачно. Съ Октября по Май Сороцкая бухта покрыта льдомъ, съ которымъ не справиться самымъ мощнымъ ледоколамъ, на нее съ моря наносятся такъ назыв. „торосы“, и тогда бухта на нѣсколько десятковъ верстъ покрыта ледяными горами. Кромѣ того бухта мелководна. Г. Левитскій говоритъ, что гораздо болѣе удобной была бы Кемская гавань.

Г. Венерманъ разыскалъ въ Румянцовскомъ московскомъ музеѣ весьма любопытный документъ, манускриптъ, составленный въ 1794 году, представляющій изъ себя рѣдкій для тѣхъ временъ по обстоятельности отчетъ товарообмѣна Архангельскаго порта за 1792—1793 года. Рукопись, какъ полагаетъ авторъ, составлена для гр. Румянцова, и выясняла значеніе новаго таможеннаго тарифа Екатерины II, который скоро прекратилъ свое дѣйствіе, быть можетъ, въ связи съ этой запиской.

Б. С. П.

*) Тѣ же „Извѣстія О-ва изуч. Ол. г.“ совѣтовали въ прошломъ году провести на Мурманѣ однорельсовую новозобрѣтенную желѣзную дорогу съ жирскопомъ, которая стоитъ гораздо дешевле двурельсовой. Къ сожалѣнію, этотъ полезный проектъ, кажется, никѣмъ замѣченъ не былъ.

П о п р а в к и

стрн.	стр. св.	стр. сн.	напечатано:	должно быть:
6		1	Владимірь	Василій
10	5		loу	low
13	3		loу	low
22	6		enformer	informet
—	13		m'a	m'a
23	6		гр. Толстой	С. П. Хитрово
—		1	Супруга поэта гр. А. К. Толстого	Софья Петровна Хитрово.
24		14	кн. Васильчикову	А. А. Васильчикову.
30		6—7	невѣрно поставлена черточка; дата „Но- ября 13.—25 г.“ от- сится къ письму гр. М. Ю. Віель- горскаго, а не къ письму Апухтина.	
—		12	Васильевичъ	Алексѣевичъ
328		4	пѣхотный	потѣшный
361		3	(см. стр)	(см. стр. 162).

Въ выпускѣ 12-мъ Русскаго Архива 1914 года на стр. 452 на строкахъ (сверху) 10-ой, 13-ой и 19-ой поименованъ „гвардіи капитанъ Семеновскаго полка Петорецкій“—на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о *поручикѣ л.—ив. Семем. п. К. М. Полторацкомъ*, начальникѣ наружн. караула въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА

1915 года.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

147. Всеподданнѣйшіе доклады М. Сперанскаго съ резолюціями императора Александра I. Сообщ. В. Крыжановскій.
117. 231. 358. Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.
330. Дѣло Вильгельма. Барона де Бая.
179. Дѣло о сактѣ, называемой «христовщиной». Изъ архива св. Синода. Со введеніемъ и примѣчаніями Н. Г. Высоцкаго.
22. Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ: письма императора Николая I, императора Александра II, Ф. М. Достоевскаго И. А. Тургенева, А. Островскаго, И. Ланчанинова, А. Потѣхина, Н. Некрасова, Апухтина, Я. Полонскаго, гр. М. Ю. Вильгорскаго.
230. Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. Замѣтка М. Б.
85. Къ двадцатипятилѣтню научно-литературной дѣятельности Л. М. Савелова; адресъ, поднесенный Л. М. Савелову чинами моск. отд. архива мин. императорскаго двора.
153. Къ исторіи Кракова. С. Фарфоровскаго.
31. Къ исторіи освобожденія русскнхъ плѣнннхъ изъ Хивы; сообщ. свящ. Н. Модестовъ.
275. Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія по книгѣ В. Благовидова. Д. X.
427. Къ исторіи русскаго посольства въ Бухару и освобожденія оттуда русскнхъ плѣнннхъ въ 1821 году. Сообщ. свящ. Николай Модестовъ.
14. Къ исторіи Смоленска, автобіографія І. Г. Тыртова, со введеніемъ и примѣчаніями Б. Модзалевскаго.
159. Мелочи литературнаго прошлаго. За-мѣтки Вл. Данилова.
500. Мины въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. В. Голубева.
111. Нападеніе русскнхъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья В. Голубева.
474. Нѣмецкое заселеніе. П. Л. Юдина.
527. О Мурманскомъ портѣ. Б. С. П.
403. Отрывокъ изъ одного дневника. Къ пятидесятилѣтню со дня кончины наследника цесаревича Николая Александровича 12 Апрѣля 1865 года. Сообщ. протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.
49. 259. 384. 509. Переписка ин. Д. И. Долгорукаго.
458. Переписка К. П. Побѣдоносцева. Сообщ. протоіерей Сергій Петровскій.
5. Письма И. С. Ансанова къ Н. А. Елагину; сообщ. М. В. Бзеръ.
296. Письмо Графа Николая Петровича Шереметева къ Алексѣю Федоровичу Малиновскому и его отвѣтъ.
529. Поправки.
328. Потѣшныя въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ въ исходѣ царствованія императора Николая I. Сообщ. Н. А. Военскій.
86. Пруссификація Германіи, ея исторія, цѣли и слѣдствія, Барона де Бая.
299. Расколъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческая записка епископа Оренбургскаго и Уфимскаго Антонія. Сообщ. П. Л. Юдинъ.
106. Рескриптъ Енатирины II о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года: сообщ. П. Юдинъ.
495. Священной памяти наследника цесаревича Николая Александровича. Протоіерея Іоанна Соловьева.
- 1—II. (Вып. 3-ій) Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Составителю и Издателю Русскаго Архива.
171. Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. П. Л. Юдина.
409. Хлысть или паранонкъ? Н. Г. Высоцкаго.
- Приложено къ выпускамъ 2, 3 и 4: «Обзоръ Жизни и трудовъ русскнхъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году». Д. Д. Языкова. Листы 1, 2 и 3.

репечатаны въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* 1864 г., № 56, *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1864 г., № 106 и въ прибавленіяхъ къ *Херсонскимъ Епарх. Вѣдомостямъ* 1864 г., № 11.

„О богоучрежденности епископскаго сана въ Христовой церкви,“ магистерская диссертация (*Христіанское Чтеніе* 1876 г., ч. I).

Послѣ кончины архіепископа Гурія, съ его именемъ напечатаны:

„Слова и рѣчи,“ Симферополь 1883 г.

„Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ, въ XVII—XIX вѣкахъ“ (*Русская Старина* 1884 г., кн. 9).

„Письма о переводѣ Новаго Завѣта на китайскій языкъ“ (*Русскій Архивъ* 1893 г., кн. 1; 1894 г., кн. 1).

„Два донесенія изъ Пекина въ Азіатскій Департаментъ“ (*тамъ же* 1907 г., кн. 12).

Давыдовъ, Василій Денисовичъ¹⁾, старшій сынъ партизана—поэта Дениса Васильевича Давыдова, родился 21 ноября 1822 года въ Москвѣ; до пятнадцатилѣтняго возраста воспитывался дома, затѣмъ слушалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ (1837—1838 гг.), а съ 1839 года сталъ служить въ гвардейской конной артиллеріи; по выходѣ въ отставку (1851 г.) состоялъ Сызранскимъ предводителемъ дворянства и въ 1854 году—начальникомъ 272-ой дружины народнаго ополченія; † 14 апрѣля 1882 года.—Кромѣ участія въ газетѣ „День“ И. С. Аксакова, онъ напечаталъ:

„Изъ памятныхъ записокъ“ (*Русскій Архивъ* 1871 г., кн. 4—6).

„Памятныя замѣтки“ (*Русская Старина* 1871 г., кн. 6).

„Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.“ біографическій очеркъ (1872 г., кн. 4).

„Замѣтки о „Запискахъ“ моего отца“ (кн. 10).

„Генераль И. В. Васильчиковъ во время командованія гвардейскимъ корпусомъ“ (1873 г., кн. 6).

„Ю. Ѳ. Самаринъ—ополченецъ,“ изъ воспоминаній (*Русскій Архивъ* 1877 г., кн. 5).

Сверхъ того В. Д. Давыдовъ сообщилъ въ „Русскій Архивъ“ и въ „Русскую Старину“ бумаги изъ семейнаго собранія (см. „Указатели“ къ названнымъ журналамъ). Послѣ же смерти покойнаго, четыре его стихотворенія и три переданныя имъ стихотворныя шутки С. А. Соболевскаго напечатаны въ „Альбомѣ“ М. И. Семевского (стр. 13 и 15).

Делленъ, Александръ Карловичъ²⁾, сынъ педагога, родился 9 апрѣля 1814 года въ Митавѣ; воспитывался подъ руководствомъ

1) См. о немъ: „Знакомые“, альбомъ М. И. Семевского, Спб. 1888 г., стр. 10.—*Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества*, Спб. 1887 г., т. LX, стр. 183.—*Русскій Архивъ* 1895 г., кн. 3, стр. 366—367.—„Жизнь и Труды Погодина,“ Н. Барсукова, Спб. 1900 г., стр. 309—310.—„Источники словаря“ Венгерова, т. II, стр. 177 (съ ошибочнымъ наименованіемъ В. Д. Давыдова „декабристомъ“).

2) О немъ: „Album Academicum,“ Дерптъ 1853 г., стр. 131.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 86.—*Свѣтъ* 1882 г., № 68.—„Биографическій Словарь профессоровъ

отца и высшее образование получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ—Юрьевскаго) Университета, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью (1836 г.); по выпускѣ изъ Университета—учитель Рижской гимназіи, а послѣ полученія магистерской и докторской степеней—профессоръ греческой и римской словесности сначала въ Университетѣ Св. Владиміра (1838—1867 гг.), а потомъ въ Харьковскомъ Университетѣ (1868—1882 гг.); † 22 марта въ Харьковѣ.—Ему принадлежали слѣдующіе труды:

„De vita et scriptis Livii Andronici,“ сочиненіе, удостоенное золотою медалію (1836 г.), а затѣмъ переработанное въ магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: „De vita Livii Andronici dissertatio“ (Дерптъ 1838 г.).

„Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Iuvenalis“ (Кіевъ 1846 г.)

„Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы“ (Кіевъ 1851 г.).

„О наблюденіи надъ солнечнымъ затменіемъ въ Кіевѣ, въ 1851 году“ (Брошюра: „Наблюденія надъ затменіемъ солнца, бывшимъ 16/28 іюля 1851 г.“ Кіевъ 1852 г., стр. 73—77).

Разборъ сочиненія Ешевскаго: „К. С. Аполлинарій Сидоній“ („Двадцать пятое присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1856 г., стр. 251—309).

„Kurze Nachrichten über die evangelisch—lutherische Gemeinde in Kiew von ihrem Entstehen an bis auf den heutigen Tag“ (*Inland* 1857 г. в отдѣльно).

„Kurzegefasste Geschichte und heutiger Standpunkt der Mnemonik“ (*Inland* 1859 г., №№ 28—31 и отдѣльно).

„Carmen Saeculare Horatii,“ юбилейный гимнъ Горация съ введеніемъ и подробнымъ комментариемъ (Кіевъ 1865 г.).

„Der erste Unterricht“ (Дерптъ 1865 г.).

„Cornelii Taciti Germania“ съ подробнымъ комментариемъ и введеніемъ (*Кіевскія Университетскія Извѣстія* 1867 г., кн. 1—11; 1868 г., кн. 1 и 2; отдѣльно: Кіевъ 1868 г.).

„Prooemium, quo scholas suas de historia litterarum Universitate Charcoviensi habendas“ (Харьковъ 1869 г.).

„Doctrinae metricae summarium“ (Спб. 1876 г.).

„Terenti Hautontimorumenos,“ комедія Публія Теренція: „Самъ себя называющій,“ съ введеніемъ, подробнымъ комментариемъ и съ русскимъ переводомъ (Харьковъ 1879 г.).

„Письмо“ о диссертациі г. Опацкаго: „Плиній Младшій“ (*Московскія Вѣдомости* 1879 г., № 326).

„О Харьковской протестантской общинѣ“ (Харьковъ 1880 г.).

„О такъ называемыхъ сагахъ absoluti въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени,“ Харьковъ 1881 г., 76 стр.

Университета Св. Владиміра,“ Кіевъ 1884 г., стр. 175—179.—„Исторія Импер. Университета Св. Владиміра,“ М. Владимірскаго—Будакова, Кіевъ 1884 г., стр. 121, 224—225, 239, 372—377.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—„Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго Университета, за первыя 100 лѣтъ его существованія,“ Харьковъ 1908 г.

Дерибасъ, Михаилъ, публицистъ, редакторъ газеты „Journal d'Odessa“ (съ 1854 года) и въ послѣднее время жизни библиотечарь Одесской публичной библиотекы; † въ началѣ апрѣля 1882 года, въ Одессѣ, на 76-мъ году отъ рожденія (*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 94).

Дмитріевъ, Ѳедоръ Михайловичъ¹⁾, ученый технологъ, родился въ Москвѣ (1828 г.) и, послѣ первоначальнаго образованія, поступилъ въ Петербургскій Технологическій Институтъ, гдѣ окончилъ курсъ съ званіемъ инженеръ-технолога перваго разряда и съ золотою медалью (1850 г.); по выпускѣ изъ Института поступилъ на бумагопрядильную фабрику братьевъ Малютиныхъ, въ селѣ Раменскомъ, гдѣ ему пришлось служить ночнымъ смотрителемъ за работами, механикомъ и директоромъ (1850—1882 гг.); кромѣ того, его пригласили въ Императорское Московское Техническое училище преподавателемъ механической обработки волокнистыхъ веществъ; эту кафедру, какъ и мѣсто вице-президента Политехническаго Общества, онъ занималъ до дня смерти (1869—1882 гг.); † 30 сентября въ селѣ Быки, близъ Курска.—Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„О бумагопряденіи,“ М. 1861 г.

„Объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“ (*Отчетъ и рѣчи въ Импер. Московскомъ Техническомъ училищѣ*, М. 1876 г.).

„Бумагопрядильное производство, часть первая: трепаніе и чесаніе хлопка,“ М. 1876 г., 276 стр. съ атласомъ чертежей.

Дубровскій, Петръ Павловичъ²⁾, филологъ—славистъ, родился 14 іюня 1812 года въ Черниговѣ; учился въ Нѣжинскомъ Лицеѣ и въ Московскомъ Университетѣ; состоялъ учителемъ русскаго языка въ Варшавѣ (1837—1845 гг.), цензоромъ (1845—1851 гг.) и преподавателемъ польскаго языка въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ (1851—1858 гг.); за свои ученые труды былъ избранъ въ Импер. Академіи Наукъ членомъ-корреспондентомъ (1853 г.), адъюнктомъ (1855 г.) и экстра-ординарнымъ академикомъ (1858 г.) по отдѣленію русскаго языка и словесности; послѣ закрытія Педагогическаго Инсти-

¹⁾ См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Газета Гатиука*, № 41; *Московскія Видомости*, №№ 277 и 301; *Русскія Видомости*, № 274; *Современныя Извѣстія*, №№ 277 и 310; *Телникъ*, №№ 9 и 11.—„Приложеніе“ къ „Трудамъ Съѣзда гг. членовъ Импер. Русскаго Техническаго Общества въ Москвѣ 1882 г.“ (М. 1885 г. съ портретомъ).

²⁾ О немъ: *Отечественныя Записки* 1842 г., т. XX, кн. 1. отд. VI, стр. 38—40.—Періодическія изданія 1882 года: *Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія*, ч. ССХХIV, кн. 12, стр. 93—101; *Московскія Видомости*, № 307; *Современныя Извѣстія*, № 306.—*Историческій Вѣстникъ* 1888 г., кн. 2. стр. 303.—„Жизнь и труды М. П. Погодина,“ Н. Барсукова (по указателю).

туда (1858 г.) оны покинулъ Пегербургъ, промѣнялъ мѣсто академика на званіе члена-корреспондента Академіи (1862 г.) и проживалъ большею частію въ Варшавѣ; † 29 октября 1882 года въ Скерневицахъ.—Покойный, кромѣ изданія на польскомъ и русскомъ языкахъ журнала: „Jutrzenka“—„Денница“ (1842—1843 гг.), участія въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и въ „Biblioteka Warszawska“, сверхъ постояннаго сотрудничества въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1863—1882 гг., за подписью: „П. Д.“), напечаталъ слѣдующіе труды:

„Шота Руствели, грузинскій поэтъ,“ переводъ съ польскаго (*Телескопъ* 1833 г., ч. XIV, № 5, стр. 61—70).

„Славянскія новости“ (*Литературная Газета* 1840 г., №№ 47, 90, 91 и 93).

„Замѣчанія г. Ганки о Реймскомъ славянскомъ Евангелии“ (№ 56).

„Новогодникъ, изданный варшавскими дамами“ (№ 71).

„Часовня на скалѣ,“ чешское преданіе (87).

„Очерки изъ путешествія славянина отъ Карпатскихъ горъ къ Нѣмецкому морю“ (№ 97).

„Волшебная лампа,“ чешское народное преданіе (№ 102).

„Przegląd literatury Rozzuj-kiej z roku 1838, 1839, 1840,“ Варшава 1841 г.

„Новыя изданія въ Варшавѣ“ (*Москвитянинъ* 1843 г., ч. D).

„Письмо изъ Варшавы о литературныхъ извѣстіяхъ въ Богеміи, Сербіи, Галиціи и Польшѣ“ (*тамъ же* 1845 г., ч. V).

„Славянскія литературныя новости о Чехахъ, Словакахъ, Полякахъ, лужицкихъ Сербяхъ и Славянахъ югозападныхъ“ (*Москвитянинъ* 1845 г., кн. 9; 1846 г., кн. 1, 2, 4, 9 и 10).

„Словарь польско-русскій административный и судебный,“ Варшава 1847 г.

„Kurs praktyczny języka rozzuj-kiego,“ Варшава 1850 г.

„Областныя великорусскія слова, сходныя съ польскими“ (*Матеріалы для словаря сравнительнаго и объяснительнаго,“* изд. Импер. Академіей Наукъ. Спб. 1852 г., тетр. 1).

„Замѣчательныя слова изъ Псалтиря королевы Маргариты“ (*тамъ же*).

„Обозрѣніе русской географической, этнографической и статистической литературы за 1853 годъ“ (*Вѣстникъ Импер. Русск. Географическ. Общества* 1854 г., кн. 6; 1855 г., кн. 1, 2 и 5). Въ этомъ трудѣ участвовалъ и Г. Н. Геннади.

„Нѣсколько замѣчаній о русскомъ глаголѣ въ сравненіи съ польскимъ“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1855 г., т. IV, вып. 3).

„Замѣчанія о польскомъ языкѣ“ (*тамъ же*, вып. 8).

„Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карпатскихъ горъ,“ перев. съ чешскаго (*Пантеонъ* 1855 г., кн. 5).

„Свѣдѣнія г. Подчашинскаго о польской повѣсти о царѣ Соломонѣ“ (*Извѣстія Импер. Академіи Наукъ* 1856 г., т. V, вып. 2).

„Мнѣніе г. Цегельскаго о разрядахъ глаголовъ въ польскомъ языкѣ“ („Прибавленія“ къ *Извѣстіямъ II-го отдѣленія Импер. Академіи Наукъ*: матеріалы для словаря, 1856 г., т. III, тетр. 8).

„Миллеровы записки о царствованіи Стефана Баторія“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1856 г., ч. 91).

„Новости польской литературы“ (*Русскій Вѣстникъ* 1856 г., кн. 22; 1857 г., кн. 1—24).

„Разборъ“ книги П. Безсонова: „Болгарскія пѣсни“ (*Двадцать пятое приужденіе Демидовскихъ наградъ*, Сиб. 1856 г.).

„Воспоминанія о М. И. Глинкѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 8).

„Адамъ Мицкевичъ“ (*Отечественныя Записки* 1858 г., кн. 9—12).—Отдѣльное изданіе: Сиб. 1859 г. съ портретомъ.

„О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ польскаго языка“ (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія* 1858 г., кн. 11).—Отдѣльный оттискъ: Сиб. 1859 г., 23 стр.

„Юахимъ Лелевель и его ученая дѣятельность“ (*Отечественныя Записки* 1859 г., кн. 2).

„Новые матеріалы для біографіи Мицкевича“ (*тамъ же*, кн. 4).—Отдѣльный оттискъ: Сиб. 1859 г.

„Замѣчаніе по поводу предъидущей статьи о Мицкевичѣ“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1859 г., № 168).

„Замѣтка о трехъ народныхъ польскихъ пѣсняхъ“ (*тамъ же* 1861 г., № 2).

„Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ“ (*Отечественныя Записки* 1861 г., кн. 2).—Отдѣльный оттискъ: Сиб. 1861 г., 23 стр.

„Петръ Скарга, іезуитъ и проповѣдникъ польскаго короля Сигизмунда III“ (*Записки Импер. Академіи Наукъ* 1862 г., т. I, кн. 2).

„Цанъ староста Закржевскій,“ черты старинныхъ польскихъ нравовъ“ (*Отечественныя Записки* 1861 г., кн. 7).

„Польская христоматія,“ Варшава 1872—1873 гг.

„Сосѣди славянъ,“ перев. съ чешскаго (*Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1874 г., кн. 1).—Отдѣльно: М. 1874 г., 123 стр.

„Полный словарь польскаго и русскаго языка“, Варшава 1876—1878 гг.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, П. П. Дубровскій издалъ въ пореводѣ съ польскаго языка „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XVI вѣка“, Мацѣевскаго (*Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей* 1846 г., кн. 2) и, по порученію Импер. Академіи Наукъ, перепечаталъ съ перваго изданія „Грамматику Ломоносова“ (Сиб. 1856 г.).

Егоровъ, Евгеній Андреевичъ¹⁾, родился 3 января 1803 года; учился въ Горномъ корпусѣ и въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія; выпущенный въ офицеры (1824 г.) былъ командированъ къ главному директору мостовъ и дорогъ Царства Польскаго; потомъ—завѣдующій инженернымъ округомъ въ Вильнѣ и строительною частію южныхъ военныхъ поселеній, начальникъ инженеровъ Московскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ, наконецъ—комендантъ Бобруйской крѣпости; † 1 марта въ Петроградѣ.—Ему принадлежать: „Разказы“ (*Русская Старина* 1886 г., кн. 2) и „Проектъ похода русской арміи въ Индію“ (*тамъ же*, кн. 6).

¹⁾ См. о немъ *Русскую Старину* 1886 г., кн. 2, стр. 411—413 и книгу его сына—А. Е. Егорова: „Страницы изъ прошлаго,“ Одесса 1913 г., стр. 227—254.

Заблоцкій-Десятовскій, Павелъ Пароенъевичъ ¹⁾, родной братъ Андрея Пароенъевича Заблоцкаго-Десятовскаго ²⁾, родился въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи (1815 г.); учился въ Черниговской гимназіи и въ Московскомъ Университетѣ, сначала на математическомъ, а потомъ на медицинскомъ факультетѣ, причемъ удостоился получить похвальный отзывъ за сочиніе по хирургіи: „De laesionibus. gnae amputationem requirunt, nec non de varia perficiendi illam ratione“ (1834 г.); по окончаніи курса лѣкаремъ перваго отдѣленія (1836 г.) отправился на два года врачомъ ученой экспедиціи для изслѣдованія восточной стороны Каспійскаго моря; послѣ того—докторъ медицины (1839 г.) и профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи въ Петроградѣ (1841—1870 гг.): наконецъ—членъ Медицинскаго Совѣта и Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета (1870—1882 гг.): † 2 іюля, въ селѣ Крымкахъ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.—Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Описаніе особеннаго вида паховой грыжи.“ Спб. 1844 г.

„Очеркъ исторіи патологической анатоміи,“ Спб. 1844 г.

„Врачебно-полицейскія и судебно-медицинскія изысканія объ утопленникахъ,“ Спб. 1845 г. съ четырьмя рисунками.

„Отчетъ Общества Русскихъ Врачей,“ Спб. 1845 г.

„О мѣдныхъ препаратахъ въ гигиеническомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ, и о мѣдной колікѣ,“ Спб. 1846 г.

„Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки,“ Спб. 1848 г., съ атласомъ рисунковъ.—Этотъ трудъ удостоенъ Демидовской награды.

„Разборъ“ сочиненія Пушкирева: „О душевныхъ болѣзняхъ“ (*Восемнадцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ*, Спб. 1849 г., стр. 225—245).

„О вліяніи климата на здоровье человѣка,“ Спб. 1851 г.

„Искусство продлить человѣческую жизнь“ (Макробиотика), сочиненіе Х. В. Гуфеланда, дополненное многими замѣчаніями и жизнеописаніемъ автора, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1852 г.—Второе изданіе: Спб. 1853 г.

„О болѣзняхъ челюстной назухи“ (*Военно-Медицинскій Журналъ* 1854 г., ч. LXIV, кн. 2).

„Гипрома или серозное выпотѣніе въ синовиальныя сумки“ (*тамъ же*)..

„Описаніе грыжъ,“ Спб. 1855 г., съ 55 рисунками.

„О болѣзняхъ рта и сосѣднихъ ему частей,“ Спб. 1856 г.

„Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней,“ Спб. 1857 г. съ 18 рисунками.—Этотъ трудъ удостоенъ Демидовской награды.

Зайцевъ, Варооломей Александровичъ ³⁾, сынъ чинов-

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета за 1836 годъ,“ стр. 112.—Періодическія изданія 1882 года: *Врачъ*, №№ 34, 36 и 42; *Новое Время*, № 2283; *Русскія Вѣдомости*, № 184; *Свѣтъ*, № 150.—Книга Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели,“ Спб. 1886 г., вып. I, стр. 107—109; Спб. 1888 г., вып. III, стр. 17—18.

²⁾ См. о немъ нашъ „Обзоръ,“ М. 1903 г., второе изданіе, вып. I, стр. 26—27.

³⁾ О немъ: *Современныя Извѣстія* 1882 г., № 18.—*Дѣлю* 1882 г., кн. 2. отд. II, стр. 154.—„Словари“ Брокгауза и Венгерова.—*Минувшіе Годы* 1908 г., № XI.

ника, родился 30 августа 1842 года въ Костромѣ; послѣ домашняго образованія, съ 1858 года поступилъ на юридическій факультетъ Петроградскаго Университета, но скоро перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, изъ котораго, однако, по семейнымъ обстоятельствамъ въ 1862 году вышелъ съ третьяго курса и переѣхалъ снова въ Петербургъ; здѣсь онъ занимался литературною дѣятельностью до марта 1869 года, когда уѣхалъ за-границу и жилъ тамъ до дня смерти, отдаваясь сотрудничеству въ иностранныхъ газетахъ и въ журналѣ „Общее Дѣло“ (1877 г.), переводамъ и урокамъ; † въ началѣ января въ Кларанѣ¹⁾.—Кромѣ участія въ переводѣ и редакціи „Всемирной исторіи“ (древней и средней) Шлоссера, вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ (Спб. 1861—1865 гг., двѣнадцать томовъ), имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Естествознаніе и юстиція“ (*Русское Слово* 1863 г., кн. 7).

„О стихотвореніяхъ Фета“ (кн. 8).

„Рецензіи“ о книгѣ Циммермана: „Миръ до сотворенія человѣка“ и объ „Исторіи литературы древняго и новаго міра,“ гданной А. Милоковымъ (*тамъ же*).

„Разборы“ книгъ: „Сказки братьевъ Гриммовъ,“ „Народныя сказки,“ изданныя Эрленвейномъ, „Поѣздка на Востокъ“ М. Доктурова и „Очеркъ греческой литературы“ г. Маркова—Виноградскаго“ (кн. 9).

„Гейне и Берне“ (*тамъ же*).

„Рецензіи“ о журналѣ „Вокругъ свѣта“ и о книгѣ Россмеслера: „Вода“ (*тамъ же*).

„Взбаламученный романтизмъ,“ по поводу романа Писемскаго: „Взбаламученное море“ (кн. 10).

„Рецензіи“ о книгахъ: „Князь Н. М. Долгорукій,“ М. Дмитриева и „Полное собраніе сочиненій Гейне“ въ русскомъ переводѣ Ѳ. Берга (кн. 11—12).

„Бѣлинскій и Добролюбовъ“ (*Русское Слово* 1864 г., кн. 1).

„О стихотвореніяхъ Гейне въ переводѣ А. Сѣмова“ (*тамъ же*).

„Глуповцы, появившіе въ „Современникъ““ (кн. 2).

„Библиографическій листокъ“ (кн. 2 и 3).

„Перлы и алмазныя русской журналистики“ (кн. 6).

„О трагедіи въ десяти былинахъ: „Іжедимитрій I““ (кн. 8).

„Разборъ“ изслѣдованія Костомарова: „Кто былъ первый Іжедимитрій?“ (кн. 9).

„Рецензіи“ о книгѣ С. Максимова: „На Востокъ“ и о разсказѣ Марка Вовчка: „Невольница“ (*тамъ же*).

„Славянофилы побѣдили“ (кн. 10).

„Рецензіи“ о книгахъ: „Русская женщина въ домонгольскій періодъ,“ А. Добрякова, „Сочиненія Н. Помяловскаго,“ „Стихотворенія Н. Некрасова,“ „Разсужденія и изслѣдованія“, Д. Милля (*тамъ же*).

„Послѣдній философъ—идеалистъ: Артуръ Шопенгауеръ“ (кн. 12).

„Рецензіи“ о книгахъ: „Русскія народныя сказки,“ изд. Е. Чудинскимъ, „Со-

¹⁾ По другому указанію В. А. Зайцевъ умеръ лѣтомъ 1881 года (см. „Словарь“ Венгерова, т. VI, стр. 216).

чненіи Державина“ съ примѣчавіями Я. К. Грота, „Лекціи по исторіи Западной Россіи,“ М. Кояловича и „Единство рода человѣческаго,“ Катрфажа (*тамъ же*).

„Нѣсколько словъ г. Антоновичу“ (*Русское Слово* 1865 г., кн. 2).

„Постороннему и всякимъ прочимъ сатирикамъ“ (*тамъ же*).

„Перлы и алмазны русскои журналистики“ (кн. 2 и 7).

„Рецензін“ о книгахъ: „Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ,“ К. Фогта, „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности,“ Н. Чернышевскаго и „Классическіе иностранные писатели“ (кн. 4).

„Библиографическій листокъ“ (кн. 5).

„О полномъ собраніи сочиненій Маколея“ (кн. 7).

„Разборъ“ книги Гервинуса: „Исторія XIX вѣка“ (кн. 1).

„О путешествіи по Сибири фонъ-Этцеля и Вагнера“ (*тамъ же*).

„Рецензін“ о книгахъ: „Путешествіе Ч. Дарвина,“ „Натуральность на Амазонской рѣкѣ“, Бэтса и „Критическіе этюды,“ П. Бишова (кн. 9).

„Всемирная исторія“ (новая) Шлоссера, Сиб. 1865—1868 гг., шесть томовъ, перев. подъ редакціей В. А. Зайцева.—Второе, общедоступное, исправленное и умноженное изданіе: Сиб. 1868—1871 г.

„Исторія крестьянской войны въ Германіи,“ Б. Циммермана, Сиб. 1865—1868 гг., три выпуска, перев. подъ редакціей В. А. Зайцева.

„Очеркъ литературы и культуры девятнадцатаго столѣтія,“ І. Гонеттера, Сиб. 1866 г., перев. съ нѣмецкаго.

„Исторія свѣчки,“ М. Фарадея, перев. съ англійскаго, Сиб. 1866 г.

„Новая Америка,“ В. Диксона, перев. съ англійскаго. Сиб. 1868 г.

„Испанія,“ историческій очеркъ (*Недѣля* 1868 г., № 5 и 8).

„Духовныя жены,“ В. Диксона, перев. съ англійскаго, Сиб. 1865 г., двѣ части.

„Изъ Италіи,“ корреспонденція (*Недѣля* 1870 г., № 1).

„Цезарь и его твореніе“ (*Дѣло* 1880 г.).

„Сочиненія Фердинанда Лассаля,“ перев. съ нѣмецкаго, Сиб. 1870 г.

„Ульрихъ фонъ-Гуттенъ,“ характеристика (*Знаніе* 1873 г., кн. 4 и 6).

„Современная мораль“ (*Отечественныя Записки* 1874 г., кн. 2).

„Франсуа Раблэ и его поэма“ (*тамъ же*, кн. 5).

„Воскресеніе мертвыхъ или Тэнъ о революціи“ (кн. 7—8).

„Исповѣдь старика,“ романъ П. Ньюво, перев. съ итальянскаго, Сиб. 1875 г.

„Средневѣковая демократія“ (*Дѣло* 1878 г., кн. 2—3).

„Руководство всемирной исторіи:“ древняя исторія Востока, съ четырьмя картинками, двумя таблицами іероглифовъ и клинообразныхъ письменъ и снимковъ съ древнихъ алфавитовъ. Сиб. 1879 г.

„Руководство всемирной исторіи:“ древняя исторія Запада, томъ первый—Эллинская эпоха. Сиб. 1882 г., 628 стр. съ двумя картами.

Знаменскій, Иванъ Степановичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1854 году; учился въ Нижегородской семинаріи и въ Казанской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1878 г.). былъ преподавателемъ Св. Писанія въ Полтавской

1) См. о немъ: *Церковныя Вѣдомости* 1890 г., № 25, приб., стр. 841 и „Историческую записку о состояніи Казанской Духовной Академіи послѣ ея преобразованія,“ С. Терновскаго, Казань 1892 г., стр. 42, 140, 224 и 516.

семинаріи (1878—1880 гг.), а затѣмъ, съ 1880 по 1882 годъ, помощникомъ инспектора въ родной Академіи и членомъ „комиссіи по изъясненію неудобовразумительныхъ словъ и выраженій въ пророческихъ книгахъ Св. Писанія“; † 23 августа въ Казани.—Кромѣ неизданнаго кандидатскаго сочиненія: „Книга св. пророка Іоны,“ ему принадлежали слѣдующіе печатные труды:

„Ученіе о Богѣ—Словѣ у восточныхъ апологетовъ II-го вѣка“ (*Православный Собесѣдникъ* 1882 г., ч. I, кн. 1 и 3).—Отдѣльный оттискъ: Казань 1882 г.

„Систематическій указатель статей по Св. Писанію Ветхаго и Новаго Заветовъ,“ Полтава—Казань, 1881—1890 гг., шесть выпусковъ (первый выпускъ былъ напечатанъ въ приложеніи къ „Полтавскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ;“ второй, третій и четвертый выпуски—въ прибавленіи къ „Извѣстіямъ по Казанской епархіи,“ а пятый и шестой выпуски, вышедшіе послѣ смерти составителя—въ приложеніи къ журналу „Православный Собесѣдникъ“).

Золотовъ, Василій Андреевичъ¹⁾, извѣстный педагогъ, родился въ Москвѣ (1804 г.); учился въ Ришельевскомъ Лицеѣ и въ Московскомъ Университетѣ; по окончаніи университетскаго курса, началъ свою педагогическую дѣятельность (съ 19 февраля 1824 года) и продолжалъ ее въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ; въ послѣдніе годы жизни онъ состоялъ директоромъ Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ; † 12 декабря въ Петроградѣ.—Покойный, кромѣ редактированія „Новороссійскаго Телеграфа“, напечаталъ слѣдующіе труды:

„Объ исторіографѣ Россійской имперіи Н. М. Карамзинѣ“ (*Историческій, статистическій и географическій журналъ* 1826 г., № 5, стр. 145—151).

„Французская грамматика Карла Летелье, въ пользу лицеевъ и пансіоновъ исправленная и дополненная Эннекеномъ,“ перев. М. 1826 г.

„Русская стихотворная христоматія,“ М. 1829 г., двѣ части.

„Отчетъ частнаго учебнаго заведенія Василія Золотова, послѣ открытыхъ испытаній,“ Одесса 1836 г.

„Русская азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить.“ Спб. 1856—1880 гг. (двадцать шесть изданій).

„Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и писанью съ руководствомъ для учителей.“ Спб. 1858—1879 гг. (девять изданій).

„Арифметика для начальныхъ и сельскихъ училищъ, составленная по методѣ Груббе.“ Спб. 1859—1870 гг. (восемь изданій).

¹⁾ О немъ; *Русскій Художественный Листокъ* 1860 г., № 39.—Періодическія изданія 1874 года: *Голосъ*, № 48; *Другъ Народа*, № 17; *Русскій Міръ*, №№ 4 и 59 *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 65.—Брошюра: „Пятидесятилѣтняя педагогическая дѣятельность В. А. Золотова,“ Спб. 1874 г., 15 стр.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 346.—*Народная Школа* 1883 г., № 3, стр. 38—44.—*Русская Старина* 1883 г., кн. 1, стр. 166 и 176.—*Русскій Архивъ* 1883 г., кн. 1, стр. 200—206.—„Школьное дѣло.“ Н. Бунакова. Спб. 1886 г.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Русская Школа* 1890 г., кн. 10 („Воспоминанія П. П. Вейнберга).—Брошюра И. Успенскаго: „В. А. Золотовъ,“ очеркъ изъ исторіи русской педагогики, Спб. 1914 г., 46 стр.

„Бесѣда въ учебномъ фехтовально-гимнастическомъ классѣ.“ Спб. 1859—1860 г. (восемь выпусковъ).

„Руководство къ полненію вопросовъ, выставленныхъ при упражненіяхъ въ умственномъ развитіи.“ Спб. 1860 г. Это—второй отдѣлъ приложенія къ „Таблицамъ для взаимнаго обученія чтенію и письму.“

„Міровѣдѣніе.“ Спб. 1860—1866 г. (три изданія).

„Русская азбука для нѣмецкихъ и еврейскихъ школъ.“ Спб. 1860 г.

„Поясненія къ 54 картинамъ изъ Священной исторіи Ветхаго Завѣта, рисованнымъ г. Саложниковымъ.“ Спб. 1861 г., 91 стр.

„Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова,“ съ портретомъ послѣдняго и 16-ю политипажами. Спб. 1861—1878 г. (одиннадцать изданій).

„Досужное чтеніе, пригодное для каждаго“, съ картинами. Спб. 1862—1871 г. (три изданія).

„Разказы изъ Священной исторіи Ветхаго Завѣта,“ съ 54 картинами. Спб. 1863—1864 г. (два изданія).

„Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей,“ съ замѣчаніями о ихъ жизни. Спб. 1863—1865 г. (два изданія).

„Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи.“ Спб. 1863—1871 г. (двѣнадцать изданій).

„Исслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ Тверской, Новгородской, Тульской и Московской губерній“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1863 г., кн. 12.)—Отдѣльный оттискъ: Спб. 1863 г.

„Исторія Россіи въ картинахъ.“ Спб. 1863—1867 г., шесть выпусковъ.—Послѣ того было шесть изданій этого труда, послѣднее изъ нихъ: Спб. 1872 г.

„Записка о сельской грамотности въ Могилевской губерніи“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1864 г., кн. 7).

„Наглядное обученіе: паханіе, борошеніе, жатва, молотьба, вѣтряная и водяная мельница и пекарня,“ съ девятью картинами. Спб. 1864—1874 г. (шесть изданій).

„Разказы дѣдушки Василья.“ Спб. 1865 г., шесть выпусковъ.—Второе изданіе: Спб. 1869 г.

„Первое упражненіе въ чтеніи и совѣтъ наставникамъ.“ Спб. 1867 г.—Второе изданіе. Спб. 1871 г.

„Сборникъ для упражненія въ чтеніи рукописнаго,“ литографированная тетраль съ рукописнымъ текстомъ. Спб. 1868—1887 г. (двѣнадцать изданій).

„Христіанское ученіе.“ курсъ первый. Спб. 1868 г.

„Прописи для скорописнаго почерка.“ Спб. 1868 г. (одиннадцать изданій).

„Примѣрные уроки въ сельскомъ народномъ училищѣ.“ Спб. 1870 г.

„Исторія Петра Великаго“, съ 20-ю рисунками. Спб. 1872 г.

„Пустынно-Успенское народное училище и его отдѣленіе.“ Спб. 1874 г.

„Слово къ Русскому народу дѣдушки Василья“. Одесса 1877 г., 16 стр.

Иванова, Елизавета Михайловна¹⁾, урожденная Сабашникова, помѣщала „Письма изъ Ханькоу“ (*Московскія Вѣдомости* 1873 г.) и напечатала большой трудъ, подъ заглавіемъ: „Китай“ (*Русская Рѣчь* 1881 г., кн. 8—12 и отдѣльно: Спб. 1882 г.); † 23 апрѣля 1882 года въ Миланѣ.

¹⁾ О ней: „Словари“: Русскій биографическій, Брокгауза и кн. Голлицына.—„Источники словаря“ Венгерова.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ¹⁾, уроженецъ города Казани, въ молодости торговалъ по Сибири; съ 1860 года поселился въ Ханькоу, какъ агентъ купечества и первый коммиссіонеръ русскихъ торговыхъ домовъ, а затѣмъ какъ русскій вице-консулъ; въ послѣдніе годы жизни онъ оставилъ Китай, переѣхалъ въ Москву и занималъ мѣсто директора въ страховомъ Обществѣ „Якорь“: † 14 марта 1882 года въ Москвѣ.—Покойный принималъ участіе въ составленіи книги „Китай“, изданной его женой Е. М. Ивановой (см. выше). Кроме того, ему принадлежали статьи:

„Коммерческія свѣдѣнія отъ агентовъ торгующаго въ Кяхтѣ купечества“ (*Посредникъ* 1863 г., № 42; *Акціонеръ* 1863 г., №№ 5 и 21—22).

„Русская торговля въ Ханькоу за 1871 годъ“ (*Казанскій Биржевой Листокъ* 1872 г., № 90).

Инсарскій, Василій Антоновичъ²⁾, изъ дворянъ, родился 12 апрѣля 1814 года въ Пензѣ; послѣ домашняго воспитанія недолго учился въ тамошней гимназіи и рано началъ службу въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ; изъ послѣдняго поступилъ въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ (1832 г.); затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ принялъ на себя завѣдываніе дѣлами князя А. И. Барятинскаго и управлялъ его курскими имѣніями; съ половины пятидесятихъ годовъ—начальникъ канцеляріи Кавказскаго намѣстника (1857—1862 гг.) и, послѣ четырехлѣтняго перерыва, почтдиректоръ Московскаго почтамта (1866—1872 гг.); по выходѣ въ отставку (1872 г.) жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 23 декабря 1882 года.—Онъ составилъ обширныя „Записки о своей жизни и дѣятельности“ (шесть большихъ томовъ), которыя самъ же передалъ на храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку. Изъ нихъ, еще при жизни автора, были напечатаны слѣдующіе отрывки:

„Изъ кавказскихъ воспоминаній“ (*Русскій Архивъ* 1868 г., кн. 3, 6, 7—8).

„Общество посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ“ (*тамъ же* 1869 г., кн. 6).

„Учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ“ (*тамъ же* 1873 г., кн. 4; 1874 г., кн. 8).

„Изъ записокъ 1857 года“: Дача подь Тифлисомъ—Каджоры (*тамъ же* 1874 г., кн. 2).

„Изъ быта нашихъ помѣщиковъ“ (*Русская Старина* 1874 г., кн. 2).

„Тревога въ театральномъ управленіи“. 1853 г. (*тамъ же*, кн. 10).

„Половодье“, картины провинціальной жизни ирежняго времени“, Спб. 1875 г., 493 стр.

1) О немъ: *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 84.

2) О немъ: „Словари“: Русскій біографическій и Брокгауза.—„Источники словаря“ Венгерова.—*Историческій Вѣстникъ* 1885 г., кн. 12, стр. 624—625. *Русскій Архивъ* 1891 г., кн. 12, стр. 490.

Послѣ смерти В. А. Инсарскаго, его „Записки“ въ болѣе полномъ видѣ помѣщались на страницахъ *Русской Старины* (1894 г., кн. 1—6, 11—12; 1895 г., кн. 1—4, 6—9; 1897 г., кн. 1—3) и затѣмъ вышли отдѣльно (Спб. 1898 г., два тома). Продолженіе этихъ „Записокъ“ см. въ томъ же журналѣ, начиная съ августовской книги за 1914 годъ.

Кирьяковъ, Александръ Ѳедоровичъ¹⁾, изъ духовнаго званія, родился въ 1806 году: воспитывался въ Калужской семинаріи и въ Московской Духовной Академіи; по окончаніи курса со степенью магистра богословія (1830 г.) состоялъ профессоромъ математики и еврейскаго языка въ Тамбовской семинаріи (съ августа до октября 1830 г.), церковной исторіи и греческаго языка въ Калужской семинаріи (1830—1833 гг.), гражданской и церковной исторіи, церковной археологіи, каноническаго права и французскаго языка въ Московской семинаріи (1833—1857 гг.), гдѣ былъ и инспекторомъ (1842—1851 гг.); послѣ духовно-учебной службы, съ 1857 года поступилъ въ Московскую Синодальную типографію, въ которой съ 1867 года занималъ должность старшаго справщика: † 7 декабря въ Москвѣ.—Нѣмъ напечатаны:

„Латинская грамматика“ (М. 1847 г., изданная съ инициалами автора: „А. К.“
„Chrestomathia Latina“ (М. 1861 г., три части). Этотъ трудъ былъ составленъ вмѣстѣ съ Н. Н. Аничковымъ-Платоновымъ, о чемъ см. нашу брошюру: „Новые материалы для исторіи русской духовной литературы“ (Спб. 1885 г., стр. 9).

А. Ѳ. Кирьякову принадлежало также изданіе „Греко-латинскаго словаря“ (подъ буквами „А. К.“), какъ указалъ К. А. Коссовичъ въ письмѣ къ Я. К. Гроту отъ 1847 года (см. „Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, Спб. 1896 г., т. III, стр. 745). Три письма А. Ѳ. Кирьякова къ гр. М. В. Толстому см. въ сборникѣ: „У Троицы въ Академіи“ (М. 1914 г., стр. 18—20, 24—25).

Кирѣевъ, Николай Петровичъ²⁾, изъ дворянъ, родился 31 августа 1843 года въ Зарайскѣ, уѣздномъ городѣ Рязанской губерніи: воспитывался въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и Константиновскомъ военномъ училищѣ; выпущенный поручикомъ (1863 г.) слу-

¹⁾ О немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи.“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 479 и 539.—„Московская духовная семинарія,“ очеркъ, М. 1889 г., приложение, стр. 10 и 16.—*Дѣтская Помощь* 1885 г., № 1.—„Словарь“ Брокгауза, Спб. 1895 г., т. XV, стр. 160 (съ ошибкою въ годѣ смерти).—„Книга бытія моего,“ епископа Порфирія, Сиб. 1896 г., т. III, стр. 87—88.

²⁾ См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Буцильникъ*, № 19 (съ портретомъ); *Московскія Выдомости*, № 132; *Московскій Листокъ*, №№ 124 и 125; *Современныя Извѣстія*, № 125.

жилъ въ 6-мъ Стрѣлковомъ баталіонѣ и былъ адъютантомъ начальника штаба—герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. но скоро вышелъ въ отставку и вполне отдался артистической дѣятельности: сначала онъ игралъ „характерныя роли“ на частной сценѣ въ Лѣсномъ, потомъ на подмосткахъ многихъ провинціальныхъ театровъ; съ 1872 года участвовалъ въ труппѣ тагъ называемаго „Московского народнаго театра“ на Варварской площади, а въ послѣднее время жизни выступалъ на спектакляхъ „Театра близъ памятника Пушкина;“ † 6 мая въ Москвѣ.—Покойный перевелъ на русскій языкъ пьесу: „Убійство Коверлей“ (часто игранную особенно въ провинціи), драматическій этюдъ А. Додэ: „Послѣдній кумирь“ и драму В. Сарду: „Отечество“ (не разрѣшенную драматической цензурой къ представленію). Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ газетѣ „Новости,“ гдѣ велъ библиографическій отдѣлъ, напечаталъ во „Всемирномъ Трудѣ“ повѣсть: „Генералъ“ и издалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Тайны закулисной свѣтской роли комика“ (М. 1879 г., 532 стр.).

Китаевскій, Максимиліанъ Казиміровичъ¹⁾, изъ дворянъ Петроградской губерніи, родился 25 іюня 1850 года и высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи; по окончаніи курса лѣкаремъ (1876 г.) служилъ военнымъ врачомъ при 74-мъ пѣхотномъ Ставропольскомъ полку и, участвуя въ Русско-турецкой войнѣ (1877 г.), выдержалъ знаменитую блокаду Баязета; затѣмъ состоялъ ординаторомъ при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ (1878—1882 гг.); † 12 сентября въ Петербургѣ.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи:

„Къ казуистикѣ аневризма дуги аорты“ (*Протоколы Общества Русскихъ Врачей въ Петроградѣ 1880—1881 гг.*).

„Случай резекціи рака желудка“ (*Медицинское Обозрѣніе 1881 г., ч. XVI.*).

„Гумозное пораженіе надколенной кости колѣннаго сустава“ (*Врачъ 1882 г., № 6.*).

„Случай наложенія желудочнаго свища при раковомъ суженіи пицеприемника“ (*тамъ же, №№ 37 и 39.*).

Клементовскій, Александръ Ивановичъ²⁾, сынъ профессора Московской Медико-Хирургической Академіи, родился въ

¹⁾ О немъ: *Газета Гитцука 1882 г., № 39.—Протоколы Общества Русскихъ Врачей.* Спб. 1882—1883 гг.—*Русская Старина 1885 г., кн. 1, стр. 178; кн. 2, стр. 453; кн. 3, стр. 589.*—„Русскіе врачи—писатели,“ Л. Змѣева, Спб. 1889 г., выш. IV, стр. 150.

²⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1856 годъ, стр. 11.—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1861 г., т. СХХІІІ, отд. II, стр. 859.*—*Московскія Вѣдомости 1882 г., № 189.*

Москвѣ (1822 г.); высшее медицинское образованіе получилъ въ той же Академіи, гдѣ служилъ его отецъ; по окончаніи курса лѣкаремъ перваго отдѣленія (1843 г.), состоялъ врачомъ при Ольгинскомъ дѣтскомъ приюгѣ въ Москвѣ (1843—1846 гг.), городскимъ врачомъ въ въ Трубчевскѣ (Орловской губерніи) и ординаторомъ при Орловской больницѣ (1846—1848 г.); по возвращеніи въ Москву. удостоенный степени доктора медицины (1856 г.), занималъ должности младшаго, а потомъ главнаго врача въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ (1848—1882 гг.); † 9 іюля въ селѣ Царицынѣ, близъ Москвы.—Покойный былъ однимъ изъ основателей Московскаго Общества Русскихъ Врачей, состоялъ секретаремъ этого Общества и редакторомъ его органа— „Московской Медицинской Газеты“. Подробный перечень трудовъ А. И. Клементовскаго см. въ книгѣ Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели“ (Спб. 1886 г., вып. I, стр. 145—146; Спб. 1887 г., вып. III, стр. 25—26).

Кожевниковъ, Дмитрій Александровичъ¹⁾, питомецъ IV-ой Московской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью, и первый кандидатъ Московскаго Университета по отдѣленію естественныхъ наукъ (1878 г.); затѣмъ магистръ ботаники и доцентъ Новороссійскаго Университета (1882 г.); † 11 апрѣля въ Ментонѣ отъ чахотки.—Кромѣ рефератовъ, сообщенныхъ имъ въ Импер. Обществѣ Испытателей Природы (1876—1882 гг.), онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

„Beiträge zur Flora des Tamhowschen Gouvernements“, М. 1876 г.

„Къ исторіи развитія цвѣтка въ семействѣ Araceae“, М. 1878 г., 68 стр. и двѣ таблицы.

„Очеркъ флоры Тульской губерніи, Сиб. 1880 г., 160 стр. и одна карта (вмѣстѣ съ В. Я. Цингеромъ).

„Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ цвѣтковыхъ покрововъ“, Одесса 1881 г., 199 стр. и шесть таблицъ рисунковъ (магистерская диссертація).

Козакевичъ, Павелъ Васильевичъ²⁾, произведенный въ офицеры (1832 г.), началъ и провелъ свою службу почти постоянно на Балтійскомъ морѣ; пожалованный въ чинъ генераль-маіора (1869 г.), онъ занималъ мѣсто вице-директора Гидрографическаго Департамента въ Морскомъ Министерствѣ; † 7 января въ Петербургѣ.—Ему принадлежали труды: „Объ уровнѣ Балтійскаго моря“ (*Записки Гидрограф. Департамента Морск. Министерствѣ* 1840 г., ч. VI, стр. 55—80) и

¹⁾ О немъ: „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1878 годъ, стр. 185.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 112.—Книга „Пятидесятилѣтіе Московской IV-ой гимназіи“, М. 1899 г., стр. 255.

²⁾ См. о немъ *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 11.

„О судахъ, могущихъ безпрепятственно плавать изъ Невы въ Каспійское море“ (*Морской Сборникъ* 1860 г., кн. 12).

Ламбинъ, Николай Петровичъ¹⁾, кандидатъ Петербургскаго Университета по историко-филологическому факультету (1834 г.), былъ преподавателемъ исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а позже бібліотекаремъ при Императорской Академіи Наукъ; † въ 1882 году.—Его труды:

„Исторія Петра Великаго“, Спб. 1843 г.

„О слѣпотѣ Якуна и его златотканной лудѣ,“ критико-филологическое разысканіе (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія* 1858 г., ч. ХСVIII, кн. 5 и отдѣльный оттискъ: Спб., 1858 г., 44 стр.).

„Объясненіе сказаній Нестора о началѣ Руси“, возраженіе на статью профессора Н. Костомарова: „Начало Руси“, помѣщенную въ „Современникъ“ (1860 г. № 1), Спб. 1860 г., 52 стр.

„Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ (*Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія* 1873 г., ч. CLXXIII, кн. 6 и ч. CLXXIV, кн. 7).

„Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка“ (*тамъ же*, кн. 7).

„О Тмутараканской Руси“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1874 г., кн. 1). Это—отрывокъ изъ труда автора: „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой Лѣтописи“, который былъ удостоенъ Уваровской преміи въ рукописномъ видѣ (см. Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1872 г., стр. 89—110).

„О годѣ смерти Святослава Игоревича, великаго князя Кіевскаго“, хронологическая замѣтка къ „Каспію“ (*Записки Импер. Академіи Наукъ* 1876 г., т. 28).

„Славяне на сѣверномъ Черноморьи“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1877 г., кн. 5—6; 1879 г., кн. 12).

Ландъ, Фридрихъ Ѳедоровичъ²⁾, родился въ 1815 году и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета; по окончаніи курса со степенью лѣкаря (1834 г.), онъ состоялъ военнымъ врачомъ до 1869 года; † 6 ноября 1882 года въ Темрюкѣ (Кубанской области).—Покойный много писалъ, особенно по „медицинской географіи“ и за сочиненіе: „Эккурсиі по Таманскому полуострову“ получилъ въ 1871 году премію отъ Кавказскаго Медицинскаго Общества.

Леоновъ, Алексѣй Алексѣевичъ³⁾, учитель русскаго языка въ Новочеркасской гимназіи, умеръ въ 1882 году.—Ему при-

¹⁾ О немъ: „С.-Петербургскій Университетъ“, В. Григорьева, Спб. 1870 г., стр. LXXIII.—„Словарь“ Брокгауза.

²⁾ См. „Отчетъ Московскаго Университета“ за 1834 годъ, стр. 83 и „Протоколь засѣданія Кавказскаго Медицинскаго Общества“, 3 января 1883 г.

³⁾ О немъ: „Словарь“ Брокгауза.—„Сочиненія Бѣлинскаго,“ изд. Венгерова, Спб. 1901 г., т. IV, стр. 540.—„Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, Спб. 1896 г., г. I, стр. 611.

надлежали: „Стихотворенія“ (Харьковъ 1839 г.), „Современныя пѣсни“ (Новочеркасскъ 1855 г.) и полное собраніе „Стихотвореній“ (М. 1882 г.).

Литке графъ, Ѳеодоръ Петровичъ¹⁾, извѣстный морякъ, родился 17 сентября 1797 года въ Петроградѣ; послѣ домашняго воспитанія онъ поступилъ (23 сентября 1813 года) волонтеромъ во флотилію, отправленную, подъ начальствомъ графа Гейдена, въ Балтійское море для осады города Данцига, и получилъ чинъ гардемарина; затѣмъ начинаются его морскія путешествія: сначала онъ объѣхалъ кругомъ свѣта на корветѣ „Камчатка“ подъ начальствомъ Головнина (1817—1819 гг.); потомъ въ чинѣ лейтенанта, начальствуя бригамою „Новая Земля“, изслѣдовалъ Сѣверный Ледовитый океанъ (1821—1823 гг.) и позже снова предпринялъ кругосвѣтное плаваніе, какъ командиръ шлюпа „Сенявинъ“ (1826—1829 гг.); произведенный въ контръ-адмиралы (1835 г.) и пожалованный генераль-адъютантомъ (1842 г.), былъ назначенъ воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича; награжденный за службу чиномъ вице-адмирала (1843 г.), получилъ мѣсто командира порта и должность военнаго губернатора въ Ревелѣ (1845—1854 гг.), а затѣмъ въ Кронштадтѣ (1854 г.); наконецъ—адмиралъ и членъ Государственнаго Совѣта (съ 1856 г.), президентъ Императорской Академіи Наукъ (1864—1882 гг.) и графъ (съ 1866 г.): † 8 августа въ Петроградѣ.—Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

„Наблюденія надъ магнитною стрѣлкою, произведенныя въ 1821, 1822 и 1823 годахъ“ (*Записки Госуд. Адмиралт. Департамента* 1824 г., ч. VI, стр. 19—58).

„Извѣстіе объ экспедиціяхъ къ сѣвернымъ берегамъ Сибири“ (*тамъ же*, стр. 81—119).

„Объ экспедиціяхъ въ Новую Землю“ (*тамъ же*, ч. VII, стр. 1—75).

¹⁾ См. о его юбилеѣ въ 1863 году: *Голосъ*, № 257; *Кронштадтскій Вѣстникъ*, № 110; *Русскій Инвалидъ*, № 215; *Русскія Вѣдомости*, № 15; *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 219; *Сѣверная Пчела*, № 258.—О немъ: „Портретная галерея русскихъ дѣятелей“, изд. А. Мюнстера, Сиб. 1865 г., т. I.—*Нива* 1871 г., № 28.—*Газета Гатиуки* 1875 г., № 18.—„Русскіе современные дѣятели“, изд. А. Баумана, Сиб. 1877 г., т. II.—Періодическія изданія 1882 года: *Газета Гатиука*, № 34; *Историческій Вѣстникъ*, кн. 9, стр. 678—679; *Кронштадтскій Вѣстникъ*, № 110; *Московскія Вѣдомости*, №№ 221 и 224; *Нива*, № 35; *Свѣтъ*, № 177.—*Газета Гатиуки* 1883 г., № 52.—*Морской Сборникъ* 1883 г., т. 194, № 2, стр. 101—116.—„Рѣчь объ ученыхъ заслугахъ гр. Ѳ. П. Литке“, О. Струве (*Записки Импер. Академіи Наукъ* 1882 г., т. XLIV, стр. 95—111 и отдѣльно: Сиб. 1882 г., 24 стр.).—„Воспоминанія объ ученыхъ заслугахъ гр. Ѳ. П. Литке“, Ѳ. Веселаго (*Извѣстія Географическаго Общества* 1883 г., т. XIX, № 1, стр. 1—12).—Трудъ В. Безобразова: „Графъ Ѳеодоръ Петровичъ Литке“, часть первая, 1797—1832 гг. (Приложеніе къ „Запискамъ Импер. Академіи Наукъ“ 1888 г., т. LVII, № 2 и отдѣльно: Сиб. 1888 г., 239 стр. съ портретомъ).—„Словарь“ Брозгауза (съ ошибкою въ мѣсяцѣ смерти).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Ансакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бзерь**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго**.—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ**: письма императора **Николая I**, императора **Александра II**. **Ө. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечникова**. **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Алехтина**, **Я. Полонскаго**, **гр. М. Ю. Вильгорскаго**.—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. **свящ. Н. Модестовъ**.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусификація Германіи, ея исторіи, цѣли и слѣдствія, **Барона де Бая**.—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи передекаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. **П. Юдинъ**;—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева**.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библиографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Внеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**; сообщ. **В. Крынановскій**.—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго**.—Мелочи литературнаго прошлаго, замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свинына**; Нападки на **Н. А. Полевого**; **Теньеръ** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пропавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина**.—Дѣло о сентѣ, называемой «христовщиной», кою послѣдователи оскпляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго**.—Историко-литературныя замѣтки. I. Первый клубъ въ Россіи. **М. Б.**.—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**.—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

МАРТЪ.—Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени **Государя Императора** и **Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича** Составителю и Издателю Русскаго Архива.—Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ **В. Благовидова**, Казань. 1889 г. **Д. Х.**—Письмо **Графа Николая Петровича Шереметева** къ **Алексѣю Θεодоровичу Малиновскому** и его отвѣтъ.—Расколъ въ оренбургскомъ краѣ. Историческая записка Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго **Антонія**. Сообщ. **П. Л. Юдинъ**.—Потѣшныя въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія императора **Николая I**. Сообщ. **Н. А. Военскій**.—Дѣло **Вильгельма, Барона де Бая**.—Два Имана или истребленіе дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Переписка кн. **Д. И. Долгорукаго**. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писательницъ и писателей, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**.—Библиографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ
выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многи-
ми иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обшир-
нымъ отдѣломъ „Русскаго Библиофила“ явится отдѣлъ историко-
литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неиздан-
ныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей.
Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ
воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ
продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. И. М. Долгорукова,
начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства гра-
фическаго, вмѣстѣ въ вопросахъ библиофилии и коллекціонерства
будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ
журнала. Въ библиографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги
по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь вы-
ходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться опи-
санія частныхъ собраний и библиотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪ И БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семей-
ныхъ альбомовъ и включаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній
Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографѣхъ.
Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій
многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены
рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ
воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библиофила“.

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой (за гра-
ницу 35 фр.): безъ доставки 8 руб. При подпискѣ въ конторѣ и
въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается разсрочка.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51.

*Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.
Тип.—С и р і у с ъ—Тел. 583—67.*

Редакторъ-Изд. Н. В. Соловьевъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССИИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадесятихъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ начеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платять за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Шименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА № *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* 5 коп.

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРОВСКІЙ.**

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

П. И. Барте́невъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Д-р. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

Эта полезная книжка дает текстъ сѣверной саги объ Орварь-Оддѣ, сличеніе его съ лѣтописнымъ разсказомъ объ Олегѣ, снимокъ съ автографа Пушкина и рядъ снимковъ: съ картинъ В. М. Васнецова, связанныхъ съ Олегомъ, и съ различныхъ предметовъ — славянскихъ, норманскихъ, хозарскихъ — временъ близкихъ къ Олегу, найденныхъ при раскопкахъ. Но мы не совѣтовали бы читателю вѣрить г. Линдеману на слово, когда онъ входитъ въ области языковѣдѣнія и археологін, когда онъ говоритъ о прахѣ, круговомъ ковшѣ и т. п.

А. А. ПОГОДИНЪ. проф. Харьк. ун. **Краткій очеркъ исторіи славянъ.** М. 1915. Ц. 60 к.

Авторъ усердно пишетъ популярныя книги о славянствѣ. Новая книга можетъ быть названа полезной, хоти написана не безъ послѣшности и испорчена грубыми опечатками въ собственныхъ именахъ. Изъ нея читатель получаетъ свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ Поляковъ, Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ, Болгарь. Словаки и Лужичане какъ-будто умышленно оставлены безъ вниманія.

„Нѣмецкое зло“. Сборникъ статей, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ нашей, „внутренней Германіей“. Вып. I. М. 1915. Стр. 107+5 (нен.)+4 табл. рисунковъ. Ц. 70 к.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. 15, вып. 6. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1915. Стр. 180. Содержаніе: 1668 г. Нижнего-Новгорода, Чебоксарскаго уѣзда записная книга о сборѣ оброчныхъ денегъ съ Чебоксарскихъ Черемисъ, съ полковъ, съ лавокъ, съ кузницъ. Подъ ред. **А. Я. САДОВСКАГО.**—Ц. не озн.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. 17, вып. 2. Н.-Новгородъ. 1914. Стр. 2 (нен.)+4+20+5+1 (нен.)+32+6+48+27—36. Ц. не означена.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. 17, вып. 3. Н.-Новгородъ. 1914. Стр. 2 (нен.)+6+2+2+12+3+1 (нен.)+3+1 (нен.)+33—64+1 (нен.)+14+2+3+25. Ц. не означена.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. 17, вып. 4. Н.-Новгородъ, 1914. Стр. 2 (нен.)+17+8+16+1 (нен.)+65—95+1 (нен.)+21+1 (нен.)+10+5+1 (нен.) Ц. не озн.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Люди Нижегородскаго поволжья. Вып. I. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціей члена комиссіи **В. Е. ЧЕПИХИНА.** (Ч. Вѣтринскаго). Н.-Новгородъ, 1915. Стр. 2 (нен.)+IV+50. Ц. 30 к.

1914 г. Изд. О-ва содѣйствія начинающимъ литераторамъ, ученымъ и др. Сборникъ. Пгр. 1914. Стр. 158+2 (нен.)+карта. Ц. 2 р.

Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XXVI, вып. I. Подъ ред. предс. Ком. **С. Д. ЯХОНТОВА.** Рязань, 1914. Стр. 4 (нен.)+128+32+5 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Смоленская старина. Вып. 2. Изд. Смоленск. уч. арх. ком. Стр. VIII+421+XVIII. Ц. 3 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей. Цѣна отдѣльнаго выпуска—1 р. 25 к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправлена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобы благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).